

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855396 7

*QCA

1845 v. IV 3.

39'

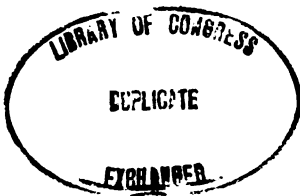
1845

* 0 1 2

Март

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ЗАПИСКИ.**

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

ОТЪЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

*Beatae plane aures, quae non
vocem foris sonantem, sed intus
auscultant veritatem docentem.*

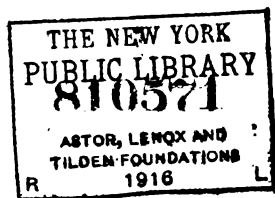
Gersonius.

ТОМЪ XXXIX.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ И. ГЛАЗУНОВА И К°.

1845.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 28 февраля 1843.

Цензоры: А. Мещеряковъ и Н. Пашковский.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ
ТАБЛИЦА
СОДЕРЖАНИЯ

ОТЧЕОТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЭЛЬЦЕНОРЪ И АНТЮНА.

(СЦЕНА.)

Соч. Гѣмо.

АНТЮНА.

Прости, и въ жизни счастливъ будь!
При всей любви моей, спокойно
Я говорю тебѣ прости!
Ты будь мое дитя родное,
Перенести разлуку я смогла бы,
За тѣмъ, что долгъ велить.
Донынѣ миѣ ты былъ послушенъ:
Учись теперь другимъ повиноваться,
Учись, чтобъ тверже,
Прійдетъ вора, — умѣлъ повелѣвать!

Эльценоръ.

Благодарю, о матеръ!
Стократъ благодарю!

Т. XXIX. — Стл. I.

Вспр. Exchange. Л. 4 С. 5/17/16.

Слѣзливость.

Антиона.

Когда меня постигло злодѣянье,
 Единственной отрадой ты предсталъ.
 Отецъ твой даровалъ мнѣ благо
 Дѣлать съ тобой и радовать первыхъ дней,
 И юности блаженныя тревоги.
 За то ему — благодаренье шлю!

Эльпеновъ.

Я о тебѣ всегда скорбѣлъ за сына,
 И горько сѣтовалъ, и часто
 Погибшаго въ объядья призывалъ, —
 Онъ былъ бы мнѣ товарищемъ по сердцу!

Антиона.

Онъ старше былъ невогимъ. Братьямъ,
 Почти въ одно и то же время,
 Наслѣдниковъ мы жены обѣщали.
 Вы родились, и лучъ надежды
 Озолотилъ нашъ отчий, древнйй домъ.
 Казалось, воскресли братья
 Для жизни новой —
 Для мудраго правленья и побѣды!

Эльпеновъ.

Оно время,
 Чудесное, воистинное время!
 Давно уже въ пылу
 Родителя доспѣхи боевые.

Антиона.

Воюеть юноша, чтобъ отдыхалъ старикъ.
 Внемли. Супругъ идетъ съ дружиной
 Смирить врага. Неумолимый,
 Онъ за море въ его предѣлы вноситъ
 Всѣ ужасы убійствъ и разрушенья!
 Но бодрствуетъ враждебный богъ. Подслушалъ
 Онъ сокровенныя моленья сердца,
 Живѣйшія желанія мои, —
 Предательски, всѣ лучшія надежды,
 Все счастье мое, какъ нѣкій злобный гений,
 Онъ подстергъ, и замыселъ свершилъ.
 Прощая, единственнаго сына
 Ввѣряетъ мнѣ супругъ:
 — Рости скорѣй, ему онъ говорить,
 Чтобъ ты на встрѣчу
 Привѣтствовалъ отца, который скоро,
 Побѣды торжествуя надъ врагомъ,
 Вернется, и ласкою отвѣтитъ
 На дѣтскій лепетъ твой. — То было
 Кичливое благословенье!

Эльпидоръ.

Одуреваясь ли отъ взгляда одного,
Отъ слова ль твоего мужаяся и враню, —
Въ печали ты своей
Равно всецѣльна надо мною!

Антиона.

Супругъ мой палъ, предательски сраженный
Среди его прославленныхъ побѣдъ.
Въ несчастную годину ту, ни въ день,
Ни въ ночь, отъ слезъ не осушались
Мои глаза: надъ сыномъ плавать,
Держать въ объятяхъ сына, —
Единственной отрадой было мнѣ!
Последняго лишиться,
Его отдать — не въ силахъ я была,
Не въ силахъ и теперь!
Предъ горестью неизреченной
Ничегого я...

Эльпидоръ.

Остановись, и въ сердцѣ
Хоть малое, мнѣ также мѣсто дай!

Антиона.

О, легковѣрная жена!
Сама свои надежды сокрушила!

Эльпидоръ.

Безвинная, себя ты обвиняешь

Антиона:

О, слишкомъ-дорого мнѣ платилъ,
За легкую ошибку иногда!
Желая мнѣ доставить утѣшенье,
Сестра меня просила, съ сѣноюъ
Прійхать къ ней. Воспоминавъ,
Взаимное участіе и дружба
Сулили мнѣ бальзамъ на язву сердца.
Я согласилась — и навѣки
Утратила послѣднее мое!

Эльпидоръ.

Но гдѣ и какъ свершилось злодѣянье?

Антиона.

Ты берегомъ морскимъ дорогу знаешь?
Она, казалось, отъ враговъ
И отъ разбоя безопасна.
Прислуга въ небольшомъ числѣ,
Да женщина одна была со мною.

Словесность.

При взвѣдѣ на гору, ты помнишь, есть сила:
Ее со всѣхъ сторонъ широкими вѣтвями
Столѣтній дубъ накрылъ; а въ сторонѣ,
Сквозь тернъ и камни,
Вѣжитъ родникъ. Подъ дубомъ,
Остановились мы, и слуги разошлись,
Тотъ въ лѣсъ за медомъ,
Тотъ къ морю за водою,
И кто куда, — какъ вдругъ,
Со всѣхъ сторонъ убійцы показались!
Ближайшіе рабы спѣшатъ на помощь,
И безоружные съ толпой вооруженной
Вступаютъ въ бой; но дорого злодѣямъ
И жизнь свою и вѣрность продаютъ!
Воинца палъ съ дружина, кони
Почули свободу, словно буря,
Помчали насъ, — и, пропасти минуя,
Надъ пропастью остановились мы!
Настигнувъ насъ, убійцы полагали
Легко своей добычей овладѣть.
Но лишь теперь, но пуще возгорѣлась
Упорная борьба. Съ отчаяніемъ львицы,
Сокровище обороняя,
Въ неразрѣшимыхъ узахъ —
Въ объятыхъ матери сжимаю я его!
Собою спутница насъ вмѣстѣ прикрываетъ,
Но падаетъ сраженная мечомъ!
Случайно ли, съ намѣреніемъ, не знаю,
Ударъ по головѣ меня лишаетъ чувства,
И съ нимъ, — я сына оставляю
На производъ врагамъ!

Эльдинокъ.

Я живо васъ воображаю.
Я слышу зовъ: разбой! спасите!
И горячо, на правую защиту,
Сжимается рука!
Но для чего жь, оплошныя рабы,
Недѣльные! вамъ было разойтись?
Знать боги къ нимъ неблагоклонны!
Не правда ли: кто ихъ любовью възвѣсляетъ,
Того они невинность охраняя,
Передъ лицо опасности ведутъ?

Антиона.

По той стезѣ они вели Язона,
Тезею тотъ указывали путь!
Опасность нищетъ благородныхъ,
Геройская душа ее встрѣчаетъ,
И ихъ союзъ навѣки заключаетъ! —
.....
.....

Сосѣди пастухи нашли меня случайно
И возвратили въ домъ.
Я содрогнулась, мной ужасъ овладѣлъ,
Когда опомнилась...
Великолѣнные чертоги мнѣ казались
Юдолюю страданія и слезъ —
Да и теперь, какъ вспомню, горе
Желѣзными перстами сердце рветъ!

Эльценовъ.

И ты не знаешь
Висовника, злодѣя твоего?

Антиона.

Отецъ твой разослалъ гонцовъ повсюду,
Я стала приходять въ себя,
И, помнится, по мѣрѣ какъ сама,
Ко мнѣ два друга приходили:
То было бѣшенство и съ нимъ его сестра —
Неумолимая, родная сердцу злоба!
Увы, оружіемъ умалишенныхъ только
Злодѣя и преслѣдовать могла!
Вотще я громы призывала,
Вотще всѣ бѣдствія звала я на него!
Есть въ мірѣ зло: оно незримо ходитъ,
Едва замѣтное, чтобъ тѣмъ вѣрнѣе
Нанести ударъ —
И если равъ кого постигнетъ,
Немощицею дѣйствуетъ оно!
Напрасно я зывала, боги!
Сберите это зло, повсюду, гдѣ отъ вѣка,
Въ пучинахъ ли морскихъ, или въ нѣдрахъ горъ,
Сокрытое, оно ветромъ лежить:
Въ правдивыя его приплате длани
И, ставъ лицомъ, въ лицо злодѣю бросьте!
Ужасное со мною совершилось,
Проклятыяи жила моя душа,
Одни проклятія изъ устъ моихъ грехѣли!

Эльценовъ.

Блаженъ!
Блаженъ трикраты смертный,
Которому исполнить суждено
Души твоей горячія желанья!

Антиона.

Благодарю, мой сынъ!
Судьба моя съ твоею нераздѣльна.
Всемли жъ: отъ матери и мужа
Наслѣдовала я богатства
Несметныя. Со всѣхъ сторонъ, толпою,
Стекались витязи искать моеи руки.

Я медлила, я въ тайнѣ мысль питала —
 Вдовицей жить, вдовою умереть,
 Занѣ желаніе супружней тѣни
 Остаться вѣрною, всегда мнѣ освѣщало
 Печальный жизни путь!
 Но женщина, мірскимъ дѣламъ чужая,
 Уже была готова покориться
 Необходимости —
 И къ твоему отцу въ ту пору,
 Приѣхала на совѣщанье:
 Любишь его, признаться, не любила,
 Но читла въ немъ расчетъ и здравый умъ.
 Мы встрѣтились, и съ той минуты
 Тебѣ я сердце отдала!

Эльпеноръ.

О, живо помню я!
 Лишь ты вошла, я мячъ закинулъ
 И бросился къ тебѣ!
 Особенно меня плѣнилъ твой поясъ
 Съ изображеньями чудовищныхъ звѣрей;
 Указывая ихъ, ты громко называла
 Поочереди всѣхъ. И я былъ такъ доволенъ,
 Что не разстался бы...
 Вещица славная, скажу я и теперь!

Антиопа.

Ты пробудилъ, ты мнѣ тогда напомнилъ
 Давно-прошедшее. Въ тебѣ я мнила видѣть
 Желанное дитя!
 И мысленно себѣ я говорила:
 Такимъ онъ мнѣ въ мечтахъ являлся,
 Такимъ себѣ воображая,
 Въ завѣтной хранилѣ наслѣдственнаго дома,
 На кресла праотцевъ сажала я его!
 Такимъ его желала бъ видѣть,
 Руководить, — и средь ученья,
 Или забавъ, на смѣлые, живые,
 Вопросы мальчика, увы, мой сынъ, напрасно,
 Разумнымъ словомъ отвѣчать мечтала!

Эльпеноръ.

И этимъ всѣмъ възискала ты меня!

Антиопа.

«Вотъ онъ!» шепнулъ мнѣ тайный голосъ,
 Когда, обнявъ твою головку,
 Цалуя въ очи и въ уста,
 Я съ тихой радостью взирала на тебя!
 Рѣзовъ, лицомъ открытъ и свѣтелъ,
 Какъ солнце вешнее, прекрасенъ юный ликъ...
 «Вотъ онъ» — мнѣ сердце повторило, —

« Не твой, но рода твоего!
И если бы на зовъ твоихъ моленій,
Изъ камня дикаго его сложили божь,
Сынъ сердца — онъ твой сынъ! »

Эльпиноръ.

Съ минуты той не разставался мы!

Антиона.

Меня ты искалъ, полюбилъ!
Бывало, явля за тобою
Прійдетъ вѣсти ко сну обычной чередой,
А ты ни съ мѣста, —
Рученьками мнѣ шепчу обовѣшь
И грудью въ грудь вопьешься какъ близнецъ!

Эльпеноръ.

И, какъ теперь, я помню радость
Когда смирался съ тобой!

Антиона.

Отецъ твой былъ неумолимъ:
— Мнѣ поручи дитя, сказала я: покуда
Его для подвиговъ не вызовутъ гѣта,
Я сберегу его, какъ собственнаго сына,
И цѣлю моихъ желаній будетъ онъ!
Всѣмъ сонскателямъ руки, я въ ту жь минуту,
Пошлю отказъ. Умру вдовицей,
Сокровища мои, по завѣщанью,
Отдамъ ему. —
Такъ говорила я, покуда твой отецъ
Разсчитывалъ. — Возьми, вскричала я,
Возьми богатые сосѣдни острова!
Умножь свои владѣнья! Ради сына
Моиши управляй! —
Последнее поправилось ему:
Онъ согласился. Жажда власти
И честолюбіе нѣмъ двигали всегда!

Эльпеноръ.

О, не кори его!
Богородобнымъ быть — возвышенное чувство!

Антиона.

Ты сталъ моннъ. Вскормила я тебя.
Любовь связала насъ. Но съ нею и надежду,
Мою надежду я вложила на тебя!

Эльпеноръ.

О, если бы я могъ!...

Слассмоста.

Антиона.

Не ту надежду, что собою
Питаешь дух и сердце веселить,
Когда въ осенній дождь, оставленные солнцемъ,
Мы гдѣ красное ожить къ себѣ воземъ,
И мысленно, суровое ненастье
Скинемъ зеленю любвицы-весны...
О нѣтъ, меня несчастье неказало,
Обезобразило желанія мои,
И съ жадной мести жажду разрушенъя
Во нѣтъ загло!

Элькиноръ.

О, не скрывай, молю, скажи мнѣ все!

Антиона.

И часъ насталъ. Мой сынъ, выслушай же!
Съ младенчества я прорѣкла въ тебѣ
Прямой души отважное стремленіе,
И мужество, и чувствъ возвышенный пометъ!
Я радостно себѣ сказала: «онъ!
«Онъ мой! Онъ посланъ мнѣ судьбою
«Поборникомъ кровавой мести
«За зло, которое сгубило жизнь мою!»

Элькиноръ.

Не уснокоюя, покуда не открою
Винownika, убійцу твоего —
И страшень будетъ голосъ мести
Надъ обезславленной, преступной головою!

Антиона.

Клянись и обѣщай
Предъ алтаремъ родительскаго дома,
Гдѣ боги молодость взлелеяли твою:
Осиротѣлые, оставленные боги,
Они винмають намъ.

Элькиноръ.

Я чту боговъ, и да въ благодаренья
Готовъ всегда безсмертнымъ явиться.

Антиона.

Печаль удручаетъ
Великую душу
Безсмертныхъ боговъ,
Когда потухаетъ
Съ послѣдней надеждой
Послѣдняя жемра
На старомъ, отъ гнѣва
Иль гнѣвно служившемъ,

Земномъ алтарѣ,
 И тщетно небеснымъ
 Дышаніемъ свяще
 Они раздувають
 Освятокъ возгъ,
 Какъ синее пламя,
 На угольяхъ тощихъ,
 Не всыхнеть живою
 Струею огня,—
 Така явля чужое
 Собой не замѣнить
 Илъ искони-милей,
 Любезной семьи!

Но, вѣнчъ молельницъ Антионы,
 Сочувствуя страданіямъ моимъ,
 Они, склонивъ главы священны,
 Съ надеждою взираютъ на тебя!
 И не прегать, когда взываю:
 Товарищъ! мстиво мнѣ явнися
 Передъ святымъ, домашнимъ алтаремъ!

Эльвигоръ.

Я твой! я твоего велѣнья ожидаю!

Антиона.

Всюду разославъ свою дружину,
 Изъ конца въ конецъ земли далекой,
 Рыщетъ грозная богиня мести:
 Не скрывается ли гдѣ преступникъ,
 Обреченная проклятью жертва?
 Встрѣтились,—проходитъ мимо, молить,
 Втайнѣ наслаждался мученьемъ
 Предстоящей казни надъ злодѣемъ.
 Видитъ, какъ, напрасно ухищряясь,
 Изъ дѣрца во храмъ, изъ храма въ стени,
 Торопливо опъ съ собой уносить
 Преступленій тяжкое сознанье.
 Такъ болящій, на одрѣ убогомъ,
 Съ-боку-на-бокъ ищетъ облегченья.
 Вѣтеръ едва-замѣтный шелесть
 На него наводитъ страхъ и ужась!
 Видитъ все, и долго, долго медлитъ;
 Вотъ они лицомъ сошлись,—горе!
 Предъ ея большимъ, державнымъ окомъ
 Робкая душа опѣнѣла,
 Сердце сжалось, и теплою кровью
 Черная струя, отхлынувъ, трижды
 Въ жилахъ смертныхъ холодомъ застыла!—
 — Такъ и ты, мой сынъ, предъ нимъ явися,
 Если нѣкогда меня услышатъ боги
 И перстомъ укажутъ на убійцу:

Словесность.

Перечти ему протяжнымъ словомъ,
Четко въ лысый черепъ ударяя,
Всѣ мои страданья, и наполни
Зломъ нестошнымъ злую душу!
Чувства жалости и состраданья,
Спутники благіе воли царской,
Скройтесь дальше! чтобы сердцемъ добрый,
И желая, ты не могъ коснуться
Ихъ спасительной руки. Клянися,
Здѣсь предъ алтаремъ, клянися исполнить
Всѣхъ моихъ желаній кругъ обширный!

Эльзениоръ.

Я радъ! Клянуса!

А. СТРУГОВЩИКОВЪ.

ВОТЧИИЪ.

Романъ Шарля Бернера.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ИЛИ ПОСЛЕДОВАНИЕ.

—

I.

Зять и шуринъ.

Фальконé, вошедъ въ комнату, занятую имъ только за нѣсколько часовъ, не тотчасъ сѣлъ за небольшое бюро у окна и не тотчасъ принялся за письма; прежде онъ подошелъ къ зеркалу надъ каминомъ и поглядѣлся въ него съ самодовольнымъ видомъ.

— Баронъ Фальконé! проговорилъ онъ вдругъ громко и съ emphasisомъ, какъ опекунъ Резины говоритъ: «докторъ Бартоло!»

Можетъ-быть, это пріятное созерцаніе было бы продолжительно; но въ ту минуту, когда желѣзнодорожникъ начиналъ уже находить, что у него довольно-аристократическая осанка и лицо совершенно баронское — дверь въ комнату отворилась безъ предварительнаго звѣщенія.

Ему стало нѣсколько стыдно, что его застали въ положеніи, приличномъ больше молодой кокеткѣ, чѣмъ кривому мужчине въ лѣтахъ; онъ быстро обернулся, и готовъ былъ сказать какую-нибудь грубость челоуку, осмѣлившемуся подстеречь его такъ неделикатно. Но слова замерли на губахъ его, и онъ остановился въ изумленіи, увидя на порогѣ своего зятя.

Кто видѣлъ Жоржа Брусселя наканунѣ, съ яростью во взорѣ, ругательствами на языкѣ, съ книжкой въ рукѣ, бросившагося

какъ тигръ на врага своего, чтобъ его трупомъ обогатить кладбище, оскверненное нечестивымъ бѣшенствомъ— тотъ едва-ли узналъ бы этого звѣря въ человѣкѣ тихомъ, спокойномъ и совершенно-владѣющемъ самимъ-собою, который вошелъ теперь въ комнату. Эта перемѣна можетъ быть объяснена немногими словами.

Жоржъ Бруссель принадлежалъ къ числу людей съ сильною организаціею, которыхъ природа какъ-будто вооружаетъ съ особеннымъ стараніемъ, имѣя въ виду, что имъ прійдется тяжело бороться съ жизнью. Въ немъ была и энергія, наносящая удары, и ловкость, отражающая ихъ. Первое движеніе его было всегда порывисто, но тотчасъ же являлась и реакція; въ-слѣдъ за неукротимою вспышкой горячаго темперамента возвышалъ голосъ свой расчетъ сильнаго, положительнаго ума, и Бруссель подчинялся подъ конецъ исключительно ему. Самую сильную страсть могъ онъ прикрывать по нуждѣ лицемѣріемъ, этими ножнами, которыя скрываютъ лезвіе шпаги, не притупляя его, когда расчетъ этого требуетъ.

Обращенныя на добро и очищенныя цѣлью, такія качества были бы достойны похвалы. Но направленные на зло, по волѣ этой невѣроятной судьбы, какъ-будто невидимо витающей надъ иными существами, они должны были привести къ самымъ несчастнымъ послѣдствіямъ.

«Кто не умѣетъ притворяться, тотъ не умѣетъ царствовать», сказалъ одинъ государь, знавшій дѣло. Ту же аксіому и также вѣрно можно приложить и къ искусству мстить за обиды. Убѣжденный въ этой истинѣ, Бруссель рѣшился дать созрѣть мести своей во тьмѣ, чтобъ она была вѣрною и полною местию.

— Убить врага вдругъ, однимъ ударомъ, когда онъ не успѣлъ еще и одуматься, значить ли это наказанъ его? думалъ Бруссель. — Нѣтъ! Это годно развѣ для животнаго, которое не можетъ противиться инстинкту, бросающему его на его жертву. Человѣкъ, если не лишень разсудка, какъ животное, долженъ поступать иначе. Впрочемъ, мсье Лобленъ стоитъ того, чтобъ выдумать для него что-нибудь.

Жоржъ тотчасъ составилъ планъ, успѣхъ котораго казался ему несомнѣннымъ, и появленіе его въ комнатѣ Фальконэ, который этого вовсе не ожидалъ, имѣло только цѣлью обезвечить исполненіе этого плана.

— Господинъ Бруссель, кажется? сказалъ Фальконэ въ отвѣтъ на поклонъ зятя. Лицо его, только-что улыбавшееся, вдругъ выразило очень-непріятное удивленіе, чтобъ не сказать самую явную досаду.

Не смущаясь ледяною холодною приѣма, Бруссель притворилъ

двери и подождать къ шурину съ важнымъ видомъ и съ какою-то уверенностью.

— Господице Фальконэ! сказалъ онъ ему очень-спокойно:— вотъ уже семь лѣтъ, какъ мы не только не въ дружественныхъ, но можно сказать во враждебныхъ отношеніяхъ; только рѣшительная необходимость могла меня заставить прійти къ вамъ.

Железнодорожникъ замѣтилъ всего больше въ этомъ приступѣ слова: «рѣшительная необходимость». Онъ тотчасъ же заключилъ, что Брюссель явился къ нему занять денегъ; всѣмъ было известно, что Брюссель уже нѣсколько лѣтъ терпитъ нужду, и предположеніе Фальконэ было довольно-основательно. При этой мысли, лицо скряги, и безъ того мало-привлекательное, нахмурилось до безобразія.

— Если вы пришли просить у меня денегъ, напрасно трудились, сказалъ онъ ему грубо.— У меня нѣтъ денегъ ни для васъ, ни для кого-нибудь другаго.

— Успокойтесь, отвѣчалъ Жоржъ съ улыбкою кроткой ироніи.— Я знаю, вашъ сундукъ за тремя замками, и попросить васъ открыть его — была бы глупость. Къ тому же, вы ошибаетесь насчетъ моего положенія и намѣреній; деньги у меня есть, а еслибъ пришлось занимать, къ вамъ обратился бы я къ послѣдному.

Хотя эти слова и могли бы успокоить железнозаводчика, но лицо его нѣсколько не прояснилось: на немъ все еще выражалась угрюмая недоверчивость.

— Такъ, можетъ-быть, если вы такъ богаты, чего я, признаться, не думалъ, можетъ-быть вы пришли возобновить любезное предложеніе, которое вы сдѣлали мнѣ, когда я имѣлъ честь назваться вашимъ зятемъ?

— Какое предложеніе?

— Быть со мною въ компаніи. Не за этимъ ли вы пришли?

— Еще разъ вы совершенно ошибаетесь, отвѣчалъ Жоржъ, очень-спокойно.— Все предпріятія мои до-сихъ-поръ удавались такъ много, что я вѣжливому и благоразумному не затѣвать больше ничего. Словомъ, я отказался отъ дѣлъ, и такъ рѣшительно, что еслибъ вы предлагали мнѣ теперь быть вашимъ товарищемъ въ торговлѣ железомъ, теперь отказался бы я къ свою очередь.

Фальконэ недоверчиво покачалъ головою, и зять его не пропустилъ бы этой дерзости, еслибъ не думалъ исключительно о своей вѣсти. Онъ рѣшился снести все, лишь-бы достигнуть цѣли.

— У васъ есть деньги, хотя вы и отказались отъ дѣлъ? продолжалъ Фальконэ сардоническимъ тономъ:— изъ этого я заключаю, что вы нашли какой-нибудь кладъ. Поздравляю васъ отъ всего сердца. Положеніе человека, живущаго своими доходами и не обя-

занятого убивать себя для этого трудомъ, какъ морилаъ себя я; въ продолженіи сорока лѣтъ, такое положеніе всегда казалась мнѣ блаженнѣйшимъ на землѣ. Счастливы вы, что вамъ стѣбало только отворить двери Фортуны, тогда-какъ другіе бѣгутъ за нею сломя шею, — участь, которая ожидаетъ меня, можетъ-быть, завтра.

Бруссель выслушалъ это насмѣшливое поздравленіе даже не моргнувъ, и отвѣчалъ на него только спокойною улыбкою.

— Но, продолжалъ Фальконэ, внутренно задѣтый этимъ неколебимымъ равнодушіемъ, недоступнымъ для самыхъ острыхъ стрѣлъ его проны: — все это не объясняетъ мнѣ, чему я обязанъ неожиданною честию видѣть васъ у себя. Прошу васъ сказать, что привело васъ сюда?

— Дѣло важное, необыкновенное, нетерпящее отлагательства, отвѣчалъ Бруссель какъ-можно-торжественнѣе: — и если вы не ударены сверхъ-естественнымъ ясновидѣніемъ, то вамъ невозможно, не говоря уже отгадать это дѣло, но даже составить себѣ какое-нибудь о немъ понятіе.

— Я нисколько не имѣю притязаній на талантъ колдуна, грубо отвѣчалъ Фальконэ: — но за то я знаю, что мнѣ еще до обѣда надѣ написать писемъ пять или шесть. Итакъ, къ дѣлу.

Бруссель съ минуту смотрѣлъ на своего шурина проникательнымъ взоромъ.

— Не дальше, какъ сегодня утромъ, сказалъ онъ медленно: — когда вы пріѣхали въ Парижъ, вы не имѣли никакой охоты возобновить дѣло о бракѣ вашей дочери съ г. Лобпенюмъ.

— Кто вамъ это сказалъ? спросилъ Фальконэ, будучи не въ состояніи вполне скрыть своего удивленія. — Не негодяй ли Рене?

Бруссель дѣйствительно узналъ все подробно отъ Рене, но счелъ за лучшее не признаться въ этомъ.

— Я только мелькомъ видѣлъ Рене въ послѣдній пріездъ его, отвѣчалъ онъ холодно. — Но позвольте мнѣ продолжать. Сегодня утромъ, говорю я, когда вы пріѣхали въ Парижъ, вы считали свадьбу вашей дочери съ Лобпенюмъ окончательно-несостоявшеюся. Не такъ ли?

— Правда; но изъ чему это вступленіе и куда ведетъ оно?

— Вышедши изъ турецкой отели, немножко спустя послѣ пріѣзда, продолжалъ Бруссель: — вы встрѣтили на Виршевой-Площади шарки за де-Рокфеля, который ожидалъ васъ тамъ уже около получаса.

— Рокфель ждалъ меня на площади! воскликнулъ Фальконэ, взумленный въ другой разъ.

— Около получаса, какъ я сказалъ вамъ. Естественно, вы сочли эту встрѣчу случайною, тогда какъ на-самомъ-дѣлѣ она была след-

стѣмъ расчета, котораго цѣль и важность вы сейчасъ узнаете. Старый скряга опустилъ голову и, казалось, задумался.

— Еслибъ и такъ? сказалъ онъ наконецъ сквозь-зубы. — Искать лучшее средство найти другъ друга.

— Конечно, замѣтилъ Бруссель, слышавшій этотъ родъ монолога: — но въ подобномъ дѣлѣ, если одинъ ищетъ другаго, потому, что интересуется этимъ, онъ долженъ откровенно въ томъ признаться. Иначе, о намѣреніяхъ его позволено судить по іезуитизму его поступковъ.

Фальконэ опять наклонилъ голову, какъ человекъ, который начинаетъ бояться, что его одурачили.

— Послѣ минутнаго разговора, продолжалъ Жоржъ: — Рокфелъ уговорилъ васъ ѣхать къ сестрѣ его, госпожѣ де-Лобпенъ, и самъ отвезъ васъ въ своей каретѣ.

— Что за чортъ! воскликнулъ Фальконэ: — отъ кого вы узнали всѣ эти подробности?

— У графини вы пробыли минутъ сорокъ; Рокфелъ довелъ васъ обратно до воротъ отели, и въ шесть часовъ опять за вами заѣдетъ, потому-что вы обѣдаете вмѣстѣ.

На лицѣ желѣзнодорожника изобразилось удивленіе, котораго онъ теперь не старался даже и скрыть.

— Теперь, кажется, ясно, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія: — что открытый вами кладъ есть не что иное, какъ славная должность, предоставляющая въ ваше распоряженіе всѣхъ парижскихъ шпионовъ. Если бѣ тутъ не замѣшалась полицейская чертовщина, какъ могли бы вы съ такою точностью узнать все, что я дѣлалъ въ эти два часа? Все, что вы говорили, съ начала до конца, страшно-вѣрно. Держу пари, что вы можете сказать мнѣ даже, кто кого пригласилъ обѣдать: я Рокфелъ, или онъ меня.

— Рокфелъ пригласилъ васъ, отвѣчалъ Бруссель. Зная грязную скупость шурина, онъ произнесъ эти слова съ такою увѣренностью, какъ-будто въ-самомъ-дѣлѣ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣхъ полицейскихъ шпионовъ, или, еще лучше, нечистую силу.

— Это изумительно! сказалъ Фальконэ, совершенно-озадаченный.

— Теперь, продолжалъ Бруссель, пользуясь удачнымъ впечатлѣніемъ, сдѣланнымъ на старика: — что произошло въ эти два часа? Позвольте рассказать вамъ?

— Расскажите! отвѣчалъ желѣзнодорожникъ. — И если вы не ошибетесь, я сознаюсь, что въ васъ еще больше дьявольщины, чѣмъ я думалъ до-сихъ-поръ; а этимъ много сказано.

Не останавливаясь на неумѣстности такого complimenta, Жоржъ продолжалъ рѣшительнымъ тономъ, въ которомъ слышалась еще вѣсѣлье:

— Конечно, вы человекъ тонкій, ловкій, благоразумный, и васъ провести мудро; но сегодня нашла кѣса на камень.

— Какъ? прервалъ его Фальконё.

— Такъ, нашла; я говорю объ этой старой ханжѣ, которая звется графиней де-Лобленъ, и этомъ старомъ вахтмейстрѣ, по имени маркизъ де-Рокофль. Сегодня дворянство побѣдило мѣщанство, а этого давно съ нимъ не случалось. Впрочемъ, и те сказать, — споръ былъ неровенъ: двое противъ одного.

— Какой споръ, и что вы хотите сказать? спросилъ Фальконё съ явною досадою.

— Не скажете ли вы, что проектъ брака вашей дочери съ Лобленомъ не возобновленъ сегодня?

— Зачѣмъ не сказать истины?

— И такъ, вы пріѣхали въ Парижъ съ рѣшительнымъ намереніемъ не выдавать своей дочери за этого любезнаго дворянчика, а черезъ четыре часа образъ вашихъ мыслей совершенно поизмѣнился?

— Что вамъ до этого за дѣло? сухо отвѣчалъ старикъ.

— Между нами будь сказано, я предполагалъ въ васъ большое характера, сказалъ Брюссель саркастическимъ тономъ.

— Повторяю, что вамъ до этого за дѣло? Мнѣ угодно выдать дочь мою за Лоблена; это никакъ не касается до васъ, и вамъ ничего въ это мѣшаться.

— А можетъ-быть!

— Какъ можетъ-быть? Эта шутка пласковата...

— Это вовсе не шутка.

— Такъ вы намерены противиться этому браку? съ презрѣніемъ спросилъ Фальконё.

— И еще больше, — отвѣчалъ Брюссель равнодушно.

— Говорите же, чертъ возьми! вскричалъ желваковосводчикъ изъ себя.

— Я намеренъ уничтожить эту свадьбу.

— Уничтожить? Вы съ ума сошли, любезнѣйшій! Какъ же вы, маркизъ, за это приметесь?

— Очень-просто. Я докажу вамъ, что человекъ, которому вы отдаете руку своей дочери, негодяй и подлець.

— Лобленъ негодяй и подлець! воскликнулъ Фальконё, взумленный до крайности.

— Фальконё! сказалъ Жоржъ съ важнымъ, торжественнымъ волненіемъ, однимъ изъ лучшихъ оружій лицемерства: — семь лѣтъ отдавало насъ другъ отъ друга недоразумѣніе, не разъ мною оплакиваемое. Но если бъ даже изъ друзей, какими мы были когда-то, мы бѣдѣлись смертельными врагами, я не могу вовсе

забыть старинную дружбу и не подать вамъ рукъ, когда вы готовы упасть въ бездну. Выслушайте же меня; потому вы скажете правду я, или лгу, называя Лоблена негодяемъ и подлецомъ.

Фальконэ, давно уже до глубины понявший своего зятя, не чувствовалъ къ нему ни любви, ни уваженія; напротивъ, онъ зналъ по опыту, что увѣреніямъ этого опаснаго человека нельзя вѣрить безотчетно, что довѣрять ему—значитъ впасть въ обманъ. Онъ разсуждалъ обвиненія Брюссэла съ колебаніемъ, готовымъ превратиться въ совершенное невѣріе.

Обвиненія было, однакоже, такъ важно само-по-себѣ и высказывало съ такою энергическою увѣренностью, что старикъ, если и не встревоженный, то по-крайней-мѣрѣ очень-заинтересованный, самъ до сама-вѣрѣ онъ не садился, боясь, чтобъ зять не воспользовался зѣвнъ для продолженія своего повѣщенія. Онъ указалъ ему на стулъ и просилъ изъясниться.

Брюссэлъ сѣлъ въ свою очередь.

— Прежде всего, сказалъ онъ съ чувствомъ, можетъ-статься, поддавленнымъ—позвольте мнѣ въ немногихъ словахъ упомянуть о прошедшихъ годахъ печали и скорби, горькое воспоминаніе о которыхъ бушеетъ, я это чувствую, тяготѣть надъ остаткомъ дней жизни. Съ того самаго дня, когда я противъ вашего желанія женился на вашей сестрѣ, я надѣлалъ много тяжелыхъ ошибокъ и преступковъ. Но кто же изъ смертныхъ никогда не ошибался? Кто, обращаясь съ вопросомъ къ совѣсти своей, увѣренъ, что не получитъ въ отвѣтъ упрека?

— Что вы кляпывались! подумалъ Фальконэ, съ удивленіемъ поспирывая на зятя.

— Я былъ неправъ и первый сознаюсь въ томъ, продолжалъ Брюссэлъ съ тѣмъ же чувствомъ:—но безпристрастная справедливость признала бы меня, можетъ-быть, не столько преступнымъ, сколько несчастнымъ; можетъ-статься, она обвинила бы рокъ, который сбавляется иногда, разстроивая проекты самые обдуманые, разрушая надежды самыя основательныя...

— Рокъ!.. прекрасная выдумка... занятая у Грековъ, пробормоталъ желѣзнодорожникъ.

— Я не стараюсь оправдаться наперекоръ истинѣ, продолжалъ Брюссэлъ съ достоинствомъ. Въ числѣ преступковъ, въ которыхъ я себя увѣренъ, одинъ особенно считаю я непрощительнымъ. Я долженъ былъ ослѣпить жену мою, — это было моею первою и единственною ошибкою, и этого долга я не исполнилъ въ надлежащей степени,—я долженъ признаться въ этомъ, не потому, чтобъ я самъ былъ несчастливъ...

— Что, вы разыгрываете комедію, что ли? грубо прервалъ его

Фальконé.—Что за бѣсъ укусилъ васъ? знаете ли, въ эту минуту вы мнѣ очень напоминаете черта, который, говорятъ, на старости лѣтъ сдѣлался честнымъ,—и сходство тѣмъ разительнѣе, что вы странно постарѣли съ-тѣхъ-поръ, какъ мы видѣлись съ вами въ послѣдній разъ.

— Утраты, горе и—почему не высказать всего?—угрызения совѣсти не молодятъ, отвѣчалъ Жоржъ, какъ-будто подавляя вздохъ.

— Рассказывайте! Мы слишкомъ-давно знаемъ другъ друга, и гримасами меня не обманете. Ужъ не хотите ли вы меня уверить, что благодать небесная, какъ говорятъ ханжи, вдругъ умятила душу такую черствую, какъ ваша? Рассказывайте это другимъ, повтѣрю я вамъ. Меня, старую лисицу, не поймаете въ такую неловкую западню. Впрочемъ, дѣло идетъ не о вашихъ раскаяніи, а о томъ, чтобъ вы доказали низкіе поступки Лобпена.

— Я докажу это сейчасъ. Между-тѣмъ, позвольте мнѣ продолжать и вѣрите, что ни одно изъ моихъ словъ не бесполезно. Я виноватъ противъ вашей сестры, противъ бѣдной жены моей, и ни одного дня не проходитъ безъ того, чтобъ это воспоминаніе...

— Скажите лучше: виноватъ кругомъ, это будетъ короче! опять прервалъ его старикъ съ видимымъ нетерпѣніемъ.

— Такъ вы не вѣрите въ раскаяніе? спросилъ Бруссель съ горькою улыбкой.

— Я вѣрю въ вашу гордость, честолюбіе, жажду золота, безпутство... въ тысячи страстей вашей сатанинской души; но ваше такъ-называемое раскаяніе заставляетъ меня пожимать плечами. Впрочемъ, елибъ вамъ и дѣйствительно, сверхъ всякаго ожиданія, пришла охота исповѣдаться, я объявляю вамъ, что у меня вовсе нѣтъ охоты быть вашимъ духовникомъ. Оставимъ же эти неумѣстныя выходки. Сестра моя умерла, и всѣ ваши сожалѣнія если они есть, не воскресятъ ея.

— Да, жена моя умерла, продолжалъ Бруссель съ возрастающимъ чувствомъ:—это жестокая, непощадная истина. Но если мнѣ и не дано исправить свои ошибки, не-уже-ли запрещено мнѣ искупить ихъ молитвой?

— Молитвой! Любопытно мнѣ знать, какъ вы за это примете? иронически сказалъ Фальконé. — Елибъ вы и теперь быди той же хвастунъ, я сказалъ бы вамъ: всадите себѣ пулю въ лобъ, я повтѣрю вашему раскаянію. Но вы ударились въ богомольствѣ и я уменьшаю свои требованія: я вамъ повѣрю, когда увижу васъ въ картезианской или траппистской рясы.

— Не увидите ни въ той, ни въ другой, отвѣчалъ Бруссель спокойною и презрительною улыбкою, какую позволяетъ себѣ иногда человекъ превратно-понятый. — Я, и не впадая въ та

крайности, надюсь убедить васъ въ своемъ чистосердечіи. Я не ударился въ богомольство, какъ вы сейчасъ выразились; я просто обратился къ разсудку, и седые волосы говорятъ мнѣ, что нѣрв. По-моему, не менѣе похвально исполнить долгъ свой, какъ сходится къ заутренѣ. Этотъ долгъ, который одинъ только и можетъ примирить меня съ самимъ-собою и возвысить меня въ собственныхъ глазахъ, — я открылъ его.

— А! Вы открыли его?

— Сестра ваша въ могилѣ, и позднее раскаяніе не исправитъ моихъ противъ нея проступковъ. Но есть вѣрнѣйшее средство получить, или, по-крайней-мѣрѣ, заслужить прощеніе: охранять, защищать существо, которое она любила больше всего въ мірѣ, святомъ, посвятить жизнь мою ея дочери, когда нельзя уже возвратить минувшаго и посвятить ее ей-самой.

— Посвятить жизнь вашу... кому? спросилъ Фальконэ, съ удивленіемъ глядя на зятя.

— Дочери жены моей, Лауръ, отвѣчалъ Бруссель, на этотъ разъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ.

— Племянницъ моей? Да вѣдь она умерла!

— Нѣтъ! не умерла! вскричалъ Бруссель съ жаромъ. — Это заблужденіе, которое я раздѣлялъ съ другими слишкомъ-долго; ужасное заблужденіе! Лаура не умерла. Я видѣлъ ее вчера.

— Дай Богъ, чтобъ это была правда! сказалъ старый скряга, онъ сдѣлался выразить на лицѣ своемъ неожиданную радость и выразилъ только что-то двусмысленное, потому-что уму его уже представлялась несносная мысль объ издержкахъ, которыхъ потребуетъ у него, можетъ-быть, нежданное воскресеніе бѣдной племянницы.

— Я видѣлъ ее, говорю я вамъ, и сынъ вашъ тоже ее видѣлъ.

— Но увѣрены ли вы, что не ошиблись?

— Ошибся! Когда я видѣлъ ее такъ же, какъ васъ вижу... когда я говорилъ съ ней!

— Что жъ! тѣмъ лучше; я очень-радъ этой новости, отвѣчалъ Фальконэ тономъ довольно-меланхолическимъ. — Сказать правду, случай странный... я не ожидалъ этого. Что же было съ бѣдняжкой въ эти пять мѣсяцевъ?

Страсти, бушевавшія въ сердцѣ Брусселя, отразились отчасти и на лицѣ его, и маска готова была съ него свалиться.

— Вы спрашиваете, что съ ней было? отвѣчалъ онъ наконецъ дрожащимъ голосомъ. — Чему быть съ самой чистой, самой невинной, самой добродѣтельной дѣвушкой, если она пять мѣсяцевъ подвергнута оболъщеніямъ подлаго соблазнителья?

— Соблазнителья?

— Что съ ней стало? продолжалъ вотчимъ Лауръ съ бѣшен-

отвѣтъ, которое, впрочемъ, тотчасъ же постарался укротить. — А! Я не хочу объ этомъ и думать. Мыслие должно пасть не на нее, а на соблазнителья.

— Кто жь это? Вы нивъ его не назвали.

— А вамъ надо еще назвать его! И вы же догадываетесь?

Эти слова были сказаны съ такимъ выразительнымъ сарказмомъ, что желваково заводчикъ вдругъ былъ пораженъ высказаннымъ сѣтломъ.

— Лобпенъ! воскликнулъ онъ.

— Да, господинъ де-Лобпенъ, повторилъ Брюссель съ мрачною энергійю. — Графъ Анри де-Лобпенъ, образцовый дворянинъ, будущій супругъ вашей дочери. Онъ соблазнилъ вашу племянницу.

— Эти слова не шутка, сказалъ Фальконё вставъ и начиная ходить по комнатѣ большими шагами. — Произнести такое обвиненіе — мало; надо и доказать его.

— Я докажу вамъ его сейчасъ, отвѣчалъ Жоржъ Брюссель съ увѣренностью. — Пять мѣсяцевъ назадъ, наканунѣ смерти моей жены, поздней ночью Лобпенъ проводилъ Лауру до дверей дома, гдѣ мы тогда жили. На другой день, не знаю подъ какимъ предлогомъ, онъ вошелъ въ нашу квартиру. Черезъ нѣсколько часовъ, жена моя умерла, а дочь ея исчезла. Ушла ли она добровольно, или увезена силою—этого невозможно было узнать; все помысли было безуспѣшно, и общее мнѣніе положило, что она лишила себя жизни. Что происходило въ продолженіи этихъ пяти мѣсяцевъ? Этотъ вопросъ покрытъ еще таинственнымъ мракомъ; но со вчерашняго дня онъ началъ свѣтлѣть. Вчера, когда я пошелъ молиться на могилу жены моей, я на самомъ кладбищѣ встрѣтилъ Лауру и Лобпена. Слѣдовательно, два крайнія кольца цѣпи въ нашихъ рукахъ, этого довольно, чтобъ скоро овладѣть и всею цѣпью.

— Это дѣло серьезное, очень-серьезное, повторилъ Фальконё встревоженный: — но правду ли вы говорите?

— Если вы мнѣ не вѣрите, спросите Рене, — онъ былъ со мною; если вы не вѣрите своему сыну, спросите Рокфеля, и онъ былъ при томъ. Наконецъ, если вы не вѣрите и Рокфелю, спросите самого Лобпена: онъ слишкомъ гордъ и надмѣненъ, и не захочетъ прикрываться ложью.

— Такъ вы думаете, что Лобпенъ похитилъ мою племянницу въ день смерти моей сестры?

— Послѣ того, что я вамъ рассказалъ, невозможно въ этомъ сомнѣваться.

— Похитилъ силою, или съ ея согласія?

— Чистота и невинность характера Лауры не позволяют предполагать, чтобы она согласилась сдаться за обидчика.

— Особенно въ день смерти своей матери. Это совершенно-невозвратно. Но въ такомъ случаѣ, это противозаконное похищеніе?

— Кажется, что инакъ этого нельзя назвать, утвердительно отвѣчалъ Бруссель.

— Дѣло чрезвычайно-серьезное! произнесъ еще разъ желѣзно-заводчикъ, снова начиная ходить по комнатѣ. — Похищеніе молодой дѣвушки, которой нѣтъ еще и восемнадцати лѣтъ! И при какихъ обстоятельствахъ... прямо отъ смертнаго одра! Знаете ли, Бруссель, что за это можно господина Лоббена потребовать къ суду?

— Думаете ли вы все еще выдать за него свою дочь? насмѣшливо спросилъ Бруссель.

— Если вы сказали мнѣ правду, — а узнать это не трудно, — свадьба, конечно, не состоится. Но это еще не все, и дѣло на этомъ не остановится.

Злобная усмѣшка сжала тонкія и безцвѣтныя губы желѣзно-заводчика.

— Вижу, что у васъ въ жилахъ есть кровь, сказалъ Бруссель, съ жадностью изучавшій лицо своего шурина. — Но зачѣмъ скрывать отъ меня негодованіе, которое пробуждаетъ въ васъ поступокъ прекраснаго графа? Я знаю, вы не тотъ человѣкъ, чтобы молча проглотить такую обиду, — потому-что дѣло все-таки касается чести вашей фамиліи.

— Это правда, отвѣчалъ Фальконэ, нахмуривъ брови. — Лаура дочь сестры моей, моя родная племянница.

— И если вы не могли предупредить несчастія дочери сестры вашей; если племянница ваша сдѣлалась жертвою ужаснаго насилія, по-крайней-мѣрѣ вы не потерпите, чтобы преступникъ остался безъ наказанія.

— Но какъ наказать его? спросилъ Фальконэ, и маленькій глазъ его засверкалъ острымъ и мрачнымъ огнемъ, признакомъ пробудившагося желанія мести.

— Какъ наказать его? какъ отомстить ему? Я научу васъ, отвѣчалъ Бруссель тономъ человека, рѣшившагося на все, чтобы достигнуть цѣли, и заранѣе-увѣреннаго въ успѣхъ.

Только-что вотчимъ Лауры хотѣлъ разсказать планъ, какъ отомстить Лоббеву, кто-то сильно постучалъ въ дверь. Черезъ минуту, вошелъ Ренé съ лицомъ, необыкновенно-разстроенымъ.

И.

СМИЙШИЙ СОВЕТЪ.

При видѣ сына, Фальконэ нахмурилъ съдоватыя брови, и на лицѣ его выразилось негодованіе. Но Ренé привыкъ къ подобнымъ приемамъ или былъ слишкомъ-взволнованъ и едва ихъ замѣтилъ.

— Здравствуйте, папенька, сказалъ онъ запыхавшись.—Вы прѣехали очень-кстати; тутъ происходятъ странныя вещи, и вы побесите разъяснить ихъ. Я прямо отъ васъ, Жоржъ, прибавилъ Ренé, обращаясь къ дядь:—я уже съ полчаса, какъ ищю васъ вездъ. Наконецъ уже, я вспомнилъ, что вы мнѣ говорили сегодня утромъ, что хотите поговорить съ папенькой; я и подумалъ, не вздумалось ли вамъ въ турецкой отели узнать, прѣехалъ ли онъ.

— Кажется,—сухо замѣтилъ Фальконэ:—безъ этого обстоятельства, совершенно-случайнаго, тебѣ никогда не пришло бы въ голову осведомиться о прѣздѣ отца.

— Напротивъ, со вчерашняго дня я васъ ждалъ съ нетерпѣніемъ. Да дядюшка ужъ рассказалъ вамъ? Знаете ли, что кузина Лаура отыскалась?

— Я только-что началъ рассказывать господину Фальконэ это странное происшествіе, сказалъ Бруссель.

Железнодорожникъ оглянулъ сына и зятя взоромъ, въ которомъ можно было замѣтить остатокъ недоувѣрчивости.

— Такъ ты видѣлъ Лауру? спросилъ онъ наконецъ у Ренé.

— Безъ сомнѣнія; я думалъ, ужъ не во снѣ ли я?

— Когда ты ее видѣлъ?

— Во-первыхъ, вчера.

— Гдѣ?

— На Монмартрскомъ-Кладбищѣ; да дядюшка вѣрно вамъ уже рассказалъ.

Отвѣты были даны безъ малѣйшей остановки и вполне подтверждали рассказъ Брусселя. Фальконэ не могъ сомнѣваться долѣше. Убѣдившись въ правдивости зятя, онъ счелъ бесполезнымъ продолжать разговоръ.

— Это требуетъ зрѣлаго размышленія, сказалъ онъ, въ задумчивости опустивъ голову.

— Ренé не лишній, и я могу говорить при немъ, началъ Бруссель, приглашая племянника сѣсть.—Я хотѣлъ объяснить вамъ...

— Прежде всѣхъ размышленій и объясненій, надо выслушать меня, прервалъ его Ренé.—Я имѣю сообщить вамъ важныя новости.

— Какія новости? спросилъ Фальконé.

— Я знаю, гдѣ моя кузина.

— Ты знаешь, гдѣ Лаура? воскликнулъ Жоржъ, быстро вѣтаясь съ мѣста.

— Для чело́вѣка, удрученнаго горемъ, вы дьявольски-живы, за-
вѣрды смѣясь желѣзнодорожникъ.

Бруссель уже снова сидѣлъ, и на лицѣ его не было и слѣда страсти.

— Мы слушаемъ, сказалъ онъ племяннику.

— Знайте же, что случай открылъ мнѣ жилище кузины въ ту минуту, когда я этого вовсе не ожидалъ. Разставшись съ замк сегодня ноутру, любезный Жоржъ, отправился позавтракать въ Булоньскомъ-Лѣсу...

— Такъ ты на завтрачалъ сегодня въ Кафэ-де-Парі? прервалъ его Фальконé съ такою горькою ироніей, какъ-будто обвинялъ сына въ какомъ-нибудь чудовищномъ проступкѣ.

— Нѣтъ, папенька; мы вздумали воспользоваться хорошею погодою и подышать свѣжимъ воздухомъ.

— Мы? Значитъ, ты былъ не одинъ?

— Кто же ѣздитъ одинъ завтракать въ Булоньскій-Лѣсъ? отвѣ-
тилъ Ренé съ улыбкою; впрочемъ, эта улыбка въ то же мгновение и исчезла, потому-что никто не ободрилъ ея: вотчимъ Лауры остался мрачно-важкѣ, а желѣзнодорожникъ углубленъ въ мысли.

— Очень-нужно тутъ разыгрывать Ловеласа, съ нетерпѣніемъ сказалъ Бруссель:— у тебя было сегодня свиданіе въ Булоньскомъ-Лѣсу; рассказывай, что интересуетъ насъ, отца твоего и меня.

— Жоржъ, вы заставляете меня говорить, чего я не говорилъ, возразилъ съ гримасою провинціальный левъ. — Я несогласенъ, я не могу согласиться, особенно въ присутствіи отца..

— Убирайся къ чорту! прервалъ его старыи скряга, тоже вы-
веденный изъ терпѣнія. — Не-уже-ли ты думаешь, что я не знаю притчи о блудномъ сынѣ? Въ три мѣсяца не проживешь пятнадцати тысячъ франковъ, если тутъ не замѣшается какая-нибудь интрига.

— Увѣрю васъ, сегодня утромъ все дѣло состояло въ самомъ невинномъ завтракѣ съ пріятелемъ.

— Съ пріятелемъ или съ пріятельницею, это мнѣ рѣшительно все равно; что мнѣ за дѣло, съ кѣмъ ты проѣдаешь свое состоя-
ніе: съ другими ли дураками; или съ какой-нибудь изъ этихъ гра-
ждъ, которыхъ ремесло состоитъ въ томъ, чтобъ до-чиста ощипы-
вать такихъ молодцовъ, какъ ты.

Досада, тѣмъ-болѣе глубокая, что онъ не могъ свободно ее вы-
сказать, выгнала кровь на лицо Ренé.

Принять важную осанку, онъ сказалъ:—Я знаю, какинъ почтеніемъ обязанъ вамъ, но мнѣ невозможно не замѣтить, что одно изъ вашихъ выраженій очень-неумѣстно. Такъ-какъ меня заставляють, то я сознаюсь, что завтракалъ сегодня съ женщиной.

— Что мнѣ до этого за дѣло?

— Но чтобъ эта женщина, хорошаго происхожденія, замѣчательная и по характеру и по воспитанію своему, заслуживала названіе граціи, этого я никакъ не могу...

— Ради Бога! воскликнулъ Жоржъ:— оставимъ эти глупости. Ты встрѣтилъ Жауру въ Булоньскомъ-Лѣсу?

— Я расскажу вамъ, какъ все было, отвѣчалъ Ренé. (Онъ никакъ не могъ переварить оскорбительнаго эпитета, вылетѣвшаго изъ отцовскаго гнѣва, и продолжалъ рассказъ свой, обращаясь исключительно къ дядѣ). Вмѣсто того, чтобъ позавтракать у Маллетскихъ-Воротъ или Арменонвальскаго-Павильона, мы проехали дальше, къ Мадриту; тамъ, на опушкѣ лѣса, есть гостиница,— можетъ-быть, вы ее знаете.

— Конечно; продолжай.

— После завтрака, мы опять сѣли въ экипажъ, чтобъ немного прокатиться, и тутъ-то, когда мы проѣзжали вдоль стѣны сада, прилегающаго къ лѣсу, Агала сказала мнѣ...

— Эту грацію зовутъ Агалай? прервалъ Фальконé, насмѣхался съ презрѣніемъ.

— Мадмуазель де-Борепэръ, отвѣчалъ Ренé съ видомъ оскорбленнаго величія:—вдругъ сказала мнѣ: «А! вотъ эта святوشа Жаура». Я взглянулъ, и дѣйствительно, вижу: кузница на балконѣ павильона, накрытаго соломой, и выглядывающаго изъ-за стѣны.

— Одна? спросилъ Брюссель.

— Одна.

— Что она дѣлала?

— Смотрѣла на парижскую аллею.

— Да, ждала его, подумалъ Брюссель, сдерживая въ себѣ движеніе ярости.

— А по какому случаю эта мадамъ де-Борепэръ знаетъ мою племянницу? спросилъ Фальконé, все еще не доверяя.

— Онѣ работали въ одномъ магазинѣ, отвѣчалъ Ренé.

— По-крайней-мѣрѣ, хорошо ли ты замѣтилъ домъ? спросилъ Брюссель.

— То-есть, домъ-то... я замѣтилъ только крышу, и то потому-что былъ въ экипажѣ; домъ такъ загороженъ деревьями, что иному должно быть его вовсе не видно. Но за то я обратилъ вниманіе на всѣ признаки стѣны, на маленькую сѣрую дверь,volu-

шувъ въ лѣсъ, и на павильонѣхъ подъ соломенной крышей, гдѣ была кузница.

— Ты въ состояніи опять отыскать это мѣсто?

— Съ замкнутыми глазами.

— И ты увѣренъ, что Лаура была одна?

— Совершенно увѣренъ.

— Ты могъ и не замѣтить Лоббена...

— Это невозможно, по очень-достаточной причинѣ.

— Какой?

— Возвращаясь въ Парижъ, я спѣшилъ сообщить вамъ мое открытіе, и встрѣтилъ его на нелійской дорогѣ.

— Онъ ѣхалъ въ Булонскій-Лѣсъ?

— Во всю рысь. Мы раскланялись; я вельтъ-было кучеру оставить, но Анри пустился въ галопъ, и я его оставилъ, рассчитывая, что всего нужнѣе сообщить вамъ эту новость.

— Все это совершенно-ясно, сказалъ Фальконбэ, уже нѣсколько минутъ слушавшій своего сына со вниманіемъ. — Чѣмъ бы дѣло ни началось, увозомъ ли въ-сладствіе прелестіи, или насильственнымъ похищеніемъ, неоспоримо, что теперь между Лоббеномъ и моею племянницею существуетъ взаимная связь. Этого намъ терпѣть нельзя: иначе часть стыда, который падетъ на несчастную, когда завѣса тайны спадетъ съ этой интриги, достанется и на нашу долю. Дѣло, говорю я, очень-серьезное, и надо рѣшиться на что-нибудь сейчасъ же, пока мы еще вмѣстѣ. У васъ уже есть книжкѣ-то планъ, Брюссель; говорите.

Жоржъ зналъ своего шурина не хуже, чѣмъ шуринъ зналъ зятя. По голосу, какимъ сказаны были послѣднія слова, онъ почувалъ, что изъ семейной ли гордости, изъ чувства ли личной обиды, въ сердцѣ стараго скряги окончательно пробудились всѣ зловѣщія стремленія, и что теперь немногаго стоило превратить эту злобу въ жажду мщенія. Съ другой стороны, онъ былъ увѣренъ, что ему легко будетъ управлять мягкой волею племянника; слѣдовательно, результатъ ихъ совѣщанія былъ съ этой минутой въ его рукахъ. Но, какъ человекъ ловкій, онъ скрылъ свое превосходство, и обратился за совѣтами къ тѣмъ, кого внутренне считалъ только орудіями.

— Все мы принимаемъ равное участіе въ этомъ несчастіи дѣла, сказалъ онъ глубоко-тронутымъ голосомъ. — Лаура вамъ племянница, Ренэ она сестра, миз падчерница. Пусть же каждый изъ насъ предложитъ свое мнѣніе. Ренэ, ты младшій, такъ говори первымъ.

Въ гордомъ сознаніи, что отъ него требуютъ совѣта (дѣло для насъ непривычное), Ренэ съ минуту молча начался на ступѣ.

— Не скрою отъ васъ, сказалъ онъ наконецъ;—что въ первую минуту, выслушавъ вчера разсказъ дялюшки, я считалъ Лобпена ужаснымъ злодѣемъ. Мало-по-малу, однакожь, я началъ судить умѣреннѣе, и теперь, въ спокойномъ состояннн, думаю вотъ что: мирная развязка будетъ лучшею; разумѣется, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ любезный графъ сдѣлалъ намъ полное удовлетвореніе.

— Какое удовлетвореніе? коротко спросилъ Фальконэ.

— Мнѣ кажется, одно только и возможно, отвѣчалъ Ренé:— чтобъ онъ женился на Лаурь.

Бруссэль судорожно вздрогнулъ; желѣзнодорожникъ пожалъ плечами.

— Такимъ-образомъ, прибавилъ Ренé, не смущаясь отъ такихъ дрянныхъ признаковъ неодобренія:—все было бы исправлено, и всѣ были бы удовлетворены. Что касается до меня, конечно, мнѣ бы лучше хотѣлось, чтобъ онъ былъ моимъ зятемъ, но и по этой свадьбѣ мы будемъ родственники; и, какъ говорить пословица...

— Невозможно молеть вздора съ большимъ видомъ достоинства! кардонически прервалъ его Фальконэ.—Чтобъ графъ Анри де-Лобпенъ согласился жениться на бѣдной мѣщанкѣ! Это предположеніе дрянно, и на немъ не стоить останавливаться.

— Среди легкомысленныхъ, тщеславныхъ и въ-особенности грубодатя-простыхъ чувствъ, составлявшихъ главную основу характера Ренé, проглядывали иногда и великодушные порывы, не подавленные еще эгоизмомъ, спутникомъ зрѣлыхъ лѣтъ.

— Кузина моя бѣдна, это правда, продолжалъ онъ съ живостью, которая часто сопровождается необдуманными движеніями:—но у меня дѣтя состоянн; у сестры моей еще больше; вы сами, папенька, богаты; втроемъ мы могли бы дать бѣдной Лаурь приданое...

— Приданое! прервалъ его желѣзнодорожникъ задыхающимся голосомъ:—съ ума ты сошелъ, несчастный мотъ? Приданое! Вѣрно ты думаешь, что еще слишкомъ-медленно идешь на встрѣчу фаворенію? Не достаетъ только, чтобъ ты давалъ приданое невидимкѣ голубкамъ,—и еще какой голубкѣ!—прибавилъ скряга, до тѣхъ ужаснувшійся предложенія сына, что съ-горяча началъ оскорблять племянницу,—какой голубкѣ! двушкѣ безъ праваль, которая добровольно позволила увести себя,—теперь я въ томъ увѣренъ,—и мать мѣсяцевъ уже живетъ съ своимъ любовникомъ.

— Фальконэ! вскричалъ Бруссэль, поблѣднѣвъ отъ злости.

— Ну? что такое? спросилъ старикъ, глядя на него съ удивленіемъ.

— Отецъ твой правъ, подхватилъ Жоржъ, быстро обращаясь къ Ренé:—онъ боялся, что не удержитъ себя, если станеть отвѣчать шурина.—Знатныя особы, въ родѣ Лобпена, соблазняютъ бѣд-

ныхъ дѣвушекъ; но не женятся на нихъ. Если вы, т. е. отецъ твой, ты и сестра твоя, принесете по огромнѣйшей жертвѣ, вы и тогда не составите приданого, которое могло бы насытить жадность этого почтеннаго дворянина.

— Хорошо сказано, Брюссель, сказалъ Фальконэ:—не такъ-какъ мы съ вами одного мнѣнія, то яростный взглядъ вашъ былъ вовсе лишній.

— Не сердитесь, отвѣчалъ Жоржъ покорнымъ голосомъ:—это несчастное дѣло огорчаетъ меня до такой степени, что я иногда самъ не знаю, чтѣ дѣлаю.

— Послушаемъ вашъ планъ, продолжалъ желѣзнодорожникъ; удовольствовавшись этимъ извиненіемъ.

— Мнѣ кажется, надо сперва обсудить мое предложеніе, замѣтилъ Ренэ, тѣмъ болѣе дорожившій своими идеями, что онъ являлся рѣдко.

— Оно уже осуждено, строго отвѣчалъ Фальконэ. — Молчи и выслушай дядю.

— Мой планъ можно выразить въ одномъ словѣ, сказалъ Брюссель съ звѣрскою улыбкою.

— Въ какомъ словѣ? разомъ спросили оба Фальконэ.

— Мщеніе!

— Хорошо, сказалъ желѣзнодорожникъ: — этотъ планъ нравится мнѣ болѣе безумнаго предложенія Ренэ. Я начинаю думать, что госпожа де-Лобпенъ и господинъ де-Рокфѣль намѣреены надо мною потѣшиться; невозможно же, чтобъ они ничего не знали объ этой исторіи...

— Возможное ли это дѣло? прервалъ Жоржъ. — Рокфѣль былъ свидѣтелемъ вчерашняго происшествія и безъ сомнѣнія рассказалъ все сестрѣ, если ей уже не было все извѣстно.

— Это ясно, какъ свѣтъ Божій, продолжалъ Фальконэ. Губы его судорожно дрожали (знакъ глубокой досады).—Деньги въ стѣпону; я думаю г. Рокфѣль и сама г-жа Лобпенъ, не смотря на свое ханжество, находятъ очень-забавнымъ женить на моей дочери соблазнителя моей племянницы. Эти дворяне странны, продолжалъ старшій промышленникъ тономъ вѣдой антипатіи.—Мужчины и женщины, повѣсы и ханжи, всѣ они воображаютъ, что живутъ еще во времена произвола, и смотрятъ на насъ, непринлежащихъ, слава Богу, къ ихъ кастѣ, какъ на дрянь, на которую не стоитъ обращать никакого вниманія. Мы имъ докажемъ, что они ошибаются!

— Хорошо, Фальконэ, хорошо! сказалъ Брюссель голосомъ жаркаго одобренія:—это слова человѣка съ умомъ и сердцемъ. Я боюсь, какъ бы этимъ людямъ не удалось лицемѣрными маневрами совратить съ прямаго пути вашъ образъ мыслей...

— Если мнѣ и не удалось, то конечно ужъ не отъ-того, чтобъ они не пробовали достигнуть этой цѣли, прервалъ его жалезно-заводчикъ. — Они окружили меня всевозможною иезуитскою лестью. Да вотъ, не дальше, какъ разставался со мною, эта старая лисица, Рокфѣль, говорилъ о доставленіи мнѣ титла барона. Какъ-будто я такой ребенокъ, что стану дорожить этими погремушками!

— И какъ-будто вамъ нуженъ Рокфѣль и г-жа Лобень, чтобъ получить титло барона, сказалъ Бруссѣль, съ социальнѣмъ пожиманіемъ плечами.

— Я думалъ, что для полученія такого званія нужны высокія протекціи.

— Лучшая протекція во Франціи — деньги, а они у васъ есть. Если вамъ вздумается когда-нибудь сдѣлаться барономъ, или даже графомъ, какъ многимъ другимъ, вамъ стоить только сказать мнѣ слово. У меня есть нѣсколько пріятелей не безъ вѣса, и я берусь взять титло приступомъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? вы можете, въ случаѣ надобности, доставить мнѣ это званіе? спросилъ тщеславный старикъ, вдругъ примирившись съ баронствомъ, которое, минутою назадъ, презиралъ такъ глубоко.

— И доставлю даромъ, чего не сдѣлали бы, можетъ-быть, ваши снѣ-журменцы.

— Это правда; безъ сорока-пяти тысячъ ливровъ годового дохода Фелиситѣ и моего собственнаго богатства, они, чортъ возьми, не предложили бы мнѣ и стакана воды!.. Мы поговоримъ объ этомъ, Бруссѣль; но прежде всего расскажите вашъ планъ. Сущность его мнѣ очень по-сердцу. Мнѣніе, сказали вы?

— Мнѣніе! сказалъ Бруссѣль съ мрачною энергіею. — Немедленное и полное мнѣніе! Слушайте.

Жалезнозаводчикъ, начинавшій уже смотрѣть на своего зятя съ лучшей точки зрѣнія, готовъ былъ, казалось, слушать его съ глубочайшимъ вниманіемъ, и даже Ренѣ, въ сердцѣ котораго слово «мнѣніе» отозвалось очень-слабо, пододвинулъ стулъ свой съ живымъ любопытствомъ.

Послѣ минутнаго молчанія, Жоржъ Бруссѣль сказалъ, обращаясь къ жалезнозаводчику:

— Еслибъ нашей фамиліи нанесено было обыкновенное оскорбленіе, я считалъ бы бесполезнымъ уведомить васъ объ этомъ, не отвѣщая уже самъ. Вмѣсто того, чтобъ отвлекать ваше вниманіе отъ процесса и ко всѣмъ вашимъ заботамъ прибавлять еще новую досаду, я воспользовался бы правомъ живущаго еще во мнѣ остатка кнѣсти, и потребовалъ бы отъ Лобнена удовлетворенія, сооб-

раннего съ обидою. Ренé, я увѣренъ, не отсталъ бы отъ меня, и заступилъ бы меня въ случаѣ надобности. Не правда ли, Ренé?

Натура нашего провинциала была очень-мирная, и подобная персиктова была ему вовсе не по вкусу; однакожь, онъ едва-едва утвердительно вникъ и нахмурилъ брови не хуже любого рубака.

— Какъ-несчастно, дядю, которое насъ теперь занимаетъ, продолжалъ Бруссель:—не изъ тѣхъ, которыя можно рѣшать со шпагкою въ руки. Вся кровь г-на Лобина не смочитъ грави, которую покрываетъ насъ его падлый пестушокъ. Следовательно, предоставить службу и дуэли заботу отмстить за насъ, было бы непозволительнымъ рабствомъ. Это не значитъ впрочемъ, что я отказываюсь отъ желанія узнать, равняется ли мужество этого высокаго дворянина его дерзости, и вижу по глазамъ Ренé, что и онъ отъ этого не отказывается.

Очень-невинный въ воинственныхъ помыслахъ, придвигавшихъ ему даромъ, Ренé не оскорбился, впрочемъ, ошибкою дяди. Какую заицу не хочется прослыть львомъ?

— Когда только понадобится защищать честь своихъ, меня всегда найдутъ готовымъ, сказалъ онъ, стараясь караться забіякой, сколько позволяла ему кроткая его физиономія.

— Эти угрозы не подвигаютъ васъ ни на шагъ впередъ, прервалъ его Фальконé съ нетерпѣнiемъ.

— Вы правы, Фальконé, отвѣчалъ Жоржъ, снова обращаясь къ старику:—такъ-какъ мы еще не владѣемъ позиціею, то должны съ нимъ согласиться, чтобъ послѣ выслушать совѣты правдиваго negotiandi. Прежде рыцарскихъ подвиговъ, докажемъ, что у насъ есть здравый смыслъ. Лобинъ поднесъ намъ чашу безчестія, и никакіе героическіе подвиги не освободятъ насъ отъ необходимости осушить ее. Выпьемъ же ее, если должно, но оставимъ гушу на его долю. Рана болѣе или менѣе тяжела, даже печальная смерть не послѣдній — случай, которыхъ великій долженъ ожидать; но признание виновнымъ въ уголовномъ судѣ налагаетъ на челоука непогладимое клеймо стыда. Итакъ, прежде всего надо рѣшить честь этого высокаго дворянина; до тѣла его мы еще доберемся.

— Я вижу, замѣтилъ Фальконé съ улыбкою, какъ-будто въ сознании своего превосходства:— я вижу, что знаменитый пистолетъ вашъ основывается на двухъ-трехъ словахъ, которыя ладно вымолвилъ у меня на счетъ возможности повалить Лобина отъ суду.

— Почему не вѣдать, кесарю кесареву? отрывалъ Бруссель очень-находчиво:—я не отрицаю: два слова, которыя вы произнесли, не правда ли, могутъ быть, особенной важности, укажутъ мнѣ на самую дорожную. Я настроилъ планъ на вашей идее, и исполнить,

Что мною можетъ управлять человѣкъ столько опытный. Если мы согласимся на счетъ средства, какъ сошлась уже на счетъ глупой мысли, усиѣхъ мнѣ кажется несомнѣннымъ.

— Это процессъ, сказалъ желѣзнодорожникъ, втайнѣ наслаждающийся сдѣланнымъ ему комплиментомъ.

— Это не процессъ, это обвиненіе, рѣшительно отвѣчалъ Брюссель. — Совершенно преступленіе — похищеніе; мы доносимъ объ этомъ; остальное — дѣло министерства.

— Мы принуждены будемъ явиться доносчиками, замѣтилъ скрепка, покачивая головою: — и если намъ не удастся, мы должны будемъ выдать всѣ издержки.

— Да какъ намъ можетъ не удастся? Развѣ фактъ не очевиденъ?

— Все это прекрасно, продолжалъ Фальконэ съ замѣшательствомъ: — но повторю вамъ, что это процессъ; и во-первыхъ, отъ чего имени будетъ подана жалоба?

Брюссель остановилъ на угрюмомъ лицѣ своего зятя одинъ изъ тѣхъ взоровъ, которые какъ-будто хотѣтъ пронзить человѣка, и съ трудомъ могъ удержаться отъ улыбки презрѣнія.

— Теперь ты въ моихъ рукахъ, презрѣнный скупецъ! подумалъ онъ съ лукавою радостью.

— Отъ чего имени будетъ подана просьба? повторилъ желѣзнодорожникъ, видимо озабоченный мыслью объ издержкахъ, пенн и прочемъ, къ чему могутъ присудить жалующихся въ случаѣ оправданія обвиненнаго.

— Еслибъ жена моя была жива, сказалъ Жоржъ съ притворною грустью: — дѣло началось бы отъ ея имени, и за него взялся бы я; но ея смерть разрушила законныя узы, связывавшія меня съ ея дочерью. Теперь, сколько отцовской любви ни питаю бы я къ ней въ глубинѣ моего сердца, я человѣкъ посторонній для несчастной дѣвушки, по-крайней-мѣрѣ въ глазахъ правосудія. Я не вижу никакого права требовать удовлетворенія за нанесенное ей оскорбленіе. Вамъ, ея дядѣ, вамъ, представителю фамиліи съ материнской стороны, слѣдуетъ взяться за это дѣло, и подать королевскому прокурору...

— Связетесь вы надо мною, что ли? жестко отвѣчалъ Фальконэ. — Неужели вы думаете, что мнѣ только и дѣла, что бродить по бульварамъ, съ сигарой въ зубахъ, подобно вамъ, которые живете свѣдѣнны процентами, какъ сынокъ мой, который прездаетъ и ищетъ и проценты възвѣст? А мой процессъ? кто имъ займется, если я стану терять время заглаживать другой съ гачъ де-Любеномъ за эту дѣвочку?

— Ахъ, да, вашъ процессъ! сказалъ Жоржъ, покачивая голо-

вою, какъ человекъ, который сдается на разумное, хотя и неожиданное возраженіе: — я не подумалъ о вашемъ процессѣ.

— Да я-то объ немъ думаю! вскрикнулъ сиряга съ пылающими глазами. — Я думаю о немъ день и ночь; у меня только это и есть въ головѣ. Процессъ въ двѣсти тысячъ франковъ!

— Это не шутка, и я понимаю, что вамъ не до того, чтобъ навязать на себя теперь другое дѣло, особенно столь важное и щекотливое.

— Двѣсти тысячъ франковъ! повторилъ Фальконэ: — какая честь жены или дочери можетъ стать наравнѣ съ такимъ капитальнымъ интересомъ? Двѣсти тысячъ франковъ!

— Вы правы, Фальконэ! сказалъ Жоржъ, удерживаясь отъ улыбки презрѣнія: — вы прежде всего обязаны посвятить себя своему процессу, и я понимаю, что племянница можетъ занять тутъ только второстепенное мѣсто. Но какъ же намъ распорядиться?

— Да! Кто привяжетъ колокольчикъ? спросилъ старый скряга. — Это должно рѣшить прежде всего.

— Мнѣ кажется, сынъ вашъ можетъ заступитъ ваше мѣсто, сладко отвѣчалъ Бруссель: — онъ братъ Лауры, онъ старшій...

— Мнѣ предать на судъ Лобпена! воскликнулъ съ одушевленіемъ Рене: — благодарю покорно! Я сказалъ вамъ свое мнѣніе, вы не обратили на него никакого вниманія, — пусть такъ. Не считайте же въ свою очередь на меня для обвиненія нашего милого графа; добро бы еще вызвать его на дуэль, прибавилъ провинціалъ, воинственно покручивая усъ.

— Какъ же быть? спросилъ опять Бруссель. (Онъ былъ слишкомъ-хитеръ, и не хотѣлъ самъ предложить средства, на которѣ уже совершенно рѣшился въ умѣ своемъ. Судя по направленію, какое приняло ихъ совѣщаніе, онъ надвигался; что зять его самъ упадетъ на его мысль).

Дѣло скоро оправдало вѣрность его расчета.

— Да мнѣ кажется, сказалъ вдругъ Фальконэ: — почему бы вамъ самимъ, Бруссель, не взять на себя заботу повести это дѣло?

— Я взялся бы очень-охотно, отвѣчалъ Жоржъ съ умно-сдержанною радостью рыбака, который чувствуетъ, что рыба, которую онъ удитъ такъ давно, бросилась на приманку: — но, какъ я уже сказалъ вамъ, смерть жены лишила меня единственнаго права начать въ судѣ дѣло касательно моей падчерицы.

— Я понимаю въ чемъ затрудненіе; но нельзя ли тутъ чѣмъ-нибудь помочь?

— Дѣйствительно, кажется, можно бы, отвѣчалъ Бруссель съ притворнымъ равнодушіемъ, въ которомъ проглядывало, однакожъ, душевное волненіе.

— А чѣмъ? спросилъ Фальконэ съ поспѣшностью чловѣка, который только того и желаетъ, чтобъ свалить свою обязанность на другаго.

— Еслибъ Лаура не встала въ минуту смерти своей матери, ей следовало бы назначить опекуна.

— Опекуна! Завѣтъ? У нея ничего нѣтъ.

— Человѣкъ, достойный занять мѣсто опекуна, заботится не только о нѣжныхъ сироты, но и о ея поведеніи и поступкахъ. Еслибъ Богу было угодно, чтобъ въ то время мнѣ дали власть покровительствовать, несчастіе, которое мы теперь оплакиваемъ, можетъ-быть, не случилось бы.

— Но какъ, по-настоящему, вотъ затрудненіе и устранено, жиро подхватилъ железнодорожникъ. — Кто мнѣ хотѣло сдѣлать вѣсь опекуномъ моей племянница?

— Никто. Но это званіе принадлежитъ по праву вамъ...

— Подумайте! съ этимъ проклятымъ процессомъ и съ тысячами работъ по заводскимъ дѣламъ, есть ли время брать на себя опеку!

— Званіе опекуна обязываетъ къ важнымъ дѣламъ, сказалъ Брюссель, ударивъ свое ладонь: — и я не желаю взять на себя ответственности.

— Какой ответственности? У Лауры нѣтъ ничего, это известно всему свѣту. Никому не придетъ въ голову требовать у васъ отчета въ несуществующемъ нѣмѣнн. Но, получивъ званіе опекуна, вы будете имѣть законное право дѣйствовать противъ Лоблена, а въ этомъ — то и состоитъ сущность дѣла.

— Это правда, отвѣчалъ Брюссель, притворяясь убѣжденнымъ. — Надеюсь, которую я питаю къ этому чловѣку, заставитъ меня, можетъ-быть, принять эту опеку, если вы рѣшительно отъ нея отказываетесь.

— Я очень-радъ бы взять ее на себя, но, повторяю вамъ, это невозможно. Вы должны согласиться на такую жертву, Брюссель; этого требуетъ ищеніе за общую обиду.

— Вы дѣлаете изъ меня что хотите, отвѣчалъ вѣчнымъ Лауры, спрятавъ подъ видомъ смиренія радость торжества, которою наполнено было его сердце.

— Итакъ, вы согласны? спросилъ старый скряга, вздохнувъ свободно.

— Если вы этого требуете...

— Будете ковать желѣзо, пока горячо, сказалъ Фальконэ, какъ-будто опасаясь, чтобъ зять его не отрекся. — Мнѣ кажется, это дѣло не терпитъ ни малѣйшаго отлагательства. Намъ надо составить семейный советъ; вотъ насъ трое, — гдѣ найдти прочихъ?

— Въ моемъ распоряженіи будутъ три мѣсяца друзей, даже сегодня, если надобно, отвѣчалъ Брюссель, уже заранѣе влившій свои карты, чтобъ ничто не задержало важнаго акта, который дастъ ему законное право на палатершу.

— Вы уведомяте мирнаго судью? спросилъ Фальконё.

— Сегодня же; завтра, на всей вѣрности, мы соберемся подъ его председательствомъ, и рѣшеніе семейства; дающее мнѣ право свести, можетъ быть выдано тутъ же.

— Конечно; тогда вы берете на себя навязать колокольчикъ на мою Дюбюну?

— Я берусь, во-первыхъ, обезчестить его, а потомъ убить. Для чего мнѣ надобно было два оружія; двѣя моя окупомъ Лауры, вы даёте мнѣ то, котораго не доставало.

— Итакъ, все рѣшено, сказалъ Фальконё, вставая: уведомяте сейчасъ же своихъ друзей и мирнаго судью, и напишите мнѣ сегодня вечеромъ, что сдѣлано. Теперь позвольте мнѣ занять своею веревиской; уже поздно; а два письма мнѣ необходимо нужно отъправить сегодня же.

Брюссель и Ранё тотчасъ простился съ желѣзнодорожникомъ и въѣхавъ вышелъ изъ турецкой отели. Выходя на площадь, Брюссель далъ знакъ звончику подъѣхать.

— Куда вы? спросилъ вояка.

— Прежде всего въ Булоньскій-Дѣсъ, отвѣчалъ Брюссель глухимъ голосомъ. — Ты укажешь мнѣ, гдѣ видѣлъ свою кузину.

Черезъ минуту они уже жали къ Заставѣ-Звѣзды.

III.

Любовь.

Между тѣмъ, какъ двѣ безпощадныя страсти, разннне лишеніе и тишина скупости заключали союзъ для того, чтобъ обратить въ преступленіе любовь, до сихъ поръ невинную, сцена совершенно другаго рода происходившая въ уединенномъ домѣ, гдѣ Лаура Мюльшъ нашла себѣ приютъ послѣ смерти матери.

Сирота уже давно, облокотясь на балконъ деревенскаго павильона, смотрѣла съ безпокойствомъ на аллею, выходящую изъ Булоньскаго-Дѣса со стороны Сен-Джемса. Наконецъ, дальше на дорогу, она замѣтила Дюбюна, сходящаго изъ далонъ; лицо ея тотчасъ расцвѣло, какъ прѣтокъ, оживленный солнечнымъ лучомъ.

Не смотря на ученія заучанія дѣди, графъ сдѣлалъ во снѣгъ шагъ впередъ; но причиною этого было не желаніе слѣдовать

привлечь школы, божье или медве ассирчанской, а терпеливо и терпеливость, мысленно пожирая пространство прежде, чѣмъ перелетѣть его въ действительности, и думающая, что сократитъ его, наклоняясь къ цѣли. Благодаря бурной скачкѣ и желаніямъ шушкуламъ Солимана, цѣль была скоро достигнута. Лоблень, съ молніею торжества во вѣрѣ, остановился передъ навильномъ подъ соломенною кровлею. Сирота уже сошла внизъ. Въ ту минуту, когда Анріи сходилъ съ лошади, она явилась, грустная и въ высшій улыбающаяся, у калѣтки, ведущей въ лѣсъ.

— Здравствуй, милая Лаура, здравствуй, мой ангелъ, жизнь моя! сказалъ Анріи съ такимъ страстнымъ выраженіемъ, что на блѣдномъ лицѣ дѣвушки вдругъ расплыли всѣ розы весны любви.

— Чтѣ съ вами? спросила она робко. — Вы никогда еще такъ на меня не глядели, не говорили такъ со мною.

— Все небо теперь въ моемъ сердцѣ, и я сознаю — радость отуманила меня, продолжалъ Анріи, прижимая къ губамъ протянутую ему ручку.

— Странно, что мы такъ мало сходимся, сказала Лаура задумчиво: — третьягодни, напримѣръ, я не плакала, а вы приходили въ грустномъ раздумьѣ; сегодня нѣтъ очень-грустно, а вы такъ веселы.

— Веселы? нѣтъ. Веселость только искра; а чувство, которое горитъ во мнѣ, — это пламя горячее, неугасимое.

— Войдите же; васъ могутъ замѣтить.

— Пусть замѣчаютъ! Время тайны прошло, настала время истины.

Встревоженная этими словами, хотя и не понимая ихъ значенія, Лаура взяла, по обыкновенію, Солимана за поводъ, поласкала рукою его голову (особенная лѣва, въ которой, можетъ, вилъ свою долю и всадникъ), и вошла въ садъ. Лоблень пошелъ тотчасъ же за нею и затворилъ калѣтку; оба отправились потомъ къ строенію, гдѣ находилась конюшня, по неровной аллѣ, усыпанной красными лепестками. Лобленьки вѣдалъ молча, можетъ быть, отътого, что дорожка была слишкомъ узка, и они не могли идти рядомъ, или, что вероятнѣе, для нихъ встала одна и та же задача, предельно опасная, когда сердце, видя своему предмету, лишаетъ человека слова.

Когда дорога стала шире, Анріи подошелъ къ молодой дѣвушкѣ; но не успѣвъ еще сказать и одного слова, какъ изъ боковой аллеи неожиданно появился Жюльенъ, съ граблими въ одной рукѣ и съ виллами въ другой. Онъ остановился предъ Лобленьки, поспѣшно снявъ шляпу, стремно прищурилъ глаза и скривилъ ротъ, какъ будто хотѣлъ укусить себя въ ухо. Эту фактотажу, и безъ того

своей и приятельную, сопровождалъ кашель, значение котораго безъ труда понялъ бы самый тупоумный человекъ.

Увидяъ эту чудную гримасу честнаго садовника, Лаура, не смотря на возобновившія ее чувства, не могла удержаться отъ громкаго наивнаго хохота, такъ же естественнаго въ молодой дѣвушкѣ, какъ ишье въ птицѣ.

— Сжальтесь же надъ бѣднымъ Жозильйономъ! сказала она Добрену, который тоже едва удерживался отъ смѣха: — развѣ вы не видите, что онъ хочетъ сказать вамъ что-то.

— Говори, Жозильионъ, сказалъ графъ.

Вѣрный слуга прищурилъ другой глазъ, скривилъ ротъ на другую сторону и указалъ подбородкомъ на молодую дѣвушку.

— Это значитъ сказать мнѣ довольно-ясно, что я здѣсь лишняя, сказала Лаура, не думая, впрочемъ, удалиться.

— Если ты хочешь сказать мнѣ что-нибудь, говори при Лаурѣ, сказалъ Анри, замѣтивъ любопытство на лицѣ сироты.

— Душе бы рассказать вамъ одному, мосье Анри, отвѣчалъ престолюбивый Жозильионъ: — но если вы приказываете говорить при барышнѣ, такъ, конечно, я обязанъ повиноваться. Вотъ, видите, когда барышня была въ маленькомъ павильонѣ, я возвращался изъ лѣса. Смотрю, ѣдетъ коляска; въ коляскѣ сидятъ баринъ и барыня; барыня-то немного-моложе барина, но чудно-какъ разодѣта, точно радуга!

— Безъ подробностей, сказалъ Анри: — прямо къ дѣлу.

— Провезла мимо павильюна... я слышалъ такъ же хорошо, какъ развѣ вижу... я былъ какъ-разъ у калитки...

— Провезла мимо павильюна...

— Дама сказала барину, который курилъ сигару... не знаю, скажу ли вымолвить передъ барышней?

— Да говори, Жозильионъ! нетерпѣливо сказала Лаура.

— Дама сказала господину: «вотъ эта святоша Лаура!» Извините, сударыня; я повторилъ это слово при васъ, хотя по-настоящему-то я и не знаю, что она значитъ. Баринъ какъ-будто удалился и отвѣчалъ что-то, да я не слышалъ. Потому-то она продолжала смотреть на барышню, какъ-будто, съ позволенія вашего, на чужую-чуждую зѣбу. Дѣлалъ уже отвѣчки даме, а она все чинилась и смотрѣла. Удивительно, какъ у нихъ не сабашка шла!

— Такъ вы этого не замѣтили? спросилъ Анри у сироты.

— Нѣтъ, отвѣдала Лаура, встревоженная и удивленная.

— Я очень-хорошо видѣлъ, что барышня не обращаетъ на это вниманія, продолжалъ садовникъ съ улыбкою, очень-дурною по моему мнѣнію. — Она задумалась, и еслибъ въ это время...

— Какая была коляска? прервалъ его Лобнень, видя, что Жозильонъ употребляетъ во зло дозволенную его преданности деревенскую короткость обращенія.

— Коричневая коляска, въ двѣ лошади, отвѣчалъ садовникъ, потупляя глаза передъ строгимъ взглядомъ своего господина.

— Опяши примѣты тѣхъ, которые въ ней сидѣли.

— На дамъ была розовая шляпка, зеленое платье и голубое манто, какъ на бедуннахъ, что на вывѣскахъ передъ звѣринцами на Тампльскомъ-Бульварѣ. Господинъ былъ въ черномъ, и борода у него рыжая. Еслибъ у меня была такая борода, я брился бы каждый день, даже два раза въ день.

— Хорошо; я знаю, кто это. Отведи Солимана въ конюшню.

Молодая дѣвушка передала поводья Жозильону, и когда онъ удалился съ лошадыю, она обратилась къ Лобпену.

— Вы знаете, кто это называлъ меня по имени? спросила она его съ любопытствомъ и удивленіемъ.

— Я встрѣтилъ ихъ на нѣльской дорогѣ, вдуци въ лѣсъ. Примѣты такъ вѣрны, что я не могъ ошибиться.

— Кто же это?

— Одна—женщина, которая не стоитъ того, чтобъ я произнесъ имя васъ ей имя...

— Напротивъ того, живо сказала Лаура:— имя-то ей и должно сказать мнѣ, потому-что она знаетъ мое имя.

— Вы требуете этого?

— Прошу васъ.

— Ну, такъ представьте же себя, сказалъ онъ медленно: — что вы сейчасъ видите паука.

— Паука! вскрикнула дѣвушка, оглянувшись съ испугомъ.

— Успокойтесь, продолжалъ Лобнень: — паукъ не здесь.

— Вы это верно знаете?

— Верно. Когда я замѣчу его, я убиваю его прежде, нежели онъ улетѣтъ. Я уменьшу объ этомъ животномъ, котораго одна мнѣ васъ такъ сильно боится, потому-что знаю, другое не опасается васъ столько, и потому-что мнѣ нужнее было сравненіе.

— Еслибъ я увидѣла паука у себя на платьѣ, не прикрикну хоть слово, чтобъ вы убилъ вѣдѣли дѣтъ падаю, — онъ вѣрно тутъ ползалъ, — я умерла бы, сказала молодая дѣвушка, вадригнувъ съ одной мысли о такомъ случив.

— Вы, кажется, согласны встрѣтиться со львомъ, продолжалъ Лобнень улыбаясь.

— Со львомъ? Да. Я охотно погладила бы ему гриву, какъ Солиману. Но паука!..

— Лаура опять вздрогнула и невольно взяла руку Лоблена, какъ-будто прибѣгая подъ его покровительство.

— Но кто же эта женщина? спросила она послѣ минутнаго молчанія.

— Это намзель Аталá, которую вы знали въ Сомонскомъ-Пасажѣ.

— А! произнесла дѣвушка съ презрѣніемъ. — Ваше сравненіе улачно. Кто же съ ней вхалъ?

— Братецъ вашъ, Рене.

— Братецъ! воскликнула сирота, и презрѣніе вдругъ смѣнилось на лицѣ ея ужасомъ. — А! Если онъ узналъ меня, если онъ знаетъ, гдѣ я живу, онъ скажетъ это убійцѣ, съ которымъ былъ вчера на кладбищѣ. И когда вы будете въ Парижѣ, онъ, убійца, палачъ моей матери, придетъ и утѣшитъ меня!— Анри, я не рѣшусь остаться здѣсь долже! сказала она съ такимъ ужасомъ, что самъ Лобленъ вздрогнулъ.

— Какіе пустяки! сказалъ онъ, прижимая руку Лауры. Вашъ страхъ передъ пауками—благоразумнѣйшая вещь на свѣтѣ въ сравненіи съ трепетомъ, который производитъ въ васъ одно имя этого человѣка. Отбросьте этотъ пустой страхъ и выслушайте меня; я хочу сообщить вамъ важную новость.

Разговаривая такимъ-образомъ, Анри и Лаура продолжали ходить по саду и теперь возвратились къ деревенскому павильону. Они взошли, какъ и всегда, и сѣли на скамью, гдѣ Лаура обыкновенно ждала Лоблена, когда знала, что онъ придетъ льсомъ.

Въ эту самую минуту, Брюссель и Рене тронулись въ путь къ Мадрату; и еслибъ они вхали скорѣе, то непременно застали бы любовниковъ посреди ихъ разговора.

Небо свѣтлало съ какою-то механическою ясностью, отличительною чертою послѣднихъ прекрасныхъ дней осени. Кое-гдѣ, блѣдныя тучки, медленно передвигаясь, застилали лазурь неба. Въ лесу, едва-чувствительный вѣтерокъ сносилъ листья съ вѣтвей, между-тѣмъ, какъ пожелтѣвшія вершины ласкало негнѣющее солнце. Такъ улыбается человѣкъ въ послѣднюю минуту прощанья, когда на лицѣ его уже лежитъ печать неумолимой смерти.

Физиономія и осанка сироты гармонировали съ этою спокойною грустью природы, готовой заснуть въ ледяныхъ объятіяхъ зимы. Закупавшись въ траурную мапилью, склонивъ голову на грудь, неопредѣленно устремивъ взоръ на даль, Лаура, можетъ-быть, готова была, не смотря на присутствие того, кого любила, впасть въ свою привычную задумчивость, еслибъ Лобленъ, наблюдавшій за нею съ безпокойною въжностью, не пробудилъ ея отъ мечтаній.

— Вы сегодня очень-нелюбопытны, сказалъ онъ ей съ упре-

комъ.—Я говорю, что у меня есть важная новость, а вы не изъявляете никакого желанія узнать ее.

— Браните меня, отвѣчала дѣвушка, поджавъ голову:—я слишкомъ-худо отвѣчаю на вашу дружбу и доброту. Да, браните меня...

— Бранить васъ! За что?

— Я безсильное, глупое дитя. Со вчерашняго дня я опять впала въ свое мрачное раздумье.

— Опять!

— Опять, я боюсь, чтобъ это не случалось всегда. Напрасно говорю я себѣ: я молода; отъ печали не умпраютъ, и я должна вооружиться бодростью, чтобъ перенести долгую, предстоящую мнѣ будущность. Напрасное усиліе! На сердцѣ у меня тяжело; когда лицо мое силится улыбаться, душа мрачна какъ этотъ лѣсъ съ увядшими листьями, коораго касаются лучи солнца, не освѣщая его внутри. Такъ точно лучъ радости касается иногда и моего сердца; но внутри — мрачная грусть!

— Лаура, вы поклялись довести меня до отчаянія. Я пріѣхалъ полный восторга, какого не испытывалъ еще до-сихъ-поръ, и въ ту самую минуту, когда собираюсь — не удѣлить вамъ частицу его, но по-крайней-мѣрѣ заставить понять васъ мое блаженство, нахожу васъ въ грусти безъ причины, и, должно сказать, безъ извиненія. Въ васъ есть энергія, которая удивляетъ иногда меня-самого, и еслибъ вы пользовались ею, когда васъ начинаютъ тревожить эти роковыя мысли...

— Повѣрьте, я не поддаюсь имъ безъ сопротивленія, пребрала его сирота, стараюсь улыбаться. — Но душа моя въ такомъ же положеніи, какъ и природа въ эту минуту: сколько бы она ни боролась, — не смотря на всѣ ея усилія, солнце скроется и наступитъ мракъ.

— Ваша грусть очень-поэтическая, сказалъ Лобень съ притворною веселостію: — и жаль было бы вылечить васъ отъ нея. Не принуждайте же себя, будьте задумчивой, печальной, грустной, и — знаете что?—давайте грустить вмѣстѣ; я вижу наконецъ, что лучше всего пристать къ вашей сторонѣ. Итакъ, къ дѣлу! отыщемъ предметъ разговора самый мрачный, но главное, исчерпаемъ его до конца, потому-что, —предваряю васъ, — я позволяю вамъ хмурить ваши черныя брови и держать въ пльну вашу милую улыбку только до сегодняшняго вечера.

— До сегодняшняго вечера? спросила Лаура.

— Завтра, выражаясь вашимъ метафорическимъ слогомъ, мракъ въ свою очередь долженъ разсѣяться и солнце взойдети.

— Отъ-чего это?

— Отъ-того, что завтра къ вамъ будутъ гости.

— Гости! кто?

Любень съ мануту смотрѣла на лицо дѣвушки, выражавшее наконецъ пробужденіе любопытства.

— Отгадайте, сказала онъ съ радостнымъ выраженіемъ.

— Глаза ваши говорятъ мнѣ, что это посѣщеніе будетъ для меня пріятно.

— Надѣюсь.

— Какъ же мнѣ отгадать? Нѣтъ никого въ мірѣ, кого я желала бы видѣть.

— Не знаю; но за то есть особа, которая нетерпѣливо желаетъ васъ видѣть.

— Меня?

— Особа, съ которою я много говорилъ о васъ вчера и сегодня по-утру. Она пріѣхала бы и сегодня, да ей помѣшали.

— Но кто же это?

— Особа, которую я столько же уважаю, сколько и люблю, и которой вы не откажете въ дружбѣ за расположеніе, которое она чувствуетъ къ вамъ; еще не знала васъ.

— Ваша мать? воскликнула Лаура, вставая съ стремительностію, выходящею отличительнымъ признакомъ ея движеній, когда какое-нибудь живое чувство приводило въ волненіе ея страстную натуру.

— Да, мать моя, отвѣчала Анри, устремивъ на нее взоръ любви.

Небодан дѣвушка вдругъ поблѣднѣла и опустилась на скамью.

— Такъ ли я разслѣшала? спросила она слабымъ голосомъ. — Вы сказали, что ваша матушка кочегъ сюда пріѣхать?

— Завтра вы ее увидите.

— Вы не обманываете меня?

— Когда жъ я васъ обманывала?

— Такъ это правда? Вы клянетесь!

— Да, Лаура; клянусь вамъ, отвѣчала Анри съ важностію, полнотою нѣжнаго чувства.

Повинуясь религіозному инстинкту, развитому въ ней несчастіемъ до восторженности, сирота упала на колѣни. Несколько времени она, казалась, приносила Богу жаркую благодарность. Анри, совершенно ею забытый, съ уваженіемъ смотрѣлъ на эту молитву. Наконецъ, Лаура встала, медленно перекрестясь, и обратилась къ Анри съ лицомъ, омоченнымъ слезами.

— Вы плачете? сказала онъ ей растроганнымъ голосомъ. — Я сегодня очень несчастливъ: вы плачете въ ту минуту, когда я надеюсь увидѣть на лицѣ вашемъ улыбку, которую такъ люблю.

— На этотъ разъ, это сладкія слезы и я счастлива, что могу

пролить ихъ, сказала дѣвушка плача и улыбаясь въ одно время. — Я очень-слаба, очень-капризна, даже иногда очень-глупа, — но крайней-мѣрѣ не неблагодарна. Я благодарна Бога за милость, которую Онъ взъискалъ меня, и просила у Него прошенія за грѣшное уныніе, которому только-что предавалась... Неожиданная, великая милость! Матушка ваша! существо, которое въ глубинѣ моего сердца я чту выше всего въ мірѣ, потому-что моя бѣдная мать на небесахъ! Ваша матушка, такая добродѣтельная и строгая, удостоиваетъ протянуть мнѣ руку, которую я поцѣлую на колѣняхъ? Ахъ, можете ли вы постигнуть чистую, святую радость, которую я чувствую при этой мысли? Я увижу вашу мать, я, которая боялась...

— Чего вы могли бояться? спросилъ графъ, видя, что она медлитъ.

— Чтобъ она не презирала меня, отвѣчала Лаура глухимъ голосомъ.

— Презирать васъ, Лаура! воскликнулъ Лобпанъ въ страстномъ негодованіи. — Васъ, саму невинность, чистоту, добродѣтель!

— Я хочу высказать вамъ все, прервала его сирота, садясь возле него. — Въ небѣ, куда перенесла меня надежда увидѣть вашу мать, есть еще одно облачко. Помогите мнѣ согнать его. Одна, съ этими химерами, всегда готовыми возникнуть въ умѣ моемъ, я этого не въ состояніи сдѣлать. Когда вы произнесли имя женщины, недавно пробѣжавшей здѣсь съ моимъ братомъ, неизъяснимое чувство презрѣнія вдругъ наполнило мое сердце. Но почти въ ту же минуту я сказала сама-себѣ — и вотъ причина моей внезапной грусти: какое право имѣю я презирать эту женщину, я, которую мнѣніе свѣта, конечно, ставитъ на одну линію съ нею?

— Какая клевета на самую-себя! Что общаго между существомъ подобнаго рода и вами?

— Мнѣ нужно уваженіе, продолжала сирота, стараясь удержаться отъ слезъ. Я лучше согласна умереть, чѣмъ прочесть въ глазахъ другой презрѣніе, какое выразили конечно мои глаза, когда вы заговорили мнѣ объ этой женщинѣ.

— Такъ это-то облако затмѣваетъ еще ваше небо? сказалъ Ахъри голосомъ, полнымъ нѣжнаго чувства. Это облако изъ тѣхъ, которыя исчезаютъ отъ легкаго дуновенія. Спросите завтра глаза моей матери, они успокоятъ васъ на-счетъ этого лучше меня.

— Такъ вы полагаете, что ваша матушка думаетъ обо мнѣ хорошо? спросила Лаура.

— Иначе захотѣла ли бы она васъ видѣть? Повторяю вамъ, что, не зная еще васъ, матушка васъ уважаетъ. Пусть она васъ увидитъ, — и она полюбитъ васъ.

— А я, напротивъ, опасюсь, что увидѣть, она найдетъ не ни куче портрета, который вы ей представили вѣрно не безъ пристрастія, и что доброе расположеніе ея уменьшится, а не увеличится.

— Во-первыхъ, я не дѣлалъ вашего портрета, отвѣчалъ Лобнень, невольно улыбаясь:—я описалъ васъ такъ, какъ васъ вижу.

— А какъ вы меня видите? спросила Лаура, глядя на него пристально.

— Такою, какова вы въ-самомъ-дѣлѣ, отвѣчалъ Анри, и голосъ его вдругъ задрожалъ.—Существо самое благородное, самое поэтическое, самое чистое, о какомъ только можетъ мечтать воображеніе; женщина самая остроумная и самая увлекательная, которую только можетъ любить сердце, — словомъ, самая достойная уваженія и обожанія.

Родъ дѣтскаго любовничества, выразившійся съ манутою на лицѣ Лауры, изменился въ граціозное замѣшательство.

— Такъ эту-то прекрасную ложь сказали вы своей матушкѣ? спросила она едва-слышимымъ голосомъ.

— Лаура, сказалъ Анри самымъ страстнымъ голосомъ:—тайна, которую я пять мѣсяцевъ съ трудомъ скрываю отъ васъ, — я признался въ ней матери. И теперь, когда она знаетъ о любви моей, зачѣмъ отказывать мнѣ себя въ счастьи признаться въ ней вамъ, единственной женщинѣ, которую я любилъ, — вамъ, которой я принадлежу весь и навсегда, которой принадлежитъ душа моя и за которую я готовъ отдать жизнь?

Лице молодой дѣвушки покрылось яркимъ румянцемъ, и алмазный блескъ глазъ ея сдѣлался бархатнымъ.

— Теперь надобно бы умереть! сказала она, тихо склоняясь головою на плечо Лобнени.

Въ то же мгновеніе крикъ, похожій на глухое рычаніе, раздавался въ лѣсу. Лаура и Анри, пробужденные отъ мечтаній, вдругъ вскочили. Передъ ними, на опушкѣ лѣса, стоялъ Жоржъ Бруссель, съ блѣднымъ лицомъ, мутнымъ взглядомъ, угрожающимъ жестомъ, — словомъ, такимъ, какъ воображаютъ себя демона ревности, когда ударитъ часъ его мщенія.

IV.

Отъездъ.

При видѣ челоуѣка, о которомъ одно воспоминаніе приводило ее въ ужасъ, Лаура глухо застонала и дрожа бросилась на руки

любви; какъ будто отъявивши ублаженіи. Анри быстро мысленно ухватилъ ее въ разбину навильюна, гдѣ Брусселю невозможно было ей видѣть.

— Не бойтесь ничего, сказалъ онъ ей тогда: — но, главное, не двигайтесь.

Понимая вчерашнюю сцену, Лобницъ считалъ своего соперника способнымъ на самыя ужасныя покушенія; пару пистолетовъ можно было спрятать такъ же легко, какъ и ножъ, и въ первую минуту Анри невольно поддавался чувству страха. Онъ боялся покушенія на жизнь не столько за себя, сколько за Лауру; но когда онъ удалилъ ее отъ опасности; можетъ-быть и воображаемой, забливность любовника уступила въ немъ мѣсто гордости мужчины.

Анри быстро подошелъ къ балкону и облокотился спокойно и беззаботно; лицо его приняло выраженіе, какое онъ, безъ сомнѣнія, старался бы придать ему наединѣ, ожидая выстрѣла врага. Но этотъ гордый вызовъ остался безъ отвѣта. Наврочно осматривая Анри во все стороны, напрасно съ усиленною потѣндривалъ на чашу—Бруссеа сдѣлаелъ невидимъ. Эта скрытность безпокоила Лобницна больше присутствія Бруссеа.

— Онъ скрывается, подумалъ Анри—это значитъ, что онъ намеренъ возвратиться; и ждетъ только, чтобъ я ухалъ. Онъ, я увѣренъ, знаетъ уже все мои распоряженія, и ему извѣстно, что я каждый день въ шесть часовъ возвращаюсь въ Парижъ. Да, и понимаю это планъ. Стѣна эта невысока; съ помощью какого-нибудь инструмента черезъ нее легко перелѣзть, и онъ готовъ, можетъ-быть, пробраться на это въ эту же ночь. Такой бышennyй человекъ не беретъ въ расчетъ опасности; кромѣ того, онъ въдруженъ и въ ожиданіи; побѣди его я займѣтилъ человека, который старался, казалось, держать его. Вѣроятно, это другъ, достойный его, то-есть, въ случаѣ необходимости, соучастникъ въ преступленіи. Жозильонъ не трусь; но бдѣть противъ многихъ что онъ сдѣлаеть? Я не возвращаюсь въ Парижъ и въ эту ночь самъ буду на стражѣ.

Простоявъ на балконѣ довольно-долго, такъ что невидимый, но конечно внимательный врагъ его не имѣлъ уже права подбѣривать его въ трусости, Лобницъ возвратился къ сиротѣ. Онъ нашелъ ее блѣдною, неподвижною.

— Пойдемте въ домъ, сказалъ онъ тихонько.

Лаура молча и разсѣянно приняла предложенную ей руку. Они вышли изъ деревенскаго навильюна и перешли садъ. Во время этого краткаго перехода, Анри нѣсколько разъ обращался къ своей спутницѣ, но не получалъ отвѣта. Молодая дѣвушка какъ-будто потеряла чувствія, подобно человеку, котораго задѣла молнія, падая къ земле!

Пришедъ въ домъ, двое любовниковъ вошли въ небольшой салонъ перваго этажа, гдѣ сирота проводила обыкновенно день. Эта комнатка, очень-небольшая, была убрана съ простотою и изящствомъ, приличными жилищу молодой дѣвушки. Нѣсколько стульевъ, обитыхъ бѣлою съ лиловыми полосами матеріею, на каминѣ часы и двѣ вазы изъ стариннаго севрскаго фарфора, рояль Эрара, у окна рабочій столикъ,—вотъ почти вся мебель; но въ малѣйшихъ мелочахъ ея можно было найти примѣты любви, позаботившейся выбрать ихъ.

Едва только Лобпенъ отворилъ дверь, какъ Лаура оставила его руку, прошла черезъ салонъ и вошла въ свою спальню, бывшую рядомъ съ первой комнатою. Графъ еще не успѣлъ опомниться отъ этого быстрого движенія, какъ она уже опять появилась. Она надѣла черную шляпку съ вуалью и держала въ рукахъ маленькій ящичекъ изъ чернаго дерева.

— Я готова, сказала она съ робкою поспѣшностью.

— Готова? повторилъ Анри, глядя на нее съ удивленіемъ.

— Мои приготовленія къ отъѣзду были не продолжительны, не правда ли? продолжала она съ странною улыбкой. Вотъ выгоды бѣдности. Въ этомъ ящичкѣ все мое богатство: крестъ отца моего, нѣсколько его писемъ и портретъ моей бѣдной матери. Теперь мы можемъ ѣхать.

— Но дѣло идетъ не объ отъѣздѣ, отвѣчалъ Лобпенъ, съ беспокойствомъ замѣтившій какое-то разстройство въ чертахъ лица ея.

— Не объ отъѣздѣ! воскликнула она.—Такъ вы его не видали?

— Я видѣлъ его, и понимаю, какое тягостное впечатлѣніе долженъ сдѣлать на васъ видъ человѣка, котораго вы имѣете столько причинъ ненавидѣть. Но какимъ образомъ случай, приведшій его вамъ на глаза, можетъ заставитьъ васъ удалиться изъ этого дома?

— Случай! Нѣтъ, Анри, это не случай, это судьба, это ужасное, неизбежное предопредѣленіе! Не говорила ли я вамъ, что онъ придетъ? Вы можете смѣяться надъ моими предчувствіями, но они меня никогда не обманываютъ. Сегодня поутру, я смотрѣла на лѣсъ, и вездѣ чудился мнѣ онъ; въ шумъ вѣтра я слышала его голосъ, звуки котораго обдають меня холодомъ; въ глубинѣ чащи мнѣ видѣлись его тигровые глаза, устремленные прямо на меня. Онъ долженъ былъ прийти, это было неизбежно, и вы видите—онъ пришелъ.

— Что жъ такое? отвѣчалъ Лобпенъ, стараясь вселить въ душу дѣвушки спокойствіе, котораго самъ былъ лишенъ.—Положимъ, что его появленіе въ этихъ мѣстахъ было не случайное, а умышленное; не-уже-ли вы думаете, что онъ откажется на что-нибудь дальнѣе?

— Онъ готовъ на все, на что рѣшится человѣкъ, — пѣтъ, вѣрова-
вать, демонъ.

Вы, боитесь, чтобъ онъ не зашелъ сюда?

— Боятся—значитъ сомнѣваться, а я не имѣю и малѣйшаго
сомнѣнія. Онъ прійдетъ.

— Пусть прійдетъ— я жду его.

— О! ради Бога, поѣдьте! сказала сирота, съ ужасомъ вспле-
снуть руками. — Развѣ вы не видите, что одна мысль увидѣть его
опять дѣлаетъ меня безумною?

— Это слабость, къ которой я не могу быть снисходительнымъ.
Что же за адская сила въ этомъ человѣкѣ, что видъ его ужасаетъ
васъ до такой степени? Что за власть имѣеть онъ надъ вами? На
какое право опирается онъ въ своихъ преслѣдованіяхъ? Какой
авторитетъ можетъ дать ему ужасная страсть, которую онъ къ вамъ
питаетъ? Онъ долженъ дрожать передъ вами, а не вы передъ нимъ.
Осмѣйтесь взглянуть ему прямо въ лицо, и взоръ его, который
для васъ такъ ужасенъ, цокикнетъ. Развѣ вы не помните, что
было вчера? Однимъ взглядомъ вы заставили его пасть на колѣни,
однимъ жестомъ вы склонили голову его къ землѣ. Это непобѣ-
димое вліяніе невинности и добродѣтели, развѣ вы потеряли его
со вчерашняго дня?

— Да, отвѣчала Лаура уныло:—вчера матушка была возлѣ меня!
и вотъ тайна моей смѣлости. У гробницы ея я чувствовала въ
себѣ непобѣдимую энергию, которой пѣтъ уже сегодня и которую
я напрасно стараюсь пробудить въ себѣ. Сегодня, матушки моей
нѣтъ со мною, я одна—и мнѣ страшно.

— Одна! Когда я возлѣ васъ, воскликнулъ съ горестію Лоб-
пена.

— Не-уже-ли вы не понимаете, что присутствіе ваше, вмѣсто
того, чтобъ успокоить меня, удвоиваетъ только страхъ мой, и что
я была бы не такъ встревожена, если бъ васъ здѣсь не было?

— Не такъ встревожены? спросилъ графъ, глядя на нее при-
стально.

— Въ тысячу разъ меньше; я боялась бы только за себя.

Въ этихъ навязныхъ словахъ было столько страсти, что лицо
Лобпена въ ту же минуту прояснилось и выразило только любовь
и счастье. Онъ удвоилъ свои старанія успокоить молодую дѣвушку,
побранилъ ее нѣжно за то, что она предается страху предъ вооб-
ражаемою опасностію, и употреблялъ доводы и прощія, чтобъ
доказать ей ребячество ея суевѣрныхъ предчувствій; но нѣжные
упреки, утѣшенія безъ возраженій и легкія насмѣшки были
равно бесполезны. Ничто не могло разсѣять мрачнаго унынія, къ
которое повергло ее повлеченіе Брусселя.

— Конечно, вы правы, сказала она наконец: — я дупа, я глухая; но по этому-то и должно имѣть сожалѣнія къ моей ужасней пытке. За все въ мірѣ я не согласилась бы провести эту ночь здѣсь. Для меня уже нѣтъ покоя въ этомъ домѣ, гдѣ прожила я пять мѣсяцевъ спокойно, если не счастливо. Если я увижу, что покажется нѣтъ, если услышу, что отворяется дверь, мнѣ тотчасъ вообразится, что онъ перелѣзъ черезъ стѣну и идетъ ко мнѣ. Днемъ, я соберу, можетъ-быть, довольно силъ, чтобы бороться съ этою ужасною мыслью; но ночью, когда все темно, когда каждый малѣйшій шумъ дѣлается страшнымъ! Подумайте только, продолжала Лаура, дрожа: — я и такъ боюсь ночью, — что же это будетъ, о Боже! Я знаю свою голову; бездѣлны достаточно, чтобы привести ее въ беспорядокъ; я совсѣмъ обезумѣю, и тогда...

— Тогда? сказалъ Лобпенъ со страхомъ.

— Вы знаете, что бываетъ со мною, когда я начинаю терять рассудокъ. У меня одна мечта, милая и грустная. Я тотчасъ вспоминаю отца, особенно матушку. Я слышу, какъ они зовутъ меня; я вижу ихъ, далеко, въ небѣ; они протягиваютъ ко мнѣ руки, шакани зовутъ меня къ себѣ; я была бы такъ счастлива, еслибы могла видѣть ихъ ближе, — и мнѣ чудится наконецъ, что Богъ услышалъ мою молитву и далъ мнѣ крылья, чтобы я могла присоединиться къ нимъ. Я отворю тогда окно, и во мнѣ рождается непреодолимое желаніе улетѣть..

— Это значило бы лишиться себя жизни!

— Конечно, потому-что крылья есть только у птицъ и ангеловъ, и мечта моя кончилась бы не на небесахъ, а на мостовой подъ окномъ.

— Лаура! ни слова болѣе! воскликнулъ Лобпенъ. — Эта ужасная мысль леденитъ мнѣ сердце.

— Не бойтесь ничего, отвѣчала сирота съ грустною улыбкою. — Богъ любитъ меня, хотя до-сихъ-поръ и не сдѣлалъ меня счастливою; Онъ бережетъ меня во время моего минутнаго безумія. Кто знаетъ даже: въ минуту, когда я вздумала бы вырваться своими крыльями, и бросилась бы изъ окна, можетъ-быть, Онъ послалъ бы одного изъ своихъ ангеловъ, чтобы поддержать меня.

— И вы можете улыбаться, видя мое смертельное безпокойство?

— Что же! Если вы действительно безпокоитесь, если вы боитесь, чтобы сны мои не кончились какимъ-нибудь кровавымъ пробужденіемъ, — а я и сама иногда боюсь этого, — словомъ, если вы хотите, чтобы я осталась жива, уведите меня отсюда, Аврѣ, уведите сегодня же. Вчерашнее и сегодняшнее явленіе окончатель-

на достояние моего отца, и безъ того слабый. Я знаю, что если проведу ночь здѣсь — завтра вы найдете меня сумасшедшимъ, если застанете живую.

— Я отвезу васъ сегодня же въ Парижъ, сказалъ Лобпенъ, принявъ вдругъ рѣшительное намѣреніе; онъ санишкомъ-хорошо зналъ странную раздражительность сироты и самъ боялся гата-стробы, которую она предвидѣла. — Маленька хотѣла завтра прѣхать къ вамъ, вы ее предупредите.

— Вы повезете меня къ вашей матушкѣ? спросила Лаура съ одушевленною фантоміей.

— Она найдетъ это причиннымъ и естественнымъ, когда я объясню ей причины. Вы останетесь у нея, а я пойду просить ночлега у дяди.

— Я счастлива, но дрожу, сказала дѣвушка въ волненіи: — я хотѣла бы имѣть время приготовиться къ этому свиданію.

— Въ этомъ недостатка не будетъ; теперь уже поздно, и вѣрно не шесть часовъ мы къ ней не поспѣемъ; а я знаю, что у нея обѣдаютъ гости; кроме того, сегодня ея день. Но у нея не задерживаются долго, и въ одиннадцать часовъ мы не застанемъ уже никого.

Въ девять часовъ Лобпенъ послалъ Жювилльона къ Заставѣ-Эвандъ за заемной каретой; но прежде, онъ счелъ нужнымъ дать нѣкоторыя наставленія на счетъ дозора.

— Сегодня ночью, сказалъ онъ: — одинъ человекъ проберется, можетъ быть, въ садъ.

— Хорошо, спокойно отвѣчалъ садовникъ: — въ каждомъ стволѣ моего ружья по двѣ пули.

— Я запрещаю вамъ стрѣлять.

— Да и въ-самомъ-дѣль, для одного человека не стоить тратить пороку. Машьерръ задушитъ его и безъ того.

— Собаку держи на привязи.

— И то правда; чтобъ справиться съ однимъ человекомъ, мнѣ не нужно ни ружья, ни собаки. Я разможу ему голову заступомъ, и кончено.

— Ты изволь оставаться въ постели. Человекъ, о которомъ я говорю, не воръ, и я хочу, чтобъ онъ вышелъ изъ сада безъ малѣйшей царапины.

— Какъ прикажете, отвѣчалъ Жювилльонъ, не требуя дальнѣйшаго разъясненія. — Я хорошенько замкну двери, Машьерръ останется на привязи, а въ постели, и пусть этотъ господинъ гуляетъ себя по саду при днѣ сколько ему угодно.

— Хорошо; завтра поутру ты придешь въ Парижъ, рассказать мнѣ, что было ночью.

— Случаю-ся, отплылъ частный садловник и отправился по полноте поручение своего господина.

— Такимъ образомъ, подумалъ Лобзень:—господникъ Брюссель, если ему придетъ охота паролѣгать черемъ стѣну, не будетъ ништа права сказать, что я велѣлъ стрѣлать по немъ или травить его сабаками, чтобъ избавиться отъ необходимости стрѣляться съ нимъ.

Черезъ часъ, карета, въ которой отправились Лаура и Анри, останавливалась у дома, гдѣ жила графиня де-Лобзень.

V.

Объявленіе войны.

То, что г-жа де-Лобзень не безъ претензій называла среднѣмъ классомъ, ни въ чемъ не походило на новѣйшіе разутье сословія ея были не столько многочисленны, сколько избранны. Изъ нихъ можно было раздѣлить на два класса, довольно-отличнаго другъ отъ друга: одни, люди ищущіе наслажденій, вращались къ графинѣ только на часъ свой вечеръ; черезъ нѣсколько минутъ они встали, отслуживали ту же барщину въ двухъ или трехъ другихъ домахъ; и потомъ бросались въ такъ-называемый провинціалъ жизни. Другіе, особы почтенныя, идущія впередъ, или рабы привычки, посвящали салону Удальды де-Планшъ два-три часа, которыхъ могли распорядитъ каждую минуту. Очень-противоположныя нравы этихъ двухъ разнородныхъ классовъ приводили къ одному результату, в которомъ удостоилась Анри въ разговоръ съ Лаурой: въ одиннадцатъ часовъ вечера, салонъ г-жи де-Лобзень бывалъ опустѣвъ отъ всѣхъ чужихъ гостей, и дѣлался снова спешною только домашнихъ соборій.

На этотъ вечеръ, общество состояло человекъ изъ тридцати, но больше. У каминна, нѣсколько женщинъ среднихъ лѣтъ, умнѣеи во-молодыхъ, даже едва расплѣтшихъ на первый взглядъ богатствъ туалету, но довольно уже зрѣлыхъ, если приглядѣться поближе, зрѣлости ближняго и особенно ближнюю съ самымъ незначительнымъ реніемъ. По другую сторону каминна, образъ или группу четыре человека: кровный герцога, викарій св. Омы аквискаго, чиновникъ, лишенный должности во время июльской революціи, и наконецъ лицо, которое непримѣнно встрѣтитесь въ видѣ, но имени котораго никогда не удержишь въ памяти, дитѣ безвѣстности. Интересный квартетъ съ живостью предавался уютъ мнѣствію сантиментальной, упрямой, но всего больше дѣвственной

своища, основе полтавки Семмеровскаго - Предвистія. Въ одномъ углу столъ для вѣста; въ рѣдантѣ къ нему другой зеленый пазе, посвященное почтенному бостону; нѣсколько стакановъ сирена и нѣсколько тарелокъ съ конфетками, появляющіеся въ извѣстные промежутки времени, въ ожиданіи незабываемаго финала — чин, — вотъ остальные подробности вечера, скучнаго ни больше, ни меньше другихъ сборищъ подобнаго рода.

Прошло десять часовъ, и г-жа де-Добнець, не смотря на все свои усилія исполнять обязанность хозяйки съ свободою, которой требуетъ эта трудная должность, казалась очень-озабоченною. Каждую минуту она невольно поглядывала на дверь.

— Какъ ни любить братъ мой хорошо покушать, думала она: — невозможно, чтобъ онъ до сихъ поръ сидѣлъ за столомъ съ несноснымъ Фальконё. Ему уже давно пора бы прѣхать; что могло бы имъ помѣшать?..

Раздумье графини начало уже превращаться въ настоящее безпокойство, когда имя маркиза де-Рокобля, эмпатически произнесенное Морреномъ, раздалось въ салонъ. Г-жа де-Добнець быстро оборотилась въ ту сторону, но отецъ изумилась, увидя, что братъ ея прѣхалъ безъ желѣзнодорожника.

— Одинъ? сказала она съ безпокойнымъ любопытствомъ, когда генералъ подошелъ къ ней поближе.

— Одинъ, какъ только можно быть одному, отвѣчалъ де-Рокобль: на лицѣ его приметно было что-то смутное, хотя онъ и старался улыбаться сардонически.

— Что же вы сдѣлали съ вашимъ собесѣдникомъ?

— Какимъ собесѣдникомъ?

— Боже мой! Какъ-будто вы не знаете, о комъ я говорю.

— О почтенномъ Фальконё?

— Разумѣется. Вѣдь вы условились обѣдать вмѣстѣ?

— Да; но, кажется, нашъ почтеннѣйшій Фальконё не похожъ на добраго Гобервалья, котораго я имѣю честь видѣть вѣкъ волею Кампа.

— Въ чемъ онъ на него не похожъ?

— Вы знаете, что въ 1830 году Гоберваль подалъ въ отставку въ тотъ самый день, когда узналъ, что его отрубили отъ должности, и что, въ воспоминаніе такого подвига върности, онъ велѣлъ вырвать подъ своимъ гербомъ рыцарскій девизъ: *Испытай должъ свой, и будь что будетъ*.

— Весьма извѣстно это, отвѣчала графиня: — и весьма извѣстно также, что вы на пропусчете случая потѣшиться надъ бѣднымъ Гобервальемъ; но какое же отношеніе имѣеть г. Фальконё...

— Почтенный г. Фальконё долженъ былъ обѣдать со мною,

и не думая, следовательно того было то, что я обидать одинъ. Вы видите, что достойный кузнецъ не руководствуется въ своихъ воступкахъ прекраснымъ девизомъ нашего геронческаго префекта, и что, следовательно, я имѣлъ право сказать, что они не похожи другъ на друга.

— Такъ вы не видали послѣ этого Фальконэ?

— Не видѣлъ! да это цѣлая исторія...

— Расскажите же, не держите меня на горячихъ угляхъ.

— Когда разъядутъ ваши вдовы, аббаты и кобленскіе рыцари, отвѣчалъ де-Рокобъ. Принадлежа по происхожденію своему къ Санжерменскому-Предмѣстью, онъ по духу претиворѣчія принадлежалъ къ вольтеріанской школѣ, по деспотическому характеру къ системѣ временъ имперіи, а по образу мыслей, свободному отъ предрасудковъ, къ новѣйшему поколѣнію.

Въ началѣ двенадцатаго часа, игроки, окончивъ послѣдній роберъ вѣста, последовали примѣру прочихъ гостей, и черезъ нѣсколько минутъ г-жа де-Добень осталась одна съ старымъ генераломъ.

— Я уже думала, что она никогда не уйдутъ, сказала графиня, быстро подходя къ брату. — Наконецъ-то мы отъ нихъ избавились. Начните же вашу исторію.

Рокобъ сѣлъ передъ каминомъ, протанулъ ноги къ огню, и разлегся на любимой своей бержеркѣ.

— Моя исторія, — ахъ, лучше сказать, наша исторія; потому-что до вѣсъ она касается еще больше, нежели до меня, — наша исторія ужасно сбивается на драму, чтобъ не сказать мелодраму.

— Пожалуйста, братецъ, безъ отступленій, прямою дорогою.

— Въ дѣлѣ я такъ же не люблю контр-маршей, какъ и вы, откидывалъ старикъ отрывисто. — И такъ, къ дѣлу, и кратчайшею дорогою. Въ шесть часовъ безъ пяти минутъ я пріѣхалъ въ турецкую отель. Фальконэ не было дома: онъ вышелъ, не сказавъ, воротится ли. Въ четверть седьмого, я возвратился туда же, и это съ моей стороны недомыслъ, потому-что вы знаете: если я люблю точность, такъ люблю ее въ-особенности въ отношеніи къ обѣданному времени. Фальконэ все еще не было. Я отправляюсь къ Вердъ, предполагая, что заволашій собесѣдникъ мой будетъ съвѣстно догадываться, что пріѣдетъ туда самъ; сажусь за столъ и обѣдаю не очень-дурно, не смѣтрля на дурное расположеніе духа. Проходитъ часъ, другой, — Фальконэ не является. Дѣло становится серьезнымъ; забыть приглашенія онъ не могъ: таинственная она забудеть, что ему можно порядочно пообѣдать даромъ. Слѣдуетъ, онъ просто не хотѣлъ сдержать слова; но почему? съ какою цѣлью? Вотъ чего не могъ я никакъ отгадать.

Довольно раздобаванный, я вздремнуло дождю; кто-то шепчет: «Фракъ и отправиться къ вамъ, и дома нахожу объясненіе загадки: — вотъ въ этомъ посланіи, которое сейчасъ вамъ прочту.

Рокефль вынулъ изъ кармана письмо, развернулъ его и подвинулся поближе къ одному изъ канделябровъ, стоявшихъ на каминѣ.

— «Господинъ маркизъ!» прочтете онъ, начиная чтеніе.

— Это отъ Фальконэ? спросила графиня.

— Конечно. Замѣтите, во-первыхъ, это вступленіе: «Господинъ маркизъ!» — эти слова занимаютъ передовой постъ на цѣлый вершокъ отъ главной арміи. Кто умѣетъ понимать значеніе мелочей, тотъ узнаетъ въ этихъ двухъ словахъ формальное объявленіе войны.

— Право, братацъ, это значитъ доводить прощительность до пустословія, сказала г-жа де-Добень, для которой мысль о новомъ разрывѣ съ семействомъ наследницы миллионера была очень-непріятна. — Фальконэ обращается къ вамъ въ письмѣ съ вашимъ титуломъ и оказываетъ вамъ вниманіе; что жь тутъ враждовать?

— Именно употребленіе моего титула и преувеличенная внимательность. У меня много писемъ отъ Фальконэ; они все начинаются словами: «любезный генералъ», и остальное складуетъ изъ тѣмъ безъ промежутка. Вотъ какъ пишетъ онъ въ мирное время; у него есть свои простонародныя интиматин, какъ у насъ есть свои дворянскіе предразсудки, и онъ предпочитаетъ называть меня генераломъ, а не маркизомъ, потому-что чинъ мой думитъ его меньше моего титула.

— Все это вздоръ, сказала г-жа де-Добень съ истерикой.
— Читайте письмо.

Рокефль снова приблизилъ къ свѣту письмо маркизаведника, и прочелъ его съ начала до конца, не прерывая своего чтенія никакимъ замѣчаніемъ.

«Господинъ маркизъ!

«Увезти малолѣтнюю, принадлежащую къ честной фамиліи, дочь можно быть, считается въ вашемъ благородномъ предмѣстіи очень-милую шуткою, если похититель дворянинъ, а похищенный про-сто мѣшанинъ. Предложить, владея только какими-нибудь ризами и динами замка, руку свою молодой дѣвушкѣ, довольно-богатой, но богатство которой приобрѣтено трудомъ, это должно найдти въ вышерѣченномъ благородномъ предмѣстіи жаркое одобреніе. Тамъ, говорятъ, теперь очень неубавили списки на-счетъ вступленія въ родство съ низшими, и на самое мужицкое приданое смѣютъ тратить очень-привѣдливо, лишь бы были миллионъ наличныхъ въ вдвое больше въ виду. Но разомъ вести интересную интригу»

счастлива была: получить и удовольствие в деньги, сделать похвальные и жеманные, — словом, одною рукою украсть бедную молодую девушку; а другую соединить с рукою богатой наследницы, — словом, был бы подвигъ à la Ришелье, могущий обезсмертить герцога и обеспечить ему самые блестящіе успѣхи въ будуарахъ маркизы и герцогини. Даже и при несовершенномъ успѣхѣ, — потому-что если бедная молодая девушка и не ускользнула отъ похитителя, то, по крайней мѣрѣ, наследница не сдѣлается жертвою обманута за приданымъ; — даже и при несовершенномъ успѣхѣ, говорю я, одной славы, что онъ отважился на такой великій подвигъ, будетъ уже достаточно для прославленія графа Анри де-Лоблена, вашего племянника. Мы, съ своей стороны (я говорю отъ себя и отъ имени моей фамилии) постараемся сдѣлать все, что отъ насъ зависитъ, для распространенія известности, которой онъ, конечно, жаждетъ, и въ которой, конечно, не откажутся газеты, обязанныя отдавать отчетъ о дѣйствіяхъ усоловаго суда.

Принимая вашъ мое извиненіе, что не явился къ усолованному свиданію, прошу васъ покорно принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ къ вамъ уваженіи.

Казалеръ Фальконне

— Ну, что? сказалъ Рокфелъ: — вы все еще находите, что это шутка?

— Это ужасно! воскликнула графиня, быстро выхвативъ въ брата письмо и разглядывая его со вниманіемъ.

— Что, вы сомнѣваетесь, отъ Фальконне ли оно?

— Къ-несчастью, нѣтъ, отвѣчала она послѣ минутнаго разсмотрѣнія: — это его почеркъ.

— И его гадкій, ядовитый, сладко-жеманный слогъ... жаль въ милокъ. Замѣтили ли вы: *благородное преданіе, раздѣленіе дѣла*? Беранже или Поль-Луи-Курье не выразились бы лучше. А *будущее маркизы и герцогини*? Клеветникъ Фальконне! Какъ будто маркизы и герцогини знаютъ нынче, что такое будуаръ? Наконецъ, это: *примите увѣреніе*, — тутъ все, сначала до конца — дерзость, особенно если сравнить начало съ концомъ. Началь маркизы, а кончилъ *увереніемъ въ своемъ уваженіи*! Конечно, онъ пишетъ про себя, и мнѣ ужасно хотѣлось бы отвѣчать на его письмо небольшою записочкой, написанной моимъ старымъ перомъ сирскимъ слогомъ. Но къ-чему? Отъ этого еще больше задураюсь въ глупое дѣло, и безъ того уже довольно-сложное.

— Вы думаете, что Фальконне способенъ исполнить свои угрозы? спросила г-жа де-Лобленъ, сидѣя озабоченная.

— Онь! отвѣчалъ Рокфелъ: — думавый, заиспытанный, азамант-ный Фальконэ! Исполнить ли онъ свои угрозы? Поверьте, онъ сдѣлаетъ еще больше. Его желчя стонитъ только однажды размыраться, и лишица превратится въ гѣну. Не обманывайте себя, сестрица; эти желчные характеры способны на все, если ихъ раздражить. Я говорилъ вамъ не разъ, что въ этомъ Фальконэ и Маратъ и Фуки-Ренвилъ.

— Но въ такомъ случаѣ это очень-серьезное дѣло, и оно можетъ сдѣлаться даже несчастнымъ, сказала мать Анри, тревожась все больше и больше.

— Да, я думаю.

— Что же можетъ онъ сдѣлать?

— Не знаю всего, что онъ можетъ сдѣлать, но посланше его дѣло говорить, что онъ сдѣлаетъ.

— Я несомнѣнъ поняла окончанія этого письма.

— Однакожь, оно не двусмысленно. Этотъ человекъ, какъ вы его теперь называете, подастъ, или уже подалъ королевскому прокурору жалобу на Анри, по случаю похищенія имъ Лауры Мейеръ, милостивой племянницы истца, а это, по закону, уголовное преступленіе.

— Что жъ будетъ потомъ? спросила графиня, смятеніе которой увеличивалось при каждомъ отрывѣ брата.

— Потомъ, если прокуроръ найдетъ жалобу основательную, — а обстоятельства дѣлаютъ это весьма-вѣроятнымъ, — онъ распорядится по закону, — это его обязанность.

— Что жъ тогда?

— Тогда дадутъ приказъ арестовать моего любезнаго племянника.

— Арестовать Анри? воскликнула графиня.

— Да; и его возмутъ такъ же просто, какъ и всякаго другаго. Вотъ до чего, сестрица, довела насъ, потомковъ крестовыхъ рыцарей, эта проклятая революція!

Мариэтъ де-Рокфелъ былъ, какъ мы уже сказали, очень-свободнаго образа мыслей, и произнесъ эти слова не безъ ироніи.

— И его придутъ арестовать у меня? спросила графиня въ следствіе эгоистическаго сѣпленія мыслей.

— У васъ, если его найдутъ у васъ, на улицѣ, если узнаютъ его на улицѣ, или и въ мадритскомъ домикѣ его; полиція сумѣетъ открыть его скорѣе меча, если Анри будетъ такъ простъ, что одумаетъ тамъ скрываться.

— Моего сына арестуютъ! Посадятъ въ тюрьму! Приведутъ къ суду присяжныхъ! И все это изъ-за жалкой гризетки! воскликнула ма-де-Лобленъ съ болзвнью и негодованіемъ.

— Вы ошибаетесь, сестрица, холодно отвѣчалъ генераль. — Дѣло въдѣтъ вовсе не о гриветкѣ, и тѣмъ хуже, потому-что въ такомъ случаѣ я вѣдѣлся бы все уладить деньгами. У Лауры Менаръ нѣтъ, правда, другаго богатства, кромѣ ея хорошенкаго личика, мимоходомъ замѣтить, самаго соблазнительнаго, какого я не встрѣчалъ уже очень-давно. Но отецъ ея былъ капитаномъ артиллеріи, человѣкъ очень-почтительный и очень-уважаемый своими сослуживцами. Къ-тому же, она родная племянница Фальконё, промышленника, включающаго сильное вліяніе въ своемъ департаментѣ, мильионера, — словомъ, одного изъ тѣхъ лицъ, которымъ правительство оказываетъ особенное вниманіе. Если похищеніе будетъ доказано, вы можете быть увѣрены, что съ вашимъ сыномъ поступятъ такъ же строго, какъ еслибы онъ увезъ какую-нибудь графиню.

— Не это цѣлью и подлю! Тутъ не было ни похищенія, ни увоза!

— Я, съ своей стороны, совершенно въ этомъ увѣренъ, потому-что вчера, съ кладбища, она уѣхала съ моимъ племянникомъ очень-добровольно и охотно. Но въ невинности Анри придется убѣждать не меня и не васъ, а дюжину присяжныхъ, чучелниковъ, виноторговцевъ, или людей, вообще довольно-благоволенныхъ къ дворянству, изъ которыхъ по-крайней-мѣрѣ нѣкоторые будутъ рады случаю отдѣлать права молодого дворянина въ юрисконсультскихъ перчаткахъ... Кстати, гдѣ же нашъ молодецъ, который изъ-за пробы въ волюнтерствѣ навязываетъ на себя дѣло о похищеніи?

Г-жа де-Лобненъ позвонила.

— Лорренъ, сказала она слугѣ: — поскорѣ, возвратился ли Анри.

VI.

ОБЪЯСНЕНІЯ.

Покажется Лорренъ ходилъ исполнить приказанія графини, она д братъ ея молчали. Генераль, съ лицомъ, на которомъ вырешалось больше дурное расположеніе духа, нежели огорченіе, дѣлалъ но мѣшалъ дрова; графиня, напротивъ того, слѣдила въ умѣренной неподвижности устремивъ глаза на письмо малютки-водочки, она, казалось, созерцала въ немъ развалины воздушнаго замка, часть которымъ воображеніе ея трудилось день-и-ночь въ продолженіи шестя лѣтъ.

Черезъ несколько минутъ, слуга возвратился.

— Ваше сіятельство, графа нѣтъ въ его комнатѣ, сказали онъ.
 — Хорошо, отвѣчала графиня, пробуждаясь отъ своей задумчивости: — когда онъ возвратится, скажи ему, что я его жду.

Дорренъ ушелъ и заперъ двери.
 — Убѣхалъ въ два часа пополудни, и съ двенадцатью, часу почти еще не возвращается... проговорила графиня, готовая опять впасть въ мрачную задумчивость.

— Вотъ онъ, эти невѣрные прогулки, которыхъ вы должны были ожидать, замѣтилъ генералъ, ставъ цыпочки на мѣсто. — Кажется, вѣдь добродѣтельный Андриъ разсчиталъ бросить клубокъ въ сторону, это вамъ неприятно, — согласенъ; вѣдь прекрасной сестрѣ данъ порядочный шелчокъ. Но такъ-какъ это невѣрнѣе, то вамъ лучше всего съ нимъ примириться.

— Ваша пронзительность, генералъ, — я знаю, что вы почитаете ее очень-зоркою, — на этотъ разъ промахнулась, отвѣчала графиня съ довольно-худо-скрытою досадою.

— Право? насмѣшливо сказалъ старикъ.

— Андриъ мечтатель, Андриъ сумасбродъ, Андриъ стонетъ, чтобы его поладить въ Шарантонъ, — со всѣмъ этимъ я согласна; но чувства его не развращены еще такъ, какъ вамъ угодно предпологать, и надеюсь его, какъ оно въ-самомъ-дѣлѣ ни безразумно, нельзя быть несправедливости назвать предосудительнымъ и развратнымъ.

— И, сестрица! кто вамъ говоритъ о предосудительности и развратѣ? Это слова богомалыи (благочестивой женщины; если это выраженіе нравится вамъ больше), но въ моемъ словарѣ ихъ нѣтъ. Я говорю только, что племянникъ закушалъ удина и сбросилъ въ садъ камень, если вы не предосудите ему благоразумно-искусную свободу.

— Вы совершенно ошибаетесь, говорю я вамъ, продолжала графиня. — Андриъ разсказалъ мнѣ эту несчастную исторію со всей подробностью. Онъ былъ неблагоураженъ, увлекся, но онъ невѣнокъ въ томъ смыслѣ, какой даетъ этому слову нравственность построже вашей.

— Что вы говорите? спросилъ генералъ, оборотившись къ сестрѣ.
 — Видно, что вы не знаете, что такое нравственность? Если я похваляюсь, что вы должны указать, отвѣчала Роксбаль, съ чистосердечнымъ удивленіемъ на лице.

— Ужъ если вы заставляете меня входить въ объясненіи, всего безроднѣе моему характеру, скажу вамъ въ двухъ словахъ, что Андриъ въ-предположеніи: стѣхъ пяти вѣрнѣе обратиться съ этою молодою двушкою такъ же скромно, какъ съ сестрою.

Генералъ посмотрѣлъ на сестру съ глубокимъ сожалѣніемъ и

потоме шоругъ разсказывалъ, такъ громко, что г-жа де-Лебенъ въ свою очередь на минуту отъшла и не знала, что ей думать.

— Это Анри разсказалъ вамъ такую душевнозначительную историю? спрашиваетъ онъ, когда его припадець началъ проходить.

— Анри не знаетъ, еяко отвѣчала графиня.

— Докладывайте — скажи, которую онъ разсказалъ мнѣ вчера въ Булонскомъ Лису.

— Что касается до жены, я никогда не замѣчала его во лжи, я только вижу его еяко.

— Я не думаю, что богомоли такъ доверчивы, продолжалъ Рокфелъ, возниая плечами. — Анри разсказалъ вамъ легенду изъ старыхъ сказокъ.

— Вы можете считать это невѣроятнымъ; а я, зная релігіозныя правила и возвышенныя чувства моего сына, нашла это такъ естественнымъ, что не усомнилась ни на мгновеніе.

— Немного! Анри угостилъ васъ блюдомъ невинности и добродѣтели, зная, что оно будетъ вамъ по вкусу; но чтобъ онъ самъ удовольствовался этою истинною пищею, этому я никогда не поверю.

— Я этому вѣрю, и этого довольно.

— Онъ посмѣялся надъ вами, сестрица.

— Нетъ, этого онъ не осмѣлится сдѣлать:

— Однакожъ...

— Впрочемъ, я несколько не намѣрена убѣждать васъ. Позвольте же и мнѣ остаться при моемъ мнѣніи.

— Да, оно умъ слишкомъ-простоудушно! Рыцари, по десяти лѣтъ служившіе своей дамѣ, прежде, нежели осмѣливались поцѣловать ея руку, нынче вышли изъ моды; и повторяю вамъ, раздѣливая Амедию, Анри посмѣялся надъ вашимъ добродѣтельнымъ мнѣніемъ.

— Какъ вамъ угодно, сказала графиня тономъ, показывавшимъ желаніе прекратить споръ.

— Вѣда ли онъ не посмѣялся надъ вами, продолжалъ Рокфелъ съ упорствомъ сибиряка, который не хочетъ замолчать, не дожидаясь своихъ доводовъ: — если — чѣмъ чортъ не шутитъ — эта невѣроятная исторія не воздушна; если, однимъ словомъ, Анри буквально исполнилъ благочестивый фокусъ, которымъ хвалятся, и объявлено, что онъ достоинъ удивленія, но не признаю его моимъ родственникомъ.

Рокфелъ съ негодованіемъ бросился въ глубину бержерки, и, ворча строгія слова, докончилъ мысль свою, которую строгость сестры не позволила ему выговорить вслухъ.

— Жеральдъ любовникъ... Такая хорошенькая... И утверждать, что у него въ жилахъ кровь Рокфеловъ!

— Другъ генералъ прервалъ этого характеристическiй мимолетъ и выпрямился на барьеры.

— Всего смѣшнее, сказала она: — то, что если вамъ вамъ былъ действительно такъ просто, какъ уверять, то скорѣе человеческая добродѣтель повела его только изъ тѣхъ, что онъ по уши увязъ въ такомъ шизоликѣ, какота мнѣ не случалось видеть въ продолженiи моей разумной жизни. Я сорвалъ Гать составилъ на службу (я говорю не о военной службѣ), не считая походовъ вдвое, — а какіе бывали походы! Но я долженъ сознаться, что никогда не былъ въ положенiи, въ какое попалъ за свою попытку самый киванный отырыскъ спараю дрене Рокобей. Съ одной стороны, дѣло въ уголовномъ судѣ, съ другой — дуэль, которая можетъ кончиться чѣмъ-нибудь серъбарнымъ; дуэль то еще ничего бы, но этотъ проклятый процессъ...

— Дуэль! прервала его графиня, надрогнувъ...

— Проговорился, сказалъ съ досадою Рокобей: — но самый благородный человекъ поступаетъ иногда необдуманно.

— Дуэль! повторила встревоженная мать.

— Вы меншива съ духомъ, и при настоящихъ обстоятельствахъ, можетъ-быть, лучше узнать вамъ все.

Генералъ разсказалъ спену, происходившую накануне на кладбищѣ, и выставилъ факты со всею ужасающею истиною, которую смягчалъ при первомъ разсказѣ своемъ, чтобъ не испугать бесары.

— Этотъ Брюссель для меня загадка, сказала она въ заключенiе. — Онъ сдѣлалъ жену свою несчастною и воздвигъ ей возмозженнiй намотникъ.

— Это случается ежедневно, прервала его г-жа де-Лобинь. Какъ боготыла, она неблагоклонно судила о людяхъ.

— Пусть такъ! Но не каждый день случается, чтобъ человѣкъ, нашедъ свою падчерицу, которую считалъ мертвою, продолжалъ и пяти мѣсяцевъ, началъ изъясняться посредствомъ пома, какъ этотъ и бесноватый Брюссель. Ранѣ Фальконѣ говорить: дядюшка сумасшедшии. Пыломимъ: въ такомъ случаѣ, я понимаю, что съ нимъ бываютъ припадки бшенства. Но будущiй дужнецъ говорить по дже; сумасшествiе дядюшки самое поттенжее, потому-то прициною его смерть его жены. Тутъ ужъ я ничего не могу разобрать, я завсегда становится для меня темнее прежнего. Какъ предположить, чтобъ человекъ, который, говорить, свелъ жену свою въ могилу, жалкъ о ней до того, что селъ съ ума? Помыпательство, или лучше сказать яростное безудiе этого Брюсселя должно имѣть другую причину; но, признаюсь, я не въ состоянiи отгадать ее.

— Чего бы не дала я, сказала графиня, подавая налкъ: — чтобъ вѣрить, подобно вамъ, что Брюссель действительно суца-

свидѣній: Часте такое безрассудства неслеза бы съ не минути, потому что никто не обязанъ принимать застрахования. Иностранцамъ, даже предположенію на кинуть ихъ на дѣльное основаніе.

Бруссель такой же сумасшедшій, какъ и вы.

— Благодарю за комментарии.
— Я хочу сказать, что есть въ немъ много ума.

— Пальто-те! Слово, которое я употребилъ, еще слишкомъ слабо, чтобы выразить бѣшеные порывы его, которые я была свидѣтельствую. Я дожили была паводокъ его на сумасшедшии, а бѣшеный.

— И вы не могли себе представить эти бѣшеные порывы ишии, даже только приписывая ихъ припадку бешенія? Какое гращия, гледи на брата съ семейного прошеи.

— Да чѣму же, чертъ возьми, приписать ихъ? отвѣчала старикъ.
— Вы, который считаете себя глубокимъ наблюдателемъ?

— Дѣйствительно, я знаю на это притеніи.
— Вы, который знаете, что неслеза достигла человеческого сердца?

— По-крайней-мѣрѣ женское; я довольно хорошо знаю эту притенію, и нѣтъ право считать себя въ этомъ отношеніи довольно-опытнымъ.

— Вы, всегда столь пренебрежительной, столько гордой, вы, которая особенно знаете, каковы нечестныи племя притеніи больша часть людей?

— Полноте мстить или, лучше сказать, полноте насмѣляться. Чѣ вы хотите сказать?

— Хочу разгадать вамъ загадку, которая кажется вамъ неслеза дѣтскою. Бруссель влюбленъ въ свою падчерку.

Еслибъ Рокель не была почти пракоматъ къ мѣсту каменство своего тѣла, она вскочили бы отъ удивленія при этомъ неожиданныи слезъ.

— Дьяволъ! воскликнулъ Рокель.
— Вотъ что вы начинаете сумасшествіемъ Брусселя, и что я начинаю ужаснымъ преступленіемъ, продолжала гращия голосомъ добродѣтельнаго негодованія.

— Дѣйствительно, ужасное преступленіе; но дайте мнѣ обратиться съ мыслями. Недавно оно походило на отрывокъ изъ душевно-сильнаго ниселью, теперь это какъ-будто глава изъ знаменитого удивленія процессу. Согласитесь, переходъ неиможно-смерть.

— Начинаете ли вы теперь истинную причину ужасной сцены, которая безъ васъ была бы, можетъ-быть, для меня источникомъ гѣчныхъ слезъ?

— Все ясно, если ваше предположеніе основательно; но увѣрены ли вы въ этомъ?

— Все ясно, если ваше предположеніе основательно; но увѣрены ли вы въ этомъ?

«Чтобы убить генерала; графиня только только обратилась к своему брату, чтобы рассказать ей мадам Анри.

«Теперь нет никакого сомнения, и тайна объяснилась; сказала Рокфелль, выслушав рассказ сестры. — Идиллия Анри, не смотря на побочные обстоятельства, казалась мне до сих пор очень пресною; она напомнила мне венок Фансона и Флориды; мне казалось жадка; и даже яврен.

«Это же волик, а теперь воскликнула съ ужасом графиня: «Одна только об этом человек обещать меня теперь холодно. Дайте убить Анри, братца! он убьет его!»

«Нужь Брюссель еще въ двадцать разъ провинился, а теперь не боюсь за Анри. Онъ уже четыре года учится страдать, и теперь разъ два рада гасить свѣчу въ двадцати пяти шагахъ.

— Если онъ не убьетъ его на дуэли, онъ зарежетъ его ночью.

— И! кто режетъ! Эта дуэль, если мнѣ не удастся развести ее, конечно, неприятна; но не она меня беспокоитъ, а этотъ дьявольскій процессъ. Старый плутъ Фальконэ, съ листомъ гербовой бумаги въ рукѣ, стоявши для меня десяти Вруббелли, вооружившись съ ногъ до головы: Изъ дуэли часто выходятъ безъ малѣйшей царапины; но кто можетъ отвѣчать мнѣ за сладостныя приключения, рвущагого прощальными?»

«И эта несчастная дѣвушка причиною всехъ опасностей, которыя угрожаютъ теперь Анри! воскликнула графиня вставая, какъ будто ослѣпшая опущенія не позволяла ей оставаться дольше на одномъ мѣстѣ. — Какъ ненавижу я ее и какъ буду счастлива, если успею отвести и воздать ей злою за сладкое мнѣ зло!»

«Едва богомольная графиня окончила эту нехристианскую молитву; какъ Лоррентъ молча отворилъ дверь до половинки.

«Ваше сіятельство, сказала онъ въ полголоса съ таинственнымъ видомъ: — графъ всходитъ по лѣстницѣ; съ нимъ какая-то молодая дама въ траурѣ.

«И! что она! подумала графиня, озаренная вдругъ истиннымъ свѣтомъ, никогда почти не обманывающимъ.

«Графиня вдругъ перемѣнила выраженіе лица съ усиленіемъ почти сверхъ-человѣческимъ. Физиономія ея сдѣлалась спокойною и важною, взоръ истремился, уста улыбнулись. Анри, ведя подъ-руку сестру, появился въ дверяхъ салона.

VII.

СВИДАНИЕ.

Обстоятельства, привадиші Лауру. Монарь въ 17-мъ до-мѣ-бонезе, были такъ скрапы, и двадцати-семи-лѣтній юнѣша, прѣстѣпавшій матери своей молодую красавицу, былъ явленіемъ стоиъ не-дѣльнымъ съ принятыми условіями общества, что большая часть женщинъ поучествовали бы, на мѣстѣ сироты, что бодрость итѣ ощущаетъ. Но на лицѣ и въ поступкѣ Лауры незамѣтно было никакого смущенія, когда она явилась въ трапезнѣ. Въ почтенной де-шности есть врожденное благородство, скромная уверенность, дружелюбное мужество, нѣкое лучше свѣлости, сродней съ прѣдвѣрчивыми характерами, и лучше самоуверенности, приобретенной опытомъ, ограждають чловека въ самыхъ затруднительныхъ об-стѣтельствахъ. Съ шестымъ сардѣмъ не страшно смѣяться прямо. Не краснѣя, не дрожа и не потупляя глаза, молодая дѣвушка прошла салонъ и поклонилась матери Анри съ чувствомъ собствен-наго достоинства, но вмѣстѣ съ тѣмъ почтенія и доверчивости. Графиня и генералъ были этииъ оба поражены.

— Никакая герцогиня не могла бы лучше въ Тюмер-Вект-Доренъ, сказала Рокфѣль такъ, что сестра могла его слышать, и все же заботясь, что это омерзительное выраженіе не можетъ быть ей слышимо.

Накъ-только сирота показалась въ салонѣ, трапезнѣ устроили на нее острѣй и жгучѣй взглядъ, прѣстѣпавшій къ лицу, какъ бран-дере въ порохѣ, и проникавшій въ глубину души. Огонь благо-удный зорь такъ резко прѣотиворѣчилъ сладкой улыбкѣ ерѣшнѣ, что Лаура была нѣпрѣтно поражена этииъ контрастомъ, какъ поражается тонкій слухъ нескладными звуками. Она почув-ствовала, что сердце ея внезапно сжалось. Это непріятное впечат-леніе, въ которомъ участвовало и предчувствіе, прѣдало въ руки чертѣ ея выраженіе безпокойства и какой-то неопредѣленной бо-лѣзни. Графиня все это замѣтила; въ ту же минуту, взгляды ея сдѣлались ласковы и перестали быть въ разладѣ съ лицеиърною сладостью улыбки.

Анри, думавшій застать мать одну, былъ непріятно пораженъ, увидѣвъ дядю. Дѣйствительно, Рокфѣль, насмѣшникъ и гуляка, во-се не годился въ повѣренныя души возвышенной и романической. Опытный въ волокитствѣ, генералъ плохо вѣрилъ въ любовь; и памяниакъ, конечно, поостерегся бы доверить ему тайну свое-го сердца, еслибъ она не была уже открыта. Слѣченіе обстоятельствъ

сдѣлало скрытность невозможною, и откровенность была теперь необходимою. Поневолѣ примирившись съ присутствіемъ Рокфеля, графъ въ немногихъ словахъ объяснилъ матери своей причины, заставившія его уговорить сироту на столь странное появленіе ея въ домъ графини. Г-жа де-Лобпенъ рѣшилась, казалось, быть благожелательною безусловно; она ни слова не сказала на-счетъ нарушенія приличій, и какъ-будто все вдругъ поняла и одобрила.

Хотя Жоржъ Брюссель былъ тайною причиною непредвидѣнной перомѣны въ положеніи Лауры, однакожь имя его было едва упомянуто. По общему молчаливому согласію, — одинъ изъ умѣевъ молчать кетати, другой изъ delicatности, одна изъ притвердства, другая изъ чувства ужаса, — все оставили въ тѣни этотъ грозный и роковой образъ.

Графиня больше всего желала приобрести довѣренность сироты. Съ самою предательскою ловкостью дала она такой оборотъ разговору, который незамѣтно долженъ былъ поселить это чувство въ сердцѣ дѣвушки и доставить ей-самой вліяніе на сироту, необходимое для исполненія ея намѣреній.

Лѣтъ пятнадцать назадъ, графиня встрѣчалась иногда въ Нанси съ отцомъ и матерью Лауры; это случалось въ разнородномъ обществѣ, основу котораго составляли преимущественно люди служашіе, отъ генерал-лейтенанта и пресекта до сборщика королевскихъ доходовъ и директора податей. Это общество, прорывавшее въ большей части провинціальныхъ городовъ *colonies* за свои помандалныя стѣхи, было, до революціи 1830 года, нейтральнымъ участкомъ, на которомъ, если не дружески, то по-крайней-мѣрѣ мирно сходилась дворянство, купечество, чиновничество и мѣщанство. Въ этомъ-то обществѣ, г-жа де-Лобпенъ сошлась съ матерью Лауры Менаръ; это была связь, какая часто рождается между двумя женщинами однихъ лѣтъ, но различнаго характера, — и обыкновенно ни та, ни другая не считаютъ ее важною и не вѣрятъ въ ея продолжительность. Эти случайныя отношенія, не разъ возмущенныя капризами и окончательно-прерванныя первыми отъѣздами, графиня превратила теперь въ глубокую привязанность сердца, оставляющую по себѣ слѣдъ неизгладимый.

— Я была другомъ вашей матушкѣ, сказала она Лаурѣ: — можетъ-быть, лучшимъ ея другомъ. Вы поймете изъ этого, сколько я счастлива, что могу сдѣлать для ея дочери то же, что и она сама, безъ сомнѣнія, сдѣлала бы для моей, есдѣль Богу угодно было даровать мнѣ ее и сохранить жизнь бѣдной Матильды.

Слушая эти слова, сказанныя съ такою чистосердечною задушевностью, что самый зоркій наблюдатель былъ бы обманутъ, Анри почувствовалъ жарчайшую любовь и благодарность къ матери, а

Лаура упрямилась себе за сестрицы и безпокойство, испытанное ею при первом взгляде Богомошки.

— Какъ благодарить васъ за вашу доброту? отвѣчала Лаура, идя съ почтительною живостью протянутую ей руку.

— Не благодарите меня, душа моя; любите меня только въ память вашей матушки, отвѣчала лицемѣрная графиня, цалуя сироту въ лобъ.

Рокфелль, стоя у камина, со вниманіемъ смотрѣлъ на эту сцену.

— Вотъ поцалуй, по прямой линіи потомокъ поцалуй въ насличной рошѣ, подумалъ онъ, внутренне возмущенный дружелюбностью графини. — Не нравятся мнѣ эти комедіи. Пусть возрастаетъ она противъ дурной женитьбы Анри, это понятно; но къ чему же изгибство? Эта дѣвушка очень-мила мнѣ, конечно, она заслуживаетъ пріема болѣе-чистосердечнаго; а сестрица, обнимая ее, казалась, хотѣла укусить ее.

Генералъ подошелъ къ сиротѣ съ тою любезною короткостью, которая позволена старости. Онъ постарался навѣять изъ своего глубаго голоса звуки самыя нѣжныя и сказалъ:

— Сестра и племянникъ забыли, кажется, что я, дядя; такъ позвольте же мнѣ представиться самому. Я генералъ Рокфелль, горячій поклонникъ юности, грации и красоты, следовательно, даже вѣселоуслужившій слуга. Вы поцаловали руку сестры моей, стало быть, я имѣю право поцаловать вашу, и позвольте мнѣ воспользоваться этимъ правомъ, если васъ не нугаютъ только старыя ушныя.

Рокфелль ловко поклонился и хотѣлъ взять руку молодой дѣвушки; но Лаура, съ нѣжной граціей, улыбаясь, подставила ему щеку.

— Мнѣ нельзя по-настоящему пожаловаться на этотъ обманъ, сказалъ Рокфелль, поцаловавъ ее въ обѣ щеки. — Но человекъ никогда не бываетъ доволенъ; я лучше желаю бы, чтобъ вы довольны были только высказанное мною желаніе.

— Почему же, дядюшка? спросилъ Лобненъ въ восторгѣ отъ этого, сдѣланнаго сиротѣ его родственниками.

— Потому-что тогда я еще могъ бы сохранить на нѣсколько времени мечту, которая теперь разрушена до основанія. Молодому человеку много-много если протянуть руку, а старика подставить щеку даже безъ его просьбы. Что жъ, надо припрятать съ собою участію! Этотъ поцалуй, такъ граціозно предложенный, для меня граммати на санъ патриарха; вижу, что нравительство не совсѣмъ было неправо, переводя меня во второе отдѣленіе генеральскаго штаба.

Разговоръ продолжался нѣсколько времени весело и непринужденно; можно было подумать, что Лаура уже действительно приняла кѣмъ къ семейству. Наконецъ, уже около часа за полночь,

Роса и росинки, дитя, — Лобзенка, — сказала, — какое тебе удовольствие с матерью и обмывавшись с Лаурой должна. Выглядеть любимица и прилежная, — Ухаживать за дядей.

— Право, мам, что у моей дивушки — весь вечер тридцать пять — сядь — деревня: дошла, сказала Рекейда пламяшину, когда они сидят на кровати.

— Вы знаете, как мало ценю я богатство, с жаром отъезжая Лобзенка — Лаура упрямая и была добродетельна; мать же — осыпая любимицу ее с каждым днем все больше и больше. — Я люблю жалко твоей осыпая, что не могу вам этого выразить; да, может быть, вы и не поймете этого.

— Говори, чортъ возьми, отвечал генерал: — Хотя я и дожил до тридцати лет, но понятливость моя не такъ тупа, какъ ты представляешь. Я плохо верю великимъ страстямъ, это правда; но тутъ, согласенъ, можетъ быть исключение. Эта молодая дивушка воистину обворожительна, очень хороша собой, хотя немножко худенька; но сначала это всегда бываетъ съ настоящими красавицами: черезъ десять летъ, она будетъ само совершенство. Къ тому же, всякой любовью, простота, лобезность, быстрота ума, даже мысли, — ведь очень редкая у женщин! Наконецъ, какая-то грация, которая еще лучше красоты. Словомъ, она очаровательна, и я повторю тебѣ то, что сказалъ на кладбище: ты счастливый негодяй! Разумеется, продолжалъ старикъ съ веселою улыбкою: — Я уважаю тебя, и не позволю известной добродетельной, баснословной и даже чудесной исторіи, за которую чуть не поссорился съ твоєю богатою мамонькой.

— Что это за исторія? спросилъ Анри, глядя на дядю.

— Мы поговоримъ объ этомъ послѣ; а теперь отвечай мнѣ: вслѣдствіе романъ, какъ бы интересенъ онъ ни былъ, долженъ когда-нибудь кончиться. Чѣмъ кончится твой?

— Послѣ того, что уже случилось, этотъ вопросъ несколько меня удивляетъ.

— Тебя просятъ не удивляться, а отвечать. Чѣмъ кончится твой романъ?

— Романъ превратился въ настоящую исторію, сказала Анри твердымъ голосомъ. — Я жалею на Лауру.

— Просятъ ради матери?

— Что, ма, дядюшка! Вы видите, какъ я ей люблю ее мамоньку, и вы еще сомневаетесь, что она согласится на женитьбу?

— Твоя мамонька женщина очень достойная, умная, добродетельная и хорошая.

— Вамъ бы хотелось, но — помогите образъ.

— Да, Чарльз любит: любит и новой любовью. Страстно. Любовь настоящего промедлить в ожидании окончания мысли.

— Ничего, коротко отвечая генералу; — до сих пор, я не принадлежал к твоему жандарму больше, чем мисс Сидовалд; потому, что я вижу: старания и услуги мои не пробуждают в тебе живой благодарности.

— Хотите ли, дядюшка, чтобы я былъ вамъ вечно благодаренъ?

— Очень хочу, хоть для радости.

— Присоедините ваши просьбы къ моимъ, чтобы получить согласие маушки, в случае, если бы она начала представлять мнѣ эти холодные доводы на-счетъ богатства...

— Не обещаю, ибо я только-что хотѣлъ сказать, что въ вредъ буду совершенно-нейтральнымъ. Съ одной стороны, мать твоя, женщина упрямая, смотритъ на дѣло съ положительной точки; съ другой, ты совершеннолѣтний, и тебѣ нельзя запретить вступить въ романтическій бракъ, другими словами — сделать глупость. Справа, я вижу мамзель Фальконэ и ея богатство; слева — Лауру и ея красоту. До сих поръ, я склонялся на сторону мильмона, и это очень-естественно; но съ той минуты, какъ эта плутовка такъ мило подставила свое свѣжее личико съдой бородѣ моей, я чувствую, мой образъ мыслей поколебался. Чуть ли она меня не околдовала своими большими черными глазами, которые такъ, кажется, и читаютъ чужія мысли. Да, повторю, очень-жалко, что у нея нѣтъ, ужъ не говорю тридцати, хоть двадцати тысячъ ливровъ дохода.

— Она какъ нравится, но правда ли? спросила Любовь въ восторгъ отъ похвалъ своей любезной.

— И очень, торгъ возьми! до безконечности; словомъ, до такой степени, что буди я богатъ, я сказалъ бы тебѣ: женись на ней, съ приданнымъ ли, безъ приданнаго ли, все равно!

— Дядюшка, эти слова радуютъ меня больше, чѣмъ обрядомъ бы полученное отъ васъ наследство.

— И такъ, съ одной стороны, эта дѣвушка очень мнѣ понравилась; съ другой, я нахожу, что желанія твоей матери очень-благоразумны; — вотъ почему я рѣшился оставаться совершенно-нейтральнымъ.

Решимость генерала; очень-чистосердечная въ эту минуту, доминировала черезъ нѣсколько часовъ выдержать внезапное и непредвидѣнное возмущеніе.

— Вероятно, — замѣтила Рекоза; — все это, наконецъ, пустяки. Прежде, нежели обдумывать какъ жениться, но худо узнать, предоставлять ли тебѣ согласное жениться.

— А, да! отбыла Лобнень съ гордою улыбкой: — зачемъ это-го Брюсселя!

— Еслибъ дѣло было только въ этомъ; и не сказать бы ни слова; знаю, что ты не станешь беспокоиться изъ-за такихъ пустяковъ. Но если дѣла видѣть, такъ уголовное дѣло очень не видѣть.

— Уголовное дѣло съ удивленіемъ спросила Лобнень.

Старикъ рассказалъ ему вкратцѣ грозное содержаніе письма Фальконѣ.

Видя, въ какихъ черныхъ краскахъ несправедливое обвиненіе старалось представить его поведеніе, Анри не могъ удержаться отъ негодованія. Желая не столько оправдать себя, сколько Лауру, онъ повторилъ генералу рассказъ, слышанный уже графиней.

— Все это прекрасно, сказалъ Рокфаль, выслушавъ его съ недо-вѣрчивымъ видомъ: — какъ дядя, я буду пристрастенъ, и потому долженъ устранить себя; но объявляю, что будь я присяжнымъ, я не безъ труда согласился бы признать совершенную невинность твою передъ закономъ. Положимъ, что похищеніе, въ которомъ тебя обвиняютъ, было не насильственное, и ты такъ хороша собою, что глупость подобнаго предположенія не можетъ не броситься къ глаза, — все еще остается уловъ съ обоюднаго согласія: этого слишкомъ достаточно, чтобъ запятнать честь этой милой дѣвушки,

— Трудно ли уничтожить такую подлую клевету! съ жаромъ воскликнулъ Лобнень. — Стоитъ только рассказать факты просто, какъ они были.

— Кто тебѣ повѣритъ? Умирающая женщина, вѣруетъ, честь дочери своему молодому человѣку, котораго видѣла всего два раза, съвѣта, въ обморокъ, увезена далеко отъ смертнаго ложа матери; наконецъ, вся эта сцена, такая трогательная и печальная, — все это очень эффектно, но невѣроятно. Впрочемъ, еслибъ противъ этого пролога и не сказали ни слова, какъ оправдаешься ты въ остальномъ? Я, человѣкъ простой, готовъ вѣрить, если ты согласишься, что Иншомитъ и Юскель были въ сраженіи съ тобою дерзкіе соблазнители; но неужели ты думаешь, что также легко увѣрить въ трехъ ангельской добродѣтели адвоката съ гражданской степенями и помощника генерал-прокурора? Пусть только тотъ или другой начнутъ разбирать твою невинную аклогу въ Будоньскомъ къ-су, и ты увидишь, что агнеенокъ превратится у нихъ въ дождя.

— Вы правы, дядюшка, отвѣчалъ Анри, пачиваясь безпокойствомъ: — Пропустить подобнаго рода всегда мораль, если и оправдаешься. Что касается до меня, я слишкомъ мало дорожу общими мнѣніями; но Лаура!...

— Надо решить это дело не то что бы ты ни стал, задумчиво сказал генерал: — а думать не будешь ли ты, что...

— Не можешь ли ты повздаться с Фальконе?

— Я уже об этом думаю, и еще подумаю. Имя даже от таких старых разбойников, как Фальконе, не худо предположить, а доктор...

— Ни в каком случае он не может сделать что-нибудь еще хуже того, чем грозить.

— Может быть! Ты не знаешь этого молодца. У меня есть власть, но его надо обдумать, а теперь главное дело — надо спать. Я могу позже двух часов, проводя генерала: — такими отсутствиями от принятого образа жизни не выдержишь податки. Пропущенную ногу уже начинать потягивать пренебрежительно. Вот что значит вмешаться в чужие дела, вместо того, чтобы заботиться о своей.

Это замечание, вынужденное заботливостью о своей собственной особе, прекратило разговор. Приехав к дяде, Добленъ тотчас же простился с ним и ушел в маленькую комнату, где должен был провести ночь.

На другой день, в семь часов утра, генерал был разбужен своим камердинером; слуга долго не решился войти в комнату барана, который еще не звонил.

— Что там? Пожар, что ли? спросил Рокель, садясь на постели.

— Нет, ваше превосходительство, отвечал Оноре. Зная по этому, что генерал просыпается очень сердитым, он остановился в почтительном отдалении.

— Так как же ты смеешь входить, когда я еще не звонил?

— Ваше превосходительство, письмо...

— Убирайся к черту! Заснул в четыре часа, а в восемь меня уже будит этот мошенник. Как будто я еще страдаю водянкой!

— Ваше превосходительство! Письмо очень важное...

— Будь оно от первой красавицы в Париже, я не стану его читать, сказал старик, вытягиваясь на постели. — А ты убирайся со двора, или я тебя вовсе согоню со двора.

Но письмо от неспешности, продолжал Оноре, не очень тревожило угрозою генерала; он знал, что господин его сердится криво, но недолго.

— Что за письмо? спросил Рокель, быстро садясь на постели.

— Кажется, это очень важное письмо, потому что Дорретъ пишет его еще до пяти часов утра; он отдал его мне и требо-

вала, чтобъ и сейчасъ же разбудила вѣдь правосудительнаго, говоря, что графиня такъ приказала; но я не могла встать на себя...

— Хорошо, ступай, прервалъ его Рокфелль, раскатывая письмо сестры съ любовительствомъ и негражданствомъ:

ХIII.

Попытка примириться.

Вотъ что писала графиня къ Рокфеллю:

«Три часа утра.»

«Вы, конечно, спите, любезный братецъ, она тоже спитъ, это опасное созданіе, которое можетъ сдѣлаться причиною нашего несчастья. Одна я не сплю, терзаемая ужаснымъ безпокойствомъ и горькими заботами. Какая мать можетъ вкушать покой, когда честь и жизнь сына ея въ опасности? Наконецъ, послѣ долгихъ «размышленій и многихъ слезъ, я приняла намѣреніе, которое «устроитъ дѣло самымъ приличнымъ, можно сказать единственно-«приличнымъ образомъ, и отвратить, надѣюсь, горестныя послѣд-«ствія несчастнаго дѣла и катастрофу, одна мысль о которой при-«водитъ меня въ трепетъ.

«Теперь я не скажу вамъ ничего больше, потому-что увѣрена «въ вашемъ одобреніи. Мой планъ все примирять, все оканчива-«етъ, и успѣхъ его несомнѣненъ, если вы захотите помочь мнѣ. «Услуга, которой я у васъ прошу, такъ проста и легка, что я «разсчитываю на нее уже впередъ, какъ-будто получила отъ васъ «обѣщаніе. Надо задержать Анри до трехъ часовъ пополудни, и «во что бы то ни стало не допустить, чтобъ онъ пріѣхалъ ко мнѣ «раньше. Помните, что только съ этимъ условіемъ планъ мой мо-«жетъ удался. И такъ, любезный братецъ, до трехъ часовъ вы «стерезете Анри; повторяю вамъ, что все погибло, если онъ «ускользнетъ изъ-подъ вашего надзора. Не сомнѣваюсь, что вы «понимаете важность услуги, которой я прошу у васъ, и сдѣлаете «все, что отъ васъ зависитъ, чтобъ прекратить страхъ матери и «любящей васъ сестры,

«Графини де-Ловценъ.»

— Любящая сестра сивется надо мною, сказалъ Рокфелль, въ досадѣ смявъ письмо.—Прекрасную должность поручаетъ она мнѣ! Сторожъ! отъ-чего бы ужъ не тюремщикъ! Если ей непремѣнно хотѣлось, чтобъ я кого-нибудь стерегъ, пусть бы пріехала ко мнѣ

ему выслушать Лауру. Я прикинулся бы съ такою опасностью, да и служба была бы для меня приятна. Но караулить его сына! прекрасное занятіе, особенно для генерала имперіи. Впрочемъ, влюбленные встаютъ рано. Кто знаетъ, можетъ-быть, птичка, которую я долженъ засадить въ клетку, ужъ улетѣла.

Маркизъ позвонилъ.

— Племянникъ всталъ? спросилъ онъ у вошедшаго слуги.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ Онопэ: — графъ еще спитъ.

— Въ такомъ случаѣ, онъ счастливѣе меня, сказалъ съ завистью старикъ.

— Прикажете разбудить его ситтельство?

— Нѣтъ, ему надо выспаться; смотри, чтобъ около его комнаты не шумѣли; а когда онъ проснется, сейчасъ сказать мнѣ.

Онопэ вышелъ, удивляясь, что генералъ такъ сильно заботится о спокойствіи графа; обыкновенно онъ очень мало занимался друзьями и думалъ только о себѣ.

— Вотъ я нехотѣя сдѣлаю тюремщикомъ во всей формѣ, подумалъ Рокфелъ. Покамѣстъ, благодаря сну моего арестанта, оно еще не трудно; но будь у него въ жилахъ хоть кровь сурка, не вѣроятно, чтобъ онъ преспалъ до трехъ часовъ. Рано ли, поздно ли, онъ проснется, и первую мыслью его будетъ поспѣшить къ матери; иначе, онъ не былъ бы влюбленъ. Какъ тутъ, чортъ возьми, распорядиться, чтобъ онъ добровольно пробесѣдовалъ со мною часъ семь или восемь сряду? я самъ, на его мѣстѣ, подетель бы справиться, такъ ли еще хороши глаза Лауры, какъ были вчера.

Требунъ отъ брата услуги, подавшей поводъ къ этому монологу, графиня доказала, что хорошо понимала характеръ Рокфеля. Почти всегда праздный, съ-тѣхъ-поръ, какъ его перевели въ резервъ, генералъ былъ очень радъ всякому приключенію, всякой интригѣ, словомъ всякому случаю, способному доставить ему какое-нибудь занятіе и нѣсколько оживить существованіе довольно-сладостное, но монотонное. Ворча на барщину, къ которой принуждала его сестра, онъ уже заинтересовался ею. Въ чемъ было дѣло? въ томъ, чтобъ ловкостію (о насиліи нечего было и думать) удержать самыя порывистыя желанія, самыя рвительныя намеренія пламеннаго, энергическаго, страстнаго юноши. Эта задача нравилась упрямому и суетливому духу шестидесятилѣтняго старика, жаловавшаго о своей молодости до такой степени, что завидовалъ иногда счастья другихъ.

Рокфелъ забылъ по-немногу о строгомъ нейтралитетѣ, который рѣшился наблюдать нѣсколько часовъ назадъ. — Я былъ до-сихъ-поръ повѣреннымъ и совѣтникомъ сестры, подумалъ онъ: —

казавъ, же тамарѣ отказать ей въ просьбѣ. Конечно, видѣвъ тогда, чтобы говорить мнѣ о своемъ страхѣ, которому я не вѣрю, потому-что она женщина съ духомъ, и о слезахъ, которыми я тоже разве не вѣрю, ибо никогда не видѣлъ, чтобы она плакала, — она могла бы сообщить мнѣ свой планъ. Но въ этомъ случаѣ можно на нее положиться. Она, конечно, не одѣластъ ничего неблагопріятнаго, а дѣлаетъ хорошия руки.

Въ продолженіе этого монолога, Онерѣ расположилъ въ спальнѣ огонь и окончилъ приготовленія къ туалету генерала, котораго по-лученное письмо заставило встать раньше обыкновеннаго.

— Какъ же, чертъ возьми, удержатъ Анри до трехъ часовъ? продолжалъ разсуждать Рокфѣль, покаместъ камердинеръ началъ брить его. — Замануть его въ комнату? онъ выломать дверь. Напонтъ за завтракомъ? онъ пить одну воду. Попросить, чтобы онъ похалъ со мною прогуляться? онъ броситъ меня безъ церемоній, какъ намедни. Что тутъ дѣлать? Право, ужъ если ему надо арачиться съ этимъ бѣшенымъ Брюсселемъ, я былъ бы радъ, чтобы дѣло завязалось сегодня же. Въ такомъ случаѣ, мнѣ удалось бы задержать новѣсу по-крайней-мѣрѣ полдня. Желаніе сестры было бы буквально исполнено, и въ то же время гордіежъ ушелъ бы въ расвѣченъ хоть до половины. Еслибъ у этого Брюсселя была хоть капля мозга и здраваго смысла, онъ понялъ бы, что дуэль надо рѣшать живо, сгоряча, и прислалъ бы уже къ мнѣ своихъ секундантовъ. Но эти рабчики никогда не выучатся жить какъ слѣдуетъ.

Въ эту минуту, дверь въ спальнѣ отвернулась до половины и выглянула лукавая физиономія грума, наказаннаго, но не исправленнаго наканунѣ кнутомъ Жана.

— Что тебѣ нужно, негодяй? спросилъ Рокфѣль.

— Ваше превосходительство, отявчаль Ласлешъ съ сладкою ужимкою: — Рене Фальконѣ только-что спрашивалъ, можно ли вѣстъ видѣть; я сказалъ, что вы еще не дозволили встать и никого не принимаете.

— Кто тебѣ сказалъ, что я не хочу принять его? воскликнулъ Рокфѣль съ такимъ быстрымъ движеніемъ, что Онерѣ едва успѣлъ принять бритву. — Бѣги за Фальконѣ, и скажи, что я очень-радъ его видѣть. Непремѣнно приведи его, — не те, помни кнутъ Жана!

При этомъ очень-непріятномъ воспомнаніи, Ласлешъ полетѣлъ съ быстротою стрѣлы.

— Я долженъ дать удовлетвореніе этому Брюсселю, подумалъ Рокфѣль, подставляя опять щеку камердинеру. — Фальконѣ очевидно пришелъ отъ него, и я очень-радъ. Пословица говоритъ: вѣлся за гужъ, такъ не говори, что не дюжъ.

Любопытство Оперэ было возбуждено до высочайшей степени; онъ началъ исполнять свою обязанность необыкновенно-медленно; молва была свидетелемъ столь ранняго посвященія молодого про-мисла. Но Ренебы уничтожилъ этотъ расчетъ.

— Проверь! сказалъ онъ тихимъ голосомъ, что служъ невоз-можно было не повиноваться.—Когда придетъ Фальконэ, ты насъ оставишь; а главное; давай мнѣ знать, когда племянникъ проснется!

Едва генералъ успѣлъ договорить эти слова, какъ Фальконэ по-явился въ дверяхъ.

Противъ обыкновенія, сынъ желѣзнодорожника былъ почти бла-женъ; онъ старался охранять эпопейную и важную собаку, не на-лицъ его выражались неудовольствіе и забота.

— Здравствуйте, Фальконэ, дружески сказалъ ему Ренебы, да-же Оперэ знаетъ удачѣся, хотя онъ и не окончилъ еще своего дѣла.

— Здравствуйте, генералъ, отвѣчалъ Рене; церемонно кланяясь— что я пришелъ въ такой необыкновенный часъ; но когда я вамъ извѣстно...

— Къ-чему тутъ извѣщенія? прервалъ его маркизъ:—старый сол-датъ долженъ быть готовъ съестъ на коня когда бы ни ударилъ тревогу. Впрочемъ, вы видите, что несколько меня не обезпечи-ли. Я всталъ, но брился, и одѣтъ достаточно, чтобъ принять зна-комаго гнѣросто, прибавилъ старикъ, закидывая полу кашемирова-го халата, которымъ не погнушался бы молодой шеголь. Садитесь, и скажите, чему я обязанъ удовольствіемъ васъ видѣть.

Рене сѣлъ на указанное генераломъ кресло; но, вмѣсто того, чтобъ изъяснить причину своего прихода, онъ удовольствовался тѣмъ, что кусалъ свои рыжіе усы и глядѣлъ лонтомъ свою шляпу.

— Секундантъ не знаетъ даже шерныхъ правилъ своего реме-сла, подумалъ Ренебы, съ ироническимъ сожалѣніемъ захвативъ извѣстность челолика, въ которомъ воображеніе его видѣло послѣд-нюю войну.

— Генералъ, проговаривалъ наконецъ Фальконэ четвертый галф-сонъ, продолжая нить шляпу:— обстоятельства, въ которыхъ мы теперь находимся, такъ неприятны, такъ тягостны...

— Позвольте сократить ваше вступленіе, прервалъ его генералъ съ нетерпѣніемъ.—Какъ старый кирасиръ, я привыкъ врубаться въ середину, но теряю времени на гарцованіе. Проступилъ же пра-во къ дѣлу. Я предполагаю, что вы пришли отъ Брюсселя?

— Нѣтъ, генералъ, отвѣчалъ Рене несколько удивившись.

— Нѣтъ? повторилъ генералъ, въ своемъ очередь удивленный и несколько-раздосадованный.

— Я пришелъ совершенно по своей волѣ и прямо отъ своего

имени, отвѣчалъ Фальконé съ величіемъ, въ какое только могъ об-
даться среди своего смущенія.

— А! проговорилъ генералъ, впадая изъ одного недоразумѣнія
въ другое. Признаюсь вамъ, отъ васъ я этого не ждалъ; впрочемъ,
очень-радъ съзнаться, что ошибался въ моемъ объ васъ мнѣніи.
Если я васъ хорошо понялъ, вы много выиграли въ моемъ уваже-
ніи! Но изъяснитесь; довольно и одной ошибки.

— Генералъ, отвѣчалъ Ренé, вытаращивъ глаза, какъ-будто Рок-
фёлъ выражался на какомъ-нибудь неизвѣстномъ языкѣ: — внара-
здѣтеру вы должны были получить отъ отца моего письмо.

— Не будемъ смущать вещи, возразилъ Рокфёлъ. — Я думалъ,
что вы пришли отъ Бруссéла; вы говорите что нить, — прекрасно;
оставимъ же Бруссéла въ сторонѣ. Вы прибавили, что явились ко
мнѣ отъ своего собственнаго имени; согласенъ выслушать ваше
требованіе, но въ такомъ случаѣ я не понимаю, какъ замѣщались
слова даждь отецъ и письмо, которое онъ могъ написать мнѣ. Здѣсь
нѣтъ и должна быть рѣчь только о личномъ требованіи, — и я
долженъ согласиться, что съ вашей стороны очень-благородно тре-
бовать отъ моего племянника удовлетворенія, которое вы считаете
себя въ правѣ искать.

— Генералъ! повторилъ Ренé, вытаращивъ глаза до невозможности.
Вся фигура провинціала выражала такое чистосердечное недо-
умѣніе, что Рокфёлъ сейчасъ же увидѣлъ, что воображеніе объмъ-
нуло его въ другой разъ.

— Извините мою ошибку, сказалъ онъ съ легко-насмѣшливымъ
улыбкой: — я предполагалъ, что, желая прекратить недоразумѣніе, возник-
шее изъ этой дѣлы между моимъ племянникомъ и вашимъ семей-
ствомъ, вы пришли предложить ему свиданіе, которое между людьми
съ душою рѣшается много затрудненій и дѣлаетъ дѣлку легче,
устранивъ прежія, насмѣшоннаго самолюбія и чести.

— Вы совершенно ошибаетесь на счетъ цѣли моего прихода,
отвѣчалъ Ренé, съ замѣтною холодностію принимая героическіи
спраглетва, которые предлагалъ ему старій солдатъ: — я ни чуть не
намѣренъ вызывать на дуэль графа, къ которому, не смотря ни на
что, питаю истинную дружбу. Я приволокъ, напротивъ того, съ со-
бою нѣсколько намѣреній.

— Въ доброй часъ! сказалъ Рокфёлъ, скрывая свою досаду. — Я
самъ очень-претнаго нрава, и очень-радъ помочь, чѣмъ могу, все
становленію мира. Вы явились съ масличною вѣтвью; признаюсь,
я этого не ожидалъ. Изъяснитесь.

— Назовите мнѣ прежде всего, генералъ, повторить вопросъ,
на который вы не отвѣчали. Получили ли вы письмо отъ моего
отца?

— Вотъ оно, отвѣчалъ Роккобъ, вѣдая съ камня письмо железно-проводника. — У васъ мирныя намеренія, и я не вижу никакой причины въ томъ сомнѣваться; зато отпомъ вашимъ овладѣть ужасно-доставившимъ духъ,—по крайней-мѣрѣ судя по этому письму.

— Какъ ни живы выраженія этого письма, мрачно сдѣлалъ Рене;—они могутъ дать вамъ только слабое понятіе о состояніи, въ какомъ находится батюшка съ вчерашняго дня. Гибель его притѣвляя Добрена растаетъ съ каждою минутою, и онъ говоритъ, что на разлѣтѣ и ста тысячъ франковъ, если надо, чтобъ грѣхъ былъ осужденъ судебнымъ порядкомъ.

— Выходка разсерженнаго скряги! сухо замѣтила Роккобъ.—И что ей столько же, сколько клятвамъ любовника или няньки. Если отецъ ради намертвуетъ не сто, а десять тысячъ франковъ не съ цѣлью умножить свое богатство, — это буда бы вернымъ признакомъ, что онъ рѣхнулся.

— Сознаюсь, генераль, что отецъ мой былъ бы въ затрудненіи, еслибъ его поймали на словѣ; но покажетъ, на смотря на всѣ мои доводы, онъ рѣшился вести дѣло до послѣдней крайности.

— Пожалуй, хоть и дальше, отвѣчалъ Роккобъ съ притворною безличностію. Андрей выше безразсуднаго обвиненія, которому ему грозятъ. Чувствуя себя совершенно-невиннымъ, онъ ничего не боится.

— Совершенно-невиннымъ, совершенно-невиннымъ! повторилъ Роккобъ, недовѣрчиво помечивая головой.

— Я долженъ былъ сказать: слишкомъ-невиннымъ.

— Слишкомъ-невиннымъ?

— Да, я такого мнѣнія.

— Виновенъ онъ, или невиненъ, а ему грозить ужасный процессъ, который я, съ своей стороны, желалъ бы устранить во что бы ни стало; но я имѣю только одинъ голосъ изъ трехъ.

— Изъ трехъ! Кто же эти трое?

— Отецъ, дядя и я; словомъ, семейство.

— Такъ и Брюссель согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ обвинить Лобдена предъ судомъ? спросилъ генераль, непроизвольно этого обстоятельства.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Рене: — это несчастное дѣло почти единственно ихъ. Вы понимаете, генераль, что когда дѣло касается семейства, всякое недоразумѣніе...

— Понимаю! быстро воскликнулъ Роккобъ.—Тамъ вотъ почему идетъ молодой Брюссель не исполнять своего угрозы! Правда, я былъ очень-простъ, что принялъ серьезнѣе его третьюднашнюю дѣлость и ждалъ отъ него секундантовъ. Человекъ съ пестью, конечно, вызоветъ противника на дуэль, но негодный подельнаго рода распоряжается иначе...

— Генералъ! прервалъ его Рене, вставая съ достоинствомъ — дядя мой Бруссель не злодѣй и не негодяй, и какъ я васъ ни уважаю, но не могу стерпѣть подобныхъ выраженій.

— Вашъ дядя Бруссель самый черный мерзавецъ, какого мнѣ только случается встрѣчать въ моей жизни, продолжалъ Рокфелъ самымъ рѣшительнымъ тономъ. — Если угодно, я докажу вамъ это.

Фальконэ не успѣлъ еще прійти въ себя отъ изумленія, какими поразили его эти слова, и попросить генерала изъясниться, какъ слуга отворилъ дверь.

— Его сіятельство всталъ, сказалъ онъ: — и спрашиваетъ, можно ли васъ видѣть.

— Скажи, что я теперь занятъ и прошу его обождать нѣсколько минутъ, — пять, много десять. Главное, чтобъ онъ не выходилъ, не повидавшись со мною.

— Такъ Лобень живетъ здѣсь? съ удивленіемъ спросилъ Рене, когда слуга вышелъ.

— Да, Анри живетъ здѣсь, и вы его сейчасъ увидите. Но прежде присядьте и выслушайте меня; мнѣ надо сообщить вамъ кое-что важное. Мысль, которая сейчасъ пришла мнѣ въ голову, — истинное вдохновеніе; можетъ-быть, намъ удастся совершенно неизвѣстную вамъ видъ этого несчастнаго дѣла и привести его къ мирному окончанію, котораго я желаю не меньше васъ.

Рене съѣлъ, и послѣ минутнаго молчанія генералъ началъ говорить.

VI.

Дуэль изъ признанія.

Физиономія г. Рокфеля съ минуту выражала удовольствіе, которое обыкновенно ощущаешь, дошедши наконецъ, помощью прилежанія и настойчивости, до разрѣшенія важной задачи.

— Прежде всего, сказалъ онъ Фальконэ: — очистимъ поле; намъ легче будетъ дѣйствовать. Я сказалъ, что дядя вашъ Бруссель отъявленный мерзавецъ. Вотъ вамъ и доказательства. Горе, гразущее его цѣлые пять маслицевъ, волосы, преждевременно посѣдѣвшіе, изступленіе его при встрѣчѣ на кладбищѣ, словомъ, все, что вы такъ добродушно приписываете скорби объ утратѣ жены, — все это происходитъ единственно изъ страсти, которую онъ, вопреки всѣмъ божескимъ и человѣческимъ законамъ, уже давно питаетъ къ своей падчерицѣ, вашей двоюродной сестрѣ.

Генерал отскочилъ назадъ, и изумленіе выразилось на его широкомъ лицѣ.

— Генералъ! воскликнулъ онъ:—вы мнѣ раскрыли глаза.

— То-то, видно, они отъ этого хотятъ какъ-будто выскочить изъ рта, отвѣтилъ старикъ, вполне-довольный дѣйствиємъ своихъ словъ.

— Да, да, теперь для меня все ясно, продолжалъ смѣя желѣзнодорожника, ударяя рукою по лбу: — теперь все объяснено, и огонь, сверкающій въ глазахъ его, когда говорятъ о Лаурѣ, и злость, или, лучше сказать бѣшенство противъ Лобнена, и несвязныя слова, вырывающіяся у него, не смотря на постоянное наблюдение за собою... да, все, что было для меня загадочнымъ въ поведеніи дяди, все теперь объяснено.

— Вы сами видѣли его на кладбищѣ. Чему, если не самой бѣшеной страсти, самой необузданной ревности приписать эту попытку завязать дуэль на ножахъ, чтобъ не сказать: это покушеніе на смертоубійство?

— Вчера точно такая же сцена чуть не повторилась въ Булонскомъ-Лѣсу, противъ дома, въ которомъ, кажется, живетъ моя двоюродная сестра. Повѣрите ли? Онъ хотѣлъ перелазить черезъ ограду и заколотъ Лобнена! Мнѣ удалось удержать его отъ этого усильными просьбами и доводами, согласными съ его образомъ мыслей: то-есть, что не должно рисковать и отъ опрометчивости потерять, можетъ-быть, возможность отомстить вполне. «Видѣть этого человѣка возле Лауры и не умертвить его!» говорилъ онъ безпрестанно, поводя глазами такъ страшно, что я непременно испугался бы, еслибъ меня легко было испугать... Вы совершенно правы, генералъ, этотъ несчастный Брюссель питаетъ, какъ видно, къ кузинѣ моей страсть...

— Непростительную, ужасную! Конечно, кузина ваша очень-хороша собой, увлекательна, и я понимаю, что человѣкъ можеть къ ней полюбить. Но глупость — не преступленіе; а что, видите сами, можетъ быть преступнѣе любви вашего Брюсселя? Любовь къ дѣвушкѣ, которую онъ видѣлъ почти въ колыбели, къ дочери жены своей; страсть къ дѣвушкѣ, которой онъ должеть бы завязать отца, еслибъ въ немъ была хоть искра чести — что ужасно! это возмутительно!

— Вы правы, генералъ, вы правы. Но хоть я и нахожу дядю моего достойнымъ порицанія, однакожъ не могу, вмѣстѣ съ тѣмъ, сказать ему и въ сожалѣніи. Онъ самъ такъ много страдаетъ отъ этой несчастной страсти..

— Фальконѣ! прервалъ важнымъ тономъ Рокфелъ:—приберегите свое сожалѣніе для теткы, которую этотъ человѣкъ возмалъ во

гробъ нуждою и огорченіями; для кузины, которой онъ готовить еще ужаснѣйшую долю. Для чистой, непорочной души, безчестіе ужаснѣе всякихъ лишеній и самой крайней нужды.

— Дѣ, генералъ, вы говорите правду и говорите, какъ честный человекъ! возразилъ Фальконэ, видимо тронутый: — до-сихъ-поръ, я всегда держалъ сторону Брюсселя, хоть мнѣ и часто говорили, что я сужу о немъ слишкомъ-снисходительно; но на этотъ разъ, признаюсь, онъ зашелъ слишкомъ-далеко! И притомъ же, какъ бы то ни было, онъ мнѣ не родной дядя, а Лаура мнѣ родная кузина. Бѣдненькая Лаура! Она была такой миленькій ребенокъ. Я всегда защищалъ ее противъ сестры, когда та хотѣла ее бить. Но знаете ли? воскликнулъ провинціалъ, пораженный внезапною мыслию: — какое счастье, что вы раскрыли мнѣ глаза! Мы чуть не сдѣлали огромной глупости съ нашимъ семейнымъ совѣтомъ.

— Что за семейный совѣтъ?

— Мы хотѣли назначить Брюсселя опекуномъ нашей кузины,

— Волка опекуномъ ягненка! воскликнулъ маркизъ съ энергическою живостью, которою отгнѣялась его рѣчь при малѣйшемъ рожденіи: — вотъ умная мысль! кому она принадлежитъ?

— Дядя; такъ, по-крайней-мѣрѣ, мнѣ кажется, хоть отецъ мой, котораго, впрочемъ, обмануть не легко, и уверилъ себя, что этотъ семейный совѣтъ и опекунство дяди придумалъ собственно онъ самъ. Нѣтъ, теперь мнѣ многое ясно, и я не допущу, чтобъ все исполнилось по желанію моего почтеннѣйшаго дядюшки.

— Полно толковать объ этомъ человекъ! продолжалъ генералъ защитительнымъ тономъ: — изъ того, что я вамъ сказалъ и въ чемъ мы впродѣ согласились, слѣдуетъ ясно, что Брюссель, движимый vanity, въ которой онъ не осмѣлится признаться, могъ, конечно, искать ссоры съ моимъ племянникомъ; но онъ не имѣетъ никакого права обидѣть себя защитникомъ семейства, которое ему до-сихъ-поръ обязано только безпорядками, горемъ и несчастіемъ. Согласны ли вы съ этимъ?

Фальконэ подавъ молча знакъ согласія.

И такъ, Брюссель въ сторону, и будемъ продолжать, не касаясь его. По удаленіи этого посторонняго лица, остается несуетная ссора фамиліи Фальконэ съ фамиліею Дюбонъ. Вы видите, что я нисколько не стараюсь прикрыть затруднительность положенія, а напротивъ того, выставлю его во всей его важности. Фальконэ и Дюбонъ — не напоминаетъ ли вамъ это «Монтекки и Капулетти»?

Сынъ желѣзнодорожника, не желая обнаружить своего нечестія, опять молча наклонилъ голову.

— 71. Вотъ снорный пудитъ *самъ belli*, продолжалъ генералъ,

связанъ съ влиятельнѣею дѣловольницею своей собственной рѣчи: —
 Луиза Манаръ, племянница вашего отца, живая уже мать изслѣ-
 докъ въ дѣлѣхъ на ошунѣхъ Будоньского. Иса и принимаетъ тамъ
 свою часть; ежедневно, если хотите, моего племянника Анри Лоб-
 дева... Похищеніе и обольщеніе? говорите вы...

— Позвольте, генералъ, прервать Рене:—я не совсемъ это го-
 ворю...

— Если не вы, такъ вашъ отецъ. Похищеніе и обольщеніе! по-
 ларить Фалкане.—Дружба и защита! отказаетъ мой племянникъ.
 Кто правъ, кто неправъ? Я не хочу тутъ рѣшать; слѣдовательно,
 вы видите, что я влиаю безпристрастенъ. Ясно, неоспоримо, од-
 нинемъ; что во всемъ этомъ происшествіи есть что-то таинствен-
 ное, загадочное, чѣмъ семейство ваше, сегодня, можетъ оскор-
 биться.

— Такъ вы допускаете, генералъ, что вы не совсемъ непра-
 внѣ вслѣдствіе спросилъ молодой провинціалъ.

— Безъ-сомнѣнія. Я никогда не позволю себѣ порицать справед-
 ливой проницательности семейства столь почтеннаго, какъ ваше. По-
 вторяю: вы имѣете полное право находить, что поведеніе племян-
 ника моего относительно васъ нѣсколько-необдуманно. Конечно,
 онъ поступилъ бы гораздо-благоразумнѣе, отдавъ вашу кузину
 подъ некрѣпительство вашего отца, вашего Чоге, чтобы самому
 разыгрывать роль защитника, что рано или поздно должно бмѣе
 возбудить разныя неблагопріятныя толки. Но надѣйтесь въ вни-
 маніи и молчаливости, необдуманности, умолчаніи. Кроме того, Анри
 вамъ скажетъ, что онъ былъ только вѣрнымъ исполнителемъ во-
 слѣдней воли вашей покойной тетки. Намекаетъ, есть обстоятель-
 стве, которое очень уменьшаетъ вину его, если вообще онъ вино-
 вникъ; иными: слова кузина теперь у сестры моей.

— У госпожи Лобдева? спросилъ Рене съ извѣстными участіемъ.

— Со вчерашняго вечера. Это значить, что сестра моя, жем-
 чина работная и строгая въ высочайшей степени, вполне убѣди-
 ла въ частотѣ отношеній сына своего къ вашей кузинѣ. Если что
 изъ Боговска обьясняетъ, что она довольна, кто же другой имѣ-
 етъ право быть въискательницею?

— Генералъ! я въ восхищеніи отъ вашихъ словъ, сказалъ Фал-
 кане, потирая руки.—Я имѣлъ уже честь доложить вамъ, что же-
 лаю только мира, и мнѣ кажется, что мы подвигаемся быстрыми
 шагами къ желанной цѣли, если нужна моя къ дѣлѣ госпожи
 Лобдева.

— Миръ! конечно миръ, и мы съ своей стороны ищемъ его;
 спрашиваетъ старый генералъ своими отеческими глазами.— Глав-

ное теперь: удалить всё малкія препятствія. Приступимъ же къ дѣлу. Распря, возникшая такъ во-время между нашими двумя семействами, можетъ кончиться только одною изъ трехъ слѣдующихъ развязокъ: племянникъ мой женится или на вашей сестрѣ, или на вашей кузинѣ, или же ни на одной изъ нихъ. Въ первомъ случаѣ, эпизодъ Будоньскаго-Льса останется покрытъ туманною пеленою, и, помощью услужливыхъ толкователей, конечно, можетъ нанести некоторую тѣнь на добрую славу молодой Менаръ. Во второмъ случаѣ, ваша сестра, дважды патти помолвленная за Анри, почувствуетъ, можетъ-быть, себя несколько-оскорбленною. Наконецъ, въ последнемъ случаѣ, вы будете имѣть два неудовольствія вмѣстѣ одного. Вы видите, что бы ни случилось и въ какія бы двери ни вышелъ племянникъ мой изъ своего затруднительнаго положенія, ваше семейство всегда останется имъ отчасти-недоволено, если мы не примемъ теперь же надлежащихъ мѣръ къ удовлетворенію вашего законнаго негодованія и не уничтожимъ всѣми возможными дальнѣйшими упрековъ.

— Дѣ, конечно, желательно было бы уладить это дѣло такими образомъ, произнесъ Ренѣ, покачивая головою.

— Это зависитъ отъ насъ, ласково возразилъ генералъ.

— Если отъ меня, то дѣло кончено.

— Еще не совсѣмъ; но, если хотите, оно будетъ кончено сегодня же.

— О чемъ же мы говоримъ? спросилъ провинціалъ, сопровождающій свои слова взоромъ, въ которомъ выразилось болѣе удивленіе, чѣмъ провинциальности.

— Вы меня не поняли?

— Признаться, не совсѣмъ.

— Я постараюсь говорить яснѣе. Между порядочными людьми водятся, что если, по неосторожности, одинъ замачиваетъ другаго и отъ этого останется пятно, надъ которымъ другіе могутъ смѣяться, то столкнувшіеся въ одно прекрасное утро, какъ, на-причаръ, сегодняшнее, противники сѣкуются въ окрестностяхъ Моаружъ или въ Велсенскомъ-Льсу. Прибывъ на мѣсто, сжимаютъ сюртуки, и безъ негодованія, безъ ненависти, безъ злобы, выпускаютъ другъ другу немножко крови. Этого бываетъ совершенно-достаточно, чтобъ смыть пятно и замать всѣмъ ротъ. Теперь вы поняли меня?

— Почти, отвѣчалъ Ренѣ, круглое лицо котораго преобразилось въ овальное.

— Подобныя дуэли мы, люди опытные, называемъ дуэлями въ приличіи, для различія отъ дуэлей по охотѣ, которыя могутъ вращаться только сумасбродствъ и забіякамъ.

— Эхъ, генералъ! отвѣчалъ молодой провинціалъ, наирагая всѣ

своемъ сердцѣ, чтобъ удивилъ: — дакъ, кажется, ужасно хочется, чтобъ я портался съ вами, другомъ Андря? Вотъ уже второй разъ вы повторяете одно и то же.

— Кто тутъ говорить о томъ, чтобъ развѣлся? Ужъ, конечно, не я! Я иду въ воду только муръ.

— Странный муръ, начинающийся съ дуэли!

— Вамъ это можетъ казаться не логичнымъ; но ничего не можетъ быть благоразумнѣе и разумнѣе.

— Какъ вы находите благоразумнымъ, чтобъ, иля муръ, мы съ Андря начали съ дуэли?

— Безъ всякаго сомнѣнiя. Всею искренно, пожимають другъ другу руки люди, скрестившіе сначала шпаги. Если вы не посядете никому совѣту, у васъ непременно останется кое-что на сердцѣ.

— Клянусь вамъ, генералъ, что я вовсе не сердитъ на Лобъ.

— Я говорю не о васъ собственно, но о давленъ отцѣ, который вродочю-длоднатенъ, и непаристи котораго вы дозволяете будете служить орудиенъ. Я уверенъ, что въ ваши дѣта господи Фальконё воспользуются средствомъ, которое я вамъ предлагаю, какъ самую простую и благородную, развѣлку ссоры, раздѣляющей наши два семейства.

Эти слова тронули Фальконё за живое.

— Надюсь, что я не выродился и не отстаю отъ отца, прощесь онъ съ большимъ жаромъ: — все, что свѣдѣлъ бы онъ въ вашъ дѣта, свѣдаю и я, въ случаѣ нужды.

— Хорошо, Фальконё, хорошо! возраждъ одобрительно старый перикъ: — эта живость нравится мнѣ больше власти, которая въ васъ владыа. Въ васъ есть много хорошаго, а это знаю, и чтобъ направить васъ на путь истины, стоить только указать вамъ его. Я наймаъ васъ, такъ-сказать, врасплохъ, и не удивительно, что вы не вдругъ поняли всѣ выгоды моего предложенiя.

— Признаюсь, одежда Ренё, котораго вспышка уже прошла; — я и теперь не донимаю этой выгоды.

Ну, такъ слушайте. Начнемъ съ того, что намъ надо только удовлетворить справедливую негодливость вашей фамили, чтобъ облекать тамъ доброе примиренiя. Это значитъ, что мы, ограничившись самыми тѣсными предѣлами поддника нѣтъ предвѣта, Во-первыхъ, безъ пистолетовъ. Вы скажете, что кто не хочетъ убить противника, тотъ дѣлаетъ въ сторону? Знаю; но недокіе стрѣлки нѣтъ врите попадають въ противника, когда метять не въ него; предоставить слѣбному случаю подобныя возможности — было бы смѣлать неосторожно и опасно. Следовательно, дуэль на шпагахъ. Вы скрестите шпаги, выпадете раза два, отпарируете, кто-нибудь

будеть слегка оцарапаны, а, можетъ-быть, и тогда не будетъ — в лице кончено. Теперь рассмотрим последствия.

— Да, рассмотрим последствия, произнесъ Фальконъ, котораго лицо несколько не прощалося отъ изложения теоріи дуализма-принципа.

— Во-первыхъ, не будетъ процесса. Не омычанимъ дуэль, вы и Анри подадите другъ другу руки; неужь, мы все вместе пойдёмъ къ вашему отцу. — Фальконъ, смилуй я смилуй — терпима неужь вы, когда уже провита провь. — Я говорю это теперь, предполагая, что вы или Анри будете слегка оцарапаны. Понимаете?

— Совершенно... отвѣчалъ Рене съ полуулыбкой.

— Одно изъ двухъ: или вы будете оцарапаны (раной этого называть нельзя), и тогда отецъ вашъ разнужится; или же племянникъ, — и это польститъ его гордости. Человеческое сердце уже такъ создано. Во всякомъ случаѣ, отъ униженія ли, отъ пріятной ли гордости, отецъ вашъ не откажется пожать мою руку, если я прійму ее говоря: останемся друзьями. Итакъ, процесса не будетъ.

— Быть-можетъ, произнесъ колеблясь сынъ жеманнозаводчика: — что подобная сцена въ-самомъ-дѣль подвѣствуетъ на моего отца, особенно, если я раню Лоблена.

— О! это крайне польстило бы вашему отцу. Онъ, конечно, не признается, но я его знаю. Все отцы одинаковы. Храбрость сына всегда радуется ихъ. Итакъ, повторимъ: процесса не будетъ. Съ другой стороны: дуэль съ Брюсселемъ также уничтожится.

— Вотъ еще! Да какъ же это?

— По смыслу известнаго правила римскаго права: *Non bis in idem*.

— *Non bis in idem*, повторилъ Рене, рывительно не понимая такого изъясненія.

— Конечно, двѣ дуэли по одному поводу — дѣло не позволительно; и я этого никогда не допущу. Если дѣло ваше будетъ уже разъ кончено, съ какого права Брюссель осмѣлится опять начать его? Какъ защитникъ вашего семейства? Единственный, законный защитникъ, котораго мы можемъ признать, это — вы. Притомъ, еслибъ его пріязаніи и нивли какую-нибудь тѣнь основанія, то правило: *non bis in idem* все-таки не терлетъ своей силы. Развѣ Брюссель осмѣлится открыть настоящую причину своего заступничества? развѣ осмѣлится онъ объявить передъ всѣмъ свѣтомъ, что влюбленъ въ свою падчерицу? — никогда!

— Это, дѣйствительно, невѣроятно.

— Итакъ, дуэль съ Брюсселемъ уничтожится, повторилъ старикъ. Самодовольствіе его видимо возрастало по мѣрѣ того, какъ

онъ объявлялъ своему слушателю въроитный послѣдствія воинствен-
ной мѣры, предлагаемой имъ съ чисто-миролюбивою цѣлью.

Фальконэ, наморщивъ брови и кусая губы, взвѣшивалъ молча
доказательства и заключенія стараго генерала.

— Да, произнесъ онъ наконецъ: — мнѣ понятно, что, предвидя
непуготный процессъ и еще гораздо-болѣе-серьезную дуэль съ
Брусселомъ, Лобпенъ можетъ найти для себя очень-выгоднымъ
отдѣлаться легонькимъ поединкомъ со мною; но я совершенно не
полагаю, что выиграю я, согласившись на эту дуэль.

— Впрочемъ, вы выигрываете примиреніе.

— Удивительное примиреніе, для достиженія котораго одинъ
изъ насъ можетъ заплатить жизнью!

— Да развѣ я вамъ не объявлялъ, что необходимо зажать ротъ
васловидъ яснымъ доказательствомъ, что наша фамилія глубоко
уважаетъ вашу?

— Уваженіе, выражаемое ударами шпага!

— Но вѣдь вовсе не нужно проколоть другъ друга насквозь; на-
дѣнная парашина...

— Какъ вамъ угодно, генералъ; но, желая опарашить, можно
также и убить противника.

— Полно! да гдѣ же видно, чтобъ убивали на дуэли-нѣзъ-при-
личія?

— По-крайней-мѣрѣ, быть мѣтучейнымъ...

— Фальконэ! произнесъ насмѣшливо Ренебль: — вы сейчасъ го-
ворили, что не отстали отъ отца, и, признаюсь вамъ, я думаю,
что въ васъ сильное сердце.

— Вы не ошиблись, генералъ, прибавилъ Рене, затронутое са-
молюбіе котораго воскресило въ немъ опять минутную энергію: —
я не совсѣмъ лишенъ мужества, какъ вы, кажется, думаете, и
готовъ, если вамъ это пріятно, подставить грудь кому бы то ни
было, графу ли де-Лобпену или всякому другому.

— Bravo, Фальконэ! теперь я опять узнаю кровь вашего отца.
Вѣртесь моему благоразумію. Не-уже-ли я захотѣлъ бы запу-
тить васъ въ подобное дѣло, еслибъ не былъ увѣренъ въ хоро-
шемъ окончанія его? Я напишу словечко Равиньяку. Онъ и я, вы
будете свидѣтелями, — больше никого не надо. Такимъ-образомъ,
намъ возведетъ дѣло отечески, и никто не будетъ имѣть права ска-
зать что-нибудь.

Маркизъ всталъ и подошелъ къ письменному столу.

— Такъ вы, генералъ, не шутите? произнесъ Фальконэ нѣсколь-
ко-увольнованнымъ голосомъ.

— Вы спрашивали меня, какая для васъ выгода оказать Анри
какую-нибудь услугу, о которой я васъ прошу, отвѣчалъ генералъ,

слова къ слову: — во-первыхъ, огромная выгода, какой вы и не подозреваете.

— Какая же это, генералъ? спросилъ Фальконэ, отирая на лбу несколько крупными каплями пота.

— Кто посвящаетъ Каф-де-Нарі и Оперу, несетъ желтыя перчатки и штыть во лбы, тому чрезвычайно-выгодно подрасть хоть разъ. Это держатъ не благородной дистанціею себя къ Анрі — одинъ изъ лучшихъ учениковъ Грима и одинъ изъ искуснейшихъ стражковъ у Лапажа. Дуэль съ вами избавитъ васъ отъ десяти другихъ и сдѣлаетъ вамъ, говоря нравственно, много добра.

Ренé Фальконэ стоялъ прислонившись къ камину, съ пошлостившимъ лицомъ и неопредѣленнымъ взглядомъ. Крупные капли пота выступали на лбу его, и онъ, казалось, никакъ не могъ убѣдиться, чтобъ дуэль съ лучшимъ ученикомъ Грима могла принести ему какую-нибудь нравственную или фантасическую пользу. Генералъ, между-тѣмъ, какъ-будто не замѣчая измѣненія лица дуэанта-полюбовнѣ, и восторженно написалъ записку къ какому-то стрелку.

— Прощу васъ, позвоните, сказалъ онъ Ренé, накладывая облатку.

Сынъ желѣзнодорожника повиновался машинально и дошелъ до спурокъ съ такимъ мрачнымъ видомъ, какъ-будто звонилъ за убойной собственной души своей.

— Я завтракаю сегодня дома, ровно въ десять часовъ, сказалъ де-Рокеэль: — насъ будетъ четверо. Пошли Лаурена съ отцомъ въсьмомъ къ Равиньяку, и доложи Анрі, что я его ожидаю.

Опорé вышелъ.

Минуту спустя, Анрі вошелъ въ спальню своего дяди.

Изъ всѣхъ действующихъ лицъ этой драмы, Анрі былъ, быть-можетъ, единственное, котораго спокойствіе не было нарушено заботами или чувствомъ мести. Онъ, конечно, заснулъ очень-поздно, да и до сна ли влюбленному сердцу? но бессонницу его улаживала самая радужная мечта. Съ сіяющимъ взоромъ, съ улыбкой на устахъ, съ открытымъ лицомъ и оживленными движеніями, онъ могъ бы служить образцомъ для воображенія Надежды, богини-векровательницы юности.

Прислонившись дяди, Анрі обратился къ Ренé. До-сихъ-поръ онъ чувствовалъ мало влеченія къ сыну желѣзнодорожника, существу весьма-наповышешному, даже довольно-пошлону; но въ эту минуту что-то неопытное влекло его къ молодому Фальконэ, и онъ чуть-чуть не воображалъ себя, что видитъ сіяніе около его рыжей головы. Какъ бы те ни было, а Ренé былъ двоюродный братъ Лауры.

— Здравствуйте, любезный Фальконэ, сказалъ онъ самымъ при-

вспыхивать годосомъ: — тремя года я не узнаю — понравится вамъ съ приездомъ, но поверьте, что я радъ отъ души видя васъ опять въ Парижѣ.

— Я также въ восторгѣ, пробормоталъ чуть-визно молодой предприниматель, скрививъ съ судорожною невольностью протянутую чую губу.

... — Прекрасно, прекрасно! восклицаетъ вставая г. де-Рокебаль: — эта рокевальская выключенность знаменитая встрѣчу французской гвардіи при Фонтенотра: оспаривать умѣете жить, въ слѣдъ за тѣмъ умѣете умереть.

— Чѣмъ вы хотите сказать, дядюшка? спросилъ Лобнень.

— Я удаленъ страстно къ антигезамъ, отвѣчалъ маркизъ, приближаясь къ камину. Впрочемъ, въ этомъ недостатокъ упрекали и Вольтера. Умѣете умереть тутъ вовсе не у мѣста, объявляю это торжественно. Фадименъ, садитесь на свое мѣсто. Лобнень, вотъ кресло.

Молодые люди сѣли, Анри нѣсколько удивленный, Рене взволнованный бѣгомъ, чѣмъ желалъ обнаружить.

— Анри, продолжалъ торжественно старый генералъ: — г. Фадименъ, движимый весьма похвальнымъ намереніемъ уничтожить въ своемъ вѣдѣніи сѣмя раздора, готоваго возникнуть между нами двумя семействами, желаетъ получить отъ тебя удовлетвореніе, въ которомъ ты ему, конечно, не откажешь. Вотъ причина, почему я обнимаю честию его ранняго посѣщенія.

— Какъ? Рене, воскликнулъ Лобнень съ неприятнымъ удивленіемъ: — вы хотите со мною драться?

— Я совершенно ничего не хочу! вскричалъ простодушно самъ жалкозаводчикъ: — эта прекрасная мысль принадлежитъ вашему дядѣ.

Генералъ прервалъ объясненіе, которое могло разстроить эти протворные планы.

— Кому бы первому ни пришла въ голову эта мысль, важнѣе Анри, или нѣтъ, это совершенно все равно. Далеко въ томъ, что она хороша, и что это единственное средство выпутать насъ изъ бѣды.

Г. Рокебаль въ немногихъ словахъ объяснилъ племяннику дядю, которое наставлялъ ему безъ его вѣдома.

— Любезный дядюшка, отвѣчалъ Анри, пытаясь въ тишинѣ прочесть, что-нибудь да дикъ дровнивала, вышедшего между-тѣмъ въ какую-то задумчивость. — Я весьма извѣрно въ вашему благо разумію и готовъ исполнить все, что вы мнѣ скажете за лучшее.

— Хорошо, отвѣчалъ генералъ: — вы говорите какъ слѣдуетъ вѣжливому племяннику и храброму молодцу. Теперь, господа, идите къ концу свой туалетъ, но умолю васъ отправиться въ то-
т. XXXIX. — Стл. I.

стиную: тамъ вы найдете, въ ожиданіи завтрака, и огонь въ каминѣ и газеты.

— Должно признаться, что у вашего дядюшки странная манера устроить дѣла, замѣтилъ Фальконэ, вышедъ вмѣстѣ съ Любинъ въ гостиную.

— Онъ служилъ сорокъ лѣтъ, участвовалъ во всѣхъ войнахъ имперіи, семь или восемь разъ раненъ, такъ ему простибельно смотрѣть на нашу дуэль не такъ серьезно, какъ будемъ на не смотрѣть мы, взявшись за шпаги.

— Вы разве жаждете моей крови? спросилъ Рене, принужденъ улыбаясь.

— Нисколько. А вы жаждете моей?

— Ни малѣйше. Я до сихъ поръ не могу понять, изъ-за чего мы станемъ драться.

— Намбрѣніе моего дяди въ сущности прекрасно. И какъ, когда намъ нельзя теперь отступить, не обнаруживъ робости, то лучше всего слѣдовать его распоряженіямъ.

— Ну, на этотъ разъ ужъ нашего дядю, пробормоталъ Рене — но впередъ будь я дьячкомъ, если съяжусь когда нибудь съ этимъ старымъ дубакомъ.

Ровно въ десять часовъ, генералъ де-Равиньякъ, лучший другъ г. де-Рокфеля, вошелъ въ гостиную. Это былъ высокій, прямой сухой старикъ; блѣдное и строгое лицо его составляло разительную противоположность съ живымъ цветомъ и подвижною оживленіемъ его стараго товарища.

— Вотъ въ чемъ дѣло, сказалъ маркизъ, отводя его въ сторону:

— во-первыхъ, позавтракаемъ.

— Согласенъ, произнесъ баронъ де-Равиньякъ съ своею немалымъ важною важностью.

— По нѣкоторымъ, известнымъ мнѣ, причинамъ, завтракъ долженъ продолжаться до полуля.

— Теперь десять часовъ. Если завтракъ твой стоитъ того, чтобы имъ позаняться, врядъ-ли мы кончимъ и къ двѣнадцати.

— Вставъ изъ-за стола, мы садимся въ экипажъ. Купе твоё съ тобою?

— Да.

— Ты велѣлъ кучеру ждать?

— Да.

— Хорошо. И такъ, вставъ изъ-за стола, мы садимся въ экипажъ и идемъ въ Сен-Мандэ.

— За чѣмъ?

— Я тебѣ это сейчасъ расскажу.

— Часъ ѣзды туда, часъ назадъ, продолжалъ г. де-Рокфель, гово-

ри про себя: — часть на окончание нашего дѣла, стало-быть, мы
исполнимъ въ Парижѣ не раньше трехъ часовъ, и следовательно
порученіе моей сестры будетъ въ точности исполнено.

— Какое дѣло окончимъ мы въ Сен-Мандѣ? спросилъ старшій
Равиньякъ съ непоколебимымъ равнодушіемъ.

— Маркизъ отвѣлъ сослуживца въ углубленіе окна какъ-можно
дальше отъ молодыхъ людей.

— Дѣло въ томъ, сказалъ онъ: — чтобъ отворотить процессъ
между семействомъ этого молодого человека съ рыжей бородкой
и нами. Чтобъ поскорѣе уладить все дѣло, онъ согласился съ
моимъ племянникомъ нанести другъ другу нѣсколько миролюбивъ
ыхъ ударовъ пингами. Ты будешь свидѣтелемъ г. Фальконэ: такъ
называется рыжій герой.

Баронъ де-Равиньякъ покачалъ головой въ знакъ одобренія.

— Въ этихъ молодыхъ людяхъ болѣе здраваго смысла, чѣмъ
обыкновенно встрѣчаешь въ нашъ подъязычскій вѣкъ!

Какъ вѣрный послѣдователь императорской школы, баронъ от-
личался особенною ненавистью къ адвокатамъ, которыхъ, въ подра-
жаніе Наполеону, и въ знакъ совершеннаго своего презрѣнія, на-
зывалъ идеологами. Десять дуэлей были для него гораздо-пріятнѣе
процесса, — очень логическое слѣдствіе этой антипатіи. По-этому,
узнавъ сущность настоящаго дѣла, онъ вполне одобрилъ счастли-
вую мысль все-улаживающей дуэли.

За завтракомъ не случилось ничего особеннаго. Фальконэ, сна-
чала задумчивый и серьезный, мало-по-малу оживился. Похвалы
двухъ ветерановъ имперіи его героической рѣшимости и добрыя
мнѣя маркиза совсѣмъ разсѣяли его раздумья, и храбрость его
разыгралась къ концу завтрака.

— Уже пробило двѣнадцать, сказалъ онъ неожиданно, выпивъ
кофе и взглянувъ на часы: — кажется, можно бы и въ дорогу.

— Фальконэ, и васъ очень уважаю, воскликнулъ Рокфелъ, про-
тягивая ему руку.

— Вдѣсь, сказалъ вставая Равиньякъ.
Все послѣдовали его примѣру.

Согласно условію, баронъ взялъ Рене къ себѣ въ карету, а мар-
кизъ сѣлъ въ свою, гдѣ уже лежалъ длинный ящикъ съ парюю
отличныхъ пингачъ. Въ ту минуту, когда Лобненъ хотѣлъ сѣсть
возлѣ дяди, кто-то дернулъ его за руку очень-непринужденно.

— Это я, господинъ Анри, прозвнесъ знакомый голосъ Жо-
зильюна.

— Прочь! закричалъ г. де-Рокфелъ изъ кареты: — намъ некогда
терять время.

— Мнѣ нужно вамъ сказать два слова, господинъ Анри, продол-
жалъ Жозильюна.

Жань садовникъ съ таинственнымъ видомъ, не переставая доргать егѣ за рукавъ.

— Дураки! закричалъ громовымъ голосомъ маркизъ:—видно ты хочешь опять возобновить знакомство съ моими хлыстами!

— Толстый генералъ узналъ меня, пробормоталъ Жювальонъ, отступая осторожно за карету.

Отсюда, на минуту укрывшись отъ опасности, Жювальонъ сдвинулъ Анри знакъ подойти.

— Говори скорѣе, сказала ему Анри, передавая его приглашенію:—что?

— Я пришелъ доложить вамъ, господниъ Анри, что произошло нынѣшнею ночью въ Мадридѣ, отвѣчалъ вѣрный садовникъ, изъ предосторожности не спуская глазъ съ дверей кареты.

— Что же случилось? спросилъ Доббень.

— Ничего, господниъ Анри.

— Только-то?

— Почти.

— Въ такомъ случаѣ, не стоило оспаривать меня, произнесъ Доббень, подходя назадъ къ дверцамъ.

— Нѣтъ, господниъ Анри, я долженъ доложить вамъ кое-что.

— Такъ говори же.

— Я отъ графини, куда вы мнѣ вчера приказали явиться. Мнѣ сказали, что вы у толстаго генерала, и вотъ я и пришелъ сюда.

— И больше ничего?

— У графини я видѣлъ маркизу Жауру.

— Ты видѣлъ ее? провanesъ Анри, спрыгнувъ деснышно съ ледяной, на которую онъ было взошелъ.

— И вотъ записочка, которую она поручила мнѣ отдать вамъ, сказалъ онъ, вынимая изъ кармана письмо, объемъ котораго вполне оправдывалъ названіе записочки.

— Анри! закричалъ въ эту минуту генералъ, высунувъ въ дверцы пылающее отъ негодованія лицо:—скажино застарѣлъ себя ждать въ подобную минуту. Они будутъ на мѣстѣ за полчаса до насъ. А ты, негодяй, прибавилъ старшій маркизъ, обращаясь къ садовнику:—если ты не истернешь сію же секунду, а взамою на твоей спицѣ мою трость.

Доббень прыгнулъ въ карету и старикъ замолчалъ.

— Конечно посланіе отъ прекрасной героини? спросилъ генералъ, заматывая письмо.

— Да, лядюшка; позвольте прочесть?

— Разъ у меня чугунное сердце? Читай, добродѣль; а между-тѣмъ выкурю сигару.

В ту минуту, когда Анри распечатывал письмо, карета грохнулась и скоро исчезла из вида.

Свидание.

Для часа после отъезда генерала Рокелли и его гостей в Венсовский-Лазь, сцена другого рода происходила в турецкой отбани. Господинь Фальконэ, скрестивъ руки на груди и сардонически улыбаясь, ходила большими шагами взадъ и впередъ по комнатамъ, довольно-прилично обблуженной. Одинокій глазъ его горелъ какъ раскаленный уголь, и зловещее лицо его выражало какое-то торжество, что, впрочемъ, не придавало ему красоты, а напротивъ, только еще выказывало его безобразіе.

Съ этими признаками лукаваго самодовольства ступившая тайное материнице, придававшее походку желвагозаводчицы что-то нерешное и перылистоое. Онъ ожесточенно поспрашивала на стѣнные часы и иногда подходила къ окну, пристально глядя на дворъ, какъ-будто взоръ его могъ ускорить пріездъ ожидаемой особы.

— Если онъ еще промедлитъ, она пріѣдетъ раньше его, сказала она наконецъ съ досадою.

Опасеніе старика не оправдалось. Минуту спустя, дверь распахнулась, и вошелъ Жоржъ Брюссель. Трудно было бы вообразить себѣ что-нибудь разпорядителе этихъ двухъ людей въ настоящую минуту. Желвагозаводчикъ, шлепая въ себѣ злобную радость, какъ шлепая ядъ, былъ легокъ, живъ, готовъ укунуть; вѣдчикъ Лауры, глубоко ужасенный рѣшностію, казался сумрачнымъ, улыбаясь, поворачивавшимъ всю свою бодрость.

— Я уже начиналъ думать, что вы не получили моей записки, сказала Фальконэ, встрѣчая своего зятя съ привѣтливостію, которая была неискреннею, что вчера онъ принаглъ его довольно-долго.

— Я ее только-что получилъ, отвѣчалъ лаконически Брюссель. Однако жъ отправилъ ее съ нарочными еще въ девятую часу утра, съвѣчалъ скрага, для котораго отсылка письма не по городской почтѣ, а черезъ комиссіонера, составляла слишкомъ-важное обстоятельство, чтобы не выставить его на видъ.

— Я выхожу изъ дома по нашему плану; оно рано поутру, и протрѣлся домой только теперь.

— Ну, что вышло изъ суда?

— Будетъ свободенъ только послѣзавтра. Надо подождать до тѣхъ-поръ.

— Вамъ это неприятно?

— Да, по мнѣ бы скорѣе кончить, отвѣчалъ Бруссель глухимъ голосомъ.

— Я прочелъ тотчасъ на вашемъ лицѣ, что дѣло идетъ не успѣшно.

— Признаюсь. Ненависть моя къ Лобнену превращаетъ для меня всякое отлагательство въ муку. Но что вы можете мнѣ сказать?

— Сядьте, отвѣчалъ Фальконъ.

Бруссель сѣлъ.

— Вы не поздравляете меня съ новою квартирой? сказала, желѣзнодорожникъ, оглядываясь съ тщеславнымъ самоудовольствиемъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ разсѣянно Жоржъ;— вчера мы принимали меня, кажется, не въ этой комнатѣ.

— Это, вортъ побери, не какая-нибудь комната, а салонъ. Вы могли замѣтить, что есть особая передняя, и спальня моя тоже особа, прибавилъ скрапа, указывая на занавѣсъ алькова. Знаю, что это обойдется мнѣ въ копѣйку, но рать куда не шло; на каждый день случается принимать такихъ гостей, какихъ я жду теперь.

— Этотъ визитъ находится въ какой-нибудь связи съ тѣмъ, что вы хотите сказать мнѣ? спросилъ Бруссель, тихо стараясь скрыть свое нетерпѣніе.

— Оутъ Развѣ я сталъ бы диче вамъ о чемъ рассказывать? Я не хвастунъ, Бруссель; я знаю, что на моемъ мѣстѣ другіе стали бы гордиться и хвалиться подобнымъ визитомъ. — Но повторяю вамъ, я не хвастунъ. Угадайте, кого я жду.

— Женщину?

— Конечно, женщину, но кого?

— Какъ же я могу угадать?

— Конечно съ двенадцатью некогдашними предковъ, занаву девятнадцати-шестой пробы.

— Девятому де-Лобнену? спросилъ Жоржъ съ любопытствомъ.

— Точно, ея сіятельство, отвѣчалъ желѣзнодорожникъ торопливо и съ злобой ухмылкой поцирявъ руки: — графиня Лобненъ, красавица, крестовосиелъ, привѣрная добродѣтельная дама, не даше, какъ черезъ нѣсколько минутъ выйдетъ сама, а собственному сыночку, въ эту олея, прелезонтъ торжести свою, можетъ-быть, слегка замарать свое ранушнше. Она еще не успѣла удалитъ, а я еще не такъкъ, чужденныхъ мнѣ, чтобы не могъ прослыть счастливымъ рыцаремъ...

— Госпожа де-Лобненъ прѣдетъ сама? поспрашалъ Бруссель, который не могъ опомниться отъ удивленія.

— Вы бы садовало быть уже здесь. Теперь десять минут третьяго, а она обещала приехать въ два часа ровно. Конечно, дама, особенно графиня, имѣетъ полное право заставить себя подождать важного.

— Такъ она вамъ писала?

— Это васъ удивляетъ, не правда ли? Вы удивляетесь, что столько чести могло достаться на долю человека, неимѣющаго ни одной граннаты, на долю простаго промышленника, смиреннаго кузнеца? Конечно, это неправдоподобно, согласенъ, но такъ не мнѣ истинно, и вотъ вамъ доказательство.

— Замысловатъ вынулъ изъ кармана письмо и перочинный ножъ Брюссель.

— А письмо зачиталъ вы? Скажите съ французскою тщательностью желѣзнодорожникъ, изъ Геллендону казначею Франкомъ. Не знаю, насколько графиня воображаетъ, что я пошлю васъ богатого въ преддверіи, и что выдумаетъ изъ головы самолюбивой! Она не подозреваетъ, какъ глубоко презираю и возмущаю истинно погрѣшника.

— Эта женщина боится, скажите отрывисто Брюссель.

— Я думаю то же. Ея записка слишкомъ утиха, слишкомъ прилична, слишкомъ сладкорѣчива. Ея увѣренія въ полной преданности къ нашему семейству и въ безбѣдномъ уваженіи, прилагаемомъ уже съ давняго времени собственно къ моей особѣ, эти приторныя похвалы, относящіяся къ личности, къ желанію упрочить между нами, какъ она выражается тутъ, дружеское сообщеніе, во всемъ этомъ видно что-то значенное, и изъ этихъ словъ она проглядываетъ глубокое безпокойство. Я съ вами согласенъ, Брюссель, эта женщина боится.

— Цѣль письма убѣждаетъ меня въ этой мысли еще больше его формы. Чтобъ до такой степени измѣнить своему привычному характеру, чтобъ просить у васъ свиданія—это истинная цѣль ея письма...

— Вы совершенно-правы, прервалъ желѣзнодорожникъ съ сияющимъ лицомъ.—Какими бы перифразами она ни старалась скрыть свою настоящую мысль, ясно, что графиня де-Лобенгъ, урожденная де-Рокфелль, до такой степени снисходитъ съ своего величія, что проситъ свиданія у вашего покорнѣшаго слуги. Не правда ли, это довольно-забавно!

— Предупреждаетъ васъ о своемъ посѣщеніи, вмѣсто того, чтобъ извѣстить часъ, когда можетъ васъ принять у себя!— подобный поступокъ можетъ быть объяснимъ только душевною тревогою столько же живого, какъ и неожиданною. Она потерялась до того, что совер-

— Именно забыла и гордость свою и правила, отъ которыхъ никогда не отступала. Не провадала ли она какъ-нибудь о нашихъ намереніяхъ?

— Не то, чтобъ провадала, но она не можетъ объ нихъ не знать, отвѣчалъ Фальконэ съ улыбкой, въ которой выразилось жестокое самодовольствіе.

— Кто же могъ увѣдомить ее объ этомъ? спросилъ Бруссеэль, свернувъ взглядъ, полный безпокойства, въ своего шурина.

— Письмо мое къ маркизу де-Рокефлю.

— Вы писали ему?

— Вѣра вчерашъ.

— И увидѣлиги его о нашихъ намереніяхъ?

— Не скрывая ничего. Тотчасъ по окончаніи втораго свиданія и подъ вліяніемъ всего сообщеннаго вамъ, я написала ему письмо; черновое осталось у меня, и я могу вамъ прочесть его. Надѣюсь, вы останетесь имъ довольны.

— И такъ, они теперь все на-споренъ! вскричала Бруссеэль съ сильною досадою. — Генералъ предуваждалъ свою сестру, она, безъ сомнѣній, ясна, и Богъ-знаетъ, не желалъ ли онъ уже, ухлопни ухъ себѣ и эту несчастную дѣвушку! Все было такъ хорошо придумано: мы знали гдѣ его поймать; теперь гдѣ его искать? Какая неосторожность, Фальконэ, какая ошибка!

— Я знаю, знаю, отвѣчалъ раздосадованный старикъ. — Все, что придумано не вами, не имѣетъ, по-вашему, никакого смысла; все, что сдѣлано не вами, по-вашему никуда не годится.

— Какая несчастная неосторожность! повторилъ Жоржъ, не обращая никакого вниманія на выходку шурина.

— Въ чемъ, если позволите спросить, поступилъ я неосторожно?

— Это письмо...

— Это письмо самое удачное, самое ѣдкое изъ всехъ моихъ писемъ. Я увѣренъ, что оно забѣсило этого толстаго Рокефля, а то-то же и не хотѣлъ; я знаю, что онъ не разъ потыкался надъ моею любовью къ порядку. Пускай же теперь узнаетъ, что у меня есть и ногти и когти.

— И такъ, для работческаго удовольствія самолюбія вы не побоялись рисковать...

— Я ничѣмъ не рисковалъ; я поднялъ только тревогу въ лагерь, и не думаю, чтобъ страхъ, который теперь очевидно ими овладѣлъ, былъ для нихъ выгоденъ. Впрочемъ, не-уже-ли вы считаете дѣтскими чувствомъ удовольствіе видѣть, какъ явится сюда смиренною, проткою, можетъ-быть даже молящею, это гордое созданіе, дворянская опѣсъ котораго такъ часто унижала меня? Какъ она ни лицемѣрила со мною, изъ-подъ бархатной лапки тотчасъ выглаживали когти, если мнѣ случалось забыть огромное простран-

ство, которое радѣваетъ васъ, но вы мнѣнше. Если письмо мое доставитъ вамъ только случай отплатить ей, я и тогда почту себя великъ-счастливымъ, что написалъ его. Да, Брюссель, морщина брови сколько вамъ угодно; это письмо — мастерская штука, и за тысячу франковъ я не отказался бы отъ удовольствія написать его.

— И вы воображаете, что понимаете, что такое месть? Прелесть Жоржъ съ усмѣшкой, дышавшей самымъ горячимъ презрѣніемъ. Мечь, эта истинно-великая страсть, рождается во мракѣ подобно молніи; какъ-скоро увѣрится въ своиъ могущества, она не предувѣдомляетъ и не гремитъ, не убиваетъ однимъ ударомъ. Согласенъ, что ваше письмо оскорбило маркиза: не-ужо-ли это можно почесть за торжество? Полежать, что черезъ нѣсколько минутъ передъ вами смирится гордость графини: куда какая великая побѣда! Между-тѣмъ, виновный ускользаетъ отъ васъ, и жертва его съ нимъ. О! зачемъ я не послушался голоса, который нѣтъ-вчера кричалъ: «конюша! быть-можетъ, завтра будетъ ужъ поздно».

Увлеченный непреодолимою страстію, которая иногда лишала его всякой власти надъ самимъ-собою, Брюссель засунулъ руку подъ сюртукъ, и Фалькенэ, следившій внимательно за всеми движеніями зятя, увидѣлъ вскользь ручку кинжала.

— Опешните, Брюссель! произнесъ желѣзнодорожникъ, будучи не въ состояніи продолжать некотораго волненія:—вы, я вижу, вооружены.

— Я всегда вооруженъ, отвѣчалъ Жоржъ, не замѣчая безсознательства, выразившагося на лицѣ старика.

— Конечно, эта предосторожность, можетъ-быть, не лишняя въ городѣ, гдѣ ночью грабятъ, кажется, такъ же дерзко, какъ въ Бондифонтенъ-Ласу; но я, право, не вижу, чтобъ кинжалъ былъ необходимъ для нашего дѣла.

— Это дѣло привычки; я не могу ниче, какъ вооруженный, ужъ нѣсколько лѣтъ.

— Прекрасно; но если вы привыкли хвататься за кинжалъ при малѣйшемъ equivalein разговорѣ, то врядъ-ли найдете много охотниковъ съ вами разговаривать.

— Извините; движеніе мое было безсознательно. При мысли объ этомъ человекѣ, я терлю всякую власть надъ собою.

— Тѣмъ хуже; еслибъ я зналъ это, я не выписалъ бы васъ сюда. Необходимо, чтобъ въ-продолженіи всего моего разговора съ графиней вы сохранили полную власть надъ собою.

— Не бойтесь ничего, отвѣчалъ Брюссель:— я теперь спокоенъ, и если прикажете, готовъ улыбаться.

— Не беспокойтесь; безъ этой улыбки можно обойтись, верра-

онъ сардонически старикъ: — ваша улыбка ни правдива, ни весела, и я воображаю, что еслибъ чорту вдалумалось прикинуться добрякомъ, онъ улыбался бы по-вашему.

— Ну, полно, отвечалъ Джоржъ: — забудьте это движение. Въ присутствіи графини я съумю воздержаться.

— Въ присутствіи графини! мы другъ друга не поднимаемъ, Брюссель.

— Такъ объяснитесь.

— Госпожа де-Лобенъ не должна васъ видеть.

— Къ чему же вы меня позвали?

— Слушайте, и я впередъ увѣренъ въ вашемъ одобреніи. Она ожидаетъ увидѣть меня одного, и что бы она ни хотѣла сказать мнѣ, при васъ она не станетъ говорить. Но этотъ визитъ не долженъ пропасть безъ пользы, и она должна говорить. По-этому, только-что мы услышимъ ея приближеніе, я прошу васъ войти въ мою спальню.

— Зачемъ?

— Отъ-туда вы все услышите, и можете убѣдиться, что въ случаѣ нужды я умѣю говорить съ такими людьми. Когда гордая графиня выскажетъ все и нечего будетъ больше слушать, вы выйдете. Интересно посмотреть, какое лицо сдѣлаетъ она, увидѣвъ посторонняго свидѣтеля ея униженія. Она въ состоянці задохнуться отъ досады. Но вы не должны показываться, пока я не дамъ знака.

— Какого?

— Я прислонюсь къ камину и опрокину этотъ подсвѣчникъ, скажетъ Фальконъ, снимая съ него стеклянную розетку, чтооъ не заплететь за нее, если она разобьется.

— Вы, кажется, сказали, что госпожа де-Лобенъ должна придти въ два часа?

— Да; но вѣдь эти знатныя барыни считаютъ униженіемъ быть точными въ-отношеніи къ нашему брату простому человеку.

— Двадцать-пять минутъ третьяго, прибавилъ онъ, взглянувъ на стальные часы: — если черезъ четверть часа она не придетъ, такъ это просто насмѣшка, за которую я не забуду отомстить.

Фальконъ, мучимый нетерпѣніемъ, подошелъ съ досадою къ окну, но отскочилъ въ ту же минуту.

— Вотъ она, вскричалъ онъ съ живостію: — съ ней какой-то молодая дама въ траурѣ. Ужъ не племянница ли моя?

Брюссельъ, придвинувъ къ окну.

— Лаура, закричалъ онъ дрожавшимъ голосомъ, увидѣвъ сироту. Боже праведный! это Лаура.

— Вотъ неожиданное свидѣніе обстоятельствъ! произнесъ же-

железнодорожники, несколько смутившись: — послышавъ въ спальню. Они вступаютъ уже по лестницѣ.

Брусель, не говоря ни слова, съ лицомъ пылающимъ отъ скрытности, съ налитыми кровью глазами и сильными биениями сердца бросился въ спальню; старикъ, послышавъ тотчасъ захлопнуть за нимъ дверь.

Секунду спустя послышался звонъ колокольчика у двери.

Въ двѣсти Даурѣ къ Анри были явно выражены различныя, противоположныя чувства; соединивши ее въ продолжительномъ времени, предледевой у г-жи де-Добленъ, — ножи: сладостной и вместе съ тѣмъ тяжелой, полной мелкихъ виднѣй и мрачныхъ думъ. Сердце радости и признательности, возбужденныя въ ней привѣтливостью друга, лживости котораго она не могла не замѣчать, гнѣзилось иногда, какъ червь въ пшеницѣ, какое-то мрачное предчувствіе.

— Я слишкомъ счастлива, говорила она самой себѣ: — такое великое счастье не бываетъ въ дѣланныхъ мѣрахъ, или по крайней мѣрѣ: оно не для меня. Прощай такое сладкое свиданіе, освободи меня умереть, потому что действительность покажется слишкомъ горькою.

Незамѣчая уныніе, омрачившее лицо ея сироты, развилась совершенно мало-помалу въ ней съ позволенія дяди. Какъ кому не г-жа де-Добленъ была опять такъ ласкова, такъ привѣтлива, что сама осознательная, пераль не устояла безъ предвѣсть, такого лицемернаго вниманія. Графиня, опасаясь, что брату не удастся удержать Анри до назначеннаго ею часа, тотчасъ послѣ завтрака предложила Даурѣ поехать съ нею къ еѣ. Она поѣхала съ Бланшю-Меле, в прегудай какъ продолжалась до назначеннаго для свиданія съ Фальконэ; тогда красная приказала ѣхать къ турку съ еѣ, на добромъ вѣрогѣ ни слова о свиданіи, намѣреннаго. Отворяя дверь, железнодорожникъ старался всеруководить въ еѣ и въ хладнокровіе.

— Бланшю! вѣдума! она — унывшая женщина, сказала она. Не бойсь всего этого свиданія; Брусель подыметъ меня на руки; онъ и на раздѣлѣ итѣю гордою жной: желанныи. Она — вѣдума! она — унывшая женщина, сказала она. Не бойсь всего этого свиданія; Брусель подыметъ меня на руки; онъ и на раздѣлѣ итѣю гордою жной: желанныи. Она — вѣдума! она — унывшая женщина, сказала она. Не бойсь всего этого свиданія; Брусель подыметъ меня на руки; онъ и на раздѣлѣ итѣю гордою жной: желанныи.

— Если бора не хочеть водить ко жнѣ, сказала она, парадиря, съ улыбкою, слова Мухаммеда.

Железнодорожникъ поклонился опять, и такъ же низко, какъ и въ первый разъ.

— Графиня, отвѣчалъ онъ съ смущеніемъ, проклиная внутренно свою робость: — я считаю большою честью видѣть васъ у себя. Не угодно ли вамъ войти въ мое скромное жилище?

Г-жа де-Добленъ прошла гордо передъ старымъ промышленникомъ, отступившимъ почтительно въ сторону, чтобъ дать ей мѣсто, и вошла въ салонъ такимъ же твердымъ шагомъ и съ такимъ же величественнымъ спокойствіемъ, какъ-будто входила въ самый салонъ Сенжерменскаго-Преддвѣтія.

— Точно театральная королева! подумалъ старикъ, снѣшавшійся нѣсколько отъ ея величественныхъ пріемовъ. — Не терпѣніе! Пріеманіе будетъ не такъ гордо.

Лаура, не смотря на то, что оставила Лорренъ еще почти ребенкомъ и не выдалась съ дадею болѣе семи лѣтъ, узнала его съ перваго взгляда. Не говоря уже объ одномъ глазѣ, у железнодорожника было одно изъ тѣхъ лицъ, которыя не легко забываются. Увидѣвъ такъ неожиданно человека, который послѣ смерти ея матери долженъ бы былъ замѣнить ей отца, Лаура была немилосердно и невѣроятно поражена. Она знала, какъ невозможно-холодно приняла мать ея Фальконэ, когда наканунѣ смерти своей обстоятельности заставили ее уклонять его о помощи. Она пришла за графинею мимо старика-дяди съ чувствомъ безпокойства, отравленнымъ и болѣзнью.

Вмѣсто того, чтобъ встрѣтить племянницу съ отверстыми объятиями, Фальконэ внимательно устремилъ на нее свой извѣстнѣйшій взглядъ.

— Траурное платье, достойное герцогини! подумалъ онъ, быстро сообразивъ цѣнность изящнаго наряда Лауры: — не имѣетъ ни гроша, а рядится точно какъ покойница мать ея! Жестоко ошибаются, если думаютъ, что я стану сколько-нибудь способствовать подобному похвѣстству.

Г-жа де-Добленъ села въ кресла близъ каминъ, нодала знакъ Лаурѣ сѣсть вонъ жея и потопъ указали Фальконэ на стулъ. Она повиновалась этому молчаливому приглашенію, хотя эта роль хозяйки въ чужой квартирѣ и казалась ему очень-оскорбительною.

— Начинается важничанье, подумалъ онъ: — отъ-того, что я встрѣтилъ ее въживо, какъ слѣдуетъ всякому благовоспитанному человеку, когда онъ принимаетъ даму, она уже и вообразила, что я готовъ стать на колѣни предъ ея тридцатью-двумя предками. Оно хорошо для начала, но пора зашѣть на другой ладъ.

Фальконэ, воображавшій, что увидитъ графиню де-Добленъ въ уютомъ, въ безпокойствѣ, тетовую молитву за сына, былъ пора-

жизнь спокойствием и гордостью ее приемовъ. Не смотря на свою физическую, она не знала, что въ известнѣхъ, развѣтланныхъ случаяхъ, всякая женщина становится актрисой, и редко не вынашиваетъ своей роли въ совершенствѣ, если только имѣла время къ ней приготовиться.

Графиня, хоть и ханжа, имѣла притязанія на явное челоуководскаго сердца; она очень-хорошо поняла, что выказать слабость, безпокойство иль страхъ, имѣя дѣло съ такимъ челоукомъ, какъ Фальконэ, — значило проиграть партію.

— Максимальная слабость съ моей стороны, думала она: — погубить меня. Какой пощады ждать отъ челоука безъ воспитанія и тонкаго чувства? Въ этой сухой, грязной душѣ нѣтъ ни одного великодушнаго чувства, къ которому можно бы было обратиться. Скорѣе тронуть наковальню, чѣмъ его черствое сердце. Оставить же сердце его въ покое, — это потерянный трудъ. Но я овладѣла, я поражаю его, я возмуну надъ нимъ вверхъ. Миръ, на который онъ никогда не согласится, если я его стану просить, миръ этотъ онъ самъ предложитъ мнѣ, какъ-скоро увидитъ, что я не боюсь войны.

— Господинъ Фальконэ, начала она тихою въ одно время и твердымъ и мягкимъ: — вы написали вчера письмо моему брату. Онъ сообщилъ мнѣ его, и я должна была употребить все свои старанія, чтобъ удержать брата отъ отъѣзда. Братъ мой горачъ, и сорокъ лѣтъ военной службы не исправили его. А токъ письма дѣлаго былъ таковъ, что объясненія между вами неминуемо кончатся бы самымъ неприятнымъ образомъ; этого-то я и не хотѣла никакъ допустить.

Мысль о серьезной ссорѣ, можетъ-быть, даже о дуэли съ Рокфеллемъ, не приходила до-сихъ-поръ въ голову Фальконэ, и подобная перспектива вовсе ему не нравилась. Онъ, однакожь, придалъ по-возможности строгій видъ и отвѣчалъ:

— Когда честный челоукъ говоритъ правду, онъ не заботится о послѣдствіяхъ своей откровенности. Я не отступаю ни отъ одного изъ выраженій моего письма,

— Въ такомъ случаѣ, какъ я рада, что пришла къ вамъ! перебилъ его самымъ мягкимъ голосомъ графиня. — Важность брата, ваша откровенность, въ четверть часа у васъ задвигалось бы прекрасное дѣло! Да, я вполне довольна собой, что рѣшилась съдѣлать вамъ визитъ.

Желѣзнозаводчикъ наклонно поклонился.

— Графиня, я могу отвѣчать вамъ только то, что отвѣчалъ бы самому господину Рокфеллю. Я имѣю обыкновеніе не отказываться отъ своихъ словъ. Я писалъ то, что думаю, и готовъ защищать мои слова.

— Баже мой, какой у вас сердитый вид, когда вы морщите брови! продолжала графиня съ притворною веселостью. Если вы прѣзрѣли меня, умру ли я отъ страха, по-правней-шрѣ, вы должны безъ колебанія эту молодую дѣвушку, объ имени которой вы и не думаете спросить меня.

Фальконэ бросилъ какой-то неопредѣленный взглядъ на племянницу, которая была блѣдная, пѣшая и перепуганная при словѣ, значеніи которой не постигала.

— Прежде, чѣмъ спрашивать объ имени этой дѣвушки, сказалъ онъ сухо:—позвольте попросить васъ, графиня, объяснить причину, которой я обязанъ честію вашего для меня вовсе неожиданнаго посвященія.

— Развѣ я вамъ не объяснила этого? И хотѣла предупредить споръ, который между такими двумя горячками, какъ вы и братъ мой, кончился бы худо. Вотъ первая причина, почему я рѣшилась на поступокъ, котораго, вѣроятно, не позволила бы себѣ лѣтъ двадцать назадъ. Но мой лѣтъ имѣютъ свои преимущества, свои права, и вы видите, что я ими пользуюсь. Теперь перейдемъ къ второй причинѣ моего посвященія.

Фальконэ вдругъ сильно закашлялъ, можетъ-быть желая напомнить Брусселю о томъ, что теперь настало время для полнаго вниманія.

— Еслибъ въ этомъ письмѣ, полномъ желчи, вы показали себя несправедливымъ только въ отношеніи къ намъ, я не стала бы оправдываться, какъ ни больно было бы мнѣ быть превращенною въ судию чужакомъ, котораго я привыкла уважать. Я не рѣшилась бы оправдаться, потому-что это всегда тягостно для обвиненнаго. Вы горды, но и я дорожу собою и, признаюсь откровенно, смиреніе казалось мнѣ всегда самою трудною изъ христіанскихъ добродѣтелей. Но, обвиняя сына моего въ преступленіи, о которомъ онъ никогда и не помышлялъ, вы бросили вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе-или-менѣе-черное пятно на поведеніе особы, столь же замѣчательной своею непорочною и глубокимъ религіознымъ духомъ, какъ и блестящими дарами, которыми украсила ее природа, на молодую дѣвушку, которой сердце и поведеніе совершенно-чисты, которой я не могла отказать въ нежнѣйшей любви съ перваго взгляда; на ангела красоты, невинности и добродѣтели; сядьте, на виду племянницу, вотъ на эту дѣвушку, которую отдаю вамъ, какъ ея естественному покровителю и второму отцу. Какъ мнѣ ни больно разстаться съ Маурой, я должна отказаться отъ ея пріятнаго общества. Гостепріимство мое подало уже довольно повода къ нѣкимъ клеветамъ.

Подъ конецъ этого длиннаго періода, произнесеннаго самымъ

патетическимъ тономъ, графиня встала. Последнія слова она произнесла съ такимъ чувствомъ, что, казалось, голосъ измѣнялъ ей и слезы готовы были брызнуть изъ глазъ.

Видя, какъ поступокъ, представленный зятемъ его въ столь черномъ видѣ, принимаетъ характеръ не только невиннаго, но даже похвальнаго дѣйствія, Фальконэ впасть въ совершенное изумленіе, котораго и не думалъ скрывать. Недовѣрчивость не вкрадывалась въ его умъ. Графиня принадлежала къ числу тѣхъ важныхъ, серьезныхъ, значительныхъ особъ, мнѣніе которыхъ—законъ и въ словахъ которыхъ не позволено сомнѣваться.

— Итакъ, графиня, вы клянетесь мнѣ, что сынъ вашъ не похищалъ моей племянницы? произнесъ онъ, вставая въ свою очередь, между-тѣмъ, какъ Лаура, впервые глаза въ графиню, слушала, казалось, слова ея, не понимая ихъ смысла и оставалась на мѣстѣ неподвижно, какъ статуя.

— Сынъ мой, столь несправедливо-обвиненный, былъ только посредникомъ между вашею несчастною сестрою и мною, отвѣчала г-жа де-Лобпенъ дрожащимъ голосомъ.—Вы знаете, что въ прежніе годы, въ Нанси, я была лучшимъ другомъ Матильды. Въ часъ смерти, она вспомнила обо мнѣ; она знала, что, помня старую дружбу, я приму къ себѣ дочь ея, точно такъ же, какъ она приняла бы мою. Она не ошиблась во мнѣ. Но къ-чему останавливаться на этихъ несчастныхъ воспоминаніяхъ, продолжала ханжа, поднося платокъ къ глазамъ: — къ-чему огорчать насъ всѣхъ, и особенно бѣдную дочь, вспоминая смерть матери!

Лаура, какъ ни удивилась, какъ ни изумилась двуличности женщины, которую привыкла почитать почти святою, при воспоминаніи о матери не могла удержаться отъ слезъ.

— Смотрите, какъ она плачетъ, бѣдная дѣвушка! продолжала ханжа.—Она подошла къ Лаурѣ, взглянула на нее умильно, поцеловала ее въ лобъ, будто утѣшая и успокоивая и воспользовалась этимъ движеніемъ, чтобъ шепнуть ей на-ухо.

— Виновы ли вы, невинны ли, вы теперь будьте свѣга; не вздумайте же противорѣчить мнѣ.

Лаура, приподнявшись было со стула, упала опять, побужденная ужасомъ и отвращеніемъ.

— Итакъ, я возвращаю вамъ вашу племянницу, или, правильнѣе, я даю вамъ ее въ займы, сказала графиня, обращаясь къ Фальконэ съ самою приветливою улыбкою. Железнодорожникъ стоялъ между-тѣмъ въ совершенномъ остоленіи. Онъ не могъ сообразить, какимъ образомъ это свиданіе, отъ котораго онъ ожидалъ совсѣмъ другаго, кончилось столь неожиданнымъ результатомъ.

— Графиня... пробормотала отъ владысь и съ совершенно-поверливымъ видомъ.

— Мнѣ было бы сликкомъ-больно думать, что я прощаюсь навсегда, или хотя издали, съ этою милою дѣвушкою, продолжаема самымъ сладкимъ голосомъ январская женщина. — И такъ, я жду ее на-дняхъ къ себѣ — и вмѣстѣ съ вами, господинъ Фальконъ. Надѣюсь, что теперь война между нами кончилась.

Госпожа де-Лобленъ дружески кивнула головой молодой дѣвушкѣ, которая отвѣчала ей какой-то странной улыбкой, въ которой сколько даже было что-то безумное. Потомъ, графиня пошла къ двери, сопровождаемая низкими поклонами старика, онѣмывшаго отъ удивленія.

— И такъ, прекрасная Елена возвращена Грекамъ, подумала графиня, оставшись одна. — Еслибъ Троицы поступили такъ же умно, какъ я, ихъ городъ не былъ бы разрушенъ.

XI.

Передача.

Пока г-нъ Фальконъ провожалъ графиню Лобленъ, Лаура оставалась въ забытїи, почти въ обморокѣ. Хотя страшная истина внезапно озарила ее, она все еще не могла въобрать всю глубину пропасти, въ которую ее низвергали. Обманъ былъ такъ ловокъ, что она никакъ не могла угадать его раньше. Она еще не знала, что въ двухъ шагахъ отъ нея злой гений ея семейства, Жоржъ Брюссель, съ сердцемъ трепещущимъ ужасною надеждою, ожидая минуты, чтобъ схватить свою добычу. Не говоря уже объ этомъ обстоятельстве, непредвиданномъ самою графиней, замѣна, которой Лаура была жертвою, поражала ее въ самое сердце, разлучая ее съ Анри. Вотъ въ чемъ заключался убійственный ударъ.

— Мнѣ не видать его болѣе! воскликнула сирота съ невыразимомъ горестью: — значить, все кончено! Одинъ только день счастья теперь мнѣ остается предаться своей судьбѣ, судьбѣ злополучной и ужасной! Голосъ, который слышу я во снѣ, говорилъ мнѣ это. Вотъ предчувствія мои, которыми онъ называлъ ребяческою слабостью! Не видать его болѣе, моего ангела хранителя, моего Анри!

Вдругъ сирота встала и бросилась къ двери; но на самомъ порогѣ она съ трепетомъ остановилась при видѣ входящаго дама. Лицо его было ослаблено, взглядъ беспокоенъ, онъ былъ недоволенъ. Не говоря ни слова племянницѣ, не взглянувъ даже на нее, онъ

прошелъ въ залу и приближился къ спальнѣ; но при самомъ вхо-
дѣ, вдругъ какая-то внезапная мысль его остановила, и онъ вер-
нулся.

— Не чудесный ли подарокъ? ворчалъ онъ сивозъ зубы, проха-
живаясь по комнатѣ: — откуда-ни-возьмись, является племянница,
какъ-будто у меня мало своихъ дѣтей! Это бѣдный Брюссель ода-
жилъ меня; да и не послѣдняя ли была глупость вѣрить ему на-
слово, ему, которому я ивѣю столько причинъ не довѣрять! Чортъ
меня сунулъ вмѣшаться въ это дѣло, которое, во правдѣ сказать,
несколько до меня не касается. Конечно, родство предпосылаетъ
нѣкоторыя обязанности, но всему есть границы. Ужъ не думаютъ
ли они, что я пожертвую привычкою къ порядку и экономіи рас-
точительности безразсудной дѣвчонки, которая, пожалуй, въ мѣ-
сяцъ издержитъ на свой туалетъ больше, чѣмъ я издержу въ
цѣлый годъ на свой?

Такъ продолжалъ ворчать старый скряга, расхаживая по ком-
натѣ; всякій разъ, когда онъ проходилъ мимо племянницы, оста-
вавшейся неподвижно у порога, онъ бросалъ на нее недоброже-
лательный взглядъ, какой только можетъ бросать пороку, злой дя-
дя. Наконецъ, какъ человекъ твердо рѣшившійся, онъ вдругъ оста-
новился прямо противъ нея, и сказалъ ей самымъ холоднымъ то-
номъ эти мало-утѣшительныя слова:

— Итакъ, госпожа геронья романа, вы ничего не имѣете мнѣ
сказать?

— Ничего, отвѣчала Лаура не поднимая головы.

— Прекрасный отвѣтъ, право, продолжалъ старикъ съ сардон-
ической улыбкой: — кажется, я найду въ васъ племянницу столь-
ко же почтительную, сколько и ижнью.

Сирота вѣжливо взглянула на него.

— Я не обязана ижностью къ тому, кто меня не любитъ, ска-
зала она твердымъ голосомъ: — я не обязана почтеніемъ къ тому,
кто не уважалъ моей матери.

— Что такое? воскликнулъ Фальконэ, котораго безобразное лицо
вспыхнуло отъ злости: — что значить эта дерзость?

Лаура улыбнулась съ выраженіемъ грусти и пренебреженія.

— Ивѣ хотѣлось бы уважать и любить васъ; но возможно ли
это и повѣрили ли бы вы, еслибъ я сказала, что питаю къ вамъ
одно изъ этихъ чувствъ?

— Такъ ли должна говорить дѣвушка вашихъ лѣтъ съ братомъ
своей матери?

— И вы смѣете говорить о моей матери! продолжала сирота
съ пылкостью: — о моей матери, для которой, когда она умирала
въ горѣ и отчаяніи, у васъ не нашлось не только искры привязан-

ности, но даже и одного слова утѣшенія; о моей матери; которая у ногъ вашихъ умоляла васъ сжаляться и которой вы отвѣчали: «къ-чему тутъ жалость? я братъ твой, и требую покорности!» О моей матери, которая оттолкнутая и прогнанная вами, возвратилась съ растерзаннымъ сердцемъ и на другой день умерла, проливши васъ? Вы смѣете говорить о моей матери!..

Глаза Лауры, не смотря на слезы, сверкали какъ молніи и лицо ея пылало такимъ энергическимъ негодованіемъ, что смущенный старикъ замолчалъ.

— Я васъ удивляю, не правда ли? продолжала она, и улыбка презрѣнія показала на дрожащихъ губахъ ея:—вы богаты, я бедна, сирота и одинока, потому-что меня разлучили съ единствен-нымъ существомъ, которое меня любило. Вы, конечно, ожидали, что я, какъ некогда моя матушка, буду у ногъ вашихъ умолять васъ о жалости; но знайте, человекъ немилосердый, моя мать унизилась предъ вами—только для меня; для самой-себя, она был этого не сдѣлала.

— Мать ваша была гордая женщина, отвѣчалъ отрывисто желѣзнодорожникъ, желая тѣмъ скрыть свое замѣшательство:— и я вижу, что въ этомъ отношеніи вы вполне достойная ея дочь.

— Вы называете гордостью уваженіе мое къ ея памяти? Я никогда не унижусь предъ человекомъ, немѣвшимъ къ ней сожалѣнія.

— Кто говоритъ объ униженіи? безъ всякихъ паденій къ ногамъ, въ чемъ, впрочемъ, я и не нуждаюсь, мнѣ кажется, вы могли бы говорить со мной приличнѣе. Въ вашемъ положеніи, благодарнѣе было бы...

— Я у васъ ничего не прошу, я ничего не хочу отъ васъ! прервала сирота, утирая глаза съ судорожнымъ движеніемъ.

— Вы нѣсколько торопитесь отвергать мои благодарія, возразилъ скупой старикъ, смятеніе котораго начало уступать мѣсто гнѣву:—я, кажется, еще не сказалъ вамъ, что соглашаюсь заняться вашею будущностью.

На эти жестокия слова, Лаура отвѣтила взглядомъ уничтожающаго презрѣнія и быстрыми шагами пошла къ двери.

— Куда вы? вскричалъ Фальконъ удерживая ее.

— Что вамъ за дѣло?

— Не хотите ли вы возвратиться къ госпожѣ де-Лобинь?

— Къ этой женщинѣ! произнесла сирота съ ужасомъ.

— Что за тонъ? можно ли такъ говорить о своей благодарности? Кажется, благодарность, какъ и покорность, не ваши добродѣтели?

— Благодарности! повторила Лаура, оканчивая свою мысль горестною усмѣшкою.

— Такъ вы не хотите возвратиться къ госпожѣ Лобнень? продолжалъ скряга, готовый на всё мѣры, только бы отдѣлаться отъ исполненія родственныхъ обязанностей.

— Никогда!

— Но... куда же вы пойдете?

— Богъ меня поведетъ, сказала сирота, подымая къ небу глаза, въ которыхъ выражалось менѣе мольбы, чѣмъ покорности судьбѣ.

— Богъ ее поведетъ! вотъ что чудесно! подумалъ желѣзнодорожникъ, не безъ безпокойства замѣтившій восторженность молодой дѣвушки:—кто мнѣ поручится, что она не бросится въ воду по выходѣ отсюда? Съ этими горячими головами ни за что нельзя отвѣчать, и несчастіе какъ-разъ случится!

Фальконэ былъ эгоистъ, скупецъ, человекъ безчувственный, одинокимъ словомъ, самый гнусный родственникъ, но онъ не желалъ зла племянницѣ. Напротивъ, онъ былъ бы радъ видѣть ее счастливою, то-есть богатою, потому-что въ его умѣ эти двѣ идеи были неразлучны, только бы это ему ничего не стоило.

— Я не пушу васъ въ такомъ состояніи, сказалъ онъ ей менѣе жесткимъ тономъ.

— Ужъ не хотите ли вы удержать меня насильно? вскричала молодая дѣвушка, бросаясь къ двери.

Какъ ни быстро было это движеніе, желѣзнодорожникъ предупредилъ его. Онъ стоялъ около двери и однимъ движеніемъ руки замкнувъ ее, положилъ ключъ въ карманъ.

— Теперь вы у меня въ плѣну, сказалъ онъ съ насмѣшкою:— но успокойтесь, это ненадолго; если мое общество вамъ не нравится, то и ваше, судя по образчику, не слишкомъ располагаетъ меня къ дальнѣйшему съ вами сближенію; я бы васъ принялъ къ себѣ въ домъ, еслибъ вы были лучшаго характера; теперь я этого не сдѣлаю; но между пребываніемъ у меня въ домъ и необходимостью таскаться по улицѣ есть еще середина. Я знаю одинъ пансіонъ, гдѣ вамъ до времени будетъ очень-хорошо, и я сейчасъ же возьму необходимыя мѣры, чтобъ туда васъ помѣстить.

— Пансіонъ?

— Безъ возраженій. Я имѣю теперь надъ вами всю власть отца, потому-что у васъ нѣтъ опекуна, а я глава семейства. Помните, что вы моя племянница, и, не смотря на ваше нерасположеніе, обязаны мнѣ послушаніемъ. Вы дождетесь меня здѣсь, пока я у себя въ комнатѣ напишу письмо, а потомъ мы отправимся въ пансіонъ.

Въ полной увѣренности, что племянница его не можетъ уйти,

онъ, не дожидаясь ея отвѣта, пошелъ въ спальню, отдылавшуюся отъ залы только уборною комнатою. Въ углу сидѣлъ съ поникшею головою, упершись локтями въ кровать, Жоржъ Бруссель.

При видѣ его, газетъ желванозаводчика удивился; онъ быстро подошелъ къ своему зятю.

— Самое время спать, сказалъ онъ ему тихо, остерегаясь, чтобы не услышала его племянница.

Бруссель поднялъ голову; слезы текли изъ его впалыхъ и пламенныхъ глазъ, и лице его, обыкновенно мраченное горемъ или обезображенное страстью, дышало теперь неопредѣленнымъ восторгомъ.

— Если вы и не спите, такъ мечтаете, что выходитъ почти то же, продолжалъ старикъ улыбаясь:— не смотря на эти слезы, мечты ваши должны быть очень пріятны, судя по веселому выраженію лица; но за то на меня, между-тѣмъ, обрушилась вся тягость этого дѣла. Полно! пора положить этому конецъ. Бруссель, вы меня опустили въ колодезь, и теперь, кажется, не прочь улизнуть, какъ лисица отъ козла; но не думайте, чтобы я такъ глупо подставилъ рога для того, чтобы вы спаслись, а меня оставили на днѣ этого проклятаго колодеца. Нѣтъ, Бруссель, нѣтъ, такими продѣлками не вадутъ вамъ стараго Фальконэ.

— Что вы хотите сказать? я васъ не понимаю, отвѣчалъ Жоржъ, стараясь подавить въ себѣ это странное умиленіе, которое имъ такъ безсознательно овладѣло до прихода шурина.

— Отъ-чего вы не показали, когда госпожа Лобпенъ была еще здѣсь?

— Да развѣ вы не сказали, что подадите сигналъ?

— Это правда. Ну, а послѣ ея отъезда отъ-чего вы не вопли?

— Нѣсколько разъ я хотѣлъ войти, но какая-то непреодолимая сила останавливала меня.

— Какой вздоръ! непреодолимая сила! Это еще что такое? Скажите лучше, что вамъ гораздо-спокойнѣе было оставить меня одного справляться съ первою всмычкою этой дѣвочки, которая, не смотря на свое смазлиное личико, кажется рывительнѣе всякаго демона.

— Ангелы!... Фальконэ! прервалъ его Жоржъ съ выраженіемъ восторга:— она ангелъ красоты, невинности и добродѣтели! Развѣ не сама г-жа Лобпенъ говорила это, и можно ли сомнѣваться въ словахъ такой женщины? Лаура жила со смерти матери съ нею, подъ ея покровительствомъ, подъ ея присмотромъ. И я ее обвинялъ! извѣсталь на нее! Во мнѣ мало религій, Фальконэ, или лучше сказать нѣтъ ея—и что жь? я сейчасъ благодарилъ Бога и молился! Неожиданное счастье! Лаура осталась чиста, и вся моя охасація,

подозрѣнія, все мое горе, все отчаяніе были только бредомъ сумасшедшаго, потому-что вотъ ужъ пять мѣсяцевъ, какъ я почти безуменный; но, я чувствую, прибавилъ Жоржъ съ невыразимымъ душевнымъ движеніемъ:—счастіе возвращаетъ разсудокъ.

— Вотъ что чудесно, возразилъ старый скряга холоднымъ и сухимъ тономъ, составлявшимъ рѣзкій контрастъ съ свѣтлою восторженностью шурина:—изъ словъ госпожи Лобзешъ, которой я вѣрю такъ же, какъ и вы, потому-что слова ея заслуживаютъ полной довѣренности, изъ словъ ея, говорю я, выходитъ, что племянница моя осталась вродѣ скромною, честною и добродѣтельною. Вы въ восторгѣ отъ этого, какъ вотчимъ и я нахожу это весьма-естественнымъ: я также радъ, какъ дядя, и хоть нѣтъ во мнѣ вашего энтузіазма, радость моя тѣмъ не меньше искренна. Итакъ, мы оба довольны; превосходно! что намъ теперь дѣлать съ этой дѣвочкой? Бруссель вполнину закрылъ глаза, будто опасаясь, чтобъ искры страсти, блиставшія въ нихъ наперекоръ волѣ, не вразумили старика. Съ минутою онъ молчалъ въ нерѣшимости.

— Я напередъ соглашаюсь съ вашимъ мнѣніемъ, отвѣчалъ онъ наконецъ нѣтвердымъ голосомъ.

— Вы соглашаетесь со мною; это не слишкомъ подвигаетъ дѣло, произнесъ съ видимою досадою старый скряга:—вы, можетъ-быть, полагаете, что я возьму на себя эту заботу и прииму къ себѣ Лауру?

— Мнѣ кажется, действительно, что это было бы лучше, сказалъ Жоржъ; съ жгучимъ безпокойствомъ наблюдавшій выраженіе лица желѣзнодорожника.

— Отъ-чего же лучше? возразилъ Фальконэ, неудовольствіе котораго обнаруживалось болѣе и болѣе.—Хотѣлъ бы я знать, какъ вы докажете, что Лаурѣ у меня лучше, чѣмъ у васъ?

— У меня? промолвилъ Жоржъ чуть-слышимымъ голосомъ, потупивъ глаза.

— Конечно, я ея дядя, это правда; но вѣдь и вы ей вотчимъ, а завтра будете и опекуномъ. Ваши права, по-крайней-мѣрѣ, одинаковы съ моими; а въ этотъ случай право—есть обязанность.

— Я никогда не отказывался отъ исполненія своихъ обязанностей, возразилъ Бруссель, призывая на помощь все свое лицемеріе:—изъ уваженія къ вамъ, я хотѣлъ знать ваше мнѣніе, и повторяю снова, что готовъ съ нимъ согласиться. Если вы полагаете, что вѣсто Лауры у меня, я буду ей отцомъ.

— Вотъ что называется умно говорить, Бруссель, и ваше тѣнерешнее рѣшеніе закладываетъ много проступковъ. Да и въ-самомъ-дѣлѣ, не лучше ли ей будетъ у васъ, котораго она въ-продолженіе семи лѣтъ привыкла называть отцомъ, чѣмъ у меня? Моея

она почти вовсе не знаетъ, потому-что была еще совершеннымъ ребенкомъ, когда прїѣхала съ моею сестрою въ Парижъ. И такъ, рѣшено?

— Я никогда не отказывался отъ даннаго слова и готовъ исполнить, что обѣщаль.

— Повторяю, что поступокъ вашъ благороденъ. Онъ, кажется, заставилъ меня забыть все прошедшее. Не смотря на то, что вы говорили вчера, мнѣ что-то не вѣрится въ ваше богатство, прибавилъ скупой съ видимою нерѣшительностью.—Какъ бы то ни было, Лаура мнѣ племянница; если маленькая пенсія... на молодую дѣвушку немного расходовъ...

— Нѣтъ, Фальконэ, прервалъ Жоржъ, у котораго чувство чести еще не совсѣмъ было притуплено. Онъ почувствовалъ ужасъ при одной мысли о платѣ за преступное гостепрїимство, предлагаемое имъ падчерицѣ:—нѣтъ, это предложеніе дѣлаетъ вамъ честь, но я никогда не позволю себѣ принять его. Я теперь имѣю надежду поправить свои дѣла; я вамъ объясню это. Я разорилъ это бѣдное существо, потому-что еслибъ не растратилъ имѣнія ея матери, она была бы почти богата. И потому я считаю долгомъ загладить свою вину, посвятивъ ей остатокъ жизни. Умѣренностью и трудомъ я надѣюсь возвратитъ ей состояніе, такъ несправедливо мною расточенное. Вѣрьте слову моему, Фальконэ, хотя это слово человека слишкомъ-виновнаго. Съ-этихъ-поръ, я начинаю трудиться только для Лауры.

— Часъ-отъ-часу лучше, возразилъ скупой, считая лишнимъ возобновить свое предложеніе, принятіе котораго обошлось бы ему на безъ сожалѣнія: — такъ-какъ вы рѣшились вести себя впередъ лучше, конечно я прощаю вамъ прошедшее. Главное, заботьтесь хорошенько объ этомъ миломъ ребенкѣ.

— Она дочь моя, сказалъ Бруссель.

И ни одно движеніе мускула не обнаружило преступной страсти, прикрывавшейся этими словами:

— Такъ-какъ теперь все улажено, то я пойду со двора подъ какимъ-нибудь предлогомъ, а вы въ это время отвезете ее къ себѣ. Этимъ мы избавимся отъ сцены; я терпѣть не могу сценъ, а она, кажется, готова играть мелодраму. И такъ, я оставляю васъ однихъ, и надѣюсь, что не застану васъ по возвращеніи.

— Ваши желанія исполнятся въ точности.

Старый скряга вышелъ, потирая руки.

— Она моя! провзнесъ задыхающимся голосомъ Бруссель. Отъ избытка счастья, которымъ онъ наслаждался уже заранѣе, у него закружилась голова, и онъ долженъ былъ съѣсть.

XII.

Конецъ мечтамъ!

Съ встревоженнымъ лицомъ и неподвижнымъ взглядомъ стояла Лаура, печально наклонясь къ окну. Она была похожа на птичку, которая въ первые минуты неволи выставляетъ головку сквозь рѣшетку кѣтки, не догадываясь, что, вмѣсто свободы, можетъ найдти смерть.

— Что вы здесь дѣлаете? сказалъ желѣзноавродчикъ, вдавнвъ ее за руку. Сирота машинально повернулась и не отвѣчала ни слова.

— Вы глуха? продолжалъ Фальконэ, возвышая голосъ.

— Мнѣ страшно, произнесла Лаура боязливо; — не говорите такъ громко; я боюсь.

— Что за странный характеръ! сказалъ старикъ, подымая глаза къ потолку: — сколько испортила бы во мнѣ крови подобная женщина!

— Мнѣ страшно! повторила молодая дѣвушка, дико смотря на старика и какъ-будто ничего не видя.

— Страшно? Чего же вамъ страшно? возразилъ Фальконэ, совершенно-выведенный изъ терпѣнія. — Развѣ я хочу васъ обидѣть? Я немножко-крѣпко дернулъ васъ за руку, да вы готовы были упасть на дворъ, потому-что совсѣмъ вырѣсились за окно. Тутъ, чутьли выдохнулъ, прибавилъ онъ, опираясь на оконницу: — у васъ можетъ закружиться голова, а вѣдь мы въ третьемъ этажѣ.

Старикъ занерзъ окно и отошелъ.

— Мнѣ необходимо отлучиться на время по одному дѣлу; но я не замедлю возвратиться и отвезу васъ, куда я вамъ сказалъ.

Фальконэ съ минуту подождалъ отвѣта; но, видя, что племянница продолжаетъ молчать и какъ-будто не слушаетъ его, онъ началъ шептани и вышалъ, весьма-довольный собою. Совѣсть его была такъ же спокойна, какъ и у г-жи Лобненъ нѣсколько минутъ назадъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, поведение ихъ обоихъ, лицемерной грации и безжалостнаго скряги, развѣ не было безукоризненно? Первая, возвращая молодую дѣвушку ея семейству, спасла сына отъ большой опасности; что можетъ быть сообразнѣе съ чувствами заботливой матери и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственнѣе? Даже самая ложь, которую она себя позволила для уничтоженія препятствій, могшихъ возникнуть со стороны родныхъ при малѣйшемъ сомнѣнн въ полной невинности Лауры; даже самая эта ложь, столь гадостная для совѣсти богомолки, не заключала ли въ себѣ что-то похвальнаго? Не входила ли она въ разрядъ тѣхъ бла-

дочестивыхъ обмановъ, которые разрѣшаются некоторыми богословами, снисходительными къ выбору средствъ, когда дѣло идетъ о достиженіи благой цѣли? Фальконё, съ своей стороны, избавившись отъ пощечинъ о племянницѣ, отдавалъ ее человеку, котораго она должна была почитать отцомъ, потому-что болѣе семи лѣтъ жила подъ его властью. По своему мнѣнію, желѣзнодорожникъ поступилъ такъ, какъ поступилъ бы всякій другой на его мѣстѣ. — Кроме того, я предлагалъ ей пенсію! Это одѣлалъ бы не всякій, прибавлялъ онъ, самъ удивляясь своей щедрости. На какое возраженіе, на какой упрекъ, на какое напоминаніе о долгахъ или сожалѣніи не могъ онъ торжественно ответить этими словами, въ устахъ скупаго близкаго къ геронизму: «я предлагалъ пенсію!» Въ то время, какъ Фальконё выходилъ изъ отеля, мысленно повторяя эту фразу, столь лестную для самолюбія и утѣшительную для совѣсти, у воротъ дома остановились двѣ двумѣстные кареты, слѣдовавшія въ близкомъ разстояніи одна за другой. Изъ перваго экипажа, заслонившаго ему дорогу, къ немалому удивленію его, вышлалъ Анри Добпанъ, а за нимъ высокій старикъ значительной и строгой наружности.

Увидѣвъ желѣзнодорожника, графъ быстро къ нему приближался. Но не успѣлъ онъ еще поклониться, какъ дверцы второй кареты открылись, и на минуту совсѣмъ загородила ихъ огромная масса Рокфёля. Не смотря на свою толщину, генералъ соскочилъ съ легкостью и обернулся къ каретѣ, какъ-будто приготовясь исполнить одну изъ тѣхъ обязанностей, которыя предписываются вѣжливостью въ-отношеніи къ дамѣ.

— Облокотитесь на меня, сказалъ онъ Рене Фальконё, толстое лицо котораго, виднѣвшееся въ глубинѣ кареты, въ настоящую минуту лишено было своего собственнаго живаго цвѣта.

Молодой провинціалъ, не заставляя себя просить, воспользовался этой необычайной услугой. Опираясь лѣвою рукою на старика, онъ высунулся изъ кареты; но прежде, чѣмъ успѣлъ ступить на землю, судорожное страданіе выразилось на его лицѣ. Эту небольшую гримасу извлекъ изъ его вовсе-нестонческой твердости толчокъ правой руки объ дверцы. Рука эта подвязана была самымъ яркимъ фуляромъ, какой когда-либо красовался на рукѣ дуэлиста, чтобъ удачнѣе обратить общее вниманіе на рану.

— Подайте мнѣ руку, сказалъ ему генералъ, который, при всей своей любезности, не могъ бы оказать болѣе вниманія первѣйшей красавицѣ Парижа.

Рене снова воспользовался услужливостью генерала, и оба шагали тихими шагами, съ какимъ-то воинственнымъ величіемъ, подошли къ желѣзнодорожнику. Фальконё неподвижно стоялъ у во-

ротъ и пристально глядѣлъ на красный платокъ, которымъ, по невнимательному для дебианта излншеству, рука сына его была окутана отъ самаго плеча до кисти.

— Фальконé, произнесъ Рокфёль съ важностью уполномоченнаго:—сынъ вашъ, котораго я считаю вполне-храбрымъ и честнымъ человекомъ, и племянникъ мой, которому вы также не откажете въ уваженіи, когда покороче съ нимъ познакомитесь, почли за лучшее кончить между собой ссору, угрожавшую раздоромъ нашимъ двумъ сестействамъ. И такъ, вы видите...

— Я вижу, что сынъ мой дрался и раненъ, прервалъ его грубо Фальконé: — мнѣ кажется, вамъ лучше было бы отвезти его къ доктору, чѣмъ ко мнѣ.

— Моя рана пустяки, сказалъ Ренé, лицо котораго представляло странную смѣсь страданія и самохвальства: — ударъ разсѣлъ только мускулъ, и то по моей ошибкѣ: я немножко опоздалъ отпарировать. Впрочемъ, я самъ чуть-чуть не ранилъ Лоблена.

Никто не опровергалъ этихъ словъ, хотя они и были основаны на одномъ изъ тѣхъ невинныхъ заблужденій, которыми такъ охотно утѣшаютъ себя побѣжденные; только между съдыхъ усовъ генерала мелькнула улыбка.

— Рана вашего сына менѣе, чѣмъ ничто, возразилъ Рокфёль: — онъ подвязалъ руку больше изъ кокетства, чѣмъ изъ необходимости. Надюсь, Фальконé, что удовлетвореніе достаточно и что впредь...

— Чтò вы подразумеваете подъ удовлетвореніемъ? прервалъ его снова желѣзнодорожникъ: — ужь не ударъ ли шпаги, доставшійся этому вѣтреннику?

— Между благородными людьми... произнесъ Ренé.

— Молчи! Довольно того, что ты дѣлаешь глупости; не заставляй меня еще слушать ихъ. Твоя рана пустяки, говоришь ты; вѣрно охотно: гдѣ трудолюбиваго человека изувѣчили бы, тамъ лѣнтяю всегда такъ проходить.

— Фальконé, сказалъ генералъ, съ нѣкоторымъ усиленіемъ удерживая природную раздражительность: — намъ много кое-чѣмъ должно переговорить, а ворота, кажется, не слишкомъ-удобное мѣсто для продолженія разговора. Не распространяясь далѣе, зайдемте къ вамъ.

Желѣзнодорожникъ видимо смутился. Ему ни подъ какимъ видомъ не хотѣлось возвратиться домой, пока Брюссель не увезетъ его племянницы. Нѣсколько минутъ онъ колебался и не зналъ на что рѣшиться; но это продолжалось недолго. Онъ зашелъ въ комнату, взялъ ключъ отъ комнаты, которую занималъ накануне, и пригласилъ Рокфёля и товарищей его слѣдовать за нимъ. Когда они проходили черезъ дворъ, вдругъ раздался пронзительный крикъ

и стукъ быстро-отвореннаго окна. Невольно все обратилъ глаза туда, откуда слышался этотъ вопль ужаса и отчаянія. Страшная картина представилась въ взорамъ. Высунувшись почти всею тѣлою изъ окошка третьяго этажа, Лаура употребляла все усиліе, чтобъ броситься на дворъ. За ея ангельскимъ лицомъ, на которомъ начертанъ былъ неизъяснимый ужасъ, виднѣлась мрачная фациономія Жоржа Брусселя, старающагося оторвать ее отъ окна. Но она держалась за балюстраду съ тою невероятною силою, которая является у самыхъ слабыхъ существъ въ слѣдствіе отчаянія или безумія.

При видѣ опасности, въ которой находилась сирота, Аврѣ испустилъ крикъ, подобный глухому стону и съ быстротою молнии бросился на дѣстницу.

Оставшись одна, Лаура опять впала въ грустную задумчивость, которая едва была прервана уходомъ Фальконэ; но вскорѣ стукъ отворявшейся двери вывелъ ее изъ забытья; она обернулась — и затрепетала, узнавъ Брусселя.

При видѣ его, молодая дѣвушка, которой раздраженное состояніе уже было близко къ помѣшательству, почувствовала, что и послѣдняя капля разсудка ее оставляетъ; съ смертельною блѣдностію на щекахъ, дрожа всею тѣлою, она глядѣла на вогнима. Какая-то таинственная сила не позволила ей отвести отъ него глазъ; протянувъ руки впередъ, какъ-бы для защиты, она тихо отступала къ окну.

— Лаура, я васъ пугаю, проговорилъ Жоржъ, остановившись блѣдный и дрожащій на порогѣ дверей.

При звукѣ этого голоса, Лаура вздрогнула съ головы до ногъ. Въ слѣдствіе безумнаго порыва, она прижалась въ уголъ окна, стараясь закрыться шторой.

— Лаура, продолжалъ Бруссель умоляющимъ голосомъ; — чего вамъ бояться? Развѣ вы не имѣете надо мной полной власти? Развѣ я не невольникъ вашихъ? Смотрите, я на колѣняхъ и умоляю васъ:..

— Это мой злой геній говоритъ со мною, пробормотала Лаура, закрывая руками уши: — голосъ мойхъ сновидѣній говоритъ мнѣ, что должно умереть. Что жъ? я готова, и Аврѣ скоро за мной последуетъ. Давно уже зоветъ меня матушка; пора къ ней!

Она быстро отбросила занавѣсъ, которымъ закрывалась, и устремила неподвижный взглядъ на дверь у выхода; ясно было, что она не видѣла Жоржа, хотя онъ былъ у ногъ ея.

— Да, помню; меня замкнули, сказала она съ насмѣшливою улыбкою: — мнѣ хотѣли помѣшать отыскать матушку; къ счастью, тутъ не одна дорога, и я знаю кратчайшую.

Молодая дѣвушка покачала головой съ торжественнымъ видомъ и наложила руку на задвижку окна, съ граціознымъ безпокойствомъ ребенка, который, затѣвая какую-нибудь шалость, дрожитъ и боится, что его замѣтили.

Испуганный этимъ движеніемъ, Брюссель послѣшюно вскоцидъ, и бросился къ сиротѣ.

— Несчастная! вскрикнулъ онъ съ содроганіемъ.

Это быстрое движеніе раздражило безуміе Лауры, и въ это-то мгновеніе она вскрикнула такъ пронзительно, что вошь отдался во всѣхъ частяхъ отеля. Она успѣла открыть окно прежде, чѣмъ вѣтчимъ могъ ей въ томъ помѣшать, и хотѣла броситься.

Едва успѣлъ онъ отдернуть ее отъ косяка окошка, въ который она вцѣпилась съ энергіею безумія, какъ Лобпенъ, выломавъ дверь, съ ужасомъ на лицѣ и яростью въ глазахъ, ворвался въ комнату.

Безъ объясненій, безъ всякаго предваренія, безъ всякаго слова, оба врага схватились съ одинаковою яростью. Приличія овѣта, правды чести, законы поединка, все было забыто. Въ эту рѣшительную минуту оба дышали только однимъ чувствомъ, или, лучше сказать, однимъ инстинктомъ: утолить жажду мести, раздавивъ врага.

Непродолжительна, но ужасна была эта борьба, походившая болѣе на бой свирѣпыхъ звѣрей, нежели людей! Лобпенъ, сдавившій Брюсселя и какъ-будто хотѣвшій задушить его въ сильныхъ рукахъ своихъ, вдругъ выпустилъ свою жертву, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ сиротѣ, но, подходя уже къ ней, покачнулся и упалъ на паркетъ, испустивъ глухое стѣнаніе.

— Прощай, Лаура! сказалъ онъ глухимъ голосомъ, тихо подымая къ ней взоръ, уже отуманенный смертью: — прощай, мой ангелъ... я умираю... руку...

Сирота наклонилась къ своему Анрі. Глаза ея были дики, губы искривлены ужасною улыбкою безумства.

— Анрі, сказала она ему тихо и съ таинственнымъ видомъ: — встань поскорѣе, мы вмѣстѣ пойдемъ къ матушкѣ; она защититъ насъ.

— Прощай... я умираю... люблю тебя... прошепталъ Лобпенъ, поднося къ губамъ руку молодой дѣвушки. Это было его послѣднее движеніе; онъ опрокинулся навзничь, судорожно вытянулся, тяжело вздохнулъ и сдѣлался недвижимъ...

Лаура смотрѣла на него съ минуту, но въ глазахъ ея не проявлялось разсудка; улыбка по-прежнему играла на губахъ. Ни въ чертахъ ея, ни въ положеніи, ни въ чемъ не замѣтно было, чтобъ она постигла весь ужасъ драмы, которой была свидѣтельницею. Вдругъ она наклонилась къ Анрі, стала воалъ него на колѣни, и

съ ребяческимъ любопытствомъ дотронулась рукою до нѣсколькихъ капель крови, пробившейся сквозь платье и начавшей капать на паркетъ. Тутъ она, кажется, собралась съ мыслями и начала молиться; потомъ встала и перекрестилась, оставивъ на груди и на лбу своемъ пятна отъ его крови.

— Ему надо было бы дожидаться меня, сказала она самой-себѣ въ-полголоса, тихо улыбаясь: — но у меня есть крылья и я выйду съ нимъ поспѣю къ матушкѣ.

Черезъ минуту крикъ ужаса раздался на дворѣ. Тѣло несчастной дѣвушки лежало разбитое на мостовой.

Когда свидѣтели этой трагической сцены вошли въ комнату, гдѣ она началась, — они нашли тамъ два трупа. Книжалъ, нанесшій смерть Анри, поразилъ и убійцу его. Изъ страха ли наказанія, или съ отчаянія, — только Жоржъ Брюссель не пережилъ своихъ жертвъ.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ПОЕДИНОКЪ.

(Романическая повесть.)

КАРТАША.

...Моя самая мой лучший заслуживать.
— Бросьте пустое хвастовство, князь Гремль; завтра такъ завтра. Выстрѣлъ самый остроумный отвѣтъ на дерзости.

— А пуля самая лучшая награда коверству. Завтра вы увидите, что я не изъ той ткани, изъ которой дѣлаются сладкими подонки — и не бубновый тузъ, чтобы въ меня кѣпалъ хладокровно.

Марашиекъ.

Въ одномъ небываломъ провинціальномъ городѣ... Я говорю небываломъ, потому-что, въ противность мнѣнія Гоголя, думаю, что сказать просто: «въ одномъ провинціальномъ городѣ» будетъ действительно личностъ для всѣхъ провинціальныхъ городовъ вообще. Я самъ долгое время жилъ въ одномъ изъ нихъ, и знаю это не опыту. Бывало, когда читаешь какой-нибудь рассказъ или повесть насыщенной содержания, и найдешь тамъ выраженіе: «въ одномъ провинціальномъ городѣ...» то сейчасъ приходитъ мысль: отъ-чего же авторъ не сказалъ въ какомъ именно? Для чего онъ скрылъ имя? Какая этому причина? Не ясно ли, что онъ тамъ самымъ хотѣлъ намекнуть именно на нашъ городъ, а въ противномъ случаѣ сказалъ бы просто: «въ такомъ-то городѣ», т. е. примѣрно — въ Ананьевѣ, въ Лохвицѣ, въ Кобылякахъ, — и ужъ тогда, кромѣ ананьевскихъ или кобыляцкихъ, никто ничего и не бралъ бы на свой счетъ... Не правда ли?

И такъ, въ одномъ небываломъ провинціальномъ городѣ, однажды видный вечеромъ, молодой, очень-молодой человѣкъ, проложалъ

какихъ-то двухъ дамъ, и только-что успѣлъ раскланяться съ ними у калитки небольшого домика, какъ къ нему подошелъ другой, нѣсколько-постарѣе, и, закинувъ назадъ голову, самымъ грознымъ тономъ сказалъ:

— Милостивый государь! я требую, чтобъ вы навсегда прекратили знакомство съ этими дамами.

Первый молодой человекъ немного отступился.

— Милостивый государь! отвѣчалъ онъ смутившись:— вы вѣрно съ ума сошли?

— Я не сошелъ съ ума, милостивый государь, и еще разъ повторяю: чтобъ я васъ больше не видалъ съ ними!

— Но по какому праву говорите вы мнѣ это?

— По такому, что я такъ хочу.

— А!.. Ну, такъ слушайте же. И я скажу вамъ: милостивый государь! я требую, чтобъ вы перестали шататься за этими дамами и преслѣдовать ихъ, какъ тѣнь.

— Ваше требованіе глупо.

— А ваше еще глупѣе.

— Я его никогда не исполню.

— И я также.

— Но я васъ заставляю.

— И я васъ заставляю.

— Чѣмъ вы меня заставляете?

— А вы меня чѣмъ?

— Чѣмъ?.. А вотъ этимъ... молодой человекъ показалъ довольно-толстую палку.

— Прекрасно! отвѣчалъ другой, отступая нѣсколько шаговъ:— у васъ всегда такія благородныя средства...

— Благородныя? Вы хотите благородныхъ? Такъ не угодно ли будетъ вамъ, милостивый государь, стрѣляться со мною?

— Стрѣляться? Вы думаете я струшу? Извольте.

— Да и я не струшу! Но мы будемъ стрѣляться не шутя, стрѣляться на пистолетахъ. Понимаете?

— Понимаю.

— Да, чортъ возьми, стрѣляться не на животь, а на смерть.

— Извольте, не на животь, а на смерть.

— Черезъ платокъ!

— Извольте — черезъ платокъ!

— Назначьте же время.

— Назначайте вы сами.

— Завтра, въ шесть часовъ утра, въ Малкиной-Рошѣ.

— Извольте.

— Я пройду туда съ пистолетами и приведу секунданта.

« Я приведу 25460.

— Прощайте!

— Прощайте!

— Да бже, милостивый государь, скажешь второй молодой женщине, возвратившись: — прошу васъ, чтобъ все это осталось въ тайнѣ.

— Останется.

И міръ раздѣлится по разнымъ направленіямъ.

44.

ЛЮБОВЬ.

Человѣкъ былъ созданъ изъ Добра и Любви; съ ними все соединилось у него въ первобытной его жизни. Кто былъ добръ, тотъ любилъ; кто любилъ, тотъ былъ добръ. И любовь родила душу Человѣка съ мертвою Природою. Философия не разогрѣвъ Вѣры, и не англичкою убѣждаютъ въ ея святыхъ истинъ—но сердцемъ. Тамъ въ сердцѣ Человѣческаго вѣдаются алтари святой Вѣры; рядомъ съ ними поставлены алтари Любви, и на обонхъ горитъ одинакая жертва вѣчной истинъ—человѣка надежды! Безъ этого пламени, солнце наше давно погасло бы, и кометы правдолюбивы бы только погребальную траву на скелетѣ земли, съ ужасомъ снѣжа въ мрачной пустотѣ, гдѣ тѣлѣ трутъ въ снѣга—туда; вѣчно, даже, гдѣ свѣтъ чище, ярче, боже вѣчнѣ...

Н. Полюбой.

Читатель, вѣрно, захочетъ знать, что это были за враги и изъ какого міра происходили? На это авторъ, — сколько онъ ни чувствуетъ въ себѣ готовности сдѣлать всякое одолженіе читателю; — принужденъ однакоже отвѣчать съ крайнею осторожностью. Вообще, въ послѣднее время распространился странный вѣсуть у читателей? Хотятъ непременно знать, не только то, въ какой землѣ или въ какомъ царствѣ происходитъ дѣйствіе предлагаемаго романа; но еще и то, изъ какого званія или сословія дѣйствующія лица? Слѣдуетъ спросить: для чего это? къ чему поведетъ, и не это ли будетъ причиною тѣхъ личностей, о которыхъ говоритъ Гоголь? Въ справку было не такъ: вы читаете романъ, и ни за какія блага въ миръ не догадаетесь, гдѣ происходить событіе, и кто такіе его герои: Нанкинъ ли, Французъ, шарманъ или сажожиданъ. И это

была прекрасная привычка! отъ-того, тогда никто не обижался никакими личностями, а между-тѣмъ удовольствіе чтенія оставалось то же, если еще не было больше. На этомъ основаніи, какъ почитатель святой старины и человѣкъ, уважающій личности, я скажу только, что молодые люди, которыхъ нѣсколько-крупноватый разговоръ приведенъ выше, имѣли достаточныя причины быть врагами. Что же касается до званія или сословія, къ которому они принадлежали, то исторія объ этомъ умалчивается. Можеть-быть, они были изъ числа тѣхъ юношей, которые, сидя на скамейкахъ, упражняются въ разныхъ наукахъ и художествахъ и зовутся студентами, семинаристами или гимназистами, а можеть-быть изъ числа другихъ, именуемыхъ просто учениками или подмастерьями — рѣшительно неизвѣстно. Извѣстно только, что перваго юношу, который былъ малъ ростомъ, худъ и блѣденъ, звали Василюмъ Андреемъ Мошкинымъ, а другаго, который тоже былъ худъ, но за то высокъ и длиненъ, и даже красенъ, — Гусаковскимъ.

Въ нашъ вѣкъ, страсти развиваются рано; Мошкинъ и Гусаковскій давно уже ненавидѣли другъ друга, хотя имъ обонимъ въ сложности не было еще и 35-ти лѣтъ. Это случилось вотъ какимъ образомъ: года черезъ полтора по приездѣ Мошкина въ небывалый городъ, онъ получилъ отъ матери письмо, гдѣ между прочимъ та говорила:

«Да еще, Василька, осведомилась я отъ пріяжей къ намъ Анютины Петровны, жены новаго стряпчаго, что въ томъ городѣ, «которая мнѣ была старая пріятельница и подруга, Анна Кондратьевна и жили мы вмѣстѣ дѣвушками у генеральши Протопоповой, такъ она теперь въ вашемъ городѣ живетъ и уже овдѣвилась отъ мужа, Анна Кондратьевна Граева; такъ ты сходи къ ней непременно и скажи, что ты сынъ мой, и у нихъ есть свой домъ, и, живетъ, говорятъ, безбѣдно съ дочерью, которая тебя «безъ малаго ровесницей должна быть, и если въ мать, такъ «должна быть красавицей: такъ тебя такое пріятное знакомство «въ пользу, мой другъ, можетъ пригодиться, и когда-нибудь побѣда «даться случится, или выпить чай, а она прекрасная была женщина «щица, и пренебрегать, дружочикъ, не нужно, а я по моему не «достатку, не могу ты самъ знаешь», и проч., и проч.

Прочитавъ это письмо, Мошкинъ почувствовалъ въ себѣ необыкновенное и странное волненіе. Больше всего, доразила его слова: «жить съ дочерью, которая должна быть тебя ровесницей, и если въ мать, такъ должна быть красавицей».

Для лучшаго уразумѣнія дѣла, мы должны сказать, что наши юноши, при слабомъ и тщедушномъ сложѣніи, имѣли довольно

платье восприняло. Голова его была разгоричена нѣсколькими известиями и романами, и впереди уже рисовались тѣ заманчивыя картины, въ которыхъ мы видимъ свою собственную персону въ самыхъ же привлекательныхъ, величавыхъ формахъ. Мошкинъ, какъ самъ еще говорилъ въ своемъ «дневникѣ», который завелъ съ-таки поръ, какъ ему исполнилось 16-ть лѣтъ, давно уже чувствовалъ *пустоту одинокаго сердца*, и потому на приведенныя нами строки не только матери смотрѣлъ, какъ на *указаніе повести*.

— Милая и хорошая себѣ, и при этомъ, вѣроятно, ангелъ доброты. О, пойдѣ, пойдѣ! сказалъ онъ самъ себѣ, и въ тотъ же день отыскалъ жилище вдовы Граевой, что, въ необыкновенномъ городѣ, во множественности его жителей, было и не трудно.

Молодой человекъ, какъ можно было предчувствовать, возвращаясь домой совершенно-влюбленнымъ въ дочь Граевой, хотя она была вовсе не красавица, и онъ не успѣлъ сказать ей и десяти словъ. Она только спросила его:

— Вы здѣсь... учитесь?

— Да-съ, занимаюсь науками...

— Счастливецъ!.. А меня маменька взяла изъ пансіона... Я вамъ, маменька, никогда не прощу этого! Ахъ, маменька! Ахъ, пансіонъ! Я бы вѣкъ, вѣкъ осталась тамъ!

Мать улыбнулась, а Мошкинъ робко спросилъ:

— Отъ-чего же?

— Отъ-чего?.. Ахъ, тамъ столько поэзіи!..

— А вы любите поэзію?

— Люблю, люблю! обожаю!

И дѣвица Граева сдѣлала руками такой оборотительный жестъ, что Мошкинъ подумалъ: «какая возвышенная душа!» и тутъ же ринулся — влюбиться въ Сашеньку (мы забыли сказать, что дочь Граевой называлась Александрой).

Итакъ, молодой человекъ былъ уже влюбленъ. Здѣсь, можетъ-быть, спросятъ меня, отъ-чего я называю Мошкина молодымъ человекомъ, когда во всему видно, что онъ еще просто-на-просто мальчикъ. На это я отвѣчаю: милостивые государи! зачѣмъ намъ перерегнано каждую вещь называть ея собственнымъ именемъ? Вѣдь можно оскорбить нравы, и, пожалуй, еще задѣть чью-нибудь такую честь, что послѣ и радъ не будешь! Мальчикъ! Слово мальчишья у насъ не почетное. Имъ иногда называютъ и слугу. Притомъ, видно, уже состояніе это почему-нибудь не хорошо, что по-вашему поръ, сколько мнѣ извѣстно, мальчикомъ никто и никогда добровольно не только не хотѣлъ быть или именоваться, но даже право назваться. Посмотрите вы на Невскомъ-Проспектъ, въ хорошую погоду: сколько тамъ прохаживается этихъ крошекъ, не-

винныхъ малютокъ, детей шудеснаго пола отъ пяти до десяти лѣтъ; издали подумаша — кукулы, просто кукулы; и подошедши поближе — итъ, не те! И въ панталоны, и въ круглой шляпѣ, и руки держитъ въ карманѣхъ, и зонтичекъ вонзаетъ на пуговицы, и перчатки, и походка такая, и даже взоръ, взоръ... Совершенно большой! да еще какой большой! такъ что только почтительно поклоннешь мимо его, да улыбнешься съ удивленіемъ. Отъ чего же это? Я вѣсь спрашиваю, отъ чего? Отъ того, что, видно, въ наши времена мальчишкѣ порядочному человѣку быть совершенно неприлично.

Возвратимся же опять къ разсказу.

Мошкинъ влюбился въ Сашеньку Граеву и сталъ посещать ея домъ чаще-и-чаще. Анна Кондратьевна принимала его очень-ласково. Она была добрая, простая женщина; жила сиротиною процвѣтши капиталомъ, оставленнаго мужемъ, и безъ памяти любила дочь свою, единственное, какъ говорила она, утѣшеніе и сокровище ея въ жизни. Она предоставила ей полную свободу во всемъ; и часто со слезами на глазахъ говорила: «о, я никогда не буду раскаяваться въ этомъ! я знаю Сашеньку! у ней такое доброе сердце!»

Мошкинъ отъ природы не былъ одаренъ смѣлымъ характеромъ, но въ присутствіи той, которую «любилъ сердце его», чувствовалъ себя совершенно-потеряннымъ. Сашенька Граева, не смотря на то, что она недавно вышла изъ пансіона, была гораздо бойчѣе его, и когда мать спросила ее — какъ ей нравятся новыя коммоды; — она отвѣчала: «онъ не противенъ: только застѣнчивъ, какъ наши первоклассныя. Но и передѣлаю его по-своему! Вы мнѣ позволите, мамеңка? О, я ужь умю!.. Спросите Лизаньку Маркову...»

Сашенька действительно была добрая дѣвочка; но она не только любила пофантазировать и нововозвѣщивать, но чисто и привѣсти въ дѣйствіе свои фантазіи. Передѣлку Мошкина она начала съ того, что посвящала его во все таинства пансіонской жизни. Какъ исторія Кайданова, она повѣствовала ему о всѣхъ дѣловыхъ событіяхъ, случившихся въ этомъ заведеніи, и потому уже перешла къ лицамъ и обмѣлила. Такимъ образомъ, въ короткое время, Мошкинъ узналъ, что у дѣвицъ того пансіона было три способа оказывать вниманіе учителямъ: обожать, любить и почитать; что изъ девяти учителей, только три были обождаемы, четыре любима, одинъ почитаемъ; а одинъ не подходилъ ни подъ какую категорію, и потому дѣвицы прозвали его *мосъ такъ*; — что дѣвицы страстно любили пансіонъ, *татам* и классныхъ дамъ; что онъ отличался взаимною преданностью и дружбой, даже любилъсь одна въ другую, клялись въ вѣчномъ постоянствѣ, и въ действительство вѣда-

гали на себя постъ, молчаніе и другіе обвѣты; что одна дѣвица ѣла кыюю медью однуъ хлѣвъ и жывъ, другая хлѣвъ и грѣсель, а третья цѣлый мѣсяць вмѣсто подушки клѣла себѣ подъ голову курничъ, который тщательно прятала въ печкѣ; что двѣ родныя сестры до того влюбилась другъ въ друга, что даме ревновали къ мамкѣ; что известная Машайца Моортъ, которую онѣ прозвали *лебеской*, даже заболѣла чахоткой отъ того, что та, которую онѣ обожала, измѣнила ей, и проч. и проч.

Мошкинъ слушалъ все это съ почтительнымъ вниманіемъ, и когда неутомимая расказница остановилась, онъ сказалъ:

— Вы все превозносите вашихъ подругъ, а о себѣ ни слова. Вы скромничаете...

— О, нѣтъ! я не люблю скромности, быстро отвѣчала Сашенька.—Я вамъ скажу просто: меня всѣ любили: всѣ, всѣ, и классныя дамы, и *маленькія*, и *татап*.

— Вы достойны любви всякаго, но осмѣлюсь спросить, кто удостоился вашей? сказалъ Василій Андрейчъ и покраснѣлъ до ушей.

— О, это секретъ! отвѣчала Сашенька съ плутовской улыбкой.— Впрочемъ, я въ пансіонѣ никого не обожала. Но я была храбрѣе всѣхъ, и меня прозвали *intrepide*. Я не боялась одна входить въ пустую комнату, и разъ даже ночью прошла въ классъ... А разъ... это было еще во второмъ классѣ, я наказала себя за одно преступленіе, котораго вамъ не скажу: я цѣлую минуту держала вотъ этотъ палецъ на свѣчкѣ?

— Не можетъ быть? вскричалъ въ испугъ Василій Андрейчъ и бросился смотрѣть палецъ.

— Не шутя. И *татап* потомъ узнала объ этомъ. Ахъ, *татап*! Вотъ *обожательная*, вотъ *душонская*!

— Кто это *татап*? спросилъ Мошкинъ, не понимая, къ кому относились такіа странныя прилагательныя.

— Вы не знаете? Наша содержательница. Я ее ужасъ, ужасъ какъ люблю! Послѣ Пушкина первую.

— Какъ послѣ Пушкина? спросилъ вновь-озадаченный Мошкинъ,

— Ахъ, я вамъ не сказала, что я обожаю Пушкина! О, Пушкннъ!.. Я его люблю больше всего на свѣтъ, разумется, послѣ Бога и маменьки.

— Да-съ! Великій поэтъ...

— Пушкннъ прелестъ! *душка, душка!*.. Знаете, я поклонилась въ пансіонѣ, когда увижу его, непременно поцаловать у него руку.

— А если не удадите?

— Нѣтъ, увижу.

— А если онъ умретъ?

— Какъ вамъ не грѣшно!

- Что жь, вѣдь мы все можемъ умереть.
 — Да ужь онъ не умретъ, пока я его не увижу.
 — Вы въ этомъ увѣрены?
 — Совершенно.
 — Почему же?
 — Да ужь я увѣрена, такъ увѣрена... я знаю... Вотъ вы уви-
 дите, посмотрите.

III.

СОМНѢНІЯ, НАДЕЖДЫ И ЧУДЕСА.

Чудная Вѣрничка! Скажи, кто ты: де-
 монъ или Ангелъ? Нѣтъ! ты *неземная*.
 Это я знаю лучше самой тебя.

Н. Полевой.

Сказали бы мнѣ: *будь поэтомъ*— и че-
 резъ годъ, я склонилъ бы свою удивительную
 голову передъ тою, которой обязанъ вдохновеніемъ. Развѣ не поэзія вы-
 сокая любовь моя! Развѣ нѣтъ пылу въ
 моей душѣ! Я бы разбилъ ее въ искры,
 и звуки, и мысли—и свѣтъ отвѣтилъ бы
 мнѣ вздохами и слезами и рукоплеска-
 ніями.

МАРЛИНСКІЙ.

Ногу въ землю, взоръ въ небо — вотъ
 истинное твое положеніе—Человѣкъ!

Н. Полевой.

— Чудная дѣвушка! думалъ Мошкинъ, приходя домой.—Въ ней
 есть что-то такое... необыкновенное... идеальное... Она такъ ми-
 ла; такъ невинна... Но любить ли она меня? Она сказала, что
 въ пансіонѣ никого не любила... значитъ, теперь любить... О, Бо-
 же! если это меня!.. Она такъ страстно посмотрѣла... Но Пуш-
 кинъ?.. Она съ такимъ жаромъ говорила о немъ... Счастливецъ—
 поэтъ! какой прекрасный жребій твой!.. Ахъ, зачѣмъ я не поэтъ?..
 Зачѣмъ я лишень небснаго дара?.. Тогда бы и я, подобно друго-
 му поэту, сказалъ:

Ахъ, точно ль никогда ей въ персяхъ безмятежныхъ
 Желанье тайное не волновало кровь?
 Еще ль не свѣдала тоски, томленій нѣжныхъ,
 Еще ль не знаетъ про любовь?

Сашенька! ангелъ мой! уже-ли, въ-самомъ-дѣлѣ, ты не знаешь
 про любовь?

Молодые люди видались другъ съ другомъ чаще и чаще; Мошкинъ приносилъ Сашенькѣ разные романы и повѣсти, сочиненія Марлинскаго, Полеваго, Кукольника и проч. Онъ былъ отъ нихъ безъ ума. Въ особенности онъ любилъ Полеваго, и всегда удивлялся, какъ можетъ ученый человѣкъ писать такіа пламенные поѣсти! Сашенька читала книги съ быстротою непостижимой, и отдавая ихъ Мошкину, всегда произносила приговоръ самый рѣшительный. Эта повѣсть хороша, но въ ней мало любви. А въ этой конецъ такой прозаическій: я не люблю счастливыхъ концовъ! Вотъ—*Амалатъ-Бекъ*, такъ чудо! Ахъ, *Амалатъ-Бекъ*! Ахъ, Марлинскій! Знаете, еслибъ не было Пушкина, я бы обожала Марлинскаго...

— А Кукольникъ? Что вы думаете о *Торквато Тассо*?

— Да, *Торквато* хорошъ, даже очень хорошъ; но *Амалатъ-Бекъ*...

— А какъ вамъ нравится *Живописецъ*?

— *Живописецъ*—предестъ! Но *Блаженство безумія* выше.

— Я боготворю Полеваго: великій человѣкъ!

— Конечно, но онъ меньше поэтъ; Марлинскій... ахъ, обожаемый... Вотъ поэтъ, такъ поэтъ!..

— Но и Кукольникъ.. читали вы *Джакобо Самназара*?

— Читала.

— Ну, что же?

— *Джакобо*... видите... онъ хорошъ; но зачѣмъ здѣсь выставить такой маленькій мальчикъ?.. я не люблю, когда мальчики говорятъ о любви...

Такіе странные отвѣты иногда смущали Василія Андремча: онъ не считалъ себя мальчикомъ, Боже сохрани! Но, помня свой небольшой ростъ и худенькую фигуру, страшно боялся, чтобъ другіе не приписали ему этого порока. Притомъ, Сашенька говорила о любви съ такою свободой, съ такимъ знаніемъ... Откуда ей почерпнуть это? Ужъ не влюблена ли она? Но въ кого же? Къ нимъ, кромѣ этого смѣшного толстяка, какого-то засѣдателя, по фамиліи Попуна, который всему преглуно смѣется, никто не ходитъ. Не-уже-ли же она избрала его предметомъ своего сердца? Не-уже-ли у ней такая черная, коварная душа? О, быть не можетъ!

И Василій Андремчъ впалъ въ крайнее сомнѣніе; ходилъ задумчивымъ, мрачнымъ, тосковалъ и даже плакалъ. «Сашенька!» говорилъ онъ самъ съ собою. «Сашенька! скажи мнѣ—кто ты? Предестный ли, свѣтлый ангелъ, сошедшій на землю для утѣшенія насъ, смертныхъ жильцовъ ея, или ты... не смѣю произнести... О, если это правда... тогда... тогда...»

И Мошкинъ умолкалъ. Черныя думы гнели, подавляли его. Но,

вдругъ, о радость! Сашенька, по случаю какого-то незначительнаго разговора о людяхъ, одаренныхъ особенною тучностию тѣла, вскрикнула съ свойственнымъ ей жаромъ:

— Ахъ, я ненавижу толстяковъ, ненавижу! Для меня толстый человекъ противенъ, гадокъ!

Мать замѣтила съ улыбкой, что и толстые люди бываютъ иногда очень-хорошими людьми, добрыми и честными.

— Ахъ, не говорите, маменька! Толстый человекъ для меня хуже всего; грѣшно любить злыхъ людей, и я ихъ не люблю; но злой человекъ можетъ раскаяться, а толстый... Ну, сами посудите, можетъ ли толстый человекъ имѣть поэзію? можетъ ли онъ быть поэтомъ? Не правда ли?

Слушая эти слова, Мошкинъ трепеталъ отъ радости. Въ нихъ онъ видѣлъ оправданіе своихъ надеждъ. Если Сашенька не терпитъ толстяковъ, то, естественно, ей должны нравиться люди худые и тощіе; а Мошкинъ не только былъ худъ, но еще и бледенъ.

— Идеальная душа! думалъ Мошкинъ въ умилениі:—ей нравятся люди возвышенные, цвѣты! О, чтобъ заслужить ея любовь, я самъ сдѣлаюсь поэтомъ... Да, сдѣлаюсь! Докажу міру, что любовь всемогуща, что она творитъ необыкновенныя чудеса!

Василій Андреечъ прибѣжалъ домой, и въ тотъ же вечеръ написалъ стихотвореніе, которое мы осмѣливаемся представить вниманію благосклоннаго читателя. Конечно, стихотвореніе это слабо, но оно можетъ выдержать снисходительную критику, и, какъ первое произведеніе, даже достойно быть напечатаннымъ гдѣ-нибудь въ журналѣ.

— Вотъ оно:

Къ ***.

Къ тебѣ опять душа моя стремится,
Прекрасный другъ, любви моей звѣзда!
Опять мнѣ жизнь мечтою райскою снится,
И будто скорби я не вѣдалъ никогда...
Забыто все: и слезы и терзанья,
Твоей души нескромный слѣдъ;
Люблю тебя, младѣйшее созданье —
Ты такъ мила, упрековъ больше нѣтъ!

Первые стихи такъ хороши, что даже напоминаютъ стихи нашего драматурга, Н. А. Полеваго, въ посвященіи его «Уголкинѣ».

Съ этого незабвеннаго дня, жизнь Мошкина дѣйствительно началась ему «сниться райскою мечтою». Какъ ни былъ онъ скромненькій, а иногда—таки случать прочитатъ Сашеньки «первые плоды своей музы». Сашенька нашла стихи недурными, оставила ихъ у себя, и когда Мошкинъ ушелъ домой, она сказала матери:

— Видите, мамаша, я сказала, что передаю его по-своему. Посмотрите, онъ ужъ пишетъ стихи, и стихи, право, не дурные. Послушайте.

— Ну, ужъ ты у меня такая ученая! отвѣчала Анна Кондратьевна, кивнувъ цалуя дочь:—вѣрю, вѣрю; Богъ съ нами!

— Только я не понимаю, продолжаетъ Сашенька: — что значить этотъ стихъ:

«Твоей души нескромный слѣдъ?»

Развѣ душа ходитъ? Вотъ странно, какъ-будто душа имѣетъ ноги? Мамаша, не правда ли странно, у души есть ноги?

Между-тѣмъ, какъ Сашенька Граева разсуждала, имѣетъ ли душа ноги, душа ея обожателя парила въ поднебесномъ пространствѣ, какъ-бы доказывая тѣмъ, что у ней, кромѣ ногъ, бываютъ еще и крылья... Молодой человекъ рѣшительно, что-называется, спятилъ съ ума... Онъ цѣлыя ночи просиживалъ на-пролетъ, бредилъ стихами, поэмами, трагедіями; придумывалъ планы повѣстей, драматическихъ фантазій, интермедій, начиналъ все это разомъ, и останавливался на первомъ стихѣ, немилосердо грызъ перо, писалъ и перемарывалъ, рисовалъ разныя странныя арабески, замки, цвѣты и жертвенники, потомъ ударялъ себя кулакомъ по лбу и вскрикивалъ: «Сашенька! ангелъ мой! жизнь моя! не-уже-ли я не поэтъ? Не-уже-ли вдохновеніе разлюбило меня?.. Да, да! я слишкомъ люблю тебя, слишкомъ... Для такой любви нѣтъ выраженія на языкъ земномъ... О!!!..»

И надъ этимъ «о!» юный поэтъ засыпалъ съ перомъ въ рукѣ.

Однажды, Мошкинъ возвратился домой въ полномъ упоеніи любви: Сашенька сказала ему, что у него въ глазахъ есть что-то поэтическое. Василій Андреечъ схватилъ дневникъ и излилъ въ него вылающую душу такимъ образомъ:

«Зачѣмъ у меня нѣтъ откровеннаго, жгучаго, могучаго языка, чтобъ выразить все, что теперь чувствую? Прекрасная, безцѣнная утѣшительница моей одинокой жизни! Зачѣмъ не позволено мнѣ открыть тебѣ всю безвредность любви моей? Зачѣмъ я долженъ таиться и подвигать на бумагѣ то, что въ тысячу разъ пламеннѣе излилъ бы прямо въ твою душу?»

Написавъ эти строки, Василій Андреечъ задумался. Вѣроятно, онъ размышлялъ о томъ, зачѣмъ онъ долженъ таиться? Но какъ въ журналѣ его, который мы пересматривали весь отъ начала до конца, нигдѣ этотъ вопросъ не разрѣшенъ, то и мы не беремся рѣшить его, можемъ-быть даже къ крайнему сожалѣнію недоумѣвающего читателя.

Потомъ Мошкинъ продолжалъ съ крайней строки:

«О чудесная, божественная жилаца райскихъ селеній— любовь!»

Когда, при какихъ обстоятельствахъ, въ нѣкия времена подлуннаго міра, ты не была драгоценна юнѣющему, цвѣтущему человѣчеству? Кто, подобно мнѣ, не забывалъ всѣхъ обязанностей, не уничтожалъ всѣхъ преградъ, чтобъ только любить и наслаждаться? Но что значать мои слова!.. Панегирить тебѣ востъ лучшей вселенная душа любящая и любимая!

Презорливый читатель, можетъ быть, замѣтитъ, что это немножко темно и непонятно; но такова любовь молодыхъ людей въ нѣбывалемъ городѣ. Блаженство любви вѣдь иногда такъ сходно съ блаженствомъ безумія, а блаженство безумія, сами вы знаете, удивительно-пріятная вещь на свѣтѣ.

IV.

ЛЮБОВЬ ОТКРЫВАЕТЪ ВЕЛИКІЯ ИСТИНЫ.

Любовь! любовь! души моей восторгъ!
Въ умѣ моемъ ты лучшая идея,
Въ познаніяхъ — ты лучшее познанье,
Въ надеждахъ — нѣтъ надежды равной,
Въ мечтахъ моихъ — роскошнѣйшей мечты!

Н. Куродьникъ.

Для двухъ душъ, самѣйшихъ такимъ образомъ въ области познанія — что такое время, что такое *расстояние*?

Н. Полковой.

Отдайте Вѣрннику кому угодно, забросьте ее за моря, за непроходимые лѣса и горы, позвольте мнѣ полети на колѣнкахъ по всему свѣту, искать ее... и проч.

Онъ же.

Предаваясь такимъ восторгамъ, Мошкинъ мало-по-малу оставалъ обыкновенныя занятія, и на любовь свою сталъ смотрѣть какъ на какой-то возвышенный и великій подвигъ, въ которому призвала его сама судьба. Въ короткое время, изъ обыкновеннаго человѣка, онъ увидѣлъ въ себѣ вдругъ поэта и даже философа. Многіе важные вопросы разрѣшились для него сами собою: на-пр. жизнь дана людямъ для наслажденія; умъ человѣческій — ничто; познанія — жалкій соръ; вдохновеніе — все; поэзія есть свѣтъликъ неба, и проч. и проч.

Василій Андреевъ много сочинялъ, и такъ-какъ рифма не всегда слушалась его, то онъ сталъ употреблять *большыя* стихи и даже про-

зу. Въ прозе онъ написалъ большую повѣсть, гдѣ герой, уланскій корнетъ, сооразомъ, что его милая изменила ему, сжигаетъ книжки и закалывается; но милая въ сущности оставалась вѣрною. Это была только обманъ. Узнавъ о смерти корнета, она приближалась въ его квартиру и сама въ ту же минуту умерла у ногъ возлюбленнаго. Повѣсть была написана чрезвычайно-чувствительно. Мошкинъ предложилъ прочесть ее громко. Сашенька обрадовалась этому предложенію, позвала трехъ подругъ, и когда всѣ усѣлись по мѣстамъ, Мошкинъ началъ чтеніе. Голосъ его дрожалъ... Сначала, все шло какъ должно; но подъ конецъ, націонерки стали плакать на-взрыдъ; Анна Кондратьевна тоже плакала; прослезилась и авторъ, а Сашенька, не дождавшись конца, убѣжала въ свою комнату и съ громкимъ воплемъ бросилась на постель. Вошедшій въ эту минуту, ничего не знавшій, Максимъ Пантелентъ Папуша, видя, что гостиная освѣщена необыкновенно и весь домъ въ отчаяніи, такъ перетрухнулъ, что остановился на мѣстѣ какъ прикоманный.

— Помилуйте, матушка, можно ли такъ пугать добрыхъ людей, сказалъ онъ Граевой, когда узналъ въ чемъ дѣло: — положимъ, дѣтки ваши тѣшатся, ну, а вы-то чего разрюмидись?

— У меня такая натура, отвѣчала, утирая глаза, Анна Кондратьевна:—когда другія плачутъ, я не могу удержаться.

Мошкинъ грозно посмотрѣлъ на Папушу.

— Грубая тварь! подумалъ онъ самъ про себя:— я бѣ тебя выбросилъ въ окошко, не будь это въ такую торжественную, святую минуту!

Василій Андрентъ совершенно забылъ, что Папуша былъ вдвое выше его и вдесятеро объемистѣе...

Итакъ, повѣсть Мошкина имѣла необыкновенный успѣхъ; но могъ ли онъ остановиться на этомъ? Нѣтъ, самоупоеніе было слишкомъ-велико, и молодой поэтъ въ ту же ночь началъ другую повѣсть... Героемъ ея былъ уже художникъ, и для него, въ отдаленной перспективѣ, готовился не книжкаль, а ядъ... Велико и истинно разнообразіе таланта!

Съ окончаніемъ второй повѣсти, Василій Андрентъ сталъ помышлять о славѣ: ему только и не доставало славы, чтобъ быть счастливѣйшимъ изъ всѣхъ смертныхъ, какъ говорилъ онъ въ своемъ журналѣ.

«Въ самомъ-дѣлѣ, чего ему было желать «въ столь сладкой дѣлѣ»? Онъ любилъ Сашеньку идеально, возвышенно, безкорыстно. Для него не нужно даже было обладаніе ею: на что? «Пусть возмутъ ее у меня люди», говорилъ онъ, «и отнесутъ на край свята: я все и буду знать, что въ мірѣ есть хоть одна великая душа; но»

нижеванная и любящая мою душу, я буду счастлива до гроба! Для души нѣтъ пространства.»

Мещиниъ такъ былъ увѣренъ, что Сашенька «покинула и любила его душу», что ему и въ голову не входило потребовать доказательствъ... Какія доказательства сильнѣе слезъ: а кто нѣтъ прощальнѣе болѣе?

«Такъ проходили дни и мѣсяцы. Мещиниъ блаженствовалъ, — нѣтъ вдругъ... «черная тѣнь налетѣла на солнце его жизни, и горизонтъ омрачился...»

V.

ТАИСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Вездѣ есть змѣй коварнаго сомнѣнья,
Но змѣй любви безмѣрно ядовитъ.

Н. Кукольникъ.

Горацио. Ктобъ ни былъ ты, пришлецъ чужой,

Ты, пришедшій изъ лѣвъ — тебя я за-
ключную — горюю!

Марцелло. Онъ оскорбился!

Бернардо. Онъ уколеть, космотри!

М. Педлей.

Эта черная тѣнь, действительно, была неприятное явленіе въ жизни нашего поэта. Мы должны сказать, что небольшою доминка. Граевой стоялъ на удаленной улицѣ, которая вела прямо въ поле и въ кладбищу, и потому называлась *Кладбищенской*. Старуха Граева, похоронившая нѣсколько лѣтъ назадъ мужа, любила навѣщать его могилу, и какъ кладбище было недалеко, то эти прогулки, особенно летомъ, дѣлались часто. Разумѣется, Сашенька была всегда съ матерью, а въ послѣднее время къ нимъ присоединился Мошкинъ. Онъ любилъ, какъ выражался онъ, посреди природы и царства смерти сливать свою душу съ грустною гармоніею ея. Прогулки кончались часу въ девятомъ или десятomъ вечера, а если была луна, то и позже. Въ этомъ, какъ видно, нѣтъ ничего необыкновеннаго, и Мошкинъ, идя рука-объ-руку съ Сашенькой, спокойно предавался «райскимъ мечтамъ»... Какъ вдругъ, съ нѣкотораго времени, онъ сталъ замѣчать, что ихъ преслѣдуетъ какая-то тѣнь... Это смутило Мошкина, — не то, чтобы онъ былъ трусъ и болѣе привидѣній: тѣнь, очевидно, была дѣйствительна.

ство;—но онъ, какъ увѣрялъ самъ себя, опасался за Сашеньку. «У ней такіе слабыя нервы, можетъ Богъ-знаетъ что вообразить и перепугаться на смерть»; по-этому, нашъ поэтъ, замѣчая тѣнь, обыкновенно всегда старался не допустить Сашеньку оглядываться, и всякій разъ, когда та поворачивала голову, онъ или заслонялъ собою открывавшееся пространство, или чѣмъ-нибудь отвлекалъ вниманіе Сашеньки въ другую сторону. Тѣнь, однакожъ, продолжала свои преслѣдованія и съ каждымъ днемъ становилась ближе и ближе; потомъ она стала проходить мимо, потомъ являться на-встрѣчу, со стороны, съ боковъ, словомъ, дѣлала престранныя эволюціи, и всегда въ сумрачную или ночную пору. Мошкинъ могъ только разглядѣть, что то былъ мужчина, завернутый въ коротенькій плащъ. Незнакомецъ являлся и исчезалъ безпрестанно, и, по-видимому, не обращалъ на то что на малѣйшаго вниманія. Это успокоило Василя Андренча. «Вѣроятно, какой-нибудь чудакъ», подумалъ онъ:— «Сашенька его и не замѣчаетъ.» Но каково было удивленіе Мошкина, когда Сашенька самымъ спокойнымъ тономъ вдругъ спросила его:

— Вы не знаете, кто этотъ молодой человекъ?

Онъ потерялся.

— Какой молодой человекъ? отвѣчалъ онъ, притворяясь, будто не понимаетъ, о комъ идетъ рѣчь.

— Вотъ этотъ, что сейчасъ прошелъ мимо насъ.

— Почему же вы знаете, что онъ молодой?

— Да это видно.

— Вы успѣли его рассмотреть?

— Кажется, пора: онъ ужъ разъ сорокъ прошелъ мимо насъ. А вы думали, что это старикъ? Вотъ смѣшно. Маменька! слышите—Василій Андренчъ думалъ, что нашъ ночной сторожъ старикъ. Ха, ха, ха!

— Отъ-чего вы называете его ночнымъ сторожемъ?

— Отъ-того, что онъ вѣчно сторожитъ насъ по ночамъ.

Василій Андренчъ чувствовалъ себя нѣсколько-одураченнымъ. Онъ увидѣлъ, что прозорливые глаза Сашеньки замѣтили незнакомца прежде его, и она успѣла ужъ дать ему названіе. Это его огорчило.

— Кажется, этотъ ночной сторожъ васъ сильно занимаетъ? сказалъ онъ съ нѣкоторой ироніей.

— Да, мнѣ бы очень хотѣлось узнать, кто это такой.

— Вы скоро будете имѣть это удовольствіе.

— Развѣ вы его доставите?

— Извините, я не берусь. Но таинственная особа, вѣроятно, не захочетъ явиться вамъ при свѣтѣ дня...

— Вы, кажется, сердитесь?

— На кого? на мало.

Разговоръ прекратился. Мошкинъ пришелъ домой недовольный. Опять мучительныя сомнѣнія стали закрадываться въ его душу, и онъ увидѣлъ, что съ ними не такъ-то легко управляться, какъ съ безотчетнымъ восторгомъ. Онъ самъ не зналъ, что должно думать о Сашенькѣ, но она ужъ представлялась ему не такимъ небеснымъ созданиемъ, какъ прежде... Ему сильно не нравилось, что она съ такимъ любопытствомъ разспрашивала о незнакомцѣ, который, можетъ-быть, не больше, какъ какой-нибудь бродяга. Также ему не нравилось, что Сашенька во всѣ свои разговоры съ нимъ любитъ вѣтничать мать, и проч.

Притомъ, какое-то темное сознание говорило ему, что дѣвушка эта имѣетъ надъ нимъ перевѣсъ, и Мошкинъ негодовалъ при мысли, что онъ можетъ сдѣлаться игрушкою ея прихотей. Самолюбіе его страдало, и онъ рѣшился быть осторожнѣе.

На другой день, все это, однакожь, разсѣялось. Мошкину сдѣлалось даже совѣстно, что онъ изъ пустяковъ готовъ былъ подозрѣвать Сашеньку въ чѣмъ-то нехорошемъ. «Она такое невинное, прелестное созданіе», думалъ онъ: «ея все занимаетъ. Притомъ же, не сама ли она, смѣясь, называла этого господина *ночнымъ сторожемъ*... А я... о, я преступникъ! я осмѣлился допустить такую черную мысль... Прости мнѣ, прекрасный другъ мой!.. Прости, безцвѣтное, очаровательное созданіе!..»

И онъ побѣжалъ къ Граевымъ. Тамъ его приняли по-прежнему. Сашенька была даже ласковѣе и нѣжнѣе обыкновеннаго; Мошкинъ торжествовалъ.

Но на прогулкахъ незнакомецъ опять сталъ являться, и ужъ не въ такую позданую пору. Уже можно было, кромѣ костюма, разглядѣть отчасти и его лицо. Мошкину показалось, что черты этого лица какъ-будто не совсемъ ему незнакомы: онъ нѣсколько разъ хотѣлъ-было подойти къ незнакомцу и взглянуть поближе, даже спросить, кто онъ такой: но у того, кромѣ какого-то грозно-задумчиваго выраженія въ поступи и осанкѣ, была еще въ рукахъ довольно-толстая суноватая палка, и Мошкинъ видѣлъ себя въ необходимости отложить благія намѣренія на другой разъ.

VI.

ОНА СПАСЕНА.

Онъ былъ бравый молодецъ:
Въ бѣлыхъ перьяхъ, статный воинъ,
Первый Давидъ боецъ.

Н. Поговой.

Такъ проходили дни. Однажды Граевы возвращались съ кладбища довольно рано. Василий Андренчъ чувствовалъ себя особенно-расположеннымъ къ сердечнымъ изліаніямъ и нѣсколько разъ заводилъ съ Сашенькой разговоръ, но Сашенька была какъ-то странно разсыяна, и отвѣчала нѣ хотя. По дорогѣ отъ кладбища, нѣскольکو въ сторонѣ, лежала небольшая роща. Она оканчивалась поляной, на которой стояла какая-то избушка, обнесенная съ трехъ сторонъ плетнемъ. Наши знакомцы всегда проходили мимо этого мѣста, и ни у кого не было желанія посѣтить рощу, вѣроятно потому, что она была запущена и въ ней никто никогда не гулялъ. Вдругъ Сашенька вообразилось, что тамъ должно быть множество прекрасныхъ цвѣтовъ.

— Маменька, я на минутку сбѣгаю въ рощу, только марку купить. А вы подождите меня здѣсь.

— Возьми же съ собой Василья Андренча, сказала мать.

— Нѣтъ, мнѣ никого не нужно.

И съ этимъ словомъ Сашенька побѣжала по полянѣ.

Мошкинъ въ бѣшенствѣ кусалъ губы, но чрезъ минуту крикнулъ:

— Берегитесь, Александра Ивановна! тамъ есть собаки.

Едва Мошкинъ произнесъ эти слова, какъ въ-самомъ-дѣлѣ изъ-за плетня выбѣжала огромная крестьянская собака, и съ громкимъ лаемъ бросилась въ-слѣдъ за бѣгущей въ лѣсъ давушкой. Граева и Мошкинъ крикнули отъ ужаса. Подать скорую помощь было невозможно, и Сашенька находилась въ большой опасности. Удвоивъ бѣгъ, она подняла страшный крикъ и ошмануто готова была упасть. Собака настигала ее: вдругъ изъ рощи показался длинный мужчина, въ сѣромъ истертомъ плащѣ, съ суковатою палкой въ рукахъ. Онъ геройски бросился на собаку и сталъ ее подбивать ударами съ быстротою и ловкостью, обнаруживавшими въ немъ знатока и мастера дѣла. Разъяренное животное подняло страшный вопль и, казалось, готовилось не уступить даромъ победы; но выбѣжавшіе изъ избы люди прекратили этотъ странный междоутокъ.

Читатель, конечно, угадалъ, что спаситель Сашеньки былъ не кто другой, какъ старый нашъ дочной незнакомецъ. Онъ рѣшился наконецъ выйдти изъ мрака невѣдственности, и надо сказать правду, выбралъ для этого самую приличную минуту. Его поступокъ произвелъ удивительное впечатлѣнiе не на одну Сашеньку! Мошкинъ стоялъ, какъ пораженный громомъ: въ знакомецъ онъ узналъ своего товарища, а отнынѣ и соперника—Гусаковского. Это возмутило всю его душу! Не даромъ онъ давно пыталъ къ нему необъяснимую ненависть!..

Между тѣмъ, какъ Анна Кондратьевна осыпала дочь свою важными упреками и поправяла на ней пришедшiя въ беспорядокъ платье и косынку, Сашенька безпрестанно твердила:

— Ахъ, Боже мой! Гдѣ же онъ? гдѣ мой избавитель? Я не успѣла его поблагодарить...

— Успокойтесь! онъ нашелъ себѣ приличную награду, отвѣчалъ съ иронiей Мошкинъ:—въ рукахъ его осталась ваша перчатка.

Дѣйствительно, когда мужики, съ крикомъ и бранью, отбили у Гусаковского несчастное животное, Гусаковский поднялъ желтую перчатку, потерянную Сашенькой, и, завернувшись въ плащъ, одинъ конецъ котораго остался въ зубахъ собаки, медленно скрылся въ лѣсу.

Слышала ли Сашенька замѣчанiе, сдѣланное Мошкинымъ, или нѣтъ, только она ничего не отвѣчала на его слова, и всѣ трое нѣсколько минутъ шли молча.

— Куда же онъ скрылся? отъ-чего онъ не подошелъ къ намъ? начала опять Сашенька, оглядываясь на всѣ стороны.

— О комъ ты говоришь, душечка? спросила мать,

— Ахъ, маменька, о комъ! о томъ молодомъ человѣкѣ, который сейчасъ спасъ меня отъ такой опасности.

— Зачѣмъ же ему подходить къ намъ? Вѣдь онъ съ нами не знакомъ.

— Мы должны быть ему благодарны, и послѣ такого благороднаго поступка...

Мошкинъ не выдержалъ.

— Дѣ, такого героическаго, замѣтилъ онъ съ злой усмѣшкой.

— Конечно, героическаго, отвѣчала съ настойчивостью Сашенька:—по-крайней-мѣрѣ, не всѣ на него рѣшатся.

— Безъ сомнѣнiя, особливо тѣ, кто не упражнялся по ночамъ въ битвахъ съ собаками...

— Вамъ, кажется, досадно, что я осталась жива, потому-что безъ этого великодушнаго человѣка, котораго вы, не знаю за что, готовы оклеветать...

— Ошибаетесь, прервалъ Василій Андренчъ, вспыхнувъ:— я Первый признаю за Гусаковскимъ тысячу превосходныхъ качествъ, и между-прочимъ титло вашего избавителя.

— О какомъ Гусаковскомъ говорите вы? спросила съ досадою Сашенька.

— О томъ самомъ, который васъ сейчасъ спасъ.

— Развѣ вы его знаете?

— И очень. Онъ мой товарищъ.

Сашенька замолчала. По-видимому, ей было не совсемъ пріятно, что избавитель ея, обнаружившій въ поступкахъ своихъ столько идеальное, носилъ такое провинческое имя. «Гусаковский! неужели его въ-самомъ-дѣлѣ зовутъ Гусаковскимъ?» думала она, и черезъ минуту спросила:

— Вы точно уверены, что это онъ?

— Я не ошибаюсь.

— И вы говорите, что онъ вамъ товарищъ?

— Да, по сословію, произнесъ Мошкинъ съ надутой важностью.

— Вы познакомите его съ нами?

— Нѣтъ.

— Отъ-чего?

— Отъ-того, что я съ нимъ въ ссорѣ.

— За что?

— Позвольте это скрыть отъ васъ.

Мошкинъ лгалъ: онъ никогда не былъ въ ссорѣ въ Гусаковскимъ, хотя, чувствуя взаимную антипатію, молодые люди не сближались и рѣдко говорили другъ съ другомъ.

— Все равно, сказала Сашенька, какъ-бы говоря сама съ собою:— я попрошу Петрова.

Прогулка кончилась молча. У воротъ Анна Кондратьевна протѣла Василія Андренча зайти въ домъ, но онъ отказался... Сашенька поклонилась ему холодно.

VII.

ИЗМЕНА.

...Катай, извощникъ, удупки лошадей;
 пять, десять, двадцать рублей тебѣ на
 водку? Я кетиль; колеса ягли мостовую; я
 хотѣлъ закружить себя быстротѣю, ушты-
 ся самозабвеніемъ—напрасно!

МАРЛИНСКІЙ.

Душа моя изъѣдена мученьемъ,
 Какъ злой разбойникъ совѣстью и кровью!
 За что? за что? за чистоту египетей,
 За благородство сердца и души!!

КУКОЛЬНИКЪ.

... «Ни за что не ручаюсь» повторилъ
 Арнадій. Онъ страшно сжалъ кулаки и за-
 скрежеталъ зубами. «И презирать ея не
 могу, и возненавидѣть ея не умѣю!» вос-
 кликнулъ онъ.

Н. ПОЛЗВѢЙ.

Мошкинъ взялъ извощика и помчался домой, неся въ груди своей «адъ и бурю». Въ-самомъ-дѣль, буря забушевала въ его маленькой комнаткѣ, когда онъ пришелъ въ нее и не раздвѣваясь бросился на постель. «Такъ вотъ она, вотъ та невинная дѣвушка, тотъ ангелъ небесный, то высокое созданіе, которое я боготворилъ въ святилищѣ души моей! вскричалъ онъ въ изступленіи... Ей нравятся пошлые уличныя волокиты, ночные бродяги...»

Да простить снисходительный читатель невольное увлеченіе молодого человѣка!.. Этими позорными именами честилъ онъ своего соперника, который въ сущности былъ, право, очень-добрый малой, даже отчасти былъ поэтъ, точно такъ же, какъ и Мошкинъ, только поэтъ въ душѣ, поэтъ въ дѣлѣ... Что же касается до гнѣва Василья Андренча—понятная вещь! Сколько было на свѣтѣ героевъ лучше его, которые въ счастіи, какъ увѣряетъ г. Кайдановъ, «оказывали себя высококомѣрными, въ несчастіи малодушными»... А онъ былъ несчастливъ, истинно-несчастливъ.

Мошкинъ продолжалъ, лежа на кровати: «И меня промѣнять на

него! Меня, который любилъ ее такъ возвышенно, такъ пламенно!.. О, женщины, женщины! правду сказалъ поэтъ: ваши слезы—вода! ваши поцалуи — острые кинжалы, пронзающіе грудь!..»

Собственно о поцалуяхъ Василій Андреечъ не могъ сказать ничего рѣшительнаго, потому—что онъ никогда ихъ не испытывалъ: но ужъ это такъ, сорвалось съ языка.

— И какъ ей не стыдно, какъ ей не совѣстно, продолжалъ онъ еще далѣе: — говорить мнѣ въ глаза такія вещи, просить меня, меня просить, чтобъ я познакомилъ ее... Съ кѣмъ же?!.. съ этимъ подлецомъ Гусаковскимъ!..

И Василій Андреечъ вскочилъ съ постели. Здѣсь онъ опять сдѣлалъ опечатку. Гусаковскій вовсе не былъ подлець. Онъ любилъ иногда запустить пыли въ глаза своимъ товарищамъ: сказать, что онъ мизантропъ, что онъ испыталъ уже всю горечь житейскихъ наслажденій, что лучшее его занятіе — бесѣда съ могилами, и тутъ же мимоходомъ разсказать о вчерашней пирушкѣ, но подлецомъ онъ никогда не былъ.

Впрочемъ, Василій Андреечъ самъ не помнилъ, что онъ говорилъ. Въ сильныхъ страстяхъ это случается нерѣдко. Но когда буря его мало-по-малу начала стихать, въ немъ сталъ проглядывать болѣе сѣтующій поэтъ, нежели человекъ разъяренный.

Онъ говорилъ, заимствуя свои выраженія изъ разныхъ авторовъ, а иногда употреблялъ и свои собственные:

«Она жила въ сердцѣ моемъ, какъ надежда въ сердцѣ каждаго человека: я любилъ ее, дышалъ ею, блаженствовалъ, а она — ничего не чувствовала!!!..»

Или:

«О, мои мечты! мои сладкія мечты!.. Вы разлетѣлись какъ голуби, испуганные дикимъ коршуномъ...» и проч.

Изъ этого видно, что горестъ бѣднаго Мошкина принимала различныя оттѣнки. Душа его дѣлалась все мрачнѣе и мрачнѣе, и подѣ-конецъ онъ даже заговорилъ о могилѣ. Тутъ, очень-кстати, вспомнилъ онъ прекрасные стихи, недавно-выписанные имъ изъ какой-то книги, и которые теперь произнесъ онъ съ такою горькою истиной:

Цвѣтъ могилы
 Лучшій цвѣтъ,
 Въ жизни здѣшней
 Жизнь вѣтъ,
 Только въ гробѣ
 Мы живемъ
 Только смертью
 Воскресаемъ.

И ему захотѣлось умереть... Но неумолимая смерть не являлась, и Мошкинъ, пройдясь нѣсколько разъ по комнатѣ, опять прилегло на постель, и сталъ горько плакать... Слышны были только восклицанія: «Судьба, судьба!» или: «О, Боже! могъ ли я ожидать такого удара!.. И отъ кого же?» и проч.

Послѣ этого, Мошкинъ всталъ, отеръ глаза и вынулъ тетради своего журнала. Онъ имѣлъ привычку записывать все, что случалось съ нимъ необыкновеннаго — и какъ же было пропустить настоящее событіе? Мало-по-малу, занятіе это успокоило его и даже утѣшило: онъ писалъ такъ краснорѣчиво!..

На другой день, Мошкинъ проснулся очень-поздно. Вчерашнее представлялось ему какимъ-то смутнымъ, неопредѣленнымъ сномъ. Однакожъ, онъ не забылъ, что сущность этого сна состояла въ томъ, что «невѣрная, коварная дѣва» измѣнила ему; и что ему, въ-слѣдствіе этого, нужно было или отомстить ей, или презрѣть и забыть неблагодарную. По-этому, въ тотъ день Мошкинъ не пошелъ къ Граевымъ, не пошелъ на второй и на третій, но на четвертый, рано утромъ, ноги его, совсѣмъ не слушая своего господина, какъ-то нечаянно занесли его на Кладбищенскую-Улицу... онъ увидѣлъ знакомый домикъ и съ ужасомъ бросился отъ него прочь, восклицая: «вѣроломство, вѣроломство поселилось въ этомъ домѣ: горе несчастному, кто вошелъ подъ кровлю его съ доверчивостью ребенка!» Въ слѣдующіе дни повторилось то же, только съ нѣкоторыми измѣненіями; потому нашъ поэтъ сталъ бродить мимо домика Граевой по ночамъ; останавливался противъ оконъ, закрытыхъ ставнями, и, принимая трагическую позу, говорилъ: «И она спитъ, когда я страдаю!.. О, небесное правосудіе! Зачѣмъ молчать твои громаы? Не-уже-ли сонъ преступныхъ такъ покоенъ?» Но два дня спустя послѣ этого, Василій Андреечъ, совершенно-непонятно какъ, уже очутился въ гостиной Аины Кондратьевны, и на вопросы Сашеньки, отъ-чего онъ такъ долго не былъ у нихъ, отвѣчалъ застенчиво: «такъ-съ... я былъ нездоровъ...»

VIII.

МИНЫ И КОНТР-МИНЫ.

Противъ подкона—поведу подкона.

Н. Новиковъ.

Что ты — привидѣніе ли, которое приходится пугать другихъ? Или шутъ, надъ которымъ всѣ забавляются? Куда дѣмъ глушь ты, съ своими мечтами, съ своими высокими мечтами! Вчера ты хотѣлъ остаться въ своей кабинетъ, и что же? Цѣлый вечеръ у нихъ, и цѣлый вечеръ ты сидѣлъ на ряду съ другими, игралъ въ дурачки, рисовалъ каррикатуры! Тебѣ дали альбомъ, и ты вписалъ въ него глупости — нѣтъочки, хихинки, и былъ веселъ—веселъ—вотъ что мнѣ всего досаднѣе! Ты потерялъ всю власть надъ нею...

Онъ же.

Уже все теперь бѣсило меня: я досадовалъ, что онъ осторожно спряталъ деньги въ бюро, а не скомкалъ и не бросилъ ихъ...

Тожѣ онъ.

Но здѣсь мы должны возвратиться нѣсколько назадъ. Последняго знаменитаго происшествія въ роцѣ, Сашенька, вообразить, что дѣлатель ея долженъ быть человѣкъ необыкновенный, съ согласія матери просила товарища его, Петрова, незнакомить съ ними Гусаковскаго. Петровъ, который доводилъ Аннѣ Кондратьевнѣ какъ-то дальнимъ родственникомъ, и три раза въ недѣлю, по утрамъ, давалъ Сашенькѣ уроки рисованія, очень удивился такой просьбѣ; но, зная причудливый и настойчивый характеръ своей кузины, взялся выполнить порученіе безпрекословно. Принесенное имъ извѣстіе было чрезвычайно—странно: Гусаковскій отвѣчалъ, что, вѣроятно, здѣсь произошла какая-нибудь ошибка, что онъ никакихъ Гразовыхъ никогда не знаетъ, никогда съ ними не встрѣчался, что поэтому предлагаемая честь никакъ не можетъ относиться къ нему, и что еслибъ это было даже и такъ, то онъ, Гусаковскій, давно уже отказался отъ шумныхъ удовольствій свѣта для жизни уединенной и созерцательной, и переменить этого рѣшенія не способна никакая земная сила, и проч., словомъ, нагородилъ по-своему, и именно для того, чтобъ произвелъ эффектъ... Гусаковскій, мы должны отдать ему справедливость, чрезвычайно любилъ оказывать людямъ.. Но на этотъ разъ дисквалификація его произвела

дѣйствіе, противное тому, котораго онъ ожидалъ. Сашенька любила, чтобъ желанія ея исполнялись съ должнымъ уваженіемъ. Не бывъ гордою, она, однакожь, имѣла высокое понятіе о своемъ умѣ, вкусу и даже красотѣ: это дѣлало ее самоувѣренною, и ничѣмъ нельзя было такъ оскорбить ее, какъ отозваться шуткой на разныя ея странности и выходки. Вообще, все смѣшное, забавное и веселое считала она недостойнымъ вниманія. Отвѣтъ Гусаковскаго показался ей болѣе грубымъ, чѣмъ таинственнымъ или замысловатымъ, и съ этой минуты молодой человекъ, подававшій столь богатая надежды, палъ во мнѣніи ея на нѣсколько ступеней. Впрочемъ, Сашенька скрыла свое неудовольствіе отъ Петрова и рѣшилась сама раздѣлаться съ настоящимъ его виновникомъ.

Между-тѣмъ, этотъ виновникъ, давшій поутру такой странный отвѣтъ, вечеромъ того же дня нарядился какъ-можно-приличнѣе, и отправился на Кладбищенскую-Улицу. Подходя къ дому Грасовой, онъ закинулъ на плечо полу своего оборваннаго плаща, нагнулъ на глаза шляпу, принявъ видъ человека, глубоко задумавшагося, и опираясь на толстую палку, медленно пошелъ мимо растворенныхъ оконъ. По привычкѣ, Сашенька сидѣла возлѣ одного изъ нихъ. Увидѣвъ знакомое явленіе, она сначала хотѣла было отойти прочь, но потомъ раздумала и осталась. Ей пришла фантазія хорошенько рассмотреть человека, который въ одинъ и тотъ же день обнаруживалъ себя такъ противоположно. «Богъ-знаетъ», подумала она:—«можетъ-быть онъ и въ-самомъ-дѣлѣ какой-нибудь необыкновенный человекъ. Посмотримъ». Въ это время Гусаковскій, какъ-бы очнувшись отъ долгой задумчивости, остановился, поднялъ голову и съ притворно-удивленнымъ видомъ устремилъ глаза свои на окно. Увы, онъ не зналъ, грандіозный герой мой, что это былъ самый неудачный, самый несчастный маневръ его, впрочемъ, злодѣйски-задуманной тактики!

До-сихъ-поръ, онъ показывался неприятелю урывками, мелькомъ или подъ заманчивымъ покровомъ отдаленности, и вдругъ сталъ лицомъ-къ-лицу. Это погубило его! Съ грустнымъ чувствомъ въ душѣ Сашенька увидѣла чрезвычайно-невзрачный образъ Гусаковскаго: его красное, длинное лицо, такой же ничего необычающій носъ, ротъ неприличной ширины, и притомъ еще какъ-будто осклабляющійся, и наконецъ, эти маленькіе, безцвѣтные и совершенно-обыкновенные глаза!.. Бѣдная Сашенька чуть не заплакала отъ грусти. Ее смутило не то, что Гусаковскій былъ некрасивъ собою: пускай бы онъ былъ уродъ,—это не бѣда! Но въ немъ он не нашла ничего, ровно ничего, ни поэтическаго, ни необыкновеннаго... Другая, на ея мѣстѣ, можетъ-быть признала бы Гусаковскаго смѣшнымъ, и обрадовавшись случаю, стала бы въ свои

очередь мистифицировать его: изъ этого вышла бы прелестная комедія; но Сашенька не любила комедій! Она быстро затворила окно, и почти съ отчаяніемъ бросилась на диванъ...

Еще тавшаяся въ сердцѣ ея надежда была теперь разрушена до конца! «Такъ вотъ кто былъ моимъ избавителемъ», думала она: «такъ ему-то обязана я спасеніемъ!.. Гусаковскій! И фамилія ужасная.. Противный! И онъ осмѣлился еще отвѣчать, что онъ насъ нигдѣ не видѣлъ... Пстой же!..»

Сашенька отъ грусти мало-по-малу перешла къ досадѣ, и стала негодовать на все: на Гусаковского, зачѣмъ онъ былъ такой «непоэтическій» и спасъ ее отъ собаки; на собаку, зачѣмъ она бросилась на нее въ такое неприличное время; на Мошкина, зачѣмъ онъ былъ свидѣтелемъ этого и приставалъ къ ней съ любовью; на маменьку, зачѣмъ она такая добрая; наконецъ на дѣвку, на весь свѣтъ, и даже на самое-себя... Въ заключеніе, она рѣшилась наказать своего великодушнаго избавителя.

Совершенно-противное чувствовалъ въ это время Гусаковскій. Онъ былъ очень-доволенъ собою, и, въ десятый разъ мѣряя деревянные и изломанные троттуары Кладбищенской-Улицы, обдумывалъ новые планы къ пораженію непріятеля, не подозрѣвая, что тотъ въ эту минуту разбиваетъ его на голову.

На другой день, въ определенный часъ, Гусаковскій опять рисовался противъ оконъ Сашеньки; но онъ былъ уже иначе драпированъ. Въ костюмъ и осанкѣ его проглядывало нѣчто торжествующее, нѣчто побѣдоносное. Плащъ его, накинутый на одно плечо, падалъ внизъ въ граціозныхъ складкахъ; на другомъ плечѣ лежала толстая суковатая палка, издали нѣсколько-похожая на жезлъ, а въ сюртучной петлѣ болталась завязанная двумя пальцами желтая перчатка, та самая, которую нашъ герой, если помните, поднялъ на полѣ битвы.

Такіе знаки торжества и покорности, казалось бы, должны были вполнѣ растрогать признательное сердце Сашеньки: не смотря на то, она опять захлопнула окно и отошла прочь съ негодованіемъ. Гусаковскій не смутился этимъ. Онъ только подумалъ: «штуки!» и на слѣдующій день явился подъ окнами въ новомъ видѣ. Онъ подобралъ полы плаща и окутался ими, какъ укрывающійся отъ поисковъ театральнй разбойникъ, и точно также нахлобучилъ на глаза шляпу. Правда, это болѣе сколько нужно обнаружвало его длинныя, сухія и кривыя ноги, но за то очень-ясно давало замѣтить торчащій съ боку клинокъ какого-то страннаго оружія, похожаго на переломленную шпагу...

Поравнявшись съ домомъ Граевой, Гусаковскій украдкой и изъ-подъобя взглянулъ на знакомое окно; но, вмѣсто Сашеньки, онъ

увидѣлъ въ немъ толстую и красную рожу дѣвки, которая чему-то преглупо смѣялась. Это его озадачило; но, какъ умный человѣкъ, онъ тотчасъ же рѣшилъ, что Сашеньки нѣтъ дома, и, распустивъ плащъ, отправился обратно въ городъ, лаская себя надеждою, что завтрашній день будетъ удачнѣе.

Но дни шли за днями, а Сашенька не показывалась въ окнахъ. Видя, что обыкновенныя средства не помогаютъ, Гусаковскій прибѣгнулъ къ отчаяннымъ. Онъ сталъ ѣздить по Кладбищенской-Улицѣ на извозикѣ, и всегда такъ скоро, какъ-будто служилъ при полиціи и спѣшилъ на пожаръ; нѣсколько разъ и довольно-удачно проскакалъ верхомъ на какой-то плачевной клячѣ; потомъ опять поступилъ въ пѣхоту, избилъ послѣднюю пару сапогъ—истеръ каблуки, и ужь начиналъ ходить на голенищахъ, а жестокая дѣва все-таки не показывалась въ окнахъ...

Это, наконецъ, привело его въ сомнѣніе... «Что бы это значило?» подумалъ онъ: «что бы это значило?.. Ужъ нѣтъ ли тутъ соперника?.. Ужъ не Мошка ли проклятая?.. (такъ называлъ онъ Мошкина). Только быть не можетъ! Куда ему сморчку!.. Да, притомъ, она вѣдь сама навязывалась мнѣ... И послѣ этого — не понимаю!.. Рѣшительно не понимаю!.. А впрочемъ, Мошка таковскій... Мошка подлець!.. Онъ, чего добраго, оклеветалъ меня... Недаромъ онъ кривится всякій разъ, когда встрѣтитъ меня... Э!.. погоди же ты, голубчикъ!.. вишь-ты, восковая кукла, куда поѣзъ!.. Я жъ тебя отдую... Или нѣтъ... я тебя отдѣлаю лучше... Прекрасная мысль! А если не удастся, тогда отдую...»

Гусаковскій взялъ перо и въ первый разъ въ жизни началъ что-то сочинять...

IX.

ЖАЖДА ОБЪЯСНЕНІЯ.

Не понимай, божественная дѣва,
 Моихъ пустыхъ рѣчей, не понимай!
 Не слушай словъ сердечнаго найзна,
 Насмѣшками сожги душевный рай;
 О, удержи порывъ нѣмага гнѣва,
 Не покидай меня, не покидай!

Н. Жуковскій.

Не понимай рѣчей моихъ, не понимай...

Н. Ползвой.

Сашенька, рѣшившись наказать своего избавителя, приняла «належащія къ тому мѣры». Она сказала матери, что чувствуетъ себя не совсѣмъ-здоровою и перестала выходить изъ дома. Вечеромъ,

въ тотъ часъ, когда Гусаковскій имѣлъ обыкновеніе являться подъ окнами, Сашенька уходила въ свой садикъ, и, съ книгою въ рукѣ, просиживала тамъ до поздней ночи. Напрасно мать упрасивала ее войти въ комнаты, говорила, что въ саду по вечерамъ бываетъ сыро, что она можетъ простудиться, и проч.: Сашенька была непреклонна.

— Ты бы хоть пришла посмотреть на этого долговязаго чудака, что поселился въ нашей улицѣ, смѣясь сказала однажды Анна Кондратьевна.

— Кого, маменька?

— Твоего знакома, который намедни отбилъ тебя отъ собаки.

— Ахъ, не говорите мнѣ о немъ! онъ мужикъ!

— Съ чего ты это взяла? Да не ты ли говорила?..

— Онъ невѣжа, маменька. Вообразите, что онъ отвѣчалъ Петрову? Что онъ насъ никогда не зналъ и никогда...

— А что жъ... Можетъ-быть и въ-правду...

— Пустяки, пустяки, я знаю!.. Терпеть его не могу, и не хочу видѣть...

— Вотъ какая ты странная... А напрасно! Онъ такой смѣшной. Да, что онъ, въ комедіанты что-ли собирается?.. Рожи такія строить...

— Ахъ, маменька, перестаньте!

Сашенька продолжала проводить вечера въ саду, принимала тамъ своихъ подругъ, и между прочимъ и Мошкина. Молодые люди часто оставались одни съ-глазу-на-глазъ: Василій Андреечъ видѣлъ въ этомъ особенный знакъ благоволенія Сашеньки и забылъ все свои проклятія... Въ первые дни, однакожъ, онъ чувствовалъ себя очень-неудово; робѣлъ, краснѣлъ и не зналъ, что говорить; а Сашенька была покойна и равнодушна.

Потомъ, мало-по-малу, переходя отъ прошедшаго къ настоящему, Мошкинъ сталъ растрогиваться, вздыхалъ, признавался, что у него ужасно гадкій и горячій характеръ, и кончилъ тѣмъ, что въ иѣжныхъ и чувствительныхъ выраженіяхъ просилъ прошенія у Сашеньки за «невольное, быть-можетъ, огорченіе, какое нанесъ ей». Сашенька очень-холодно отвѣчала, что огорченія онъ ей не нанесъ никакого, но что ей было странно слышать невѣжливыя и даже грубыя выраженія отъ человѣка, которому она не дала на то никакого права.

— Но... Александра Ивановна!.. сказалъ Мошкинъ дрожащимъ голосомъ: — вы не знаете... вы не можете знать... О, еслибъ вы знали... Я былъ виноватъ дѣйствительно... И умоляю васъ о прошеніи... Но... поймете ли вы, если я скажу...

Сашенька легонько звнула.

— Читали вы «Ледяной Домъ»? спросила она вдругъ.

— Новый романъ Лажечникова? Нѣтъ, не читалъ.

— Достаньте. Говорятъ, прелесть какой.

— Достану непременно. Дѣ-съ, Александра Ивановна... Бываютъ минуты: человѣкъ самъ себя не узнаётъ... И еслибъ только можно было выразить... Еслибъ только нашлось выраженіе на языкъ человѣческомъ...

— И вы мнѣ пришлете его скоро?

— Какъ только достану... Но языкъ человѣческой слабъ. Для сильныхъ пламенныхъ чувствъ...

— Ахъ, вотъ маменька...

Разговоръ прекращался, и Мошкинъ выжидалъ новаго случая къ объясненію... «О, объясненіе!» твердилъ онъ самъ себѣ: «намъ непременно надо объясниться... Иначе, пламенно любя, мы только будемъ терзать, мучить другъ друга... Она, кажется, сомнѣвается во мнѣ... она, прелестный ангелъ...»

Объясненіе, котораго такъ пламенно желалъ Мошкинъ, было уже недалеко.

Однажды Сашенька, возвратясь изъ сада въ комнаты поздно вечеромъ, подошла къ окну, и только-что хотѣла его затворить, какъ увидѣла, что возлѣ окна кто-то стоитъ: она хотѣла крикнуть, но тѣнь вдругъ исчезла, и въ то же время къ ногамъ ея упало что-то, завернутое въ бумажку.

Сашенька позвала дѣвку, велѣла ей запереть окно и ставни, а сама ушла въ свою комнату. Тамъ она развернула бумажку, выбросила изъ нея кусокъ шепки и прочла слѣдующее:

«Свѣтило пасмурной моей жизни! звезда путеводная!.. Простите дерзновенному смертному, который осмѣлился изъяснить вамъ «свои мысли... Вы сказали товарищу и другу моему П., чтобъ я «пришелъ къ вамъ... Въ этомъ состоитъ все мое счастье... Но съ «вами знакомъ мой заклятый врагъ, М., котораго безъ терзанія «сердца я не могу видѣть вмѣстѣ съ вами. Удалите его отъ себя, «откажите отъ дома, а иначе ужасныя послѣдствія ожидаютъ «насъ... Я подожду одинъ день; отчаянная душа моя болѣе не «можетъ...

«Готовый жертвовать жизнию

Г.»

Негодованіе и досада изобразились на лицѣ Сашеньки. Она хотѣла-было изорвать записку, но потомъ остановилась и спрятала ее къ себѣ въ шкатулку. На другой день былъ урокъ рисованія. По окончаніи урока, она отвела Петрова въ сторону и долго говорила съ нимъ о чемъ-то по секрету. Слушая ее, Петровъ сначала улыбался, но потомъ принялъ серьезный видъ.

Вечеромъ, пришелъ Мошкинъ. Сашенька объявила, что она чувствуетъ себя совершенно - здоровою и желаетъ гулять въ полѣ. Мать обрадовалась этому, и всѣ трое отправились за городъ, по дорогѣ къ кладбищу. Еще издали Мошкинъ увидѣлъ между памятниками и крестами длинную фигуру своего соперника, и сердце у него замерло. Старыя подозрѣнія воскресли... Но Сашенька была такъ ласкова, такъ снисходительна къ нему, что онъ чрезъ минуту успокоился совершенно. «О, она меня любитъ, любитъ!» твердилъ онъ самъ-себѣ: «и я осмѣливался питать эти черныя, гнусныя сомнѣнія!»

Когда Граевы вошли въ ограду кладбища, Гусаковскій сидѣлъ на одной изъ могилъ. Нужно было проходить мимо его, и тутъ-то представилось зрѣлище, по-истинѣ поучительное! Молодой человекъ держалъ въ рукахъ довольно-засаленный человѣческой черепъ, и задумчиво, съ глубокомыслиемъ, смотрѣлъ въ его пустыя отверстія. Анна Кондратьевна съ ужасомъ отступила назадъ; но Сашенька очень-хладнокровно сказала: «ничего, маменька», и пошли впередъ. «Я очень устала», прибавила она, подавая руку Мошкину: «ведите меня». Мошкинъ пришелъ въ неописанный восторгъ и съ торжествомъ посмотрѣлъ на Гусаковскаго; но тотъ сидѣлъ неподвиженъ, какъ статуя.

Гулянье продолжалось до поздней ночи. Сашенька была весела, рѣзва, игрива и не покидала руки Мошкина. Мошкинъ блаженствовалъ, нѣсколько разъ начиналъ изъясненіе: «и... не могъ», голосъ его замиралъ... Такъ дошли они до дому. Поэтъ простился съ тою, кого онъ называлъ ужъ *своею*, и едва только сдѣлалъ два шага, какъ къ нему съ грознымъ видомъ подошелъ Гусаковскій. Какой произошелъ между ними разговоръ, читателю уже извѣстно изъ первой главы.

X.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ КЪ ВѢЧНОСТИ.

Умремъ, моя мечта!.. Да и на что намъ жизнь?

Н. Полевой.

Ты *моя*, *моя*—ты не вырвешься изъ объятий души моей; я умерщлю тебя моимъ послѣднимъ смертнымъ дыханіемъ.

Онъ же.

Есть жизнь за гробомъ, другъ мой милый,
И для сердець разлуки нѣтъ.

То же онъ.

Душа велѣла жизнь любить,
А жизнь и душу ненавидѣть...

Н. Кукольникъ.

Мошкинъ пришелъ домой совершенно-разстроенный. «Итакъ, я долженъ умереть!» сказалъ онъ самъ себя чрезвычайно-важнымъ

тономъ: «умереть въ цѣлѣ лѣтъ! Умереть, когда впереди, можетъ-быть, ожидаетъ меня любовь, слава, счастье... О люди! люди! вамъ завидна была моя участь—высокая участь поэта, и вотъ вы копаете мнѣ могилу... О, зависть, черная, низкая зависть!.. Умереть... ужасно!.. Но такова участь всѣхъ великихъ, благородныхъ сердецъ...»

Мошкинъ ходилъ по комнатѣ взадъ-и-впередъ и не зналъ, что предпринять. Положеніе его было довольно-странно. Иногда ему казалось, что это все вздоръ, что дуэли никогда не будетъ, что Гусаковскій вѣроятно хотѣлъ только напугать его, и проч., но потомъ онъ самъ стыдился такихъ мыслей, и, какъ-бы упрекая себя, говорилъ:

— Какія тутъ шутки! условіе сдѣлано; стрѣляемся черезъ платокъ, и умремъ оба. Да я и не хочу иначе! вдвоемъ намъ нѣтъ мѣста на землѣ!.. Таковы люди!.. Если судьба не дала имъ счастья, они готовы отнять его у другаго... Завистники! они скорѣе согласятся быть ненавидимы, если не могутъ быть любимы...

Мошкинъ сдѣлалъ еще нѣсколько такихъ глубокихъ умозаключеній; потомъ вспомнилъ о Сашенькѣ и сказалъ: «И она узнаетъ, что я умеръ за нее!.. И придетъ пролить надо мной горячія слезы!..» Тутъ воображеніе его стало разыгрываться смѣле и смѣлѣе. Онъ чрезвычайно-живо представилъ себя, какъ онъ умретъ, какъ пуля пронзитъ его сердце, какъ польется изъ него кровь, и какъ бездыханное тѣло его будетъ лежать распротертымъ на землѣ... Эта страшная картина такъ понравилась Мошкину, что онъ сталъ жалѣть, зачѣмъ теперь не день...

— Однакожь, надо приготовиться, сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія, и сѣлъ писать письма. Разумѣется, прежде всѣхъ къ Сашенькѣ.

— Теперь можно открыть нашу любовь предъ цѣлымъ свѣтомъ. сказалъ онъ самъ-себѣ:—она была чиста и непорочна, какъ улыбка младенца. Люди думали разорвать ее... Жалкіе безумцы! они не знаютъ, что любовь живетъ и за могилой...

И пламенное краснорѣчіе полилось съ его пера. Онъ говорилъ Сашенькѣ ты, называлъ ее *своею*, нѣсколько разъ употреблялъ даже слово *небѣста*, и въ заключеніе упрасивалъ не тосковать по немъ. «Любовь бессмертна, какъ душа человѣческая», писалъ онъ: «и я изъ гроба приду бевѣдовать съ тобой о тайнахъ замогильныхъ». Тутъ онъ сочинилъ два стиха:

О милый другъ, въ предѣлахъ неба

Къ тебѣ приду я въ часъ ночной...

и остановился. Упрямая муза, на слово *неба*, какъ онъ ни бился, все подсказывала ему одно и то же: *злѣба, злѣба, можетъ-быть,*

потому что желудокъ Василія Андренча былъ въ это время чрезвычайно-пустъ и дѣйствительно просилъ хлѣба. Но позѣ съ негодованіемъ отвергнувъ этотъ жалобный голосъ и оставилъ стихи недоконченными.

Потомъ написалъ онъ письмо къ матери, въ которомъ уведомлялъ ее, что умеръ за честь, «сраженный клеветою», и что, умирая, произнесилъ ния ея, и еще той, «которую само небо избрало ему въ подруги». Онъ объяснилъ, что эта подруга была — ангелъ небесный, дѣвица Александра Ивановна Граева.

За тѣмъ, Василій Андренчъ написалъ въ журналъ, что въ смерти его никто не виновъ, и что вещи онъ оставляетъ матери, а журналъ и сочиненія завѣщаетъ Сашенькѣ.

Когда все эти распоряженія кончились, на дворѣ былъ уже день. Василій Андренчъ запечаталъ письма, положилъ ихъ къ себѣ въ карманъ, развернулъ журналъ на послѣдней страницѣ, и тихонько вышелъ изъ дома. Разумѣется, предъ смертью, ему захотѣлось видѣть «тотъ мирный кровъ, гдѣ обитала она, владычица души его, и гдѣ протекло столько блаженныхъ часовъ его бурной юности...» Было еще очень-рано, улицы пусты, городъ спалъ. Мошкинъ остановился предъ домомъ Граевой, проговорилъ нѣсколько возвышенныхъ монологовъ, и часу въ шестомъ отправился къ Петрову, котораго не безъ намѣренія избралъ своимъ секундантомъ. Петровъ очень удивился раннему посѣщенію товарища, но когда узналъ причину его, захохоталъ во все горло. Это чрезвычайно оскорбило Мошкина.

— Что жъ тутъ смѣшнаго? спросилъ онъ недовольнымъ тономъ.

— Мы стрѣляемся на пистолетахъ.

Петровъ былъ человѣкъ нѣсколько-прозаическій и отчасти скептикъ. Онъ плохо вѣрилъ въ возможность этой дуэли, и спросилъ:

— Гдѣ же твои пистолеты?

— Пистолеты принесетъ онъ. Мы стрѣляемся чрезъ платокъ.

— Bravo! Такъ тогда на что вамъ секунданты?

Этотъ вопросъ нѣсколько смутилъ Мошкина.

— Я незнаю, отвѣчалъ онъ смѣшавшись:— онъ говорилъ такъ... у него будетъ свой секундантъ, и мнѣ нужно...

— Послушай, братецъ, сказалъ Петровъ убедительнымъ тономъ, взявъ Мошкина за руку: — брось ты это глупое дѣло. Развѣ ты не знаешь Гусаковского?.. Вѣдь это шутъ... Онъ самъ же станетъ потомъ надъ тобой смѣяться... право!...

— Но какъ же мнѣ быть? отвѣчалъ Мошкинъ. — Вѣдь это не шутки! Что скажутъ... Я не могу, я далъ честное слово...

— Я берусь все это уладить мирно.

— Невозможно! Ни за что въ свѣтъ! Онъ меня оскорбилъ, обидѣлъ смертельно.

— Да вздоръ, братецъ!

— Какой вздоръ? Дѣло касается моей чести, а ты говоришь: вздоръ! Нѣтъ, не вздоръ. Я хочу стрѣляться и стрѣляться на смерть!

Мошкинъ былъ неумолимъ, и чѣмъ больше убѣждалъ его Петровъ, тѣмъ онъ становился непреклоннѣе.

— Ну, а что, если Гусаковскій не явится? спросилъ наконецъ Петровъ.

— Не явится? грозно повторилъ разгоряченный Мошкинъ: — не явится!—Тогда я пойду и убью его въ собственной его квартирѣ.

Петровъ какъ-то странно посмотрѣлъ на Мошкина, занявъ свѣозубы какую-то пѣсенку, и хладнокровно отвѣчалъ:

— Пожалуй, ѣдемъ. Кстати мнѣ нужно сказать Гусаковскому слова два.

— Возьми это, сказалъ Мошкинъ, подавая Петрову письмо:— когда *меня не будетъ*, ты доставишь ихъ по адресу.

XI.

Неожиданная развязка.

Я ждалъ грома; но его не было: душа Аркадія уже потухла. Колѣна его смиренно-могущественно сложились. Онъ сложилъ свои руки, и съ умоляющимъ видомъ поднималъ ихъ къ Вѣрنيку. «Ты рѣшаешь смерть мою, Вѣрникъ! сердце твое принадлежитъ мнѣ, я знаю.»

— Нѣтъ.

— Безчеловѣчная! Такъ ли мы должны хотѣть разстаться съ тобой! Ты ошибаешься, Вѣрникъ; ты мол, мол!..

Н. Полевой.

Пріятели отправились въ Малкину-Рошу. Это былъ старыи, заброшенный садъ, находившійся на другомъ концѣ города. Небольшая заглухшая аллея раздѣляла его на двѣ половины. Пріятели выбрали уединенную поляну, изъ которой видна была аллея, и стали ожидать Гусаковского.

Прошло четверть часа. Мошкинъ началъ беспокоиться. Вдругъ въ концѣ аллеи появился Гусаковскій, и сердце у него сжалось.

— Смерть, смерть идетъ! прошепталъ онъ, и Богъ-знаетъ чего

бы не дасть; чтобъ отклонить предстоящую дуэль. Утро было прекрасно; солнце свѣтило такъ ярко, въ рошѣ пѣли птицы... Умирать страшно не хотѣлось! — Гусаковскій былъ одинъ. Онъ жегъ медленно и, казалось, былъ не въ духъ. Поравнявшись съ товарищами, онъ остановился и небрежно взялся за край шляпы. Мошкинъ отвѣчалъ ему тѣмъ же, и всѣ трое хранили глубокое молчаніе.

— Ну, что же? спросилъ наконецъ Петровъ.

— Да что! утриемо отвѣчалъ Гусаковскій: — пистолетовъ нигдѣ не могъ достать!

Этотъ неожиданнѣйшій отвѣтъ различно подѣйствовалъ на слушателей. Петровъ отошелъ шага на два въ сторону, присѣлъ на ишнь и очень-хладнокровно началъ свистать, разсѣянно поглядывая по сторонамъ. Напротивъ, Мошкинъ, который за минуту такъ сильно желалъ уничтоженія дуэли, сдѣлался теперь чрезвычайно-храбрымъ и заносчивымъ. Отвѣтъ Гусаковского показался ему обиднымъ. Нахмуривъ какъ-можно-грознѣе брови, онъ надменно сказалъ:

— Милостивый государь! Не думаете ли вы, что дуэль наша черезъ это уничтожится?

— Что-ò-ò? грубо прервалъ его Гусаковскій:—вамъ, можетъ-быть, и хотѣлось бы... Но ошибаетесь. На той недѣль я получу деньги.

— Ошибаетесь вы сами, сударь! я могу получить раньше, и тогда...

— Тѣмъ лучше; такъ назначайте время.

— Петровъ! будь, братецъ, свидѣтелемъ.

— Господá! сказалъ Петровъ, вставая съ мѣста: — свидѣтелемъ вашимъ я быть не хочу, потому-что, по правдѣ, нѣчему тутъ быть свидѣтелемъ. А вы послушайте-ка меня. Возьмите другъ друга за руки и разойдитесь пріятельски. Когда получите деньги, купите лучше на нихъ вина. А иначе, право, игра не стоить свѣчь!

— Что это значить? вскричали оба противника разомъ.

— Ничего другаго, кромъ того, что предметъ, за который вы готовы теперь пролить кровь свою, не прольетъ за васъ ни одной слезы, а развѣ только посмѣется.

— Это клевета! это низко! сказалъ Мошкинъ.

— Это требуетъ доказательствъ, сказалъ Гусаковскій.

— Ничего тутъ нѣтъ низкаго, отвѣчалъ хладнокровно Петровъ; что же касается до доказательствъ, то они, можетъ-быть, и найдутся.

Съ этимъ словомъ, Петровъ вынулъ изъ кармана доскутокъ буважки, и, подавая его Гусаковскому, сказалъ:

— Сашенька поручила мнѣ возвратить тебѣ это, и сказать, что вѣроятно ты былъ пьянъ, когда писалъ эти строки; иначе, ей пришлось бы сдѣлать плохое заключеніе о твоёмъ умѣ.

— Что? что? Это что такое? Я ничего не понимаю... Это, должно быть, какая-нибудь выдумка... говорилъ Гусаковскій, нѣсколько смутившись. — Я никогда не писалъ ей записокъ.

— Ну, врешь, братецъ. Почеркъ твой я знаю.

Мошкинъ поблѣднѣлъ и съ усиленнымъ вниманіемъ сталъ присмартиваться къ запискѣ. Но Гусаковскій смялъ ее и поспѣшно спряталъ въ карманъ.

— Однако, это подло—разглашать наши тайны, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, желая чѣмъ-нибудь прикрыть дѣло.

— Это не ея тайна и не моя.

— И ее осрамлю публично!

— Ну, на-счетъ срама, ты лучше не говори, мой другъ, сказалъ Петровъ, слегка наморщивъ бровь: Сашенька дѣвушка благородная, и я не совсѣмъ ей чужой...

— Но согласишься самъ! согласишься! прервалъ его Гусаковскій, теряясь болѣе и болѣе:—такъ благородные люди не дѣлаютъ, и клянусь честію, я скажу ей въ глаза.

— Ужъ лучше не говори. Я даже совѣтую тебѣ избѣгать встрѣчи съ нею, и въ-особенности не показываться на Кладбищенской-Улицѣ.

— Это почему? кто мнѣ запретить?

— Запрещать тебѣ никто не будетъ, но ты рискуешь получить тамъ подарокъ, который, можетъ-быть, не совсѣмъ тебѣ понравится.

— Это чтѣ еще за новость? ты говоришь нынче какими-то загадками.

— Ни мало. Я тебѣ сейчасъ поясню. Старуха Граева, у которой очень-нѣжное материнское сердце, замѣтила, что ты совсѣмъ износился, шатаясь непрерывно мимо ея оконъ, и потому хотѣтъ тебѣ выслать пару новыхъ сапогъ.

— Какъ это глупо! какъ это пошло! закричалъ Гусаковскій въ себя.

— Я не говорю, чтобъ это было слишкомъ-умно, замѣтилъ съ улыбкой Петровъ: — но согласишься самъ, что это очень-деликатно.

Гусаковскій совершенно потерялся, и, кусая губы, не зналъ, что дѣлать. Мошкинъ, торжествуя, смотрѣлъ на него съ ядовитой усмѣшкой.

— Что же касается до тебя, любезный другъ, продолжалъ Петровъ, обращаясь къ Василию Андреечу:—то хотя Сашенька и ничего мнѣ не поручала, да я съездъ дождомъ показать тебѣ вотъ

этотъ краснорѣчивый документъ. Кажется, почеркъ нѣсколько знакомъ тебѣ.

Петровъ вынулъ изъ кармана другой лоскутокъ бумажки и подалъ его Мошкину. То была записка Сашеньки къ одной изъ ея подругъ, гдѣ она между прочимъ говорила слѣдующее:

«Умоляю тебя, ма сѣге, приходи непременно сегодня вечеромъ: ты избавишь меня отъ несносной скуки быть одной съ Мош... который своимъ нѣжностями начинаетъ мнѣ страшно надоедать.»

Мошкинъ поблѣднѣлъ какъ полотно.

— Но... но... началъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:— этого быть не можетъ!.. какъ подала къ тебѣ эта записка?

— Очень-обыкновенно, отвѣчалъ Петровъ.—Та, къ которой она назначалась, пришла сама прежде посланія, и записку бросила. Я поднялъ ее съ пола такъ же просто, какъ могъ это сдѣлать и ты...

— А!.. могъ только промзнести Мошкинъ, потому-что растерялся хуже Гусаковского.

— Прощайте, господá! сказалъ наконецъ Петровъ:— мнѣ некогда. Или мы идемъ вмѣстѣ?

Но на его вопросъ никто не отвѣчалъ ни слова.

Гусаковский и Мошкинъ исчезли въ разные стороны, и какое они приняли направленіе, чтобъ добраться до города, не столкнувшись нигдѣ другъ съ другомъ, это до-сихъ-поръ осталось покрыто мракомъ неизвѣстности, тѣмъ самымъ, которымъ одинъ профессоръ совѣтовалъ своему ученику покрыть всю исторію, ибо ученикъ на вопросъ его: когда вступилъ на престолъ Лудовикъ XIV, отвѣчалъ утвердительно: «это покрыто мракомъ неизвѣстности».

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Когда и старость надетъ такъ страшно,
Что жъ юности осталось? Страшно,
За челоука страшно мнѣ!..

И. Пелавой.

Здѣсь, къ величайшему своему прискорбію, авторъ долженъ остановиться и объявить читателямъ, что этимъ и кончается повѣсть, и что больше ужъ ничего не будетъ. Понравится ли имъ она, или нѣтъ, онъ рѣшить не можетъ, но-крайней-мѣрѣ утѣшаетъ себя мыслию, что онъ долгъ «романтическаго повѣствователя» выполнятъ добросовѣстно. Въ предложенной романтической повѣсти есть все, что нужно для того, чтобъ повѣсть была дѣйствительно романти-

ческою: тутъ есть и герой, молодой пылкій юноша, одаренный необыкновенными страстями, и героиня, также молодая и также съ пылкою душою дѣва, и благородный соперникъ, очень-хорошаго поведенія, и чудное спасеніе героини отъ ужаснаго звѣря, и наконецъ дуэль, и неожиданная развязка, и все, словомъ все, что нужно!

— Это все такъ, скажутъ, можетъ-быть, читатели: — и повесть ваша дѣйствительно романтическая; но вы не объяснили, что въ послѣдствіи сталось съ дѣйствующими лицами.

— Ничего особеннаго. Сашенька сдѣлалась Александрой Ивановной, и все-еще продолжаетъ образовывать молодое поколѣніе. Она много читаетъ, судитъ и рядитъ по-прежнему, и кажется, къ крайнему прискорбію дряхлѣющей матери, засядетъ въ дѣвкахъ. Въ городѣ ее называютъ педанткой, и, по крайнему уразумѣнію, *сильнымъ чулкомъ*. Гусаковскій поступилъ въ военную службу и отлично служить, а Мошкинъ, геройски перенесъ «утрату любви», нашелъ утѣшеніе въ бесѣдѣ съ своею музою. Онъ сочиняетъ, и даже печатаетъ, къ собственному своему ущербу. Его вездѣ ругаютъ; но онъ не робѣетъ. Онъ совершенно увѣренъ, что современники не понимаютъ его, и ждетъ безпристрастнаго суда отъ потомства. Жизнь свою онъ рѣшился посвятить *сочинительству*, и говорить, что это его призваніе.

— Какъ же это? позвольте (можетъ-быть, опять замѣтятъ читатели), не-уже-ли здѣсь есть логическая послѣдовательность? Не-уже-ли Мошкинъ могъ сдѣлаться отъявленнымъ писакою на всю жизнь потому только, что въ дѣтствѣ случилось ему намарать нѣсколько глупыхъ повѣстей? Такъ ли бываетъ въ жизни, такъ ли дѣлаются писателями?

Вмѣсто отвѣта, авторъ рѣшается рассказать здѣсь одинъ поучительный анекдотъ, напередъ извиняясь предъ читателемъ, если онъ покажется ему длинноватымъ.

Въ томъ же небываломъ городѣ, но только гораздо-прежде эпохи, въ которую совершилась рассказанная нами драма, жилъ-былъ одинъ почтенный человекъ, очень-значительной наружности и съ довольно-изряднымъ состояніемъ. Его звали Семенъ Ильичъ Розановъ. Онъ былъ уже въ лѣтахъ, женатъ, имѣлъ четырехъ дѣтей, пользовался всеобщимъ уваженіемъ, слылъ примѣрнымъ отцомъ, человекомъ дѣловымъ и разсудительнымъ, и вообще, какъ говорится, наслаждался всѣми дарами природы. Такое благополучіе, казалось, могло быть упрочено за нимъ до скончанія дней, но — вотъ какъ иногда странно судьба располагаетъ участію смертныхъ!..

Случилось однажды, что чрезъ небывалый городъ провхало *одно*

артистическое лицо. Начальник города встрепнулся, и между-тѣмъ, какъ лицо давно уже было за заставой и катило-себя во-всю-ива-новскую, онъ созвалъ советъ изъ своихъ приближенныхъ, въ числѣ которыхъ былъ Резановъ, и предложилъ имъ на разсужденіе такой вопросъ: сдѣдуетъ ли публиковать въ газетахъ, что вотъ, чрезъ нхъ городъ, проѣхало такое-то значительное лицо, или не сдѣдуетъ? т. е. приличнѣе ли будетъ объявить повсемѣстно, что такое-то значительное лицо разѣзжаетъ тамъ-то, и проѣхало чрезъ необычный городъ, или приличнѣе умолчать объ этомъ? Вопросъ былъ довольно-неясный. Долго судили и разсуждали: разсматривали его и съ этой стороны и съ той, и наконецъ рѣшили, что приличнѣе будетъ публиковать о проѣздѣ упомянутаго лица. Нужно было написать объ этомъ статью. Кому же поручить? Еще разъ принялись разсуждать и разсматривать дѣло, и опредѣлили поручить сочинить статью молодому человѣку, Михайлову, выпускному изъ университета съ ученою степенью за отличіе: онъ-де знаетъ разные полезные науки и упражнялся въ краснорѣчіи.

Михайловъ написалъ статью и принесъ ее въ советъ.

— А прочтите намъ, прочтите, сказалъ начальникъ города: — какъ вы тамъ выразились.

Водворилось глубокое молчаніе, и Михайловъ довольно-громкимъ голосомъ прочиталъ:

«Сего числа, въ седьмомъ часу пополудни, такое-то значительное лицо проѣхало черезъ нашъ городъ.»

— Только? спросилъ начальникъ города.

— Только.

— Господѣ! продолжалъ онъ, обращаясь къ своимъ приближеннымъ:—какъ вы думаете, достаточно ли этого?

Приближенные, на лицахъ которыхъ изображалась глубокая дума, хранили молчаніе.

— Повторите-ка еще.

Михайловъ снова прочиталъ:

«Сего числа, въ седьмомъ часу пополудни, такое-то значительное лицо проѣхало чрезъ нашъ городъ.»

— Да, такъ! такъ! кажется, все. Соблюдены ли всѣ титулы?

— Соблюдены.

— Прочтите.

Михайловъ снова прочиталъ, что «въ семь часовъ пополудни «вотъ такое-то и такое-то лицо проѣхало черезъ городъ».

— Прекрасно. Я полагаю, что этого будетъ достаточно. Какъ вы думаете, господѣ?

Но господѣ снова молчали и посматривали другъ на друга.

— Если позволительно сдѣлать замѣчаніе, началъ Розановъ плавающимъ, внятнымъ, убѣдительнымъ языкомъ, и съ тою любовною кротостію, которою всегда сопровождался его поступки: — то я, никоимъ образомъ не желая оуждать тѣмъ дарованія господина Михайлова, думаю, что въ этой статьѣ нужно только сдѣлать небольшую перестановку словъ, и она будетъ прекрасна: а именно, старшему, такъ-сказать, почетному понятію дать и старшее почетное мѣсто, то-есть, должно сязать: «Такое-то значительное лицо сего числа «проѣхало чрезъ нашъ городъ», а не «сего числа такое-то значительное лицо проѣхало чрезъ нашъ городъ».

— А-а!.. сказалъ начальникъ города многозначительнымъ тономъ:—дѣйствительно такъ! совершенно-справедливо. Ну, такъ вы ужъ такъ и напишите, прибавилъ онъ, обращаясь къ Михайлову: —и принесите показать.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ Михайловъ, и черезъ минуту принесъ написанное.

— Прочтите.

Михайловъ прочиталъ:

«Такое-то значительное лицо сего числа въ семь часовъ пополуночи проѣхало черезъ нашъ городъ.»

— Прекрасно. А не имѣете ли еще чего прибавить? спросилъ начальникъ города, обращаясь уже прямо къ Розанову.

Семень Ильичъ самодовольно покачиваясь въ креслахъ и помолчавъ нѣсколько минутъ, сказалъ:

— Я полагаю, что можно еще прибавить въ концѣ: «Погода, какъ нарочно, была восхитительная» или что-нибудь въ этомъ родѣ пріятное.

— Я что-то не помню хорошенько, сказалъ начальникъ города, взявъ себя за лобъ:—кажется, тогда шелъ дождь.

— Да-съ, отвѣчалъ Розановъ съ почтительной и вмѣстѣ любезною улыбкой: — но это уже такъ пишется; это всегда такъ пишется.

— Если такъ пишется, дѣло другое! Напишемъ и мы. Такъ-то-во, сказалъ начальникъ города, повернувшись лицомъ къ стоявшему у дверей Михайлову:—вы слышали, что замѣтилъ Семень Ильичъ?

— Слышалъ-съ.

— Сообразно этому, вы ужъ напишите все какъ слѣдуетъ. Или нѣтъ, стойте...

Онъ снова обратился къ Розанову и дружескимъ тономъ сказалъ ему:

— А не возьметесь ли вы сами, Семень Ильичъ, заняться редакціею этого? а?

— Выгну себя въ приятный долгъ, отвѣчалъ поспѣшно Розановъ.—Завтра все будетъ готово.

— И прекрасно! Я ужь на васъ надѣюсь.

Розановъ почтительно поклонился.

Изъ засѣданія онъ прямо пріѣхалъ домой, на-скоро пообѣдалъ и тотчасъ же заперся въ своемъ кабинетѣ. Часу въ девятомъ вечера, онъ вышелъ оттуда весь въ поту, и приказалъ позвать изъ себя Григорія Андрееча Михайлова.

Михайловъ былъ бѣдный человекъ; онъ получилъ порядочное мѣсто единственно по протекціи Семена Ильича, и считалъ себя обязаннымъ ему «всѣмъ», явился на зовъ немедленно.

— Извините, что я васъ побеспокоилъ, сказалъ ему Розановъ дружески; но вы человекъ ученый и знающій, можете быть мнѣ полезны. Я написалъ известную вамъ статью, но хочу еще пробыть ея вмѣстѣ съ вами: не найдете ли чего-нибудь замѣнить по части слога. Знаете, говорить—умъ хорошо, а два лучше. Вотъ статья: только слушайте со вниманіемъ.

О провозѣ такого-то значительнаго лица чрезъ Невы-
валый-Городъ.

— Какъ? спросилъ Михайловъ:—не-уже-ли вы хотите дать такое заглавіе? Помыслите, да оно будетъ длиннѣе самой статьи...

— Извините, извините:—перебилъ его Розановъ:—вы еще моей статьи не знаете. Выслушайте до конца, и тогда уже судите.

Михайловъ замолчалъ.

— Ну, слушайте же:

О провозѣ такого-то значительнаго лица чрезъ Невы-
валый-Городъ.

«Такое-то значительное лицо, сего числа въ семь часовъ по послѣднимъ, невозможна провезти черезъ нашъ городъ. Стоявшая до того времени дурная и неясная погода какъ-бы нарочно разгулялась: небо прояснилось, и солнце, склоняясь на западъ, при-свѣтствовало своими золотыми лучами знаменитаго гостя. Вечеръ «былъ восхитительный, и многія изъ нашихъ прекрасныхъ дамъ, «пользуясь симъ случаемъ, прогуливались по улицамъ.»

— Ну, какъ вы думаете? спросилъ Розановъ, окончивъ чтеніе.

Михайловъ съ минутою молчалъ.

— Да-съ, хорошо, отвѣчалъ онъ нервнительно.

— Вотъ, вѣтъ; вы говорите откровенно.

— Право, хорошо.

— Вотъ видите, я вамъ прочелъ статью всю разомъ, чтобы вы могли судить о цѣломъ; а теперь разберемъ ее по частямъ, какъ рецензирова—критически. Я замѣтилъ карандашомъ мѣста, которые вы нажмутся сомыслительными. Слушайте же, слушайте.

И онъ опять началъ читать:

«Такое-то значительное лицо, сего числа въ семь часовъ по полудни, изволило проѣхать чрезъ нашъ городъ». До-сихъ-поръ хорошо. Здѣсь еще ничего нѣтъ; а вотъ дальше: — «стоявшая до этого времени дурная и ненастная погода какъ-бы нарочно разгулялась». Здѣсь мнѣ не нравится слово *дурная*. Знаете, какъ-то не хорошо: *дурная*.

— Такъ выбросьте его.

— Выбросить? Вы думаете лучше выбросить? Хорошо! Какъ же это тогда будетъ? посмотримъ: «стоявшая до того времени... ненастная погода...» Анъ нѣтъ, не хорошо! одно *ненастная* — не хорошо.

— Отъ-чего же вы думаете, что не хорошо?

— Я и самъ не знаю, а не хорошо. Ухо чувствуетъ; какъ-будто чего-то не достаетъ; замѣчаетъ? какъ-будто чего-то не достаетъ.

— Ну, прибавьте — и *дождливая*.

— А! прекрасно! именно *дождливая*. Скажите, какъ это не пришло мнѣ въ умъ? *дождливая*, да, *дождливая*.

Розановъ взялъ карандашъ и переправилъ.

— Теперь будетъ такъ, началъ онъ опять: «Стоявшая до того времени дождливая и ненастная погода, какъ-бы нарочно разгулялась.» Вотъ опять *разгулялась*. Какъ вы думаете объ этомъ словѣ?

— Ничего.

— Но... *разгулялась*! понимаете ли? Прилично ли это?

— Мнѣ кажется прилично. Вѣдь это говорится о погодѣ.

— Да-съ, оно прилично въ какомъ-нибудь такомъ сочиненіи, романъ, что ли; но здѣсь... здѣсь другое дѣло.

— Право, ничего.

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя никакъ! надо какъ-нибудь иначе... Поймите! да отъ-чего же не сказать «погода какъ-бы нарочно прояснилась?» Такъ вотъ бѣда! У меня сейчасъ же слѣдуетъ дальше: «небо прояснилось.»

— Небо можно какъ-нибудь измѣнить.

— А какъ, наприимѣръ?

— Можно сказать: «небо прочистилось.»

— О! что вы! что вы!...

— Ну, просвѣтлѣло.

— А, вотъ это другое дѣло; вотъ это такъ; вотъ это прекрасно: «небо просвѣтлѣло» — превосходно.

И онъ опять переправилъ.

— И такъ слушайте: «стоявшая до того времени дождливая и ненастная погода какъ-бы нарочно прояснилась. Небо просвѣтлѣло, и солнце, склоняясь на западъ, привѣтствовало своими ве-

слотыми лучами знаменитаго гостя». Здѣсь два обстоятельства, которыя меня смущаютъ. Во-первыхъ, мнѣ бы хотѣлось употребить слово *лучезарный*. Это слово чрезвычайно мнѣ нравится. Но какъ это сдѣлать? — Сказать: «привѣтствовало лучезарными лучами» — нельзя! «лучезарный лучъ»; что такое: «лучезарный лучъ»? Никакъ нельзя... нуте-ка!.. Подумайте, найдитесь!..

Михайловъ какъ-то странно pokrutyлa голову, потомъ вздохнулъ, и хладнокровно сказалъ:

— Если ужъ вамъ непременно хочется употребить слово *лучезарный*, то скажите такъ: «солнце...» Какъ тамъ у васъ?

— «Солнце, склоняясь на западъ, привѣтствовало своими золотыми лучами знаменитаго гостя».

— Да. Ну, такъ вы скажите: «солнце, склоняясь на западъ, лучезарнымъ блескомъ привѣтствовало знаменитаго гостя».

— А «своимъ»?

— Да ужъ разумѣется не чужимъ.

— А нельзя ли еще прибавить: «солнце, склоняясь на западъ, *своимъ* лучезарнымъ блескомъ привѣтствовало»?..

— Пожалуй, прибавьте.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ, не пожалуй! Вы ужъ сдѣлайте одолженіе потрудитесь сказать, какъ вы думаете, а не то, что *пожалуй!* Пожалуй—значитъ дѣлайте какъ хотите; а я вамъ далъ полное право критиковать меня; вы скажите, какъ вы думаете.

— Право, я такъ и думаю.

— Такъ точно?

— Такъ.

— Смотрите! я вамъ вѣрю. Следовательно, какъ же это будетъ? «солнце, склоняясь на западъ, пышнымъ, лучезарнымъ блескомъ *своимъ*»... Воля ваша, а *своимъ* нужно.

— Точно такъ, нужно.

— «Лучезарнымъ блескомъ *своимъ*»... Пойдите же! А не было ли уже гдѣ-нибудь слова *блескъ*?

— Нѣтъ не было.

— Пойдите! пойдите!.. «Погода... прояснилась; небо просвѣтлѣло... пышнымъ, лучезарнымъ»... Да, да! не было. — Нельзя, Григорій Андренчъ!.. это не то, что какое-нибудь сочиненіе для забавы... Здѣсь надо быть чрезвычайно-осторожнымъ... Всякое слово надо обсудить и обдумать... Вы меня извините; я васъ, кажется, затрудняю... но, посудите сами: это будетъ въ печати! и притомъ о такомъ лицѣ... надо, чтобъ все было такъ ужъ... чтобъ никто не могъ сказать... Ну, пойдете дальше.

«Пышнымъ лучезарнымъ блескомъ *своимъ* привѣтствовало знаменитаго гостя». Вотъ, вотъ гдѣ камень преткновенія!.. Я ужъ

думать объ этомъ много; *гость!* Какъ вы думаете: можно ли сказать *гость!*?

— Отъ-чего же?

— Да вѣдь онъ собственно не гость. Еслибъ онъ остановился въ нашемъ городѣ хоть на полчаса, тогда *гость*, смѣло *гость!* А то онъ только пробѣжалъ...

— Скажите: «знаменитаго путешественника».

— Еще меньше! Помилуйте, какъ можно! Какой же онъ путешественникъ... нѣтъ, нѣтъ!

— Ну, ужъ я, право, не знаю.

— То-то.., я и самъ сталъ въ тупикъ. Не сказать ли «саовника»? Такъ нѣтъ, не годится! близко, а не то... Подумайте-ка.

Розановъ и Михайловъ задумались, и оба нѣсколько минутъ хранили глубокое молчаніе.

— «Героя!» Не сказать ли «героя»? воскликнулъ наконецъ Михайловъ.

— Опять близко, да не то! Конечно, можно бы... но нѣтъ! не-ловко...

— Ну, назовите же его просто «мужемъ».

— А что вы думаете? Вѣ-самомъ-дѣлѣ!.. Вотъ спасибо! «Знаменитаго мужа» хорошо! «Знаменитаго мужа»... недурно; и звучитъ, и выражаетъ настоящую мысль. Прекрасно! вотъ одолжили! ай-да Григорій Андреечъ! благодарю, душевно благодарю... А вѣдь безъ васъ мнѣ пришлось бы плохо...

Михайловъ вздохнулъ свободнѣе и взялся-было за шляпу.

— Пойдите, пойдите... Надо же кончить: тутъ ужъ немного... И опять пошли толки о томъ, какъ лучше: сказать ли, что «вечеръ былъ очаровательный, а дамы прекрасны», или «вечеръ былъ прекрасный и дамы очаровательны»; наконецъ остановились на последнемъ, и исправленная статья была прочитана вновь сначала до конца.

Когда все это кончилось, несчастный Михайловъ, весь мокрый, поспѣшно раскланялся съ хозяиномъ и опрометью бросился вонъ: но едва онъ добѣжалъ до послѣдней ступеньки крыльца, какъ сверху послышался голосъ Розанова.

— Григорій Андреечъ! Пойдите! На одну минутку... Взойдите.

Онъ взмошелъ.

— Какъ вы думаете... вы извините, что я васъ беспокою... Какъ вы думаете, не лучше ли будетъ вмѣсто: «И многія изъ нашихъ очаровательныхъ дамъ», сказать: «и многія изъ нашихъ почетныхъ дамъ...» «Очаровательная» имъ будетъ пріятнѣе, я знаю; ну, а «почетныя...» нѣтъ, ужъ лучше я оставлю «очаровательныя»... Знаете, женщины... Нѣтъ, именно, «очаровательныя»

лучше; «очаровательная» лучше. Прощайте. Кланяйтесь маменькѣ... У Михайлова была въ томъ городѣ мать, дряхлая старушка, которую онъ содержалъ своими трудами. Розановъ, когда хотѣлъ заглядѣть что-нибудь непріятное, сдѣланное имъ Михайлову хоть и печально, всегда, отпуская его, говорилъ: «кланяйтесь маменькѣ». Это былъ особенный знакъ вниманія: Семенъ Ильичъ былъ такъ добръ!..

На другой день, знаменитая статья, чистымъ каллиграфическимъ почеркомъ была переписана на цѣломъ листѣ петербургской бумаги. Авторъ почтительно представилъ ее на благоусмотрѣніе начальнику города. Тотъ одобрилъ ее отъ начала до конца, поблагодарилъ Розанова и въ заключеніи сказалъ, что онъ отъ него такой прыти не ожидалъ. Это чрезвычайно польстило уму Семена Ильича, и весь тотъ день онъ былъ доволенъ, веселъ, счастливъ.

Черезъ нѣсколько времени, статья была напечатана, и произвела такое впечатлѣніе на Розанова, что онъ чуть не свихнулъ съ ума. Строчки казались ему живыми; буквы чуть не говорили. Онъ все смотрѣлъ на статью, и двое сутокъ не выпускалъ изъ рукъ листка газеты. «Знаю», говорилъ онъ самъ съ собой: «что это сочинялъ самъ же я, и не вѣрю! Совершенно какъ чужое... То-есть, просто не могу повѣрить... Мое ли это? Нѣтъ, не мое! Было такъ—ничего, а вышло совершенно иначе... Узнать нельзя... То-есть, подлинникъ Карамзинъ или Ломоносовъ... такъ никто не узнаетъ! Удивительно! А жаль, что я не выставилъ хоть начальной буквы фамиліи... Все бы лучше... Все бы тамъ спросили, можетъ-быть: «а кто этотъ Р.?»

Между-тѣмъ, въ городѣ разнесся слухъ, что про небывалый городъ есть въ газетахъ статья; что въ этой статьѣ говорится объ одномъ значительномъ лицѣ, и вмѣстѣ о городскихъ дамахъ; что онѣ тамъ расхвалены, и что тамъ даже есть кой-какіе намеки... Городъ заволновался, начали читать, судить, толковать, разспрашивать объ имени автора...

— Удивительный человѣкъ! восклицалъ одинъ: — какія разнообразныя дарованія!..

— Да! кто бы могъ думать!.. говорилъ другой.

— И въ такихъ дѣтахъ! замѣчалъ третій.

— Этотъ человѣкъ на все способенъ...

— Именно на все!

— Ему все удастся.

— Скажите лучше, ему все сходитъ съ рукъ!

— А? гм...

— Да, да, гм...

— Однакожь, какъ хотите, господа, статья написана прекрасно: все въ ней изложено умно, прилично, красиво...

— Безспорно; это совершенно такъ, но...

— И, вѣдь это, господа, если смотреть съ настоящей точки, это ему дѣлаетъ даже честь... Онъ этимъ такъ — сказать прославляетъ нашъ городъ, и мы одолжены ему благодарностью...

— О, конечно! конечно!

— Безъ сомнѣнн.

— Совершенно-такъ.

— Совершенно-справедливо, и проч. и проч.

Эти толки доходили до Розанова и были ему чрезвычайно-приятны. Онъ сожалѣлъ только объ одномъ, зачѣмъ въ концѣ статьи не выставилъ хоть одной буквы, кромѣ одного Р.

— Въ городъ теперь всѣ знаютъ, что это писалъ я: желательнее бы, чтобъ узнали объ этомъ многородные... Впрочемъ, это еще не ушло. Первый представившійся случай, и я напишу такую статью, что о ней заговорятъ не только здѣсь, даже въ столицахъ. Ужь я настою на своемъ! я человекъ твердый.

Такъ рассуждалъ Розановъ и сталъ выжидать благопріятнаго случая, чтобъ приняться за новую статью. Случай этотъ не замедлилъ явиться.

Въ небываломъ городѣ протекали три рѣченки: Вонь, Прорва и Гузейка. На одной изъ нихъ недавно построили мостъ. Розановъ тотчасъ принялся за перо и вывелъ: *Объ открытіи въ небываломъ городѣ новаго великолѣпнаго моста чрезъ рѣку Прорву, 18.. года, августа дня.*

Статья начиналась такъ:

«Тамъ, гдѣ быстрая Вонь, орошая прохладными волнами своими плодородныя долины, принадлежащія нынѣ помѣщику здѣшней губерніи, почтенному Н. А. Семигонову, огибаетъ возвышенное мѣсто, извѣстное подъ именемъ Горки, и какъ-бы уставъ отъ продолжительнаго бѣга, свершаемаго на разстояніи 35,000 сажень, вливается въ лоно тихоструйной Прорвы; тамъ, гдѣ нынѣ возвышается великолѣпное зданіе, украшенное девятью колоннами, еще издали привлекающее взоры усталого селянина и именуемое *обжорный домъ*, — тамъ, по преданію, сохраняемому изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, благочестивые предки наши заложили первый краугольный камень города, въ коемъ нынѣ мы обитаемъ. Первоначальное заселеніе его...» и т. д.

Статья вышла чрезвычайно-длинная. Розановъ позвалъ опять къ себѣ Михайлова, заперся съ нимъ въ кабинетъ, и опять пошли толки о томъ, какъ лучше сказать, «цвѣтушія долины», или «роскошныя долины», или «тучныя пажити», или же «зеленобархат-

ныя поля» и проч. Больше всего смущало его въ этой статьѣ названіе рѣки *Вонь*.

— Какъ вы думаете, говорилъ онъ Григорію Андренчу: — не будетъ ли это двусмысленно, сказать: «тамъ, гдѣ быстрая *Вонь*»...

— Что жъ тутъ двусмысленнаго?..

— Помилейте: «быстрая *Вонь*». Скажутъ (вѣдь вы знаете, какіе у насъ злодѣи критики!), скажутъ, едва только прочли мы заглавіе статьи, какъ уже быстрая *вонь*... Нѣтъ, нѣтъ! это надо переимѣнить.

— Начните статью иначе.

— То-то и есть, что мнѣ не хочется. Это начало чрезвычайно хорошо: оно мнѣ очень нравится... Знаете, какъ-то этакъ звучитъ пріятно... «Тамъ, гдѣ быстрый Днѣпръ... Тамъ, гдѣ быстрый Донъ»... Видите, какъ хорошо... Э! постойте! Почему же и намъ не сказать: «Тамъ, гдѣ быстрый *Вонь*...»

— Да вѣдь *Вонь* женскаго рода.

— А мы ее перекрестимъ въ мужескій: что за бѣда! Еще можно на концѣ поставить *ъ* и будетъ *Вонь*. Подумають, что опечатка, вотъ и все. Прекрасно! превосходно!

И «быстрая *Вонь*» обратилась въ «быстрый *Вонь*».

На этотъ разъ «критическій разборъ», какъ говорилъ Розановъ, статьи объ открытіи моста продолжался далеко за полночь. Михайловъ вышелъ изъ кабинета блѣдный и мрачный.

Розановъ и эту статью отправилъ въ печать. Подъ ней онъ робкою рукою выставилъ ужь букву *Р* и просилъ редакцію отпечатать ему 50 экземпляровъ отдѣльно, для чего приложилъ сто рублей ассигнаціями. Всѣ эти 50 экземпляровъ были раздарены разнымъ почетнымъ лицамъ и пріятелямъ, и притомъ съ приманчивыми надписями—кому «въ знакъ глубочайшаго высокопочитанія и таковой же преданности», кому «въ знакъ искренней любви и старинной дружбы», кому просто «въ знакъ почтенія», а одной дѣвушкѣ, которая была такъ еще молода и невинна, что не знала, для чего дарится ей эта статья и что съ ней дѣлать, было написано: «на память голубенькихъ глазокъ, отъ обожающаго ихъ автора». Мы забыли сказать, что Семенъ Ильичъ былъ также очаровательный любезникъ и поклонникъ прекраснаго пола.

Статья о мостѣ надѣлала еще больше шума въ небываломъ городѣ, чѣмъ статья о провѣздѣ значительнаго лица. Розанова стали называть уже «сочинителемъ» и удивляться ему прямо въ глаза. Онъ нюхалъ это куреніе съ неописаннымъ восторгомъ, и къ чужимъ похваламъ прибавлялъ свои собственные: «хоть и моя статья» говорилъ онъ: «а не грѣхъ сказать, что прекрасная. Я сужу безпристрастно: очень, очень-хорошая статья».

Съ-этихъ-поръ, несчастная страсть авторства начала развиваться въ немъ быстро, бурно, съ сокрушающею силой...

Онъ началъ выдавать статью за статью, и каждая последующая была длиннѣе и краснорѣчивѣе предыдущей. О чѣмъ ни говорилъ этотъ Цицеронъ небывалаго города! По поводу чего не распространялся! Обвалился ли, на-примѣръ, уголъ городской башни и его почищаютъ: тотчасъ статья!.. «Мы» говоритъ онъ въ этой статьѣ: «мы, Россіяне, отличаясь отъ прочихъ народовъ Европы «смиренною покорностью къ вседержащему промыслу и пламен-
«ною, несокрушимою любовью къ нашему любезному отечеству,
«—мы, свято-чтящiе нравы и обычаи нашихъ мудрыхъ предковъ,
«завѣщавшихъ намъ нетлѣнные дары сокровищницы сердца, мы
«съ благоговѣнiемъзираемънынѣ на каждый памятникъ священ-
«ной старины, на сего, такъ сказать, краснорѣчиваго повѣствовате-
«ля о громкихъ славныхъ подвигахъ нашихъ могучихъ богаты-
«рей праотцевъ...»

И отъ праотцевъ, онъ смѣло переходитъ къ городской башнѣ, паденiе нѣсколькихъ камней называетъ «грозымъ сокрушенiемъ твердыни рукою всепобѣждающаго Времени», почику одного угла величаетъ «возобновленiемъ сей, *вролтно* въ древности бывшей сторожевою, Башни» и т. д. Потомъ, съ прелестною наивностью прибавляетъ, что «законодательная мода новѣйшаго времени из-
«брала нижнюю часть сей Башни какъ бы складочнымъ мѣстомъ
«для своихъ затѣйливыхъ нарядовъ» (это значило, что внизу были давки) «и что наши очаровательныя дамы — этотъ прекрасный
«воль» (безъ прекраснаго пола не проходила ни одна статья), «ко-
«му сама природа назначила такъ-сказать быть роскошнымъ укра-
«шенiемъ земнаго шара, избираютъ здѣсь для своей красоты при-
«личныя эмблемы...»

Заѣдетъ ли въ городъ какой-нибудь жалкій скрипачъ или странствующая пятьдесятъ лѣтъ сряду примадонна такого-то театра, — опять статья: «Мы» говоритъ: «были поражены, восхищены, рас-
«строганы до глубины сердець этими чудными, райскими звуками,
«которые разверзали предъ нами небо, и намъ слышались блажен-
«ныя пѣсни безтѣлесныхъ...»

Заложится ли гдѣ-нибудь домъ или загорится избушка — опять статья! и какая статья! Словомъ, Розановъ писалъ обо всемъ и самъ удивлялся, откуда у него берется умъ, познаниа, краснорѣчiе. Часто, прогуливаясь по улицѣ, онъ вдругъ останавливался, что-то какъ-будто припоминалъ, бормоталъ сквозь зубы невнятные слова, потомъ поспѣшно возвращался домой и, схвативъ перо, записывалъ, какъ говорилъ онъ «счастливое выраженiе», которое нечаянно пришло ему въ голову. Это выраженiе, эти фразы, вписывались

длинкомъ въ первую «текущую» статью, и всегда, по инициалу Розанова, приходились очень-кстати.

Между-тѣмъ, какъ Семенъ Ильичъ наводнялъ небывалый городъ своими сочиненіями, въ жителяхъ его сталъ пробуждаться духъ сомнѣнія: точно ли эти сочиненія такого рода, что имъ надо удивляться, или напротивъ?..

Нашлись смѣльчаки, которые даже громко осмѣливались говорить, что статьи Розанова не сочиненія, а просто наборъ словъ — дрянь, гадость. Такіе неблагоприятные отзывы доходили до ушей Семена Ильича; но онъ, нахмутивъ брови, обыкновенно отвѣчалъ на это: «Зовды! мои недоброжелатели, завистники! Не я ихъ откатаю!» и съ новымъ рвеніемъ принимался за перо. Подъ статьями своими, онъ выставлялъ уже полную фамилію, и отпечатывалъ ихъ отдѣльно не въ пятьдесятъ, но въ 300, 400 и болѣе экземплярахъ. Онъ развозилъ ихъ самъ по всѣмъ своимъ знакомымъ, дарилъ по два, по три экземпляра одному и тому же лицу, раздавалъ людямъ, съ которыми встрѣчался въ первый разъ въ жизни, разсылалъ въ трактиры, кондитерскія и книжныя магазины, прибывалъ на столбахъ, и наконецъ сталъ, говорятъ, оклеивать ими стѣны собственного дома... Дѣла его со-дня-на-день за-вухивались болѣе-и-болѣе; визніе приходило въ упадокъ. Вѣрная сурруга его, видя, что Семенъ Ильичъ позабылъ ее и дѣтей, и являясь въ кабинетъ по цѣлымъ днямъ, проводитъ время надъ сочиненіями, часто говорила ему со слезами на глазахъ: «перестань!» но онъ грубо ее отталкивалъ и обыкновенно отвѣчалъ: «Не твое дѣло! Ты не знаешь какая, можетъ-быть, ожидается мѣся участъ!» Жена уходила въ другія комнаты и горько плакала: положеніе ея было незавидно!

Незавидно также было положеніе Михайлова. Розановъ не могъ безъ него жить и по-прежнему не выпускалъ въ свѣтъ ни одной статьи, не разобравъ ее «критически» съ Григоріемъ Андреевичемъ. Молодой человекъ страшно измѣнился: изъ здороваго, крѣпкаго юноши, онъ сдѣлался скелетомъ; щеки его затянулись, глаза впали. Почти каждый день присылалъ за нимъ Розановъ, и робкій молодой человекъ ни разу не имѣлъ силы отказаться.

Однажды они прохаживались въ саду. Вылъ вечеръ подъ вос-ресенье. Стали звонить въ колокола.

— Тсс!.. Постоите, постоите! вскричалъ Розановъ, прерывая раз-говоръ. — Слышите?

— Чтò такое?

— Не-уже-ли вы не слышите?

— Чтò такое?

— Боже мой! Новый колоколъ. Слушайте.

— Да, его всталили еще вчера.

— Вчера? И вы мне ничего не сказали!

— На что же это вам?

— Какъ на что!.. Какой вы недогадливый... а статья?

— Вы будете писать о колоколѣ?

— И конечно: еще бы не писать! Такой благоприятный случай.. Михайловъ замолчалъ.

— Вы, кажется, думаете, что о колоколѣ нельзя написать ничего занимательнаго?

— Да, я думаю...

— Какъ же вы ошибаетесь... а еще ученый!

Михайловъ опять ничего не отвѣчалъ.

— Да знаете ли вы, любезный Григорій Андреечъ, началъ Розановъ послѣ минутнаго молчанія и съ нѣкоторою жесткостью: — что я уже объ этой статьѣ думаю цѣлый мѣсяць—еще съ-тѣхъ-поръ, какъ привезли колоколъ. У меня уже готово множество выражений, и это будетъ едва-ли не лучшая изъ всѣхъ моихъ статей... увѣрю васъ, и вы напрасно думаете, что я ужъ ни къ чему не способенъ.

— Я этого вовсе не думаю, отвѣчалъ удивленный Михайловъ.

— И прекрасно дѣлаете, продолжалъ Розановъ все тѣмъ же тономъ.—Критиковать легко, но пусть попробуютъ сами..

Онъ замолчалъ и спустя нѣкоторое время продолжалъ, какъ-бы бесѣдуя съ самимъ собою: «Колоколъ! да это богатѣйшій предметъ для оратора. Колоколъ — вѣстникъ неба, призывающій насъ къ молитвѣ, напоминающій намъ бренность міра сего, а иногда страшнымъ гласомъ своимъ собирающій гражданъ на какой-нибудь великій подвигъ...»

Розановъ, какъ видно изъ этого, совершенно забылъ, что мы живемъ не во время Марѣы Посадницы, и продолжалъ распространяться «отъ обстоятельствъ», какъ называютъ это гг. Кошанскій и Гречъ. Товарищъ его, повѣсивъ голову, шелъ молча подлѣ него.

— Однако, куда же я иду? сказалъ наконецъ Семенъ Ильичъ.—Мнѣ надо домой. Сяду сейчасъ за статью: она ужъ почти готова. Завтра я пришлю за вами. Пойдите! пожалуйста, вы завтра прослушайте ее со всевозможнымъ вниманіемъ... Въ городѣ начинаютъ говорить обо мнѣ дурно... (Семенъ Ильичъ побагровѣлъ.) Я знаю, кто эти злые языки... Они, я вамъ скажу по секрету, они ищутъ моей гибели... Тутъ цѣлый заговоръ... понимаете?.. Я подозреваю кое-что... Только не говорите никому...

Лицо Розанова пылало; глаза дико сверкали...

Михайловъ, блѣдный какъ смерть, смотрѣлъ на него съ изумленіемъ... Семенъ Ильичъ взялъ его за руку:

— Надеюсь, по-крайней-мѣрѣ, что вы останетесь мнѣ вѣрны?
а? что жъ вы молчите?

— Какъ могу я вамъ измѣнить?..

— То-то же. Завтра я васъ жду. Прощайте!

На другой день, Розановъ послалъ челоуѣка за Григоріемъ Андреевичемъ; но прошелъ часъ, и ни Михайловъ, ни челоуѣкъ не являлись. Въ нетерпѣніи, Семенъ Ильичъ ходилъ по комнатѣ съ стаяею въ рукахъ и кусалъ ногти.

— Что это? что это значить? говорилъ онъ, приходя болѣе и болѣе въ бѣшенство: — заставить меня ждать... меня... я заблуждалъ въ немъ еще вчера какую-то странность! Ну!? вскричалъ онъ въ неистовствѣ, увидѣвъ своего челоуѣка.

Тотъ былъ блѣденъ и бормоталъ какія-то неясныя слова.

— Да говори же, бездѣльникъ, говори! отъ-чего съ тобою нѣтъ Михайлова.

— Они не могутъ-съ.

— Что-о-о?

— Они-съ... лежатъ зарѣзавшись.

— Какъ?

— Зарѣзавшись. Страхъ такой...

Лицо Розанова страшно измѣнилось; изъ багроваго оно сдѣлалось синимъ. Онъ какъ-то странно понизилъ голосъ и спросилъ:

— Зарѣзался? Ты самъ это видѣлъ?

— Какъ же-съ. Тамъ и полиція.

— И таки-совершенно?

— Совершенно-съ, до смерти.

— Одѣваться! Скорѣй одѣваться...

Розановъ поспѣшно одѣлся и помчался къ начальнику города. Блѣдный, съ растрепанными волосами и дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ юрвался въ кабинетъ и закричалъ:

— Защитите, защитите!.. Они меня хотятъ погубить совершенно... Мои враги!.. мои зюды!..

Начальникъ города страшно перетрухнулъ.

— Что вы? что съ вами? Кто такой? Помилуйте!..

— Мои тайные враги... Они составили заговоръ... Подкупили Михайлова, и тотъ зарѣзался.

— Михайловъ зарѣзался? Кто вамъ сказалъ?

— Зарѣзался... Вообразите... и онъ противъ меня!.. Онъ, кого я облагодѣтельствовалъ... Онъ рѣшился на такой подлый поступокъ...

— Я васъ не понимаю. Михайлова подкупили зарѣзаться?

— Точно такъ... Они знали, что онъ необходимъ для успѣха моихъ статей... Мои враги...

Начальникъ города вышелъ изъ кабинета и приказалъ тотчасъ позвать къ себѣ доктора.

Розанову пустили кровь. Три дня лежалъ онъ въ постели, жалъ жену и дѣтей, былъ смиренъ и тихъ; но на четвертый выдержалъ, вскочилъ, схватилъ перо и началъ:

О необыкновенномъ происшествіи, случившемся въ небыломъ городѣ 18.. года, мая дня.

Статья начиналась такъ:

«Въ небыломъ городѣ сего числа, въ 9 часовъ утра, случилось слѣдующее необыкновенное происшествіе: въ то время, когда колоколъ соборной церкви возвѣщалъ жителямъ о началѣ божественной литургіи, и благочестивыя граждане, толпясь на улицахъ въ разноцвѣтныхъ праздничныхъ нарядахъ, озаренныхъ лучезарнымъ блескомъ майскаго солнца, со всѣхъ сторонъ стремились во храмъ,—одинъ изъ собратовъ ихъ, къ прискорбію всѣхъ знавшихъ его, пресѣкъ дни своимъ самовольнымъ наложеніемъ на себя рукъ. Сія печальная вѣсть и проч.

Такъ вотъ какия чудеса случались въ-старину въ небыломъ городѣ.

ГОВОРИЛИТЬ.

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

АНГЛІЙСКАЯ ИНДІЯ.

Статья вторая.

Общество офицеровъ королевскихъ войскъ; учрежденіе «массы»; система новыя пеній; жалованье. — Компанійской войско; сипаи; комфортъ военной службы; употребленіе слоновъ въ военномъ дѣлѣ. — Обзоръ вѣдѣній на Индію въ разные эпохи и дѣйствій завоевателей. — Общій взглядъ на британскую имперію въ Индіи. — Настоящая конституція англійской Индіи. — Мѣстное управленіе. — Доходы: территориальный налогъ, дань, монополія, таможи; расходы. — Политика Англичанъ въ Индіи. — Лагоръ. — Нипалъ. — Деканъ. — Гвельфоръ. — Удъ (Aouda). — Мизоръ. — Великій моголь. — Навабы Бенгала, Карнатка и др. — Пешва и другіе узники; амиры Сида.

Введеніе въ первой (описательной) части своего труда знакомить съ интересными подробностями о устройствѣ военнаго общества въ Индіи, и мы считаемъ неизлишнимъ вертатца ознакомиться съ ними читателей.

Военная іерархія между офицерами войскъ въ Индіи соблюдается строго и ненарушимо предъ непрітелемъ, на поля ученія или въ военномъ совѣтѣ; въ этой сферѣ, всѣ сослуживцы, отъ высшаго до послѣдняго подпоручика, равны между собою по званію джентльмена.

Для поддержанія этого братства, постановлено военными регламентами, чтобъ всѣ офицеры одного и того же корпуса, не женатые, или которыхъ жены не живутъ въ гарнизонѣ, составляли между собою общество и имѣли общій столъ — *the mess*, слово, которое можно перевести словомъ *масса*, потому-что здѣсь сливаются въ массу вклады, на всегда принадлежащія общинѣ.

Эта «масса» есть неизмѣняющійся капиталъ, получившій начало съ-давнихъ-поръ и увеличивающійся слѣдующимъ образомъ: всякій офицеръ, вступая въ полкъ съ чиномъ подпоручика, обязанъ внести въ общую кассу сумму, равную мѣсячному жалованью. Сверхъ-того, онъ всякій мѣсяцъ вноситъ плату за столъ, которая однакова для всѣхъ офицеровъ, какова бы чина они ни были. Каждый разъ при повышеніи въ слѣдующій чинъ, всякій офицеръ обязанъ снова внести для увеличенія массы свое новое мѣсячное жалованье. Въ случаѣ смерти, наследникомъ этихъ вкладовъ остается общество; то же самое бываетъ при переводѣ офицера изъ одного корпуса въ другой; разъ-отданныя суммы не возвращаются, и онъ долженъ въ новомъ мѣстѣ своего содержанія снова давать свое мѣсячное жалованье. Кроме того, со всякаго еще удерживается ежемѣсячно дневное жалованье.

Правительство также даетъ отъ себя по 250 фунтовъ стерлинговъ въ годъ на каждый полкъ, потому-что оно требуетъ отъ этого учрежденія некоторой роскоши (на-прим. два большіе обѣда въ годъ, для генераловъ, каждые полгода производящихъ инспекторскіе сметры, — обѣды, на которые должны быть приглашены всѣ мѣстные начальства). Теперь понятно, что этотъ общественный фондъ можетъ быстро увеличиваться; но бываютъ иногда и случаи уменьшенія, хотя весьма-рѣдко, какъ на-прим., потеря багажа во время войны, переходъ гарнизона изъ одного мѣста въ другое, потому-что тогда перевозка всѣхъ имуществъ общества производится на счетъ массы. Наконецъ, не считая этихъ случайностей, бываютъ и ординарныя издержки, на-прим., содержаніе серебра—приборовъ на сто, великолѣпнаго столоваго белья, посуды, фарфора, хрустала; немалъ здѣсь довольно-обширнаго для общаго стола, залы для чтенія и обыкновенной залы для билльярдъ.

Вся офицеры, собравшись на советъ, избираютъ изъ среды себя президента (которымъ никогда не можетъ быть полковой командиръ) и двухъ секретарей, которымъ поручено, подъ строгимъ отчетливостію, наблюдать за капиталомъ и имуществомъ общества. Они подаютъ каждый полгода отчетъ, разсматриваемый составляемымъ на этотъ предметъ комитетомъ. Всякая экстраординарная издержка, напримеръ, покупка новыхъ вещей, зависитъ отъ собранія всего общества, гдѣ все рѣшается по большинству голосовъ.

Общій столъ есть какъ-бы военный парадъ; никто не имеетъ права не быть за нимъ, не узявъ честию, что онъ приглашенъ куда-нибудь или не можетъ явиться по болѣзни. Два офицера по-прежнему отправляютъ должность президента стола или вице-президента; они садятся по обѣимъ концамъ стола. Вице-президентъ настоящей недели избирается президентомъ на слѣдующую. Всякій офицеръ долженъ принять на себя

эту обязанность, начиная съ двухъ окончностей іерархіи, т. е. младшій подпоручикъ воездаетъ съ самымъ старшимъ высшимъ офицеромъ (только полковой командиръ не допускается до этого вове).

Должность президента стола чрезвычайно-затруднительна и ответственна. Онъ наблюдаетъ за порядкомъ и нравственною дисциплиною собраний; одинъ онъ вмѣстѣ съ вице-президентомъ имѣетъ право давать приказанія многочисленной прислугѣ; онъ долженъ запрещать всякій разговоръ, нарушающій общую гармонию; наконецъ, онъ имѣетъ право арестовать всякаго офицера, какого бы тотъ ни былъ чина, даже и высшего, нежели онъ самъ, если тотъ сдѣлаетъ беспорядокъ, вызоветъ кого на дуэль, или откажется выполнять правила общины.

Полагая, что такое учрежденіе должно имѣть самыя благопріятныя послѣдствія въ эстетическомъ и нравственномъ отношеніи, поддерживая между офицерами дружественныя отношенія и духъ образованнаго общества.

Подобнаго учрежденія не могли устроить въ компанейскомъ войскѣ: оно существуетъ только въ королевскихъ войскахъ.

Весьма-замѣчательное одно изъ правилъ, находящихся въ инструкціи президента стола: онъ долженъ прерывать разговоръ, имеющій предметомъ практическія подробности или общія мѣста военного ремесла. Разговоръ долженъ быть селенный, хорошаго тона, т. е. свѣтскій или литературный, объ искусствахъ или исторіи; тутъ касаются и важныхъ вопросовъ военной науки.

Между офицеромъ и солдатомъ проведена ужасная граница, цѣлая пропасть: офицеръ есть джентльменъ, а солдатъ простолюдинъ, одинъ—франтъ, другой—парія. Жакмонъ замѣчаетъ, что офицеры стараются показывать, что они не имѣютъ ничего общаго съ людьми, надъ которыми начальствуютъ. Они отдаляютъ ихъ отъ себя изученною холодностью.

Очень-замѣчательны способы повышенія въ королевскомъ войскѣ; ихъ два: или очередь, т. е. замена вышшняго изъ рядовъ старшаго офицера, или покупка его отставки. При помощи этой системы, англійское правительство избавляетъ свои финансы отъ назначенія пенсіонеровъ. Хочетъ ли какой-нибудь офицеръ оставить службу—онъ можетъ продать свое мѣсто младшему по себѣ, за цѣну, которой *минимум* опредѣляютъ закономъ, соразмерно съ жалованьемъ выходящаго въ отставку. Для облегченія этой купли и продажи, уже принято обычаемъ за правило, что они должны по преимуществу имѣть мѣсто въ томъ же самомъ полку, если только есть офицеръ степени непосредственно-нашней той, которая дѣлается вакантною, и если этотъ офицеръ, будучи въ состояніи улетѣть по-крайней-мѣрѣ *минимум*, самъ хочетъ купить эту ваканцію, впрочемъ съ тѣмъ неизмѣннымъ условіемъ, чтобъ онъ удовлетворялъ своими качествами всѣмъ потребностямъ новой должности.

Предполагая, не-примарь, что офицеръ, дослужившійся до чина капитана, чувствуя свое здоровье разстроенымъ или наскучивъ службу въ Индіи, хочетъ вѣсть отставку. Онъ начинаетъ съ того, что бу-

деть торговаться съ поручиками и подпоручиками своего полка. Правда, младшій по немъ, поручикъ того же полка, если только можетъ уплатить ему *mitium*, преимущественно предъ всеми другими имѣетъ право занять это мѣсто; никто, давъ больше, не можетъ ему състь на голову, если его предшественникъ дѣйствительно оставляетъ службу.

Но это вотъ какъ дѣлается обыкновенно: обращаясь къ самому старому поручику, предлагающему *mitium*, капитанъ говоритъ ему: «цѣна моего чина определена въ 1800 фунтовъ стерлинговъ, но я не подамъ отставки, если вы не дадите мнѣ, какъ хотите, 2200», т. е. 400 фунтовъ стерлинговъ болѣе определенного закономъ. Если поручикъ богатъ, онъ, можетъ-быть, тотчасъ согласится на предложеніе продавца; не то— онъ вступаетъ въ переговоры съ подпоручикомъ, который долженъ поступить на его мѣсто, когда онъ самъ сдѣлается капитаномъ. Предположимъ, что они раздѣляютъ этотъ грѣхъ по-поламъ, и такимъ-образомъ каждый прибавитъ къ своему *mitium* по 200 фунтовъ; тогда поручикъ, который, чтобы быть произведеннымъ въ капитаны, долженъ былъ заплатить 1,100 фунтовъ, заплатитъ вмѣстѣ того 1,300; подпоручикъ за чинъ поручика, вмѣстѣ 250, заплатитъ 450; наконецъ вступающій на службу аigentъменъ, съ которымъ нельзя торговаться, потому-что его назначеніе зависитъ отъ министерства, за чинъ подпоручника заплатитъ 450 фунтовъ; всѣ эти суммы въ совокупности составятъ требуемые 2,200 фун. стерлинговъ.

Каковы бы ни были обстоятельства, даже въ случаѣ войны, капитанъ рѣдко продаетъ свое мѣсто менѣе, нежели за 2,000 фунт. стерлинговъ, т. е. за 50,000 рублей, что даетъ ему возможность получать ежегоднаго дохода около 2,500 рублей, и по смерти капитала оставить семейству.

Бываютъ повышенія и простою замѣною, безденежно, въ случаѣ смерти предѣстника; но, при изложенной нами системѣ, такое повышение рѣдко, почти баснословно, потому-что лишь только кто-нибудь чувствуетъ себя серьезно-нездоровымъ, тотчасъ старается совершить продажу. Если онъ умретъ на службѣ, то деньги, употребленные имъ-самимъ на покупку своего мѣста, потеряны для его наследниковъ; его вдова получить въ пожизненный пансіонъ половинный окладъ жалованья мужа, а дѣти только ежегодное пособие, сыновья до двадцати-одного года, а дочери до замужества. Самымъ естественнымъ слѣдствіемъ бываетъ то, что при первыхъ признакахъ нѣскольکو-серьезной войны, многіе семейные офицеры оставляютъ знамена; а если недостаточное состояніе и заставляетъ ихъ остаться на службѣ, то они очень оберегаютъ свою жизнь, дѣлающуюся уже капиталомъ, имъ непринадлежащимъ, которымъ они не считаютъ себя въ правѣ рисковать. Правда, есть блистательныя исключенія, когда любовь къ отечеству преодолѣваетъ всякіе расчеты.

Впрочемъ, надо замѣтить, что если офицеръ умираетъ отъ болезни, его ваканція находится въ распоряженіи министра, который можетъ отдать ее по своему усмотрѣнію непосредственно низшему офицеру, или какого бы то ни было полка или корпуса. Только въ случаѣ смерти на

поль чести, ваканція непременно замѣщается слѣдующимъ офицеромъ того же самаго полка. Въ 1842 году были поручики, произведенные въ 1811 и 1812 году: они состояли на службѣ столько лѣтъ, сколько было отъ роду ихъ капитанамъ. Впрочемъ, въ такомъ застоя они часто обноваты сами, не умѣя пользоваться обстоятельствами, не умѣя скончить даже лѣтъ въ двадцать-пять сумму на покупку чина капитана, что весьма-возможно при получаемомъ ими хорошемъ содержаніи.

Полковой командиръ получаетъ жалованья отъ 24,000 до 40,000 рублей въ годъ; подпоручикъ—отъ 5 до 7 тысячъ рублей. Но должно принять въ соображеніе, что *необходимыя* издержки полкового командира совершенно тѣ же, какъ и подпоручика; они сидятъ за однимъ и тѣмъ же обширнымъ столомъ, принимаютъ одинакое число гостей. Квартира первого несколько не дороже; они имѣютъ совершенно одинакое количество слугъ, человекъ двѣнадцать туземцевъ; имѣть менше было бы неудобно, противно комфорту, больше — было бы уже бесполезною роскошью. Изъ этого слѣдуетъ, что если принять содержаніе, получаемое подпоручикомъ (которое, надо замѣтить, можетъ доставить въ Индіи полное довольство и даже роскошь) за единицу издержекъ, то излишекъ жалованья во всякой другой должности можетъ быть откладываемъ въ экономію, и такимъ образомъ составить въ короткое время большое состояніе.

Впрочемъ, такое вознагражденіе совершенно-справедливо: всякій годъ, проведенный въ Индіи, уноситъ навѣрное два года жизни.

Компанейское войско устроено совершенно по другой системѣ, сравнительно съ королевскимъ войскомъ: здѣсь производство бываетъ просто по очереди. Одни офицеры этого войска имѣютъ право, наравнѣ съ компанейскими гражданскими чиновниками, на дипломатическія должности: эти посты чрезвычайно-выгодны, и достопочтенные сановники наживаются порядочно; въ нѣсколько лѣтъ составляютъ они колоссальныя богатства.

Кромѣ европейскихъ офицеровъ, въ каждомъ полку англо-индійской пехоты выходятся восемнадцать офицеровъ изъ туземцевъ, изъ которыхъ девять получаютъ чинъ субадара, соответствующій капитанскому чину, и девять званіе джеммадара, равнозначашее мѣсту поручика; но и тѣ и другіе на дѣлѣ подчинены послѣднему европейскому подпоручику. Никакое мѣсто, никакой чинъ не въ состояніи сгладить это ужасное различіе кожи.

Армія есть мѣсто соединенія всехъ классовъ общества: здѣсь парія стоятъ рядомъ съ браминномъ самой высокой степени: все ищутъ военной службы, какъ большой чести и милости. Мусульмане, перемѣшанные съ Индусами, живутъ съ ними мирно, безъ религіозной нетерпимости. Но вне службы, каждый сидитъ у себя, одинъ, ѣсть и курить одинъ, выходитъ только утромъ и вечеромъ, для молитвъ и омовеній. Индійское войско пьетъ одну воду; оно важно и серьезно, какъ и вся нація.

Замѣчательно, что европейскіе солдаты и сипай никакъ не сходятся другъ съ другомъ, хотя имѣютъ однихъ в тѣхъ же начальниковъ. Ме-

жду ними теперь не больше симпатій, какъ было вь первые дни покоренія; причина не вь томъ, чтобъ она не понимали другъ друга: напротивъ, англійскіе солдаты хорошо объясняются по-индустански и вообще на всякомъ нарѣчій той области, гдѣ стоятъ. Какъ воды Ровы протекаютъ по Женевскому-Озеру, не смѣшиваясь съ его водами, такъ посреди войска сипаевъ изолированъ бываетъ европейскій полкъ; власти боются и думать сблизить ихъ, чтобъ не усилить еще антипатіи.

Варрэнъ рассказываетъ о походѣ вь Землю-Курговъ (*).

Мы не будемъ слѣдить за этою экспедиціею, успѣхъ которой, какъ и надо было ожидать, увѣнчалъ оружіе Англичанъ.

При этомъ случаѣ, повѣствователь указываетъ на нѣкоторые обстоятельства, могущія дать понятіе о трудной подвижности англійскаго войска и о настоящемъ значеніи туземныхъ войскъ вь англо-индійской арміи.

«Чтобъ уменьшить число лагерныхъ служителей» говоритъ Варрэнъ: «генералъ приказалъ оставить двѣ трети багажа; три офицера должны были довольствоваться одною палаткою подпоручика, и всего четыре палатки назначены были на цѣлый отрядъ солдатъ. Не смотря на эти ширь, число невоенныхъ простиралось все еще до 2,500 человекъ, а вьючныхъ животныхъ было 4,138 (**), не считая стада, назначеннаго на убой для прокормленія арміи. Вь первомъ изъ этихъ чиселъ считалось двѣсти-сорокъ носильщиковъ паланкиновъ. Никогда войско вь Индіи не шло больше на-легкѣ. Это можетъ дать идею о comfortъ англійскаго войска и о попеченіяхъ, оказываемыхъ солдатамъ.»

Причина этихъ походовъ, вь родѣ ксерксовыхъ, состоитъ вь томъ, что самый дорогой предметъ на войнѣ вь Индіи—европейскій солдатъ, который обходится очень-дорого. Вотъ образчикъ комфорта англійскихъ офицеровъ. Послушаемъ, что говоритъ самъ очевидецъ:

«Вся моя товарищи собралась уже вь роскошной палаткѣ, служившей намъ салономъ и столовою. Всякій, посмотрѣвъ на дѣлаемые приготовленія, усомнился бы, что мы на походѣ, посреди непріятельской страны; только—что послѣ битвы и наканунѣ новаго сраженія. Пол-дюжины служителей разставляли столы изъ краснаго дерева на четырнадцать кувертовъ; камчатныя скатерти покрывали эти лакированные мебели; превосходное серебро, лондонскіе приборы, бирмингэмскій фарфоръ, Аб-рогой хрусталь, всевозможныя европейскія вина; наконецъ, канделябры

(*) Это небольшое государство, игравшее весьма-важную роль въ послѣдней катастрофѣ Мизора: раджа этой страны, данникъ Типо-Сауба, отказался ему, за что и получилъ независимость. Англичане воспользовались обстоятельствами; по смерти раджи, требовали у его сына выдачи политическихъ перебѣжчиковъ; гостеприимство само учителя у Икдусовъ, и потому послѣдовалъ отказъ; Англичане сочли это за оскорбленіе и объявили войну.

(**) Слоновъ 8,
 Верблюдовъ 200,
 Офицерскихъ лошадей . . . 230,
 Волковъ, ословъ и муловъ . 760.

 Всего. . . 4,138.

изъ массивнаго серебра, — все какъ на самомъ роскошномъ пирѣ какого-нибудь сибарита. На другомъ столѣ, въ другой части палатки, служившей салономъ, лондонскіе журналы, обозрѣнія, карта Индіи, карта Мизора. Для перевозки этой общей палатки (*the mess tent*), нужно было слонъ, да еще четыре верблюда для перевозки кухни, мебели и винъ. Въ семь часовъ вечера, наша палатка была великолѣпно освѣщена; мы сѣли обѣдать; кушаній, правда, было немного, но все они были достойны Лукулла.»

Въ походахъ по Индіи, войско имѣетъ неоцѣненное сокровище — слово: ихъ колоссальная сила и понятливость выводить ихъ изъ многихъ затрудненій. Представимъ тому примѣръ.

«Бригада наша» говоритъ Варрентъ: «сила, казалось, не хорошей дороги; однакожь, пройдя пол-мили, мы вдругъ очутились въ рваномъ руслѣ, высохшемъ совершенно; въ дождливое время, оно, должно быть, переполняется водами, которыя текутъ быстро, образуя многочисленныя каскады. Никакой тропинки, никакого выхода, кромѣ этого русла. Два часа тяжкаго труда пионеровъ и чрезвычайныхъ усилій всего авангарда подвинули насъ не на большое пространство; надо было продолжать дорогу выучными животными.»

«При этомъ случаѣ, мы могли увидѣть понятливость слоновъ и ихъ полезность въ горной войнѣ. Когда мы дошли до того мѣста, гдѣ ледяныя рѣки спадали каскадами, необходимо было встать на пушихъ почти на вертикальную гранитную скалу, гладко отшлифованную водою. Волы, которые везли орудія, послѣ нѣсколькихъ усилій, отказались отъ этого предпріятія и легли, что они обыкновенно дѣлаютъ въ отчаянныхъ случаяхъ. Тогда привели двухъ слоновъ. Ихъ неслышимымъ голосомъ и телодвиженіями, чего ожидали отъ нихъ. И действительно, одинъ изъ этихъ колоссовъ, ставъ за шести-фунтовое орудіе, приложилъ къ нему окончность своего хобота, и, толкая орудіе сзади, тогда-какъ канюны только давали ему направленіе, испихнули его на самую верхнюю скалу. Немного-подальше, орудіе скатилось въ оврагъ и опрокинулось; два слона подняли его хоботами, одинъ съ одной, другой съ другой стороны, вытащили и положили на зафетъ.»

Что касается до туземныхъ войскъ въ англо-индійской арміи, они хорошо, въ настоящихъ обстоятельствахъ, соответствуютъ своей цѣли, устрашая своимъ множествомъ и выучкою племена Индіи, которыя, подобно имъ, робки, но болѣе ихъ невѣжественны и не такъ хорошо вооружены, сверхъ-того, не имѣютъ выгоды дисциплины и начальниковъ, понимающихъ военное дѣло. Въ мелкихъ войнахъ съ туземцами, въ погонахъ за тугами, они всегда будутъ въ состояніи рѣшить дѣло въ пользу компаній. Въ мирное время, ихъ употребляютъ на исполненіе всѣхъ обязанностей службы, что даетъ возможность сохранять солдатъ метрополіи на день битвы; это ноги арміи, а Европейцы — руки, голова и сердце. Нельзя отрицать личнаго мужества некоторыхъ, но, говоря вообще, войско сипаевъ, не смотря на всѣ разглагольствія Англичанъ, не можетъ быть сравнимо ни съ однимъ изъ европейскихъ войскъ.

Англичане имеют чудную пыхоту; но их кавалерія стоить не на первой степенн. Въ отношеніи къ верховой ѣздѣ, англійскій кавалеристъ, говоря вообще, уступаетъ туземному компанейскому всаднику. Индійцы настоящіе кочтавры; всадникъ и конь составляютъ какъ-бы одно неразделанное цѣлое; но стнть, впрочемъ, и ограничивается все достоинство туземной кавалеріи: въ ней нтъ никакой дисциплины; вслѣдствіе дѣйствуетъ по вдохновенію. Лучшее изъ этихъ войскъ — корпусъ иррегулярной кавалеріи, извѣстный подъ именемъ *Skinner's horse*, но фактически его основателя, полковника Скиннера, который отменилъ всякую дисциплину, оставилъ каждому нарядъ, сообразный съ его нравомъ и предразсудками, увеличилъ жалованье и поставилъ начальникамъ почетнѣйшихъ изъ туземцевъ высшихъ частей. Эти скиннерцы оказали чудеса храбрости, особенно личной, во всѣхъ войнахъ противъ Маратовъ, Пендарисовъ и, въ недавнее время, противъ Афановъ. Каждый суваръ (иррегулярный кавалеристъ) одинъ-на-одинъ съ европейскимъ всадникомъ непреманно одолеваетъ его; но цѣлый рессалакъ (отрядъ) не выдержитъ натиска англійскаго эскадрона. Это тайна дисциплины.

Замечательно, что Англичане, употребляя туземцевъ въ артиллерійскую службу, не посвящаютъ ихъ во все тайны стрельбы, которая остается известною только англійскимъ унтер-офицерамъ.

Эти подробности, заимствованныя изъ первой части труда Варрена, собственно журналы его странствованій, знакомятъ читателя съ характеромъ королевскихъ и компанейскихъ войскъ; правда, Варренъ былъ въ одномъ Мадраскомъ-Президентствѣ; по его наблюденія могутъ быть применены и къ войскамъ обоихъ другихъ президентствъ. Изъ второй части, въ своемъ мѣстѣ мы позаимствуемъ новыя подробности объ устройствѣ и распределеніи по провинціямъ англо-индійской арміи.

Здѣсь мы заключимъ нашъ рассказъ о нравахъ, обычаяхъ, предразсудкахъ, общественной жизни народовъ, которыхъ жизнь политическую представимъ предъ читателя, вызывая прошедшее и умозаключая о будущемъ, — рассказъ, въ сжатой формѣ представляющій первыя впечатлѣнія путешественника, съ книгою котораго намъ хотѣлось въ возможной полнотѣ познакомить людей живо-интересующихся такимъ важнымъ вопросомъ, какъ англійская Индія.

Небольшая факторія, основанная несколькими англійскими бунцами на берегахъ Ганга, отдѣлялась столицю обширнаго и могущественнаго государства. Торговое депо-Форты Уильяма дасть теперь законы болѣе нежели 200 милліонамъ людей, и такая перемѣна совершилась менѣе, нежели въ-теченіе вѣка.

Бросимъ взглядъ на смѣлую борьбу, которую успешно выдерживаетъ кучеческая компанія, въ-продолженіе восьмидесяти-семи лѣтъ, съ насѣднѣйшими имперіями вселенной.

Индія многократно была наводнена завоевателями. Цивилизованное уже, насколько тысячъ лѣтъ, ослабленное климатомъ, роскошью, продолжительно-мирною жизнью, индійское населеніе должно было, оказаться жертвою сильныхъ горскихъ племенъ Средней-Азіи. Это во-

протѣ климатологической. Китай, Персія, подверженныя тѣмъ же ослабляющимъ вліяніямъ, не могли ускользнуть отъ общаго закона; они также проходили, въ различныя эпохи, подъ игомъ помадныхъ орабъ, сѣдѣвшихъ съ плоскихъ возвышенностей Монголіи, или въведшихъ изъ степей Туркестана. Такимъ образомъ, подъ именемъ Скивовъ, Маджуровъ, Монголовъ, Татаръ, Туркмановъ или Афгановъ, народы Средней-Азіи были, въ продолженіе многихъ вѣковъ, завоевателями Китая, Индіи, Персіи, и періодически разливали на эти страны излишекъ своего народонаселенія. Но исторія не донесла до насъ восточнѣйшій объ этихъ древнихъ нашествіяхъ: можетъ-быть, рассказы о нихъ существуютъ въ малозвѣстныхъ намъ летописяхъ этихъ имперій.

Кромѣ нашествія Сестоприса или Сета, о которомъ повѣствуютъ сиветскія хроникки, и которое случилось за семнадцать вѣковъ до нашей эры, похода даріева, предпринятаго дванадцать столѣтій позже, о которомъ мы знаемъ изъ Геродота, и похода Александра-Македонскаго, въ 330 летъ до Р. Х., — исторія не говоритъ ничего положительнаго о великихъ переворотахъ, бывшихъ между азіатскими народами до X вѣка. Около этой эпохи, Туркоманы, племена, спешшія съ высотъ Алтая, и долгомъ неизвѣстныя, приблизились къ странамъ между Оксусомъ и Каспиемъ, проникли въ Афганистанъ и основали имперію, которой столица называлась Газною. Отъ времени-до-времени этотъ воинственный народъ, родоначальникъ нынѣшнихъ Афгановъ, дѣлалъ набѣги на долины Индіи. При Махмудѣ, въ 1000 г., онъ распространялъ свои завоеванія отъ Кашимира до Гузерата; по смерти Махмуда, одинъ изъ его полководцевъ, Кертубъ, основалъ имперію въ Индустанѣ.

Афганская или патанская династія, царяла уже два вѣка въ Дѣли, когда появился Чингисъ-Ханъ. Вышедъ изъ степей Монголіи, въ началѣ XIII столѣтія, во главѣ безчисленной толпы полудикихъ кочевъ, онъ пошелъ сперва на востокъ и покорилъ Китай; потомъ возвратился на западъ, прошелъ по Бактріанѣ и Хоразану, обогнулъ Каспій съ сѣвера, проникъ даже въ Польшу, и возвратился умереть на Каспій въ 1227 г., оставивъ тремъ сыновьямъ имперію, простирающуюся отъ Пенкина до Кракова и отъ Инда до Одера. Но эта необозримая монархія, не считая въ своихъ частяхъ, распалась такъ же скоро, какъ и составлялась. Одинъ изъ сыновей Генгиса наирасно хотѣлъ утвердиться въ Индостанѣ; дѣйскій тронъ остался еще за афганскимъ султаномъ.

Военское могущество дѣйскаго монарха было такъ велико, что для принятія чингисъ-ханова посла, онъ вышелъ изъ города во главѣ 50,000 всадниковъ, 2,000 слоновъ и 3,000 вооруженныхъ колесницъ.

Вторженія Монголовъ были почти непрерывны въ продолженіе двухъ вѣковъ; но они производили только частныя пораженія. Въ концѣ XIV столѣтія, одинъ монгольскій полководецъ, воспользовавшись смутами, царствовавшими въ Самаркандѣ, возвысился на степень султана: то былъ Тэмуръ-Ханъ, обыкновенно называемый Тамерланомъ. Эта имперія заключала тогда въ себя Хоразанъ, Кабулъ, Бактріану, Трансоксиану и Чагатай. Онъ овладѣлъ Туркестаномъ, Персією и Месопотамією; потомъ, въ 1397 г., сѣдавъ, что индійскіе владѣтели были въ безпре-

станныхъ междуособіяхъ, онъ заставилъ одного изъ нихъ просить его помощи; подъ этимъ предлогомъ, Тимуръ быстро двинулся на Дели и поворилъ большую часть Индіи менше, чѣмъ въ пять мѣсяцевъ.

Удовольствованный пріобрѣтеннымъ владычествомъ, нагруженный добычами, Тимуръ покинулъ Индустанъ, чтобъ покорить Грузію. Столкновение съ этимъ мощнымъ завоевателемъ совершенно поглотило афганскую династію. Владѣтели — данники Дѣли, воспользовались этою слабостью, чтобъ попытаться возстановить свою независимость. Это состояніе анархіи продолжалось болѣе вѣка.

Въ это-то время появился на берегахъ Инда перыя европейскія суда. Путь около Мыса-Доброй-Надежды, открытый Португальцамъ Диасомъ, былъ пройденъ Васко-да-Гамою, который прѣбылъ въ Калькутту въ 1498 году этою новою дорогою. Другіе Португальцы скоро за нимъ послѣдовали, и, съ 1510 г., Альбукеркъ основалъ многіе военные и портовые пункты на Малабарскомъ-Берегу.

Монголы не забыли дороги въ Индустанъ; изъ своихъ степей, они часто бросали жадные взгляды на богатыя долины этой страны. Нанецъ, Баберъ, султанъ Самарканда, происходившій отъ Тимура и Чингиса, замыслилъ, въ 1525 году, основать въ Дѣли столицу своей имперіи. Минута была благопріятна; партіи терзали Индустанъ; дѣвильскій султанъ имѣлъ только тѣнь власти. Баберъ, предводительствуя сильнымъ войскомъ, чрезъ каверскія тѣсныя, прошелъ по Пенджабу, встрѣтилъ индійскія полчища въ долину Панипута, на голову разбилъ ихъ, овладѣлъ столицею и провозгласилъ себя императоромъ. Векеръ за этою быстрою побѣдою, онъ принудилъ индійскихъ владѣльцевъ признать его власть и основалъ великую монгольскую имперію.

Престолъ великаго могола сохранилъ весь свой блескъ почти въ теченіе двухъ вѣковъ, до Аурангзеба; но послѣ его смерти, въ 1707 г., возникли междуособія между двадцатью-двумя наслѣдниками имперіи: каждый изъ нихъ хотѣлъ присвоить себѣ въ потомственную собственность область, данную ему во временное управленіе, и сдѣлаться независимымъ. Слабый преемникъ Аурангзеба не могъ воспрепятствовать этимъ хищничествамъ и остановить эти внутреннія неурядица. Такою всеобщій безпорядокъ открылъ путь въ Индустанъ новому завоевателю. Надиръ, сынъ хоразанскаго пастуха, въ-послѣдствіи атаманъ шайки разбойниковъ, и наконецъ шахъ Персіи, проникъ, въ 1739 г., въ Дѣли, производя по пути грабежи и разрушенія; однакожъ, хотя и увѣнчанный побѣдою, онъ оставилъ престолъ сыну Аурангзеба, слабому Мухаммеду XIV, и возвратился въ Испагань, но обремененный добычею, которую цѣнили въ два тысячи мильіоновъ рублей.

Другіе непріятели не замедлили напасть на эту ослабленную имперію. Маратты, воинственное и полудикое племя, вышедшее изъ средины Азіи, отторгла отъ нея нѣсколько областей, и на счетъ ея основали могущественную конфедерацію. Афганцы, Сейки, Белуджи, возвратили тогда свою независимость и образовали многія государства; наконецъ, отъ обширной монархіи Бабера, великому моголу только и осталось что Дѣли да номинальное господство надъ всеми остальнымъ.

Въ промежутокъ времени отъ Бабера до Мухаммеда XIV, отъ начала XVI столѣтія до половины XVIII, Европейцы увеличили свои владѣнія на берегахъ Индустана. За Португальцами, которые пришли первыя, сначала появились Голландцы и Французы. Гоа встрѣтила себя соперниковъ — Неганатнамъ, Пондишери и Шандернагоръ. Три народа довольно-широко раздѣляли между собою торговля выгоды Индіи, какъ вдругъ Англичане задумали принять участіе въ этой богатой добычѣ. Ихъ первыя суда прибыли въ Суратъ въ концѣ XVI столѣтія; они основали здѣсь маленькую факторію въ 1600 г. Актъ, узаконяющій основаніе первой англійской компаніи Восточныхъ-Индіи, былъ подписанъ Елизаветою 31 декабря этого года. Вторая факторія была основана въ 1654 г., въ Мадрасъ, и третья въ Бомбей, въ 1664 г. Компанія, получивъ тогда новыя привилегіи, распространила свою торговлю даже до Китая. Въ 1698 г. составлялась другая компанія; но во избѣжаніе опасныхъ послѣдствій отъ этого соперничества, обѣ компаніи соединились въ 1702 году.

Съ-этихъ-поръ, торговля дѣла Англичанъ столь значительно увеличилась, что директоры компаніи задумали дать своему управленію правительственную форму; они издали законы и регламенты, создали флотъ и войско. Вскорѣ является духъ завоеванія и владычества: вмѣстѣ съ желаніемъ расширить свои владѣнія, они пожелали устранить всякое соимѣстничество соперниковъ; необходимы были поводы, чтобъ начать войну противъ учрежденій Европейцевъ и противъ туземцевъ; поводы эти не замедлили представиться.

Война, начавшаяся въ Европѣ въ 1746 г., между Англіей и Франціей, вскорѣ распространилась даже до Индіи. Тогдашнее французское правительство не умѣло оцѣнить генія Дюпль и добровольно уступило Англій политическое и торговое первенство, а само низшло на чреду второстепенную.

Не вдаваясь въ слишкомъ-извѣстную исторію этой междоусобной борьбы Европейцевъ въ Индіи, бросимъ бѣглый взглядъ на борьбу Англичанъ съ туземцами, потому-что изъ этой-то борьбы главнѣйше возникло ихъ могущество въ Азіи.

До 1756 г., англійская компанія въ Индіи вовсе почти не имѣла политическаго вліянія, которое принадлежало еще Португальцамъ, Голландцамъ и Французамъ; наконецъ, Англичанамъ представился случай вмешаться въ дѣла страны, и они не опустили его. Медикъ, по имени Баутонъ, спасши дочь монгольскаго императора, получилъ отъ этого государя право торговать во всей имперіи; онъ продалъ эту привилегію компаніи. Компанія тотчасъ воспользовалась этимъ, и основала четвертую факторію въ Бенгалѣ, на Гоглей, одномъ изъ рукавовъ Ганга, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ французскаго Шандернагора. Для защиты этой новой факторіи, Калькутты, противъ Французовъ и противъ туземцевъ, Англичане соорудили фортъ Уильямъ. Бенгалскій навабъ, въ испугъ отъ такихъ непріязненныхъ дѣйствій, требовалъ разрушенія этого форта. Компанія отказала. Разгнѣванный навабъ отправился тогда лично противъ Калькутты, взялъ фортъ, и бросилъ

незначительный гарнизонъ въ душныя темницы, гдѣ опъ и погибъ отъ недостатка воздуха.

При вѣсти объ этомъ безчеловѣчномъ поступкѣ, советъ Мадраса отправилъ эскадру адмирала Уатсона и сверхъ того подковника Клейва, съ тысячею Европейцевъ, для отищенія; сортъ Уильямъ былъ вѣтъ обратно; Клейвъ ночью съ горстью Англичанъ разбилъ на голову 20,000 войска наваба, который принужденъ былъ дать компаніи всѣ привилегіи, необходимыя для ея торговли.

Нѣсколько времени послѣ этого счастливаго начала, возникла междоусобная война за право на престолъ между двумя бенгальскими владѣльцами. Одинъ изъ нихъ, Сураджа, былъ другъ Французовъ; Англичане вступили въ союзъ съ другимъ, Миръ-Джафферомъ, и подали ему помощь. Клейвъ пошелъ съ 900 Англичанъ, 2,000 сипаевъ и 10 пушками противъ Сураджи, который имѣлъ 60,000 войска и 50 орудій; но европейская тактика восторжествовала надъ беспорядочною толпою, — и бенгальскій престолъ достался другу Англичанъ. Миръ-Джафферъ былъ признателемъ; онъ далъ 65,000,000 франковъ на военныя издержки и уступилъ компаніи огромную территорию. Но эти матеріальныя выгоды были ничто въ сравненіи съ приобретенными тогда политическими правами: налькутскіе купцы объявили себя владѣльцами Бенгала, вмѣсто великаго могола, и Миръ-Джафферъ царствовалъ только чрезъ нихъ.

Этотъ успѣхъ, бывшій предвѣстникомъ огромныхъ плановъ Англичанъ, устрасилъ Голландцевъ; они сдѣлали попытку противъ Калькуты, но Клейвъ отбилъ ихъ. Далекій императоръ хотѣлъ также, въ 1760 г., отнять Бенгаль и изгнать Англичанъ. Но это имѣло результатомъ только увеличеніе славы Клейва и увеличеніе англійской территоріи. Въ это время, Клейвъ оставилъ Индію. Дюплé былъ уже нѣсколько лѣтъ отозванъ французскимъ правительствомъ и смѣненъ Дали-Толлендалемъ. Равные по таланту, Клейвъ и Дюплé имѣли различную участь: Клейвъ возвратился въ Индію въ 1765 г. губернаторомъ Бенгала; Дюплé, объявленный въ лхчюмствѣ, умеръ въ нищетѣ въ той Франціи, которую онъ хотѣлъ подарить новою имперіею. Его преемникъ, Дали, былъ еще несчастливъ: онъ умеръ на эшафотѣ за то, что не сумѣлъ поправить ошибку неспособнаго, слабого министерства.

Возвращеніе Клейва было сигналомъ новыхъ успѣховъ. Въ нѣскольکو лѣтъ, при помощи оружія и переговоровъ, ему удалось слѣпнуть далскаго императора уступить компаніи всѣ права на Бенгаль, за 8,000,000 ежегоднаго паціона. Онъ принудилъ многихъ другихъ владѣтелей продать компаніи свои государства или сдѣлаться ея вассалами. Во время этихъ успѣховъ въ Бенгаль и на сѣверѣ полуострова, компанія распространила свои владѣнія также на югъ и востокъ. Но на западѣ, Суратъ и Бомбей оставались еще въ своемъ первобытномъ состояніи коммерческихъ факторій. Наконецъ, при послѣднемъ отъѣздѣ Клейва въ Англію, въ 1772 г., англійская компанія господствовала *de facto* надъ 30,000,000 Индійцевъ, и получала дохода 25,000,000 рупій, или около 75,000,000 рублей.

Управленіе Индіиской-Компаніи доселѣ было раздѣлено по тремъ президентствамъ: Бомбейскому, мадрасскому и калькуттскому, независимымъ одно отъ другаго, и непризнававшимъ никакой центральной власти, кромѣ совета директоровъ въ Лондонѣ. Это раздѣленіе власти, на столь отдѣльныхъ другъ отъ друга пунктахъ, сначала не представляло никакого неудобства: каждое президентство могло дѣйствовать, какъ особая власть, въ своемъ маломъ кругу. Но английскія владѣнія, увеличиваясь, обнимались мало-по-малу; наконецъ, частные интересы трехъ президентствъ стали сталкиваться другъ съ другомъ: сдѣлалось неизбежнымъ создать центр дѣйствія въ самой Индіи.

Для основанія этого правительственнаго единства, лондонскій кабинетъ послалъ сперва королевскихъ комиссаровъ. Эта мѣра, отнимавшая у директоровъ ихъ верховную власть и вавоинъ подчинявшая президентства, не понравилась ни тѣмъ, ни другимъ. Тогда рѣшились назначить генерал-губернатора компаніи, который былъ бы определяемъ не однимъ королемъ, но былъ бы также уполномочиваемъ советомъ директоровъ, действуя отъ ихъ имени и управляя независимо, вмѣстѣ съ советомъ, состоящимъ изъ четырехъ членовъ, всѣми политическими и военными дѣлами Индіи.

Уарренъ Гастингсъ, смѣнявшій Клейва въ качествѣ губернатора Бенгала въ 1772 г., былъ первымъ генерал-губернаторомъ. Сверхъ-того, всѣ военныя силы Индіи были подчинены одному главнокомандующему. Гастингсъ показалъ себя достойнымъ преемникомъ Клейву; кромѣ того, онъ обладалъ макиавелланомъ ума, и напелъ себя многочисленныхъ паракаталей въ английскихъ дипломатическихъ агентствахъ на Востоку.

Маратты и Рохиллы, народы центральной Индіи, уже нѣсколько лѣтъ тревожили монгольскаго монарха. Первые вошли даже въ Дели, подъ начальствомъ Сиддья, одного изъ своихъ главныхъ вождей. Они угрожали и английскимъ владѣніямъ. Султанъ Мизора, хищничествомъ достигшій престола, Гайдеръ-Али, союзникъ Франціи, уже выдержалъ мѣсяца войны съ компанією, и не шутя готовился съ своей стороны къ окончательной борьбѣ; полный энергіи и таланта, онъ хотѣлъ выгнать Англичанъ изъ Индіи. Эта двойная опасность не удивила Гастингса, и онъ быстро принялся за средства къ отраженію, во-первыхъ, чрезъ ширину и золото, во-вторыхъ оружіемъ; онъ вооружилъ удскаго наместника, своего союзника, противъ Рохилловъ, возбуждалъ войну между Мараттами и Мизоромъ, потомъ своейо гадаль, какъ эти народы унижали другъ друга, будучи самъ всегда готовъ воспользоваться смутами въ благопріятную минуту: эта минута не замедлила представиться.

Жальемъ, что не можемъ слѣдить за всѣми этими интригами, въ которыхъ часто выигрывались пораженія вооруженною рукою, пораженія, являющіяся поочередно то союзникамъ, то врагамъ Англичанъ, — жальемъ потому, что они дали бы читателю идею о методѣ, которой держались Англичане въ покореніи Индустана. Правило макиавелловой политики: *divide et impera* имѣть и нискогда въ практикѣ не имѣло такого смѣлаго примѣненія.

Гастингсъ вынужденъ наконецъ въ войну мараттской конфедерации и мизорскаго султана. Пораженіе бенгалскаго корпуса Мараттами ободрило Гайдера-Али, который рѣшился напасть на компанію; онъ ушелъ на свою сторону двухъ мараттскихъ вождей и низама Денана. Съ 70,000 войска и съ 100 орудіями, въ іюль 1780 г., онъ прошелъ долинамъ, отдѣляющихъ Мизоръ отъ Карнатика, и осадилъ Аркоттъ, близъ Мадраса, между-тѣмъ, какъ сынъ его, Типо-Самбъ, старался перерезать дорогу англійскому отряду. Типо-Самбъ достигъ своей цѣли, принудивъ этотъ отрядъ и другой, посланный на помощь первому, положить оружіе послѣ кровопролитной битвы. Мадрасъ былъ въ ужасѣ, и Самбъ Гайдера-Али быстро двинулся на этотъ городъ, вместо того, чтобъ стоять передъ Аркоттомъ, онъ нанесъ бы ужасный ударъ англійскому владычеству, въ-особенности еслибъ помощь отъ Франціи пришла тогда же, а не полтора года спустя.

Компанія впервые увидѣла передъ собою опаснаго врага. Въ теченіе 1781 г., усилки были попеременно то на той, то на другой сторонѣ; между-тѣмъ, побѣда, одержанная надъ мараттскими вождями; Самбъ доставила случай заключить трактаты, которые рушили лану, образовавшуюся противъ Англичанъ.

Этотъ миръ пришелъ какъ-нельзя-болѣе кстати; берега Ганга были въ возстаніи. Аличность Гастингса возмутила наконецъ мирныхъ народомасали Бенареса и его окрестностей; англійскіе отряды перерезывали самъ генерал-губернаторъ подвергался большимъ опасностямъ. Онъ къ-скорѣ собралъ бывшія подъ рукою войска, пошелъ противъ бенароекаго раджи, захватилъ его семейство и даже отнялъ у нихъ все ихъ золото и вся драгоцѣнности; также онъ поступилъ съ интерью и сестрою удскаго наместника; похитилъ у этихъ женщинъ 10 милліоневъ, онъ пытками мучилъ свуховъ, чтобъ выведать отъ нихъ, не осталось ли еще какихъ богатствъ; и какой предлогъ представлялъ онъ въ оправданіе подобныхъ извѣстей? — необходимость уплатить содержаніе своихъ солдатъ.

У Англичанъ оставался только одинъ врагъ на югъ — мизорскій султанъ. Въ это-то время, въ половинѣ 1782 г., прибыла эскадра адмирала Суффрена; но уже было поздно. Однакоже, съ этою помощію, Гайдера-Али мужественно напалъ на Англичанъ и разбилъ ихъ; но смерть наконецъ помогла Англичанамъ, похитивъ ихъ освятившаго врага. Типо-Самбъ, наследникъ его ненависти и талантовъ, былъ, правда, готовъ продолжать войну съ тѣмъ же ожесточеніемъ, какъ и его отецъ; мирный трактатъ, подписанный въ Версали въ 1783 г. между Англією и Францією, отнялъ у Типо сильнаго союзника, и онъ, съ стесненнымъ сердцемъ, покорился необходимости, просилъ мира.

Гастингсъ, обвиненный въ деспотизмъ и безжарныхъ побѣдахъ въ Индіецѣ, былъ отозванъ въ Англію въ 1785 году. Не смотря на громы обвиненія знаменитаго Борка, Уарренъ Гастингсъ вывелъ изъ этого процесса чистъ въ глазахъ англійскаго правительства. Его смѣнилъ лордъ Корнуоллисъ. Будучи въ мирѣ со всеми индіискими владѣтелями, онъ занимался сначала восстановленіемъ финансовъ и по-

распространенной внутренней администрации. Тогда-то актомъ парламента отъ 19 мая 1784 г., былъ учрежденъ контроль надъ верховною дирекціе политическихъ дѣлъ Индіи. Этимъ же актомъ было возвышено, что впередъ воспрещается Индійской-Компаніи вести какую бы то ни было самостоятельную войну.

Между-тѣмъ, султанъ Мизора, Типо-Самбъ, и вождь Мараттовъ, Сивдидъ, безмолвно усиливали свои военныя силы и устремляли ихъ на европейскій ладъ. Сивдидъ жадалъ дѣлскаго трона; Типо-Самбъ хотѣлъ выполнить планы своего отца, и изгнать Англичанъ изъ Индустана. Въ 1787 году, онъ отправилъ посольство во Францію, чтобъ заключить наступательный и оборонительный союзъ. Англичане никогда не простили ему этого поступка и искали случая наказать его за то. Революція 89 года не дозволила Франціи дать ходъ предложенію Типо. Хотя онъ считалъ себя столько сильнымъ, что могъ одиѣ напасть на Англичанъ, однако старался заключить союзъ съ Мараттами и низамомъ Декана, которые, завидуя успѣхамъ Мизорскаго-Государства, и забывая, что общій ихъ интересъ состоялъ въ изгнаніи Англичанъ, предпочли соединиться съ нами, чтобъ уничтожить Типо. Въ 1790 г., былъ заключенъ договоръ между компаніею, Мараттами и владѣтелемъ Декана, и сдѣланы преговоренія, чтобъ атаковать Мизоръ; Типо предупредилъ своихъ враговъ и нанесъ противникамъ многія пораженія; наконецъ, одолевши превосходствомъ силъ, онъ принужденъ былъ смириться. Получивъ нѣтъ въ февралѣ 1793 г., за цѣну половины своей имперіи и 60 милліоновъ франковъ, онъ далъ въ заложники двухъ своихъ сыновей. Компанія, разумеется, получила въ этомъ дѣлѣ львиную долю, оставивъ одна крохи своимъ союзникамъ.

Серъ Джонъ Шоръ былъ генерал-губернаторомъ послѣ Корнуоллиса, который возвратился въ Англію вскоре послѣ этого договора. Компанія была въ мирѣ съ своими соседями въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, но не переставала возбуждать междоусобій между туземными владѣльцами, предлагая потомъ свое посредничество или покровительство.

Удскій наместникъ былъ буквально разоренъ: такъ дорого обошлось ему покровительство Англичанъ. Низамъ Декана, навабъ Карнатика и нѣкъ подданные были доведены до нищеты и отчаянія поборами англійскихъ доимщиковъ; наконецъ, дѣлскій императоръ сдѣлался утникомъ компаніи.

Типо-Самбъ, у котораго отнята была половина владѣній, все еще надѣялся отстоять за себя; пожертвовавъ всѣмъ на содержаніе войска, онъ успѣлъ привлечь на свою сторону однихъ только Мараттовъ, съ трудомъ собравъ 50,000 человекъ, обученныхъ по-европейски, и 200,000 человекъ, вооруженныхъ по-индійски; но Англичане имѣли уже въ Индіи 20,000 Европейцевъ и 60,000 Индусовъ, наученныхъ дисциплинѣ и предводительныхъ англійскими офицерами, не считая многочисленныхъ союзниковъ.

Такимъ-образомъ, Типо готовился къ войнѣ съ Англичанами, но вѣще воздала Французовъ въ Египетъ. Бонапарте обѣщавъ ему помощь. Тогда Англичане послышавъ пересести войска въ Индію. Маркизъ Уэллсли былъ назначенъ генерал-губернаторомъ. Онъ воспользовался

благопріятною минутою. Интригами не допустилъ нѣтъ соединиться съ Типо-Самбоиъ, и въ то время, когда мараттскія войска были еще на сѣверѣ близъ Дели, пошелъ прямо на Серингапатамъ. Типо, послѣ кратковременнаго торжества надъ непріятелями, долженъ былъ наконецъ отступить къ своей столицѣ; 3 мая 1799 г. Серингапатамъ взятъ приступомъ; Типо палъ мужественно, на развалинахъ своего дворца, окруженный мертвыми и ранеными (*).

Компанія присоединила эту имперію къ своимъ владѣніямъ. Но, чтобъ прикрыть такое хищничество, она возвела на престолъ Мизора потомка раджи, сверженнаго знаменитымъ Гайдеромъ-Али; но этотъ государь по имени былъ не что иное, какъ новый пансіонеръ компаніи.

Начало XIX столѣтія прошло въ войнахъ съ Мараттами, которыхъ конфедерация занимала всю среднюю Индію до Дели. Наконецъ, въ 1820 году, весь индустанскій полуостровъ, отъ Гималаевъ до мыса Коморина и отъ Инда до Гауга, былъ въ рукахъ Англичанъ.

Имперія Бирмановъ соприкасалась съ Бенгалемъ: тамъ открывался новый рынокъ для Англичанъ въ этихъ древнихъ царствахъ—Сима, Авъ и Пегу, соединенныхъ побѣдами въ одно государство. Въ 1824 г. начались непріязненные дѣйствія: сэръ Кампбелъ выступилъ только съ 8,000 войска; императоръ просилъ мира, выгоднаго для Англичанъ.

На сѣверѣ, гигантскія вершины Гималаевъ не удержали этихъ воинственныхъ кучковъ, которые перешли ихъ и завладали областями Кашгаромъ и Хангарангомъ, на равнинахъ Тибета. Область Ладакхъ была уже какъ даншцею; съ этой стороны, англійская компанія коснулась Китая.

Но, не смотря на эти неслыханные успѣхи, Англичане чувствовали,

(*) Позанимствуемъ нѣкоторыя подробности о смерти Типо-Самба у Верреса, почитавшаго въ Серингапатамъ гробницу Гайдера-Али и его доблестнаго сына.

Типо былъ утомленъ перестрѣлкою съ осаждающими, предавшимся какое-то утро, и отправился отдохнуть въ свои покои, какъ вдругъ приходитъ сказать ему, что непріятель воспользовался самымъ спѣшнымъ зноемъ дня, пробилъ въ нѣсколько минутъ брешь и уже прорвался въ городъ. Съ минуту не довѣряя этому слуху, онъ вышелъ самъ удостовѣриться, въ какомъ положеніи дѣло. Увидѣвъ, что все потеряно, онъ съ толпою приверженныхъ рѣшился пробиться во что бы то ни стало. Сѣня была ужасная. Типо былъ раненъ одинъ изъ первыхъ, и вся его дружина легла костью около своего вождя. Опроважденный, онъ палъ на мостовую; солдатъ двѣнадцатиго полка хотѣлъ сорвать у него съ шеи алмазное ожерелье. Это оскорбленіе оживило султана, который, съ послѣднимъ усиліемъ подпрыгивая въ молчаніи, нанесъ солдату саблею тяжелый ударъ въ голову. Англичанинъ, въ свою очередь, въ отчаяніи отъ своей раны, добилъ его штыкомъ, не зная съ кѣмъ имѣть дѣло.

Когда въ послѣдствіи стали дѣлать добычу, этого ожерелья не отыскалось. Рассказываютъ, что англійскій солдатъ, принявъ ожерелье за простое стеклянне, продалъ его лаварю своего полка за бутылку водки, и что тотъ немедленно оставилъ службу и обогатился продажей этой драгоценности.

Смерть вождя не тотчасъ сдѣлалась извѣстна; носился только слухъ, что видѣли, какъ онъ былъ раненъ. Въ вечеръ этой кровавой сѣчи, при свѣтѣ фонарей, носилъ многихъ понсковъ, отыскали тѣло Типо-Самба между трупами уже окровавленными и плававшими въ крови. Тѣло было поднято со всевозможною почестью, и съ большою торжественностію погребено на другой день.

что для утверждёнїя своего могущества имъ необходимо овладеть Афганистаномъ, или, по-крайней-мѣрѣ, посадить тамъ владыка, преданнаго ихъ интересамъ.

Не будемъ распространяться объ этихъ дѣйствіяхъ, слишкомъ-известныхъ читателямъ нашего журнала, о бѣдствіи Англичанъ въ Мабуль; скажемъ только, что (1838—1842), послѣ четырехлѣтнихъ усилій, потерявъ 10,000 войска, до 30,000 прислужниковъ арміи, 50,000 верблюдовъ, издержавъ 400 милліоновъ рублей, Англія не успѣла сдѣлать ничего, утративъ только въ моральномъ отношеніи въ глазахъ азіатскихъ народовъ мнѣніе въ своей непобедимости. И такъ, Англичане принуждены были совершенно оставить Афганистанъ, но удержали за собою Синдъ.

Успѣхи китайской войны чрезвычайно-важны для англійской Індіи, разсадника опиума, который Англія находитъ выгоды отправлять торговлю съ своею новою союзницею — небесною имперіею.

Великая революція въ управленіи англійскою Індіею совершалась безъ шума, въ присутствіи законодателей маленькаго отдаленнаго острова запада. Тамъ перестроили конституцію, дали новое направленіе судьбѣ страны, равной пространствомъ половинѣ всей Европы. Компания, состоящая изъ купцовъ, вступившихъ въ товарищество въ началѣ для добычннн индійскихъ произведеній, изъ банкировъ и акціонеровъ, была призвана коллективно для управленія министерствомъ этихъ обширныхъ областей; возведенныхъ ихъ смѣлостью: метрополія отобразила себя отъ компаніи эти владѣнія, какъ сюзеренъ свою домену, но въ то же время поспѣшила поручить эти страны ея же мудрости. Словомъ, появилась хартія 1833 г. Она установила новыя сношенія между побѣдителемъ и докоравною странюю. Не касаясь до колесъ, до сложнаго механизма индо-британской имперіи, она измѣнила его ходъ, давъ ему новый толчокъ. Этого-то новый порядокъ вещей, эта-то система, дѣйствующая съ 30 апрѣля 1834 г., и имѣющая силу до 1 мая 1874 г., имѣетъ для насъ большою интересъ.

Напрямое, чѣмъ разсматривать отправленія механизма, необходимо хорошо понять среду, въ которой ему предназначено дѣйствовать, протяженіе, условія его хода. И потому необходимо, какъ введению, географическое описаніе «англійской Індіи».

Индо-британская имперія, подобно потоку лавы, нашла себя грань только въ естественныхъ предѣлахъ, обрамляющихъ обширный полуостровъ, который новѣйшіе географы, согласно съ браманскими преданіями, называютъ Индустаномъ. Самъ Индъ не могъ сдѣлаться постоянной границею; для этого нужны были моря и высокие горы. Англичане перенесли и его въ свой чередъ, какъ перенесли уже Гангъ и Брампутру. И такъ, эта имперія ограничивается нынѣ съ сѣверо-запада гигантскою дньюю, образующею восточный оплотъ иракской равнины, известное мѣсто имениты Солнчанскихъ Горъ; къ западу и югу, океаномъ; въ востокъ, частью моремъ и частью самыми восточными гребнями Ассанскихъ и Араканскихъ Горъ; къ сѣверу она наступаетъ на подошву

Гималаи, где достигает 31 градуса широты. Между этими-то горадами простирается сплошная материкъ отъ 68 до 91 градуса долготы.

По мысли сэра Уильяма Джонса, можно раздѣлить Индустанъ на два огромные треугольника, которыхъ общее основаніе есть линія, соединяющая устья Инда съ устьями Ганга и Брампутры, имѣющая протяженіе около двухъ тысячъ семисотъ верстъ; сѣверный треугольникъ имѣетъ вершину въ Лехъ, на верховьяхъ Инда; а южный на мыс Коморинъ, и оба вершины отдалены другъ отъ друга болѣе нежели на три тысячи верстъ; сѣверный треугольникъ втрое-болѣе Австрійской Имперіи; а южный втрое-болѣе Франціи; оба вмѣстѣ равняются почти половинѣ Европы.

Когда представимъ себѣ, что на этомъ-то огромномъ пространствѣ англійская компанія Индій призвана царить и держать въ рукахъ судьбу половины народовъ Азіи, то станетъ понятно, что однимъ изъ живѣйшихъ интересовъ для всехъ народовъ должно быть явное опредѣленіе существа и степени этой власти.

Но чтобы понять такой сложный механизмъ, необходимо рассмотреть его послѣдовательно въ отношеніяхъ его, 1) къ метрополи, и 2) къ народамъ, ему подвластнымъ. И потому, естественно, мы должны подравдывать для болѣе ясной главнѣйшій вопросъ на многіе элементарные вопросы: 1) объ организаціи управленія англійской Индіи по конституціонной харти; 2) объ администраціи какъ въ метрополи, такъ и мѣстной; 3) о политической и военной системѣ.

Уяснивъ эту систему мы спросимъ, благоденствуетъ ли Индія въ матеріальномъ отношеніи подъ англійскимъ правленіемъ? счастлива ли она нынче, нежели подъ правленіемъ Агапановъ и Моголовъ? остается ли ей надежда на какое-нибудь улучшеніе въ будущемъ?

Мы также взглянемъ на то, что англійская компанія сдѣлала досель для нравственнаго усовершенствованія покоренныхъ, для усилеи христіанской религіи, наукъ, цивилизаціи.

Бросимъ взглядъ на настоящую организацію ост-индской компаніи и на главныя обязанности ея директоровъ. Здѣсь представляется намъ одинъ изъ величайшихъ основателей всемирной исторіи: Магелланъ, Магелланъ, нежелая въ величаво возвысившаяся со степеню простой торговой факторіи на степеню государственна, имѣющаго сто тысячъ годовыхъ, не считая почти такого же числа жителей, находившихся во владѣніяхъ андскихъ компаній. «Кто же», спрашиваетъ графъ Бюшингеръ, «былъ побѣдителемъ? Кто же теперь страшнѣе владыка этого обширнаго царства, создаваемаго какъ-бы волшебствомъ, превосходящаго объемомъ исчезнувшія имперіи Александра, Тамарлана и Надара-Шаха, кто? — Компанія мнѣхъ купцовъ и акціонеровъ, обитающихъ на небольшомъ островѣ въ другой части свѣта, живущихъ въ легкой одеждѣ, куда едва проникаютъ лучи солнца сквозь туманы и угольный дымъ. Это корпорація, между членами которой есть и женщины и иностранцы, но которая, скрѣпленная чудными учрежденіями и законами, не только покорила себѣ обширную имперію, но и управляла ею послѣднее съ безпрепятственно-возрастающими успѣхомъ и славою; разъ-это первая

конецъ въ 1833 г. не нашелъ ничего лучше, какъ продать компаніи эту власть, ею самою приобретенную.

Капиталъ, состоящій въ началѣ изъ шести милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, раздѣленъ на шесть тысячъ акцій, распределенныхъ между тремя тысячами пятюстами семьюдесятью-девятью лицами.

Главное направленіе дѣлъ компаніи зависитъ отъ совѣта акціонеровъ. Акціонеры, владѣющіе не менѣе года акціями на 500 фунтовъ стерлинговъ, имѣютъ право присутствовать въ совѣтѣ и принимать участіе въ преніяхъ, но не имѣютъ права голоса. 1,000 фунтовъ стерлинговъ даетъ право на голосъ; 3,000 фунтовъ на два голоса; 6,000 на три голоса, и наконецъ 10,000 и болѣе фунтовъ на четыре голоса; на большее этого число голосовъ не имѣетъ права ни одинъ акціонеръ. Имѣть акціи и голосъ на этихъ основаніяхъ могутъ и лица женскаго пола и иностранцы. Число имѣющихъ голосъ простирается до двухъ тысячъ человекъ. Въ 1832 г., двѣ тысячи двести-одиннадцать голосовъ принадлежали мужчинамъ, и триста-семьдесятъ-два женщинамъ. Совѣтъ акціонеровъ собирается каждыя три мѣсяца, и избираетъ изъ среды себя директоровъ.

Совѣтъ директоровъ (the Court of Directors) состоитъ изъ двадцати-четырехъ членовъ (*), которые должны удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: быть природнымъ, или по-крайней-мѣрѣ «натурализованнымъ» англійскимъ подданнымъ; имѣть акцій не менѣе, какъ на 2,000 фунтовъ стерлинговъ; не быть членомъ англійскаго банка. Совѣтъ директоровъ собирается разъ каждую недѣлю: необходимо присутствіе по-крайней-мѣрѣ тринадцати членовъ. Вся вопросы рѣшаются тайною базотарокою.

Съ 1784 г., правительство присвоило себѣ право наблюдать за ходомъ дѣлъ Остиндской-Компаніи: для чего учрежденъ контроль (the board of Control), котораго члены называются «королевскими комиссарами для дѣлъ Индіи». Президентъ его присутствуетъ между министрами.

Совѣтъ директоровъ избираетъ ежегодно изъ среды себя президента и вице-президента, который дѣйствуетъ президентомъ въ слѣдующій годъ. Эти же два сановника готовятся непосредственно (иногда, для выигранья, посредствомъ, и лично) съ президентомъ контроля. Они же вмѣстѣ съ третьими членами составляютъ, — когда совѣтъ директоровъ сочтетъ то нужнымъ, — тайный комитетъ, который, соединясь съ контролемъ и подчинясь ему исключительно, окончательно рѣшаетъ миръ или войну.

— Когда этотъ комитетъ уже составленъ, то все отношенія его съ королемъ и все рѣшаемыя между ними дѣла остаются тайною для прочихъ директоровъ, равно какъ и для акціонеровъ.

— Совѣтъ директоровъ раздѣляется на три комитета, по различію дѣлъ. Председательствующій въ нихъ президентъ или вице-президентъ, пред-

* — 1831.

(*) Запрещается входить директорамъ, для которыхъ дѣла исключительно не участвуютъ в рѣшеніи делъ.

давая имъ какой-либо вопросъ къ обсужденію, начинается священною формулою, обратившеюся въ поговорку: *By previous communications with the board of Control*, т. е. «въ-сладствіе предварительныхъ сношеній съ контролемъ» и проч.

Каждый директоръ послѣ четырехлѣтняго отправленія своей должности теряетъ на годъ право быть снова избраннымъ, что бываетъ вредно для службы, потому-что въ этотъ промежутокъ времени онъ теряетъ весь видъ ходъ дѣлъ и также сколько-нибудь своей практической ловкости.

Это правило годовой такъ-сказать политической смерти имѣетъ основаніе въ частномъ интересѣ, потому-что каждый въ свою очередь хочетъ пользоваться выгодами, соединенными съ званіемъ действительнаго директора, которыя состоятъ не въ деньгахъ (директоръ получаетъ только 300 фунтовъ стерлинговъ), а въ важномъ правѣ назначать на поста по всѣмъ отраслямъ службы въ Индіи, — что доставляетъ директору величайшій вѣсъ, потому-что онъ располагаетъ самыми почетными и выгодными карьерами, въ которыя вступить ищутъ молодые люди первыишихъ аристократическихъ фамилій.

Актъ 1833 г. оставилъ въ прежнемъ видѣ отношенія совета директоровъ къ контролю, однако присвоилъ контролю еще большія права. Такимъ-образомъ, вся инструкція, получаемая верховнымъ управленіемъ (въ Калькуттѣ), въ-особенности касательно дѣлъ политическихъ, должны быть предварительно одобрены и утверждены контролемъ. Въ случаѣ рѣшительнаго несогласія директоровъ, дѣло идетъ на апелляцію въ государственнѣйшій советъ (палату королевской скамьи).

Относительно же тайной корреспонденціи, на постановленія контрола нѣтъ апелляціи, и члены комитета не могутъ отказаться подписать ихъ, не принимая, впрочемъ, на себя отвѣтственности.

Генерал-губернаторъ и губернаторы обоихъ второстепенныхъ президентствъ назначаются советомъ директоровъ, съ утвержденія, однако, королевскою властію; почему это назначеніе всегда бываетъ благопріятно настоящему министерству.

По акту 22 апрѣля 1834 г., все движимыя и недвижимыя имущества компаній перешли къ коронѣ (т. е. все имущество въ Англіи, цѣнныя въ 21,000,000 фунтовъ стерлинговъ, крѣпости, факторіи, обширныя территоріи въ Индіи, бывшія настоящею собственностью компаній); корона же приняла на себя долги и всѣ обязательства компаній. Но англійское правительство было не въ состояніи возвратитъ капиталъ въ 2 мильіоновъ фунтовъ стерлинговъ, первоначально употребленный акціонерами на завоеваніе этой страны. Въ этихъ обстоятельствахъ, оно рѣшилось обрушить всю тяжесть этой уплаты на самую Индію, которая, кромѣ рабства, ничего не выиграла отъ употребленія этого капитала. Изъ ежегодныхъ доходовъ англійской Индіи повелѣно преимущественно предъ всеми другими издержками отсчитывать акціонерамъ дивиденда по 10¹/₂%, т. е. слишкомъ 630,000 фунтовъ стерлинговъ. Наконецъ, если правительство сочтетъ удобнымъ воспользоваться присвоеннымъ правомъ скупить акціи, дающія право на дивидендъ, то эта уплата можетъ совершаться не ранѣе, какъ въ соразмѣръ дѣль, т. е. не

ранѣе 1874 г., по учету 200%, если только компанія не перестанетъ быть уполномочена въ 1854 г. непосредственнымъ управленіемъ Индіею; въ послѣднемъ случаѣ, она можетъ потребовать этой расплаты въ теченіе трехъ лѣтъ по тому же учету въ 200%.

Изложивъ вкратцѣ настоящую систему индійскаго управленія въ метрополіи, рассмотримъ его теперь въ отношеніи къ подвластнымъ ему народамъ. Эти народы раздѣляются на посредственныхъ и непосредственныхъ подданныхъ компаніи.

Естественно, первый вопросъ, которымъ мы теперь займемся, будетъ образъ дѣйствія компаніи относительно ея прямыхъ, или непосредственныхъ подданныхъ, вопросъ общій, обнимающій вопросы мѣстнаго управленія во всѣхъ его видахъ. Потомъ мы рассмотримъ ея политическое дѣйствіе на ея посредственныхъ подданныхъ, или союзныя государства, то вассаловъ, то данниковъ.

Чтобъ упростить и облегчить управленіе своихъ обширныхъ владѣній, компанія раздѣлила ихъ на президентства: Бенгальское (которое подраздѣляется на два губернаторства, собственно-Бенгальское и Аграское, но это послѣднее въ совершенной зависимости отъ первой), Мадраское и Бомбейское. Всѣ эти президентства, равно какъ и губернаторство областей Пеннангъ, Сингапуръ и Малакка, подчинены верховной власти генерал-губернатора Ост-Индіи.

Генерал-губернаторъ есть въ то же время и губернаторъ Бенгальскаго-Президентства, и можетъ быть также губернаторомъ Агры и западныхъ областей. Онъ можетъ соединять съ этими званіями и званіе главнокомандующаго войсками Индіи; но во всякомъ случаѣ, если онъ даже не облеченъ саномъ главнокомандующаго, и даже вовсе не состоитъ въ военной службѣ, все-таки онъ имѣетъ главное начальство надъ гарнизономъ форта Уильяма или Калькутты). Власть генерал-губернатора превосходитъ власть многихъ государей Европы. Онъ не только главный властитель страны, начальникъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, не только объявляетъ войну, заключаетъ мирныя, союзныя и торговые трактаты, назначаетъ въ должности; но даже можетъ издавать новые законы и положенія, уничтожать или изменять прежнія, и его постановленія имѣютъ законную силу въ Индіи, доколѣ они не будутъ обсуждены въ верховномъ управленіи въ метрополіи.

Каждое президентство управляется губернаторомъ вмѣстѣ съ совѣтомъ изъ трехъ членовъ: одинъ изъ этихъ совѣтниковъ есть необходимо и главноначальствующій войскомъ президентства. Хотя по новой хартій Агра есть отдѣльное президентство, долженствующее имѣть своего губернатора и свой совѣтъ, но эти предположенія были въ послѣдствіи видоизмѣнены. Западные области имѣютъ намѣстника, безъ совѣта.

Сверхъ-того, генерал-губернаторъ присутствуетъ въ верховномъ совѣтѣ, «совѣтѣ Индіи», состоящемъ изъ четырехъ членовъ.

Генерал-губернаторъ получаетъ въ годъ 36,000 фунтовъ стерлинговъ, губернаторы по 12,000 фунтовъ; послѣ семи лѣтъ службы полагаются пенсіонъ—первому въ 6,000 фунт. стерлинговъ, а послѣднимъ по 2,000 фунтовъ.

Гражданские чиновники получают из доходов компаний щедрое содержание, такъ напр. въ верховномъ королевскомъ советѣ въ Калькутѣ, главный судья получаетъ около 200,000 рублей, а ординарные судьи по 150,000 (").

Система доходовъ раздѣляется на многія вѣтви, которыя можно подѣлать подъ четыре главныя категоріи, а именно: 1) налогъ территориальный; 2) дани вассальныхъ народовъ; 3) монополіи; 4) таможи.

Территориальный налогъ былъ извѣстенъ въ Индіи гораздо-прежде Англичанъ, которые еще болѣе усилили тяжкую для народа систему этого сбора чрезъ *землдаровъ*, откупщиковъ. Въ послѣдніе три года (1839—1842) среднимъ числомъ получено по этой статьѣ: 13,431,222 фунта стерлинговъ.

Дани вассальныхъ народовъ раздѣляются на 1) собственно дань, 2) субсидіи, 3) жалованье контингентамъ.

1) Въ первомъ случаѣ, за оказываемое покровительство, компанія требуетъ отъ своихъ вассаловъ гонораріевъ, получаемыхъ ею подъ именемъ *дани*.

2) За свои вспомогательныя войска беретъ *субсидіи*.

3) Наконецъ, она обязываетъ нѣкоторые союзные народы содержать войска, которыя, въ случаѣ надобности, она могла бы у нихъ мобилизовать. На содержаніе этихъ *контингентовъ*, обыкновенно командуютъ европейскими офицерами, она получаетъ извѣстныя суммы для уплаты жалованья по своему усмотренію.

Всѣхъ этихъ даней получается среднимъ числомъ 713,000 фунтовъ стерлинговъ.

Что касается до даней случайныхъ, собираемыхъ подъ всевозможными предлогами, какovy чрезвычайныя займы, военныя контрибуціи, челоуколюбивыя заведенія, существующія только на бумагѣ, или привоспичіи пощупу однимъ Европейцамъ; повинности для военныхъ и торговыхъ *даровъ*, которыя иногда проводятся; для поправки прудовъ, которые иногда не покрываются; для вырытія каналовъ, всегда остающихся только въ прокъ, — число ихъ огромно и извѣстно только тайному обществу и контролю. Этимъ путемъ истребляются послѣднія богатства вассаловъ, послѣднія средства страны.

Монополіи на соль и опиумъ—не европейскаго изобрѣтенія; онѣ существовали и подъ правленіемъ туземныхъ династій и Монголовъ. Съ открытіемъ монополіи получается ежегодно 27 милліонъ фунтовъ стерлинговъ.

Въ Индіи, замѣчаетъ графъ Бибрштеерн, при гражданскомъ судопроизводствѣ, Индусы судятся по индусскимъ законамъ, а Мухаммеданы по мухаммеданскимъ; въ уголовномъ же всё равно судятся по мухаммеданскимъ, но такъ измѣненнымъ, что тѣлесныя наказанія обращены въ денежныя пеня, и въ случаѣ невозможности заплатить, въ тюремное заключеніе.

Теперь особенно-наряженной комиссіею пересматриваются мухаммеданское и индусское уложенія, и составляется англо-индійскій кодексъ.

томъ чистой прибыли. Отъ монополіи на опиумъ компанія получаетъ до 2,000,000 фунтовъ стерлинговъ (50,000,000 рублей).

Что касается до таможенной системы, то надѣ замѣтить, что принятыя дѣйствія англійскаго правительства, эта статья доходовъ могла бы возрастать все больше и больше, а между-тѣмъ, она день-о-дня скудеетъ. Причина тому въ несправедливости, въ эгоизмъ Англій, издающаго законы, по которымъ ея индійскіе подданные должны приниматьъ въ своихъ портахъ, тому уже полстолѣтія, англійскій мануфактурный произведенія безвозвратно, между-тѣмъ, какъ фабричныя произведенія индійскія могутъ быть привезены въ Великобританію порты не иначе, какъ съ пошлиною *отъ тридцати до тысячи процентовъ*.

Даже сырыя произведенія, которыхъ въ Индіи такое обиліе, что они одни могли бы удовлетворять *всѣмъ нуждамъ Европы*, обогащая вмѣстѣ и метрополию, всею почтою запрещены къ ввозу, чтобы уступить мѣсто на англійскихъ рынкахъ болѣе-благопріятствуемымъ колоніямъ. Для покровительства фермеру, поселившемуся въ Канадѣ, индійская пшеница обложена пошлиною въ 30%. Для поддержанія англійскихъ колоній на Антильскихъ-Островахъ, кофе, бумага, шерсть, тежъ, льняное сѣмя, шелкъ, кошениль Калькутты, Мадраса и Бомбея, должны платить *сто, двѣсти, триста на сто*; наконецъ, табакъ, одна изъ самыхъ богатѣйшихъ жатвъ Индіи, обложенъ пошлиною болѣе чѣмъ въ три тысячи процентовъ; то-есть, что между-тѣмъ, какъ обязываютъ Индію платить англійскую промышленность, принимая ея произведенія, отказываютъ еѣ во всякомъ рынкѣ для ея собственныхъ произведеній. Это искусный ремесленникъ, какой-нибудь отличный ткачъ, терпеливый земледѣлецъ, которымъ пріятствуютъ работать, и которые, не находя никакихъ средствъ, умираютъ съ голода.

Разсматривая торговлю Индіи за тридцать лѣтъ, мы увидимъ, что въ статкѣ ея, кромѣ опиума, съ годъ-на-годъ ослабляются.

Возьмемъ для примѣра двѣ эпохи съ десятилѣтнимъ промежуткомъ между ними и сравнимъ цѣны цѣнности предметовъ вывоза:

	1825—1829:	1838—1842:
Бумажныя произведенія	967,685 рупій.	89,131 рупій (*).
Шали	218,846 —	76,698 —
Индюго	24,270,499 —	19,443,909 —
Шелкъ	15,670,509 —	11,034,047 —

Наконецъ, хотя вывозъ опиума удвоился въ это время и дошелъ до 20,000,000 рупій, все-таки въ общей суммѣ предметовъ вывоза найдется уменьшеніе въ 3,000,000 рупій.

Сравнимъ теперь суммы ввозимыхъ предметовъ всякаго рода и вся-

(* Индійскія серебряныя рупія стоятъ около двухъ рублей съ половиною. Сто индійскихъ серебряныхъ рупій составляютъ лакъ рупій, который стоитъ, следовательно, 250,000 рублей; а десять милліоновъ рупій, или сто лакъ, составляютъ кроръ.

ких странъ, въ Индію, въ-продолженіе двухъ десятилѣтнихъ періодовъ:

Отъ 1816 — 1825	ввезено на	916,220,840	рупій.
— 1826 — 1835	— —	798,072,892	—
		<u>Уменьшеніе на 118,147,958</u>	
		рупій.	

Наконецъ, очень-интересно сблизить два эпохи съ тридцатилѣтнимъ промежуткомъ времени. Въ 1805 году компанія имѣла только 37,000,000 подданныхъ, которые вывезли отъ избытка своихъ трудовъ:

Сырыхъ произведеній на	13,047,988	рупій.
Мануфактурныхъ	— 11,849,670	—
		<u>Всего на 24,897,658</u>
		рупій.

Въ 1835 году она имѣла 100,000,000 подданныхъ, которые вывезли:

Сырыхъ произведеній на	18,061,647	рупій.
Мануфактурныхъ	— 4,502,362	—
		<u>Всего на 22,564,009</u>
		рупій.

То-есть, что 100,000,000 подданныхъ на территоріи, пропорціональной этому увеличенію, вывезли на 2,333,649 рупій менше, нежели 37,000,000 жителей въ 1805 году (*).

Если мы посмотримъ теперь на результаты торговой политики Англіи, въ-отношеніи къ ея собственнымъ мануфактурамъ, то найдемъ, что, не смотря на всѣ элементы богатства, которые имѣетъ колонія, каждый недѣльный, среднимъ числомъ, не въ состояніи потреблять европейскихъ мануфактурныхъ произведеній болѣе, какъ на шесть пенсовъ, то-есть, съ небольшоимъ на 60 копеекъ мѣду въ годъ; тогда какъ бѣднѣйшая изъ другихъ англійскихъ колоній потребляетъ среднимъ числомъ на человека на сто рублей въ годъ.

Такимъ-образомъ, видимъ во всей таможенной системѣ общее и прогрессивное уменьшеніе. Въ 1842 году, таможенный доходъ еще простирался до 350,000 фунтовъ стерлинговъ.

По послѣднимъ официальнымъ документамъ, обнародованнымъ по повелѣнію парламента, видно, что вообще доходы англійской Индіи среднимъ числомъ за три года, отъ 1832—1834, простерлись до 20,867,774 фунтовъ стерлинговъ, а за три года отъ 1840—1842, среднимъ числомъ до 21,239,417 фунтовъ стерлинговъ. Но тогда монополія опиума не доставляла еще полного дохода, по случаю войны съ Китаемъ. Теперь, когда возстановлено равновѣсіе по этой статьѣ, общій доходъ долженъ простираться среднимъ числомъ до 22,000,000 фунтовъ стерлинговъ (550,000,000 рублей).

(*). Эти выводы заимствованы у Монгомери-Мартена, который не беретъ въ расчетъ здѣсь ни коли чества опиума, ни количества вандо, воздѣлываемыхъ на европейскихъ капиталахъ.

Расходы компаніи дѣлятся на европейскіе и индіискіе. Тѣ и другія исключительно лежатъ на народахъ Индіи. Европейскіе доходы — на гражданское и военное управленіе (слишкомъ три съ половиною милліона фунтовъ стерлинговъ).

Расходы въ Индіи до войнъ въ Китай и Афганистанъ простирались до 16,107,796 фунтовъ стерлинговъ; въ эту сумму входили проценты на общественный долгъ, выплачиваемый въ Индіи (1,846,457 фунт. стерл.), что вмѣстѣ съ европейскими расходами составляло 19,751,776 фунтовъ стерлинговъ.

Во время послѣднихъ войнъ расколъ усилился. Въ 1842 году, онъ простирался до 23,739,417 фунт. стерл. Теперь надо полагать среднимъ числомъ до 20,500,000 фунт. стерл. Такимъ-образомъ (исключая случаевъ новыхъ войнъ или прогрессивнаго уменьшенія торговли), остается еще до 1,500,000 фунт. стерл. для погашенія долга.

Долгъ компаніи простирается (въ 1843 г.) до 35,703,766; за него платится процентовъ 1,697,753 по 4,75 процентовъ; между-тѣмъ, какъ въ 1810 году долгу было 23,528,441, а процентовъ платилось 1,835,423 по 7,80 процентовъ. Замѣчательно, что, не смотря на увеличеніе займовъ, проценты понижались постепенно такъ:

Въ 1810 году	7,80%
— 1820 —	6%
— 1830 —	5,35%
— 1840 —	4,70%

Этотъ фактъ доказываетъ: 1) рѣдкость наличныхъ денегъ въ Индіи, 2) хорошій кредитъ компаніи, который имѣетъ преимущество предъ частнымъ.

Посмотримъ на политику Англичанъ въ-отношеніи ихъ непрямыхъ подданныхъ, то-есть, государствъ союзныхъ, вассаловъ или данниковъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ всегда одно и то же: сначала, Англичане убѣждаютъ туземныхъ владѣльцевъ принять въ помощь ихъ войска противъ непокорства собственныхъ подданныхъ или прочихъ вторгнувшихся иноземцевъ. Владѣльцы, находя въ томъ свою личную выгоду, безнаказанность за всѣ возможныя неправды и притѣсненія, дѣлаемые народу, обыкновенно принимаютъ на себя обязательство давать жалованье и содержаніе вспомогательному, субсидіарному войску. Это войско болѣе и болѣе возрастаетъ, но силъ обстоятельствъ, потому-что владѣльцы или ихъ заместники, въ надеждѣ на сильнаго пособника, угнетаютъ какъ-только-можно свой народъ. Между-тѣмъ, обыкновенныя національныя войска рѣдусаютъ, и такимъ-образомъ, вся военная сила этихъ государствъ остается въ рукахъ Англичанъ. Но въ то же время, какъ увеличиваются вспомогательныя войска, туземныя правительства, въ-слѣдствіе дурнаго управленія, не въ состояніи уплачивать имъ жалованье, должны компаніи, и за долгъ уступаютъ ей значительныя части своей территоріи. Часто также, подобно удскому (Aouda) владѣтелю, они принуждены бѣгутъ уступать Англичанамъ часть гражданской власти, какъ средство обезпечить сборъ доходовъ. Такимъ-образомъ, компанія постепенно дѣ-

власть туземныхъ владѣтелей нѣтъ военной, гражданской и административной власти, и доводитъ ихъ до совершенной ничтожности въ политическомъ отношеніи, и это положеніе, болѣе-и-болѣе рабское, выщипается отъ отца къ сыну, до совершеннаго уничтоженія династіи.

Англичане постоянно въ продолженіе сорока лѣтъ употребляли эту политику, избывая забавившіи вооруженною рукою, что потребовало бы большихъ усилій и издержекъ и притомъ взволновало бы соседственныя страны: они предлагали только свое союзничество и вспомогательное войско, и сами выжидали времени, когда цѣлая область перейдетъ въ ихъ руки. Такая макиавелеская политика придавала видъ законности этому хищничеству.

Нынѣче, каждое изъ существующихъ туземныхъ государствъ имѣетъ всегда въ средоточіи своемъ, въ столицѣ, подъ дворца владѣтели, посреди своей внутренней жизни, зародышъ своего разрушенія; червь, пожирающаго его сердцевиною, являющагося подъ видомъ посланника отъ генерал-губернатора, подъ видомъ уполномоченнаго или резидента съ его обыкновенными спутниками, вспомогательными войсками, или просто, войскою. Этотъ резидентъ играетъ иногда, какъ нынѣче въ Авд, Лагоръ, или Непаль, часто-дипломатическую роль, но чаще вслѣдствіе въ другихъ мѣстахъ, онъ имѣетъ надъ владѣльцемъ, состоящимъ подъ его опекою, совершенную власть, сначала тщательно-прикрываемую, но которая со-дня-на-день становится очевидною. Это нечто среднее между приказомъ и совѣтомъ: это совѣтъ, если онъ принятъ безусловно, и приказъ, если онъ встрѣчаетъ сопротивленіе.

Эти резиденты или посланники должны отдавать самый подробный отчетъ о всемъ ежедневно-случающемся верховному совѣту; учрежденному для дѣлъ политическихъ.

Возражается вопросъ: есть ли теперь въ Индіи независимыя государства; и если есть, то каковы ихъ сношенія съ компаніею?

Единственныя государства, которыя можно включить въ число независимыхъ, суть: Афганистанъ, за Индомъ и Солиманскими-Горами, и Авд, отдаленная отъ компанейской территоріи Арракандскими-Горами. Но то и другое въ этихъ огромныхъ предѣлахъ, которыми само Провидѣніе обрѣшило индо-британскую имперію.

По окончаніи войны противъ Бирмановъ, англійское правительство, пользуясь обстоятельствами, отправило, по обыкновенію, резидента въ Авд, который, однако, былъ взпанъ вновь-избраннымъ губернаторомъ. Думали-было объявить за это оскорбленіе войну, но встановились, вслѣдствіе издержки первой экспедиціи, и послѣ многихъ размышленій, англійское правительство оставило своего уполномоченнаго простыми консуломъ въ Рангутъ, главномъ портѣ.

Что же до Афганистана, гдѣ фамилія Барукзевъ возшла на престолъ Кабула и Кандагара, то кажется, что теперь все кончено между этою страной и Англичанами, которые имѣютъ въ Афганахъ отчаянныхъ враговъ, жаждущихъ отплатить имъ за бѣдствія Кабула и Джелалабада, за жестокое разрушеніе большаго базара, пощаженаго самими варварами.

Теперь въ Индіи считается двести двадцать владѣній, зависящихъ отъ компаній, или платящихъ ей дань, не считая безкоманднаго множества второстепенныхъ владѣльцевъ, болѣе или менѣе состоящихъ въ зависимости, по трактатамъ, у верховнаго правительства англійской Индіи. Вся сколько-нибудь значительная государства содержатъ, какъ мы уже сказали, на свой счетъ вспомогательное войско, подъ командою европейскихъ офицеровъ. Незначительныя владѣнія просто платятъ дань или, если, по бѣдности, они не въ состояніи уплачивать ежегодно за оказываемое имъ покровительство, то обязаны, въ случаѣ войны, на первомъ требованіи, возстать поголовно.

Владѣльцы, находящіеся нынѣче подъ покровительствомъ или зависимою компаній, могутъ быть подраздѣлены на четыре класса.

1) Владѣльцы, независимые во внутреннемъ управленіи своихъ государствъ, но не въ политическомъ смыслѣ.

2) Владѣльцы, которыхъ государства управляются министрами, избранными англійскимъ правительствомъ и находящимися подъ непосредственнымъ покровительствомъ агента этого правительства, который имѣетъ мѣстопробываніе при дворѣ номинальнаго государя.

3) Владѣльцы, которыхъ государства управляются отъ ихъ имени самими англійскими резидентами и агентами по его избранію.

4) Владѣльцы, лишенные своихъ владѣній и получившіе пансіоны, но сохраняющіе еще преимущества касты и сана; съ ними обходятся съ уваженіемъ и со всѣми церемоніями, требуемыми обычаями страны; ихъ особа неприкосновенна и не подлежитъ юрисдикціи судовъ; за исполненіемъ преступленій политическихъ. Но верховное правительство охраняло право лишать ихъ свободы и превращать имъ пансіоны, когда этихъ жестокихъ мѣръ требуютъ выды государствѣнныя.

Въ-особенности, вассальныя государства втораго и третьаго класса представляютъ много поживы ачности своего сюзерена: это настоящая разработка золотыхъ рудниковъ.

Бросимъ взглядъ на эти четыре класса, и предъ нами развернется картина, которая можетъ поспорить съ самыми грандіозными картинами въ этомъ родѣ изъ римской исторіи. Никогда царь древняго міра не мерилъ въ свою триумфальную колесницу столько народовъ и столько государей.

Первый классъ.—*Владѣльцы, независимые во внутреннемъ управленіи своихъ государствъ, но не въ политическомъ смыслѣ.*

Здѣсь, важнѣйшій владѣлецъ — мага-раджа, царь Лагвра, глава Гуру-Малы или религіозной конфедераціи Сейковъ. Его власть простирается на территорію въ 50,000 квадратныхъ миль, населенную четырьмя миллиардами душъ; ежегоднаго дохода онъ получаетъ до 5,600,000 фунт. стерлинговъ (125,000,000 рублей). Рассказываютъ, что сокровища, скопленные Руджитомъ-Сингомъ, почти баснословны. Генераль Алларъ, по смерти своей (въ концѣ 1839 года), оставилъ девятиста — тысячное войско, привыкшее къ битвамъ, въ томъ числѣ двадцать — девять тысячъ регулярнаго, устроеннаго по-европейски. Когда эта имперія была слѣжена во едино искуснымъ вождемъ, она представляла собою достаточ-

ный оплотъ отъ вторженія Англичанъ, которые, остановившись съ этой стороны, спустилась по Сутледжу, и устремились на оба берега Инда и на Аоганиетанъ. Но до смерти основателя, внутреннія междоусобія и чужестранная полѣтика потрясли въ основаніи это зданіе.

Чтобъ хорошенько понять эту катастрофу, необходимо обратиться за двѣнадцать назадъ. Обозримъ вкратцѣ дворъ, окружавшій тогда монарха Пяти-Ранья, Певджаба, посмотримъ на оставшихся членовъ его фамиліи, его министровъ и военачальниковъ, и увидимъ, можетъ ли эта страна въ будущемъ сохранить свою независимость.

Во-время посаженія Борисомъ двора Рунджита-Синга, семейство этого государя состояло изъ: 1) сына почти-помашаннаго, по имени Каррака-Синга; 2) внука Нас-Негала-Синга (сына Каррака); 3) усыновленнаго сына Шере-Синга, купленнаго одною изъ женъ стараго царя, которая, не имѣвъ счастья быть матерью, хотѣла однакожь испытать нѣкоторыя материнскія чувства, воспитывая молодаго раба (*); и наконецъ, 4) родственника мага-раджи по боковой линіи, по имени Аджита-Синга.

Главнѣйшія лица при дворѣ были, изъ туземцевъ, три брата, въ-полнѣствіи очель-званствыя, Гулабъ-Сингъ, Діанъ-Сингъ и Сушентъ-Сингъ, изъ которыхъ второй, Діанъ-Сингъ, былъ первымъ министромъ и пользовался полною довѣренностію своего господина; два другіе были военачальники.

Кроме-того, при дворѣ были французскіе офицеры: Аларъ, Вентуръ, Куръ и Авитабиль.

Чтобъ хорошо понять сентябрскія происшествія 1843 года, необходимо взглянуть на самыхъ дѣйствующихъ лицъ. Мы ничего не скажемъ о Карракѣ и Нас-Негал-Сингѣ, которые только-что появляются на сценѣ. Что до Шере-Синга, то это былъ одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ и ограниченныхъ людей, сверхъ-того, преданный чувственности. Его правленіе было бы невозможно безъ пособія того, кто посадилъ его на престолъ, т. е. Діанъ-Синга, стараго рунджит-сингова министра.

Діанъ-Сингъ былъ безъ-сомнѣнія самый способнѣйшій человекъ для управленія Сайлами и для удержанія ихъ въ единствѣ. Онъ сораздалъ это и хотѣлъ присвоить себѣ верховную власть.

Аджитъ-Сингъ, боковой членъ дингъ, невзрачный между собой и утративъ другіе законныя претендентствъ, промѣ сына и внука Рунджита; это былъ первый придворный любовникъ, писалъ прекрасныя стихи, и говорилъ кстати и не кстати гираты изъ «Гуластана». Онъ былъ довольно-сиробъ, имѣлъ высокое о себѣ мнѣніе, много честолюбія и мало талантовъ.

(*) Это обыкновенно обихъ на Востоцкѣ, и дѣти такимъ образомъ усыновляются и могутъ получить большую или меньшую часть наследства на-ранѣе съ признаніемъ наследника и преимущественно предъ боковыми, если такъ угодно какому-нибудь царю.

Наконецъ, французскіе офицеры, Алгиръ, Вентура, Куръ и Ашга-биль, оказавшіе Рунджиту-Сингу огромныя услуги, не приобрѣли большаго вліянія въ этой странѣ: они достигли только до того, что составили себѣ хорошее состояніе. Они всегда были въ дружескихъ отношеніяхъ съ англійскою компаніею, не вѣруя въ будущность страны, которой они служили.

Таковы-то были окружавшіе стараго пенджабскаго льва, въ минуту его смерти, 27 іюня 1839 года. Компанія, давно славившаяся за всѣми этими интриганами, еще по договору съ Рунджитомъ и Шахомъ-Суджею, при началѣ афганистанской войны, взяла на себя обезпечить наследство Пенджаба въ прямой линіи, т. е. Карраку и его сыну. Карракъ былъ нѣчто въ родѣ крестника, и компанія надѣялась воспользоваться его царствованіемъ, чтобъ утвердить англійское вліяніе, съ его субсидіарною системою, т. е. британскимъ резидентомъ и его свитою, вѣстою простаго уполномоченнаго, котораго Рунджитъ-Сингъ умѣлъ удерживать въ Лодіанѣ, по ту сторону Сутледжа.

Діанъ-Сингъ приступилъ къ выполненію своего плана; однако, онъ видѣлъ хорошо, что овладѣть прямо престоломъ ему невозможно, и что необходимъ переходъ, который бы приготавлилъ пути для его хитрости. И онъ рѣшился уничтожить прямую линію и возвести Шере-Синга. Дѣйствительно, Карракъ умеръ скоропостижно неизвѣстно отъ какой болѣзни, а нѣсколько дней спустя погибъ отъ несчастнаго случая Нао-Негаль-Сингъ, зашибенный бревномъ, которое упало ему на голову въ ту самую минуту, когда, сидя на слонѣ, онъ торжественно въѣзжалъ въ главныя триумфальныя ворота Лагора.

Англичане хотѣли было воспрепятствовать Шере-Сингу взойти на престолъ, объявивъ одну изъ женъ Нао-Негала беременною, но пелуачи при Кабуль и Гизна заставили лорда Аукленда опасаться имѣть въ рукахъ разомъ такъ много враговъ.

Діанъ-Сингъ, недовольный титуломъ перваго министра, рѣшился самъ овладѣть престоломъ. Орудіемъ къ тому онъ избралъ Аджита-Синга, и несчастный Шере-Сингъ погибъ. Аджитъ, опасаясь Діана, убилъ его изъ шестовата, сидя съ нимъ въ своей керегѣ. Братъ и сестра Діана-Синга, при помощи генерала Вентуры, осадили Аджита въ столицѣ Лагора, взяли его вѣстою съ его сообщниками и обезглавили. Возведенъ на престолъ Дульшъ-Сингъ, дитя усыновленное Рунджитомъ. Его окружаютъ два брата и сыновья Діана-Синга, Гира-Сингъ, молодой человекъ съ большими способностями, на котораго много надѣялся и самъ Рунджитъ-Сингъ.

Лагору предстоитъ принять вѣкровитальство компаніи и ея вспомогательное войско.

Въ первомъ классѣ владѣтелей, второй по вліянію, есть раджа Гурки, государь Непала, глава смутной олигархіи, между которою государство дѣлится на девять областей. Народонаселеніе простирается до двухъ милліоновъ душъ. Эта страна имѣетъ въ перспективѣ болѣе продолжительную независимость, нежели Пенджабъ: эта обширная мозаика народовъ сплочена въ одну массу національною гордостью, вѣрою, духомъ

независимости. Доступъ въ эту страну труденъ и опасенъ. Для европеѣвъ Англичане, послѣ неудачной попытки первой войны, жадутъ въ такомъ же результатѣ отъ дѣйствія своего резидента въ Кашманду, который чрезъ посвящаемую аваркію приготовляетъ деспотизмъ Англии. Эта политика выражается словами: *I abide my time*—«наступить и наше время»; или изреченіемъ Мазарини: *Время и я* (*Le temps et moi*).

Упомянемъ еще о воеводахъ Сейнонь, независимыхъ отъ лагорского мета-раджи, но находящихся подъ покровительствомъ компаніи: население ихъ областей простирается до 3,000,000 человекъ; чистый доходъ до 550,000 ф. стерлинговъ; по требованію верховнаго правителя, они должны выставить 5000 конницы и 20,000 пехоты.

Второй классъ.—Владѣльцы, которыхъ государства управляются министромъ, избраннымъ англійскимъ правительствомъ, и находящимся подъ непосредственнымъ покровительствомъ резидента.

1800 (годъ покровительственнаго трактата).—1) Низамъ Гайдерабада, субадаръ Декана. Онъ имѣетъ до 12,000,000 подданныхъ; доходы его простираются до 3,000,000 ф. стерлинговъ (75,000,000 рубль). По послѣднему трактату, въ 1812 году, въ столицѣ его находится 15,000 вспомогательнаго войска, которое компанія содержитъ на свой счетъ въ уступку областей, приходившихся на его долю отъ имперіи Тигосаибя. Но, сверхъ того, онъ обязанъ содержать 12,000 регулярнаго войска для внутренней полиціи, на содержаніе котораго 300,000 фунтъ стерл. отпускаются министромъ въ казначавшіхъ резидента для представленія по его усмотрѣнію.

Мы уже въ первой статьѣ достаточно ознакомили читателя съ этою страной и знаменитымъ раджею Шандулаомъ.

Огромныя издержки по содержанию контингента, превосходяція труды, которыхъ требуютъ трактатами, и безпрестанныя требованія со стороны компаніи производить ежегодный дефицитъ въ 300,000 фунтъ стерлинговъ (7,500,000 рубль); министровъ дѣлаютъ займы въ пятнадцать и восемнадцать процентовъ для пополненія недостающихъ.

1837. 2) За низамомъ Гайдераба слѣдуетъ Мета-Раджа Синдін, воевода въ Тивальпоре. Народонаселеніе этой страны простирается до 4,000,000 душъ; чистый доходъ до 1,500,000 фунтовъ стерлинговъ (37,500,000 рубль).

По трактату 1837 года, это государство обязано содержать войско командуемое англійскими офицерами, и на содержаніе это отпускается ежегодно въ казну резидента 102,419 фунтовъ стерлинговъ.

Независимость этого государства испустила послѣдній вздохъ съ вступленіемъ своего послѣдняго владѣтеля, Тейканъ Рао Синдін, умаршаго въ началѣ 1843 года. Англійское правительство рѣшилось не присоединять этой страны къ своимъ владѣніямъ; а продолжать свою субсидіарную систему, которая всю ненависть къ угнетенію жителей обращала на несчастнаго раджу и его окружающихъ. И потому вдова послѣдняго государя, которой отъ роду было двѣнадцать лѣтъ, должна была избрать преемника своему мужу между членами бексатовъ дини сандін Синдін. Этотъ выборъ, руководимый англійскимъ резидентомъ, привелъ

на престолъ этого ребенка, который и былъ посаженъ на престолъ. Но управление было вручено министру Мама-Саибу, который и самъ былъ въ рукахъ англійскаго резидента.

Кордана не думала встрѣтить сопротивленія въ двѣнадцатилѣтней правительницѣ, но багія или рація послѣдовала наущенію своего любовника, которому хотѣлось быть первымъ министромъ, и при помощи средствъ войскъ свергла Мама-Саиба, замѣнивъ его своимъ любезнымъ Казжи (сердечнымъ другомъ) — имя, которое онъ получилъ сперва въ малыхъ апартаментѣхъ гарема и которое осталось ему прозвищемъ въ народѣ, а постъ и прозваніемъ въ дѣлахъ политическихъ.

Правительство англійской Индіи отмстило за это; войска рація соединилась съ англійскими, обступили дворецъ, вторглись въ гаремъ, исторгли Казжи изъ комнатъ самой королевы, гдѣ онъ спрятался, и отдали его въ руки британскаго резидента. Удовольствуется ли компанія этимъ и не присоединитъ ли Гвальіора къ своимъ владѣніямъ? Опуститъ Малвы, всегда предпочитаемый компанейскому, мѣшаетъ сбыту ее произведеній.

1765, 3) Навабъ Уда (Aunde) имѣетъ 3,700,000 подданныхъ, дохода 2,000,000 фунтовъ стерлинговъ (50,000,000 рублей). Деньги на содержаніе вспомогательнаго войска онъ также уплачиваетъ резиденту. Но это не единственная подать вассала. Знаютъ, что это есть одинъ изъ богатѣйшихъ азіатскихъ государей, что отецъ нынѣшняго наваба оставилъ въ казнохранилицѣ 350,000,000, и потому неумолимые протекторы требуютъ отъ него безпрестанно различныхъ контрибуцій и пожертвованій, какъ, на-примѣръ: на веденіе войны въ Афганістанѣ, Китаѣ, Сяндѣ.

По трактату 1801 года, удскій владѣтель уступилъ Англичанамъ значительную часть своей территоріи, но чрезъ это ничего не выигралъ, потому что не сдѣлался владѣльникомъ остальнаго.

Ко второму классу относятся еще раджи Берара, Бароды, Деланура и Джейпура, платящіе ежегодно огромныя субсидіи.

Третій классъ. — Владѣльцы, которыхъ государства управляются отъ имени однимъ англійскимъ резидентомъ и агентами по его избранію.

Самѣйшимъ и ничтожнѣйшимъ надо считать раджу Мизора, имѣющаго три съ половиною милліона подданныхъ. Здѣсь плодородная почва доставляетъ даровый доходъ, изъ котораго владѣлецъ получаетъ очень ограниченное содержаніе.

Сюда же относятся раджи Саттары, Траванкора, Кошина, Жудпура, Бутпура, Савунтвара и Голькара.

Четвертый классъ. — Между владѣльцами, сверженными съ престола и получающими пенсіоны, мы найдемъ знаменитѣйшихъ государей въ исторіи Индіи, подлѣ которыхъ и теперь еще царящіе, но желанію Англій, владѣлецъ, былъ не больше, какъ слуга. Такимъ образомъ, немалъ былъ только военнымъ наместникомъ великаго магола, и Сяндѣ послѣдъ дантуоли цешвы. Во главѣ этой толпы царственныхъ неспасшихъ выступаетъ, подавленный тяжестью титуловъ и воспоминаній, потомокъ Тимура, шахъ-ин-шахъ (царь-царей), котораго старое

шамя еще развѣзается; но онъ палъ ниже, нежели какой-нибудь изъ его рабовъ, и нехотя, скупую рукою, удаляютъ ему скудную милостыню.

По притворному уваженію къ номинальному властелину, котораго права компанія поддерживаетъ въ глазахъ народовъ Индустана, резидентъ при дѣлійскомъ дворѣ обязанъ, по требованіямъ этикета, въ своихъ сношеніяхъ съ дурбаромъ (т. е. великимъ моголомъ, сидящимъ на тронѣ и окруженнымъ своею знатью), выполнять самыя униженные церемоніальныя формы, предписываемыя обычаемъ низшему. Вся просьба императора съ-виду кажется повелѣніемъ; вся приказанія резидента кажутся просьбами; но, по мѣрѣ того, какъ усиливается англійское могущество, эта наружная уничижительная подчиненность втѣсняется въ болѣе-тѣсные предѣлы, и имя западной государыни уже замѣняло имя императора на монетахъ, выбитыхъ по приказанію верховнаго правительства.

Сначала, значительныя владѣнія были отданы для содержанія императорской фамиліи; но вскоре управленіе ими было отнято у сверженнаго монарха, потомъ отнята и часть доходовъ. Наконецъ, для поддержанія своего двора, онъ долженъ былъ посылать продавать на базаръ рукодѣля царяцъ и княжъ, состоящія въ богатыхъ вышивкахъ. Однакожъ, въ-слѣдствіе посланничества извѣстнаго Рам-Могун-Рая, уполномоченнаго жалобами отъ великаго могола, пансіонъ этому царственному узнику увеличенъ: теперь онъ состоитъ изъ 15 лакъ рупій (около 3,750,000 рублей).

Второй по важности есть навабъ Бенгала, государь также только по имени; въ честь его, пушка съ форта Калькутты гудитъ отъ времени до времени, въ знакъ его рожденія, брака или смерти. Онъ проводитъ жизнь на тронѣ изъ золоченой бумаги, окруженнымъ разными почетными погромашками, получая пансіонъ въ 250,000 фунтовъ стерлинговъ, котораго ему едва стаетъ на удовлетвореніе всѣхъ потребностей и на содержаніе обширнаго двора, единственнаго и самаго тяжкаго атрибута его власти.

Третій, котораго положеніе очень-сходно съ положеніемъ втораго, есть навабъ Аркота или Карнатика. Онъ получаетъ пансіонъ въ 200,000 фунтовъ стерлинговъ.

Четвертый — раджа Танджаора, получающій 120,000 фунтовъ.

Далѣе слѣдуетъ цѣлая толпа царей, живущихъ въ Бенаресѣ, этой общему скопищу падшихъ величій, отъ пещвы, получающаго пансіонъ въ 210,000 фунтовъ стерлинговъ, до недавно-сверженнаго кургскаго раджи, или ферозепурскаго наваба, котораго отецъ недавно погибъ на шафестѣ. Тамъ, вы можете найти ихъ всѣхъ, каждаго въ собственной кельѣ, покорившагося своей судьбѣ съ простотою и азіатскою олегією, или погруженнаго въ молитву и размышленіе и съ толпою окружающихъ совершающаго омовенія въ священныя водахъ Ганга. Но есть и еще несчастливѣйшіе, которые въ многочисленныхъ тюрьмахъ Индіи, въ глубинахъ темницъ или на вершинахъ скалъ, увѣнчанныхъ укрѣпленіями, сядаютъ горькій хлѣбъ ушника. Ихъ число велико, и неизрочно! Слѣ

мѣны послѣдніе заключены были эмиры Синда, которыхъ исторія интересна: въ ней видна невнимательность жертвъ и въ яркомъ перечнѣ по-литика Англичанъ въ Индіи.

Дѣтъ двѣнадцать назадъ, англійскій путешественникъ прибылъ въ страну Синда. Это былъ первый англійскій путешественникъ; онъ былъ принятъ ласково и почтенъ подарками. Этотъ чужеземецъ, Александръ Борнсъ, сумѣлъ склонить эмировъ, аристократовъ Синда, къ союзническому трактату съ Англіей. Синдъ и компанія поклялись другъ другу въ вѣчной дружбѣ и обязались «изъ рода въ родъ не желать владѣній ближняго». *From generation to generation never to look with the eye of covetousness on the possessions of each other* (выраженія перваго трактата). Этотъ договоръ вскорѣ былъ дополненъ слѣдующимъ прибавленіемъ: «эмиры дозволяютъ всемъ англійскимъ товарамъ свободное обращеніе въ Синдъ, съ тѣмъ ограниченіемъ, что Англичане не могутъ на теченію Инда ввозить ни военныхъ снарядовъ, ни вооруженныхъ судовъ. *That the Amcers shall allow goods to pass to and fro through Scinde provided however that no military stores or armed vessels shall come by the said river* (дополненіе къ первому трактату).

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и эмиры, невѣдомо какимъ образомъ, перессорились съ Рунджитомъ-Сингомъ. Компанія предложила имъ свое кровительство за обыкновенную плату: въ ихъ столицу (Гайдерабадъ-на-Индъ) долженъ быть допущенъ британскій резидентъ съ полною свободою дѣйствія и съ такою свитою, какая можетъ почестъся необходимою для его правительства. *As a price of British interposition they must accept a British resident at Hyderabad with free power of motion and such an escort as may be deemed suitable to his government* (второй трактатъ).

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, лордъ Аулендъ объявилъ, что онъ хочетъ, чтобъ шахъ Суджа взошелъ на престолъ Афганистана, и приказалъ своему уполномоченному въ Синдъ объявить рѣшительно эмирамъ, что онъ займетъ на этотъ конецъ только на время значительную часть ихъ территоріи, и что статья перваго трактата, воспрещающая подвозъ по Инду военныхъ снарядовъ, по-необходимости должна быть отменена впередъ до приказанія. *The said resident shall peremptorily inform the Amcers that for that purpose temporary occupation must be taken of great part of their territory, and that the article of the treaty with them prohibitory of using the Indus for the conveyance of military stores must necessarily be suspended* (первое нарушеніе трактатовъ).

Въ-слѣдъ за тѣмъ, лордъ Аулендъ объявилъ оффиціальною депешою, что эмиры Синда не должны терять времени, чтобъ расплатиться съ шахомъ Суджою, который, не взошедъ на престолъ, можетъ потребовать отъ нихъ, какъ сюзеренъ, неуплаченной дани. Генералъ-губернаторъ присовокуплялъ, что онъ не можетъ съ точностію опредѣлить этой суммы, но что минимумъ ея не можетъ быть менѣе 20 лакъ рупій (5 милліоновъ рублей). Надо замѣтить, что шахъ Суджа дѣтъ двадцать-лѣтъ былъ негнаннымъ

«Не смотря на общее негодование» говоритъ сэръ Аври Поттинджеръ, «мы отвѣчали извѣстными словами: *sic volo, sic jubeo, sic patet voluntas*. Мы заняли ихъ территорію и заставили подписать третій, самый унижительный трактатъ.»

Возстаніе подавлено: битва при Міаніи въ войнахъ пролила эту плачевную исторію, и несчастные эмиры, сверженные, обитали въ дворцы, гдѣ Борнсъ нашелъ такое трогательное гостеприимство, и вѣчное уничиженіе въ душныхъ казематахъ вышекъ Индустана.

Нѣтъ сомнѣнія, что раньше или позже, индусскіе и мусульманскіе владѣтели, сохранившіе еще некоторую независимость, т. е. отнесеніе нами къ первымъ тремъ классамъ владѣльцевъ, выйдутъ постепенно до послѣдняго класса, въ категорію владѣльцевъ, живущихъ на пенсіонъ. Безспорно, всѣ эти различные народы относительно выиграютъ отъ перехода подъ непосредственное владычество англійскаго правительства, и индо-британская имперія получитъ тогда характеръ единства, котораго теперь не достаетъ ей.

ВОСПОМІНАНІЕ О ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛДМАРШАЛЪ ГРАФЪ ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ РУМЯНЦЕВЪ- ЗАДУНАЙСКОМЪ.

Въ 1843 году, появилась «Исторія князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго, генералиссимуса російскихъ войскъ» — сочиненіе, Н. А. Полеваго. Въ этой исторіи, безъ сльдствія, приговорили, что генерал-фельдмаршалъ графъ Румянцевъ-Задунайскій, герой Ларги и Кагула, предводитель русскихъ войскъ въ безсмертную кампанію 1770 и 1774 г., гордость русскаго оружія, — былъ почти ничтожный генералъ.

Современники, къ которымъ принадлежалъ и Фридрихъ-Великій, конечно, если не лучше, такъ столько же понимавшій военное дѣло, какъ и г. Полевой, и настоящее поколѣніе, бывшее и сущее, подъ знаменами, которыя прославлены побѣдами Румянцева, признавали его великимъ полководцемъ. Г. Полевой не таковъ: онъ, заключа въ себя потомство, судить строже. Эти потомственные сужденія высказаны съ такою самоувѣренностію, съ такимъ диктаторскимъ тономъ, что больно читать всякому Русскому, которому дорога честь оружія и слава отечественныхъ полководцевъ. Но истина всего дороже; она должна идти впередъ всѣхъ чувствъ человѣческихъ; предъ нею должны преклониться народная гордость, исчезать слава, разоблачаться величіе, когда оно приобрѣтено не дѣлами, достойными этого величія, не чувствами высокими и благородными, но дано лестію и невѣжествомъ.

Не пишу исторіи Румянцева — ее писать еще рано; но буду возражать г. Полевому противъ каждаго его обвиненія какъ умю, какъ понимаю дѣло, предоставляя суду каждаго вполне его мнѣніе и мое возраженіе.

Въ началѣ г. Полевой говоритъ: «Русскія военныя лѣтописи XVIII вѣка представляютъ намъ имена двухъ полководцевъ съ дарованіями необыкновенными, знаменитыхъ побѣдами». — Потомъ слѣдуетъ ихъ сравненіе; въ окончаніи:

• Румянцевъ обладалъ многими преимуществами предъ Минихомъ: онъ былъ ученикъ Фридриха и Лаудона и извѣнилъ прежнюю тактику, находился въ битвахъ семилѣтней войны и былъ Русскій, обладая довѣренностію солдатъ.

испытанными въ бою послѣ семилѣтней войны (*). Важное облегченіе движеній, раздѣленіемъ огромныхъ каре на малыя и уничтоженіе рогатокъ (если только не Потемкину должно приписать отиѣну ихъ) (**) принадлежать ему. — Мужество въ бою, умѣнье распоряжаться при неудачѣ, искусство разиженія и продовольствія арміи были его неотъемлемыми свойствами; но Румянцевъ не постигъ образа наступающей войны съ Турками, не смотря на примѣръ Миниха и даже на то, что походъ 1770 года показалъ тайну побѣды: (Стр. 49 — 31. Ист. Сув.)

Румянцевъ не постигъ образа войны съ Турками, не смотря на примѣръ Миниха. — Но это еще ничего; тутъ сколько-нибудь отдана справедливость Румянцеву, хотя въ сравненіи весьма для него невыгодно, — для него, который создалъ новую тактику и указалъ Русскимъ путь къ побѣдамъ. Не Минихъ, который рѣшительно слѣдовалъ преждепринятому боевому порядку, а Румянцевъ показалъ примѣръ настоящей войны съ Турками; его гѣній открылъ тайну побѣды и новые пути въ военномъ дѣлѣ, по которому шли Суворовъ, Наполеонъ и весь просвѣщенный народъ въ войнахъ съ иррегулярными войсками. Румянцевъ участвовалъ въ семилѣтней войнѣ, былъ причиною побѣды Русскихъ надъ Фридрихомъ и былъ вполне-самостоятельный полководецъ, безъ подраженія Фридриху, тѣмъ менѣе Лаудону.

Для убѣжденія въ этой истинѣ, и что Румянцевъ былъ учителемъ въ войнахъ съ Турками — должно обратиться къ боевому порядку, существовавшему компаніи 1770 года.

До компаніи 1770 года, все европейскіе полководцы, въ томъ числѣ и знаменитые Евгений и Монтекукуль, строили арміи въ линіи тонкихъ фронтахъ; это происходило отъ принятаго боеваго порядка во всѣхъ войнахъ того времени; противъ же Турковъ старались усилить мастиную оборону полевыми укрѣпленіями и ставили рогатки предъ полками; кавалерія располагалась по флангамъ и въ резервъ. Никто не рѣшался нападать на Турковъ, но ожидали ихъ натиска; первый ударъ ихъ былъ всегда губителенъ для Австрийцевъ, — и это происходило не столько отъ мужества Турковъ, сколько отъ преимущества ихъ боеваго строя. Они употребляли глубокий строй, подобный македонской фалангѣ, — следовательно, при первомъ нападеніи разрывали линіи противниковъ. Если первое ихъ нападеніе не достигало своей цѣли, она старалась безпрестанными нападеніями утомить непріятеля, и имѣла четвертую, иногда и болѣе четвертой части действующихъ войскъ въ резервъ, устремляли ихъ для окончательнаго удара; — за тѣмъ слѣдовало пораженіе. Венгерцы, подъ предводительствомъ Гуниаде, и Албанцы подъ начальствомъ Георгія Кастриота, употребляли эти же средства для пораженія Турковъ, и, конечно, Европа ихъ воинскому гѣнію обязана своею незави-

(*) Мы не видимъ ни одной битвы послѣ семилѣтней войны; кампанія князя Гедлима 1769 года, по своему ничтожеству, можетъ уроить, а не возмущать духъ войска.

(**) Не Потемкину, но измѣненію образа войны Румянцевымъ принадлежатъ отиѣны рогатокъ; онѣ слѣдвали неуничтожимы, когда онѣ, вмѣсто оборонительной, вѣдъ систему наступательной войны противъ иррегулярныхъ войскъ.

снѣжнѣю. Но Австрійцы не воспользовались этими примѣрами, не умѣли постичь преимущества боеваго порядка, употребляемаго Турками, и почти всегда терпѣли поражение; если же когда и успѣвали отразить нападеніе Турковъ и разстроитъ толпы ихъ, что удавалось немногимъ изъ вѣковѣдцѣвъ, тогда кавалерія, подкрѣпленная пехотою, наносила имъ поврежденіе, но не рѣшалась ихъ преслѣдовать, довольствуясь прогнавіемъ съ поля сраженія. Артиллерія употреблялась какъ оборонительное оружіе для отраженія, но не для нападенія на неприятеля.

Напротивъ, Русскіе во всѣхъ войнахъ съ Татарами и Турками строили войско въ одно каре, или въ три, а въ послѣднемъ случаѣ ставили каре одно подлѣ другаго такъ близко, что четыре фронта, составлявшие третью дѣйствующихъ войскъ, не могли принимать участія въ сраженіи и огнемъ своимъ защищать другъ друга, тамъ мѣшало кавалеріи, которая не могла держаться противъ превосходной турецкой конницы. Фронтъ каре съ прикрывался рогатками, артиллерія размѣщалась по угламъ боевой линіи и угламъ каре съ; кавалерія также по угламъ; обозы помещались внутри каре. Этотъ боевой порядокъ, тяжелый и непереломный, произошелъ не отъ тактическихъ соображеній, или изученія древнихъ построеній (*), а отъ необходимости. Ирака наши сражались съ Татарами и Турками въ степяхъ; открытые во всѣхъ сторонъ нападенію ихъ превосходной кавалеріи, по естественному побужденію, должны были принять построеніе въ видѣ четырехугольника съ обозами внутри. Минихъ въ точности слѣдовалъ этому порядку и въ славной стоучанской битвѣ его каре такъ были близко поставлены одно къ другому, что представляли одну сплошную массу, отъ чего треть войска находилась совершенно въ бездѣйственномъ положеніи, даже обозы были посреди каре съ, — почему никто не обратилъ на него вниманія и не принялъ его боеваго порядка (**).

Напротивъ, геній Румянцева достигъ изобрѣтенія боеваго порядка своихъ предшественниковъ; онъ совершенно измѣнилъ и образъ войска и видъ построенія войскъ къ битвѣ. Онъ не ожидалъ Турковъ, но всматривался въ поле и чрезъ это родилъ нравственную силу войска, неизреченную численность. Онъ, раздѣляя свою армію на малыя каре по 2 и по 3,000 каждое, далъ имъ быстроту и подвижность; онъ помещалъ кавалерію

(*) Восточные арабы въ каре было употребляемо въ глубокой древности. Египтяне нѣкогда сражались; они шли строимъ въ 2,000 и болѣе человекъ по линіи, и въ 100 человекъ глубиною каждаго фронта. Ставили каре одне подлѣ другаго, такъ что эта боевая линія представляла плотную массу силъ, отъ чего ударъ ихъ былъ страшенъ и сопротивленіе неодолимо. Въ сраженіи при Иссъ, когда вся персидская армія бѣжала, они, окруженные Македонянами, долго осервировали побѣду у Александра Великаго, который принужденъ былъ предложить имъ присоединяться къ его арміи. Многіе замечаютъ, что образъ построенія Египтянъ произошелъ отъ истинности, не изобрѣденной хитрости. Не блгнѣе всего должно отнести это къ войнамъ ихъ древняго црвѣя, которые, сражались на равнинахъ Африки и Азіи съ народами преимущественно пешими, но имѣя достаточной кавалеріи, должны были спастись въ каре, чтобъ противъ нихъ.

(**) Мы видимъ, что Минихъ, подобно Австрійцамъ, строился противъ Турковъ и въ линіи.

рію колоннами за кареями и артиллерію впереди кареевъ, по флангамъ и въ резервъ, такъ—что три оружія, поддерживая другъ друга при нападеніи и оборонѣ, составляли силу непреоборимую. Мы видимъ въ войнахъ Румянцева, что, при удобности мѣстоположенія, каре мѣшали съ колоннами; иногда шли на непріятеля, построив войска въ колонны, перестраивали ихъ на походъ въ каре при нападеніи кавалеріи и даже отражали эту послѣднюю, имѣя въ боевомъ порядкѣ однѣ колонны, прикрытыя густою цѣпью стрѣлковъ и огнемъ артиллеріи, которая во всѣхъ сраженіяхъ, данныхъ Румянцевымъ и подчиненными ему генералами, шла впереди и огнемъ своимъ, еще до удара въ штыки, производила разстройство въ рядахъ непріятельскихъ (*). Это явленіе тѣмъ примѣчательнѣе, что конная артиллерія была устроена въ революціонныхъ войнахъ и до Румянцева никто не умѣлъ пѣшей артиллерію дать подвижность и быстроту, свойственную конной. Въ войнахъ Румянцева употреблялись всѣ построенія арміи, какія видимъ въ революціонныхъ войнахъ и нынѣ повсемѣстно приняты, конечно въ малыхъ размѣрахъ, ибо цѣлая армія его равнялась одному корпусу войскъ наполеоновыхъ, который, двигая громадами силъ, тѣ же построенія долженъ былъ употреблять въ большихъ размѣрахъ.

Кто же былъ наставникомъ Румянцева? древніе полководцы—особенно Александръ-Великій!.. Бѣй пра Ларгъ имѣеть родственное сходство съ сраженіемъ при Иссъ. Жаль, что живущее поколѣніе, увлеченное событіями нашего времени, мало обращаетъ вниманія на древній міръ, обильный великими образцами военнаго искусства. Новѣйшіе народы ничего не прибавили къ боевымъ порядкамъ Грековъ, Македонянъ, Римлянъ и Аннибала; напротивъ, они не довели еще тактическихъ правилъ до того великаго совершенства, до котораго они достигли у этихъ народовъ. Густавъ-Адольфъ первый обратился къ искусству древнихъ, и этому одолженъ былъ своимъ блестящимъ успѣхомъ. Образцовъ дѣла Фридриха-Великаго носятъ на себѣ отпечатокъ его глубокихъ свѣдѣній и изученія древнихъ полководцевъ, особенно временъ усовершенствованія ихъ военнаго искусства, къ которому должно отнести битвы, данные Эпашиндомъ, Филопоменомъ и Пирромъ. Суворовъ образовалъ себя дѣлами Римлянъ. Наполеонъ бралъ все лучшее у Грековъ, у Римлянъ и Аннибала. Изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія (**), сдѣлало великій переворотъ въ военномъ искусствѣ, но основныхъ правилъ его мы должны искать у древнихъ. Достоянство полководца состоитъ въ умѣніи примѣнить къ мѣстности и обстоятельствамъ его окружающимъ, къ духу, составу и вооруженію своей арміи и арміи противника то,

(*) Смотри сраженія при Ларгѣ и Кагулѣ и журналъ военныхъ дѣйствій 1771 г.

(**) Древніе имѣли механическую артиллерію, которую Греки и Римляне въ пѣтущее время ихъ воинской доблести употребляли только при осадахъ; но въ послѣдствіи, при упадкѣ мужества, они употребляли ее и въ полевыхъ сраженіяхъ, особенно лагерныя Восточной-Имперіи. Жаль, что современныя исторіи не оставили намъ описанія образа дѣйствія этой артиллеріи и размѣщенія ея въ сраженіяхъ: она имѣла силу едва ли уступающую нашимъ орудіямъ.

что опытность тактовъ и примѣры предшествовавшихъ битвъ положили въ общую массу совершенства военнаго дѣла, неподражая никому безусловно. Всюобщее подражаніе есть признакъ посредственности и вѣрный шоръ къ пораженію. Что могло быть прекраснѣе и грознѣе прусской арміи въ рукахъ Фридриха-Великаго, хотя онъ увлекся духомъ своего предводителя въ построеніи ея линіями (*); но эта армія въ рукахъ бездѣльности и арміи Австрийцевъ, образованная по примѣру прусской, была неслыханно нестройными толпами революціонныхъ войскъ, потому что предводители этихъ армій не умали примѣнить своихъ тактическихъ примѣровъ въ мѣстахъ и образъ войны своихъ противниковъ. Напротивъ; Суворовъ, живя въ Италіи, былъ уже устройный французскій войска и предводимый опытнымъ полководцемъ, — былъ, такъ сказать, нѣтъ же оруженъ; такъ точно и Сципионъ-Африканскій, постигнувъ Аппианца, поразилъ его при Гамма тѣмъ же боевымъ порядкомъ, которыми этотъ великій человекъ поражалъ римскіе легіоны въ Италіи. Орудія, нравы и системы, которыми такъ богатъ нашъ промышленный вѣкъ; не образуютъ и не образуютъ ни одного великаго полководца. И если въ васъ, мой читатель, есть искра огня небеснаго, той молніи, которою Провидѣніе взаряетъ души своихъ избранныхъ, идите на поля битвъ рука-о-руку съ великими мастерами военнаго дѣла и въ ихъ дѣлахъ выдѣте тайны победы.

Битвы при Ларгѣ и Кагулѣ, восклицаетъ г. Полевой: «казались чѣмъ-то счастливыми; и современники славилъ Румянцева какъ великаго полководца. Потомство (т. е. г. Полевой) судитъ строже современниковъ. Если внимательно разсмотримъ дѣйствія Румянцева даже въ 1770 году, то убѣдимся, что битвы при Ларгѣ и Кагулѣ были счастливою случайностію, доказавшею только мужество Румянцева въ минуту опасности. Онъ долженъ былъ искупить побѣдою похода своею побѣдою, или гибелью — и побѣдилъ! Важные достоинства были соединены съ его воинскими достоинствами. Медленный, вѣрительный, недовѣрчивый къ другимъ и самому-себѣ до того, что никогда не давалъ опредѣленныхъ приказаній, сберегая, какъ говорили, резервъ на случай неудачи; честолюбивый, завистливый къ славіи подчиненныхъ; въ 1767, что готовъ былъ устранить всякаго, кто былъ ему опасенъ даже въ мирѣ, хотя угодливый предъ случайными, хитрый и уклончивый въ обществѣ, Румянецъ не умѣлъ возбуждать любви къ себѣ войска, хотѣлъ славы, но трепеталъ бесславія. Взглядъ на походы 1771 въ слѣдующихъ годахъ доказываетъ справедливость нашихъ словъ.» (Тамъ же, стр. 51 и 52).

Довольно; остановимся покуда.

Точно, битвы при Ларгѣ и Кагулѣ казались и кажутся чѣмъ-то счастливыми; онѣ напоминаютъ дѣла Грековъ и Римлянъ. Эти битвы, г. Полевой, честь и слава русскаго оружія; новѣйшіе народы не могутъ похвалиться подобными, — не дѣти счастливою случайностію, какъ мы воинство, а дѣти генія Румянцева, плоды его великихъ тактическихъ и стратегическихъ соображеній. Не теряя словъ, приступимъ къ дѣлу.

(*) Это построеніе было причиною его пораженія подъ Кунерсдорфомъ; если бы онъ напередъ не линіями, а колоннами, тогда бы имѣлъ возможность поразить Русскихъ до передвиганія ихъ войскъ съ праваго крыла.

Походъ 1769 года, хотя Россія выставила 80,000 человекъ, была неудаченъ и не соответствовала ожиданіямъ императрицы Екатерины Великой, которая была недовольна дѣйствіями князя Голлицана. Нужно было избрать другаго полководца, и орлиный взоръ монархини палъ на Румянцева, того Румянцева, который, при Куннерсдорфѣ, вырвалъ побѣду изъ рукъ Фридриха-Великаго и былъ причиною пораженія его арміи (*), который взялъ Кольбергъ въ виду лучшихъ генераловъ Пруссіи (**). Главная цѣль компаніи 1770 года была взять Бендеры, для чего войско раздѣлили на двѣ арміи; вторая, подъ начальствомъ графа Панина, въ числѣ 40,000 человекъ, должна была взять эту крепость; первая, подъ предводительствомъ Румянцева, дѣйствовать за Днѣпромъ для прикрытія осады; два отдѣльные корпуса для этой же цѣли были выставлены на пути къ Очакову и на Кубани.

Первая армія, въ числѣ 28,000, была расположена въ Молдавіи, въ которой свирѣпствовала чума, обезсилывшая полки до того, что Румянцевъ едва ли имѣлъ подъ ружьемъ 22,000 человекъ; съ этими корпусами онъ долженъ былъ открыть военныя дѣйствія противъ Турковъ и Татаръ, численность которыхъ простиралась до 220,000 человекъ.

Предположенія Турковъ въ предстоящемъ походѣ были не безъ основанія. Верховный визирь, зная малочисленность Русскихъ и обширность извѣрнаго расположенія, предположилъ разбить ихъ по-одиночкѣ; не допуская до соединенія. Для этой цѣли, онъ назначилъ три корпуса, которые съ 60,000 чел. Татаръ должны были исполнить его намѣренія. Самъ же визирь съ остальными силами спѣшилъ подкрѣпить передовые войско. Но Румянцевъ, быстро соединя полки свои подъ знаменами Житина, перенесъ театръ войны между Прутомъ и Серетомъ (***), съ своей стороны спѣшилъ предупредить соединеніе Татаръ съ Турками. Проливные дожди задерживали его на каждомъ шагѣ; степи превра-

(*) Нѣмцы приписываютъ Лаудону пораженіе Фридриха при Куннерсдорфѣ. Но справедливо ли это? Лаудонъ съ австрійскими войсками выбралъ мѣсто въ резервѣ праваго крыла русской арміи, то-есть, мѣсто, на которое не было и не могло быть нападенія (вообще, Австрія всегда въ соединеніи съ русскими войсками выбирала себѣ подобное безопасное мѣстечко). Фридрихъ, разбивъ нашу лѣвый флангъ и поражая по-одиночкѣ полки ему противопоставляемые, опрокинулъ ихъ на центръ, находившійся подъ начальствомъ графа Панина, который, оказывая упорное сопротивленіе, не могъ, однако, остановить Пруссаконъ. Главнокомандующій нѣсколько разъ посылалъ къ Лаудону, прося его подвинуть австрійскія войска для совмѣстнаго нападенія на непріятеля; но Лаудонъ не двигался; наконецъ, по усильному настоянію, послалъ австрійскую кавалерію, которая, соединясь съ русской, подъ начальствомъ Румянцова, врубилась уже въ утомленные и разстроенные упорнымъ сопротивленіемъ Русскихъ торжествующіе полки Фридриха, опрокинула ихъ и быстро преслѣдовала, когда еще австрійская пѣхота съ Лаудонемъ не пришла на мѣсто боя, очищенное отъ непріятеля.

(**) Осада Кольберга можетъ служить примѣромъ военныхъ дѣйствій подобнаго рода по правильности, глубинѣмъ соображеніямъ и твердости расчета каждаго осаднаго предпріятія.

(***) См. Журналъ военныхъ дѣйствій 1770 года за май и іюнь мѣсяцы.

тлѣлись въ морѣ грязи, ручьи въ глубокія раки, люди и лошади тонули. Главнокомандующій, броса обозы и парки, подъ сильнымъ прикрятомъ, устремился на Татаръ, остановившихся у Рябой-Могилы, уже въ соединеніи съ однимъ изъ турецкихъ корпусовъ. Ханъ, имѣя въ началѣ 70,000 человекъ, не рѣшился принять сраженія; онъ быстро отступилъ и окопался на крутыхъ берегахъ раки Ларги; съ нимъ соединился другой турецкій корпусъ. Визирь сѣдѣлъ переправиться черезъ Дунай съ 120,000 человекъ. Турки и Татары, насколько отвѣтній пріученные нападать на непріятеля, спокойно ожидали визиря, услышавъ только оборону мѣстности. Но Румянцевъ, отбросивъ вышедшую систему, дававшую преимущество ихъ первому удару, положилъ разбить непріятельскія арміи по-одначкѣ; но наведеннымъ въ ночь мостамъ съ 20,000 чел. перешелъ Ларгу и съ разсвѣтомъ каналь на непріятеля. Войско было построено въ четыре каре: два изъ нихъ были направлены на флангъ татарскаго лагеря; два должны были атаковать съ фронта, и вся кавалерія съ легкими полковыми орудіями, соображая движеніе свое съ двумя фланговыми каре, въ одно время съ ними должна была ударить въ тылъ; артиллерія шла впереди и огнемъ своимъ открывала путь къ побѣдѣ. Татары, поставленные между трехъ огней, опрокинутые на флангъ, бѣжали, брося орудія, обозъ и лагерь... Остановившись на этомъ сраженіи, по понятію г. Половаго нечтохонько, ибо мало было убитыхъ, но важномъ для военной науки. Въ этомъ сраженіи, Румянцевъ создалъ и принималъ новую тактику для дѣйствій противъ ирегулярныхъ войскъ. Онъ напалъ, а не ожидалъ нападенія, и въ боевомъ порядкѣ доселѣ невиданномъ; превосходнымъ направлениемъ арміи, поставя войска свои на флангъ и въ тылу непріятеля и поражая его съ фронта, на всѣхъ точкахъ, выставилъ болѣе силъ, чѣмъ Татары, хотя они въ соединеніи съ Турками имѣли подъ ружьемъ до 80,000 чел. Ханъ видѣлъ необходимость или потерять свою армію, или бѣжать; онъ бѣжалъ, и страхъ Татаръ былъ такъ великъ, что они отдалились отъ Турковъ и не хотѣли уже съ ними соединяться.

Положеніе Русскихъ, не смотря на побѣду, было затруднительно; обозы не могли слѣдовать за движеніемъ арміи и недостатокъ въ боевыхъ снарядахъ, и въ-особенности продовольствія, былъ до крайности ощутителенъ. Люди питались варенымъ съ мукою тростинкомъ (*). Татары, съ 60,000, угрожали тылу и обозамъ, идущимъ къ арміи, а верховный визирь, съ 150,000, шелъ напасть съ лица. Румянцевъ не боялся грозы; напротивъ, сталъ между двухъ непріятельскихъ армій и этимъ, разобща ихъ силы, имѣлъ существенное предъ ними преимущество. Главнокомандующій отрядилъ нѣсколько полковъ для прикрытія тыла и обозовъ, вблизи находившихся, не имѣя подъ ружьемъ и 17,000 (**), двинулся противу Турковъ, которые, переправившись черезъ

(*) Смотри Журналъ военныхъ дѣйствій 1770 г. 8 июля.

(**) Изъ которыхъ способныхъ къ сраженію было не болѣе 12,000. Вся тягость въ войнахъ съ Турками прежняго времени лежала на пѣхотѣ и артиллеріи; кавалерія же даже въ равныхъ силахъ противъ турецкой не въ состояніи была со-

Дунай и принявъ разбитые при Ларгъ корпуса, думали раздавить Русскихъ. Румянцевъ остановился на берегу Ларги дать отдыхъ утомленной арміи. При обзорѣ окрестностей, онъ сказалъ окружающимъ его: «*если Турки осмѣлятся поставить тутъ хотя одну палатку—я атакую ихъ*». Дѣйствительно, на другой же день всѣ ихъ силы сосредоточились на указанной имъ мѣстности и старались укрѣпить лагерь; разбитый на крутыхъ возвышенностяхъ.

Турки готовились напасть на Русскихъ 21 июля. Румянцевъ предупредилъ ихъ: въ полночь, въ глубокой тишинѣ, построив войско въ четыре каре, по порядку размѣщенія силъ, принятому при Ларгѣ, и имея густую цѣпь стрѣлковъ предъ кареями, двинулся на непріятеля. Съ первыми лучами солнца; Турки, увидя приближеніе Русскихъ, уже готовые къ бою, вышли изъ стана. Сраженіе загорѣлось у Траяновой-Дороги; оно было упорно и кровопролитно. Турки, одушевленные голосомъ вѣры и славою прежнихъ битвъ, дрались отчаянно; Русскіе, съ именемъ Екатерины, шли впередъ; испровергая всѣ силы; имъ прѣвоставленные. Визирь выдвинулъ огромныя массы кавалеріи, которая стремительно напала на наше войско, и, можно сказать, окружила его. Румянцевъ, хладнокровно наблюдавшій за ходомъ битвы; приказалъ право-фланговому каре принять въ пол-оборота направо для атаки лѣваго непріятельскаго. Этимъ прѣвосходнымъ маневромъ, въ пылу сраженія произведеннымъ съ удивительною точностію, турецкая кавалерія была заперта въ лоцши; тогда-какъ наша артиллерія наносила ей страшное пораженіе, и кавалерія, подкряпленная резервами, ударила въ разорванныя толпы ихъ,—поле очистилось. Такъ кончился первый актъ этой знаменитой битвы. Русскіе, утомленные боемъ и палищимъ жаромъ, должны были вслѣдъ приступомъ лагерь, окруженный тройными рвами, сильными укрѣпленіями, вооруженными 200 орудій и защищаемый огнемъ 100,000 пехоты; уже они взшли на высоты и крайнее каре праваго фланга начало штурмовать передовое укрѣпленіе; второе съ тою же цѣлю приблизилось къ гребню ретраншамета, противъ него находящагося; но внезапно было атаковано корпусомъ янычаръ, знаменитыхъ въ военныхъ лѣтописяхъ Турковъ неодолимымъ мужествомъ и отвагою. Это паденіе, произведенное стремительно и неожиданно, ибо ихъ движенія скрывали укрѣпленныя высоты, когда ряды полковъ нашихъ были разстроены и движеніемъ и начавшимся приступомъ, — вдругъ измѣнило ходъ сраженія. Каре было смато и завязался страшный рукопашный бой. Турки видимо одолевали; тогда Румянцевъ сказалъ окружающимъ его: «теперь наше дѣло!», бросился въ пылъ битвы; и при крикѣ его: «*стѣна, ребята!*» полки обратились на непріятеля, при чемъ особеннѣе отличился 1-й гренадерскій полкъ (*), который съ восклицаніемъ: «*Видѣте-*

стязаться съ прѣвосходными ихъ наѣзниками—ее всегда обороняла пѣхота огнемъ своимъ. Кавалерія употреблялась для развѣдочекъ, для аванпостной службы и окончательнаго пораженія уже разбитаго непріятеля. При Кагуль, у Румянцева было 8,000 кавалеріи, а у Турковъ 30,000.

(*) Имя лейб-гвардіи гренадерскій, которому Румянцевъ на концѣ битвы велѣлъ выдать по рублю на человѣка.

ряда!» ринулся въ сѣчу и прорвалъ толпы явычаръ; прискакавшая артиллерія и кавалерія dokonчили поражение. Остатки ихъ были переколоты во рвахъ и укрѣпленіяхъ. Это вострѣбленіе лучшаго турецкаго войска пронавело въ рядахъ ихъ такой ужасъ, что они, броса лагерь, обозы и артиллерію, стремительно бѣжали, поражая другъ друга, чтобы открыть себѣ путь къ спасенію, хотя наши войска отъ утомленія только на другой день могли начать преслѣдованіе.

. Турки, запертые между штыками Русскихъ и Дунаемъ, тысячами гибли въ волнахъ его, такъ-что изъ 150,000, не перебралось на другой берегъ и 100,000 человекъ, изъ которыхъ половина разбѣжалась. 200 орудій достались побѣдителямъ съ огромнымъ количествомъ боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ.

. Эта знаменитая побѣда повлѣкла за собою важныя послѣдствія. Румянцевъ, пользуясь поражениемъ непріятеля и страхомъ, на него навѣденнымъ, раздѣлялъ малочисленную свою армію на нѣсколько частей для осады крѣпостей. Измаилъ, Кишія, Браиловъ и Бѣлградъ сдались. Ханъ просилъ свободнаго пропуска въ Крымъ, но Румянцевъ требовалъ безусловной покорности власти императрицы; тогда онъ обратился къ графу Панину, осаждавшему Бендеры, и по договору, съ нимъ заключенному, былъ пропущенъ безпрепятственно.

. Въ сраженіи при Кагултѣ, Румянцевъ повторилъ боевой порядокъ сраженія при Ларгѣ, но въ немъ замѣчательнъ манѣвръ каре въ пол-оборота, который, направляя боевую линію Русскихъ во флангъ турецкой арміи, съ тѣмъ вмѣстѣ запыралъ въ лоцни ихъ кавалерію и принудилъ ее очистить поле сраженія; послѣ чего уже она не могла быть введена въ дѣло, тогда-какъ простиралась до 50,000 человекъ превосходныхъ наездниковъ, и могла дать другой оборотъ сраженію. Самое избраніе мѣстности для битвы, указанное Румянцевымъ, обнаруживаетъ гениальность его и совершенное знаніе военного дѣла. Еслибъ Румянцевъ не предупредилъ визиря, или допустилъ его избрать другую позицію, тогда борьба съ нимъ была бы сомнительна; Турки, съ огромными своими силами, особенно имѣя многочисленную кавалерію, могли бы окружить и подавить Русскихъ. Напротивъ, настоящее мѣсто сраженія лишило ихъ этихъ преимуществъ; они не могли на немъ увеличить боевую свою линію сообразно съ своими силами, но должны были стать въ глубинѣ ея; слѣдовательно, должны были вводить въ дѣло войско по частямъ, представляя всю возможность разбить ихъ по-одиночкѣ, и поракая оружіемъ передовыя массы, нравственно поражая и заднія. Дѣйствительно, разбитіе кавалеріи, истребленіе явычаръ и другихъ передовыхъ войскъ, произвели между Турками такой ужасъ, что задніе, не ждя Русскихъ, бѣжали. Не вините въ этомъ Турковъ: это безотчетное чувство страха встрѣчается среди всѣхъ армій; оно иногда возникаетъ отъ ничтожныхъ обстоятельствъ и, распространяясь съ скоростію звука, увлекаетъ за собой и благоразуміе и мужество.

Послѣ этого краткаго, но вѣрнаго описанія сраженія при Ларгѣ и Кагултѣ, предоставляю рѣшить каждому: справедливо ли убѣжденіе г. Полеваго, что эти битвы были пропзведены счастливою случайностію?

Многие полагают, что турецкая армия самая ничтожная въ дѣлѣ; мысль эта родилась послѣ дивныхъ подвиговъ Румянцева; но спросите Астраханцевъ, — она имъ скажутъ протавное.

«Онъ долженъ былъ искупить неосторожность своего похода» восклицаетъ г. Полевой: «побѣдою и гибелью — и побѣдилъ!» Въ чемъ же заключалась эта неосторожность? Не въ томъ ли, что Румянцевъ не бѣжалъ отъ огромныхъ полчищъ непріятеля, оставя на грабежъ занятый край и предѣлы государства, а сталъ лицомъ-къ-лицу, какъ великій мастеръ своего дѣла, сталъ среди непріятельскихъ арій и разбилъ ихъ по-одиночкѣ. Вамъ, г. Полевой, какъ потомству, но безвѣстно, что подобнаго положенія искали и Фридрихъ-Великій, и Наполеонъ-Великій въ войнѣхъ своихъ, но никто не порицаетъ ихъ за это; напротивъ, всѣ признаютъ великими полководцами.

«Важныя недостатки были соединены съ его воинскими достоинствами», говоритъ г. Полевой. Посмотримъ ихъ: 1) Медленный и нерешительный... Можно ли это сказать послѣ безсмертныхъ его кампаній 1770 и 1774 годовъ? Быстрота въ соединеніи войскъ, разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ; походъ его по морю гряди безъ обозовъ; съ гребни войскъ занятіе позицій между громадныхъ силъ непріятеля; въ несколько дней разбитіе двухъ арій, въ десять разъ его сильнѣйшихъ; въ теченіи трехъ мѣсяцевъ завоеваніе Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи со всѣми ихъ крепостями. — Помните, г. Полевой, это рѣшительность льва и быстрота орла, непостигаемая курами Ивана Андреевича Крылова (!):

«Д) Недовѣрчивый къ другимъ и самому себѣ до того, что никогда не давалъ опредѣлительныхъ приказаній, сберегал, какъ говорили, извиненіе на случай неудачи.»

Недовѣрчивость къ самому-себѣ; что можно опредѣлительное выразить осторожностію — великое достоинство въ полководцѣ, на которомъ повелѣся безопасность и слава арій и государства, тогда-какъ самонадеянность Варроновъ и Крассовъ губятъ легіоны. Румянцевъ дѣйствительно былъ остороженъ: каждый шагъ его былъ расчитанъ, каждое предпріятіе обдуманно; можно сказать взвѣшено и соображено съ обстоятельствами и прѣпятствіями. Это мы видимъ въ знаменитой его осадѣ Камберга, изъ диспозицій къ бою и изъ предписаній къ подчиненнымъ генераламъ; прочтите все это, и вы удивитесь подробности, ясности и предусмотрительности кагульскаго героя; отъ этого все его предпріятіе увѣчалась полнотѣ, можно сказать, блестящимъ успѣхомъ, прославившимъ русское оружіе. Побѣдные клики его полковъ стали наследіемъ нашимъ, нашею гордостью и славою.

Откуда вы взяли, г. Полевой, что «Румянцевъ былъ недоваѣрчивъ къ подчиненнымъ и никогда не давалъ опредѣлительныхъ предписаній, «сберегал, какъ говорили, извиненіе на случай неудачи»? Для общаго великаго человека не достаточно: *говоримъ, говоримъ*; даже — печатаютъ много пустаго и ложнаго, но этого мало: надо жить, а не по-

(!) Смѣтри басню Крылова «Орлы и Куры».

шальные и рыночные слухи. Откроюмъ журналъ военныхъ дѣйствій 1771 года; вотъ предписаніе Румянцева князю Репнину отъ имени императора: «Уважаю невозможность, по дальнему разстоянію, руководствоваться дѣйствіями войскъ, вамъ вверенныхъ въ Валахію, предоставляю это благо разумію вашему съ замечаніемъ, чтобъ въ случаѣ увеличенія силы непріятельскихъ, не взирая на его превосходство, предпочитете славу оружія предъ всеми земными выгодами; несподобително, умножить всю его покушенія и чрезъ то доставить защиту и безопасность занимаемому краю». Тутъ и доверенность къ полномочному и обязательному приказанію, достойное кагульского героя: вѣдь предписаній вы много найдете къ начальникамъ отдѣльныхъ корпусовъ.

3) «Честолюбивый, завистливый къ славы подвигамъ, до того, что стонетъ быть устранимъ ескадо, кто былъ ему опасенъ дарованіемъ.»

На «честолюбивый» я буду отвѣчать стихомъ Мухоморова (*): «честолюбивъ, но таковы есь люди. Честь и слава тому, кто честолюбие свое сосредоточилъ въ славу и блага родины, кто на алтарь атому святому чувству принесъ все свои помыслы, всю дѣятельность души своей. Этого честолюбія нашъ знаменитый вѣкъ не понимаетъ; ему нужно золото; для него онъ готовъ осквернить гробы отцовъ своихъ, погнать доблесть, влечь въ грязь достоинство. Вы, г. Полевой, не любите ни честолюбія Румянцева, ни честолюбія Владимира Мономаха, этого прекраснаго, отраднаго явленія нашей древней исторіи, во дни великокозаческихъ раздоровъ и смутъ; ваша историческая труба славитъ честолюбіе Косачева, а не такое и ничтожное честолюбіе. Кому могъ завидовать Румянцевъ? Ни вокругъ его, ни вдали не было полководца ему равнаго, одинъ Фридрихъ-Великій могъ оспаривать на ему первенства, и никто болѣе. Молодыя дарованія, въ его школѣ образовавшіяся, не могли догнать славы героя, увѣнчанаго лаврами дивныхъ побѣдъ, и онъ не удалялъ ихъ, не преслѣдовалъ, но давалъ просторъ, давалъ имъ средства развиваться и вѣрнать. Вейсманъ, примѣчательное, можно сказать великое дарованіе того времени, многое сдѣлавшее, еще болѣе обещавшее сдѣлать, былъ младшимъ въ чинѣ, имелъ первое мѣсто въ битвѣ, лучшее назначеніе; онъ командовалъ лѣвымъ крыломъ арміи въ 1771 году, былъ правою рукою Румянцева въ кампаніи 1773 года; онъ водилъ полкъ въ побѣдѣ, когда старшіе генералы состояли при главной квартирѣ, а если онъ палъ въ битвѣ, палъ какъ герой, то и Эпимачидъ и Гусакъ-Адальсъ, подобно ему, пали, и къ смерти Вейсмана медаль обвѣнчалъ Румянцева. Послѣ Вейсмана, Румянцевъ лучшимъ генераломъ въ арміи признавалъ Суворова, постигалъ его великое будущее (**), но не могъ терять своеволія, и побѣдителя Турковъ при Туртукѣ преддалъ сулу. Безпреложное повиновеніе приказаніямъ начальствующаго — основной законъ войны; нѣтъ повиновенія — нѣтъ и того нравственнаго состоянія въ войскѣ, которое ведетъ его къ побѣдамъ. Самъ Суворовъ созна-

(*) Проводя Везнера.

(**) Въ дописаніи императрицы говорится: «представляю вашему императорскому величеству безпримѣрный законникъ безпримѣрнаго Суворова.»

валъ вину свою и говорилъ, что въ древнемъ Римѣ подвергся бы на-
казанію (*).

4) «Румянцевъ былъ угодливъ предъ людьми случайными; строгъ и
уклончивъ въ обращеніи.»

Не зная Румянцева, не могу сказать, справедливы ли эти черты его
характера; только могу увѣрить, что никто не читалъ писемъ нашего
знаменитаго полководца къ временщикамъ и ихъ приближеннымъ, въ
которыхъ бы бы испрашивалъ ихъ покровительства. Кто былъ сильнѣе
у престола великодушнаго князя Тавриды, но Румянцевъ не унижался
предъ нимъ и былъ въ постоянной неприязни. Румянцевъ былъ луч-
шее украшеніе вѣка Екатерины-Великой, обильнаго людьми знамениты-
ми, не имѣлъ себя равнаго по дѣламъ войны, уваженъ великою мо-
нархиней, почтенъ согражданами, слѣдовательно, не имѣлъ нужды въ
униженіи. Думаю, что и эта выходка принадлежитъ къ тысячѣ-и-одной
лжи, которыми стараются очернить одно изъ лучшихъ именъ нашей
военной исторіи. Вы сами, г. Полевой, говорите, что Румянцевъ про-
слезился, услышавъ о смерти Потемкина, злѣйшаго врага своего; при-
бавлю къ этому: послѣ кагульской битвы, проѣзжая поле сраженія, по-
крытое горами труповъ, онъ заплакалъ; принцъ Брауншвейгскій и другіе,
окружавшіе его, изъявляли удивленіе; тогда Румянцевъ отвѣчалъ имъ:
*я сражался, какъ солдатъ, побѣдилъ, какъ полководецъ, а плачу, какъ
человѣкъ!* (**). Эти черты доказываютъ доброту и величіе души—достоин-
ства, которыми не многіе великіе люди могутъ гордиться.

5) «Румянцевъ не умѣлъ возбудить къ себѣ любви войска.»

Ложь, ложь и тысячу разъ ложь—и противъ Румянцева и противъ
русскаго войска, всегда привнательнаго къ вождямъ своимъ. Нѣтъ; сол-
даты его любили, какъ отца, попеченіямъ котораго обязаны своимъ
существованіемъ; обожали, какъ героя, раздѣлявшаго съ ними боевые
труды и опасности, гордились имъ какъ гениемъ, подарившимъ ихъ
безсмертными побѣдами. По окончаніи кагульской битвы, полки при-
вѣтствовали его единодушнымъ крикомъ: *ты прямой солдатъ!* Эти име-
на даютъ они немногимъ своимъ любимцамъ; у насъ — Румянцевъ, у
Французовъ — Наполеонъ приобрѣли эти необыкновенныя титула.

• Можно было ожидать, говоритъ г. Полевой: что 1771 годъ поведетъ Рус-
скихъ къ побѣдамъ болѣе легкимъ, болѣе блестящимъ, слѣдствія конихъ будутъ
окончательны. Румянцеву вѣрно было перенести оружіе за Дунай и идти къ
стѣнамъ Царьграда, когда Орловъ подойдетъ къ столицѣ султанской по во-
лѣмъ Архипелага и князь В. М. Долгорукій со второю арміею овладѣетъ Кры-
момъ. Надежды не осуществились. Румянцевъ переходитъ за Дунай, но дѣй-
ствовалъ нерѣшительно, кончивъ походъ неважными битвами, взятымъ въ-
сколькихъ крѣпостей и возвращеніемъ въ Молдавію. Взглядъ на походы въ
1771 году и слѣдующихъ годовъ докажетъ справедливость нашихъ словъ.

(*) То-есть, безъ суда, по приказанію консула, былъ бы казненъ, или высѣченъ
розгами въ виду всей арміи — такъ строги были законы военные свободнаго Рима;
за то побѣда была неразлучна съ ихъ знаменами.

(**) Во войсхъ диспозиціяхъ къ бою Румянцевъ не забывалъ повторять, чтобъ не
привѣдали краскою крови и шашками побѣжденнаго.

Вторая армія поступила въ 1771 году подъ начальство князя В. М. Долгорукаго и ей предписано было занять Крымскій полуостровъ. Обладящая Кагулскою побѣдою и сѣбѣя кончить войну побѣдами, Екатерина велѣла морейдти Румянцеву за Дунай. Здѣсь оказались недостатки его, какъ полководца. Онъ готовился къ походу, но прежде началъ забирать дунайскія крѣпости. Зимою Русскіе взяли Журжу. Неосторожность Потемкина, искавшаго россійской славы, подъ знаменами Румянцева, ободривъ Турокъ. Они перешли на лѣвый берегъ Дуная, отняли у Русскихъ Журжу, отгѣснили корпусъ Русскихъ къ Бухаресту. Румянецъ не думалъ разгромить ихъ ударомъ, и только послалъ за Дунай Милорадовича и Вейсмана отыскать движенія непріятеля. Милорадовичъ захватилъ Мачинъ и Гирсово. Вейсманы двѣгали болѣе предписаннаго ему: — разорилъ Тулчи и Исаку, разбилъ войско Турокъ при Бабадагѣ, гдѣ находилась запасная артиллерія турецкая, и гдѣ было до 170 пушекъ. Эсену съ Потемкинскимъ также удалось разбить Турокъ, стремившихся къ Бухаресту; они укрѣпились за Дунай, — Русскіе снова взяли Журжу. Темъ кончилась компанія 1771 года.

Дѣла Румянцева, столь нерѣшительныя, привели въ недоумѣніе всѣхъ и огорчили Екатерину. Крымъ былъ завоеванъ Долгорукимъ. — Будъ рѣшительнѣе Румянцевъ, — ужасъ Турокъ кончилъ бы войну съ нами, усмирилъ Подольскъ, устранилъ Швецію, Пруссію, Австрію и прекратилъ интриги Франціи при дворѣ Оттоманскомъ. Мы видѣли какія важныя политическія сдѣлствія, предвидѣнія Екатерины согласиться на переговоры о мирѣ, произошли отъ нерѣшительной, скажемъ болѣе — неудачной войны Румянцева.

Вся обвиненія противъ Румянцева суть ни что иное, какъ извращеніе политическаго генія г. Полевскаго, который сочиняетъ планы военныхъ дѣйствій и военныя повелѣнія, распоряжаетъ судьбами войны и мира.

Повелѣнія о перенесеніи военныхъ дѣйствій за Дунай Румянцеву не было; намрѣнія идти къ султанской столицѣ его арміи и флоту не существовало. Вотъ планъ компаніи 1771 года: князь Долгорукій съ 40,000 арміею долженъ былъ завоевать Крымъ; прочія силы, морскія и сухопутныя, облегчать это завоеваніе. Согласно съ этимъ намрѣніемъ, Румянцеву было предписано охранять Бессарабію, Молдавію и Валахію, сдерживать Журжею и Турно и не допустить Турковъ подать Крыму сухопутную помощь. Флотъ съ этою же цѣлію обязанъ былъ действовать на водахъ Архипелага. Согласно съ этимъ планомъ размѣщены были полки первой арміи, въ которой подъ оружіемъ было 22,000 человекъ; лѣвый, правый флангъ подъ начальствомъ Олицы, а по сѣверу его — Эсенна, въ числѣ 12,000, для охраненія Валахіи и вѣствія Журжею и Турно; лѣвый, подъ начальствомъ Вейсмана въ Измаилѣ въ числѣ 6000 человекъ. Главннкомандующій съ 4000 набралъ централиную позицію въ деревнѣ Фальдешты, дабы можно было, въ случаѣ скопленія Турковъ на флангахъ, подкрѣпить угрожаемый пунктъ.

Румянцевъ и не думалъ переходить за Дунай въ 1771 году, ибо дѣла еще не доходило до повелѣнія г. Полевскаго, сочиненное въ 1843 году, и въ дѣланіи оного, спокойно изъ своей главной квартиры распоряжая военными дѣйствіями. Если онъ, вопреки его воли, началъ собирать крѣпости на лѣвомъ берегу Дуная, такъ въ этомъ была крайняя необходимость: Турки, владея Журжею и Турно, безпрятственно могли переходить въ Валахію и угрожать правому флангу арміи и краю, который былъ житницею русскихъ войскъ. Эту истину вы, г. Полевской,

не могъ постичь изъ событій шествовавшей кампаніи. Непріятель, пользуясь покровительствомъ этихъ крѣпостей, перевелъ въ Балахию 50,000, не былъ разбитъ Эссеномъ на-голову, и, потерявъ обозъ и артиллерію, подъ защитою Журжи переправилъ на правый берегъ Дунаи остатки войскъ, чего не могъ бы сдѣлать, если Русскіе владѣли этою крѣпостію.

Теперь обратимся къ дѣйствіямъ румянцеваго арміи. Для достиженія цѣли кампаніи, онъ предпринялъ поиски на правый берегъ Дунаи, почему предписано было Вейсману изъ Ишанлы перейти эту рѣку и стараться истребить запасы непріятеля, собранные въ крѣпостяхъ придунайскихъ. Въ первый разъ Вейсманъ перешелъ съ 750 человекъ, взявъ штурмомъ и окончательно разорилъ крѣпость Тульчу, защищаемую 5000 Турковъ; въ другой разъ съ 1400 человекъ овладѣлъ Исаичею, которую обороняли 6000, и наконецъ, въ третій разъ съ 3000 вторично внапалъ на Тульчу, разбилъ 11,000 Турковъ, устремился въ глубь Булгаріи, поразилъ влущія къ Тульчѣ подкрѣпленія, взялъ Багоды съ главнѣйшимъ паркомъ артиллеріи и огромнымъ запасомъ боевыхъ снарядовъ, аммуниціи, оружія и жизненныхъ припасовъ. Милорадовичъ съ 1500 человекъ перейдя Дунай, разбилъ подъ Мачиномъ 8000 турецкій корпусъ, овладѣлъ артиллеріею, обозами, флотиліею и до основанія разрушилъ городъ. Подполковникъ Якубовичъ, посланный на поискъ съ 250 человекъ, разбилъ встрѣченнаго имъ непріятеля, взялъ восемь пушекъ и соединясь съ равносильнымъ отрядомъ полковника Тумашевскаго, взяли штурмомъ Гирсова, защищаемый 2000 гарнизона, подорвали крѣпость, на валахъ которой было 120 орудій, изъ которыхъ половину доставили въ главную квартиру, а остальные потопили въ Дунаѣ. Эти дѣйствія Русскихъ поселили такой ужасъ среди Турковъ, что они, при появленіи малыхъ отрядовъ, бросали города и бѣжали въ горы и лѣса (*). Были примары, что сторожевые отряды Русскихъ, перебираясь на правый берегъ, подходили къ крѣпостямъ съ сильнымъ гарнизономъ; но никто не смѣлъ выйти къ нимъ на встрѣчу, ограничиваясь канонадою съ крѣпостныхъ валовъ.

Румянцевъ въ точности исполнилъ свое предназначеніе въ кампаніи 1771 года и не только не допустилъ въ Крымъ сухопутной помощи, но съ своими, можно сказать, ничтожными средствами разбилъ 50,000 армію, взялъ на лѣвомъ берегу Дунаи двѣ крѣпости, а на правомъ разрушилъ шесть крѣпостей, истребилъ огромные склады запасовъ, овладѣлъ и потопилъ 100 судовъ, взялъ 280 орудій медныхъ и бронзовыхъ затопилъ и заклепалъ чугунныхъ, такъ-что верховный внаиръ долженъ былъ требовать крѣпостной артиллеріи изъ азійскихъ провинцій. После этого надо удивляться не нерышительности дѣйствій Румянцева, а рышительности г. Полеваго искажать событій, чтобъ имѣть возможность хвастаться знаменитаго полководца, подвигами своими приносящаго государству неисчислимыя выгоды. Что жъ после этого исторія? Сказка!

(*) См. в Журналѣ военныхъ дѣйствій 1771 года, показаніе плѣнныхъ.

«Онъ былъ однокороль укрѣпкъ (г. в. Румянцевъ) что Турки согласятся на миръ, какой имъ предпишутъ, и Екатерина видитъ необходимость заключить миръ. Но Турки уже оправившись отъ страха и Екатерина понимала, что услуги Суворованыя — значить увязать себя въ глазахъ Европы и ободрить заграничныхъ Россій. Она была уверена, что Румянцевъ не понимаетъ своего положенія; — предложила Туркамъ выгоднѣе условія и не боялась расторгненія Фокшанскаго Конгресса, совершенно сшибавшаго предположенія Румянцева. — Онъ не готовился къ войнѣ предыдущій годъ, проведенный въ переговорахъ; давши разстроилъ свое войско и не зналъ, что дѣлать когда Екатерина снова предписала ему идти на Дунай. — Съ большею прежняго нерѣшительностію пристудилъ онъ къ войнѣ. Турки собрались въ огромныя силы; Румянцевъ велѣлъ и началъ рекогносцировку, — порекомендовалъ же Потемкину, не можетъ быть потому, что не боялся упрека за неудачу его, — а Вейсманну потому, что онъ былъ Вейсманнъ, такъ неудачи не могло быть.» (Стр. 53).

Румянцевъ увѣренъ, что Турки согласятся на миръ; Румянцевъ видитъ, что Екатерина должна заключить миръ. Помните, г. Полевой! развѣ Румянцевъ былъ правитель какого-либо государства, что могъ влиять и определять политическія событія Россіи. Онъ былъ полководецъ императрицы Екатерины, орудіе ея воли; она велѣла быть имъ стрѣломъ — онъ былъ; приказала остановить военныя дѣйствія — громъ Румянцевъ безмолвствовалъ. Румянцевъ, находясь въ степяхъ Бессарабіи, не былъ участникомъ въ царскихъ совѣтахъ, еще менѣе имѣлъ вліянія на политическія сношенія имперіи. На этомъ поприщѣ у престола Екатерины былъ столь же великій дѣятель, какъ и Румянцевъ не могъ быть, — графъ Панинъ, котораго гениальныя способности и сила характера не допустили бы ничего вреднаго и предосудительнаго для Россіи. Если бы вы, г. Полевой, добросовѣстно изучили событія того времени, тогда бы не знали въ злословіе противъ великаго человека, котораго блестящія подвиги даже въ кампаніи 1771 года заставили требовать Турецкую-Имперію и просить мира.

Отоманская Порты, ошеломленная побѣдами Румянцева, открывшая вторженію разрушеніемъ придунайскихъ крѣпостей, безъ артиллеріи, безъ запасовъ, безъ средствъ къ защитѣ, угрожаемая внутреннимъ возстаніемъ, желала мира, желала искренно. Это желаніе, подкрепленное ходатайствомъ и настояніемъ Австріи, Франціи, Пруссіи, Англіи и Нидерландовъ, соответствовало намѣреніямъ Екатерины, которая еще въ исходѣ 1770 года писала къ Вольтеру: «Я желаю мира отъ всего сердца, желаю не потому, чтобъ видѣла недостатокъ способствъ къ продолженію войны, а потому что кровопролитіе несообразно съ своимъ чувстваніемъ». Императрица предложила тяжкія условія Турціи не потому, какъ вы говорите, что была увѣрена, что Румянцевъ не понимаетъ своего положенія, но потому что подвиги Румянцева, выходящіе изъ ряда самыхъ блестящихъ, и положеніе Порты, доведенной имъ до крайности, давали ей поводъ думать, что всякое условіе, предложенное ею, будетъ принято. Этотъ расчетъ былъ вѣренъ, и желанія Екатерины, конечно, исполнились бы, если бы Австрія своими внушеніями (*), а Франція обѣщаніемъ помощи, не отклонили Порту отъ заклю-

(*) Австрія, утраченная завоеваніемъ Крыма и успѣхами Румянцева, заключила миръ съ Портою союзъ и начала соединяться.

ченія мира; они учили ее тянуть переговоры, чтобъ выиграть время и приготовиться къ войнѣ.

• Оиъ (т. е. Румянцевъ) не приготовился къ войнѣ нѣдѣй годъ, проведенный въ переговорахъ, даже разстрелялъ свое войско и не зналъ, что дѣлать, когда Екатерина снова предписала ему идти на Дунай. »

Не Румянцевъ долженъ былъ готовиться къ войнѣ, а правительство; но оно бездѣйствовало, надѣясь, можетъ-быть, на заключеніе мира. Мы видѣли, что, при началѣ кампаніи 1771 года, армія Румянцева состояла изъ 22,000 человекъ; но въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ ней не было и 14,000 человекъ; остальные погбли отъ повальныхъ болѣзней. Лицеградки и горячки, столь вредныя для русскаго солдата, свирѣпствовали на Дунаѣ со всею силою (*). Румянцевъ въ теченіи 1771 и 1772 годовъ не получалъ въ подкрѣпленіе почти-несуществующей арміи ни одного солдата, ни одного рекрута, и полки обезсмыслили до того, что во многихъ не было подъ ружьемъ и 150 человекъ, а оиъ долженъ былъ охранять Молдавію, Валахію и Бессарабію и имѣть гарнизоны въ некоренныхъ крѣпостяхъ,

Поднимае ли, г. Полевой, что не отъ румянцевой вины армія не могла идти за Дунай? Впрочемъ, и это повелѣніе родилось отъ дѣшкѣ воображенія, а въ существѣ его не было и не могло быть. Императрица Екатерина, видя, что Турки стараются только продлить бездѣйствіе Русскихъ, приказала прекратить напрасные споры конгресса и начать военныя дѣйствія, т. е. объявила продолженіе войны. Переговоры же были прерваны поздно осенью, когда нѣтъ никакой возможности въ Турціи открыть кампанію, тѣмъ менѣе переходить рѣку, подобную Дунаю, на которой находилась сильная турецкая флотилія, и Турки, какъ вы сами говорите, на противоположномъ берегу были въ огромныхъ силахъ. Порты не бездѣйствовала въ теченіе 1772 года, а подлауясь остановкою военныхъ дѣйствій, съ помощью французскихъ инженеровъ привела крѣпости въ лучшее положеніе, чѣмъ оиѣ были до войны съ Россією; снабдила ихъ артиллерією и всѣмъ нужнымъ для продолжительной обороны.

Еслибъ императрица Екатерина открыла переговоры и, не останавливая военныхъ дѣйствій, подкрѣпила Румянцева 25,000 армією Додгорукаго, которая была расположена въ Малороссіи въ совершенномъ бездѣйствіи (**), тогда бъ вопросъ о мирѣ, при упорствѣ Турковъ, могъ решиться въ стѣнахъ Адрианополя или Константинополя; тѣмъ болѣе это вѣроятно, что оборонительныя средства Порты въ 1772 году были въ дурномъ состояніи.

«Въ такомъ положеніи находились дѣла Русскихъ на Дунаѣ, когда въ арміи явился Суворовъ.» Суворовъ явился не въ это время, а въ мѣсѣ 1773 года, и это явленіе не обратило на себя вниманія и не произвело никакого вліянія на ходъ военныхъ дѣйствій.

(*). Смори Журналъ военныхъ дѣйствій за 1771 годъ.

(**) Въ Крыму былъ оставленъ корпусъ князя Щербатова, названный крымскимъ дивизією, состоявшій изъ 10,000 пѣхоты и 3,000 кавалеріи.

«Напросившійся на службу въ дѣйствующую армию Суворовъ былъ встрѣченъ холодно. Румянцевъ не оказалъ ему никакого отличія и назначилъ его въ корпусъ Салтыкова, охранявшій лѣвый берегъ Дуная отъ Туртука до Гирсово.» Напротивъ; Румянцевъ зналъ Суворова въ прусскую войну, зналъ о дѣлахъ его въ Польшу и принялъ радушно, какъ удостоверяетъ «Исторія Суворова» г. Булгарина. Какое же отличіе могъ оказать генерал-фельдмаршалъ Румянцевъ прибывшему въ армию его генерал-майору Суворову? Это предоставляю рѣшить вамъ г. Полевой.

«Суворова мы уже знаемъ; но его послали съ небольшимъ отрядомъ наблюдать Турокъ, бывшихъ въ Туртукаѣ, какъ-будто какого-нибудь сродоваго, ничтожнаго генерала.»

Въ военное время на постъ въ виду непріятеля посылаютъ не ничтожныхъ генераловъ, но тѣхъ, которыхъ благоразуміе, дѣятельность и храбрость могутъ ручаться за сохраненіе его и охраненіе безопасности арміи: чѣмъ опаснѣе мѣсто, тѣмъ отличнѣе назначается офицеръ—это основное правило войны. У Суворова было два конные караверные полка, сотня донскихъ казаковъ, четыре орудія и астраханскій гренадерскій полкъ,—въ строю до 2,000 человекъ, а весь корпусъ Салтыкова состоялъ изъ 10,000, изъ котораго отдѣлены были гарнизоны въ Турно, Журжу и на другіе посты на берегу Дуная; следовательно, онъ далъ болѣе, чѣмъ могъ, и болѣе, чѣмъ нужно было. Въ арміи Румянцева тысячный отрядъ былъ очень-сильный и производилъ дѣла, на совершеніе которыхъ, въ послѣдующее время, употреблялись цѣлые корпусы.

Теперь приступимъ къ рассмотрѣнію кампаніи 1773 года, противъ которой г. Полевой открылъ чернильную канонаду,—вслушаемъ его:

Рекотвоспиря правый берегъ Дуная, Потемкинъ занялъ Гирсово. Вейсманъ, снаряженный также для овозначенія непріятеля, устремился на Силистрію, напалъ на лагерь турецкій близъ Карасу и завладѣлъ имъ. Турки свинулись къ Силистріи. Румянцевъ велѣлъ переправляться за Дунай, назначивъ для того Гирсово, и отбѣнилъ приказаніе, назначая Гурабадъ въ 30 верстахъ ниже Силистріи. Здѣсь стояло до 12,000 Турокъ. — Вейсману велѣно было осмотрѣть положеніе непріятеля. Имѣя не болѣе 4000; онъ напалъ на турецкій лагерь и овладѣлъ имъ. Дорога была очищена. — Войско Русское переправилось 12 іюня. Потемкинъ начальствовалъ лѣвымъ крыломъ, Ступакъ — правымъ; при немъ былъ Вейсманъ, прикрывая главную армию. Тридцать тысячъ Турокъ выступило изъ Силистріи. Вейсманъ встрѣтилъ ихъ, воцаривъ обратно въ городскія укрѣпленія и хотѣлъ штурмовать и взять крѣпость. Румянцевъ оставилъ его, располагаясь осаждать Силистрію правильно и, не отваживаясь на штурмъ, медлилъ три дня, далъ время снова ободриться Туркамъ и рѣшился опера прогнать войско, охранявшее Силистрію и расположенное вокругъ нея лагерьми. Потемкину и Вейсману поручено было нападеніе. — Первый смятъ былъ сильнымъ ударомъ непріятеля и отступилъ въ безпорядкѣ — Вейсманъ ворвался въ ретраншаменты Турецкіе и овладѣлъ имъ. Слыша, что еще 8000 Турокъ свѣдѣтъ изъ Баварджика, онъ обратился на нихъ и разбилъ ихъ. — Казалось, ничто не препятствовало дѣйствіямъ рѣшительнымъ; — но не такъ думалъ Румянцевъ. Снова началъ медленіе, и конечно, никто не могъ предвидѣть страннаго окончанія дѣла за Дунаемъ: Узнавъ, что Сераскиръ Нуманъ Паша свѣдѣтъ къ Силистріи отъ Шумъ съ 20,000 и находится въ Кучумъ-Кайнарджи, побѣдитель Кагульскій велѣлъ

воспѣшно отступать за Дунай, не отважившись сразиться съ войсками Сера-скира. — Вейсманъ былъ призванъ къ Румянцеву и получилъ приказъ прикрыть отступленіе арміи. Почтительно изъявляя оъ семѣйно о малочисленности своего отряда — у него было только 5000. — Но въ самъ моментъ наступали ты-сячи съ усиленной силой Румянцевъ, Вейсманъ повзвонился. Опасаясь на-тиска Турокъ, онъ рѣшился идти на встрѣчу Сераскира, — и все уничтожилось предъ нимъ. (Потомъ описана смерть Вейсмана.)

Изъ этого описанія всякій военный можетъ сделать три заключенія: 1) Румянцевъ былъ плохой полководецъ: у него отряды и подчинен-ные дѣйствуютъ наудачу и произвольно. 2) Кагульскій герой былъ трусъ — онъ боялся отъ 20,000 Турковъ. 3) Онъ не былъ и писателемъ подъ веденіемъ. — Но все это относится къ собственному содѣянію г. Полеваяго, глубоко-проникнутаго погодованіемъ къ Румян-цеву.

Планъ кампаніи 1773 года предполагалъ: перейти Румянцеву за Ду-най, взять Силестрію и далѣйшими дѣйствіями противъ Турковъ при-нудить ихъ къ миру. На Кубани выставили корпусъ въ 8,000. Князь былъ охранникомъ войскамъ; находившимся подъ начальствомъ князя Шерботова, — а вторая армія князя Долгорукаго, въ числѣ 25,000 че-ловѣкъ, поставлена резервомъ у магнитрейскаго шенка, гдѣ въ теченіе всей кампаніи простала безъ нужды и дѣйствія.

Румянцевъ представлялъ всю невозможность перенести военныя дѣй-ствія за Дунай и усиленно дѣйствіемъ по малочисленности своей арміи; требовалъ, если не уступить, то во крайней мѣрѣ удѣлить его силы — ниче не ручался за успѣхъ. Но ему напомнили о Кагулѣ, о припадкѣ Румянцъ не считать числе враговъ, а искать ихъ. Это прекрасно на-писано, прекрасно и потому, что выказываетъ душу Екатерины, про-никнутую величіемъ и силой, — но недостаточно для успѣховъ на войнѣ; для этого нужны солдаты, деньги и продовольствіе, а ничего этого Ру-мянцеву не присылали. Чтобы судить о справедливости требованія Ру-мянцева, разсмотримъ состояніе дѣйствующихъ арміи.

Мы видали численность русскихъ войскъ въ 1772 году; полки, пополненные выдворившимися и прибывшими изъ Польши частями, со-ставили до 22,000 строевыхъ и нестроевыхъ, регулярныхъ и нерегуляр-ныхъ войскъ; въ апрѣлѣ 1773 года, прибыло 12,000 рекрутъ (°), обе-спеченныхъ дальними путями и дурнымъ содержаніемъ, въ оборванной крестьянской одеждѣ и обуви. Следовательно, армія состояла изъ 22,000 солдатъ и 12,000 мужиковъ, необученныхъ, неприготовленныхъ къ не-редесенію военныхъ трудностей, едва обученныхъ къ открытію военнымъ дѣйствіямъ. Румянцевъ долженъ былъ оставить сильный ко-рпусъ для охраненія Молдавіи и Валакіе, гарнизонъ въ Имамъ и съ остатками войскъ перенести военныя дѣйствія въ Булгарію, усиленную арміями и защищаемую 200,000 Турковъ.

Порта, пользуясь перемѣнами, дѣятельно приготовилась къ войнѣ;

(°) Изъ 20,000, которые были посланы, 8,000 умерли и оставлены на дорогѣ во-вѣдѣнныи мотъ худого содержанія и присмотра.

она собрала огромныя силы и наученная опытомъ прошедшаго, что не въ силахъ бороться съ Русскими въ поле, избрала другой образъ войны, болѣе свойственный устройству и духу ея войска. На берегу, противоположномъ Журжу, было расположено 20,000 человекъ; въ Силистріи, лежащей на главномъ пути военныхъ дѣйствій, поставлено 30,000 въ сильныхъ окопахъ, устроенныхъ вокругъ города; въ Русука, какъ она была втораго пути для военныхъ дѣйствій, — 20,000 гарнизона; въ Варна, обороняющей третій путь къ Константинополю, но удобной для дѣйствій того, кто господствуетъ на водахъ Чернаго-Моря, гарнизона 10,000; съ оставшимися силами верховный князь расположился въ Шулюе, имея предъ собою сильныя корпусы, дозволяющіе подавать помощь угрожаемому месту. Все это, какъ мы выше говорили, было приведено въ превосходное оборонительное состояніе и снабжено всего необходимымъ для выдержанія продолжительной осады.

Лучшаго плана для обороны предумать нельзя, особенно для Турковъ, превосходно знакомыхъ крѣпості. Условия обороны отличались. Порта старалась возбудить въ нравственную силу народа; было издано имяна Мухаммеда, и все мусульмане призваны къ защитѣ веры. Вотъ союзное оружіе, дозволяющее вступить въ борьбу. После этого, не въ правѣ ли былъ Румянцевъ предсказывать неудачу штурма?

Генераломандукий, оставя 10,000 подъ начальствомъ Салтыкова для окрестнаго Валадія, съ 24,000 открылъ военные дѣйствія. Переправляя армію назначалъ у урочища Гуробадъ. Войска должны были, перейдя Дунай у Намалиа, очистить путь къ переправѣ. Они приближались къ ней, когда уже Потемкинъ съ черкоческими войсками находился на противоположномъ берегу, и немедленно началъ перевозить войско. Румянцевъ съ отрядными войсками и обозами перешелъ 12-го іюня. Австрийскій генералъ Вейсманъ, и на другой день войска двинулись тремя колоннами. Неизвѣстно, отброшенный Вейсманомъ у Карасу, получивъ подкрепленіе, усиливъ нападеніе, спорилъ каждый шагъ, но былъ совершенно разбитъ у озера Галицы, въ пяти верстахъ отъ Силистріи. Неизвѣстно, изъ 12,000 потерялъ 3,000 убитыми, и убитый съ лагеря взять штурмомъ со всю артиллерию. Могло быть, что далъ далъ поведъ г. Полевому сказать, что 30,000 Турковъ выступили изъ Силистріи. Вейсманъ, вступая въ войну, возмалъ обратитъ къ верховной управленію, и когда штурмовать и взять крѣпость; но Румянцевъ остановилъ все, решившись осадить Силистрію правильно, но отлагивался на штурмъ и пр. Этого, какъ видите, ничего не было и не могло быть. Вейсманъ, взявъ урочисный лагерь у Галицы, остановился, ожидая армію, ибо не гдѣко, штурмовать крѣпость, обороняемую 30,000 отборнаго войска, но и идти къ ней съ 4,000, когда армія была на поведѣ и не могла поддерживать своего авангарда, было бы величайшее безуміе, въ которомъ генералъ Вейсманъ не былъ замеченъ. Напротивъ, Рейсманъ былъ превосходный генералъ, скажу словами г. Полеваго: онъ могъ быть вторымъ Суворовымъ, и на подобное отчаянное дѣло могъ рвануться самъ, безъ остановки Румянцева, котораго съ нимъ и

на было. Армія медленно двигалась колонною—съ лѣва, почему Потемкинъ, начальствуя лѣвымъ крыломъ, 15-го числа въ полдень первый приближился къ Силистріи. Главнокомандующій, мало полагаясь на искусство Потемкина (*), находился между его колонною и колонною Ступишана, командующаго центромъ войскъ. Движеніе арміи не могло быть быстро: съ 13 по 15-е число она прошла двадцать-восемь верстъ, за что Румянцеву достается отъ г. Полаваго, а также и отъ г. Будгарина (**). Армія была такъ малочисленна, что сама должна была составлять прикрытіе для обозовъ, которые, заключаая въ себя осадную артиллерію съ парками, лазаретами, фурами, палаточными довозками и транспортами съ продовольствіемъ на цѣлую кампанію, тянулись на огромномъ пространствѣ и требовали неусыпнаго надзора и безпрестанныхъ остановокъ по дурной дорогѣ, гористой и испорченной непріятелемъ (***) .

При приближеніи Потемкина къ Силистріи, окруженной садами, завязался бой; Турки, пользуясь мѣстностію и будучи искусными стрѣлками, причиняли нашимъ величайшій вредъ. Потемкинъ повелъ войско на штыки; но каменные станы и заборы въ садахъ, отчаянно обороняемые втрое-сильнѣйшимъ непріятелемъ, остановили его стремленіе, и послѣ часоваго сраженія Турки вытѣснили Русскихъ; но главнокомандующій, прибывъ къ это мѣсто, покрывши отступающихъ тремя полками, и непріятель былъ выбитъ изъ садовъ, въ которыхъ Потемкинъ и укрѣпился. 15-го числа, армія, прогнавъ Турковъ, дѣя окоповъ расположенныхъ, заняла назначенныя ей мѣста, но по своей малочисленности не могла окружить крѣпости, обширно-раскинувшей свои твердыни. Турки, не могшіе помѣститься въ городѣ и окопахъ, разбили на двѣ версты лагерь вверхъ по теченію Дуная, примыкая правымъ флангомъ къ крѣпости, тогда-какъ отряды, отдѣленные отъ арміи верховаго визиря, занимали лѣса, близъ города лежачіе. Главнокомандующій отрядилъ три полка пѣхоты и почти всю кавалерію для прогнанія этихъ отрядовъ и для прикрытія осады со стороны Шумлы. Желая же болѣе стѣснить Силистрію, предполагая 17-го числа взять передовой окопъ, болѣе другихъ выдавшійся и огнемъ своимъ безпокоившій лѣвый нашъ флангъ. Вся армія стала подъ ружья, чтобы, по взятіи око-

(*) Румянцевъ зналъ это и долженъ былъ употребить его не изъ подлострастія къ Потемкину, какъ выставлялъ г. Полевой, а по приказанію свыше.

(**) Конечно, г. Будгаринъ, котораго историкъ упоминаетъ добросовѣстнѣе, заслуживъ въ подобное обвиненіе диктаторскими приговорами г. Полеваго. Но какъ-же видѣли еще только первая часть вашей исторіи, почему послушайтесь моего совѣта и не вѣрите: 1) разсказамъ и преданіямъ, на которыхъ вы и г. Полевой основываете свои сужденія; 2) исторіямъ, которыя пишутся на обумъ, безъ знанія дѣла и безъ изустнаго сообщенія.

(***) Военные понимаютъ эту трудность, но для историковъ и для героевъ нужны болѣе обстоятельныя убѣжденія; для нихъ должно и сказать, что при отступленіи прусской и австрійской арміи въ 1792 году изъ предѣловъ Франціи, войско генерала Клерфе не могло занять и даже поспѣть на назначенное мѣсто, потому-что, прикрывая обозъ бѣжавъ корпуса эмигрантовъ, въ тридцать часовъ прошли только полторы мили, хотя соединили сильнѣйшия свои отступавшіе. Подобныя приключенія имѣютъ въ военныя времена.

на, овладеть вторымъ рядомъ укрѣпленій и по мѣрѣ успѣха штурмовать самый городъ. Потемкинъ долженъ былъ взять окопъ, тогда-какъ Вейсманъ и Энгельстромъ съ своими колоннами съ-права обязаны были способствовать его дѣйствию. Нападеніе Потемкина было стремительно, но и оборона Турковъ отчаянна; они, сосредоточив на угрожаемомъ пунктѣ лучшее войско и въ превосходномъ числѣ, густою толпою ринулись на Русскихъ, смаяв Потемкина; но главнокомандующій приказалъ Вейсману послать съ-права ибаранскій пѣхотный полкъ, когда съ-лѣва самъ направилъ рѣзкій карабинерный, и непріятель, поражаемый съ фронта и фланговъ, былъ совершенно истребленъ, и окопъ взятъ съ орудіями. Въ пылу этой битвы, или, лучше сказать, рѣзни, получено извѣстіе, что непріятельскій корпусъ, смаявъ тѣмъ нашу кавалерію, вышедшую по дорогѣ къ Шумля, приближается къ Силистріи. Румянцевъ, отрядя Вейсмана съ первыми появившимися подъ руку полками, прекратилъ дальнѣйшее нападеніе: Вейсманъ въ сѣмь верстахъ отъ лагера разбилъ этотъ 10,000 корпусъ, посланный на помощь Силистріи. Генералъ Энгельстромъ съ 3,000, оставленный во взятыхъ 17-го числа укрѣпленіяхъ, былъ подверженъ безпрестаннымъ нападеніямъ; Турки, съчтено смѣлѣе связавши войска, производили безпрестанную перестрѣлку, прекращаемую только темнотою ночи. Схватка на этомъ пунктѣ 19-го числа была одна изъ ярочнѣйшихъ дѣйствій при насѣдствіи осады. Турки, въ числѣ 10,000, подъ руководствомъ изступлѣннѣе дерившей, при первыхъ лучахъ солнца, ринулись на окопъ; отчаянная оборона Русскихъ только усиливала ихъ ожесточеніе: они лезли на пѣшки и штыки съ острѣннѣе. Энгельстромъ былъ подорванъ; но Турки, усиленные новыми толпами, вытѣснили нашихъ изъ окопа и далеко отбросили, такъ-что герой Вейсманъ съ славнымъ артиллерійскимъ генераломъ Меллишо однимъ остались съ баттарейми и легкой-расположенными. Если, въ эту минуту успѣха, до подосѣвшихъ подкрѣпленій, непріятель не овладѣлъ ими, то это относится къ достоинству нашей артиллеріи, которая въ войнахъ Румянцева замѣняла численность арміи; онъ губительный огонь уничтожалъ цѣлыя массы турецкихъ силъ и заставлялъ уклоняться отъ ея дѣйствія. Не такова была кавалерія, какъ выше мы замѣтили, что болѣе удостовѣрило дѣло съ дватарадами сержантра Нумана-Паши, котораго верховный визирь послалъ съ 20,000 занять деолен, лежащія на пути отступленія Русскихъ къ Дунаю: Семь тысячъ турецкой кавалеріи, въ тридцати верстахъ отъ лагеря, напали на нашу кавалерію, находящуюся по дорогѣ къ Шумля, опрокинули ее и живо пресѣдовали, доколь не наткнулись на штыки пѣхоты, которая, принявъ въ интервалы разбитые эскадроны, отбѣгъ своимъ отбросила Турковъ. Румянцева не имѣлъ достаточныхъ силъ, чтобъ окружить Силистрію, тѣмъ менѣе могъ отважиться на общій штурмъ, который съ не чѣмъ иное, какъ выдержка:

Всучае въ этомъ случаѣ влечетъ за собою гибель арміи, особенно малочисленной, отдаленной отъ источниковъ подкрѣпленій рѣкою, подобной Дунаю, на которой непріятель имѣетъ сильную флотилію и когда противникъ со 100,000 связаго войска можетъ преградить отсту-

цпеніе. Румянцевъ никогда не дѣйствовалъ на авось и начево не предоставлялъ случайности, отъ-того съ малыми средствами производилъ дѣла изумительныя. Это можетъ доказать всякому знающему военное дѣло и настоящая осада Силистріи, недостигшая своей цѣли, потому-что есть обстоятельства, которыя никакой геній преодолѣть и отвратить не въ силахъ.

«Узнавъ», восклицаетъ г. Полевой: «что Серакиръ Нуманъ Паша спѣшилъ изъ Силистріи съ 20,000 и находится въ Кучукъ-Кайнарджи, побѣдитель Кагульскій велѣлъ поспѣшно отступать за Дунай, не отваживаясь сразиться съ войсками Серакира.»

Можно ли написать что-нибудь не уважительное этого? Нѣтъ, г. Полевой, герой кагульскій не устранился бы и 200,000, противъ него на разныхъ пунктахъ дѣйствующихъ, еслибъ они соединились и приняли сраженіе въ открытомъ полѣ; но онъ обязанъ былъ спасти армию отъ неминуемой гибели, когда непріятель, уклоняясь отъ боя, хотѣлъ запереть Русскихъ и безпрестанными нападеніями сокрушить ихъ силы. Главнокомандующій былъ извѣщенъ, что серакиръ съ 20,000 послалъ занять дефиле; 30,000 Турковъ выступили изъ Шумлы подкрѣпить его и дѣйствовать въ тылу нашей арміи, когда 30,000, обороняющія Силистрію, должны были усилить нападенія съ фронта. Самъ верховный вѣзиръ съ остальными силами готовился идти на Русскихъ. Планъ превосходный и, конечно, внушенный французскими офицерами, которыхъ много было въ арміи вѣзира. Что же могъ Румянцевъ противопоставить непріятелю на всѣхъ точкахъ нападенія? 13,000 своей пѣхоты (*). Самые блестящіе успѣхи надъ передовыми корпусами не принесли бы никакой пользы, и Русскіе, отрезанные отъ Дуная, должны бы были погибнуть отъ меча, болѣзней и голода. Промедля Румянцевъ сутки подъ Силистріею, тогда бъ онъ долженъ былъ бросить обозы, артиллерию и больныхъ и силою пробиваться къ переправѣ; но онъ въ отступленіи своемъ не потерялъ ни пушечнаго колеса; напротивъ, увезъ съ собою тридцать непріятельскихъ орудій, отбитыхъ въ сраженіяхъ. Только геній Румянцева, его вѣрный взглядъ на событія и мужественное хладнокровіе могли съ торжествомъ русскаго оружія выйдти изъ подобнаго положенія. Не взирая на малочисленность войскъ, на трудность борьбы съ силами, въ десять разъ его превышающими, направленными съ искусствомъ, сражающимися съ мужествомъ, — онъ вседѣ былъ побѣдителемъ.

Вейсманъ былъ призванъ къ Румянцеву и получилъ приказъ прикрыть отступление арміи. Почтительно онъ изъявилъ сомнѣніе о малочисленности своего отряда—у него было только 5000. Но вы сами стоите 15, сказалъ съ усмѣшкою Румянцевъ.

Вейсманъ не прикрывалъ, а отрывалъ отступление, т. е. начальствовалъ авангардомъ арміи. Серакиръ былъ на перерывѣ отступления, и

(* Въ это время, у Румянцева не было подъ ружьемъ и 17,000, изъ которыхъ 13,000 пѣхоты (Смотри переписку его съ императрицею Екатериною).

Вейсманъ съ генерал-квартирмейстеромъ Муромцовымъ были посланы очистить путь. Это сраженіе, упорное и кровопролитное, докажетъ вамъ, г. Полевой, что Турки не мухи, которыхъ, сидя въ кабинетъ, можно бить хлопущками, но войско храброе, когда имъ предводительствуетъ искусный военачальникъ. Они, уступая въ открытомъ полъ превосходству русскаго солдата, умѣютъ пользоваться гористою мѣстностью и даже противъ Русскихъ съ успѣхомъ обороняютъ крѣпости. Въ этомъ сраженіи они, нѣсколько разъ сбиваемые съ мѣста, опять устроивались и шли къ бою, и одна только отчаянная храбрость Вейсмана и Муромцева, которые сами водили на штыки полки и при видномъ ихъ замышлѣствѣ бросались въ пылъ битвы, вырвала победу изъ рукъ непріятеля. Но эта побѣда дорого стоила — жизни Вейсмана, убитаго пулею, раненаго Турками при возвращеніи его съ поля сраженія.

Вы, г. Полевой, не пощадили и неукоризненное имя этого героя. Вы, который, въ порывъ своей поэтической храбрости, съ 4000 разбил 30,000 Турковъ и тутъ же хотѣли штурмовать Силистрію, сильно укрѣпленную и мужественно-обороняемую, говорите теперь, что Вейсманъ изъяснилъ сомнѣніе о малочисленности своего отряда, когда ему дано было 5000 противу 20,000. Румянцевъ далъ болѣе, чѣмъ могъ: онъ долженъ былъ отрядить въ аріергардъ 4000 для прикрытія отступленія, ибо весь гарнизонъ Силистріи, вдвое-сильнѣйшій сравнительно всѣхъ его войскъ, налегалъ съ тыла; следовательно, что же составляло ядро арміи? Едва-ли 7000, которыхъ недостаточно было для прикрытія обозовъ и парковъ. Раскройте военныя лѣтописи наши, вы увидите, что Россія всегда выставляла сильнѣйшія арміи противъ Турковъ и никогда не достигала такихъ важныхъ результатовъ, не одержала такихъ знаменитыхъ побѣдъ, какъ во время войнъ, веденныхъ Румянцевымъ съ ничтожными средствами и силами. Екатерина вполнѣ знала достоинство своего полководца; она приказала воздвигнуть ему памятникъ предъ окнами своего любимаго дворца въ Царскомъ-Селѣ, и когда хотѣли окружить его дубовыми и асеновыми деревьями, приказала посадить сосну, говоря, что безсмертныя дѣла Румянцева требуютъ неуважаемой зелени (*). Преклонитесь предъ этимъ памятникомъ, г. Полевой, — онъ воздвигнуть величайшею изъ владыкъ земныхъ великому своему полководцу.

Но зачѣмъ эта выходка, что Румянцевъ съ улыбкою сказалъ Вейсману: «*Вы сами стоите пятнадцати тысячъ!*» Гдѣ вы ее подытали? Конечно, на томъ же рынкѣ, на которомъ говорили, что Румянцевъ не давалъ опредѣлительныхъ приказаній, сберегая извнненіе на случай неудачи.

• Когда воля Екатерины показывала Румянцеву путь къ побѣдамъ, а дѣла Вейсмана являли возможность ихъ, — вновь приближивъ въ армію чудакъ также задумалъ дать урокъ самолюбію главнокомандующаго.

(* Потемкинъ добивался этой чести, но его памятникъ поставленъ даже и въ саду дворцоваго, — такъ справедлива была Екатерина.

Въ чемъ же заключался этотъ урокъ? Развѣ въ неповиновеніи Суворова, который, вопреки приказанію главнѣйшаго, переѣхалъ Дунай съ 1500 человекъ и взялъ Туртукай, обороняемый 3000 Турковъ? Жалкій урокъ! Взятіе же Туртукай, послѣ подвиговъ Вейсмана, Милорадовича и Якубовича въ кампаніи 1771 года, едва-ли обратило на себя вниманіе современниковъ. Могъ ли Суворовъ, начинающій свое военное поприще, давать уроки кагульскому герою, въ школахъ котораго образовались и Суворовъ, и Вейсманъ и Кутузовъ (1) и много другихъ замѣчательныхъ военныхъ дарованій?

Въ тотъ день, когда въ Царскомъ-Селѣ подписаны были рескрипты о наградахъ Суворова, Румянцевъ, въ письмѣ, исполненномъ сътовариіа и жаждою на подобрежелателей, болѣзни, и непослушаніе Салтыкова, описывалъ положеніе Русской арміи едва способнымъ выдерживать битвы и не общающимся побѣдъ и торжества, и прѣч.

Все то, что писалъ Румянцевъ къ императрицѣ, была истина, событиями удостоверенная. Онъ при дворѣ и въ лагерь имѣлъ враговъ и завистниковъ — этихъ трупней человеческой породы, которые въ другомъ великія дѣла и заслуги, всякое даже благородное чувство считаютъ уфранною для своего ничтожества. Враги Румянцева старались вредить ему, не щадя государственныхъ выгодъ. Съ какими средствами велъ войну Румянцевъ? Съ горстью солдатъ, безъ денегъ, безъ продовольствія и обмундированія. Въ его геніи армія находила и побѣду и существованіе. Занявъ Молдавію и Валахію, онъ содержалъ и цѣплялъ армію сносами земли, не разоря, но нраведя еще въ цвѣтущее положеніе этотъ край, до котораго онъ не достигалъ подѣ владычествомъ Турковъ. Въ его войскахъ царствовалъ величайшій порядокъ и устройство, следовательно, онъ не разстроилъ его, какъ уярметъ г. Шеллековъ, не устроилъ и обучилъ, и никогда русская пѣхота и артиллерія отъ временъ Петра-Великаго не доходила до того совершенства и чистоты въ дѣйствіи, какъ при Румянцевѣ (2). Императоръ Павелъ I-й, бывъ еще великимъ княземъ, пьесольно развѣ изъавлялъ Румянцеву свое благоволеніе въ примѣрное состояніе войскъ, бывшій подѣ его начальствомъ. По недостатку боевыхъ снарядовъ, онъ долженъ былъ заставить верховныхъ мельницъ и отбитыми у неприятеля пулями и ядрами снабжать войско, часто напоминая подчиненнымъ генераламъ о ихъ обязанности, даже во время военныхъ дѣйствій. Недостатокъ денегъ онъ пополнялъ уравнильшимъ сборомъ съ обывателей занимаемаго имъ края,

(1) М. А. Кутузовъ, конечно, одинъ изъ лучшихъ полководцевъ своего вѣка, онъ давалъ полную справедливость Румянцеву: онъ янче не называлъ его, какъ «знаменитѣйшимъ».

(2) Румянцевъ, принявъ армію въ сильно-разстроеномъ положеніи, тотчасъ обратилъ вниманіе на ея обученіе, и особенно на обученіе пѣхоты и артиллеріи скорой и мѣткой стрѣльбѣ и стройности въ движеніи; на что прежде мало обращали вниманія, отъ чего эти части войскъ производили изумительныя дѣла; у него и штыкъ былъ молодецъ и пуля недурна. Думаю, что 20,000 превосходно стрѣляющей пѣхоты болѣе принесутъ въ настоящемъ дѣлѣ пользы, чѣмъ 60,000 стрѣляющихъ съ иллію — пуля виноватого найдеть.

и переломилъ 450 мѣдныхъ орудій, у непріятеля отбитыхъ и въ крѣпостяхъ вятыхъ. Такъ ли было во вторую турецкую войну подъ начальствомъ Потемкина? Онъ никогда не имѣлъ менѣе 100,000 подъ своимъ начальствомъ; вся Южная-Россія подвинута была на продовольствіе арміи. При осадѣ Очакова, войско получало ежедневно говядину, водку и по десяти копеекъ на человѣка, и всѣ огромные расходы по арміи производились изъ суммъ государственныхъ. Самый неуспѣхъ кампаніи 1773 года должно отнести къ вліянію на дѣла враговъ Румянцева. Для чего 25,000 армія Долгорукаго простояла цѣлое лѣто безъ всякаго дѣйствія, когда бы она дала Румянцеву средства рѣшить судьбу войны за Дунаемъ? Мы не должны за это винить императрицу Екатерину-Великую, которая была чужда интригъ и вліянія ея окружающихъ на политическія и гражданскія дѣла имперіи; но понятіе о войнѣ, о необходимости размѣщенія войскъ были чужды ея державному уму, и она по необходимости соглашалась съ тѣми планами, которые ей представляли люди, облеченные ея довѣренностію. Вся армія Румянцева, по окончаніи кампаніи 1773 года, едва-ли равнялась съ дивизіею князя Шербагова, въ Крыму расположенной. Посему, могла ли она выдерживать битвы и ручаться за торжество и победы противъ непріятеля, который, будучи въ десять разъ его сильнѣе, уклонялся отъ боя, и должно было искать его среди утѣсовъ и крѣпостей Бугаринъ?

• Суворова Румянцевъ перевелъ въ главный корпусъ и поручилъ ему общее дѣло: велѣлъ охранять Гирсово, занимаемое Русскими за Дунаемъ. — Воишка Суворову дано было менѣе 2500 человѣкъ, считая въ томъ числѣ нѣсколько сотъ казаковъ. Опасность была очевидная, хотя пользы никакой предвидѣть было не возможно.

Солдаты не сельди, г. Полевой, которыми можно начинивать крѣпости; гарнизоны назначаются по ихъ вмѣстительности. Сами Турки въ Гирсовѣ никогда не имѣли болѣе сего охраннаго войска. Следовательно, Суворову дано войска сколько нужно. Опасности никакой не было; Русскіе, владѣя лѣвымъ берегомъ Дуная, во всякое время могли подкрѣпить Суворова, или, въ случаѣ необходимости, Суворовъ переправиться къ своимъ. Нападеніе 11,000 Турковъ для русскаго гарнизона въ 2,500 человѣкъ составляетъ почти ничто. Доказательствъ этому вы много найдете въ нашей военной исторіи и между ними главное—оборона Очакова въ 1738 году (*).

Польза въ сохраненіи Гирсова очевидна даже не для военныхъ. Русскіе, владѣя укрѣпленнымъ мѣстомъ на правомъ берегу Дуная, стояли

(*) Вообще, вѣтъ, какъ судить я цѣлительно военныхъ подвиговъ нашихъ полководцевъ, вѣдѣно, что Очаковъ былъ взятъ Минихомъ. Когда Минихъ удалился къ Украйну, то оставилъ въ немъ 8,000 гарнизона, хотя Турки имѣли въ немъ 20,000 и Очаковъ былъ въ пять разъ обширнѣе Гирсова и отдѣлялся отъ предѣловъ государства отдалѣе болѣе чѣмъ на 1,000 верстъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ осталось Русскихъ 4,000, а въ ноябрѣ 3,000. Турки и Татары въ числѣ 40,000 осадили Очаковъ, своимъ частымъ приступамъ, но обываемые и перамаемые въ вылазкахъ, исторія въ 20,000, бѣжали.

на немъ твердою ногою и, при надобности, могли переправлять черезъ раку малые отряды, не боясь ихъ истребленія; для предстоящей же кампаніи они владѣли украинскою переправою.

• Но если сія битва Суворова (*) снова доказывала возможность победы, то все предпріятіе Румянцова показало, что гдѣ не было Суворова, побѣда доставалась не легко. — Главнокомандующій рѣшилца отправить часть войска за Дунай. Генералъ-Поручику Унгерну, опредѣленному на мѣсто Вейсмана, велѣно идти въ Иманла, а Генералъ-Майору князю Ю. В. Долгорукову изъ Гирсова, пока Потемкинъ будетъ беспокоить Турокъ пальбою по Силистріи и Слатыковъ станетъ угрожать Русуку, Суворову приказано находиться при Долгорукомъ. Онъ отвѣтилъ и на боюхъ просилъ увольненія. Можетъ быть, онъ осмѣлился замѣтить о безполезности предпріятія, назначаемаго безъ всякой цѣли, глубокою осенью. Румянцевъ, вѣрно, или дѣйствительно больной, находился тогда въ Брашовѣ. Онъ прислалъ увольненіе Суворову.

• Точнаго ничего предписано не было, говорилъ Долгорукій о своемъ задуманномъ походѣ. Соединясь съ Унгерномъ, онъ доспелъ до Базаржикъ и разбилъ небольшой отрядъ Турецк. Тогда получили новый приказъ Румянцова. На обмыворанію своему, онъ точнаго повелѣнія не давалъ, а писалъ: «нѣтъ ли возможности сдѣлать покушенія на Шумлу». Унгернъ отказался и пошелъ къ Варѣ посмѣтрѣть — не удастся ли ему сдѣлать какого похода на сію крѣпость. Долгорукій отаравился изъ Шумлы. На другой день начался дождь, разлилъ страшную грязь и Долгорукій съ трудомъ воротился изъ-за Дунай. Еще хуже поступилъ Унгернъ: онъ приближался къ Варѣ и думалъ штурмовать ее. Войско подошло ко рвамъ и тогда только замѣтили, что рвы глубоки и безъ шашинъ и лѣстиницъ стѣны Варвы недоступны.

• Суворовъ не отказался присоединиться къ Долгорукому, чего бы не могъ и не смѣлъ сдѣлать, вѣрно подвергся бы суду, а оскорбленъ атакой назначеніемъ, сказана больнымъ. Князь Долгорукій былъ старше Суворова въ чинѣ; этотъ поступокъ не дѣлалъ чести Суворову, который, чувствуя высшее свое призваніе, долженъ былъ примѣромъ своимъ показать необходимость подчиненности, особенно во время военныхъ дѣйствій. Соединеніе его съ Долгорукимъ и Унгерномъ могло дать средства къ лучшему успѣху самому безразсудному предпріятію, т. е. посылкѣ трехъ отрядовъ за Дунай, по 3,000 каждый, въ самую глухую осень для прогулки около крѣпостей съ сильными гарнизонами и безъ опоры въ случаѣ пораженія. Суворовъ не имѣлъ нужды, ни дерзости замечать главнокомандующему о безполезности предпріятія, какъ г. Полевой сочиняетъ, ибо не только Румянцевъ, геніальный полководецъ, который предсказывалъ неуспѣхъ перехода 24,000 въ самую лучшую для этого пору, но всякій, по вашему выраженію, «рядовой генералъ» могъ постичь эту безполезность. Эти отряды были посланы по предписанію изъ Петербурга, гдѣ также былъ Гофъ-Кригсъ-Ратъ, думавшій располагать военными предпріятіями. Вообще, до 1774 г. Румянцевъ былъ стѣсняемъ въ своихъ дѣйствіяхъ предписаніями и распоряженіями высшаго начальства и не имѣлъ никакого вліянія, не только

(*) Какія же битвы? Суворовъ ни одной не выигралъ въ первую турецкую войну. Битвами называються нелепые сраженія, а Суворовъ велъ только Тургулай и отразилъ 11,000 Турецк отъ Гирсова, а это, впрочемъ, въ войнѣхъ Румянцова ничего необыкновеннаго не составляло.

места ни надъ флотомъ, ни надъ другими частями войскъ, противъ Турковъ дѣйствовавшими.

Точнаго предписанія Румянцевъ не давалъ, да и не могъ дать по безразсудности самаго предпріятія, а еще болѣе по незнанію расположенія и численности войскъ непріятельскихъ; было изъ Петербурга предписано (должно полагать — по вліанію Потомина), слать поиски на Варну и Шумлу, а отъ Румянцева — стараться разсѣять Тураковъ, еще неоставившихъ сѣверной части Булгаринъ, и истребить склады непріятельскихъ запасовъ. Брать же Варну выдумалъ Унгернъ, желая прославиться необыкновеннымъ подвигомъ, и погубилъ половину своего отряда потерявъ артиллерію. Повторю еще: Румянцевъ, посылая отдельные отряды и корпуса, указывалъ цѣль предпріятія и обладалъ начальниковъ полною властію пользоваться обстоятельствами и съ ними соображать свои дѣйствія; онъ зналъ по опыту, что распоряденія, дѣланыя на нѣсколько сотъ верстъ, вредятъ делу и доставляютъ недостижатаго въ необходимость или не исполнить предвѣстнаго или быть послушникомъ, избравъ другія средства къ исполненію, или, наконецъ, исполнивъ въ точности, видѣть неудачу въ предпріятіи. Не то ли же самое видимъ мы въ предписаніи Суворова къ Римскому-Корсакову, при выхождѣ изъ Италіи въ Швейцарію: «наблюдать и отыскивать Массену, стоявшаго противъ него. Гдѣ и какъ должно намъ дѣйствовать — рѣшить должно нашимъ соображеніямъ.» (Исторія Суворова г. Полеваго, стр. 277).

Война за Дунаемъ 1771 и 1773 году оживила Турокъ. Они уже не боялись Русскихъ и дѣйствія Румянцева заставили улыбаться Фридриха, называвшаго прелеми побѣды его побѣдами кривыхъ надъ слѣпыми. — Русскіе, говорящіе объ немъ, понимаютъ ни кастраметачію, ни тактику.

Ни подсмотрѣнная г. Полевымъ улыбка Фридриха, который безъ кастраметачіи и тактики былъ битъ Русскими и доведенъ ими до отчаяннаго положенія, ни порицанія г. Полеваго не уменьшаютъ достоинства Румянцева и не уязвятъ его безсмертныхъ подвиговъ. Дѣйствія Румянцева за Дунаемъ, какъ мы выше говорили, въ 1771 году были самая блестящія; онъ вполне достигъ своей цѣли и не только не допустилъ Турковъ подать Крыму сухопутную помощь, но еще поселилъ между нами ужасъ. Вотъ что говорятъ объ этомъ цѣлныи: «Турки столько объята страхомъ, что коль-скоро свадаютъ о разъярѣ Русскихъ за Дунаемъ, выбѣгаютъ изъ городовъ въ лѣса, и что прель его уходомъ изъ Базарджика, городъ этотъ былъ пустъ четыре дня (*).» Кампанія 1773 года была неудачна, но не отъ вины Румянцева, чему также представлены доказательства. Фридрихъ-Великій, не зная ни плана кампаніи 1771 года, ни средствъ, какія даны были Румянцеву въ войну 1773 года, ни силъ, ни образа дѣйствій Турковъ, былъ несправедливый судья въ этомъ дѣлѣ, тогда-какъ г. Полевой представляеть изъ себя судью слѣпаго (**). Невольно вспомнишь стихъ Грибоедова:

• Вотъ наши строгіе цѣнители и судьи! •

(*) См. в Журналѣ военныхъ дѣйствій Румянцева 1771 года на 20 декабря.

(**) Любопытно видѣть, какъ г. Полевой судитъ и рѣшаетъ о всемъ и о всѣхъ безъ

«Екатерина усилила армию за Дунаемъ до 50,000 человекъ. — Взоры своихъ обратились на Румянцева. Отъ него ожидали побѣдъ: Европа, Екатерина, Россия, а оны совершенно упала духомъ. — Если кампанія 1771 и 1773 г. показывали недоумѣніе, нерѣшительность его, — по крайней мѣрѣ въ нихъ была цѣль, но въ планѣ дѣйствій Румянцева въ 1774 г. невозможно было видѣть никакой цѣли.»

походы; да-примѣръ, въ «Исторіи Петра-Великаго» отъ Карла XII называется безразсуднымъ наѣзникомъ, подражая Водьгеру, сказавшему, что этотъ Карлъ годился въ рядовые арміи Петра-Великаго. Но полно такъ ли? И какая слава Петру преодолѣть безразсуднаго наѣзника? Напротивъ, его слава заключается именно въ томъ, что онъ поборолъ великаго полководца. Карла XII не пеняли современники, еще же оффиціалъ потомки; злоба и несправедливость истерзали его имя, хотя среди недостатковъ, какъ государя, въ немъ видно много поучительнаго, какъ въ полководцѣ. Дѣла Карла изумляютъ смѣлостію и быстротою, но въ нихъ является не наѣзничество, а глубокое знаніе военного дѣла, превосходныя соображенія и усвоеніе тактическихъ правилъ древнихъ полководцевъ. Если бы не излишняя твердость характера, перешедшая въ упрямство, побѣда Карла надъ Петромъ была бы несомнѣнною. Въ военномъ дѣлѣ, Карлъ былъ выше своихъ современниковъ: Евгения, Мальборо и Петра; но Петръ былъ выше, несомнѣнно выше Карла, какъ государь, какъ мудрецъ, который не идетъ въ открытый бой съ судьбою, но преодоливаетъ ее терпѣніемъ и тяжкими жертвами. Избраніе Карломъ пути военныхъ дѣйствій на Малороссію была ошибка, но ошибка, протекшая отъ обмана, отъ незнанія вражды, раздѣлявшей Малороссію отъ Польковъ, отъ вѣковой распри и ненависти ко всему тому, что носило на себѣ печати единства вѣрованія. Будь Карлъ православнаго исповѣданія, — тогда бы событія явились въ другомъ свѣтѣ. Петръ, сознавая превосходство Карла, боялся сразиться съ нимъ, но старался утомить, истощить его силы, почему окружилъ своего противника опустошеніемъ. На тысячу верстъ пылали села, истреблялось все, что могло служить продовольствіемъ; миліоны жителей были лишены крова и пропитанія — какая ужасная жертва!.. Она была необходима для сохраненія независимости государства, но она же и доказываетъ превосходство Карла надъ Петромъ въ ратномъ дѣлѣ. Судя по боевымъ порядкамъ, принятымъ подъ Молтавою Карломъ и Петромъ, по ходу начала этого боя, Карлъ долженъ былъ разбить Ругаскихъ, не смотря на превосходство ихъ силъ, если бы могъ на боевомъ концѣ разлагать ходомъ сраженія и если бы въ моментъ прорванія имъ русской линіи не былъ окупуженъ ядромъ и замертво вынесенъ изъ стѣн. Пуля наканунѣ сраженія и ядро въ день полтавской битвы рѣшили споръ Петра съ Карломъ, который не кончился бы на поляхъ Полтавы. — Г. Пелевой обвиняетъ Карла въ ускореніи шаговъ Полтаву; но Полтава, какъ укрѣпленное мѣсто, была необходима для Шведамъ; при углубленіи въ Малороссію, для обезпеченія сообщенія съ Польшею и Крымомъ, обширнѣе присоединить къ Карлу 100,000 наѣзниковъ. Отдадимте каждому свое: Петръ былъ величайшій государь, каковаго не было и, можетъ-быть, не будетъ въ мѣрѣ; это наша слава и гордость! Карлъ былъ велишій полководецъ своего вѣка, хотя уступилъ ей собой отъ могучаго благосостоянія и славы Швабціи. Петръ былъ остроумецъ и предусмотрительный передъ Карломъ, какъ ученикъ, передъ учителемъ; но посмотрите на доходъ его въ Турцію — вы удивитесь опрометчивости и необдуманности. Напрасно неудачу слагаютъ на Кантемира и Бранкована: Петръ не долженъ былъ имъ вѣрять, видя примѣръ въ Мазепѣ, и еще болѣе — составлять планъ военныхъ дѣйствій, котораго невозможно было привести въ исполненіе безъ неогромной арміи. Г. Пелевой обвиняетъ Шереметева, что отъ его нерѣшительности и робости погибъ планъ войны («Исторія Петра-Великаго», т. III, стр. 159); напротивъ, мы должны хвалить Шереметева, что онъ не переправился за Прутъ для движенія прямо къ Дунаю, а обратился въ Яссы, гдѣ, при всей скудости продовольствія, могъ еще собрать для арміи что-нибудь и имѣть какую-нибудь опору для дальнѣйшихъ дѣйствій; углубивъ онъ въ Бессарабію, которая представляла безводную и бесплодную степь, тогда бы Русскіе, запертые въ дефилеяхъ между Дунаемъ

И не напрасно взоры всѣхъ обратились на Румянцева: онъ вполне оправдалъ довѣренность своей монархини, избравшей его орудіемъ своей славы, и вниманіе Европы, удивляе ее своими безпримѣрными въ военныхъ лѣтописяхъ дѣланіи. Кампанія 1773 года удостоверяла императрицу Екатерину, что для побѣдъ нужны не слова, а солдаты, для успѣха — полная власть главнокомандующему. Въ теченіе зимы армія усилена до 52,000 человекъ, полками, прішедшими изъ Польши и рекрутами, прибывшими въ главную квартиру въ декабрь мѣсяцъ. Ранній приходъ рекрутскихъ партій далъ возможность приготовить ихъ къ открытію военныхъ дѣйствій. Румянцевъ облеченъ былъ полною властью дѣйствовать по своему усмотрѣнію и избрать путь дѣйствія, какой заблагоразсудитъ.

Главнокомандующій, оставя въ Валахія 14,000 человекъ, изъ которыхъ 12,000 должны были дѣйствовать за Дунаемъ противъ Рушукъ, съ 38,000 перенесъ театръ войны за Дунай. Непріятель былъ въ тѣхъ же силахъ и опредѣлялъ для себя тотъ же кругъ дѣйствій, какой и въ прошедшемъ году. Турки, полагая, что Русскіе осадятъ Силистрію, еще болѣе усилили оборону ея, и самъ верховный визирь съ 80,000 расположился лагеремъ въ Шумлу и ея окрестностяхъ. Румянцевъ, развязанный въ своихъ дѣйствіяхъ, предполагалъ запереть верховнаго визиря въ горахъ Булгаріи, лишить его продовольствія и подкрѣпленій, получаемыхъ имъ изъ Варны и Адрианополя и прервать всѣ его сообщенія съ Рушукомъ и Силистрією, въ которыхъ было гарнизона до 60,000. Этотъ гигантскій планъ могъ родиться только въ умъ Румянцева и имъ быть исполненъ.

Требовалось величайшей тайны. Никто въ арміи не зналъ о намѣреніяхъ главнокомандующаго; напротивъ, всѣ съ Туркаин думали, что ударъ обратится на Силистрію. Салтыковъ, съ правымъ крыломъ арміи, въ числѣ 16,000 человекъ, долженъ былъ окружить Рушукъ и прервать сообщеніе его съ Силистрією и Шумлою; Каменскій, съ 10,000 человекъ лѣваго фланга, переправясь у Изманла, ко 2 іюня быть въ Базарджикѣ; Суворовъ, назначенный на усиленіе корпуса Каменскаго, съ 8,000 выступя изъ Гирсова, взять направленіе, угрожающее Силистрію, 2-го же іюня занять Кучукъ-Кайнарджи и ожидать отрядовъ центра арміи и дальнѣйшихъ приказаній (*). Точность, съ какою произведены

и Пруткомъ, не имѣя продовольствія, ни укрѣпленнаго мѣста, излуренные голодомъ и зноемъ, должны были погибнуть. Впрочемъ, положеніе Петра въ Молдавіи не было безнадѣжно; его отступленіе испортило все и дало нравственное преимущество непріятелю. Вудь на мѣстѣ Петра Карлъ, — онъ не побоялся бы напасть на Турковъ, разбить ихъ, отбросить за Дунай и утвердиться въ Молдавіи и Валахія. Такъ поступилъ герой задунайскій въ 1770 году, и совершилъ то съ 17,000 человекъ противъ 220,000, чего Петръ не отважился сдѣлать съ 40,000. Каждому свое, г. Полемей!

(*) Этия разрѣшаются всѣ недоумѣнія г. Полеваго и выволимыхъ имъ предположенія, что Суворовъ неохотно повиновался распоряженіямъ главнокомандующаго, что онъ усматривалъ несообразность распоряженій главнокомандующаго, почему неслѣдуетъ удивлявшій быстротою движеній двигался молчаливо и Каменскій ждалъ его въ Базарджикѣ пять дней. Подобное неопоздательно говорить, не только печатать; оно

были эти движения, начавшіяся въ одинъ день на всѣхъ пунктахъ, и взирая на препятствія отъ непріятеля, который безпрестанными нападешіями старался остановить наши войска, — заслуживаетъ удивленія; всѣ части войскъ стали въ назначенное имъ время на определенныхъ мѣстахъ. Румянцевъ предположилъ центръ арміи, при которомъ были все обозы и парки, переправить черезъ Дунай у урочища Гурабада, занять позицію у озера Галицы, въ пяти верстахъ отъ Салистріи, не дала нападеній на крепость, когда островъ, занятый противъ Салистріи сильнымъ отрядомъ съ осадною артиллерією, будетъ обстрѣливать ее съ сѣвера, — послѣ того отрядами своими овладѣть деревнями Кайнарджикъ и Базарджикъ — и тогда уже двинуть Каменскаго съ Суворовымъ на пересѣченіе сообщеній Шумлы (*) съ Варною и Адрианополемъ; но во время первыхъ переходовъ, получивъ извѣстіе, что 40,000 Турковъ посланы въперемъ для вытѣсненія Русскихъ за Дунай, — предписалъ Суворову немедленно соединиться съ Каменскимъ, разбить непріятеля и слѣдовать на пути его сообщеній. Соединеніе Суворова съ Каменскимъ происходило за несколько часовъ до открытія непріятельскаго авангарда передовыми войсками послѣдняго. Турки, опрокинувъ кавалерію Каменскаго, были остановлены полками Суворова, который, не смотря ни на утомленіе войскъ, слѣвавшихъ усиленный переходъ въ ночи, ни на нестерпимый зной, быстро преслѣдовалъ непріятеля. Турки мужественно осморявали каждый шагъ въ лѣсной и гористой мѣстности; но когда наши вышли на равнину и построились въ каре, тогда, не взирая на отчаянныя нападенія лычарь и Албанцевъ, были разбиты; лагерь, обозы и артиллерія достались побѣдителямъ. Намѣреніе Румянцева, какъ я уже говорилъ, было исполнское; исполненіе его выше всякой похвалы: съ армією, пять разъ слабѣйшею въ сравненіи съ турецкою, сталъ на чертъ ея сообщеній и, войдя въ средоточіе силъ непріятельскихъ, разсѣдинилъ ихъ и лишилъ возможности получить что-либо извнѣ стѣнъ крепостныхъ, тогда-какъ самъ, дѣйствуя путемъ сообщеній, могъ передвигать полки свои на угрожаемый пунктъ и совершенно былъ безопасенъ на счетъ своего продовольствія. Верховный вѣзиръ увидѣлъ опасность своего положенія, когда уже не было возможности помочь бѣдѣ; сильныя нападенія корпусовъ его арміи и частыя вылазки изъ крепостей, всегда отражаемыя и предупреждаемыя, распространили среди Турковъ уныніе и ужасъ. Всѣ отряды, высылаемые на фуражировку, были истребляемы, и вскорѣ оказался недостатокъ въ

не возвышаетъ, но унижаетъ Суворова. Ничего не можетъ быть предосудительнѣе и безчестнѣе для генерала, какъ неповиновеніе власти главнокомандующаго и неисполненіе его приказаній, хотя бы подчиненный и видѣлъ какіе-либо недостатки, ибо часто на войнѣ предполагаемая несообразность частнымъ начальникомъ есть слѣдствіе незнанія намѣреній главнокомандующаго и общаго хода военныхъ дѣйствій. За что же вы, г. Полевой, черните имя Суворова, его, который, чувствуя такое призваніе, долженъ былъ примѣромъ своимъ внушать необходимость строгого и безпримѣрнаго повиновенія, выставляете интриганомъ, готовымъ жертвовать подчиненными и славою оружія изъ пустата самолюбія?

(*) Вытѣснить турецкую армію изъ Шумлы издумалъ г. Полевой.

предводительствіи, особенно въ Шумлѣ, которая не была достаточно снабжена, въ томъ предположеніи, что, владея дорогою въ Варну, легко получить все нужное моремъ (*). Турецкая армія должна была или погибнуть съ голода, или сдаться; оказались неопытность и небрежность, оставшая лагерь, причиняли величайшее насиліе и грабежи въ окрестностяхъ; въ самомъ Константинополѣ готовилось возстаніе: — и императоръ долженъ былъ подписать тотъ знаменитый вучук-каймакчисскій миръ, который принесъ Россіи неисчислимыя выгоды. Турція признала независимость Крыма — следовательно, и будущее его принадлежаніе къ Россіи; вся земля до Буга, Азовъ съ его областью, Керчь и Еникафи въ Крыму были уступлены Россіи; для ея торговли открылись все пристани, порты, и самыя Дарданеллы объявлены свободными для прохода; Россія предоставлено покровительство христіанъ въ Турціи, и Порты заплатила 4,500,000 рублей серебромъ за военныя матеріи.

Таковы были послѣдствія этой знаменитой кампаніи. Мы подобно не находимъ ни у древнихъ, ни у новѣйшихъ народовъ. Конечно, въ ней не встрѣчаются ни впаиванія, ни разгромленія, ни самыя тактики, ни быстрые переходы, ни вровопродительныя сраженія, которые нужны для трескучихъ эффектовъ и барабанныхъ вырежаний чернильныхъ героевъ, — но за то въ ней высшя начала военной науки развиты до высокаго совершенства; ими, а не гибелью тысячъ надменныхъ обранныхъ ратниковъ судьба долговременной и тяжелой войны.

Послѣ всего этого, представляю г. Полевому изобрѣсть приличное названіе сочинителю, который восклицаетъ: «*Румянцевъ совершено умалъ духомъ!*» Въ кампаніи Румянцева 1774 года, невозможно было видѣть никакой цѣли; все ршеніе войны Румянцевъ предоставилъ счастливой случайности. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве, г. Полевого утверждаетъ донесеніе Румянцева Екатеринѣ, требовавшей отъ него плана военныхъ предположеній на 1774 годъ: «Планы» доносила главнокомандующій: «при началѣ войны предполагаемые, подвержены таинству перемены, что при сближеніи съ непріателемъ должно представить военачальнику распоряженіе дѣломъ какъ время, удобство и обстоятельство ему покажутъ.»

Истина, святая истина, которую должны представлять всѣ военачальники, и съ которыми, подобно Екатеринѣ-Великой, должны совѣщаться государи. Къ извѣстному Румянцеву, можно еще присовокупить, что планы кампаній, сочиняемые заранее, нерѣдко бывають известны тѣмъ, противъ кого они составлены, и тогда самыя превосходныя распоряженія и распоряженія главнокомандующаго не достигаютъ своей цѣли (**).

(*) Мы еще не имѣли флота на Черномъ-Морѣ, почему въ 1774 году всѣ выходы для турецкой арміи безпрепятственно доставлялись чрезъ Варну.

(**) Событія настоящей войны могутъ удостовѣрить въ справедливости этого предположенія. Было бы вѣдѣти, что въ кампаніи 1774 года, Румянцевъ долженъ былъ допустить Турковъ подать Крыму сухопутную помощь и даже Туркамъ въ Крымъ. Это и было составлено въ Петербургѣ, то и была извѣстность Туркамъ, почему на Т. XXXIX. — Отд. II.

Важность тайны военных действий может выразиться отношением Павла-Эммануи. Кто-то спросил его, что онъ предполагаетъ дѣлать? — «Я бы сжегъ рубашку, еслибъ она знала это!» отвѣчалъ римскій полководецъ.

Суворовъ повторилъ отвѣтъ Румянцева австрійскому правительству, что до мѣстнаго обозрѣнія ничего рѣшить не можетъ для дѣйствій в Италіи. «Не-ужа-ли вы не имѣете своего опредѣленнаго плана?» возразилъ ему Тулузъ. — «Плана» отвѣчалъ ему Суворовъ: — «я вотъ не вѣдаю: онъ развернулъ бланкетъ императора Павла. Это вы же, г. Полевой, выставляете, еще и съ партизанскою, какъ превосходное дѣло. Едаже тутъ безпристрастіе, безъ котораго исторія есть вымыселъ, можетъ давно мнѣ жившихъ лгать, предавъ старинныя глубочайшія?»

Еслибъ истина водила перомъ вашимъ, тогда бы вы, въ извѣданиі нашихъ юнымъ воинамъ, выставляя безсмертныя дѣла Суворова, указали и на его погрѣшности. Одинъ Богъ безъ грѣха. Вы бы сказали Суворовъ отъ своей самоуверенности едва не потерялъ Кинбурна, а всего болѣе — могъ лишити Россію Суворова, жизнь котораго была драгоценна для славы нашего оружія (*); — вы бы сказали, что онъ своею запальчивою вѣстію, при осадѣ Очакова, былъ причиною смерти несколькихъ тысячъ храбрыхъ воиновъ, погибшихъ безъ пользы и славы.

Мы кончили возраженіе противу злословія на Румянцова; теперь, для большаго удостовѣренія въ добросовѣстномъ изложеніи событій г-нъ Полевой, бросимъ бѣглый взглядъ на сравненіе его первой турецкой войны временъ Екатерины-Великой подъ предводительствомъ Румянцова со второю, въ которую начальствовалъ войсками Потемкинъ.

Черезъ 12-ть лѣтъ послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, говоритъ г. Полевой, началась вторая Турецкая война, далеко затмившая первую Румянцевскою. — Званіе главнокомандующаго принадлежало въ теченіи ея Потемкину, но герой сей войны былъ Суворовъ.

правомъ крылъ ихъ операционной линіи были разбросаны малые отряды, хотя и главные пути военныхъ дѣйствій лежать на немъ; напротивъ, значительныя силы были сосредоточены на лѣвомъ крылѣ, чтобъ дѣйствовать въ оборону Журю (*). Предъ началомъ второй турецкой кампаніи, Суворовъ съ 30,000 войска отъ шель Крымъ и выходясь въ Кинбурнъ, построившись на косѣ Андреевскаго лимана, противъ Очакова, сильной турецкой крѣпости. 19-го августа явился предъ нимъ непріятельскій флотъ съ десантнымъ войскомъ. 1-го октября были явныя приготовленія къ высадкѣ войска, но Суворовъ не дѣлалъ никакого сопротивленія къ отряду непріятеля, тогда какъ сильныя батареи крѣпости обстрѣливали все пространство и могли остановить покушеніе Турковъ. Суворовъ даже не подвинулъ войскъ въ верстахъ расположенныхъ. Турки, высадивъ 6,000 отборнаго войска, безпрепятственно скончались, и когда докучаменты были кончены, суда возвратились въ Очаковъ; что, по большаго надежды къ отступленію. Крѣпостныя валы безмолствовали, когда Югъ-на повелъ своихъ на приступъ — Суворовъ думалъ неожиданнымъ ударомъ смятъ и пріятеля. Дѣйствительно, переднія ихъ толпы были разсѣяны, но ободренныя призывомъ своего начальника, врубались въ ряды Русскіхъ и ихъ опростыли. Суворовъ былъ жестоко раненъ, большая часть его солдатъ пала, и если бы прискакали 10 вскадроновъ кавалеріи, тогда бы гибель остальныхъ и Суворовъ была неминуема, тѣмъ болѣе, что весь гарнизонъ былъ выведенъ въ поле и въ немъ было прихрамывающихъ отступавшихъ. За жребленіемъ гарнизона слѣдовалъ захватъ Кинбурна въ Херсонѣ, въ которомъ была наша черноморская корабельная верфь.

Рассмотрѣть, что это за необъявленная война, которая могла за-
йти безсмертная дѣла Румянцева.

Россия съ Австрією заключила трактатъ, по которому, въ случаѣ войны
съ Турцією, обѣ державы обязались действовать общими силами; въ след-
ствие чего, въ 1787 году, союзники выставили: Россія 140,000 (*), Австрія
120,000. Силы Турковъ простирались до 450,000; изъ нихъ 200,000
были въ крѣпостяхъ и до 250,000 дѣйствующихъ на всѣхъ точкахъ
ихъ оборонительной линіи. Союзники въ полѣ были сильно неприяте-
ля; по громады ихъ войскъ, сдѣлавъ несколько переходовъ, остано-
вились, допусти Турковъ открыть военныя дѣйствія нападеніемъ на Ка-
буръ. Вотъ первая потемкинская кампанія, затѣянная румянцевскою.
Въ 1778 году, предполагаемый въ предъидущую кампанію планъ, былъ
приведенъ въ исполненіе. Румянцевъ просилъ императрицу уволить его
отъ командованія, но ему приказано было осадить Хотинъ и по взятіи
его, съ армією Потемкина, который также долженъ былъ взять Очаковъ,
открыть военныя дѣйствія занятіемъ Молдавіи и Валахіи. Единства въ
начальствѣ надъ войсками не было; старшій, по званію фельдмаршала,
былъ Румянцевъ, но командованіе войсками, по власти, принадлежало
Потемкину.

Г. Полевой обвиняетъ Румянцева въ медленной осадѣ Хотина, которая
продолжалась два мѣсяца; но не забудьте, что правильная осада не
играла, что Хотинъ имѣлъ 80,000 гарнизона, былъ укреплень луч-
шими французскими инженерами и представлялъ къ настоящей осадѣ
большія затрудненія, чѣмъ въ кампанію 1770 года, въ которую графъ
Навинъ взялъ эту крѣпость въ теченіи пятидесяти дней, имѣя пе-
редъ собою побѣдоносную румянцевскую арію. Кагульская побѣда
имѣла сильное вліяніе на ускореніе сдачи Хотина, тогда какъ Ру-
мянцевъ съ 40,000 долженъ былъ и осадить крѣпость и составлять
къ осадной арміи наблюдательные корпуса. Усиленная осада вле-
четъ за собою большую трату людей, а Румянцеву не было нужды
сдѣлать, ибо онъ долженъ былъ открыть военныя дѣйствія въ Молдавіи
по соединеніи съ армією Потемкина (**). Посмотримъ, что дѣлалъ этотъ
блгоуспѣшный, великодушный князь Гавриды. Потемкинъ съ 60,000
человекъ два мѣсяца шелъ къ Очакову и прибылъ къ нему 20-го
іюня, когда въ наз. долженъ былъ начать осаду. Суворовъ изъ Крыма
привелъ пѣхотную дивизію, въ числѣ 10,000 человекъ, и въ іюль мѣ-
сяца 20,000 казаковъ и другихъ нерегулярныхъ войскъ присоеди-
нилъ къ осадной арміи (**), такъ что численность войскъ подъ
начальствомъ Потемкина простиралась до 90,000 человекъ. Въ исходе
іюля, следовательно, чрезъ мѣсяць отъ прихода къ крѣпости, началась
осада, и какая осада! беспорядочнѣе которой нельзя найти въ военной
исторіи. Осадныя работы производились медленно, можно сказать — нехо-

(*) Изъ которыхъ 80,000 охраняли Крымъ, 40,000 были назначены для осады
Хотина, 60,000 для осады Очакова и 10,000 расположенны на Кубани для наблюденія
и Горчица и Нардынъ.

(**) Г. Полевой обвиняетъ Румянцева, что онъ, оскорбленъ равенствомъ назначенія
съ Потемкинскимъ, не думалъ помогать ему. Не какими образомъ Румянцевъ могъ
помогать Потемкину, когда находился подъ Хотинимъ, а Потемкинъ подъ Очако-
вомъ, коль скоро онъ прибылъ до 6-го декабря, тогда уже армія Румянцева давно
была расположена въ Малороссіи на зимнихъ квартирахъ?

(***) Исправно съ: октябрь были отпущены по домамъ по недостатку фуража и коней
войско безполезное при осадѣ.

та, но за то безжалостной огонь артиллерии не унимала день и ночь. Когда открыта была брешь и указана легкая путь къ приступу, Потемкинъ кусалъ ногти и не двигался, боясь минъ, которыми, по слухамъ, была окружена крепость, особенно противъ леваго фланга осадной артиллерии. Онъ выжидалъ сдачи города отъ недостатка продовольствія, въ которомъ, по увѣренію переметчиковъ, терпѣли нужду. Не одинъ Суворовъ, г. Полевой, но многіе генералы не только желали, но и представляли возможность и необходимость штурма, особенно начальники артиллерии и осадныхъ работъ, генералъ Миллеръ, который въ военномъ совѣтѣ доказывалъ успѣхъ приступа. Князь Репнинъ (*), какъ старшій вождь Потемкина и главный распорядитель осады, возмущалъ противъ этого предположенія, утверждая опасность штурма; тогда Миллеръ, въ жару пренія, вызвался доказать на дѣлѣ основательность своего предположенія. На другой день ему позволено было взять 300 человекъ охотниковъ изъ полковъ и артиллеріи; къ послѣднимъ онъ присоединилъ двухъ своихъ сыновей (офицеровъ артиллеріи). Эта колонна бросилась въ проломъ, овладѣла имъ и, пробывъ нѣсколько времени за крепостными укрѣпленіями, возвратилась, не бывъ даже пресладеуша. Это доказательство дорого стоило Миллеру:—онъ потерялъ любимаго сына, въ проломѣ убитаго пулею, а другой былъ раненъ, неходя до крепости. Моментъ успѣха былъ потерянъ. Суворовъ, скудая бездѣйствіемъ, вздумалъ взять крепость начальнымъ ударомъ. Не предупредя никого, онъ возмущалъ дѣло съ Турками и, постепенно подкрадывая стрѣлковъ, со всеми полками своей дивизіи бросился штурмовать самое сильное мѣсто крепости. Солдаты спустились въ ровъ, но, не имѣя лѣстницъ, не могли подняться на валъ; они, поддерживая другъ друга, неустрашимо лезли на крепость и были поражаемы меткими выстрѣлами Турковъ, которые, сълавъ вылазку, смяли нашихъ. Суворовъ былъ жестоко раненъ; нѣсколько тысячъ храбрыхъ гренадеръ пали и почти весь фанаторійскій полкъ былъ изрубленъ. Прибывшее подкрѣпленіе дало возможность спасти остатки дивизіи отъ совершеннаго истребленія (**). Потемкинъ былъ сильно огорченъ этимъ событіемъ, укорялъ Суворова въ напрасной потерѣ людей и еще болѣе охлаждалъ къ штурму. Продолжительные дожди, начавшіеся въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и морозы въ октябрѣ, необыкновенное явленіе того края, произвели повальныя болѣзни;

(*) Будущій герой мачинской битвы имѣлъ неоспоримыя воинскія достоинства; но съ непоколебимою гордостью соединялъ зависть ко всему выше его достоинствами. Унижалъ предъ Потемкинымъ и долажалъ его неограниченною догѣрчивостію, она не ускоряла, но замедляла ходъ осады, конечно, въ надеждѣ, что Потемкину наскучитъ война и онъ останется главнокомандующимъ.

(**) Вотъ слѣдствія неудавшагося штурма. Ожижому суждено было видѣть и предвидѣть этого побѣдннй штурмъ. При осадѣ его въ царствованіе Анны Иоанновны, Миникъ, увидя въ городѣ пожаръ, приказалъ артиллеріи напасть на крепость. Полки пошли на приступъ, но не было ни фашинъ, чтобъ завалить рвы, ни лѣстницъ для штурма; артиллерія нѣсколько часовъ стояла воль меткими и губительными огнями неприятеля, ни нанося ему никакого вреда. Румянцевъ (но не Задунайскій), командуя центромъ артиллеріи, что илама приближается къ пороховымъ магазинамъ, долженъ былъ отодвинуть ее отъ крепости; однакожъ это отступленіе возлекло артиллерію въ бѣгство. Миникъ велѣлъ знамя и батальонъ лейб-гвардіи князь-лововаго полка, невелѣ его къ крепости, и при всемъ мужествѣ князь-лововаго, бросившихся во рвы, наполненные водою, и было никакой возможности выйти изъ нихъ. Казалось, все должно погибнуть, и однакожъ спасло Миникъ командантъ, вмѣстѣ того, чтобъ общаго вылазкою уничтожить совершенно-разстроенную артиллерію Русскихъ, выставилъ бѣлое знамя.

смертность между солдатами была необыкновенно-велика, не смотря на превосходное ихъ содержаніе, даже роскошь, царствовавшую въ лагерѣ (*). Въ ноябрѣ мѣсяцѣ пошелъ снѣгъ и явились сильные мятели; люди замерзали на постахъ, и должно было отрывать баттаренъ изъ-подъ снѣга для дѣйствія. Такъ шла осада. Чтѣ же дѣлалъ Потемкинъ? Убаюкающій лестію окружающихъ, въ роскошномъ жилищѣ своемъ онъ слушалъ музыку Сарти. Надо жъ было положить конецъ этой удивительной осадѣ, и крѣпость взята штурмомъ 6-го декабря, т. е. чрезъ пять съ половиною мѣсяцевъ отъ обложенія. Русскіе потеряли болѣе 20,000 человекъ, погибшихъ въ сраженіяхъ и отъ болѣзней. Если медленность и безпорядокъ при осадѣ были причиною столь необыкновенной потери людей, то не менѣе того переходъ арміи на зимнія квартиры представлялъ самую мрачную картину, изображеніе того ужаснаго состоянія войскъ, какое мы видимъ во французской арміи 1812 г., при бѣгствѣ ея отъ Смоленска. Команды, застигнутыя въ степи снѣжными бурями, при сильной стужѣ, замерзали; обовы ломали и жгли, чтобъ поддержать остатки угасающей жизни; лошади въ кавалеріи и артиллеріи падали, не на чемъ было везти продовольствія, ни полковыхъ пушекъ (осадная артиллерія была оставлена въ Очаковѣ). Переходъ болѣе 500 верстъ былъ усанъ погибшими людьми, лошадьми, быками и брошенными обозами и пушками; не доставало только непріятеля, чтобъ совершенно истребить армію. Въ январѣ мѣсяцѣ 1788 года, армія, или, лучше сказать, обломки арміи, уничтоженной въ составныхъ частяхъ ея, достигли зимнихъ квартиръ, принеся въ жилища Малороссіянъ заразительныя болѣзни—сладствіе тяжкихъ трудовъ и лишеній. Такъ кончилась вторая восточная кампанія, затмившая румянцевскую. По-крайней-мѣрѣ Русскіе взяли двѣ сильныя крѣпости, тогда-какъ Австрійцы могутъ хвалиться изобретеніемъ кордонной системы и безпрестанными пораженіями.

Кампанія 1789 года представляетъ отсутствіе всякой мысли и энергіи. Потемкинъ, имѣя подъ ружьемъ 100,000 человекъ, не умѣлъ распорядиться этою громадою войска; онъ даже допустилъ Турковъ открыть наступательныя дѣйствія, чего никогда не случалось въ войнахъ Румянцева (**). Победы Суворова въ соединеніи съ Австрійцами подъ Фокшанами и на Рымниахъ не принесли никакой существенной пользы для хода цѣлой кампаніи, потому-что Потемкинъ не умѣлъ ими воспользоваться; эти победы можно сравнить съ прекрасными отрывками, внесенными въ злоую книгу. Еслибъ силы, выставленныя Россією, были вѣрны Румянцеву, тогда военныя дѣйствія кончились бы за Дунаемъ съ

(*) Мы уже выше говорили, что людямъ всякій день выдавалась говядина, мясо и по десятку копеекъ на человѣка; устроены были рынки, гдѣ можно было найти все, не только необходимое для продовольствія, но и для роскоши.

(**) Не подумайте, г. Полевой, что, описывая осаду Очакова и военныя дѣйствія Потемкина, я хочу унизить его достоинства. Онъ былъ великій человекъ и во славъ характера и во дѣланъ, полезный для государства, но только не на военномъ фронтѣ.

важными приобретениями для Россіи; напротивъ, Турки не только не хотѣли ничего уступать, но еще требовали возвращенія Крыма и земель, отданныхъ ими по кайнарджискому договору.

Кампанія 1790 года, по медленности и нерешительности, превосходитъ всякое вѣроятіе; она ниже даже предшествовавшаго года. Потемкинъ то подвигалъ войска, то останавливалъ, давалъ приказаніе сражаться съ непріателемъ, а на другой день воспрепятствовалъ всякое дѣйствіе. Наконецъ, безпримѣрный въ военныхъ дѣлохъ штурмъ Измаила, покрывшій новою славою Суворова, заключилъ кампанію этого года, не выкупя ничтожества ея и не имѣя никакого вліянія на окончаніе войны. На другой годъ, князь Репнинъ, командуя арміею за отсутствіемъ Потемкина, перенесъ военныя дѣйствія за Дунай и, разбивъ верховнаго визиря подъ Мачиномъ, заключилъ миръ, подтверждающій кайнарджискій договоръ, но безъ вознагражденія за военныя издержки, которыя были необыкновенно-велики, ибо Потемкинъ не жалѣлъ ничего и ничего не умѣлъ извлечь изъ способовъ земли, имъ занятой.

Такъ производилась и кончилась вторая турецкая война, по мнѣнію г. Полеваго далеко затмившая первую, румянцевскую, — не принесла государству никакихъ выгодъ, кромѣ великихъ потерь въ людяхъ и деньгахъ и славу отдаленныхъ бѣгъ, подаренныхъ Суворовымъ.

Не увлекаясь ни разсказами небывалыхъ смѣлостей, ни тайными записками клеветниковъ и завистниковъ, ни судомъ мотомства въ лицѣ г. Полеваго, но смотря на дѣла съ ихъ послѣдствіями, должно признать Румянцева великимъ полководцемъ. Его кампаніи 1770 и 1774 годовъ представляютъ для военной науки важныя данныя; онѣ знамениты не по тѣмъ, можно сказать, баснословнымъ подвигамъ и великимъ послѣдствіямъ, отъ нихъ происшедшимъ, но по тѣмъ глубокимъ воицкимъ соображеніямъ, по той обдуманности плана, по тому хладнокровному мужеству и вмѣстѣ пылкости въ исполненіи, которыя доступны только гениямъ. Его дѣйствія не поражаютъ внезапностію, за то въ нихъ нѣтъ мѣста случайности.

Одна только итальянская кампанія Суворова стоитъ рядомъ съ кампаніями Румянцева 1770 и 1774 годовъ, ибо въ эту только кампанію могъ явиться весь необъятный геній Суворова, обнаружиться тѣ великія воинскія соображенія, которыя не могли ни развиться, ни выказаться въ войнахъ турецкихъ и польскихъ и которыя однѣ даютъ право на имя великаго полководца. Для этого имени недостаточны сраженія при Фокшанахъ и на Рымникъ (*), ни штурмъ Измаила и Праги. Первые были дѣти внезапности (**), а не полководческихъ соображеній,

(*) Эти сраженія казались исполненіями среди ничтожныхъ дѣлъ второй турецкой войны; но въ войнахъ Румянцева они были обыкновенными дѣлами, не говоря уже о битвахъ при Ларгѣ и Кагулѣ; но безпристрастно сравнивая ихъ съ сраженіями выданными Вейсманомъ и даже въ 1771 году Эссавымъ, когда онъ съ 8,000 разбилъ 50,000 Турковъ, они не представляютъ ничего удивительнаго. При Фокшанахъ союзники имѣли 25,000 противъ 40,000, на Рымникѣ 32,000 противъ 100,000.

(**) Потому-что они не были слѣдствіемъ какихъ-либо предположеній, или исполненія плана кампаніи, а вынуждены необходимостію — нужно было отразить нападѣніе непріятеля. Въ тактическомъ отношеніи, эти сраженія имѣютъ несомнѣнное дѣйствіе.

последній—смы воли и отваги. Штурмъ крѣпости есть жребій, вынужтый нѣз урны судьбы. Это достигалъ и самъ Суворовъ, говоря о Кутузовѣ послѣ взятія Измаила: *«мы другъ друга знаемъ; имъ онъ, имъ я не перессимъ бы нудамъ»* (*). Когда въ штурмахъ, которые такъ пѣвнютъ бабинетныхъ героювъ, потому-что можно написать въ исторіи: «Измаилъ лежалъ безмолвною могилонъ, оналонный пожаромъ, залитый кровію». Но представте себя эту ужасную минуту, когда колонны, полныя жизни, обрѣкаютъ себя на смерть, идуть на приступъ; когда люди, превратясь въ дѣлнхъ зверей, истребляютъ другъ друга; стоны погнбныхъ тысячь, раздѣніе пережившихъ ихъ гибель,—вы отвратите взоры отъ этой плашительной картины и скажете, что штурмъ есть величайшее зло въ алѣ, какимъ представляется война наблюдательному уму. Нѣ-счастію, въ войнахъ XIX столѣтія, мы уже не встречаемъ истребленія цѣлнхъ населеній въ городахъ, нбо искусство атаки превосходитъ искусство обороны крѣпостей.

Не отвергаю необходимости штурма,—но когда и въ какомъ случаѣ? Когда штурмомъ можно рѣшить судьбу войны (таковы были штурмы Праги Суворова и варшавскихъ укрѣпленій Паскевича [**]); когда нападающій имѣетъ нравственное и числительное превосходство и инженерныя работы и дѣйствія артиллеріи открыли свободный путь къ приступу; въ такомъ положеніи былъ Очаковъ еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ; штурмомъ его Потемкинъ сохранилъ бы жизнь тысячамъ солдатъ, погнбныхъ отъ изнуренія и болѣзней во время осады и при переходѣ на зимнія квартиры. Встрѣчаются и другія обстоятельства: внезапность, возможность воспользоваться беспорядкомъ разбитаго при вылазкѣ гарнизона, или части его, ужасъ непріятеля, внушенный безпрестанными его пораженіями, какъ было въ кампаніи 1771 года, когда Турки трепетали, завидя малые отряды Русскихъ,—случай, которыхъ нельзя ни предвидѣть, ни исчислить. Но штурмъ Измаила не заключалъ въ себя ни одного изъ этихъ данныхъ и былъ напраснымъ кровопролитіемъ, неизмѣнимымъ даже вліяніемъ на ходъ войны. Эту крѣпость можно было взять въ-теченіи лѣта 1790 года, не останавливая даже перенесенія тѣтра войны за Дунай. Потемкинъ, имѣя подъ ружьемъ 100,000 войска, могъ отдалить 40,000 для осады Измаила и съ 60,000 пѣти по пути, указанному Румянцевымъ въ кампанію 1774 года.

Къ достоинству Румянцева должно отнести удивительную неопечтальность о сохраненіи людей, безъ всякихъ средствъ, но однѣми мѣрами благоразумія и бдительнаго надзора; онъ, въ 1771 году, прекра-

(*) Кутузову порученъ былъ самый важный пунктъ на штурмѣ. Когда Измаилъ былъ взятъ, Суворову разбила палатку на крѣпостномъ валу. Всѣ начальники колонъ явились поздравить его; онъ каждого обнималъ, приговаривая: «если бы не ты, то не взятъ бы намъ крѣпости». Послѣ всѣхъ пришелъ Кутузовъ; Суворовъ, увидя его, закричалъ: «покури, покури, Прощка; порокомъ запахло!» и, не-сдѣлавъ ему никакого привѣтствія, выбѣжалъ изъ палатки.

(**) Притомъ, укрѣпленія Праги и Варшавы, можно сказать, были усиленныя подѣлы укрѣпленія, но не крѣпости съ правильными твердынями, каковыми представляется Измаилъ и крѣпости ему подобныя.

тиль въ войскѣ ужасныя дѣйствія чумы, когда она со всею силою свирѣпствовала въ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи (*). Герой Рагула превращалъ жизнь солдата драгоцѣнностью; поэтому, въ самыхъ важныхъ его дѣлахъ и предпріятіяхъ, потеря людей была ничтожна. Силою своего генія онъ достигалъ такъ же результатовъ, какихъ достигаютъ многіе великіе полководцы потерю солдатъ.

«Предвидя неудовольствія» продолжаетъ Г. Полевой: «когда Румянцевъ назначилъ его въ Крымскій корпусъ въ 1777 г., подчинивши Прозоровскому, Суворову, писалъ Потемкину (изъ Ахмечети въ іюль 1777 г.): «здесь мнѣ вѣдѣть, и вѣмка была бы мною, если бы препоручили вы мнѣ отдѣльный корпусъ». — Когда, по извѣдываніи своихъ послѣ Крымской лихорадки, бывши въ Опшнѣ (близъ Подтавы) Суворовъ получилъ приказъ Румянцева опять отправиться въ Крымъ, онъ писалъ Потемкину (въ ноябрѣ 1777 г.): «въ службѣ благодареніемъ зависитъ отъ васъ! Графъ П. А. опять посылаетъ меня въ Крымъ — не оставьте докритичельствомъ». — Потемкинъ перевелъ Суворова начальникомъ надъ Кубанскою линіею и устранилъ отъ власти Румянцева. Мы видѣли, какія важныя дѣла предлежали въ Крыму въ 1778 г. — угроженіе Турокъ высадкою, прекращеніе смутеній, переселеніе Грековъ и Армянъ изъ Крыма. Суворовъ былъ тогда посланъ въ Крымъ вмѣсто Прозоровскаго уже по волѣ Потемкина. Мнѣ тайныя повелѣнія, онъ поступалъ смѣло и рѣшительно. Мы не повѣрили бы, если бы не имѣли бесспорныхъ доказательствъ, что герой Кагула узнался тогда до мѣлкой, ничтожной интриги противъ Суворова. Не зная тайныхъ повелѣній, данныхъ ему, онъ противился своевольнымъ, какъ онъ думалъ, распоряженіямъ Суворова, писалъ къ Хану, оставался переселенія Крымскихъ христіанъ, требовалъ строгаго отчета — даже поощрялъ низкихъ клеветниковъ, увѣрявшихъ, что Суворовъ грабитъ Крымъ, допускаетъ своевольство солдатъ, беретъ подарки отъ Хана. Въ тайной запискѣ Потемкину Суворовъ съ негодованіемъ и прискорбіемъ опровергалъ клеветы. «Говорятъ» — писалъ онъ — будто я сказалъ, что иду завоевать Крымъ. Нѣтъ! я хвастаю только тѣмъ, что сорокъ лѣтъ служу неарочно. Говорятъ, будто я требовалъ у Хана — стыдно сказать — красавицы, но я кромѣ брачнаго ничего не разумѣю. Говорятъ, будто я требовалъ аргамаковъ, а я ѣзжу на подлемныхъ — «лучшихъ уборовъ» — да ящика-то у меня для нихъ нѣтъ — «драгоценностей» — да, у меня множество брильянтовъ изъ высочайшихъ въ свѣтѣ ручекъ — Индійскихъ парчей — а я, право и не знаю есть ли они въ Крымѣ!» — Суворовъ не скрывалъ и именъ клеветниковъ, и горюю жалуюсь на Румянцова: «фельдмаршала я непрестанно боюсь» писалъ онъ. «По выводѣ христіанъ поразовалъ было онъ меня письмомъ къ Хану, а послѣ прислалъ другое, гдѣ меня ему выдаетъ. Кажется такое дѣло *низковато*. Мнѣ пишеть онъ будто изъ облака! Только все поздно: христіане выведены, а его распоряженія успѣху были бы явно помѣхою. Боюсь я Его Сіятельства, очень боюсь! Хотя бы уже онъ, купоросность отлагая равнодушно смотрѣлъ лучше въ конецъ, или терпѣливо ждалъ бы его. А то по мечтѣ какой-то изъ Илиады, особливо, Боже сохрани въ принципѣ по минимымъ неудачамъ, выбѣсть онъ мнѣ изъ своихъ Вишенокъ (имя деревни, гдѣ жилъ тогда Румянцевъ) костью и мозгъ и глаза... Преподаванія его обыкновенно, послѣ Илиаднаго вѣстракта, брань, иногда обложенная розами. Дрожалъ я за Ахтиаръ, ибо отъ него о томъ не имѣлъ ни слова, кромѣ темныхъ амблемъ. — А потомъ на концѣ похвалилъ, будто я *во* повелѣнія выполнилъ! Дрожу и нынѣ по христі-

(*) Въ послѣднюю турецкую войну князь Паскевичъ подобными мѣрами такъ же прекратилъ въ войскѣ чуму и въ теченіи шестнадцати дней потерялъ не болѣе восьмидесяти человѣкъ, хотя она была въ самомъ разгарѣ своей силы. Эти мѣры такъ поучительны, что заслуживаютъ вниманія командующаго войсками. Онъ помѣщенъ въ Сводѣ Воен. Зак., ч. III, кн. I, прил. V ст. 178 примѣч.

знать, ибо въ производствѣ кромѣ брани ничего не было, а въ С. Петербургѣ красно отзываться великому человѣку можно! И за Турокъ боюсь чего-нибудь. Не остаются ли нынѣ и презюія мои невинныя страданія, происшедшія только отъ неожиданныхъ мною успехов!—По общему правилу, судьба и воля: послѣдняя въ мѣрахъ человѣческихъ, а первая въ благословеніи Божиемъ. У тварей нашего рода отнимающіе время пороки ниско не обладали: и началъ я жить отъ мушкета!.

Вся тяжесть обвиненія въ семъ случаѣ падаетъ прямо на Суворова и Потемкина. Изъ всего, вами сказаннаго, всякій увидитъ, что Суворовъ не терпѣлъ надъ собою начальства, что онъ, подчиненный Румянцева, дѣйствовалъ вопреки его приказаніямъ и искалъ покровительства сильнаго временщика. Во весь разгаръ потемкинской власти, Суворовъ вымаливалъ у него этого покровительства, и смѣлся и оуждалъ его дѣйствій, и только послѣ штурма Измаила, когда уже начала заходить за тучи звезда Потемкина и показываться на горизонтъ другое светило, Суворовъ выпрямился и говорилъ, что награда его зависить не отъ Потемкина, а отъ Бога и Государыни. Это не дѣлаетъ чести Суворову.

Румянцевъ былъ главнокомандующій, дѣлалъ распоряженія, а Суворовъ не исполнялъ ихъ, или дѣлалъ все противное, имѣя тайныя предписанія Потемкина. Кто же тутъ виноватъ — предоставляю рѣшить г. Полевою. Но чтобъ Румянцевъ препятствовалъ мѣрамъ правительства въ присоединеніи Крыма и ободрялъ клеветниковъ, что Суворовъ грабитъ — этому никто не повярить. Что онъ получалъ эти донесенія — правдоподобно, ибо Суворовъ, по своему неуклончивому и насмѣшливому характеру, вездѣ имѣлъ враговъ, а по дѣламъ — завистниковъ, которые старались чернить его и представлять дѣла въ превратномъ видѣ. Впрочемъ, донесенія о своевольствѣ и грабежѣ имѣли свое основаніе, не въ отношеніи къ Суворову, а въ отношеніи къ лицамъ, его окружающимъ. Великая душа Суворова была чужда корысти; онъ поклонялся славы, а не этому идолу, котораго чествовали приближенные Суворова, которому и въ болѣе-просвѣщенное время приносятъ моленія и закалаютъ въ жертву честь, совѣсть и благо государственное. Къ-несчастью, это чувство, несвойственное благородному и прямому характеру русскаго народа, оставленное намъ въ наследство владычествомъ Татаръ и укорененное іудейскимъ племенемъ, проявлялось и будетъ проявляться, доколѣ истинное просвѣщеніе не озаритъ души, не облагородитъ понятій.

Г. Полевой безпрестанно обвиняетъ Румянцева въ недоброжелательствѣ и преслѣдованіи Суворова; но справедливо ли это обвиненіе? Конечно, Румянцеву, какъ и многимъ старшимъ лѣтами и званіемъ, не нравились особенности, усвоенныя Суворовымъ, его причуды и цѣнизмъ; но могло ли это все вращаться въ челоуѣкъ, еще начинающемъ свое поприще? Мы судимъ Суворова по смерти, видя и цѣнимъ его великими дѣлами; Румянцевъ судилъ его какъ начальникъ подчиненнаго, въ рядахъ котораго былъ Вейсманъ и многія другія военныя достоинства. Провидѣніе, отмѣчая перстомъ своимъ генія, ведетъ его другимъ путемъ; ему тѣсно и неловко среди толпы глушцовъ и барышняковъ: онъ рвется въ небо, ему родное и знакомое, а толпа тянетъ его

къ землѣ, ей родной и знакомой. Одинъ только гений можетъ постичь это стремленіе своего собрата по духу и окригнуть его на дѣла великія и полезныя. Екатерина постигла Суворова, дала ему просторъ, но много ли было Екатерину въ міръ? Одна! «*Матушка царица!*» воскликнулъ Суворовъ, заливаясь слезами, услышавъ о ея кончинѣ: «*безъ тебя не видать бы мнѣ ни Кибурна, ни Рымника, ни Измаила, ни Варшавы!*» Въ другой вѣкъ, при другихъ людяхъ, Суворова почли бь чудачкомъ, мелочавкомъ беззачиннымъ, втоптали бь въ грязь славу оружія русскаго. Румянцевъ понималъ назначеніе Суворова, и какъ Румянцеву было не постичь Суворова! онъ указалъ на него Екатерина при затрудненіи ея выбрать военачальника въ послѣднюю войну съ Польскимъ Королевствомъ. Падите, г. Полевой, передъ памятникомъ Румянцева: онъ былъ великій человекъ, каждаго немного въ міръ. Это указаніе Румянцева на человека, который могъ затмить дѣла его, есть слѣдствіе истиннаго душевнаго величія, которое одно сознаетъ достоинство въ другомъ и старается его возвысить для пользы и славы родной земли.

Не желая дать повода думать, что, защищая Румянцева, я впадаю въ ту же погрѣшность, въ которой облачаю г. Полеваго, т. е. стараюсь возвысить кагульскаго героя въ ущербъ славы Суворова, я долженъ высказать мнѣніе свое объ этихъ необыкновенныхъ людяхъ.

Читали вы книгу, написанную прекрасною прозою? Въ этой книгѣ мысль идетъ ровно, послѣдовательно, безъ скачковъ и отступленій; въ ней каждое слово на мѣстѣ и нѣтъ ни одного выраженія изысканнаго, ни одного оборота неправильнаго. Эта книга — Румянцевъ съ своею правильностью и точностью движеній и дѣйствій, книга, понятная только для тѣхъ, которые посвящены въ тайны науки.

Но есть другая книга, написанная перомъ великаго поэта, стихомъ звучнымъ и жгучимъ; она увлекаетъ юношу, одушевляетъ старца, она для всѣхъ понятна, для всѣхъ вразумительна. Эта книга — Суворовъ. Это перунъ небесный, — онъ поражаетъ неожиданно и неострашимо.

Подвиги Румянцева — слѣдствіе труда умственнаго, глубокой думы и соображеній; подвиги Суворова — вѣспички гения, усвоившаго себѣ и эту думу и это соображеніе. Идти по слѣдамъ Румянцева можно и должно; подражать Суворову нельзя. Онъ отдѣльно стоитъ на распутіи вѣковъ, какъ отдѣльно стоятъ Александръ-Великій, Аннибалъ, Юлій Цезарь, Фридрихъ-Великій и Наполеонъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ родственное между собою сходство, но не похожъ одинъ на другаго.

Сравнивая Суворова съ Румянцевымъ, какъ полководцевъ, мы видимъ, что они равно понимали высокія тайны войны и военной науки; но Суворовъ выше Румянцева силою характера и обширностію поля битвы: за нимъ Италия и Швейцарія съ его дивными, вдохновенными дѣлами. Гдѣ же мѣсто Суворову? Повторяю, онъ одинъ стоитъ на распутіи вѣковъ: въ немъ и быстрота Александра, и счастье Цезаря, и высокое мужество Аннибала (*); но въ нихъ нѣтъ того, что составляло душу Суворова,

(* Въ дѣлахъ Аннибала и Суворова есть много общаго: Сократъ и Гераклитъ, Сократъ и Измаилъ, горы Швейцаріи и холмъ Италиі и даже повстаніе миаути джун

той силы характера, которая, выдвинувъ его изъ толпы, поставила на высоту, ими занимаемую.

Не сравниваю Суворова съ Наполеономъ, какъ великимъ человекомъ, потушившимъ революціонный пожаръ, какъ властелиномъ, устроившимъ и возвеличившимъ Францію; но въ ихъ воинскихъ дѣлахъ есть что-то общее; та же быстрота, тотъ же ударъ, та же вспышка генія, которая мгновенно обнимаетъ ходъ дѣлъ и повелеваетъ обстоятельствами. Суворовъ пламенно желалъ сразиться съ Наполеономъ; но судьба берегла своего избранника для другой высшей цели, ибо юное, еще неокрѣпшее въ горнилахъ опыта дарованіе, должно бѣ было сокрушиться о закаденную въ битвахъ грудь старца, увѣнчанаго славою необходимости.

Г. Полевой, не ограничиваясь судомъ надъ Румянцевымъ, даетъ разшительный приговоръ и о Екатеринѣ-Великой; послушаемъ его.

«Потемкинъ мечталъ даже, что Россія можетъ отбросить Турковъ изъ Европы въ Азію, подчинить себѣ Закавказье, покорить Эллинскій полуостровъ, раздвинуться въ Персію и Индію, уничтожить Польшу, и если бы Европа дадохъла противиться такимъ домашнимъ распоряженіямъ Русской царицы, Россія въ состояніи будетъ вызвать на бой Европу. Всею дѣятельностію ума, всею силою средствъ Россія приступилъ Потемкинъ къ исполненію своихъ предпріятій». (Стр. 93).

Послѣ этого не удивительно сдѣлающее опредѣленіе:

«Черезъ вѣннаго дѣлъ онъ самовластительно управлялъ дѣлами политики и войны,

Рѣшитель дѣлъ въ войнѣ и мирѣ,
Могущъ, хотя и не въ порочрѣ.

По словамъ поэта, сказавшаго, что знаменитый цареворецъ умѣлъ взвѣсить мощь Россіи, духъ Екатеринны, и опираясь на нихъ, хотѣлъ бросить гремя на твердыни Византійскія. Сей правитель Государства былъ Потемкинъ». (*) (Стр. 89.)

великой жизни. Суворовъ изучалъ Аннибала: этому доказательство берега Требин; онъ далъ битву по тѣмъ же началамъ, по которымъ карагенскій герой поразилъ Сивакса. Мало замѣтить, что переходъ рѣки въ виду непріятеля, каковъ былъ Аннибалъ, есть верхъ дерзости: это то же, что идти на штурмъ сильной крѣпости, обороняемой мужественнымъ и искуснымъ гарнизономъ; если побѣда не искупить рѣшимости, то гибель кончина. Аннибалъ оставался на берегахъ Требин. Римляне, не смотря на свои порженія, рѣшились предупредить его. Аннибалъ такъ устрѣилъ былъ въ побѣдѣ, что перепустилъ непріятеля черезъ рѣку и далъ ему устроиться. Римская армія была совершенно уничтожена; что сналось отъ меча, то погибло отъ холеры. Суворовъ, научившимъ опытомъ подъ Кинбурномъ, поступилъ осторожно: онъ вскрылъ головы французскихъ колоній по ихъ выходу изъ рѣки. Жаль, что мы не имѣемъ исторіи Аннибала, величайшаго полководца древняго міра; все тѣ, что мы знаемъ о немъ, знаемъ отъ его враговъ. Нѣкоторые обвиняютъ Аннибала, зачѣмъ онъ не пошелъ на Римъ тотчасъ послѣ сраженія при Тразименѣ. Но разве можно поражать римскіе легіоны безъ тяжкихъ потерь, и развѣ можно было штурновать стѣны Рима, не имѣя ничего для приступа, — тогда Рима, который вышелъ до сраженія своего походу, потеряшаго армію, благодарить его, что онъ воротился изъ Рима, не уронивъ изъ его спасенія?

(*) По счету г. Полеваго, былъ и еще правитель въ Россіи, намъ неизвѣстный, но открытаго, какъ новая комета, для созвздіе. Сей необыкновенный человекъ (Остермакъ) въ послѣдствіи бывшій правитель Россіи. (См. «Исторію Петра Великаго»: г. Полеваго.)

Что же послѣ этого была Екатерина? Неоспоримо, Потемкинъ былъ великій человекъ, пользовался неограниченною довѣренностью государыни—но въ кругу дѣлъ, ему монаршею волею указанныхъ; онъ далъ новое устройство арміи; онъ безъ кровопролитія присоединилъ къ Россіи Крымъ, онъ заселилъ степи, онъ уничтожилъ Запорожскую-Сечь и преобразовалъ нерегулярныя войска; онъ построилъ черноморскій флотъ; заслуги великія, но этого еще мало для правителя государства. Это—части въ огромномъ цѣломъ, которое двигалось мудростію Екатерины и имѣло другихъ двигателей по другимъ частямъ государственнаго управленія, столь же великихъ, какъ и Потемкинъ. Въ Екатерининъ можно назвать вѣкомъ великихъ людей на всѣхъ поприщахъ гражданской и умственной жизни Россіи. Каждому дано было въ удѣлъ что-нибудь по его силамъ и способностямъ, но все брало начало свое въ одномъ источникѣ жизни и свѣта, и стекалось въ одной точкѣ—къ подножію престола монархини.

Прочитайте законоположенія, написанныя самою Екатериною; прочитайте ея резолюціи на докладахъ Сената и Коллегій, вы удивитесь мудрости ея, ясному понятію о дѣлахъ и вещахъ по всемъ родамъ управленія и согласитесь, что при Екатеринѣ Россіею управляла Екатерина и никто больше. Одно можетъ служить укоромъ ея царствованію, что она, видя бездарность Потемкина въ предводительствѣ арміею во вторую турецкую войну, не замѣнила его Румянцевымъ, или Суворовымъ: тогда исторія Европейской-Турціи могла бы быть иная. Но кто изъ людей безгрѣшенъ, кто изъ царей безошибоченъ?

Мысль присоединить Польшу къ Россіи родилась и созрѣла въ умѣ Екатерины прежде явленія Потемкина; эта мысль была обработана гениальнымъ человекомъ, графомъ Панинымъ, и окончательно приведена въ исполненіе послѣ его смерти и смерти Потемкина. Победы Румянцева показали шаткость Турецкой-Имперіи, и Екатерина думала, что можно изгнать Турковъ изъ Европы (*). Потемкинъ ухватился за это намѣреніе монархини и, какъ человекъ съ пылкою головою, съ сильнымъ характеромъ, ухватился всеми силами души своей, но не могъ ни привести его въ исполненіе, начальствуя арміею и флотомъ, ни поддержать, ни отстать, когда Екатерина охладѣла къ греческому проекту и обратилась къ другому, болѣе-полезному для государства—къ окончательному раздѣлу Польши.

Въ устройствѣ государства (**), Потемкинъ не принималъ никакого участія; лучшія постановленія вышли до него и безъ него. На этомъ поприщѣ также былъ человекъ необыкновеннаго ума—князь Вяземскій. Вся превосходныя уставы Екатерины, которые и до-сихъ-поръ слу-

(*) Что эта мысль принадлежала собственно Екатеринѣ, можетъ служить доказательствомъ какъ учрежденіе, прежде явленія Потемкина, въ-продолженіе первой турецкой войны, греческаго училища, такъ и то, что второй сынъ Императора Павла названъ былъ Константиномъ и обучался по-гречески: тутъ явно видно намѣреніе возстановить греческую имперію.

(**) Въ другомъ мѣстѣ г. Полевой говоритъ, что Потемкинъ устроилъ Россію.

даты основаніемъ государственнаго благоустройства, неоспоримо были созданія генія Екатерины, но обрабатывались подъ вѣдѣніемъ и посредственнымъ участіемъ Вяземскаго. Даже въ дѣлахъ, Потемкину порученныхъ, Екатерина сохраняла царственное вліяніе и наблюдала за безусловнымъ исполненіемъ законовъ (*). Чтобы объявлять судъ потомства и безошибочно сказать — тотъ-то и тотъ-то были правители государства, нужно не чтеніе олъ, не компиляція изъ вздорныхъ книгъ, не изученіе фактовъ, верный взглядъ на жизнь народа въ данное время, на дѣла его правителей не по слухамъ, не по тому, что такъ говорятъ, но по тому, что они сдѣлали для счастья ихъ современниковъ, что они оставили для блага потомковъ. Въ этомъ отношеніи, Екатерину можно назвать вѣдакою изъ среды великихъ государей. Спросите у удальвиныхъ остатковъ славнаго вѣка Екатерины, оны дмъ памятенъ не по блеску побѣдъ, не по тому могуществу, котораго достигла Россія подъ ея скипетромъ — это удаль исторіи, — но по тому доводству и счастью, которое было разлито рукою мудрой монархини среди всахъ состраданій народа. Откройте указы государственные, вы увидите, что надолго Россія будетъ покоиться подъ ея насажденіемъ. Скажу вамъ, г. Полемой, что въ періодъ времени отъ 1762 до 1797 года, царствовала мудро и мудро управляла Россію императрица Екатерина II Великая, а не Потемкинъ.

Г. Полемой рѣшился сравнить Екатерину съ Петромъ-Великимъ; онъ говоритъ, что Петръ въ дѣлахъ своихъ является геніемъ безпримѣрнымъ, а Екатерина — святлымъ умомъ необыкновеннымъ (стр. 25). Верно ли это опредѣленіе? Петръ дѣйствительно былъ геній безпримѣрный, но и Екатерина знаменита высшею степенью ума человеческого — геніемъ. Петръ выше Екатерины силою характера, скажу словами одного изъ нашихъ поэтовъ, железною волею и всеобъемлемостію генія; но за то Екатерина выше Петра благостію, глубиною воззрѣній и зрѣlostію взгляда въ выборъ мѣръ для устройства государственнаго. Петръ ннчалъ свои недостатки, вронстекающіе отъ влншества силъ душевныхъ, Екатерина — свои, отъ избытка чувствъ сердечныхъ. Исторія не панегирикъ, сказалъ нашъ знаменитый исторіографъ Карамзинъ: истина великая, — и чѣмъ необъятнѣе геній Петра, тѣмъ осторожнѣе должно разсматривать дѣла его, не увлекаясь ни блескомъ ихъ, ни чувствомъ народнаго самолюбія. Исторія, какъ горнило, должна отдѣлнть золото отъ грубыхъ составовъ земли, иначе она не будетъ наукою царей и народовъ, не укажетъ, чему подражать и чего избѣгать въ подражаніи дѣламъ великихъ людей.

(* Въ Военной-Коллегіи, президентомъ которой былъ Потемкинъ, заключили условіе на поставку для арміи мушкетерныхъ и амуниціонныхъ вещей. Послѣ утвержденія этого, явился другой подрядчикъ, предлагая сто тысячъ руб. сер. уступки. Потемкинъ властію своею велѣлъ уничтожить контрактъ съ первымъ поставщикомъ и передалъ второму. Прокуроръ подалъ протестъ, и Екатерина рѣшила этотъ споръ тѣмъ, что приказала поставку оставить за вторымъ подрядчикомъ, и сказала Потемкину при всѣхъ народворцахъ во время обѣда, что для государства полезнѣе точное исполненіе законовъ, чѣмъ сохраненіе не только ста тысячъ, но и милліоновъ рубль.

Но пишу исторію Петра, тамъ еще — Екатерина, но укину на-которыя черты; полагающія рѣзкую противоположность въ ихъ дѣлахъ:

Петръ, видя превосходство умственной жизни европейскихъ народовъ, хотѣлъ вдругъ, силою своей воли, необъятностію своего гениа замѣнить для Россіи то, что столетія приносили имъ для гражданскаго устройства. Онъ не хотѣлъ понять, что народы имеютъ своею возрастъ, испровергъ все свое и хорошее и худое, для того, чтобы родить новую жизнь, новыя начала по началамъ жизни намъ чуждой по понятіямъ, еще недоступнымъ его народу. Это дивное созданіе мощнаго гениа Петра, такъ насильственное, не могло долго существовать, но начало послѣ его кончины разлагаться и образовывать нестройное движеніе. Прочитайте манифестъ императрицы Екатерины I-й отъ 24-го февраля 1727 года (*), вы увидите настоящее положеніе дѣлъ, то состояніе, въ которомъ Петръ оставилъ государство. Екатерина, обожая своего супруга, должна была высказать много горькихъ истинъ; чтобъ оправдать себя предъ потомствомъ.

Напротивъ, Екатерина-Великая, заставъ Россію въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, въ столкновеніи новыхъ началъ съ старыми, ничего не уничтожила, ничего не разрушила, но всему дала новую жизнь, новое направленіе, и эта жизнь, это направленіе остались прочны и неколебимы до-сихъ-поръ и надолго останутся такими. Какая же этому причина? Петръ бралъ начала своему творенію изъ уставовъ Швеціи, Пруссіи (думалъ даже и гражданскіе законы образовывать по ихъ вѣтвямъ) и другихъ государствъ, чуждыхъ намъ по вѣрѣ, по духу, по свойству и образованію: Екатерина все матеріалы для своего созданія взяла изъ жизни своего народа; видя необходимость исправленія и не доверяя ни своему гению, ни великимъ умамъ, тронъ ея окружавшимъ, она обратилась къ народу, созвала депутатовъ съ наказами отъ вохъ сословій и изъ нихъ узнала нужды, увидѣла недостатки своего государства и средства къ ихъ исправленію. Петръ оставилъ намъ армию и флотъ, — залогъ победы и славы, Екатерина — устройство государственное, причину блага и могущества Россіи. Крутыя и несвоевременныя перемены и предпріятія Петра истощали государство (**), истребляли народонасе-

(*) «Полное Собраніе Законовъ», т. VII, № 5017. Всѣ факты съ годами и числами помѣщенныя въ слѣдующихъ примѣчаніяхъ находятся въ «Полномъ Собраніи Законовъ».

(**) Вотъ начало манифеста 27-го февраля 1727 года: «Что не только крестьяне, на которыхъ содержаніе войска положено, въ великой скудости обрѣтаются и отъ великихъ податей и непрестанныхъ экзекуцій и другихъ невсладковъ въ крайнее изорженіе приходятъ, но и другія дѣла, яко коммерція, юстиція и монетные дворы весьма въ слабости состоянии и все это скорѣйшаго поправленія требуютъ. Чтобъ востать истину этихъ словъ, надо взглянуть на систему сборовъ, бывшую при Петрѣ-Великомъ: на каждый предметъ, на каждую истребляемую потребность и даже прихоть, опредѣлялся особый сборъ со всего государства, или некоторыхъ сословій; на-примѣръ, на построение какого-либо зданія, на перемѣну мушкетеръ въ артиллеріи, назначался сборъ особый. Эти сборы хлѣбомъ и деньгами назначались; можно сказать, ежедневно и сопровождался тяжкими экзекуціями отъ посланныхъ офицеровъ и солдатъ; потому-что мѣры гражданскаго взысканія, при всей ихъ строгости, оказывались недостаточными. Наконецъ, это достигло до того, что уже нельзя было собрать ни денегъ, ни хлѣба, и въ 1710 году сентября 17-го состоялось»

люди; непродвиженъ живши бросали кровь родной и далеко бѣжали отъ родины (*).

Мудрости Елизаветины развила повсюду довольство, заселила степи, и гдѣ, гдѣ ковыль игралъ съ вѣтромъ, воздвигла города и села; чуждыя языкъ пламена тѣнами стекались подъ благотворный кровъ монархини.

Петръ желалъ, пламенно желалъ просвѣщенія своего народа; но здрота академіи, какъ представителей высшей степени просвѣщенія народа того, бросая сама образованія въ высшіе классы, не только не заботилась развить его въ низшихъ слояхъ общества, но некоторымъ образомъ разрушала его. Въ 1714 году, августа 18 приказано было собрать одного изъ четырехъ грамотныхъ со всего государства. Надо вообразить какой ударъ нанесло это повелѣніе грамотности народной, когда не далее, 25 лѣтъ назадъ, рекрутъ, поступившихъ на службу, оцѣнивали, какъ умершихъ кровныхъ (**). Въ чемъ же состояло просвѣщеніе того времени?—Высшее сословіе надѣло французскій кафтанъ и парикъ, приняло наружные иностранныя приемы и внутренніе пороки, танцовало въ асаиблядахъ, сохраняя всю грубость и наважество отцовъ своихъ! (***)

возвѣстіе привезти изъ Сибирской-Губерніи 13219 четвертей провіанта въ Петербургъ по зимнему пути. Въ 1718 году, опредѣлено было собрать вмѣстѣ недомеченныхъ и бѣднѣшихъ рекрутъ по 20 рублей на человѣка; было исчислено 901,454 руб. и при всей строгости могли собрать 129,270. Одинъ изъ городовъ, по исчисленію, платилъ подушнымъ въ годъ 4,880 руб., но могъ внести только 370 руб. Это состояніе государства прозядало и другое зло, — зло высканія недоимокъ при Барольтѣ. Кража, ильскъ, тысячи гибли въ мукахъ, и государство доведено было до крайней степени разоренія. Такъ зло переживаетъ насъ. Конечно, гробы безмолвны; но исторія, свѣдѣвая о томъ, какъ они жили, что чувствовали въ жизни.

(*) Изъ опредѣленія о сборѣ рекрутъ 1711 г. іюля 30-го видно, что въ 1710 году противъ перенаселенія 1707, 1708 и 1709 годовъ въ одной Ингерманландской-Губерніи (Санктпетербургской) оказалось 72,183 двора опустѣвшихъ безъ жителей (всѣхъ дворовъ было 178,140) следовательно, въ теченіе трехъ лѣтъ исчезла почти половина народонаселенія, хотя въ эти годы война не касалась предѣловъ губерніи. Съ 1702 года для построенія Петербурга собиралось до 32,000 работниковъ; следовательно, въ теченіи пятнадцати лѣтъ было собрано до 800,000 человѣкъ. На содержаніе этихъ работниковъ въ теченіи пятнадцати лѣтъ собрано болѣе 3,000,000 руб. серебромъ. Въ 1711 году, въ ноябрѣ прекращенъ былъ сборъ работниковъ натурою, а велѣно было взимать по шести рублей за человека. По переписи 1711 года считалось въ государствѣ 812,131 дворъ; полагая въ каждомъ дворѣ мужескаго пола по три человѣка, выйдетъ, что все населеніе государства состояло изъ 2,500,000 мужескаго пола душъ. Полагая, что ежегодно для арміи и флота собиралось 50,000 человѣкъ, что составляетъ въ теченіи двадцати-пяти лѣтъ безпрестанныхъ войнъ около милліона; присоедините къ этому 500,000 работниковъ, — что останется въ селеніяхъ? Старый и малый! Въ какомъ же положеніи должны быть финансы того времени, когда всѣ производительныя силы государства или сражались, или строили Петербургъ! Многие съ восторгомъ восклицаютъ: Петръ велъ тяжкія войны, имѣлъ всегда деньги и не оставилъ имъ копейки государственнаго долга! Надо спросить у народа: что онъ терпѣлъ? что онъ выстрадалъ и перенесъ отъ муторной финансовой мѣры того времени?

(**) Что же было въ то время, когда не было въ войскахъ отставокъ?

(***) Намъ кажется, что почтенный авторъ статьи при этомъ рѣзкомъ приговорѣ мало обращаетъ вниманія на эпохи, въ которыя дѣйствовали Петръ и Екатерина, и на борьбу, которая предстояла первому, и на спокойствіе, съ которымъ могла дѣйствовать вторая. Между дѣйствіями Петра и Екатерины лежитъ полвѣка; а если взглянуть на Россію въ томъ видѣ, какъ считалъ ее Петръ, и на Россію, какъ приняла Екатерина, то можно подумать, что между этими двумя эпохами протекли столѣтія. Тутъ собственно и сравненія быть не можетъ! Ред.

Екатерина постигла непрочность этого образованія; она учредила гимназій и приходскія народныя училища, стараясь развить въ государствѣ просвѣщеніе путемъ болѣе-дѣйствительнымъ и прочнымъ. Она думала, что просвѣщеніе, соединенное съ вѣрою и преподаваемое служителями алтарей (*), есть лучшій двигатель народнаго образованія. И действительно, не этимъ ли путемъ шло просвѣщеніе народовъ древняго мира; не такъ ли оно разливалось среди поколѣній, на ихъ могилахъ жившихъ и живущихъ? Александръ-Благословенный, проникнутый благостію и духомъ великой бабки своей, поддержалъ, упрочилъ и развилъ твореніе Екатерины. Только совокупныя и постоянныя усилія этихъ необыкновенныхъ государей могли дать другое направленіе просвѣщенію, болѣе общее и болѣе истинное. Петръ преобладалъ на сѣверѣ, Екатерина первенствовала въ дѣлахъ всей Европы, и Англія, эта гордая владычица морей, должна была смириться предъ ея гениемъ. Вникните въ событія и нашего времени,—вы увидите, что гений Екатерины былъ невидимый дѣятель и помощникъ Александру I-му въ борьбѣ съ Наполеономъ. Она, раздвинувъ предѣлы имперіи до Немана, дала ему средство дохоропить французскую армію въ недрахъ земли русской. Екатерина оставила Россію, устроенную и благоденствующую внутри, страшную могуществомъ внѣ, и гдѣ предѣлы возрастанію этого колосса! Почтите, г. Полевой, Екатерину свѣтлымъ, благимъ гениемъ, гениемъ вѣковъ и человечества. Повторю еще: миръ не видалъ государя, подобнаго Петру-Великому; это исполнѣнъ между владыками земными. Но много ли было и Екатерины?—Одна!

Возражая противу нѣкоторыхъ приговоровъ г. Полеваго, я отдаю справедливую дань его неоспоримымъ дарованіямъ и его трудамъ, вмѣющимъ въ себя много прекраснаго.

В. ПУШКОВЪ.

(*) Мысль Екатерины была, чтобъ въ семинаріяхъ и духовныхъ академіяхъ преподавалась медицина, приспособленная къ народнымъ болѣзнямъ; хотѣла соединить врачеваніе душевныхъ недуговъ съ тѣлесными. Если бы къ этому прибавили практическое сельское хозяйство, тогда бы произошли всесторонніе подходы для государства.

III.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННОГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ЯНВАРЬ 1845 ГОДА.

I. Государственныя учрежденія (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Высочайше повелѣно: 1) Телавскій Уездъ Грузино-Имеретинской Губерніи раздѣлить на два уезда: Телавскій и Сигнахскій; 2) Телавскій Уездъ составить изъ участковъ Телавскаго и Кварельскаго съ присоединеніемъ къ нимъ, отъ Терлино-Телаво-Хевсурскаго округа тѣхъ грузинскихъ деревень, которыя были присоединены къ сему округу, когда онъ находился въ составѣ Телавскаго-Уезда. Узднымъ городомъ оставить городъ Телавъ; 3) Сигнахскій-Уездъ составить изъ двухъ остальныхъ участковъ теперешняго Телавскаго-Уезда, а именно Сигнахскаго и Уканамхэрскаго. Сверхъ сихъ участковъ образовать въ Сигнахскомъ-Уездѣ, въ меньшемъ противъ другихъ размѣрѣ, третій участокъ изъ Ишракской-Степи, лежащей между рѣками Юрою и Алазанью. За штатный городъ Сигнахъ возвести на степень узднаго города Сигнахскаго-Уезда; 4) уздныя суды, уздное казначейство, уздныхъ землемѣра и прокурора имѣть общихъ для обомъ уездовъ, Телавскаго и Сигнахскаго, въ городѣ Телавѣ; 5) Сигнахскому уздному управленію предоставить право совершать и свидѣтельствовать разные акты на равнѣ съ уздными судами; 6) съ возведеніемъ города Сигнаха на степень узднаго, образовать въ ономъ городскую полицію съ отнесеніемъ ея содержанія на городскіе доходы; 7) за тѣмъ вся части управленія Телавскаго и Сигнахскаго-Уездовъ, по раздѣленіи ихъ, образовать по штату, утвержденному Его Императорскимъ Величествомъ 29 ноября въ видѣ временной мѣры, впредь до изданія общихъ наказовъ и штатовъ губернскимъ и узднымъ управленіямъ закавказскаго края и 8) сумму, которая потребуется по сему штату къ новому расходу изъ государственнаго казначейства, обратять на счетъ остатковъ отъ сокращенія штатовъ уздныхъ судовъ по всему закавказскому краю (Выс. повел. объявл. 7 декабря).

— Высочайше утверждено положеніе объ обманѣ государственныхъ ассигнацій и депозитныхъ билетовъ на государственныя кредитныя билеты.

Т. ЖХХХ. — Отд. III.

1/4 1

леты и о платежъ за фальшивые. Представляемъ изъ сего положенія краткое извлеченіе. Для означеннаго обмѣна, съ 15 января 1845 года открывається пріемъ оныхъ отъ частныхъ людей въ Экспедицію Государственныхъ Кредитныхъ Билетовъ въ Санктпетербургъ, а потомъ въ конторахъ Коммерческаго Банка: Московскои, Архангельскои, Рязскои, Одесскои, Кіевскои и Харьковскои. Къ обмѣну принимаются все приписанныя ассигнаціи и депозитные билеты, имѣющіе установленную форму; при предъявленіи же ветхихъ, Кредитная Экспедиція и конторы Коммерческаго Банка руководствуются правилами, изображенными на сей предметъ въ ст. 1004, 1005 и 1045 Уст. Кред. (Св. Зак. т. XI изд. 1842 года). За подлежащіе обмѣну ассигнаціи и депозитные билеты выдается соответственная сумма кредитными билетами, съ добавкою мѣнѣ одного рубля серебромъ размѣною серебряною и мѣдною на серебро монетою, считая $\frac{3}{4}$, в $\frac{2}{4}$, за одну четверть, $\frac{5}{8}$, и $\frac{1}{4}$ за одну половину и $\frac{1}{8}$, за три четверти копейки. За поступившія въ Ассигнаціонный Банкъ и Экспедицію Депозитной Кассы фальшивыя ассигнаціи и депозитные билеты такихъ родовъ, по которымъ произведены уже надлежащія изслѣдованія, платѣжъ производится, исключая, когда съдѣствіемъ обнаружено: а) что ассигнаціи и депозитные билеты отобраны отъ изобличенныхъ въ дѣланіи оныхъ или ихъ соумышленниковъ, б) что ассигнаціи и депозитные билеты такъ безобразно составлены, что съ перваго взгляда обнаруживается ихъ подложность и в) что ассигнаціи и депозитные билеты найдены кѣмъ-либо случайно (Высоч. повел. объявл. 5 января).

— Для воспособленія семействамъ учреждаемой при казенныхъ лѣсахъ постоянной лѣсной стражи въ разныхъ несчастныхъ случаяхъ надлежащими ссудами, повелѣно образовать по Министерству Государственныхъ Имуществъ особый вспомогательный капиталъ, съ тѣмъ, чтобъ 1) на составленіе онаго взъискивать при продажѣ казеннаго лѣса, сверхъ поенныхъ и посаженныхъ денегъ, поступающихъ въ государственные доходы и определеннаго въ ст. 775 Свода Зак. т. VIII Уст. Лѣс. изд. 1842 года процента, еще по одному проценту; 2) капиталъ сей распределять по губерніямъ въ количествѣ 25 руб. сер. на каждой дворъ постоянной лѣсной стражи, для выдачи въ ссуду при неурожаяхъ, падежахъ скота и въ другихъ случаяхъ, кромѣ пожаровъ, для которыхъ въ ст. 138 Св. Зак. т. VIII Уст. Лѣс. постановлены особыя правила. 3) Ссуду производить безъ процентовъ съ разсрочкою на сколько угодно лѣтъ; 4) если будетъ излишекъ сбора сверхъ определенной на каждый дворъ суммы капитала, то обращать оный въ особый запасный капиталъ, для употребленія на водвореніе вновь стражи въ случаѣ недостатка определеннаго для того отъ казны пособия и на ремонтъ домовъ лѣсныхъ офицеровъ, и 5) о храненіи капитала, отчетности, употребленіи, выдачѣ ссудъ и о возвращеніи оныхъ дать отъ Министерства палатамъ государственныхъ имуществъ особую инструкцію (Ук. Прав. Сен. 15 января).

— Высочайше утверждень въ 1-й день сего января новый штатъ IV Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

— Высочайше утверждено въ 19-й день декабря прошлаго года положеніе о подчиненіи Евреевъ въ городахъ и уездахъ общему управленію, съ уничтоженіемъ еврейскихъ кагаловъ. Представляемъ извлеченіе изъ сего положенія. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ дозволено Евреямъ постоянное пребываніе, они не дѣлаютъ полицейскимъ находятся въ непосредственной зависимости городской или земской полиціи, смотря по мѣсту ихъ жительства; по дѣламъ же о правахъ состоянія, хозяйственнымъ и податнымъ, завѣдываются думами или ратушами тѣхъ городовъ, къ которымъ приписаны, хотя бы некоторые изъ Евреевъ и проживали въ мѣстечкахъ, селеніяхъ и деревняхъ. Постановленныя въ семъ положеніи правила не распространяются: 1) на Евреевъ, являющихся въ Ягѣ, и въ тѣхъ городахъ Курляндской-Губерніи, которые пользуются особыми привилегіями; 2) на Евреевъ, поселенныхъ въ Сибири, которые управляются по особому положенію; 3) на Караймовъ и 4) на Еврескъ-земледѣльцевъ, для которыхъ существуютъ особыя положенія. Въ городахъ, гдѣ не имѣется ни думъ, ни ратушь, равно и въ уездахъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ постоянное пребываніе Евреямъ воспрещено, хозяйственное управленіе ими относится къ думамъ ближайшихъ городовъ, по удобности, съ разрѣшенія генерал-губернатора. Въ тѣхъ же городахъ, гдѣ вѣдѣны думы и ратуши хозяйственная часть находится въ вѣдѣніи магистратовъ, оныя завѣдываютъ Евреями на правахъ думъ и ратушь. За сими никакое особое еврейское управленіе существовать не должно, и потому всѣ кагалы и прикагалки уничтожаются, а дѣла ихъ немедленно передаются по принадлежности въ городскія думы и ратуши. Губернскія правленія, собравъ подробныя свѣдѣнія о всѣхъ расходахъ еврейскихъ обществъ по содержанію синагогъ, школъ, богадельнъ, раввиновъ и по другимъ предметамъ, и означивъ въ какой степени всѣ сіи расходы въ каждомъ уездѣ и мѣстечкѣ могутъ быть допущены и покрываемы коробочными сборами или мѣстными раскладками, составляютъ табели расходовъ, собственно по еврейскимъ обществамъ въ каждомъ уездѣ и мѣстечкѣ, и рассылаютъ оныя въ надлежащія думы или ратуши, въ градскія и земскія полиціи, для руководства при раскладкѣ общественныхъ сборовъ. Табеля сіи возобновляются, судя по измѣненію потребности расходовъ, подлежащихъ на мѣстныхъ раскладкахъ, каждый годъ, или по истеченіи трехъ лѣтъ, или по возобновленіи контрактовъ на содержаніе коробочныхъ сборовъ. Эти обязанности, возлагаясь на губернскія правленія, исполняются въ отношеніи Евреевъ, жительствующихъ въ городѣ Одессѣ и чертъ оного, одесскимъ военнымъ губернаторомъ, въ Керчи же и Таганрогѣ тамошними градоначальниками. Кромѣ государственныхъ податей и земской повинности, никакіе сборы и раскладки съ Евреевъ не должны быть производимы безъ особаго письменнаго разрѣшенія или предписанія губернскаго начальства ва имя думы или ратуши, завѣдывающей Евреями. Раскладка сборовъ съ Евреевъ есть двоякая: 1) раскладка государственныхъ податей и денежной земской повинности, которая исполняется по общему порядку и 2) раскладка на содержаніе разныхъ еврейскихъ общественныхъ, богоугодныхъ и служебныхъ предметовъ. Въ первой изъ сихъ

раскладокъ участвуетъ все вообще еврейское общество; вторая же раскладка производится чрезъ избранныхъ отъ еврейскихъ обществъ уполномоченныхъ, которые назначаются для сдѣланія одной только именно порученной имъ раскладки, и допускаются въ сіе званіе не иначе, какъ съ утвержденія мѣстнаго начальника губерніи или области. Въ канцеляріи городскихъ думъ или ратушь, завѣдывающихъ Евреями, опредѣляется, сверхъ положенныхъ штатами, по одному бухгалтеру и прибавляется такое число писарей, какое окажется необходимымъ по количеству Евреевъ, подвдомственныхъ думъ или ратушь, или по отчетности и исполненію другихъ хозяйственныхъ распоряженій. Для покрытія сихъ расходовъ, на жалованье и канцелярскія потребности производится съ еврейскихъ обществъ особый сборъ, со включеніемъ онаго въ сумму расходовъ.

— Во 2-й день сего января удостоился Высочайшаго утвержденія внесенный г. министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Государственный Совѣтъ проектъ «Учрежденія Губернскихъ Правленій», которое вслѣдъ за тѣмъ распубликовано Правительствующимъ Сенатомъ, для немедленнаго приведенія въ исполненіе по всей Имперіи, кромѣ трехъ губерній остзейскихъ, Сибири, областей Бессарабской и Кавказской, закавказскаго края, земель войскъ казачьихъ и земель кочевыхъ инородцевъ. Сообщаемъ здѣсь обзоръ сего учрежденія, помѣщенное во второй книжкѣ нынѣшняго года «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ».

Это «Учрежденіе» составлено было на основаніи собранныхъ свѣдѣній и указаній опыта, съ цѣлю: упростить, по возможности, и ускорить дѣлопроизводство въ губернскихъ правленіяхъ, остающихся, какъ и прежде, высшими въ губерніи мѣстами, управляющими ею, въ силу законовъ, именовъ Императорскаго Величества. Сообразно съ тѣмъ, признаны нужными нѣкоторыя перемѣны въ способахъ и образѣ ихъ дѣйствія, изъ которыхъ главнѣйшія прилагаются здѣсь въ краткомъ очеркѣ.

Оставаясь по-прежнему предсѣдателемъ губернскаго правленія, начальникъ губерніи не связывается обязанностями ближайшаго и отвѣтственнаго надзора за канцелярскимъ порядкомъ дѣлопроизводства въ правленіи, которыя возлагаются на вице-губернатора, и, сверхъ того, освобождается отъ ежедневнаго присутствія въ правленіи. Это даетъ ему болѣе средствъ и времени обращать особенное вниманіе на предметы болѣе важныя.

Въ лицѣ вице-губернатора, данъ начальнику губерніи, на точномъ основаніи учрежденія о губерніяхъ 1775 года, поручитъ или помощникъ по всемъ частямъ, долженствующій раздѣлять съ нимъ труды управленія, замѣнять его вслѣдъ, гдѣ окажется нужнымъ, и имѣть въ своемъ непосредственномъ ведѣніи все менѣе важныя предметы. На этомъ основаніи, вице-губернаторъ, не управляя особо никакимъ отдѣленіемъ, наблюдаетъ за дѣлопроизводствомъ всего правленія вообще, завѣдуя ближайшимъ образомъ канцелярією присутствія; а въ присутствіи заступаетъ мѣсто отсутствующаго губернатора, въ качествѣ вице-предсѣдателя, но съ нѣкоторыми ограниченіями въ правахъ и во власти.

Для болѣе успѣшнаго теченія дѣлопроизводства, воздана губернскаго

правленія раздѣлены на «распорядительныя», которыхъ рѣшеніе состоитъ не въ простомъ только исполненіи, но гдѣ необходимо предварительное соображеніе и разсужденіе, и «исполнительныя», по которымъ разсужденія излишни, а должно послѣдовать непремѣнное исполненіе извѣстныхъ и неподлежащихъ сомнѣнію порядкомъ. Только дѣла перваго рода должны быть рѣшаемы губернаторомъ. Вторыя исполняются, смотря по важности: или постановленіями присутствія, или лично вице-губернаторомъ, или наконецъ и совѣтниками, каждымъ по своей части. Все это должно послужить къ облегченію и ускоренію дѣлопроизводства тѣмъ болѣе, что этимъ порядкомъ большая часть исполнительныхъ дѣлъ будутъ исполняться безъ журналовъ.

Съ тою же цѣлю, при канцеляріи правленія учреждается особый ревизіонный столъ, въ который должны поступать вся отчеты и вся требованія о понужденіяхъ. Эту перепискою не будутъ обременяться прочіе столы канцеляріи, а ревизіонный столъ, не заводя особыхъ по понужденіямъ дѣлъ и даже не оставляя у себя отпусковъ съ понужденій, которыя пишутся однообразно на печатныхъ бланкахъ, станетъ вести всю эту переписку по самымъ сокращеннымъ формамъ и особымъ реестрамъ.

Равнымъ образомъ, для той же цѣли, все доклады по присутствію правленія постановлено дѣлать однообразными формами журналовъ, изготовляемыхъ въ отдѣленіяхъ по принадлежности; формы регистровъ измѣнены, и входящія бумаги будутъ записываться вмѣсто пяти или шести разъ только два или три раза: въ дежурную книгу, во входящій регистръ, который есть и общій и частный, и наконецъ въ настольный регистръ; голословная переписка о полученіи бумагъ отъменена; срочныя донесенія будутъ записываемы во особой весьма облегчительной формѣ, гдѣ только выставляется въ графахъ число полученія, а пробѣлы показываютъ по первому взгляду, откуда донесенія еще не поступало; форма настольнаго регистра упрощена; даны образцы бланковъ по всемъ однообразнымъ производствомъ; входящій и въ то же время настольный регистръ ревизіоннаго стола устроены такимъ образомъ, что, при всей краткости отматокъ, по первому взгляду будетъ видно, что послѣдовало на понужденіе и за кѣмъ оставовидось дѣло; наконецъ, для большаго ускоренія, вся понудительная переписка изъята изъ общаго порядка исполненія по журналамъ, а должна дѣлаться по непосредственному распоряженію вице-губернатора, переходя тогда только въ общій порядокъ, когда должно воспослѣдовать какое-либо взъисканіе.

Относительно публикатіонной и списочной части, представляющихъ доселѣ весьма-много затрудненій, установленъ совершенно-новый, возможно-упрощенный порядокъ. Главному органу мѣстной гласности, «губернскимъ ведомостямъ», сообразно съ сею цѣлю, приданъ болѣе удобный видъ, раздѣленіемъ ихъ на два отдѣла: мѣстный и общій, изъ которыхъ первый предназначается собственно для своей губерніи, и единъ только второй долженъ разсылаться во всему государству. Разнаго рода публикатіи, слѣдующія въ «Сенатскія Ведомости», будутъ

по-прежнему пересылалась через губернское правление; но деньги за печатание ихъ, для облегченія правленій, отнынѣ будутъ пренесены изъ всѣхъ мѣстъ непосредственно въ Контору Сенатской Тайнографіи. Число съисковъ вообще ограничено одною действительною необходимостію; а отправленіе статей на отдѣльныхъ лѣсткахъ съ требованіемъ отовсюду отвѣтовъ о томъ, что ничего не отыскано, вовсе отменено: вмѣсто того, каждое губернское правленіе будетъ печатать, въ особыхъ «Съисковыхъ Прибавленіяхъ», сразу всѣ съискныя статьи, въ такомъ числѣ экземпляровъ, сколько нужно по всему государству. Такимъ образомъ, каждое правленіе станетъ печатать только свои съиски, прочіе же будутъ получать готовыми и только разсылать; следовательно, будетъ у себя набирать въ сорокъ-восемь разъ меньше, чѣмъ нынѣ, а печатать въ общей сложности въ половину меньше. Затѣмъ, отвѣчать обязано только то лицо или мѣсто, въ ведомствѣ котораго отыскиваемое найдется; если же въ теченіе одного года такого извѣщенія не поступитъ, то дѣло рѣшается такъ, какъ-бы отовсюду получены были отвѣвы отрицательные, съ отвѣтственностію того мѣста, гдѣ отыскиваемое могло бы въ послѣдствіи найдтись, и съ возобновленіемъ въ такомъ случаѣ дѣла. Порядокъ сей облегчаетъ публикаціонную и съискную части до такой степени, что газетный столъ безъ затрудненія будетъ вести дѣло это съ совершенною отчетливостію, чему также должны не мало способствовать простыя и ясныя формы регистровъ: 1) по пересылочнымъ статьямъ въ «Сенатскія Ведомости»; 2) по оффиціальнымъ статьямъ «Губернскихъ Ведомостей»; 3) по статьямъ неоффиціальнымъ «губернскихъ ведомостей» и 4) по съискнымъ статьямъ, гдѣ отиѣчаются сроки публикацій и получаемые отвѣвы съ тѣмъ, чтобъ заявлять своевременно объ истеченіи сроковъ, для окончательнаго постановленія по дѣлу.

По части казначейской, кромѣ опредѣленія вновь казначея и его помощника, послѣдовали значительныя перемѣны, состоящія въ начертаніи положительныхъ правилъ и сколько-возможно-простыхъ формъ для вѣрной и ясной отчетности. Разнообразіе и мелочность суммъ, поступающихъ въ губернское правленіе, всегда почти производили запутанность, такъ-что, даже при вѣрномъ балансѣ, въ концѣ года правленіе не могло дать отчета въ томъ, куда именно принадлежатъ наличная сумма, нацѣпывшаяся изъ различныхъ остатковъ. Нынѣ счетоводствѣ казначея ограничено небольшимъ числомъ книгъ; но въ приходной книгѣ прибавлены особыя главы, въ которыхъ противъ каждой приходной статьи указывается на соответствующія статьи расходной книги, такъ-что каждая статья очищается отдѣльно и отчетность по каждой суммѣ порознь всегда на виду. Кромѣ того, въ наблюдательномъ казначейскомъ регистрѣ соединяется и самый журналъ, на основаніи котораго даются казначею приходныя указы; и въ этомъ регистрѣ или журналѣ сосредоточивается вся безъ изъятія денежная отчетность правленія и поварка казначейскихъ книгъ.

Архивы губернскихъ правленій также требовали особыхъ мѣръ для приведенія ихъ въ порядокъ. Въ слѣдствіе того, постановлено теноръ

вся дѣла, не заключающія въ себя для будущаго никакой важности, уничтожать черезъ десять лѣтъ, такимъ образомъ, чтобы, за исключеніемъ дѣлъ важныхъ, въ архивахъ хранились восточно только дѣла за десять лѣтъ. Это дѣлаетъ возможность хранить ихъ въ большемъ порядкѣ и удовлетворять безъ затрудненій случающіеся требованія о справкахъ. Кроме того, архивариусъ значительно облегченъ указаніемъ точнаго и простаго порядка разбора и храненія дѣлъ, которыя будутъ сдаваться въ архивъ по подлиннымъ настольнымъ регистрамъ, въ замѣну особымъ описей, и состоять подъ тѣми же номерами, подъ какими были въ столѣ до вѣра проиходства.

Засимъ, усилены самыя шлага губерскихъ правленій; а именно: въ каждое отдѣленіе назначено по секретарю, кроме старшаго или собственно секретаря присутствія, которому данъ помощникъ въ званіи начальника ревизіоннаго стола; определены особы казначей съ помощникомъ и редакторъ губерскихъ ведомостей; прибавлено регистратору и архивариусу по одному помощнику и три помощника столоначальниковъ; всего же, въ губерціонномъ правленіи перваго разряда, за упраздненіемъ званій регистраторовъ отдѣльных и приходорасходчика, прибавлено девять новыхъ чиновниковъ, содержаніе которыхъ простирается до 12,000 р. сер.

Вообще, обязанности каждаго чиновника правленія въ новомъ учрежденіи определены съ большою точностію, и обращено особенное вниманіе на то, чтобы ихъ сдѣлать удобовосполнимыми, такъ, чтобы дѣятельность обращалась не на одну наружность, отписку и отчетность бумажную, а состояла въ точномъ исполненіи законовъ на-самомъ-дѣлѣ.

Желаніе основать это учрежденіе на соответственныхъ цѣляхъ началахъ, побудило г. министра внутреннѣхъ дѣлъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, обратиться предварительно къ начальникамъ губерцій, съ просьбою разсмотрѣть предложенія министерства и доставить отчетливыя заключенія свои по всемъ предметамъ, по которымъ вρίζаются то нужнымъ, не упуская ничего, что по мнѣнію ихъ можетъ служить къ улучшенію этой важной части управленія, которая, какъ и самое исполненіе предначертываемыхъ правилъ, будетъ въ-дальнѣйшій лежать на полной ихъ ответственности. Въ-слѣдствіе того, большинство составленныхъ на этотъ предметъ губерскихъ комитетовъ, именно тридцать-два, отозвались, что составленный въ министерствѣ проектъ учрежденія несомнѣнно общааетъ пользу и что основанія его вполне соответствуютъ действительнымъ практическимъ потребностямъ управленія; все же вообще представили болѣе 1,200 замѣчаній и предположеній. Все это было тщательно пересмотрѣно и соображено при министерствѣ въ особомъ комитетѣ, подъ председательствомъ г. министра, и такимъ образомъ составилось настоящее учрежденіе, окончательное рассмотрѣнное и утвержденное въ Государственномъ Советѣ. При всемъ томъ, для бѣльшей осторожности, необходимой при устройствѣ столь важнаго въ государственномъ управленіи мѣста, безспорно служащаго основною всѣхъ дѣйствій правительства въ губерціяхъ, г. министръ съчелъ нужнымъ испрошить утвержденіе этого учрежденія, въ вида опыта, только шестри года.

II. ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СОСТАВА И ПРАВЪ ИХЪ).

— Для предоставленія Орловской Палатѣ Гражданскаго Суда надлежащихъ средствъ къ исправленію допущенныхъ въ оной, въ прежнее время, безпорядковъ, повелѣно учредить при этой палатѣ два временныхъ стола, впредь на два года, съ отпускомъ на содержаніе оныхъ по тысячѣ-семи-сотѣ-три рубля семидесяти-восми копеекъ серебромъ ежегодно на счетъ суммъ, ассигнуемыхъ по смѣтѣ Министерства Юстиціи на разныя присутственныя мѣста и чины по особымъ въ прежнихъ годахъ назначеніямъ, съ дозволеніемъ распределять сію сумму между служащими, равно опредѣлять и увольнять сихъ послѣднихъ, по ближайшему мѣстному усмотрѣнію и въ томъ же порядкѣ, въ которомъ дѣлаются сія распоряженія въ отношеніи прочихъ служащихъ въ сей палатѣ и съ тѣмъ, чтобъ лицамъ, которыя опредѣлены будутъ въ составъ означенныхъ столовъ, предоставлены были тѣ же служебныя права, которыми пользуются прочіе чиновники, служащіе въ той палатѣ въ podobныхъ же должностяхъ (Высоч. повел., объявл. 23 дек.).

— По предмету о перемѣнѣ свидѣтельствъ, выданныхъ изъ бывшей Бѣлостокской Палаты Гражданскаго Суда до обращенія Бѣлостока изъ областнаго въ узданный городъ, жителямъ онаго на дома и лавки, для представленія въ залогъ по подрядамъ, повелѣно: выданныя изъ бывшей Бѣлостокской Гражданской Палаты свидѣтельства на дома и лавки, которые не поступили еще по поставкамъ и подрядамъ въ залогъ, считать ничтожными и въ залогъ не принимать; а тѣ, которые уже поступили до истеченія срокъ на операціи, по кончѣ они въ залогъ приняты, оставить въ своей силѣ; по окончаніи же сихъ операціи, не возвращая залогодателямъ, отсылать въ Гродненскую Гражданскую Палату для уничтоженія и для выдачи владѣльцамъ домовъ и лавокъ, если пожелаютъ, другихъ свидѣтельствъ, по учиненіи новыхъ оцѣнокъ, по нынѣшнему ихъ состоянію и получаемому доходу (Указъ Прав. Сен. 5 января).

— Высочайше утверждено въ 26 день декабря положеніе о ларинскомъ банкѣ въ селѣ Любучахъ, Рязанской Губерніи, учреждаемомъ для ссуды вольнымъ хлѣбовашцамъ того села. На этотъ предметъ опредѣляется 12,000 руб. сер. изъ капитала, пожертвованнаго московскимъ купцомъ Ларинымъ и выросшихъ на сей капиталъ процентовъ. Вся жители села Любучь обязаны отвѣтствовать миромъ за цѣлость сего капитала. Раздача капитала въ ссуду производится по приговору правленія банка, состоящаго изъ трехъ старшинъ: одного сельскаго и двухъ собственно на сей конецъ избираемыхъ жителями села Любучь. Смотрителю ларинскаго училища поручается надзоръ за порядкомъ веденія шнуровыхъ книгъ и алфавитнаго списка, а равно и за тѣмъ, чтобъ въ раздачу денегъ соблюдался былъ должный порядокъ и никому не было дано притѣсненія. Директоръ училищъ, будучи обязанъ обозрѣвать учебныя заведенія своего вѣдомства по-крайней-мѣрѣ одинъ разъ въ годъ, непременно посѣщаетъ ларинское училище и свидѣтельствуесть всѣмъ дѣламъ, до банка касающимся. Сверхъ-того, попечитель Мо-

сковскаго Учебнаго Округа по-временамъ ревизуетъ банкъ чрезъ инспектора казенныхъ училищъ или командируетъ къ тому другаго свѣдущаго и благонадежнаго чиновника. Каждому свободному хлѣбопашцу села Любучъ предоставляется право получать изъ банка ссуду по числу участковъ земли, имъ владѣемой, полагая не свыше ста рублей серебромъ на участокъ. Бѣдные хлѣбопашцы удовлетворяются ссудою преимущественно; всѣ же прочіе получаютъ оную по очереди. Если за ссудою вольнымъ хлѣбопашцамъ села Любучъ еще останется некоторая сумма: то она раздается другимъ, по усмотрѣнію правленія банка, и даже изъ другихъ сселеній, если міръ возметъ сіе на свою ответственность. Вольный хлѣбопашецъ можетъ брать въ ссуду деньги, срокомъ отъ трехъ до десяти лѣтъ включительно, со взносомъ, при началѣ каждаго года, шеста процентовъ. Капиталъ предоставляется уплачивать или весь сполна по прошествіи трехъ лѣтъ, или ежегодно по равнымъ частямъ; если же заемъ сдѣланъ на десять лѣтъ, то также ежегодно, не менѣе однако десятой части, слѣдующей съ каждаго принятаго въ залогъ участка земли. Поступившій въ залогъ участокъ земли дѣлается свободнымъ не иначе, какъ по выплатѣ всей, въ заемъ подъ него данной, капитальной суммы. Впрочемъ, никому не возбраняется продать свой участокъ и тогда, когда онъ находится подъ залогомъ въ банкѣ, во въ такомъ случаѣ покупщикъ переводитъ на себя выдачныя изъ банка деньги. Каждый заемщикъ съ получаемаго въ ссуду капитала долженъ въ то же время внести установленныя шесть процентовъ впередъ за годъ, полагая оныя съ 1 января того же года, при поступленіи котораго ссуда выдается. За послѣдующіе же годы проценты и въ опредѣленные сроки капитальная сумма вносятся тоже въ-теченіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ безъ взъисканія процентовъ за просрочку съ 1 января, во избежаніе дробныхъ расчетовъ. Внесенныя единожды проценты ни въ какомъ случаѣ заемщику не возвращаются, хотя бы онъ уплатилъ занятый капиталъ и прежде истеченія года, за который они уплачены. Доходы сего капитала попечитель Московскаго Учебнаго Округа имеетъ право употреблять, по усмотрѣнію своему, въ пользу учрежденнаго въ томъ же селѣ Ларинскаго Училища. Если по наступленіи года кто-либо изъ заемщиковъ не внесетъ въ-теченіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ процентовъ на занятый капиталъ, то правленіе банка немедленно включаетъ имя его въ списокъ неисправныхъ плательщиковъ; а сънѣжность того лѣта съ состоящихъ въ залогъ участковъ земли отдаетъ, на мірской сходкѣ, въ насѣдъ и изъ вырученныхъ денегъ, отчисливъ надлежащіе проценты на всю капитальную долговую сумму, внести въ оныя и въ приходъ и сдать по принадлежности; остальныя же за тѣмъ деньги удерживаетъ въ пользу капитала. Такая же мѣра взъисканія употребляется и въ случаѣ неисправной уплаты капитальной суммы. Если подобная неисправность со стороны должника повторится въ-теченіи трехъ лѣтъ, то онъ лично теряетъ довѣріе банка и на будущее время лишается права на ссуду, а заложенные имъ участки земли правленіемъ банка отдаются въ оброчное содержаніе до-тѣхъ-поръ, пока не пополнится вся, числящаяся на должника банка, сумма.

— Постановленное вновь для Одесской Конторы Коммерческаго Банка правило о приемѣ къ учету векселей, которымъ остается срока къ платежу не менѣе восьми дней и не болѣе шести процентовъ, распространено и на Кіевскую Контору, впредь на одинъ годъ, съ дозволеніемъ этой Конторы, въ продолженіи того же времени, принимать въ залогъ и желѣзо, по примѣру Харьковской Конторы, по пятидесяти копеекъ за рубль, и опредѣлить на такой же срокъ одного ревизора товаровъ, съ жалованьемъ по 285 р. 92 коп. сер. изъ общихъ прибылей Банка. (Высоч. повел. объявл. 31 дек.).

— Въ мѣсто существующихъ въ г. Павлоградѣ трехъ ярмарокъ: Благовѣщенской, Троицкой и Покровской, учреждены другія три ярмарки: одна, начиная съ слѣдующаго, по минованіи второй недѣли великаго поста, воскресенья, другая со дня вознесенія Господня, и третья съ 20 сентября, — впродъ на семь дней каждая.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА ЯНВАРЬ 1845 ГОДА.

Народное просвѣщеніе. — Сообщаемъ извлеченіе изъ Высочайше утвержденнаго 1-го января положенія объ управленіи женскими учебными заведеніями. Эти заведенія имѣютъ частіе состоять подъ личнымъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы. Главное управленіе ими вѣрнется совѣту, который называется: Главный Совѣтъ Женскихъ Учебныхъ Заведеній. Заведенія, подвѣдомственныя Главному Совѣту, раздѣляются: на санктпетербургскія, московскія и губернскія. *Санктпетербургскія:* А. Принадлежащія къ учрежденіямъ Императрицы Маріи: 1) Воспитательное Общество Благородныхъ Дѣвицъ; 2) Александровское Училище; 3) Училище Ордена св. Екатерины; 4) Павловскій Институтъ; 5) Сиротскій Институтъ Императорскаго Воспитательнаго Дома; 6) Александрійскій Сиротскій Домъ; 7) Училища Солдатскихъ Дочерей Волковъ лейб-гвардіи № № 1-го и 2-го; 8) Училище Глухонемыхъ; 9) Повивальное Училище. Б. Состоящія подъ непосредственнымъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Теодоровны: 10) Патриотическій Институтъ; 11) Домъ Трудолюбія. *Московскія:* А. Принадлежащія къ учрежденіямъ Императрицы Маріи: 12) Училище Ордена св. Екатерины; 13) Александровское Училище; 14) Сиротскій Институтъ Московскаго Воспитательнаго Дома; 15) Малолѣтнее Отдѣленіе того же Дома. 16) Александрійскій Сиротскій Институтъ; 17) Повивальный Институтъ. Б. Состоящія подъ непосредственнымъ покровительствомъ Государыни Императрицы Александры Теодоровны: 18) Домъ Трудолюбія. *Губернскія:* А. Принадлежащія къ учрежденіямъ Императрицы Маріи: 19) Харьковскій Институтъ Благородныхъ Дѣвицъ; 20) Одесскій Институтъ Благородныхъ Дѣвицъ; 21) Одесское Городское Училище; 22) Казанскій Родионовскій Институтъ Благородныхъ Дѣвицъ; 23) Кіевскій Институтъ Благородныхъ Дѣвицъ; 24) Кіевское Училище Бѣдныхъ Дѣвицъ Графини Лерашевой; 25) Белостокскій Институтъ Благородныхъ Дѣвицъ;

26) Александринскій Институтъ Воспитанія Дѣвицъ въ Пулавахъ; 27) Могилевскій Институтъ Благородныхъ Дѣвицъ (по открытіи); 28) Закавказскій Дѣвичій Институтъ; 29) Дѣвичій Институтъ Восточной-Сибири (по открытіи); 30) Астраханскій Институтъ для Воспитанія Дѣвицъ; 31) Николаевское и 32) Севастопольское Училище для Дочерей Высшихъ Морскихъ Служителей Черноморскаго Флота. Б. Состояща въ непосредственномъ покровительствѣ Государыни Императрицы Александры Феодоровны; 33) Полтавскій Институтъ Благородныхъ Дѣвицъ; 34) Александринскій Институтъ Благородныхъ Дѣвицъ въ Тамбовѣ; 35) Сибирскій Домъ Трудолюбія.— Главный Советъ Женскихъ Учебныхъ Заведеній управляетъ сибирскими и губернскими заведеніями посредствомъ мѣстныхъ советовъ или другихъ начальствъ, при заведеніяхъ сихъ учрежденныхъ; а для управленія московскими заведеніями, открывается въ Москвѣ Отдѣленіе Главнаго Совета. Главный Советъ женскихъ учебныхъ заведеній состоитъ подъ непосредственными Высочайшими повелѣніями Ихъ Императорскихъ Величествъ. Сей советъ составляютъ председатель и члены. Число членовъ Главнаго Совета не ограничивается. Статсъ-секретарь, управляющій IV-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, есть вѣрноподанный членъ Главнаго Совета. Въ засѣданіе Главнаго Совета, когда потребуются надобности, приглашаются, для совѣщаній, начальники заведеній, а для объявленій инспекторы классовъ, правители хозяйственной части, архитекторы и другія должностныя лица, въ вѣдѣніи которыхъ находится нѣкакая-либо часть заведенія. Московское Отдѣленіе состоитъ изъ членовъ Главнаго Совета, имеющихъ пребываніе въ Москвѣ. Одинъ изъ этихъ членовъ, по Высочайшему назначенію, председательствуетъ въ собраніи отдѣленія. Въ случаѣ отсутствія его, или болезни, старшій по мѣстѣ членъ заступаетъ его мѣсто. Московскому Отдѣленію Главнаго Совета подчиняются изъ нечисленныхъ учреждений всѣ заведенія, въ Москвѣ находящіяся. Непосредственное управленіе женскими учебными заведеніями возлагается на мѣстныхъ при нихъ советы. Председатель и члены мѣстныхъ советовъ утверждаются Ея Императорскими Величествами.

— Разрѣшено открыть при Второй Харьковской Гимназіи благородный пансіонъ на 45 воспитанниковъ овокоштинныхъ. Если откроется надобность и возможность, число пансіонеровъ можетъ быть увеличено. Воспитанники посѣщаютъ классы гимназіи и, сверхъ-того, по мѣрѣ возможности и по усмотрѣнію начальства, они могутъ быть обучаемы музыкѣ, вѣзю, танцамъ и гимнастикѣ. Благородный пансіонъ состоитъ подъ главнымъ надзоромъ почетнаго попечителя гимназіи. За содержаніе пансіонера платится 200 руб. сер. и сверхъ-того вносится на первое образованіе 30 руб. сер. Воспитанники, окончившіе курсъ ученія и удостоившіе похвальныхъ аттестатовъ, пользуются и слѣдующими преимуществами: они принимаются въ гражданскую службу предпочтительно предъ теми, которые не обучались въ гимназіяхъ или другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Сверхъ-того, для нихъ сокращается на половину установленные сроки проволочна въ первый

классный чинъ: родовые дворяне получаютъ оный черезъ годъ, а дѣти дворянъ личныхъ чрезъ два года дѣйствительной службы

Промышленность. — Изъ отчета за минувшій 1844 годъ по царско-сельской желѣзной дорогѣ видно, что собрано было всего 254,136 р. 22 коп., израсходовано 113,187 руб. 75 коп., остается чистой прибыли 140,948 р. 47 коп. сер., а въ 1843 году чистой прибыли получено было 136,743 р. 29 к. сер.

— На ростовскую ярмарку на Дону съездъ въ минувшемъ году былъ весьма-многочисленный. Кроме лавокъ, выкопанныхъ тварами, мадьяны привозныхъ купцовъ изобиловали арацкими серебряными изделиями и другими предметами роскоши. Персидскія ткани были удивительной тонкости, рисунки ихъ отличались вкусомъ, и цѣны не превосходили умеренныхъ. Лошадиныхъ табуновъ было пригнано множество. Были лошади лучшихъ породъ и высокой цѣны. Сбытъ товаровъ превзошелъ ожиданія.

— Въ прошломъ году привезено въ Херсонъ разныхъ товаровъ и предметовъ на 501,181 р. 12 коп. сер., а изъ Херсона отправлено въ россійскіе порты товаровъ на 2,326,352 р. 52 к. сер.

— Выдана привилегія коллежскому секретарю Буцкому на изобретенный имъ рессорный механизмъ изъ деревянныхъ брусьевъ для всѣхъ вообще экипажей. Экипажъ на такихъ рессорахъ, по объясненію Буцкаго, выдерживаетъ противъ всѣхъ извѣстныхъ до сего времени рессорныхъ экипажей тѣ преимущества, что по чрезвычайной простотѣ своего устройства обходится весьма-дешево, можетъ выдерживать самую дурную, гравіую и изрытую колеями дорогу, при возобновленіи рессоръ весьма-скоро исправляется, ибо для перемѣны рессорнаго бруска стоитъ только отвернуть два винта и развязать концы; весьма-легокъ на ходу, такъ-какъ весь состоитъ изъ дерева; не валокъ даже при значительныхъ неровностяхъ дороги; отъ поврежденія рессоръ не только не падаетъ на бокъ, но можетъ продолжать безостановочно путь.

Благотворительность. — Декабря 6-го, въ день тезоименитства Государя Императора, въ Казани открытъ первый досель въ мірѣ татарскій дѣтскій пріютъ. Для образованія его тамошній 1-й гильдія купцовъ и почетный гражданинъ Ибрагимъ Юнусовъ пожертвовалъ въ вѣчную собственность пріюта каменные лавки, отдавшія болѣе 8,000 руб. сер. и приносящія дохода до 400 р. сер., образовавшееся перестроить ихъ, съ употребленіемъ еще до 5,000 руб., такъ, чтобъ онъ приносилъ постояннаго дохода еще до 571 р. Сверхъ-того, при участіи жены своей и брата, обѣщался онъ построить для помѣщенія пріюта особенный удобный домъ, съ употребленіемъ на то до 2,000 р.

— Неизвѣстная особа пожертвовала въ пользу Томскаго Маріинскаго Дѣтскаго Пріюта 150 р. сер. — Сумма, пожертвованная для Казанскаго Дѣтскаго Пріюта возрастаетъ до 41,000 руб. сер.

— Придворная Пѣвческая Капелла дастъ духовные концерты въ пользу Пріюта Арестантскихъ Дѣтей и для вспоможенія вдовамъ и сиротамъ умершихъ придворныхъ пѣвчихъ.

IV.

ДОБРОУРОДИЕ, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

П О Ч В А.

ДЛЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ; УЛУЧШЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ И ХИМИЧЕСКОЙ;
УДОБРЕНИЯ И УНАВОЖИВАНИЯ; УНАВОЖИВАНИЯ СЪЕМЦЪ.

Статья вторая.

УДОБРЕНИЕ ПОЧВЫ МЕРГЕЛЕМЪ.

Мергель составляет другое удобряющее вещество. Мергель состоит из смеси углекислой известки и глины болѣе или менѣе кремнистой; обыкновенное его местонахожденіе представляютъ окраины низкихъ возвышенностей, состоящихъ изъ наносныхъ пластовъ; здѣсь лежитъ онъ непосредственно подъ этими пластами.

Мергель встрѣчается въ различныхъ видахъ, которые имѣютъ очень-разнообразный составъ. Вообще, касательно его наружной формы, въ этомъ отношеніи замѣчу, что по мѣрѣ увеличенія въ мергелѣ количества известки, онъ твердѣетъ; когда въ немъ на 100 частей известки 80, онъ совершенный камень и не можетъ уже служить удобряющимъ веществомъ для почвы. Для земледѣльца лучший мергель, который находится въ породахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ много углекислой известки.

Обыкновенно, по наружному виду и по химическому составу, которые, какъ мы сказали, здѣсь находятся въ такой тѣсной зависимости, мергель раздѣляютъ на *глинистый*, *песчаный* и *каменистый*, — названія, правда, нѣсколько неопредѣленные, но очень-многозначительныя въ практическомъ отношеніи.

Растенія: блокопытникъ (*tussilago*), воловьѣ трава (*onopis*), шалфей (*salvia*), ладвенецъ рогатый (*lotus corniculatus*), маинникъ (*gambus*), чертополохъ (*carduus*), иванъ-да-марья (*melampyrum*) — временныя указатели неглубокихъ мергелистыхъ месторожденій.

Когда этихъ признаковъ нѣтъ, хозяину остается зондировать почву, пробовать большимъ буравомъ (отъ десяти до двѣнадцати футовъ длины), не находится ли мергель на глубинахъ болѣе-

значительныхъ; добываніе его во всякомъ случаѣ обойдется на мѣстѣ гораздо-дешевле, нежели перевозъ, если только не мѣшаютъ подземныя воды; потому-что тогда необходимо устроить машины еще для выкачиванія этой воды.

Мергель узнается по отношенію къ кислотамъ азотной, соленой и даже крѣпкому уксусу; именно, въ соприкосновеніи съ этими веществами онъ шипитъ. Это шипѣніе есть признакъ разложенія углекислой извести, отдѣленія углекислоты, которую вытѣсняютъ кислоты сильнѣйшія — азотная, соленая, уксусная. Если облить кусокъ сухаго мергеля водою, тоже произойдетъ кипѣніе; частички его раздѣлятся, и онъ осадетъ въ видѣ тѣста на дно сосуда, въ которомъ дѣланъ былъ этотъ опытъ.

Этотъ послѣдній характеръ представляютъ не въ одинаковой степени мергели каменистый и глинистый; мергель жамановый безъ сильныхъ морозовъ не распускается на поверхности почвы.

Во всѣхъ странахъ, за исключеніемъ Англій, почву удобряютъ однимъ мергелемъ; въ одной Англій употребляютъ его въ видѣ компоста въ соединеніи съ навозомъ; этотъ компостъ готовится совершенно такъ же, какъ и известковый.

Въ какомъ количествѣ употреблять мергель для удобренія почвы?— трудно рѣшить рационально этотъ вопросъ. Земледѣльцы руководствуются всегда и вездѣ одною рутинною, бессознательнымъ привычкомъ и для каждой мѣстности имѣютъ свои собственныя правила въ этомъ отношеніи, такъ-что въ различныхъ странахъ это количество разнится очень, очень-значительно. Впрочемъ, слѣдующее разсужденіе можетъ довести насъ до довольно-положительныхъ результатовъ.

Удобреніе мергелемъ имѣетъ цѣлю сообщить, придать почвѣ всѣ качества, всѣ свойства почвъ известковыхъ. Анализъ лучшихъ, плодороднѣйшихъ известковыхъ почвъ и практическія наблюденія Тэера и Артура Юнга надъ удобреніемъ мергелемъ, показываютъ, что въ почвѣ обрабатываемой должно находиться не болѣе и не менѣе трехъ процентовъ углекислой извести.

Чтобъ облегчить практическое приложеніе этой цифры; выведенной изъ опыта и разсужденія, представляемъ нашимъ читателямъ таблицу, которая показываетъ, въ какомъ количествѣ употреблять мергели всѣхъ составовъ (содержащіе въ себѣ отъ десяти до девяноста процентовъ углекислой извести) и для почвы—обрабатываемаго слоя различной толщины (отъ трехъ и до восьми футовъ).

По этой таблицѣ можно еще вычислить среднія, промежуточныя цифры для мергелей всевозможныхъ составовъ и для заправки всякой глубины.

Таблица

количества мергеля (въ кубическихъ футахъ), необходимаго для удобрения поля, толщиной въ:

3 дюйма.	4 дюйма.	5 дюйм.	6 дюйм.	7 дюйм.	8 дюйм.	Составъ мергеля.
Куб. фут.	Куб. фут.	Куб. фут.	Куб. фут.	Куб. фут.	Куб. фут.	Процентное содержаніе.
7,166	9,474	11,842	14,212	16,580	18,948	10
3,553	4,737	5,921	7,101	8,290	9,424	20
2,368	3,158	3,947	4,737	5,527	6,316	30
1,776	2,368	2,860	3,552	4,144	4,736	40
1,420	1,880	2,350	2,820	3,290	3,720	50
1,178	1,570	1,962	2,354	2,748	3,140	60
1,020	1,360	1,700	2,040	2,380	2,720	70
0,880	1,184	1,480	1,776	2,072	2,368	80
0,775	1,032	1,292	1,550	1,809	2,027	90

Но эти количества приходится измѣнять еще во многихъ случаяхъ: если мергель глинистый и почва содержитъ въ себѣ большое количество глины, его необходимо употреблять для удобрения въ меньшемъ количествѣ; для влажныхъ, сырыхъ почвъ, напротивъ, это количество непременно должно возрастать.

Для того, чтобъ удобреніе шло успешно, чтобъ мергель на почву дѣйствовалъ выгоднѣйшимъ образомъ, необходимо, чтобъ вода стекла легко съ поверхности почвы. Мергелемъ рѣшительно невозможно осушить болотистой мѣстности; онъ дѣйствуетъ на почву, когда только она освобождена отъ излишней влажности.

Мергель на пашни свозить непременно надобно въ сухую, хорошую морозную погоду, когда земля не утоптана плотно животными, людьми. Онъ складывается въ углу на одномъ краю пашни и оставляется здѣсь на нѣкоторое время на открытомъ воздухѣ.

Почву влажную предварительно, передъ удобрениемъ, хорошо глубоко запахать, потому—что въ такомъ случаѣ удобренный слой будетъ большей толстоты, вода удобнѣе проникаетъ его, и излишняя сырость уже не будетъ оказывать вреднаго вліянія.

Мергель по поверхности почвы располагается маленькими равными кучками, въ параллельныхъ рядахъ, такъ, чтобъ между ними было не болѣе двадцати футовъ разстоянія.

.

Эти точки показываютъ расположеніе кучекъ мергеля на удобряемой почвѣ.

Обыкновенно, для этого удобренія выбираютъ хорошее время. По прошествіи нѣсколькихъ дней, когда мергель испорошится отъ перемѣннаго дѣйствія солнца и дождя, его ровно разстилаютъ граблями по поверхности почвы; отъ этой послѣдней операціи много зависитъ успѣшное дѣйствіе удобренія.

Въ этомъ видѣ еще мергель оставляется долгое время на поверхности почвы для провѣтриванія; воздухъ и непогода дѣйствуютъ здѣсь на него химически, извлекаютъ всю сырость и превращаютъ его окончательно въ сухой порошокъ.

Запахивается мергель только въ хорошую погоду, не иначе, какъ сухой и совершенно испорошенный; если закопать его мокрый или нѣсколько-влажный, онъ становится опять вязкимъ, слѣпляется кусками и не проникаетъ равномерно обрабатываемый слой. Запахивать мергель также не надобно слишкомъ-глубоко, для того, чтобъ онъ лучше сохранился.

Если же мергеля употреблено было слишкомъ-большое количество, то необходимо вспахать землю во второй разъ и глубже. Эта операція, во-первыхъ, увеличиваетъ толщину удобряемого слоя и потомъ уменьшаетъ, если не уничтожаетъ совершенно вредное вліяніе сильныхъ дождей.

Мергель идетъ съ пользою и для озимыхъ и для яровыхъ растений: онъ употребляется также, какъ мы сказали, и въ видѣ компостовъ, которые готовятся или съ навозомъ, или съ черноземомъ, или съ дерномъ, и для компостовъ этихъ всего пригоднѣе мергель каменистый. Англичане почву удобряютъ мергелевыми компостами именно потому, что у нихъ мергеля чистаго, хорошаго мало, а эти искусственныя удобренія дѣйствуютъ также сильно и также успѣшно.

Мергель дѣйствуетъ не всегда на первые всходы, и это обыкновенно бываетъ, когда его неровно разсыплютъ граблями по поверхности почвы, когда его не хорошо соединять, смѣшаютъ съ почвою въ-продолженіе запахки, когда запахиваютъ его глубоко или въ дождливое время, или, наконецъ, когда мергель находится еще на поверхности почвы и шли постоянные дожди или была постоянная засуха. Теплота, жаръ и сырость непремѣнно должны дѣйствовать въ перемежу, чтобъ въ почвѣ образовались тѣ соединенія, которыми мергель именно дѣйствуетъ на растенія.

На почву мергель оказываетъ такое же благотворное вліяніе, какъ и на известь: почву удобренную можно обрабатывать во всякое время; она распускается отъ перваго дождя, становится болѣе воспримчивою ко всѣмъ дѣйствіямъ атмосферы, корни въ нее углу-

блится гораздо-легче; стоячая вода, которая всегда вредит растительности, стекает, проникает въ нижвіе ярусы почвы черезъ губчатый, рыхлый, удобренный слой.

Когда мягкая, сухая почва удобрена большимъ количествомъ мергеля, унавоживается же животными навозами сравнительно мало, то всходы постепенно, мало-по-малу, уменьшаются.

По-этому, не надобно слишкомъ полагаться на первое плодородіе удобренной почвы и непременно унавоживать ее хорошенько.

Удобрение различными известковыми обломками.

Известковые обломки, битая посуда, черепки, штукатурка оказываютъ также большое влияние на растительность; на почву дѣйствуютъ они иногда гораздо-сильнѣе и выгоднѣе, нежели самая известь и мергель.

Вещества эти содержатъ въ себѣ, кромѣ углекислой извести, небольшое количество ѣдкой извести, известковыя соли, распыляющіяся на воздухъ, а именно, азотно-кислыя кали, натръ, известь, хлористыя потассій, натрій (поваренная соль), кальцій. Они дѣйствуютъ исключительно только на почвы не-известковыя: на эти почвы влияние ихъ болѣе вредно, нежели благотвительно.

Известковые обломки дѣйствуютъ продолжительно, долговременно; особенно выгодно дѣйствіе ихъ на луга, сырыя пажити, но не болотистыя, не заливныя; они улучшаютъ всходы и въ качествѣ и въ количествѣ. Известковые обломки идутъ и для озимей и для растений яровыхъ; они даютъ зерна сравнительно болѣе нежели соломы, и зерно ихъ отличнаго достоинства; ихъ употребляютъ часто безъ навозной примѣси, потому-что на стѣнахъ, на поверхности штукатурки осаждаются отъ дѣйствія атмосферы азотистыя соединенія, которыя обыкновенно образуются въ компостахъ; впрочемъ, въ видѣ компоста благотвительное ихъ влияние возрастаетъ въ семь, восемь и болѣе разъ.

Известковые обломки, какъ и всѣ известковыя удобрения, непременно должно разсыпать на поверхности почвы, когда она совершенно суха; а запахивать ихъ не глубоко и въ хорошую погоду, иначе польза и выгода отъ нихъ значительно уменьшатся.

Въ Италіи, известковые обломки у земледѣльцевъ въ большомъ ходу; тамъ употребляютъ ихъ преимущественно на почвы глинистыя. Въ окрестностяхъ Римани, пишетъ Филиппъ Рэ, известковыми обломками удобряютъ землю подъ маслины: на пятнадцать и двадцать деревьевъ совершенно достаточно одного воза. Въ Тосканскомъ-Герцогствѣ употребляютъ известковые обломки на тотъ же конецъ; но только въ видѣ компоста; Миланцы ими удобряютъ шелковицу и виноградъ; въ Брессонѣ и въ окрестностяхъ Реджіо рассыпаютъ дни, тонкими слоями, естественныя луга.

Среднее количество известковых обломковъ, которое даетъ лучшіе результаты, 600 куб. футовъ на 2197 квадрат. сажень; можно употреблять ихъ и въ меньшихъ размѣрахъ, особенно для почвъ легкихъ; но хозяева всегда хотятъ покрыть всю поверхность почвы сплошь, и потому отъ этого большаго количества дѣйствіе удобрения гораздо-долговременнѣе.

Объемъ журнала заставляетъ насъ измѣнить нѣсколько порядокъ статьи, который указали мы въ оглавленіи; вмѣсто унавоживанія почвы мы будемъ говорить объ унавоживаніи сѣмянъ. Это новое земледѣльческое открытіе К. Л. Виктора, аптекаря въ Нидеральмъ (Nideralm) въ Рейн-Гессенской-Провинціи (Provinz Rheinhessen); мы рассмотримъ подробно всю механическую его сторону и вскользь упомянемъ только о его выгодахъ и невыгодахъ; полный критическій разборъ оставимъ до слѣдующей статьи, которая будетъ посвящена собственно унавоживанію почвы.

Унавоживаніе сѣмянъ по способу Виктора.

Вода, воздухъ, теплота, свѣтъ, вещества азотистыя и щелочи, какъ мы видали въ первой статьѣ,—главные непремѣнные дѣятеля, обуславливающіе ростъ и прозябаніе растений. Азотистыя вещества—животнаго происхожденія и находятся въ обыкновенномъ навозѣ. Аммоніачныя соли, аммоніакъ, который, какъ сказано выше, представляетъ главный, единственный источникъ азота для царства растительнаго, образуются, какъ свидѣлствуютъ новѣйшіе опыты, черезъ истлѣніе животныхъ тѣлъ.

Теперь признанъ дорогимъ и неудобнымъ обыкновенный способъ унавоживанія, гдѣ навозъ образуется самъ собою, черезъ истлѣніе веществъ, опредѣленныхъ дѣйствовать на растенія, именно во время ихъ развитія и роста, потому—что въ этомъ процессѣ образуются соли менѣе-растворимыя и преждевременно разлагаются вещества, которыя въ—послѣдствіи должны служить къ питанію растений и развитію плода. Кроме-того, при удобреніи поля, трудно такъ единообразно перемѣшать навозъ съ землею, чтобъ каждое растеніе могло извлекать необходимое, достаточное количество питательныхъ веществъ. Слѣдующій способъ совершенно достигаетъ этой цѣли, и навѣрно найдутъ его болѣе-выгоднымъ и въ практически-исполнимымъ вездѣ, гдѣ не такъ слѣпо держатся старыхъ привычекъ и повѣрій. Способъ этотъ есть *унавоживаніе сѣмянъ*. Мы подробно рассмотримъ его въ этой статьѣ.

Унавоживаніе сѣмянъ или плодовъ, кроме вышесказаннаго преимуществва, представляетъ еще другія выгоды и устраняетъ многія неудобства, съ которыми до-сихъ—поръ напрасно боролись сельскіе хозяева, приписывая ихъ переѣнамъ погоды, или худому качеству посѣва.

Вотъ эти выгоды:

1) Можно возвращать постоянно одни и тѣ же растенія на поляхъ истощенныхъ предыдущими посѣвами и вообще на почвахъ не плодородныхъ.

2) Пока почва занята при плодоверемьшиной системѣ, необходимо каждый посѣвъ соединить съ удобряющими веществами, которыя истребила, отняла отъ нея предыдущая растительность и которыя должны считаться новыми посѣянными растеніями.

3) Плодоверемьшиность по-преимуществу основывается и зависитъ отъ поглощенія растеніями соляныхъ частей почвы, которыя главнымъ образомъ, поэтому, необходимы для унавоживанія.

Поэтому, на однажды-унавоженномъ полѣ всѣ зерновыя растенія, до овса включительно, могутъ хорошо всходить безъ предварительнаго унавоживанія ихъ сѣменъ, если только сѣмена эти передъ посѣвомъ покрыть нашатыремъ и мукою, которыя замѣстятъ здѣсь недостающія истребленныя соляныя частицы почвы.

4) Многолѣтнія, точныя наблюденія показали, что обыкновенныя болѣзни зерновыхъ хлѣбныхъ растений зависятъ преимущественно отъ недостатка или излишества питательныхъ веществъ; погода же здѣсь почти не имѣетъ никакого вліянія; въ дѣлѣ удобренія сѣменъ, поэтому, отъ хозяина совершенно зависитъ при унавоживаніи сѣменъ предупредить и это зло, или по-крайней-мѣрѣ значительно уменьшить его во время губительной засухи, когда растенія почти теряютъ способность всасывать и испарять.

Вотъ примѣры, выведенныя изъ опыта и подтверждающіе это замечаніе.

а) Рожь, вымоченная въ нашатырѣ, посѣянная на истощенномъ полѣ, уже послѣ овса уродила плодъ совершенно-легкій; та же самая рожь, будучи удобрена еще ворвацкою, дала плодъ обыкновенный, хорошій, тяжелый.

б) Плодъ обоихъ этихъ урожаевъ весь былъ въ изгарни; ясно, что болѣзнь эта развилась въ зернѣ, именно, когда образовалась мука—въ первомъ случаѣ отъ недостатка, а во второмъ отъ избытка питательнаго вещества.

в) Въ засуху, когда растенія страдаютъ отъ недостатка влажности, когда, следовательно, у нихъ процессъ дыханія находится въ расстройствѣ, на почвѣ тощей всходитъ хлѣбъ желтый, а на почвѣ жирной онъ ржавѣетъ.

Здѣсь тоже посредствомъ удобренія сѣменъ въ обоихъ крайностяхяхъ можно уменьшить вредное вліяніе погоды.

5) Точныя наблюденія также показали, что болѣзненные истеченія сока изъ корней растений не имѣютъ никакого вліянія на последующую растительность, на слѣдующій посѣвъ—частію потому-

что сокъ этотъ уничтожается отъ гніенія, подобно всѣмъ веществамъ царства растительнаго и животнаго, способнымъ приходить въ броженіе, частію же и потому, что онъ отдѣляется изъ корней въ очень-ничтожномъ количествѣ и не можетъ замѣтно дѣйствовать на почву. Да и кромѣ того, въ первомъ случаѣ, когда сокъ обращается самъ естественнымъ образомъ въ навозъ, его совершенно замѣняетъ унавоживаніе сѣменъ.

Такимъ образомъ, плодотворность, основывающаяся также и на этомъ положеніи, должна быть совершенно устранена изъ каждой системы хозяйства. Унавоживаніе сѣменъ даетъ возможность возвращать всѣ хлеба постоянно на одной и той же почвѣ, и съ большою выгодною.

Въ обыкновенномъ способѣ приготовления навоза, вещества питательныя (соли азотистыя, щелочныя), необходимыя для прозябанія растений и для образованія плода, преждевременно разлагаются и уничтожаются въ процессъ броженія.

Поэтому, въ тѣлахъ истлѣвающихъ, непременно надобно стараться остановить преждевременное гніеніе, чтобъ въ нихъ ранее не разлагались соли азотныя, которыя даже лучше примѣшивать въ надлежащей пропорціи къ сухому навозу, тѣмъ болѣе, что это совершенно-возможно при теперешней дешевизнѣ нашатыря и селитры.

Навозныя ямы, куда навозъ сваливается прямо изъ стойлъ, необходимо покрывать навѣсомъ, чтобъ сырость не могла проникать въ нихъ, и чтобъ навозъ скорѣе могъ просохнуть; сухой онъ удобно превращается въ порошокъ и въ такомъ видѣ употребляется для искусственнаго удобренія сѣменъ.

Помои также идутъ для приготовленія навоза, и вотъ какимъ образомъ:—полусгнившую солому, которая употреблялась на подстилку скоту, складываютъ кучами въ перемежку съ землею и сырою травою, преимущественно кислаго свойства, и потомъ ежедневно эту смѣсь поливаютъ жидкими помоями. Летучій амміакъ въ этой продѣлкѣ образуетъ твердыя соли отъ прибавленія кислыхъ жидкостей: и такъ получаютъ въ искусственномъ удобреніи одні только питательныя—азотистыя соли; вода же испаряется, когда навозную кучу выставляютъ на открытый воздухъ.

Чтобъ аммоніачныя соли, равно-какъ и селитра, образовавшіяся въ искусственномъ удобреніи, не разложились, необходимо стараться избѣгать соприкосновенія съ сильными веществами, химически-дѣйствующими; поэтому никакъ не должно удобреніе это поливать известковымъ молокомъ или щелокомъ, или мыльною водою.

Необходимыя условия и предварительныя работы для успешнаго унавоживанія плодовъ.

Вотъ правила для успешнаго унавоживанія сѣменъ, выведенныя изъ точныхъ опытовъ:

а) При унавоживаніи солью избѣгать сколько возможно сырости, чтобъ не повредить плоду въ эпоху проростанія; поэтому, его не надобно долго мочить и стараться скорѣе высушивать въ теплыхъ сушильняхъ.

Для растенія самое трудное время въ жизни — начиная отъ развитія ростка и до образованія плода; въ эту эпоху оно питается мало. Иначе, растеніе живетъ, когда образуется его плодъ; тогда оно болѣе требуетъ веществъ питательныхъ, которыя въ надлежащемъ количествѣ непременно должны находиться въ почвѣ, т. е. ни болѣе, ни менѣе, сколько необходимо для совершеннаго образованія плода; самый излишекъ здѣсь вредитъ, потому-что произведетъ изгарину.

б) Выбирать плоды только спѣлые и тщательно вычищать ихъ на вѣтряной мельницѣ. Плодъ недоарѣлый или подмоченный родитъ растеніе хлѣое, которое приносить въ свою очередь плоды худыя.

в) Избирать также для унавоживанія вещества сильно-дѣйствующія и дешевыя; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ невозможно достать въ надлежащемъ количествѣ. Особенно полученіе ихъ должно затруднять бѣдныхъ земледѣльцевъ, которые держатъ мало скота, а по-необходимости обязаны возиться съ песчаною почвою дурнаго качества.

Унавоживаніе сѣменъ совершенно устраняетъ все эти неудобства; оно даетъ возможность обрабатывать поле легчайшимъ способомъ людямъ небогатымъ, неимѣющимъ скота. А случайно перепадеть имъ навоза, они его могутъ пустить также въ дѣло, — нужно только приготовить этотъ навозъ по способу, который мы здѣсь ниже рассмотримъ, а потомъ разбросать на худой почвѣ, отъ-чего самыя вещества, унавоживающія сѣмена, будутъ дѣйствовать еще сильнѣе.

Вещества, употребляемыя для искусственнаго унавоживанія, и ихъ употребленіе.

Для составленія искусственнаго сѣменнаго навоза, употребляются слѣдующія вещества:

1) *Кровь.*

Кровь всехъ теплокровныхъ животныхъ безъ различія можетъ служить хорошему удобренію, если она только не разложившаяся

через брожение. Чтобы она действовала совершенно-успѣшно, смѣшиваютъ ее съ глауберовою солью въ слѣдующей пропорціи: 20 фунтовъ свѣжей крови, четверть фунта глауберовой соли, растворенной въ небольшомъ количествѣ воды.

Смѣсь эту сохраняютъ въ холодномъ мѣстѣ, въ жидкомъ состояніи; въ такомъ видѣ она долгое время не разлагается.

Или: даютъ крови свернуться, высушиваютъ ее на вольномъ воздухѣ, потомъ превращаютъ въ порошокъ, который и идетъ уже на искусственное удобреніе. Чтобы свернувшаяся кровь лучше и скорѣе высыхала, ее смѣшиваютъ съ землею или глиною.

2) Шерстяныя тряпки, волосы и т. п. —

слегка обугливаютъ въ закрытыхъ сосудахъ и также превращаютъ на машинѣ въ порошокъ, который сохраняется для дальнѣйшаго употребленія.

3) Обрѣзки кожаные —

сжигаютъ въ закрытыхъ сосудахъ такъ, чтобы образовали они губчатый уголь, или, лучше, мочатъ ихъ въ нашатырь три и четыре мѣсяца, сушатъ на вольномъ воздухѣ и потомъ мелатъ на машинѣ.

4) Кости всѣхъ животныхъ —

также поджариваются или сжигаются въ закрытыхъ же сосудахъ, пока не побурѣютъ и не сдѣлаются ломкими; тогда ихъ охлаждаютъ и превращаютъ на машинѣ въ тонкій, мелкій порошокъ.

5) Рогъ и рогавые опилки —

по причинѣ необыкновенной своей мелкости, сплавляются съ золою въ закрытомъ чугунномъ сосудѣ въ одну плотную массу, которая разбивается на куски и измельчается на машинѣ.

6) Жиръ и сало —

сплавляется, и въ жидкомъ состояніи смѣшивается съ сухою глиною, сульфитомъ или землею въ такой пропорціи, чтобы образовалась масса рыхлая.

7) Жирныя масла и ворвань —

особенно послѣдняя, употребляется по причинѣ своей дешовизны; вообще, жирныя масла даютъ очень-питательное и легкое удобреніе; о приготовленіи его будемъ говорить ниже, когда дойдемъ рѣчь до различныхъ составовъ удобрительнаго порошка.

8) Калъ всѣхъ животныхъ и человѣчскій —

если животныя испражненія не измѣнились, совершенно-свѣжи, ихъ сушатъ на вольномъ воздухѣ и обрабатываютъ далѣе, какъ было сказано въ статьѣ о приготовленіи сѣмечкаго навоза изъ навоза и помростъ.

9) *Мягкая смесь*—

даже дают отличное удобрение, и на этот конец превращаются в порошок.

Какъ *есть* соединяющія, для того, чтобы семена покрыты были высказанными удобрениями, употребляютъ:

а) Тяжелыя, жирныя земли, глинныя, суглинки, и проч.; они придаютъ имъ консистенцію, т. е. дѣлаютъ ихъ болѣе-плотными и тѣмъ ускоряютъ самую работу и уменьшаютъ надѣржки. Для этой же цѣли служатъ:

б) Измолотое или толченое льняное сѣмя.

Составы искусственнаго удобрения сѣменя.

№ 1. *Приготовленіе мокраго удобрения.*

На мѣру (12 фунтовъ) ржи или какого другаго хлѣба берется: отъ 4 до 5 фунтовъ измолотой глины;

8 лотовъ толченаго нашатыря;

отъ $\frac{1}{2}$ до 1 золотника обыкновенной ворвани, льнянаго или макочаго масла;

отъ 3 до 4 золотниковъ свѣжей крови или подготовленной, смѣшанной съ глауберовою солью, а за недостаткомъ ея можно употребить въ дѣло и воду.

и $\frac{1}{2}$ фунта толченаго льнянаго сѣмени или льняныхъ выжимокъ.

Все это смѣшивается въ кадкѣ, разбавляется водою, такъ-что получается полужидкая кашка; сюда кладутся сѣмена и обдаются совершенно удобряющею массою.

Потомъ, по полю рассыпаютъ толстымъ слоемъ сухое удобрение, приготовленіе котораго мы опишемъ далѣе; разбрасываютъ приготовленные сѣмена и покрываютъ ихъ ровнымъ слоемъ сухаго удобряющаго порошка, и въ заключеніе вся эта навозная насыпь сравнивается узкою желѣзною граблею.

№ 2. *Приготовленіе сухаго удобрения или удобряющаго порошка.*

Смѣшиваются: 17 фунтовъ мелкой порошоковой глины, 8 фунтовъ роговыхъ опилокъ и 17 фунтовъ костянаго порошка.

Или:

№ 3. Смѣшиваются 15 фунтовъ глины въ порошокъ же; 15 меръ жидкой или 3 фунта сухой крови.

Если кровь употребляется жидкая, то смѣсь эта прежде сушится на вѣльномъ воздухѣ и потомъ мелется.

Или:

№ 4. Смѣшиваются: 85 фунтовъ глины въ порошокъ, 5 фунтовъ горькихъ грибовъ и 10 фунтовъ толченыхъ льняныхъ выжимокъ.

Или:

№ 5. Смѣшиваются: 60 фунтовъ глины въ порошокъ и 40 кала тоже въ порошокъ.

Или:

№ 6. Смѣшиваются: 70 фунтовъ глины въ порошокъ, 25 фунтовъ порошка изъ кожаныхъ обрѣзковъ и 5 фунтовъ костяного порошка.

Или:

№ 7. Мѣшаютъ 1 фунтъ жира или сала, 80 фунтовъ глины въ порошокъ и 20 фунтовъ кала въ порошокъ.

Или:

№ 8. Глина и репешья выжимки въ порошокъ поровну смѣшиваются съ небольшимъ количествомъ костяного порошка (на 95 фунтовъ всей массы берется только его пять фунтовъ).

Или:

№ 9. Если хотѣть засѣвать хлѣбъ на полѣ, уже удобренномъ обыкновеннымъ способомъ, въ которомъ почва особенно терпитъ отъ недостатка соляныхъ частицъ, то на мѣрку зеренъ берется отъ 10 до 16 лотовъ нашатыря и отъ 2 до 3 фунтовъ обыкновенной ржаной муки, разводится водою и этою полужидкою кашницею смачиваютъ плоды, которые высушиваютъ потомъ въ теплой сушильнѣ.

Когда сѣмена уже достаточно-унавожены, ихъ отбрасываютъ на рѣшето, чтобъ отдѣлать лишнюю пыль, лишній соръ; потомъ, даже еще, на другомъ большомъ рѣшетѣ сортируютъ хорошо-унавоженные зерна и зерна не совершенно-покрытыя искусственными навозами; первыя еще сортируютъ на крупномъ рѣшетѣ и отбираютъ зерна, склеившіяся по нѣскольку между собою; эти послѣднія разделяютъ рукою и покрываютъ опять удобряющею массою вмѣстѣ съ зернами дурно-удобренными, оставшимися послѣ первой сортировки.

Сѣмена хорошо, ровно унавоженные, разсыпаютъ тонкимъ слоемъ въ анбаръ, на сквозномъ вѣтрѣ, чтобъ они скорѣе высохли и не пустяли преждевременно ростковъ. Вотъ почему и унавоживать ихъ необходимо незадолго до посѣва.

Когда все это тщательно исполнено, сѣмена совершенно-сухи, ихъ можно смѣло сѣять и сѣять лучше всего въ-разсыпную, а не по бороздамъ.

Описание необходимыхъ инструментовъ и измельчающей машины.

Кромѣ рѣшетъ, граблей и другихъ обыкновенныхъ земледѣльческихъ орудій, для удобренія сѣменъ необходимы:

а) Большой чугунный котелъ съ плотной крышкою, намазанной въ печь.

Въ этомъ котлѣ (кромя того, что онъ служитъ для другихъ побочныхъ цѣлей) пережигаются и переплавляются всѣ вышеозначенныя вещества для удобнѣйшаго превращенія ихъ въ порошокъ. Крышка на немъ непременно должна быть хорошенько замазана глиною, чтобъ удержать всѣ летучіе элементы, и чтобъ знать, сколько времени продолжать нагреваніе; лучше всего приостановить его, когда вода, брызнутая на эту крышку, мгновенно испарится съ шипѣніемъ. Вообще надобно стараться, чтобъ вещества, переплавляемая или пережигаемая, отъ сильнаго нагреванія не обуглились совершенно, потому-что тогда они утратятъ всю удобряющую силу.

б) Измельчающая машина служитъ для превращенія въ порошокъ различныхъ веществъ, идущихъ на удобреніе сѣмянъ.

Машина эта дѣлается изъ чугуна; она очень-простаго устройства, какъ можно заключить изъ слѣдующаго описанія: это совершенное подобіе кофейной мельницы.

Въ большой деревянный срубъ, въ двухъ футахъ отъ земли, въ деревянную колоду, которая укрѣплена въ балкахъ сруба, вставляется чугунная воронка съ деревянными закраинами, какъ у кофейной мельницы; внизу, подъ нею, находится ящикъ, куда сыпается порошокъ. Въ этой воронкѣ двигается круглый желѣзный зубчатый стержень, на верхнемъ концѣ 10 вершковъ, на нижнемъ 4 вершка въ поперечникъ. Этотъ стержень приводится въ движеніе рукою посредствомъ зубчатыхъ колесъ.

Въ большихъ хозяйствахъ гораздо-выгоднѣе измельчать эти удобряющія вещества на машинахъ, устройствомъ подобныхъ маслобѣнъ, гдѣ человѣческую силу замѣнить можно животными, которые перѣдко всю зиму остаются безъ дѣла.

Въ заключеніе еще замѣчу: всѣ унавоживающія вещества тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ, чѣмъ мельче они измолоты. По-этому, измолотый порошокъ необходимо еще нѣсколько разъ просѣять и высыки за-ново перемолоть. Опуская и поднимая навинтахъ въ машинѣ зубчатый коническій стержень, можно по произволу отверстіе воронки дѣлать болѣе и менѣе широкимъ и такимъ образомъ получать порошокъ различной мелкоты. Если порошка нѣ много, лучше всего истолочь его въ ступкѣ.

Унавоживающіе порошки до употребленія необходимо держать въ плотно-закрытыхъ сосудахъ, ящикахъ, боченкахъ или горшкахъ и въ сухомъ мѣствѣ.

Послѣсловіе.

Наблюденія, которыя авторъ статьи производилъ въ теченіе лѣтъ 1848 года.

1) При употребленіи масла надобно стараться отнять у него ма-

сливистое свойство. На этотъ конецъ я смѣшиваю и хорошеюко стираю масла растительныя или ворвань, въ количествѣ 1 золотника, съ пол-фунтомъ муки и небольшимъ количествомъ воды, и потомъ уже прибавляю вышеозначенные выгредіенты.

2) Вмѣсто мащатыря (хлористо-водороднаго амміака) можно употреблять, какъ показали мнѣ послѣдніе нынѣшняго года опыты, мелко-толченую поваренную соль (хлористый натрій) въ количествѣ полуфунта на мѣрку хлеба.

3) Сѣять отнюдь не надобно большими кучами — изъ цѣлой кучи взойдетъ всегда не болѣе одного зерна, а часто и вся пропадетъ даромъ.

4) При посѣвѣ надобно обращать вниманіе на то, высокое или низменное положеніе имѣетъ засѣваемое поле; въ первомъ случаѣ необходимо сѣять гуще, тѣмъ въ послѣднемъ, потому-что

а) Здѣсь растенія зимою и весною при дурной погодѣ гораздо болѣе страдаютъ.

б) Когда удобренныя сѣмена лежать тѣсно, рядкомъ, они правльшѣ между собою сообщаются и болѣе однообразія въ растительности.

в) Нѣтъ мѣста развиваться куколю — дурной травѣ.

г) Въ засуху почва, при густомъ посѣвѣ, удерживаетъ въ себѣ болѣе сырости.

Если посѣвъ мѣстами совершенно не взойдетъ, что иногда бываетъ и на поляхъ, унавоженныхъ обыкновеннымъ образомъ и когда унавожены и сѣмена, самое лучшее средство въ этомъ случаѣ годныя мѣста зимою и весною поливать помоями, къ которымъ примѣшано немного сѣрной кислоты (1 фунтъ на 3 съ половинною мѣры), чтобъ насытить амміакъ, въ нихъ находящійся.

У.

К Р И Т И К А.

СОЧИНЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА. Санктпетербургъ.
Одннадцатъ томовъ. MDCCCXXXVIII—MDCCCXLI.

Статья девятая (*).

Евгений Онегинъ.

(Окончание.)

Великъ подвигъ Пушкина, что онъ первый, въ своемъ романѣ, поэтически воспроизвелъ русское общество того времени, и въ лицѣ Онегина и Ленскаго показалъ его главную, т. е. нужную сторону; но едва-ли не выше подвигъ нашего поэта въ томъ, что онъ первый поэтически воспроизвелъ, въ лицѣ Татьяны, русскую женщину. Мужчина, во всѣхъ состояніяхъ, во всѣхъ слояхъ русскаго общества, играетъ первую роль; но мы не сважемъ, чтобъ женщина играла у насъ вторую

и высшую роль, потому-что она ровно никакой роли не играетъ. Исключение остается только въ высшихъ кругахъ, по-крайней-мѣрѣ, до известной степени. Давно бы пора намъ сознаться, что, не смотря на нашу страсть во всемъ копировать европейскіе обычаи, не смотря на наши балы съ танцами, не смотря на отчаяніе славянолюбствъ, что мы совсѣмъ переродились въ *Налцъкъ*, — не смотря на все это, пора намъ наконецъ признаться, что еще и досихъ-поръ мы — плохіе рыцари, что наше вниманіе къ женщинѣ, наша готовность жить и умереть для нея, досихъ-поръ какъ-то театральны и отзываются модною свѣтскою фразою, и притомъ еще не собственнаго нашего изобрѣтенія, а заимствованною. Чего добраго! теперь и поштенное купечество съ бороδοю, отъ которой поваживается маленько капустою и лучиномъ,

(*) Первые восемь статей были напечатаны въ слѣдующихъ книжкахъ «Отеч. Записокъ»: первая въ 6-ой, вторая — въ 8-ой, третья — въ 10-ой, четвертая — въ 12-ой 1843 года; пятая — во 2-ой, шестая — въ 3-ей, седьмая — въ 5-ой, восьмая — въ 12-ой предшедшаго 1844 года.

даже и оно, идя по улицъ съ *хозяйкою*, ведетъ ее подъ руку, а не толкаетъ въ спину козѣнкомъ, указывая дорогу и вакаывая вѣвать по сторонамъ; но дома... Однако, зачѣмъ говорить, чтó бываетъ дома? зачѣмъ выносить соръ изъ избы?... Набравшись готовыхъ чужихъ фразъ, кричимъ мы и въ стихахъ и въ прозѣ: «женщина — царица общества; ея очаровательнымъ присутствіемъ украшается общество» и т. п. Но посмотрите на наши общества (за исключеніемъ высшего свѣтскаго): вездѣ мужчины — сами-по-себѣ, женщины — сами-по-себѣ. Исамый отчаянный любовникъ, сидя съ женщинами, какъ-будто жертвуетъ собою изъ вѣжливости; потомъ встаетъ, и съ утомленнымъ видомъ, оловно пошатъ гажкой работы, идетъ въ комнату мужчинъ, какъ-бы для того, чтобъ свободно вздохнуть и освѣжиться. Въ Европѣ, женщина дѣйствительно царица общества: веселъ и гордъ мужчина, съ которымъ она больше говоритъ, чѣмъ съ другими. У насъ на-оборотъ: у насъ женщина ждетъ, какъ милости, чтобъ мужчина заговорилъ съ нею; она счастлива и горда его вниманіемъ. И какъ же быть иначе, если тó, чтó называется тономъ и любезностью, умѣтъ применять жеманствомъ, если у насъ всѣ любятъ левою тономъ въ книгахъ, а въ жизни боятся ея хуже чумы и холеры. Какъ вы подадите руку дѣвушкѣ, если она не сибѣтъ отвернется на васъ, не пересидитъ возмолвенія у спящей мамочки? Какъ вы рѣшитесь говорить съ нею много и часто, если знаете, что за это сочтутъ васъ влюбленнымъ въ нее, или даже и огласятъ ея женихомъ? Это значило бы эконпролеттиривать ее и самому понести къ бѣдѣ. Если васъ сочтутъ влюбленнымъ въ нее, вамъ нѣкуда будетъ дѣлаться отъ лукавьякъ и остроумьякъ мамочкы и дашѣшекъ другой замачи, отъ наивьякъ и добродушьякъ разспросовъ сверстниковъ-постороннихъ вамъ людей. Но еще хуже вамъ, когда заключать, что вы хотѣе замѣсье на ней; если вы родители не будете

видѣть въ васъ выгодной партіи для своей дочери, они откажутъ вамъ отъ дома и строго запретятъ дочери быть любезной съ вами въ другихъ домахъ; если они увидятъ въ васъ выгодную партію, новая бѣда, страшнѣе прежней: раскинутъ сѣти, ловушки, и вы, пожалуй, увидите себя сочетавшимся законнымъ бракомъ прежде, нежели успеете опониниться и спросить себя: да какъ же и когда же случилось все это? Если же вы человекъ съ характеромъ и не поддадитесь, то наживете «исторію», которую долго будете помнить. Отъ-чего все это происходитъ? Отъ-того, что у насъ не понимаютъ и не хотятъ понимать, чтó такое женщина, не чувствуютъ въ ней никакой цѣлостности, не жаждутъ и не видутъ ея, словомъ, отъ-того, что у насъ нѣтъ женщины. У насъ «прекрасный полъ» существуетъ только въ романахъ, повѣстяхъ, драмахъ и элегіяхъ; но въ дѣйствительности, онъ раздѣляется на четыре разряда: на дѣвочекъ, на невѣсты, на замужнихъ женщинъ, и наконецъ, на старыхъ дѣвъ и старыхъ бабъ. Первыми, какъ дѣтвни, никто не интересуется; послѣднихъ всѣ боятся и ненавидятъ (и часто по-дѣломъ); слѣдовательно, нашу прекраснѣйшую полъ состоитъ изъ двухъ классовъ: изъ дѣвчнцъ, которыя должны выйти замужъ, и изъ женщинъ, которыя уже замужемъ. Русская дѣвушка — не женщина въ европейскомъ смыслѣ этого слова, не человекъ: она не что другое, какъ *несвѣда*. Еще ребенкомъ, она назначаетъ своимъ женихамъ цѣлу мужчинъ, которыхъ видитъ въ своемъ дѣтвѣ, и часто общается выйдти замужъ за своего мамочку, или за своего братца; еще въ колыбели ей говорятъ мать и отецъ, и сестры и братья, и мамки и няньки, и всѣ окружающіе, ее люди, что она — невѣста, что у ней должны быть женихи. Едва исполнился ей двѣнадцать лѣтъ, и мать, упрямая ее въ лѣности, въ неуваженіи держаться и тому подобныхъ недостаткахъ, говоритъ ей: «не стыдно ли вамъ сударьня: вѣдь вы уже мамочка!» У насъ

ительство ли послѣ этого, что она не умѣетъ, не можетъ смотрѣть сама на себя какъ на женственное существо, какъ на человѣка, и видитъ въ себѣ только *нужду*? Удивительно ли, что, съ равныхъ лѣтъ до поздней молодости, иногда даже и до глубокой старости, всѣ думы, всѣ мечты, всѣ стремленія, всѣ молитвы ея сосредоточены на одной *идеѣ fixe*: на замужствѣ, — что выйдти замужъ — ея единственное страстное желаніе, цѣль и смыслъ ея существованія, что внѣ этого она ничего не понимаетъ, ни о чемъ не думаетъ, ничего не желаетъ, и что на всякаго неженатаго мужчину она смотритъ опять не какъ на человѣка, а только какъ на жениха? И виновата ли она въ этомъ? — Съ восемнадцати лѣтъ она начинаетъ уже чувствовать, что она — не дочь своихъ родителей, не любимое дитя ихъ сердца, не радость и счастье своей семьи, не украшеніе своего роднаго крова, а тагостное бремя, готовый залежаться товаръ, лишняя мебель, которая того-нигида свадеть съ цѣны и не сойдетъ съ рукъ. Что же остается ей дѣлать, если не сосредоточить всѣхъ своихъ способностей на искусствѣ ловить жениховъ? И тѣмъ болѣе, что только въ одномъ этомъ отношеніи и развиваются ея способности, благодаря урокамъ дражайшихъ родителей, милыхъ тѣтушекъ, кузинъ и т. д. За что больше всего упрекаетъ и бранитъ свою дочь почтеннѣйшая маменька? — За то, что она не умѣетъ ловко держаться, строить глаза и гримаски хорощимъ женихамъ, или за то, что расточаетъ свою любезность передъ людьми, которые не могутъ быть для нея выгодною партиєю. Чему она больше всего учитъ ее? — кокетничать по расчету, притворяться ангеломъ, прятать подъ мягкою, лоснящеюся шерсткой кошачьей лапки, кошачьи когти. И какова бы ни была по своей натурѣ бѣдная дочь, — она невольна входить въ роль, которую дала ей жизнь и въ таинство которой ее такъ прилежно, такъ основательно посвящаютъ. Дома ходитъ она

неряхомъ, съ неупроченною головою, въ запачканномъ, узенькомъ и короткомъ платышкѣ линючаго ситца, въ стоптанныхъ башмакахъ, въ грязныхъ, спустившихся чулкахъ: въ деревнѣ вѣдь кто же насъ видитъ, кромѣ двора, — а для нея стѣитъ ли радиться? Но лишь вдоль дороги завидѣлся экипажъ, общающій неожиданныхъ гостей, — ваша невеста подымаетъ руки и долго держитъ ихъ надъ головою, крича въ попыхахъ: *юсти идутъ, юсти идутъ!* Отъ этого руки изъ красивыхъ дѣлаются бѣлыми: *затѣла сельской остроты!* Затѣмъ, весь домъ въ смятеніи: маменька и дочка умываются, причесываются, обуваются и на грязное бѣлье надѣваютъ шерстяныя или шолковыя платья, пять лѣтъ назадъ тому спитыя. О чистотѣ бѣлья заботиться смѣшно: вѣдь бѣлье подъ платьемъ, и его никто не видитъ, а радиться — извѣстное дѣло — надо для другихъ, а не для себя. Но вотъ, рано или поздно, наконецъ тайныя стремленія и жаркіе объѣты готовы свершиться: камадантъ-невеста уже дѣйствительная невеста и радится только для жениха. Она давно его знала, но влюбилась въ него только съ той минуты, какъ поняла, что онъ имѣетъ на нее виды. И ей кажется, что она дѣйствительно влюблена въ него. Болѣзненное стремленіе къ замужству и радость достиженія способны въ одну минуту возбудить любовь въ сердцѣ, которое такъ давно уже раздражено тайными и явными мечтами о бракѣ. Притомъ же, когда дѣло къ спѣху и торопять, то поневолѣ влюбитесь сразу, не имѣя времени спросить себя, точно ли вы любите, или вамъ только кажется, что любите... Но дражайшіе родители, учили свою дочь только искусству во что бы ни стало выйдти за мужъ; подготовить же ее къ состоянію замужства, объяснить ей обязанность жены, матери, сдѣлать ее способною къ выполненію этой обязанности, — они не подумали. И хорощо сдѣлали: нѣтъ ничего бесполезнѣе и даже вреднѣе, какъ наставленія, хотя бы и самыя лучшія, если они не

подкрѣпляются примѣрами, не оправдываются, въ глазахъ ученика, всею совокупностію окружающей его дѣйствительности. «Я вамъ примѣръ, сударыня!» — безпрестанно повторяетъ диктаторскимъ тономъ мать своей дочери. И дочь преспокойно копируетъ свою мать, готова въ своей особѣ свѣту и будущему мужу второй экземпляръ своей маменьки. Если ея мужъ — человѣкъ богатый, онъ будетъ доволенъ своею женою: домъ у нихъ какъ полная чаша, всего много, хотя все безвкусно, велѣно, грязно, пыльно, въ безпорядкѣ, вычищается только передъ большими праздниками (и тогда въ домъ подымается возня, дѣлается завилонское столпотвореніе въ «лицахъ»); дворня огромная, слугъ бездна, а нѣ у кого допроситься стакана воды, нѣ кому подать вамъ чашку чаю... А недавняя невѣста, теперь молодая дама? — О, она живетъ въ полномъ удовольствіи! она наконецъ достигла цѣли своей жизни, она уже не сирота, не приемышь, не лишнее бремя въ родительскомъ домѣ; она хозяйка у себя дома, сама себѣ госпожа, пользуется полною свободою, ѣдетъ куда и когда хочетъ, принимаетъ у себя кого; ей угодно: ей уже не вужно болѣе притворяться то невинною овечкою, то кроткимъ ангеломъ; она можетъ капризничать, падать въ обмороки, повелѣвать, мучить мужа, дѣтей, слугъ. У ней бездна ватѣй: карета — не карета, шаль — не шаль, дорогихъ игрушекъ вдоволь; она живетъ барыней-аристократкой, никому не уступаетъ, во всѣхъ превосходитъ, и мужъ ея едва успѣваетъ закладывать и перезакладывать имѣніе... Дата новаго поколѣнія, она убрала по-возможности пышно, хотя и безвкусно, залу и гостиную, кое-какъ наблюдаетъ въ нихъ даже какую-то полу-чистоту, полу-опрятность: вѣдь это комнаты для гостей, комнаты парадныя, комнаты на-показъ; полное торжество грязи можетъ быть только въ спальнѣ, въ дѣтской, въ кабинетѣ мужа, — словомъ, во внутреннихъ комна-

тахъ, куда гости не ходятъ. А у ней безпрестанно гости, вольгъ нѣя безпрестанно кружокъ; но она прѣизлетъ гостей своихъ не свѣтскимъ умомъ, не граціемъ своихъ манеръ, не очарованіемъ своего увлекательнаго разговора, — нѣтъ, она только старается показать имъ, что у нея всего много, что она богата, что у ней все лучшее — и убранство комнатъ, и угощеніе, и гости, и лошади, что она не кто-нибудь, что такихъ, какъ она?, немного... Содержаніе разговоровъ составляютъ сплетни и наряды, наряды и сплетни. Богъ благословилъ ея замужество — что ни годъ, то ребенокъ. Какъ же она будетъ воспитывать дѣтей своихъ? — Да точно такъ же, какъ сама была воспитана своею маменькою: пока малы, они провабаютъ въ дѣтской, среди мамокъ и нянекъ, среди горничныхъ, на ютѣ холопства, которое должно внушить имъ первыя правила нравственности, развить въ нихъ благородныя вѣстности, объяснить имъ различіе домашнего отъ лѣшняго, вѣдѣны отъ русалки, растолковать разныя прищѣты, рассказать всевозможныя исторіи о мертвецахъ и оборотняхъ, выучить ихъ браниться и драться, агать не красить, приучить безпрестанно ѣсть, никогда не наѣдаться. И милыя дѣти очень-довольны сферою, въ которой живутъ: у нихъ есть фавориты между прислугою, и есть нелюбимые; они живутъ дружно съ первыми, ругаютъ и колотятъ послѣднихъ. Но вотъ они подросли: тогда отецъ дѣлай что хочетъ съ мальчишками, а дѣвочекъ поучать прыгать и шнуроваться, немножко брехать на фортепьяно, немножко болтать по-французски — и воспитаніе кончено; тогда имъ одна наука, одна работа — ловить жениховъ.

Но если наша невѣста выйдетъ за человѣка небогатаго, хотя и не бѣднаго, но живущаго немножко-выше своего состоянія, посредствомъ умѣнія строгимъ порядкомъ сводить концы съ концами: тогда горе ея мужу! Она въ своей деревнѣ никогда ничего не дѣ-

домка какая-нибудь, чтобъ стала что-нибудь дѣлать), ничѣмъ не занималась, не знаетъ хозяйства, а что такое порядки, чистота, опрятность въ домѣ, — этого она нигдѣ не видала, объ этомъ она ни отъ кого не слыхала. Для нея выйти замужъ — значитъ сдѣлаться барынею; стать хозяйкою, значитъ — повелевать всѣмъ въ домѣ и быть полною госпожею своихъ поступковъ. Ея дѣло — не сберегать, не выгадывать, а покушать и тратить, наряжаться и франтить.

И не-уже-ли вы обвините еево всемъ этомъ? Какое имѣете вы право требовать отъ нея, чтобъ она была не тѣмъ, чѣмъ сама же вы ее сдѣлали? Можете ли вы обвинять даже ея родителей? Развѣ не вы сами сдѣлали изъ женщины только невѣсту и жену, и ничего болѣе? Развѣ когда-нибудь подходили вы къ ней безкорыстно, просто, безъ всякихъ видовъ, для того только, чтобъ насладиться слогомъ ароматовъ, этою гармоніею женственнаго существа, этимъ поэтическимъ очарованіемъ присутствія и сообщенія женщины, которая такъ кротко, успокоительномъ образомъ дѣйствуетъ на жесткую натуру мужчины? Желали ли вы когда-нибудь имѣть друга въ женщинѣ, въ которую вы совсѣмъ не влюблены, сестру въ женщинѣ вамъ посторонней? — Нѣтъ! если вы входите въ женскій кругъ, то не иначе, какъ для выполненія обычая пріятія, обряда; если танцуете съ женщиною, то потому только, что мужчиневамъ танцовать съ мужчинами не принято. Если вы обращаете на одну женщину исключительное свое вниманіе, то всегда съ положительнымъ видомъ — ради мести бы или волокитства. Вашъ взглядъ на женщину чисто-утилитарный, почти коммерческій: она для васъ — капиталъ съ процентами, деревня, домъ съ доходомъ; если не это, такъ кухарка, прачка, ключница, нянька, много, много, если одальна...

Конечно, изъ всего этого бываютъ исключенія; но общество состоитъ изъ общихъ правилъ, а не изъ исклю-

ченій, которыя всего чаще бываютъ болѣзненными наростами на тѣлѣ общества. Эту грустную истину всего лучше подтверждаютъ собою наши такъ-называемыя «идеальныя дѣвы». Онѣ, обыкновенно, страстныя любительницы чтенія, и читаютъ много и скоро, ѣдятъ книги. Но какъ и что читаютъ онѣ, Боже великій!.. Всего достолюбезнѣе въ идеальныхъ дѣвахъ увѣренность ихъ, что онѣ понимаютъ то, что читаютъ, и что чтеніе приноситъ имъ большую пользу. Всѣ онѣ обожаемыя Пушкина, — что однакожь не мѣшаетъ имъ отдавать должную справедливость и таланту г. Бенедиктова; нѣкая изъ нихъ съ удовольствіемъ читаютъ даже Гоголя, — что, однакожь, насколько не мѣшаетъ имъ восхищаться повѣстями г. Марлинскаго и Полеваго. Все, что въ ходу, о чемъ пишутъ и говорятъ въ настоящее время, все это сводить ихъ съ ума. Но во всемъ этомъ онѣ видятъ свою любимую мысль, оправданіе своей настроенности, т. е. идеальности, — видятъ ее даже и тамъ, гдѣ ея вовсе нѣтъ, или гдѣ она осмѣивается. У всѣхъ у нихъ есть заветныя тетрадки, куда онѣ списываютъ стихи, которые имъ понравятся, мысли, которыя поразятъ ихъ въ книгѣ. Онѣ любятъ гулять при лунѣ, смотрѣть на звѣзды, слѣдить за теченіемъ ручейка. Онѣ очень-наклонны къ дружбѣ, и каждая ведетъ дѣятельную переписку съ своей пріятельницею, которая живетъ съ нею въ одной деревнѣ, а иногда и въ одномъ домѣ, только въ разныхъ комнатахъ. Въ перепискѣ (огромными тетрадищами) сообщаютъ онѣ другъ другу свои чувства, мысли, впечатлѣнія. Сверхъ-того, каждая изъ нихъ ведетъ свой дневникъ, весь наполненный «выписными чувствами», въ которыхъ (какъ во всѣхъ дневникахъ идеальныхъ и внутреннихъ натуръ мужеска и женска пола) нѣтъ ничего живаго, истиннаго, только претензіи и идеальничанье. Онѣ презираютъ толпу и землю, питаютъ непримиримую ненависть ко всему матеріальному. Эта ненависть у нихъ

часто простирается до желанія вовсе отрѣшиться отъ матеріи. Для этого, онѣ морятъ себя голодомъ, не ѣдятъ иногда по цѣлой недѣлѣ, жгутъ на свѣчкѣ пальцы, кладутъ себѣ на грудь подъ платье свѣгу, пьютъ уксусъ и чернила, отучаютъ себя отъ сна, — и этимъ стремленіемъ къ высшему, идеальному существованію до того успѣваютъ разстроить свои нервы, что скоро превращаются въ одну живую и самую матеріальную болячку... Въдѣ крайности сходятся! Всѣ простыя человѣческія, и особенно, женскія чувства, какъ напр., страстность, способная къ увлеченію чувствъ, любовь материнская, склонность къ мужчине, въ которомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, гениальнаго, который не гонимъ несчастіемъ, не страдаетъ, не болѣетъ, не бѣденъ, — всѣ такіа простыя чувства кажутся имъ пошлыми, ничтожными, смѣшными и презрѣнными. Особенно-интересны попятія идеальныхъ дѣвъ о любви. Всѣ онѣ — жрицы любви, думаютъ, мечтаютъ, говорятъ и пишутъ только о любви. Но онѣ признаютъ только любовь чистую, не земную, идеальную, платоническую. Бракъ есть профанация любви въ ихъ глазахъ; счастье — опошленіе любви. Имъ непремѣнно надо любить въ разлукѣ, и ихъ высочайшее блаженство — мечтать при лунѣ о предметѣ своей любви и думать: «можетъ-быть, въ эту минуту, и онъ смотритъ на луну и мечтаетъ обо мнѣ; такъ, для любви нѣтъ разлуки!» Жалкія рыбы съ холодною кровью, идеальныя дѣвы считаютъ себя птицами; плавая въ мутной водѣ искусственной нервической экзальтациі, онѣ думаютъ, что парятъ въ облакахъ высочайшихъ чувствъ и мыслей. Имъ чуждо все простое, истинное, задушевное, страстное, думая любить все «высокое и прекрасное», онѣ любятъ только себя, онѣ и не подозреваютъ, что только тѣшатъ свое ислкое самолюбіе трескучими шутками фантазій, думая быть жрицами любви и самоотверженія. Многія изъ нихъ не прочь бы и отъ замужства, и при

первой возможности вдругъ извѣщаютъ свои убѣжденія, и изъ идеальныхъ дѣвъ скоро дѣлаются самыми простыми бабами; но въ иныхъ способности обманывать себя призраками фантазій доходятъ до того, что онѣ на всю жизнь остаются восторженными дѣвственнымицами, и такимъ образомъ до семидесяти лѣтъ сохраняютъ способность къ sentimentalной экзальтациі, къ нервическому идеализму. Самыя лучшія изъ этого рода женщинъ рано или поздно образумливаются; но прежде ихъ ложное направленіе навсегда дѣлается чернымъ демономъ ихъ жизни и, подобно остаткамъ дурно-залеченной болѣзни, отравляетъ ихъ спокойствіе и счастье. Ужаснѣе всѣхъ другихъ тѣ изъ идеальныхъ дѣвъ, которыя не только не чуждаются брака, но въ бракѣ съ предметомъ любви своей видятъ высшее земное блаженство: при ограниченности ума, при отсутствіи всякаго нравственнаго развитія и при испорченности фантазій, онѣ создаютъ свой идеалъ брачнаго счастья, — и когда увидятъ невозможность осуществленія ихъ желаннаго идеала, то вымещаютъ на мужьяхъ горечь своего разочарованія.

Идеальными дѣвами всѣхъ родовъ бываютъ по-большой части дѣвицы, которыхъ развитіе было предоставлено имъ же самимъ. И какъ винить ихъ въ томъ, что, вмѣсто живыхъ существъ, изъ нихъ выходятъ нравственные уроды? Окружающая ихъ положительная дѣйствительность въ-самой-дѣлѣ очень-пошла, и ими невольно овладѣваетъ неотравимое убѣжденіе, что хорошо только то, что не похоже, что диаметрально противоположно этой дѣйствительности. А между-тѣмъ, самобитное, не на почвѣ дѣйствительности, не въ сферѣ общества совершающееся развитіе, всегда доводитъ до уродства. И такимъ образомъ имъ предстоятъ двѣ крайности: или быть пошлыми на общій манеръ, быть пошлыми какъ всѣ, или быть пошлыми оригинально. Онѣ избираютъ послѣднее, но думаютъ, что съ земли пере-

прыгнули въ облака, тогда-какъ въ са-
номъ-то дѣлѣ только перевалились изъ
положительной пошлости въ мечтатель-
ную пошлость. И что всего грустнѣе:
между подобными несчастными созда-
ніями бываютъ натуры, лишеныя
истинной потребности болѣе или ме-
нѣе человѣчески-разумнаго существо-
ванія и достойныя лучшей участи.

Но среди этого міра нравствен-
но-уничтожныхъ явленій, изрѣдка уда-
ются истинно-колоссальныя исклю-
ченія, которыя всегда дорого пла-
тятся за свою исключительность, и
дѣлаются жертвами собственнаго сво-
его превосходства. Натуры гениаль-
ныя, не дододаряющія своей гениаль-
ности, онѣ безжалостно убиваются
безсознательнымъ обществомъ, какъ
очистительная жертва за его собствен-
ныя грѣхи... Такова Татьяна Пушкина.
Вы коротко знакомы съ почтеннымъ
семействомъ Ларинныхъ. Отецъ — не
то, чтобъ ужъ очень-глупъ, да и не
совсѣмъ уменъ; не то, чтобъ человѣкъ,
да и не звѣрь, а что-то въ родѣ полипа,
принадлежащаго въ одно и то же вре-
мя двумъ царствамъ природы—расти-
тельному и животному.

Онъ былъ престою и добрый баринъ,
И тамъ, гдѣ прахъ его лежитъ,
Надгробный памятникъ гласитъ:
Смиренный грѣшникъ, Дмитрій Ларинъ,
Господній рабъ и бршадиръ,
Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ.

Этотъ миръ, вкушаемый подъ кам-
немъ, былъ продолженіемъ того же са-
маго мира, которымъ добрый баринъ
наслаждался при жизни подъ татар-
скимъ халатомъ. Вываютъ на свѣтъ
такіе люди, въ жизни и счастьи кото-
рыхъ смерть не производитъ ровно
никакой перемѣны. Отецъ Татьяны
принадлежалъ къ числу такихъ сча-
стливцевъ. Но маленька ея стояла на
высшей ступени жизни, сравнитель-
но съ своимъ супругомъ. До замуж-
ства, она обожала Ричардсона, не
потому, чтобъ прочла его, а потому-
что отъ своей московской кузины на-
слышалась о Грандисонѣ. Помолвлен-
ная съ Лариномъ, она втайнѣ вздыхала

о другомъ. Но ее повезли къ вѣнцу, не
спросившись ея совѣта. Въ деревнѣ
мужа, она сперва терзалась и рвалась,
а потомъ привыкла къ своему положе-
нію и даже стала имъ довольна, осо-
бенно съ-тѣхъ-поръ; какъ постигла
тайну самовластно управлять мужемъ.

Она ѣздила по работамъ,
Собила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лыбы,
Ходила въ баню по субботамъ,
Служанокъ была осердечилъ,
Все это мужа не спрочасъ.
Вышло невмвала кровью
Она въ альбомы вѣрныхъ дѣлъ,
Звала Полною Прасковью
И говорила на-распѣвъ;
Корсетъ послала очень-узкій,
И русскій Н, какъ N французскій,
Произносить умѣла въ носъ.
Но скоро все перевелось:
Корсетъ, альбомъ, вѣнчикъ Полну,
Стыжковъ чувствительныхъ тетушекъ
Она забыла; стала звать
Акушкой врезною Сому,
И обновила наконецъ
На ватъ шлафоръ и чепецъ.

Словомъ, Ларины жили чудесно, какъ
живутъ на этомъ свѣтѣ цѣлыя миллі-
оны людей. Однообразіе семейной
ихъ жизни нарушалось гостями:

Подъ вечеръ иногда сходилась
Собѣдѣй добрая семья,
Непереломные друзья,
И потужить, и поколесовить,
И поесѣяться жей о чемъ.

Ихъ разговоръ благообразной
О сѣнокосѣ, о винѣ,
О царявѣ, о своей роднѣ,
Конечно не блистала ни чувствомъ,
Ни поэтическимъ огнемъ,
Ни острою, ни умомъ,
Ни общежитіемъ искусствомъ;
Но разговоръ ихъ ималъ менъ
Еще былъ жемѣ уменъ.

И вотъ кругъ людей, среди которыхъ
родилась и выросла Татьяна! Правда,
тутъ были два существа, рѣвно отдѣ-
лявшіяся отъ этого круга — сестра
Татьяны, Ольга, и женихъ послѣдней,
Ленскій. Но я не этихъ существамъ
было понять Татьяну. Она любила ихъ
просто, сама не зная за что, частію по

привычѣ, частію потому, что они еще не были пошлы; но она не открывала имъ внутренняго міра души своей; какое-то темное, истинитивное чувство говорило ей, что они—люди другаго міра, что онѣ не поймутъ ея. И дѣйствительно, поэтической Ленскій далеко не полюбѣвалъ, что такое Татьяна: такая женщина была не по его восторженной натурѣ и могла ему наваться скорѣе странною и холодною, нежели поэтическою. Ольга еще менѣе Ленскаго могла понять Татьяну. Ольга — существо простое, непосредственное, которое никогда ни о чемъ не разсуждало, ни о чемъ не спрашивало, поэтому все было ясно и понятно по привычкѣ, и которое все зависѣло отъ привычки. Она очень плакала о смерти Ленскаго, но скоро утѣшилась, вышла замужъ и, изъ графской и милой дѣвочки, сдѣлалась дюжиною барынею, потервѣв собою свою маленьку, съ небольшими измѣненіями, которыхъ требовало время. Но совѣсть не такъ легко опредѣлитъ характеръ Татьяны. Натура Татьяны не многосложна, но глубока и сильна. Въ Татьянѣ нѣтъ этихъ болѣзненныхъ противорѣчій, которыми страдаютъ свѣтлѣе-сложныя натуры; Татьяна создана какъ-будто вся изъ одного цѣльнаго куска, безъ волихъ придрѣлокъ и примѣсей. Вся жизнь ея проникнута тою цѣлостностью, тѣмъ единствомъ, которое, въ мірѣ искусства, составляетъ высочайшее достоинство художественнаго произведенія. Страстно-любленная, простая деревенская дѣвушка, потомъ свѣтская дама, — Татьяна, во всѣхъ положеніяхъ своей жизни всегда одна и та же; портретъ ея въ дѣтствѣ, такъ мастерски-написанный поэтомъ, въ послѣдствіи является только развѣвающимся, но неизмѣнявшимся.

Дѣва, печальна, молчалива,
 Какъ лань лѣсная болыная,
 Она въ семьѣ своей родной
 Казалась дѣвочкой чужой.
 Она ласкаться не умѣла
 Къ отцу, ни къ матери своей;

Дѣтя сама, въ толпѣ дѣтей
 Играть и прыгать не хотѣла,
 И часто цѣлый день одна
 Сидѣла молча у окна.

Задумчивость была ея подругою съ юльбильныхъ дней, украшая однообразие ея жизни; пальцы Татьяны не знали иглы, и даже ребенкомъ она не любила куколь, и ей чужды были дѣтскія шалости; ей былъ скученъ и шумъ и звонкій смѣхъ дѣтскихъ игръ; ей больше нравились страшные рассказы въ зимній вечеръ. И потому она скоро пристрастилась къ романамъ, и романы поглотили всю жизнь ея.

Она любила на балконѣ
 Предупреждать зарю восходъ,
 Когда на блѣдномъ небосклонѣ
 Звѣздъ истовая хорободъ,
 И тихо край земли сайлѣеть,
 И, вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
 И всходитъ постепенно день.
 Зимой, когда ночная тѣнь
 Полміромъ долѣ обладаетъ,
 И долѣ въ празднои тишинѣ,
 При отуманенной лунѣ,
 Востокъ лѣннвыи почиваетъ,
 Въ привычный часъ пробуждена,
 Вставала при свѣтахъ она.

Итакъ, лѣтнія ночи посвящались мечтательности, зимнія — чтенію романовъ, — и это среди міра, нѣвшаго благоразумную привычку громко храпѣть въ это время! Какое противорѣчіе между Татьяною и окружающимъ ея міромъ! Татьяна — это рѣдкій прекрасный цѣтокъ, случайно выросшій въ разсѣлинѣ дикой скалы,

Незнаемый въ травѣ глухой
 Ни мотыльками, ни пчелой.

Эти два стиха, сказанные Пушкинымъ объ Ольгѣ, гораздо больше идутъ къ Татьянѣ. Какіе мотыльки, какія пчелы могли знать этотъ цѣтокъ, или плѣняться имъ? Развѣ безобразные слѣпни, оводы и жуки, въ родѣ господъ Пыхтина, Буянова, Пѣтушкова и тому подобныхъ? Дѣ, такая женщина, какъ Татьяна, можетъ плѣнять только людей, стоящихъ на двухъ крайнихъ ступеняхъ нравственнаго міра, или такихъ, которые были бы въ уровень съ ея натурою, и которыхъ

такъ мало на свѣтѣ, или людей совершенно-пошлыхъ, которыхъ такъ много на свѣтѣ. Этими послѣдними Татьяна могла нравиться лицомъ, деревенскою свѣжестью и здоровьемъ, даже дикостью своего характера, въ которой они могли видѣть кротость, послушность и безотвѣтность въ-отношеніи къ будущему мужу—качества, драгоценныя для нихъ грубой животности; не говоря уже о расчетахъ на приданое, на родство и т. п. Стоящіе же въ серединѣ между этими двумя разрядами людей, всего менѣе могли оцѣнить Татьяну. Надобно сказать, что всѣ эти серединныя существа, занимающія мѣсто между высшими натурами и червю человечества, эти таланты, служащія связью *идеальности* съ *толпою*, но-большей-части—все люди «идеальныя», подѣ-стать идеальнымъ дѣвамъ, о которыхъ мы говорили выше. Эти идеалисты думаютъ о себѣ, что они исполнены страстей, чувствъ, высшихъ стремленій; но въ-сущности все дѣло заключается въ томъ, что у нихъ фантазія развита на-счетъ всѣхъ другихъ способностей, преимущественно разсудка. Въ нихъ есть чувство, но еще больше сантиментальности, и еще больше охоты и способности наблюдать свои ощущенія и вѣчно толковать о нихъ. Въ нихъ есть и умъ, но не свой, а вычитанный, книжный, и потому въ нихъ умъ часто бываетъ много блеска, но никогда не бываетъ дѣльности. Главное же, что всего хуже въ нихъ, что составляетъ ихъ самую слабую сторону, ихъ ахиллесовскую пятку,—это то, что въ нихъ нѣтъ страстей, за исключеніемъ только самолюбія, и то мелкаго, которое ограничивается въ нихъ тѣмъ, что они бездѣтельно и безплодно погружены въ созерцаніе своихъ внутреннихъ достоинствъ. Натуры тихія, но такъ же не холодныя, какъ и не горячія, они дѣйствительно обладаютъ жалкою способностью вспыхивать на минуту отъ всего и ни отъ чего. По-этому, они только и толкуютъ, что о своихъ пламенныхъ чувствахъ, объ огнѣ, пожирающемъ ихъ

душу, о страстяхъ, обуревающихъ ихъ сердце, не подозревая, что все это дѣйствительно буря, но только не на морѣ, а въ стаканѣ воды. И нѣтъ людей, которые бы менѣе ихъ способны были оцѣнить истинное чувство, познать истинную страсть, разгадать человека глубоко-чувствующаго, неподдѣльно-страстнаго. Таки люди не поняли бы Татьяны: они рѣшили бы все въ голосъ, что если она не дура пошлая, то очень-страшное существо, и что, во всякомъ случаѣ, она холодна какъ ледъ, лишена чувства и неспособна къ страсти. И какъ же иначе Татьяна молчалива, дѣка, ничѣмъ не увлекается, почему не радуется, ни отъ чего не приходитъ въ восторгъ, во всему равнодушна, ни къ кому не ласкается, ни съ кѣмъ не дружится, никого не любитъ, не чувствуетъ потребности передать въ другаго свою душу, тайны своего сердца, а главное — не говоритъ ни о чувствахъ вообще, ни о своихъ собственныхъ въ особенностъ?.. Если вы сосредоточены въ себѣ и на вашемъ лицѣ нельзя прочесть внутреннего пожирающаго васъ огня,—мелкіе люди, столь богатые прекрасными мелкими чувствами, тотчасъ объявятъ васъ существомъ холоднымъ, эгоистомъ, отнимутъ у васъ сердце, и оставятъ при васъ одинъ умъ, особенно, если вы имѣете склонность пронизировать надъ собственнымъ чувствомъ, хотя бы то было изъ цѣломудреннаго желанія замаскировать его, не любя имъ ни играть, ни щеголять...

Повторяемъ: Татьяна—существо исключительное, натура глубокая, любящая, страстная. Любовь для нея могла быть или величайшимъ блаженствомъ, или величайшимъ бѣдствіемъ жизни, безъ всякой примирительной середины. При счастіи взаимности, любовь такой женщины—ровное, свѣтлое пламя; въ противномъ случаѣ — упорное пламя, которому сила воли, можетъ-быть, не позволить прорваться наружу, но которое тѣмъ разрушительнѣе и гучѣе, чѣмъ больше оно сдвлено внутри. Счастливая жена, Татьяна

обоймо, но тѣмъ не менѣе страстно и глубоко любила бы своего мужа, вполне пожертвовала бы собою дѣтишъ, вся отдалась бы своимъ материнскимъ обязанностямъ, но не по разсудку, а опять по страсти, и въ этой жертвѣ, въ строгомъ выполненіи своихъ обязанностей, нашла бы свое величайшее наслажденіе, свое верховное блаженство. И все это безъ фразъ, безъ разсужденій, съ этимъ спокойствіемъ, съ этимъ вѣдшимъ безстрашіемъ, съ этою наружною холодною, которыя составляютъ достоинство и величіе глубокихъ и сильныхъ натуръ. Такова Татьяна. Но это только главные и, такъ сказать, общіи черты ея личности: взглянемъ на форму, въ которую вылилась эта личность, посмотримъ на тѣ особенности, которыя составляютъ ея характеръ.

Создаетъ человѣка природа, но развиваетъ и образуетъ его общество. Никакія обстоятельства жизни не спасутъ и не защитятъ человѣка отъ вліянія общества, ни гдѣ не скрыться, ни куда не уйти ему отъ него. Самое успѣе развиваться самостоятельно, въ вліяніи общества, сообщаетъ человѣку какую-то странность, придаетъ ему что-то уродливое, въ чемъ опять видна печать общества же. Вотъ почему у насъ люди съ дарованиями и хорошими природными расположеніями часто бываютъ самыми несносными людьми, и вотъ почему у насъ только гениальность спасаетъ человѣка отъ пошлости. По этому же самому, у насъ такъ мало истинныхъ и такъ много *ложныхъ, вычитанныхъ* чувствъ, страстей и стремленій, словомъ: такъ мало истинны и жизни въ чувствахъ, страстяхъ и стремленіяхъ, и такъ много фразёрства во всемъ этомъ. Повсюду распространяющееся чтеніе приноситъ намъ величайшую пользу: въ немъ наше спасеніе и участь нашей будущности; но въ немъ же, съ другой стороны, и много вреда, такъ же какъ и много пользы для настоящего. Объяснимся. Наше общество, состоящее изъ образованныхъ сословій, есть плодъ реформы. Оно

помнитъ день своего рожденія, потому-что оно существовало официально прежде, нежели стало существовать дѣйствительно; потому-что, наконецъ, это общество долго составлялъ не духъ, а покрой платья, не образованность, а привилегія. Оно началось такъ же, какъ и наша литература: копированіемъ иностранныхъ формъ безъ всякаго содержанія, своего или чужаго, потому-что отъ своего мы отказались, а чужаго не только принять, но и понять не были въ состояніи. Были у Французскіхъ трагедіи: давай и мы писать трагедіи; и г. Сумароковъ, въ одномъ лицѣ соединилъ, совмѣстилъ и Корнеля, и Расина, и Вольтера. Былъ у Французскій знаменитый баснописецъ Лафонтенъ, и опять тотъ же г. Сумароковъ, по словамъ его современниковъ, своимъ притчами далеко обогналъ Лафонтена. Такимъ же точно образомъ, въ самое короткое время, обзавелись мы своими доморожденными Палларами, Горациями, Анакреонами, Гомерами, Вергилиями и т. п. Иностранныя произведенія всѣ наполнены были любовными чувствами, любовными приключеніями: и мы давай тѣмъ же наполнять наши сочиненія. Но тамъ поэзія кайма была отраженіемъ поэзіи жизни, любовь стихотворная была выраженіемъ любви, составлявшей жизнь и побудило общества: у насъ любовь вошла только къ книгу, да въ ней и осталась. Это болѣе или менѣе продолжается и теперь. Мы любимъ читать страстнѣе стихи, романы, повѣсти, и теперь подобае чтеніе не считается предосудительнымъ даже и для дѣвушекъ. Мы изъ нихъ даже сами впадаютъ стишки, и иногда недурные. Итакъ, говорить о любви, читать и писать о ней у насъ любить многіе; но любить... Это дѣло другаго рода! Оно, конечно, если съ позволенія родителей, если страсть можетъ увѣчатъ законнымъ бракомъ, то почему же и не любить! Многіе не только не считаютъ этого излишнимъ, но даже считаютъ необходимымъ, и, женись на приданомъ, толкуютъ о любви... Не

любить потому только, что сердце жаждет любви, любить без надежды на брак, всѣмъ жертвовать увлекшему пламени страсти—поймуйте, какъ можно! вѣдь это значитъ сдѣлать исторію, произвести скандалъ, стать сказкою общества, предметомъ оскорбительнаго вниманія, осужденія, презрѣнія; сверхъ-того, прилагать, правила нравственности, общественная мораль... А! такъ вы люди сколько осторожные и благоразумно-предусмотрительные, столько и нравственные! Это хорошо; но зачѣмъ же вы противорѣчите себѣ своею охотою къ стихамъ и романамъ, своею страстью къ патетической драмѣ? — Не то поэзія, а то жизнь: зачѣмъ вѣшать ихъ между собою, пусть каждая идетъ своею дорогою: пусть жизнь дремлетъ въ апатіи, а поэзія снабжаетъ ее занимательными снами.—Вотъ это другое дѣло!...

Но худо то, что изъ этого другаго дѣла необходимо родится третье, до боли уродливое. Когда между жизнью и идеею нѣтъ естественной, живой связи, тогда изъ ихъ враждебно-отдѣльного существованія образуется нѣзданно-поэтическая и въ высшей степени болѣзненная, уродливая дѣйствительность. Одна часть общества, вѣрная своей родной апатіи, спокойно дремлетъ въ грязи грубо-матеріальнаго существованія; за то другая, пока еще меньшая числительно, но уже довольно значительная, изъ всѣхъ силъ хлопотаетъ устроить себѣ поэтическое существованіе, сочетать поэзію съ жизнью. Это у нихъ дѣлается очень-просто и очень-невняно. Не видя никакой связи въ обществѣ, они берутъ ее изъ книгъ и по ней собираютъ свою жизнь. Поэзія говоритъ, что любовь есть душа жизни: и такъ — надо любить! Смыслъ жизни вѣрнее, само сердце за него вѣдѣть съ умомъ! И вотъ нашъ идеальный юноша, или наша идеальная дѣва ищетъ, въ кого бы влюбиться. По долгомъ соображеніи, въ какихъ глазахъ больше поэзіи, — въ голубыхъ или черныхъ, предѣтъ наконецъ избраніе. Начинается комедія — и поэзія

потѣха! Въ этой комедіи есть все: и вздохъ, и слезы, и мечты, и прогулки при луи, и отчаяніе, и ревность, и блаженство, и объясненіе, — все, кромѣ истины чувства... Удивительно ли, что послѣдній актъ этой шутовской комедіи всегда оканчивается разочарованіемъ, и въ чемъ же? — въ собственномъ своемъ чувствѣ, въ своей способности любить?.. А между-тѣмъ, подобное княжское направленіе очень-естественно: не внига ли заставила добраго, благороднаго и умнаго помещика манчестера господаться рыцаремъ донъ-Кихотомъ, надѣть бумажную кольчугу, вобразьса ватощаго Россинанта и пуститься отъиславать по свѣту прекрасную Дульцинею, мяноходомъ сражаясь съ баранами и медвѣдями? Между поколѣніями отъ двадцатыхъ годовъ до настоящей минуты, сколько было у насъ разныхъ донъ-Кихотовъ? У насъ были и есть донъ-Кихоты любви, науки, литературы, убѣжденій, славянофильства и еще Богъ-знаетъ чего, всего не перечести! Выше мы говорили объ идеальныхъ дѣвахъ; а сколько можно назвать интереснаго объ идеальныхъ юношахъ! Но преднегъ такъ богатъ и нестоющимъ, что лучше не касаться его, чтобъ совсѣмъ не потерять изъ виду Татьяны Пушкина.

Татьяна не вѣдѣла горестной участи подвѣсть подъ разрывъ идеальныхъ дѣвъ, о которыхъ мы говорили. Правда, мы сказали, что она представляетъ собою колоссальное исключеніе въ мѣрѣ подобныхъ явленій, — и теперь не отпираемся отъ своихъ словъ. Татьяна возбуждается не силой, а живое сочувствіе, — но это не потому, чтобъ она вовсе не находила на идеальныхъ дѣвахъ, а потому, что ея глубокая, страстная натура заслонила въ ней собою все, что есть свѣшнаго и пошлаго въ идеальности этого рода, и Татьяна осталась естественною — простою въ самой искусственности и уродливости формы, которую сообщила ей окружающая ее действительность. Съ одной стороны —

Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины,
И снѣмъ, и карточнымъ гадающимъ
И предсказаніямъ луны.
Ее тревожила прамѣты;
Тамъ именно ей всѣ предметы
Провозглашали что-нибудь,
Предсказанія тѣмъ самымъ грудъ.

Съ другой стороны, Татьяна любила
бродить по полямъ,

Съ печальной думою въ очкахъ,
Съ французской книжкою въ рукахъ.

Это дивное соединеніе грубыхъ, вульгарныхъ предрасудковъ съ страстію къ французскимъ книжкамъ и съ уваженіемъ къ глубокому творенію *Мартина Задеки*, возможно только въ русской женщинѣ. Весь внутренній міръ Татьяны заключался въ жаждѣ любви; ничто другое не говорило ей душѣ; умъ ея спалъ, и только-развѣ тяжелое горе жизни могло потомъ разбудить его, — да и то для того, чтобъ сдержать страсть и подчинить ее расчету благоразумной морали... Дѣвическіе дни ея ничѣмъ не были заняты; въ нихъ не было своей череды труда и досуга, не было тѣхъ регулярныхъ занятій и развлеченій, свойственныхъ образованной жизни, которые держатъ въ равновѣсіи нравственные силы человѣка. Дикое растеніе, вполнѣ представленное самому-себѣ, Татьяна создала себѣ свою собственную жизнь, въ пустотѣ которой тѣмъ мятежнѣе горѣлъ пожиравшій ее внутренній огонь, что ея умъ ничѣмъ не былъ занятъ.

Давно ея воображанье,
Старая нѣгой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленіе
Тѣснило ей младую грудь;
Душа ждала... кого-нибудь,
И дождалась. Открылась очи;
Она сказала: это онъ!
Увы! теперь и дни и ночи,
И жаркій одинокій сонъ,
Все полно нѣй; все дѣвъ милой
Безъ утѣтку волшебной силой
Твердятъ о немъ.
Теперь съ какою она внимаемъ
... Читаемъ сладостный романъ,

Съ какимъ живымъ очарованіемъ
Пьетъ обольстительный обманъ!
Счастливой силою мечтавъ
Одуревленныя созданья,
Любовникъ Юлія Вольмаръ,
Малець-Адель и де-Ливаръ,
И Вертеръ, мученикъ мятежный,
И безподобный Грандисонъ,
Который намъ наводитъ сонъ,
Всѣ для мечтательницы нѣжной
Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онѣгина слились.
Воображался героиней
Своихъ возлюбленныхъ творцовъ,
Кларисой, Юліей, Дельфиной,
Татьяна въ тишинѣ лѣсовъ
Одна съ опасной книгой бродить:
Она въ ней ищетъ и находитъ
Свои тайный жаръ, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхаетъ, и, себя присею
Чужой восторгъ, чужую грусть,
Въ забавный шепчетъ наизусть
Письмо для милого героя...

Здѣсь не книга родила страсть, но страсть все-таки не могла не проявиться немножко по-книжному. Зачѣмъ было воображать Онѣгина Вольмаромъ, Малек-Аделемъ, де-Ливаромъ и Вертеромъ (Малек-Адель и Вертеръ: не все ли это равно, что Брусланъ Лаваревичъ и корсаръ Байрона)? — Затѣмъ, что для Татьяны не существовало настоящей Онѣгина, котораго она не могла ни понимать, ни знать; слѣдовательно, ей необходимо было придать ему какое-нибудь значеніе, на-прокатъ взятое изъ книги, а не изъ жизни, потому-что жизни Татьяна тоже не могла ни понимать, ни знать. Зачѣмъ было ей воображать себя Кларисой, Юліей, Дельфиной? Затѣмъ, что она и саму-себя такъ же мало понимала и знала, какъ и Онѣгина. Повторяемъ: созданіе страстной, глубоко-чувствующее, и въ то же время не развитое, на-глухо запертое въ темной пустотѣ своего интеллектуальнаго существованія, Татьяна, какъ личность, является намъ подобно не излеченной греческой статуѣ, въ которой все внутреннее такъ прозрачно и выпукло отразилось во внѣшней красотѣ, но подобно египетской статуѣ, непода-

живой, тяжелой и связанной. Безъ книги, она была бы совершенно-нѣмымъ существомъ, в ея пылающій и сохнувшій языкъ не обрелъ бы ни одного живаго, страстнаго слова, котораго бы могла она облегчить себя отъ давящей полноты чувства. И хотя непосредственнымъ источникомъ ея страсти къ Онѣгину была ея страстная натура, ея переоплачившаяся жажда сочувствія, — все же началась она нѣсколько-идеально. Татьяна не могла полюбить Денскаго, и еще менѣе могла полюбить кого-нибудь изъ извѣстныхъ ей мужчинъ: она такъ хорошо ихъ знала, и они такъ мало представляли нищи ея визуализированному, аскетическому воображенію... И вдругъ является Онѣгинъ. Онъ весь окруженъ тайною: его аристократизмъ, его свѣтскость, неоспоримое превосходство надъ всѣмъ этимъ спокойнымъ и пошлымъ міромъ, среди котораго онъ явился такимъ метеоромъ, его равнодушіе ко всему, странность жизни — все это произвело таинственные слухи, которые не могли не дѣйствовать на фантазію Татьяны, не могли не расположить, не подготовить ея къ рѣшительному эффекту перваго свиданія съ Онѣгинымъ. И она увидѣла его, и онъ предсталъ предъ нею, молодой, красивый, ловкій, блестящій, равнодушный, скущающій, загадочный, непостижимый, весь неразрѣшимая тайна для ея неразвитаго ума, весь обольщеніе для ея дикой фантазіи. Есть существа, у которыхъ фантазіи имѣетъ гораздо-болѣе вліянія на сердце, нежели какъ думаютъ объ этомъ. Татьяна была изъ такихъ существъ. Есть женщины, которымъ сдѣлать только показаться восторженными, страстными, и онѣ ваши; но есть женщины, которыхъ вниманіе мучително можетъ возбудить къ себѣ только равнодушіемъ, холодною и скептицизмомъ, какъ признаками огромныхъ требованій на жизнь, или какъ результатомъ истезно и полно пережитой жизни: бѣдная Татьяна была изъ числа такихъ женщинъ...

Тоска любви Татьяну гонитъ,
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижимыя очи влочки,
И глѣзъ ей далѣе ступить:
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухѣ шумъ, и блескъ въ очахъ...
Настаетъ ночь; луна обходитъ
Дозоромъ дальній сводъ небесъ,
И соловей по мглѣ древесъ
Напѣвъ звучные заводитъ,
Татьяна въ темнотѣ не спитъ
И тихо съ няней говорить.

Разговоръ Татьяны съ няней — чудо художественнаго совершенства! Это цѣлая драма, проникнутая глубокою истинною. Въ ней удивительно-вѣрно изображена русская барышня въ разгарѣ томимой ея страсти. Славенное внутри чувство всегда порывается наружу, особенно въ первый періодъ еще новой, еще неопытной страсти. Кому открыть свое сердце? — еестрѣ? — но она не такъ бы поняла его. Няня все не пойметъ; но потому-то и открывасть ей Татьяна свою тайну, — или, лучше сказать, потому-то и не скрываетъ она отъ няни своей тайны.

... Расскажи мнѣ, няня,

Про ваши старые года:

Была ты влюблена тогда?

— И; полно, Таня! Въ эти глѣза

Мы не слышали про любовь;

А то бы сондила со своимъ

Мелк пошлякомъ свекровь. —

«Да какъ же ты вѣдалась, няня?»

— Такъ, видно, Богъ ездилъ. Мой Ваня

Моложе былъ меня, мой свѣтъ.

А было мнѣ тринадцать лѣтъ.

Недѣли двѣ ходила сваха

Къ моему родитѣ, и наконецъ

Благословилъ меня отецъ.

Я горько плакала со страха;

Мнѣ съ плачемъ косу расплели,

И съ пѣвкомъ къ церковь повели.

И вотъ ввели въ семью чужую...

Вотъ какъ пишеть истинно-народный, истинно-національный поэтъ! Въ словахъ няни, простыхъ и народныхъ, безъ тривіальности и пошлости, заключается полная и яркая картина внутренней домашней жизни народа, его взглядъ на отношенія половъ, на любовь, на бракъ... И это сдѣлано вели-

нимъ постемь одною партою, вскользя,
мимоходомъ бронешною!.. Какъ хо-
роши эти добродушные и престодуш-
ные стихи:

И, полно, Тая! Въ эти лѣта
Мы не знавали про любовь;
А то бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь!

Какъ жаль, что именно такая на-
родность не дается многимъ нашимъ
поэтамъ, которые такъ хлопочутъ о
народности—и добиваются одной пло-
щадной тривіальности...

Татьяна вдругъ рѣшится писать къ
Одѣгину: порывъ навный и благо-
родный; но его источникъ не въ созна-
ніи, а въ бессознательности: бѣдная
дѣвушка не знала, что дѣлала. Послѣ,
когда она стала внятною барыней, для
нея совершенно исчезла возможность
такихъ навно-великодушныхъ движе-
ній сердца... Письмо Татьяны свело
съ ума всѣхъ русскихъ читателей,
когда появилась третья глава «Одѣги-
на». Мы, вмѣстѣ со всѣми, думали въ
демя видѣть высочайшій образецъ
откровенія женскаго сердца. Самъ
поэтъ, кажется, безъ всякой проицъ,
безъ всякой задней мысли, и писалъ и
читалъ это письмо. Но съ-тѣхъ-поръ,
много воды утекло... Письмо Татьяны
прекрасно и теперь, хотя уже и отзы-
вается немножко какою-то дѣтскостію,
чѣмъ-то «романическимъ». Иначе и
быть не могло: языкъ страстей былъ
такъ новъ и недоступенъ нравственно-
нѣмстоующей Татьянѣ: она не умѣла
бы ни понять, ни выразить собствен-
ныхъ своихъ ощущеній, если бы не
прибѣгла къ помощи впечатлѣній,
оставленныхъ на ея памяти плохими и
хорошими романами, безъ толку и
безъ разбора читанными ею... Начало
письма превосходно: оно проникнуто
простымъ искреннимъ чувствомъ; въ
немъ Татьяна является сама-собою:

Я къ вамъ пишу—чего же болѣе?
Что я могу еще сказать?
Теперь, и знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣваемъ наказать.
Но вы къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю милости града,
Вы не оставьте мнѣ.

Сначала я молчать хотѣла;
Повѣрите: моего стыда
Вы не узнали бѣ никогда,
Когда бѣ надежду я имѣла,
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ,
Въ деревнѣ нашей сидѣть вѣдь,
Чтобъ только салпать вашимъ рѣчь,
Вамъ слово молвить, и потомъ
Все думать, думать объ одномъ,
И день и ночь до новой встрѣчи.
Но говорятъ, вы неопиты;
Въ глуши, въ деревнѣ, все вамъ скучно,
А мы... ничѣмъ мы не блестяще,
Хоть вамъ и рады престодушно.
Зачѣмъ вы не поѣхали насъ?
Въ глуши забытаго селенья
Я никогда не знала бѣ вѣсь,
Не знала бѣ горькаго мученья.
Лучше неопитной волоньеръ
Смирнѣ современемъ (какъ знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы вѣрная подруга
И добродѣтельная мать.

Прекрасны также стихи въ концѣ
письма:

... Судьбу мою
Отнынь я тебѣ вручаю,
Перель тобою слезы лью,
Твоей защитѣ умоляю...
Вообрази: я здѣсь одна,
Никто меня не понимаетъ;
Разсудокъ мой изнемогаетъ,
И молча гибнуть я должна.

Все въ письмѣ Татьяны истинно, но
не все просто: мы выписали только
то, что и истинно и просто вмѣстѣ.
Сочетаніе простоты съ истинною со-
ставляетъ высшую красоту и чувства,
и дѣла, и выраженія...

Замѣтательно, съ какими усиліемъ
старается поэтъ оправдать Татьяну за
ея рѣшимость написать и послать это
письмо: видно, что поэтъ смущенъ
хорошо враждъ общество, для котораго
писалъ...

Я зналъ красавицъ недоступныхъ,
Холодныхъ, чистыхъ, какъ зима;
Неумолимыхъ, неподкупныхъ,
Непостижимыхъ для ума;
Дивился я ихъ свѣсъ жидкой,
Ихъ добродѣтели природной,
И признаюсь отъ нихъ бѣжалъ,
И, вникъ, съ ужасомъ читалъ
Надъ ихъ бровями надпись ада:
Оставь надежду навсегда,
Внушать любовь для нихъ была,

Пугать людей для них страшно.
 Быть можете, на брегахъ Невы
 Полобныхъ дамъ выдала вы.
 Среди поклонниковъ послушныхъ,
 Другихъ притупивъ и выдала,
 Самолетно - реомодушныхъ
 Для влекокъ срасенныхъ и покаяль.
 И чтедь нечесть я съ реумодушномъ?
 Онь, суровыйъ молодецъ и
 Цуга робкую любовь,
 Едъ притупь умъ и впроръ
 По-крайней-мѣрѣ сожалѣнемъ,
 По-крайней-мѣрѣ, звукъ рѣчей
 Казался иногда и живѣй.
 И съ легковѣрнымъ ослабшымъ
 Онь любовникъ молодой
 Бѣжить за идоломъ суетой.
 За что жъ выковыряла Татьяна?
 За то ль, что ль идоломъ простоты,
 Онь не выдаетъ обмана
 И вѣритъ на браддой мѣтѣ?
 За то ль, что любить безъ искусства,
 Послушная влеченью чувства.
 Что такъ дѣйрчива она,
 Что отъ небесъ одарена
 Воображеніемъ итежнымъ,
 Умемъ и волею живой
 И суровою головою,
 И сердцемъ пламеннымъ и дѣйнымъ?
 Ужель не простите ей
 Вы легкомысліе страстей!
 Бокетка судить хладнокровно;
 Татьяна любить не шута
 И предается безусловно
 Любви, какъ милое дѣла.
 Не говоритъ она: отложимъ —
 Любовь мы дѣла сътъ умножили,
 Врѣмя въ сѣти заведемъ;
 Сердце умремъ для крѣпкамъ
 Владеждою, тамъ недоумѣнемъ
 Изучимъ сердце, а потомъ
 Женщины живимъ огнемъ;
 А то, скучая наслаждемъ,
 Весельникъ хитрый изъ оковъ
 Вещице вырваться готовъ.
 Вотъ еще отрывокъ изъ «Онигина»,
 который выключенъ авторомъ изъ этой
 повѣсти и особенно напечатанъ въ IX
 томѣ собранія его сочиненій (стр.
 480):

О вы, которые любилъ
 Безъ позволенія родныхъ,
 И сердце нѣжное хранили
 Для впечатлѣній молодыхъ,
 Для радости, для нѣги сладкой —
 Дѣвичи! если вамъ украдкой
 Случалось тайную печать

Съ письма любовнаго скрыты,
 Или робко въ дерзости руки
 Заветный арконъ отдавать,
 Или даже молча дозволить
 Въ минуту горькую разлуки
 Дрежащій поцалуй любви,
 Въ слезахъ, съ волненіемъ въ крови:—
 Не осуждайте безусловно
 Татьяны отреной (!) моею;
 Не повторяйте хладнокровно
 Рѣшенія чужоррныхъ судей.
 А вы, я думаю безъ упрека!
 Которымъ даже рѣчь порока
 Страшитъ сегодня какъ змиѣ —
 Советую дамъ то жъ жъ;
 Кто знаетъ? цѣлѣнной тоскою
 Сгорите, можете быть, и вы —
 И завтра легкій судъ моды
 Припишетъ молному герою
 Побѣды новой торжество;
 Любви васъ ищетъ божество.

Только едва-ли найдете, прибавимъ
 мы отъ себя, прѣзю. Нельзя не жалѣть о поэтѣ, который видитъ себя принужденнымъ такимъ образомъ оправдывать свою героиню передъ обществомъ—и въ чемъ же?—въ томъ, что составляетъ сущность женщины, ея лучшее право на существованіе—что у ней есть сердца, а не вуста яма, прикрытая корсетомъ!... Но еще болѣе нельзя не жалѣть объ обществахъ, передъ которыми новыя видѣль себя принужденнымъ оправдывать героиню своего романа въ томъ, что она женщина, а не деревяшка, выточенная по подобію женщины. И всего грустнѣе въ этомъ, — то, что передъ женщинами въ особенности старается оны оправдать свою Татьяну... И за то, съ какою горечью говорить оны о нашихъ женщинахъ, вездѣ, гдѣ касается общественнои мертвенности, холода, чужорности и сухости! Какъ выдѣется вотъ одинъ строфа въ первой главѣ «Онигина».

Причудливы большаго сѣтъ!
 Всѣхъ прежде васъ оставалъ онь.
 И правда то, что въ наши лѣта
 Довольно скученъ выдшій томъ,
 Хоть, можете быть, милая дама
 Толкуеть Ся и Бентама;
 Но вообще нѣтъ разгудоръ
 Несносный, хотъ единичный выдоръ.
 Къ тому жъ онь такъ непорочимъ,

Так величавы, так умны,
Так благочестія полны,
Так осмотрительны, так точны,
Так неиступны для мужчинъ,
Что амаз ихъ ужь раждаетъ сплнзъ.

Эта строфа невольнo приводитъ насъ на память слѣдующіе стихи, невольнo шедшіе въ поему и напечатанные особо (*т. IX, стр. 190*):

Морозъ и солнце—чудный дѣлъ!
Но нашимъ дѣламъ иамазъ лѣтъ
Сойти съ крыльца и шаль Невомъ
Влеснуть холодной красотою;
Сидать—напрасно ихъ мамазъ
Лескомъ усмиренный гранитъ.
Умна воссочная система
И правъ обычаи стариковъ:
Онъ родился для гарема
Иль для неволи

Но и на востокъ есть поэзія въ живнѣ, страсть закрадывается и въ гаремы... За то, у насъ царствуетъ строгая нравственность, по-крайней-мѣрѣ, внѣшняя, а за нею иногда бываетъ такая не-идеологическая поэзія жизни, которую, если воспользуемся поэтъ, то, конечно, ужь не для поэмы...

Если бы мы вздумали слѣдить за всѣми красотоми поэмы Пушкина, указывать на всѣ черты высокаго художественнаго мастерства, въ такомъ случаѣ ни нашихъ выпискамъ, ни нашей статьѣ не было бы конца. Но мы считаемъ это излишнимъ, потому что эта поэма давно оцѣнена публикою, и все лучшее въ ней у всякаго на памяти. Мы предположили себѣ другую цѣль: раскрыть по возможности отношеніе поэмы къ обществу, которое она изображаетъ. На этотъ разъ, предметъ нашей статьи — характеръ Татьяны, какъ представительницы русской женщины. И потому, пропускаемъ всю четвертую главу, въ которой главное для насъ—объясненіе Онегина съ Татьяною въ отвѣтъ на ея письмо. Какъ подѣйствовало на нее это объясненіе—поватно: всѣ надежды бѣдной дѣвушки рушились, и она еще глубже затворилась въ себѣ для внѣшняго міра. Но разрушенная надежда не погасила въ ней пожирающаго ее пламени: онъ началъ горѣть тѣмъ упор-

нѣе и напряженнѣе, чѣмъ глуше и безвыходнѣе. Несчастіе даетъ новую энергію страсти у натуръ съ экзальтированными воображеніемъ. Итъ даже нравится исключительность ихъ положенія; онѣ любятъ свое горе, лелѣютъ свое страданіе, дорожатъ имъ, можетъ-быть, еще больше, нежели сколько дорожили бы онѣ своимъ счастіемъ, еслибъ оно вышло на ихъ долю... И притомъ, въ глухомъ дѣсу нашего общества, гдѣ бы, и скоро ли бы встрѣтила Татьяна другое существо, которое, подобно Онегину, могло бы поразить ея воображеніе и обратить огонь ея души на другой предметъ? Вообще, несчастная, нераздѣленная любовь, которая упорно переживаетъ надежду, есть явленіе довольно-болѣзненное, причина котораго, по слишкомъ-рѣдкимъ и, вѣроятно, чисто-физиологическимъ причинамъ, едва-ли не скрывается въ экзальтаціи фантазіи слишкомъ-развитой на-счетъ другихъ способностей души. Но какъ бы то ни было, а страданія, происходящія отъ фантазіи, падаютъ тяжело на сердце и терзаютъ его иногда еще сильнѣе, нежели страданія, корень которыхъ въ самомъ сердцѣ. Картина глухихъ, нѣтъ-ли не раздѣленныхъ страданій Татьяны изображена, въ пятой главѣ, съ удивительною истиною и простотою. Посѣщеніе Татьяною опустѣлаго дома Онегина (въ седьмой главѣ) и чувства, пробужденныя въ ней этимъ оставленнымъ жилищемъ, на всѣхъ предметахъ котораго лежалъ такой рѣзкій отпечатокъ духа и характера оставшаго его хозяина, — принадлежитъ къ лучшимъ мѣстамъ поэмы и драгоценнѣйшимъ сокровищамъ русской поэзіи. Татьяна не разъ повторила это посѣщеніе, —

И въ молчаливомъ кабинетѣ,
Забывъ на время все на свѣтѣ,
Осталась наконецъ одна,
И долго плакала она.
Потомъ за книги принялася,
Сперва ей было не до нихъ;
Но показался выборъ ихъ
Ей страненъ. Чтенью предалася
Татьяна жадною душой:

И ей открылся миръ мой.

И начинать по-намного
Моя Татьяна понимать
Теперь ясные, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной...

Уже ль загадку разрѣшила,
Уже ли слово найдено?..

Итакъ, въ Татьянѣ, наконецъ, совершился актъ сознанія: уже ее проснулся. Она поняла наконецъ, что есть для человѣка интересы, есть страданія и скорби вромѣ интереса, страданій и скорби любви. Но поняла ли она, въ чемъ именно состоятъ эти другіе интересы и страданія, и если поняла, послужило ли это ей къ облегченію ея собственныхъ страданій? Конечно, поняла, но только умомъ, головою, потому что есть идеи, которыя надо пережить и душою и тѣломъ, чтобы понять ихъ вполне, и которыхъ нельзя изучать въ книгѣ. И потому, книжное знакомство съ этимъ новымъ миромъ скорбей, если и было для Татьяны откровеніемъ, это откровеніе произвело на нее тяжелое, безотрадное и бесплодное впечатлѣніе; оно испугало ее, ужаснуло и заставило смотрѣть на страсти, какъ на гибель жизни, убѣдило ее въ необходимости покориться дѣйствительности, какъ она есть, и если жить жизнью сердца, то про-себя, во глубинѣ своей души, въ тиши уединенія, во мракѣ ночи, посвященной тоскѣ и рыданіямъ. Посѣщенія дома Онегина и чтеніе его книгъ приготовили Татьяну къ перерожденію изъ деревенской дѣвочки въ свѣтскую даму, которое такъ удивило и поразило Онегина. Въ предшествовавшей статьѣ мы уже говорили о письмѣ Онегина къ Татьянѣ и о результатѣ всѣхъ его страстныхъ посланій къ ней.

...Въ одно собранье
Она ѣдетъ; лишь вошелъ... ему
Она навстрѣчу. Какъ сурова!
Его не видать, съ нимъ ни слова;
У! какъ теперь окружена
Крещенскимъ холодомъ она!
Какъ удержать негодованье
Уста упрямыхъ хотятъ!

Т. XXXIX. — Отд. V.

Впередъ Онегинъ зоркій взглядъ:
Гдѣ, гдѣ сматенье, состраданье?
Гдѣ пятна слезъ?... Ихъ нѣтъ, ихъ нѣтъ!
На семь лицъ лишь гдѣва слѣдъ...
Да, можетъ-быть, болзни тайной,
Чтобъ мужъ нль себѣ не угадать
Проказы слабости случайной...
Всего, что мой Онегинъ зналъ...

Теперь перейдемъ прямо къ объясненію Татьяны съ Онегинымъ. Въ этомъ объясненіи все существо Татьяны выразилось вполне. Въ этомъ объясненіи высказалось все, что составляетъ сущность русской женщины съ глубокою натурою, развитою обществомъ, — все: и пламенная страсть, и вѣдушность простаго, искренняго чувства, и чистота и святость наивныхъ движеній благородной природы, и резонерство, и оскорбленное самолюбіе, и тщеславіе добродѣтели, подъ которою замаскирована рабская боязнь общественного мнѣнія, и хитрые силлогизмы ума, свѣтскою моралью парализовавшаго великодушныя движенія сердца... Рѣчь Татьяны начинается упрекомъ, въ которомъ высказывается желаніе мести за оскорбленное самолюбіе:

Онегинъ, помните ль тотъ часъ,
Когда, въ саду, въ аллеѣ насъ
Судьба свела, и такъ смиренно
Урокъ вашъ выслушала я?
Сподня очередь моя.
Онегинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила васъ; и что же?
Что въ сердцѣ вашемъ я нашла?
Какой отвѣтъ? Одну суровость.
Не правда ль? Вамъ была же новость
Смиренной дѣвочки любви?
И нынче — Боже! — станетъ кровь,
Какъ только вспомню взглядъ холодной
И эту проповѣдь...

Въ-самомъ-дѣлѣ, Онегинъ былъ виновать передъ Татьяною въ томъ, что онъ не полюбилъ ее тогда, какъ она была моложе и лучше и любила его! Въдѣ для любви только и нужно, что молодость, красота и взаимность! Вотъ понятія, заимствованныя изъ плохихъ сантиментальныхъ романовъ! Нѣмая деревенская дѣвочка съ дѣтскими мечтами — и свѣтская женщина, испы-

танная жизни и страданіе, обрѣв-
шая слово для выраженія своихъ
чувствъ и мыслей: какая разница!
И все-таки, по мнѣнію Татьяны,
она болѣе способна была внушить
любовь тогда, нежели теперь, потому
что тогда она была моложе и лучше! .
Какъ въ этомъ взглядъ на вещи видна
русская женщина! А этотъ упрекъ, что
тогда она нашла со стороны Онѣгина
одну суровость? Вамъ была не по-
востъ смиренной дѣвочки любви? Да
это уголовное преступленіе — не подо-
рожить любовью нравственнаго эмбрио-
на!.. Но за этимъ упрекомъ тотчасъ
слѣдуетъ и оправданіе:

Но васъ

*Я не вино: въ тотъ страшный часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой...*

Основная мысль упрековъ Татьяны
состоитъ въ убѣжденіи, что Онѣгинъ
потому только не полюбилъ ее тогда,
что въ этомъ не было для него очаро-
ванія соблазна; а теперь приводитъ къ
ея погамъ жажда скандальной сла-
вы... Во всемъ этомъ такъ и пробивает-
ся страхъ за свою добродѣтель...

Тогда — не правда ли? — въ пустынь,
Вдали отъ суетной молвы,
Я вамъ не нравилась... Что жъ нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на принѣтъ?
Не потому ль, что въ вышнемъ свѣтѣ
Теперь ядаться я должна;
Что я богата и знатна;
Что мужъ въ сраженіяхъ изувѣченъ;
Что насъ за то ласкаетъ дворъ?
Не потому ль, что мой позоръ
Теперь бы всѣми былъ замѣченъ,
И могъ бы въ обществѣ принести
Вамъ соблазнительную честь?
Я плачу... Если вашей Тани
Вы не забыли до-сихъ поръ,
То знайте: козкость вашей брани,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда бъ въ моей лѣшъ было власти,
Я предпочла бъ обидной страсти
И этикъ письмамъ и слезамъ.
Къ мнѣ младенческими мечтамъ
Тогда имѣли вы хоть жалость,
Хоть улаженіе къ лѣтамъ...
А нынѣ! — что къ мнѣ погамъ
Васъ привело? Какая малость!

Какъ съ вышнимъ сердцемъ и умомъ
Быть чувства, долгаго рабомъ?

Въ этихъ стихахъ такъ и слышится
трепетъ за свое доброе имя въ боль-
шомъ свѣтѣ, а въ слѣдующихъ затѣмъ
представляются неоспоримыя доказа-
тельства глубочайшаго презрѣнія къ
большому свѣту... Какое противорѣ-
чіе! И что всего грустнѣе, то и другое
истинно въ Татьянѣ...

*А мнѣ, Онѣгину, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Можъ усѣбн въ выкрѣ свѣта,
Можъ, молодой дожъ, и вечера,
Что жъ вахъ? Сейчасъ отдавъ я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ,
За подку книгъ, за дикій садъ,
За наше бѣдное жилище,
За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище,
Гдѣ нынѣ крестъ я тѣмъ гнѣной
Надъ бѣдной ланею моею...*

Повторяемъ: эти слова тебѣ же не-
притворны и искренны, какъ и пред-
шествовавшія имъ. Татьяна не любитъ
свѣта и за счастье почла бы навсегда
оставить его для деревни; но пока она
въ свѣтѣ—его мнѣніе всегда будетъ ей
идоломъ, и страхъ его оуда всегда бу-
детъ ей добродѣтью...

*А счастье было такъ возможно,
Тамъ близко!.. но судьба моя
Ужъ рѣшена; неосторожно,
Быть неволь, послушала я:
Меня съ слезами заклинаній
Модила, мать; для бѣдной Тани
Всѣ были жребій равны...
Я вышла замужъ. Вы должны,
Я васъ прошу, меня оставить;
Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
И гордость и приняя честь.
Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана,
Я буду съкъ ему верна.*

Последніе стихи удивительны—мо-
дливо концы свѣчаетъ дьявол! Этотъ от-
вѣтъ могъ бы вѣсти въ прижѣръ клас-
сическаго «высокаго» (sublime), нарав-
нѣ съ отвѣтомъ Меден: *moi* и стараго
Горация: *qu'il t'oublie!* Вотъ великая
гордость женской добродѣтели! Но я
другому *отдана*,—вышню *отдана*, а не

отдалась! Вѣчная вѣрность—кому и въ чьей? Вѣрность такимъ отношеніямъ, которыя составляютъ продажную чувствъ и чистоты; жестокости, потому что некоторые отношенія, несладкая любовь, въ высшей степени безправны... Но у насъ какъ-то все это кривая вѣрность: козакъ—и жидъ, любовь—и бракъ по расчету, жизнь сердцемъ—и строгое веденіе вѣрности обязанностей, внутреннею жестокости нарушаемыхъ... Жиды женщины по преимуществу сосредоточена въ жизни сердца; любить—значитъ для нихъ жить, а жертвовать—значитъ любить. Для этой роли создала природа Татьяну; но общество пересоздало ее... Татьяна невольно напомнила намъ Вѣру въ *Герое Нашего Времени*, женщину слабую по чувству, всегда уступающую ему, и прекрасную, высокую въ своей слабости. Правда, женщина поступаетъ безправственно, принадлежать двумъ мужчинамъ, одного любить, а другого обманывать: противъ этой истины не можетъ быть никакого спора; но въ Вѣрѣ этотъ грѣхъ выкупается страданіемъ отъ сознания своей несчастной роли. И какъ бы могла она поступить рѣшительно въ отношеніи къ мужу, когда она видѣла, что тотъ, кому она всю себя пожертвовала, принадлежалъ ей не только и, любя ее, все-таки не захотѣлъ бы слить съ нею свое существованіе? Слабая женщина, она чувствовала себя подъ вліяніемъ роковой силы этого человѣка съ демонической натурою, и не могла ему сопротивляться. Татьяна выше ея по своей натурѣ и по характеру, не говоря уже объ огромной разницѣ въ художественныхъ изображеніяхъ этихъ двухъ женскихъ лицъ: Татьяна—портретъ во весь ростъ; Вѣра—не больше, какъ силуэтъ. И, не смотря на то, Вѣра—больше женщина... но за то, и больше исключеніе, тогда какъ Татьяна—типъ русской женщины... Восторженные идеалы, изучившіе жизнь и женщину по повѣстямъ Марлинскаго, требуютъ отъ необязанной женщины презрѣнія къ обществу и мнѣнію.

Это должъ жидъ не можетъ презрѣть обществу и мнѣнію, но можетъ имѣть жертвовать скромно, безъ фразъ, безъ самохвальства, понимая всю великость своей жертвы, всю тяжесть проклятій, котораго она беретъ на себя, повиная другому высшему закону—закону своей натуры, а ея натура—любовь и самоотверженіе...

Итакъ, въ лицѣ Онегина, Ленскаго и Татьяны, Пушкинъ изобразилъ русское общество въ одномъ изъ фазисовъ его образованія, его развитія, и съ какою истинною, съ какою вѣрностью, какъ полно и художественно изобразилъ онъ его! Мы не говоримъ о множествѣ вставочныхъ портретовъ и силуэтовъ, вошедшихъ въ его поэму и довершающихъ собою картину русского общества высшего и среднего; не говоримъ о картинахъ сельскихъ баловъ и столичныхъ раутовъ: все это такъ извѣстно нашей публикѣ и такъ давно оцѣнено ею по достоинству... Замѣтимъ одно: личностъ поэта, такъ полно и ярко отразившаяся въ этой поэмѣ, вездѣ является такою прекрасною, такою гуманною, но въ то же время по-преимуществу артистическою. Вездѣ видите вы въ немъ человѣка, душою и тѣломъ принадлежащаго къ основному принципу, составляющему сущность изображаемаго имъ класса; короче, вездѣ видите русскаго помещика... Онъ нападаетъ въ этомъ классѣ на все, что противорѣчитъ гуманности; но принципъ класса для него—вѣчная истина... И потому, въ самой сатирѣ его такъ много любви, самое отрицаніе его такъ часто похоже на одобреніе и на любованіе... Вспомните описаніе семейства Лариныхъ, во второй главѣ, и особенно портретъ самого Ларина... Это было причиною, что въ «Онегинѣ» многое устарѣло теперь. Но безъ этого, можетъ-быть, и не вышло бы изъ «Онегина» такой полной и подробной поэмы русской жизни, такого опредѣленнаго факта для отрицанія мысли, въ самомъ же этомъ обществѣ такъ быстро развивающейся....

• Онѣгина • писаны были въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, — и потому сама повесть росла вмѣстѣ съ нимъ, и каждая новая глава поэмы была интереснѣе и зрѣлѣе. Но послѣднія двѣ главы рѣзко отдѣляются отъ первыхъ шести: онѣ явно принадлежатъ уже къ высшей, зрѣлой эпохѣ художественнаго развитія поэта. О красотѣ отдѣльных мѣстъ нельзя наговориться довольно: притомъ же ихъ такъ много! Къ лучшимъ принадлежатъ: ночная сцена между Татьяною и нянею, дуэль Онѣгина съ Ленскимъ и весь конецъ шестой главы. Въ послѣднихъ двухъ главахъ мы и не знаемъ, что хвалить особенно, потому что въ нихъ все превосходно; но первая половина седьмой главы (описание весны, воспоминаніе о Ленскомъ, посѣщеніе Татьяною дома Онѣгина) какъ-то особенно вылается изъ всего глубокостію грустнаго чувства и дивно-прекрасными стихами... Отступленія, дѣлаемая поэтомъ отъ разсказа, обращенія его къ самому себѣ исполнены необыкновенной граціи, залушевности, чувства, ума, остроты; личность поэта въ нихъ является такою любящею, такою гуманною. Въ своей повѣсти, онъ умѣлъ коснуться такъ многого, намекнуть о столь многомъ, что принадлежитъ исключительно къ міру русской природы, къ міру русскаго общества! • Онѣгина • можно назвать энциклопедіей русской жизни, и въ высшей степени народнымъ произведеніемъ. Удивительно ли, что эта поэма была принята съ такимъ восторгомъ публикою и имѣла такое огромное вліяніе и на современную ей и на послѣдующую русскую литературу? А ея вліяніе на нравы общества? Она была актомъ сознанія для русскаго общества, почти первымъ, но за то какимя великими шагомъ впередъ для него!.. Этотъ шагъ былъ богатырскимъ размахомъ, и послѣ него стояніе на одномъ мѣстѣ сдѣлалось уже невозможнымъ... Пусть идетъ время и при-

водитъ съ собою новыя потребности, новыя идеи, пусть растетъ русское общество и обогатитъ • Онѣгина •: какъ бы далеко оно ни ушло, во всегда будетъ оно любить эту поэму, всегда будетъ останавливать на ней исполненный любви и благодарности взоръ... Эти строфы, которые такъ и просятся въ заключеніе нашей статьи, своимъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ на душу читателя, лучше насъ выскажутъ то, что бы хотѣлось намъ высказать:

Увы! на жизненныхъ брзлахъ
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ провидѣнья,
Восходить, зрѣнуть и падуть;
Другія имъ вослѣдъ идуть...
Такъ наше вѣтреное племя
Растетъ, волнуется, кипитъ
И къ гробу пращѣдовъ тѣснитъ.
Придетъ, придетъ и наше время,
И наши звуки въ добрый часъ
Изъ міра вытѣснятъ и насъ.
Пока мѣсть упирайтесь ею,
Сою легкой жизнью, друзья!
Ея ничтожность разумью
И къ ней привязавъ мало я;
Для призраковъ закрылъ я вѣжды;
Но отдаленныя надежды
Тревожатъ сердце иногда:
Безъ непримѣтнаго сѣбѣ...
Мнѣ было бѣ грустно міръ оставить.
Живу, пишу не для похвалы;
Но и бы, кажется, желалъ
Печальнымъ жребій свой прославить,
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.
И чье-нибудь онъ сердце тронетъ;
И сохраненная судьбой,
Быть можетъ, въ Леть не потонетъ
Строфа, слагаемая мной;
Быть можетъ, — лестная надежда! —
Укажетъ будущій невѣжда
На мой прославленный портретъ,
И молвить: то-то былъ поэтъ!
Прими жь мое благодаренье,
Поклонникъ мирныхъ асмиатъ,
О томъ, чья память сохранитъ
Моя летучія творенья,
Чья благосклонная рука
Потребуетъ лавры старика!

КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

7) **KAZAN ET SES HABITANS. Esquis- ses historiques, pittoresques et descriptives. Par Edward P. Tournerelli. Volume I. St. Pétersbourg. 1844. A l'imprimerie de l'état-major des établissemens militaires d'éducation. Bs 12-ю д. л. 254 стр.**

8) **UNE CRITIQUE KAZANIENNE. St. Pétersbourg. 1844. A l'imprimerie de l'état-major des établissemens militaires d'éducation. Bs 12-ю д. л. 50 стр.**

9) **L'INCENDIE DE KAZAN 1842. Précédé d'une notice pour servir de défense à l'ouvrage, «Kazan et ses Habitans». Par Edward P. Tournerelli. St. Pétersbourg. De l'imprimerie de Charles Kray. 1845. Bs 12-ю д. л. XXVI и 19 стр.**

У насъ почти вовсе нѣтъ книгъ, которыя знакомли бы насъ съ Россією. По-этому, всякій опытъ въ этомъ родѣ заслуживаетъ вниманія. Сочиненіе г. Эдуарда Турнерелли—*Kazan et ses Habitans*, двоякѣ достойно вниманія: оно писано по-французски и знакомитъ не только насъ, но и Европу съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ городовъ Россіи. Какъ знакомитъ, — это другой вопросъ; но и одно намѣреніе достойно уваженія. Къ тому же, въ книгѣ г. Тур-

нерелли есть и любопытныя вещи между такими, которыя уже извѣстны были всѣмъ до ея появленія. Въ «Губернскихъ Казанскихъ Вѣдомостяхъ» кто-то не совсѣмъ благосклонно отзывался о книгѣ г. Турнерелли, — и въ слѣдствіе этого явилась брошюра его *Une Critique Kazanienne*, родъ антикритики. Но мы думаемъ, что книга: *Kazan et ses Habitans* гораздо-интереснѣе и русской критики на нее, и порожденной ею антикритики.

10) **SNOIX DE FABLES DE LA FONTAINE, illustrées de gravures d'après les dessins de Paquet. Ouvrage dédié aux enfans. Москва. Въ университетской тип. 1845. Bs 18-ю д. л. 62 стр.**

Довольно-сѣренькое изданіе, съ картинками на французскій вкусъ: собака представлена въ видѣ какого-то жирнаго мусьдѣ, волкъ—въ образѣ тогдаго литератора. Эти каррикатурныя изображенія вовсе не даютъ понятія ни объ истинномъ свойствѣ животныхъ, ни объ истинномъ содержаніи басни. То ли дѣло картинки г. Сапожникова къ баснямъ Крылова (in-4)? Вотъ это такъ натура, не утрированная, не каррикатурная, а такъ, какъ она есть на самомъ-дѣлѣ, и хорошая и дурная.

ВНЕ-ДИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Редакція «Отечеств. Записокъ» въ особенное удовольствіе извѣщаетъ себя объявляя, что въ журналѣ ея, съ нынѣшняго мѣсяца, изъявили желаніе принимать постоянное и дѣятельное участіе профессоры Московскаго Университета Г. Н. Гравесскій и П. Г. Рядкинъ, равно какъ Е. О. Коринъ, и памятный нашимъ чи-

тателямъ авторъ статей о дилеттантствѣ въ наукѣ, подписывающійся псевдонимомъ *Искандера*. Редакція уже получила отъ нихъ нѣсколько статей, которыя въ скоромъ времени и будутъ представлены читателямъ.

Художникъ, г. Львовъ, возымѣлъ благую мысль — изобразить въ литографированномъ эстампѣ одно изъ замѣчательнѣйшихъ событій русской исторіи, именно: «призваніе на всероссийскій престолъ Михаила Феодоровича Романова». Для этого онъ нарочно ѣздилъ въ Кострому, снялъ видъ со внутренней троицкой церкви въ Ипатьевскомъ-Монастырѣ, гдѣ совершилось это событіе, и въ Москву, гдѣ въ Грановитой Палатѣ и Патриаршей Ризницѣ срисовалъ въ точности одежды инокини Марыи, бояръ и духовенства, — въ Успенскомъ-Соборѣ снялъ хоругви, репыды и прочія принадлежности священнодѣйствія, а портретъ

Авраамія Палицына списалъ въ Троицкой-Лаврѣ. Запасшись этими подробностями, онъ составилъ весьма-хорошую картину и отправилъ ее въ Дрезденъ, гдѣ извѣстный художникъ Шмидтъ — тотъ самый, который срисовываетъ Дрезденскую Галерею, — срисовалъ ее на камнѣ. Камень полученъ въ Петербургѣ, и съ него сдѣлано нѣсколько оттисковъ. Мы видѣли оттиски, находимъ ихъ вполне-удовлетворительными, и рекомендуемъ эстампы изъ Львова всѣмъ любителямъ произведеній такого рода. Это одна изъ лучшихъ литографій, которыя когда-либо появлялись въ Россіи.

VI.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ФЕВРАЛЬ.

72) *Два Судьбы, быль Аполлона Майкова. Санктпетербург. В 8-ю д. л. 80 стр.*

Новый 1845 годъ необыкновенно-счастливъ на поэзію: не успѣлъ онъ пережить еще и трехъ мѣсяцевъ, какъ вотъ уже другая поэма въ стихахъ, и опять прекрасная. Талантъ г. Майкова, подавшій такія прекрасныя надежды, развивается и идетъ впередъ: показательство—его поэма, богатая поэзією, прекрасная по мысли, многосторонняя по мотивамъ и краскамъ. Тутъ и яркія картины Италіи, и вѣрные очерки Россіи, и высокое, и комическое. За одно можно упрекнуть г. Майкова: иногда онъ небрежетъ стихомъ; въ его поэмѣ есть мѣста не выдержанныя, какъ, на-прим., вся сцена объясненія Нины съ Владиміромъ, и убійства, совершеннаго Карлино. Это гѣмъ

непріятнѣе, что произошло не отъ недостатка таланта, а отъ недостатка терпѣнія, отъ нежеланія выправлять и обрабатывать, иногда даже и совсѣмъ передѣлывать.

Мы не станемъ излагать содержаніе поэмы и входить въ подробности: поэма такова, что о ней надо говорить или слишкомъ-много, или слишкомъ-мало. По недостатку времени рѣшаемся на послѣднее, ограничиваясь нѣсколькими выписками:

Въ дни древности питомцы Эпикура,
Средь мраморовъ, подъ шумъ падающихъ
водъ,
Подъ звуки лиръ, въ честь Ваखा и
Амура,
Здѣсь пиромъ оглашали пышный сводъ.
Толпы невольницъ, розами убранныхъ,
Плясали вокругъ скелетовъ увѣчанныхъ;
Спѣшили жить они пока вино
Въ ихъ кубкахъ было ярко и хлѣбно,

Пока любовь играла пылкой кровью,
И цвѣлъ вѣнокъ, снѣженный имъ лю-
бовью.

Они все тѣ жъ, Авзоніи сыны!
Ихъ пиръ гремитъ при пѣсняхъ дѣвъ
румяныхъ,
Въ виду румя — скелетовъ увѣчанныхъ
Плашомъ и мртвомъ огненной весны.
Межь тѣмъ какъ смерть и міра отверженье
Вѣщаетъ имъ монаховъ мрачный клиръ,
Въ землѣ вскипаетъ лава разрушенья —
Блеститъ вино, поетъ веселый пиръ
И царствуетъ богиня наслажденья!

Какъ я люблю Фраскату въ праздникъ
лѣтній!

Лавръ, кипарисъ высокой головой,
И розъ кусты, и миртъ, и дубъ столѣтній
Рисуются такъ ярко на густой
Лазури неба и на дымкѣ дали,
На бѣдномъ перломутрѣ дальнихъ горъ.
Органъ звучитъ торжественно. Соборъ
Гирляндами уантъ. Въ дѣвкахъ адыръ
Пурпурные ковры изъ оконъ. Тутъ
Съ хоругвями по улицамъ идутъ
Процессіи монаховъ; тамъ нестрѣютъ,
Шумятъ толпы; лучъ солнца золотой,
Прорвавши сводъ аллеи вѣковой,
Вдругъ обольетъ невѣдомымъ сіяньемъ
Покровъ, главу смуглянки молодой:
Картина полная очарованьемъ!
Для прищипца, она какъ пышный сарфъ!
Ее любилъ Владиміръ; тихо онъ
Бродилъ; но посреди толпы и шума,
Обычная гѣснилася въ немъ дума.

Любилъ онъ видѣть праздникъ сей жи-
вой

И тихъ племень въ толпѣ разнонародной.
Какая смѣсь! Сыны страны холодной
Сюда стеклись, гонимые хандрой:
Тамъ нѣмецъ жесткій, будто нѣя огу-
бокъ,

Съ сигарою и легкою смѣей,
И фраскатанка съ нѣгой алыхъ губокъ
И съ молніей полуденныхъ очей;
Французъ, изъ сѣнцыхъ дрямахъ уютче-
ный,

И сельянинъ Кампаніи златой
Съ отвагою и ловкостью врожденной;
И важный братъ, преданный, прене-
мый,

Всѣхъ сухихъ гадовъ строгій коммента-
теръ,

И подлѣ — огненный импрочеатаръ.

А русскіе?... Тамъ много было ихъ,
Но уклонялся русскій нашъ отъ нихъ.
Какъ сладко намъ среди чужихъ шарчій
Вдругъ русское словечко услышати!
Такъ радъ! готовъ какъ друтъ ты объять
Всю Русь слятую въ незнакомой встрѣчѣ!
Захочется такъ много рассказать
И распросить... но вотъ ударъ жестокой,
Когда въ своихъ объятіяхъ найдешь
Все тѣхъ же, отъ кого бѣжалъ далеко,
Какъ горько тутъ порывъ свой прокла-
нешь!

.....
Владиміръ создалъ для себя пустыню
Въ своемъ быту. Онъ русскихъ убѣгалъ,
Но родину, какъ древнюю святиню,
Какъ мать любилъ, и за нее страдалъ
И веселился ею. Часто вооръ
Онъ обращалъ на снѣговыхъ горы
И свѣжій вѣтръ вдыхалъ онъ съ ихъ
вершинъ,
Какъ холодный вѣдохъ родныхъ своихъ
долинъ.

Да, посреди полуденной природы,
Онъ вспоминалъ про шумъ свѣтлх дуб-
ровъ,

И русскихъ рѣкъ раскатистыхъ воды,
И мракъ, и тайну вѣковыхъ лѣсовъ:
Онъ слышалъ гулъ ихъ съ самой холм-
белы,

И помнилъ какъ, свон качая ели,
Вся стономъ стонетъ русская земля;
Тотъ вопль былъ свѣжъ въ душѣ его,
какъ стономъ
Богатыря въ дѣвкахъ. Среди слагавшей
Страны оливъ, онъ вспоминалъ поля
Широкія и прудъ поселеній,
Рядъ дымящихъ избъ, домъ барскій огу-
стѣлый.

Гдѣ росъ онъ; домъ, исполненный затѣй
Тогда царей, актеровъ, трубачей,
Всѣхъ прихотей російскаго боярства,
Умѣнаго такъ сладко вѣкъ канатъ,
Успѣнаго такъ дивно сочетатъ
Европы доскъ и варваровъ татарства.

Какъ Козлзой, боярская село

У насъ свою исторію имѣеть.

Одна у всѣхъ: о домѣ, гдѣ свѣтло

Жилъ лѣтъ его, наследникъ вѣрадетъ.

Платя хандрой дань вѣку своему,

Онъ какъ чужой въ родномъ своемъ до-
му;

Ища напрасно въ общей жизни души,

Не можетъ онъ забыться средь царей;

Сокрытившись въ отеческомъ жилищѣ,

Гугасть съѣтъ, скучая безъ людей.

Не можемъ удержаться, чтобъ не выписать еще изъ поэмы г. Майкова слѣдующаго отрывка, который можно считать за мастерскую сцену изъ мастерской комедіи. Владиміръ встрѣчается въ Италиі знакомаго ему графа.

Графъ.

— Заранеу другъ!

Скажи, гдѣ ты? Ужъ вотъ, недѣля скоро, я здѣсь живу и все тебя искалъ. Выдѣ у тебя, ни разу не засталъ...

Ты схимникъ сталъ... Имѣю честь познакомиться!

Здоровъ ли? Не позволю тебѣ представлять...

Новутокникъ: заѣхалъ имъ въ Римъ.

Владиміръ.

— Ахъ очень радъ.

— Имѣю честь... я статскій Советникъ, Левъ Ивановичъ Таракацкій.

А съ кѣмъ имѣю честь?...

Владиміръ.

— ***

Левъ Ивановичъ.

— Чинъ?

Извѣдья служить?

Владиміръ.

— Служилъ.

Левъ Ивановичъ.

Въ отставку?

Графъ.

О, послѣ, Левъ Ивановичъ, ваши справки вы наведете... Какъ живешь?

Владиміръ.

— Одинъ,

Какъ видишь, хорошо.

Графъ.

— Ты зналъ княгиню

Донскую? Здѣсь она.

Владиміръ.

— Мнѣ все равно.

Графъ.

Я здѣсь нашолъ родни своей, графиню Терентьеву.

Владиміръ.

— Ты знаешь, я давно

не вижу ее свѣтъ.

Графъ.

— Но нѣтъ, вѣдь мы иную здѣсь знаемъ. Я ищите познакомлю.

Владиміръ.

— Что жъ? дипломатомъ сталъ?

Графъ.

— Со вѣтъ не то.

Кухня, я, кнѣзья, Мель Тортъ, Одинъ французъ, мы вѣтъ изучаемъ Здѣсь древности. Мы смотримъ, и чтѣ

И споримъ... Прелесть этотъ древній Римъ,

Гдѣ Колизей и Термы Каракаллы!

Позади не то что Финскіи скалы!

Жаль умеръ Байронъ! мы бы вѣрно съ

Свели знакомство! съ Байрономъ бы вѣтъ

Желалъ я съѣздить ночью въ Колизей!

Послушалъ, что бы онъ сказалъ на вѣтъ, Прославленномъ величьемъ древнихъ дней! Какъ думаешь? вѣдь это было бѣ чудо!

Владиміръ.

За неимѣнемъ Байрона, покуда я вамъ скажу, что лучше вамъ вѣтъ смръ,

Пить Лакрима, вѣвать на Торденонъ,

Да танцовать на балѣ у Торлеми, Съ графинями, не вѣдя въ древній миръ.

Графъ.

Нѣтъ, ты жестокъ, и ты меня не знаешь! Донская ангелъ... Не ужали ты

Такъ золь? Ужель ты вправду полагаешь, Что мы не чувствуемъ всей красоты

Италиі? природа и искусства Раждаетъ въ насъ совѣтъ иныя чувства.

Левъ Ивановичъ.

Помилуйте! и то же испыталъ И на себѣ. Конечно, мнѣ въ Россіи,

Жить дома — лучше: связи и родные, Карьера вся, почетенъ... но я сталъ

Совѣтъ иной, и мысли все такія, Которыхъ не выдалъ бы и во свѣ.

Я ивоге здѣсь очень оуждаю; Бездомность; жизнь въ сабѣ я осуждаю;

Но многого и нѣтъ въ иной странѣ, Не вправятъ мнѣ Торсы, Аполлоны,

Но какъ за те поправимся мнѣ Здѣсь обелески! Вѣчными колонны

Вездѣ одиѣ... и мысль есть у меня, Какъ заимать колонну обелескомъ;

И въ Петербургѣ писать наитреть я; Подать проектъ... сначала людямъ бла-

кнмъ....

Комитетъ вврядитъ для того: Построить портикъ, опереть его

На обелески.... Какъ моя затѣя Вамъ нравится?

Владиміръ.

Чудесная идея!

Исакій, жаль, къ концу уже идетъ.

Графъ.

Да, точно.

Владимиръ.

Жаль, идея пропадетъ.

Левъ Ивановичъ.

Вотъ видите, влияние каюе
Италія имѣетъ на умы;
Перерождаемъ въ ней тотчасъ мы.

Владимиръ.

О да, ея влияние роковое!
Студентъ, совѣтникъ статскій, генералъ,
Чуть воздухомъ подышетъ Буонаротти,
Гладины, ужъ знатокѣмъ, артистомъ сталъ
Омѣсьмъ иной по духу и по плоти!
Въ Венеціи ступайте: тамъ, гдѣ Дажъ....

Левъ Ивановичъ.

Пѣду, во въ какомъ же отношеніи
Венеція такъ интересна? Что жъ
Особенно въ ней стоить осмотрѣнья?

Владимиръ.

Какъ для кого. Васъ гондолы займутъ,
Быть можетъ, тамъ; на Ривѣ балаганы,
Паяцы, доктора и шарлатаны,
Ниль музыка — по вечерамъ поютъ
На площади — все это такъ приятно!

Левъ Ивановичъ (тайно).

Остатки все республики, поматно!

Графъ.

А женщины! какая красота!

Левъ Ивановичъ.

Для женщинъ я ужъ старъ, не тѣ лѣта,
И ужъ пора домой, къ женѣ и дѣткамъ.

Графъ.

Соскучился ужъ Левъ Ивановичъ нашъ,
Все проснется къ своимъ гусямъ, насѣд-
камъ.

Левъ Ивановичъ.

Такъ создашь я и не пересоздашь.
Взгрустнется разъ иной: все бъ отдашь,
право,

За свой кружокъ, домашній самоваръ,
Да борщъ, да щи вчерашніе съ припра-
вой,

Да костоломный русской бани паръ.
Что батюшка? а санки бѣговья?
Рысакъ въ корню, дугою пристажныя....
Я радъ, что я чужбину посѣтилъ,
А край родной, какъ худъ ни будь, все
милъ.

Владимиръ.

Прекрасно, Левъ Ивановичъ, дайте руку!

Левъ Ивановичъ.

Что, батюшка, вдохнулъ?

Графъ.

Ну, вотъ пошла....

Чуть выѣхавъ изъ варварской земли

Оплакиваютъ Сквомъ съ ней разлуку!
О скнества!

Владимиръ.

Да, мы Сквомъ. Много въ насъ
Есть точно скнскихъ свойствъ.

Графъ.

Гиперборейцы!

Съ любовью къ лѣсамъ, къ степямъ, для
застъ

Ей-ей, въ вѣкъ будутъ чужды Европейцы.
Нѣтъ, истинно разумный человекъ —
Космополитъ. Въ немъ душу восторгаетъ
Развитіе, успѣхъ; онъ наблюдаетъ
Какъ все впередъ, впередъ стремится
вѣкъ,

И гдѣ успѣхъ, онъ тамъ отъизну видитъ.
Отсталое одно онъ ненавидитъ.

Жаль, некогда теперь мнѣ; подожди,
Nous disons-le — рѣшенье впередъ...
Но страшно, ты не бросняй за границей
Патріотическихъ своихъ идей?

Владимиръ.

Никакъ не могу: во мнѣ еще сильнѣй....

Графъ.

Все вздоръ! повѣрь окончивъ ты боль-
ничей
Умалшенныхъ.... Faut que je te quitte,
Прощай, о сквѣз!

Владимиръ.

Прощай, космополитъ!

Кто жъ правъ изъ нихъ? Ей-ей, рѣшитъ
боюсь....

Какая сила въ этомъ словѣ — Русь!
Вдохнешь, него промолвя, глубоко;

И мысль поплыветъ бродить такъ широко,
Грустна, какъ пѣсни русской переливы,
Безцѣпна, какъ разгулъ родныхъ ра-
нишь,

Гдѣ вѣтеръ льнетъ ко груди полой влывъ,
Гдѣ все жилье — радъ нѣбъ, въ тѣни
рѣбнѣвъ,

А далѣ — небо блѣдными краями
Слилось съ землей, за синими лѣсами....

Не смотря на наши выписки (про-
чемъ, составляющія по объему слиш-
комъ-незначительную часть поэмы), —
читатели найдутъ въ поэмѣ г. Майно-
ва гораздо-больше хорошаго, нежели
сколько обѣщаютъ мнѣ эти выписки,
не смотря на все ихъ достоинство. Обѣ-
щаемъ мнѣ большое и несомнѣнное ва-
слажденіе...

73) Странствователь по Суши и Морямъ. Книжка третья. Карпаты. Санктпетербургъ. Въ тип. М. Олжича. 1845. Въ 12-ю д. л. 250 стр.

Третья книжка «Странствователя» далеко уступаетъ въ достоинствѣ двумъ первымъ. Это произошло сколько отъ того, что адѣсь описывается страна, интересная больше со стороны природы, нежели со стороны людей, — столько и отъ того, что авторъ, какъ видно, не совсѣмъ забылъ слогъ Марлинскаго. Въ слѣдствіе этого, книжка усѣяна разсужденіями о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ, и фразами, въ родѣ слѣдующей: «его лѣса темны, какъ ночь, и дѣвственны, какъ новорожденная луна». Не смотря на то, книжка довольно интересна. Изданіе присво.

74) Опытъ Науки Философіи. Сочиненіе Ф. Надежина. Санктпетербургъ. Въ тип. губернскаго правленія. 1845. Въ 8-ю д. л. 342 стр.

75) Краткое Руководство къ Логикѣ (,) съ предварительнымъ очеркомъ психологіи. Сочиненіе ординарнаго профессора Университета св. Владиміра Ореста Новицкаго. Киевъ. Въ университетской тип. 1844. Въ 8-ю д. л. 188 стр.

Въ первой книжкѣ «Отеч. Записокъ» нынѣшняго года, по поводу «Руководства къ Познанію Теоретической-Матеріальной Философіи» г. Татаринова, мы говорили о бесплодности и ничтожности русскихъ книгъ по части философіи, какъ произведеній случайнаго и произвольнаго желанія между прочимъ и по-философствовать на досугъ, немѣющихъ ничего общаго съ философіею, которая въ Германіи существуетъ какъ наука, имѣющая свою исторію. Опытъ Науки Философіи г. Надежина, къ сожалѣнію, не заставилъ насъ мѣнять нашего мнѣнія о достоинствѣ русскихъ философскихъ сочиненій. Г. Надежинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ добродушныхъ философовъ, которые допускаютъ въ философію два равныя начала

— начало авторитета и начало свободно-разумнаго мышленія, не подозревая, что каждое изъ этихъ диаметрально-противоположныхъ и враждебныхъ началъ только парализируетъ одно другое, нисколько не помогая другъ другу, и что заставлятъ ихъ нуждаться другъ въ другѣ — значитъ, признать ихъ оба равно-ничтожными и бессильными. Послѣ этого, мы считаемъ себя въ правѣ больше ничего не говорить о книгѣ г. Надежина, которая можетъ быть замѣчательна только тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ полный краткій курсъ философіи, чего, кажется, прежде не было на русскомъ языкѣ. Что касается до «Руководства къ Логикѣ, съ предварительнымъ очеркомъ психологіи» г. Новицкаго, — мы не думаемъ, чтобъ эта книга представляла науку въ ея современномъ состояніи, какъ говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи. Психологія (эпеноменологія духа?) изложена немного-поверхностно, а логика слишкомъ-формально. Впрочемъ, это все-таки лучшее руководство на русскомъ языкѣ по части логики.

76) Краткій Отчетъ по Ученымъ и Благотворительнымъ Заведеніямъ, состоящимъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ и непосредственнымъ управленіемъ Ея Величества Государыни Императрицы, представленный стато-секретарю Левгиновымъ за 1844 годъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Департ. Воен. Повеленій. 1844. Въ 8-ю д. л. 48 стр.

Этотъ отчетъ — одна изъ интереснѣйшихъ книгъ, какія только являются на русскомъ языкѣ. Вся испещренная цифрами, эта книга тѣмъ не менѣе исполнена высокой и умиляющей душу поэзіи — поэзіи благотвѣтельнаго просвѣщенія, образованія и благоустройства, подъ высочайшимъ покровительствомъ августѣйшей Матери отечества. Учебныхъ мѣстныхъ и разныхъ благотворительныхъ заведеній, состоящихъ подъ непосредственнымъ управленіемъ Ея Императорскаго Величества

ства Государыни Императрицы, въ 1843 году было *четырнадцать* (за исключеніемъ множества дѣтскихъ приютовъ, поименованныхъ вообще). Въ нихъ воспитанницъ—4,322, пансіонерокъ—847, и того—5169; надзирательницъ—212; учителей—134; врачей—65.

77) Домъ Приврѣнія Престарѣлыхъ и Увѣчныхъ Гражданъ въ Санктпетербургѣ, съ Николаевскою и Александровскою Школами. *Разсказъ Е. А. д. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. К. Жернакова. Въ 42-ю д. л. 103 стр.*

Эта книга написана высокимъ, т. е. напыщеннымъ слогами, но не просто для упражненія въ риторикѣ: она содержитъ въ себѣ любопытные факты благотворительности русскаго купечества и издава съ благотворительною цѣлью—деньги, вырученныя за нее, поступаютъ въ пользу домогъ приврѣнія.

78) Записки изъ Математической Географіи, сферической и частью практической астрономіи, составленныя и изданныя въ 1844 году учителемъ Училища Корпуса Топографовъ, подполковникомъ Петромъ Воробьевымъ. *Санктпетербургъ. Печатано въ военн. тип. 1844. Въ 8-ю д. л. 334 стр. Съ четырьмя таблицами чертасей.*

— *Ошція и Астрономическія Таблицы, собранныя и дополненыя некоторыми необходимыми, ацвоъ вычисленными таблицами, принадлежащія къ Запискамъ изъ математической географіи, сферической и частью практической астрономіи, составленнымъ и изданнымъ учителемъ Училища Корпуса Топографовъ, подполковникомъ Петромъ Воробьевымъ въ 1844 году. Санктпетербургъ. Печатано въ военн. тип. 1844. Въ листъ, 29 таблицъ.*

Это ни астрономія, ни математическая географія: это записки изъ астрономіи и математической географіи; преподаватель составлялъ ихъ, вѣроят-

но, для личныхъ занятій, потомъ литографировалъ; теперь явились они въ печати. Не зная точно, въ какомъ объемѣ должна преподаваться астрономія въ Училищѣ Корпуса Топографовъ, не можемъ судить вѣрно о запискѣ г. Воробьева. Намъ кажется только, что въ нихъ слишкомъ много повѣщено посторонняго, изъ другихъ положительныхъ наукъ—изъ физики, механики, что по-видимому, не имѣетъ прямого отношенія къ астрономіи; но впрочемъ, все это можетъ быть необходимо по спеціальному назначенію книги.

Еще разнообразіе таблицы: здѣсь вы найдете и долготы и широты главнѣйшихъ городовъ, и логарифмы чиселъ, и сравненіе разныхъ мѣръ и превращеніе часовъ, минутъ, секундъ въ части дня и обратно, и сравненіе термометровъ, и солнечныя таблицы и проч. и проч.

79) Лекціи Популярной Астрономіи, читанныя публично, съ Высочайшаю разрешеніемъ, въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ капитан-лейтенантомъ С. Зеленымъ съ 25-го ноября 1843 по 16 марта 1844. *Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1844. Въ 8-ю д. л. 422 стр. Съ однимъ чертежомъ.*

Пронедшую зиму эти лекціи читались по тетради (не говорились изустно, живымъ языкомъ); съ тетради перепечатывались брошюры, которыя выходили каждую недѣлю аккуратно. Въ свое время, въ нашемъ журналѣ мы успѣли отдать читателямъ отчетъ о каждой изъ нихъ.

Теперь эти брошюры сшиты вмѣстѣ, переплетены въ одну обертку и изданы цѣлою книгою, которая, впрочемъ, заключаетъ въ себѣ и всѣ недостатки и всѣ достоинства, замѣченныя нами въ брошюрахъ.

Не въ укоръ говоримъ мы это почтенному автору. Книга его прекрасная, преподавая, и тѣмъ болѣе славѣ ему, что у насъ въ Россіи это первая оригинальная попытка обработать

популярно сухую, положительную, строгую математическую науку. Но слоги! слоги!... Не-уже-ли-нельзя-обойтись-без-этих-громких-фраз,-подъ-чь-даже-помѣщающих-внутренняго-значенія?

80) Народная Медицина, примыкающая къ русскому быту и разнообразности Россіи, издаваемая докторомъ медицины и хирургіи, А. Чаруковскимъ. Наружныя Болѣзни. Часть пятая. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1845. Въ 8-ю д. л. LXVI и 204 стр.

Эта часть состоитъ изъ предисловія, описанія наружныхъ болѣзней вообще т.е. естественныхъ во всемъ частямъ нашего тѣла, и прирѣзвія больныхъ. Въ предисловіи изложено настоящее положеніе медицины, ея отношеніе къ обществу и общества къ ней; представлены свѣдѣнія и, такъ-сказать, ослѣдствія развитія, что медицина должна быть народною наукою; показанъ способъ, какъ можно ее сдѣлать народною; изложены результаты, польза общенароднаго направленія медицины для публики и врачей, и содержаніе всей Народной Медицины въ ея натуральномъ порядкѣ; описаны трудности, возникающія частію отъ самаго дѣла, а частію отъ восторженныхъ, хотя и предвѣдѣнныхъ, но отъ автора незадѣянныхъ обстоятельствъ; начертанъ вообще способъ употребленія разныхъ средствъ Народной Медицины и, наконецъ, показаны причины, по которымъ авторъ рѣшился на изданіе ея съ объясненіемъ, почему она является не въ такомъ видѣ и порядкѣ, какіе были для нея назначены первоначально. Эти причины объясняютъ, почему изданіе Народной Медицины началось съ ея третьей части (хотя первая дѣль еще въ 1837 году были приготовлены къ выпуску) и почему за третью частію слѣдуетъ нынѣ-вышедшая пятая часть. Мы совершенно согласны въ этомъ отношеніи съ авторомъ и вполне одобряемъ его распоряженіе — скорѣе представить публикѣ

тѣ части Народной Медицины, которыя заключаютъ въ себѣ прямую и непосредственную пользу для больныхъ и здоровыхъ.

Далѣе слѣдуютъ главы о наружныхъ болѣзняхъ и наконецъ о прирѣзвіи больныхъ.

Объявивъ о предпріятіи автора издать Народную Медицину и рекомендовавъ въ нашемъ журналѣ первый ея выпускъ, мы не раскаялись, прочитавъ и второй, вполне соотвѣтствующій своему назначенію и нашимъ ожиданіямъ. Г. Чаруковский въ этомъ второмъ выпускѣ излагаетъ предметы ясно, ясно, общепонятно, безъ всякихъ слѣдовъ ученой номенклатуры, и, что, по нашему мнѣнію, главное, — научаетъ врачу общему употребленію тѣхъ нашихъ домашнихъ, подручныхъ средствъ, о цѣлебномъ дѣйствіи которыхъ мы вовсе и не думали. Авторъ заставляетъ насъ находить врачевные составы не въ аптекахъ, но въ нашемъ домашнемъ быту, въ нашихъ кухняхъ, огородахъ, садахъ, дѣсахъ, стадахъ, въ насъ-самыхъ, и притомъ велѣтъ узнаывать, когда мы, въ данномъ случаѣ, не довольствуясь леченіемъ больного по книгѣ, заблаговременно должны вснать пособія у настоящихъ врачей, и притомъ просто ли у лекарей или у операторовъ. Въ этомъ отношеніи Народная Медицина г. Чаруковского далеко оставила за собою всѣ лечебники и сельскіе, и домашніе, и вслѣдніе другіе.

За то и публики по достоинству оцѣнила десятилѣтній добросовѣстный трудъ автора. Вниманіе публики къ Народной Медицинѣ, въ настоящее время далеко превзошло скромныя ожиданія ея автора, и притомъ это вниманіе съ каждымъ днемъ обнаруживается болѣе и болѣе. Это вниманіе публики, значительно облегчавшее автору въ покрытіи необходимыхъ издержекъ на печатаніе книгъ, наложило на него обязанность уменьшить цѣну Народной Медицины, которой отнынѣ каждая книжка, содержащая въ себѣ до 25 листовъ смотой, убори-

стой печати, будет продаваться по 1 рублю серебромъ, такъ-что все изданіе «Народной Медици», со включеніемъ даже и перваго отдѣла «Анатоміи и Физиологіи», будетъ стоить не болѣе 8 руб. серебромъ. Эта необыкновенно-низкая цѣна лучше всего доказываетъ, что авторъ «Народной Медицины» имѣлъ въ виду общую пользу—распространеніе полезныхъ врачевныхъ свѣдѣній, сколько можно, между болѣшимъ числомъ читателей.

Въ слѣдъ за тѣмъ, будетъ присту-длено къ напечатанію четвертой и шестой частей «Народной Медицины», которыя будутъ оставлять продолженіе третьей и пятой частей, т. е. «Сохраненіе Здоровья» и «Наружныя Болѣзни». Содержаніе четвертой части будетъ слѣдующее: сохраненіе чувствъ, артіи, слуха, и проч.; страсти, и ихъ вліяніе на здоровье; обмираніе, возбужденіе къ жизни утопленныхъ, удавленныхъ, замерзшихъ, задохшихся, отравленныхъ, угорѣвшихъ, пьяныхъ; сохраненіе здоровья разнаго класса людей: ученыхъ, работающихъ стоя, сидя (наборщиковъ, сапожниковъ, портныхъ, ткачей, чиновниковъ, живописцевъ, серебряниковъ, граверовъ, кружевницъ), крестьянъ, по различію ихъ занятій, разнаго рода ремесленниковъ, подвергающихся сырости, вреднымъ испареніямъ растительнымъ, животнымъ, минеральнымъ; расположе-ніе къ болѣзнямъ по различію темпераментовъ, тѣлосложенія, пола, возраста; особенныя виды расположенія къ болѣзнямъ: золотухъ, чахоткѣ, пострѣлу, сумасшествію, ревматизму, подагрѣ, камнямъ, и проч. и мѣры предосторожности во всѣхъ этихъ и другихъ случаяхъ, особенное расположеніе въ некоторыхъ людей (идіосинкразія), привычки; предохранительныя мѣры отъ доважныхъ болѣзней: оспы, кори, поноса, лихорадокъ, и проч.; сохраненіе здоровья въ преклонныхъ лѣтахъ. Въ шестой части будутъ изложены наружныя болѣзни въ-особенности, свойственныя разнымъ частямъ тѣла, т. е. болѣзни головы, глазъ, ушей, рта, зу-

бовъ, носа, шеи, груди, живота, рукъ и ногъ.

Въ этой же шестой части будетъ помещено общее понятіе о болѣзни, ея принадлежкахъ, ходѣ, опасности, распознаваніи и леченіи и содержаніи болѣзныхъ вообще (*).

81) *Ensignement Médical ou Ru-codestvo къ Практической Медицинѣ. Достоинствѣ плимидеаляльной опытности Х. В. Гуфланда. Съ плимидеаля перевелъ и со многими полевскаліями издавалъ Григорій Сокольскій. Издаваніе третье. Москва. Въ университетской тип. 1843. Въ 8-ю д. л. 756 стр.*

Имя Гуфланда такъ знаменито и почетно, что говорить о важности и пользѣ его сочиненій—значило бы повторять всѣмъ извѣстное или по опыту, или, по-крайней-мѣрѣ, по слухамъ. Очень-хорошій переводъ его творенія, сдѣланный извѣстнымъ врачомъ и профессоромъ, г. Сокольскимъ, достягъ уже третьяго изданія: ясное свѣдѣтельство, что молодые врачи, для которыхъ авторъ назначалъ свой трудъ, пользуются имъ какъ слѣдуетъ. Радеемся, съ своей стороны, уснѣху полезнаго творенія, и рекомендуемъ его тѣмъ, которымъ оно еще неизвѣстно, хотя едва-ли найдется одинъ молодой или старій медикъ, не знающій Гуфланда.

83) *Краткое Начертаніе Топографической Анатоміи. Сочиненіе*

(*) Какъ вновь-вышедшія двѣ книги, такъ и слѣдующія двѣ, имѣющія выйдти въ-теченіе нынѣшняго года, продаются по 1 руб. сер.; на пересылку каждой книги прилагается за фунтъ. Подписка принимается у книгопродавцевъ: И. И. Глазунова, въ магазинѣ у Гостиного-Двора, въ домѣ г. Балабина; въ магазинѣ М. Д. Ольхина, на Невскомъ-Проспектѣ, противъ арсенала Аначковскаго-Дворца, въ домѣ Заѣтнова, и у А. И. Шапова, на Невскомъ-Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской-Церкви.

Зегера, доктора медицины и хирургии, и профессора Лудвигсбургской Военной Медико-Хирургической Школы. Перевел съ немецкаго студентъ Императорскаго Московскаго Университета медицинскаго факультета Алексѣй Орловскій. Тетрадь I. Москва. Въ тип. Николая Степанова. 1845. Въ 8-ю д. л. 78 стр.

Самое названіе топографическая, показываетъ уже, что будетъ содержаться въ этой книгѣ. Раздѣливъ, по обыкновенію, тѣло на голову, туловище и конечности, авторъ, для удобства практическаго изученія, начинаеть съ конечностей, описание которыхъ и составляетъ предметъ первой тетради. Переводъ довольно-хорошъ; только не видало бы г. переводчику быть осмотрительнѣе и не торопиться. Странно читать, въ первыхъ строкахъ первой страницы, *бердо* вмѣсто *бедро*, и видѣть такую странную разстановку *вишновъ*: «каждая изъ этихъ частей подраздѣляется снова, (:) такъ голова раздѣляется...» Хотя на оберткѣ г. переводчикъ и говоритъ: «благодарень буду, если укажутъ мнѣ на ошибки, и тѣмъ облегчатъ тяжелый трудъ исправленія собственныхъ ошибокъ»; но мы не думаемъ, чтобы любовь къ ближнему простиралась у него-нибудь такъ далеко. Если другіе будутъ смотрѣть за его собственными ошибками, что жъ ему самому останется дѣлать?

82) Опытный Коноваль, или практическія записки артиллериста (?). Короткая книга, обранная (?!) изъ долговременныхъ опытовъ на излеченіе (???) конскихъ болѣзней, полезная (?) для заводцовъ и всѣхъ сословій (?!), съ прибавленіемъ (чего?) о предохраненіи роюатаго скота и овецъ отъ падежей (а) и подацію (!!) скорой помощи въ болѣзни. Въ двухъ частяхъ, составленныхъ изъ опытовъ (опять въ опытовъ!) артиллеріи палатника Н. С. Изданный М. Д. Охленинъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Н. Глазунова и Кошп. 1844. Двѣ ча-

сти. Въ мал. 8-ю д. л. Въ обѣихъ V и 121 стр.

Вовсе неудивительно, что у насъ издаются плохія книги о предметахъ сѣмыхъ близкихъ къ намъ; но нельзя не осудить инаго издателя, который, не спросясь людей опытныхъ, тратитъ деньги на впечатаніе безполезныхъ, а часто, иъ-сожалѣнію, даже вредныхъ книгъ. Если цензура не препятствуетъ изданію какой-либо рукописи, потому-что въ ней не содержится ничего противнаго правиламъ о печатаніи, то это еще не служитъ доказательствомъ, что такая рукопись безвредна. Книги хозяйственнаго содержанія, особенно такія, въ которыхъ общается много опытовъ касательно содержанія домашнихъ животныхъ, расхвываются скоро, это правда; но легко вообразить, какія чувства негодованія оставляютъ онѣ въ тѣхъ, кто, желая и ища пользы, не находитъ ничего этого въ сочиненіяхъ, заглавія которыхъ общають сокровищницу знаній, *основанныхъ* на тысячѣ *опытовъ!* Спрашиваемъ: кому изъ хозяевъ не дорого имѣть здоровыхъ лошадей, рогатый скотъ и овецъ? Особенно дорого это конно-заводчикамъ, овцеводамъ, и проч. Къ-сожалѣнію, у насъ въ Россіи такъ мало обращалось вниманія на эти предметы, что лишь конскіе заводы, состоящіе въ вѣдомствѣ казенномъ, содержатся во всей исправности; въ обыкновенномъ же быту, мало знаютъ о пользѣ ветеринарныхъ врачей, которыхъ готовятъ правительство; простой коноваль-Ладожанецъ въ болѣшемъ почетѣ у самыхъ богатыхъ нашихъ баръ, нежели ветеринаръ, образовавшійся единственно для подаванія пособія домашнимъ животнымъ въ случаѣ ихъ болѣзней. Зато, очень-дорого испытываютъ наши конскіе заводчики, прасолы и другіе ското-промышленники бѣдствіе, которое похищаетъ нерѣдко значную часть ихъ прибыли. Лишь во время свирѣпствованія конскихъ падежей, чумы рогатаго скота, сапа и мыга у лошадей поднаеть польза ветеринар-

ной науки. Но все-таки, пока Россія изобилуетъ хлѣбомъ и скотомъ, у насъ мало думаютъ еще о средствахъ, какъ можно усилить его вѣтъ богатства. Все здѣсь сказанное примѣняется къ книгѣ, заглавіе которой выписали мы выше. Чтобъ судить, чего ожидать можно отъ «Записокъ артиллеріи полковника Ц. С.» выпишемъ предисловіе:

«Оставляя до сего времени (т. е. до 1844 года?) у себя записки практическаго основанія (тожъ артиллеріи полковника П. С.), я, доколѣ не *упрочилъ* опыта *современными* трудами (?) и опытами на самомъ дѣлѣ, считалъ труды (?) сіи несовершенными и нынѣ приступая къ изданію (чего?), я *видалъ* въ виду *только самую* пользу, которую могу оказать владѣльцамъ доменныхъ заводовъ и всѣмъ хозяевамъ большихъ и малыхъ табуновъ, какъ и частнымъ (?) лицамъ; будучи *чуждъ пользоваться чужими источниками*, я однако не могу отвергнуть средства леченія, опытами оправданныхъ. И избравъ тѣ изъ нихъ, коихъ польза неоспорима, и со внесеніемъ ихъ въ записки, мною составленные, я долженъ сказать, что они основаны на одной практикѣ, которая приобрѣталась въ теченіи тридцати лѣтъ, въ продолженіи конихъ, бывъ неоднократно частнымъ начальникомъ большихъ отдѣленій казенныхъ артиллерійскихъ лошадей и на чѣ въ многочисленныхъ депо, (въ) *Долганской и Орловской губерніяхъ*, гдѣ неоднократно открывались поразительныя болѣзни и тамъ-то, какъ и до всѣхъ другихъ случаевъ, я наблюдалъ собственно самъ (?) за леченіемъ лошадей, тщательно испыталъ дѣйствія лекарствъ и велъ подробнѣйшія записки тѣмъ, кои приносили вредъ или пользу; и помѣщая нынѣ только тѣ лекарства и средства, кои оказывали *всегдашніе* успѣхи, я смѣю увѣрить всѣхъ и каждаго любителя и доящика лошадей, что рецепты мною составленныя (?) и предлагаемыя (?) дѣйствія (?) въ подавніи скорой помощи, какъ самыя *спасенія лошадей отъ*

надежда, столь же вѣрны и истинны, какъ самое мое намѣреніе оказать услугу *человѣку и изъ животныхъ первому его другу и слугѣ его неизмѣнному* (?)».

Въ запискахъ моихъ я ничего не буду говорить о конскихъ заводахъ, о расплодѣ, о содержаніи лошадей въ табунахъ, о пастбищахъ и проч. о чемъ всякой заводчикъ имѣетъ большіе (а) свѣдѣнія и набирая наставленія для сего изъ лучшихъ авторовъ, о конскихъ заводахъ, какъ изъ собственныхъ практическихъ наблюденій. Цѣль моя состоитъ только въ содержаніи лошадей въ конюшняхъ, въ ѣздѣ, въ кормѣ (зтому вѣрнѣ) и преимущественно въ леченіи (зтому не вѣрнѣ) болѣзней, и открыть со (во) всѣхъ случаяхъ самыя простыя и вѣрныя средства—спасать лошадей отъ рукъ коноваловъ, болѣшею частію или шарлатановъ или во акоренившихся предрасудкахъ и невѣжеству сихъ людей, которые иногда отдаляютъ ничтожную болѣзнь лошади изъ корысти (что-то тутъ не толковнито), или нося только названіе кововала, причиняютъ преждевременную смерть животному. И пачѣ не имѣя ни малѣйшаго понятія въ (о) болѣзняхъ желудочныхъ, какъ-то: въ (о) коликахъ, судорогахъ и въ (о) запорахъ обихъ (?) путей, съ дерзкою смѣлостію приступаютъ къ леченію, начиная (что?) или окончивая всегда пусканіемъ крови! Въ отвращеніе каковыхъ злоупотребленій нашихъ кововаловъ, я при ветивныхъ чувствахъ удволенія (!!!) и въ прямомъ соревнованіи въ пользамъ ближняго, рѣшился открыть публикѣ по сему предмету средства для излеченія конскихъ болѣзней (въ заглавіи общаго пособіе также рогатому скоту и овцамъ) — сколь вѣрныя, столь и самыя простыя для всякаго сословія (людей, лошадей?), какъ по дѣйствіямъ при леченіи лошади, такъ и по качествамъ лекарствъ и его (нихъ?) употребленія. Читатели записокъ моего кововала (только лишь не ковова-

«ла-Ладожанива (*), увидать въ немъ (нихъ) много новыхъ лекарствъ, мало кому, или вовсе неизвѣстныхъ, могутъ удостовериться (не совѣтуемъ) (въ) прямой пользѣ того и другаго (съ чѣмъ дѣлается здѣсь сравненіе?) при самой практикѣ; я же съ моею стороны смѣло предваряю (а мы предостерегаемъ) всякаго, что руководствуясь наставленіями сего коновала (точно), по рецептамъ его, можно приетупить къ излеченію (сдвали и къ леченію) и дорогой лошади вельможы и рабочей поселянина, безъ малѣйшаго опасенія» (не вѣрнѣе и совѣтуемъ не вѣрять также и другимъ). Подписано: «Отъ издателя», но мы думаемъ, что это отъ сочинителя; сколько намъ извѣстно, издатель не писалъ этого. Говорятъ, что въ предисловіи къ книгѣ, авторъ выказываетъ самого-себя, вотъ по-этому-то мы выписали предисловіе къ книгѣ П. С. и старались быть вѣрными, т. е. списали его со всѣми ошибками грамматическими и логическими. Теперь представимъ читателямъ что-нибудь изъ текста. Въ первой части въ первомъ отдѣленіи, «Устроеніе конюшенъ» думали мы пайати что-нибудь новое, но ошиблись: что предлагаетъ авторъ, то уже давнымъ-давно дѣлается. Во 2-мъ отдѣленіи «О кормѣ и водѣ» между прочимъ на стр. 7 говорится: «никогда не должно поить лошадей не рѣчною, не колодезною водою, когда она потна (лошадь или вода?) а еслибъ это случилось въ необходимости, то напоивши въ такомъ разѣ лошадь, слѣдуетъ тотчасъ слѣлать на лошади этой верхомъ, доброю рысью, три или четыре конца гонки (?)». Это вещи знакомыя всякому. Минуи отдѣленія: «О ѣздѣ, холодѣ, жарѣ, повротѣ, купаніи лошадей», также отдѣленія «О лошадяхъ вообще и лошадяхъ упражняемыхъ, норовахъ и сбѣ испугѣ, о поносахъ, о гривѣ и хвостѣ», вышшемъ отдѣленіе «О копы-

тахъ» стр. 33 — 37. «Окаичиваю пер- вую часть моихъ записокъ копытами лошадей (лошадинами?). Читателю можетъ быть покажется страннымъ большое мое распространеніе (уви- димъ) сей статьи? но обративъ со вниманіемъ на предметъ сей взоры свои, — онъ увидитъ хотя мысль не новую, но осуществленную непреложною истинною. Какъ артиллеристъ, я выра- жусь здѣсь по артиллерійски: четыре копыта, четыре части или четыре поддона, на конхъ устроена природою живая огромная машина, не указываетъ ли намъ премудрость руки творческой! Да, Поппе сказала: «и въ окѣ насѣкомаго видно величіе Божіе!»

Оставляя дальнѣйшія мудрствованія артиллериста, скажемъ, что ему извѣстно все, что относится до копытъ, но жаль, что незнакомъ онъ съ ихъ анатоміею и такъ-называемою анатомическою ковкою лошадей. Во второй части, гдѣ описываются болѣзни лошадей и леченіе ихъ, находимъ, на стр. 42 и 43, способы врачеванія, заимствованные у коноваловъ, которыхъ невѣжество бранить авторъ жестоко; съ чѣмъ собразить подобныя наставленія, предлагаемыя козлевамъ? Вычисляя причины, отъ которыхъ происходятъ болѣзни у лошадей, сочинитель утверждаетъ (въ примѣчаніи на стр. 43), что онѣ дѣлаются чаще отъ внутреннихъ (??) червей, ежели лошадь съѣстъ въ травѣ или сѣнѣ (съ травою или сѣномъ) ядовитаго паука или что изъ подобныхъ растений. Естественныиспытатели! да будетъ вамъ извѣстно и вѣдомо, что паукъ принадлежитъ съ царству растительному!! Въ леченіи глазъ, сочинитель большой мастеръ; онъ отвергаетъ свинцовый сахаръ и другія аптечныя средства «по сильной остротѣ ихъ», но предлагаетъ бѣлый купоросъ, сженые квасцы, водку!! (стр. 47). Что до описанія сапа, то мы не останавливаемся на немъ, но жалѣемъ, что сочинитель не читалъ пресловутаго сочиненія академика Всеволодова «Ученіе о повальныхъ болѣзняхъ, бывающихъ у лошадей, рогатаго скота.

(* У насъ почти всѣ простые коновалы — изъ крестьянъ Ладожскаго-Уѣзда.

овецъ, и проч., а петь него можно было бы научиться чему-нибудь болѣдѣльному и полезному. Какъ просто способъ леченія язвъ (стр. 73), причиняемыхъ лошади даже бѣшеными животными: сочинитель березовою настойкою исцѣляетъ эти язвы!! Недавно (1844 года) здѣсь, въ Петербургѣ, двѣ лошади были укушены бѣшеною собакою; но при всемъ искусствѣ въ клиникѣ Ветеринарнаго Училища нельзя было излечить ихъ. Вотъ какъ авторъ знаетъ, что такое укушеніе бѣшенныхъ животныхъ!.. Послѣ всего этого, сколько же можно довѣрять его мнимо-опытному коновалу? Никакъ нельзя принять этого коновала, какъ подарокъ (смотри Заключение, стр. 101) для сельскихъ жителей; мы скажемъ, что гораздо-болѣе пользы принесъ бы сочинитель и хозяевамъ и животнымъ, еслибы по нѣкоторому своему вліанію на большія отдѣленія артиллерійскихъ лошадей, онъ впералъ людямъ довѣріе къ ветеринарамъ.

Въ прибавленіи къ своему «Опытному Коновалу», сочинитель говоритъ о «предохранительныхъ мѣрахъ въ (противъ) скотскихъ падежахъ и способѣ леченія самыхъ упорныхъ и заразительныхъ болѣзней простыми средствами». Вотъ это уже не по плечу сочинителю заразительныя болѣзми не знакомы ему, и напрасно принимается онъ за дѣло, которое и для посвятившихся въ науку еще не ясно. Здѣсь опять невольно заговорить, что надобно было сочинителю прочитать упомянутое сочиненіе академика Всеволодова. Такъ нѣтъ; на что намъ читать, будемъ писать, чтобы другіе читали насъ. Но въдъ всякое дѣло мастера боятся... Довольно. Кончимъ дѣлушкинныя правоченіемъ:

Хоть услуга намъ подѣ чась и дорога,
Но за насъ не вѣкъ умѣть вѣнчаться...

84) Труды Императорскаго
Вольнаго Экономическаго Об-

щества за 1844 годъ. Треть послѣдняя.
Санктпетербургъ.

Въ этой книжкѣ включаются слѣдующія статьи: Путевыя записки о сельскомъ хозяйствѣ Южной Россіи, соч. С. Лошкарева; О вахожденіи, до-бываніи и употребленіи торфа, соч. Ад. Боды; О предположеніи: Бема кормить меринсовъ листьями шелковицы; О вліаніи атмосферы, климата, лѣсовъ и почвы на земледѣліе, барона Фаллкерзама.

Въ первой статьѣ, г. Лошкаревъ хотѣлъ изобразить положеніе хозяйства новороссійскаго края: предметъ довольно трудный—потому что въ нашихъ южныхъ степяхъ хозяйство еще не установилось; трудный еще болѣе для пробажскаго наблюдателя. Вотъ почему въ статьѣ г. Лошкарева много показаній ошибочныхъ или слишкомъ-неопредѣленныхъ; такъ, на-примѣръ, онъ говоритъ (стр. 718), что главнымъ препятствіемъ къ природному произрастанію лѣсовъ, равно какъ и къ искусственному разведенію ихъ, въ губерніяхъ Таврической и Екатеринославской служить изобиліе солончаковъ. Конечно, на солончакахъ разводить лѣса нельзя; но кто же заставляетъ на нихъ садить лѣсъ? Въ этихъ губерніяхъ вовсе солончаковъ не такъ много, какъ думаетъ г. Лошкаревъ. На стр. 720 авторъ показываетъ урожаи разныхъ хлѣбовъ въ Екатеринославской-Губерніи; по показанія его весьма-неопредѣленны; мы не принимаемъ, что онъ хотѣлъ сказать въ слѣдующихъ словахъ: «Другіе хлѣба (кромѣ ржи, арнаутки и проч.) на десятиль годъ обыкновенно пропадаютъ» (стр. 720). Такихъ фразъ въ статьѣ г. Лошкарева много, на-пр. «Даль, что воздѣлываніе земли и земледѣльческія работы, какъ-то: жатва и уборка хлѣба, отстали отъ обрабатывающей части земледѣльческой промышленности» (стр. 726).

Статья г. Боды о торфѣ, хотя не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, но о столь важномъ предметѣ, какимъ становится торфъ во многихъ мѣстахъ,

гдѣ источникъ дѣсь, не мѣшаетъ говорить чаще.

Въ третьей статьѣ, г. Унгернъ-Штернбергъ опровергаетъ предложенію гамбургскаго помѣщика г. Бена, корншить мершиюсовъ лютыми шлемоницы, — и справедливо.

Въ статьѣ о силѣ атмосферы, климата, льсовъ и почвъ на земледѣліе, баронъ Фелькерзамъ собралъ нѣкоторыя истины физическаго географіи и метеорологіи въ приложеніи ихъ къ земледѣлію. Статья эта можетъ быть прочтена не безъ пользы, хотя съ нѣкоторыми положеніями автора и нельзя соглашаться вполне.

85) ВЕСЕЛЫЕ О СЕЛЬСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ, составляющія курсъ этой науки, публично-преподаваемый въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ въ 1844—1845 академическомъ году Ярославомъ Липовскимъ. Земледѣліе. Москва. Въ университетской типографіи. 1845. Въ 8-ю д. л. 282 стр.

Г. Липовскій, возвратившійся изъ чужихъ краевъ и начавшій читать публичный курсъ сельскаго хозяйства, рѣшился печатать, немедленно послѣ чтенія, свои лекціи или бесѣды. Вышедшая теперь книга заключаетъ въ себѣ двадцать чтеній, объемлющія двѣ первыя главы земледѣлія: землеописаніе и землеудобреніе. Нѣкоторыя изъ этихъ бесѣдъ помѣщались въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Г. Липовскій, какъ видно, трудолюбивъ, накопилъ много матеріаловъ, изучивъ свой предметъ твердо: только изложеніе его отзывается поспѣшностью. Совѣтуемъ смущать въ примѣръ бывшаго профессора сельскаго хозяйства, г. Павлова, котораго каждая статья отличалась не только строго-логическимъ, чрезвычайно-иснымъ развитіемъ содержанія, но и образцовымъ изложеніемъ.

86) СОБРАНІЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ РАСЧЕТОВЪ или практическія задачи, по части сельскаго хозяйства, бухгалтеріи, горнаго и солянаго производства и практической механики. Съ таблица-

ми и чертежами. Санктпетербургъ. Въ тип. Фшера. 1845. Въ 8-ю д. л. III и 287 стр.

Вотъ что говорится въ предисловіи: «Для молодыхъ людей (,) занимающихся Сельскимъ Хозяйствомъ, Бухгалтерією, Практическою Механикою и Физикою, весьма полезно имѣть такую книгу, въ которой заключались бы практическія задачи изъ поименованныхъ наукъ. Только черезъ подобныя практическія упражненія, можно приобрести навыкъ къ разнымъ вычисленіямъ и развиты свои умственные способности. Съ этою цѣлью составлены предлагаемыя здѣсь задачи.»

Хотя мы и не можемъ согласиться съ составителемъ книги, чтобъ она способствовала къ развитію умственныхъ способностей, — но не можемъ не признать пользы ея чисто-практической — для разныхъ справокъ, въ житейскомъ быту необходимыхъ. Въ этомъ отношеніи, «Собраніе Хозяйственныхъ Расчетовъ» можетъ быть полезно не только молодымъ людямъ, но и взрослымъ.

87) АДРЕСНАЯ КНИГА САНКТПЕТЕРБУРСКАГО КУПЕЧЕСТВА, и иностранныхъ гостей, биржевыхъ маклеровъ и браковщиковъ при Санктпетербургскомъ портѣ. Санктпетербургъ. 1844. Въ тип. И. Глазунова и Комп. 124 стр.

Книга полезная, хотя и непривыкшая къ литературѣ.

88) Вскобца ГЕОГРАФІЯ, приспособленная къ преподаванію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Первый выпускъ. Москва. Въ университетской тип. 1843. Въ 8-ю д. л. 96 стр.

Авторъ книги (г. Г. Г.) привалъ въ руководство сочиненіе Фридриха Нёселята «Handbuch der Geographie für Töchter-Schulen», которое имѣло большою успѣхъ въ Германіи, выдержало нѣсколько изданій, признано лучшимъ для преподаванія въ женскихъ школахъ, и о которомъ ученый педагогъ

Борманнъ отозвался такъ: «Отличительное свойство этого руководства заключается въ томъ, что оно представляетъ вѣрныя изображенія всего замѣчательнаго въ природѣ и жизни человѣческой: изображенія эти присоединены къ именамъ отдѣльныхъ горныхъ хребтовъ, рѣкъ, городовъ и проч. Книга Нёссельта будетъ полезна не только только учителю въ женскихъ школахъ, но каждому преподавателю, который чувствуетъ необходимость оживить предметъ своей картинами и описаніями.» Кроме этого, нѣкоторыя статьи составлены по Альбрехту Роону, Брюкнеру, Бальби, Мальбрёну и другимъ. Основныя начала математической географіи представлены въ ясномъ изложеніи, чуждомъ обычной сухости; при описаніи земель, физическая и политическая географія соединены, что необходимо для полнаго и живаго изображенія странъ. Обратимъ также вниманіе преподавателей географіи на описанія горъ и племенъ, очень отчетливо составленныя. Учебникъ г. Г. Г. приспособленъ къ преподаванію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя, дѣйствительно, нуждаются въ *горюшей* географіи: обыкновенныя наши географическія учебники утруждаютъ память учащихся сухой, тяжелою массою именъ и чиселъ. Географія Россіи составитъ особенную книгу со всѣми статистическими и этнографическими подробностями.

89) Краткое Начертаніе Всюобщей Исторіи для первоначальныхъ училищъ. Составилъ адъюнктъ-профессоръ Императорскаго Александровскаго Лицея С. Смарагдовъ. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. Штаба Воспитаній Учебныхъ Заведеній. Въ 8-ю д. л. 68, 53, 82 и XX стр.

Исторія г. Смарагдова очень-кстати подошла, чтобы смѣнить собою исторію г. Кайданова; въ первой видѣн шагъ впередъ (въ древней и средней исторіи) сравнительно со второю; но все же очень-желательно, чтобы поско-

рѣ вышли въ свѣтъ остальные части исторіи г. Лоренца, и поскорѣе заставили совершенно забыть, что есть или были на свѣтѣ исторіи гг. Кайданова и Смарагдова...

90) Свѣтлая Христова Воскресенье. *Повѣсть для дѣтей.* (Замышлена изъ Диккинса). Москва. Въ тип. А. Семена. 1844. Въ 12-ю д. л. 159 стр.

Повѣсть, помѣщенная во второй книжкѣ втораго года «Библиотеки для Воспитанія» и отдѣльно тиснутая. Читателямъ «Отеч. Записокъ» навѣстило наше о ней мнѣніе, высказанное въ предыдущей книжкѣ нашего журнала.

91) Повѣсти и Разсказы для Дѣтей. А. А. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. Въ 12-ю д. л. 184 стр.

Книжка, состоящая изъ разсказовъ хорошихъ, выбранныхъ и не дурно-выложенныхъ, которые, впрочемъ, были бы еще занимательнѣе и полезнѣе для дѣтей, еслибъ составитель книжки вывелъ изъ нея вѣнчики весь соръ нравовъ, предоставивъ самому дѣлу говорить за себя.

92) Естественная Исторія для Дѣтей. Санктпетербургъ. Въ тип. Крайя. 1845. Въ 16-ю д. л. 96 стр.

Эта книжка состоитъ изъ довольно-многихъ картинокъ, изображающихъ разныхъ животныхъ, и изъ довольно-блго безграмотнаго текста.

93) Новороссійскій Календарь на 1845 годъ, издаваемый отъ Ришельевскаго Лицея. Одесса. Въ юридической тип. 1844. Въ 8-ю д. л. 396 стр.

На насъ, петербургскихъ жителей, Новороссійскій Календарь всегда производилъ особенно-пріятное впечатлѣніе: онъ такъ опрятно издается, такъ хорошо печатается, такъ полно и удовлетворительно во всѣхъ отношеніяхъ, такъ хорошо составленъ, такъ ежегодно

лучивается, что мы никакъ не можемъ привыкнуть къ мысли, будто это—русскій календарь... Для новороссійскаго края *этотъ* календарь—полная и богатая энциклопедія всевозможныхъ свѣдѣній, относящихся до края и необходимыхъ въ житейскомъ быту. Онъ удивительно-хорошо приспособленъ къ потребностямъ края, по преимуществу торговаго, разноплеменнаго и разнообразнаго. И потому, онъ снабженъ ибѣдословами: православно-каеолическимъ, армянно-грегоріанскимъ, римско-католическимъ, протестантскимъ, иудейско-еврейскимъ и мусульманскимъ. Для насъ, жителей Великой-Россіи, *Новороссійскій Календарь* очень-полезенъ, какъ справочная книга о новороссійскомъ край. Онъ необходимъ для статистика, для коммерсанта, для путешественника. Съ *Новороссійскимъ Календаремъ* въ карманъ можно смѣло отправиться въ поѣздку по новороссійскому краю: не только всѣ города, мѣстечки и деревни, съ ихъ исторіею и топографіею,—все трактиры означены въ *этомъ* календарѣ. Если вы ѣдете въ Новороссію по дѣламъ, или на службу, *календарь* необходимо въ сѣбя имѣть, какъ въ правительствующихъ и служебныхъ лицъ въ новороссійскомъ край. Расстоянія городовъ, почтовые тракты, станціи—все означено подробно. Для ученаго весьма-интересны въ *Новороссійскомъ Календарѣ* замѣтки о климатѣ края, его вліяніи на здоровье людей, о болѣзняхъ и смертности между жителями. Однимъ словомъ, *Новороссійскій Календарь*—самая специальная, но потому самому и весьма-интересная и полезная книга, содержаніе которой, хорошо и дѣльно-изложенное, квалитъ соотвѣтствовать ея названію.

96) *Полька въ Парижѣ и въ Петербургѣ. Книга, заключающая въ себѣ исторію развитія польки и средствъ лучшаго танцовать польку безъ помощи учителя, по методу Евгенія Корали, балетмейстера королевской музыкальной академіи въ Парижѣ. Съ 8 картинками, литографированными во француз-*

скои литографіи Поля Пети. Переведъ съ французскаго и дополнилъ замѣчаніями о водвореніи польки въ Санктпетербургскомъ обществѣ Степанъ Громиловъ. Санктпетербургъ. 1845. Въ 18-ю д. л. 64 стр.

Мы рѣшительно идемъ впередъ! Новое великое событіе совершилось въ образованіи нашего общества: оно уже не только играетъ въ преферансъ, но и танцуетъ польку. Книжка, длинное и краснорѣчивое заглавіе которой написано передъ нашею статейкою, есть великій результатъ этого великаго событія. Удивительная, драгоценная книга: стоитъ вамъ только купить ее, потомъ прочесть,—и вы безъ учителя танцуете польку со всею граціозностію этого очаровательнаго танца... Покупайте же! Теперь нашей литературѣ не достаетъ только одного творенія, чтобъ стать въ уровень со всеми литературами современной Европы, да же превайдти ихъ,—книжки, заключающей въ себѣ средство не только играть, но и всегда выигрывать, никогда не проигрывая, въ преферансъ. Надѣмся, что и этотъ недостатокъ въ русской литературѣ вскорѣ будетъ восполненъ. Впрочемъ, книжку свою о полькѣ г. Громиловъ перевелъ грамотно, издавъ опрятно, картинки для нея взялъ съ хорошихъ оригиналовъ; вообще—*honni soit qui mal y pense!*

95) *Біографія Александры Михайловны Каратыгиной. Соч. В. В. Санктпетербургъ. Въ тип. М. Д. Ольхина. 1845. Въ 8-ю д. л. 24. стр.*

Говорятъ и даже печатаютъ, будто первый трагическій актёръ Александринскаго-Театра, г. Каратыгинъ 1-й, есть въ то же время и первый актёръ въ Европѣ въ настоящую эпоху. Правда ли это—не знаемъ. Александринскій-Театръ составляетъ собою такую особенную сферу искусства, которой цѣнителями могутъ быть только люди, принадлежащіе къ образованной и исключительной публикѣ этого театра. Увы! мы лишены счастья принадлежать, въ какомъ бы то ни было

смыслъ, къ этой публицѣ, и потому (торжественно сознаемъ въ нашемъ невѣжествѣ!) ничего непонимаемъ, какъ скоро дѣло доходитъ до сравненія несравненныхъ артистовъ Александринскаго-Театра съ артистами Европы и съ артистами Французской группы Михайловскаго-Театра. Все, что мы знаемъ касательно артистовъ Александринскаго - Театра, ограничивается только тѣмъ, что г. Каратыгинъ 1-й дѣйствительно первый трагическій актёръ Александринскаго-Театра, и что оиъ несравненно-выше всѣхъ другихъ трагическихъ актёровъ того же театра; что на сценѣ Александринскаго-Театра есть весьма-замѣчательный комическій талантъ — г. Мартыновъ, и что публица Александринскаго-Театра осыпаетъ прѣтами г-жу Левкѣву, которая танцуетъ польку. Говорятъ также (и печатаютъ тожь), будто-бы г-жа Каратыгина теперь первая актрисса въ Европѣ для такъ-называемой «высокой» комедіи. Правда ли это? — Опать не знаемъ, потому-что не знаемъ, что такое высокая комедія, такъ же какъ не знаемъ, что такое низкая комедія. Мы знаемъ только назидную, художественную комедію, каковы: *Горе отъ Ума, Ревизоръ, Женитьба, Школа*. Вообще, мы не знаемъ и не понимаемъ многого въ Бромюрѣ г. В. В. В., въ пьесѣ этой, весьма-краснорѣчиво и мѣстами даже трогательно. Такъ, на-прим., описана у него поѣздка г-жи Каратыгиной въ Парижъ, вмѣстѣ съ матерью:

«Путешествіе ихъ весьма-любопытно. Двѣ французскія женщины отправляются въ путь и берутъ съ собою слугу-иностранца. Черезъ вѣскольکو дней открываеся, что этотъ слуга — *революціонный жрецъ Бахуса* (мы бы сказали просто: пьяница), и это надо было бросить на дорогѣ, у корчмы. Дамы остаются одиѣ и прѣвращаются черезъ всю Германію и Францію, прощая ночи безъ сна, въ безпрерывномъ страхѣ съ таможненныхъ досмотрщиковъ и почтовыхъ ямщиковъ» (стр. 10).

Какъ хорошо описано: подумаешь, блѣды дамы вѣхли въ Австралію черезъ

степи Средней-Азіи! Вотъ истинно-высокій слогъ! Что за перо, Боже мой, что за перо у г. В. В. В.! Зачѣмъ не дано намъ владѣть такимъ перомъ! Мы написали бы тогда полную исторію Александринскаго-Театра, и жила бы всѣхъ его артистовъ и драматурговъ... Но, видно, не всакому дается талантъ, а только избраннымъ! И г. В. В. В. есть по-преимуществу «избранный» исторіографъ Александринскаго Театра. Мы увѣрены, что публика этого театра вполне оцѣнитъ талантъ г. В. В. В., такъ же, какъ она уже оцѣнила талантъ лучшихъ ея драматурговъ—г. Полеваго и г. Григорьева 1-го... Жаль, что г. В. В. В. такъ мало пишетъ! Вотъ эти-кимъ бы людямъ... приговаривать: писать, писать, писать...

96) Ящичикъ, или какъ зывается староста Семена Иванова. Русскій народный водевилъ въ одномъ дѣйствіи. Соч. актера П. Григорьева 2. Санктпетербургъ. Въ тѣхъ губернскихъ прашахъ. 1845. Въ 16-ю д. л. 59 стр.

97) Дружеская Лоттерей съ Угодничествомъ, или необыкновенное происшествіе въ уездномъ городѣ. Фарсъ-водевилъ, въ двухъ отдѣленіяхъ. Соч. актера П. Григорьева 2. Отдѣленіе I. Сора протоколнста съ племянникомъ князя-армянскаго. Санктпетербургъ. Въ тѣхъ. Кельнъ. Фейерштейна. 1845. Въ 16-ю д. л. 63 стр.

Первый водевилъ безъ просыпна пьезъ отъ первой строки до послѣдней; отъ него неслышно слышно, и потому оиъ—русскій народный водевилъ, данъ сказано въ заглавіи. Второй водевилъ целыхъ отъ первой строки до послѣдней; отъ него слышно и слышно, и отъ-того оиъ—фарсъ-водевилъ. Въ русскомъ уездномъ городѣ, молодой человекъ разигрываетъ себя въ лоттерей женщиныамъ, которой нѣтъ нѣтъ достанется выигранный билетъ, на томъ оиъ и держится. Какъ это правдоподобно и умно! Очевидно, что первый водевилъ написанъ для мужескаго, второй—для дамскаго.

VII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

I. АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Континенталь, или новое повелѣніе, романъ *d'Herzali*. — Святочные Разсказы, *Джонсон*: 1) «Святочная пѣсня въ прозѣ», и 2) «Колокольная Звонъ». — Живая, усмѣха и возмущеніе *Дженкса*, герцога коннутаго, и главъ его и казнь, соч. *Робертса*.

Въ этотъ прошедшаго года вышелъ романъ г-на *d'Herzali*: *Sonnettes*, or the new *contes* (Континенталь, или новое повелѣніе). Онъ надѣхалъ столько шума и обратилъ на себя такое вниманіе всей читающей Европы, что мы считаемъ обязанностью порою уведомить читателей «Отч. Записокъ» о содержаніи и значеніи этого произведенія.

Всѣмъ извѣстно, что есть (или было, — такъ угадое) юная Франція, юная Германія; юная Швеція, юная Нидерландія; юная назовица — юная Англія.

Обе всѣхъ этихъ юностей мы счита-

емъ лишнимъ распространяться: у насъ такъ глубоко понимаютъ движенія Западной Европы, что всякому извѣстно, что такое бородка à la jeune France, что такое усы à la jeune Allemagne. Не говоря ничего о частныхъ авенюахъ, замѣтимъ только, что во всей Западной Европѣ видна борьба стараго съ новымъ, битва великая, битва на смерть. На этомъ полѣ сраженія можно встрѣтить геройскіе подвиги рядомъ съ шутовскими арлекинадами, великодушное самопожертвованіе рядомъ съ притворнымъ патриотизмомъ, убѣжденія и фанатизмъ, често-

любие и сребролюбие, можно встрѣтить все, кромѣ сна и апатического равнодушія. Частные эпизоды битвы не дадутъ понятія о смыслѣ цѣлаго и ничего не докажутъ, а сказать *все* значить написать многотомное сочиненіе. Оставимъ же нѣкоторыхъ, говоря о «Конингсби», въ пріятномъ вѣрованіи, что Западъ гнѣтъ. Я зналъ одного химика, который никакъ не могъ понять, въ чемъ состоитъ различіе между гнилымъ и спиртовымъ броженіемъ. Онъ былъ человекъ очень-добрый и жилъ въ Москвѣ...

Чтобъ объяснить значеніе, цѣль и содержаніе сочиненія г. д'Израэли, мы должны прежде всего сказать нѣсколько словъ о причинахъ его появленія. Романъ этотъ вышелъ изъ общественныхъ отношеній Англии. Столкновеніе интересовъ діаметрально противоположныхъ раздѣляетъ общество; это—борьба среднихъ классовъ съ аристократіей, свободной торговли съ земледѣльческою монополіею, религиозной эманципациі съ ифбилегированною церковью, словомъ, борьба новаго съ старымъ. Такое положеніе есть слѣдствіе историческаго хода націи: расколъ существовалъ уже давно, прежде, чѣмъ появились названія *тори* и *еми*, которыя придерживаются и теперь привержены противоположныхъ мнѣній. Привадежаніе къ партіи виговъ опираются на интересы преобразования, торіи составляютъ, напротивъ того, партію консервативную.

Сэръ Робертъ Пиль принадлежалъ къ партіи торіевъ. Когда онъ сдѣлался министромъ, консерваторы ждали близкаго осуществленія всѣхъ своихъ желаній. Но вышло не совсемъ такъ; Пиль не оказался исключительнымъ поборникомъ мнѣній партіи, къ которой принадлежалъ; и это понятно. Для стоящаго на высокой точкѣ власти, горизонтъ становится обширнѣе, и взоръ яснѣе видитъ отношенія частей къ общему. Какъ ни были бы спра-

ведливы мнѣнія какой-нибудь партіи, исключительность, по самой натурѣ партій, не можетъ не закрадываться въ ихъ стремленія. Тѣмъ, которые заключены только въ своемъ кружкѣ, и въ его имѣютъ только оппозиционный голосъ, простиительно ошибаться и доходить иногда до крайностей. Но стоящему въ центрѣ, куда стекаются всѣ живые соки государства, нельзя не жертвовать частію убѣжденій партіи въ пользу общаго.

Такъ случилось и съ Пилемъ во время его министерства. Многіе должны были разочароваться въ своихъ надеждахъ. Досада, недовѣрчивость, болель въкрадсь въ партію консерваторовъ. Что же это, смрашивали другъ у друга недовольные торіи, что же это за консервативныя начала, о которыхъ намъ говорили? Консерватизмъ благоговѣтъ прады формами и словами, чтобъ придать себѣ видъ убѣжденія; а на дѣлѣ онъ уступаетъ страсти, расчегу минуты. Въ теоріи онъ утверждаетъ, что все постановленное должно быть сохраняемо, а дѣйствуетъ, какъ-будто ни одного постановленія нельзя защитить.

Уступчивость Пиль въ пользу интересовъ противной партіи раздражила и возманила торіевъ. Они утѣдѣли, что интересы ихъ предоставлены на произволъ власти, ими же самими избранной. И вотъ изъ среды торіевъ возманила *квотъ дилли*, *дружбѣ* людей, *отъношеній* привычныхъ божье-общіе, *которыя* должны быть признаны и партіею и главою ея, *начала*, *которыя* неразрывно связаны съ интересы высшего въ *лизахити*, и *дали* бы коалиціи *живанъ* и *организацию*.

Этотъ кружокъ не составляетъ еще ничего цѣлаго, опредѣлительнаго, дѣйствующаго по оддакамъ-привадежанію методѣ, и неизвѣстно еще, можетъ ли онъ приобрести существенное значеніе въ ходѣ дѣлъ. Но-крайней-мѣрѣ, юная Англія *высказывалась* *все* *также*

и сдѣлаю, и въ оборонительнаго положения перешла въ наступательное.

Надая романъ свой, д'Израэли хотѣлъ, можетъ-быть, высказать разомъ все, что сказано и думано было юными интеллектуалами въ раздробь. Призываетъ ли вся юная Англія эту книгу за слово своихъ убѣжденій, это другой вопросъ; но задача поднята и тѣмъ дана нѣкоторымъ образомъ возможность централизаціи.

Сочиненіе д'Израэли — романъ. Съ перваго взгляда это какъ-будто противорѣчить цѣли, съ которой онъ написанъ. Но авторъ въ этомъ случаѣ не вовсе неправъ, и если онъ не достигнетъ своей цѣли, то въ этомъ должно винить не рассчетъ, возбужденій его дать такую форму своему сочиненію, а авторскій талантъ его. Д'Израэли хотѣлъ, во-первыхъ, сдѣлать юную Англію предметомъ всеобщихъ разговоровъ. Тѣмъ, кто лично участвовалъ въ управленіи общественными дѣлами, юная Англія была известна и безъ того, и книга писана не для нихъ. Если для нихъ сдѣловало написать, что-нибудь, то ужь, конечно, не романъ. Въ кругу этихъ лицъ, юная Англія могла высказать разомъ все свои мнѣнія и требованія только формальнымъ актомъ. Д'Израэли же, напротивъ, хотѣлъ возбудить всеобщій интересъ, обратитъ на юную Англію вниманіе *смыслъ*, и въ этомъ отношеніи несдѣлалъ нѣтъ-пелюза-лучше правдливый рассчетъ его. Книга вышла въ мѣсяцъ прошедшаго года; черезъ нѣсколько недель потребовалось второе изданіе; въ слѣдъ за тѣмъ третье. А спрашивается: много ли познакомились мы съ мнѣніями и стремленіями молодого поколѣнія, если д'Израэли вздумалъ написать философскій трактатъ? Да *классъ* — форма великое дѣло.

Все эти прачины заставили д'Израэли облачить свою прокламацію въ форму романа, и если смотрѣть на книгу съ художественной точки, то она,

конечно, не выдержитъ критики. Многие полагаютъ, что романъ *такого* рода и не можетъ никогда быть хорошимъ въ художественномъ отношеніи, потому-что виѣшательство политики и вообще социальныхъ отношеній въ произведеніи искусства они считаютъ нецѣльнымъ. Но на чемъ же держится искусство, если не на почвѣ дѣйствительности? И можно ли эту дѣйствительность отдѣлить отъ общественныхъ отношеній? Нѣтъ, тутъ дѣло не въ томъ, чтобы искусство не касалось этихъ отношеній и общественныхъ вопросовъ, а въ томъ, чтобы оно возродило ихъ отъ частнаго къ общему. Ошибочность же романа д'Израэли, какъ романа, заключается въ томъ, что значеніе его совершенно-частное, незначительное. Даже современники, незнакомые съ внутреннею жизнью Англіи, не только не поймутъ его, но даже найдутъ въ чтеніи его никакого удовольствія — исключая тѣхъ, кого занимаетъ самый процессъ чтенія. А когда пройдетъ минута, породившая этотъ романъ, то и самый романъ будетъ забытъ, и въ бібліотекахъ поставятъ его не въ отдѣлъ изящной словесности, а развѣ въ отдѣлъ исторіи.

Не будемъ же разбирать сочиненія д'Израэли какъ художественное произведеніе, когда самъ авторъ не имѣлъ притязанія на творчество. Все, что сказали мы до-сихъ-поръ, должно служить только ключемъ къ уразумѣнію его. Для незнакомыхъ короче съ положеніемъ общества въ Англіи, необходимъ по-крайней-мѣрѣ краткій очеркъ его, чтобы найти въ Конингсби какое-нибудь значеніе.

Дѣйствіе романа начинается въ 1882 году, въ время парламентской реформы, возмущившей весь механизмъ английскій постановленій. Герой романа, представитель новаго поколѣнія, пятнадцати-лѣтній Генрихъ Конингсби, въ Этонской-Коллегіи. Онъ внукъ одного изъ богатѣйшихъ вельможъ Англіи, маркиза Моймута. Старый лордъ

звонеть и сибарить; подъ свѣтскомъ оболочною скрывается въ немъ кака-то неутолимая суровость, плодъ эпикуреизма, неблагованнаго Фургувой. Онъ въ ссорѣ съ старшими сыномъ своимъ. Младшій, отецъ Коннингсби, умеръ жертвою его жестокости. Впрочемъ, успѣхи Коннингсби въ Этонѣ и блестящія качества, рано въ немъ обнаруживающіеся, ввели внука въ милость къ дѣду, потому что льстили его гордости. Коннингсби вступаетъ на поприще жизни съ прекрасными надеждами. Въ Этонѣ, онъ подружился съ молодыми людьми первѣйшихъ фамилій Англіи. Первое вступленіе его въ свѣтъ было посѣщеніе герцога Бомауара, отца лорда Генрика Сиднея, одного изъ его молодыхъ товарищей; д'Израэли, не теряя времени, обращаетъ посѣщенія Коннингсби въ науку будущему предводителю партіи: такъ въ благородномъ, патриархальномъ замкѣ герцога, Коннингсби сближается съ молодыми католическими дворянами Лейлемъ, однимъ изъ богатѣйшихъ аристократовъ графства. Благоприятельность Лейла пробуждаетъ въ немъ первыя идеи о неуниверситетѣ и положеніи земледѣльческаго класса. Тамъ же подружился онъ съ одною изъ дочерей герцога, леди Иверингемъ; въ молчаливѣйшія времена, эта блестящая женщина завербовала много въ партію юной Англіи. Отъ Бомауара, Коннингсби отправился посѣщать промышленныя округа Англіи. Въ окрестностяхъ Бирмингема, встрѣчаетъ онъ отца одного изъ своихъ лучшихъ этовскихъ друзей, богатаго фабриканта Мильбанка, который объясняетъ ему великіе интересы, представляемые въ Англіи промышленностью. Оттуда, авторъ ведетъ своего героя въ замокъ дѣда, Коннингсби-Кесль. Тамъ онъ застаётъ самое блестящее англійское общество и сближается съ однимъ изъ первыхъ европейскихъ банкировъ, Евреемъ Сидоніей; въ разговорахъ съ нимъ развивается самая возвышенная начала новаго поколѣнія. Монмутъ пригласилъ къ себѣ на дѣто французскую труппу; къ ней принадлежитъ

несчастная молодая дѣвушка, Флора, и къ ней особенно добръ Коннингсби, — расположеніе, за которое онъ послѣ вознагражденъ совершенно-неожиданно. Изъ замка своего дѣдушки Коннингсби отправляется въ университетъ. Въ первый годъ пребыванія его въ Камбриджъ, лордъ Монмутъ женится на итальянской принцессѣ и живетъ въ Парижѣ, куда приглашаетъ на время и внука своего. Въ Парижѣ, Коннингсби встрѣчаетъ Эдмунда Мильбанка, сестру своего пріятеля, дочь бирмингемскаго фабриканта. Онъ влюбляется въ нее; но Мильбанкъ и лордъ Монмутъ питаютъ другъ къ другу старинную ненависть. Богатый плебей началъ непримиримую войну съ патриціемъ. Лордъ Монмутъ хотѣлъ купить нивы по сосѣдству своего замка; Мильбанкъ предупредилъ его. Лордъ Монмутъ былъ до реформы представителемъ десяти городовъ въ нижнемъ парламентѣ; онъ старался востановить вѣдѣніе, утраченное имъ въ это время. Онъ полагалъ уже, что довольно утвердился въ городкѣ, сосѣднемъ съ его замкомъ, и что выборъ падеть на одного изъ его агентовъ. Мильбанкъ является въ числѣ кандидатовъ, и выборъ падаетъ на него. Мильбанкъ знаетъ, что Коннингсби любитъ дочь его, и что любимъ взаимно. Но онъ изъясняетъ ему, почему всякій союзъ между фамилією лорда Монмута и его невозможенъ, и запрещаетъ ему видѣться съ Эдмундою. Лордъ Монмутъ съ своей стороны, предчувствуя близкое распаденіе парламента, хотеть въ Дальфордѣ противопоставить Коннингсби Мильбанку и приглашаетъ его отправиться туда и подготовить свое избраніе. Но Коннингсби предпочитаетъ лучше впасть въ немилость у дѣда, чѣмъ идти противъ отца той, которую любить. Это великодушіе стоить ему дорого. Лордъ Монмутъ умираетъ и оставляетъ свое имѣніе Флорѣ, которая его побочная дочь. Коннингсби, дѣшвенный наслѣдства, признавшій съ высокою точкою, на которой стоялъ въ свѣтѣ, получая всего 300 фунтовъ стер-

нигою въ годъ, мужественно рѣшается искать счастья посредствомъ труда. Между тѣмъ, начались выборы 1841 года, — событие, которое должно было открытъ для Коннингсби блестящее поприще политической жизни, о которой онъ столько мечталъ. Однажды вечеромъ, Коннингсби больше нежели когда-нибудь чувствовалъ, какъ обманулся онъ въ своихъ надеждахъ: этоныскіе товарищи его съ увѣренностью явились на выборы, — вдругъ онъ читаетъ въ газетѣ, что избранъ преемникомъ Дальфорда. Милъбангъ, тронутый великодушіемъ Коннингсби и обескураженный смертью Монмута, отказался въ пользу юности. Коннингсби женится на Эдиен, скоро умираетъ Флора и оставляетъ ему всѣ богатства дѣда Коннингсби, окруженный этоныскими друзьями, признанный пим главою, готовится приняться за дѣло новаго поколѣнія.

Вотъ содержаніе романа. Очевидно, что это канва, на которой д'Нзраэль могъ вышивать какіе ему угодно узоры. Авторъ нисколько не думалъ о единствѣ своего произведенія, и многообразныя отступленія не только заслоняютъ собою ходъ романа, но въ нѣкоторыхъ преимущественно и высказано, что надо было высказать.

Упомянемъ въ заключеніе объ одной обстоятельстве, не чуждомъ духу и русскаго общества. Английская публика узнала, или, можетъ-быть, хотѣла узнать въ нѣкоторыхъ лицахъ романа портреты извѣстныхъ современниковъ. Нѣкоторые журналы отозвались объ этомъ неблагоприятно; и въ публикѣ, конечно, было не безъ людей, которые кричали по стогнамъ, что это оскорбленіе цѣлыхъ сословій, уголовное преступленіе, и т. д.

Зачѣмъ и противъ чего тутъ кричать? По имени никто не названъ, и отаратительна должна быть рожа, которая оскорбляется, печально взглянувъ въ зеркало.

Въ доказательство того, что сказаніе мы выше, то-есть, что искусство не исключаетъ изъ своей сферы общественныхъ вопросовъ, и можетъ не въ уронъ себѣ и на пользу человечества касаться политическихъ отношеній, мы можемъ привести два романа Диккинса, произведенія, написанныя «кстати», глубоко выхватывающія такіа сцены изъ дѣйствительной жизни Англичанъ, объ источникахъ которыхъ разсуждаетъ и споритъ политика. По роману Диккинса не пройдутъ съ породившею ихъ минутою, какъ пройдетъ «Конингсби», потому-что, все частное проникнуто въ нихъ общечеловѣческими.

Къ вынѣченнымъ святымъ неутомимый Диккинсъ опять напомалъ можетъ подъ заглавіемъ: *The Swains; a gothic story of some bells that rang an old year out and a new year in* (Колокольный Звонъ; волшебная сказка о колоколахъ, отзвонившихъ старій и назооноившихъ новый годъ). За годъ передъ тѣмъ, онъ издалъ подобную же сказку: *A Christmas Carol in prose, being a ghost story of Christmas* (Святочная Пѣсня въ прозѣ, волшебный святочный расказъ). О послѣднемъ извѣстихъ двухъ сочиненій было краткое извѣстіе въ 6-й кн. «Отеч. Зап.» за 1844 годъ (стр. 16); но, собираясь говорить о новомъ произведеніи Диккинса, мы считаемъ долгомъ подробнѣе поговорить и о старомъ. Эти два расказа — двойчатка, которой каждая половина равно прекрасна въ художественномъ отношеніи.

«Святочная Пѣсня въ прозѣ», не смотря на то, что стихи въ Англійи все не въ такомъ упадкѣ, какъ у насъ, лучше многихъ новыхъ и старыхъ, и, конечно, во сто тысячъ разъ выше всѣхъ стиховъ «на новый годъ», англійскихъ, нѣмецкихъ, русскихъ, прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ. Эта «Пѣсня», равно какъ и новое произведеніе Диккинса, сочиненія *котамъ*; въ обоихъ лежитъ въ основаніи нѣтъ вс-

тивно-человѣколюбивая, и не смотря на то, что эти два обстоятельства обыкновенно плохо рекомендуют сочиненія. — Диккинсъ умѣлъ быть и въ этомъ случаѣ художникомъ. Его рассказы не продаются въ пользу какаго-нибудь «благотворительно общества», и при всемъ томъ безъ всякаго сомнѣнія сдѣлаютъ больше добра, чѣмъ какія-нибудь лоттерей въ пользу бѣдныхъ или торжественные обѣды, на которыхъ продаютъ десять тысячъ, и въ концѣ, за шампанскимъ, собираютъ, сохраняя приличное обстоятельству выраженіе лица, 500 рублей для немущихъ, къ новому году.

Все ложное безплодно; только истина приноситъ плодъ, — и, конечно, много различныхъ плоды, которые принесли эти два сочиненія Диккинса. Имя онъ подалъ угнетенному помощь дѣйствительнаго престопаго сбора денегъ: онъ заставилъ многихъ *подумать* о ихъ неволе; инымъ отравилъ веселую минуточку встрѣчи новаго года, — но и это уже шагъ впередъ. И вся тайна такого сильного вліянія — художественность этихъ рассказовъ. Будь они какой-нибудь коммунікаціей — никто бы о нихъ и не думалъ.

Сцены въ этихъ рассказахъ живы, вѣрны дѣйствительности и глубоко національны. Мы постараемся сообщить читателю содержаніе и въ некоторыхъ изъ этихъ сценъ.

«Святочная Пѣсня» (*) раздѣлена на пять *строфъ*. Въ первой изъ нихъ, мы знакомимся съ старымъ скрягою Скруджемъ. Это человѣкъ, у котораго понятіе о счастьи тождественно съ понятіемъ о волотѣ, — разумѣется, при-

надлежащемъ ему, а не другому. Сцена происходитъ въ сочельникъ подъ Рождество, въ конторѣ Скруджа. Является племянникъ его, желаетъ ему весело встрѣтить праздникъ и приглашаетъ его завтра къ себѣ на обѣдъ. Но скряга былъ, видно, уже *очень* не въ духѣ, потому-что отказался отъ дароваго обѣда. Въ конторѣ его служатъ бѣднякъ и старикъ — писецъ Кратчмъ; за пятнадцать шиллинговъ въ недѣлю онъ день-денской сидитъ согнувшись на конторкой въ холодной мантилѣ. И ему захотѣлось хоть разъ въ году вздохнуть вольнѣе, — онъ проситъ Скруджа, чтобъ онъ отпустилъ его на завтра. Скрудж ворчитъ очень-сердито, но отпускаетъ. Въ слѣдъ за тѣмъ приходитъ сосѣдъ, — и предлагаетъ подписку для бѣдныхъ. Это было уже слишкомъ; Скрудж жертвуетъ въ пользу бѣдныхъ вѣскольکو ругательствъ и уходитъ домой. По-крайней-мѣрѣ, онъ поступилъ откровенно.

Старый скряга собирался уже спать, какъ-вдругъ является тѣнь умершаго пріятеля его, Марлея, оставившаго ему въ наслѣдство все свое имѣніе. Духъ говоритъ ему о тяжелой пѣни, какую куетъ онъ для души своей въ будущей жизни, съ такою жадностью собирая здѣсь золото.

«Отъ человѣка требуется» сказалъ онъ: «чтобъ онъ духомъ своимъ жилъ между людьми; кто не странствуетъ сердцемъ между ними въ нынѣшней жизни, тотъ осужденъ на это въ будущей. Онъ долженъ будетъ скитаться по землѣ и смотрѣть то, въ чемъ не можетъ уже принимать участія, и чѣмъ могъ бы наслаждаться съ другими въ минувшей жизни и быть счастливымъ. На мнѣ таготѣетъ цѣль, скованная мною при жизни. Я сковавъ ее кольцо по кольцу, надѣлъ и носилъ добровольно. Знакома ли она тебѣ?»

И духъ вызываетъ страждущія тѣни другихъ, преступныхъ какъ онъ самъ.

«Воздухъ наполнился видѣніями; они заходили въ тревожномъ движе-

(*) Christmas Carol намекаетъ на пѣсни, которыя въ Англіи бѣдные дѣти поютъ во время святокъ передъ домами. У насъ въ Малороссіи есть вѣскольکو схожее обыкновеніе, — *колядованіе*. Пѣсни, которыя поютъ при этомъ случаѣ, называются у насъ *колядки*.

• и ни и стонали безъ умолка. На каж-
• домъ изъ нихъ были цѣпи, какъ на
• духъ Марлея; никто не былъ свобо-
• денъ. Многихъ Скруджъ звалъ при-
• живши ихъ. •

Духъ обѣщаетъ прислать скупому
трехъ другихъ духовъ, которые, мо-
жетъ-статься, исправятъ его, пока еще
можно. Эти три духа являются одинъ
за другимъ и показываютъ Скруджу
разнообразнѣйшія опасности изъ трехъ
періодовъ его жизни.

Въ этихъ-то сценахъ такъ-живо схва-
чена дѣйствительность и народность,
что мы лучше всего можемъ дать чи-
тателямъ общее о нихъ понятіе, на-
помянувъ имъ *Мертвыя Души* Гоголя.
Изъ сказаннаго видно, что фантасти-
ческое составляетъ тутъ только рам-
ку.

Вотъ двѣ-три небольшія сцены изъ
трехъ разныхъ эпохъ.

Первый духъ, духъ пропелдинтъ
святель, ведетъ Скруджа въ первая
лѣта его дѣтства, потому что юности и воз-
мужалости; онъ снова пробуждаетъ въ
немъ человѣческія чувства, подавленныя
исключительною заботою копоть
золото. Вотъ сцена изъ юности Скруд-
жа, вечеръ подъ Рождество у старика
Феццивига.

• Старикъ Феццивигъ положилъ перо
и взглянулъ на часы. Было близко се-
ни. Онъ потеръ руки, застегнулъ свой
просторный сюртукъ, улыбнулся вну-
тринно отъ зубовъ до самаго органа
кажднаго добра, и сказалъ комфортабель-
нымъ, жаренымъ, жовіальнымъ го-
лосомъ: «Эй, молодцы! Эбенедеръ,
Дикъ!» — Скруджъ давнихъ лѣтъ,
Скруджъ юноша, живо вскочилъ въ
комнату съ своимъ товарищемъ. «Во-
истину Дикъ Вилфандъ!» сказалъ
Скруджъ духу: «это онъ. Онъ такъ лю-
билъ меня, Дикъ.»

«Вотъ!» сказалъ Феццивигъ. «Сего-
дня больше не трудиться. Въдь сегодня
сочельникъ, сегодня святъ - вечеръ.
Запывайте скорѣе ставни - прибавилъ
онъ, ударивъ въ ладоши.

Нельзя себѣ вообразить, съ какою
быстротою бросились они за дѣло.
Разъ, два, три,—они уже на улицѣ со-
ставными, — четыре, пять, шесть, —
ставни уже вставлены,—семь, восемь,
девять,—ставни задвинуты, и не дошло
еще до двѣнадцати, какъ они были
уже опять въ комнатѣ, шалти какъ
скаковыя лошади.

—Живо! воскликнулъ старый Фецци-
вигъ, соскакивая съ высокаго стула пе-
редъ конторкою съ удивительною лег-
костью. — Приберите-на комнату, чтобъ
было просторнѣе.

Старикъ смотрѣлъ, и въ мгновеніе
все было прибрано. Полъ былъ приде-
тенъ, лампы приправлены, разожженъ
огонь, и контора превратилась въ удоб-
ную, теплую, сухую и свѣтлую балъ-
ную залу, какою только можно назва-
вать зимой.

Вошелъ скрипачъ съ нотами, сталъ у
конторки, устроилъ изъ нея оркестръ,
и началъ настраивать скрипку, такъ-
что можно было подумать, что у нея
въ животѣ ужаснѣйшая коліка. Вошла
истрассъ Феццивига, вся превратив-
шаяся въ одну обширную улыбку.
Вошли, блистая, три милыя дѣвочки
Феццивига. Вошли шесть молодыхъ
спутницъ, сердца которыхъ были въ
нимъ прикованы. Вошли всѣ деви-
чадцы, мужнины и менцины. Вошла
служанка съ своимъ двоюроднымъ бра-
томъ, хлѣбникомъ. Вошла кухарка съ
задуманнымъ пріятелемъ своего бра-
та, молочнымъ торговцомъ. Вошелъ
мальчикъ съ другой стороны улицы,
о которомъ говорили, что хозяинъ его
дастъ ему мало денегъ. Вошли всѣ они,
одинъ за другимъ, одни робко, другіе
смѣло, одни съ граціей, другіе безъ
граціи и т. д.

Второй духъ, духъ настоящихъ свя-
токъ, показываетъ Скруджу счастье и
довольство вездѣ: въ хижинѣ, въ руд-
никахъ, на маякѣ, на кораблѣ, среди
океана. Даже Кратчитъ, который за
пятнадцать шиллинговъ въ недѣлю ра-
ботаеетъ изъ послѣднихъ силъ въ кон-
торѣ Скруджа; — даже и онъ сегодня

счастливъ, .., счастливъ, короля. Вотъ отрядокъ изъ оперы, въ которой описана семейный вечеръ Кратчита доль Рождество. Готовясь къ ужину, принесли гуся.

Поднялся такой шумъ и тревога, какъ-будто гусь рѣдчайшая изъ птицъ, пернатое диво, передъ которымъ черной лебедь явленіе очень-обыкновенное. И правду сказать, гусь былъ действительно рѣдкостью на диво въ домѣ Кратчита. Мистриссъ Кратчитъ выкинула подливку, заранѣе заготовленную въ кастрюлькѣ; мистеръ Петеръ съ невѣроятною энергією мѣсилъ картофель; миссъ Велинда подслащивала приправу изъ яблоковъ; Бобъ взялъ Тини-Тима къ себѣ; два маленькіе Кратчиты поставили стулья для всѣхъ, не забывая и себя, стали на-сторожѣ у своихъ мѣстъ и задурили по ложкѣ въ ротъ, чтобъ не проесть гуся, пока не придетъ пора. Наконецъ, кушанье было подано и молитва прочитана. Молитвенное молчаніе вопарилося, когда мистриссъ Кратчитъ, медленно осмотрѣвъ ножъ, приготовилась погрузить его въ грудь гуся; но когда ножъ действительно погрузился и докасался, давно ожидаемый сокъ начинки, шипотъ радости пробѣжалъ вокругъ стола и даже Тини-Тима, не замеченіе маленькихъ Кратчитовъ, ударилъ оя столу черенкомъ своего ножа и прокричалъ: ура! Такого гуся еще не базало! Бобъ сказалъ, что, по его мнѣнію, такого гуся еще ни разу не подавали къ столу. Миссъ Велинда, захвативъ вилочку и дешере, вынула его былымъ предметами общаго кушанья. Съ начинкою изъ яблоковъ и картофеля, его было достаточно для ужина на цѣлое семейство; и действительно, его не могли съѣсть всего, какъ ожидала мистриссъ Кратчитъ съ большими удовольствіемъ, глядя на атомъ каковой-то косточин, востанійся на блюде. Однако, каждому досталось довольно, особенно, мелодныи Кратчитамъ, которые замазались по уши.

«Но вотъ миссъ Велинда перекинула тарелки, а мистриссъ Кратчитъ вышла изъ комнаты, — за пудлингомъ.

«Что, если онъ не удался? Что, если онъ развалился при выжиманіи его изъ почка? Что, если кто-нибудь перелѣзъ черезъ стѣну задняго двора и уиравъ его, пока они веселились за гусемъ! Предположеніе, отъ котораго молодые Кратчиты вдругъ поблѣдли. Воображенію ихъ представились всѣ возможные ужасы.

«У! Какой паръ! Пудлингъ вылаути—запахло прачечной и кухней. Черезъ полминуты, вопли мистриссъ Кратчитъ, красная, съ гордою улыбкой, съ пудлингомъ, похожимъ на пестрое пушечное ядро, до половны пылающаго въ зажженномъ спиртѣ. О! пудлингъ на диво! Бобъ Кратчитъ объявилъ, что это лучшее произведеніе мистриссъ Кратчитъ со времени ея замужства. Мистриссъ Кратчитъ призналась, что теперь у ней отлегло на сердцѣ, а то она боялась, довольно ли положила муки. Всѣмъ сказалъ что-нибудь на счетъ пудлинга, но никто не сказалъ и не подумалъ, что онъ слишкомъ — малъ для такого многочисленнаго семейства. Это было бы сродню. Всѣмъ Кратчитъ постыдился бы намекнуть на что-нибудь подобное.

«Ужинъ окончился, скатерть принята, очагъ очищенъ и разложенъ огонь. Сибсъ въ кружкѣ отвѣдана и найдена превосходною. На столъ поданы яблоки, на огонь положены каштаны. Тогда все семейство Кратчитовъ собралось около очага, въ кружокъ, какъ сказалъ Бобъ, разумѣи подъ этии полукруга, и возлѣ Боба Кратчита поставили все лучшее стекло, всю домашнюю роскошь хрустала, нѣсколько побитую. Впрочемъ, горячій напитокъ въ кружки вливался въ нихъ такъ же, какъ вливается въ золотыя чаши: Бобъ угощалъ изъ нихъ съ сіиющимъ зоромъ, а каштаны между-тѣмъ жарили на огнѣ. Наконецъ, Бобъ произнесъ: «Желаю всѣмъ намъ веселе провести праздники! Дай Богъ счастья! Всѣ семейство повторило слова-его. «Дай Богъ счастья! — преговорилъ послѣ

истъ Тини-Тинъ. Онъ смѣлъ близко пость отъ, на своемъ маленькомъ стулѣ. Възъ держалъ его маленькую ручку въ своей рукѣ, и какъ-будто боллса, чтобъ у него не отпалъ любимого существа.

Этихъ двухъ отрывковъ достаточно, чтобъ дать понятіе о тихой красотѣ и истинѣ сценъ, нарисованныхъ Диккинсомъ. Съ тою же живостію изображаетъ онъ и ужасъ одинокой старости, и смертнаго одра, который представляется Свруджу третій духъ. Свруджъ, съ ужасомъ глядя на свою врачную, одинокую, шкѣль незнаемую могилу, просынается ото сна «лучшимъ челоувкомъ». Онъ встаетъ весело, поспѣшно одѣвается, выходитъ улыбаясь, желаетъ многимъ веселаго праздника; жертвуетъ щедро бѣднымъ; Кратчиту, писцу своему, посылаетъ въ подарокъ жарнаго кашлуна; явлется неожиданно къ шюманнику на обѣдъ, а на другой день весело принимается за работу въ своей конторѣ, и прибавляетъ живопись Кратчиту.

«Святочная Пѣсня» Диккинса сдѣлалась въ Англіи совершенно-народною. Ея вышло до-сихъ-поръ *десять изданій*, честь, которую, безъ всякаго сомнѣнія, раздѣлитъ съ нею и *Колокольный Звонъ*, произведеніе, равное первому въ художественномъ отношеніи, но въ которомъ есть черты еще болѣе рѣзкія.

Лица этого разсказа: Файлеръ, утилитарный статистикъ, альдерменъ Кэптъ, лицо чиновное, сэръ Джозефъ Боулей, челоувкъ съ кошелькомъ, но безъ сердца; въ эти лица, въ столкновеніи съ голодными, полунагими, страдающими людьми, труженниками въ низшаго класса, рѣзко выражаютъ истиня отношенія общества, надъ которыми многими можно очень и очень презиудаться.

Главное лицо разсказа, Тротти Векъ, бѣдный разнощикъ писемъ, совершенно-оригинальное созданіе, съ яркими чертами простоты, насоса и юмора. Видѣнія его въ фантастическомъ мірѣ

колоколовъ уривовѣнены заботами о действительномъ существованіи своемъ:

«Его звали сребрянно Тоби, но онъ прозванъ Тротти (портупа) по походкѣ; онъ все какъ-будто спѣшитъ, а смотритъ — движется тихо. Онъ могъ бы, можетъ-статься, ходить и скорѣе; это даже очень-вѣроятно; но отинните у него походку, и Тоби слегъ бы въ постель и умеръ. Эта походка забрызгивала его грязью въ дурную погоду, содалама ему пѣлый ширъ неудобствъ; онъ могъ бы ходить наравлено-спокойнѣе. Но была дручала, за-страдалама его такъ упорно придерживался своей привычки. Тоби, маленький хилый старичишка, былъ геркулесъ по добрымъ намѣреніямъ. Онъ любилъ зарабатывать свою денгу. Онъ радовался (Тоби былъ отецъ-бѣденъ, и ему не хотѣлось бы расстаться съ радостью), что трудъ его отдѣтъ платы. Съ послыкомъ въ шлангнъ или 10 пенсовъ, съ маломъ монетомъ въ рикѣ, бодрость его, всегда бодрал, становилась еще бодрѣе. Пускался въ дорогу, онъ готовъ былъ кричать быстрому почтальйону вперед, чтобъ онъ своротилъ съ дороги; онъ свято вѣровалъ, что по естественному теченію дѣлъ онъ неизбежно долженъ обогатѣть его.»

Вотъ заглавіе, жизнь, нравствіе бѣдняка, героя повѣсти. Чубе покатать читателамъ, въ чемъ разнится сцена этого разсказа отъ сценъ «Святочной Пѣсни», болѣе-сатирическое направленіе ихъ и истиную вѣрность, сдѣлаетъ нѣсколько очень-небольшыхъ извлеченій; кароній оботомъ на этия ногочинитъ соединитъ всея смелотъ и опредѣлитъ органику цѣлага.

Вотъ какъ разсуждаетъ бѣднень Тоби, голодный и холодный, о участи своей бравин. Тоби сталъ обаживовенно у перновннхъ дверей; тутъ свелъ онъ родъ дружбы съ колоколами. Онъ воображалъ, что въ звонѣ ихъ слышитъ то ободраніе, то дурное предсказаніе. Въ день колъ камый-годъ было страшно холодне. Колокола только-что прозвонили полдень, и Тротти разсуждала объ участи бѣдаковъ.

Объденное время! сказала Тоби, бѣгая взадъ и впередъ передъ церковью. — А! носъ Тоби сильно покраснѣлъ, и рѣсницы покраснѣли также; онъ часто примаргивалъ; ноги его охостонѣли, плечи поднялись почти до ушей. — Объденное время! повторилъ Тоби, обернувъ правую руку платкомъ, и наказывая грудь свою за то, что она зябла. — У, у, у! Съ минуту бѣгалъ онъ молча. — Это ничего! сказала онъ снова, но тутъ вдругъ остановился; на лицѣ его изобразилась любовь и безпокойство. Онъ началъ ощупывать носъ свой во всю его длину. Носъ былъ невеликъ, и ощупываніе кончилось скоро. — Я думалъ, что его уже нѣтъ! сказала Тоби, опять пускаясь бѣгать. — Все благополучно! Ничто не приходитъ аккуратно въ объденнаго времени, продолжалъ Тротти: — и ничто не является такъ неаккуратно, какъ объдѣ. Вотъ изобретеніе между нами развѣдъ; и не скоро отыскать ее. Желалъ бы я знать, не купитъ ли какойнибудь баринъ это открытіе для газетъ или для парламента! Тоби только пошутилъ; онъ значительно покачалъ головою въ знакъ сомнѣнія. — Господи Боже мой! сказалъ Тоби. — Газеты должны замѣчаній и наблюденій; парламентъ тоже. Вотъ изобретеніе прешедшей недѣли, продолжалъ онъ, доставая изъ кармана засаленную бумагу и держа ее отъ себя на диву руки. — Все открытія! все наблюденія! Я хочу знать новости, какъ и всякій другой, сказала Тоби, медленно складывая бумагу; и прича ее обратно въ карманъ: — те теперь почти притискивать читать газеты; почти даже страшно! Не знаю, что будетъ съ нами, бѣдными людьми! Дай-Богу, чтобъ съ новаго-года было лучше! Какоежъ, какъ-будто мы не можемъ ничего ни говорить, ни дѣлать намъ слѣдуетъ, и что съ нами не знаемъ что дѣлать. Я не много учились въ молодости, и не могу рѣшить, вѣтъ у насъ дѣла на свѣтѣ, или нѣтъ. Иногда мнѣ думается, что должно же быть какое-нибудь, а иногда мнѣ кажется, какъ-будто мы тамъ вторглись,

непросивъ. Иногда я до того запутаюсь, что не могу даже разобратъ, есть ли въ насъ хоть что-нибудь хорошее, или мы рождены ужъ совершенно негодными. Мы точно будто совершаемъ ужасныя вещи; какъ-будто причиняемъ только заботы; насъ вѣчно жалѣютъ и вѣчно за нами присматриваютъ. Такъ ли, иначе ли, а мы наполняемъ бумаги. Говорите же о помомъ годѣ! Я могу снести столько же, сколько и другой... больше, потому-что я силенъ какъ левъ; но если мы дѣйствительно не имѣемъ права на новый-годъ... если мы дѣйствительно вторглись...

Такъ рассуждалъ голодный, полужерзлый бѣднякъ. А между-тѣмъ, дома, дочь его Мегъ готовилась встрѣтить новый-годъ какъ-можно-веселѣе, — встрѣтить его свадьбою съ кубнецомъ Ричардомъ. Вотъ наставленіе, какое даетъ ей по этому случаю аальдерманъ.

— Ты хочешь выйдти замужъ, говоришь ты? это тебѣ вовсе несправично! И не думай объ этомъ. Вышелши замужъ, ты будешь ссориться съ мужемъ и сдѣлаешься несчастною женою. Я предостерегаю тебя, что рѣшился уничтожать несчастныхъ женъ. Такъ не являйся ко мнѣ на глаза. У тебя будутъ дѣти-мальчики. Они вырастутъ негодными, станутъ шаваться по улицамъ босые. Подумай, моя милая! Я осужу всѣхъ ихъ, гуртомъ, потому-что рѣшился уничтожить это босоегое штатіе. Можетъ-быть, нужь тебѣ умереть въ молодыхъ лѣтахъ, — это даже весьма-вѣроятно, — и оставить тебя съ ребенкомъ. Ты будешь выгнана изъ дома и начнешь бродить по улицамъ. Смотри, не подходи тогда близко ко мнѣ, потому-что я рѣшился уничтожать подобное бродяжество. И если ты въ отчаяніи раздумяешь, не благодарная, утопиться или повѣситься, я не сжалюсь надъ тобой, потому-что я рѣшился уничтожить самоубійства.

Превосходный десертъ къ ужину Тротти: ужъ если самъ аальдерманъ го-

морить такъ, немудрено, что ему впадаетъ иногда на умъ, будто онъ и подобныя ему совершенно-лишніе на свѣтѣ. Но ему удалось услышать еще-богѣе-глубокія истины о благотворительности по случаю письма, которое альдерманъ послалъ черезъ него сѣру Джозефу Боулею. Боулей очень-аккуратно сводилъ всѣ свои счеты къ концу года; онъ и жена его были въ это время въ конторѣ, гдѣ сидѣлъ писецъ за счетною книгой. Туда-то принесъ Тротти письмо альдермана. Вотъ что пришлось ему услышать между-прочимъ:

— Да, я другъ бѣдныхъ, сказала сѣра Джозефъ, бросая взглядъ на бѣднаго Тоби. — Я желаю, чтобъ меня въ этомъ упрекали, и меня упрекаютъ въ этомъ. Я доволенъ.

• Вотъ благородный дворянинъ • подумалъ Тротти: • дай Богъ ему счастья.

• Вотъ, напримѣръ, съ альдерманомъ я несогласенъ, продолжалъ сѣра Джозефъ, указывая на письмо. Я не согласенъ съ партією Фейлера, несогласенъ и съ какою партіей. Бѣдняку, другу моему, нѣтъ дѣла до подобныхъ вещей, да и нѣтъ нѣтъ дѣла до него. Бѣднякъ, другъ мой, въ моемъ округѣ— мое дѣло; никто не имѣетъ права между нами вмешиваться. Это мое правило. Я, я принимаю на себя въ-отношеніи къ моему другу обязанности отца. Я говорю: • Другъ мой, я буду обращаться съ тобою отечески! — Тоби слушалъ очень-внимательно и начиналъ чувствовать что-то хорошее. — Ты, другъ мой, имѣешь дѣло единственно со мною. Тебѣ нѣчего заботиться ни о чемъ. Я позабочусь о тебѣ; я знаю, что тебѣ полезно; я всегда буду тебѣ отцомъ. Такъ угодно Провидѣнію. Вы созданы не за тѣмъ, чтобъ пьянствовать и искать грубаго наслажденія въ тѣхъ, но чтобъ сознать высокое достоинство труда. Живи просто и умеренно, будь почтителенъ, упражняйся въ самопожертвованіи, плати свои подати аккуратно, какъ часы бьютъ, будь точенъ въ своихъ дѣлахъ (я по-

даю тебѣ хорошій примѣръ: вотъ г-нъ Фишъ, мой повѣренный, во всякое время адѣсь, при насъ), — и ты можешь быть увѣренъ, что всегда найдешь во мнѣ друга и отца.

— Истинно милыя у васъ дѣти, сѣра Джозефъ, сказала жена его. — Ревматизмы, лихорадки, кривыя ноги, одышка и всякіе ужасы!

• Душа моя! торжественно отвѣчалъ сѣра Джозефъ: — тѣмъ не менѣе я другъ и отецъ бѣдныхъ, и я все-таки буду одобрять и поддерживать бѣднана, друга моего. При наступленіи каждаго срока, онъ будетъ имѣть дѣло съ истеромъ Фишемъ. Въ новый-годъ, я и друзья мои, всегда будемъ пить за его здоровье. Разъ въ годъ я и друзья мои обратимся къ нему съ ласковымъ словомъ. Разъ въ жизни ему даже, можетъ-быть, случится получить публично, въ присутствіи благородныхъ особъ, бѣднаницу отъ друга. И когда эти возбудительныя средства и достоинство труда уже не будутъ въ состояніи поддерживать его, и онъ слѣзетъ въ тихую могилу.— я буду тѣмъ же другомъ и отцомъ дѣтей его. •

Эти небольшія извлеченія могутъ дать читателю легкое понятіе о направленіи повѣсти. Имя Дикиннса ругается уже за достоинство ея, и ее дѣйствительно никакъ нельзя смѣшивать съ освальною кучею швабнѣй, которыя рождаются къ правдинку и умираютъ съ правдинкомъ.

THE LIFE, PROGRESS AND REVELATION OF JAMES, Duke of Monmouth, etc: to his capture and execution, etc. By George Roberts. (Жизнь, успѣхи и возмущеніе Джеймса, герцога монмутскаго, Джорджа Роберта). — Исторія реставраціи въ Англіи, изъ которой эпизодъ составляетъ предметъ сочиненія Роберта, до крайности наполнена противорѣчіями. Разгаръ страстей искажалъ факты и теперь трудно донскачься истины. Современными этому періоду историками мы можемъ пользоваться собственно только какъ источ-

никами для подменения характера того времени; каждый изъ нихъ принадлежалъ партіи и не былъ свободенъ отъ ея взглядовъ и страстей. Теперь смотрятъ на все это довольно-здорово; но и въ послѣднее время заговорили-было въ Англіи о грѣхѣ 1688 года и начали появляться книги, въ которыхъ стремятся доказать юношеству, что Андіа при Стюартахъ была дѣйствительно веселая Англія. По этимъ причинамъ, многіе встрѣтили въ Англіи книгу г. Робертса съ большимъ удовольствіемъ, какъ книгу, которая содержитъ въ себѣ документы, показывающіе въ настоящемъ свѣтѣ эту веселую Англію.

Джемсъ, герцогъ монмутскій, былъ старшій сынъ Карла II и Юсіи Вальтерсъ, извѣстной красавицы, бывшей прежде любовницею полковника Сиднея. Джемсъ родился въ Роттердамѣ въ 1649 году. Мать его до тавой степени умѣла обмануть Карломъ, что Ормондъ и Гейдъ всѣми силами старались прекратить эту связь. Но прошло дѣлая семь лѣтъ, пока нмъ удалось достигнуть своей цѣли, и Юсія Вальтерсъ переселилась съ своимъ сыномъ въ Англію въ 1656 году, получивъ 400 фунт. сверхъ годовой пенсіи. Очень-естественно, что пріездъ ея возбудилъ вниманіе всѣхъ *кавалеровъ*; ее признавали какъ супругу короля, и слѣдствіемъ этого было заключеніе ея въ Тауэръ. Ее выпустили скоро, но съ условіемъ, чтобъ она удалилась во Францію, — и она уѣхала въ Парижъ. При смерти, она поручила сына своего поочтеною лорда Крофеса, давшаго ему свое имя. Идущая королева, будучи въ Парижѣ, очень полюбила мальчика, и во время возстановленія Стюартовъ лордъ Джемсъ Крофесъ прибылъ съ нею въ Лондонъ, и ему отведены были комнаты въ Гамптон-Куртъ и въ Вайтгалль. Такая честь могла заставить подумать, что онъ законный сынъ короля. Ему избрали въ супруги богатую дочь графа Букінгъю, — и въ шестнадцать лѣтъ онъ былъ женатъ и сдѣланъ герцогомъ монмутскимъ. Въ судебномъ

контрактѣ Кларендонъ помѣстилъ, однакоже, изъ предосторожности выраженіе: «побочный сынъ».

Въ Монмутѣ не было эгонизма отца его, хотя онъ и могъ бы научиться ему при дворѣ Карла. Въ 1670 году, когда постыдный договоръ былъ заключенъ съ Франціею, народъ неблагопріятно началъ смотрѣть на герцога йоркскаго. Это то время избралъ лордъ Шафтсбуръ, чтобъ сдѣлать Монмута главою народной партіи и противопоставить его Йорку. Когда движеніе въ народѣ достигли высшей степени, во время заговора Титюса Отса, вездѣ разнесся слухъ, что протестантскій герцогъ законный сынъ короля. Герцогъ йорксскій принужденъ былъ оставить королевство. Но въ то же время былъ нанесенъ первый ударъ надеждамъ Монмута: король подписалъ актъ, въ которомъ торжественно объявлялъ, что никогда не былъ женатъ на Юсии Вальтерсъ. Но это произошло мало впечатлѣнія на народъ; онъ уже зналъ, что значать торжественныя извѣстія Карла. Парламентъ предложилъ уже было о устраненіи герцога йоркскаго, — какъ вдругъ Карлъ распустилъ его заведеніи.

Между-тѣмъ, западъ Шотландіи былъ въ полномъ возстаніи, и Монмутъ былъ посланъ усмирять бунтъ. Даво сраженіе у Ботвольскаго-Моста. Человѣколюбіе Монмута при этомъ случаѣ выказалось даже. Онъ запретилъ драгунамъ преслѣдовать бѣгущихъ или убивать раненныхъ, и просилъ прощепія для плѣнныхъ такъ настоятельно, что рассердилъ даже короля. Народность его росла все болѣе и болѣе. Всѣ конноформисты въ Англіи съ участіемъ сдѣлали за борьбою новонагеровъ, и молва о благородныхъ поступкахъ Монмута разнеслась далеко.

Но вскорѣ за тѣмъ послѣдовало изгнаніе Монмута и возвращеніе йоркскаго герцога. Въ Голландіи, Монмутъ видѣлся съ главѣйшими начальниками конноформистовъ, и когда онъ неожиданно возвратился въ Лондонъ,

редался колокольный звонъ и зажгли огни, хотя было уже за полночь. Монмутъ не могъ не чувствовать, что избраніе народа пало на него.

Дѣломъ 1680 года, Монмутъ совершилъ свое первое путешествіе по Англии, he set forth on his first progress. Ясно, что цѣлю его было приобрести расположеніе новоконформистовъ, потому-что онъ избралъ для своего путешествія западъ Англии. Они встрѣчали его вездѣ съ необыкновенною почестью. Вотъ замѣчательная сцена изъ этого путешествія:

« Въ Гинтопъ-Паркѣ, Елизавета Парсонъ, узнавъ о назначенномъ тамъ правдикѣ, бросилась къ герцогу монмутскому и коснулась руки его. Она страдала золотухой (the king's evil) и не получала никакого облегченія отъ врачей. Когда она коснулась герцога, всѣ ея раимы исчезли въ два дня. По рукамъ ходило описаніе этого удивительнаго исцѣленія, и актъ, подписанный Генрихомъ Кларкомъ, крьюкерскимъ священникомъ, двумя капитанами, одною духовною особою, и четырьмя свѣтскими. Это чрезвычайно-важное происшествіе этой поѣздки. Немногіе, которые еще сомнѣвались въ дѣйствительности права Монмута на наследованіе престола, отрянули сомнѣніе. Это исполненіе обратило на себя народное вниманіе. »

Въ 1682 году, Монмутъ отправился во вторичное путешествіе, подъ предлогомъ присутствованія на конскихъ скачкахъ въ Кленриѣ; но цѣлю его было объѣхать съ лордомъ Колчестеромъ, сэромъ Томасомъ Армстронгомъ, и другими, въ сопровожденіи двухъ-сотъ человекъ, вооруженныхъ и великолѣпно-одѣтыхъ, недовольныя графства Ланкаширъ, Стаффордширъ, Ворчестерширъ и Чеширъ. Въ этомъ путешествіи онъ еще больше употреблялъ средствъ сдѣлаться народнымъ, и до-поры-до-времени все шло благополучно. Но въ Стаффордѣ за обѣдомъ, явился вооруженный сержантъ и показалъ предписаніе арестовать его за то, что онъ явился въ равныхъ частяхъ королев-

ства съ многочисленною толпою, везащнымъ и возмутительнымъ образомъ нарушая общественное спокойствіе, и приводя въ страхъ вѣрноподданныхъ его величества. »

Герцогъ отправился ночью подъ карауломъ въ Колешиллъ; на другой день въ Ковентри. потомъ въ Сент-Альбанъ. Цѣлю этого ареста было вѣротно—вызвать преждевременное возстаніе. Но дворъ ошибся въ расчетѣ.

Полу-ласками, полу-угрозами уговорили герцога сознаться въ заговорѣ. Было назначено свиданіе его съ королемъ.

« Это важное свиданіе Монмута съ королемъ и герцогомъ Йоркскимъ произошло 25 декабря. Герцогъ монмутскій прѣѣхалъ въ каретѣ, около 5 часовъ вечера, къ секретарю Джешмансу. Секретаря послали уведомить короля о прѣѣздѣ герцога. Короля лаская и нѣсколько времени пробывъ на-единѣ съ герцогомъ; ни секретарь, ни кто-либо другой не была допущена. Прѣѣхалъ герцогъ Йоркскій, и его просили войти. Ральфъ рассказываетъ, что Монмутъ бросился къ ногамъ короля, признался въ своемъ преступлѣ, участіи въ заговорѣ, и просилъ прощанія; потомъ сдѣлалъ полное признаніе герцогу Йоркскому, и также просилъ прощанія у него. Онъ увидѣлъ его, что если онъ дерзаваетъ короля, то будетъ вѣрнымъ его подданнымъ и первый обожать за него мечъ, если того потребуютъ обстоятельства. Потомъ онъ изъявилъ желаніе, чтобы его величество не принуждалъ его быть свидѣтелемъ, и сдѣлалъ описаніе всего заговора, называя всѣхъ участствовавшихъ въ немъ; въ Чеширѣ и на западѣ, и понимовалъ нѣтъ больше, нежели сколько было названо разными свидѣтелями. Онъ отрекся отъ всякаго знанія о убійствѣ. Когда онъ кончилъ свое признаніе, онъ былъ опять отданъ подъ стражу. Но король обѣщалъ простить его. »

Въ началѣ 1684 года, герцогъ монмутскій бѣжалъ въ Антверпенъ. Услышавъ отъ принца оранскаго о смерти короля, онъ, говорятъ, вскрикнулъ, какъ безумный, и рѣшился отправитъ-

ся въ Англію. Монмутъ высадился на берегъ 11-го іюля, въ Лейм-Реджисъ.

Шпіоны такъ часто подымали ложную тревогу, что при извѣстіи о высадкѣ Монмута имъ едва повѣрили. Что западные нонконформисты ждали его, это вѣрно, и хотя сотни изъ низшаго класса, даже дѣти, знали объ этомъ, но у нихъ не вырвалось ни словечка, могшаго возбудить подозрѣніе. Всѣ научились быть осторожными.

Робертсъ списалъ разсказъ о высадкѣ съ рукописи Дасселя, находившейся въ гарлейскомъ собраніи. Сперва, высадились три джентльмена и объявили встрѣтившимся имъ рыбакамъ, что въ Англіи будетъ революція. Это дошло до слуха лейм-реджисскаго майора, который не обратилъ на это вниманія, пока не получилъ письменнаго извѣстія объ отплытіи изъ Голландіи корабля, на которомъ находился герцогъ и его сообщники. Тогда майоръ и двое или трое другихъ отправились въ таверну, чтобъ обдумать, что тутъ дѣлать. Въ четверть девятого, майоръ, не совсѣмъ здоровый, вышелъ изъ таверны, и увидѣвъ, что къ берегу плывутъ шлюпки съ вооруженными людьми, приказалъ бить въ барабаны. Но было поздно. Монмутъ уже высадился съ своими, и вербовалъ жителей. На площади прочли прокламацію его, въ которой было сказано, что настало время, когда правое дѣло Бога и религіи, столь долго бывшее погребеннымъ, какъ мертвое, снова воскреснетъ.

Простоявъ четыре дня въ Леймъ, вѣроятно въ ожиданіи, что къ нему присоединятся дворяне Гампшира и Вильшира, Монмутъ двинулся 15-го іюля къ Аксминстеру. Герцогъ мало запасся оружіемъ, и тысячамъ, которыя хотѣли пристать къ нему, отказано по этому случаю. Аксминстеръ былъ взятъ безъ труда. На другой день, отправились къ Гарду, потомъ въ Шльминстеръ. 11-го, въ Таунтонъ, было величайшее торжество герцога. Всѣ слышали ему на встрѣчу конные и пѣшіе. Процессія дѣвницъ представила

ему знамена. Подъ предводительствомъ миссъ Мэри Блэкъ и мистриссъ Мясгрэвъ, двадцать-семь маленькихъ дѣвочекъ, отъ восьми до десяти лѣтъ, дочери главнѣйшихъ нонконформистовъ, шли въ процессіи и несли знамена, вышитыя ихъ собственными руками. Впереди ихъ миссъ Блэкъ несла пуританскія эмблемы—библію и мечъ.

Но радость Монмута была возмущена извѣстіемъ, что королевскія войска заняли Вашингтонъ, за семь миль отъ Таунтона, и что лордъ Чюрчилль прибылъ съ отрядомъ въ Гардъ. Монмутъ рѣшился объявить себя королемъ, все еще надѣясь, что собѣднее дворянство явится; онъ былъ объявленъ въ Таунтонѣ королемъ, подъ именемъ Іакова II-го, 20-го іюня.

Королевская армія между-тѣмъ собралась, и Монмутъ, желая какъ-нибудь помочь малочисленности своей партіи, рѣшился образовать отрядъ изъ косарей и замѣнить ими гренадировъ. Выдавъ четыре прокламаціи, онъ вышелъ изъ Таунтона съ 7,000 человекъ, и отправился въ Бриджвотеръ, гдѣ также былъ провозглашенъ королемъ. Денегъ и людей было здѣсь довольно, но въ оружіи тотъ же недостатокъ, и тысячи должны были возвращаться домой за неимѣніемъ его. Отсюда онъ двинулся въ Гластонбюри и дагѣ до Фрома, куда прибылъ 28-го іюня. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе о пораженіи Эрджилля; это его встревожило и было причиною, что нѣкоторые оставили его заблаговременно.

Наконецъ, 3 іюля, графъ Февершамъ, главнокомандующій королевскою арміею, сталъ лагеремъ у Седжмура. Герцога уговорили атаковать его, потому-что онъ не окопался; но шпіоны не донесли ему, что на восточной сторонѣ была рѣка, или глубокій ровъ, защищавшій лагерь. Въ воскресенье, въ одиннадцать часовъ ночи, Монмутъ двинулся къ лагерю съ 2,500 пѣхоты и 600 конницы. Робертсъ доказываетъ, что проводникъ не измѣнилъ, но что небольшая армія, особенно конница, пришла въ расстройство еще до нача-

де были, потому что не могли перейти брода через рѣку. Начиаго похода черезъ тонкое, опасное болото было уже достаточно, чтобъ уменьшить бодрость воинственнаго сброда, надушаго атаковать регулярныя войска. Не удивительно, что конница смѣшалась и пошла уже назадъ прежде, чѣмъ явился Монмутъ съ пѣхотой. Ей приказано перейти рѣку — дѣло невозможное. Несчастное воинство, однакоже, стояло и стрѣляло, пока было чѣмъ. Между тѣмъ, подоспѣла и королевская артиллерія; но они все еще стояли, не смотря на то, что убійственная артиллерія вырывала рядъ за рядомъ. Битва, начатая при такихъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, необходимо должна была быть проиграна. По крайней мѣрѣ, предводителямъ слѣдовало послѣднимъ оставить поле битвы.

Но Монмутъ былъ вовсе не герой, и вмѣсто того, чтобъ стараться восстановить порядокъ, онъ первый обратился въ бѣгство. За начальникомъ побѣждало все, и когда на разсвѣтъ лордъ Февершамъ могъ рассмотреть положеніе непріятеля, онъ приказалъ своей пѣхотѣ перейти рѣку и стрѣлять по оставшимся еще войскамъ. Драгуны, преслѣдуя бѣгущихъ, убивали ихъ, какъ овецъ. Триста пали въ сраженіи, но тысячи погибли во время бѣгства. Жестокость, характеризировавшая преслѣдованіе, видна и во всѣхъ послѣдующихъ поступкахъ. Тяжело-раненныхъ, но еще живыхъ, бросали въ могилу вмѣстѣ съ мертвыми. Капитанъ Адамъ, полуертвый отъ ранъ, былъ повѣшенъ.

Бѣгство и плѣнъ Монмута, его малодушныя просьбы о пощадѣ, — все это довольно-извѣстно. Онъ былъ казненъ.

Не такъ встрѣчали смерть приверженцы его. Кровавое судилище (the bloody assize) начало въ Винчестерѣ дѣйствія свои безстыднымъ слѣдствіемъ надъ леди Алисою Лиль; открыто-высказанная рѣшимость Джефрея найдти ее виновною за ея нонконформистскія правила, ясно показала, ка-

кая судьба ожидаетъ другихъ пѣхотныхъ. Въ Дорчестерѣ, коммиссія начала дѣйствовать 8-го сентября; 292 человека были осуждены на смерть. Дѣвнадцать человекъ повѣшены въ Леймъ.

«Была приготовлена повозка, чтобъ отвезти ихъ изъ города на мѣсто казни. Но лошади не хотѣли тащить, что было приписано чуду. Многія лошади и теперь еще не хотѣтъ на этомъ мѣстѣ смотрѣть въ волны. Запрягли другихъ лошадей, но онѣ разломали повозку въ Дребезги, и плѣнники должны были идти пѣшкомъ. Зрители были въ уныніи. Казнь дѣвнадцати человекъ заняла много времени; каждый молился и пыталъ сказать что-нибудь предстоящимъ. Вильямъ Юлингъ, 19-ти лѣтъ, былъ въ Голландіи въ пансіонѣ, и прѣхалъ съ герцогомъ въ качествѣ поручика. Онъ и братъ его, казненный въ Таунтонѣ, пристали къ герцогу монмутскому, по собственнымъ ихъ словамъ, за свободу Англии и за протестантскую религію.»

Только тѣло этого молодого человека позволили похоронить. Головы и члены прочихъ были выварены въ соли, омочены въ смолу и разсѣяны около города; но тѣло молодого солдата провожали въ могилу человекъ двѣсти народа. Конечно, это позволеніе похоронить его было куплено за большую сумму; но сильно должно было быть народное чувство, заставившее почтить приверженца Монмута публичнымъ погребеніемъ.

Въ Эксетерѣ, судилище открыто 14 сентября. Всѣ смѣло сказали, что они участвовали въ возмущеніи, и они были осуждены на смерть. Въ Таунтонѣ осуждено и казнено 104 человекъ. Въ числѣ ихъ былъ и Веньяминъ Юлингъ, старшій братъ Вильяма. Позволеніе похоронить его тѣло было куплено за 1,000 ф. ст. Остальные 18 человекъ, казненные съ нимъ вмѣстѣ, были четвертованы, и палачъ стоялъ по косточки въ крови.

Маленькія дѣвочки, участвовавшія въ процессіи знаменъ въ Таунтонѣ, были заключены въ темницу вмѣстѣ съ вачальницею ихъ, миссъ Блэкъ.

«Одна из этих маленьких дѣвочек (нѣкоторыя изъ нихъ были не старше 8 и 10 лѣтъ) передана въ руки судьи и просила у судьи пощады; онъ лично посмотрѣлъ на нее и съ яростью приказалъ тюремщику взять ее. Это до такой степени поразило ужасомъ бѣдную дѣвочку, что черезъ нѣсколько часовъ она умерла отъ страха. Прочихъ роздали придворнымъ фрейлинамъ, какъ *сезонныя подарки*».

Ихъ оцѣнили въ 7,000 ф. ст. Бѣдныя

дѣти были послѣ выкуплены своими родителями, каждая за 50 и за 100 ф. стерлинговъ.

Ковни продолжались до ноября. 331 человекъ были казнены, около 900 сослано въ Америку.

Г. Робертсъ заслуживаетъ полную благодарность за свой трудъ; онъ тщательно старался отыскивать подлинные документы, и многіе изъ нихъ пролили новый свѣтъ на важныя обстоятельства этого періода.

II. ГЕРМАНОСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НОВЫЕ АЛЬМАНАХИ: «Альманахъ для отечественной исторіи», *Г. Гормайра*: (Биографіи Франца Курца, Карла Русса и Каролины Пихлеръ); — Письма Лютера; — Странныя процессіи католическаго духовенства; — (Переписка Карла IX и Христіана IV). — «Лилія», альманахъ *Ваксмана*: (Повѣсть «Wieben-Peter», изображеніе характера Голголанцевъ). — «Вспомни обо мнѣ!». — «Рейнскій Альманахъ», изд. *К. Дрекслеромъ-Манфредомъ*. — «Уранія». — «VIELLEIBENIA», изд. *Бернотомъ Гусеккомъ*.

Кромѣ альманаховъ Раумера и Прута, содержаніе которыхъ мы подробно изложили въ прошломъ мѣсяцѣ, замѣчательны еще вышедшіе къ новому году альманахи Гормайра, Ваксмана, Дрекслера-Манфреда и др.

TASCHENBUCH FÜR DIE VATERLANDS-GESCHICHTE. *Herausgegeben von Joseph von Pogmaug* (Альманахъ для Отечества и Исторіи, изданный Иосифомъ Гормайромъ). *Берлинъ. 1845.*

Альманахъ г. Гормайра (тридцать-четвертый со времени своего основанія, и шестнадцатый подъ настоящею его редакціею) всегда остается вѣрнѣе своему назначенію, представляя матеріалы для германской исторіи; нѣкоторые изъ нихъ довольно-замѣчательны, другіе интересны только для однихъ Нѣмцевъ, любителей древности. Разсмотримъ по порядку содержаніе статей: въ самомъ началѣ, мы видимъ народныя украинскія пѣсни, переведенныя съ славянскаго на нѣмецкій Анастасіемъ Грюномъ; за тѣмъ слѣдуютъ биографіи историческаго изслѣдователя Франца Курца, живописца Карла Русса и извѣстной нѣмецкой писа-

тельницы Каролины Пихлеръ, при которыхъ приложены довольно-хорошо сдѣланные портреты.

Францъ Курцъ, родившійся въ Верхней Австріи въ 1771 году, недалеко отъ Фрейштадта, принадлежитъ къ числу тѣхъ тружениковъ науки, которые всю жизнь свою посвящаютъ архивамъ и пыльнымъ хартіямъ и извлекаютъ иногда на свѣтъ матеріалы драгоценныя для историка. Посвященный, въ 1795 году, въ духовное званіе, онъ получилъ мѣсто викарія, и потомъ священника въ Аббатствѣ Св.-Флоріанѣ, и въ тяжелыя годы войны 1797, 1800, 1805 и 1809, когда самое Аббатство-Св.-Флоріана превращалось въ госпиталь, выказалъ всю преданность свою къ челоуѣчеству, все христіанское стремленіе къ облегченію страждущихъ братьевъ. Въ 1799 году, перебирая архивъ своего аббатства, Курцъ почувствовалъ влеченіе къ изысканію древностей и съ жаромъ принялся за дѣло; тѣмъ болѣе замѣчательна заслуга его въ этомъ отношеніи, что то время было самое тяжкое, самое затруднительное для историческихъ изслѣдованій. Съ царствованія Рудольфа и Матіаса никто

не думалъ о наукѣ; по прошествіи уже столѣтія, когда при Карлѣ VI водворился миръ внутри и внѣ государства, возникла мысль объ отысканіи источниковъ;—о духовной разработкѣ матеріаловъ, о приведеніи ихъ къ какую-нибудь систему нечего было и думать; древніе писатели допускались только для изученія латинскаго языка, а историческіе факты по произволу искажались іезуитами; такъ продолжалось до паденія іезуитовъ, и до тѣхъ-поръ, когда союзы съ Франціею допустили новыя идеи въ пустоту австрійской жизни.

Курцъ не имѣлъ такихъ блестящихъ дарованій, чтобъ, избѣгая сухости, отличавшей тогдашнее изложеніе историческихъ фактовъ, явиться настоящимъ историкомъ, но онъ впелнѣ владѣлъ здравымъ дѣльнымъ взглядомъ на источники и благородною рѣшимостію высказать истину въ томъ видѣ, какъ она представлялась ему, не заботясь о томъ, поправится ли она кому, или нѣтъ. Въ продолженіи сорокалѣтъ, посвященныхъ имъ разработкѣ историческихъ матеріаловъ, онъ издалъ около тысячи документовъ (считая въ томъ числѣ множество доставленныхъ ему писемъ, которыя, однако, требовали также разсмотрѣнія, изслѣдованія и повѣрки). Самое замѣчательное и полное собраніе начинается грамматикою, данію Св.-Флоріану послѣднимъ изъ Каролинговъ, Лудовикомъ-Малолѣтнимъ 19 января 900 года въ Регенсбургѣ, и оканчивается двумя дипломами 1793 и 1812, данными настоятелю императоромъ Францомъ I.

Не смотря на непрерывныя затрудненія, не смотря на неповѣрную строгость цензуры (большая часть народныхъ поэтовъ, каковы Гёте, Гердеръ, Шиллеръ, Іоганнъ Мюллеръ, Жап-Поль и проч. были или запрещены или являлись съ безчисленнымъ множествомъ пробѣловъ: такъ въ Шиллерѣ не было *Résignation*, *Götter des Griechenlands*, и проч.), Курцъ издалъ четыре тома своихъ *Beiträge zur Geschichte des Landes*; когда же послѣ

брака Наполеона съ Маріею-Луизою, Вѣна успокоилась, то онъ могъ уже исполнѣ предаться своимъ любимымъ занятіямъ, тѣмъ болѣе, что съ позволенія графа Меттерниха, онъ могъ разработать тайный государственный и придворный домашній архивъ; разбору этому онъ и посвятилъ все лѣто 1811 года. Въ четыре мѣсяца, неутомимое прилежаніе его взвлекло на свѣтъ сокровище неизвѣстныхъ фактовъ; въ часы отдыха отъ тяжкихъ трудовъ, Курца принимали вездѣ, ласкали, и даже эрцгерцогъ Іоаннъ и штатгальтеръ графъ Заарау удостоивали его своей дружбы; въ этомъ же году окончили Курцъ свою «Исторію Австрійскаго Ландвера», начатую имъ съ самаго образованія этого войска въ гусситскую войну. Но высочайшая заслуга Курца состоитъ въ наполненіи пробѣла въ два съ половиною столѣтія, оставленнаго въ исторіи Австріи. Шрёттеръ и Раухъ довели свою исторію Австріи до короля Рудольфа (1273), который старшаго сына своего, Альбрехта, утвердилъ сначала правительемъ, потомъ герцогомъ Австріи и Штиріи. Курцъ началъ тамъ, гдѣ остановились Шрёттеръ и Раухъ, и довелъ исторію свою до Фридриха IV, до Максимилиана I, до наступленія новаго міра и новаго времени. Конецъ труда его, исторія Фридриха IV, явилась въ 1812 году съ драгоценнымъ собраніемъ неизвѣстныхъ еще источниковъ: во всѣхъ трудахъ его разсѣяны богатые данныя для изображенія нравовъ и духа времени. Удрученный тяжкой и по-видимому неизлечимой болѣзнію, Курцъ занимался исторіею Австріи времени Рудольфа IV, но силы его не истощились еще: «Современная Картина Австріи», изданная имъ въ 1829 и 1831 году, отличается неисчерпаемымъ богатствомъ самыхъ важныхъ свѣдѣній, и сверхъ-того, неукоразненнымъ безпристрастіемъ не только въ свѣтскихъ, но и въ церковныхъ спорахъ. Онъ живо изобразилъ безпокойное и обогрненное кровью малолѣтство Альбрехта V, страшную гуссит-

скую войну, переходъ Венгріи и Богеміи во власть габсбургскаго дома, и замыкаетъ исторію свою описаніемъ правленія Фридриха IV и сына его, Максимилиана I.

Съ 1811 года, Курцъ не былъ болѣе въ Вѣнѣ, но оставался въ Св.-Флоріанѣ и занимался учеными трудами, принималъ у себя въ домѣ все, что Австрія представляла тогда замѣчательнаго въ ученоемъ отношеніи, и послѣднее время жизни утѣшался новыми открытіями, сдѣланными въ австрійскихъ архивахъ. Въ послѣдніе годы свои, изнуренный сидачею жизнію, онъ владѣлъ въ болѣзненные припадки, но не оставалъ своихъ любимыхъ занятій, и когда г. Гормайръ посѣщалъ его, онъ не переставалъ говорить объ исторіи, о новыхъ источникахъ, которые появлялись на свѣтъ; до послѣдней минуты онъ оставался вѣренъ своему призванію и умеръ въ 1841 году на рукахъ друга и ученика своего, архиваріуса Иоганна Штольца.

«Истина была его неразлучною спутницею», прибавляетъ г. Гормайръ въ концѣ біографіи Курца: «противное истинѣ казалось ему невозможнымъ. Жизнь его принадлежала не одному составленію исторіи, но исследованію матеріаловъ. Онъ твердо выполнялъ всѣ обязанности историческаго исследователя: былъ неутомимъ въ отысканіи источниковъ, счастливъ въ открытіи ихъ, проникновенъ въ выборѣ найденнаго, безпристрастенъ въ представленіи данныхъ. Труды его останутся всегда драгоценными матеріалами.» *Inventis facile est addere!*

Пропускаемъ біографію живописца Русса, вѣроятно, интересную для его соотечественниковъ, потому что онъ былъ живописцемъ по преимуществу національнымъ,—въ искусствѣ его ружается г. Гормайръ, и мы охотно вѣримъ ему, но не считаемъ за нужное распространяться о немъ; скажемъ нѣсколько словъ о Каролинѣ Пихлеръ, романы которой читались нѣкогда съ удовольствіемъ и у насъ; она умерла въ іюлѣ 1843 года, пользуясь общими уваженіемъ. «*Sie war eine Glückliche*», сказавъ объ ней одинъ изъ друзей ея,

и дѣйствительно, она даже въ тяжелой болѣзни сохранила твердость памяти, говорила о настоящемъ, о жизни, о литературѣ, и когда ей предписаны были кровопусканія, то она шутя примѣняла къ себѣ слова леди Макбетъ о королѣ Дунканѣ: «чтобъ подумалъ, что у старика еще такъ много крови?» Мать ея, Каролина Геронимусъ, лишившись всѣхъ родственниковъ своихъ на пятомъ году отъ рожденія, была воспитана императрицею Марією-Терезіею, находилась при ней, читала ей депеши, акты на латинскомъ, на французскомъ, на итальянскомъ языкахъ, и видѣла ее послѣ битвы при Прагѣ, при Коллинѣ, слышала сужленія ея о всѣхъ современныхъ знаменитостяхъ, и по этому можно судить, сколько интереснаго могла передать своей дочери! Въ 1767 году, Марія-Терезія выдала свою умную, но уже не молодую и непригожую любимицу за Франца Грейнера, гофрата божеско-австрійской канцеляріи; плодомъ этого брака было шесть дѣтей, и въ числѣ ихъ Каролина, названная такъ въ честь матери своей.

Грейнеръ любилъ искусства, рисовалъ, писалъ стихи и пѣсни, любилъ читать произведенія свои посѣтителямъ и нѣрѣдко надѣдалъ ихъ. Не смотря на то, домъ его былъ храмомъ музыки, мѣстомъ хорошаго тона и собраніемъ всѣхъ замѣчательныхъ людей, соотечественниковъ и иностранцевъ. Религіозное образованіе Каролины принялъ на себя Галль, родственникъ знаменитаго краниолога, въ послѣдствіи епископъ линцскій; музыкѣ училъ ее Стефани; потомъ Моцартъ, Гайднъ, Павзіелло и позже Бетховенъ, посѣщали домъ ея родителей и это много способствовало къ развитію всего добраго и прекраснаго въ воспримчивой душѣ дочери Грейнера. Математики не любила Каролина, за то съ удовольствіемъ посвящала она время исторіи и чтенію классиковъ, въ которыхъ занимали ее, вѣсть съ братомъ ея, Альсвингеръ и Гашика. Но болѣе всего занимала поэзія

гову душу Карлаины; вотъ что она говоритъ объ этомъ въ собственной біографіи:

«Изъ всего, что я читала тогда, ничто не привлекало меня такъ сильно, какъ духовныя и пастушескія стихотворенія. «Идилліи» Геснера, его «Смерть Авеля», «Потерянный Рай» Милтона (въ переводѣ Захарія) и потомъ «Мессіада», сильно дѣйствовали на мою душу. Последнюю съ двадцатого года жизни я перечитывала ежегодно, потому-что изъ писателей первыхъ періодовъ нашей литературы, Клопштокъ и Гердеръ сдѣлали на меня глубочайшее впечатлѣніе, и если смѣю сказать, опредѣлили направленіе моего духа (или, правильнѣе, научили меня внятно понимать мой внутренний міръ). Болѣе тридцати лѣтъ прошло, а я все еще съ удовольствіемъ вспоминаю тотъ вечеръ, когда у насъ читали въ первый разъ идиллію Фосса «Луизу» во всей юношеской простотѣ ея, какъ она вышла изъ-подъ пера автора. То былъ мой міръ—эта ясная, спокойная, сама-въ-себѣ замкнутая жизнь семейственная, далекая отъ нищеты и роскоши и проникнутая религиознымъ чувствомъ. «Путешествія Сочинъ въ Мемель и Саксонію» (романъ скоро потомъ забытъ) образовали во мнѣ еще болѣе эту идею, и жизнь жены деревскаго священника, какъ у пастора Гросса въ этомъ романѣ или Лудвига Влунга въ фоссовой «Луизѣ», была для меня идеаломъ блаженства, когда мнѣ было четырнадцать или пятнадцать лѣтъ отъ роду, и до-сихъ-поръ она мнѣ кажется великимъ благополучіемъ. Между-тѣмъ, продолжались занятія мои серьезными предметами; вмѣстѣ съ латинскимъ, я училась и живымъ языкамъ: французскому, итальянскому и въ-послѣдствіи англійскому, чтобъ понимать лучшихъ писателей. Для удовольствія своего, а также и для упражненія вродственной памяти, данной мнѣ отъ природы, каждый день выучивала я мануэль что-нибудь, и теперь еще могу повторить многое изъ басенъ и духовныхъ пѣсенъ Геллерта, такъ же какъ и романы Бюргера и Штолльберга, которые я то повторяла, то декламировала вмѣстѣ съ братьемъ.

«Но годы дѣтства и первой юности не прошли. Я вступила въ свѣтъ и въ кругъ настоящихъ обязанностей. Мать моя, кромѣ духовнаго образованія, забывшая болѣе-необходимаго воспитанія домашней жизни,

строго соблюдала ея правила, ухищряя мнѣ на нее, какъ на первую и важнейшую обязанность женщины, и такимъ-образомъ предохранила мой характеръ отъ ложнаго направленія; впрочемъ, она охотно позволяла мнѣ въ часы досуга заниматься чтеніемъ, поэзіею и музыкою; послѣднею много занимались у насъ въ домѣ, по желанію отца моего. Великій Моцартъ не былъ моимъ учителемъ, но онъ подарилъ мнѣ нѣсколько незабвенныхъ часовъ; я часто нѣмало слыхивала его и усовершенствовать себя по его методѣ. Величайшею отрадою моею было теряться въ области фантазіи и испытывать силы свои въ идилліяхъ, по образцамъ, находившимся предъ мною, сначала въ геснеровскомъ, потомъ въ фоссовскомъ родѣ. Сверхъ-того, я писала пѣсни, баллады, переводила съ иностранныхъ языковъ, и наконецъ, любовью моею къ сельской тишинѣ и вниманіемъ къ растительному царству и природѣ, достигла до того, что замѣтила и выразила въ своихъ наблюденіяхъ то отношеніе, которое существуетъ между физическимъ и нравственнымъ міромъ, и общіе законы, въ нихъ дѣйствующіе. Такимъ-образомъ, составилась моя «Gleichnisse»; ихъ я только въ рукописи посвятила старшей подругѣ моей юности, Иозефѣ фон-Равенетъ, съ которою въ-продолженіи сорока лѣтъ меня связывалъ твердый союзъ душевнаго расположенія и совершенно-одинаковый образъ мыслей.

«Въ это время, братъ мой, одинъ изъ лучшихъ людей, которыхъ я когда-либо знала (1791—1792), составилъ съ нѣсколькими молодыми людьми, своими ровесниками, занимавшими уже значительныя мѣста въ государствѣ, литературное общество, пѣлю котораго было образованіе людей къ государственнымъ должностямъ. Они писали небольшія разсужденія о философскихъ и политическихъ предметахъ, читали ихъ другъ другу, судили о нихъ письменно, и такимъ-образомъ въ дружескихъ бесѣдахъ своихъ соединили чистое удовольствіе съ учеными пѣлами. Мнѣ нравились эти занятія: не подписывая своего имени, не являясь въ ихъ общество, передавала я брату нѣкоторыя разсужденія о предметахъ, невыходящихъ изъ сферы моихъ понятій, и подчинялась строгой критикѣ членовъ общества. Эта критика много способствовала образованію моего вкуса, и этому же

обществу благодарить молодых людей обязана я ближайшимъ знакомствомъ съ супругомъ моимъ, Андреемъ Михлеромъ, который былъ также однимъ изъ друзей моего брата и членомъ этого собранія.»

Родители одобрили этотъ бракъ, и Каролина Грейнеръ наслаждалась счастьемъ супружеской жизни до 1837 года, когда умеръ Михлеръ, занимавшій почетную должность въ гражданской службѣ. Единственнымъ плодомъ этого брака была дочь Каролина; нѣсколько времени спустя, женился и братъ госпожи Михлеръ, и по смерти отца (1798) обѣ четы жили съ почтенною старушкою, ихъ матерью, въ прекрасномъ, веселомъ домѣ, вокругъ котораго былъ расположенъ садъ; туда, въ послѣдствіи, по смерти мужа, пришла съ сыномъ и двумя дочерьми дочь госпожи Михлеръ, бывшая замужемъ за совѣтникомъ Цельценомъ.

«Не только во вѣдшей жизни» продолжаетъ г-жа Михлеръ въ своей биографіи: «но и въ литературной жизни моей, начинается новый періодъ времени моего замужства. Мужу моему такъ нравились слабыя мои опыты, что онъ уговаривалъ меня исправить и издать «Die Gleichnisse», которые онъ нашелъ въ моихъ бумагахъ и прочиталъ съ удовольствіемъ: «для того» говорилъ онъ «что книга эта можетъ доставить большую пользу, особенно дѣвщинамъ». Я испугалась этой мысли. Я ничего не печатала, кромѣ нѣкоторыхъ безблѣкхъ, пошщенныхъ мною въ альманахахъ, да и тѣ заслужили очень-небольшое вниманіе. Теперь я должна съ увѣренностію издать книжку подъ своимъ именемъ, стать въ ряды писателей! Мнѣ показалось это невозможнымъ, и тогда только когда нѣкоторые достойные уваженія ученые и друзья наши прочли рукопись и изъявили свое одобреніе, яплась книга моя въ 1800 году. Она была лучше принята, чѣмъ я могла себѣ вообразить; самъ Клопштокъ, съ которымъ, такъ же какъ и съ Лафатеромъ, мать моя находилась въ постоянной перепискѣ, написалъ объ этихъ «Gleichnisse» дружеское письмо къ ней, и рѣдвался ихъ появленію въ свѣтъ. Также, нѣсколько лѣтъ спустя, я получила отъ барона Николаи очень-дѣльное письмо и одно изъ его сочиненій въ подарокъ; въ письмѣ своемъ онъ говоритъ,

что съ удовольствіемъ вспоминалъ при появленіи въ свѣтъ сочиненія моего даму, которую ребенкомъ еще онъ видѣлъ въ 1792 году въ Вѣнѣ.

«Этотъ счастливый успѣхъ возбудилъ во мнѣ охоту испытать снова силы свои и написать небольшой романъ. Сначала, въ 1802 году, написала я «Оливера», который былъ, безъ имени моего, напечатанъ въ одномъ альманахѣ; потомъ по болѣе-обширному плану, изъ свѣтлыхъ и грустныхъ воспоминаній моей юности, изъ многихъ образовъ и характеристическихъ чертъ, встрѣченныхъ мною въ нихъ съ нѣкоторыми измѣненіями, которыхъ необходимо требовало поэтическое представленіе ихъ, написала я въ 1803 году другой романъ, «Леопору». За тѣмъ послѣдовало, по желанію мужа моего и по настоянію его друзей, принимавшихъ участіе въ моихъ занятіяхъ, изданіе «Идилліи», которыя написаны были задолго еще до моего замужства. наконецъ ядала я «Ruth», написанную мною въ слѣдствіе заклада съ Карломъ Штрейфусомъ (извѣстнымъ своимъ переводами Аріоста и Тасса), который жилъ тогда въ нашемъ кругу и былъ его украшеніемъ.

«Въ 1804 году, потеряла я моего благороднаго брата, который скончался черезъ два года послѣ своей жены; эти потери навсегда остались для меня невознаградимыми.»

Домъ госпожи Михлеръ былъ всегда наполненъ литературными и учеными знаменитостями того времени; въ 1808 году, на литературные вечера ея являлись госпожа Сталь, братья Августъ-Вильгельмъ и Фридрихъ Шлегели. Нѣсколько-позже посѣщали его Лудвигъ Тикъ съ сестрою, Бернгарди, Адамъ Мюллеръ со множествомъ молодыхъ военныхъ изъ Пруссіи и Сѣверной-Германіи, которые собирались вмѣстѣ и съ горестью оплакивали утраченную свободу Германіи; между ними встрѣчались имена Перуэля, Грольмана, Фарнгагена фонъ-Энае, Гейнриха Клейста и другихъ. Писательница наша рассказываетъ далѣе о своемъ литературномъ поприщѣ и о своихъ произведеніяхъ, изъ которыхъ «Agathokles» и «Frauenwürde» переведены были господами Монтассѣ и

Элизю Бюаръ на французскій языкъ; другія выдержали переводъ на венгерскій, голландскій и итальянскій.

«Еще во время жизни брата моего часто у смертнаго одра его, для развлечения его, читала я ему «Исторію Паденія Римской Имперіи» Гиббона, и поражена была холоднымъ взглядомъ и рѣзкими приговорами великаго писателя относительно христіанской вѣры. Желаніе создать исторію, въ которой бы порядкомъ событій не протаверчили истинѣ, и въ которой бы христіанство явилось въ высшей степени благотворнымъ для облагороженія челоуѣчества, подавало мнѣ мысль написать моего «Agathokles». Брѣне двухъ лѣтъ я трудилась надъ нимъ, и онъ появился въ 1808 году.

«Слѣдующій годъ былъ бурный для моего отечества и слишкомъ-тяжелый для моего сердца, и я не въ-состояніи была написать что-либо. Но зимой 1810 года, когда улеглись бури бѣдствій, и мы могли смотрѣть съ менѣ скорбнымъ чувствомъ на печальное состояніе нашей отчизны, написала я своихъ «Графовъ Гогенбергъ», предметъ которыхъ замѣстозанъ изъ исторіи и преданій Австріи.

«Давно уже мужъ мой желалъ, чтобъ я испытала себя на драматическомъ поприщѣ. Такая форма сочиненій казалась мнѣ самою недоступною; но желаніе угодить ему побѣждало мой страхъ, и я почти годъ трудилась надъ трагедіею своею «Германіса», недостатки которой теперь я очень-хорошо понимаю, и чувствую, чего недостаетъ ей, какъ созданію драматическому. Съ большими предосторожностями и подъ условіями тайны передана она была дирекціи императорскаго театра въ 1812 году (Въ это время Теодоръ Кёрнеръ былъ другомъ дома Пихлеръ). Она снискала нѣкоторый успѣхъ; и похвалы не шумныя, но безпристрастныя побудили меня испытать еще разъ силы свои на этомъ поприщѣ, и въ несчастное лѣто 1813 года начала я трагедію свою «Гейрихъ фонъ-Гогенштауфенъ». — О, сколько горькихъ слезъ пролито было о судьбѣ Германіи и моего отечества въ то время, когда я писала первые четыре акта! Извѣстіе о побѣдѣ при Кулумъ впервые одушевило мой мрачный духъ, сильно потрясенный пораженіемъ при Дрезденѣ, и я окончила мой пятый актъ съ предчувствіемъ великаго торжества. — Этой пьесѣ была оказана почестъ и при-

емъ, котораго не скоро заслужить другая; дирекція была такъ снисходительна, что дала ее въ пользу воинновъ, равныхъ въ лейпцигской битвѣ, три дня спустя по прибытіи курьера съ извѣстіемъ о ней, въ то время, когда вся Вѣна погружена была въ радость и половина Европы раздѣляла наше веселье. Полное освѣщеніе театра, изображеніе монарха, стоявшее на сценѣ во время пролога, присутствіе всего двора, пѣсьи: «Gott erhalte den Kaiser», пропѣтая посреди безчисленныхъ восклицаній, — все располагало слушателей къ благосклонному приему моей пьесы; она и была принята съ блестятельнымъ одобреніемъ, особенно нѣкоторыя мѣста, которыя можно было счесть патетиками; я могла сказать себѣ: «своими слезами радостію погнута».

«Счастлиное стеченіе обстоятельствъ поставило меня въ дружескія отношенія съ большимъ частію извѣстныхъ въ мое время писательницъ. Г-жа Батсани, извѣстная прежде подъ именемъ «Габріэли фонъ-Баумбергъ», была одною изъ любимыхъ моихъ собесѣдницъ. Въ ней и въ другихъ пріятельницахъ моихъ живо было уваженіе къ достоинству женщины, къ домашней жизни и порядку, которые, по мнѣнію моему, одна въ-состояніи дать истинную цѣну сечіюемію, подаваемому женщиною-писательницею.

«Небо сохранило дни моей доброй матери до 1815 года; она прожила 75 лѣтъ, и, принимая глубокое участіе въ бѣдствіяхъ нашего отечества, была еще свидѣтельницею его спасенія и новаго блеска. Она скончалась въ январѣ 1815 года, сохранивъ вполнѣ свои богатыя умственныя способности, уважаемая и почитаемая всѣми, кто только зналъ ее, и скончалась такъ, какъ всегда желала: посреди всеобщей радости, распространенной вѣдскимъ конгрессомъ.

«Съ-тѣхъ-поръ, я написала нѣсколько разсказовъ, нѣсколько драматическихъ отрывковъ, нѣсколько стихотвореній, и собраніе сочиненій моихъ издано было въ 14 томахъ. До-сихъ-поръ, мой послѣдній и самый большой трудъ, который, вѣроятно, будетъ послѣднимъ моей жизни, быстро склоняющейся къ старости, былъ романъ въ 4-хъ частяхъ «Friedenwilde», въ которомъ я изложила нѣкоторыя замѣтки и наблюденія моей довольно-долгой жизни. Да принесетъ одъ столько добра, сколько я отъ него ожидала! да

попытать оны утѣшешя страждущей душѣ и расположить ко мнѣ сердца добрыхъ!»

Вотъ собственные слова писательницы, которая пользовалась большою извѣстностью и уваженіемъ между современниками своими, хотя мы въ сочиненіяхъ ея большею частію находимъ

Рядъ утонченныхъ картинъ,
Романъ во вкусѣ Лафонтена;

но она памятна для Германцевъ участіемъ, какое принимала во всемъ, что касалось до отечества ихъ, и всегда оставалась вѣрна своему литературному призванію. Въ послѣднее время, она занималась собраніемъ достопримѣчательностей своей богатой событіями жизни, и матеріалами для исторіи и литературы Австріи. Но выше литературной извѣстности ея ставить г. Гормайръ ея домашнюю жизнь; онъ говоритъ, что даже въ сочиненіяхъ своихъ она старалась гораздо-болѣе приобрести имя добродѣтельной женщины, доброй иѣмецкой хозяйки, чѣмъ славной писательницы. Строгая и отшельнича къ себѣ, она снисходительна была къ другимъ, никогда не говорила о своихъ сочиненіяхъ, особенно съ женщинами. «Скромность, истинная набожность и патриотизмъ были господствующими чертами ея характера. Чистый, неукрашенный языкъ, внутреннее влеченіе ко всему доброму и прекрасному, просвѣщенный умъ, знаніе человеческого сердца и нѣжное воображеніе — вотъ дары, въ которыхъ нельзя отказать Каролинѣ Шаллеръ. Словомъ и дѣломъ она можетъ назваться достойною совѣтницею дѣвицъ и уважать имъ путь ко всему высокому и благородному.»

Можетъ-быть, такая похвала и преувеличена, но она извинительна г-ну Гормайру, который, сверхъ патриотизма своего, былъ еще другомъ дочерней.

За тѣмъ въ альманахѣ его находится нѣкоторыя извѣстія о рыцарѣ Освальдѣ фон-Волькенштейнѣ, бывшемъ главою тирольскаго дворянства, и вѣсть о сѣ тѣмъ поэтомъ и музыкантомъ, и

тайнымъ совѣтникомъ двухъ императоровъ, Рупрехта и Сигизмунда, съ приложеніемъ родословной таблицы и изображенія памятника, воздвигнутаго на могилѣ его.

Подъ названіемъ «Sitten und Gebräuche, Handel und Wissen, Characterbilder und Characterzüge der Vorzeit» (Нравы и обычаи, торговля и знанія, характеристическіе образы и черты прошедшаго времени), представлено нѣсколько мелкихъ статей, гдѣ, между прочимъ, есть кое-что о Валлешттейнѣ, который, по итнаніи герцоговъ, сдѣлался владѣтелемъ Мекленбурга и съ султанскою пышностью жилъ въ замкѣ Гюстровъ; о Славатѣ и Мартиницѣ, и секретарѣ ихъ Фабриціусѣ, которые были выброшены изъ окна залы собранія, бывшаго въ Прагѣ (что подало поводъ къ началу тридцатилѣтней войны); съ восмицаніями иттежиниковъ и народа (28-го мая 1618 года): такъ поступали Римляне съ утѣснителями свободы, свергая ихъ со скалы тарпейской, такъ поступилъ избранный богомъ народъ съ Исаавелью, врагомъ его вѣры; таковъ же старинный обычай и у древнихъ Богемцевъ. — Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они были свергнуты (оба безъ существеннаго поврежденія пролетѣли про странство въ 24 аршина и упали на грудь нечистоты, ослабившую силу паденія) стоятъ еще и теперь двѣ пирамиды съ ихъ гербами, съ изображеніями святыхъ и надписями.

Въ числѣ этихъ отрывковъ помѣщено также нѣсколько писемъ Лютера и собственноручная его формула разрѣшенія грѣховъ.

Подъ этою же рубрикою находится нѣсколько анекдотовъ, мало представляющихъ занимательнаго; лучше всего показалось намъ описаніе «священныхъ и проклятыхъ животныхъ», и мы выпишемъ его для вашихъ читателей:

«Греки, Египтяне, Римляне, Германцы и другіе народы имѣли своихъ священныхъ животныхъ. Къ процессіямъ католическимъ примѣшивались также изображенія животныхъ и людей. Въ городѣ Ф»

еще во времена Боссуэта и Фенелона, следовательно, не въ иррацильнѣйшій вѣкъ, который называютъ жѣлѣзнымъ, кошка была священнымъ животнымъ; самаго красиваго кота носили въ великолѣпной корзинѣ, предъ глазами всѣхъ присутствовавшихъ. Онъ былъ украшенъ лентами какъ ребенокъ; его ласкали, осыпали цѣлѣтами, преклоняли предъ нимъ колѣни; однимъ словомъ пажобное поклоненіе, которое ему оказывали, дѣлало его героемъ дня.

«Въ Сен-Жанѣ кошка также была дѣйствующими лицами, но не совсѣмъ пріятными для нихъ образомъ. Множество ихъ собирали на площади передъ соборомъ, и епископъ замикала потѣшный огонь. Всѣхъ кошекъ бросали тогда живыхъ въ пламя. Существованіе этого страннаго обычая было хорошо извѣстно модакамъ лиги, которые публично проповѣдывали, что король Генрихъ IV должно бы было бросить въ Сен-Жанѣ въ кошачью корзину, и то была бы жертва на славу неба и на радость земаѣ.

«Брюссельское духовенство въ процессіяхъ своихъ не лучше поступало съ кошками. Медвѣдь въ одеждѣ черновика, украшеннѣй лентами, садѣлъ на постоукѣ, положила лапы на клавиши органа: въ довершенію нелѣпой процессіи, вмѣсто органамыя трубокъ, въ тѣсныхъ ящикахъ заключены были кошки, который никакъ не могли двигаться; хвосты ихъ высывались изъ ящиковъ въ отверстия, нарочно для того сдѣланныя, и шуршаніи прицѣплены были къ валу органа. Каждый разъ, какъ медвѣдь опуская свои тяжелыя лапы на клавиши, онъ высоко надергивалъ хвосты кошекъ, которыя издавали страшное, отвратительное мурданье. Отъ-времени-до-времени медвѣдь стучалъ по своему органу, и кошки смѣшивали жалобный вой съ пѣніемъ процессіи.»

«Въ царствованіе Филиппа-Красиваго въ Парижѣ существовала «процессія лиственны» (procession du renard). Это животное, облеченное въ одежду церковника и съ шумомъ на голосѣ, путешествовало къ торжественной церемоніи посреди лухранства. По дорогѣ, гдѣ проходила процессія, выпускали домашнихъ птицъ, и днсаца время-отъ-времени, забывала свою благочестивую роль, оставаясь, чтобъ захватить курицу или голубя и ощипать ихъ; король очень любилъ эти

процессіи. Онъ сравнивалъ обыкновенно оупостоненія, сдѣланныя этимъ заклятымъ врагомъ курятниковъ, съ поборами въ пользу духовенства, которые бы онъ охотно прибралъ въ свой карманъ.

«Какъ ни смѣшны подобныя фарсы, едва ли не превосходятъ ихъ годичная процессія, которая совершалась въ Рейнѣ. Въ среду первой недѣли великаго поста тамошнее духовенство торжествовало праздники св. Реми: Церковники поставлены были въ рядъ, и каждый танцвалъ за собою на данномъ шауркѣ седедку. Во время процессіи, каждый тщательно старался наступить на седедку, которая танцлась передъ нимъ и сохранять свою отъ ступни сѣдующаго за нимъ лица.»

«Жители городка Корби, недалеко отъ Амьена, вынуждены были въ непрѣмную обязанность приводить собакъ къ божественной службѣ. Не болѣе какъ за 20 лѣтъ до нашего времени, во многихъ французскихъ деревняхъ всѣми силами старались выучить скворцовъ пѣть «кирелей-зонъ» и «аллилуйя»; выученныя такимъ образомъ птицы эти составляли хоръ въ церквяхъ.

«Въ соборѣ, въ Магдебургѣ, въ день св. Михаила, собирали многочисленный народъ для слушанія троскриваго пѣнія древняго пѣтуха, поставленнаго на органѣ. На капителихъ большой башни страбургскаго собора изображена процессія, въ которой участвуютъ свиньи, ослы, обезьяны и проч., въ самыхъ фантастическихъ одеждахъ.

«Такимъ же образомъ вредныя животныя обречены были преслѣдованію и проклятію. На-примѣръ, городъ Бернъ просилъ совѣтъ у епископа лозанскаго о сохраненіи жатки противъ вредныхъ гусеницъ и другихъ насекомыхъ. Епископу казалось, что какъ древняя лавина, ки и Евреи, такъ и католическіе духовные найли силу заклятія, но что она требовала большихъ трудовъ: это поручено было одному ученому мужу, и народъ былъ доволенъ, что употребилъ всѣ средства къ уничтоженію вредныхъ насекомыхъ.»

Формула ваклинаній приложена также въ концѣ этой статьи (см. альманахъ Гормайра, стр. 236).

Между множествамъ болѣе или менѣе интересныхъ историческихъ документовъ, помѣщенныхъ въ этой статьѣ, ннѣ показались особенно важныя.

человѣчскими писями Карла IX, короля шведскаго, къ Христиану IV, королю датскому, и въ отвѣтъ послѣдняго, что у г. Гормайра иронически названо «Legitime Höflichkeit». Вотъ они:

Письмо Карла IX.

«Ты поступилъ не такъ, какъ слѣдуетъ честному и христіанскому королю; ты разорвалъ штетинскій миръ, допустилъ кровопролитіе и извѣдною взялъ Кальмаръ. Богъ накажетъ тебя. Такъ-какъ я не вижу иного средства для раздѣлки съ тобою, то предлагаю тебѣ единоборство, по достоянному обычаю древнихъ Гетовъ. Ты можешь взять съ собою двухъ дворянъ своихъ, знакомыхъ съ обычаями рыцарства. Я встрѣчу тебя безъ панциря и кольчуги, съ одною каскою на головѣ и мечомъ въ рукахъ, а если ты не согласишься на предложенное мѣсто, то я не отчитаю тебя болѣе ни за христіанскаго короля, ни за война. Ризби. 11 августа.

Карлъ.

Отвѣтъ Христиана.

«Легкомысленное и непристойное письмо твое мы получили черезъ трубака... Мы забываемъ, что канюки дѣйствуютъ на насъ издаль. Что же ты говоришь о томъ, будто бы я разорвалъ штетинскій миръ, то ты живешь, какъ бесцѣльная собака, которая хочетъ счастья себя лаемъ. Ты долженъ будешь нѣкогда отдать отчетъ передъ Богомъ, какъ за эту войну, такъ и за великую кровь, тобою пролитую и за тиранію, которою ты гнетешь своихъ подданныхъ. Относительно же того, будто бы мы, какъ ты обвиняешь насъ, взяли Кальмаръ извѣдною, то и это также неправда. Мы взяли его какъ подобающъ честному войну. Ты же долженъ стыдиться, что допустилъ его взять у себя изъ-подъ носа. Что же касается до единоборства, то ты и такъ уже Богомъ убитъ. Тебѣ бы полезнее была горячая печь и врачъ, который бы могъ привести въ порядокъ твою голову. Ты долженъ стыдиться, ты, старый дуракъ (Gack), такъ нападать на честнаго человѣка; ты этому вѣрно выучился у старыхъ бабъ, которыя вѣнчаются всегда языкомъ. Кальмаръ. 14 августа.

Христианъ.

Альманахъ Гормайра заключася стариннымъ документомъ, носящимъ слѣдующее заглавіе:

T. XXXIX. — Отд. VII.

Der Schmalkaldischen Bundesverwandten Einbruch in Tyrol, und Moritzens von Sachsen Heerfahrt wider den Kaiser (Вторженіе шмалькальденскихъ союзниковъ въ Тиролю, и походъ Мориза - Саксовскаго противъ императора).

Кромѣ историческихъ данныхъ, въ немъ есть еще двѣ баллады: «Junker Klettenberg», и «Der letzte Hirschhorn», обѣ сочиненія г. Фогля; но такъ-какъ онѣ не представляютъ ничего особеннаго, то мы оставимъ ихъ и перейдемъ къ беллетристическимъ альманахамъ минувшаго года.

Вотъ интересный альманахъ Ваксмана:

LILLEN. *Taschenbuch historisch-romantischer Erzählungen für 1846*, von C. von Wachsmann. Leipzig (Диліи. Альманахъ историческо-романическихъ разсказовъ на 1845 годъ, изд. К. Ваксмана).

Альманахъ этотъ, украшенный шестью хорошеющими гравюрами, портретомъ героини разсказовъ г. Ваксмана, заключаетъ въ себя пять повѣстей, которыя всѣ можно прочесть безъ скуки. Желая остаться вѣрными названію своего альманаха «историко-романическихъ разсказовъ», издатель его, который, вѣроятно, вмѣстѣ и авторъ повѣстей, старался имъ придать историческій колоритъ, и для разнообразія распредѣлить ихъ по разнымъ націямъ; таковы образцы, первая повѣсть «Das Wahrzeichen» — испанская, время войны за независимость; вторая «Mohn-Pang» индійская, гдѣ дѣйствуютъ члены страшной индійской религіозной секты — туги, которые обязаны, по обрядамъ вѣры своей, умерщвлять какъ-можно-болѣе людей, но только безъ пролитія крови; третья повѣсть греческая «Satir», дѣйствіе которой совершается во время перваго возстанія Грековъ для сверженія турецкаго ига; четвертая — польская «Esthet», взятая изъ библейскихъ преданій и перенесенная въ Польшу; наконецъ, шестая — голландская, «Wjeben-Peter», самая занимательная

надъ всѣхъ, потому-что живо изображаетъ характеръ Гельголандцевъ, о которомъ читатели «Отца». Записки знаютъ уже изъ книги шиппера Гейцена («Отец. Записки. 1844 г., № 7»). Соображеніе ея слѣдующее:

Въ Ютландію, въ городъ Рибе или Рипецъ (это было въ XVI вѣкѣ) была легкая, стройная шкуна, подъ начальствомъ капитана Диркса, и привезла съ собою письмо къ ландохту барону Левандалю, отъ родныхъ его, жившихъ въ одномъ изъ ганзейскихъ городовъ; родственники эти утѣряли его, что онъ свободно можетъ доверить капитану Дирксу дочь свою, которую давно обѣщали отпустить къ нимъ. Ландохтъ соглашается и выводитъ дочь свою Бриггиту и сопутнику ея, Маргариту, на берегъ, у котораго гота щипокъ для переправленія ихъ на шкуну; здѣсь завязывается узелъ разсказа. Является молодой человекъ, съ бильно-загорѣлымъ, но красивымъ и мужественнымъ лицомъ, одѣтый въ бѣдное платье, и бросается къ ногамъ Бриггиты (это случилось съ предварительнаго согласія капитана Диркса, къ которому просился молодой человекъ на шкуну, сообщивъ ему посредствомъ третьяго лица какія-то таинственныя выраженія и тѣмъ убѣдивъ его принять его къ себѣ на судно) и умоляетъ ее выпросить ему у отца ея свободу, ради благополучнаго ея странствованія. Одежда его была похожа на костюмъ матросовъ и рыбаковъ Фрисландіи. Ландохтъ останавливаетъ его, грозитъ ему висѣлицею, какъ пирату, если онъ будетъ безпокоить дочь его своими просьбами. Гордо поднимается съ земли юноша и въ трогательныхъ словахъ описываетъ несчастія, которыя преслѣдовали его и довели до настоящаго плачевнаго состоянія.

«Замолчи, сказалъ ему ландохтъ, знаю васъ, Гельголандцевъ! Выглянуть деньги отъ корабельщиковъ, которые бѣдствуютъ, или допустить ихъ до гибели, чтобъ воспользоваться береговымъ правомъ — вотъ ваша дѣло. Вы нарочно привали власти-

тели съ своимъ герцога шлезвигтского; вамъ бы лучше хотѣлось остаться безъ начальниковъ. Крѣпость и подати для васъ все равно, что бѣлье на глазу, но еще больше тяготитъ васъ надзоръ, установленный надъ вами».

«Калдусъ Боговъ, вы правы, г. баронъ, только не въ томъ смыслѣ, какъ вы думаете!» гордо отвѣчала юноша, и голубые глаза его запылали. «Пусть герцога увеличиваютъ подати, если имѣеть на то право, но намъ ни для покровительства, ни для принужденія не нужна крѣпость, еще менѣе нуженъ надзоръ его. Мы живемъ на голыхъ скалахъ, посреди опаснаго моря, окруженные его яростнымъ волнобитіемъ. Каждый кусокъ пищи мы должны вырвать изъ челюсти океана; и никогда не утѣрять бѣдная жена, трепетная маляжка, ворочется ли съ добрымъ вѣхъ мужемъ отцомъ, дувшимъ вѣхъ на углы чуждой не провозвѣзанному морю, выбросятъ ли грезущія воды одинокъ раздробленный трюкъ его. Кто ежедневно при восходѣ солнца говоритъ, что онъ не знаетъ, увидитъ ли завтра его, и можетъ-быть еще до заката предстанетъ предъ великою Судію, можетъ ли тотъ жить злымъ мыслитъ? Нѣтъ, г. баронъ, утѣрю васъ, что вамъ не нужна ни крѣпости, ни надзоръ». «Возьмите же скалы пиши, жилища въ пещерахъ, поздравьтесь съ вашимъ семействомъ жившимъ, и вы скажете сами, что на этихъ обрѣженныхъ утесахъ, воздвигнутыхъ посреди моря, находится болѣе правдственности и справедливости, чѣмъ въ самыхъ роскошныхъ городахъ и замкахъ. Убѣжденіе въ истинѣ этого воспламеняетъ кровь нашу и волнуется сердце; когда насъ называютъ необузданными бродягами и хотятъ безъ всякой причины утѣрять насъ».

«А необходимость къ епителію, или безумныя требованія за помощь къ описанію, а образъ дѣтства вашего епископства береговаго права, — это также говорить въ пользу вашей честности? возразилъ снова ландохтъ, невольно-увлеченный жаромъ, съ которымъ объяснялся молодой человекъ.»

«Что осмѣлятся сказать, чтобъ Гельголандецъ замедлялъ когда-нибудь въ какую бы то ни было бурю, довериться рудю своей рыбацкѣй лодки, если только море еще можетъ держать ее?» воскликнулъ юноша. «Пусть востъ буря, пусть востъ востъ, но вы не можете безъ насъ, вы не можете безъ насъ, вы не можете безъ насъ».

горни, пусть кончатся двадцать раз тронуть нить гибели... пока только шлюпка вымучится рулю и только держится въ рутѣ, я буду съ одинокимъ мужествомъ валь на палубѣ кораблю, на мачтѣ котораго выставленъ сѣтвалъ бѣдствія; когда же я, послѣ борьбы съ моремъ, продолжавшейся нѣсколько часовъ, сто разъ гонимый потерять голову, войду наконецъ на корабль, и введу его по буюшному, вѣтлоу утесами моравъ въ рую пристаю, тогда я ввѣваю шву. спасеніа, я никто не можетъ сказать, что я сдѣлалъ-важно цѣну свою собственную жизнь.

Образъ мыслей и выраженія Гелголандца тронули сердце Бригитты, которая принялась упрашивать отца, чтобъ онъ освободилъ молодого человека; изъ ея просьбъ посредничилъ само и капитанъ Дириса, который объявилъ, что ему нуженъ лецманъ, потому-что его кормицкиъ ввѣстогъ. Наконецъ, ландохтъ согласился, и ювица тотчасъ же бросился въ шлюпку и прямо къ рулю; за нимъ послѣдовалъ капитанъ и обѣ женщины, и шлюпка какъ молнія понеслася по зыбкой волнѣ. Когда она приблизилась на шкуну, капитанъ тотчасъ же велѣлъ свѣтлса съ шора, и судно двинулось съ страшною быстротою. Эта скорость удивила нѣсколько Бригитту, а когда она спустилася въ каюту капитана, который изъ вѣжливости уступилъ еѣ лампѣ, то взоръ ея поразилъ множество оружія, которое она замѣтила на нижней палубѣ. Вскорѣ поднялось страшное безпокойство на шкунѣ: заиѣтала датскій крейсера, который догонялъ ее, и капитанъ употреблялъ всѣ усилія, дѣлалъ всѣ возможные маневры, чтобъ удалитъ отъ себя этого опаснаго, по-видимому, сосѣда; на замѣчаніе Бригитты, что болѣе нѣчего, потому-что Данія находилась въ то время въ союзѣ съ Ганзою, капитанъ, осыпавшій ее до-сихъ-поръ вѣжливостями, сухо отвѣчалъ, что женщинамъ наверху дѣлать нѣчего, и что лучше будетъ, если онѣ сойдутъ внизъ. Когда капитанъ удалился, то Генарикъ Ясперъ (имя Гелголандца) сказалъ вѣжливо словъ Бригиттѣ, предостерега

ее отъ грозящей опасности; приближеніе капитана заставило его замолчать, но онъ успѣлъ шепнуть ей, что вечеромъ еще увидится съ нею.

Когда удалились женщины, изъ разговора между капитаномъ и Ясперомъ открывается, что первый есть Вибенъ-Петеръ, знаменитый пиратъ Нѣмецкаго-Моря, и что онъ захватилъ шкуну капитана Дириса и назвалъ его именемъ, и что Ясперъ служилъ на кораблѣ другаго пирата, еще болѣе знаменитаго въ то время, Штокбекера, погнбшаго съ большею частію экипажа. Разговоръ этотъ довольно-живъ. Вибенъ-Петеръ совѣтуется съ Ясперомъ, какъ бы уйти отъ датскаго крейсера и высказываетъ планъ овладѣть Гелголандомъ; Ясперъ соглашается съ нимъ и предлагаетъ провести корабль между скалами и подводными камнями Гелголанда, передъ самую крѣпость, куда не осмѣлятся идти за ними воелный корабль. При наступленіи ночи, ему удается проскользнуть въ каюту дашъ — тамъ онъ обнаруживаетъ въ простыхъ, безискусственныхъ рѣчахъ впечатлѣніе, произведенное на него Бригиттою, и предлагаетъ спасти ее изъ рукъ кровожаднаго и сластолюбиваго Петера; планъ его слѣдующій: когда на другой день капитанъ пошлетъ ихъ двухъ въ крѣпость съ письмомъ ландохта (что онъ наиренъ сдѣлать, чтобъ обмануть бдительности стражи и внезапно овладѣть крѣпостью), то онъ, Ясперъ, задержитъ какъ-нибудь провожатыхъ, а онѣ, т. е. Бригитта и Маргарита, должны бѣжать какъ-можно-скорѣе въ крѣпость и тамъ найти себѣ убѣжище. Громкій крикъ капитана вызываетъ Яспера наверхъ. Между-тѣмъ, солнце сѣло и послѣ ираткой темноты взошла луна и блѣднымъ лучомъ озарила скалы и утесы сѣверовосточной части Гелголанда: туда поворотила шкуна и ушла отъ датскаго крейсера. Здѣсь начнается живая сцена.

«Гдѣ ты пропадаешь?» воскликнулъ капитанъ: «мы едва ушли отъ Датчанина, и вотъ наступаеа туманъ, который мо-

жеть быть пять опасеть. По моему мнѣнью, мы едва-ли три мили отъ Гелголандъ. Какъ ты думаешь?»

«Пустите меня къ рулю», холодно прервалъ его Гелголандецъ. «Я приведу васъ въ обѣщанное мѣсто. Голова моя вамъ порукою въ этомъ. Теперь велите только убавить парусовъ, потому-что излишняя предосторожность никогда не мѣшаетъ.»

«Съ величайшимъ хладнокровіемъ не говоря ни слова, схватился юноша за штурвалъ; взоръ его переходилъ непрерывно отъ освѣщеннаго компаса къ бугшприту корабля, бѣгъ котораго, по убавленіи парусовъ, все уменьшался. Минѣе часа прошли они, когда молодой человекъ воскликнулъ громовымъ голосомъ: «Человѣка на бакъ съ лотомъ.»

Капитанъ Диркъ съспѣшилъ самъ въ назначенное мѣсто въ сопровожденіи одного стараго матроса. Въ нѣсколько минутъ увидѣлъ онъ мѣсто, гдѣ вода казалась безпокойнѣе, и страшно плескались буруны. Длинная линия бѣлой пѣны, по игновеніямъ, то покрывавшаяся мракомъ, то снова выходящая изъ темноты, показалась на отдаленіи пушечнаго выстрѣла отъ корабля, гдѣ она сливалась съ морскимъ туманомъ.

«Бросай лотъ!» загремѣлъ голосъ Гендрика. — Пятнадцать! двѣнадцать! десять! — отвѣчала матросъ въ краткихъ промежуткахъ.

Кава произнесено было послѣднее число, какъ Гелголандецъ съ силою повернулъ руль на нѣсколько плавотъ. Шкуна остановилась, слегка наклонилась на бокъ и чрезъ нѣсколько минутъ скользнула по такому мѣсту, гдѣ море казалось клокочущимъ котломъ. По-видимому, вода здѣсь имѣла страшную глубину, волны ходили горами, и крѣпкій западный вѣтеръ обдавалъ брызгами шкуну до самыхъ шканцевъ.

Какъ статуя, безопасно положила руку на штурвалъ, стоялъ неподвижный Гелголандецъ. Луна по-временамъ освѣщала его прекрасное, мужественное лицо, выражавшее спокойную мечту. Внезапно онъ вспрыгнулъ: «Бросай лотъ!» воскликнулъ онъ снова.

Предъидущая сцена повторилась, но клокочущее взволнованное мѣсто моря осталось теперь по другую сторону шкуны. Чрезъ полчаса, судно, сколько допускалъ видѣть лунный свѣтъ, находилось посреди мѣста, нами описанныхъ. Какъ черная, тамъ-и-

слыть расширяющаяся, потомъ суживавшаяся полоса, лежалъ водный путь, по которому скользила шкуна. Безпокойно переходилъ капитанъ Диркъ съ лѣваго борта на правый, и останавливался на минуту у бугшприта. Пиратамъ казался необыкновенно-опаснымъ путь, по которому они плыли и почти весь экипажъ толмился на югъ. Большая часть его стояла ухватившись за борты и смотрѣла на мощныя пирамиды пѣны и воды, которыя поднимала яростная стихія не далѣе какъ на ружейный выстрѣлъ отъ шкуны; на мигу упали они; и потомъ поднимались снова. Море не представляло уже, какъ прежде, длинной бѣлой полосы: оно все было покрыто пѣныстыми клокочущими валами, которые бурно сталкивались другъ съ другомъ. Капитанъ Диркъ стояновилъ все безпокойнѣе и безпокойнѣе, и матросы перешивались другъ съ другомъ; одинъ Гелголандецъ спокойно стоялъ у руля, и медъ управленіемъ его скользила «Стрѣла» (имя шкуны) на гребнѣ волнъ, легко, хотя на право и на лѣво, зила пропасти, готовыя уничтожить слабое судно.

Около двухъ часовъ плыло оно такимъ образомъ и опасность потопленія между безчисленными островерхию скалами, о которыя съ ревомъ разбивался прибой, то увеличивалась; то уменьшалась. Когда опасность крушенія была грознѣе, то капитанъ приближался къ рулю, лицо его было мрачно, какъ ночь, и дико, какъ море, плескавшее въ шкуну, а правая рука крѣпко держалась за пистолеть, бывший у него за поясомъ.

Долго длилось это плаваніе; мѣсяцъ выплылъ изъ облаковъ, и свѣтъ его вдругъ озарилъ всю описанную нами сцену. Какъ далеко только могло простираться зрѣніе, повсюду видѣлось дивными линіями страшное пѣныстое волненіе, изрѣдка немногія полосы спокойной воды.

«Никто на свѣтъ», сказалъ Петеръ мрачно Гелголандцу, когда шкуна не была въ слишкомъ-опасномъ положеніи: «никто на свѣтъ не запомитъ меня въ это мѣсто въ другой разъ! Я думаю, хорошо бы было держаться на югъ; тамъ, кажется, путь свободнѣе.»

«Свѣтъ, это не годится», холодно отвѣчалъ Гелголандецъ. «Если вѣтеръ повернетъ такъ, что мы на одну черту выйдемъ изъ линіи бейденнада, то мы прощамъ, потому-что сидеть на мѣстѣ: и море-

ну, широкъ, берегитесь спускаться на правую галѣю.»

«Если ты благополучно приведешь насъ къ мѣсту, то я похваляю тебя!» сказалъ капитанъ, покачивая головою.

«Я знаю мою дорогу, и спокойно доверюсь моей рукѣ!» отвѣчалъ доцманъ. «Потому-что въторъ, лодъ и лагъ не дѣйствительны: намъ остается только совѣтоваться съ глазами, а тамъ лежатъ Гелголандъ.»

Капитанъ быстро устремилъ свой взоръ къ югу, потомъ вздохнулъ такъ глубоко, какъ-будто бы гора упала у него съ груди. Дѣйствительно, при свѣтѣ луны, которая въ эту минуту не скрывалась за облаками, предъ ними воздымался высокій утесистый островъ, подобно огромному зданію, вышедшему изъ нѣдръ океана. Все тихо и осторожно двинула «Стрѣла» къ югу, все ближе становился островъ, который при лунномъ сіяніи казался еще огромнѣе и колоссальнѣе. Последнія скалы пройдены, и слышадся уже ревъ прибой (то было время прилива), ударявшагося о скалистые берега сѣверной части Гелголандъ.

«Изготовить якорь», радостно возглашалъ Пееръ, когда шкуна была на душещипливый выстрѣлъ отъ берега. «Вотъ это называется править рулемъ!» сказалъ онъ Гендрику, протягивая ему руку: «ты заслуживаешь званіе чернаго доцмана на лучшемъ трехмачтовомъ кораблѣ. Мы выжили посреди лабиринта утесовъ, гдѣ все бушевало и хлопотало какъ въ адѣ, а человекъ управлялъ шкуною, и она, какъ танцовщица, пролѣзла между всѣми изгибами. Скажи мнѣ, доцманъ-дьяволъ, уже ли ты задохъ...»

Съ какою-то ироническою улыбкою слушалъ похвалы этотъ Гелголандецъ, потомъ бросилъ бѣлый взглядъ на берега и вдругъ закричалъ: «Дюлей на брассы! убрать нарусъ!»

Но прежде, чѣмъ исполненъ былъ предписанный маневръ, шкуна ударилась о мель съ такой силой, что затрещали всѣ обшивы судна, и мачты едва устояли на мѣстѣ.

«Смерть и дьяволы!» заревѣлъ капитанъ: «сначала столько искусства, а теперь у берега посадила на мель. Съ ума что ли ты сошелъ?»

Ясперъ извринился какъ мотъ, складывая вину на приливъ, который онъ не призналъ въ расчетъ; капитанъ

осыпалъ его проклятіями, но по положенію судна доволенъ былъ, что онъ въ безопасности отъ преслѣдованій и свободно можетъ починяться. Для приведенія въ исполненіе плана, онъ сначала послалъ въ коменданту «Красной Крѣпости» (такъ называлось укрѣпленіе на Гелголандѣ) человека съ шестомъ отъ ландфохта. Получивъ благоприятный отвѣтъ, онъ велѣлъ восьми человекамъ, въ числѣ которыхъ былъ Ясперъ, сѣсть въ шлюпку, отвезти дамъ на берегъ и въ извѣстномъ разстояніи отъ крѣпости ожидать его прибытія. Такъ и случилось; но когда шлюпки остановились подождать капитана, Ясперъ требовалъ, чтобы они шли далѣе; между ними завязался споръ, и Гелголандецъ, вынувъ свой ножъ и закричавъ дамамъ: «спасайтесь!», бросился одинъ на всю команду; трое отирались преслѣдовать женщинъ. Маргарита спускалась въ крѣпость, но дочь Лесовалла упала и была захвачена шатресами.

Страшно бился Ясперъ съ своими противниками, но наконецъ побѣждалъ только смѣлымъ прыжкомъ черезъ пропасть избѣгнувъ неминуемой смерти.

Къ мѣсту назначенія прибылъ Вибенъ-Пееръ и, видя случившееся, заперся въ церкви и требовалъ отъ жителей, чтобы они снабдили его провіантомъ, пока не починится его шкуна, — а для этого нужно было четыре дня — и добрые Гелголандцы позволили дѣлать ему все, что онъ хотѣлъ. Тѣ же четыре дня срока далъ пиратъ Бригиттѣ, предлагая ей свою руку, или, въ случаѣ несогласія, обѣщая ее передать въ собственность своей команды. Когда уже онъ стоялъ съ нею предъ алтаремъ, явился Ясперъ съ отрядомъ войска, которое успѣлъ выхлопотать на твердой землѣ, — началась кровавая сѣча и кончилась низложеніемъ пиратовъ и смертію Яспера и Вибена-Пеера.

Бригитта облила слезами (что и слѣдовало сдѣлать по долгу благодарности) могилу безстрашнаго Гелголандца и отправилась къ отцу — тѣмъ и окончъ

чивается гелголандская повесть. Читатели видят, что въ содержаніи ея нѣтъ ничего новаго: такъ часто являлись въ романахъ и повѣстяхъ кровожадные пираты, утѣсенныя героини и ихъ освободители, но повторимъ снова: мы съ намѣреніемъ выписали содержаніе разсказа и двѣ сцены, чтобъ оправдать слова наши, что разсказъ живъ, и что повѣсти альманаха «Lilien» читаются безъ скуки.

GEDENKE MEIN! *Taschenbuch für 1845. Wien und Leipzig* (Вспомни обо мнѣ! Альманахъ на 1845 годъ. Вѣна и Лейпцигъ).

Альманахъ—нѣжный, какъ и его названіе, наполненный нѣжными стихами, нѣжными повѣстями и хорошевыми гравюрами; въ числѣ ихъ находится и портретъ какого-то г. Франкла съ его собственною біографіею и письмомъ къ редактору, въ которомъ онъ очень нѣжно объясняетъ, что посвящаетъ изображеніе своего лица прекраснымъ, которымъ служить всю свою жизнь, которыхъ любилъ всею душою, и которыхъ, какъ онъ надеется, съ радостію примутъ его къ себѣ и будутъ ласкаться его повстанескою наружностію. Желаямъ ему успѣха!

За симъ, чтобъ кончить съ нѣжными альманахами на 1845 годъ, укажемъ еще три:

1) *RHEINISCHES TASCHENBUCH auf das Jahr 1845, herausgegeben von C. Brähler-Manfred* (Рейнскій Альманахъ на 1845 годъ, издаваемый К. Дрекслеромъ-Манфредомъ). Франкфуртъ-на-Майнѣ.

Въ началѣ этого альманаха, подъ названіемъ «Miniatur Salon», находится десять гравюръ, которыя не такъ хороши, какъ въ предыдущихъ альманахахъ, но интереснѣе тѣмъ, что представляютъ снимки съ картинъ нѣкоторыхъ германскихъ живописцевъ, съ приложеніемъ краткаго описанія ихъ; сверхъ-того, тутъ же находится портретъ живописца Овербека и краткая его біографія. Далѣе слѣдуютъ три повѣсти: 1) «Fürst von Tarent», Эдуарда Дюллера, 2) «Ein Traum in Spessart», Готфрида Кинкеля, 3) «Der Tonnenleger», Гедриха Шмита, и потомъ «Литературныя рейнскія письма различнаго содержанія» Теодора Крейцената. По-

вѣсти вообще довольно-сухи, и содержаніе ихъ пошло; лучшая изъ нихъ—повѣсть Шмита, наполненная морскими сценами: ее еще можно прочесть; письма рейнскія заключаются въ равныхъ литературныхъ воспоминаніяхъ, болѣею частью всѣмъ извѣстныхъ; по-этому, мы освобождаемъ читателей отъ разсказа ихъ содержанія. Кромѣ того, въ «Рейнскомъ Альманахѣ» есть много стиховъ различнаго содержанія и различныхъ поэтовъ, имена которыхъ совершенно неизвѣстны, за исключеніемъ Фрейлиграта, который здѣсь помѣстилъ довольно-посредственное стихотвореніе *Vom Harte*

2) *Urania. Taschenbuch auf das Jahr 1845* (Уранія, альманахъ на 1845 годъ). Лейпцигъ.

Альманахъ безъ картинокъ, неотличающийся великолѣпнѣе изданія и содержаній въ себѣ четыре повѣсти: 1) «Eduard Montague», соч. Теодора Мюрге; 2) «Selbsttaufe», соч. Карла Гуткова, 3) «Die Luisenhütte», Вильгельма Мартелла, 4) «Scholastica», соч. А. Штерберга.

Первая повѣсть принадлежитъ г. Мюрге, известному въ германской литературѣ путешественнику своимъ по Швеции и Норвегии; въ ней читается съ удовольствіемъ и напоминаетъ собою американскіе романы Купера; живо и отчетливо очерчены въ ней мѣстность Ямайки и характеръ негровъ-Мароновъ, потерпѣвшихъ конечное истребленіе.

Вторая повѣсть содержанія довольно-истертаго, какъ и всѣ повѣсти г. Гуткова, который ежегодно является въ альманахахъ; впрочемъ, она сентиментальна, нѣжна, такъ же, какъ и двѣ слѣдующія двѣ повѣсти.

3) *VIELLEBESSEN. Historisch-antiquarisches Taschenbuch für 1845, von Berndt Guseck*.

Этотъ альманахъ читается только тамъ, въ прекраснѣйшихъ картинкахъ; въ немъ содержится много хорошаго и интереснаго, потому что въ немъ есть прекрасная повѣсть г. Мюрге, подъ названіемъ его повѣстей: «Kreuzfahrt», «Camilla», «Sanudo» и «der schwarze Starost» — всѣ три произведенія принадлежатъ издателю и всѣ три нѣко посредственныя.

VIII.

С И В С Ъ.

БИОГРАФИИ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

I.

ЖЕРЦЕЛЮСЪ.

На одна наука, въ столь короткое время, не сдѣлала такихъ изумительныхъ успѣховъ, какъ химія. До конца XVII вѣка, химія не была еще наукою. Въ продолженіи тысячи лѣтъ, наслѣдствіемъ, предпринимавшя отдѣльно, безъ системы, и часто подъ вліаніемъ причудливыхъ фантазій воображенія, фармацевтическія труды арабскихъ врачей и опыты алхимиковъ среднихъ вѣковъ, сдѣлавшихся отыскать философскій камень, привели къ открытію большого числа химическихъ тѣлъ и некоторыхъ изъ нихъ соединеній. Въ послѣдствіи, благотворное направленіе, данное ученымъ исследованіямъ

обими Беконами, Декартомъ, Лейбницемъ и Галлеемъ, освободивъ умы отъ ига устарѣлыхъ повятій, сдѣлавъ господствующимъ то правило, что одинъ опытъ долженъ руководить наблюдателя въ изученіи явленій природы, открыло широкое поприще опытной физикѣ; но химія собственно не выиграла ничего отъ этого движенія, кромѣ возможности освободить уже полученные результаты отъ толстой коры заблужденій, такъ-что, въ то время, какъ уже значительно развились другія опытные науки, наука о внутреннемъ свойствѣ тѣлъ и ихъ взаимномъ дѣйствіи другъ на друга представляла только безпорядочную смѣсь отдѣльныхъ фактовъ, безъ взаимной связи, безъ общаго основанія, безъ единства, безъ закона, пока, наконецъ, знаменитый прусскій химикъ, Шталь, при помощи трудовъ некоторыхъ своихъ предшественниковъ, въ особенности Бехера, не придумалъ системы для объясненія и приведенія въ стройный порядокъ всѣхъ фактовъ извѣстныхъ. Теорія эта, отбросивъ схоластическія элементы, раздѣляла тѣла на простые

и сложныя, поставила металлы между тѣлами сложными, а земли ихъ, то, что мы называемъ теперь ихъ окислами, состояли, напротивъ, элементъ. Для того, чтобъ перейти изъ состоянія землястаго въ металлическое, или изъ металлическаго въ землястое, металлы, по мнѣнію этой теоріи, поглощали или освобождали горючее начало, — начало универсальное, поображаемое, названное флогистономъ. Шталъ такъ хорошо согласилъ свою теорію со всѣми тогда-извѣстными фактами, что, не смотря на частыя опроверженія ея новыми открытіями, самыя опытные химики держались ея въ продолженіе почти шестидесяти лѣтъ, пока, наконецъ, труды Шееля въ Швеціи, Пристлея въ Англіи и Лавуазье во Франціи не дали наукѣ новаго вида и не открыли химіи обширнаго поприща, по которому она идетъ теперь исполняскими шагами.

Еще за долго до нихъ, мало-извѣстный перигорскій врачъ, Жанъ Рей, напалъ на мысль взвѣшивать металлы прежде и послѣ ихъ обжиганія; онъ узналъ, что, будучи обожжены, металлы не только не уменьшаются, но увеличиваются въ вѣсѣ, изъ чего онъ и заключилъ, что при обжиганіи не только не происходитъ освобожденія мнимаго флогистона, но напротивъ совершается поглощеніе металломъ какого-то особеннаго начала изъ воздуха. Ученые стали заниматься изслѣдованіемъ состава воздуха и изученіемъ газовъ, которые излучились они собирать и различать одна отъ другаго; вскорѣ Лавуазье, пользуясь предшествовавшими изслѣдованіями, доказавъ, что обжиганіе и всякое горѣніе есть пронаведеніе соединенія тѣла съ особеннымъ элементомъ воздуха. Этотъ элементъ онъ находилъ вездѣ; въ воздухѣ постоянно (air fixe), который происходитъ отъ соединенія того элемента съ углеродомъ, въ водѣ, которая происходитъ отъ соединенія его съ горючимъ воздухомъ, въ большей части минеральныхъ, растительныхъ и животныхъ субстанцій,

въ явленіяхъ теплоты, въ образованіи кислотъ, въ дыханіи животныхъ, и онъ назначилъ этому *жизненному элементу* (air vital), главному агенту химіи, названному имъ оксигеномъ, кислородомъ, главную роль во всѣхъ явленіяхъ природы и искусства.

Новая химія была создана и основана на массѣ новыхъ фактовъ; надлежало составить изъ нея цѣлое — науку, и съ этой-то цѣлю Лавуазье, при помощи Гюйтон-Морво и другихъ ученыхъ, составилъ номенклатуру для означенія разныхъ химическихъ составовъ, по процессу соединенія, дознанному новейшими открытіями. «Заступивъ мѣсто», говоритъ Кювье, «странныхъ и таинственныхъ терминовъ, которые прежняя химія заимствовала отъ алхиміи, эта терминологія простая, ясная, выражавшая въ названіяхъ, нѣкоторымъ образомъ, самыя опредѣленія, могущественно содѣйствовала распространенію новаго ученія».

Эта ученая революція, ~~фактомъ~~ сопротивленія со стороны умовъ, немогшихъ отстать отъ старинны, быстро распространилась по Европѣ, и скоро химія оказала менновѣрные успѣхи; открытія быстро слѣдовали за открытіями, и почти всѣ отрасли химическихъ наукъ испытали благотворное вліяніе этого новаго свѣтла, взшедшаго на горизонтъ. Признанная къ наученію состава атмосферы, химія даетъ ключъ къ объясненію законовъ и переменъ, которыми происходятъ этотъ составъ; вѣтры, росы, дожди, градъ, снѣгъ и всѣ метеорологическія явленія представляются въ видѣ огромнаго и непрерывнаго труда соединенія и разложенія, причины и результаты котораго химія открываетъ и анализируетъ. Признанная къ минералогіи, она научаетъ открывать, распознавать, различать разные субстанціи, изъ которыхъ состоитъ земной шаръ, и приспособлять ихъ къ тому употребленію, къ которому онъ способенъ; она управляетъ классификаціей и вѣстимостью минералогіи.

Применяя къ животной экономіи и къ производству; она начертываетъ ходъ растительности; разлагаетъ продукты растеній для того, чтобы узнать порядокъ ихъ составленія, старается объяснить ихъ внутреннюю природу, изъ отношенія; изучаетъ улучшеніе земель посредствомъ приличныхъ прикѣсовъ, выдѣляетъ разные роды навоза и готовится современно съвѣщаться самою надежною руководителницею земледѣлія.

Применяя къ животной экономіи, она изслѣдываетъ начала живыхъ тѣлъ и неутомимо старается разгадать великую загадку жизни. Применяя къ гегенъ и медицинѣ, она обнимаетъ все, что относится до очищенія воздуха, пищи, напитковъ, до приготовления и употребленія лекарствъ и управленія, въ большей части случаевъ, дѣятелія судебной медицины. Применяя къ промышленности, химія произвела, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе полвѣка, значительную перемену почти во всѣхъ промышленныхъ производствахъ: добываніе металловъ, ихъ очищеніе, составленіе изъ нихъ разныхъ лигатуръ, ихъ обжиганіе, выдѣла стекла, фарфора, кожанное, красильное производствъ, бѣленіе, тканіе, выдѣла вина и сахара, обжиганіе гонимъ, извращеніе посредствомъ протъ; но въ которыхъ металлы служатъ къ такой пользѣ, изобрѣтеніе безопытной лампы для рудоконной лампы, искусство, живописаніе, дистиллированіе, превращеніе въ безопытныхъ или вредныхъ продуктовъ въ порошокъ, — словомъ, почти всѣ производенія промышленности нашин въ нынѣшней химіи свои источники, свои основы, свои точки опоры.

Между ученыхъ современнѣйшихъ; которые наиболее способствовали вѣстную обшарану развитію химіи, и которые обшарану ей своей славою; первое мѣсто занимаетъ знаменитый Шведъ, — Берцеліусъ. Въ продолженіи болѣе тридцати лѣтъ; онъ неутомимо ста-

рабоя расширять оборудованій, воснагавъ исключительно химія качества рѣдко односъ другими соединяющіася; провинциальность столько же живую, столько же неутомимую, сколько гора пѣвную иосторожную, особенноее; нуо ясность ума, кельность, върасотъ; руки при опытахъ, которые достигали; практическимъ его результатамъ характеръ несомнѣнности, временный единогласно въ ученонъ мѣрѣ. Не то; воря уже объ отаратіяхъ его, которые почти столь же многочисленны; какъ и теорій его, въ Европѣ; въ продолженіи тридцати лѣтъ, не было произведено ни одного хотя сколько-нибудь важнаго опыта, который бы не былъ повторенъ имъ, подтвержденъ; поправленъ или опровергнутъ.

Іаковъ Берцеліусъ, возведенный въ послѣдствіи королемъ Карломъ XIV въ баронское достоинство; родился въ 1779 году отъ мѣщанской фамиліи, въ шведскомъ городѣ Линчепингѣ, главномъ городѣ губерніи того же имени, образованной изъ прежней провинціи Остготліи. Родители назначили его въ сословіе врачей и послали въ Упсальскій Унивѣрситетъ; такъ-какъ химія входила въ составъ его университетскаго курса, то онъ долженъ былъ заняться ею подъ руководствомъ Аепеліуса, преподававшего эту науку въ Упсальѣ. Въ то время, какъ и теперь, студенты шведскихъ университетовъ; послѣ публичнаго курса; допускаемы были въ лабораторію для практическихъ занятій. Какъ скоро молодой Берцеліусъ началъ изучать химію, онъ отправился, вмѣстѣ съ другими, въ лабораторію, обнаруживая сильное любопытство и нетерпѣніе произвести какой-нибудь опытъ, въ особенности опыты интересныя и трудныя. Аепеліусъ, не слишкомъ полагаясь на его ловкость, поручилъ ему дѣла самое простое — приготовить желтый шафранъ (Crocus Martii); тотъ бытъ; растопитъ сѣрнистокъ желѣзо въ плавленномъ горшкѣ; и когда Берцеліусъ выразилъ свое неудовольствіе;

что ему поручена такая трудная работа, профессор обещал дать ему в другой раз такую-нибудь работу по интересу; когда же настала эта пора, ему поручили ему приготовить в том же самом плавильном горшке кремортартр для приготовления флюака пали.

«Я была так довольна: говорит Берцелиус в рассказе одного английского путешественника, помещенном в «Edinburgh philosophical Review», «я была так довольна отсутствием интереса в подобных опытах, что решился попросить больше поручить мне опытов. Впрочем, я продолжал посвящать лабораторию, даже делал некоторые препараты; но Апендлицу от его лаборанту, Вальбергу, весьма мне нравилось то, что работал почти «я никогда не делал мне никаких вопросов; я старался объяснить себе эти вопросы чужими, размышляя сам, опытами и не хотел обращаться к людям, которые, сами не зная практических понятий, давали мне, если не уклончивые, но крайней мере неудовлетворительные ответы о зеленых, черных и других веществах только изловчиву. — Химия в то время, в Упсале, состояла еще из массы неопределенных, темных, часто противоречащих идей, которая кое-как свивалась была одна с другою, при помощи плетень и фантастических химер, и эта наука была так мало уважаема, что никто не думал заниматься ею для себя самой; между тем, великий опыт увеличивал энтузиазм Берцелиус' любовью к этой науке, и усердие, настойчивость, с которого он старался разрешать трудные вопросы, обратили на него внимание профессора и его товарищей, — так что когда, желая курс, он отправился в Стокгольм, то получил там звание адъюкта при профессор Спармане, который занимал тогда кафедру медицины в университете; по смерти же его, в 1806 году, сам занял его кафедру. В Стокгольме, по медицинско-

му факультету, было тогда только три профессора; потому каждая из них преподавала несколько наук; на долю Берцелиуса достались медицина, ботаника и химическая фармакия. Впоследствии, по учреждении других кафедр, молодой профессор мог ограничиться преподаванием одной химической фармакии; чрез два года, он начал, вместе с курсом фармакии, и курс собственно так называемой химии и между тем, вая его медицинские лекции имели значительный успех, курс химии сначала имел весьма мало слушателей. В то время, в Швеции было обыкновение читать лекции не разнообразя их никакими опытами, и этот способ преподавания был столько же употреблен для профессора, сколько случает для слушателей. Уже гораздо позже, именно в 1812 году, во время поездки в Лондон, получив от одного английского профессора самосок опытов, которые тот преподавал на своих лекциях, Берцелиус повторил эти опыты на своих лекциях, значительно увеличил число их, и этот увеличенный курс самосок был скоро принят во многих университетах Швеции.

Обогатясь таким образом опытом, лекции Берцелиуса, сделавшись удобоваримыми, скоро вошли в моду, и загла, где читалась медицина, стала пустить, а химический его институт не мог выдержать в себя новых слушателей.

Впрочем, профессорские занятия были уже для Берцелиуса занятием посторонним, прибавочным. Великая теория, давшая новый взгляд химии, возбуждала ему сильное желание сотрудничать с ее развита, и уже великая открытая указывала на него ученому миру: В 1808 году, вместе с другими химиками, другом своим, Гюбнером, исследывая минерал, найденный в шведских рудниках, он открыл в нем один новый металл, порождая

возлежалъ, что не имѣя открытой въ то время плазмы Цереры. Изобрѣженіе Вольгео гальваническаго столба заставило его наблюдать заміну этого света агонія на различныхъ тѣлахъ, и открытъ, что гальваническій столбъ имѣетъ способность разлагать соли. Берцеліусъ в. Гмелінегъ приготовили лессиво отартиръ Дани — разложившіе лессиво тѣлами, которые до-тѣхъ-порѣ считались были простыми тѣлами. Изъ этого открытія наука должна была извлечь выгоды важныя.

Данъ теорія предположи тогда въ области химіи: одна предполагала материальную способность въ соединеніи въ безпрѣдѣльномъ количествѣ; другая, теорія Прудеа, допускала только возможность двухъ соединеній между одними и тѣми же тѣлами. Исследования Берцеліуса подтвердили мысли Прудеа, и позволило распространить ихъ, и теорія его анализъ почти-бесчисленнаго единства сложнаго тѣла была для науки однимъ изъ лучшихъ ея приобретеній. Докторъ всѣ труды предшественниковъ, производя свои опыты съ неизвѣстною доголѣ точностью, онъ бесчисленными анализами доказалъ законы, господствующіе, при химическихъ соединеніяхъ, которые доволѣ до неузнаваемой простоты.

Узнавъ, какъ слѣдуетъ, эти законы, можно было повѣрять результаты анализа, предвидѣть даже множество соединеній еще неизвѣстныхъ, и соблюдать во всѣхъ опытахъ такую точность, которой возможности даже не было предвидѣть до того времени. Не ограничивая приложенія этихъ законовъ только сложными тѣлами, которыми доволѣ составляла химія, Берцеліусъ скоро доставилъ минералогіи средства, узнать ученымъ образомъ большаю часть веществъ, представляемыхъ ей природою, и которые до-тѣхъ-порѣ не могли быть введены въ истинно-ученую классификацію. Берцеліусъ такъ-тѣсно соединилъ обѣ эти науки, что извѣстіе минералогъ не могло

уже быть отдѣлено отъ изученія химіи.

Невозможно, не входить въ слишкомъ-мелкія подробности, исчислять одинъ названія всѣхъ ученыхъ менуаровъ Берцеліуса; мало химиковъ, которые издали бы такое множество ихъ; однако можно указать тѣла, надъ которыми бы онъ не дѣлалъ опытовъ, и каждый изъ его менуаровъ заключаетъ въ себѣ или новую методу, или какое-нибудь усовершенствіе извѣстныхъ предсговъ, иишущее полезное для науки примѣненіе. Послеъ того, какъ Берцеліусъ представлялъ порою предсговъ точнаго анализа, многие ученые заминались этому важному отраслю химіи; но методу Берцеліуса далеко превосходить все, что было сдѣлано въ этомъ родѣ. Шведскіе химики, изъ числа которыхъ особенно можно указать на Гальма, сдѣлали истинно-драгоценное употребленіе изъ назанной трубки для исследования минералогъ; этотъ инструментъ сдѣлали въ рукахъ Берцеліуса самымъ гнрнымъ средствомъ для анализирования неорганическихъ тѣлъ. Въ сочиненіи объ этомъ инструментѣ (*), онъ показавъ всю пользу, какую можно извлечь изъ его употребленія. Кромеъ множества сочиненій о силіциі и силициі, которые были открыты имъ, о лимонѣ, открытыи его ученикомъ Арведсономъ, о пренерціональныхъ количествахъ сѣры въ снрныхъ и снрнстыхъ соединеніяхъ, о свойствахъ колысрашевой кислоты, открытой Шеллеъ, о землѣ, открытой Смитсонъ-Тампсонъ, о свойствахъ вѣгата, обѣ относителамъ пропорціи: оснрнныкъ началъ воды, о кислородной кислотѣ, о термита, о спойстванъ телурія, о лантанѣ, о новыхъ металлахъ, познано открытыи Мозандромъ, о ррѣхъ множества лебелачныхъ

(*) De l'emploi du chalumeau dans les analyses chimiques et les déterminations minéralogiques, traduit du suédois par Fossécol. Paris, 1841.

журналовъ, помещенныхъ въ «Летописи Успѣховъ Физическихъ Наукъ», издаваемой подъ его распоряженіемъ въ Стокгольмѣ, Берцеліусъ издалъ два сочиненія, заслуживающія особенное упоминаніе: «Полный Трактатъ Химіи», вышедшій въ Швецію въ 1825 году, переведенный на англійскій и нѣмецкій языки, и наконецъ, въ 1829 году, переведенный на французскій, въ Парижѣ, подъ надзоромъ самого автора, гг. Журдановъ и Эслингеровъ. Упрекаютъ это сочиненіе въ излишней подробности; дѣйствительно, это самый вѣрный и полный сборникъ всѣхъ фактовъ, доселѣ извѣстныхъ въ наукѣ, и недостатокъ, въ которомъ его упрекаютъ, есть достоинство его, которое дѣлаетъ чтеніе его равно полезнымъ для ученыхъ и учащихся.

Другое особенно-важное сочиненіе Берцеліуса есть его «Опытъ теоріи химическихъ пропорцій и химическаго вліянія электричества». Это сочиненіе, въ которомъ авторъ рассуждаетъ о соединеніи самыхъ мелкихъ частицъ тѣлъ или атомовъ однихъ съ другими для образованія сложныхъ тѣлъ, заключаетъ въ себѣ основаніе многочисленныхъ изслѣдованій Берцеліуса по части органической химіи, къ изученію которой онъ примѣнялъ электрохимическія идеи, руководившія его при наблюденіи способа соединенія вѣснннгого природы неорганической.

Химическое изученіе органической природы, говоритъ Берцеліусъ въ академическомъ донесеніи, обнаруженномъ четыре года назадъ: «сдѣлалось одною изъ любимыхъ и самыхъ отдаленныхъ областей естественныхъ наукъ». Это излученіе, въ слѣдствіе слабаго развитія идей, оставившее долгое время въ невѣдомствѣ, сдѣлалось вдругъ, по своимъ непрерывно-возрастающимъ успѣхамъ, однимъ изъ тѣхъ предметовъ, которые наиболѣе занимаютъ вниманіе многихъ химиковъ. Успѣхи его были чрезвычайны, и приобрѣтенія науки, въ послѣднія десять или двѣнадцать

лѣтъ, по этой части были таковы, что нынѣ органическая химія гораздо обширнѣе и пространнѣе химіи неорганической. Между тѣмъ, сколько еще извѣстныхъ органическихъ тѣлъ, которыхъ не анализированы, сколько открытій можно сдѣлать среди тѣхъ еще неизвѣстныхъ! Показавъ, какъ трудна эта часть науки, изслѣдывающія законы, по которымъ элементы соединяются въ тѣла органическія, подвѣляемъ столь многосложныхъ и разнообразныхъ явленій жизни, Берцеліусъ высказываетъ мнѣніе, что вѣрнѣйшее средство — идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, въ силу начала, выраженнаго имъ въ слѣдующихъ словахъ: «Примѣненіе извѣстныхъ намъ вѣснннгого въ способѣ соединенія элементовъ неорганической природы къ соединеніямъ природы органической глужитъ нитью, посредствомъ которой мы можемъ дойти до точнаго и послѣдствительнаго объясненія, какимъ образомъ составляются тѣла, подчинившія вліянію жизненныхъ отравленій».

Такъ-какъ электрохимическія идеи, по которымъ частицы простыхъ тѣлъ замѣщаются одна другою, слѣдуя своему порядку въ электрической, своей составили основаніе изслѣдованій Берцеліуса и находились въ некоторыхъ пунктахъ въ противорѣчій съ теоріею замѣнений (theorie des substitutions), развитою въ новѣйшее время однимъ изъ знаменитыхъ французскихъ химиковъ, Дюма, то между этими двумя учеными возникъ споръ, результатъ котораго, по мнѣнію Дюма, долженъ былъ испровергнуть всю электрическую теорію Берцеліуса.

Не имѣя возможности и не желая входить въ подробности этого спора, въ которомъ ни мы не можемъ, ни большая часть нашихъ читателей не можетъ быть судьей, — считаемъ, однако, своимъ долгомъ изложить спорный вопросъ и представить заключеніе той и другой стороны.

«Что должно разумѣть подъ словомъ: теорія замѣненій?» говоритъ Дюма.

Несомненно дѣла — правда — увидѣн, что органическая водородная субстанція, подверженная дѣйствию кислорода, хлора, брома или йода и терпящая дѣлу вліяніемъ дѣлъ водородъ, почти всегда принимаетъ такое количество кислорода, хлора, брома или йода, которое равно количеству дотеряваемаго дѣла водорода. Въ большей части случаевъ, хлоръ, вслѣдующій такимъ образомъ въ новый продуктъ, терчетъ свое характеристическія свойства. Такъ, когда кориандровое масло (олеумъ синантими) насыщается хлоромъ, оно терчетъ восемь объемовъ водорода, принимаетъ восемь объемовъ хлора и производитъ такимъ образомъ новое сложное тѣло, въ которомъ присутствіе хлора можно узнать только посредствомъ совершающаго разлрженія его на неорганическіе элементы; это же правдою получило названіе теоріи замѣненій. Отвергать существованіе этого отношенія между водородомъ, который освобождается, и хлоромъ, заступающимъ его мѣсто, значило бы отвергать фактъ очевидный; потому что не на эту точку зрѣнія свалъ Верцелиусъ; чтобы опровергнуть эту теорію. Онъ допускаетъ фактъ, разумеется; какъ частный случай, теорію эквивалентовъ. Въ этомъ отношеніи, они раздѣляетъ мнѣніе, которое не разъ высказывалось было въ Германіи; и, впрочемъ, что теорія эквивалентовъ достаточна для объясненія того, какимъ образомъ водородъ замѣняется своимъ эквивалентомъ — хлоромъ или кислородомъ. Не могу сказать, кто первый употребилъ это возраженіе противъ теоріи замѣненій; но никогда я не думалъ, чтобы оно произвело какое-либо впечатлѣніе на умы химиковъ.

Доказавъ, что здѣсь дѣло идетъ не о замѣненіи въ количествахъ различныхъ, которое можетъ выражаться нѣкоторыми эквивалентами, и потому принадлежитъ къ ихъ теоріи; но о точномъ замѣненіи одного тѣла другимъ, одинаго объемомъ, и притомъ въ коли-

чествахъ совершающагося, что и составляетъ существенный характеръ закона замѣненій, Дюма продолжаетъ:

Но не сюда направлено возраженіе Верцелиуса; онъ не можетъ допустить того, что водородъ можетъ замѣняться хлоромъ, бромомъ или кислородомъ, что тѣло столь замѣчательное своими электро-положительными свойствами, какъ водородъ, можетъ замѣняться тѣлами самыми электро-отрицательными, какія только намъ извѣстны. Прежде, чѣмъ изложу я, къ какимъ результатамъ привело меня изслѣдованіе этого возраженія еѣ теоретической точки зрѣнія, считаю себя обязаннымъ указать нѣкоторые факты, кажущіеся мнѣ рѣшительными. На-примѣръ, я успѣлъ отнять у искусной кислоты весь водородъ и замѣнить его хлоромъ, — вышелъ уксусъ безъ водорода, уксусъ хлорный; достойно замѣчанія, по-крайней-мѣрѣ для тѣхъ, которые не хотѣтъ видѣть въ хлорѣ тѣло, способное замѣнить водородъ въ полномъ значеніи этого слова, что хлорный уксусъ все-таки остался кислотой, какъ уксусъ; кислотная сила его не измѣнилась.

Развивъ ученымъ образомъ всѣ факты, относящіеся до образованія и свойствъ этой хлорно-уксусной кислоты, Дюма заключаетъ слѣдующими словами:

Очевидно, что, останавливаясь на этой системѣ идей, внутренней нѣ фактами, я ни мало не руководствовался электро-химическими теоріями, на которыхъ главнымъ образомъ Верцелиусъ основываетъ идеи, господствующія въ мнѣніяхъ, которыми онъ старался доставить торжество. Но эти электрохимическія идеи, эта особенная полярность, приписываемая частицамъ простыхъ тѣлъ, основываются ли на фактахъ столь очевидныхъ, что ихъ должно принимать, какъ догматы вѣры? Если же эти идеи — гипотезы, то, по-крайней-мѣрѣ, можно

...не доказаны или съ фактами, которые
...объяснить или факты? Надо со-
...даться, много много пить, и проч. и
...дроч...

Вот нападение, которое, может
...быть, несколько отыгрывается уксусною
...кислотою. Но вот и защита, которая,
...по нашему мнению, если не судить
...чего мы не беремся рѣшить, по край-
...ней мѣрѣ не такъ глупа:

Положивъ известныя уже притяза-
...нія Дюма ниспровергнуть электрохи-
...мическую теорію и произвестъ совер-
...шенный переворотъ въ химіи, Берц-
...лиусъ прибавляетъ: Когда рѣшаются
...такіе важныя вопросы, то любовь къ
...истинѣ въ наукѣ должна вызывать
...тщательное изслѣдованіе положеній
...единственнаго переворота для то-
...го, чтобы принять его сторону, если
...она правъ, или вооружиться противъ
...этого, если она не правъ. Одно изъ ве-
...дущихъ преимуществъ теоріи замѣне-
...ній предъ электрохимическими иде-
...ями, кажется, состоитъ въ томъ, что
...эти соединенія сохраняютъ тѣ же
...свойства послѣ замѣны водорода
...хлоромъ. Итакъ, разберемъ неболь-
...шое число свойствъ хлорно-уксусной
...кислоты, которыя показали намъ Дю-
...ма и сравнимъ ихъ съ свойствами
...уксусной кислоты. Мы увидимъ, что
...эти двѣ кислоты бесконечно болѣе
...различаются между собою, нежели
...она правъ, уксусная и муравьиная
...кислоты. Слѣдуетъ рядъ формулъ,
...въ подробности которыхъ мы не мо-
...жемъ входить. Берцелиусъ заключаетъ
...эною защиту такъ:

Итакъ, видно, что для необходим
...переворота, удерживающаго электро-
...химическія идеямъ, нужно только
...поставить знаки формулы хлорно-
...уксусной кислоты въ порядкѣ въ-
...ажности отличномъ отъ порядка Дюма,
...или чрезъ это маленькое замѣненіе по-
...ряда соединеніе войдетъ уже въ извѣ-
...стный классъ галъ.

Въ наше время химическая теорія

...органическихъ соединеній еще такъ
...но возмужаетъ; если вѣсто того,
...чтобы позволить ей развиться по-
...мѣрѣ того, какъ распространяются ве-
...ща: опытность, дадутъ основанія
...се на фактахъ отдѣляемыхъ, рече-
...травосмыслъ безъ всякаго основанія
...пикъ системѣмъ назвать явній необ-
...щю, станутъ давать имъ основанія,
...не заботясь о согласіи съ нашими
...науки, и если сперва того станутъ за-
...мечать, что этого недостатка со-
...гласіи должно вѣстн въ отборности
...этихъ началъ, то въ должнхъ, — то на-
...когда не успѣютъ найти истину. Вотъ
...почему, что я считалъ необходи-
...мымъ сказать при этомъ случаѣ въ за-
...читку электрохимическихъ идей. Съ
...этого времени, то-есть, съ конца 1860
...года, споръ часто возобновился между
...Дюма и Берцелиусомъ; мы должны при-
...бавить, что Дрихтъ, одинъ изъ вѣсно-
...нѣйшихъ германскихъ химиковъ, на-
...мечаетъ, на сторонѣ Дюма по вопросу о
...теоріи замѣненій.

Но пусть эти ученые спорятъ между
...собою; мы предлагаемъ читателямъ
...сдѣлать визитъ Берцелиусу, когда въ
...руководителя англійскаго путеше-
...ственника, о которомъ мы уже упомина-
...ли въ началѣ статьи. Это путеше-
...ствие, вѣроятно, будетъ читателямъ
...пріятнѣе процесса между электрохи-
...мической теоріею и теоріею замѣне-
...ній.

Иностранецъ говоритъ проволоч-
...никъ: желающій повѣстить Берцелиу-
...са, направляетъ путь свой чрезъ Дрот-
...тингъ-Гаттавъ, самую сѣвернѣебел-
...ную часть Стокгольма, и доходитъ до
...улицы, называемой Кирко-Гаттавъ,
...въ началѣ которой стоитъ церковь
...Адольфа-Фридриха. Домъ, стоящій
...на углу этой улицы, есть огромное
...зданіе, купленное недавно Стокгольм-
...скою Академіею Наукъ для Берцелиу-
...са, который теперь — непрѣманнымъ
...секретарь ея.

Со стороны Дроттингъ-Гаттана,
...иностранецъ доходитъ на мѣстѣ су-

его замечательности; въ этомъ отношении, онъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ людей; онъ — человекъ безъ всякихъ претензій, безъ всякой оригинальности; въ немъ нѣтъ даже того величава, который вообще характеризуетъ ученыхъ его нации; характеръ у него самый любезный; обращеніе простое, откровенное, свойственное челоуку благоразумнаго, и онъ обнаруживаетъ внимательность и радушіе даже иностранцамъ, которые посѣщаютъ его. Берцеліусъ прежде нѣмъ частныхъ учениковъ, но съ нѣкотораго времени отказался отъ этого. Впрочемъ, число ихъ было очень ограничено; ихъ насчитаютъ на бере дѣвяти, въ Швеціи и Германіи; въ числѣ ихъ особенно замѣчательны трое: Генрихъ Розе и Волеръ, которыхъ Германія ставитъ въ число знаменитѣйшихъ своихъ химиковъ, и Митчерлихъ, можетъ быть, величайшій минералогъ нашего времени. Берцеліусъ, вѣроятно дѣтъ назадъ, передалъ профессорскую кафедру своему алтрусту, доктору Мозандеру, чтобъ посвятить себя роднѣ ученымъ изслѣдованіямъ. Онъ занимаетъ въ сутки отъ двѣнадцати до четырнадцати часовъ; утренніе занятія принимаетъ онъ въ своемъ кабинетѣ и, какъ холостой человекъ, рѣдко бываетъ отвѣчать ему.

Двойной шведскій король, кромѣ прочаго, пожаловалъ ему орденъ Вазы и большой крестъ Полярной Звѣзды и сделалъ его главнымъ попечителемъ по части химіи и медицины во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Императоръ избралъ его своимъ представителемъ на сеймѣ, но онъ принимаетъ весьма-мало участія въ дѣлахъ политическихъ и присутствуетъ при сеймахъ только тогда только, когда его названія могутъ служить для объясненія какого-нибудь сибирскаго вопроса. Большая часть европейскихъ государей удостоила его справедливыхъ знаковъ отличія; онъ — членъ-корреспондентъ всѣхъ ученыхъ об-

ществъ; съ 1810 года, онъ многократно разъ бывалъ въ Парижѣ, гдѣ благодаря обращенію и любезности характера снискалъ ему принадлежность чести, что нѣмъ часть добродѣтели отъ немъ... Въ одну изъ послѣднихъ поѣздокъ, онъ представленъ былъ императоромъ посланникомъ королю Луи-Филиппу, который вѣжливо королю изложилъ Швеціи, гдѣ онъ нѣкогда жилъ, но знаетъ, говоритъ, также и французскій, и разсуждаетъ о ней такъ свободно и подробно, какъ о всѣхъ предметахъ; въ короля и князя могли разсуждать о терриіи римской.

Одинъ-словомъ, жизнь Берцеліуса — жизнь прекрасная и благородная; и Швеція справедливо гордится тѣмъ, что она — мать я.

II.

Ф. И. КРУГЪ. (*)

Филиппъ Ивановичъ Кругъ (Jean-Philippe Krug) (докторъ философіи, действительный статскій совѣтникъ, ординарный академикъ, кавалеръ орденовъ: св. Владиміра третьей степени и св. Анны второй степени съ алмазными украшеніями, почетный членъ Императорскаго Казанскаго Университета, Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Бурландскаго Общества Словесности и Художествъ, Гёттингенскаго Королевскаго Общества Наукъ и Парижскаго

(*) Заимствуемъ эту любопытную біографію изъ «Отчета по Первому и Третьему Отдѣленію Имп. Академіи Наукъ», напечатанному въ «Санктпетербургскій Вѣдомостяхъ» нѣмалыяго года. 1840.

Государственного Общества) родился в Галле 20 января и ст. 1764 года от Юлиана-Филиппа Круга, контролера в тамошней управленіи публичныхъ зданий и Иоанны-Елизаветы, урожденной Гюбнеръ. Окончивъ курсъ наукъ въ гимназіи и университетъ своего роднаго города, онъ вступилъ въ службу маркиграфа пфедеранаго, въ званіи секретаря и чтеца. Въ 1788 году, онъ отправился съ супругою маркиграфа въ Берлинъ и тамъ познакомился съ графинею Орловскою, которая въвела ему знакомство своего сына и привезла его въ 1789 году въ Россію. Въ домъ графини въ Москвѣ, пристрастился онъ къ русской нумизматикѣ. Въ документахъ, которыми онъ заводитъ Академіи свое превосходное собраніе медалей, онъ рассказываетъ между прочимъ исторію этой коллекціи и вмѣстѣ объясняетъ, какое счастливое стеченіе обстоятельствъ привело его на путь, который онъ проходилъ потомъ съ такимъ успѣхомъ и съ такою славою.

Когда я пріѣхалъ въ Москву, говоритъ онъ въ этомъ замѣчательномъ документѣ: въ царствованіе Императрицы Екатерины II, у меня была значительная коллекція иностранныхъ монетъ и медалей, которую я частію собралъ въ молодости и частію получилъ въ наслѣдство. Эта коллекція очень понравилась одному русскому дворянину, и онъ предложилъ мнѣ продать ее на его прекрасную коллекцію русскихъ монетъ. По совѣту одного знатока, профессора Бауэ (Baue), я принялъ это предложеніе. Я говорилъ самъ себѣ, что надобно быть гораздо богаче меня, чтобъ продолжать такъ, какъ я началъ, да и тутъ пришлось бы отказаться отъ надежды собрать довольно-полную коллекцію, между тѣмъ, какъ, ограничившись монетами той страны, которую я долженъ былъ считать своимъ вторымъ отечествомъ, этого можно было достигнуть со-временемъ. Съ тѣхъ-поръ, изученіе моего новаго сокровища сдѣлалось главною задачею моей жизни.

Между-тѣмъ, не смотря на мой успѣхъ въ русскомъ языкѣ, я не совершенно достигалъ цѣли, которую предполагилъ себѣ, а сообщаемыя мнѣ объясненія надписей на древнихъ монетахъ часто оставляли въ умѣ моемъ весьма-важныя сомнѣнія. Нѣкоторые ученые люди изъ духовныхъ сообщеній мнѣ, правда, объясненія нѣсколько болѣе-удовлетворительныя, но одинъ архимандритъ, съ которымъ я познакомился въ домѣ графини Орловской, откровенно объявилъ мнѣ, что ни онъ, ни его товарищи не знатоки въ этомъ дѣлѣ, потому-что занятія ихъ имѣютъ совершенно иное направленіе и что если я хочу поближе познакомиться съ этимъ предметомъ, то на это есть только одно средство: заняться самому изученіемъ древнихъ славянскихъ рукописей. Я послѣдовалъ его совѣту, тѣмъ-обиднѣе, что древняя столица съ своими архивами и библиотеками представляла мнѣ для этого самый удобный случай — и вотъ что привело меня къ изученію древней русской исторіи.

И дѣйствительно, русская нумизматика была предметомъ перваго литературнаго труда Круга, которому было тогда уже сорокъ лѣтъ. Одинъ изъ комиссаровъ, назначенныхъ Академіею для разслѣдованія сочиненія Круга подъ заглавіемъ: Матеріалы Русской Нумизматики (Zur Münzkunde Russlands), объявилъ, что это твореніе достойное Шлѣпера, и замѣтилъ мимоходомъ, что это сужденіе, которое столь блистательнымъ образомъ подтвердилось, доказываетъ вмѣстѣ и проницательность и всеобъемлемость познаній судьи — потому-что судьей въ этомъ случаѣ былъ не кто иной, какъ астрономъ Шубертъ. Самое заглавіе сочиненія показываетъ, что авторъ не имѣлъ намѣренія составить полную исторію русскихъ монетъ, но хотѣлъ просто выяснить нѣкоторые факты этой исторіи и другіе предметы, имѣющіе къ ней болѣе или менѣе прямое отношеніе. Между-тѣмъ, этотъ пер-

какъ плодъ зачатій покойнаго. Круга приобрѣлъ замѣчательный успѣхъ въ годахъ тогдашнихъ ученыхъ метеорологовъ. Шлѣйеръ находился въ то время на вершѣ своей литературной славы; ниго еще не предвѣдало надеждъ на этого критика науки и безпощаднаго. Кругъ возмутилъ съ дикъ въ состояніи и съ самыми дерзавъ шаговъ своимъ на этомъ поприщѣ, давъ ему почувствовать свое превосходство во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ результатахъ несомнѣнныхъ могутъ привести долько глубоко и разнообразно, полярно истощивъ, сужденію доладное и безъ предубѣжденій и добросовѣстнаго лауреате. Онъ понарада, что конментарій на дѣтския Нестера, въ комъ видѣ, какъ его началъ Шлѣйеръ, ищетъ, нужду въ большомъ развѣтвѣ прежде, нежели возможно будетъ передать древнюю русскую исторію на степенъ благоустроенной науки. Многія мѣста въ этой дѣтписи, которыя Шлѣйеръ оставилъ безъ объясненій, или которыя онъ придалъ болѣе или менше произвольный смыслъ, объяснены въ мѣстностяхъ Круга самымъ натуральнымъ и правдоподобнымъ образомъ, и самъ Шлѣйеръ, забывши свою обыкновенную щедротность, въ своихъ письмахъ стирательно выражалъ выводу умаленіе въ обширной учености своего молодого претизника и силѣ его нестрашныя доводы, признавая въ своихъ ошибкахъ и съ убѣжденіемъ чистосердечіемъ приглащая, его жалѣдовать въ видѣ своей дряхлості, въ которыхъ мнотеза, которыя онъ провадилъ себѣ въ своемъ изданіи Нестера.

По совету Шлѣйера же, Кругъ рѣшился посвятить себе исключительно и со всю свою свою вытнутаго, гения наученію только, самой отдаленной эпохи нашей отечественной исторіи, не касаясь другихъ областей ея, въ чемъ многіе рѣзко его упрекали. Эти люди забыли, что при глубокомъ вѣрѣ, въ который погружены были въ

то время первая времена русской исторіи, силы одного человека неспособно было на то, чтобы объять все во роснь на пространствахъ. Поэтому, Кругъ не нарасно предпочелъ вслѣдствіе, вмѣстѣ съ самимъ, оставитъ темныхъ частей этой исторіи и строго ограничился однимъ опредѣленнымъ ея періодомъ. Если онъ набралъ періодъ самый трудный, то тѣмъ болѣе заслуживаетъ удивленія. Твореніе его по части нумизматики открыло ему входъ въ Америку и направило, которое онъ предладалъ отъ тѣхъ морь своихъ заключеній, показывавъ, съ какою ясностію понималъ онъ свое назначеніе. Прежде всего онъ старался какъ можно лучше ознакомиться съ первоначальными основаніями языка, потому что на немъ писаны были дѣтписи. Онъ четыре раза читалъ и перечитывалъ сначала до конца старинныя и дошкіе тексты славянской Библии, сначала ихъ съ греческими оригиналами; онъ въ началѣ не разъ изучалъ дѣтписи, до многого времени; не оставалъ безъ вниманія также и историческія изощренныя истощивъ, ища, щика болѣе или менше прямо соединеніе съ русскою исторіею и аспектъ убѣдилъ, что въ этомъ отношеніи наибольшее вниманіе заслуживаютъ Греки и Норманны. Уже Шлѣйеръ указывалъ ему на византийскую исторію, какъ самое лучшее, необходимою средство для наученія древней русской исторіи и обратилъ его вниманіе на вѣковое сродство хронологіи этихъ двухъ исторій. Кругъ съ неутомимымъ постоянствомъ занялся наученіемъ византийскихъ источниковъ, и доломъ сталъ языкомъ было нѣсколько языковъ, а наконецъ Византийская Хронологія въ ея соотношеніяхъ съ древнею русскою исторіею, иорвеніе правдоподобно, которое появилось въ 1810 году, и продолжаетъ настоящій образъ того, какъ образъ должно обрабатывать предметъ столь трудный и запутанный, какъ вообще хронологія срединыхъ вѣковъ. Конечно, чтобы привести въ нѣкоторый порядокъ этотъ

иные, съ которыми тѣсно связаны первая хронология, необходимы были твердое, безстрашное сужденіе, сила мышленія основательнаго и глубокаго, и пронацѣленность, которыми неопытный Кругъ былъ одаренъ въ такой высокой степени.

За то свое твореніе Кругъ было чрезвычайно велико признанъ наукой съ симпатическими одобреніями. Гуманитаріи, Шлегель, Рихс (Ritsch), Гаасъ, одобрили его похвалами, а знаменитый Германъ провозгласилъ его «великою историческою литературою». Шлегель уже не было на свѣтѣ, когда вышла книга Круга, которую онъ считалъ съ такимъ интересомъ. Муждѣи «великодушности», которую шлея бы возбуждалъ пожеланіе столь опаснаго соперника, Шлегель, говоря въ 1836 году, въ геттингенской литературной и журнальной публичности, провозгласилъ затрудненіемъ въ древней русской исторіи, сказавъ между прочимъ: «Желательно, чтобы Кругъ всегда контролировалъ творенія Шлегеля, пока послѣдній будетъ въ состояніи владѣть перомъ! Обѣ стороны и, что всего важнѣе, истина и достоинство русской исторіи необходимо изъ этого выигрываютъ». Приказъ, что, печатая эту статью, Шлегель не могъ и подозревать, что Кругъ изъ своихъ твореній нападетъ на него съ такою силой, не гнузъ даже и о твореніи историка противъ иррациональной притчи его ученаго почитателя и о томъ, чтобы хронологическія путаницы доказать достоверность договоровъ Олега и Игоря съ Гречими, договоровъ, которыхъ существованіе Шлегель подвергалъ сомнѣнію. Одно уже то, что Кругъ подверженъ былъ столь великимъ, несправедливымъ и неакадемическимъ и такъ сказать подрывалъ его въ области исторіи, вѣрно бы упрочилъ ему самое почетное мѣсто въ исторической литературѣ нашего отечества.

Послѣдующія, помѣщенные творенія Круга были плодомъ тщатель-

наго изученія трехъ родовъ историческаго, съ которыми онъ говорилъ, и которыми былъ такъимъ ученымъ, такъимъ разсудительнымъ образомъ умѣлъ сообразовать одинъ съ другимъ. Между прочимъ, онъ занимался критическимъ поочиненіемъ, безъ которыхъ самъ Несторъ печаталъ свои дѣянія, и имѣлъ удивительное стараніе — первый изъ всѣхъ русскихъ историковъ, — что первоначальнаго историческаго блужданія Нестору помѣщая греческая біблія пошла Георгія Германова. Это стараніе, которое онъ сообщалъ Александру не раньше 1834 года, сдѣлано, однакожъ, задолго до того, въ такое время, когда переводъ этой греческой исторической книги, съ самаго, по крайней мѣрѣ, непосредственно изъ греческаго Нестора, еще не былъ изданъ. Хорошо знакомый съ византійскими историческими, Кругъ старался также и исторію соотношенія, существовавшихъ между обычными книжками греческою и византійскою, соотношенія, въ которыхъ до тѣхъ поръ не была никакого мѣста; также, въ примѣры, византійской политической іерархіи въ Греціи и Россіи, составляющае искусство одной изъ его ученыхъ записокъ. Въ числѣ трудовъ его, основанными на норманнскихъ источникахъ, мы упомянемъ прежде всего о его свѣдѣніяхъ на доведеніи Шен-Фомана о византій, религии, правѣхъ и обычаяхъ русскихъ различеніемъ въ X столѣтіи. Кругъ самъ неспоряемо образцомъ доказываетъ въ своихъ свѣдѣніяхъ, что арабскія свѣдѣнія насчетъ свое изображенія въ Русскихъ норманнаго происхожденія, неслучайно на Волгѣ. Его идея о самомъ древнемъ составѣ и управленіи государства въ Россіи основана на томъ же источникѣ. Это свѣдѣніе, какъ и многія другія не столь интересные, доказываетъ обширныя свѣдѣнія и счастливаго соображенія историка. Наконецъ, въ предисловіи, которое онъ сдѣлалъ въ 1838 году въ предисловіи своего ученаго сочиненія X. Д. Франца, о Русскихъ арабскихъ источникахъ.

иногда и искреннего удовольствия на его глубокую и основательную критику.

Наше общество доживает это известие в восторженных фактах, засаживаясь до гражданского паприна Круга, которые мы не кладем из его послужного списка. Прибыв в Санкт-Петербург около 1795 года, он получил в 1805 году место помощника Библиотекаря Императорского Эрмитажа и в том же году был принят в Академию в звание адъюнкта. В 1807 году, он был произведен в экстраординарные академики, а в 1818 в ординарные. В 1817 году, Император Александр назначил его главным хранителем своей императорской Библиотеки. В 1819 году, он был произведен в статские, а в 1833 году в действительные старшие советники.

Круга никогда не была менаж; но, не смотря на то, долг жизни не одинокую. Принимая от величайших радужности в домашний круг, в пользу заманчивых почтенных семей, где он был как дома, Круга делал свое время между глубокими учеными занятиями и обязанностию некроной дружбы. По-этому, в его обменении лично не замечалось неслучайной чуждости, которое живут, заключившись в отдаленности своего кабинета и которая передвигала на соседний приятное присутствие действительный кабинетный ученый. Любимый собственник из молодежи, он обыкновенно был молчалив и задумчив в обществе мужчин и становился оживленным только тогда, когда разговор касался его любимого предмета; тогда он оживлялся, в его слушала с удовольствием по несколько часов сразу. Его душевная способность и независимость мысли сохранила первоначальную свою свежесть до такой степени, что еще в апреле 1844 он читал в Академии свою последнюю диссертацию, которую никто, вероятно, не прочтет оди-

нково земледельца-ученого: до такой степени ясность слога, строгая последовательность доводов и сила убеждения в этом рассуждении напоминают те же качества, которыми отличались его первые ученые произведения. Прозвучав, владимирская жизнь, которую вел он в своей отдаленной деревне, благодарной, восторженной душой, владимирская его старости силы и, казалось, общими были долговременную и старую борьбу страдания, восторг, 19 мая, 1844, его жизни несомненной славы, когда он по своей привычке шел в библиотеку одному из старших друзей друга, у которого имел обыкновение в своем доме обитать. В то самое время, как он переключал по Первой Книжке от Бюро-Большого-Продвигателя на Первую-Кадетскому-Корпусу, колесом, открывавшая паролетом, которая забилась, вышла в Корпусного лесра и открылась, что в то время в нем сила-однако, в себе, что он делался чувствительнее и тогда не было ни мороза, ни ветра, а легкая дуга, причащением сна-чала падения, мало-по-малу донесла, при усердии старших колесных силы его восторженно забавляла, и в 4 июня владимирская делала аррала для Круга, в котором, глубокому сочувствию была вложена и любилась его.

ИУЖАРНА.

(Рассказъ Леона Голлана.)

Свѣтъ покрывала рабину, простирившуюся отъ Альфонса до Мелана; глумящееся солнце жогорали на красныхъ лѣтахъ деревьесъ; пологъ былъ рѣзкій; на одна:ища не кружилась въ воздухѣ, кой-гдѣ смурывалась дымъ дыма, медленно поднимались вверхъ, показываясь ослѣпительно на этой жѣлои и следившей землѣ.

Путникъ, проѣзжая или проходя по ривинѣ, при свѣтѣ заходящаго солнца, увидалъ бы среди ея; вдали, звуки деревьесъ, свинцовыя крышки, стѣны, желтѣныя рѣшетки. Когда онъ приблизился бы къ этому мѣсту, предъ нимъ за желѣзными, заржавѣвшими воротами, и тремя вышними и капитановыми алами, являлся бы во всемъ архитектурномъ великолѣпнѣ своемъ обитокъ Шандлеръ. Онъ былъ врачомъ, какъ тридцать лѣтъ, и совершенно гармонично въ свѣтѣ небомъ, которое слышалъ ему востокъ и следовъ. Докторъ, когда онъ былъ въ свѣтѣ пошвышномъ, не могъ бы выбравъ себя жиница прилечь въ этого алана. Въ обѣихъ стѣнахъ въ свѣтѣ въ одинъ огонекъ; для окшера на кровлѣ стѣнахъ, какъ на слѣдѣ морскаго брва.

А между-тѣмъ, въ свѣтѣ Шандлеръ жилъ одинъ изъ самыхъ храбрыхъ и самыхъ разгульныхъ гвардейцевъ времени реставраціи. Туда удался капитанъ Модюи-де-ла-Валоньеръ, чтобы проснуться отъ любовныхъ интригъ и отъ думей, — мы не можемъ прибавить отъ долговъ, жѣтому-что онъ былъ такъ богатъ, что, не смотря на свою расточительность, не могъ дѣлать ихъ. За нѣтъ знала только одинъ недостатокъ, отъ котораго онъ, безъ сомнѣнія, исправился, покинувъ дворъ, свѣтъ и удовольствія: онъ былъ черезъ-чуръ вымокъ въ ревности и слишкомъ-часто употреблялъ хлысть, а иногда и про-

Т. XXXIX. — Отд. VIII.

сто руку, въ споряхъ-своихъ: любовницами. Какъ-дала-лѣ-нить могла она-загъ, указывая на разодранное ухо, на самую черту на лбу и на жѣлои интонаціи шепъ: «я слышала-подъ-вогнатою Модюи-де-ла-Валоньеръ, я была-мнѣ-любима... И странно, шепъ-они-предсказывали-жѣлои, его-жѣлои, любилъ-его-даже-и-тогда, когда-онъ-покинулъ-незабылъ-никъ. Какъ-онъ-жалки-о-нѣмъ! Правда, онъ-предсказывалъ-для-накъ-предсказанное, а-предсказанное-всегда-какъ-прекрасно! Воспоминаніе-о-капитанѣ-взлекло-съ-собою-воспоминаніе-о-баллахъ-въ-Сен-Клу-и-въ-Осен-Жармонѣ, обѣ-одрожательныхъ-пробужданій-въ-Таводе-въ-интервьюхъ-азелонъ, гдѣ-было-такъ-темно; о-лашкетивныхъ-лошахъ-въ-Фейдѣ, о-карнавальныхъ-шалостяхъ-въ-первыя-годы-заключена-герцога-Беррикока, котораго-лѣтъ-любилъ, чтобы-всѣ-вокругъ-нея-веселились; наконецъ, капитанъ-Модюи-напоминалъ-мнѣ-двадцать-пять-лѣтъ; пошесть, любовь, счастье. Все-исчезло-ка-лѣтъ, или-готово-было-исчезнуть, шалюномъ-капитана, который-удалился-въ-свои-дѣлѣ-Шандлеръ; онъ-два-раза-въ-годъ, не-болѣе, прибѣжалъ-по-лѣ-лѣтъ-въ-Парижъ.

Друзья-капитана-не-могли-объяснить-себѣ-его-зазорности-послѣ-каждой-разгульной-кавины; жѣлои-кавины-да-сиды-на-свѣтѣ-недостаточно-было-для-объясненія. Мало-по-малу, мошкъ-всѣ-примѣрны-старшей-линіи-Вурбонезъ-покорялись-«-одни-охрано, другіе-кавино. Отъ-кавино, капитанъ-де-ла-Валоньеръ-нигъ-одни-отъ-Парижа-по-причинѣ; шалюномъ-ничего-общаго-съ-его-шалюномъ-нигъ-нигъ: Что-жъ-это-ка-причина? спрашивали-другъ-друга-многочисленные-его-друзья; и-всѣ-бывшія-расширять, жиница-невозмошна-забыть-его. Ну, пусть-бы-онъ-жѣлои-кавино, тогда-было-бы-понятно-его-зазорности; ну-жѣлои-онъ-жилъ-въ-свѣтѣ-съ-последнею-представителю-кавино-какой-нигъ-страсти; но-мы-за-емъ, говорили-они, всѣ-его-связи, — и-всѣ-отъ-связи-нигъ-разорваны. Притомъ-же, онъ-нигъ, капитану; просидѣлъ-жъ

четырёх стѣнахъ пѣлыя восемь лѣтъ взаперти съ одной женщиной? Статочное ли это дѣло! — Таки-какъ навигантъ никого изъ себя не приглашалъ, то нито и не рѣшался поѣхать къ нему, чтобъ разъяснить загадку.

Въ ту минуту, какъ солнце потасало въ морѣ свѣга, у рѣшетки замка оставилась коляска. Ворота отворились; колеса съ шумомъ покатались по оледенѣлой аллеѣ; скоро этотъ шумъ заглохъ среди безмолвія, распростертаго кругомъ.

— Какъ прикажете доложить о васъ? спросилъ слуга господина, вышедшаго изъ коляски.

— Морѣ, отвѣчалъ прїѣзжій съ видимою нерѣшимостію: — да, Морѣ.

За тѣмъ, обернувшись къ своему человѣку, прїѣзжій сказалъ:

— Подожди; можетъ-быть, ты поѣдешь назадъ одинъ; можетъ-быть, поѣдемъ вмѣстѣ. Это зависитъ отъ одного обстоятельства...

Морѣ еще не кончилъ этой фразы, какъ услышалъ голосъ, несшійся изъ дальнихъ комнатъ и пѣвшій на мотивъ извѣстной охотничьей пѣсни:

Вивать, вивать, мой другъ Морѣ!
Скажите, вѣрять ли ушамъ?
Скажите, вѣрять ли глазамъ?
Вивать, вивать, мой другъ Морѣ!

— Остаюсь, сказалъ Морѣ своему человѣку: — ступай домой.

— Когда прикажете прїѣхать за вами?

— Никогда! сказалъ капитанъ, обнимая друга.

— Я напишу тебѣ, прибавилъ Морѣ.

— Тебѣ напишутъ, сказалъ капитанъ. Впрочемъ, кажется, сегодня холодно, и неловко ѣхать въ Парижъ, не поужинавши. Отведи лошадей въ конюшню, и ступай въ кухню грѣться, ужинать и спать. Ты поѣдешь завтра.

Друзья вошли въ просторную залу, окна которой выходили въ паркъ, и усѣлись въ широкія кресла передъ каминомъ.

Сначала они не знали, о чемъ говорить: такъ были обрадованы свиданіемъ послѣ восьмилѣтней разлуки. Наконецъ, Морѣ спросилъ капитана:

— Ну, скажи мнѣ, ты счастливъ?

— А ты развѣ несчастливъ, мой другъ?

— Не будемъ говорить обо мнѣ. Ты счастливъ, не такъ ли?

— Ну, да, очень-счастливъ.

— Ты отказался отъ свѣта!

— Какъ монахъ!

— Лѣтомъ ловишь рыбу?

— Да, ловлю... кто тебѣ скажетъ?

— Осенью охотишься?

— Очень-много.

— И много здѣсь дичи?

— Пропастъ.

— Зимомъ, ты принимаешь у каминна соседей, или самъ ѣздишь къ нимъ... Добрые люди, не правда ли?

— Да, мой другъ.

— Да, вотъ счастье! ты сумѣлъ найти его.

— Я думаю.

— Ты нашелъ его, потому-что поступилъ умно.

— Не увидѣ другихъ, любезный Морѣ.

— Извини, въ тысячу разъ умнѣе другихъ, умнѣе всѣхъ твоихъ прїятелей, особенно умнѣе меня; ты понимаешь, что Парижъ, въ извѣстныхъ гѣтахъ, послѣ такой жизни, какую вели мы, не годится ни къ чорту. Жить въ немъ холостякомъ, значить каждый день, каждый часъ мучиться отъ того, что нѣтъ силъ слѣдовать за другими, помолже насъ, за людьми, вступившими наше мѣсто; жить въ немъ женатымъ?... мой другъ, я считалъ тебя человѣкомъ храбрымъ, любезнымъ, остроумнымъ, но никогда не думалъ, что у тебя есть геній. Теперь вижу, ты — человѣкъ гениальный...

— Морѣ, въ старину гостепрїимство оказывалось даромъ; развѣ теперь вошло въ обыкновеніе платить за него напередъ комплиментами въ родѣ тѣхъ, которые ты мнѣ говоришь?

— Капитанъ, повторяю, ты человѣкъ гениальный...

— Посмотришь, мой другъ, что ты разумеешь подъ этими словами; ты вѣрно хочешь пожаловаться на свою участь? Странно! вѣдь ты—банкиръ.

— Да, мой другъ.

— И очень-богатъ?

— Богаче прежнего.

— Ну, такъ что жь такое есть у меня, чего нѣтъ у тебя? Не завидуешь ли ты менимъ сѣдымъ волосамъ? И у тебя они есть; не этому ли рубцу завидуешь ты, который принесъ я съ испанской войны, или этимъ двумъ зубамъ, которыхъ не достаешь у меня?

— Другъ мой, ты не женатъ; вотъ твоё счастье; ты не женился, — вотъ гдѣ показалъ ты свой геній.

— Только-то?

— Только, мой другъ; развѣ этого мало?

Морьё опустила голову на грудь и сохраняла это задумчивое положеніе до-тѣхъ-поръ, пока капитанъ не сказалъ ему:

— Если я не ошибаюсь, ты женился на женщицѣ, которую любилъ.

— Но знаешь ли, почему я женился на ней? Развѣ изъ-за приданого?

— Кажется, у ней не было приданого.

— Ни гроша. Изъ-за наследства? Ей не откуда было получить его. Ты знаешь, она — дочь одного изъ моихъ фермеровъ.

— Что до того за дѣло, если ты любилъ ее?

— Въ томъ-то и дѣло.

— Какъ такъ?

— Да такъ!

— Да какъ?...

— Такъ, что все мое несчастье происходитъ отъ этого.

— Твое несчастье?

— Несчастье, такое несчастье, что я сегодня утромъ убѣжалъ изъ дома, какъ сумасшедшій, какъ человекъ, рѣшившійся утопиться или увѣхать на край свѣта, если бы ты, въ добавокъ, принялъ меня дурно...

— Можеть ли быть?... Но слажи мнѣ... то-есть, объясни мнѣ, если находишь это... привычнымъ, почему-ито

и не смѣю требовать отъ тебя откровенности...

— Напротивъ, твои совѣты...

— Я неопытенъ въ дѣлахъ семейныхъ, мой другъ.

— Тѣмъ ты и счастливъ. Но мнѣ достаточно будетъ дружескаго сердца.

— Ну, если хочешь, я слушаю тебя. Но, постой, вѣдь намъ, я думаю, надо поужинать; а чтобы поужинать, надо приказавать.

Капитанъ позволилъ; вошелъ слуга.

— Мистраль, господинъ Морьё у насъ ужинаетъ.

— Слышу-съ, господинъ Морьё у насъ ужинаетъ.

— Ну... что жь у насъ есть къ ужину?..

— Мамзель Сюзонъ передъ отъѣдомъ приказала...

— Тутъ не о Сюзонъ рѣчь, а объ ужинѣ. Слушай же...

— Слушаю, сударь.

— Пирожки...

— Пирожки, сударь?

— Пирожки, сухо повторилъ капитанъ:—Форежь.

Мистраль уставилъ изумленные глаза на господина.

— Форежь, глухарь...

— Глухарь?

— Что бы еще?..

Морьё погруженъ былъ въ размышленія; онъ не слышалъ ни слова изъ того, что приказывалъ капитанъ слугѣ.

— Но позвольте, сударь, а вчерашній бульонъ?

— Вѣшь его самъ... фазанъ съ трюфлями...

— Фазанъ? Но позвольте, сударь...

— Два фазана.

— И съ трюфлями?

— Начинить ихъ трюфлями, дакъ, мортгирю. Слышишь?

— Слышу, сударь. Но позвольте, развѣ сказать, что мамзель Сюзонъ передъ отъѣдомъ приказала приготовить остатокъ гедатива...?

Наотвѣтъ на него Мистраль, капитанъ далъ ему знакъ, чтобы онъ...

сильно принимать къ разговору собственных именъ.

— Потомъ, братецъ, подашь намъ блюдо грибовъ...

— Слушаю-съ.

— Салатъ изъ морскихъ раковъ.

— Но, сударь, вѣдь за всѣмъ этимъ надо послать въ Парижъ.

— Такъ что жь? сказалъ капитанъ, потихоньку во время этого разговора отошедшій съ Мистралемъ изъ залу: — пусть съѣзжаютъ въ Парижъ.

— Вѣдь это не близко: притомъ, ужь поздно.

— Везть вочтовыхъ лошадей.

— Почтовыхъ лошадей для раковъ?

— Я такъ хочу; слышишь?.. Еще не все...

— Что жь еще, сударь?

— Достань лучшихъ фруктовъ, ананасовъ...

— Мамзель Сювонъ говорила, что орѣхи, которые лежатъ въ чуланѣ и начинаютъ гнить...

— Замолчишь ли ты?

— Молчу, сударь.

— Изъ винъ, подать вольно, шамбертанъ, шато-марго, шампанское и рейнвейнъ.

Мистраль перекрестился.

— Не забудь также ликёръ... Теперь ступай...

Мистраль пошелъ къ дверямъ; капитанъ кивнулъ его.

— Мы ужинаемъ въ одиннадцать часовъ!

— Въ одиннадцать?

— Да, братецъ!

— Такъ вы не можете почивать въ девять часовъ?

— Разумѣется, болванъ!

Опустивъ голову, съ выраженіемъ изумленія во всѣхъ чертахъ лица, Мистраль вышелъ изъ залы, чтобъ исполнить приказанія господина, — приказанія до такой степени испугавшія его воображеніе, что онъ обернулся удостовериться, точно ли капитанъ Мордонъ говорилъ съ нимъ.

— Мы будемъ ужинать въ одиннадцать часовъ, Моръ, сказалъ капитанъ, когда садясь подлѣ своего друга.

— Какъ тебѣ угодно.

— Теперь, я тебя слушаю; а сначала закури вотъ эту сигару.

— Ты знаешь, капитанъ, меня заставили жениться на Люсеттѣ не красота ея, не богатство. Я былъ утопленъ, замученъ свѣтомъ...

— Какъ я же, тихо проговорилъ капитанъ.

— Утопленъ трактирною жизнію...

— Какъ я же.

— Утопленъ вечерами въ клубъ, въ оперѣ, въ гостиныхъ...

— Какъ я же.

— Утопленъ игрой, чужими и своимъ интригами.

— Точь-въ-точь какъ я.

— Утопленъ самыми успѣхами, какіе имѣлъ я, какъ человѣкъ богатый, смѣлый, и, можетъ-быть, довольно-пріятный...

— Рѣшительно, какъ я.

— Но ты, вскричалъ Моръ: — ты не женился, а я!.. Мнѣ было тридцать-восемь лѣтъ; вестн долге жизни, какую вели мы лѣтъ двѣнадцать или пятнадцать, казалось мнѣ такъ же невозможнымъ, какъ въ прежніе годы невозможнымъ казалось отказаться отъ нея. Притомъ, нашъ кружокъ со дня-на-день рѣдѣлъ больше и больше. Константинъ уѣхалъ консуломъ въ Америку, Ростанжъ не выѣзжалъ изъ своего бургоньскаго помѣстья; Шанлу, сумасбродный Шанлу, по смерти дяди, принужденъ былъ приняться за управленіе фабрикой; ты скрылся... что было мнѣ дѣлать и притомъ...

— И притомъ, надо сказать, что въ тридцать-восемь лѣтъ, послѣ такой жизни; подумива кажется пріятною и каминъ отрадыми; знаю, что есть исключенія...

— Въ томъ-то и бѣда, что я не былъ однимъ изъ этихъ исключеній, что у меня не достало духа остаться холостымъ... ты, ты оказалъ это удивительно мужество.

— Что говорить обо мнѣ?..

— Мамзель Сювонъ, сударь, сказалъ Мистраль на ухо капитану: — увезла съ собой ключи отъ шкафа, гдѣ сахара.

— Кажется, можно отвереть вотъ этимъ ключомъ. Ступай.

— Нужно бы...

— Да убирайся ты къ...

— Не переменяйся, капитанъ; хозяину не нужно спрашивать позволенія.

— Дню въ томъ, любезный, что моя ключница уѣхала дня на четыре въ Мелъзъ, а люди безъ нея не знаютъ, что дѣлать. Ну, продолжай.

— Дочь одного изъ моихъ фермеровъ, Люсетта Вервонъ, иногда приходила ко мнѣ съ отцовскими оброкомъ. Ея простодушіе, деревенская грація, скромность поразили меня. Когда я сталъ думать серьезно о своей будущности, то воображилъ, что никто не станетъ любить меня такъ, какъ Люсетта. Она будетъ любить меня, думаю я, потому-что я помогалъ ей отцу въ неуражайные годы, потому-что я осмободилъ ее брата отъ рекрутчины, наконецъ, потому-что, жениась на ней, я обезпечу ея будущность двумястами тысячъ франковъ и дамъ ей на приданое двадцать тысячъ франковъ наличными.

— Брестълика — невѣста дворянина, у котораго тридцать тысячъ франковъ годоваго дохода, партія недурная! Но вотъ чего я не понимаю, любезный Моръ, какъ рѣшился ты на этотъ бракъ безъ любви, безъ сильной любви съ твоей стороны!

— Я увѣренъ, любовь пришла бы въ свою очередь, еслибъ не моя несчастная звѣзда.

— А! посмотримъ на твою звѣзду...

— Меня заставила рѣшиться на этотъ бракъ та же причина, по которой человекъ, долго кочевавшій по свѣту, желаетъ жизни спокойной, осѣдлой; та же причина, по которой человекъ, неустремленно употреблявшій вино, чувствуетъ влеченіе къ водѣ. Свѣтскія женщины истощили меня; крестьянка, думалъ я, вдохнетъ въ меня новую жизнь. Я рѣшился жениться на женщинѣ простой. Кого же выбрать лучше Люсетты? Жениась на ней, я, чтобъ довершить свое перерожденіе, далъ себѣ слово сдѣлаться такимъ же про-

стымъ, какъ она, рѣшился какъ-можно ближе сойтись съ ея отцомъ, фермеромъ, съ ея дядею, пыльщикомъ, съ ея кузенами, мельниками... Ты улыбаешься...

— Неможно... я отгадываю.

— Ты ничего не отгадываешь, увѣрю тебя. Ну, вотъ, я женился на Люсеттѣ. Медовый мѣсяцъ...

— Мамзель Сюзонъ, сударь, сказала слова на ухо Мистралу капитану: — увезла съ собой ключъ отъ шкапа, гдѣ масло и другіе припасы.

Кинувъ на Мистрала взглядъ, отъ котораго слуга треснулъ бы, еслибъ былъ сдѣланъ изъ мрамора, капитанъ сказалъ ему потихоньку:

— Купи масла въ деревнѣ; убирайся! Мистраль ушелъ.

— Итакъ, ты говорилъ, что медовый мѣсяцъ... продолжалъ капитанъ, силась скрыть досаду, какую причинилъ ему Мистраль.

— Медовый мѣсяцъ прошелъ какъ нельзя лучше. Признаюсь, я не могъ нарадоваться, видя, что моя жена не ослабѣла роскошью, пышностью, которою вдругъ была окружена. Мнѣ казалось, что она глядѣла съ жадностью, поспирала, такъ-сказать, погану суету и великолѣпіе свѣта. Ну, говорилъ я самъ себѣ: она прошла половину дороги, которая должна вести насъ обомъ къ совершенному счастью. Она — сама простота. Мнѣ остается теперь пройти другую половину дороги, и я пройду ее. Пусть жена моя съ презрѣніемъ глядитъ на обольщенія общества, которое я долженъ былъ показать ей, чтобъ потомъ любовничество не возбудило въ ней опаснаго желанія познакомиться съ нимъ, — а я, съ своей стороны, пойду довершать наше обоюдное воспитаніе. И я сблизился, какъ далъ себѣ слово, съ ея родными, добрыми людьми, деревенщиной. Я оставилъ жену въ Парижѣ, и поселился среди своихъ фермеровъ, сталъ причитать себя къ ихъ образу жизни, вставалъ на-разсвѣтъ, ложился спать послѣ заката солнца, старался взычь людей и нравы этого обще-

ствѣ, въ которое хотѣлъ войти. Тяжелъ было это воспитаніе, но я надѣялся, что награжденъ буду въ послѣдствіи за свое терпѣніе и видѣлъ въ перспективѣ жизнь тихую, здоровую, счастливую, жизнь для жены и для себя. За это можно было поскучать нѣсколько лѣтъ.

— Сколько лѣтъ было твоей женѣ, когда ты женился на ней? спросилъ капитанъ.

— Шестнадцать. Ты хочешь, кажется, сказать, что угадалъ? Нимало. Слушай.

— Слушаю.

Въ третій разъ Мистраль вошелъ въ залу. Уеы капитана встали дыбомъ. Онъ поднялся съ кресла и подошелъ къ дверямъ, чтобъ не допустить Мистрала до камина.

— Ну, что еще?

— Есть кое-что, сударь...

— Да говори же, чучело.

— Вотъ что, сударь, нѣтъ ни дрова, ни углей.

— Это что за шутки?

— Вы, сударь, знаете...

— Что я знаю?

— Что маисель Сюзонъ никогда не оставилъ въ нашемъ распоряженіи дрова.

— Такъ она увезла и влючи отъ дровянаго сарая?

— Точно такъ, сударь.

— Это скверно!

— Да, сударь, очень-скверно.

— Кто спрашиваетъ у тебя твоего маисни?

— Я думалъ...

— Что же намъ дѣлать?

— Здѣсь дрова не продаютъ...

— Ну, такъ сломать замокъ въ сараѣ.

— Слушаю-съ.

— Слушай, Мистраль, прибавилъ съ нѣрвничностью капитанъ.

— Слушаю, сударь.

— Постарайся, чтобъ никто не видѣлъ, что замокъ сломанъ.

— Это нелегко, сударь.

— Ну, дѣлай какъ знаешь. Завтра можно позвать слесаря.

— Такимъ-образомъ маисель Сюзонъ ничего не замѣтитъ.

— Дуракъ! Кто тебѣ говоритъ про Сюзонъ? Что ей тутъ замѣчать?

— Ничего, сударь, я такъ сказалъ...

— Поѣхали ли въ Парижъ за припасами?

— Ваши люди теперь въ Парижѣ. Мы ждемъ ихъ черезъ часъ.

— Ну, хорошо. Ступай же въ кухню; теперь у тебя есть и дрова и угли.

Мистраль ушелъ.

— Я ошибался, продолжалъ Морьё: — ошибался, надѣясь получить награду за гербѣніе, съ какимъ старался сдѣлаться фермеромъ, настоящимъ мужикомъ. Почти три года велъ я деревенскую жизнь, вдали отъ Парижа, куда прѣзжалъ черезъ двѣ недѣли, чтобъ провести недѣлку съ Люсеттой. Разъ, вздумалось мнѣ прѣхать къ ней, не извѣстивъ ее впередъ о моемъ прѣздѣ. Было около девяти часовъ вечера. Вхожу въ кожанныхъ штиблетахъ, въ грубомъ пальто, въ круглой шляпѣ, въ перчаткахъ изъ кроликовой кожи, съ бородой, четыре дня не бритой; въ до-бавокъ, весь въ грязи, потому что шелъ дождь и часть дороги я проѣхалъ верхомъ. Вообрази, въ какомъ я былъ состояніи. Я былъ мужикъ-мужикомъ. Прѣзжаю, прохожу по корридору, и что же вижу? на каждой ступенькѣ лѣстницы горшки съ дѣтми, вездѣ восковыя свѣчи. Не заѣхалъ ли я въ чужой домъ? Нѣтъ; я узналъ своихъ людей. Всѣ они въ новой ливреѣ. Они едва узнаютъ меня. — «А, вы здѣсь празднуете, любезные?» — Какъ же-съ, вы даете сегодня вечеръ. — Я даю вечеръ? — Да, сударь, гости черезъ часъ станутъ съѣзжаться. Вчера вы дали также большой ужинъ. Каждую недѣлю у васъ бываютъ такія собранія. — «Каждую недѣлю?» — Да, сударь. — «И давно это заведено здѣсь?» — Ужь года два. — Мнѣ казалось, что все это я видѣлъ во снѣ. Фраза пошлая, мой любезный, но она вѣрно выражаетъ мое положеніе въ ту минуту. — «Очень-хорошо» говорю я людямъ: — проводите меня къ барышѣ. — Нельзя, сударь; у

барыни теперь парикмахеръ. — Не правда, говоритъ второй слуга: парикмахеръ ушелъ съ четверть часа назадъ. — Ну, такъ скажите барыни, что я прѣхалъ. — Нельзя говоритъ тотъ же слуга: — у барыни танцмейстеръ; она изволила приказать не приходить никому. — А! барыня учится танцовать! — О, сударь, барыня танцуетъ чудесно; сами сегодня увидите. Женщины покой были заперты для меня; начинали съѣзжаться гости; я убѣжалъ въ кухню, чтобъ спрятаться и подождать, когда женѣ моей угодно будетъ принять меня.

— Какой переворотъ, мой бѣдный Моррѣ!

— Страшный переворотъ, мой другъ. Наконецъ, меня просятъ къ женѣ; она извиняется, говоритъ, что не знала, что я прѣйду, что иначе... что, впрочемъ, она мнѣ очень рада. Будьте, какъ дома, говоритъ она, улыбаясь мнѣ, приростемъ къ полу передъ нею, въ мужицкомъ костюмѣ. Я подошелъ на фермера, принесшаго ей нѣ въ пору оброкъ. У меня достало, однакожъ, духа сказать ей: а где это? — Какъ, я ли это? Разумѣется, а! — Но вы свѣтская дама? — Не сомнѣю. — Убѣряю тебя, любезный капитанъ, отвѣтъ этотъ произнесенъ былъ весьма скромно. Жена моя была такъ же ослѣдительно по своей красотѣ, молодости, изящному наряду, какъ я ужасно. Роли перемѣнились. Но, Люсетта, восхитилъ я: — я женился на васъ ради вашей простоты. — А я, мой другъ, отвѣчала она: — вышла за васъ ради вашего прекраснаго тона, вашего изящнаго вкуса, вашего ума, вашихъ манеръ, которымъ я старалась себя усвоить. — И при этихъ словахъ, она поджала мнѣ преставую ручку въ изящныхъ перчаткахъ; сверхъ-естественное усилие нужно было мнѣ, чтобъ взять эту ручку своей рукой въ кроликовыхъ перчаткахъ. Она продолжала: — Я не оправдалась на васъ за то, что вы вдували сдѣлаться фермеромъ; почему же не правитесь вамъ, мой другъ, то, что я стала свѣтской дамой? что тутъ дурна-

го? Капитанъ, что сдѣлалъ бы ты на моемъ мѣстѣ?

— Не знаю, право; случай такой необыкновенный. Ну, что жъ ты сдѣлалъ?

— Я сталъ у стеклянной двери и сквозь занавѣски видѣлъ все, не будучи никѣмъ видимъ. Вечеръ былъ блистательный. Не стану описывать его; мы видали довольно вечеровъ; но жена моя превзошла все, что въ наше время знали мы по части любезности и свѣтскаго кокетства; она очаровательно пѣла, очаровательно танцевала, и между-тѣмъ исполняла роль хозяйки, какъ опытная вдова. Какъ выучилась она всему этому?

— Разумѣется, во время твоихъ отлучекъ, въ то же время, какъ ты учился жнени мужицкой.

— Въ три года, мой другъ, вѣдь въ три года!

— Въ случаѣ нужды, любезный Моррѣ, она выучилась бы въ три мѣсяца, въ три дня; ужъ таковы женщины!

— Ты понимаешь, капитанъ, что на другой день я постарался узнать, такъ ли глубоко въ ней нравственный переворотъ, какъ имѣлъ я право опасаться. Я убѣдился въ справедности своихъ опасеній. Жена моя была совсѣмъ другою женщиной, точно такъ же, какъ я сдѣлался другимъ человекомъ. Я спросилъ ее, думаетъ ли она продолжать тотъ родъ жизни, блистательный образчикъ котораго я видѣлъ наканунѣ. Она отвѣчала напрямикъ: съ-гѣхъ-поръ, какъ я ношу ваше имя, я не веду другой жизни; это ваша жизнь, жизнь всѣхъ вашихъ пріятелей, ихъ женъ, съ которыми вы меня познакомили, полагаю, для того, чтобъ я имъ подражала. Что касается до пріобрѣтенныхъ мною талантовъ, я пріобрѣла ихъ для того, чтобъ не уронить васъ въ свѣтѣ; я считала это своею обязанностию, это родъ приданаго, которое и хотѣла привести вамъ послѣ замужства. — Очень хорошо, Люсетта, отвѣчалъ я: — когда вы такъ хорошо оправдываетесь, то продолжайте жить такъ, какъ живете; но позвольте же и мнѣ не

измѣнять моей жизни.—Если она вамъ нравится... — Да, она мнѣ нравится, сказалъ я съ досадою. — Исъ-гѣхъ-поръ, мой другъ, передъ женой, въ глазахъ которой я не хотѣлъ разыгрывать роль человѣка, измѣнившего свой характеръ, нравы, костюмъ для того только, чтобъ показаться сущимъ дуракомъ передъ пріятелями, передъ свѣтомъ, я долженъ былъ упрямо оставаться въ томъ наскарадномъ видѣ, какой принялъ я, чтобъ стать въ уровень съ женой, то-есть долженъ былъ сохранять свои мужицкія привычки. Пять лѣтъ я разыгрываю эту комедію; моя роль мучитъ меня; она дѣлаетъ меня то крайне-глупымъ, то бѣшенымъ. Характеръ мой сдѣлался раздражительнѣе. Жена составила себѣ особенный свѣтъ, особенное общество. Въ этомъ свѣтѣ я тяжелъ, не-у мѣста, скученъ, несчастенъ, готовъ каждую минуту возвратиться къ прежнему образу жизни, и показывать женѣ, что могу еще давать ей уроки въ изяществѣ, хорошемъ тонѣ, или отослать ее, какъ грозилъ однажды, къ ея плугу, въ ея ферму, къ ея стаду. Это дурно, капитанъ, очень-дурно, знаю, но еслибъ ты побылъ въ моей кожѣ, то узналъ бы, что я вытерпѣлъ!..

— Я не говорю...

Лицо капитана во время этого разсказа сдѣлалось пасмурнымъ.

— Ты еще не знаешь всего!

— Какъ, еще не все?

— Сегодня утромъ, она попросила меня отвезти ее на балъ во дворецъ.

— Ну?

— Развѣ я могу ѣхать во дворецъ на балъ въ Тюльери? Послѣ восьмидѣлетней деревенской жизни, напялить на себя фракъ, лакированные башмаки, шелковые чулки... Это было бы смѣшно.. А я не хочу, чтобъ смѣлялся! — Если не хотите ѣхать со мною, сказала мнѣ жена:—такъ я поѣду одна, и представлюсь, какъ вдова.. И вообрази, она засмѣялась, засмѣялась такъ дерзко, такъ убійственно, что... я поднялъ на нее руку; она тотчасъ объявила, что не хочетъ жить со мною.

— Мы разоидемся, сударыня, отъ-чалъ я ей:—я уѣзжаю, сегодня же уѣзжаю изъ Парижа. Вашъ отецъ объявить вамъ мои распоряженія относительно обезпеченія вашей участи. И я разстался съ ней сегодня утромъ, и вотъ почему я теперь здѣсь. Да, вотъ почему... Могли я жить долѣе такимъ образомъ? Скажи, мой другъ, хорошо ли я сдѣлалъ?

Друзья безмолвно взглянули другъ на друга.

— Мое мнѣніе, сказалъ наконецъ капитанъ другу:—мое мнѣніе... ты хочешь знать его? Сейчасъ узнаешь... Сначала выпьемъ по рюмочкѣ полыннаго, прибавилъ капитанъ, не сходя съ кресель, отворилъ шкапикъ, стоявшій у камина, и вынулъ оттуда подносъ съ графиномъ полыннаго и съ рюмками. Когда вылиди—капитанъ по привычкѣ, а Морьѣ, чтобъ залить горе, — Модюнъ сказалъ тономъ убѣжденія, очень-страннымъ въ человѣкѣ, который не зналъ пріятностей брачной жизни:

— Я не только одобряю тебя, что ты кинулъ жену, но и соглашаюсь, что нужно было имѣть архи-христианское терпѣніе, чтобъ не сдѣлать этого раньше. Ужъ таковы мужичины, — ты, я, и всѣ другіе — мы боимся больше того, что слабо, чѣмъ того, что сильно. Мы, пожалуй, сдѣлимъ великана, а дрожимъ какъ утки передъ листомъ бумаги, что зовутъ женщиною. Разсужденія, совѣты не служатъ ни къ чему. Ты вооружись всѣми орудіями; женщина дунеть, просто дунеть — и ты унаги. Это глупо, глупо, честное слово, глупо! Къ чему служить намъ то, что у насъ есть борода, желѣзные кулаки, голова? къ чему, скажи да милость, служить они, когда, въ сорокъ шесть лѣтъ, мы таемъ передъ женщиною, какъ свѣтъ? Одобряю ли я тебя?.. Я благословилъ бы тебя, еслибъ зналъ, какъ благословляютъ.

— Ты еще не женатъ, мой другъ, сказалъ Морьѣ:— а что бы ты сказалъ, еслибъ былъ женатъ!.. Теперь, когда ты вполне одобрилъ меня, скажи, что мнѣ дѣлать?

— Что дѣлать? Ты богатъ — путешествуй.

— Путешествовать? Но вѣдь прійдется же когда-нибудь воротиться.

— Ну, такъ что жь?

— Ну, такъ и выйдеть тоже, какъ-будто нигуда не ѣздилъ.

— Ну, такъ живи холостякомъ.

— Это будетъ умище.

— Да, живи холостякомъ.

— Какъ ты, не такъ ли?

— Какъ я... или какъ другіе.

— Нѣтъ, какъ ты. Право, этотъ замокъ — просто рай. Какъ здѣсь хорошо! Какъ душѣ покойно! Нѣтъ ни любовницы, которая разорала бы тебя, ни жены, которая бы тебя мучила; ты — полюбозъ, капитанъ.

— Ну, и у меня есть тоже непріятности, Морьё.

— Непріятности, которыя происходятъ отъ пресыщенія, отъ слишкомъ большаго довольства.

— Не совсѣмъ...

— Я отгадываю твои непріятности; фермеры не платятъ денегъ, не такъ ли? слуги лѣнивы; комары, мухи...

— Есть и другія мухи...

Явился Мистраль; онъ растворилъ обѣ половинки дверей и, съ помощію другаго слуги, внесъ въ залу накрытый и уставленный блюдами столъ.

— Вотъ наконецъ и ужинъ, весело сядька капитанъ.

Вдругъ, у воротъ звѣнка послышался сильный звонъ колокольчика.

Модюн ведротнулъ.

— Половина одиннадцатаго, проговорилъ онъ: — кто бы это могъ пріѣхать?

Колокольчикъ звенѣлъ все сильнѣе и сильнѣе.

— Ужъ не Сара ли? сказалъ Морьё. Пожалуй, она, въ-самомъ-дѣлѣ, вадумала исполнить свое намѣреніе.

— Что ты говоришь про Сару?

— Говорю то, что забылъ сказать тебѣ. Сегодня, проѣзжая бульвары, я встрѣтилъ коляску Сары.

— Какой Сары?

Колокольчикъ не переставалъ звонить, между-тѣмъ, какъ люди бѣжали отворять ворота.

— Сара! твоя прежняя любовница, Сара!

— Ну? Что жь она хотѣла сдѣлать?

— Она мнѣ сказала: куда ты?— Я отвѣчалъ: къ Молюю.— Въ его замокъ?

— Да.— Такъ онъ принимаетъ? — Не знаю.— Ну, такъ скажи, что я пріѣду къ нему сегодня вечеромъ.

— Вотъ тебѣ разъ! воскликнулъ капитанъ.

Восклицаніе его заглушено было двумя пистолетными выстрѣлами, раздавшимися въ большой аллеѣ.

— Она, она! нѣтъ сомнѣнія! сказала капитанъ.— Узнаю ее по этому способу извѣщать о своемъ пріѣздѣ.

Дверь залы съ шумомъ отворилась. Вошла Сара, двѣ ея пріятельницы и старый, износившійся юноша.

— Сара! воскликнулъ капитанъ, не могшій защититься отъ радости при видѣ женщины еще молодой, напомнившей ему послѣдніе прекрасные его годы.

— Капитанъ, позволь поцаловать тебя десять разъ и представить тебѣ двухъ молодыхъ дѣвицъ, которыхъ я учу любви: Пелетту и Табельионъ,—и вотъ этого господина, моего придворнаго шута; ты знаешь его по лыснѣ, и какъ карлиста. Послѣ десерта увидимъ, постарѣли ли мы... За столъ, за столъ, когда столъ накрытъ!

Прибавили еще четыре прибора; увеличили запасъ винъ. Тщетно Мистраль шепталъ на ухо капитану: нѣтъ, сударь, ключей. Отвѣтъ былъ одинъ: ломай двери, братецъ, ломай!

Когда сѣлъ за столъ, Сара, подобно всѣмъ великимъ актѣрамъ, заняла собой, какъ говорится, всю сцену. Сарѣ было тогда тридцать-три года, хотя она съ удивительною самоувѣренностью утверждала, что ей не больше двадцати-пяти лѣтъ. У ней было расположеніе къ дородности, къ аппетитной дородности рубенсовыхъ красавицъ. Она была еще очень-интересна. Любила она литераторовъ, знатныхъ людей, богачей, но въ-особенности любила людей умныхъ, острыхъ. Остроту она обожала. Потому-то она и водила

съ собой Проспера. То былъ ея острякъ, или, лучше сказать, шутъ. Онъ и открылъ правильный разговоръ послѣ первого блюда, съѣденнаго въ молчаніи. Тѣму дала ему Сара, сказать:

— Капитанъ, знаешь ли, у Проспера умеръ дядя?

— Увы! сказалъ Просперъ:— да, былъ умней дядя, и по поводу его кончины, о которой грущу я тѣмъ менѣе, что не я его наследникъ, я предложу вамъ вопросъ, на который прошу отвѣчать.

— Что это за вопросъ?

— Вы знаете, что, когдакто-нибудь умираетъ, этикетъ требуетъ строгаго различія дѣлъ и вещей траурныхъ отъ нетраурныхъ. Спрашиваю васъ, мадера—траурная ли вещь?

— Мадера? — траурная, важно отвѣчала Сара.

— Ну, такъ я пью ее. А старое бургонское тоже траурный напитокъ?

— Совершенно-траурный.

— Благодарю.

И Просперъ безпощадно лилъ въ свой желудокъ траурные напитки.

— Капитанъ, сказала Сара: — ужинъ твой очень-хорошъ, и можно бы подумать, что его готовила знаменитая твоя кухарка, которая служила у тебя въ Рувьскомъ-Предмѣстьи.

— А гдѣ она? спросилъ Морье.

— Не знаю, право, пролепетала капитанъ.

— Какъ, и ты до такой степени непризнателенъ къ ней?

— Нѣтъ... я... разставаясь съ Парижемъ...

— Неблагодарный!

— Я не говорю... но... уѣзжая въ деревню...

— Какъ ее звали?

— Сюзонъ...

— Именно такъ. Сюзонъ кормила васъ отличными обѣдами. Но она, кажется, была брюзга, ворчунья!

— Чудовище по характеру, прибавилъ Морье.

— О, да, настоящее чудовище! похороня Сара.

Капитанъ, чтобъ не отвѣчать, наливалъ Просперу рюмку за рюмкой.

— Позвольте, позвольте, сказалъ Просперъ:— шампанское—траурное вино?

— Траурное, чисто-траурное, сказала Сара. — Капитанъ, продолжала она: — подойди, поцалуй меня. Я не шучу. Модюи съѣлъ подлѣ Сары.

— Посмотримъ, любезный мой медвѣдь, сказала она, играя его сѣдыми волосами: — какъ-то мы постарѣли...

Нагну-ка голову, положи ее на мои колѣни; я дѣлаю это въ чистой дружбы; правда ли, Морье, прибавила она, дружески протанувъ руку экс-банкиру, лобъ котораго началъ разглаживаться.

— Бѣдные, добрые друзья мои, Модюи и Морье, я счастлива, о, очень-счастлива, что нахожусь съ вами обонимъ; я чувствую, что помолодѣла, и кажется, будто скачу я верхомъ въ Сен-Жерменъ, по прекраснымъ аллеямъ, покрытымъ травкою...

Помните ли, какъ кричала я: гой, гой, капитанъ, гой! гой! Помните ли, какъ мы смѣялись, когда герцога... съ изумленіемъ увидалъ меня среди королевскихъ егерей и знатныхъ дамъ...

Посмѣйтесь и сегодня. Вы оба что-то скучны. Подойди ко мнѣ, Морье! Скажи мнѣ, что съ тобой? Честное слово, сѣдые водосы къ тебѣ очень идутъ.— За тѣмъ, обратясь къ воспитанницамъ своимъ, Пелеттѣ и Табельионъ, она сказала имъ торжественнымъ тономъ,— и въ эту минуту она дѣйствительно была прекрасна, съ бокаломъ шампанскаго въ рукахъ, съ своею важностью, съ своими воспоминаніями: — Дѣти, васъ будутъ любить, васъ будутъ бить, васъ будутъ обманывать; и вы тоже будете обманывать; но не надѣйтесь, что васъ станутъ любить, бить и обманывать

вотъ такіе мужички. Форма, въ которой вылиты были это поколѣніе, разбита. За ихъ адоровье, дѣти! Капитанъ, кто знаетъ, когда мы опять увидимся? Вотъ мы не видѣлись восемь лѣтъ! Сдѣлай мнѣ одну милость...

— Что такое?

— Приходи... исполни мою прихоть. Когда я любилъ тебя, ты носилъ гвардейскій мундиръ.

— Ну, да.

— Приходи... исполни мою прихоть. Когда я любилъ тебя, ты носилъ гвардейскій мундиръ.

— Ну, да.

— Мнѣ хочется взглянуть на тебя еще разъ въ этомъ мундирѣ.

— Но...

— Онъ цѣлъ у тебя?

— Цѣлъ, но...

— Ступай же, надѣвъ его, или я зажду твоей замкомъ.

Модюн не могъ найти никакой отговорки.

Чрезъ нѣсколько минутъ капитанъ вошелъ въ залу, но въ томъ же платьѣ, въ которомъ и вышелъ изъ нея.

— Капитанъ, строгимъ тономъ сказала Сара:—это что значить?

— Я, признаться, такъ растолстѣлъ, что никакъ не могъ наплить на себя мундиръ.

Взявъ капитана подъ руку, Сара сказала ему:

— Я это знала, и моя прихоть скрывала въ себѣ урокъ высокой нравственности.

— Какъ! что это значить?

— Это значить, что когда человѣку срокъ лѣтъ, то онъ точно такъ же не долженъ надѣвать платья, которое носилъ въ двадцать-пять лѣтъ, какъ и любить восемнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ.

— Восемнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ!

— Да, объявляю всѣмъ, что здѣсь у капитана есть дѣвушка этихъ лѣтъ, или около этихъ лѣтъ.

— У меня?

— У тебя! какъ только вошла я сюда, такъ сказала сама себѣ: а, тутъ пахнетъ свѣжимъ мясомъ! Баста! Ужели мы повѣримъ, что ты живешь здѣсь огнемъникомъ, когда у тебя столъ такой, какъ у Ришльё, вина жгутъ сердце, ликѣры...

— Что жъ это за дѣвушка?

— Помилуйте, что вы! Сущую правду...

— Ты хочешь сказать правду... подхватила Сара: — правда твоя налицѣ; эти розовыя ленты, этотъ поясъ, этотъ чепчикъ, развѣ ты носишь самъ?

Капитанъ, смущенный, опустил голову.

→ Неизбѣжась его стамлывастью, продолжала Сара. — Наконецъ, мы

узнали твой секретъ; мы не будемъ говорить о немъ; вы не будете говорить, они не будутъ говорить... Теперь, когда мы узнали твой секретъ, вотъ тебѣ нашъ: мы остаемся здѣсь на недѣлю.

Сабельный ударъ, полученный нѣкогда капитаномъ, не произвелъ въ немъ такого сильного ощущенія, какъ это слово Сары.

— И въ теченіи этой недѣли, мы узнаемъ, что надо думать о твоей любезной съ розовыми лентами.

— Оставайтесь, прошу васъ, оставайтесь, проговорилъ капитанъ съ гримасами: — вы ничего не можете придумать для меня пріятнаго.

— Капитанъ, сказала Сара: — мы вполне надѣлись на твою звѣливость; но уже два часа, пора въ объятія Морфея!

— Комнаты ваши готовы, сказалъ капитанъ со всевозможною для него въ эту ужасную минуту граціей.

— Что касается до меня, я беру твою комнату, капитанъ.

— А гдѣ же будетъ почивать баринъ? спросилъ Мистраль съ комическимъ безпокойствомъ.

— Гдѣ ему угодно, мой другъ.

Всѣ встали и пошли, за исключеніемъ Проспера, который спалъ, какъ популярный медвѣдь, и котораго не сочли нужнымъ и возможнымъ разбудить. Въ эту минуту, колокольчикъ у воротъ замка зазвонилъ, но уже не такъ, какъ звонила Сара.

Капитанъ и Мистраль, шедшіе позади гостей, переглянулись. — «Тутъ звонить только мансэль Сюзонъ», сказалъ слуга. Между-тѣмъ, какъ Сара, ее воспитанницы и Моръё, бѣгали и расбѣгая, поднимались вверхъ по стѣбамъ лѣстницы, какая-то женщина, не сводя глазъ съ освѣщенныхъ оконъ вѣнка, торжественными шагами проходила разстояніе, отдѣлявшее ворота отъ вѣнкія.

Капитанъ Модюн остановился, какъ окаменѣлый, съ свѣчомъ въ рукѣ, на томъ мѣстѣ, которое занималъ, когда прозвѣнѣлъ роковой колокольчикъ.

То была Сюзонъ. Не обращая вниманія на столъ и свѣды пира, не обращая вниманія на капитана, который искалъ мѣста, гдѣ бы поставить свѣчу, Сюзонъ кинула свой клѣтчатый салонъ на кресла, въ которыхъ спалъ Просперъ, острякъ и шутъ Сары, сѣла на стулъ, придвинулась къ камину и положила ноги, закутанныя въ синіе шерстяные чулки, на рѣшетку камина, обернувшись спиной къ столу. Невозможно опредѣлить въ точности, какой гимнастикою занимался капитанъ въ первую минуту столь неожиданнаго свиданія. Онъ ходилъ взадъ и впередъ, глядѣлъ на столъ, гасилъ свѣчи, съ ужасомъ слушалъ, не сходя съ мѣста сверху. Сюзонъ не говорила ни слова. Она сжалась, согнулась передъ каминомъ, грѣла въ одно и то же время носъ, руки, колѣни, ноги. Молчаніе скоро прервано было капитаномъ; онъ открылъ разговоръ, разужѣлся, глупостью, какъ всегда случается съ мужчинами, которые слишкомъ торопятся оправдываться передъ женщинами, перифразами шахматными игроками въ свѣтъ.

— Я не ждалъ тебя раньше четырехъ дней.

— Я это вижу, сухо отвѣчала Сюзонъ, не разгибаясь.

— Тебя, Сюзонъ, не было... я, признаться... ты въ Меленъ... я принужденъ былъ принять пріятелей... Надо же принимать людей...

— Конечно.

— Мнѣ было крайне-досадно, Сюзонъ, крайне-досадно...

— Понимаю, сударь, вамъ не нужно и говорить этого.

— Ты понимаешь... безъ тебя все идетъ неладно... но, по совѣсти, могли бы я связать пріятелей: ступайте внизъ! Нѣтъ!

— Въ самомъ дѣлѣ, зѣвать бѣднымъ дамамъ нонуда было бы дѣваться. Парижанка—народъ такой робкій; въ роство, здѣсь есть дамы, съ которыми вы погуливали въ свое время?

— Да, вы здѣсь есть дамы; но...

— Не зачѣтъ же вы мнѣ не скажете, что онъ пріѣдутъ?

— Я самъ ничего не зналъ, утѣряю тебя, не зналъ, сказалъ капитанъ, гася проворно, какъ ловкій слуга, свѣчи, чтобъ угодить скупой Сюзонъ.—Такъ посуди же, въ какое положеніе... надо было изготовить ужинъ, а тебя нѣтъ...

— А! видно, ваша обыкновенная кухня показалась слишкомъ-простою этимъ дамамъ. Вы угостили ихъ фазанки, грибами, которые стоятъ теперь двадцать-пять франковъ фунтъ, грибами, бордосскими шампанскими...

— Я попотчивалъ ихъ всѣмъ этимъ понемножку, умеренно... Иначе, они сочили бы меня срягой, медвѣдець...

— Конечно! конечно! Вы хотѣли показать имъ, что здѣсь бросаютъ все за окно...

— Ты ошибаешься. Эти люди привыкли жить такимъ образомъ; они пріѣхали ко мнѣ не за тѣмъ, чтобъ пить, смѣяться, ѣсть, шумѣть; они очень-хорошіе люди.

Когда капитанъ оканчивалъ свою фразу, онъ услышалъ голосъ Сары, которая пѣла:

Спите, спите, Парижане!

Спите, спите, Парижане!

Пусть говорятъ умереть!

Чаекъ урочный бьетъ,

Чаекъ гаситъ огонь!

Модии съ ужасомъ взглянулъ на Сюзонъ.

Сюзонъ какъ-будто ничего не слышала, и съ анноншиемъ гомонъ Сары, пробужденнаго все-эте старое вѣмка, продолжала съ тѣмъ же своей-стилемъ:

— Впрочемъ, сударь, вѣдь вы таковы господишь.

— Господишь?!. Камерсъ, я не совоинъ полюбуюсь его правами...

— Кто же вамъ мѣшаетъ? Естество, какъ досадно вамъ столовое вѣлье, серебро, хрова, вина? Вѣдь ключи бѣжи со мной?

— Я былъ принужденъ, отвѣчалъ капитанъ, который душалъ про себя:

слава Богу, она не слышала Сары... я была принуждена...

— Вы посылали куда-нибудь...

— Не то, чтобы посылать, Сюзонъ.

— О, нѣтъ, сказалъ Мистраль, который, показавшись въ дверяхъ, съ радостью глядѣлъ на мученіе барыня:

— О, нѣтъ! господинъ капитанъ...

— Что ты тутъ дѣлаешь?

— Я пришелъ, сударь, спросить, не нужно ли нагрѣть постели барынямъ...

— Разбойникъ! прошептала капитанъ. — Всѣ спать теперь... не нужно.

Снова послышался голосъ Сары, которая кричала изъ всей мочи: Эй, Морьё! Эй, капитанъ! Эй, Просперъ! Эй, люди!

— Видите, сударь, сказалъ Мистраль: — еще не спать.

— Убирайся вонъ! крикнувъ громовымъ голосомъ капитанъ.

— Постой! сказала Сюзонъ. — Принеси мнѣ бульйона и холодной телятины, на которую эти дамы, вѣроятно, и не взглянули. Мнѣ хочется поѣсть... я прозябла.

— Слушаю-съ.

Мистраль, передъ выходомъ, остановился, чтобъ послушать и коварно указать пальцемъ на верхъ дѣстницы, откуда неся голосъ Сары, дѣвшею теперь во все горло:

Есть дѣвочки, дѣвочки,

Та ра ра ра, та ра ра!

Она намекнула на своихъ воспитанницъ.

— Отъ-чего же, сказалъ капитанъ, которому хотѣлось бы, какъ Оталло, задунуть Сару подушкой: — отъ-чего же не дочень ты съѣсть кусокъ пирога съ дичиной?

— Не по нашему, сударь, носу это уживается.

— Позво!..

— Не по нашимъ зубамъ, сударь. Оно хорошо для краснакъ и молодыхъ дамъ, которыми здѣсь ужинали.

— Вотъ ужъ сейчасъ и красавица! сказалъ капитанъ, который, вида спокойствіе Сюзонъ, сдѣлался смѣлѣе: — что зависитъ...

— Ничъ же лучше, если онъ красавица

и молодая! Развѣ я нѣтъ завидую? Вотъ бы хорошо, еслибъ я стала завидовать. Известное дѣло: у каждого человѣка свои дѣла, какъ у каждого свое мѣсто на свѣтѣ. Я ваша кухарка... прикажете ли пойдти нагрѣть постели этимъ дамамъ?

Капитанъ увидѣлъ свою ошибку; между-тѣмъ онъ думалъ: «слава Богу, по крайней-мѣрѣ, Сара уснула... ее не слышно... вотъ лалась ночка!...» Онъ отвѣчалъ на продолжскій вопросъ Сюзонъ: допущу ли, я тебя до этого?.. Тебѣ грѣть постель?

— Какъ угодно, сударь... Такъ-таки пришлось разломать замки въ шкапахъ, чтобъ достать бѣлье и посуду?

— Да, они немножко сломаны... Я очень досадовалъ за тебя... Завтра прійдетъ слесарь и починитъ.

— Очень-хорошо, сударь.

Эти слова: «очень-хорошо, сударь», сказаны были такъ, какъ не сказала бы сама г-жа Дорваль. Все тутъ было — и кухарка, и служанка-любовница, и любовница, и много другихъ вещей.

— Ты можешь быть совершенно-спокойна на счетъ посуды, фарфора и хрустала. Ничто не испорчено, не разбито.

— Да нѣтъ-то что? Все это принадлежитъ вамъ, сударь. Коли что-нибудь разбито, вамъ же хуже.

Капитанъ слыхомъ испорчился сказать: — Развѣ у меня въ гостяхъ люди, которые привыкли бить что ни попало?.. Въ эту самую минуту страшный трескъ потрясъ дѣстницу и весь замокъ; за трескомъ слѣдовала слѣдующая рѣчь Сары:

— Когда вы нѣтъ не отвѣчаете, ни ты, капитанъ, ни ты, Просперъ, ни ты, Морьё, такъ вотъ чѣмъ я бужу васъ. Въ замкѣ капитана одинъ пресоломъ стало меньше!

Морьё рѣшился отвѣчать изъ своей коннаты:

— Чего же ты хочешь, демонъ-Сара?

— Чего я хочу?

— Да, что ты такъ шумишь?

— Я хочу поговорить съ тобой о женѣ твоей.

— Дай мнѣ спать.

Сюзонъ въ это время продолжала грѣться.

— Говорять, что ты женатъ.

— Оставь меня въ покоѣ!

— Да? ты женатъ?.. Модюн! капитанъ! Морьё женатъ?

— Она не уснетъ, эта проклятая Сара! съ бѣшенствомъ ворчала капитанъ, уже немощный сомнѣваться, что Сюзонъ все слышитъ.

— Скажи мнѣ, что женатъ, и я оставлю тебя въ покоѣ.

— Ну, да, женатъ.

— Хорошо! теперь я сплю... Сплю! вскричала она изъ всей мочи.

Наконецъ, она замолчала.

— Я васъ сирашиваю, сударь, продолжала Сюзонъ, какъ-будто разговоръ не прерывался: — развѣ я васъ упрекаю въ чемъ-нибудь.

— Нѣтъ... но я думаю, что ты сердилъсь...

— Мнѣ что за стать сердиться за то, что вы поужинали съ пріятелями, что вы разложили свои шкапы, перепачкали свое бѣлье, перемарили свой китайскій фарфоръ? Я могу, сударь, дать вамъ только совѣтъ — привести поскорѣе въ порядокъ эти прекрасныя вещи.

— Я исполню твой совѣтъ, отвѣчалъ капитанъ, радуясь случаю показать свою снисходительность. — Мистраль прійдетъ и перемоетъ фарфоръ и хрусталь. Не Мистраль, такъ Нанонъ.

— Нанонъ легла спать.

— А кто ей позволилъ?

— Я, сударь, когда воротилась домой. Я сказала ей и другимъ людямъ, чтобъ шли спать. Я не знала, что въ замкѣ былъ праздникъ, пиръ. Впрочемъ, если прикажете, можно разбудить ихъ.

— Не нужно!.. Можно и завтра убрать фарфоръ. А если ты боишься, чтобъ чего не случилось, такъ можно куда-нибудь поставить посуду вотъ въ этотъ шкафъ.

— Немытую-то? Правъ, можно поду-

мать, что она принадлежитъ мнѣ; такъ мало вы заботитесь о ней.

— Такъ что же дѣлать?

— Видно мнѣ надо поправить безобразіе, который причинили эти красавицы, сказала Сюзонъ, отходя отъ камина, чтобъ перемыть фарфоръ и хрусталь. — Это моя обязанность. Эхъ, еслибъ я была вашей женой, или только вашей любовницей, можетъ-быть, не сдалась бы я вамъ такъ легко!

— Нѣтъ, чортъ возьми! вскричалъ увлеченный вспыльчивостью капитанъ. — Я не хочу такъ дорого платить за услуги! Это не твое дѣло. Кинь его! Онъ оттолкнулъ ее отъ стола, и она упала на диванъ.

И въ самомъ сильномъ порывѣ гнѣва всегда-покорный капитанъ налилъ воды въ чашу и опустилъ туда одну за другой тарелки, чашки, рюмки, стаканы. Вымолокавъ, онъ сталъ вынимать посуду по-одиначкѣ и вытирать ее салфеткой.

Сюзонъ неподвижно лежала на диванѣ. Капитанъ оканчивалъ работу поваренка, когда Мистраль вошелъ съ бульономъ и телятиной для ужина Сюзонъ.

— Что это? Баринъ моетъ посуду!

Сюзонъ незамѣтно улыбнулась.

Капитанъ стоялъ, какъ окаменѣлый, съ фарфоровой чашкой въ одной рукѣ, съ салфеткой въ другой. Онъ забылъ, что Мистраль пошелъ за ужиномъ.

Сюзонъ была точно Омфала, заставившая пріять Геркулеса... нѣтъ, она была выше Омфалы, потому-что Омфала не была вухаркой. Ловкая кухарка дала знакъ Мистралю, чтобъ онъ унесъ назадъ ужинъ и приказала ему въ то же время ложиться спать. Мистраль ушелъ.

— Итакъ, только я, да она не спитъ теперь въ замкѣ. Казнь моя кончилась... думаю несчастный капитанъ.

— А завтра? а послѣ завтра? Что мнѣ дѣлать съ Морьё, съ Сарой, съ ея свитой, съ Сюзонъ?

Положеніе капитана относительно кухарки похоже было на положеніе многихъ старыхъ холостяковъ. Исто-

рия его есть тайная история большей части тѣхъ людей, которые, нѣсколько лѣтъ употребляютъ во зло неограниченную свободу холостой жизни, исчезаютъ со сцены вдругъ, какъ будто проваливаются въ пору сулгера. Ихъ нищутъ и не находятъ. Ни друзья, ни любовники, ни знакомые не могутъ сказать, куда они дѣвались. Часто ихъ считаютъ покойниками. Многие починаютъ такъ, какъ капитанъ:

Капитанъ даже умелъ, еще съ 1880 года, съ того времени, какъ долженъ былъ покинуть военную службу; держалъ въ услуженіи Сюзонъ. Она переселилась тогда на край Рульского-Преклѣтья, къ востаръ, и проводила тамъ время съ нѣсколькими пріятелями, старыми товарищами своими удовольствій въ прекрасные годы реставраціи.

Тогда адамидою его стала; вѣтъ оладой она обладала была глубокому и разнообразному таланту Сюзонъ. Сюзонъ было тридцать лѣтъ, когда поступила она въ услуженіе къ капитану. Она была толста, жирна, но, не смотря на то, бойка и проворна. Сметливость выражалась въ ея маденькихъ и черныхъ глазахъ. Нормандская бѣлизна кожи дѣлала то, что этотъ массивный и грузный ансамбль не отталкивалъ отъ себя въ то время такъ, какъ можно было бы подумать; притомъ, Сюзонъ не выказывала притязаній нравиться кому бы то ни было. Но этотъ послѣдній цвѣтъ молодости не долго долженъ былъ украшать ее: отъ огня, губительнаго для фарфора и кухарокъ, кожа ея лопалась, потилась, краснѣла и во многихъ мѣстахъ стала походить на сальтъ. Въ трудной службѣ капитана Медви, молодой слонъ со-дня-на-день болѣе и болѣе превращался въ гиппопотамъ. Притомъ, сочные пары утучняли ее... Капитанъ очень уважалъ Сюзонъ; кромѣ удивительнаго кухоннаго таланта, онъ видѣлъ въ ней необыкновенный талантъ экономическій. Какъ умѣла она торговаться! Онъ ни за что не отпустилъ бы ее отъ себя, еслибы она потребовала прибавки шестисотъ франковъ къ своему жалованью.

Сюзонъ приучила его къ экономіи, къ порядку, и онъ любилъ по вечерамъ повѣрять съ нею дневные расходы и расчитывать расходы завтрашніе. Нельзя описать, какъ заботилась Сюзонъ о своемъ господинѣ, какъ умѣла она нагрѣвать его ванну, какъ мастерски выглаживала его тонкое бѣлье, какъ смотрѣла за тѣмъ, чтобы сапоги его всегда были вычищены, какъ предвидѣла простуду, невареніе желудка, угадывала угрозы, что капитанъ дурно спалъ ночью. Притомъ, нельзя опустить и этого: у Сюзонъ были чрезвычайно-бѣлыя руки, пухленькія, формы неукоризненной; капитанъ завѣчалъ руки Сюзонъ каждое утро, когда она приносила ему въ постель чашку теплаго молока и «La Quotidienne». Онъ сдѣлался болѣе: Сюзонъ ухаживала за нимъ; выздоровленіе было продолжительнѣе болѣзни, и Сюзонъ составляла единственное его общество. Въ это-то время онъ пересталъ принимать гостей и ѣздить въ гости. Скоро онъ переселился въ свой замокъ и почти совсѣмъ исчезъ для свѣта.

Никто не зналъ, какую жизнь ведетъ онъ въ замкѣ. Думали, что онъ живетъ, какъ живутъ всѣ деревенскіе помѣшники, что онъ ѣздитъ къ богатымъ своимъ сосѣдямъ. Модной дѣльнѣ этого развлечения: кухаркѣ его весьма-выгодно было отдѣлать его совершенно отъ этого свѣта, который такъ умѣетъ ловить своихъ бѣглецовъ; она хотѣла сохранить власть, которую приобрѣла надъ нимъ. Эта власть извѣстна была слугамъ замка, которые исполнители посмѣивались надъ ней, но должны были признавать ее подъ опасеніемъ немедленнаго изгнанія изъ службы. Одинъ Мистраль любилъ эту власть, или по-крайней-мѣрѣ пожелывалъ видѣть, что любитъ ее, и горе тому, кто въ присутствіи его выражалъ къ ней презрѣніе. Мистраль составлялъ тайную полицію Сюзонъ. Его очень боялись, и самъ капитанъ не смѣлъ дурно обращаться съ нимъ. Тамъ щеголь, *merveilleux* времени реставраціи,

сегнулся, сплюснулся подъ наглою кухарки! Мы объяснили, сколько полагаетъ человеческая физиология, эту страшную тайну, всё части которой, однакожь, необъяснимы. Странный, дикій вкнутъ многихъ людей, особенно людей истощенныхъ свѣтской жизнию, убѣгаетъ отъ анализа, срывалась подъ широкое и врачное крыло самого человѣка,—этой великой тайны. Кто по-вѣритъ, что капитану Сюзонъ нравилась не тогда, когда она была, дурно ли, хорошо ли, но разряжена, а тогда, какъ стояла передъ огнемъ, у печки, засучивъ рукава выше локтей, подоткнувъ платье, съ разторѣвшимися щеками!.. Сюзонъ скоро приобрѣла власть деспотическую. Какъ мы видѣли въ предшествующихъ сценахъ, у ней были ключи отъ вѣнъ, дверей, столовой посуды и пр. Даже ключи отъ ящичковъ, гдѣ хранились деньги, были у ней же. Капитанъ просилъ у ней двадцать су на табакъ, когда курительный запахъ его источался. Вообразите же, каковъ былъ ударъ, полученный кухаркой-госпожой, когда она, возвратясь въ замокъ, увидѣла его осѣщеннымъ, когда еще на дѣстниці обдалъ ее запахомъ пирушки! Сюзонъ сказала сама себѣ: все это въ нѣсколько часовъ отлучки! Что же, еслибъ меня не было въ замкѣ четыре дня? Нѣтъ, впередъ ни ногой изъ замка!

Капитанъ, полагая, что въ замкѣ наконецъ всё уснули, и, для личнаго своего покая, желая упрочить миръ съ Сюзонъ, которой брѣзгливый характеръ былъ уже ему извѣстенъ, приблизился къ дивану, на которомъ лежала она, и сказалъ ей ласково:

— А ты развѣ не пойдешь спать? Ты, вѣроятно, очень устала. Ты воротилась такъ поздно ночью, въ холодъ...

— Развѣ я вамъ мѣшаю?

— Что за мысль!

— Если васъ ждуть тамъ сверху, ступайте; я останусь здѣсь.

— Ждуть? Кто же?

— Почему мнѣ знать?

— Я тебя не понимаю...

— Тыяъ хуже...

— Я тебя рѣшительно не понимаю, повторилъ капитанъ, облокотившись на подушку, поддерживавшую голову Сюзонъ.

— Не понимаете, такъ нечего и говорить.

— Напротивъ, можно объясниться.

— Что жъ мнѣ говорить вамъ?

— Руки твои очень-холоды.

Сюзонъ позволила капитану взять свою руку, но случайно глаза ея обратились къ двери; въ полу-кратъ, на дѣстниці, увидѣла она нѣсколько внимательныхъ и любознательныхъ головъ. То были Морья, Сара и двѣ ея воспитанницы. Она проворно отняла руку.

— Оставьте меня, сударь.

— Ты еще сердитыиен!

— Я не сержусь; но оставьте меня.

Что вамъ нужно еще сказать мнѣ?

— Что я очень-довольна твоимъ возвращеніемъ.

— Нраве?

— Ты сомнѣваешься!

— Нѣтъ; но я хочу, чтобъ вы шли спать.

— Помирися, Сюзонъ, помирися!

— Если вы не хотите оставить меня, такъ я васъ оставлю.

Сюзонъ встала. Капитанъ силится остановить ее.

— Остаиься же!

— Говорю вамъ... И Сюзонъ, вырвавшись изъ его рукъ, убѣжала на другой конецъ залы.

— О, злая толстуха! Если ты не хочешь подойти ко мнѣ, я тебя поймаю...

— Попробуйте.

Не описываемъ сцены, какъ капитанъ ловилъ проворную кухарку и не могъ поймать ее. Какія странныя мысли должны были родиться въ головахъ безмолвныхъ зрителей этой сцены! Сара и воспитанницы ея едва удерживались отъ хохота; Морья былъ въ смущеніи. — Такъ вотъ причина его затворничества! говорилъ онъ самъ-про-себя. — Просперъ спалъ подъ салономъ Сюзонъ.

Высганъ скоро кончилось. — А! сна-

вать капитанъ: — такъ ты не хочешь того, чего я хочу?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ...

— Въ такомъ случаѣ я уйду изъ замка.

— Уидеешь?

— Да. Сегодня, на дорогѣ, я повстрѣчалась съ мелёнскимъ почтальйономъ; онъ отдалъ мнѣ письмо отъ матери моей, матушка требуетъ, чтобы я воротилась къ ней; она стара; она мнѣ очень шуму не мѣя.

То былъ новый и страшный ударъ для капитана.

— По-этому-то, спокойно продолжала Сюзонъ: — а и воротилась такъ рано въ замокъ. Я уложу свои вещи и уйду.

— Ты говоришь серьёзно?

— Серьёзно.

Капитану представляется печальная будущность, омрадавшая его; если Сюзонъ, къ которой онъ привыкъ, какъ къ звѣздѣ, оставитъ его. Кто можетъ занять ея мѣсто? Она одна умѣла угождать ему; она управляла его домомъ, который надобно поправить, если она его покинетъ. Куда же идти? Не-уже-ли опять въ Парижъ? Бодяжендикъ сжалось его сердце; онъ готовъ былъ замкаться.

— Развѣ тебѣ не хорошо здѣсь? съ участіемъ спросилъ онъ Сюзонъ.

— Я не говорю этого...

— Хочешь прибавки жалованья?

— Что вы, сударь!...

— Почему жъ ты хочешь уйти отсюда?

— Я вамъ сказала почему; матушка стара, больна; она зоветъ меня въ Мелёнъ.

Капитанъ задумался.

— А развѣ нельзя сдѣлать такъ, чтобы она перѣехала сюда?

— Но вы забыли, сударь, длинное письмо, которое написала она мнѣ, годъ два назадъ, и въ которомъ упрекала меня за поведеніе...

Сюзонъ потупила глаза; Сара чуть не до крови уцѣпила Пелетту, которая принуждена была убѣждать вѣрнѣе, и т. д. ХХІІ. — Ф. д. VII.

чтобы поспѣхаться на свободу, потому что она уже задыхалась.

— Твое поведеніе! сказала капитанъ.

— Что ни говоримъ, сударь, матушка была права.

— Да что можешь она знать?

— А моя совѣсть.

— А! ты становишься набобной!

— Я, сударь, всегда одобряла своей радостію... Итакъ, завтра утромъ я отправляюсь въ Мелёнъ.

Капитанъ всталъ Сюзонъ за руку; она же отнимала руку.

— Сюзонъ, еще можешь это уладить?

— Не знаю, какъ...

— Да! все можно уладить.

— Я ждала бы... не...

— Слушай! — Капитанъ нагнулся къ Сюзонъ и сказалъ что-то въполголоса.

— А ваши друзья? спросила вслухъ Сюзонъ.

— У меня нѣтъ болѣе друзей.

— А свѣтъ?

— Я смѣюсь надъ нимъ.

— Въ такомъ случаѣ, все сдѣлано будетъ по-крайней-мѣрѣ безъ шума, безъ огласки?

— Безъ шума.

Сюзонъ боже и боже возвышала голосъ, чтобы тайные слушатели не могли проронить ни одного слова. Она продолжала:

— Мы новѣчаемъ ночью.

— Какъ ты хочешь.

— И скоро?

— Какъ захочешь... черезъ три мѣсяца...

— Черезъ мѣсяць.

— Пожалуй, черезъ мѣсяць.

— Только, пожалуйста, не скажите объ этомъ гостямъ; знаете, пойдутъ толки, слухи. Я буду для нихъ кударкою, пока они будутъ въ вѣнѣ; я накажу завтра же людей, какъ надо обращаться со мною, чтобы не возбудить въ гостяхъ подозрѣній...

— Благодарю, Сюзонъ. Такъ ты не покинешь меня?

— Нѣтъ.

Сюзонъ во второй разъ потупила глаза; капитанъ прижалъ ее къ своей груди, но въ этомъ дѣйствіи она, въ

роятно, оба поскользнулись и упали въ кресло, гдѣ спалъ Просперъ. Острикъ, пробужденный этимъ двойнымъ грузомъ, всталъ, къ удивленію и ужасу Сюзонъ.

Крикъ ужаса кухарки позволилъ Сарѣ и ея воспитанницѣ испустить нѣсколько другихъ болѣе-веселыхъ криковъ, которые сочтены были за эхо. Онѣ убѣжали наверхъ. Довольно насмотрѣлись и наслашались онѣ! Еще неспроставшійся Просперъ, сатаясь поплелся въ свою комнату. Сюзонъ отправилась также спать счастливая и гордая, какъ вдова Спарронъ въ ту ночь, когда Лудовикъ XIV сказалъ ей: вы будете моей женой! Она ушла, кинувъ капитану одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые зажигаютъ сердце старыхъ холостяковъ, какъ вязанку дровъ, и сказавъ, что устала и завтра встанетъ не раньше одиннадцати часовъ. Модюн остался одинъ.

Много мыслей промало въ головѣ его. Нельзя уже было думать объ отступленіи. Позади его—мертвое прошедшее; впереди—пустое будущее; настоящее сурово, но по-крайней-мѣрѣ выносимо. Онъ устроить свое нѣвіе; племянники его не останутся въ накладѣ; а что касается до соблазна, камей могъ причинить подобный бракъ, онъ могъ отратить его средоточіемъ, часто удающимся—молчаніемъ. Можетъ-быть, станутъ предполагать такой бракъ, но никто не будетъ нѣтъ въ рнаго доказательства. И притомъ, у кого же нѣтъ тайной раны подъ плащомъ?..

— Кончено! сказалъ капитанъ, выпивъ сряду нѣсколько рюмокъ вишневой водки:—я раздроблю голову всякому, кто станетъ говорить, что я сѣдлалъ дурно.—Тѣмъ и заключилъ онъ свой монологъ, взявъ свѣчу и пошелъ спать.

Выходя изъ залы, онъ услышалъ звонъ ключей, повертывавшихся въ замкахъ, въ разныхъ этажахъ зданія. Капитанъ скоро догадался, что это значить. Онъ вспомнилъ, что когда Сюзонъ хотѣла отдать какой-нибудь приказъ по замку, то заперла каждыя

го слугу въ его комнату, чтобы потомъ прійти къ нему утромъ и объявитъ ему, какое участіе долженъ онъ прінять въ общемъ дѣлѣ. Капитанъ зналъ какое дѣло хотѣла исполнить Сюзонъ. Она должна была приказывать слугамъ, чтобы они не оказывали ей при гостяхъ излишняго уваженія и покорности. Онъ вышелъ изъ залы. Такъ-какъ комната его занята была Сарой, то онъ рѣшился переночевать въ одной изъ комнатокъ на чердакѣ. Измученный, разстроенный, поднимался онъ вверхъ по ступенькамъ ветхой лѣстницы замка; вдругъ, проходя мимо комнату Сары и Морьѣ, онъ увидѣлъ, что у дверей ихъ стоятъ дамскія полусапожки и сапоги Морьѣ.

— Я забылъ! воскликнулъ капитанъ, ударивъ себя кулакомъ по лбу:—забылъ, что они тутъ будутъ стоять, и что утромъ они должны быть вычищены. Экая досада! Сюзонъ встанетъ въ одиннадцать часовъ, а она заперла всѣхъ людей. Вотъ будетъ чудесно! Что скажетъ Сара, что скажетъ Морьѣ, что скажутъ всѣ, когда увидятъ, что сапоги и полусапожки не вычищены?—Нѣтъ, этого не должно быть! Но что же дѣлать? Пойди теперь къ Сюзонъ и велѣть ей встать въ семь часовъ, когда она думаетъ проспаться до одиннадцати, встать, — чтобы вычистить сапоги этимъ господамъ... встать ей, которая современемъ... скоро... Нѣтъ, слуга покорный! — А другіе люди подъ замкомъ; ключи у Сюзонъ... если разбудить ее потребовать ключей, она подумаетъ, что я требую ихъ по какой-нибудь другой причинѣ, и не дастъ... Вотъ бѣда... Надо, однакожъ, какъ-нибудь выпутаться... но какъ?—Какъ бы ни было, только бы выпутаться!

Онъ отправился въ кухню, отыскалъ ваксу и бутылку съ лакомъ, затѣмъ поспѣшно поднялся опять вверхъ, поставилъ свѣчу на ступеньку лѣстницы, этажомъ ниже тѣхъ комнатъ, гдѣ спали гости, сѣлъ на краю другой ступеньки, и, весь въ поту, хотя на лѣстницѣ былъ страшный холодъ, привалился сначала за доусадомъ Са-

ры и началъ очищать ихъ сухою щеткою. Ужасная работа! Такъ-какъ онъ никогда не упражнялся въ этомъ по-этическомъ занятіи, то дѣло шло плохо: онъ не снималъ пыли, а разсыпалъ ее; она лѣзла ему въ ротъ, въ горло, въ глаза. Онъ кашлялъ, чихалъ, бѣсился. Эта возня обратила на себя вниманіе гостей, которые, слишкомъ взволнованные ужиномъ, все еще не могли заснуть. Всѣ, по истинити, на ципочкахъ, таинственно вышли изъ своихъ комнатъ и увидѣли зрѣлище невыразимое, необыкновенное. Старый гвардейскій капитанъ, любимецъ прежняго двора, богатый, любезный, остроумный, изящный, благородный, чистилъ сапоги, побоявшись — это не трудно было угадать гостямъ — побоявшись разбудить для этого кухарку! Съ жалостью смотрѣли зрители на эту сцену униженія. Морьё погрузился въ размышленіе о своей участи сравнительно съ участью Модюи. Состраданіе, винушенное глубокимъ униженіемъ Модюи, совершенно исчезло, когда зрители увидѣли, что, наладировавъ дамскіе сапожки и сапоги Морьё, капитанъ вдругъ съ ужасомъ открылъ въ темномъ углу дѣстницы сапоги Проспера. Грязь покрывала ихъ сверху донизу. — А все-таки надо... горестно проговорилъ капитанъ. Онъ запустилъ руку въ глубь голенища, вынулъ ржавымъ кускомъ желѣза, и началъ сирести грязь. Грязь падала комками. Наконецъ, онъ добрался до кожи, покрылъ ее ваксой... о какъ нечего было и думать. Въ рубашкѣ, съ бумажнымъ колпакомъ на головѣ, Просперъ, стоя между Сарой и ея воспитанницами, корчился, какъ индійскій факиръ... Наконецъ, эта жалкая комедія, представленіе которой, съ разными переиѣнами, каждый день дается почти у всѣхъ старыхъ холостяковъ, кончилась. Зрители потихоньку убрались въ комнату. Сара успѣла, однажды, сказать: — Будь я Сюзонъ, будь я кухаркой Модюи, я бѣ сдѣлала еще не то. Видите эту грязь: я бы заставила его ѣсть ее.

Просперъ позволилъ себѣ только

слѣдующее замѣчаніе: — А вѣдь ему ничего не стоило бы подарить мнѣ новую пару!

На другой день, гости, сошедъ въ залу очень-поздно, впрочемъ еще до завтрака, нашли тамъ капитана, который ждалъ ихъ.

— Это что значить? воскликнулъ капитанъ: — вы въ дорожномъ платьѣ?

— Мы уѣзжаемъ, капитанъ, отвѣчая Сара.

— Уѣзжаете! А вы дали слово остаться здѣсь на недѣлю...

— Это для того только, чтобъ испытать тебя, сказала Сара. Мы вполне довольны твоимъ гостепрѣимствомъ.

— Вы шутите...

— Мы скажемъ Парижу, что замокъ твой представилъ намъ все, что мы были въ правѣ ожидать отъ благородной любезности его владѣльца.

— Я не могу еще повѣрить... говорилъ капитанъ, который чувствовалъ, что у него гора сваливается съ плечъ.

— Оставшись долѣе, вѣдь мы не увеземъ болѣе прѣйнаго воспоминанія о твоёмъ сердцѣ!.. Мы...

— Капитанъ! воскликнула Сара, прервавъ вдругъ рѣчь и обнявъ Модюи, который не могъ принять ея вѣжности и чувствительности, потому-что въ глазахъ Сары скатилось нѣсколько слезъ на усы его.

— Капитанъ!.. капитанъ!.. восклицала она.

— Что, моя добрая Сара, что съ тобой?

— Я... я... Эхъ! еслибъ я имѣла счастье быть честной дѣвушкой!

— Что жь бы ты сдѣлала?

— Ничего... Прощай! Прощай, капитанъ!

Модюи былъ тронуть; онъ почти угадывалъ... Онъ сказалъ Морьё: — и ты, тоже покидаешь меня? Ты куда ѣдешь?

— Куда ѣду?

— Да...

— Домой, къ женѣ.

— Къ женѣ? Но...

— Я раздумалъ, Модюи.

— А!

— Да! Ночь дастъ совѣты.

И Морьё дружески пожалъ руку капитану.

— Что касается до меня, капитанъ, сказалъ Просперъ, прощаясь съ нимъ въ свою очередь, между-тѣмъ, какъ Морьё, Сара и ея воспитанницы сѣлись уже въ коляску: — я долженъ выразить вамъ мою глубокую, вѣчную признательность.

— Мнѣ?

— Вамъ, капитанъ.

— За что?

— За — сапоги!..

Сюзонъ теперь госпожи Модюи-дела-Валоньеръ.

*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

ВОЗРАЖЕНІЕ НА «АНТИКРИТИКУ», НАПЕЧАТАННУЮ ВЪ 47, 48 И 49 НУМЕРАХЪ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» 1844 ГОДА, ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ: «ЗАМѢЧАНІЯ НА КРИТИКУ ОРНИТОГНОЗИС Г. ЭЙХВАЛЬДА, ПОМѢЩЕННУЮ ВЪ XI НУМЕРѢ ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1844 ГОДА».

Когда я читалъ трудъ г. Эйхвальда, попался мнѣ одинъ изъ номеровъ журнала «the Athenaeum». Перелистывая его, я былъ пораженъ краткостью разбора двухъ весьма-вышедшихъ въ Англій сочиненій; отъмысли отъ таихъ сурьезнѣйшыхъ и сжаты, что я дозволю себѣ представить ихъ въ точномъ переводѣ вниманію читателей:

«Геологія для начинающихъ», соч.

Ричардсона (*). «Мысль изданія этой книги хороша, но исполненіе ея плохое. Краткое изложеніе началъ многихъ наукъ, входящихъ въ составъ геологіи, требуетъ болѣе основательныхъ знаній, нежели какія могутъ быть приписаны, по-видимому, самому г. Ричардсону. Геологія не есть наука для начинающихъ; точное знаніе естественной исторіи и физики должно составлять настоящій предметъ предуготовительнаго наученія для геолога, послѣ чего можетъ онъ непосредственно перейти къ трудамъ извѣстныхъ по этой части ученыхъ. Нѣкоторые политипажныя изображенія окаменѣлостей въ этомъ сочиненіи заимствованы изъ другихъ твореній, безъ показанія источниковъ. Например., рисунки 203 и 204 на страницѣ 374 хотя и выдаются за изображенія образцовъ, находящихся въ собственной коллекціи автора, но они составляютъ копія съ фигуръ 179 и 180, приложенныхъ къ сочиненію Лейбеля Elements of Geology, представляя окаменѣлости изъ коллекціи г. Боуер-банка».

«Практическая минералогія, Эдварда Чапмана (**). Чистая минералогія предана въ Англій совершенному и незаслуженному пренебреженію, въ такой степени, что появленіе всякой новой книги по этому предмету составляетъ событіе неожиданное. Авторъ настоящаго сочиненія, заботясь снабдить учащихъ полезнымъ ручнымъ руководствомъ, жалуетъ въ особомъ введеніи на недостатокъ всѣхъ, до-нынѣ существующихъ сочиненій подобающаго рода. Но книга его не служитъ дополненіемъ трудамъ Джемсона и Филиппса, а небреженіе на показаніе геологическихъ отношеній, представляемыхъ истороженіями минералогъ,

(*) The Athenaeum, journal of English and foreign Literature, Science and fine arts. Part CXCIV. March. 1844, стр. 198.

(**) Тотъ же журналъ и номеръ, стр. 295.

• содѣлываетъ ее совершенно-безполезною. Хорошая книга по части практической минералогіи должна содержать въ себѣ болѣе кристаллографіи, химіи и геологіи, нежели трудъ г. Чапмана.

И коротко и ясно! Счастливы критикъ, считающій себя въ правѣ оцѣнить немногими словами сущность толстой книги; не менѣе счастливы журналъ, приобрѣтшій такую степень довѣренности, что принимаетъ подобныя статьи.

Прочитавъ Ориктогнозію знаменитаго въ лѣтописяхъ наукъ г. Эйхвальда съ особеннымъ желаніемъ изучить трудъ его подробно и основательно, я былъ испуганъ жалкимъ изложеніемъ науки прекрасной, одной изъ полезнѣйшихъ и, сообразивъ его съ современнымъ состояніемъ ученія минералогическаго, оставилъ себѣ окончательно слѣдующее простое заключеніе: въ книгѣ этой плохо изложена минералогія, въ ней много даже непонятнаго; сочиненіе состоитъ изъ лоскутковъ другихъ твореній безъ указателя источниковъ. Въ системѣ господствуетъ величайшая сбивчивость, и наконецъ книга, задана весьма небрежно къ тому отношенію, что погрѣшности исправлены до 281 страницы, а всего страницъ въ ней 374. Такая непонятная поспѣшность въ глазахъ многихъ можетъ быть перетолкована даже неуваженіемъ къ ученой публикѣ. Наконецъ, разбирающій эту книгу, при самомъ искреннемъ желаніи отыскать къ ней что-либо дѣльное, рѣшительно найдетъ лишь одинъ отрицательный достоинства.

Вотъ мнѣніе, котораго я и донынѣ придерживаюсь; можетъ ли я дерзнуть обнародовать его, не приведя доказательства многочисленныхъ и основательныхъ? Подписать свое имя подъ критикою я не имѣю намѣренія, приступая къ составленію ея, потому что кому какое дѣло, кто критикуетъ, кто оцѣниваетъ, лишь бы оцѣнка была сдѣлана безпристрастно, по убѣжденію, что, сію думать, выполнено

мною. Я смотрѣлъ на дѣло, а не на лицо: пусть же и читатели моей статьи смотрятъ только на статью, а не на лицо, которое написало ее.

Плодомъ труда моего была статья, занимающая въ 11-ой книгѣ «Отеч. Записокъ» прошлаго года 44 страницы. Всѣ, имѣвшіе терпѣніе прочитать ее, вѣроятно отдадутъ мнѣ справедливость, что я исполнилъ дѣло свое добросовѣстно. Я разбираю только трудъ г. Эйхвальда, не допуская пустыхъ насмѣшекъ, приводя всюду выписки изъ сочиненій признанныхъ классическими; безъ сомнѣнія, въ критикѣ моей нѣтъ и слѣда тѣхъ приторныхъ остротъ, и, что хуже, намековъ на такъ-называемую личность автора, котораго, впрочемъ, я и знать вовсе не имѣю. Всѣ подобныя уловки жалки; онѣ доказываютъ безсиліе ума пройти прямо къ предположенной цѣли, не развлекая вниманіе читателя пустяками, доказывающими желчное расхожденіе.

Когда критика моя вышла въ свѣтъ, незнакомыя и нѣкимъ-неподобряемыя, я прислушивался внимательно къ отзывамъ лицъ, мнѣніе которыхъ въ дѣлахъ подобнаго рода цѣнится высоко. Не пускаясь въ дальнѣйшія разгладоствія, скажу только, мнѣ было особенно отрадно, что всѣ единогласно одобряли справедливость мнѣній моихъ и хитроумную, съ жеманною наглостию, въ сущности своего содержанія стрелу, рѣзкая и непримирялая. Лучшею наградою мнѣ было осуществленіе мысли, — мысли чуждой своей корысти и внушенной любовью къ наукѣ — оставить разливъ вздорныхъ похвалъ. Она была мною послана и оцѣнена настоящимъ образомъ. Критика и рецензія, такъ-называемыя въ просторѣчій соринныя травы, заглушаютъ полезныя провѣщенія, и зереніе садовода тщетально закрываетъ ихъ. Многие были до легкой степени увлечены вѣрностью моихъ доводовъ, что изъясляла во всеобщемъ желаніи, чтобы критика подобнаго рода являлась чаще и по другимъ отдѣламъ наукъ.

Были недовольные, которыми не нравилось, что мой разбор длинен; да позволено мнѣ будетъ сказать въ оправданіе, что я не имѣлъ *особо* расчета растянуть его; но обстоятельный сводъ доказательствъ казался мнѣ необходимымъ, чтобъ придать ему большаго вѣса и больше отчетливости; можно ли было въ короткой статьѣ разобратъ трудъ г. Эйхвальда, единственныи по его обработкѣ?

Многимъ, однакожь, казалось странно читать о немъ въ разныхъ журналахъ совершенно-несходные отзывы. Въ одномъ изъ нихъ (*), мѣсяцемъ ранее выхода моей критики, объявлено было о книгѣ г. Эйхвальда слѣдующимъ образомъ:

«Начало обширнаго и полезнаго труда, въ достоинствахъ котораго ручается имя автора. Подъ названіемъ «Ориктогнозія» издается онъ въ этомъ томѣ, Минералогію съ Кристаллографіей. Слѣдующія части будутъ содержать въ себѣ, Геогнозію и Палеонтологію. Все это вмѣстѣ составитъ «Полный курсъ Геологическихъ наукъ». Недостатокъ русскихъ сочиненій по этимъ отраслямъ-наукамъ, особенно въ сочиненіяхъ, представляющихъ геологическія науки въ духъ современнаго вида, придаетъ новую цѣну предпріятію академика Эйхвальда. Книга его, предназначенная и удачно приспособленная къ преподаванію, составлена совѣстно, съ хорошими выборомъ подробностей и съ корыстными рисунками въ самомъ точномъ. Выше въ ней особенно то, что изложеніе предметовъ принародлено къ изслѣдованію почвъ Россіи, въ чемъ никто не можетъ руководствовать лучше и вѣрнѣе г. Эйхвальда, который прошелъ ее вдоль и поперекъ съ молоткомъ геолога въ рукахъ».

И только! Позвольте спросить васъ, написавшаго эти строки, читали ли вы книгу г. Эйхвальда? можете ли вы оцѣнить достоинство труда минералогическаго? убѣждены ли вы въ томъ, что разсмотрѣнная книга составлена до-

бросовѣтно, удачно приспособлена къ преподаванію, и что никто не можетъ руководствовать въ этомъ дѣлѣ лучше г. Эйхвальда. Поможите руку на сердце и скажите, убѣждены ли вы въ этомъ, или за *достоинства* эти *ручается* или *ученаю автору*? Мнѣ кажется, васъ ввела въ заблужденіе первая страница, представляющая великолѣпный ученый титулъ, но развѣ не случается, что и хорошій актёръ можетъ, по обстоятельствамъ, играть иногда очень-худо? развѣ не можетъ случиться, что и ученый можетъ написать пустую книгу? Путешествія же г. Эйхвальда съ молоткомъ въ рукахъ ничего не доказываютъ; къ тому же, онъ путешествовалъ не вдоль и поперекъ всей Россіи, а только по югозападной части европейской половины ея; слѣдовательно, мнѣніе ваше ошибочно; тамъ, гдѣ встрѣчается наиболѣе минераловъ, г. Эйхвальду вовсе бывать не случилось.

Далѣе прочиталъ я въ 285 № «Сѣверной Пчелы» за минувшій годъ статью въ родѣ книгопродавческаго объявленія объ «Ориктогнозіи» г. Эйхвальда. Тамъ сказано:

«Академикъ Эйхвальдъ и прот. излагаетъ въ напечатанномъ имъ сочиненіи не только общую минералогію, но въ особенностяхъ и частіямъ. Онъ описываетъ въ общей части I) *математическіе* признаки минераловъ или кристаллографію, объясняя всадѣ свое (!) описаніе различныхъ кристаллическихъ системъ вырѣзанными изъ дѣревянъ фигурами, первыми для подобнаго руководства въ Россіи; не менѣе подробно описываются и другіе признаки минераловъ, II) *химическіе* (стр. 46), и III) *физическіе* (стр. 64). — Вторая часть называется систематологією, въ которой сочинитель старается поддерживать *естественную* систему минералогіи, предпочитаемую намъ предъ предпріятою у насъ *химическою*, основываясь на томъ, что отличныя минералогіи нынѣ слѣдуютъ *естественной* системѣ, и что другія *естественныя* науки, Вотаника и Зоологія, не допускаютъ химическаго разложенія растеній или животныхъ для составленія классификаціи. Впрочемъ каждая химическая система искусственна и безпрестанно мѣняется,

(*) «Библиотека для Чтенія». 1844 годъ. Октябрь. Литературная Лѣтопись, стр. 51 — 52.

между тѣмъ какъ естественная система безпрестанно совершенствуется каждымъ новымъ опытомъ. При частномъ изложеніи минераловъ описываются не только всѣ важныя наружныя признаки, но въ особенности каменныя ядра и употребленія. Мѣстонахожденіе минераловъ въ Россіи такъ подробно и такъ полно нигдѣ не описано; можетъ быть, не пропущено ни одного важнаго мѣстонахожденія минераловъ, ни одного важнаго минерала; всѣ новые минералы Россіи здѣсь впервые статистически описываются. Для употребленія минераловъ прибавлено особое отдѣленіе, между тѣмъ какъ оно обыкновенно почти вовсе пропускается въ другихъ руководствахъ».

«Въ примѣръ описанія можно указать на золото, стр. 96, на желѣзо, стр. 103, гдѣ на стр. 108 описываются также всѣ историческіе камни, упоминувъ въ Россіи; такого подробнаго описанія ихъ не встрѣчается нигдѣ въ русскихъ сочиненіяхъ; на алмазъ, стр. 235 и проч.»

Статьи эта не подписана. Въ этомъ объявленіи увѣряютъ публику, что у г. Эйхвальда свое (!) описаніе кристалловъ, что теперь всѣ отличныя минералогіи слѣдуютъ естественной системѣ, что отлично изложено нахожденіе и употребленіе минераловъ, въ такой степени подробно, какъ нигдѣ описано не было...

Такиъ же, можно, господамъ рекомендуемой «Ориктогнозій» г. Эйхвальда? гдѣ у васъ память? развѣ забыли вы «Руководство къ Минералогіи» г. Соколова, гдѣ дѣйствительно въ первый разъ очень-подробно исчислено мѣстонахожденіе русскихъ минераловъ, а въ особомъ дополненіи показано техническое употребленіе минераловъ? Не-уже-ли вы это забыли? Что же касается до исправленія другихъ распушенныхъ въ этомъ объявленіи несообразностей, мнѣ вѣтъ охоты повторять ихъ и терять по напрасну слова; совѣтую прочесть критику мою въ XI книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». Намъ хвалить полноту труда г. Эйхвальда, и въ образцы выставляютъ нѣсколько аршиновъ: числа лучше словъ; посмотрите, какъ много страницъ занима-

етъ описаніе этихъ образцовъ сравнительно у гг. Эйхвальда и Соколова.

У г. Эйхвальда.

У г. Соколова.

(се вклуч. дополн.)

Золото 3! стр.

23 стр.

Желѣзо 20 —

150 —

Алмазъ 2! —

10 —

Вотъ справедливость журнальныхъ отзывовъ о книгѣ г. Эйхвальда! (*)

Въ доказательство того, до какой степени часто подшучиваютъ надъ публикою, можно привести «Антикритику» г. Ю. С. на разборъ мой, помѣщенную въ «Литературной Газетѣ» прошлаго года. Меня дивитъ незнаеніе и самоувѣренность строгаго судіи моего.

Я не столько любопытенъ и не имѣю ни малѣйшаго желанія знать, кѣмъ писана антикритика на разборъ мой: я желаю имѣть дѣло не съ лицомъ писавшимъ ее, а съ нею самою.

Вѣроятно, лица, удостоившія трудъ мой безпристрастнаго вниманіемъ, замѣтили въ немъ слѣдующія мѣста:

1) «.....Я предполагаю, что разборъ мой будетъ читаться и обсуживаться людьми, имѣющими нѣкоторыя свѣдѣнія въ минералогіи; для остальныхъ многое будетъ непонятно,—но виною тому специальность предметовъ, [которые поочередно подвергнутся перебору нашему. (Объяснять ихъ для всѣхъ, значило бы написать краткій обзоръ всей науки)].

2) «Въ наукахъ положительныхъ факты говорятъ сами за себя, при разборѣ чистоты ученыхъ сочиненій вѣтъ надобности и умѣстнаго умѣла доказать не предельно съ неизвѣстной точки зрѣнія и истинать ее не произволу; здѣсь голая истина безъ всякихъ прикрасъ, и кто правъ въ своемъ»

(*) Къ числу хвалебныхъ разборовъ «Ориктогнозій» г. Эйхвальда, можно бы также присовокупить напечатанный г. Языковымъ, въ XI № «Москвитинна» за минувшій годъ. Цѣня высоко заслуги г. Языкова на поприщѣ отечественной геологіи и желая доказать истинное уваженіе лица, которое никогда не будетъ ему неизвѣстно, не мѣлоу въ дальнѣйшее разбирательство смысла двѣ статьи.

миѣнія, такъ же легко можетъ доказать его, какъ я обнаружилъ незнаніе и крайнее заблужденіе.

3) «Мы взяли на себя трудъ подвергнуть статьи эти единичному, строгому и пріядому разбору, ссылаясь при всякомъ удобномъ случаѣ на печатные источники, достовѣрность которыхъ не подлагать никакому сомнѣнію, слѣдовательно, для сочинителя не можетъ быть прискорбно, если я, лицо ему неизвѣстное, осмѣялся выставить его заблужденія.»

Если бы г. антикритикъ имѣлъ нѣкоторыя минералогическія свѣдѣнія, вѣроятно онъ не сталъ бы опровергать миѣнія мои, доказанныя выписками изъ писателей, признанныхъ классическими; еслибы онъ взялъ трудъ хладнокровно обсудить цѣль моей статьи, то никогда не сталъ бы придираться почти на каждой страницѣ, что я умлю смотрѣть на такой трудъ, въ которомъ факты говорятъ сами-за-себя, и отъ-чего, указывая ошибки, я не исправляю ихъ. Я сказалъ положительно, что это вовсе не входило въ планъ труда моего, и это должно было бы лишитъ его смѣлости упрекать меня въ умѣньи хулить, но не исправлять текстъ книги г. Эйхвальда.

Цѣль антикритика, независимо отъ желанія «отдѣлать» меня на-пропалую, двоякая: 1) доказать (стр. 823), что никто «изъ нашихъ зоологовъ, палеонтологовъ или геогностовъ не можетъ быть сравненъ съ г. Эйхвальдомъ» и что никто «изъ нашихъ ученыхъ, не только въ дѣятельности не превзошелъ, но даже не сравнился или не приблизился къ г. Эйхвальду»; что (стр. 838) «чужіе края, а равнымъ образомъ и Россія уважаютъ нашего соотечественника, и (стр. 802) неужели г. Эйхвальдъ, извѣстный своими учеными трудами съ выгодной стороны въ-продолженіи 20 лѣтъ, пользовался незаслуженнымъ уваженіемъ не только всѣхъ соотечественниковъ, но и иностранныхъ ученыхъ», — и 2) что «курсъ минералогіи, изданный г. Эйхвальдомъ, хотя и имѣетъ нѣкоторыя ошибки, но очень хорошъ, полезенъ и полезенъ».

Это естественно внушаетъ мнѣ мысль 1) удостовѣриться ближе въ степени ученыхъ заслугъ г. Эйхвальда, 2) рассмотреть, какъ основательны возраженія противъ миѣнія моего, столь подробно и отчетливо изложеннаго въ первомъ разборѣ.

Дивясь необыкновенной дѣятельности г. Эйхвальда, г. антикритикъ говорить (стр. 823):

«Онъ помощію микроскопа наблюдалъ и описалъ въ текущемъ (1844) году болѣе 300 видовъ наливочныхъ животныхъ, водящихся въ стоячихъ водахъ Санктпетербурга; онъ же въ этомъ году описалъ болѣе 20 видовъ ископаемыхъ рыбъ въ окрестностяхъ Павловска, откуда до-сихъ-поръ не было извѣстно ни одной.»

Дѣйствительно, въ «Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou» (année 1844, numera 3 и 4) изложены наблюденія г. Эйхвальда и особо отпечатаны подъ заглавіемъ «Beitrag zur Infusorienkunde Russland's». Но это въ своемъ родѣ такого же достоинства, какъ сама «Ориктогнозія» г. Эйхвальда. — Вотъ что говорить между прочимъ этотъ ученый во вступленіи къ своему сочиненію (стр. 4 и слѣд.):

«Къ наименѣе изслѣдованнымъ (относительно распредѣленія инфузорій) странамъ принадлежитъ Россія. Кромѣ небольшого числа видовъ инфузорій, опредѣленныхъ Эренбергомъ, во время его путешествія съ г. Гумбольдтомъ по Россіи, намъ почти неизвѣстно никакого другаго наблюдателя, оказавшаго хотя нѣкоторую услугу въ изслѣдованіи инфузорій русскихъ, а потому тѣмъ убитѣльнѣе, что г. дѣйствительный статскій совѣтникъ Вейссе, занимавшійся много лѣтъ изслѣдованіемъ инфузорій изъ окрестностей Петербурга, сообщилъ наконецъ естественнспытателямъ русскимъ списокъ 150 видовъ имъ замѣченныхъ.»

«Такъ-какъ я занимаюсь неослабно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ изслѣдованіемъ Петербургскихъ инфузорій, то дѣлю съ

иду предложить некоторые наблюдения об этих замѣчательныхъ и красивыхъ формахъ незримаго міра; такимъ образомъ я съ другомъ моимъ докторомъ Вейссе, кляду основаніе, которому могутъ придерживаться будущіе наблюдатели и которое они могутъ возводить далѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ это описаніе должно служить дополненіемъ и распространеніемъ наблюдений г. Вейсса.»

Этотъ требуетъ, однакоже, некоторыхъ объясненій и, къ сожалѣнію, такихъ, какія немногими словами сдѣланы быть не могутъ. Эренбергъ, прославившійся въ повѣйшее время изслѣдованіями инфузорій, собралъ всѣ наблюденія свои въ великолѣпномъ сочиненіи подъ заглавіемъ «Die Infusorien-thierchen als vollkommene Organismen» (Leipzig. 1838. in 4), и описалъ въ немъ 720 породъ (Arten); въ бытность Эренберга въ 1829 году съ барономъ Гумбольдтомъ въ Россіи, первый самъ опредѣлилъ 113 породъ (*), — слѣдовательно, тогда уже приведена была въ извѣстность въ Россіи почти 6½ часть всѣхъ извѣстныхъ десятилѣтій познѣ инфузорій, — а потому едва ли вѣлѣя считать, что начало сдѣлано было прочное и оказалось, что нѣтъ основаній жаловаться на крайнюю скудность познаній о распредѣленіи инфузорій въ Россіи.

Первый, начавшій заниматься въ Россіи изслѣдованіемъ инфузорій, былъ нѣкто Безеке, приложившій шесть фигуръ къ описанію инфузорій, найденныхъ имъ въ окрестностяхъ Митавы; краткая статейка его, первое извѣстіе объ инфузоріяхъ русскихъ, помѣщена была въ 1784 году въ «Leipziger Magazin» (Томе IV, 3, р. 319, и слѣд.).

Съ тѣхъ поръ, до конца первой четверти текущаго столѣтія, преслѣдованіе этихъ любопытныхъ наблюдений предано было совершенному забвенію.

Эренбергъ (*) свидѣтельствуетъ, что въ бытность его въ Россіи, занимались ими только гг. докторъ Вейссе и академикъ Пандеръ; въ вышеупомянутомъ огромномъ сочиненіи своемъ (стр. 76), онъ описываетъ даже особую породу подъ именемъ *Bacterium pulchrum*, замѣченную имъ въ 1829 году, въ хлѣбной водѣ, приготовленной г. докторомъ Вейссе. — Занятія г. Пандера приняты въ послѣдствіи времени другое направленіе, но г. докторъ Вейссе продолжалъ дѣятельно трудиться въ тѣмъ, безъ огласки, какъ работаютъ всѣ люди добросовѣстные.

Между тѣмъ, профессоръ здѣшняго университета, г. Куторга, напечаталъ въ 1839 году обширную статью подъ заглавіемъ «Естественная Исторія наливочныхъ животныхъ», переведенную въ 1841 году на нѣмецкій языкъ; въ этомъ трудѣ, впервые на русскомъ языкѣ, изложены были ясно и удовлетворительно свѣдѣнія объ этомъ мирѣ незримыхъ чудесъ творенія, этихъ дивныхъ народонаселеній капли воды, въ которыхъ жизнь является въ формахъ непостижимо-малыхъ. Г. Куторга пользовался и самъ, какъ говорить и объясняетъ ссылками, многими изъ сочиненій Эренберга; но трудъ его вѣлѣя разсматривать какъ простую компиляцію; самыя мысли его о мѣстѣ, занимаемомъ наливочными животными въ системѣ царства животнаго (см. стр. 6 русскаго изданія), отличны отъ понятій Эренберга; г. Куторга дѣйствительно производилъ собственные наблюденія, доказательствомъ чему служатъ многіе чертежи въ самомъ текстѣ, поясняющіе, на-примѣръ, наблюденія надъ *Vorticella microstoma*, и чертежи на таблицѣ VII его атласа, въ которомъ всѣ рисунки, означенные звѣздочкой, составлены самимъ г. Ку-

(*) *Physikalische Abhandlungen der königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, aus dem Jahre 1830 (Berlin, 1832)* въ статьѣ: *Beiträge zur Kenntniss der Organisation der Infusorien und ihrer geographischen Verbreitung, besonders in Sibirien.*

(*) *Naturgeschichte der Infusorientiere, von Professor S. Kutorga. Atlas. Carlsruhe. 1841, esp. 11 и 12.*

торгой, къ объясненію произведенныхъ имъ наблюденій, въ-слѣдствіе которыхъ установлено нѣсколько новыхъ породъ ископаемыхъ инфузорій, каковы напримѣръ: *Xanthidium carut Medusae*, *Peredinium tetrapus*, *Staurogrum inaeque*.

Наконецъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1843 года (1) г. Вейссе сообщилъ здѣшней Академіи Наукъ росписаніе 135 породъ инфузорій, найденныхъ имъ въ окрестностяхъ Санктпетербурга.

Г. академикъ Брандтъ напечатала въ томъ же номерѣ, въ-слѣдъ за статью доктора Вейссе, извѣстіе о 19 породахъ инфузорій, собранныхъ имъ частію съ докторомъ Рупрехтомъ на морскомъ берегу, 40 верстъ западнѣе Ораніенбаума, частію имъ - самимъ въ окрестностяхъ этого же города, — и въ спискѣ доктора Вейссе ненаходившихся (2).

Академія наша высокооцѣнила плодъ пятнадцатилѣтнихъ трудовъ г. доктора Вейссе, и г. непремѣнный секретарь (3) ея, въ отчетѣ за 1843 годъ, называетъ его основателемъ систематическаго изслѣдованія инфузорій изъ окрестностей Санктпетербурга, единственныи извѣстнымъ академіи лицомъ, занимающимся этимъ труднымъ и любопытнымъ предметомъ.

Но вдругъ явилось новое лицо — г. Эйхвальдъ, и плодомъ выступленія его на это новое поприще была огромная статья, о которой мы нѣсколько-выше говорили, и въ которой излагаются

объясненія о 340 породахъ, распределенныхъ въ 164 рода.

Одннадцатаго октября 1844 года, г. докторъ Вейссе (1) представлялъ въ Академію Наукъ второе, болѣе-полное росписаніе инфузорій, найденныхъ имъ исключительно въ окрестностяхъ Петербурга, изъ котораго оказывается, что въ этихъ мѣстностяхъ замѣчены имъ 131 родъ изъ числа 188, установленныхъ Эренбергомъ, и свыше 300 породъ, что составляетъ $\frac{2}{3}$ всего количества инфузорій, описанныхъ въ большемъ сочиненіи Эренберга и болѣе половины изъ числа 570 породъ, найденныхъ имъ въ окрестностяхъ Берлина (2).

Спрашивается, можно ли послѣ этого ставить заслуги г. доктора Вейссе на одну степень съ заслугами по части инфузорій г. Эйхвальда и провозглашать послѣдняго однимъ изъ основателей систематическаго изслѣдованія отечественныхъ инфузорій?

Безъ всякаго сомнѣнія, Академія права, и всякій поставитъ себѣ честию пристать къ ея мнѣнію, отдающему это справедливо-заслуженное названіе одному только г. Вейссе. Отъ-чего ни г. Куторга, ни г. Брандтъ — опредѣляшіе или новые виды, или показавшіе присутствіе уже извѣстныхъ, но еще не замѣченныхъ въ окрестностяхъ Петербурга, не присволяютъ себѣ этого названія, хотя, по понятіямъ своимъ, г. Куторга имѣетъ на это нѣкоторое право?

Г. Вейссе, работая пятнадцать лѣтъ, установилъ только одну новую породу: *Syringogyna vicilis*, и приложилъ къ описанію ея рисункъ; этотъ досто-чтенный ученый такъ правдолюбивъ и добросовѣстенъ, что объясняетъ чер-

(1) Bulletin de la classe physico-mathématique de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. Tome III. N 2.

(2) Кромя одной *Polytoma Uvella*, называвшейся прежде *Monas polytoma* и подъ этимъ названіемъ опредѣленной г. Брандтомъ; Эренбергъ въ позднѣйшихъ трудахъ своихъ измѣнилъ это названіе и придалъ ей *Polytoma Uvella*, какъ она упомянута въ спискѣ г. Вейссе. См. замѣчаніе г. Вейссе въ статьѣ его, помѣщенной въ Bulletin de l'Acad. T. III. N 21, 22.

(3) То же изданіе. Tome II. 1844. Suppl. стр. 11.

(1) Bullet. de la cl. phys. math. de l'Acad. de Saint-Petersbourg. T. III. N 21 и 22.

(2) Изслѣдованіемъ московскихъ инфузорій началъ заниматься съ нѣкотораго времени г. Румаль, который нашелъ уже 46 худе еще опредѣленныхъ породъ, найденныхъ въ окрестностяхъ этого города.

режесть самораздѣленіе инфузоріи *Trachelius trichophorus*, довольно-простое и, по-видимому, не требовавшее столь строгой отчетности? Но какъ не отдать ей должной доли справедливости, когда дѣло идетъ о такихъ малѣйшихъ существахъ, величина которыхъ иногда не болѣе $\frac{1}{1200}$ части парижской линіи; до полутора ста милліоновъ ихъ, именно *Monas Okenii*, по вычисленію доктора Вейссе, составляютъ только одинъ гранъ; 187 милліоновъ инфузоріи *Gallionella distans*, по вычисленію Эренберга, равняются такому же вѣсу. Тамъ, гдѣ невооруженный глазъ отказывается быть руководителемъ, описанія наблюдаемыхъ предметовъ должны быть какъ-можно-полнѣе, и всякая вновь-устанавливаемая порода необходимо должна быть объяснена чертежами. Заглянемъ въ трудъ г. Эйхвальда и посмотримъ, какъ распорядился онъ по этому случаю.

Всѣ упоминаемыя въ статьѣ его и въ Россіи водящіяся породы инфузоріи могутъ быть распредѣлены слѣдующимъ образомъ по наблюдателямъ, ихъ опредѣлявшимъ:

	П о р о д ы		
	Извѣст-ныя.	Совнѣ-тельныя.	Новыя.
Эренбергъ опредѣ- лилъ	20	—	—
Докторъ Вейссе	22	—	—
Безеке	1	—	—
Г. Эйхвальдъ	307	19	8
	350	19	8

377

Для объясненія этой таблицы считаемъ необходимымъ приложить нѣкоторыя замѣчанія.

1) Цифра 20, поставленная противу Эренберга, показываетъ въ отдѣльности число породъ инфузоріи, опредѣленныхъ имъ въ Россіи, которыя въ окрестностяхъ Петербурга еще не затѣчаны; цифра 22 противу доктора Вейссе,—число породъ инфузоріи уже извѣстныхъ, но не Эренбергомъ, ни г. Эйхвальдомъ еще въ Россіи незамѣченныхъ.

2) При слѣченіи росписанія петербургскихъ инфузоріи, представленныя г. докторомъ Вейссе въ адѣшную Академію Наукъ, первое 8 декабря 1843 года и второе 11 октября 1844 года, съ сочиненіемъ Эйхвальда, которое было представлено въ Москву (*) къ началу іюля 1844 года, открывается слѣдующее обстоятельство. Г. Эйхвальдъ упоминаетъ о такихъ наблюденіяхъ доктора Вейссе, которыя имъ-самимъ еще обнаружены не были, на-примѣръ, онъ говоритъ о *Uroglena valvosa*, *Arceolina hyalina*, *Euastrum rotata*, *Trachelocerca biceps*, *Microsedon clavus*, *Anurea stipitata*, *Pterodina patina*, которыхъ въ первомъ спискѣ не находится, но которыя включены во второй, вышедшій послѣ статьи г. Эйхвальда. Публикнѣ нѣтъ надобности входить въ разбирательство дружескихъ соотношеній; онъ имѣетъ полное право разбирать и судить о направленіи умственной дѣятельности пишущаго еслова по одинымъ печатнымъ произведеніямъ ихъ; но г. Эйхвальдъ не имѣлъ даже предосторожности замѣтить, что онъ разглашаетъ преждевременно открытія г. доктора Вейссе съ его собственнаго дозволенія!

3) Описаніе инфузоріи чрезвычайно-кратко; безъ него или вовсе можно бы обійтись, какъ это сдѣлалъ г. Вейссе, составившій одни списки съ нѣкоторыми пояснительными замѣтками, или, если г. Эйхвальдъ имѣлъ въ виду приложить описанія, они должны бы были опредѣлительнѣе; кака, на-примѣръ, польза отъ подобнаго діагноза:

Стр. 8. *Monas scintillans* отличается своимъ качательнымъ движеніемъ, и найдена въ водѣ, стоявшей долгое время въ комнатѣ.

Стр. 8. *Monas crubescens*, яйцевидно-кругла, красновата, длиною $\frac{1}{144}$ линіи.

(*) Какъ видѣть можно изъ послѣдств. г. цехора Смагирова, разринившаго печатать III томъ Записокъ Московскаго Общества Исслѣдатель Природы 4 іюля 1844 года.

Стр. 10. *Polytoma uvella*, разнообразно скопленные вмѣстѣ, находятся въ водѣ, долгое время стоявшей въ комнатѣ.

Почти вся книга состоитъ изъ такихъ точныхъ опредѣленій, но и для знающихъ и для желающихъ учиться, они совершенно - бесполезны по ихъ краткости.

4) Но вотъ удивительное наблюдение (стр. 52):

* *Gallionella ferruginea*, принадлежитъ къ малѣйшимъ породамъ этого рода, ибо имѣетъ въ длину не болѣе 100 линій; отдѣльные животныя ея продолговато-яйцевидны, желтоваты и лежатъ въ длинныхъ тонкихъ кренистыхъ панцыряхъ, которые часто согнуты; онѣ находятся, можетъ быть, во всѣхъ желѣзистыхъ водахъ, гдѣ обыкновенно принимаются за осѣвший желѣзный окисль, покрывая все, что находится подъ водою, но однако же не встрѣчаются въ желѣзистой водѣ на Малой-Охтѣ, въ саду Купчелова-Безбородко, которая употребляется для купанья и болѣею частію содержатъ *Navicula viridis* и *viridula*, а равнымъ образомъ *Nav. fulva*.

Спрашивается: гдѣ же наблюдалъ г. Эйхвальдъ эту инфузорію и знаетъ ее въ свое сочиненіе, чтобъ сказать, что она на Охтѣ не встрѣчается? Ни Эренбергъ, ни г. докторъ Вейссе, ни г. Курторга также не наблюдали ея въ Россіи.

5) Г. Эйхвальдъ, какъ видно изъ выше-приложенной таблицы, наблюдалъ самъ всего 334 породы; изъ того числа 19 сомнительныхъ (на-прим., *Synura uvella*, *Spirodiscus fulvus*, *Distigma tenax*, *Amoeba radiosa*, *Desmidiium aculeatum*, *Arthrodesmus convergens*, *Eustrum integerrimum*, *Navicula acus*, *Meridion n. sp.*, *Pantotrichum Echechylus*, *Trichoda ingenita*, и проч.), то есть, отнесенныхъ къ описаннымъ въ скобкахъ породамъ по наибольшему сходству, хотя изъ замѣтокъ г. Эйхвальда усматривается, что онѣ отличаются отъ нихъ нѣкоторыми особенностями, и наконецъ вновь установлено 8 породъ, а именно: *Cryptomonas n. sp.*, *Closterium lineola*, *Closterium ob-*

versum, *Gallionella irregularis*, *Navicula cochlearis*, *Bacillaria incrassata*, *Lophocharis triangulum*, *Brachionus costulatus*.

6) Но ни эти сомнительныя, ни вновь установленныя породы, составляющія въ совокупности слишкомъ 12-ю часть всѣхъ породъ, разсмотрѣнныхъ г. Эйхвальдомъ, не удостоились чести быти изображенными на рисункахъ, какіе это дѣлается всюду и всѣми, и описаны чрезвычайно-коротко.

7) Свершивъ такой подвигъ, г. Эйхвальдъ преспокойно говоритъ, что онъ основатель систематическаго изученія инфузорій въ Россіи. Аже, напротивъ, во всеуслышаніе и въ честь объяснить и г. Эйхвальду, и всѣмъ, кому о томъ знать угодно, что статья его объ инфузоріяхъ, не заключая въ себѣ ничего замѣчательнаго, но представляя компиляцію изъ трудовъ Эренберга и доктора Вейссе, будетъ служить для будущаго наблюдателей камнемъ преткновенія. Кѣмъ бы ни была найдена впродъ новая инфузорія, всякая можетъ быть объявлена г. Эйхвальдомъ его собственнымъ достояніемъ, давно уже сдѣланнымъ открытіемъ... Но возможно ли спорить о вещахъ чрезмѣрно-малыхъ, худо-описанныхъ и неизобразенныхъ?

Читателей, которые въ словахъ моихъ будутъ находить слѣды желанія уронить заслуги г. Эйхвальда, прошу терпѣливо подождать отзыва г. Эренберга о трудѣ нашего знаменитаго соотечественника; впрочемъ, объясненіе всего дѣла такъ просто и понятно, что его можно считать рѣшеннымъ.

Перейдемъ теперь къ изслѣдованіямъ г. Эйхвальда о рыбахъ первобытнаго океана въ окрестностяхъ Павловска. Всѣ обстоятельства, до этого дѣла относящіяся, могутъ быть приличіе всего изложены въ хронологическомъ порядкѣ.

Странгвейсъ, въ сочиненіи своемъ «*Geological sketch of the environs of St. Petersburg*» (London. 1821), описываетъ видѣнную имъ по теченію рѣки Ижоры, на протяженіи 8 верстъ, сор-

націю песчаника краснаго цвѣта, котораго, по мнѣнію его, въ слѣдствіе соображенія ея минералогическихъ признаковъ и напластованія, прикрываетъ петербургскій переходный известнякъ, и которую сравнивалъ онъ съ нѣкоторыми пластами англійскими, признавая ихъ за древній красный песчаникъ.

Почти двадцать лѣтъ спустя, г. Эйхмюль (1) обратилъ вниманіе на часть красной ижорской формаціи въ окрестностяхъ деревни Верлеовой.

Какъ-бы не зная о трудахъ своего предшественника, сочиненіе котораго составляетъ настольную книгу для всѣхъ изучающихъ строеніе петербургскихъ окрестностей, г. Эйхмюль опредѣлительно называлъ эту сомнительную формацію древнимъ краснымъ песчаникомъ, но не менѣе того опредѣлительно говоритъ, что «въ ней незамѣтно никакихъ окаменѣlostей».

30 апрѣля минувшаго года, гг. члены зашпятаго минералогическаго общества, графъ Кейзерлингъ (2), Языковъ, Поттъ и Вертъ, посѣтили эту мѣстность; въ окрестностяхъ деревни Лукоци, въ старомъ разносѣ, служившемъ лѣтъ за тридцать къ добычѣ камней для усыпанія дорогъ, среди «груды окруженныхъ обломковъ, между которыми многіе состояли изъ унгулитоваго песчаника и известняка съ ортоцератитами, нашли они множество мергелистыхъ известковыхъ плитъ, *которыя судя по ихъ виду не могутъ быть припаты за валуны*».

Къ нашему большому удивленію, говорить графъ Кейзерлингъ отъ имени своихъ товарищей: «замѣтили мы въ этихъ плитахъ большое изобиліе рыбъ, свойственныхъ формаціи древняго краснаго песчаника».

Первое летучее извѣстіе объ этомъ любопытномъ открытіи въ такомъ близкомъ разстояніи отъ столицы, об-

народовано было 19 іюня въ номерѣ 134 «Вѣдомостей С.-Петербургской Городской Полиціи» за минувшій годъ.

Графъ же Кейзерлингъ изложилъ обстоятельства этой находки въ послѣднемъ томѣ «Трудовъ Санктпетербургскаго Минералогическаго Общества», изъ котораго сдѣлана упомянутая выписка.

Извѣстный англійскій геологъ Мурчисонъ въ статьѣ, помѣщенной въ этомъ же томѣ «Трудовъ», на стр. 210 и 211, говоритъ:

«Старинныя геологическія наблюденія Странгвейса на Ижорѣ, гдѣ онъ замѣтилъ особаго рода пласты песчаниковъ краснаго цвѣта и которые онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, считаетъ прикрывающими переходный петербургскій известнякъ и сравниваетъ съ древнимъ краснымъ песчаникомъ англійскимъ, возобновлены недавними наблюденіями, предпринятыми на Ижорѣ и Славянкѣ, гдѣ нашли окаменѣlostи, называемыя доловскими ихтіолитами. Членъ нашъ г. Вертъ, безкорыстному усердію котораго Минералогическое Общество такъ много обязано, нашелъ эти пласты въ Олтоловѣ въ непосредственномъ заложеніи на известнякахъ, содержащихъ трилобиты и ортоцератиты.»

Графъ Кейзерлингъ въ особой припискѣ къ этой статьѣ объясняетъ, на стр. 214:

«Г. Вертъ дѣлалъ это наблюденіе 12-го іюня и сообщилъ мнѣ его 24 іюня. Въ послѣдствіи мы оба вѣстѣ посѣтили эту мѣстность два раза, послѣдній разъ съ Мурчисономъ, и нашли ихтіолиты въ мергельномъ известнякѣ, непосредственно покоющемся на пластахъ силурійскихъ.»

Далѣе, на стр. 215.

«Г. Вертъ сообщилъ также свои наблюденія одному молодому теловѣку, г. Юліану Сямашко и на мѣстѣ доказалъ ему нахожденіе ихтіолитовъ.»

Мурчисонъ упоминаетъ, также на стр. 211, что г. Вертъ отправилъ къ извѣстному ихтіологу Агассису, собраніе найденныхъ имъ остатковъ рыбъ, для точнѣйшаго ихъ опредѣленія. Для мало-знакомыхъ съ современными корифеями, дѣйствующими на поприщѣ наукъ естественныхъ, считаемъ недлишнимъ прибавить, что Агассисъ зани-

(1) Leonhard's Jahrb. 1844. Erstes Heft, стр. 41 и слѣд.

(2) Verhandlungen der Kaiserlich-Russischen Mineralogischen Gesellschaft. Jahr 1844; стр. 23 и слѣд.

маются изученіемъ живущихъ и окаменѣлыхъ рыбъ около патнадцати лѣтъ; онъ издалъ по этому предмету нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій и считается первымъ знатокомъ по этой части.

Къ г. Агассену доставлено было около трехъ-сотъ отборныхъ экземпляровъ; отзываясь о нихъ съ отличною похвалою, въ письмахъ къ вѣдшему минералогическому обществу, этотъ знаменитый естествоиспытатель признаетъ новизность, не смотря на необыкновенный навыкъ и наблюдательность его, немедленно опредѣлить ихъ и общааетъ подвергнуть тщательному изслѣдованію.

Посмотримъ, какъ у насъ на святой Руси поришанъ дѣло объ этихъ рыбахъ.

Въ восьмомъ номерѣ «Отч. Записокъ» за минувшій годъ, г. Юліанъ Симашко помѣстилъ статью «Предварительныя свѣдѣнія о распространеніи пластовъ девонской системы въ Санктпетербургской Губерніи». Въ этомъ замѣчательномъ произведеніи сочинитель доказываетъ слѣдующіе факты:

1) Девонская система Ишоры открыта г. академикомъ Эйхвальдомъ.

2) Странгвейсъ дѣйствительно первый описалъ наши окрестности, но каждая страница его сочиненія убѣждаетъ, что въ настоящее время пользоваться имъ трудно (*).

(*) Графъ Кейзерлингъ, въ статьѣ, помѣщенной (въ Verhandlungen, и проч.) въ «Трудахъ Минералогическаго Общества» (1844 г. стр. 25) говоритъ: «Странгвейсъ до нынѣ еще можетъ почитаться единственнымъ геологомъ, изслѣдовавшимъ и подробно описавшимъ строеніе петербургскихъ окрестностей. Съ его времени, другіе отличаются заслугами по изслѣдованію окаменѣлостей въ отдѣльныхъ пунктахъ этой страны, но что касается до познанія минералогическихъ свойствъ пластовъ, кажется не только ничего не прибавили, но недостаточно испытали, припадая въ уваженію, даже забыли, что полагать Странгвейсъ.»

3) Изъ описанія поѣздки на Ишору четырехъ членовъ минералогическаго общества, видно, что осмотрѣвъ берега ея отъ Варли до Антелева, они не знали куда ихъ отнести. (1)

4) Г. Симашко 4 іюля открылъ на рѣчкѣ Славяни въ впади отъ деревень Онтолово и Марьино напластованный известнякъ, преисполненный остатками рыбъ.

5) 8 іюля, онъ отправился съ г. Эйхвальдомъ для подтвержденія этого открытія и отклоненія всякихъ недоумѣній.

6) Окаменѣлости, до наблюдений г. Симашки, находимы были только въ валунахъ, какъ у Лукоци, и онъ г. Симашко нашелъ въ Санктпетербургской Губерніи первые остатки рыбъ въ пластахъ.

7) Гг. члены минералогическаго общества, къ сожалѣнію, не упомянули опредѣлительно о найденныхъ ими видахъ рыбъ, а только указали на нѣкоторые роды рыбъ, встрѣчающіеся въ девонской системѣ вообще.

8) Желая устранить подобный недостатокъ, онъ просилъ г. Эйхвальда опредѣлить и описать найденные имъ остатки рыбъ.

Въ какой мѣрѣ большая часть этихъ пунктовъ, особенно номера 1, 2, 3 и 6 справедливы, нѣтъ надобности говорить: принятый хронологическій порядокъ изложенія, выводитъ г. Юліана Симашку на чистую воду.

Статья г. Юліана Симашки помѣщена въ восьмомъ номерѣ «Отч. Записокъ», вышедшемъ 1-го августа; знаменитое открытіе на Славяни сдѣлано было 4 іюля; а г. Эйхвальдомъ известность эта была сообщена 8 іюля, но не менѣе того въ статьѣ упоминаются окаменѣлости, опредѣленныя г. Эйхвальдомъ; при этомъ открывается то дѣйствительно удивительное обстоятельство, что эти опредѣленія, и въ томъ числѣ установленіе ископаемыхъ породъ, сдѣланы только: нѣтъ ни въ этомъ промежуткѣ для набора и печатанія статьи, свершено было, улы! въ короткій двухдѣльный срокъ.

Наше же подвигнутое многоучености и рѣдкой опытности г. Эйхвальда, который свершилъ только въ двѣ недѣли трудъ, отъ котораго съ перваго раза привадунался самъ Агассисъ, занимавшійся почти исключительно рыбами цѣлыя пятнадцать лѣтъ!

Мѣсяцомъ позже, то-есть 1-го сентября, въ № IX «Отеч. Записокъ», появилась статья самого г. Эйхвальда «О Рыбахъ первобытнаго океана въ окрестностяхъ Павловска», и наконецъ въ Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou, Année 1844, № IV, напечатано краткое извлечение (стр. 825, ст. 7) на нѣмецкомъ языкѣ въ упомянутой статьѣ.

Прочитавъ ихъ, получаемъ въ окончаніи слѣдующіе выводы:

1) Г. Эйхвальдъ намѣренъ здѣсь описать въ частности многочисленныя роды рыбъ, открытыя недавно въ окрестностяхъ Санктпетербурга, молодымъ усерднымъ естествоиспытателемъ Ю. И. Симашико (умеръ 9-й «Отеч. Записокъ»).

2) Очень-трудно опредѣлять роды исчезнувшихъ рыбъ по нѣкоторымъ имъ оставленнымъ остаткамъ. (Тамъ же.)

3) По рѣкѣ Славянкѣ, близъ деревни Маричевъ, встрѣчаются почти одніи чешии, но онѣ достаточны для опредѣленія родовъ и видовъ рыбъ, подобно тому, какъ птичьи перья позволяютъ скотникамъ опредѣлять птицъ.

4) Руководствуясь такимъ остроумнымъ соображеніемъ, которому наклонны мы во многихъ вѣстахъ статьи своею-противорѣчіе, въ томъ именно отношеніи, что тамъ толкуется о чешияхъ обтертыхъ, обособленныхъ, впроч., г. Эйхвальдъ слѣдуетъ слѣдующія открытія:

Въ числѣ восемнадцати родовъ неслѣдственныхъ имъ рыбъ, онъ опредѣляетъ три новыя: *Sclerolepis*, *Microlepis*, *Chlasirolepis*.

Несъ двадцати-девяти родовъ, оказавшихъ также совершенно-новыя четыре-пять, которыя и получали слѣдую-

щія названія: 1) *Pleuracanthus tuberculatus*, 2) *Hybodus gracilis*, 3) *Ctenodus radiatus*, 4) *Ctenodus serratus*, 5) *Sclerolepis decoratus*, 6) *Asterolepis depressus*, 7) *Cheirolepis splendens*, 8) *Microlepis lepidus*, 9) *Microlepis exilis*, 10) *Chlasirolepis olathratus*, 11) *Osteolepis intermedius*, 12) *Megalichtys Fischeri*, 13) *Bothriolepis prisous*, 14) *Glyptolepis quadratus*.

Пли, говоря иначе, одна шестая часть родовъ и почти половина породъ, разсмотрѣнныхъ г. Эйхвальдомъ, оказались новыми.

Для того, чтобъ эти новыя опредѣленія могли быть приняты наукою и признаны несомнѣнными, должно, чтобъ описанія были основательными и необходимо сопровождались рисунками. Безъ-сомнѣнія, въ «Отеч. Запискахъ», какъ въ журналѣ не специальномъ, статья подобнаго рода была бы неумѣстна; но удивительно, что въ «Бюллетенѣ Московскаго Общества», г. Эйхвальдъ счелъ достаточнымъ помѣстить извлечение въ немъ. Это только путаетъ ходъ науки и ни мало не обогащаетъ ея. Чешии рыбъ на разныхъ частяхъ, напримѣръ, стерлядей, осетровъ, шифуютъ столь различное строеніе, и, по словамъ самого Агассиса, опредѣленіе ихъ такъ сбивчиво, что едва-ли всегда возможно, по этимъ остаткамъ обособленнымъ, обтертымъ, устанавливать новыя породы; рѣшаясь же установить ихъ необходимо должно пояснять ихъ чертожами.

Странно, что мы здѣсь принуждены слѣвать упренъ подобнаго же рода, какъ при мнѣуверіяхъ.

Г. Агассисъ, узнавъ о такомъ спороноснѣннѣмъ подвигѣ г. Эйхвальда, просилъ выслать ему переводъ статей его, и этотъ переводъ уже отправленъ. Посмотримъ, какъ отвѣтается этотъ естествоиспытатель, не разъ уже направившій опредѣленія г. Эйхвальда, какъ напримѣръ, относительно *Asterolepis*, что должно быть очень-хорошо извѣстно ученому анадеміку.

Надѣясь, этотъ разборъ двухъ сочиненій г. Эйхвальда, составившихъ

ся въ то время, когда печаталась «Минералогія» его, даетъ намъ полное право подтвердить смыслъ старинной поговорки, утверждающей, что охотникъ, гоняющійся въ одно время за тремя зайцами, не убьетъ ни одного, — и дѣйствительно, не г. Эйхвальду предлагало заниматься одновременно тремя разнородными предметами; при установлении мнимыхъ началъ изученія наливочныхъ животныхъ, вышла путаница, при изученіи рыбъ — путаница, въ минералогіи — путаница! Вотъ плоды трудовъ неутомимой, разносторонней дѣятельности г. Эйхвальда!

(Окончаніе слѣдуетъ.)

II.

МОСКВИТАНИНЪ И ВСЕЛЕННАЯ.

Въ то время, какъ солнечная система, ничего не предчувствуя, спокойно продолжала свои однообразныя занятія, а народы Запада, увлеченные со временемъ Фалеса въ пути нехорошіе, еще менѣе что-либо подозревая, продолжали свои разнообразныя дѣла — совершилось въ тиши событіе рѣшительное: редакція «Москвитянина» сообщила публикѣ, что на слѣдующій годъ она будетъ выписывать иностранныя журналы, приобретать *важнѣйшія* книги, что у ней будутъ новыя сотрудники, — которые не только будутъ участвовать, но и примутъ мѣры... Изъ этого можно было бы подумать, что, до реформы, журналы не выписывались, книги приобретались неважныя и мѣры брались не сотрудниками, а подписчиками... Спустя нѣсколько времени, редакція успокоила умы на счетъ своего направиенія, удостовѣряя, что оно останется то же, которое приобрѣло ей журналъ такое значительное количество почитателей... Впрочемъ, арметическая сумма читателей, большинство, никогда не занимало «Москвитянина»; цѣль его была совсѣмъ

не та: онъ имѣлъ высшую, вселенскую цѣль — онъ соборъ заложилъ западный магазинъ обновительныхъ мыслей и оживительныхъ идей для будущихъ поколѣній Европы, Азии, Америки и Австраліи, онъ приготовлялъ въ тиши якорь спасенія погибающему Западу. Гибнущая Европа, нося въ груди своей черныя пророчества А. С. Хомякова, утопая въ безстыдствѣ званія, въ алчномъ себялюбіи, застаивающемъ Европейцевъ жертвовать собою наукамъ, идеямъ, человечеству — ищетъ помощи, совѣта... и вѣтъ его внутри ея нѣмецкаго сердца, въ немъ одинъ слова — автономія, социальныя интересы — и слова, какъ видите, все иностранныя. Но придетъ время, кто-нибудь укажетъ на дальнемъ финскомъ берегу лучезарный «Маакъ»... тогда народы всего земнаго шара побѣгутъ къ «Маакъ», и онъ имъ скажетъ: идите на Тверскую, въ домъ Попова, противъ дома всезнаго генерал-губернатора: тамъ готово для васъ исцѣленіе, тамъ лежатъ дѣствительныя, непочатыя запасы въ конторѣ Москвитянина... и народы придутъ на Тверскую, и увидятъ, что противъ дома всезнаго генерал-губернатора низкаго конторы нѣтъ, а что она съ-боку, подвинулась на «Москвитянина», увидятъ много, увидятъ и потолстѣютъ.

Когда я получалъ новую книжку «Москвитянина» и увидѣлъ другую обертку съ поздравленіемъ изъ Кремля, понялъ я, что редакція не шутитъ: верила ея перемѣнѣ... а, какъ слаба чело-вѣкъ! мнѣ смерть отлегло жаны-старого «Москвитянина». Что будетъ въ будущемъ, думалось мнѣ, кто знаетъ? сотрудники не только будутъ участвовать, но и везутъ мѣры... А, бывало, ждешь отъ неперемѣннѣхъ книгъ-нибудь въ ожиданіи донбасской книжки, и знаешь напередъ: будетъ чѣмъ душу отвести: вѣрно будетъ отрывокъ изъ «Путевого Дневника» г. Погодина... энергическія фразы, иарубленныя къ куски... Читашь и, какъ тогда, будешь самъ думать, особенно по «важнѣйшимъ»

Дѣтски-шлосе, назвое возарѣіе г. Погодина на Европу казалосъ намъ иногда страннымъ, но не надобно забывать: онъ, какъ кажется, имѣлъ въ виду дикія племена Африки и Австрали: для нихъ нельзя писать другимъ языкомъ. Ну вотъ, на-примѣръ, шлегельски-глубокомысленныя, основанныя на глубокомъ изученіи Данта, критики г. Шевырева не имѣли въ тѣхъ странахъ далеко такого успѣха, въ нихъ и Западу доставалось... а все не то! Вышло, королева Помара (какъ ее называютъ «Сѣверная Пчела»: (*), какъ получить вселенскую книгу, только и спрашиваетъ: «есть ли дневникъ»? Есть! Она, моя голубушка, такъ и кажется по полу (въ О-Тантѣ это значитъ восторгъ) и посылаетъ къ Причарду за кошелькомъ выпить за здоровье редакціи. Оно, кажется, бездѣлито, а вѣдь это главная причина раздора между Причардомъ и нантатомъ Брюа. Брюа-иорикъ и думалъ, что еще-болѣе-вселенскій журналъ «Маякъ»; а Причардъ наклоненъ къ пугеизму, — словомъ, симпатизируетъ во многомъ съ «Москвитяиномъ»... Впрочемъ, все это было въ повѣсть и Гизо на-счетъ этого упоминаетъ Пина: Помаре согласилась читать съ по-полу и отъ «Маяка»: Въ сторону повѣсти — Вотъ съ ней! Обратился къ «Москвитяину». Въ ли прежніе сотрудники останутся, предсказавъ и души, глады на обертку съ изящнымъ илломъ Крауса. Останется ли г. Лихошавъ, переполненный пашерова «Дона-Карлоса», кажется, прямо съ испанскаго, и переводившій прощасные стихи ерещани Сэрра Толотой на всеобщественную азыкъ, но-крайней-мѣрѣ въ земной юдоли? естество ли кланый свердланъ, духъ праведнаго неомыслиа прелазъ европейской цивилизаціи иидусеріи (**)? А вѣдь омпону «Маякъ» не спрашиваетъ со своимъ

(*) Вѣско Помаре.

(**) Съ чувствомъ увидѣли мы потомъ въ оглавленіи именю двухъ прежнихъ сподвижковъ: «Москвитяинна»: поэта М. Дмитриева и «Майсольа» Стурру.

этимиъ. «Москвитяинну-реге», что иговорите, журналъ былъ хорошиі: еслибъ былъ кто-нибудь, кто его читалъ не въ О-Тантѣ, а на Руси, тотъ согласился бы съ нами. Чья вина? кто жъ не велить читать? Издатель «Маяка» математически доказалъ въ своемъ несправедливомъ отчетѣ за пятилѣтнее управленіе современнымъ просвѣщеніемъ, во-первыхъ, что со всякимъ годомъ у него подписчиковъ меньше и меньше, такъ-что за 1844 годъ языкъ не повернулся признаться въ цифрѣ; во-вторыхъ, что это очень-стыдно читателямъ, а не журналу. Еще разъ жаль прежняго «Москвитяинна». Господа! помните, какъ онъ вдохновенно объявилъ, что мы спимъ, а онъ не спитъ за насъ (ныне думали, что мы именно потому и спимъ, что онъ не спитъ!). Разумѣется, въ этомъ стороженомъ положеніи иногда говорилъ онъ что попало; чтобъ разогнать дремоту — человекъ слабъ есть! Теперь его чередъ: пожелаемъ ему доброй ночи; пусть онъ спитъ легкимъ сномъ: его не потревожатъ частыя воспоминанія. Воздавъ должную честь покойному «Москвитяину-реге», обратимся къ новорожденному «Москвитяину-Писъ» (живой о живомъ и думаетъ) (*).

Свѣтская часть начинается стихами; тутъ вы встрѣчаете именá Жуковскаго, М. Дмитриева, Языкова (какое-то предчувствіе говоритъ намъ, что въ слѣдующей книгѣ будутъ стихи г. О. Глянки и г. А. Комякова). Разсказъ г. Языкова о капитанѣ Сурминѣ — трогателенъ и наставителенъ; кажется, успокоившаяся отъ суевъ муза г. Языкова рѣшительно посвящаетъ пѣкогда-забытое перо свое «поэзиі исправительной» и «обличительной». Это истинная цѣль искусства; пора поэзіи сдѣлаться трибуналомъ de la poésie correctionnelle. Мы имѣемъ случаи читать еще поэтическія произведенія того же неправи-

(*) Мы считаемъ, обязанностью редакціи отъ прочесть часть «Москвитяинна» одолическую его часть — она, на худомъ въ обзорѣ нашъ.

тельнаго направленія, ждемъ ихъ въ печати; это громъ и молнія; озлобленный поэтъ не остается въ абстракціяхъ; онъ указываетъ негодующимъ перстомъ лица (при полномъ изданіи можно приложить адресы)... Исправлять нравы! что можетъ быть выше этой цѣли? развѣ не ее въ виду имѣлъ самоотверженный Коцебу, и авторъ «Выжигинныхъ» и другихъ нравственно-сатирическихъ романовъ?..

Замѣчательнѣйшія статьи принадлежатъ гг. Погодину и Кирѣевскому. Статья г. Погодина «Параллель Русской Исторіи съ Исторіей Западныхъ Государствъ» написана ясно, рѣзко и довольно-вѣрно, даже въ ней было бы много новаго, еслибъ она была напечатана лѣтъ двадцать-пять назадъ. Все же она не лишена большого интереса. Если бы г. Погодинъ чаще писалъ такіа статьи, его литературные труды цѣнились бы больше. Главная мысль г. Погодина состоитъ въ томъ, что основанія государственнаго быта въ Европѣ съ самаго начала были иныи, нежели у насъ; исторія развила эти различія: онъ показываетъ въ чемъ они состоятъ и ведетъ къ тому результату, что западу (т. е. одностороннему европейцу), на востокъ (т. е. въ словенскомъ мірѣ) не бывать. Но въ томъ-то и дѣло, что и на западѣ этой односторонности больше не бывать: самъ г. Погодинъ очень-вѣрно изложилъ, какъ новая жизнь побѣждала въ Европѣ феодальную форму, и даже заглянулъ въ будущее. Еслибъ авторъ не затѣмнилъ своей статьи поясняющими сравненіями, большею частію математическими, своими $\frac{1}{10}$ и 0,000001, примѣромъ о шарахъ, свидѣтельствующемъ какое-то оригинальное понятіе о механикѣ, о линіи и о бильярдной игрѣ вообще,—то она была бы очень-недурна. Не смотря на словенизмъ, истина пробивается у г. Погодина сквозь личные мнѣнія, и сторона, которую ему хочется поднять, не то, чтобъ въ авантажъ была... Это—надобно согласиться—дѣлаетъ большую честь автору: «шелъ въ комнату—попалъ въ дру-

гую», но попалъ увлекательный истинно. Честь тому, кто можетъ быть ею увлеченъ за предѣлы личныхъ предразсудковъ!

Другая статья принадлежитъ г. Кирѣевскому «Обозрѣніе Современнаго Состоянія Словенности». Даровитость автора никому не нова. Мы узнали бы его статью безъ подписи по благородной рѣчи, по поэтическому складу ея конечно, во всемъ прошломъ «Москвитинѣ» не было подобной статьи. Согласиться съ ней, однакожъ, невозможно: ея результаты почти противоположны выводу г. Погодина. Г. Погодинъ доказываетъ, что два государства, развивающіяся на разныхъ началахъ, не привьютъ другъ къ другу основаній своей жизни: г. Кирѣевскій стремится доказать напротивъ, что словенскій міръ можетъ обновить Европу своими началами. Послѣ живаго, энергическаго разсказа современнаго состоянія умовъ въ Европѣ, послѣ картины, набросанной смѣлой кистью таланта, мѣстами страшно-вѣрной, мѣстами слишкомъ-отражающей личные мнѣнія,—выводъ бѣдный, страшный и ни откуда неслѣдующій! Европа нова, что она дѣлать не можетъ, сохраняя германо-романскій бытъ; следовательно, она не имѣетъ другаго выхода, какъ принятіе въ себя основъ жизни словено-русской? Это въ-самомъ-дѣлѣ такъ по исторической арифметикѣ г. Погодина, что $\frac{1}{10}$ не помѣстится въ 0,000001, а 0,000001 въ $\frac{1}{10}$ въ случай нужды всегда помѣстится. Надобно быть слѣплымъ, чтобъ не понимать великаго значенія словенскаго міра, и не столько его, какъ Россіи; но отъ-чего же Европа должна посылать къ намъ за какими-то неизвѣстными основаніями нашего быта—такъ, какъ мы некогда посылали къ ней за варяжскими князьями. Петръ I, обращался къ Европѣ, зналъ, видѣлъ, за чѣмъ обращается; но съ чего же Европа, оживившая насъ своею богатой, полной жизнью, поидетъ къ намъ искать для себя построющую идею, и какая эта идея, принадлежащая намъ национально и съ

тѣмъ вмѣстѣ всеобще-человѣческая? Г. Кирѣвскій говоритъ, что теперь вопросъ объ отношеніи Европы къ словенскому міру обратилъ на себя вниманіе запада: да гдѣ же все это? Правда, что нѣсколько брошюръ появилось въ Австріи и индѣ, но онѣ также мало занимаютъ Европу, какъ пѣстистическія контроверзы протестантскихъ теологовъ, о которыхъ съ подробностію говоритъ авторъ. Самое сильное вліяніе словенскаго міра на Европу состоитъ въ распространеніи польки; танцуютъ-то они по-словенски, да ходятъ-то по-европейски. Такого патріотизма я не понимаю, и особенно въ томъ человѣкѣ, который за нѣсколько страницъ высказалъ эту превосходную мысль: «.....общее стремленіе умовъ къ соборитамъ действительности, къ интересамъ дня, имѣетъ источникомъ своимъ не однѣ личныя выгоды или корыстныя цѣли, какъ думаютъ нѣкоторые. По большей-части это просто интересъ сочувствія. Умъ разбуженъ и направленъ въ эту сторону. Мысль человѣка срослась съ мыслию о человечествѣ — это стремленіе любви, а не выгоды и пр. Какое глубокое пониманіе! вотъ, когда бы истые Словене умѣли подобнымъ образомъ понимать явленія, тогда хульныя слова на Европу не такъ легко произносились бы ими! Словенизмъ—мода, которая скоро надоѣстъ; перенесенный изъ Европы и переложенный на наша нравы, онъ не имѣетъ въ себѣ ничего національнаго; это явленіе отвлеченное, книжное, литературное—оно такъ же изсякнетъ, какъ одностороннія школы націоналистовъ въ Германіи, разбудившія словенизмъ».

Скажу вкратцѣ о содержаніи остальной части журнала. Цѣлый отдѣлъ посвященъ апологическимъ разборамъ публичныхъ чтеній г. Шевырева въ видѣ писемъ къ иногороднымъ, къ г. Шевыреву, къ самому себѣ, подписанныхъ фамильями, буквами, цифрами; нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны въ первый разъ, другія (именно: лирическое письмо, подписанное цифрами) мы уже имѣли удовольствіе читать въ «Москов-

скихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 2, января 13). Вообще во всѣхъ статьяхъ доказывается, что чтенія г. Шевырева имѣютъ космическое значеніе, что это аубъ мудрости, прорѣзавшія въ челюстяхъ нашего историческаго самоощущенія. За этимъ отдаломъ, все идетъ по порядку, какъ можно было ждать à rigori: статья о «Словѣ о полку Игоревѣ», догадка о происхожденіи Кіева, путешествія по Черногоріи и тому-подобныя жнаны, современные интересы; статья о сельскомъ хозяйствѣ, можетъ-быть, и хороша, но что-то очень-длинна для чтенія. Изъ западныхъ пришлецовъ, составляющихъ Нѣмецкую Слободу «Москвитянина», статья о Стефенѣ (онъ родился ужь очень въ холодной полостѣ, и потому родитѣ намъ), и интересная хроника Русскаго въ Парижѣ. Историческая новость о томъ, какъ пытали и сожгли какую-то колдунью въ Германіи въ 1670 году — (ужь этотъ инквизиціонный, аутодафежный запад!), — точно будто взята изъ Кошихина, или Желабужскаго.

Не ограничиваясь настоящимъ, «Москвитянинъ» пророчитъ намъ двѣ новости; изъ нихъ одна очень-утѣшительна. Первая состоитъ въ томъ, что профессоръ Гейманъ скоро издастъ химію, а вторая — что пасторъ Зелергольмъ очень-долго не выдастъ второй части своей «Исторіи Философіи».

Кажется, довольно. Журналъ будетъ выходить около 20 чиселъ мѣсяца. Я ищу теперь въ археографическихъ актахъ ключа къ этому, и такъ занятъ, что иду перо.

Ярополкъ Водянскій.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЪТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

MELUSINE (Мелузина), трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Казимира Делавиня.

«Нерепрѣливая толпа тѣснится и ломится; великіе дни великихъ битвъ снова настали. Спозаранку театръ полонъ; внѣ и внутри театра публика спрашиваетъ, какіе успѣхи сдѣлалъ поэтъ? какую сторону онъ пріиметъ? какому знамени будетъ служить своимъ говѣемъ? Что-то живетъ и дышетъ между зрителями; что-то живетъ и движется за неподвижнымъ завѣсомъ; теперь дѣло идетъ не о драматическихъ бездѣлушкахъ каждаго вечера, не о кой-какихъ импровизаціяхъ, которыя охотно склоняютъ голову всѣ подлѣ одинъ уровень золота и свинца: готовится оригинальное твореніе, зачатое въ радости, рожденное въ большии, передающее всѣ внутренніи ощущенія поэта, который рѣшился оставить на этихъ блистательныхъ терцахъ кровавые обрывки собственного сердца. Новая трагедія называется «Мелузина», — имя всемогущей и прекрасной феи, трудившейся надъ возвеличеніемъ дома Лузиньянъ. Имена героевъ: Балдуннъ, Танкредъ, Гонтранъ, Мелузина Лузиньянъ, сестра ея Матильда, въ глубинѣ драмы сатана. — Такъ начинается французскій фельетонистъ свой отчетъ о первомъ представленіи драмы покойнаго Делавиня. Дѣйствіе происходитъ въ готическомъ замкѣ, въ Палестинѣ, въ 1158 году, въ полномъ разгарѣ крестовыхъ походовъ, на востокѣ, въ баснословной странѣ фей и волшебниковъ, поэзіи и любви, славы и вѣрованія, евангелія и корана. Спеномъ вѣбъ актовъ трагедіи служитъ замокъ, построенный невидимыми волшебниками, и съ поднятіемъ завѣса открывается готическая зала — верхъ роскоши и

красоты саррацинскаго искусства. На столѣ, покрытомъ всѣми принадлежностями дозволенной и воспрещенной науки, лежитъ полукрытая книга; подлѣ книги, содержащей въ себѣ тайны зла и добра, дремлетъ человекъ, колдунъ, Фаустъ двѣнадцатаго вѣка, дерзкій мечтатель, желавшій покорить безвѣчное и самъ попавшій въ сѣти, которыя разставлялъ духу тьмы. Немученный анархизмъ и роковыми ощущеніями, Гонтранъ проситъ у Сатаны, своего раба, одной только вещи, очень простой и однако невозможной — сна, ночь сна! Окаянный Гонтранъ погубилъ для себя сладкій сонъ; если ему случается сомкнуть глаза, тотчасъ море воздымается и волнуется, разъяренные вѣтры свистнутъ и воютъ, несся съ небесъ въ бездну; молнія раздираетъ облака; сна не существуетъ для Гонтрана:

Esclave! encore un coup, je prétends reposer:

Va dire de ma part au vent de s'apaiser,
Au lac ressuscité, qui franchit sa limite,
De rentrer dans la tombe où dort son
eau maudite,

Dis au tonnerre enfin de se taire à ma
voix.

Невидимый рабъ повмываетъ голосу этого человека; все утихаетъ, кромѣ тревоги сердца больнаго. Подлѣ гваггата, немогущаго уснуть, Мелузина Лузиньянъ завидуетъ его неизъяснимо могомъ. Это исторія первой женщины, когда она заноситъ самонадѣянную и любопытную руку на дерево жизни и смерти. Плоды прекрасны; но коснись ихъ устами, — коснись только праха

Vous me direz, Gontran, que c'est pure
démence;

D'aspirer ici-bas à ce pouvoir immense;
Pourtant, le front caché vers mon lit de
douleurs,

Quand ma sœur me pleura, je riais sous
ses pleurs;

Dans le sommeil fétueux de ma lente
agonie,

Je rêvais, je rêvais cette joie infinie
De commander aux flots, de gouverner
les airs;

J'avais pour messagers les vents et les éclairs,
Les astres pour sujets, l'univers pour domaine;
Je voyais, en soufflant sur la grandeur humaine,
Tout s'abaisser d'effroi devant ma volonté:
Oui, j'ai de ce pouvoir rêvé l'immensité.

— Увы! на что тебѣ это могущество? отдаешь Гонтранъ, аванщій цѣну суеты, которую люди воззуть всемогуществомъ. — На чѣмъ стоишь ты? Ты будешь раздавать славу, — дѣло человеческое, будешь раздавать правосудіе, — но это дѣло божества; будешь давать вѣнцы но прихоти, — но чѣмъ значить вѣнцы для того, кто все можетъ? — Мелюзина не хочетъ его слушать, не повинуется волѣ Гонтрана, который самому сатанѣ повелѣваетъ:

Superbe, courbtez-vous, et ne me forcez pas
A maudire cette heure où le double trépas
Que j'ai longtemps pleuré vous laissez sans famille,
Lusignan m'était cher, et j'adoptai sa fille...

Потомъ расквитѣ и сострадавательнѣе къ честолюбію этой гордой Лузиньянъ, его умоляющей, онъ прибавляетъ:

Non, ce pouvoir n'est pas, ma fille, en son existence
Sans borne; il est sans frein dans un être borné.
Aveugle et tout-puissant, cet être infortuné,
Dont s'exerce à tâtons la volonté suprême,
Marche, fatal à tous, comme il l'est à lui-même,
Pour arriver un jour, las des vœux qu'il a faits,
De douleurs en douleurs, de forfaits en forfaits,
A pousser vers le ciel ce cri: Je désespère!
Devant cet avenir réculé et crois ton père,
Qui, pâle de terreur, contre toi se défend;
Ce pouvoir, c'est le fer dans les mains d'un enfant.

Вотъ, следовательно, уже начинается борьба у океаннаго съ молодой дѣвушкой, которая скоро въ свою очередь будетъ океанною; безсильный удержаться въ должныхъ предѣлахъ,

всемогущій Гонтранъ уже преступилъ заповѣдную мѣру съ дочерью Лузиньяна. Его тайна вырвалась у него, когда онъ едва думалъ указывать этому ребенку благороднымъ и отеческимъ перстомъ трюшнику позволенныхъ знаній; онъ увлекъ съ собою въ страшныя облака юный умъ, который хотѣлъ приковать къ землѣ, и вотъ это всемогущество проситъ и умоляетъ свою безразсудную воспитанницу отречься отъ знаанія, которое уже ее облазилъ. Тщетныя просьбы! тщетныя мольбы!

O justice éternelle!

восклицаетъ Гонтранъ:

L'esprit qui fut en moi, je le retrouve en elle!

Такова первая сцена, вся исполненная тревогъ и опасностей. Чтobъ нѣсколько отдохнуть отъ этихъ насмѣихъ духа, зритель нуждается въ духѣ болѣе-спокойномъ, и поэтъ, вѣрный великому закону контрастовъ, удовлетворяетъ потребности. Рядомъ съ надшимъ ангеломъ, жаждущимъ тьмы, онъ помѣщаетъ честную и невинную душу, кротко и поэтически-свѣтлую, цѣломудренную и покорную дѣвушку, которая, не домогаясь невѣдомаго, невинно предается естественнымъ радостямъ сердца. Эту дѣвушку зовутъ Матильдою Лузиньянъ; она сестра, почти дочь Мелюзины. Матильда во всей простотѣ души вѣритъ въ истиннаго владыку міра; она едва слышала о сатанѣ, едва вѣритъ въ его существованіе; да того ея прекрасная душа исполнена вѣжности и надежды. Буря, сейчасъ еще, по-видимому, грозившая твердынѣ Гонтрана, разбудила Матильду, и Матильда затрепетала, подобно какъ трепетала сестра; но ея трепетъ предъ Богомъ:

..... Au monde
Pour toujours, comme moi, quand on va
dire adieu,
On entend dans ce bruit la grande voix
de Dieu.
Son nom, mon seul recours, s'échappe
de ma bouche;
Sous le rameau béni qui protège ma
couchée,

Mouillant mon front d'eau sainte et pliant les genoux,
Je priaï, chère sœur, non pour moi, mais pour vous;
Pour vous aussi, Gontran, pour la nature entière,

Et le calme semble gémir à ma prière.
При этомъ проливши слезахъ сестры,
Мелузина обращается къ Гонтрану, и,
уже не вѣруя въ божественное могущество,
уже погубленная гордостью,
тогда-накъ должна бы смирилась и
признать, что въ самомъ дѣлѣ молитва
Матильды услышана небесами, упорная
Мелузина хочетъ видѣть во всемъ
одно только адское могущество:

Je vous sais gré, Gontran, d'avoir calmé l'orage.

Въ то же время, въ своей смиренной
молитвѣ, Матильда тревожится о Балдуи-
нѣ, герой, который теперь еще
подвергается всѣмъ опасностямъ войны.

Il a mille rivaux, mais il n'a pas d'égal.
Гонтранъ отвѣчаетъ:

Quoil pas même Raymond, pas même ce Tancred.

Qui s'est fait de sa gloire un titre à qui l'on cède;

Tancred, ce géant de l'étendard sacré...

Нѣтъ, самый Танкредъ не можетъ
превзойти Балдуина; одному Балдуи-
ну принадлежитъ іерусалимскій престолъ;
такое пожеланіе Мелузины, таково
скромное мнѣніе Матильды. Уга-
дать нетрудно: Балдуинъ любима объ-
ими сестрами, любовью неистовой лю-
бовью Мелузины, робкой и безсозна-
тельной любовью Матильды. Мелузина
обременена Балдуиномъ своимъ презрѣ-
ніемъ, своею жестокостью. Но вотъ
разговоръ двухъ сестеръ:

MÉLUSINE.

Mathilde, il pleurait devant?

MATHILDE.

Quoi?

MÉLUSINE.

Brûdoin. Sur mon sort
Il pleurait devant toi?

MATHILDE.

Je vous l'ai dit.

MÉLUSINE.

Est-ce son désespoir?
Ma mort

MATHILDE.

Comme le mien.

MÉLUSINE.

Peut-être
Il était moins touché qu'il ne feignait de l'être.

MATHILDE.

A lui parler de vous je m'oubliais ici,
Et je sais qu'à m'entendre il s'oubliait aussi.

MÉLUSINE.

S'importait-il souvent ce long pèlerinage?
MATHILDE.

Il ne s'en lassait point.

MÉLUSINE.

Quel était son langage?

MATHILDE.

Triste.

MÉLUSINE.

Mais n'exprimant rien que de l'amitié?
MATHILDE.

Pour son amour, ma sœur, vous fîtes sans pitié.

MÉLUSINE.

Rien qu'une amitié froide?

MATHILDE.

Oh non! de ses alarmes
J'ai vu l'émotion se trahir par des larmes,
Et s'attachant sur moi, mais ne voyant que vous,

Ses humides regards brillaient d'un feu si doux

Qu'en vain il me disait le mal qui le dé-
vorait.

Je sentais, que d'importe il vous aimait en-
core.

Je le sentais, vous dis-je, et comment s'y
méprendre?

Si vous avait alors je ne sais quel de-
tendre

Que la vôtre pour moi n'a pas dans sa
douceur.

Между-тѣмъ, Балдуинъ любитъ Ма-
тильду и презираетъ Мелузину. Над-
менная Мелузина хотѣла ирррабъ обра-
дять любовника, какъ дѣлается
ирррабъ и дѣлаетъ силами: Она говоритъ
сестрѣ:

Mathilde, ce plaisir tu ne peux le com-
prendre.

Peut-être il est cruel, mais s'en est-on
d'apprendre.

Que le cœur d'un héros qui s'est vu mé-
priser.

Se débat dans ses vains sans pouvoir les
briser;

Forme mille projets pour sécher sa
douleur.

Et revient plus esclave à l'amour par la
haine,

Plus il est grand, ce cœur à l'amour ob-
stiné.

Plus on est fier, enfant! de l'avoir dominé.

Непомняты невинной Матильды бѣ-
шеные восторги сестры. Однако, она
не смѣетъ обвинять ее, не смѣетъ оху-
ждать Мелузину, которая уже внуша-
етъ ей почтение, смѣшавшее съ ужа-
сомъ:

Dieu vous créa, ma soeur, pour le pouvoir
suprême,

Moi pour l'obéissance; elle est ma vie,
et j'aime

Que la raison d'autrui, quel'âge où le sa-
voir

M'épargne doucement jusqu'au soin de
vouloir,

J'aime à courber mon front sous la gran-
deur divine.

Вотъ она, какъ есть, сребристая, до-
брыиная и добрая. Она вѣрнѣе, но
вѣрнѣе только въ Бога! Сестра ея во-
прошаетъ небо; Мелузина хочетъ по-
нять хортъ звѣздъ на небѣ востока, а
Матильда жаждетъ знать, будетъ ли
Балдуинъ королемъ? Для Балдуина, она
забываетъ себя, свою благополучную
помощность опредѣленій промысла;
для Балдуина, но только для него, же-
лала бы Матильда читать въ великой
книгѣ будущаго; она суеверна, но не
для себя-самою, а для того, кого любитъ,
не подозревая того. Вдругъ слышится
звукъ трубы подъ стѣнами замка. Это
онъ! это Балдуинъ! Побѣдитель во имя
Божіе! Помогатель Дамаска! Довольно
сраженій, довольно насталолюбій, прочь
вѣсны! Балдуинъ, васыщенныи сла-
вою, жаждетъ только покоя и неба роди-
ны. Дни сорока; вродня, Франція!
Матильда чувствуетъ невыразимую од-
ноту; она даже, ребенкомъ, докинула
отелескій замокъ, но еще сохранила
вспоминаніе о немъ. Мелузина, напро-
тивъ, знаетъ только востокъ; тутъ ея
вѣдѣніе, ируссавна будетъ ея коро-
левствомъ, она не вѣдаетъ другихъ
торъ, кроми картильскихъ. Но, чтобы
быть королевою, она хочетъ Балдуина
сладкимъ королемъ.

Régnez! A vous le trône, à vous la ré-
nommée!

И, безумная, она уходитъ, чтобы упо-
требить въ пользу Балдуина свое пред-
вѣдѣніе и всемогущество Гонтрана. А
между-тѣмъ, едва ушла Мелузина,
какъ Балдуинъ говоритъ Матильдѣ, что
любить и будетъ любить одну ее:

...Je serai roi pour que vous soyez reine!

Второе обѣщаніе открывается уже
серьезной борьбою Гонтрана съ Мелу-
зиною. Власти, которой по утру жела-
ла, теперь рѣшительно требуетъ Мелу-
зина. Больше, чѣмъ когда-либо нужно
ей повелѣвать адомъ, чтобы распори-
жаться на землѣ. Она любитъ Балдуи-
на, да что Гонтранъ отвѣчаетъ:

Vous l'aimez, é néant de la science hu-
maine!

Je sais tout, je puis tout, Mélusine, et
ne puis

Lire au cœur d'un enfant, tout-puissant
que je suis.

Сперва Мелузина возражаетъ, какъ
женщина; еще бы читать въ немыъ
сердцѣ! Но, теперь завѣса упала, а
люблю ея!

Il pense, il sent par moi, c'est par moi
qu'il respire.

Baudouin me dit tout...

За тѣмъ, должно въ свою очередь го-
ворить. Мелузина ужасается могущи-
ствомъ, котораго жаждетъ: думъ ли не-
ба; отблескъ въ прощелодной, — не все
ли равно для нея? Она хочетъ, но что
было на стало, знать волшебное слово,

Je les dis! Je verrai, de l'œil dont je veux
voir!

D'impalpables esprits désertant à ma voix
Les profondeurs du ciel, de l'ombre et
de la terre,

Désépulcres béants m'expliquer le mystère,
Et soumettre à mes lois, comme aux ar-
rêts du sort,

La matière, l'espace, et la vie et la mort.
Mais parlez! que leur foule à ma voix
obéisse;

Du livre défendu que la clarté jaillisse,
Ou dans l'ombre, au milieu d'un cercle
d'ossements,

J'irai tenter, sans vous, de noirs enchan-
tèmens,

Etater, aux vents des nuits des formules
terribles.

Digitized by Google

Esquies par leurs noms les êtres, insaisissables,

Tous, jusqu'à lui... j'oserais l'appeler!

При этихъ страшныхъ угрозахъ, несчастный Гонтранъ блѣднѣетъ, шепчетъ, трепещетъ за прекрасную дѣвичку-христіанку, которая хочетъ себя погубить и пожертвовать своей душою изъ-за такой калли могущества, изъ-за одного часа безпорядка въ непреложныхъ законахъ. Мелузина спрашиваетъ у него:

Un idole entier de régner?

Одъ отвѣчать:..

Un siècle entier qui passe,
Devant l'éternité n'est qu'un point dans
l'espace...

Un vain règne d'un jour, un siècle d'un
instant

Te jettera damnée au maître qui m'attend.

И такъ, вотъ гдѣ выясняется смыслъ и обстановка драмы. Пенствовующая Мелузина, Гонтранъ, изнемогающій подъ вѣчными бѣдствіемъ, Матильда, хранящая своими тихими добродѣтелями, Балдуинъ, поддерживаемый ея любовью, — а дали, на заднемъ планѣ, въ преисподней, сатана, который скоро будетъ призываетъ Мелузиною и крестоносцемъ Лузиньяномъ, какъ верховная мощь нечестивой души, терпящейся всеми муками реиности и честолюбія. Поэтъ правоземелъ самого себя. Но кто этотъ новый пришлецъ, кипящій гнѣвомъ и негодованіемъ, Ахиллъ врестовыхъ походовъ? То Танкредъ. Онъ хочетъ власти:

Vous savez qui je suis, et vous devez savoir

Que si jeus des rivaux, j'ai cessé d'en avoir!

Начинается собственно драма; встаетъ борьба: то будетъ страшная борьба, — Гонтранъ и Мелузина, Танкредъ и Балдуинъ, Мелузина и Балдуинъ, Балдуинъ и Матильда Лузиньянъ, небо и сатана; рокочите, бури! разверзнетесь, молніи! — Но вдругъ все умолкаетъ. Разсвѣтъ драмы тусклость и исчезаетъ, какъ первые лучи утра. Драма не имѣетъ даже третьяго акта; смерть остановила творческую руку поэта; *pendent interguria*, какъ говоритъ Вир-

гидій... Россъ Мелузины неоплакала, какъ и сдѣлало, Рашель, и исполненіе было превосходное. Постановка пьесы на Французскомъ-Театрѣ великолѣпна.

23) *Lady Smerre* (Леди Семоръ), драма *en quatre actes*, соч. Дюверье.

Вотъ драма Театра Сен-Мартенскихъ-Веротъ; — драма полная, въ которой все окончено, все есть, чтобы сдѣлать ее заманчивою и страшною; ни одна нѣмекъ не пренебрежена, ни одно объясненіе не упущено. Вся она хлещетъ надъ объясненіемъ одного непостижимаго мѣста, и именно дѣло въ сдѣланіемъ: ровно сто-сорокъ лѣтъ назадъ, въ 1706 году, между знаменитыми моряками Англій отличался командоръ Семоръ. Когда начинается драма, король Семоръ уже двадцать-одинъ годъ какъ умеръ, оставивъ послѣ себя сына, рождающагося по смерти отца, и жену, которая съ честно-воинскими гримми менѣе соединяетъ всѣ достоинства безупрочнаго домашняго повелѣнія. Въ двадцать лѣтъ-ребенкомъ сдѣлался приреченный молодой человѣкъ; состояніе его, тщательно оберегаемое леди Семоръ, должно еще увеличиться бракомъ Артура съ дочерью одного богатого банкира; словомъ, дождь Семоръ на-верху торжества и радости, какъ вдругъ въ среду этого счастья падаетъ откуда-ни-возникшее единъ родственникъ покойнаго-юмисора, полковникъ Перриксъ, человекъ суровый и грубый, но примѣрно-честный; онъ мало не похожій на обыкновеннаго тираника-мелодрамы. Была аріѣта, онъ отиравается: изъ молодому Артуру, и безъ объясновъ-говоритъ: — Вы носите имя командора Семоръ, но вы не сынъ его: вы сынъ леди Семоръ. И онъ предълагаетъ Артуру самия-не-разгнѣанныя доказательства преступка его матери: 1) зашпаніе покойника; 2) писмо: того-же покойника, который онъ назначаетъ единственнаго наследника своего имени сына подковника Перрикса, Гуэлава, роженика Артуру; 3) наконецъ, писмо-

нео свидѣвается самой леди Семоръ, гдѣ она признается незаконнымъ сыномъ того ребенка, которымъ беременна; — слезонъ, неперовержимыя доказательства. — Вы честный малый, а это знаю, прибавляетъ полковникъ: мнѣ больно жалъ; пока вы живы, охраняйте имя и состояние Семора, но не смѣйте жениться. Это имя, это состояніе принадлежатъ моему сыну, Густаву, либо его дѣтямъ. А если хотите процесса, позора вашего и вашей матери, пошлутъ! Выбирайте: либо изъ двухъ. И съ этикъ с лезонъ полковникъ вручаетъ Артуру розовыя бумаги. Тамъ повѣршается первый актъ. Перечитавъ совершенно всѣ страшныя улики, Артуръ идетъ къ леди Семоръ, и дрожащій, со слезами, рассказываетъ ей про паденіе Перкинаса, про его угрозы, вѣстоставшіяся бракъ, про все! Сначала, леди Семоръ удивляется, говоритъ: быль не можеть! Но вотъ зашѣканіе ея мужа, вотъ письмо комендора, вотъ въ собственное письмо. — Сына мой! вспоминаеть несчастная: — ты не обвинялъ своей матери? Видя, что въ самомъ дѣлѣ сына не сомнѣвался: ни на лживую, бѣдлая женщина невольнается надеждою и рѣшимостью. Но каковы; однако, образомъ распутать эту тонко-придуманную ловку? Лорда Семора нѣтъ въ живыхъ: значить, съ этой стороны ничего надѣяться; если онъ былъ обманутъ нашими ибудо и клеветникомъ, гдѣ же найдти клеветника, котораго даже вамъ неговѣтуетъ? Что послужитъ вѣткою въ обвиненіе глупой патриксъ? Леди Семоръ существуетъ, дрожитъ, колеблется, во скоро приносится, что ея достойный саузъ Патрикъ почему-то умасно британ писемъ полковника Перкинаса: И въ самомъ дѣлѣ; Патрикъ, саркастичный госпожею, воно помнитъ, что въ февралѣ 1704 года, покойный го- овалъ его, комендоръ, видѣнъ свидѣ- тельскъ полковника, дража на пиде- лотавъ съ одиныхъ человѣкомъ, котора- го имени Патрикъ не знаетъ и котора- го не видѣлъ въ лицо; помнитъ только, что происхождеть у этого человѣка была въ мѣсяцѣ. Последомъ была оне-

сточенный; стрѣлялись въ упоръ; че- ловѣкъ съ нѣмецкимъ произношеніемъ упалъ за-мертво. Патрикъ ушелъ за господиномъ, и только; больше онъ ничего не могъ сказать. Рассказъ его по- вергъ въ полное недоумѣніе и отчаяніе мать и сына. — Между-тѣмъ, вѣдь я го- верю, что онъ упалъ за-мертво, а точ- но ли умеръ, не знаю, прибавляетъ Патрикъ. — Нуля ударила прямо въ грудь, но можеть-быть остановилась на золотой табакеркѣ, которой осколки я подобралъ. Князь охоро-мастеръ при- несетъ табакерку но мнѣ нѣтъ почтими, и отдамъ ее молодому барину. — Тутъ, молодой Артуръ начинаеть обдумыва- вать и догадываться; мать вспоминаеть про нѣкоторыя письма, полученныя дѣтъ двадцать назадъ отъ одной кувин- ны, Джуліи Перкинаса, когда еще обѣ онѣ были въ цвѣтѣ дѣтъ и красо- ты. Но этого мало, чтобъ пособить не- счастію! Въ третьемъ актѣ, Артуръ во- вращаеть полковнику бумаги, которыя тотъ ему въбрилъ. Неупрекловный Перкинсъ растрогается жалкимъ поло- женіемъ молодаго человѣка. Доброе чувство полковника тѣмъ драматичнѣе, что онъ знаетъ имя человѣка, у кото- раго Артуръ могъ бы потребовать от- чета за оскорбленіе чести матери; но онъ не скажетъ ни за что этого имени — онъ далъ клятву не открывать его. Но- вая путаница, новыя пружины драмы. Между-тѣмъ, все готово къ отъѣду Артура; онъ въ эту же ночь покидаеть родительскій домъ; отправляется до- прашивать Джулію, во что бѣ ни ста- ло открытъ имя человѣка, дравагоса на дуэли. — Смотрите! говоритъ неви- димый голосъ леди Семоръ: — вы отпу- скаете сына на опасныя приключенія; смотрите, дѣло идетъ для него о жизни и смерти! Испуганная этимъ голосомъ, леди Семоръ не хочеть отпустить сы- на; а сама, на другой день, ранехонько утромъ, являетъ къ лорду Ворнету, министру англійскаго короля, чтобъ рассказать несчастію, ея поразившія. Лордъ Ворнетъ выслушиваетъ ея съ участіемъ. — Одинъ король можеть вамъ помочь; сударина; и въ самомъ дѣлѣ,

мужь королевы. Анны князь-маршалъ полагается на пылком драматургу. Его ходатайствомъ, королева Анна мѣдуетъ полковнику Шаринсу прекрасное имѣнье и титулъ графа; возможнѣе съ своей стороны облается отдать lady Семору бумага, которая безчеститъ ее и ея сына. Полковнику ничего дѣлать; онъ соглашается. Но не соглашается на принятіе милости Артуръ: ему мало остаться богатымъ и съ честнымъ именемъ, — надо еще удостоиваться, точно ли имѣть онъ законное право рожденья. Продолжата перечень содержания этой бульварной драмы было бы бесполезно: доволно, если прибавимъ, что драматургъ называется самъ министръ лордъ Борнетъ, уважаемый по табакеркѣ, и послѣ еще нѣсколькихъ завязокъ и узловъ, драма разрѣшается благополучно, какъ и надлежитъ разрѣшаться драмамъ такого рода. Естественно, она имѣла успѣхъ въ своемъ мѣстѣ, и, сравнительно съ прочими новыми порождениями парижской сцены, заслуживаетъ этого успѣха.

Независимо отъ остальныхъ театральныя новости, какъ читателямъ могутъ видѣть изъ дальнѣйшаго отчета.

24) *UNE BONNE RÉPUTATION* (Хорошая репутация), комедія въ одномъ дѣйствіи, въ проза, соч. Огюста Арну. Старая басня о томъ, что добродѣтель на свѣтѣ наказывается себѣ много неудобствъ и неудовольствій, и что, однако, вознаграждается. — Живетъ въ Парижѣ, и зоволате имѣть, одинъ добрый и честный человѣкъ, но имени Бурдэ, живетъ и пользуется отличнымъ репутаціей. Онъ не можетъ, никогда отказывать въ услугѣ, которой отъ него требуютъ: въ слѣдствіе того, обремененъ равными пріятельскими порученіями и одолженіями друзьями въ чистый нападъ себѣ. Одиъ умершій другъ присылаетъ къ нему своихъ дѣтей на опеку къ провизнику; другой поручаетъ ему сохраненіе очень большой и очень-положительной суммы; третій, давая ему, отправляетъ въ нѣ-

пестно, поручаетъ ему въ возвращеніе мену. Новѣйшій Бурдэ не выдерживаетъ послѣдшаго изъумленія, и готовъ перестать быть честнѣйшимъ человекомъ; тѣмъ болѣе, что онъ когда-то любилъ эту женщину и хотѣлъ на ней жениться, да бѣдность помѣшала. Но тутъ добродѣтели его суждено остаться безупречено: Ариетта совсѣтъ не выжметъ; она только уговорила Ламбера выдать ее за свою жену, чтобы удостоиваться, любить ли еще ее Бурдэ, и т. д. Слѣдуетъ, конечно, браня и капризъ помѣшанной комедіи, написанной ведурно на очень-пробитый сюжетъ: Она также дана на Французскомъ Театрѣ; слѣдательно, претоловала на большое вниманіе.

25) *UN COMIQUE A LA VILLE* (Комическій актеръ въ деревнѣ), комедія въ одномъ дѣйствіи, въ проза, соч. Луи Монроа.

Актеръ съезжаетъ эту деревню для театра. Одиъ изъ неимѣющихъ анкета актера Дюгазонъ, о которомъ еще граня въ воспоминанію дѣтствомъ Французскаго Театра. Мужъ мадамъ Лессоръ, хорошенькой англичанки. Итальянской Комедіи, проламывающейся потому что имѣетъ нападъ Дюгазонъ на сценѣ. Комической Оперы, Дюгазонъ былъ ревнивъ, и, если вѣрить драматизмъ, безъ причины. Мадамъ Дюгазонъ была порядочная маташка. Дюгазонъ подмѣтилъ однажды ея интригу съ сыномъ, генераломъ, откушникомъ, и тогда онъ училъ спеціальному искусству. Онъ заготовилъ достовѣрности. Дюгазонъ была человекъ хитроумнаго, смѣлаго, рѣшительнаго; онъ доказавъ это не разъ; какъ, да-внѣмъ, въ тотъ день, когда, была кой-какія неприятности съ публикою, адица въ пьесѣ *Смирнскій Купецъ* съ подлинной истолкователь за носомъ, и державъ за оружія такъ, чтобы врагъ достигъ, лва, что онъ ухитреть его устроитъ въ слѣдѣ слабости. Итальянскій актеръ вѣдъ изъ описку, совершилъ, въ дѣтствѣ обещалъ очень-худо, потребовавши, давая имѣть, негодный, итд.

вещь — подморозилъ; получилъ эту, и уже уклонилъ съ добычею, когда его сообрашилъ, устыдясь своей слабости, съхватился, нанянулъ людей и велѣлъ остановить Дюгазона, называя его мерзавцемъ и воромъ. Слуги готовились пощипать приказы господина, ноле Дюгазонъ, съ совершеннымъ хладнокровіемъ, вскричалъ: «Враго! преправно съиграю, вы дѣлаете отличные успѣхи! не правда ли, друзья? прибавилъ онъ, обращаясь къ слугамъ. Эти подумали, что дѣло шло точно о какомъ-нибудь предетавленіи и клонили глѣзу своего господина. Между тѣмъ, Дюгазонъ успѣлъ убѣжать. — Г. Луи Монроа въ воспользовался всилотомъ очень удачно, и велъ свою маленькую комедію съ искусствомъ и интересомъ.

26) *Аввент Нивманн* (Альвентъ Германъ), драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, соч. Шарль Ледюи.

Говорить, будто драматъ Ледюи, поставленная на сценѣ того же Одеона, заслуживала лучшей участи, несправда, которая ее постигла. Какъ бы то ни было, но дѣло въ томъ, что въ четырехъ дѣйствій пьесы выслушаны публикой только два, и то съ принужденіемъ. А умъ, конечно, права публики.

Театръ *Ambigu-Comique* обрадовалъ зрителей новою пьесой своего усерднаго поставщика, именно:

27) *Луи Талисмана* (Тялвешана), фантастическая драма въ шестнадцати картинахъ, т. Фредерикъ Сулье.

Восли Фредерикъ Сулье не избралъ дѣлать, то не-правильнѣе убовершенствовать его и отождалъ себя почти въ неключительное владѣніе. Сюжетъ *Талисмана* основанъ на давнѣе-очень-то нововъ, но всегда утѣшительной; на борьбѣ двухъ началъ, злаго и добраго, изъ которыхъ послѣднее всегда побѣждаетъ, по-правильнѣе на сценѣ. Бѣлая пьеса почти слѣдующая.

Гаспаръ Клентонъ любитъ одну дѣвушку, Мету, которой отцомъ считается съ Фербанъ. Эгоизъ Фербанъ сарай

матрость, который, въ сдѣланіе супружескихъ невогодъ, сдѣлался пиретемъ. Ревелье пошло ему впрокъ; черезъ пятнадцать лѣтъ, онъ воротился на родину богачомъ. Эгоизирать неимѣдлѣ Клентона, отрасль того проклятаго поколѣвія, которое не погибло съ дѣвщицею *Замиселъ Давола*. Впрочемъ, Гаспаръ не имѣетъ ни одного недостатка своихъ предковъ; это благородная и добрая натура; чистая любовь, какую внушила ему Мета, есть единственная его страсть. Дурными наклонности пробуждаются въ немъ только при трудностяхъ отцовъ, который противоположается вѣдѣжъ всей его жизни. Удержаннымъ на минуту своими добрыми духомъ, Кавалье, онъ наконецъ уступилъ неуспѣхамъ своего злаго духа, Кабестана, котораго считаетъ другомъ. Тутъ разлагается борьба между ангеломъ и демономъ: одинъ хочетъ спасти, другой хлопочетъ погубить молодого человека. Кабестанъ улазилъ Гаспара Клентона въ Парижъ, гдѣ кружатся столько добродѣтелей. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ въ оргіяхъ, Гаспаръ просыпается однажды съ кошелекомъ рѣшительно-пустымъ и съ головою наволонною мыслями о самоубійствѣ. Въ тотъ мигъ, какъ онъ хочетъ исполнить свое преступное намѣреніе, Кавалье, его духа-покровитель, утѣшаетъ его и ободраетъ. Торжество Кабестана было бы длинновъ-легко: пусть же онъ живетъ, говорить дѣшевъ, де-тѣль-поръ, нева я его погублю исполненіемъ всѣхъ его желаній. А желанія Гаспара чрезвычайно-сиромы: ему нужно немножко денегъ, чтобъ дожить до завтра и нѣтъ срочъ для вѣдѣжъ лучшихъ обстоительствъ. Девяги-посушилъ ему одну Жиль, подъ закладъ кой-какого платья. Посушилъ, говоримъ; потому-что, когда длило дѣло до дачи, оказалось, что его шкатулке пусто и что онъ можетъ повелому человеку дать только-лицитомъ, анономическимъ талисманомъ, нѣбольшимъ развалъ драгоцѣннаго самоубійства; какъ-то уоумилать, дѣлать помы дѣлаемо, въ т. ш. ш. ш. Гаспаръ приня

масть, потому что не узнала подъ вла-
темъ Жюда демона Кабестана, и го-
товъ подписать ему эскій договоръ,
когда Кавалье вторично его спасаетъ.
Съ талисманами возвратилось Гаонару
вспоминаніе о Матѣ, и онъ видитъ ее
только для того, чтобъ узнать о ея
помолвкѣ. Любовь къ ней возрождаетъ
ся въ немъ вѣбствъ съ нѣвольн обѣ
ещеніи Форбаку. Она дѣйствуетъ во
всемъ напериморъ послѣднему; неки-
щадетъ нѣсколько разъ невесту, кото-
рая тотчасъ же опять попадаетъ въ ру-
ки ширага, до той самой минуты, ког-
да противники сходятся лицомъ къ ли-
цу, съ оружіемъ въ рукахъ. Шпата
Форбана дважды ударила съ о грудь
Гаспара, но талисманъ дѣлаетъ его не-
вредимымъ. Слѣдуетъ борьба въ охват-
ку; Форбанъ падаетъ, Касантовъ возвра-
щеть въ него кинжалъ. Демона торже-
ствуетъ! Только напрасно: Форбанъ,
прежде, нежели умеръ, успѣлъ разоу-
мѣлся въ своихъ злодѣйствахъ, при-
знался Клевтону, что никогда съжегъ
его адомъ, убилъ отца, который от-
нялъ у него невесту, умертвилъ его
мать, и погубилъ багего-самого великаго
удалца. Какъ-скоро Форбанъ умеръ,
любимки мирятся; Клевтонъ успѣваетъ
заглядеть своей проступокъ. Кавалье
возвращается на небо, а Кабестанъ въ-
адъ, ладъ начальство въ похвалить его
искусства; но онъ такой дѣловъ, что
современемъ наперстаеть свое.

✱

УЧЕНІЯ ИЗВѢСТІЯ.

**НѢЧТО О ДЫХАНІИ И ЖИВОТНОЙ
ТЕПЛОТѢ.** — Весьма интересно воз-
ножены, очень занимательные и поч-
ти-убѣдительные результаты, полу-
ченныя въ слѣдствіе слѣдующихъ опы-
товъ, мастерски произведенныхъ надъ
животнымъ дыханіемъ, и доказывающихъ нѣ-

которыя даровитыхъ, смѣлыхъ и
предпримчивыхъ физиологовъ къ вы-
мыслу заманчивыхъ теорій, предполо-
женій и догадокъ, служащихъ для объ-
ясненія сущности этого замѣчательна-
го процесса и важности его участія
при образованіи натуральной теплоты
въ животномъ организмѣ. Но, къ со-
жалѣнію, всѣ безуморизненные пред-
пріятія, всѣ рѣшительныя усилія учено-
сти, относительно этихъ двухъ пред-
метовъ, увеличиваютъ только число
высокопарныхъ, терилитно-обдуман-
ныхъ и увлекательно-патристическихъ
сочиненій, которые, при всѣхъ своихъ
достоинствахъ, не могутъ удовлетво-
рить сметливаго любопытства, стре-
мящагося постичь процессъ дыханія и
ближайшую причину животной тепло-
ты.

Удивительно и непонятно, почему,
при изслѣдованіи нѣкоторыхъ, еще не-
разгаданныхъ, органическихъ отпра-
вленій; физиологи, нѣрѣдко самые до-
бросовѣстные, обладающие завидными
способностями души, прибѣгаютъ къ
помощи химіи для объясненія того,
чѣмъ вполнѣ объяснеть физика! Но-
вечно, чѣмъ поразительнѣе, замесло-
ватѣе и краснорѣчивѣе теорія, тѣмъ
болѣе она найдетъ себѣ пламенныхъ
поклонниковъ; но, въ дѣлѣ науки, не-
рожа сочинителя безусловно должна
руководить святая истина, для выра-
женія которой требуются только про-
стота и ясность, доступныя каждому
честивку, неимѣющему оцривато рѣ-
судка.

Основываясь на слѣдующихъ, не-
трудно-болтаемыхъ наблюденіяхъ и
опытахъ, я рѣшительно утверждаю,
что истинный животной теплоты за-
ключается не въ легкѣхъ и не въ хи-
мическомъ процессѣ дыханія.

Нѣтъ никакой необходимости дока-
зывать, что вся тѣлесная масса живот-
наго организма пронизана шножествомъ
жилъ, называемыхъ сосудами, и что
жизноты; въ нихъ содержится, и
идетъ въ непрерывномъ движеніи
теченіи; это нѣвѣстно всякому. Спра-
шивается: чѣмъ, если животныи без-

прерывно протекают въ сосудѣхъ, то не могутъ ли онѣ оказывать къ какому-нибудь дѣйствию на стѣнки сосудовъ? Само-собою явствуетъ, что онѣ производятъ постоянное треніе, составляющее главный, существенный и едва-ли не единственный источникъ животной теплоты.

Вокъ опыта. Вырѣжьте изъ недавно-убитого, но уже охладѣвшаго животнаго, часть кровеносной жилы, длиною около шести или семи вершковъ, и, завязавъ мылкою одинъ конецъ ея, налейте въ нее немного (но не очень-мало) рѣчной воды, имѣющей 0 град. температуры, потомъ завяжите другой конецъ и привяжите воду. Ему съ безпрерывно движеніемъ, болтайте; кооль въ-какого-ра времени, какъ вода, трѣхъ и жила, въ которую вода заключена, значительно нагрѣются, не смотря на то, что въ этомъ случаѣ, кромѣ тренія, ничто не способствуетъ развитію теплоты. Для этого опыта можно также употребить свѣжую, тонкую кишку. Всѣ дѣйствія, возбуждающія нервы и по свойствамъ своимъ могущія ускорить движеніе жидкостей въ органахъ, возвышаютъ и животную теплоту, ибо съ ускореніемъ движенія возрастаетъ и степень тренія жидкостей о стѣнки сосудовъ, въ-слѣдствіе чего жидкости, разгорячаясь, расширяются въ объемѣ, растягиваютъ сосуды въ толщину и увеличиваютъ пространство для тренія, а за этимъ возрастаетъ въ тѣлѣ и степень температуры; но животная теплота не переходитъ опредѣленныхъ границъ (въ человѣкѣ 32—33 градуса Реомюра), доколу-что сосуды могутъ растягиваться только до известнаго предѣла. Животная теплота, какъ и сказать уже неоднократно, возникаетъ и постоянно возобновляется при треніи жидкостей о стѣнки сосудовъ; треніе здѣсь происходитъ отъ движенія жидкостей; движеніе жидкостей производится бѣженіемъ сердца; бѣженіе сердца зависитъ отъ дыханія; дыханіемъ управляютъ назначенные для этого нервы, а нервы, всѣ вообще, джигаются животною теплотою. Это не трудно по-

вѣрить изъ-человѣкомъ, умирающимъ отъ какой-нибудь невурительной, хронической, медленнотекущей болѣзни (кромѣ чахотки), то-есть, ободряя нервы искусственною теплотою, можно сначала усилить дыханіе, потомъ усиливается бѣженіе сердца, далѣе ускоряется движеніе жидкостей, въ-слѣдствіе чего увеличивается треніе ихъ объ стѣнки сосудовъ, умножается животная теплота, снова ободряетъ нервы и человекъ еще живетъ нѣсколько времени.

Сомнительно также и то, что выдыхаемый нами воздухъ, претерпѣвъ въ легкихъ въ-какую-нибудь химическую перемѣну, тотчасъ выдыхается вонъ; ибо легкія ражмаютцаго младенца, еще недыхавшаго атмосфернаго воздуха; вопреки нѣмнѣмъ знаменитыхъ результатовъ природы, начинаютъ свое отправление не вдыханіемъ воздуха, но выдыханіемъ газовъ и потомъ уже воспринимаютъ въ себя атмосферный воздухъ. Это можно повѣрить на опытѣ: стбить только открытыя брюхо-беременной самки изъ породы четвероногихъ, при наступленіи родовъ, и плодъ ея привести въ совершенное оъ воздухомъ. Для удобства, сначала снѣтъ надо огрубить голову и потомъ тотчасъ присутствіе въ операніи. Слѣдственно, если первое выдыханіе происходитъ безъ участія воздуха, то и въ-продолженіе жизни мы выдыхаемъ не воздухъ, а газы, по составнымъ началамъ, весьма похожіе на атмосферный воздухъ съ примѣсью легочной испарины. Воздухъ же, выдыхаемый нами, весь, безъ химическаго разложенія, всасывается легочными венами и поступаетъ въ массу алой или артеріальной крови.

С. Содошенко.

ЯДЫ, ЛЕВІЯ, ЗАРАЗЫ. *Изъ наблюданій Либиха.* — Точныя наблюденія надъ дѣйствіемъ ядовъ на животный организмъ должны быть не только основаными на всѣхъ точныхъ химическихъ опытахъ, но и на наблюденіяхъ надъ дѣйствіемъ ядовъ на организмъ.

рѣшительно, сдѣло можно сказать, главная причина этихъ постоянныхъ предосудительныхъ преній, совершающихся вотъ уже слишкомъ пять дѣтъ въ центрѣ европейской учености, въ Парижской Академіи Наукъ, — главная причина столькихъ уголовныхъ процессовъ, конченныхъ, можетъ быть, не совсѣмъ-справедливо, заключается въ пренебреженіи химиковъ и физиологовъ къ изученію этой интересной и важной части медицины.

Въ-самомъ-дѣлѣ, въ токсикологическихъ изслѣдованіяхъ все вниманіе химика обыкновенно бываетъ обращено исключительно на то, чтобъ открыть самый ядъ; патологическіи болѣзненные измѣненія, которыми произвелъ онъ въ различныхъ органахъ, — для близорукаго наблюдателя дѣло поочное, совершенно-постороннее; но сколько есть такихъ случаевъ, гдѣ открытіе яда бываетъ совершенно невозможно, какъ, напримеръ, при сравненіяхъ долговременныхъ, и гдѣ медикъ долженъ именно руководствоваться одними этими патологическими измѣненіями? Наконецъ, яды органическіе, т. е. животные и растительные, всегда разлагаются въ организмѣ, что здѣсь, въ этомъ случаѣ, откроетъ отравленіе? опять тѣ же патологическіи измѣненія.

За исключеніемъ Либиха, кажется, еще ни одного химика не занималъ вообще вопросъ дѣйствія ядовъ на организмъ; частныхъ, единичныхъ изслѣдованій существуетъ довольно: такъ Флиндеръ и Данже работали много надъ металлическими солями и въ различныхъ нумерахъ вашего журнала мы разсмотрѣли эти работы. Пислова не говорилъ о значеніи Орефа, гдѣ въ всѣхъ настоящихъ химиковъ-токсиколовъ, потому-что онъ послѣ того, какъ оспаривалъ въ уголовномъ процессѣ г-жи Лафаржъ, рѣшительно отказался отъ всѣхъ своихъ извѣстій; отъ всѣхъ своихъ открытій и отошелъ съ ученаго поприща. Последній разъ мелькнуло имя его въ прошедшемъ году въ «Gazette Médicale»

подъ оправдательною (скорѣе ругательною) статьею, направленною противъ всего парижскаго медицинскаго факультета.

Изслѣдованія Либиха поощрены въ его гениальномъ, можно сказать, сочиненіи «Die organische Chemie in ihrer Anwendung auf Agriculture und Physiologie der Pflanzen» (Органическая Химія въ ея приложеніи къ физиологіи растений и земледѣлію); отсюда мы ихъ заимствуемъ и постараемся передать читателямъ какъ-можно съ меньшими сокращеніями.

Химія неорганическаѣ и органическаѣ открываютъ множество соединений, дѣйствующихъ разрушительно, болѣзненно на животную экономію, — соединений, которыя нарушаютъ обыкновенный порядокъ въ жизненныхъ отправленіяхъ извѣстныхъ органовъ, въ заключеніе, умерщвляютъ организмъ.

Во многихъ случаяхъ легко объяснить дѣйствіе неорганическихъ дѣтелей, каковы кислоты, металлическіе окислы и соли. Тѣла эти или разлагаютъ части органа, или образуютъ съ ними различныя соединенія.

Смертоносное вліаніе такихъ веществъ, каковы крѣпкая сѣрная кислота, кислоты хлористо-водородная, щавелевая, водное кали и проч., можно совершенно сравнить съ дѣйствіемъ казеннаго желѣза или остраго ножа: они точно также рѣжутъ, захватываютъ органы и тѣмъ самымъ причинаютъ смерть.

Тѣла эти не яды въ строгомъ смыслѣ, потому-что они дѣйствуютъ только въ опредѣленныхъ обстоятельствахъ.

Собственно такъ-называемые неорганическіе яды соединяются химическіи съ главными существенными частями органовъ и взаимное ихъ средство здѣсь гораздо-сильнѣе, нежели самая жизненная сила.

Разсмотримъ, чтобъ основать наши идеи, разсмотримъ, вообще дѣйствіе всѣхъ неорганическихъ веществъ на организмъ животный: здѣсь мы от-

крови, что известный отдѣлъ, известный классъ соединений растворимыхъ, находясь въ соприкосновеніи съ различными частями тѣла, переходить прямо въ кровь, а изъ нея въ органы отдѣлительные (печень, почки, различные железки и проч.), безъ всякаго измѣненія или разложившись.

Йодистый потассій, сѣристо-синеродистый потассій, желѣзисто-синеродистый потассій, селитра, хлорнокислосое кали, кремнекислосое кали и вообще всѣ соли, основаніемъ ифьюція щелочь, переходятъ безъ всякаго измѣненія въ кровь, потъ, молочко, жомчъ; во всѣхъ этихъ жидкостяхъ можно открыть слѣды ихъ, и отсюда выбрасываются они всѣ безъ исключенія вмѣстѣ съ мочею.

Каждое изъ поименованныхъ веществъ производитъ въ органахъ особаго рода разстройство; но, пробѣгая эти органы, вещества эти не разлагаются, и если они могутъ вступать, въ химическое соединеніе съ какою-либо частью тѣла, то образуютъ соединенія вѣпостоянныя, которыя жизненная сила разлагаетъ, какъ и доказываетъ постоянное вахождение этихъ солей въ мочѣ.

Лимонно-кислыя, винно-кислыя, уксусно-кислыя среднія соли съ щелочнымъ основаніемъ, напротивъ, разлагаются при переходѣ черезъ различные органы. Основанія, правда, всегда находятся въ мочѣ; но кислоты совершенно исчезаютъ и замѣщаются угольною.

Изъ этого превращенія растительныхъ солей въ щелочное основаніе и въ углекислую щелочь непрѣменно слѣдуетъ заключить, что къ ихъ элементамъ прибавилось новое большое количество кислорода; такъ, чтобы превратить одинъ атомъ уксусно-кислаго кали въ углекислосое, необходимо содѣйствіе восьми атомовъ кислорода.

Мы не можемъ, мы не имѣемъ права думать, ни одно точное наблюденіе не убѣждаетъ насъ, что этотъ кислородъ, необходимый для превращенія растительныхъ солей, отдѣляется изъ

частей самаго живаго организма. Остаётся это окисленіе приписать вѣднью кислорода воздуха.

Въ легкихъ, куда приводитъ кровь эти растительныя соли, кислоты ихъ принимаютъ участіе въ процессѣ дышанія; известное количество поглощаемого кислорода соединяется съ ихъ элементами и превращаетъ водородъ въ воду, а углеродъ въ угольную кислоту, которая соединяется съ частью только щелочнаго основанія и образуетъ постоянную, неизмѣняющуюся соль.

Эту соль потомъ отдѣляютъ печень и почки.

Ясно, что присутствіе растительныхъ солей въ крови и въ легкихъ непрѣменно должно востроить процессъ дыхательный; безъ нихъ весь кислородъ, поглощаемый при вдыханіи, смѣшался бы, по обыкновенію, съ элементами крови; адѣсь же, напротивъ, часть живительнаго газа соединяется съ элементами этихъ солей, и, въ слѣдствіе этого противодѣйствія, уменьшается количество образующейся артеріальной крови.

Кислоты минеральныя, кислоты растительныя, не летучія, соли минеральныя съ щелочнымъ основаніемъ, въ известномъ количествѣ, остаются живы. На живомъ организмѣ дѣйствуютъ они точно такъ же, какъ и растительныя среднія соли; только причина этого дѣйствія другая.

Минеральныя соли, разстроивающія и даже совершенно оставаивающія въ легкихъ процессъ дыхательный, никогда не попадаютъ въ кровь въ значительномъ количествѣ, потому что всѣ животныя перепонки, а именно ткани, мускульныя фибры и т. п. не пропускаютъ черезъ себя крипички соляныхъ растворовъ и задерживаютъ ихъ, когда тѣ разведены водою. Такъ или иначе, догрузите сухой музырь въ насыщенные растворы поваренной соли, селитры, желѣзисто-синеродистаго потассія, сѣристо-синеродистаго потассія, сѣрино-кислой магнезіи, хлористаго потассія, сѣрино-

кислаго натра, — онъ останется по-прежнему сухъ и всё эти жидкости будутъ стекать съ него, какъ вода съ жирной, масляной поверхности.

Обсыпьте кусокъ свѣжей говядины поваренною солью: по прошествіи двадцати-четырехъ часовъ, онъ будетъ плавать въ разсолѣ, а вы не найдете на него ни капли воды. Жидкость здѣсь берется изъ мускульныхъ фибръ и ячештой ткани; соль соединяется съ водою, которая заключалась въ животныхъ частяхъ и отдѣляется отъ мяса, и замѣщается слабымъ солянымъ растворомъ.

Домашняя экономія пользуется этимъ свойствомъ поваренной соли, чтобъ засушить говядину, омывъ отъ нее воду и такимъ образомъ защитить ее отъ гніенія.

Винный спиртъ въ этомъ элементномъ свойствѣ сходится съ минеральными солями: онъ также не промываетъ животныхъ вещества, а извлекаетъ изъ нихъ воду, съ которой онъ имѣетъ сродство.

Въ желудкѣ поглощаются соляные растворы, если они только достаточно слабы; если же они насыщены, то производятъ совершенно-противное дѣйствіе, сушатъ органъ и возбуждаютъ сильную жажду; желудокъ отдѣляетъ изъ себя всю воду, которая разжижаетъ ихъ и поглощаетъ слабую изъ часть.

Остатокъ солянаго раствора проходить въ кишки и здѣсь дѣйствуетъ какъ очистительное.

Кромѣ этихъ солей, которые дѣйствуютъ на животную экономію, не образуя въ ней новыхъ химическихъ соединеній, есть еще особый классъ веществъ, и довольно значительный, также разстроивающихъ болѣзненно и даже умерщвляющихъ организмъ, но производя однако въ его органахъ никакихъ видныхъ измѣненій.

Вещества эти — истощающіе неорганическіе яды; они дѣйствуютъ, потому что образуютъ постоянныя соединенія съ перепонками, тканями, мускульными фибрами. Въ акуратеріи подобно

отности соли желѣзной закиси, свинцовыя, висмутовыя, мѣдныя и т. п.

Если привести въ сопрیکоспособію растворы этихъ солей съ бѣлкомъ ячмыннмъ, молокомъ, мускульными фибрами, животными перепонками, — они соединятся съ этими различными тѣлами и утратятъ совершенно свою растворимость. Такимъ образомъ, соли съ щелочнымъ основаніемъ отнимаютъ у животныхъ веществъ воду, которая входитъ въ ихъ составъ; соли металлическія же сами соединяются съ этими веществами и дѣлаются нерастворимыми.

Такъ именно, этимъ путемъ ястоличіе неорганическія яды дѣйствуютъ на животный организмъ. Когда утратятъ они растворимость, они поглощаются и соединяются съ органами; въ кровь же переходятъ очень рѣдко; въ мочѣ ихъ ни разу не находили, потому-что они въ продолженіи всего своего пути постоянно бывають въ сопрیکоспособіи съ веществами животными, которыя къ нимъ оказываютъ необыкновенно-сильное сродство. Но и эти животныя вещества въ свою очередь тоже испытываютъ постепенно различныя превращенія, отдѣляются въ мочѣ азотъ вмѣстѣ съ минеральными веществами, ртутью, мѣдью, которыя были въ соединеніи съ органическими веществами.

Это сопрیکоспособіе минеральныхъ веществъ съ известными органами производить въ нихъ отправления разстройство, которое обнаруживается болѣзнями.

Дѣйствіе сулемы и мышьяковистой кислоты особенно заслуживаетъ нашего вниманія. Известно, что эти тѣла имѣють въ высшей степени способность соединяться со всеми животными и растительными веществами и предохраняють ихъ отъ гніенія. Держать въ мочѣ, напримеръ, очень-легко и очень-быстро измѣняются въ присутствіи воздуха и воды; если же остановить ихъ известное время въ сопрیکоспособіи съ мышьяковистою кислотою или сулемою, они не переимѣняютъ ни

нѣтъ, ни вида подъ вліяніемъ атмосферы.

Извѣстно еще, что у отравленныхъ этими веществами, животныя части, органы, которые были въ соприкосновеніи съ ними, не подвергаются гніенію. Послѣ этого легко понять дѣйствіе этихъ ядовъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, яды эти, наперекоръ жизненной силѣ, мы сказали, образуютъ съ органами — соединенія, которые ихъ предохраняютъ отъ гніенія; то же самое значить, только другими словами, что эти органы утрачиваютъ жизненность, способность испытывать различныя превращенія; однимъ словомъ, въ нихъ уничтожается вся органическая жизнь.

Когда количество яда довольно-незначительно — отравленіе бываетъ только поверхностное; съ наружной стороны органовъ образуется сухая шкурка, которая отдѣляется мало-по-малу отъ здоровыхъ частей.

Изъ всего этого легко заключить, что внутреннее отравленіе не обозначается никакими положительными указаніями; наблюдатель не открываетъ здѣсь разстройства въ органамъ, потому что мы, замѣтили сейчасъ, какъ смерть не влечетъ за собою частыхъ намѣненій въ органахъ. Однако же, мышьякъ можетъ перейти въ кровь, печень, и проч. Въ-самомъ-дѣлѣ, если обнажить яду и погрузить ее въ растворъ мышьяка, каждый кровяной шарикъ соединится съ нимъ, то-есть, отравится.

Замѣтите: мышьяковыя соединенія, не имѣющія сродства съ какою-либо частью органа, не оказываютъ вліянія на жизнь, въ какой бы дозѣ мы ихъ ни принимали; такъ основныя мышьяковистыя, или нерастворимыя въ водѣ, совершенно-безвредны; алькаргентъ, на-примѣръ, новоутѣло, открытое Буазеномъ, совершенно не имѣетъ вредоноснаго вліянія, а мышьяка содержитъ въ себѣ достаточное количество.

Это различіе въ дѣйствіи даетъ возможность означить довольно-точно предѣлъ, за которымъ эти вещества перестаютъ дѣйствовать ядовито. Въ-

самомъ-дѣлѣ, соединеніе этихъ ядовъ съ веществами животными, необходимо происходитъ по законамъ химическимъ. Итакъ, чтобъ воспослѣдовала смерть, яду должно быть достаточное, опредѣленное количество: тогда онъ съ органомъ образуетъ химическое, атомическое соединеніе. Въ противномъ случаѣ, отравленная часть органа будетъ совершать еще жизненныя отправленія.

Опыты Мульдера показываютъ что вѣсъ атома мышьяковистой кислоты равенъ 6361. По-этому, можно допустить, что 6361 частей мышьяковистой кислоты или сулемы.

Если смѣшашъ 6361 частей мышьяковистой кислоты съ 30,000 частей воды, мы превратимъ ее именно въ то состояніе, въ какомъ находится она въ крови или мускульной мышцѣ. Въ этомъ видѣ 100 граммовъ мышьяковистой кислоты даютъ насыщенное, высшее соединеніе съ 3, 4 грамма мышьяковистой кислоты и съ 8 граммами сулемы. Съ другой стороны, вѣсъ атома желатины равенъ 7447, желатины — 6052. 100 граммовъ этихъ веществъ, когда они насыщены водою въ той степени, какъ находятся въ живомъ организмѣ, соединяются съ 1,25 грамма мышьяковистой кислоты. Пропорціи эти, которыя мы должны принимать за высшую степень насыщенія, показываютъ, въ какой слабой дозѣ сулема и мышьяковистая кислота могутъ быть смертельныя.

Противоядія должны отнимать у яда его ядовитое свойство; такимъ образомъ, сулему, мышьяковистую кислоту должны лишить они способности соединяться съ животными веществами. Къ-несчастью, не существуетъ еще ни одного тѣла, которое могло бы побѣдить это губительное свойство.

Медница довольствуется пока противоядіями, дѣйствующими только побочно, второстепенно, которыя сами соединяются съ свободною еще частью яда и образуютъ нерастворимыя, неразлагаемыя, постоевныя тѣла. Между

этими противоядіями водная окись железа самая дѣйствительная.

Нѣтъ сомнѣнія, растворимыя серебряныя соли дѣйствовали бы точно такъ же смертельно, какъ и сулема, еслибъ въ тѣлѣ человѣческомъ не существовало дѣятеля, который уничтожаетъ ихъ губительное вліяніе, особенно когда вещества эти не находятся въ излещствѣ. Этотъ дѣятель есть поваренная соль; она растворена во всѣхъ органическихъ животныхъ жидкостяхъ. Впрочемъ, азотно-кислое серебро соединяется подобно сулемѣ съ животными веществами, и соединенія ихъ представляютъ почти одинаковые характеры: онѣ также защищаютъ органы отъ гніенія.

Растворимыя свинцовыя соли имѣютъ всѣ свойства серебряныхъ и ртутныхъ солей; впрочемъ, всѣ соединенія свинцовой окиси съ животными веществами разлагаются слабая, разведенная сѣрная кислота. Вотъ почему свинцовая коликка неизвѣстна на всѣхъ бѣлизильныхъ фабрикахъ, гдѣ работники имѣютъ обыкновеніе пить каждый день лимонадъ сѣрной кислоты (сахарная вода, смѣшанная съ нѣсколькими каплями этой кислоты).

Кромѣ того, сулема и свинцовыя соли въ большомъ количествѣ имѣютъ свойство растворять соединенія нерастворимыя, которыя они образовали въ началѣ съ животными веществами, отъ-чего распускается и самый отравленный органъ.

Мѣдныя соли, самыя постоянныя, разлагаются отъ дѣйствія многихъ растительныхъ веществъ, особенно сахара, меда, при чемъ возобновляется чистый металлъ или его окись, которыя не могутъ уже соединяться съ животными веществами; потому эти растительныя тѣла и употребляются какъ противоядія самыя дѣйствительныя.

Объ отравленіи синильной кислотой, основаніями органическими, какъ-то стрихнинъ, морфинъ, и проч. мы еще не знаемъ ничего положительнаго.

До-сихъ-поръ мы рассматривали тѣла, которыя дѣйствуютъ губительно

на животную экономію, или потому-что они имѣютъ способность соединяться съ животными веществами, или потому-что содержать въ себѣ ядовитое начало. Но есть еще классъ веществъ не менѣе смертельныхъ— продукты извѣстныхъ химическихъ разложеній; они ядовиты именно въ-слѣдствіе *особаго состоянія, въ которомъ находятся въ природѣ.*

Чтобъ точно понять ихъ дѣйствіе, мы должны припомнить себѣ причину, дѣятеля, который возбуждаетъ явленія броженія и гніенія. Въ самомъ простѣйшемъ видѣ, дѣятель этотъ можно обозначить слѣдующею формулою: *частица дѣйствующая можетъ передать, сообщить свое дѣйствіе всякой другой частицѣ, которая съ нею находится въ соприкосновеніи.* Этотъ законъ, это начало открыто Лавуазье и Бертолетомъ; но эти ученые не успѣли доказать точными опытами справедливость его для явленій химическихъ. Это законъ механическій, который проявляется всякій разъ, когда есть противленіе (сила, средство, сопротивленіе) недостаточно-велико, чтобъ побороить движеніе.

Мы знаемъ, закваска есть тѣло разлагающееся; равновѣсіе между частицами въ ней нарушено; частицы эти въ движеніи. Если прибавить ее къ сахарной водѣ, она свое состояніе передастъ элементамъ сахара, которые по новому начнутъ группироваться и образуютъ два простѣйшія сложныя тѣла — углекислоту и алкоголь, оба они постоянныя сахара, элементы въ нихъ связаны тѣснѣе.

Мы знаемъ еще, если этотъ самый сахаръ привести въ соприкосновеніе съ другими веществами, иначе разлагающимися, нежели закваска, дрожжи, на-примѣръ, съ гніющими началами растительныхъ соковъ, онъ иначе превратится и дастъ новые продукты: вмѣсто алкоголя, получится у насъ молочная кислота, маннитъ и гумми.

Если смѣшать дрожжи съ чистымъ сахарнымъ растворомъ, мало-по-малу они совершенно уничтожатся; если

вѣсть вѣсто вѣсто сахара растительный сокъ, содержащій въ себѣ клейковину; клейковина въ свою очередь разложится и отдѣлится въ видѣ дрожжей.

Дрожжи, слѣдственно, — продуктъ разложенія клейковины, который, въ свою очередь, въ соприкосновеніи съ водою, каждую секунду приходитъ въ разложеніе. Въ этомъ видѣ клейковина пріобрѣтаетъ уже способность возбуждать броженіе въ сахарной водѣ. Если эта вода заключаетъ въ себѣ клейковину, какъ, на-примѣръ, пивной заторъ, при разложеніи элементовъ сахара образуется еще новое количество дрожжей.

Вотъ заключеніе, слѣдующее изъ этихъ фактовъ: тѣло разлагающееся, которое мы назовемъ возбудителемъ, воспроизводится въ каждой сложной органической сибѣи точно такъ же, какъ закваска въ растительномъ сокѣ, содержащемъ въ себѣ клейковину. Это превращеніе совершается еще вѣрнѣе, если между элементами этой органической сибѣи находится вещество, образовавшее возбудитель.

Приложимъ эти правила къ превращеніямъ животной эконіи. Мы знаемъ, что всѣ элементы животного организма образуются изъ крови. Кровь, по свойству своему, самое сложное тѣло. Природа опредѣлила, какъ мы сказали, воспроизводитъ всѣ органы; поэтому, она повышается каждому притяженію; но-этому, элементы ея всегда постоянно превращаются, метаморфозуются въ каждомъ органѣ, и въ этомъ отношеніи ни одно тѣло самое несовершенное не сравнится съ кровью.

Припомнимъ теперь извѣстный фактъ: испорченная кровь, мозгъ, гной, желчь гнилая, если приложить ихъ на свѣжія раны, возбуждаютъ рвоту, другіе болѣзненные припадки, которые оканчиваются смертью. Извѣстно также, когда трупы въ анатомическихъ театрахъ начинаютъ разлагаться, разложеніе это можетъ сообщаться кровя живыхъ существъ, и ма-

лѣйшій порѣзъ причиняетъ въ этомъ случаѣ смертельный недугъ.

Къ категоріи разлагающихся тѣлъ надобно отнести и ядовитое начало, которое образуется иногда въ колбасныхъ издѣліяхъ. Ядъ этотъ пока извѣстенъ въ одной Германіи, и тамъ во многихъ случаяхъ положительно было доказано отравленіе испорченными колбасами. Особенно-часты эти случаи въ Виртембергскомъ-Королевствѣ, гдѣ существуетъ обыкновеніе колбасыприготовлять изъ ингредиентов самыхъ разнородныхъ, каковы: кровь, печенька, свиное сало, мозгъ, коровье молоко, мука, хлѣбъ, соль, пряныя корни, сахаръ и пр. Колбасы эти сохраняются цѣлыя мѣсяцы, если онѣ сдѣланы надлежащимъ образомъ; но если въ нихъ мало соли, если онѣ прокопчены не во время и несовершенно, внутри, начиная отъ середины разнородные элементы ихъ приходятъ въ броженіе, которое не обнаруживается отдѣленіемъ газовъ; разлагающіяся части только темнѣютъ немного и мокнуть; онѣ содержатъ въ себѣ, какъ и всѣ гніющія животныя и растительныя вещества, свободную молочную кислоту или молочнокислый аммоніакъ.

Ядовитость этихъ колбасъ приписывали сивильной кислотѣ, кислотѣ себациновой (sebacique), не доказавъ положительно присутствія здѣсь этихъ веществъ. Себациновая кислота, кромѣ того, такъ же безвредна, какъ бензоильная, съ которой она представляетъ много общаго въ свойствахъ; признаки же, или симптомы болѣзни совершенно-другіе, нежели при отравленіи сивильною кислотой.

У отравленныхъ колбасами во всѣхъ органахъ исчезаютъ мускульная фибра и всѣ существенныя части организма, которыя съ нею имѣютъ одинаковый составъ; остается жиръ, нервы и кости. Большой высыхаетъ какъ мумія, слюва его клейкая, воющая, и трупъ его не подвергается гніенію.

До-сихъ-поръ тщетно искали ядовитое начало этихъ питательныхъ веществъ; извѣстно положительно толь-

ко то, что горячая вода и алкоголь отнимают у нихъ весь ладъ. Это составляетъ отличительный характеръ тѣлъ, химически-дѣйствующихъ въ слѣдствіе особаго состоянія разложенія, въ которомъ они находятся. Состояніе это точно также можетъ быть разрушено горячею водою и алкоголемъ.

Легко понять, какъ дѣйствуютъ эти тѣла. Коленъ совершенно доказалъ, что гніющія мясо, моча, сыръ, мозгъ и прочія вещества, могутъ свое гніеніе передавать веществамъ труднѣе-разлагающимся, нежели кровь. Въ самомъ дѣлѣ, смѣшайте ихъ съ сахарною водою—сахаръ прійдетъ въ броженіе, и элементы его превратятся въ углекислоту и алкоголь. Если гной, мясо гнилое приложить на свѣжія раны, они возбуждаютъ болѣзнь, которая оканчивается смертію; ясно, что здѣсь разложеніе, гніеніе передается крови.

Въ слѣдующей книжкѣ, въ этомъ же отдѣленіи, мы рассмотримъ дѣйствіе лавъ и заразы.

РАЗЛОЖЕНІЕ ВЪ ЖЕЛУДКѢ ПИЩИ ИЗЪ КРАХМАЛИСТЫХЪ И САХАРИСТЫХЪ ВЕЩЕСТВЪ. — *Изслѣдованія Бушарда и Сандра.* — Это второе продолженіе обширнаго труда, предпринятаго двумя извѣстными французскими физиологами. До-сихъ-поръ, всѣ попытки ученыхъ изслѣдовать вдругъ, разомъ, всѣ явленія многосложнаго процесса пищеваренія, большею частію оставались безуспѣшными; два-три кавія-нибудь частныя и подчасъ довольно-спорныя наблюденія — вотъ все, что извлекала наука изъ этихъ огромныхъ мемуаровъ-пуфовъ, которыми химики-физиологи потчивали Парижскую Академію Наукъ, а мы нашу любопытную образованную дублику.

Въ 1842 году, Бушардъ и Сандра представили Парижской Академіи Наукъ общія изслѣдованія надъ процессомъ пищеваренія. Въ этомъ началѣ многосложнаго труда они старались опредѣлить, какъ измѣняются въ нашемъ организмѣ вещества, составля-

ющія основанія нашей пищи — бѣлкина, фибрина, желатина.

Первое продолженіе, представленное въ 1843 году, заключало въ себѣ собственно пищевареніе жирныхъ веществъ; мы рассмотрѣли въ свое время въ этомъ отдѣленіи эти изслѣдованія.

Всѣ настоящіе опыты гг. Бушарда и Сандра надъ плотоядными и травоядными животными, которые составляютъ содержаніе этого третьяго мемуара, общимъ результатомъ имѣютъ, что сахаръ и крахмалъ въ органахъ пищеваренія только начинаютъ измѣняться; дальнѣйшее же превращеніе и разложеніе ихъ совершается въ системѣ кровообращенія, гдѣ они, подъ вліяніемъ вдыхаемаго кислорода, образуютъ два конечные продукта—воду и угольную кислоту.

Бушардъ и Сандра нѣсколько дней сряду кормили собакъ тростниковымъ сахаромъ. На аутопсіяхъ (трупоразвѣтлахъ) всегда они находили его по всей длинѣ пищеварительнаго канала или неизмѣнившимся, или превращеннымъ въ сахаръ виноградный и въ молочную кислоту. Въ этихъ трехъ видахъ сахаръ поглощаютъ развѣтвленія приворотной вены и переносятъ въ систему кровеносную, гдѣ окончательно разлагаются они на воду и углекислоту. Интересно было бы опредѣлить, прямо ли здѣсь совершается это превращеніе сахара тростниковаго, винограднаго и молочнаго, или образуются еще средніе продукты?

Бушардъ и Сандра разлагали кровь людей и животныхъ по простествіи трехъ часовъ послѣ кормленія ихъ сахаромъ, и всегда находили въ ней только сахаръ чистый тростниковый, сахаръ виноградный и молочную кислоту; въ двухъ случаяхъ они только успѣли открыть слѣды муравьиной кислоты въ соединеніи съ натромъ. Кислота эта обыкновенно образуется отъ дѣйствія на сахаръ веществъ, окисляющихъ въ соединеніи съ щелочами; здѣсь въ процессѣ пищеваренія произошла ли она случайно? или образуется всегда постоянно въ такомъ маломъ количествѣ, которое

невозможно уловить нашими грубыми реакціями? Это послѣднее предположеніе гораздо-вѣроятнѣе допустить, если мы припомнимъ себѣ, что мочевины производятся постоянно въ крови; но никто здѣсь не находилъ ея прежде анализомъ и опытовъ Дюма и Прелью.

Брахмалистыя вещества вообще трудно перевариваются въ пищеварительныхъ органахъ: въ тонкихъ кишкахъ, какъ нашли Бушардъ и Савдръ, собственно начинается превращеніе крахмала, и здѣсь рядомъ съ его продуктами разложенія—декстриномъ (гумми), глюкозомъ и молочною кислотою, открыли они крахмалъ неразложившійся и этого большое количество. Изъ кнѣшекъ декстрина, глюкозы и молочной кислоты поступаютъ въ кровь тѣмъ же путемъ, какъ и продукты разложенія сахара, и тамъ продолжается и заканчивается ихъ превращеніе.

Разложеніе сахара и крахмала въ крови происходитъ тогда только единообразно и окончателно, когда вещества эти поступаютъ въ нее въ умѣренномъ количествѣ (1 граммъ самое большое); въ противномъ случаѣ сахаръ отдѣляется въ мочѣ черезъ почки.

Два обстоятельства помогаютъ особенно этому непремѣнному условію полнаго разложенія сахара и крахмала. Во-первыхъ, медленное ихъ раствореніе и, во-вторыхъ, прямой переходъ ихъ въ вѣтви приворотной вены. Въ самомъ дѣлѣ, крахмалъ обращается въ кишки преимущественно въ соединенія растворимыя; растворъ этотъ поглощаютъ развѣтвленія приворотной вены и переносятъ въ печень; если игорючихъ углеродныхъ веществъ слишкомъ много въ крови, печень отдѣляетъ большую часть этихъ элементовъ вмѣстѣ съ желчью въ кишки.

Такимъ образомъ здѣсь, мы видимъ, совершается особенное, своего рода кругообращеніе питательнаго вещества, и вотъ почему всегда, и естественно, малыми количествами вливается оно въ кровь.

Наблюденія Бушардъ и Савдръ прямо противорѣчатъ общепринятой теоріи, по которой всякая пища обращается въ молочко, предварительно поглощаемое лимфатическими сосудами и потомъ уже изъ нихъ поступающее въ кровенную систему. Чтобы повѣрить, точно ли представляютъ это отступленіе крахмалъ и сахаръ, они кормили животныхъ этими веществами въ соединеніи съ разными красильными на чалами, и находили всегда въ желчи эти красильныя начала, а не въ молочкѣ.

ЕДИНОРОГЪ — ДѢЙСТВИТЕЛЬНО-СУЩЕСТВУЮЩЕЕ ЖИВОТНОЕ.

Никогда воображеніе человѣческое не отдѣляется совершенно отъ дѣйствительности; правда, оно подчасъ уродуетъ, но всегда въ природѣ можно открыть основаніе, прототипъ самаго отчаяннаго, бѣшеннаго вымысла.

Въ послѣднее засѣданіе Парижской Академіи Надписей и Изящной Словесности (Academie des inscriptions et des belles-lettres) секретарь ея Жюмаръ представилъ рядъ изслѣдованій члена-корреспондента Фульжанса Фрэнеля (Fulgence Fresnel) надъ многими животными, которыя до-сихъ-поръ считались баснословными, но существованіе которыхъ, какъ оказывается, теперь не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Разсмотримъ собственно изысканія г. Фрэнеля, относящіяся къ единорогу; они были читаны и критически разобраны въ самомъ засѣданіи.

Священное писаніе и естественная исторія Плинія—два древнѣйшіе источника, гдѣ упоминается о единорогѣ; Давидъ, въ своихъ псалмахъ, Іовъ и Моисей въ книгѣ числъ именуютъ его рогъ.

Этотъ рогъ ужаснѣе всѣхъ звѣрей, похожъ общою наружною формою на быка, только на лбу имѣетъ одинъ рогъ. Вотъ собственно положительное, что можно извлечь тамъ между тысячами метафоръ и фигурныхъ иносказаній.

Гораздо-яснѣе описанъ единорогъ у Плинія; въ его естественной исторіи, въ книгѣ I, въ главѣ 23, находимъ: «Asperitima autem feram monocerotem relicto corpore eque similem, capite cervo, pedibus elephanto, cauda apri, mugitu gravi, unucornu media fronte cubitum duum eminente. Haec feram vivam negant cari».

Вѣроятно, на основаніи сказанія Плинія, геральдическій единорогъ въ средніе вѣка дѣлалъ похожимъ на лошадь. Въ англійскомъ гербѣ, направо отъ щита, единорогъ изображенъ въ видѣ лошади же.

Описаніе Фрэнеля, которое мы передадимъ сейчасъ нашимъ читателямъ, основано на разсказахъ динихъ Африканцевъ; оно заключаетъ въ себѣ признаки изъ обоихъ вышеприведенныхъ указаній. Фрэнель самъ не видѣлъ единорога, а собиралъ о немъ извѣстія у жителей Джедаха, гдѣ онъ находится консуломъ.

Въ Африкѣ, въ Эіоіиіи, въ Дар-Боргу, иначе Дар-Суля, на востокъ отъ знаменитаго центрального озера, также въ землѣ Гэнга (Донга, Динка, Денка) на югъ отъ Фортилэ Дар-Фуръ, разсказываютъ туземцы, живетъ быкъ-единорогъ, который похожъ на дикаго вола или буйвола.

Сходство это, впрочемъ, ограничивается одною общею наружною формою. Ноги массивныя, не гибкія, похожи на слоновьи и когда животное спитъ, оно вытягиваетъ ихъ, а не подбрасываетъ подъ себя. Ступня округлена, спереди раздвоена и вооружена двумя когтями, какъ у барана сзади; она заключена въ копыто. Хвостъ короткій, гладкій по срединной ливніи, на краяхъ покрытъ волосами; оканчивается онъ также толстой метелкою изъ волосъ, похожею на хвостъ лошадиный, только она гораздо-толще и не короче. Кожа вся голая, какъ у паршиваго верблюда; только отъ затылка до середины спины идетъ рядъ волосъ; она толще, плотнѣе шкуры носорога.

Главный отличительный характеръ единорога составляетъ подвижный

рогъ, который находится у него середи́а между глазами. Этотъ рогъ сѣро-пепельнаго цвѣта, какъ и все животное; на верху онъ красенъ, багрянъ и заканчивается тонкимъ остріемъ; длина его локоть (восьмнадцать дюймовъ). Когда единорогъ спокойно ходитъ, онъ машетъ ови́емъ рогомъ направо и налево; но если раздражить его, онъ бросается на своего врага съ опущенною головою, прокалываетъ его рогомъ насквозь, выбрасываетъ на воздухъ и разстерзываетъ въ клочки.

Голова, по бокамъ надъ ушами или нѣсколько къзади, представляетъ двѣ возвышенности (по галевой системѣ, это органы кровожадности). Морда нѣсколько напоминаетъ рыло кабана; уши маленькія; носухъ, какъ и зрѣніе, очень-тонки. Испражненія отдѣляетъ огромныя (величиной съ хорошую тынву) и въ большомъ количествѣ (за одинъ разъ горку фута въ два высоту).

Единорогъ привозитъ по одному дѣтенышу.

На охоту за единорогомъ соединяются обыкновенно цѣлыя деревни. За исключеніемъ двухъ *блуждоковъ*, которыхъ обязанность поднять звѣря, всѣ охотники верхами и вооружены никакии съ широкими желѣзными остріемъ и дротиками. Лошадь выбирается преимущественно бѣлая или бѣловатая; бѣлый цвѣтъ необыкновенно раздражаетъ единорога. Сильные жиры и полдень—лучшее время для охоты; потому-что тогда онъ спитъ.

Бѣгуны отыскиваютъ логовище единорога и если онъ спитъ, бросаютъ въ него камень или дротикъ. Потрѣбованное животное подымается вдругъ силою всѣхъ своихъ мускуловъ и бросается на дерзкаго врага, который свисается на первомъ деревѣ. Маневръ этотъ не сопряженъ съ большою опасностію, потому-что единорогъ бѣгаетъ тихо. Тогда всѣ всадники по единичнѣ заѣзжаютъ единорогу сзади и стараются навѣсть ему ударъ копытомъ въ брюхо или пахи, — единственное мѣ-

сто, куда можно его ранить; а открыто прямо нападать на него значитъ подвергать и себя и лошадь вѣрной смерти. Маневрирование это продолжаютъ пока животное не начнетъ ослабѣвать отъ потери крови, тогда всадники сходятся тѣснѣе въ кружокъ и учащаютъ удары пока не свалится единорогъ.

Жители Боргу и Гѣнга утверждаютъ, что единорогъ или *abu-korn*, какъ оня его зовутъ, — самый ужасный изъ всѣхъ дикихъ звѣрей. Онъ убиваетъ людей безъ всякой цѣли, когда они и не нападаютъ на него; онъ кровожаденъ по природѣ; главное ему только убивать, потому что онъ не ѣстъ ни мяса, ни какой-либо другой животной пищи, и питается однимъ хлопчатникомъ.

ПРИВЕДЕНІЕ ГАЗОВЪ ВЪ ЖИДКОЕ И ТВЕРДОЕ СОСТОЯНІЕ. — Приведеніе газовъ въ жидкое состояніе — важный вопросъ въ химіи. Тильберъ первый началъ на рѣшеніе его, и углекислота былъ первый газъ, сгущенный имъ, который успѣлъ онъ даже обратить въ твердое тѣло; много было другихъ попытокъ, но всѣ онѣ оказывались рѣшительно неудачными, за исключеніемъ послѣднихъ опытовъ великаго Фарлеа, которые увѣнчались блестящими успѣхами, какъ и все, что выходитъ изъ-подъ рукъ этого гениальнаго физика-химика, и которые мы передадимъ здѣсь нашимъ читателямъ.

Про опыты Эмѣ мы ни слова не говоримъ; онъ сгущалъ газы на дѣйствіе жидкой сѣды, тамъ онъ обращалъ въ жидкое состояніе, да кто это видѣлъ? а на сущѣ, на доверчивости земнаго племени, гдѣ давленіе обыкновеннаго, газы эти по-прежнему оставались газами.

Какъ средства сгущающія, Фарлеа употреблялъ никакую температуру и сильное давленіе. Вотъ его опыты и результаты опытовъ; онъ самъ описываетъ ихъ въ письмѣ къ Домѣ, помѣщенномъ въ *Annales de chimie et de*

physique. («Лѣтописи химіи и физики», январь, 1845 г., томъ XIII).

«Прежде всего старался я получить очень-низкую температуру; на этотъ конецъ я употребилъ ванну съ твердою углекислою и эфиромъ, которую помѣстилъ подъ колоколъ воздушнаго насоса. Здѣсь, въ пустомъ безвоздушномъ пространствѣ, углекислота постоянно оставалась твердою, и температура была 30 градусомъ ниже нуля.

«Потомъ соединилъ я вмѣстѣ кранами, пробками и нѣскольکو трубокъ стекляныхъ и жѣдныхъ; въ этомъ приборѣ, съ помощью двухъ насосовъ, я получилъ давленіе, равное силѣ сорока атмосферамъ.

«Вотъ результаты, до которыхъ дошелъ я, подвергая слѣдующіе газы общему дѣйствию такого сильнаго давленія и низкой температуры подъ колоколѣмъ воздушнаго насоса. Холодъ, какъ я и ожидалъ, пронавелъ многія явленія, которыхъ не могло сдѣлать одно сильное давленіе.

«Угледородный газъ, употребляемый для освѣщенія, обратился въ свѣтлую, безцвѣтную, прозрачную жидкость, которая растворяетъ смолыстыя и масляныя тѣла; до твердаго состоянія, однакожь, я не могъ довести его.

«Кислота іодисто-водородная чистая, получается въ твердомъ и жидкомъ видѣ; будучи тверда, она свѣтлая, прозрачная, безцвѣтная какъ ледъ и также съ трещинами, которыя пересѣкаютъ всю массу.

«Кислота бромисто-водородная получается также или въ видѣ прозрачной безцвѣтной жидкости, или въ видѣ свѣтлаго, прозрачнаго твердаго тѣла.

«Объ эти кислоты необходимо переговять очень-осторожно въ закрытыхъ сосудахъ и при сильномъ давленіи, чтобъ получить совершенно-чистыя.

«Кислота кремне-фтористая, при очень-низкой температурѣ, переходитъ въ безсвязную, прозрачную, безцвѣтную жидкость, необыкновенно-подвижную, какъ горячій эфиръ.

• *Кислота борно-фтористая* и *фосфористый водородъ* сгущались только въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

• *Кислота хлористо-водородная* переходитъ въ жидкое состояніе очень легко, при давленіи даже одной атмосферы, но никогда не твердѣетъ.

• *Кислота сернистая* мгновенно замерзаетъ.

• *Сернистый водородъ* превращается въ бѣлую, прозрачную, кристаллическую массу, снаружи похожую на застывшій азотно-кислый аммоньякъ или на камфору.

• *Углекислота*, когда переходитъ изъ жидкаго въ твердое состояніе, или разсыпается въ видѣ снѣга, или обращается въ прозрачное, кристаллическое тѣло.

• *Окись хлора*, въ твердомъ видѣ, представляетъ красно-оранжевые ломкіе кристаллы.

• *Окись азота* обращается и въ жидкое и въ твердое состояніе; въ послѣднемъ видѣ она прозрачна, безцвѣтна и кристаллическаго сложенія. Если открыть трубку съ жидкою окисью азота, часть ея испарится, остатокъ же охладѣетъ и болѣе, нежели твердая углекислота, хотя и останется въ жидкомъ видѣ; по-этому, я думаю употребить жидкую окись азота въ опытахъ, которые я намѣренъ дѣлать надъ водородомъ, кислородомъ и азотомъ.

• *Синеродъ* замерзаетъ.

• *Аммоньякъ* чистый, сухой обращается въ твердое, прозрачное бѣлое тѣло, которое тяжеле жидкаго аммоньяка и имѣетъ очень-слабый запахъ.

• *Мышьяковистый водородъ* и *хлоръ*, *второкись азота*, *окись углерода* не переходятъ ни въ твердое, ни въ жидкое состояніе.

• *Алкоколь* густѣетъ, какъ холодное масло, но не кристаллизуется.

ИЗМѢРЕНІЕ САМЫХЪ КРАТЧАЙШИХЪ МОМЕНТОВЪ, КАКЪ-ТО: ВРЕМЕНИ ВОСПЛАМЕНЕНІЯ ПОРОХА, ПРОДОЛЖЕНІЯ УДАРА УПРУГИХЪ ТѢЛЪ, РАСКРУЧИВАНІЯ ПРУЖИНЪ И ПР. И ПР. ПОМОЩЬЮ ЭЛЕКТРИ-

ЧЕСКИХЪ ТОКОВЪ.—Вотъ еще новое полезное приложение электричества, придуманное извѣстнымъ французскимъ физикомъ Пульё.

Много дѣлано было очень-интересныхъ изслѣдованій надъ скоростью, быстротою взаимнаго дѣйствія невѣсомыхъ дѣятелей, каковы электрическая и магнитная жидкости; но вообще до сихъ-поръ физики не обращали вниманія, есть ли какая-нибудь разница собственно между взаимнымъ дѣйствіемъ самыхъ невѣсомыхъ дѣятелей и его матеріальнымъ осуществленіемъ, то есть, переходомъ, передачею къ веществу вѣсомому.

А этотъ пунктъ заслуживаетъ особеннаго вниманія: жидкости невѣсомыя взаимно дѣйствуютъ съ необыкновенною быстротою; на тѣла же вещественныя, вѣсомыя оказываютъ онѣ только второстепенное вліяніе, обнаруживающееся движеніемъ, быстрота котораго сравнительно гораздо-менше. Такимъ-образомъ магнитная стрѣлка остается подъ вліяніемъ магнетизма въ покоѣ; электрическій варывъ, молнія, сѣверное сіяніе отклоняютъ, и въ этомъ явленіи необходимо различать *незамытый моментъ*, въ который воупущено было равновѣсіе магнитной жидкости, и *замытое движеніе*, отклоненіе стальной магнитной стрѣлки. Очень можетъ быть, что здѣсь, въ этомъ интервалѣ протекло въ тысячу, въ десять тысячъ разъ болѣе времени, нежели сколько продолжалось собственно взаимное дѣйствіе невѣсомыхъ дѣятелей.

Если электрическій токъ можетъ дѣйствовать правильно въ моментъ самый кратчайшій, въ тысячную, десяти тысячную долю, на-примѣръ, секунды, если въ это время онъ успѣетъ отклонить магнитную стрѣлку, незначительно, что посредствомъ этой стрѣлки можно съ точностью опредѣлить тысячные и десятитысячные доли секунды, потому-что она обозначаетъ веществомъ дѣйствія, совершающимся въ эти ничтожные промежутки времени.

Изъ опытовъ Пульё надъ напряженіемъ электрическихъ токовъ, представленнымъ еще въ 1837 году Парижской Академіи Наукъ, слѣдуетъ, что токъ весь со всею своею первоначальною силою пробѣгаетъ цѣпь въ нѣсколько тысячъ аршинъ въ $\frac{1}{100}$ секунды. Остаётся опредѣлить теперь для нашей цѣпи, въ этотъ кратчайшій моментъ, можетъ ли онъ произвести вліяніе видимое — замѣтно отклонить магнитную стрѣлку.

Вотъ какимъ образомъ Пульё рѣшилъ эту послѣднюю важную задачу:

Представьте себѣ стеклянный кругъ въ восемьдесятъ-четыре сантиметра (аршинъ слишкомъ въ діаметрѣ); по направленію радіуса наклеена на него оловянная полоска, шириною въ одинъ миллиметръ; другая также полоска, только нѣсколько по-шире, наклеена около центра круга. Положимъ, стеклянный кругъ дѣлаетъ каждую секунду одинъ полный оборотъ; соединимъ его съ гальваническою цѣпью, такъ, чтобъ одинъ конецъ его постоянно упирался въ оловянный кругъ, другой касался только края стекляннаго круга; начнемъ его вертѣть; когда свободный конецъ цѣпи коснется оловяннаго радіуса, электричество сообщится, произойдетъ токъ, который будетъ продолжаться именно все время, пока оба эти элемента находятся въ соприкосновеніи между собою, то-есть около $\frac{1}{100}$ секунды.

Если мы будемъ вертѣть стеклянный кругъ вдвое, втрое, вчетверо быстрое, свободный конецъ цѣпи скорѣе также будетъ проходить по оловянному радіусу и время продолженія тока сравнительно и пропорціонально будетъ уменьшаться во столько же разъ.

Этотъ незамысловатый приборъ — стеклянный кругъ съ оловянными полосками, обыкновенный столбъ Давіеля въ шесть паръ и гальванометръ Мелони составляютъ главныя и единственныя орудія, которые Пульё употребляетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ.

Пульё нашелъ, если токъ отъ одного элемента Давіеля, который пробѣ-

гаетъ цѣпь слишкомъ въ двадцать аршинъ длиною, будетъ дѣйствовать на гальванометръ Мелони только въ теченіе $\frac{1}{100}$ секунды, онъ отклонитъ стрѣлку его на пятнадцать градусовъ. Такимъ-образомъ, съ этимъ инструментомъ можно опредѣлять безъ труда десятитысячныя доли секунды.

Понятно, для того, чтобъ гальванометръ былъ постояннымъ мѣрителемъ кратчайшихъ промежутковъ времени, необходимо здѣсь опредѣлить взаимныя отношенія, которыя существуютъ между движеніемъ стрѣлки, напряженіемъ тока и временемъ касанія свободного конца цѣпи и оловяннаго радіуса стекляннаго круга. Эти отношенія можно вывести посредствомъ вычисленія; но ихъ непременно надо въ такомъ случаѣ провѣрить посредствомъ точныхъ опытовъ. Пульё такимъ-образомъ составилъ таблицу всѣхъ отклоненій стрѣлки гальванометра подъ вліяніемъ опредѣленнаго тока, дѣйствующаго также въ опредѣленное время.

Въ слѣдующей статейкѣ мы представимъ описаніе инструмента, устроеннаго другимъ физикомъ, Бодримовомъ, на основаніи открытія Пульё, и которымъ можно замѣнить всѣ предварительныя вычисленія.

Въ настоящемъ мемуарѣ Пульё говорить собственно пока объ одномъ приложеніи своего открытія, именно объ опредѣленіи времени вспышки пороха.

Опытъ этотъ располагается слѣдующимъ образомъ: берется гальваническая цѣпь объ одномъ элементѣ Давіеля, въ которую вводятъ также гальванометръ; одинъ конецъ ея прикрѣпляютъ къ пистону, часаженному на шпичекъ; другой соединяется съ куркомъ; вся батарея совершенно уединена отъ остальнаго ствола, и часть проволоки проходитъ передъ дуломъ въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, такъ-что пуля, при выходѣ своемъ, непременно ее перерѣжетъ. Вотъ и весь приборъ. Когда курокъ спущенъ, концы цѣпи сообщаются, образуется токъ, который продолжается все время, пока пуля не разорветъ проволоки и не нарушитъ

сообщения. Въ различныхъ опытахъ, разумѣется съ зарядами равными, Пульё получалъ отклоненія стрѣлки въ гальванометръ одинаковыя. Промежутокъ времени, который протекаетъ отъ спуска курка до вылета пули (вре- мя вспышки пороха), онъ нашелъ, равняется 1/10 секунды.

ИЗМѢРИТЕЛЬ КРАТЧАЙШИХЪ ПРОМЕЖУТКОВЪ ВРЕМЕНИ. — Это инструментъ г. Бодриона, о которомъ мы говорили въ предыдущей статьѣ, и которымъ г. Бодрионъ думаетъ замѣнить всѣ вычисления таблицы Пульё.

Инструментъ этотъ составляетъ подвижный кругъ, вращающійся около своей оси; обороты свои онъ дѣлаетъ въ определенное время, въ секунду, положимъ; въ кругѣ находится зацѣпка, въ которой прикрѣпляется игла, налитая чернилами; въ известный моментъ она можетъ касаться и отмѣчать на поверхности круга. Эти отмѣтки — части круга — дуги, понятно, будутъ означать доли секунды, если оборотъ всего круга равняется секундѣ. При этомъ инструментѣ находится еще счетчикъ, который опредѣляетъ число оборотовъ, число секундъ.

Диаметръ круга и скорость вращенія отъ насъ совершенно зависятъ; по-этому мы можемъ дѣлать, разбивать секунду до безконечности, а это главная задача въ открытій Пульё и главная выгода инструмента Бодриона.

Зацѣпка пружинная будетъ дѣйствовать быстро, за это ручаться можно. Опыты Савара показываютъ, что карта въ секунду 2400 разъ можетъ быть выведена изъ нормальнаго положенія; почти также быстро двигается и пружинная зацѣпка.

Разумѣется, для определенія времени, приборъ Бодриона необходимо употреблять съ гальванометромъ и гальваническою цѣпью.

УЛУЧШЕНІЯ ВЪ ФАБРИКАЦІИ ПОРОХА. — Обыкновенный порохъ

даетъ огромное количество дыма и кошитъ сильно огнестрѣльное оружіе; это главные и довольно-важныя его недостатки. Нѣтъ сомнѣнія, причина этихъ явленій — медленное и неполное сгараніе заряда. Такъ объясняетъ, по крайней-мѣрѣ, ихъ г. Сирэ, аптекарь въ Мо, который, уже нѣсколько лѣтъ изслѣдуетъ порохъ, съ цѣлью уничтожить его недостатки.

Принимая въ уваженіе эту причину дурнаго качества обыкновеннаго пороха. Сирэ возымѣлъ мысль, для улучшенія его, смѣшать съ какимъ-нибудь горючимъ веществомъ, которое бы само быстро воспламенялось и сожигало разомъ весь зарядъ. Онъ пробовалъ употребить на этотъ конецъ хлорно-кислота кали, фосфористыя, ртутныя соединенія и смолы. Съ первыми тремя веществами трудно и опасно возитъ. Остаются однѣ смолы, которыя и быстро воспламеняются и предохраняютъ еще отъ сырости. Берсведова смола совершенно удовлетворяетъ требованію; порохъ, смѣшанный съ нею, сгараетъ быстрее, даетъ гораздо-меньше дыма и кошитъ; но она дорога, и Сирэ удался замѣнить ее съ выгодой антаремъ и сандаракомъ.

Вотъ какъ предлагаетъ Сирэ составлять эту пороховую смѣсь:

Возьмите 18 фунтовъ 28 золотниковъ обыкновеннаго пороха и 8 фунт. сандарана, насыпьте его въ цилиндрчѣскій кожаный сосудъ, повойте крышкю и приведите въ горизонтальное положеніе; оба вещества совершенно смѣшаются, и вы получите отличный порохъ, который мало дымитъ и не даетъ никакой кошоты.

ХЛЕБОНЕКАРНАЯ ПЕЧЬ, НАГРЕВАЕМАЯ ВОЗДУХОМЪ. Изобретеніе Арибера. — Печь эта состоитъ изъ двухъ отдѣленій, расположенныхъ въ два яруса.

Верхнее отдѣленіе представляетъ узкій горизонтальный, четырехугольный ящикъ, сложенный изъ камня; по обоимъ концамъ его находятся дверки изъ листоватаго жѣлѣза.

Полъ, нижнее основаніе этого отдѣленія, составляетъ рядъ желѣзныхъ листовъ, вставленныхъ въ желѣзныя рамки, изъ которыхъ изъ каждой прикрѣпленъ столько чугунныхъ валиковъ, сколько самыхъ листовъ. Посредствомъ этихъ-то валиковъ движется весь полъ внутри печи на двухъ желѣзныхъ полозяхъ какъ на рельсахъ. Когда время сажать хлѣбы, выдвигаются всѣ половныя пластины, которыхъ въ печи всего можно уместить только семь; на каждую кладется по сырому хлѣбу, и каждая особо вливается въ печь, такъ, чтобъ здѣсь промежутки были крайней-мѣрѣ пять, шесть минутъ. Семь листовъ, мы сказали, совершенно наполняютъ печь; восьмой листъ выталкивается въ противоположную дверку первый передовой листъ съ испеченнымъ уже хлѣбомъ.

Внизу находится очагъ, нагревающий воздухъ, который проводится сюда разными каналами и отсюда проходить въ верхній этажъ, въ отверстія, пробитыя у передней двери. Здѣсь воздухъ нагрѣтый свободно обращается и отдаетъ часть своего теплорода, на счетъ котораго печется хлѣбъ, и холодный уже устремляется на противоположный конецъ печи, гдѣ проходитъ опять къ очагу въ отверстія у задней двери.

Изъ этого расположенія видно, что температура въ печи не равная; часть печи, ближайшая къ передней двери, куда прямо поступаетъ сырой хлѣбъ, заключаетъ въ себѣ горячій слой воздуха, и температура здѣсь высокая; чѣмъ далѣе отсюда, тѣмъ воздухъ холоднѣе, и у задней двери ившая температура. Хлѣбъ здѣсь, поэтому, такъ же, какъ и въ обыкновенной печи, въ началѣ получаетъ наибольшее количество теплорода, которое понижается постепенно.

Вотъ выгоды печи, нагреваемой воздухомъ:

1) Она требуетъ менѣе горючаго материала, потому что дымовая труба перерѣзается здѣсь верхній ярусъ; дымъ, слѣдственно отдаетъ также свой тепло-

родъ внутреннему воздуху, который печетъ хлѣбы. Это, по-видимому, ничтожное количество жара составляетъ экономію слишкомъ 75 процентовъ, такъ что шестью вулами угля можно начесть слишкомъ сто сорокъ-шесть пудовъ хлѣба.

2) Хлѣбы пекутся воѣ единообразно, потому что всѣ подвергаются равнымъ измѣненіямъ температуры; съ обыкновенными печами трудно, даже нѣтъ никакой возможности достигнуть этого результата, всегда есть различіе между хлѣбами первой и послѣдней сади.

3) Сберегается самый трудъ при правильномъ ходѣ работы.

✱

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Въ Бристолѣ оконченъ недавно постройкою самый исполянскій пароходъ подъ названіемъ: Great-Britain. На немъ уже дѣлали пробную поѣздку изъ Бристоля до Блеуэлла на Темзѣ. Это судно имѣетъ въ длину 322 фута; слѣдовательно, оно длиннѣе самыхъ большихъ линейныхъ кораблей англійскаго флота (Queen, Caledonia, Saint-Vincent). Кромѣ обыкновенной желѣзной трубы, на этомъ пароходѣ поставлены шесть мачтъ, которыя во время сильной бури можно тотчасъ положить на бортъ. У Great-Britain нѣтъ колесъ, но нѣсколько машинъ приводятъ въ движеніе исполянскій архимедовъ винтъ, устроенный подъ поломъ судна. Эта система движенія гораздо-лучше колесной, ибо когда пароходъ отъ волненія ляжетъ на одинъ бокъ, тогда одно колесо вертится просто на воздухѣ, а другое, погружась все въ воду, не можетъ дѣйствовать какъ-ограду отъ сильного напора воды. На архимедовѣ

же винтъ волны никакого вліянія не имѣютъ. Этотъ пароходъ назначенъ для плаванія по Атлантическому-Океану.

— За двѣнадцать лѣтъ предъ симъ, пріѣхалъ въ Буэнос - Айресъ одинъ Французъ, и не могли найти себѣ въ Америкѣ никакого занятія, пришелъ въ крайнюю бѣдность. Однажды, оплакивая свою горькую участь, онъ увидѣлъ за заставою города нѣсколько огромныхъ кучъ костей и другихъ животныхъ остатковъ, выброшенныхъ изъ горючихъ боевъ. Французъ рѣшился воспользоваться этимъ сокровищемъ, набралъ въ горюнокъ нѣсколько костей, кишенъ и проч., принесъ ихъ домой и выварилъ изъ нихъ жиръ. Продавъ съ прибылью этотъ матеріалъ, онъ началъ также жечь кости, и такимъ образомъ завелъ себѣ маленькую фабрику для выварки жира и добыванія животнаго порошка и тува. Наживъ себѣ нѣсколько тысячъ реаловъ, онъ уже устроилъ на своемъ заведеніи паровую машину, сталъ дѣйствовать въ обширныхъ размѣрахъ и теперь почитается въ Буэнос - Айресъ однимъ изъ богатѣйшихъ заводчиковъ.

— Локомотивы, дѣйствующіе посредствомъ сжатого воздуха, изобрѣтенія гг. Клегга и Самуды, грозятъ вытѣснить съ желѣзныхъ дорогъ паровозы, которые обходятся гораздо дороже первыхъ, по причинѣ большаго расхода на каменный уголь. Нынче англійскій механикъ г. Пейнъ (Payne) сдѣлалъ опять новое открытіе, которое, конечно, замѣнитъ желѣзные рельсы дорогъ: онъ приготовляетъ деревянные брусья, которые, не теряя своего эластическаго свойства, имѣютъ крѣпость настоящаго желѣза и могутъ совершенно замѣнить чугунные рельсы. Для испытанія на практикѣ этого важнаго изобрѣтенія, въ Англии составилось уже общество акціонеровъ, чтобъ посредствомъ значительнаго капитала устроить особую дорогу съ деревянными рельсами.

— Одинъ англійскій туристъ, бывшій въ Чжеусанѣ, описываетъ китай-

скій способъ высхижанія изъ яицъ молодыхъ утокъ. Самое замѣчательное лицо въ Чжеусанѣ есть одинъ старый Китаецъ, который каждую весну выводитъ по нѣскольку тысячъ молодыхъ утокъ изъ яицъ. Заведеніе этого Китайца состоитъ изъ простой, довольно-обширной мазанки съ соломенною крышею. Внутри хижины вдоль стѣнъ поставлено нѣсколько соломенныхъ корзинъ, толсто-обмазанныхъ глиною, въ которыхъ положены утиныя яйца, покрытыя соломенною ностилкою. Дно каждой корзинны сдѣлано изъ иррича, который нагревается жаромъ до 31 градуса по Реомюру. Старый Китаецъ, держа въ корзинкахъ до пяти дней, раскладываетъ ихъ потомъ на особую дверь, снабженную шпестромъ дюръ, каждая въ величину утиного яйца. Разсматривая погоня на свѣтѣ яйца, онъ замѣчаетъ тѣ, въ которыхъ уже находятся зародыши молодыхъ утятъ, и отдѣляетъ отъ нихъ яйца безъ зародышей. Эти послѣднія прячетъ онъ опять въ корзинки прежнимъ порядкомъ и подвергаетъ ихъ снова усиленной теплотѣ въ теченіе десяти дней, потомъ раскладываетъ яйца на доски, и выкрываетъ ихъ толстымъ слоемъ хлопчатой бумаги и суконными одеялами. Въ такомъ положеніи яйца находятся до четырнадцати дней, покуда изъ нихъ не выпустятся молодые утята. Окрестные поселеніе знаютъ уже время высхижанія утятъ и приходятъ къ старому Китайцу за покупкою ихъ.

— Изобрѣтенія стеариновыхъ свѣчей навело много убытка восковымъ заводчикамъ; но французскій химикъ Декокъ грозитъ вовсе уничтожить производство свѣчей изъ обыкновеннаго воска. Онъ нашелъ новый способъ въ растительномъ царствѣ природы, который можно добывать изъ пальмы, миррики (myrîka) и сахарнаго тростника. Въ Лузіанѣ изъ ягодъ myrîka cerîfa вываривается выщелъ превосходнаго качества бѣлый воскъ.

— Одинъ клееварь въ Арморбахъ изобрѣлъ особаго рода клеѣй, пригото-
вленный изъ крови и жилъ голубей.
Такой клеѣй хотя обходится довольно-
дорого, но за то уже клеенныя имъ
вещи никогда не распадаются, на-при-
мѣръ, клеенное виѣсть дерево и
жестъ, или жестъ съ жестью, также се-
ребро съ золотомъ. Имъ также крѣпко
склеивается разбитое стекло и фар-
форъ.

— Въ Готѣ истребляютъ древесныхъ
червей и гусеницъ слѣдующимъ обра-
зомъ: плодовые деревья, на которыхъ
гнѣздится множество червей и гусе-
ницъ, надобно обрызгивать большою
кисью, обмынутою въ мыльную воду,
каждое утро и вечеръ. Всѣ такіе га-
ды тотчасъ выдыхаютъ отъ мыльной
воды.

— Одинъ германскій эконокъ имѣ-
етъ во всякое время года свѣжій кар-
тофель, что онъ производитъ слѣдую-
щимъ образомъ. Въ сухомъ погребѣ,
вырытомъ въ землѣ, онъ отгоражива-
етъ особое мѣсто, насыпаетъ на него
слоѣй, толщиною въ дюймъ, чистаго пе-
ска, то-есть двѣ трети и одну треть
хорошаго чернозема. Въ апрѣлѣ онъ
садитъ на эту землю любое количество
картофеля, которое отпускаетъ потомъ
ростки, и въ ноябрѣ получаетъ изъ
этого подземнаго огорода свѣжій вкус-
ный картофель, который растетъ безъ
сѣва и солища.

— Изъ Аравіи получаетъ Европа са-
мый лучший меккскій кофе; но, вѣро-
ятно, эта же страна скоро будетъ на-
дѣлять Европу другимъ сладобъемъ
или суррогатомъ кофе, состоящимъ
изъ молодыхъ вѣтвей растенія *celastrius
sibiricus*, котораго настой производитъ
въ человѣкѣ веселость, бодрость,
успокаиваетъ нервы и дѣлаетъ легкое
вольеніе крови. Въ Аравіи, напитокъ,
приготовленный изъ этого растенія, въ
большомъ употребленіи, и особенно
подается гостямъ, какъ возбуждающее
средство къ хорошему расположенію
духа и веселости.

— Для садовыхъ дорожекъ англій-
скіе садовники совѣтуютъ употреблять

уличную грязь, смѣшанную съ смолою
каменнаго угля и съ мелкимъ щебнемъ.
Изъ такого состава надобно сперва
сдѣлать грунтъ дорожки и потомъ на
нее какъ слѣдуетъ насыпать мелкаго
щебня и песка. Этого рода дорожки
не даютъ гнѣздиться въ себѣ никакимъ
червямъ и насѣкомымъ; также черезъ
нихъ не могутъ проникать никакія сор-
ныя травы, и вообще сырость и дождь
на нихъ вовсе не дѣйствуютъ, и онѣ
всегда остаются сухими.

— Въ Лондонѣ, Французѣ, извѣ-
стный подъ именемъ герцога нор-
мандскаго, изобрѣлъ новый взрывной
составъ, который на опытѣ оказался
весьма-удовлетворительнымъ, имѣетъ
силы гораздо-болѣе, чѣмъ порохъ, но
обходится не дороже его. Поману-
тый составъ есть, покуда, тайна из-
обрѣтателя, который начиняетъ имъ
бомбы и ракеты. Недавно такая ра-
кета, начиненная составомъ изобрѣ-
тателя, была брошена въ бомбу, ле-
жавшую въ водѣ, на глубинѣ восьми
футовъ. Бомба разлетѣлась въ куски,
не смотря на то, что она лежала цѣлые
сутки въ водѣ, которая отъ сильнаго
взрыва снаряда поднялась фонтаномъ
на тридцать футовъ. Герцогъ норман-
дскій намѣренъ продать свой секретъ
англійскому правительству.

— Если кто привыкъ спать ночью
при свѣтѣ лампы, тому можно реко-
мендовать слѣдующій дешевый сна-
рядъ для освѣщенія своей спальни.
Надобно положить кусочекъ фосфора
въ бутылку бѣлаго стекла и потомъ на-
лить въ нее вскипяченаго прованскаго
масла до одной трети бутылки, и все
это крѣпко закупорить. Когда захоти-
те, чтобы свѣтъ выходилъ изъ бутыл-
ки, то надобно откупорить пробку и
впустить въ сосудъ чистаго воздуха.
Тогда пустая внутренность бутылки
освѣтится фосфорическимъ свѣтомъ,
посредствомъ котораго можно смотрѣть
даже на цифры карманныхъ часовъ.
Если свѣтъ погаснетъ, то надо опять
откупорить бутылку, и она снова бу-
детъ освѣщать предметы. Такой сна-

рядъ можетъ свѣтить ночью въ-теченіе полугода.

— Гр. Карто и Шельионъ представили Французской Академіи Наукъ сдѣланные ими анатомическіе препараты человѣческаго тѣла изъ кожи, которые вообще превосходятъ дѣлаемыя изъ алебаstra и бумажнаго тѣста (papier maché); ибо эти послѣдніе легко подвергаются порчѣ отъ сырости и переиънъ погоды, но кожаные гораздо-крѣпче и легко могутъ быть выкрашены разными красками.

— Въ Марсели недавно открыли подземной тоннель, сдѣланный древними Римлянами подъ самымъ моремъ, въ гавани, въ которой могутъ плавать большіе ливнейные корабли; входъ тоннеля начинается у Церкви-Св.-Виктора и проходитъ до Крѣпости-Св.-Николая. Сводъ его имѣетъ 60 футовъ въ ширину и четвертою частью длиннѣе лондонскаго подъ Темзою. Инженеръ Жоларъ и архитекторъ Мотера первые открыли эту знаменитую постройку Римлянъ, приказавъ предварительно раскопать огромную кучу развалинъ и мусора. Въ первый день они достигли только самой нижней ступени лѣстницы, ведущей въ тоннель, а во второй имъ удалось въ-теченіе четырехъ съ половиною часовъ пройти все пространство подземнаго хода.

— Въ природѣ есть много чудесъ, которые уму человѣческому вовсе непостижимы. На-примѣръ, если вы срѣжете ножомъ полнѣе, то онъ, подобно баснословной гадрѣ, получаетъ новую жизнь въ каждомъ отдѣльномъ кускѣ своего вещества. Гусеница имѣетъ 4,042 мускула. Въ каждомъ главѣ трупя натуралисты находятъ 14,000 зеркала. Для дыханія рыбы карпа нужно 13,360 вртѣнъ, сосудовъ, жилъ и хрящей. Тѣло обыкновеннаго паука состоитъ изъ четырехъ частей, въ которыхъ находится множество скважинъ (весаитныхъ невооруженному глазу человѣка); каждая скважина пропускаетъ чрезъ себя тончайшую нитку, и до 1,000 нитей лежатъ въ видѣи ча-

сти тѣла паука. Онѣ при своемъ выходѣ изъ хвоста паука соединяются въ одну только нить, которую мы называемъ паутиною; слѣдовательно, каждая нитка паутины состоитъ изъ 4,000 нитей. Левенгекъ (Lewenhock) наблюдалъ черезъ микроскопъ маленькаго паука, величину съ песчинку, котораго каждая нить паутины состояла изъ 4,000 имѣстѣ-соченныхъ тончайшихъ нитокъ. Такимъ образомъ шестнадцать миллионныхъ ниточекъ этого мельчайшаго паука всѣ имѣстѣ взятыя, составляли толщину одного человѣческаго волоса.

— Одинъ копенгагенскій химикъ долго наблюдалъ, какое дѣйствіе производятъ въ человѣкѣ нѣкоторые извѣстные вещества, принятые имъ внутрь въ видѣ питья или пищи. Химикъ обнаружилъ по этому предмету слѣдующіе результаты. Аиовьякъ, мускусъ, бобровой струи, вино и эфиръ возбуждаютъ соображеніе въ человѣкѣ, легко развивая въ немъ разные идеи; пирогеническіи масла наводятъ на человѣка меланхолію, скуку, и даже слѣпоту; декоктъ, сваренный изъ ковопли, чрезвычайно возбуждаетъ веселость, и потому Индійцы любятъ пить этотъ оупьяняющій напитокъ. Азотная окись возбуждаетъ смѣхъ, и въ-слѣдствіе того это вещество называется увеселяющимъ газомъ, мышьякъ въ безконечно-малыхъ приемахъ производитъ печаль, золотъ — хорошее расположеніе духа, ртуть — лѣнность, и т. д.

— Одинъ англійскій математикъ считалъ, что въ-теченіе прошедшаго года Англичане выпили спиртныхъ напитковъ такое огромное количество, изъ котораго бы можно было составить рѣку въ сто миль длиною, въ полторы мили шириною, и въ двадцать футовъ глубиною.

— Въ газетѣ «The Observer» напечатано слѣдующее: «Англійская публика мало знакома со строгою военною дисциплиною, которой подвергается внутрення стража лондонскаго Туера. Каждый вечеръ, при закрытіи воротъ

Тоуера, смотритель этого укрѣпленнаго замка обходитъ рундомъ съ двѣнадцатью солдатами всѣ караулы, держа въ рукѣ ключи Тоуера. Каждый часовой, завидѣвъ рундъ, кричитъ: «Кто идетъ?» Смотритель отвѣчаетъ: «Ключи». — «Какіе ключи?» — «Ключи королевы Викторіи». — Ступай далѣе» отвѣчаетъ часовой, и рундъ идетъ къ другому посту. Въ воротахъ (Spur-Gate) унтер-офицерская гауптвахта дѣлаетъ на караулъ и отдаетъ честь ключамъ. Самъ унтер-офицеръ обнажаетъ голову и говоритъ: «Боже, благослови ключи королевы!» — «Аминь!» возражаетъ смотритель и идетъ далѣе. Недавно одинъ Шотландецъ, релігіозный схизматикъ, просидѣлъ три дня въ тюрьмѣ (black-hole) за то, что не хотѣлъ сказать обычнаго привѣтствія помянутымъ ключамъ. Въ оправданіе свое онъ объявилъ, что, какъ истый Шотландецъ, онъ обязанъ молиться за королеву, но не за ключи ея.

— Въ Швеціи, гдѣ находятся только три милліона жителей, большею частью поселятъ, издавалось въ 1844 году 89 газетъ; изъ нихъ 11 въ Стокгольмѣ, 78 въ провинціяхъ и 1 въ самомъ близкомъ къ сѣверному полюсу городѣ Умеа; на островѣ Готландѣ 3. Всѣхъ періодическихъ изданій выходило 39, изъ нихъ 13 въ Стокгольмѣ. Издаваемый въ столицѣ Швеціи литературный бюллетень наполняется новѣстіями о вновь-выходящихъ въ свѣтъ книгахъ въ теченіи каждаго мѣсяца. Въ этомъ изданіи много разсуждаютъ о внутренней политикѣ, философіи, исторіи, техническихъ наукахъ, литературѣ и богословіи. Въ немъ также печатаются отрывки изъ романа: «Стокгольмскія Тайны».

— Краснокожіе Индійцы, живущіе въ Мехикѣ, часто приобрѣтаютъ себѣ торговлею большіе капиталы, но они проживаютъ изъ нихъ только малую часть, а весь остатокъ закапываютъ въ землю на вѣчныя времена. — Изъ этого видно, что они наследовали привычку скупости своего царя Кватцотли, который всѣмъ сокровища

передъ смертью велѣлъ бросить въ озеро Тотомачана. Недавно, въ деревнѣ Сан - Педро, умеръ одинъ изъ богатѣйшихъ Индійцевъ, который, при своей кончинѣ, не смотря на увѣщанія духовнаго отца, не хотѣлъ объявить наслѣдникамъ, гдѣ закопаны были всѣ его деньги. — «На что мнѣ дѣтямъ мой капиталъ», говорилъ умирающій: «пусть они работаютъ такъ же, какъ и я, такъ не будутъ жить въ недостаткѣ».

— Въ недавно-вышедшей книгѣ Чарльса Уайта «Жизнь и Нравы Турковъ» находятся слѣдующія подробности о султанскомъ гаремѣ въ Константинополѣ: «Первыя мѣста въ гаремѣ турецкаго султана занимаютъ законныя жены, кадыни, которыхъ старшинство считается со времени возведенія ихъ въ это достоинство. Такимъ-образомъ, имъ дается названіе Basch (глава) или Вижукъ (вѣшкяя), кадына-эсенди, вторая, третья и т. д. Мать перворожденнаго младенца отъ султана имѣетъ преимущество предъ прочими кадынями, но получаетъ титулъ султанши-матери (Валиды) только тогда, когда сынъ ея пріиметъ бразды правленія. Она по своему высокому званію занимаетъ первое мѣсто послѣ султана, имѣетъ свой особый штатъ, свою резиденцію, наслаждается полною свободою вдовствующихъ императрицъ, имѣетъ сильное вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ, обладаетъ большими помѣстьями и изъ султанской казны получаетъ значительное жалованье. Ежегодный доходъ султанши-валиды составляетъ болѣе 700,000 талеровъ. Другія султанши, тети, сестры и дочери турецкаго императора, получаютъ каждая особый доходъ, на-примѣръ, подать съ масличныхъ деревъ острова Хіо, съ грецкихъ губокъ Наксоса, съ оливковыхъ и померанцовыхъ деревьевъ Лесбоса, съ винъ Генедоса и проч. Нынѣшнія кадыни выбираютъ преимущественно изъ Черкешенокъ; въ прежнія времена, султанскій гаремъ комплектовался изъ женщинъ всѣхъ странъ и разныхъ вѣроисповѣданій. Одѣ всѣ безъ изъятія выбираютъ изъ

невольницъ, которыхъ дарятъ султану его мать, тетки, сестры, или которыхъ покупаютъ на азіятскихъ рынкахъ, комиссіонерами падишаха. Всѣ кадьяны имѣютъ одинакія права, каждая своей особый штатъ, свое отдѣленіе комнатъ, баню, контору, свое число агъ и невольницъ, которыхъ исполняютъ должности фрейлинъ, читальщицъ, горничныхъ и другой прислуги. Каждая кадьяна получаетъ на свои булочки и прочую туалетную мелочь 25,000 піастровъ въ мѣсяцъ (2083 талера); прочіе расходы покрываются изъ султанской казны. Невольницы, возведенныя въ достоинство кадьяны, теряютъ собственное свое имя и называются: первую, второю и третью кадьяною; но несправедливо ихъ называютъ женами султана, ибо дамы такого рода не замужнія. Султаншами называются только дочери турецкаго императора. Въ присутствіи султана, кадьяны не смѣютъ садиться на диваны или кресла, но садятся только на подушки, лежащія на полу. У нынѣшняго султана имѣтъ официальной фаворитки (кассеки), но у отца его, Махмуда II, была кассеки рѣдкой красоты, Рабія Гюльнушь. Кадьяны обязаны прекратить всѣ свои связи съ друзьями и родственниками, живущими въ сераля. Этого обычая строго исполняется при дворѣ султана, хотя не изъ ревности турецкой, но единственно для того, чтобъ удержать отъ всякихъ интригъ и происковъ придворныхъ родственниковъ и знакомыхъ кадьяны. Дамы, живущія въ Константинополѣ, вѣнчающія никакой должности въ султанскомъ сералѣ, не имѣютъ права посѣщать кадьяны или дочерей султана. Супруги иностранныхъ посланниковъ часто домогались позволенія войти въ султанскій гаремъ; но этимъ преимуществомъ рѣдко посланники могли воспользоваться. Иной разъ, изрѣдка султаншѣ - валидѣ и дочерямъ самого падишаха позволено принимать визиты отъ дамъ дипломатическаго корпуса. Даже самъ ага черныхъ евнуховъ весьма рѣдко входитъ въ комнаты кадьяны, а то съ позволенія самой хо-

зяйки; но въ таинствѣ случаетъ кадьяны должна быть невременно подъ покрываломъ. Султанъ днемъ никогда не посѣщаетъ гарема, но если ему вздумается войти туда вечеромъ, то онъ предварительно извѣщаетъ о томъ дежурнаго агу о имени той кадьяны, которая должна быть удостоена его посѣщеніемъ. Дежурный ага уведомляетъ о томъ кет - коду (обергофмейстеру), а та въ свою очередь дежурнаго фрейлину при назначенной кадьянѣ. Тогда всѣ кадьяны по порядку получаютъ визиты отъ султана; если назначенная имъ раздѣлить его ложе больна, то мѣсто ея заступаетъ другая. Въ назначенное время, т. е. послѣ пятой ночной молитвы (ятзи-намази), султанъ подходит къ заповѣднымъ дверямъ, которыя отдѣляютъ гаремъ отъ саламлика. Тутъ должна удалиться вся свита султана, кромѣ чернаго аги, который сопровождаетъ своего повелителя во внутреннія комнаты. Во всѣхъ компатахъ, чрезъ которыя проходитъ султанъ, немедленно запираютъ двери. Султанъ имѣетъ въ гаремѣ цѣлую анfilaду комнатъ; въ одну изъ нихъ вводится назначенная имъ кадьяна и оставляетъ ее при утренней зарѣ. Если султанъ захочетъ посѣтить избранную кадьяну въ ее собственномъ будуарѣ, то дежурный ага подходитъ къ дверямъ его со свѣчой, ударяетъ въ ладоши, двери отпираютъ, и кадьяна съ своими прислужницами почтительно принимаетъ къ себѣ султана. Если императоръ беретъ ванну внутри гарема, то при этомъ случаѣ прислуживаютъ ему избранныя женщины (гедеклики), подъ надзоромъ особыхъ старухъ (усты), которыя тутъ исправляютъ разныя должности, предписанныя этикетомъ. По выходѣ изъ ванны, когда султанъ придетъ въ отъвальную комнату, являются туда также гедеклики съ разными сладостями и закусками, поютъ пѣсни, длаютъ, рассказываютъ ему повѣсти, и проч. Если султанъ войдетъ въ комнату избранной кадьяны, то ее невольницы подносятъ ему шербеть, монеты, широкое кофе, мороженое и прочія за-

куску, пригласившим ея ко двору. Каждая кадыня имеет собственную кухню, и каждая старается угощать султана лучшими и сладкими кушаньями своей страны. Надобно при семъ замѣтить, что султанъ остается у кадынь до неизвестнаго часа ночи и обыкновенно поспитъ въ собственныхъ своихъ апартаментахъ. Во внутреннихъ своихъ комнатахъ султанъ обыкновенно носитъ легкій полукафтанъ, съ широкими манжетами, самую тоншую куртку и такую же исподницу. Султанъ поживаетъ на кровати, на которой кладется нѣсколько матрацовъ, сатиновыхъ богатыми гардинами. Вставъ неутру, султанъ совершаетъ сперва молитву, потомъ идетъ въ умывальную комнату, гдѣ помогаетъ ему умываться одна изъ прекрасныхъ гелюкчекъ. Она также подаетъ ему кофе, трубку и вирожи; въ слѣдующей комнатѣ брѣгъ султана приаборный кирдильчикъ. Послѣ сего подають ему завтракъ изъ легкой мясной пищи, плоды и конюсы. Если султанъ принимаетъ одну или нѣсколько знатныхъ Турчанокъ въ парадныхъ комнатахъ гарема, въ такомъ случаѣ должна присутствовать вся женская санта дворца, гдѣ ему прислуживаютъ гелюкчанки, кадыни и даже сами султанши. Въ иныхъ случаяхъ допускается на показъ весь гаремъ, гдѣ одалыки, собранныя въ *согъ de ballet*, потѣшаютъ посѣтительницъ танцами, музыкою и пантомимами. Въ эти комнаты не удалось до сего времени проникнуть почти ни одной иностранкѣ, и только однажды, по особой протекціи, благодаря своему музыкальному таланту, какая-то испанская донья получила позволеніе посѣтить гаремъ и оставалась тамъ четыре дня въ гостяхъ у кадынь и султаншъ. Хотя султанъ имѣетъ у себя 350 наложницъ, изъ которыхъ двѣ трети отличаются рѣдкою красотой, но строгій гаремный этикетъ налагаетъ рѣзкую узду на сластолюбіе падишаха, и если развѣтъ и нравственность не совсѣмъ могутъ обуздать его страсти, то ревность самыхъ кадынь и строгій взглядъ

Т. XXXIX. — Стл. VIII.

каждой изъ нихъ и условія всегда препятствуютъ султану переступать границы приличій и обычаевъ гаремныхъ. Въ 1648 году, султанъ Ибрагимъ лишился жизни за злоупотребленіе власти надъ своими кадынями и за пренебреженіе гаремнаго этикета.

— Число Турчанокъ, умѣющихъ читать, весьма-ограничено въ Константинополѣ, и не входятъ ни въ какое сравненіе съ числомъ женщинъ, живущихъ въ Царѣ и Фанарѣ; но перлы, т. е. Турчанки, весьма-разборчивы въ чтеніи и никогда не возьмутъ руки худой книги. Напротивъ того, Армячки Гречанки почти не имѣютъ хорошихъ книгъ, кромѣ ихъ молитвенниковъ, а потому по-необходимости читаютъ весьма-посредственные или плохо-написанныя сочиненія. Весьма-замѣчательно, что въ Константинополѣ живетъ нѣсколько отличныхъ писательницъ, хотя между Гречанками и Армячками не найдется ни одной, которая бы занималась литературою. Между талантливыми писательницами турецкими надобно сказать съ особенною похвалою о Лайлѣ Ханумъ, племянницѣ Муллы Ифета. Стихи ея большею частію сатирическаго содержанія, и всѣ Турчанки трепещутъ отъ ѣдкого и остраго пера Ханумы. Три тома ея поэтическихъ вдохновеній подъ названіемъ: «Диванъ», напечатаны въ Константинополѣ уже третьимъ изданіемъ. Лайла Ханумъ также написала нѣсколько прекрасныхъ народныхъ пѣсень, которыя положены на музыку и поются Турчанками. Госсевъ - Ханумъ, жена одного гекимъ - баши, известна въ Турціи, какъ отличная прозаическая писательница, которая по чистому и легкому стилю называется турецкою госпожою Севинчи.

— Въ южной части Африки живетъ многочисленное племя пигмеевъ, называемыхъ Доно; они имѣютъ тѣло оливковаго цвѣта, а ростомъ не болѣе четырехъ англійскихъ футовъ, питаются плодами, корнями, крысами, змѣями и медомъ. Они такъ же ловки и

1/2 6

проворно лазить по деревьямъ, какъ обезьяны, не стригутъ на пальцахъ длинныхъ ногтей, которыми выгребаютъ изъ земли муравьевъ, служащихъ имъ самою лакомою пищею. Между странами Гано и Метха, въ Африкѣ, находится обширная земля, населенная жителями христіанскаго исповѣданія. Этотъ народъ, какъ Троглодиты, живетъ единственно въ земляныхъ ямахъ и пещерахъ.

— Расходы на содержаніе французскаго флота въ прошедшемъ году простирались до 78,726,571 франка, не считая пароходовъ, на которые издержано 7,043,578 франковъ. Первый канонеръ нынѣшняго французскаго флота называется Шабріе, 24 лѣтъ отъ рода, служитъ на линейномъ кораблѣ «Suffren». При осадѣ Тангера, Шабріе въ своей коронѣ сбилъ при третьемъ выстрѣлѣ большое марокканское знамя съ крѣпостной стѣны Тангера. Въ это время появились на берегу у крѣпости три марокканскіе всадника. Принцъ жуанвилльскій приказалъ Шабріе уничтожить этихъ смѣльчаковъ. Канонеръ навелъ на нихъ 30-ти-фунтовое орудіе, первымъ выстрѣломъ убилъ одного, вторымъ другаго, а третій канонеристъ, не дожидаясь своего ядра, далъ тягу. Вся осадная французская эскадра отлично исполнила свое дѣло при батареяхъ, но не могла сбить съ тангерскихъ укрѣпленій зеленого и красного флаговъ. Принцъ приказалъ Шабріе удалить со стѣны непріятельскіе флаги, при сильномъ колебаніи отъ волнъ адмиральскаго корабля. Меткій канонеръ третьимъ выстрѣломъ сбилъ зеленый флагъ, а пятымъ красный. За эту меткую стрѣльбу получилъ онъ орденъ почетнаго легіона.

— Во время большихъ выходовъ и аудіенцій, даваемыхъ королевою Викторіею въ Букингемскомъ-Дворцѣ, она надеваетъ на правую свою руку золотой браслетъ, украшенный четырьмя историческими брилліантами рѣдкой воды и красоты. Самый большой изъ этихъ блестящихъ камней принадлежалъ прежде принцессѣ валлисской,

Шарлоттѣ-Августѣ, извѣстной въ Англіи по прихвѣрнымъ своимъ добродѣтелямъ и любезности ея права; второй и третій принадлежалъ несчастной королеви Маріи-Антуанеттѣ, а четвертый носила на своемъ лбу также несчастная королева Маріа-Стюартъ. Этотъ камень имѣлъ въ послѣдствіи Юсепъ-Наполеонъ, а послѣ него уже достался королеви Викторіи.

— Въ Брюсселѣ живетъ отличный живописецъ, уроженецъ острова Явы, Радинъ Салега. Онъ съ 1830 года вывезенъ былъ изъ голландскихъ колоній въ Европу и учился живописи въ Дюссельдорфѣ на счетъ голландскаго правительства. На послѣдней выставкѣ художественныхъ произведеній въ Брюсселѣ особенно отличались двѣ картины Салега: бой льва съ быкомъ и сраженіе киргизовъ съ Казачами.

— Переписка поэта Гёте съ веймарскимъ министромъ Фойгтомъ, по какому-то случаю досталась жемѣ одного сапожника, которая однакоже ни за какія деньги не хотѣла выпустить изъ рукъ это сокровище. Помынутыя писма долгое время ходили по рукамъ мелочныхъ торгашей изъ лавки въ лавку и наконецъ купила ихъ жена сапожника, которая хорошо знала цѣну трудовъ Гёте. Сапожника, однакоже, невозможно было снять нѣсколько копій съ этихъ писемъ внуку знаменитаго поэта. Она завѣщала въ своей духовной, что послѣ ея кончины писма Гёте могутъ быть напечатаны. Корреспонденція же между Гёте и великимъ герцогомъ Карломъ-Августомъ находится въ рукахъ веймарскаго правительства и хранится въ тайномъ государственномъ архивѣ.

Мелочи: — Въ Лейпцигѣ распристранилась между народомъ молва, будто-бы въ домѣ засѣданія гретчскихъ народныхъ представителей иждолюбивъ порохъ, съ цѣлью поджечь все зданіе на воздухъ совѣмъ депутатами. По слѣдствію слѣдствію оказалось,

что точно въ погребѣ дома было поставлено въсколко боченковъ пороха, но не съ злымъ умысломъ, а по приказанію консулата Аенизъ Каллержи. — 17-го января англійская труппа актёровъ играла трагедію «Макбетъ» въ Тюл-Фрейскомъ Дворцѣ въ присутствіи короля и всего французскаго двора. Король, по окончаніи представленія, весьма щедро одарилъ перваго трагика Макреда, Миссъ Фоситъ и дѣятели Шлесса. — Въ Кобленцѣ по призыву города Майнца, устраивается огромная зала базара для выставки и продажи разныхъ ремесленныхъ произведеній. Каждый ремесленникъ можетъ свой готовый товаръ принести въ этотъ базаръ, и тотчасъ получить за свою работу деньги. Директоры базара обязаны такимъ образомъ покупать вещи продавать публикѣ. Дай Богъ, чтобъ и въ другихъ городахъ Европы были устроены подобныя базары для вспоможенія бѣдному классу ремесленнаго народа! — Въ Кобленцѣ съдѣлали пробу освѣщенія улицъ камфорнымъ масломъ, которое на опытѣ оказалось такъ же свѣтлымъ, какъ самый лучший газъ. — Знаменитому Колумбу въ Генуѣ сооружается весьма-красивый и великолѣпный памятникъ. — Испанское правительство рѣшилось устроить три желѣзныя дороги, ведущія изъ Мадрида въ Барселону, Сантандеръ и Севилью. Уже составился для этого предпріятія три компаніи акціонеровъ. — Въ Англіи употребляютъ ежегодно болѣе 3.000,000 тоннъ или 4 милліона центнеровъ сахара, за который народъ платитъ 12 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, а правительство получаетъ 5 мил. фунт. пошлины. — Января 25 дня в. ст. начался римскій карнавалъ. Раю утромъ выхажда изъ Капитолія датскіе служители съ музыкою и съ разными призами для составителей въ конскихъ ристалищахъ. Въ Капитоліи старшины жидовскаго квартала (Ghetto) просили, по древнему обычаю, римскій сенатъ о позволеніи прожить имъ еще годъ въ вѣчномъ городѣ. Эта жидовская церемонія про-

исходить всегда въ первый день карнавала. Послѣ этого сенаторы и консерваторы Ватикана выѣхали въ придворныхъ экипажахъ изъ Капитолія на площадь Corso; между-тѣмъ, колоколъ съ капитолійской башни звономъ своимъ возвѣстилъ начало карнавала, и что маски могутъ выходить на улицы. Въ этотъ день весь гарнизонъ Рима съ папскою гвардіею проходитъ торжественнымъ маршемъ по площади Corso. Въ первые дни было на улицахъ немного интересныхъ масокъ; за то тѣмъ болѣе прелестныхъ женщинъ, которыя украшали собою всѣ окна и балконы. Не даромъ говорятъ Итальянцы, что нигдѣ столько нельзя найти красавицъ, какъ въ Римѣ. — Общество бельгійскихъ литераторовъ въ Антверпенѣ подарило Эжену Сю золотое перо за его романъ «Вѣчный Жидъ», въ которомъ онъ разоблачилъ предъ свѣтомъ многихъ впокрытовъ и другихъ порочныхъ людей, косящихся подл маскою благочестія. — Книгиня Канино, супруга Люсіана Бонапарте, находится нынче въ Парижѣ съ дозволенія французскаго правительства. Она представила на французскій театръ трагедію сочиненія Люсіана, въ которой дѣйствуютъ лица древней французской королевской династіи. — На Театрѣ Комической-Оперы разучиваютъ новую композицію знаменитаго Обера, которая будетъ представлена въ первый разъ въ мартѣ. Кромѣ этой пьесы, дають съ большимъ успѣхомъ въ оперѣ *Сандрильйону*, музыка знаменитаго композитора Николо-Изуара, съ новою инструментовкою Алана. Къ этой старинной оперѣ прибавлено много волшебныхъ сценъ и превращеній и написаны новыя декорации. — Спийноръ Панталеоне, бывшій спутникъ знаменитаго Листа, приѣхалъ недавно въ Берлинъ и сдѣлался чуднымъ врачомъ всевозможныхъ болѣзней. Больные тысячами стекаются къ нему за универсальнымъ лекарствомъ, которое Панталеоне приготовилъ въ двухъ большихъ горшкахъ. Изъ этихъ сосудовъ даравія выдаются народу всѣ

средства для надсмотря его недуговъ. Медицинское правленіе прусской столицы требовало полагать шарлатана въ себя на экзаменъ, но чудный врачъ отозвался тѣмъ, что ему некогда, ибо де на его рукахъ находится 14,000 больныхъ, которые требуютъ немедленной помощи. Известный своєю храбростію въ Алжирѣ Юсуфъ, полковникъ спаговъ, оставивъ мухаммаданство сдѣлался недавно католикомъ въ Парижѣ. Онъ женился на дѣвицѣ Вейеръ племянницѣ генерала Гальеандо. Молодая жена, назначенная Провидѣніемъ упрочить этого африканскаго дѣла, хотя не принесла ему приданнаго, зато доставила значительную прогнатию. Юсуфа хотятъ теперь произвести въ генерал-майоры и дать ему въ команду три полка, сформированные изъ алжирскихъ туземцевъ. — У одной изъ парижскихъ заставъ таможенная стража конфисковала восемнадцать центнеровъ лошадиного масла, которое, будучи очищено и отстоено, очень походитъ вкусомъ на оливковое. Парижскіе рестораторы очень охотно покупаютъ такое масло для кушанья, ибо оно гораздо дешевле обходится, чѣмъ прованское. — Одинъ французскій аристократъ, виконтъ де-Б., занимается въ Парижѣ, по пристрастію, составленіемъ реестровъ и таблицъ всѣмъ богатымъ невестамъ Парижа дѣвицамъ и вдовамъ. Въ послѣднее время, во время карнавала, было много свадебъ, и виконтъ нѣсколько десятковъ невестъ выхерилъ изъ своихъ синоптическихъ таблицъ. Въ сборникѣ этого собирателя вѣтъ скандалѣзной хроники, но, напротивъ, все достовѣрныя замѣтки, положительныя цифры о приданомъ, о лѣтахъ, о фамильныхъ связяхъ, нравахъ, талантахъ и даже порокахъ невестъ; для послѣдняго отдѣла, о порокахъ, остается особый пробѣлъ, и тамъ вписываются замѣчанія единственно по желанію жениховъ. Благодаря такому интересному труду, виконтъ сдѣлался оракуломъ всѣхъ холостяковъ, вдовцовъ и вдовушекъ: его вездѣ при-

нимаютъ, угощаютъ, ласкаютъ и боится. Если бы онъ не былъ богатымъ человекомъ, то легко могъ бы, отъ своей синоптической хроникъ, написать болѣе денегъ, чѣмъ Дюма и Эмиль Сю отъ своихъ романовъ; но у него особены недреманные: онъ даетъ ихъ съ величайшею осторожностію и то немногихъ избраннымъ, удостоившимся его особой довѣренности. Благодаря стараніямъ виконта, многие уже молодые супруги набили свои бумажники ассигнаціями, записками неимѣнными, акціями желѣзныхъ дорогъ и проч. У него мало, тотъ ищетъ многого: вотъ тайна этой биржевой спекуляціи, называемой въ академическомъ языкѣ гимеосекъ. — Въ Берлинѣ, нынѣшнее зимною, вошло въ большую моду между высшимъ классомъ публики катанье на ледяныхъ русскихъ горахъ, построенныхъ на счетъ короля въ саду дворца принца Альберта (Bellevue). Въ два часа пополудни, участвуетъ въ этой забавѣ королевская фамилія и важѣйшія особы прусскаго двора, а въ прочее время предоставлено нататся на горахъ всей публикѣ. Сочленіе зрителей бываетъ каждый разъ очень-многочисленно. — Въ Парижѣ загорѣлась жестокая война людей съ крысами. Начало этого побойща сдѣлано было въ королевской библіотекѣ, гдѣ въ теченіи трехъ дней убито 1,200 крысъ. Но Французы изъ всего извлекаютъ пользу; слѣдовательно, и крысы пошли въ дѣло. Изъ шкуръ ихъ выдѣлываютъ нѣха для подбоя сюртуковъ, пальто, теплыхъ перчатокъ, шапокъ и проч., изъ жира выдѣлываютъ прекрасныя стеариновые свѣчи, а мясо идетъ на кормъ гусятъ, кроликамъ и свинямъ. Изъ крысиныхъ ногъ выдѣлываютъ зубочистки и ухвертки, которыя полируются гораздо чище - чѣмъ слововая кость. — Одинъ богатый берлинскій банкиръ, владѣющій пространными прудами и садами, прочиталъ недавно въ газетахъ слѣдующее: «Нѣкто нашелъ новое средство разводить въ прудахъ вкусныхъ форелей, посредствомъ посыпи въ воду составленнаго имъ рыб-

ного порошка. Цѣна порошку два дундора; но изобрѣтатель обязывается возвратить деньги тому, у кого въ трудѣ не разведутся порога послѣ покупки порошка. Помянутый банкиръ, страстный охотникъ до поролей, отправилъ внезапно изъ изобрѣтателю два дундора, и просилъ его прислать порошокъ. Черезъ вѣскалько дней, банкиръ получаетъ слѣдующее письмо: «Милостивый государь, мнѣ очень досадно, что не могу удовлетворить ваше желаніе. Объясненіе о порошокѣ было слѣдственнѣе нашего паря... Я недавно спорилъ съ своимъ прителемъ о томъ: запечатай какую хочешь глушость и валоръ въ газеткахъ, всегда найдутся ослы, ко-

торые сразу примутъ за чистую истину. Ивѣтъ, мнѣ въ честь уведомить васъ, что въ двадцать-седьмой столѣтій, который обратилъ ко мнѣ съ требованіемъ прислать ему рыбьяго порошка. — Многочисленное племя Ивранна со-вѣститъ неожиданно получить изъ своему народонаселенію въ Европѣ 11 милліоновъ душъ. Какой-то чудакъ въ Англіи написалъ недавно книгу, въ которой онъ доказываетъ исторически, что всѣ Англичане происходятъ отъ Жидовъ, и въ слѣдствіе того, они-де имѣютъ неоспоримое право на владѣніе Палестиною. Означенный писатель сообрываетъ Англіи серьезно заняться этикъ дѣломъ и присвоить себѣ Іерусалимъ.

Наступил восток, по-этому не считаемъ нужнымъ говорить о бальныхъ нарядахъ. Впрочемъ, скоро начнутся концерты, и потому снова дамы наши покажутся въ креповыхъ и дымящихъ платьяхъ, хотя не такъ великолѣпно-убранныхъ, какъ зимою. Прежде всего надобно замѣтить, что живые цвѣты, особенно въ послѣднее время зимы, считались необходимою для всякой щеголихи, идущей на балъ или въ театръ. Ихъ прикалывали на голову, на грудь, держали въ рукахъ, и наконецъ всю сцену во время итальянскихъ оперъ засыпали цвѣтами. Хорошъ ли, худъ ли этотъ обычай бросанія, доводимый иногда до смѣшнаго—судить не наше дѣло. Саловники, вѣроятно, остались благодарны этой прекрасной выдумкѣ: имъ, бѣднымъ, не малого труда стоило при такихъ ужасныхъ холодахъ заставлять цвѣты свои деревья. Креповыя платья, также и яркія шелковыя, убирались въ три или два ряда тюлевыми буфами, перехваченными довольно-часто пылыми лентами такого же цвѣта. Также были очень-милы платья въ три юбки, съ прорѣзями, обшитыми лентами или аграмантомъ. Лицы почти всегда со швипонъ и съ бертой. Рукава самые коротенькіе. Часто въ уборку платья пришивались золотые и серебряные шнуры, и это производило большой эффектъ; но лучше всего бортъ платья вышитыи шелкомъ вѣстѣ съ золотомъ,

Головные уборы были просто блестящипительны; никогда еще, или, по крайней-мѣрѣ, давно, не носили равно столько брильянтовъ и всякихъ дорогихъ камней, какъ вышней зимой. Вѣнокъ изъ розъ, и въ серединѣ каждаго розана, какъ роса отъ солнца, блестятъ брильянты; наконецъ, цѣлыя розаны дѣлались изъ брильянтовъ, и съ темными бархатными листьями они блестѣли ярко; къ этому прибавьте еще, что у платья каждый бантикъ приколотъ брильянтовой булавкой, а иногда и весь передній шовъ у лица покрытъ брильянтовымъ цѣпью.

Шелковыя визитныя платья, также мантильи и салоны, большею частью убираются аграмантомъ, иногда только съ пуговицами, а иногда и съ пуговицами и съ кистями.

Очень-красиво, когда на бархатныхъ или шелковыхъ платьяхъ дѣлаютъ съ обѣихъ сторонъ прорѣзи, въ которыя вшиваеся бѣлый атласъ и онѣ перехвачиваются аграмантомъ, кружева и воланы въ вѣскольکو рядовъ также занимаютъ непоследнее мѣсто въ уборкѣ платьевъ.

Къ капотамъ очень-красиво дѣлать бархатные отвороты или плюшевые, но къ этому необходимъ шутокъ съ длинными концами и кистями.

Шляпъ новыхъ нѣтъ никакихъ, потому-что скоро привезутъ для фасона изъ Парижа весеннія шляпы.

Чепчики дѣлаются самые маленькіе: они только-что покрываютъ косу.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ И АНГЛІЙСКІЯ КНИГИ,

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ КОММИССІОНЕРА ВЪ ДВОРЦѢ
ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА

Я. ИСАЕВА.

Въ Санктпетербургѣ, въ Гостиномъ Дворѣ, № 22.

(Цѣны на серебро безъ пересылки.)

	P. K.		P. K.
HEATH'S BOOK OF BEAUTY for 1845. Edited by the Countess of Blessington with beautifully finished engravings. Un magnifique vol. in 8. relié tranche dorée.	8	costumes des personnages du Juif errant; in 4. 12 planches lithographiées. Paris. 1845. cartonné.	2 50
THE KEEPSAKE for 1845. Edited by the Countess of Blessington with highly finished engravings by the most eminent artist. in 8. relié en soie tranche dorée.	8	VOYAGE DE PARIS dans l'Amerique du sud poussé jusqu' au Havre inclusivement, par Cham. in 4. de 22 planches caricatural. cart.	2 50
GEMS OF EUROPEAN ART, the best pictures of the best schools. Edited by S. C. Hall. Petit folio. 13 livrais. London	15	LE FOYER BRETON, traditions populaires, par E. Souvestre. Un vol. gr. in 8. illustré par MM. Johannot, Leleux etc. Paris. 1845.	2 15
THE AGES OF FEMALE BEAUTY. Illustrated in a series of engravings from Drawings by the most eminent artistes. Edited by F. Montagu. in 4. relié, doré sur tranche. London.	6	HISTOIRE DE ST. AUGUSTIN, sa vie, ses oeuvres, son siècle, influence de son genie, par Pouloulat. 3 vol. in 8. Paris. 1845.	6
Types, physiognomies, poses et		TRAITÉ ÉLÉMENTAIRE DE PALÉONTOLOGIE, ou histoire naturelle des animaux fossiles, par Pictet. Tome 1-er. in 8. Paris. 1845.	2 70

	P. K.		P. K.
CONTES CHINOIS, précédés d'une histoire pittoresque de la Chi- ne, par Ch. Richomme. Un vol. in 8. illustré. Paris. 1845. . . .	2 50	DE LA LIBERTÉ DU TRAVAIL, ou simple exposé des conditions dans les quelles les forces hu- maines s'exercent avec le plus de puissance, par Ch. Dunoyer. 3 vol. in 8. Paris 1845. . . .	6 40
ETUDES DES PASSIONS appli- quées aux Beaux-Arts, par De- lestre. Un vol. 8. Paris. 1845.	2 15	HISTOIRE DE LA POÉSIE DES HEBREUX, par Herder. Trad. de l'allemand. Un vol. in 8. Paris. 1845	2 15
THEORIE DES MACHINES à VA- PEUR. 2-e édition, par le comte de Pambour. Un vol. in 4, avec un atlas de 23 planches. Paris. 1844.	14 30	VOYAGES FAITS DANS LES MO- LUQUES à la Nouvelle Guinée et à Célèbes, par de Bondick- Bastianse. Un vol. in 8. Paris 1845.	1 70
LES ANIMAUX HISTORIQUES, par O. Fournier. Illustrations de V. Adam. Un vol. in 8. Pa- ris. 1845. cartonné.	2 58		

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

АПРѢЛЬ.

№ 4.

1845.

I. СЛОВЕСНОСТЬ. Стихотворенія. 1) Факирь. **Я. ПОЛОНСКАГО**. Стр. 159. — 2) Яна. **А. ПАЛЬМА**. Стр. 254. — 3) Современная Ода. **Н. НЕ-ВА**. Стр. 327. — 4) Хармония. ***. Стр. 328.

Проза: 1) Генриэтта. Повѣсть **АЛЬФРЕДА ЛЕРУ**. Стр. 163. — Дача на Петергофской-Дорогѣ. Повѣсть **М. С. ЖУКОВОЙ**. Стр. 255.

II. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА. 1) Письма объ изученіи природы. *Письмо первое*. (Эмпирія и Идеализмъ). — *Письмо второе*. (Наука о природѣ; Феноменологія мышленія). **ИСКАНДЕРА**. Стр. 81. — 2) Англійская Индія въ 1843 году. *Статья третья и послѣдняя*. (Общая статистика Индіи. — Пространство и населеніе. — Военная система. — Общественная организація англійской Индіи. — Духовство и торговое сословіе. — Европейцы, туземцы; мусульмане, Индусы. — Состояніе Индіи въ-отношеніи къ матеріальному благоденствію. — Сравненіе прошедшаго съ настоящимъ. — Надежды въ будущемъ. — Заслуги Англичанъ въ-отношеніи нравственнаго и умственнаго совершенствованія Индіи. — Настоящее религиозное состояніе этой страны. — Шаткія основы англійскаго владычества въ Индіи; возможность ея завоеванія). Стр. 119.

III. СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ. 1) Обзорніе современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій по государственному управленію за февраль 1845 года. Стр. 10. — 2) Событія въ отечествѣ за тотъ же мѣсяць. Стр. 20.

IV. ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ. Мѣсоводство. **Ф. Майера. Ф. Х. МАЙЕРА** (съ рисункомъ). Стр. 15.

V. КРИТИКА. Учебная Книга Русской Словесности, или избранныя мѣста изъ русскіихъ писателей въ прозѣ и стихахъ, съ присовокупленіемъ правилъ риторики и пѣники, и обзорніе исторія русской литературы, изданная **Николаемъ Гречемъ**. Изданіе третیه, исправленное и пополненное. Четыре части. (*Статья первая*). Стр. 21.

VI. БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА. 1) *Русскія книги, вышедшія въ мартѣ 1845 года*: Тарантась, графа **Соллогуба**. — Проконій **Ляпуновъ**, 1-жи **Шишкиной**. — Сочиненія **К. Масальскаго**. — **Юмбургъ** и **Винета, Т. Грановскаго**. — Всеобщая Библиотека Россіи; приб. второе. — Слова и Рѣчи **Филарета**, митрополита московскаго. — Указатель Законовъ для сельскихъ хозяевъ. — О лубочныхъ картинкахъ русскаго народа, **И. Снегирева**. — Извѣстіе о первоначальныхъ Московскихъ и Петербургскихъ Вѣдомостяхъ. — Московскій Кремль въ натурѣ, **Д. Трегубова**. — Атласъ оперативной хирургіи, сост. **Лесмъ**. — Краткія Коммерческія Свѣдѣнія, **П. Кондратьева**. — Рѣшеніе геометрическихъ вопросовъ, **Н. Соколова**, тетр. 2-я. — Общая и Частная Технологія, **Попле**. — Наблюденія и Записки о болѣзняхъ дѣтскаго возраста, **А. Кроненберга**. — Библиотека для воспитанія; отд. II. ч. I. — Собраніе рецептовъ для пользованія лошадей, **О. Пашкевича**. — Правила Стихотворенія; изд. 2-е. — Руководство къ познанію средней исторіи, **С. Марадова**. — Краткая выписка грамматическихъ правилъ нѣмецкаго языка, сост. **Ф. Миллеромъ**. — Самоучитель нѣмецкаго языка. — Самоучитель нѣмецкаго языка по методѣ г. Явинскаго. — Французскій Учитель, **бр. Куртнеръ**. — Похожденія Подшипцея. — Ариметика, **П. Гуминскаго**; 15-е изд. — Народный Русскій Пѣсенникъ, **В. Т.**, 3-е изд. — Очерки картинъ изъ русской исторіи, **Е. Трегубова**. — Старина, **А. Иверсена**. — Библиотека Романовъ; выпускъ 4-й (Похожденія Геркулеса Арди). — Удамой Гасконецъ, соч. **Е. Сю**. — Привѣтствіе на Кладбищѣ, соч. **Н. Г....ля**. — Борисъ Годуновъ, историческая повѣсть. — Гришкѣ Отрешевъ, **А. Посьтлова**. — Другъ Дѣтей. — Стихи **Платона Зубова**. — Ода въ похвалу прекраснаго поля, **И.... К....**. — Провинціальныи Поэтъ, **П. Порфирьева**. — Сто новыхъ дѣтскихъ повѣстей, **В. Θεодорова**. — Сказка о двухъ крестьянкахъ. Стр. 19. — 2) *Книги, изданныя въ Россіи на иностранныхъ языкахъ*: Nordische Blüten, von **W. Torogoff**. — Cours méthodique de composition, par **Ch. de Saint-Julien**. — Deutsches Lesebuch. — Cent dialogues, par **Jules Ponge**. — Introduction à la grammaire. — Leçons pratiques de langue française. — Méthode établie sur 75,000 applications, par **H. Gay**. — Chrestomathie française, par **Tk. Courtener**. Стр. 57. — 3) *Библиографическія и Журнальныя Извѣстія*. Стр. 63.

VII. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. Французская Литература: Исторія Яна Собескаго, соч. **Сальванди**. — Исторія англійской революціи, соч. **Филарета Шалл**. —

Исторія европейскихъ кабинетовъ во время консульства и имперіи, соч. *Агмана Лера*. — Реформаторы до реформации, соч. *Боннизоа*. — Исторія Оттоманской Имперіи, соч. *Жюиро-де-Сен-Дени*. — Исторія консульства и имперіи, соч. *Тьера*. — Курсъ политической экономіи, соч. *Мишеля Шевалье*. — Письма о Химіи, соч. *Либиха*. — Курсъ Минералогіи, соч. *Донне*. — Паскаль и Жакелина Паскаль, соч. *Кузена*. — Басни Бабрія. — Эты-простолюдныи: Магю, Шарль Понсі. Стр. 31.

VIII. СМѢСЬ. I) Биографіи знаменитыхъ современниковъ: *Мартинесъ-ла-Роза*. Стр. 87.

II) Замарія. Разсказъ **ПОЛЯ МЮССЕ**. Стр. 100.

III) Литературныи и Журнальныи Замѣтки. Объясненіе по поводу статей книгъ г-на Эйхвальда. **Ю. СИМАШКО**. Стр. 114.

IV) Театральная Лѣтопись. *Французскій Театръ въ Парижѣ*: 1) Notre-Dame-d'Abimes, драма; 2) les Deux Cesar, вод.; 3) le Gendre d'un Millionaire, ком.; 4) le Doteur Amoureux, ком.; 5) la Haine d'une jeune fille, вод.; 6) une Soirée à Vaugirars, вод.; 7) la Tour d'Ugolin, вод.; 8) la Nuit terrible, вод.; 9) les Ruines de Vauldemors, драма; 10) Sans-cravate, драма; 11) le Tuteur de vingt ans, вод.; 12) le Porteur d'écritoire, вод.; 13) Parlez au portier, вод.; 14) Wallstein, траг.; 15) le Chevalier de Pomponne, ком.; 16) le Garde forestier, вод.; 17) les Deux Pierrots, вод.; 18) le Vieux et la Vieille, вод. Стр. 118.

V) Ученныи Извѣстія: Движеніе Мозга, **С. СОЛОШЕНКО**. — Яды, язвы, зараженія. Исслѣдованія Либиха. — Раздача премій въ Парижской Академіи Наукъ. — Остатки жизни органической въ вулканическихъ произведеніяхъ. — Машина, дѣйствующая сгущенными газами. Стр. 128.

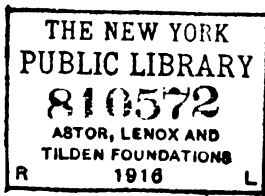
VI) Разныи Извѣстія. (Новѣйшіи открытія и изобрѣтенія. — Театральныи новости. — Мелочи). Стр. 146.

VII) Моды (съ парижскою картинкою моды).

Всѣ желающіе помѣщать статьи свои въ «Отечественныхъ Записокъ» благоволятъ доставлять ихъ въ Контору этого журнала, адресуя на имя редактора, *Андрея Александровича Краевскаго*. Статьи, принятыи редакторомъ напечатаны при первой возможности; тѣ же, которыя сочтены будутъ все-неудобными къ напечатанію, возвратятся отъ него, безъ всякихъ объясненій, въ Контору, гдѣ доставившіе могутъ обратно получить ихъ; во въ какомъ случаѣ, ни самыи статьи, ни объясненія о причинѣ ненапечатанія ихъ не будутъ пересылаемы по почтѣ изъ Редакціи. *Стихотворенія, и знанія неудобными къ напечатанію, возвращаемы не будутъ.*

Каждая книжка «Отечественныхъ Записокъ» 1845 года доставляется изъ Конторы Редакціи въ Газетную Экспедицію въ конвертѣ, заклеенномъ на-глухо со всѣхъ сторонъ обклеенномъ бандерою, къ которому прикладывается печать Санктпетербургскаго Штампамта; сверхъ-того, на всякомъ пакетѣ Контора Редакціи выставляетъ печатнымъ штемпелемъ то число мѣсяца, когда книжка сдана отъ нея въ Газетную Экспедицію. Въ этомъ видѣ всѣ гг. иногородные подписчики должны получать адресованныи на имя ихъ книжки «Отеч. Записокъ» изъ почтовыхъ конторъ, которыя, съ своей стороны, для удостовѣренія, возвращающіи въ Газетную Экспедицію посланныи имъ при тюкахъ карты, съ списками получателей каждой книжки журнала.

Все это Редакція считаетъ нужнымъ сообщитъ публикѣ для того, чтобы, въ случаѣ несправнаго полученія «Отеч. Записокъ», — т. е. если на получаемомъ пакетѣ не будетъ печати Газетной Экспедиціи и штемпеля Конторы журнала, равнобрно если бандерою или пакеты будутъ изорваны; если, наконецъ, самая книжка будетъ разрывана, изорвана, продержана лишнее время, или и совсѣмъ не доставлена, — о всѣхъ такихъ несправностяхъ гг. подписавшіеся благоволятъ немедленно увѣдомлять редакцію. Справедливыи и добрыи ихъ будутъ тотчасъ же доводимы до свѣдѣнія почтоваго начальства, и несправно исправится въ наискорѣйшемъ времени.

Ф А К И Р Ъ.

I.

Въ роуцѣ, гдѣ смолой душистой
Кашлетъ сокъ изъ-подъ коры,
Ключъ, журча, струился чистый
Изъ-подъ каменной горы.
Въ темной зелени врани
Онъ какъ змѣй вился—и вдругъ
Падалъ въ волны Діавани,
Какъ просыпанный жемчугъ.

Съ раннимъ солнцемъ изъ долины,
Тамъ, по каменной горѣ,
Погружать свои кувшины,
Умываться на зарѣ
Жены смуглыя толпами,
Не сѣша къ потоку шли,
Пѣли гимны, и перстани
Косы длинныя плели.

И воевшее влатаны,
Окружа гранитный храмъ,
Гдѣ свѣдѣи иступаны
Въ темныхъ нишахъ по угламъ,
Надъ потокомъ простирали
Листьевъ выbleмый покровъ,
И отъ солнца тѣнь бросали
На задумчивыхъ жрецовъ.

II.

Дѣти солнечнаго края —
Почитатели Вишну,
Тотъ жгетъ потокомъ рай

Фир. С. С. С. 5/17/16

Именуя въ-старину,
 Говорили, будто духи
 Эту воду стерегли, —
 И носились эти слухи
 Отъ Лантани до Бенгли.

Говорили на востокъ,
 Будто въ ночь, когда роса
 Станетъ капать, въ томъ потоку
 Слышать чьи-то голоса,
 Что невидимыя руки
 Подъ волнами, при звѣздахъ,
 Издають глухія звуки
 На невѣдомыхъ струнахъ.

Караванъ ли шелъ съ товаромъ,
 Сто верблюдовъ и слоновъ
 Въ роуцѣ той паслось не даромъ
 Близъ священныхъ береговъ.
 И не даромъ изъ околныхъ
 Странъ въ ту роуцу за водой
 Шло такъ много богомольныхъ,
 Строгихъ Индусовъ толпой.

И съ неутоленной жаждой
 На запекшихся устахъ
 Изъ числа пришельцевъ каждый,
 Чтобъ омыться въ тѣхъ водахъ,
 Принужденъ былъ на колѣняхъ
 Къ нимъ по камнямъ подползать,
 И съ мольбой, въ слезахъ и мениахъ
 Тѣло до крови терзать.

III.

• Страшно, страшно покаянье!
 Путь унылый хоръ жрецовъ —
 Службо самонстванье,
 Постъ, молитва, потъ и кровь!
 Жизнь есть вѣчное броженье,
 Сонъ роскошный, во пустой;
 Вѣчность есть уничтоженье;
 Смерть — таинственный покой!

• Бѣдный смертный, наслаждайся!
 Или, страдая до конца,
 Самъ собой уничтожайся
 Въ лонѣ вѣчнаго Огня. •

IV.

• На камнѣ близъ потока,
 Чтобъ стоять и ночь и день,

Вознеслася одиноко
Человѣческая тѣнь.

Нѣрвный страшному обѣту,
Для Браны покинула мѣрзъ,
Тамъ, какъ тѣнь, чужая сѣбу;
Сорокъ лѣтъ стоялъ фанфаръ,
Солнце жгло его нагя
Плечи, и; шума въ травѣ,
Вѣтеръ волосы густые
Шевелилъ на головѣ.

Но рука его не снѣла
Шевельнуться на груди,
Глубоко врытая въ тѣло
Ногти длинные свои;
А другая поднимала
Пальцы къ верху—и какъ трещь
Проткнувшись, выскочила
Кожей стаятая кость.
На него садилась птица;
Фанфары вѣро него:
Шла голубая тигрица,
И не тронула его.
И рассказывать любила:
Будто лѣти иногда
Въ скорлупѣ къ нему носили
Сокъ намазанаго млада.

Такъ кричала обезьяна,
И, къ лицу его склонясь,
Колыхала вѣтвь банана,
Длинной лапой уцѣпясь.
Листья весело шумѣли;
Звучно пѣвился потокъ,
Но глаза его глядѣли
Не мигая на востокъ.

Тѣ глаза глядѣли мутно:
Имъ мерещилось вдали
Все, что было недоступно
Бѣднымъ странникамъ земли:
Тѣ лазурные чертоги,
Тѣ воздушные холмы,
Гдѣ, творя, витають боги
Въ лонѣ вѣчнаго Браны.

Недоступное желало. —
Все жь доступное очамъ
Для него давно пропало,
И гора, и ключъ, и храмъ.

• • • • •

V.

Передъ праздникомъ Лакчимъ
 Въ полночь за двѣнадцать дней,
 Той порой, когда златыми
 Мириадами огней,
 Какъ алмазами устиятъ
 Темно-синій сводъ небесъ,
 Ихъ лучами возлегъивъ
 Крѣпко спалъ душистый лѣсъ.

Тихо лунное сіянье
 Почивало на горахъ;
 Струи незримыхъ лентанье
 Равадалось ипотъмахъ.
 Вдругъ, какъ-будто великаны,
 Будто ихъ тустая рать,
 Всѣ закутавшись въ туманы
 По горамъ пошли шагать,

И, тяжелый камень съ трескомъ
 Оторвавши отъ вершинъ,
 Озарилъ алымъ блескомъ
 Серебро своихъ сѣдинъ.
 На габздѣ просулась пѣица,
 Эхъ авонкое неслосъ, —
 И какъ-будто колесница
 Прокатилась въ сто колесъ.

Въ это время камень дикій,
 На которомъ дѣбенѣлъ
 Этотъ праведникъ великій,
 Содрогнулся и осѣлъ.

VI.

И страдалецъ добровольный,
 Потрясенъ и пораженъ,
 Кинулъ взглядъ вокругъ невольный,
 На доторомъ чудный сонъ
 Тяготѣлъ — ему явля
 На краю ночныхъ небесъ,
 Вѣчный день инаго края,
 Вѣчный міръ иныхъ чудесъ.

Вдругъ онъ слышитъ — голоса тошныи
 За горою говорить:
 • На меня сейчасъ огромный
 • Съ высоты упалъ гранитъ;
 • Онъ пресѣкъ мое стремленье,
 • Онъ конитъ живымъ струямъ,

- Далъ другое направленье
- По излучистымъ горамъ.

- Ты душой стремился къ Богу,
- Я по каменнымъ плитамъ
- Прологалъ себѣ дорогу
- Къ свѣтлымъ Гангеса водамъ.
- Сжался, праведникъ! отвымѣ
- Я ползу, ползу, какъ змѣя,
- По гнилой болотной тинѣ,
- Подъ корнями камышей.

- Сжался! ты одинъ лишь можешь
- Слышать тайный голосъ мой,
- Ты одинъ, одинъ поможешь
- Сдвинуть камень роковой.
- Кто родился для объятій,
- Тотъ рожденъ не для оковъ!
- Позови жь своихъ собратій,
- Позови своихъ сыновъ!

- Позови!.. Но голосъ томной
- Оборвался, какъ струна,
- И во мракъ почи сонной
- Вновь настала тишина.

VII.

Утра пламень золотистый
 Проникалъ изъ-за горы
 Въ рощу, гдѣ смолой душистой
 Каплетъ сокъ изъ-подъ коры.
 Птицы кротко щебетали,
 И блестящія листы
 Капли жемчуга роняли
 На траву и на плиты.

По дорогѣ шли брамнины,
 По горѣ толпами шли
 Жены, дѣти, и кувшины
 Руки смуглыя несли.
 И потомъ они спускались
 Къ тѣмъ священнымъ берегамъ,
 Гдѣ платаны разстилались,
 Окружа гранитный храмъ.
 У дверей жрецы толпились
 Съ дикимъ ужасомъ въ очахъ,
 И свѣтильники дымились
 Въ ихъ опущенныхъ рукахъ.

• • • • •

VIII.

Гдѣ вчера струи журчали,
 Гдѣ святой лился потокъ,
 Камни ребрами торчали,—
 Да сырой желтѣлъ песокъ.

А на берегу потока,
 Гдѣ такъ свято ночь и день
 Возносилась одиноко
 Человѣческая гнѣнь,
 Тѣло мертвое лежало
 Опрокинутое ницъ,
 И вужась надъ нимъ летала
 Съ дикимъ крикомъ стая птицъ.

А. ПОЛОНСКИЙ.

Г Е Н Р И Э Т Т А.

Поэма Альфреда Леру.

I.

Едва только начинало светать; утренняя заря чуть-чуть мерцала на горизонте; на высоту небесаго купола была еще ночь; неслышай шумъ воздвигалъ о пробужденіи города. Въ это время, веселая толпа молодыхъ людей вышла изъ Гейдельберга и разсыпалась въ нѣдъ. По разшителной осанкѣ и странности костюмовъ, въ нѣдъ легко было узнать студентовъ; еще легче было догадаться по одушевленнѣмъ кликамъ и нетвердой походкѣ, что они провалили ночь на нѣдъ Иппократомъ, Аристотелемъ или Юстиніаномъ. Вся гевориле, что это было окончаніе одной изъ тѣхъ безумныхъ ночей, когда упоеніе юности удвоивается наслажденіемъ, когда двадцатилѣтніе мечты блестятъ вдвое ярче сквозь пары рейнвейна и дыма табачный. Веселымъ студентамъ надоедо, конечно, бродить по городу и нарушать мирный сонъ *бюргеровъ*, или лучше сказать, *филантросовъ* — вѣчнаго предмета ихъ презрѣнія; они вышли на дорогу у подошвы горы, которая встаетъ надъ Гейдельбергомъ съ развалинами стараго замка, находящимся на ея скатѣ. Они шли неровными группами, разсѣвая по вольному воадуху нѣмъ, почерпнутый въ извѣстнхъ *рѣмердахъ*. Но мало-по-малу, хохоть сталъ тише, шаги медленнѣе, и, какъ-будто появленіе дня и картина природы пробудили инстинкты этихъ живыхъ организацій, они затянули, на ходу, одну изъ народныхъ пѣсень, такъ глубоко пропитанныхъ германскою національностью. Напѣвъ былъ полонъ силы и гордости, иногда даже суровъ. Это былъ гимнъ отчизнѣ, воззваніе къ мужеству воиновъ, рожденныхъ въ глубинѣ лѣсовъ. Голоса пѣвшихъ отличались звонкостью тоновъ, свойственною на-

родамъ съвера. Каждый голосъ отдѣлялся изъ хора съ удивительною вѣрностью; и импровизированный гимнъ, сначала слабый и неясный, скоро раздался въ воздухъ гармоническими строфами.

Только двое изъ молодыхъ людей остались назади и не послѣдовали за уходящими товарищами. Они остановились на минуту и внимали звукамъ, отрывисто долетавшимъ къ нимъ съ утреннимъ вѣтромъ; потомъ пошли дальше, взявшись подъ руку и молча разсматривая окружавшій ихъ ландшафтъ. Одинъ изъ нихъ былъ лѣтъ двадцати-пяти; черты лица его были правильны; черные глаза и волосы и смуглый цвѣтъ лица составляли рѣзкую противоположность съ розовыми щеками и белокурыми волосами его товарища. Блондину не было, по-видимому, еще и двадцати лѣтъ; онъ былъ очень-тонокъ и какъ-будто еще не совсемъ сложился. Въ костюмѣ обихъ молодыхъ людей былъ виднѣнъ характеръ студентской независимости и презрѣнiя обыкновенныхъ формъ. На головѣ у каждаго чуть держалась маленькая зеленая фуражка, надвинутая козырькомъ на глаза; вокругъ открытой шеи небрежно волновался родъ шарфа; покрой платья, не удаляясь совершенно отъ принятыхъ формъ, приближался, однакожь, къ покрою среднихъ вѣковъ. Старшій былъ съ бородою и испаньѣлкой. Цвѣта одежды его были ярки, но добраны не безъ вкуса; осанка гордая и страстная. Въ наружности другаго, напротивъ, было что-то неопредѣленное, нерѣшительное; тихая мечтательность выражалась въ большихъ голубыхъ глазахъ его. Длинные, золотистые волосы блестящими кудрями ниспадали на черный бархатъ его одежды. Въ волѣ и въ этотъ ранній часъ утра, такіе странные костюмы принимали какой-то живописный характеръ, гармонировавшій съ вольнымъ просторомъ природы.

Пріятели дошли до мѣста, гдѣ дорога раздѣляется на двѣ вѣтви: одна ведетъ къ зеленымъ берегамъ Неккера, другая къ развалинамъ стараго замка. Старшій нарушилъ молчаніе.

— Не хочешь ли, пойдемъ на гору, Фридрихъ? сказалъ онъ.— Пѣвцы уже далеко, и, кажется, ты не расположенъ идти за ними. Солнце теперь всходитъ, и оттуда, съ верху, горизонтъ долженъ быть сегодня чудно-хорошъ.

— Пойдемъ, отвѣчалъ его товарищъ, и снова погружился въ размышленіе.

Они пошли по липовой аллеѣ, прошли подъ мрачными, сырными сводами, послѣдними остатками укрѣпленій замка, поднялись: потомъ по разрушеннымъ лѣстницамъ, и очутились наконецъ на платформѣ *Геттеибюля*, уставленной во угламъ небольшими, изящными башенками. Здѣсь стоитъ часовня; огромныя львиныя головы, эмблемы силы, изваянныя на ея основаніи, какъ-будто: выжи-

идутъ ее отъ разрушительнаго времени. Путнику, прошедшему сюда по мрачнымъ переходамъ, горизонтъ является еще чудесно. Молодые люди невольно остановились на террасѣ и созерцали великолѣпную картину, открывшуюся ихъ взорамъ. Надъ замкомъ, на вершинѣ *Кёнигштуля*, чернѣли дубы и сосны, признаки близкаго сосѣдства *Шварцвальда*; впереди, по ту сторону рѣки, разстилались, на подошвѣ *Гейлменберга*, правильные очерки вѣтроградниковъ, и зеленая вершина его напоминала отаровательныя лощины *Оденвальда*, пріотившагося подлѣ его тѣню. Тамъ, гдѣ расширяется долина между этими двумя горами, былъ городокъ *Гейдельбергъ*; и отсюда видно было, какъ оживляютъ людьми улицы и площади его. Съ стрѣльчатой колокольни старинной Церкви-Святаго-Духа разливался по воздуху утренній звонъ, между тѣмъ, какъ мрачныя кровли университета, древнѣйшаго во всей Германіи послѣ пражскаго, казалось, еще слыши. Молитва должна предшествовать наукѣ. Подъ стѣнами города, Неккеръ обвивалъ серебряную дугу и змѣился дальше по плодороднымъ долинамъ, прилегающимъ къ Рейну. Въ эту минуту, неровный свѣтъ и тѣни отъ восходящаго солнца разливали какое-то особенное очарованіе по ландшафту. Подошвы горъ и городъ были еще въ сумракъ, тогда какъ долина, освѣщенная первыми лучами солнца, нестрѣла различными оттѣнками травъ и плантацій, и рѣка, сверкая алмазами, терялась вдали точно въ огненную ночь сверъ.

— Какъ прекрасна природа! И какъ мы недостойны наслаждаться ею! сказалъ Фридрихъ, какъ-будто договаривая начатую мысль.

— Ты правъ, отвѣчалъ его товарищъ. — Оглянись вокругъ: что за простота, — и что за величіе! Тамъ сверкающій грунтъ; здѣсь — спокойныя тѣни. Что за богатство красокъ! Земля споритъ съ небомъ въ красотѣ и гармоніи. А эти росинки? точно тысячи звездъ, сверкающихъ по темной зелени! Теперь осень: лѣсъ уже желтѣетъ и опущъ, цвѣты исчезаютъ на лугахъ; встрѣчая зиму, все облекается въ какую-то грустную красоту, предвѣстницу близкой смерти. Посмотри, какъ грозно-величественны очерки этихъ горъ, какъ свѣжа убѣгающая волна; даже земледѣльцы, за тяжкою работою, отсюда живописны и какъ-будто раздѣляютъ красоту оживленной ими картины. Надъ нами зрѣлище еще удивительнѣе: лазурь, съ скользящими по ней разнообразными и разноцвѣтными облаками, луна, исчезающая передъ дневнымъ блескомъ, яркій горизонтъ, и вѣчный царь созданія, возносящійся въ пространство и разливающій повсюду свѣтъ и движеніе!

— Эти красоты поражаютъ и меня, отвѣчалъ Фридрихъ. — Я

Трѣхъ же, какъ и ты, Антонію, вижу вокругъ себя и надъ собой только предметы удивленія; но мое созерцаніе не похоже на твоё, въ удоральствіе мое заключено въ чувствѣ, которое мнѣ трудно опредѣлить. Мнѣ все кажется, что, присутствуя при пробужденіи природы, я присутствую при совершеніи какого-то святаго таинства. Въ воздухъ, въ лѣсу, въ водахъ слышится мнѣ какой-то тайный гомель, который я желалъ бы понять. Въ этихъ звѣздахъ, одной блѣдной и заходящей, другой яркой и восходящей, я вижу символы воспоминанія и надежды; я размышляю и глажу на небо, гдѣ онѣ являются и исчезаютъ. Пока ты говорилъ, глубокая печаль овладѣла моимъ сердцемъ и навела тѣнь свою даже и на этотъ ландшафтъ. Однакожъ, я нахожу въ этомъ что-то пріятное...

— Ты поэтъ, прервалъ его Антонію.

— А ты живописецъ, отвѣчалъ Фридрихъ.

— И каждый изъ насъ, продолжалъ Антонію:—цвѣтуетъ своей натурь. Для меня все форма и цвѣтъ; для тебя все мысль, гармонія и символъ. Ты отыскиваешь въ природѣ смыслъ, я — работу.

— Я не поэтъ, продолжалъ Фридрихъ, помолчавъ съ минутою:— и не поэтъ. Я старался иногда схватить, очертить мысль свою, но напрасно. Когда я хочу опредѣлить свои ощущенія, они блѣднѣютъ и исчезаютъ, какъ болотные огоньки, которымъ нуженъ вѣтъ, чтобъ они могли сверкать. Ощущенія мои — это какое-то неопредѣленное стремленіе къ чему-то лучшему, прекраснѣйшему, чѣмъ нашъ міръ, но рѣшительно ускользящему отъ дѣйствительности. Сегодня утромъ это инстинктивное чувство во мнѣ сильнѣе обыкновеннаго, и источникъ печали моей, конечно, размышленіе, рефлексія: я невольно сравниваю чистоту вѣчной природы съ грязнымъ безпорядкомъ нашего существованія. Не сознаешь ли ты иногда, что мы живемъ не такъ, какъ должно?

— Бѣдняжка Фридрихъ! Твоя мораль пугаетъ меня. Все, что ты мнѣ сказалъ, такъ эфирно, что я смотрю, нѣтъ ли у тебя крыльевъ, и боюсь, какъ бы ты вдругъ не улетѣлъ къ этому чему-то невѣдомому, къ чему неудержимо долженъ стремиться всякій молодой Нѣмецъ. Безъ шутокъ, не заболѣлъ ли ты отъ этой ночи?

— Ты шутишь, отвѣчалъ Фридрихъ.— Впрочемъ, мнѣ нѣтъ дела до твоихъ насмѣшекъ. Я не заболѣлъ отъ сегодняшней оргіи, но теперь, среди чистоты этого утра, мнѣ стыдно, и эти оргіи для меня отвратительны. Во мнѣ просыпается моя истинная натура; вътерокъ доноситъ до меня далекіе ароматы моего дѣтства, и я чувствую, что мнѣ нужны не эти насмѣзвенныя удовольствія.

Среди нашихъ безумныхъ, искусственныхъ наслажденій, въ сердцѣ моемъ образовалась странная пустота. Когда переходить часть этихъ правдынокъ, я вижу, что благороднѣйшія способности мои были, разбиты, но стараются еще подняться и снова обрести свѣтъ. Я вижу свои вранія, свой пылъ, свое мужество, и не нахожу силъ. Чувствую, что я ничтоженъ и бесполезенъ, а между-тѣмъ мнѣ все еще кажется, что когда-то во мнѣ жило нечто хорошее.

— Почему же сомнѣваешься ты въ этомъ теперь, Фридрихъ? Зачѣмъ говоришь ты о великолупныхъ чувствахъ и стремленіяхъ, какъ о чемъ-то невозвратномъ? Ты едва-только начинаешь жить; не-уже-ли ты думаешь, что нѣсколько бессонныхъ ночей, нѣсколько пропущенныхъ ленихъ могли изгнать изъ души все благородное? Это значитъ быть ужаснымъ ригористомъ. Къ черту твою мечтательность! Я не хочу заражаться ею. Нѣтъ, нашъ образъ жизни не противорѣчатъ живымъ и добрымъ движеніямъ сердца и разсудка; напротивъ, онъ развиваетъ ихъ и даетъ имъ силу и крѣпость. Ты еще дитя; тебя пугаютъ еще наставленія бабушки; но я, я лучше понимаю вещи, и говорю тебѣ, что ты ошибаешься: преждевременная мудрость ни къ чему не ведетъ. Только старый морякъ умѣетъ крѣпить покой. Весна коротка, лѣто пролетаетъ быстро; для размышленій есть осень и зима. Отдадимся же наслажденію жизнию и промотаемъ весело богатства юности: ихъ, всеравно, не сбережемъ на старость. Я не твоихъ мыслей: я думаю, что сегодняшняя оргія удвоила во мнѣ способности и раскрыла мой умъ. Звонъ стакановъ, сіяніе огней, дымъ,—все это было мнѣ по-сердцу, и, упоенный наслажденіемъ, я чувствовалъ, какъ живые мысли кипѣли у меня въ мозгу. Препранные головки, о которыхъ я мечтаю, являлись мнѣ живыми на яву; фантастическія Гебы улыбаясь подносили мнѣ кубки; будь передо мною полотно и въ рукахъ кисти, мнѣ кажется, я создалъ бы гениальную картину... Теперь, утромъ, видѣнія исчезли, но во мнѣ осталось воспоминаніе о нихъ, и великолупнѣе начинающагося дня слова воспламеняетъ мое воображеніе. Нѣтъ! зачѣмъ обвинять нашу свободную, полную братства и волненій жизнь? Я — люблю ее; когда-нибудь, можетъ-статься, я буду обязанъ ей своимъ талантомъ!

Антонію говорилъ съ одушевленіемъ, противорѣчившимъ почти-безстрастному голосу Фридриха. Способъ выраженія и высказанія имъ склонности изобличали въ немъ, такъ же какъ и вся его фигура, итальянское происхожденіе. Любовь къ шуму, движенію и блеску жила въ этой бурной душѣ, и тайна дружбы между такими противоположными характерами скрывалась, конечно, въ вѣчномъ законѣ контраста. Антонію, влюбленный въ свое искусство, пристрастный образцовыми произведеніями своего отечества, возвра-

ждался изъ Голландіи и путешествовалъ теперь по Германіи, ища намѣреніе изучить все школы. Онъ остановился въ Гейдельбергѣ, чтобъ списать нѣсколько старинныхъ картинъ, и, какъ артистъ, легко сошелся съ студентами. Онъ скоро началъ раздѣлять съ ними образъ жизни и удовольствія, принялъ даже костюмъ ихъ, наведъ его спокойнымъ и живописнымъ. Фридрихъ поправилъ ему сначала какъ прекрасный типъ сѣвернаго юноши; онъ хотѣлъ списать съ него портретъ, — и съ этого началась связь ихъ. Ее скрѣпили экспансивная чувствительность Фридриха и живость Антонію, придающая созерцательнымъ натурамъ дѣятельность, которой онъ лишены обыкновенно.

Фридрихъ не отвѣчалъ на послѣднія слова его. Онъ всталъ и пошелъ во внутренность замка. Съ этими развалинами, говорятъ, могутъ по всей Европѣ поспорить только развалины Алгамбры. Пушки, во время тридцатилѣтней войны и, послѣ того, молніи разрушали эти стѣны и гигантскія башни, но не могли уничтожить красоты ихъ. Можетъ-быть, она даже возвысилась, облеченная величіемъ несчастія и уединенія. Часовня и зданіе Оттона-Великаго довольно уцѣлѣли и могутъ дать понятіе о великолѣпнѣ всего остальнаго. Камень, изъ котораго они построены—роль краснаго гранита, находящаго только здѣсь. Онъ придаетъ замку какой-то горящій колоритъ, напоминающій Италію. Этотъ замокъ былъ встарину резиденціей князей-палатиновъ, и каждое поколѣніе придавало ему новый блескъ. Воспоминанія и теперь живутъ въ его пустынныхъ залахъ. Колонны, поддерживающія кровлю надъ колодезъ, взяты изъ дворца Карла-Великаго въ Ингельгеймѣ; строеніе Рупрехта устало все, сверху до низу, статуями курфирстовъ въ ихъ массивномъ вооруженіи; императоры гордо держатъ въ рукъ имперскую державу. Со всѣхъ сторонъ возвышаются огромныя башни, когда-то покрытыя солдатами, а теперь полуразрушенныя и увѣнчанныя вѣковымъ плющомъ, зелеными полосами висящимъ съ высоты зубцовъ и мирныхъ нынѣ бойницъ. Природа какъ-будто съ особенною любовью укрываетъ великое несчастіе. Повсюду павлики, дикіи виноградъ, растенія — друзья развалинъ, скользятъ по сводамъ и карнизамъ, прикрывая кистями и цвѣтами наготу стѣнъ. Деревья растутъ даже въ комнатахъ, и какъ-то странно, сидятъ въ тѣни бузины или рябины, думать, что тутъ стояла, можетъ-быть, нѣкогда украшенная гербами постель владѣтельницы замка.

Въ эту минуточку, утренній лучъ падалъ на фасадъ зданія Оттона-Гейнриха. Антонію и Фридрихъ съ удивленіемъ разсматривали это чудо архитектуры; каждый смотрѣлъ на него съ своей точки зрѣнія. Антонію восхищался чистотою линий, изощренностью фризъ,

Благородство статуй; Фридрихъ облизалъ въ умъ своею иже
 жившее съ настоящимъ, и вызывалъ, можетъ-быть, въ окна, полъ
 граціозные своды между легкихъ колоннъ, какое-нибудь престо-
 душное личико дѣвушки. Фридрихъ и товарищъ его вошли по
 лестницѣ въ главные двери входа; поддерживаемый великолѣпны-
 ми каріатидами, входъ входилъ больше на триумфальную арку.
 Надъ ними видѣлись три эмблемы фамиліи палатинговъ: ромбъ,
 шиперская держава и левъ. Фасадъ сохранилъ еще гордый видъ;
 за то внутри царствовало совершенное разрушеніе. Дождь падалъ
 въ рыцарскую залу, птицы вили гибѣда въ полуразрушенныхъ
 рожкахъ, и въ темныхъ, заваленныхъ обломками углахъ, скры-
 вались пресмыкающіеся и летучія мыши. Только немногіе скульп-
 турные остатки свидѣтельствовали о бывшемъ богатствѣ украше-
 ній. Антонію уже нѣсколько минутъ стоялъ передъ одною дверью,
 и рассматривалъ надъ нею фигуру. Это было изображеніе жен-
 щины съ распущенными волосами и волнующеюся одеждой, на
 всемъ быту. За нею волчица, съ раскрытою пастью. Фридрихъ,
 облокотясь на молодую смоковницу, росшую въ амбразурѣ окна,
 неопредѣленно смотрѣлъ въ пространство.

— Право, я теряюсь въ догадкахъ, сказалъ Антонію. — Посмо-
 тримъ, Фридрихъ, не догадливъ ли ты. Чтѣ это за женщина? Я
 въ первый разъ замѣтилъ ее сегодня, а изваяніе искусство, и я го-
 товъ держать пари, что оно сдѣлано моимъ соотечественникомъ.
 Къ-сожалѣнію, лѣвая рука сломана; она держала, можетъ-быть,
 какой-нибудь атрибутъ, который помогъ бы мнѣ разгадать сю-
 жетъ. Поле предположеній здѣсь неизмѣримо; къ нашимъ услу-
 гамъ и древность и новѣйшее время. Язычество и христіанство
 вобратились здѣсь безъ злобы. Вотъ Осія рядомъ съ Марсомъ, и
 Венера, бѣгивъ любви, кажется, нѣсколько не смущается сосед-
 ствомъ богословскихъ добродѣтелей, украшающихъ фронтоны.

Фридрихъ между-тѣмъ рассматривалъ изваяніе.

— Я думаю, сказалъ онъ:— что это изображаетъ Иетту.

— Кто это Иетта?

— Если ты не знаешь этой легенды, я тебѣ расскажу ее. По
 ней, говорятъ, прозвана и эта гора.

— Я двадцать разъ всходилъ на Иеттенбуоль, и мнѣ никогда не
 приходило въ голову подумать объ этомъ названіи. Ваши нѣмецкія
 имена такъ тяжелы для моего итальянскаго языка, что я из-
 бѣгаю ихъ какъ-можно-больше. Но послушаемъ легенду. Иетта!
 Для Германіи это еще сносное имя.

— Это уменьшительное отъ Генриэтты. Иетта жила очень-давно.
 Волчица, которую ты видишь за нею, говоритъ о ея трагической
 смерти близъ фонтана; онъ тамъ, выше, и сохраняетъ названіе

вѣдѣно. Иетта была волшебница; она выбрала для своего жилища эту гору, конечно, съ тѣмъ цѣлью, чтобъ свободнѣе сообщаться съ духами; тогда здѣсь были только скалы и лѣсъ. Только на самой вершинѣ возвышалась разрушенная часовня; оттуда-то Иетта произносила свои предсказанія. Величественная и вдохновенная, являлась она у готическаго окна; зеленые вѣтви виноградника обступали фестономъ на ея голову, образовывали надъ нею природную корону. Она, говорятъ, предсказала чудеса, которыми вѣнкнутъ нѣкогда на этомъ мѣстѣ, и славу дома палатиновъ. Сверхъестественную крѣпость ея прославляли въ миллѣмиллеры; взглядъ ея былъ кротокъ, голосъ увлекателенъ. Но ни все эти дары, ни даже волшебная сила не могли спасти ее отъ невѣстій любви. Она влюбилась въ чужеземнаго рыцаря и не могла отказать ему ни въ чемъ, ни даже въ ореховой трости, дѣлавшей ее столь негуманною. Говорятъ, рыцарь заплатилъ неблагодарностию за такую жертву и передалъ тайственную власть другой. Между тѣмъ, какъ онъ, въ далекихъ странахъ, преклонялъ горы и сзывалъ драконовъ въ честь своей дамы, бѣдная Иетта грустила въ своей уединенной башнѣ. Однажды, ночью, ей послышалось, что въ лѣсу раздался звукъ рожка рыцаря; она вздрогнула и бросилась вонъ. Ночь была мрачная, вѣтеръ уныло вылъ между сосенъ. Иетта прибѣжала къ источнику, свидѣтелю минувшихъ свиданій; но никто не ждалъ ея тамъ. Тутъ-то бросилась на нее голодная волчица. Иетта утратила уже власть надъ миромъ, и жертва своей слабости...

Фридрихъ вдругъ остановился, и, схвативъ Антонію за руку, сказалъ ему тихо и въ какомъ-то странномъ волненіи:

— Смотри! смотри туда!

— Что тамъ? Иетта? отвѣчалъ Антонію, смотря въ ту сторону, куда указывалъ Фридрихъ.

Товарищи вошли въ это время во дворъ замка, удаленный болѣе прочихъ. Здѣсь было свѣжо; стѣны, почти совершенно развалившіяся, дали просторъ роскошной растительности; таинственная тѣнь укрывала это уединенное мѣсто. Сквозь густую траву чуть видны были каменные плиты и шумъ шаговъ замиралъ на мягкой ея зелени. Красныя гвоздики, лиловые колокольчики и лазоревые орхисы сверкали по мрачной зелени плюща и разливали въ воздухъ свой дикій ароматъ. Здѣсь-то, подъ единственную увлѣченную аркою, обвитую гибкими вѣтвями виноградника, сидѣла молодая женщина, держа на колѣняхъ красивое дитя. Дитя спало, и она смотрѣла на него съ нежностью матери, хотя молодость ея и дѣвственная чистота лица выказывали въ ней не мать, а дѣвушку. На ней была темноглубая одежда; она укрывала ее

и голову, чтобъ защитить ребенка. Смысленные въ мессы, по-германскому обычаю, блондуры волосы: ея блестяла какъ золотой ореолъ на темномъ грунтѣ платья.

— Прощаю тебѣ за недосказанную легенду, сказалъ улыбаясь Антонио: — эта прелестная картина напоминаетъ мнѣ мадонъ нашихъ великихъ художниковъ. Эта пола голубаго платья, эта развалина, въ родѣ руинъ на картинахъ Рафаэля, увеличиваютъ обманъ, и воображеніе божественнаго живописца не создавало женщины красивѣе этой.

— Какъ она хороша! Какъ хороша! сказалъ Фридрихъ, вздыхая.

Не договоривъ онъ еще этихъ словъ, какъ чья-то рука коснулась губъ его, и женскій голосъ, низкий, по нѣсколько-сухой, сказалъ:

— Зачѣмъ вы его беспокоите? Дети засыпаютъ; и птицы въ беснел уюлокѣ, чтобъ не разбудить его; роса падаетъ безъ шума, и крѣпость не движется. Зачѣмъ вы его тревожите? Удалитесь и молчите.

Говорившая была высокая дѣвушка, костюмъ которой былъ столько же страннымъ, какъ и слова. Бѣлое платье ея волновалось по травѣ; рукава были длинныя и широкіе. На блѣдномъ и страждущемъ лицѣ ея были замѣчательны только невзрачно-подвижной взоръ, боязливый и дикій. Въ рукѣ у нея былъ вѣнокъ изъ полевыхъ цвѣтѣвъ.

Она говорила очень тихо, однако молодая мать услышала ее. Она подняла голову, и, замѣтивъ двухъ незнакомцевъ, хотѣла встать; но опасеніе разбудить ребенка остановило ее. Она прилепила только палецъ къ губамъ, и дала молодой дѣвухѣ знакъ подождать. Дѣвушка приблизилась къ ней съ такою легкостью, что шепотъ ея вовсе не было слышно; она скользнула какъ призракъ; — точно будто тѣнь летты; потомъ подошла осторожно и молча села на колѣни, какъ-будто негрузившись въ сохраненіе ребенка. Солнце начинало сіять во всемъ блескѣ, разогнавъ утреннія облака; лѣтній вѣтерокъ колебалъ гирлянды виноградника. Въ эту минуту, колыбельное далекое пѣніе какъ-будто слетѣло по воздуху и придало что-то сверхъестественное граціозной сценѣ, на которую молча смотрѣли друзья. Пѣніе приближалось все больше и больше. Скоро Фридрихъ узналъ голоса студентовъ; они обогнули гору и сходили съ этой стороны.

— Пойдемъ, сказалъ онъ, увлекая за собою товарища: — придемъ соединиться къ нимъ прежде, нежели они дойдутъ сюда.

— Знаешь ли, Фридрихъ, замѣтилъ Антонио: — эта молодая дѣвушка, что говорила съ нами, показалась мнѣ не совсѣмъ въ здравіи.

взять ума. Берегись, чтобъ не влюбиться. Итта умерла, какъ говоритъ преданіе; но есть волшебницы и теперь.

II.

Фридрихъ былъ единственною отраслью благородной фамилии. Отецъ его, баронъ фон-Беригеймъ, видя въ немъ наследника своего имени и надежду на восстановленіе счастья, покинуваго его во время войнъ имперіи. У колыбели сына своего, онъ мечталъ о возрожденіи Германіи и прочилъ Фридриху важное мѣсто въ арміи. Потомъ былъ заключенъ миръ, и военное поприще утратило свое очарованіе; баронъ долженъ былъ подумать о томъ, чтобъ поставить Фридриха въ положеніе, болѣе-сообразное съ его талантами. Удалившись въ замокъ свой, въ окрестностяхъ Вюрцбурга, онъ началъ воспитывать сына при себѣ, и самъ надзиралъ за его образованіемъ: оно было отлично, какъ требовало его званіе, и строго, потому-что характеръ барона, отъ природы серьезный, сдѣлался суровымъ въ-слѣдствіе неудачъ и политическихъ неудовольствій. Онъ мужественно жертвовалъ во время войны собою и своимъ состояніемъ; но его забыли, и онъ являлся, какъ другіе, болѣе-счастливые, то-есть болѣе-ловкіе, но конечно не столько полезные и преданные, пользовавшіе милостями, на которыя имѣлъ право онъ. Полный честолюбія, котораго не могъ уже удовлетворить на старости лѣтъ, баронъ съ нетерпѣніемъ ждалъ, пока лѣта разовьютъ въ сынѣ его качества, необходимыя для достиженія предположенной имъ цѣли. Фридрихъ, если возможно такъ выразиться, былъ его ставкой: на немъ хотѣлъ онъ отыгратъ. Бѣдный ребенокъ рѣшительно не имѣлъ своей воли; при каждомъ, даже самомъ незначительномъ проступкѣ его, баронъ, исключительно занятый будущимъ, или дѣлалъ ему строгій выговоръ, или давалъ наставленія и совѣты, которые несправедливы, потому-что преждевременны и, къ-несчастію, разочаровываютъ. Древніе, и за тѣмъ главные повѣйшіе языки были предметомъ его ученія. Исторія была для барона нестопаемымъ текстомъ для разсужденій, которыя Фридрихъ, по своему возрасту, не могъ ни понимать, ни раздѣлять. Такая система воспитанія была бы пагубна для ума не столь эластическаго и организаціи менѣе-совершенной. Къ-счастію, природа вдохнула въ Фридриха душу изобретательную, слабую, по-видимому, но сильную, коль-скоро дѣло касалось до его инстинктивныхъ антипатій. Всѣ политическія мечты от-

на его, вся его теорія, замечательныя жаринныя желаніемъ успѣха, безъ разбора средствъ; все его уваженіе ко всякой удачѣ, — пали предъ чувствомъ справедливости и истины, сильно возстававшимъ въ сердца юноши, покорномъ во всемъ остальномъ. Когда баронъ говорилъ, когда съ увлеченіемъ, извинительнымъ развѣ только потому, что оно было сладствіемъ глубокаго убяжденія, онъ срызалъ передъ глазами сына мечтательный покровъ съ вещей, не дожидаясь, чтобъ годы разоблачили ихъ мало-по-малу, Фридрихъ слушалъ внимательно и не возражалъ ничего, но тайный голосъ говорилъ ему, что есть другой мiръ и другія чувства, кромѣ тѣхъ, которые ему описываютъ. Эти разговоры породили въ немъ какое-то таинственное противодѣйствіе расчелтамъ отца, въ которомъ онъ самъ себя не могъ дать отчета. Послѣ этихъ несунующихъ разговоровъ, послѣ долгихъ часовъ жесткаго ученія и эгонетическихъ разсужденій, онъ уходилъ въ паркъ, и сосновая роща, освѣщенная вечерними лучами солнца, пробуждала въ немъ невыразимое чувство счастья, грусти и неопредѣленнаго желанія, которымъ онъ предавался тмъ съ бѣльшимъ увлеченіемъ, что долго долженъ былъ подавлять ихъ. Иногда, погруженный въ эти думы, вспоминая мать, которую едва зналъ, но ласки которой были живы въ его памяти, онъ терялъ дорогу и возвращался въ замокъ очень поздно. Баронъ выговаривалъ ему за это, какъ за важный проступокъ: все, похожее на сантиментальность, было для него ненавистно, — а въ душѣ юноши повинovanje боролось съ сознаниемъ того, что онъ нисколько не виноватъ. Ему даже казалось, что въ природѣ онъ находитъ учителя и друга, который ему необходимъ. Онъ чувствовалъ, что, бесѣдуя съ нею, онъ дѣлался лучше и что на душѣ у него становилось легче, какъ-будто онъ высказалъ другу скорбь своего сердца.

Такъ дожилъ Фридрихъ до восемнадцати лѣтъ. Всякій, кромѣ барона, испугался бы потребности любить, неизбежной въ такой натурѣ. Воспитанный подъ надзоромъ отца-мизантропа, забывшаго, что и онъ былъ когда-то молодъ, выросшій въ печальномъ, уединенномъ замкѣ, лишенный ласокъ матери и дружескихъ связей съ сверстниками, Фридрихъ долженъ былъ безъ сопротивленія быть брошенъ въ море жизни. Баронъ думалъ, напротивъ того, что уроки его принесли плодъ, и что Фридрихъ будетъ видѣть въ жизни и въ мнѣхъ только ихъ матеріальную, практическую сторону. Онъ полагалъ, что молодой человекъ, которому суждено блистать въ послѣдствіи при дворѣ, не долженъ вѣчно оставаться въ уединеніи, что онъ долженъ сойтись съ подобными-себѣ, изучать нравы и людей, чтобъ понять одно и умѣть разгадывать другихъ.

И такъ, однажды утромъ, онъ велѣлъ позвать къ себѣ Фридриха.

риха. Фридрихъ вынуждъ еще до разсвѣта насладиться любимой прогулкою, и еще не возвращался. Наконецъ, онъ пришелъ назадъ, и полный еще пльнмъ птицъ, блескомъ росы и ароматомъ новыхъ цвѣтовъ, поспѣшила къ ступу. Ничто не могло такъ резко противорѣчить свѣжести, жизни и свѣту въ полѣ, какъ комната, въ которой ожидалъ его баронъ. Фамильные портреты на мрачныхъ старинныхъ панеляхъ походили на угрюмый советъ подъ председательствомъ барона.

— Откуда ты, Фридрихъ? спросилъ онъ съ интересомъ.
— Солнце всходитъ всегда одинаково, а мнѣ надо поговорить съ тобою о важныхъ вѣщахъ.

Фридрихъ поклонился въ знакъ вниманія.

— Воспитаніе твое кончено, продолжалъ баронъ: — но крайній мѣръ то, которое почерпнется изъ книгъ, оставленныхъ намъ тѣками. Ты свободно говоришь на нѣсколькихъ языкахъ; знаешь важность, границы и образъ правленія государствъ. Теперь тебѣ остается самому изучить людей, о которыхъ я могу дать тебѣ только отвлеченное понятіе. Тебѣ девятнадцать лѣтъ; ты отправился въ Гейдельбергъ для окончательнаго изученія высшихъ наукъ. Потомъ ты объѣдешь занимательнѣйшія страны Европы: Францію, Англію, но прежде всего Италію. Желаю, чтобы ты началъ съ нея; тамъ ты увидишь такъ-называемыя образцовыя произведенія. Я буду очень-радъ, если ты среди другихъ народовъ поймешь, что такое полезная, практическая жизнь, а не это пустое, ни къ чему не ведущее существованіе художниковъ и энтузіастовъ. Ты будешь путешествовать три, четыре года; ничто не образовываетъ юности такъ хорошо. Мнѣ жаль только, что я не могу тебѣ соупутствовать и руководить тебя своею старою опытностью. Я слабъ и не могу этого исполнить; но надѣюсь на тебя. Помни мои представленія, не вѣрайся своему первому влеченію; ты увидишь, что советы мои полезны. Не говорю тебѣ ничего объ удовольствіяхъ; молодому человеку излѣшне было бы указывать къ нимъ добрую. И отвергаю ихъ только, если они вредятъ будущности; они также составляютъ сторону жизни, а жизнь должно извѣдать со всехъ сторонъ. Потомъ, ты возвратишься, и, надѣюсь, будешь достоинъ занять въ государствѣ важное мѣсто. Твое происхожденіе и мои услуги дадутъ тебѣ на это право. Ты явишься съ очарованіемъ юности и будешь счастливѣе меня. Тебѣ останется только жениться и богатымъ приданымъ возстановить блескъ нашего дома...

— Но... робко возразилъ Фридрихъ, нѣсколько-оскорбленный такимъ произвольнымъ распоряженіемъ его личностью.

Баронъ говорилъ какъ генералъ, который излагаетъ давно-обдуманый планъ сраженія, и не безпокоится о согласіи или жизни

исполнителей. Онъ продолжалъ, не обращая вниманія на возраженія сына:

— Ты пойдешь завтра; приготовься. Я позабочусь, чтобъ у тебя были деньги. Богатство мое теперь не то, что было; однакоже, ты можешь жить знатнымъ баринномъ, то-есть, не экономичая и не рассчитывая впередъ: рассчитать и экономія — мелочныя добродѣтели.

Фридрихъ действительно увкалъ ни другой день.

Прощаніе его съ отцомъ было почтительно и холодно. Онъ безъ особеннаго волненія видѣлъ, какъ исчезаютъ мало-по-малу за деревьями башни замка. Когда передъ глазами его раскинулась безконечная равнина, ему почувдилось, что онъ завоевалъ свободу; въ двадцать лѣтъ это значить — все. Первое время пребывания его въ университетъ прошло въ точномъ посъщеніи лекцій и занятіяхъ среди тишины кабинета. Его преслѣдовала привычка къ дисциплинѣ, и онъ не зналъ, что ему дѣлать съ этой давно-желанной свободой. Лучшими минутами были для него тѣ, когда онъ бродилъ на зарѣ по горамъ, или вечеромъ по берегу Неккера. Окрестности были ему еще незнакомы; каждое мѣсто имѣло привлекательность новаго открытія. Кто изъ насъ хоть разъ въ жизни не былъ, во время путешествія, Христефоромъ Колумбомъ! Фридрихъ сошелся, однакоже, съ нѣкоторыми изъ студентовъ и мало-по-малу присталъ къ ихъ образу жизни. Для него началась новая эра. Сколько досихъ-поръ для него были пусты и тихи, столько теперь они стали пусты и шумны. Эта дѣятельность обманула его: онъ принялъ удовольствіе за дѣль жизни и со всемъ пыломъ юности бросился въ это сумасшедшее, бурное существованіе. Переливая поэзію своего сердца во все его окружавшее, онъ одарялъ ею и эти оргіи и придавалъ имъ очарованіе, вырывавшее отъ него ихъ дурную, порочную сторону. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ; онъ старался занатрадать время, потерянное при отцѣ и потраченное на мудрость и мизантропію. Но когда пришла первая вспышка, и характеръ Фридриха пришелъ снова въ равновѣсіе, онъ почувствовалъ, какъ испаряется понемногу упоеніе. Въ немъ, какъ почти во всѣхъ людяхъ, была двойная натура, соединялись вкусъ и страсти по-видимому совершенно-противоположныя, но столкновеніе которыхъ легко было объяснить его первымъ воспитаніемъ. Веселый какъ дитя, страстный какъ Немець, Фридрихъ становился важнымъ, холоднымъ скептикомъ, лишь-только того требовали обстоятельства. Чрезвычайная воспримчивость его исчезла; ее заидало размышленіе и, не теряя доброты сердечной, онъ умѣлъ слушаться выводовъ ума. Онъ скоро увидѣлъ, что ошибся, и между-тѣмъ, какъ его товарищи, хуже организованные или одарен-

ные грубѣйшимъ инстинктомъ, принимали шумъ за удовольствіе, странность за талантъ, восторженность за дарованіе, Фридрихъ внималъ таинственному голосу, говорившему ему, что должно идти по другой дорогѣ. Онъ чувствовалъ, что голова его усноковывается, что сердце его пустуетъ, и онъ оглядывался вокругъ, чѣмъ бы наполнить его. Въ такомъ расположеніи духа былъ онъ уже нѣсколько времени; утренній разговоръ его съ Антоніо былъ его первымъ признаніемъ. Не нашедъ отголоска въ душѣ артиста, болѣ пылкой, чѣмъ нѣжной, онъ заключилъ свои мысли въ-самомъ-себѣ, и между-тѣмъ, какъ жизнь его по-видимому ни въ чемъ не измѣнилась, великая перемѣна тихо происходила въ его сердцѣ, еще неопредѣлившимся, но уже открытомъ для новыхъ ощущеній.

III.

Фридрихъ не разъ посѣщалъ развалины съ неясною, но постоянною надеждою, въ которой самъ-себѣ не признавался; онъ бродилъ по замку, но преимущественно останавливался въ удивительномъ дворѣ, гдѣ видѣлъ картину, безпрестанно оживавшую въ его воображеніи. Но обихъ женщинъ тамъ уже не было; разлука и неизвѣстность, увидеть ли онъ ихъ когда-нибудь снова, придали имъ еще болѣе таинственнаго очарованія и врезали образъ ихъ въ его душу. Въ первыя лѣта юности, любимая женщина почти всегда только предлогъ; истинная цѣль—любовь. Неопытная душа особенно влюбляется въ свои мечты и такъ богата, что облекаетъ ими все безъ расчета, не замѣчая, что украшаетъ иногда мечту собственно красотою.

Кто была эта молодая женщина? Ея ли это дитя? Живетъ ли она въ городѣ, или была прохожая? Предлагая себѣ эти вопросы, Фридрихъ дошелъ до пламеннаго желанія разрѣшить ихъ и далъ себѣ слово достигнуть этой цѣли. Однакоже, всѣ его попытки оставались тщетны; незнакомки исчезли, и—такъ-какъ было очень-вероятно, что онъ ихъ никогда не увидитъ, Фридрихъ окончательно влюбился. Онъ пристрастился къ долгимъ уединеннымъ прогулкамъ, и почти-вовсе пересталъ посѣщать товарищей. Однажды, впрочемъ, онъ рѣшился зайти къ другу своему Антоніо; онъ засталъ его въ мастерской.

— Чтѣ съ тобою сдѣлалось? весело спросилъ его Антоніо. — Тебя нигдѣ не видно. Чтѣ ты, идешь въ отставку, или пишешь нравственную диссертацию о студентской жизни и вредѣ, происхо-

лицомъ отъ любви къ рейнвейну? Ты поблѣднѣлъ и похудѣлъ; держу пари, ты влюбленъ.

— Я? Клянусь тебѣ...

— Клятва! Прекрасно! Это первый признакъ: влюбленные при-
выкаютъ къ клятвамъ и клянутся безпрестанно, сами того не замѣ-
чая. И такъ, я считаю твое отрицаніе признаніемъ. Ну, въ кого ты
влюбленъ? Я знаю, что ты не можешь влюбиться въ земную дѣву;
въ Италію—я подозревалъ бы богиню, идеалъ какой-нибудь статуи;
въ Германію—это вѣрно какое-нибудь туманное дитя воздуха, силь-
еяда, или по-крайней-мѣрѣ уадава.

— Ты сегодня очень-веселъ, прервалъ его Фридрихъ.

— Что дѣлать! Я тоже влюбленъ. Любовь странный настав-
никъ: она дѣлаетъ однихъ печальными, другихъ веселыми.

— Да, улыбаясь отвѣчалъ Фридрихъ: — счастливые веселы; а
говорять, что госпожѣ Рендорфъ очень-трудно угодить: портретъ
ея никакъ не кончается.

— Не она, а я вѣчно недоволенъ, отвѣчалъ Антонію, какъ-будто не
понимая Фридриха. — Госпожа Рендорфъ приняла меня такъ ласково,
что я ей чрезвычайно благодаренъ, и мнѣ хочется, чтобъ порт-
ретъ ея былъ образцовый. Ты видишь, задача не легка. Кроме
того, не смотря на правильность лица ея, мнѣ ужасно трудно пе-
редать, какъ бы хотѣлось, эту прелесть...

— Въ твоихъ глазахъ, Антонію. Ты не признаешься, и — правъ;
но тебѣ не удастся обмануть меня.

Антонію притворно погрузился весь въ свою работу. Черезъ не-
сколько минутъ, онъ сказалъ:

— Ты не отвѣчалъ на мой вопросъ; въ кого ты влюбленъ?

— Ты самъ сказалъ: въ одну изъ твоихъ своенравныхъ фей, ко-
торыя являются однажды, чтобъ заставить вѣчно о себѣ думать.

— А! произнесъ Антонію, пораженный внезапнымъ воспомина-
ніемъ. — Незнакомка стараго замка! Признайся, по-крайней-мѣрѣ,
что я предсказалъ это.

— Ты колдунъ, отвѣчалъ Фридрихъ, ни въ чемъ не призна-
ваясь.

— Можетъ-быть, потому-что я вызвалъ въ другой разъ этотъ
милый, кроткій образъ, лишившій разсудка моего друга муд-
реца.

— Ты видѣлъ ее опять? Ты ее знаешь?

— Теперь ты не станешь записывать. Ты покраснѣлъ такъ же
сильно, какъ былъ до-сихъ-поръ блѣденъ, и какъ-будто воскресъ
изъ мертвыхъ. Впрочемъ, я не хочу мучить тебя: я видѣлъ ее,
но не знаю, кто она; долженъ даже скромно признаться, что
если она и осталась у насъ въ памяти,—я не сдѣлалъ на нее по-

добнаго впечатлѣнія. Она прошла, даже не взглянувъ на меня. Понимаешь ли ты это?

— Да, отвѣчалъ Фридрихъ:—продолжай.

— А! ты понимаешь; вотъ, чтѣ видятъ быть влюбленными! потому-что это былъ не ты. Она была одна, мила по-прежнему, шла очень-скоро, прямо противъ меня; на углу одной улицы она исчезла...

— И ты не пошелъ за нею?

— Ты не равняешь!

— О! я буду ревнивъ, простодушно отвѣчалъ Фридрихъ. Не слушай, Антонио, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія; — ты мой лучший другъ. Характеры у насъ различны, но сердца понимаютъ другъ друга, потому-что мы взаимно уважаемъ наши склонности. Почему мнѣ не раскрытьца сердце твоею? Я воспитанъ строго; еще въ дѣтствѣ лишился я матери, которая меня любила бы, то-есть, поняла бы; я не могъ сообщать впечатлѣнія моему отцу, который любитъ меня по-своему, но, который съ самаго дѣтства моего думалъ исключительно о моей будущности. Я много мечталъ, ласкалъ много химеръ среди моего одиночества; но будь я стѣсненъ, давящая меня теперь волна ощущеній разлилась бы естественнымъ потокомъ; дружбѣ досталась бы ее часть, и эта грустная привязанность, нѣль которой ты смѣешься, не развилась бы во мнѣ съ такою силою. Мужчины правятся въ рѣдко; женщины... тѣ, которыхъ я зналъ, заслуживали только презрѣнія. Я говорилъ тебѣ, что удовольствія, къ которымъ увлекаетъ меня пылъ юности, скоро мнѣ надоѣли. Я желаю чего-то дивнаго, чего-то краткаго и нежнаго, чтѣ пробудило бы интересъ въ моей жизни, поставивъ ей цѣль. Ты говоришь, нта я влюбленъ; вѣтъ, я еще не влюбленъ, но мнѣ кажется, что я былъ бы счастливъ, еслибъ дѣйствительно любилъ и былъ любимъ.

Антонио задумался и внимательно слушалъ Фридриха, говоряшаго съ одушевленіемъ, какъ-будто онъ сбросилъ давно-заготовленное на немъ ядро.

— Ты не ошибся, открываясь предо мною, сказалъ онъ, дружески пожимая ему руку.—Мы думаемъ о многомъ не однаково, это правда; но насъ связываетъ нескрепящая дружба и съ нею мы понимаемъ другъ друга. Я воспользуюсь ея правами и буду говорить откровенно. Ты пугаешь меня. Чувствительность твоя, раздраженная лишеніями и одиночествомъ, готова обратиться вся на первый попавшійся тебѣ на глаза предметъ. Чтѣ, если выборъ твой будетъ неудаченъ! Вспомни, какъ обманчива наружность! Я трепещу за тебя, потому-что, сколько я тебя понимаю, первая любовь твоя можетъ рѣшить участь всей жизни. Я всерьезъ боюсь,

и это дурной сортъ глумленія. Дѣйствительно, мы утрачиваемъ рассудокъ именно на столько, сколько надо, чтобъ не размышлять и не замечать себя безработнымъ. Серьезныхъ глумцовъ считать трудна, потому что самое безуміе ихъ пороже на рассудокъ: оно опирается на натуру, вѣчно враждующую съ обществомъ, на цинкикъ сердца и цѣлую свиту великодушныхъ ошущеній. Берегись, не въпадешь своимъ стремленіямъ; является молодая женщина, являе промелькнула передъ тобою, и ты уже готовъ, чтобъ увидѣть ее въ другой разъ, перейти черезъ цѣпь горъ, если тебѣ скажутъ, что она по ту сторону ихъ. Правда, она явилась тебѣ оклеветанная аснѣ очарованіемъ природы и таинственности; главное — она явилась тебѣ въ такую минуту, когда сердце твоо рвалось на восточн. какому-то неизвѣстному, но гордо-желанному идеалу. Не знаешь ли ты, кто она? Не замужемъ ли она? Дитя, спавшее на ее члѣнхъ, было, вѣроятно, ее дитя. Какое мѣсто занимаетъ она въ свѣтѣ? Можно сдѣлать тысячу подробныхъ вопросовъ, о которыхъ не заботится страсть, но которые предлагаетъ здравый рассудокъ, какъ гордо ее презирающій. Подъи мнѣ, эта женщина, можетъ-быть, такъ же добра, какъ и прекрасна; но что до этого за дѣло! не знаю я. Отпустила ее, ты найдешь, можетъ-быть, одну страданія. Цѣлую, не броваясь въ область романтическаго, не создать себя какого-нибудь пріятнаго развлеченія? Окрестные дѣмки не разданы. Однакожъ, въ нихъ есть хорошенкія созданія; они равнаго съ тобою задія, и ты можешь встрѣтить ихъ когда-нибудь въ томъ кружкѣ, гдѣ тебѣ суждено жить. Не онѣ ли свободны, скажешь ты? Радуешь въ этомъ отношеніи за тебѣ; увы, ихъ одерживающія, — драгоценная ограда, которая забавляетъ молодость отъ мнѣшихъ разнастей. Ты любишь, ты любимъ, но овѣтъ, обладающаго: скрываютъ горизонтъ и одерживаютъ необузданныя порывы. Словомъ, ты можешь быть счастлива; у тебя будутъ свидѣи и не будутъ страсти. А въ этомъ-то вся и забота.

— Ты говоришь, какъ отецъ мой, материально скавалъ Фридрихъ:

— Я говорю въ твою пользу, и мнѣ можно повѣрить по двумъ причинамъ: я не отецъ твой и мнѣ нѣтъ еще пятидесяти лѣтъ. Что касается до возраста, ты понимаешь, что, какъ художникъ, я испытываю ее, и отзываюсь о ней дурно, какъ объ отставной любовницѣ. Я люблю пламенно, безразлично, вѣчно; такъ по-крайней-мѣрѣ я думаю, любилъ Итальянку въ Италіи, — этимъ все сказано. Мы были замесны, какъ Везувій, вѣчно волнуемы, какъ Средиземное-Море. Каждый мѣсяць продолжалась серенада при лунномъ сіяніи, свидѣли, путешествовалъ въ окна, все было какъ сладуетъ. На второй вечерѣ, волнение превратилось въ бурю; на третій, Паруа, за

взглядъ, брошенный на другую, возвыла мнѣ въ руку свою серебряную булавку. На другой день я былъ уже на дорогѣ въ Германію, съ сумкою за спиною, прощаясь съ кровлею моею вселюбленною и съ страстію. Съ-тѣхъ-поръ, я не встрѣчался ни съ тою, ни съ другою.

Фридрихъ улыбулся странному разсказу. Но онъ молчалъ, потому-что не былъ убѣжденъ, и страсть Антонію ни въ чемъ не находила на его любовь. Антонію продолжалъ писать, наи́вая истиню, какъ-будто въ доказательство, что совершенно испытался.

— Благодарю тебя за совѣты, сказалъ уходя Фридрихъ:—я стараюсь послѣдовать мнѣ, то-есть, быть благоразумнымъ, потому-что я еще не дозрѣлъ для твоего великаго безумства.

Онъ воротился домой еще болѣе-встревоженный, какимъ вышелъ. Положительная сторона его натуры признавала часть разсужденій его друга и находила въ нихъ истину; но картина логикъ свѣтскихъ связей возмущала его душу. Онъ былъ еще такъ молодъ и прямодушенъ, что не могъ находить удовольствія въ удобномъ эгоизмѣ этихъ связей, и видѣлъ только ихъ постоянную, жалкую сторону; тѣмъ съ большимъ наслажденіемъ предавался онъ опять своимъ невиннымъ мечтамъ, и любовь явилась ему прекраснымъ озеромъ, по которому скользятъ чистыя, бѣлыя видѣнія, не возмущая его спокойнаго зеркала.

Черезъ нѣсколько дней, Фридрихъ рѣшился выполнить долгъ, забытый имъ до-сихъ-поръ. Въ Мангеймѣ, жили за четыре отъ Гейдельберга, жила сестра отца его. При прѣщаньи, баронъ сказалъ ему: «Ты посвятишь свою тетку; это твоя единственная родственница — женщина достойная, хоть и немножко съ слабою головою, какъ она доказала. Но она мнѣ сестра; поклонись ей отъ меня. Мы рѣдко имѣемъ случай переписываться; однакоже, узнавъ, что я хочу отправить тебя въ университетъ, она нарочно писала ко мнѣ и изъявила желаніе видѣть тебя. Ты легко заметишь, что она смотритъ на свѣтъ не такъ, какъ я; но я полагаюсь на твое разсудокъ: ты съумѣешь оцѣнить ея взгляды какъ должно. Въ родственной привязанности ея я не сомнѣваюсь.

Фридрихъ рѣдко слышалъ что-нибудь о своей теткѣ. Баронъ всегда относился объ ней въ холодныхъ и немногочисленныхъ выраженіяхъ. Холодность эта происходила изъ того, что сестра его вышла не за пріятеля своего брата, богатаго и знатнаго, а за бѣднаго офицера, которому отецъ ея обѣщалъ ея руку, если онъ получитъ званіе майора. Это была очень-обыкновенная исторія, насквозь-пропитанная простодушіемъ германскихъ нравовъ: отецъ сдержалъ свое слово, дѣвушка дождалась своего жениха, женихъ заслужилъ ее своимъ мужествомъ. Свадьбу сыграла и

великому неудовольствію барона, который ровно ничего не понималъ въ этой сентиментальной мелодрамѣ. Впрочемъ, бѣдная Маріанна не долго наслаждалась своимъ счастіемъ. Отецъ ея скоро умеръ, и черезъ нѣсколько лѣтъ она потеряла и мужа въ то самое время, когда высшіе чины примирили бы его, можетъ-быть, съ барономъ. Оставшись вдовою, безъ дѣтей, и считая брата своего больше естественною поднарою, чѣмъ близкимъ другомъ, она удалилась въ Мангеймъ, куда ее привлекли кое-какія связи дѣтства. Тамъ жила она уже давно, поддерживаемая религіею и питая въ себѣ привязанность, — когда-то ея единую надежду, теперь ея единственное воспоминаніе.

Среди шумныхъ удовольствій перваго времени университетской жизни, Фридрихъ не думалъ о теткѣ своей Маріаннѣ. Сдѣлавшись оянтъ — не скажу печальнымъ, но серьезнымъ, то-есть, такимъ, какимъ создала его природа, онъ былъ по-прежнему добръ и, вспоминая тетку, вѣдомилъ ея трогательное постоянство. Онъ упрекалъ себя за свою небрежность и боялся, чтобъ тетка не приписала позднаго посѣщенія его холодности или наслѣдственному презрѣнію. Не смотря на глубокую осень, время стояло прекрасное; онъ рѣшился изъискать провѣти небольшое пространство отъ Гейдальберга до Мангейма, и отправился рано поутру. Воздухъ былъ свѣжъ; густой туманъ застилалъ картину, и едва можно было разсмотрѣть изъ-за него формы деревъ; на травѣ была сильная роса. Фридрихъ шелъ скоро, съ удовольствіемъ разсматривая ясные очерки предметовъ, гармонировавшіе съ неопредѣленными мыслями въ головѣ его. Но скоро свѣжій вѣтеръ поднялся на берегахъ Неккера и началъ разгонять туманъ, медленно и неохотно улетавшій съ земли предъ восходящимъ солнцемъ. Остановившись иногда въ созерцаніи этой утренней картины, Фридрихъ замѣтилъ, что по противоположному, еще покрытому туманомъ берегу, быстро идутъ двѣ женщины въ одну съ нимъ сторону. Онъ ускорилъ шагъ свои и скоро могъ различить цвѣтъ ихъ одежды, сколько позволяла густота воздуха. Ему показалось, что на одной было голубое платье, и что бѣлая одежда другой сливалась съ волнами тумана. Но въ эту минуту, Неккеръ повернулся въ сторону; онъ еще мелькнули склоны деревъ близлежащей рощи, и потомъ мало-по-малу исчезли въ туманъ, какъ видѣніе. Фридрихъ остановился, не зная, не попробовать ли ему достигнуть до противоположнаго берега. — Будь Антонію здесь, подумалъ онъ: онъ попытался бы нѣко мною и былъ бы правъ. Въ голубыя платья заставляютъ биться мое сердце, и я готовъ переплыть рѣку, чтобъ бѣжать за двумя женщинами, которыхъ, конечно, не знаю.

Фридрихъ продолжалъ путь свой, но путь гораздо тише и вѣсто отъивался. Онъ до того былъ развѣднъ, что совершенно сбл-е-еъ съ дороги и, не замѣная, оставилъ равнину и шелъ къ го-рѣ. Ницто такъ не располагаетъ къ задумчивости, какъ ходь-ба. Съ палкой въ рукѣ, на прекрасной дорогѣ, съ юности и привычнымъ чувствомъ въ сердцѣ, человекъ, вѣсто того, чтобъ пройти нѣсколько миль, совершаетъ цѣлое путешествіе. Пробу-жаемый дѣятельностью тѣла, духъ устремляется то въ прошед-шее, то въ будущее; времена сближаются, пространства исчезаютъ, и тѣ, которые встрѣчаютъ васъ, когда путь вашъ оконченъ, и не воображаютъ, какъ издалека пришли вы.

Въ Пренле уже полдня, и мысли Фридриха блуждали, можетъ-быть, издалеко, но вѣрно не по дорогѣ, — какъ вдругъ ступъ ажица-жа заставилъ его посторониться. Въ то же время, веселый гонецъ повелъ его по имени: это былъ Антоніо; онъ вхалъ въ шегод-ской колесѣ въ замокъ графини Рендорфъ, къ малой владычи-ницѣ и къ снисходительнейшему изъ муми. Фридрихъ ялы уцѣлъ замѣнить торжествующую осанку своего друга; облако жали мгновенно скрыло его отъ глазъ. Фридрихъ былъ отъ при-роды простъ; въ эту минуту, мысли его оставили романтическую ладъ и приняли другое направление. — Вотъ Антоніо, счастливыи! подумалъ онъ: — для него счастье значить роскошь, блескъ, лег-кая связь, положительный успѣхъ. И въ то же время, онъ улыб-нулся икъ несправдливой встрѣчѣ и разницѣ живающей. Непомы-ше подумалъ онъ и о разницѣ въ идѣи путешествія. Съ одной сто-роны, роскошное гостепримство, все прихоти богатства, все свѣт-скія удовольствія — и удовлетворенное тщеславіе; съ другой, на-миръ бѣдной влады, скромный и спокойный пріемъ, тихое жа-даніе; не кощиво разделяемое съ радостію и вниманіемъ, возаз-ведывающія дверцы. Однако, Фридрихъ замѣтилъ, что сбл-е-еъ съ дороги, и что, мечтавъ шель тѣмъ леранъ, или блуждая по ба-рската ручью, онъ проходилъ почти цѣлый день, тогда-какъ на его путешествіе надо было лишь нѣсколько часовъ. Кресты-аманъ, приказанный его съ деревенскимъ гостепримствомъ, указалъ ему ле-рону; отсюда до Мангейма было почти столько же, какъ и отъ Фейдальберга. Фридрихъ вѣсбился этому слуху и вступилъ опять въ дорогу. Уже вечерело, когда онъ подходилъ къ Мангейму; та-шима и неподвижность румерей лежали на мосту. Фридрихъ ардался простымъ и живымъ мышлемъ, тошюю шевелившимся въ сердцѣ его, когда онъ думалъ о теткѣ, незнакомой, но вѣро-но доброй, вѣрной и снисходительной, какъ все многострадающее. Когда заблнстали на небѣ звѣзды, ему лодумалось, какъ-будто мать его улыбается съ неба приходу его къ доброй: шель, мота-

всю она любила и понимала, не смотря на предрассудки своего мужа: ему казалось, что онъ оставилъ за собою шумъ оргій, беспорядокъ дѣятельности и пустоту удовольствій, и что вѣсть на встрѣчу добру, опортѣ и совѣту, въ которомъ столько нуждается его сердце. Подходя къ небольшому домику почти у самыхъ городскихъ воротъ, жилищу Маріанны, онъ взялся за молотокъ, съ какимъ-то неяснымъ, задумчивымъ чувствомъ.

IV.

Фридрихъ не предувѣдомилъ о своемъ посѣщеніи. Онъ долженъ былъ съѣздить сюда, имя старей служанкѣ, отворившей дверь. Едва услышала она его шепотъ, какъ на лицѣ ея ясно отразилось удивленіе и она допросила его вѣсти за нѣмъ. Фридрихъ догадался, что госпожа и служанка часто о немъ говорили, что его звали, — и сердечное расположеніе его стало еще теплѣе.

— Что тамъ, Нанетта? спросила старуха, не оставаясь вѣжливымъ слыть.

— Это вѣсть племянничка, аударыня, Фридрихъ! отъезжаетъ Нанетта торжественнымъ голосомъ.

— Да, аударыня, да, тѣтенка, переговаривая, подхола Фридрихъ.

— Тѣтенка? очень-рада, прервала его старуха, быстро вставая и протягивая ему руки. — Здравствуй, любезный. Фридрихъ и помню тебя такимъ маляушкой, что, кажется, имѣю право говорить тебе: ты. Она обняла его нѣсколько разъ.

— Да какъ онъ выросъ и похорошелъ! сказала она, обращаясь къ Нанеттѣ, какъ къ лицу, съ которымъ привыкла дѣлать свои ощущенія. Нанетта кивнула головой въ знакъ согласія и одновременно удалилась.

Этого теплаго приѣма и одного быстрого взгляда было для Фридриха достаточно, чтобы составить себѣ понятія о своей гадкѣ. Она оказалась почти такою, какъ онъ ее воображалъ. Небольшая ростомъ, стройная, не смотря на морщины, она живописно прилепала къ себѣ, — столько доброты было въ ея голубыяхъ глазахъ, потравившихъ съ лѣтами быстроту свою. Сѣдые волосы, ея были убранны съ какою-то щегольствомъ, и чрезвычайная, даже шопотливая ерстота соединялась съ простотою въ ея одеждѣ. Вокругъ нея дышала порядкомъ и тишина; мебель была скромная, но все казалось на своемъ мѣстѣ, и каждая вещь казалась какъ-будто лучше-оно полезная употребленія. Едва-ли такихъ, являющуюся

углубленій окна, подъ гардинами безукоризненной бѣлизны, съ вязаньемъ въ рукахъ (конечно, назначеннымъ для благотворительности), — Фридрихъ могъ, почти не ошибаясь, думать, что такъ проводить она каждый день уже нѣсколько лѣтъ. Только для полноты картины надъ этимъ уже дрожащею головою, склоненною надъ грубою работой, витало въ воображеніи его воспоминаніе безукоризненной жизни, несчастной, но постоянной привязанности и благочестивой преданности судьбѣ своей. Онъ началъ извиняться, что не являлся такъ долго.

— Послушай, другъ мой, сказала она ему: — между нами безъ чиновъ. Ты молодъ, я стара; ты меня не знаешь, и ничто не могло привлекать тебя сюда; ты пришелъ, — благодарю тебя: это вниманіе, оказанное сестрѣ твоего отца. После, если тетка Маріанна тебя полюбитъ, если ты замѣтнѣе въ ней нѣжную къ себѣ привязанность, ты добровольно найдешь дорогу къ ея бѣдному жилищу. Но я ни за что не хочу, чтобъ ты приходилъ только для исполненія долга, или изъ опасенія скучныхъ упрековъ. Теперь поговоримъ объ отцѣ твоёмъ.

Она подробно осведомилась о здоровьѣ барона, о томъ, какъ намѣнился онъ съ лѣтами тѣлесно и душевно, — и не проронила ни одной жалобы: ни въ одномъ словѣ ея не замѣтно было упрека или горечи сердечной. Фридрихъ, отвѣчая на вопросы, не могъ не сравнивать этой ясности души, этого отсутствія желчи, съ злопамятностью и мизантропией своего отца. Несчастія, неиспытанныя небомъ, дѣлаютъ людей добрыми, думалъ онъ; неудачи земныя только раздражаютъ.

Тетка говорила потомъ о его матери, женщинѣ нѣжной и назначенной не столько для этого міра, сколько для обители ангеловъ: онъ слушалъ старуху съ душевнымъ волненіемъ, и ему казалось, что онъ снова видитъ прекрасную женщину, склонившуюся надъ ея колыбелью. Если позволено душамъ возвращаться на землю, конечно, бѣдная мать витала здѣсь между тронутымъ сыномъ и вѣрною подругой и, улетая, унесла съ собою счастье даже и на небо.

Фридрихъ и тетка его, незнакомые другъ съ другомъ нѣсколько минутъ назадъ, разговаривали очень-откровенно: истинную связь образуетъ не привычка, а сходство душъ. Фридрихъ вполне отдался легкому, задумчивому чувству; онъ въ первый разъ въ жизни раскрылъ сердце свое безъ болани и безъ оговорокъ. Видя участіе въ глазахъ тетки, онъ разказалъ ей о своемъ беззаботномъ дѣтствѣ, потомъ о молодости, полной восприимчивости, но сдерживаемой строгостью отца, воспитаніе свое, отцовскіе планы, его безрадостныя наставленія, цѣли и горькую, эгоистическую точку зрѣнія, съ которой онъ смотрѣлъ на свѣтъ и оценивалъ его.

— Отецъ твой любить тебя искренно, сказала ему тетка. — Проживи въкъ свой въ сѣрвѣ честолюбія, онъ прочтетъ тебѣ блестящую будущность. Я, другъ мой, еще честолюбивѣе: я желаю тебѣ счастья.

Время шло быстро; старой служанкѣ никогда еще не случалось бодрствовать такъ долго. Фридриха проводили въ назначенную для него комнату. Этотъ вечеръ былъ для него истинно-отраденъ; очарованіе продолжалось и во снѣ. Усталость скоро его усыпила; но воображеніе не переставало работать; ему грезилось желаніе тетки его—счастье, а въ двадцать лѣтъ это значить—любовь. Онъ опять очутился въ старомъ замкѣ, подъ уединенною аркадой; онъ былъ возлѣ милой незнакомки, неизбывавшей уже его взоровъ; потомъ видѣлъ тетку, всходящую на гору; она подошла къ молодой женщинѣ и, взявъ ее за руку, увела съ собою. Фридрихъ пошелъ за ними. Такъ шли они, молча, съ веселыми лицами и довольнымъ сердцемъ; ихъ озаряло прекрасное солнце. На какомъ-то поворотѣ дороги, они вошли въ большой сосновый лѣсъ; предметы стали темнѣть, и вдругъ Фридрихъ узналъ передъ собою башни отцовскаго замка. Онъ невольно отступилъ на шагъ... и проснулся, встревоженный. Веселый лучъ пробивался сквозь ставни. Съ видѣніями сна исчезло и безпокойное чувство; онъ началъ разсматривать свою комнату. Ничего не могло быть проще мебели и вообще всего вида этой комнаты; но вездѣ была замѣчательная чистота и порядокъ, пльнявшіе взоры. Бѣлье было бѣло, полъ блестялъ. На столѣ стояла чернилица и все необходимое для письма; на каминѣ гордо красовалась ваза изъ китайскаго фарфора, съ огромнымъ букетомъ—признакомъ внимательности Нанетты. Фридрихъ не могъ не чувствовать, что доброе желаніе заступало здѣсь мѣсто богатства, и что если чего-нибудь и не доставало, то, конечно, не потому, чтобъ жалѣли. Фридрихъ всталъ и нашалъ тетку въ маленькомъ садикѣ; она снимала самыя лучшія кисти винограда. День прошелъ, какъ и вчера, въ простомъ и тепломъ разговорѣ. Онъ повѣрилъ старухѣ свои мысли, и тетка Маріанна, въ свою очередь, разсказала ему свою жизнь. Онъ жилъ только надеждами—она воспоминаніемъ; и воспоминанія ея были простодушны и трогательны; время пролетѣло надъ этою любящею душою, не взглянувъ ничего изъ памяти. У нея, какъ и у всѣхъ нѣжныхъ натуръ, скорбь превратилась въ тихое, утѣшительное благочестіе, и изъ печали, погибшихъ желаній и быстро-промелькнувшихъ радостей, въ ней образовалась постоянная доброта и неисчерпаемая снисходительность.

На другой день, ввечеру, Фридрихъ, уходя, на разъ оглядываясь

еще издали, чтобъ увидѣть тетку Маріанну, провожавшую его глазами.

— Ты знаешь свою компану, сказала она ему; она уже давно была назначена для тебя; теперь она твоя. Помни, другъ мой, что я всегда буду рада видѣть тебя въ ней. Если ты не прійдешь, я буду думать, что тебя удерживаютъ удовольствія или полезный трудъ, и не буду жаловаться.

Оказанная намъ доброта оставляетъ въ насъ неизгладимое впечатлѣніе, увеличивающееся съ разстояніемъ. Въ первую минуту, она пѣняетъ, черезъ нѣсколько дней пробуждаетъ въ душѣ вѣчное впечатлѣніе. Пусть дни превратятся въ годы, или смерть похититъ добраго—и на глазахъ навернутся слезы, а въ сердце закрадется вѣчное сожалѣніе. Дорогою Фридрихъ припоминалъ всѣ ласковыя слова тетки и далъ себѣ слово часто посѣщать ее. Онъ шелъ легко, какъ-будто сердечное довольство дало ему крылья. Воздухъ былъ чистъ, дорога гладка; онъ былъ молодъ, сознавалъ, что его поняли, и думалъ, что будь онъ любимъ, какъ онъ того желаетъ, онъ былъ бы вполне счастливъ; кроткій, неизмѣнно одинъ и тотъ же образъ, носился передъ его душою. Въ эту минуту, онъ подходилъ къ Гейдельбергу и слышалъ громкіе, знакомые голоса. Толпа студентовъ возвращалась съ прогулки. Онъ сдѣлалъ обходъ, чтобъ избавиться отъ встрѣчи съ ними, и вошелъ въ городъ другими воротами. Полный спокойныхъ и чистыхъ мыслей, онъ хотѣлъ укрыть ихъ отъ шума и насмѣшекъ. Проходя по узкой и темной улицѣ, онъ вдругъ услышалъ слабое, монотонное пѣніе, заставившее его вздрогнуть; ему показалось, что онъ уже слышалъ этотъ голосъ, и, подошедши къ низкому окну, откуда, казалось, неслись звуки, устремилъ взоръ свой во внутренность комнаты. Комната слабо освѣщена была лампою; лучи падали на бѣлокурые волосы женщины, которая плела корзину изъ соломы и тростника; другая женщина, стоя возлѣ нея на колыняхъ, подавала ей постепенно прутья. Обѣ сидѣли задомъ къ окну. Вскорѣ дѣлавшая корзину подняла голову и взяла что-то со стола, стоявшаго за нею. Фридрихъ съ невыразимымъ трепетомъ сердца узналъ въ ней ту, которая съ нѣкотораго времени была единственнымъ предметомъ его мыслей. Скромный и нѣсколько-строгий видъ ея, пѣвившій Фридриха, нисколько не измѣнился; она была, казалось, совершенно занята своею работою. Только по-временамъ наклоняла она голову, какъ-будто прислушиваясь къ слабому шуму въ глубинѣ комнаты. Фридрихъ неясно рассмотрѣлъ въ тѣни бѣлыя занавѣски колыбели. Молодая дѣвушка, стоявшая на колыняхъ, пѣвала слова безъ связи и метра.

Нѣмныя слова повторила она два раза, какъ ленточку писю дѣти;

потомъ выбирала тончайшія фрезины и подавала ихъ молодой женой. На столѣ стояла хрустальная ваза съ дикими вересками, Киртина; дышавшая безыскусною чистотою; совершенно гармонировала съ душевнымъ расположеніемъ Фридриха и эстетическимъ выношеннымъ изъ Мангейма. Неодождаемый; одна дыша, она не могла отвести глазъ и слѣдить за мажорнымъ движеніемъ вѣсковокъ. Она опять протянула руку за соломкою, но въ то же время замѣтила, что молодая двѣупла перестала пѣть и уснула, склонивъ голову на столѣ. Она тихо встала и подошла къ окну; Фридрихъ отклонился; опасаясь, чтобы его не замѣтили; она захватила гардину — и все исчезло. Онъ дождался еще нѣсколько минутъ; лампа погасла, и онъ ушелъ; съ пресатами въ головѣ и мечтою въ сердцѣ. Начало, однакожъ, очень его затрудняло, и онъ не видѣлъ, какъ приступить къ дѣлу; Онъ ходилъ взадъ и впередъ по улицѣ; — все напрасно: окно было заперто. Только снаружи онъ замѣтилъ нѣсколько горшковъ съ цвѣтами, и это нѣмало-будто обрѣла вѣскожная мысль: едва наступитъ ночь, они крѣдѣтъ въ тѣнь, какъ преступникъ, и тихо ставятъ на окно прекраснѣйшія цвѣты, какія только можно достать въ городѣ. Но, придя на другой день, чтобы посмотреть, что изъ этого вышло, она увидѣла; что горшокъ съ его цвѣтами поставленъ на мостовую и стеблями склонился, какъ-будто раздѣляя печаль подѣрившаго. Въ этомъ родѣ отказа не было ни глупа, ни презрѣна; они не были брошены на землю; ихъ возвращали спокойно и съ достоинствомъ той; кто не долженъ былъ дарить ихъ. Фридрихъ все это прочелъ на своихъ цвѣткахъ, когда окно растворилось и закрылось почти въ ту же минуту. Его замѣтили, — это шагъ впередъ. Онъ воротился домой, довольный больше прежняго; смѣлѣе сталъ цѣловать. Впрочемъ, за первымъ успѣхомъ, не слѣдовало другаго, и это его огорчало. Влюбленнымъ иногда везетъ: случай подослалъ къ ней; ни помощи.

Однажды вечеромъ, онъ встрѣтилъ Антонію. Антонію возвращали изъ вѣзка, гдѣ его задержали нѣсколько дней.

— Ну, что? спросилъ онъ Фридриха: — сдѣлался ты безвѣстенъ, по Мудрецомъ, или исследовалъ новыя соштанья?

— Развѣ ты не всегда правъ? весело отвѣчалъ Фридрихъ, отклоняя вопросъ.

Пока любовь его казалась ему-самому невозможною, онъ говорилъ о ней охотно; но, увидѣвъ ее въ области действительности, онъ почувствовалъ отвращеніе къ соштаньямъ друга; то есть, къ шуткамъ его надъ этою любовью. Они довольно-долго гуляли въ паркѣ. Надо сказать правду: Антонію почти единъ поддѣлывалъ разговоръ. Будь Фридрихъ внимательнѣе, онъ скоро увидѣлъ

Был немоусть число залъ въ замкъ Рендеръ, цвѣтъ обоевъ, цвѣтоты аллен и вышину деревьевъ въ паркѣ. Это вдохновенное исчисленіе было вдругъ прервано пронзительнымъ крикомъ; почти въ ту же минуту мимо нихъ пробѣжала молодая дѣвушка. За нею бѣжали два человека, по-видимому, изъ черни; неравнымъ движеніемъ Фридрихъ было остановить преслѣдователей. Антонію сдвинуло же же.

— Къ-чему вы мѣшаетесь? Ступайте своєю дорогою! грубо сказали имъ преслѣдователи, стараясь освободиться. Но ихъ держали крѣпко, и они должны были довольствоваться бранью и клятвами.

— Они пьяны, сказалъ съ отвращеніемъ Фридрихъ и далъ имъ свободу. Тѣ оглянулись дико и, не вида больше дѣвушки, сказали еще нѣсколько грубостей и удалились пошатываясь.

— Постараемся теперь отыскать эту дѣвушку, сказалъ Фридрихъ. — Разойдися, потому-что я не замѣтилъ, по которой изъ этихъ двухъ дорогъ она убѣжала.

— Съ Богомъ! Защитишь невинность, какъ истинные рыцари воскликнулъ Антонію и бросился по дорогѣ. Фридрихъ приближалъ къ другой. Ночь была темна; но зрѣніе его скоро свыкло съ темнотою. Онъ добѣжалъ, все еще не вида дѣвушки, до небольшого холма, слабо освѣщеннаго восходящимъ мѣсяцемъ. Тутъ что-то блое и неподвижное засвѣтлало на вершинѣ пригорка. Онъ подошелъ тихо, и дѣйствительно увидѣлъ женщину, вѣроятно, ту самую, которую искалъ. Она сидѣла и, казалось, внимательно прислушивалась къ далекому шуму раки. Онъ замалестилъ листьями, чтобъ дать ей знать о своемъ присутствіи; но она не изменила своего положенія. Смягчая голосъ, чтобъ не испугать ее, онъ рѣшился заговорить съ нею.

— Если это вы, сударыня, спасались сейчасъ бѣгствомъ, то будьте спокойны...

Она медленно оборотила голову, не показывая ни малѣйшаго испуга, и сказала:

— Я птичка; Богъ далъ мнѣ крылья. Какъ поймать меня? Не даятъла ли я сюда?

Фридрихъ узналъ безумную, видѣнную имъ въ старомъ замкѣ.

— Вы были одна? спросилъ онъ ее съ замѣшательствомъ.

— Одна! повторила она. — Голубка подруга моя, и я полечу къ ней. — И въ то же мгновеніе, она бросилась впередъ, какъ-будто желая исчезнуть въ воздухъ. Фридрихъ не успѣлъ остановить ее. Онъ вскрикнулъ отъ испуга и наклонился съ вершины скалы. Къ счастью, молодая ель, росшая въ разсѣлинѣ, поддержала дѣвушку. Фридрихъ поснѣшилъ сойти. Она лежала въ обморокѣ. Онъ взял ее на руки и понесъ къ городу. Пришелъ къ дому, гдѣ она жи-

и, какъ, остановился на минуту въ нерешимости. Что дѣлать тебѣ? подумала она: — я перепугаю молодую дѣвушку, если внесу сестру ея полумертвою. — Разсуждая такими образомъ; онъ усмѣхалъ что-то быстрые шаги и скоро увидѣлъ самую дѣвушку, блѣдную, съ волосами въ беспорядкѣ и съ ребренкомъ на рукахъ.

— А! Марселлина, бѣдная Марселлина! воскликнула она, замѣтивъ Фридриха съ его носнею.— Войдите, сказала она ему.— Не умерла ли она? Отвѣчайте: гдѣ вы ее нашлѣ?.. Нѣтъ! сердце ея бьется!..

Дѣйствительно, она приходила въ себя. Увидѣвъ сестру, безумная улыбнулась, но еще не говорила. Сестра обняла ее поцалуемъ, облизала слезами.

— Генриетта! сказала безумная съ дѣтскою радостью: — ты ли это? А ребенокъ?

— Вотъ онъ, въ ложи.

— Тѣ! онъ дитя. — Она хотѣла приложить палецъ къ губамъ; но не могла; она закрыла глаза и тихо вздохнула.

— Рана! Она рана! встричала Генриетта.

Фридрихъ бросился вонъ и возвратился, взявъ съ доктора слово, что онъ придетъ. Между-тѣмъ, онъ разсказалъ молодой дѣвушкѣ случившееся.

— Да благословитъ васъ Богъ! сказала она дрожащими голосомъ. — Вы видите: несчастная помѣшана; она никогда не выйдетъ одна! Но сегодня вечеромъ, не понимаю, что за жандармъ свободы вывелъ ея обыкновенно; она не смѣетъ меня оставить. Я безуспѣшно искала ее по окрестностямъ и возвращалась домой въ отчаяніи, когда увидѣла васъ. Какъ благодарить васъ? Все вышло, все кончилось; а никогда бы я не увидѣла опять!

Вспомнивъ докторъ; онъ рассмотрѣлъ большую руку и объявилъ, что рука выжила. Онъ далъ кое-какія наставленія и ушелъ; Фридрихъ не смѣлъ оставаться долже. Возвратившись въ свою каморку; онъ сѣлъ, взявъ книгу и началъ думать. Онъ былъ налитъ радости, безопасности и любезности. Ему пришло въ голову, что Генриетта — лучшее изъ всѣхъ именъ; и онъ усмѣхался, какъ-то замѣчалъ этого до-сихъ-поръ. Потомъ воображенію его снова представился проткій образъ носившей это имя; онъ трогательно слезы и благодарный взоръ; ему все еще слышался звукъ ея тайбы и слышался румянецъ, покрывшій на минуту ея щеки. Въ тотъ же время, онъ безвыходно терялся въ вопросахъ, которые задавалъ себѣ уже нѣсколько разъ и къ которымъ теперь присодинилъ одинъ вопросъ. Позволяетъ ли она ему видѣться съ нею опять? Любитъ ли она его? Романистическій интересъ превратился въ чуждую, въ безцѣльную мысль, полную желаній и таинства. Ему стоило только въ разсужденіи сестры; и онъ узналъ бы все, что хотѣлъ; но онъ

никакъ не могъ на это рѣшиться: любовь его не хотѣла спойти съ идеальныхъ высотъ до обыкновеннаго дендроа. Все, что она видѣла внутри комнаты, заплѣта Генриетты, — все говорило о блѣдности, живущей благороднымъ трудомъ. Его тротала мысль о юности, мужественно борющейся съ несчастіемъ. Любовь, жившая въ головѣ, перешла въ сердце. Почти всю ночь напролѣтъ вытывалъ онъ мыслями видѣнія, те мечты прошедшаго, те будущаго. Къ утру, однакоже, онъ заснулъ. Грубый толчокъ разбудилъ его: Антонию, блѣдный и встревоженный, стоялъ у его постели.

— Что съ тобою? спросилъ Фридрихъ въ изумленіи.

— Одывайся, ты мнѣ нуженъ для дуэли; возьми свои сабли и пойдемъ.

Фридрихъ поспѣшно одѣлся.

Дуэли между студентами случаются такъ часто вѣтъ-за-бѣнъ пустяковъ, что онъ пошелъ въ садъ за пріятелемъ, но страшны даже, по какому случаю онъ дерется. Вышедъ на улицу, Антонию рассказалъ ему все въ немногихъ словахъ. Изумленъ, но не тѣмъ-то, чѣмъ пошелъ за ненаказанно, онъ возвратился въ городъ и отправился въ мѣсто обыкновенной сродки студентовъ. Тамъ онъ услышалъ имя г-жи Рендорфъ, громко и съ хохотомъ произнесенное. Графиня была въ эту минуту цѣлюю бѣнъ или жѣнъ: удивительныя острога.

— Я не стану скрывать съ тобою, сказалъ Антонию. Мнѣ не и вступиться за нею открыто, значило бы компрометировать. Что мнѣ оставалось дѣлать? Досада была мѣнъ; однакоже я держалъ себя и велелъ дѣлать спокойно. Не думай, что сарказмы Франца были самымъ равнымъ. Я дала себе слово говорить ему. Ты знаешь, какъ онъ уцѣлѣлъ, и какъ рѣшился возмездіемъ своимъ мнѣ. Я противорѣчила ему во всемъ. Онъ сердился, и продолжалъ, и... сегодня утромъ мы деремся.

— Я поступилъ бы по-твоему, отвѣчалъ Фридрихъ. Не надо рубить любовницу своимъ, замѣчалъ онъ неслышавъ; сдѣлать бы очень-человѣкъ; а кто не ослѣпелъ, тотъ погодитъ.

Онъ пошелъ пріятелю руку; они пришли на мѣсто; проминши нѣтъ таксе не долее заставили себя ждать. Францъ былъ довольно глубоко раненъ въ грудь.

— Бѣдный Францъ! сказалъ Антонию, брось свои сабли. Нѣрты возьми этихъ леопардовъ! Онъ не стѣнъ не клонитъ, ни вѣнъ, который наосать.

Фридрихъ скоро узналъ, — это впрочемъ, не было тайною, — что думъ надвѣвала шуму. Антонию не признался ему, что гнѣвъ его проистекалъ всего болѣе нѣтъ глубоко-оскорбленіемъ: сарказмы Франца сказаны, что гнѣвъ его Рендорфъ былъ не только, но и...

опиши, и не столько надежда, сколько любовь. Для Антонио было бы легче узнать, что она умерла, чем узнать, что она умеет возбуждать удивленія, а онъ завистли: — Онъ разилъ Франца, подумалъ Фридрихъ, но Францъ убилъ любовь его. — Онъ не ошибся. Черезъ несколько дней, Антонио объявилъ ему, что кончилъ карьеру; которая его задерживала, и ѣдетъ въ Италию.

— Мнѣ было, чтобы твоей надеждѣ, чтобы следующій годъ ты проведешь въ Италию, сказалъ онъ ему. — Итакъ, надѣюсь опять съ тобою увидѣться.

— Не знаю, право... перешелъ въ комнату Фридрихъ. — Моему брату, а остануся здесь в. девица.

Фридрихъ посмотрѣлъ на него и улыбнулся; потрясъ головой ему руку и сказалъ только: въ Мемлинъ ли, въ Германію ли, не знаю, что дѣлать душевною средой.

— Ужасно горю сердцемъ, думалъ Фридрихъ: — опять и тысячекратно портить много хорошихъ натур! Что касается до г-жи Рендлеръ: она указывала черезъ посланца, что въ Гейделбергъ прихлылъ какой-то американскій, англійскій, и что она страстно любитъ музыку.

Цѣлосердечныя помыслы Антонио, Фридрихъ боролся съ маленькимъ глумленіемъ Генриетты. Наконецъ, онъ рассудилъ, что очень естественно; если она придетъ съдѣлаться в. здоровьемъ больной. Съ этимъ же трепетомъ сердце востукала онъ въ дверь. Генриетта открыла ее. Жилище сестеръ состояло изъ маленькой привѣсной комнаты: одна выходила на улицу, другая во дворъ, гдѣ росло несколько липъ. Въ этой второй комнатѣ большая свѣтлая люстра висѣла, — неподвижно устремивъ взоръ въ вѣтчикъ неба, свѣтавшій надъ вѣтвями деревьевъ; она точно какъ-будто вносила удовлетвореніе: рассудокъ. Она, наконецъ, узнала Фридриха, съ улыбкой указала ему на руку, но не сказала ни слова.

— Много она страдаетъ? спросалъ Фридрихъ.

— Я думаю, что нѣтъ, потому что она спокойна, отвѣчала Генриетта. Но въ странномъ видѣ она не произнесла ни одного слова. Этотъ случай возвратилъ, кажется, немного спокойствія ей мысли. А. рада, когда она такъ молчалива; если она разговаривается, я всегда опасаюсь напосѣбить кризиса.

— Надѣвляла казалась съ состраданіемъ Фридрихъ. — И такая молодая... Онъ остановился, увидя, что двѣ крупныя слезы упали на глаза Генриетты на ее работу. Онъ смотрѣлъ на нее молча, и не зналъ, какъ завязать опять разговоръ. Въ эту минуту поступилъ у дверей... Это былъ докторъ. Онъ вышелъ, что больной лучше, сколько того можно было ожидать. Давно ли она сошла съ лица Генриетты, онъ у. Генриетты.

— Какъ же теперь она? — спросалъ докторъ. — Дочка сестра была слаба ду-

хоть! недавнее движенье глубоко разстроило ее душу. При перемены времени года, во время бури, она была избыточна смелой восторженности; это заставляло насъ улыбаться. Но счастье наше рушилось, мы потеряли отца и мать вскорь одного за другимъ. Эти несчастія подавили слабый умъ сестры моей. Впрочемъ, безумство ея спокойно, и въ немъ есть что-то чистое, поэтическое, какъ душа ея. То она воображаетъ, что она цыганка, и обращается къ солнцу; то она бабочка, и хочетъ перхать по лугамъ; но постоянно мысль ея занята мимикъ ребенкомъ. Завидя его, она улыбается; но видя его нѣсколько времени, начинаетъ безпокоиться, дѣлается печальною и спрашиваетъ, гдѣ онъ? Не преследуетъ, прибавила она краснѣя:—странная мысль, вѣчная мечта безумства; она говоритъ... что это маленький Иисусъ.

— А вы его благословенная мать, учтиво заговорила докторъ. Фридрихъ молча подумалъ то же. Генриетта съ всецѣлѣйшимъ вниманіемъ углубилась въ свою работу.

— Не это безумство, продолжала докторъ:— можетъ-быть, мѣлоче. Надобно бы попробовать; можетъ-быть, подтвердилъ ея мысли... Не-уже-ли вы не исцѣлывали надъ него леченіа?

— Мы бѣдны, сказала Генриетта съ грустью и доверчивостію.

— Болѣзнь и бѣдность, две двери на небо, отвѣчала докторъ, добрый и любящій свое искусство.— Позволено ли вамъ жить, не заботясь о?

— О! помните... отвѣчала Генриетта... Душевное возмѣненіе не позволило ей домыслить мысли,

— Я вѣщу, сказала, отвѣчала она добродушно:— вы видите, это не составитъ для меня никакого труда.

Фридрихъ хотѣлъ уйти въ-связь со мнѣю, но болѣзнь его удержала.

— Оставайтесь, сказала она. — Я хочу васъ видеть. Она вела его за руку.— Когда-то я такъ держала руку моего друга, и мы ходили гулять по лугамъ, и ручьи рассказывали намъ, что они видѣли,

Генриетта была въ замѣшательствѣ; Фридрихъ не зналъ, что ему дѣлать. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— А, какіе прекрасные плоды, сестрица! сказала Марселли.— Не можешь ли ты достать ихъ?

— Но плоды я тутъ не вижу; ты ошибаешься, кротко заискала Генриетта.

— Значитъ, ты меня разлюбила, если отпугиваешь? грустно сказала безумная. — Затѣмъ не ѣшь ты..

— Я пойду, сказалъ Фридрихъ, обрадовавшись, что все-таки доказать свое усердіе. Она быстро вышла. Дверь-накануне-и-

пути, онъ поставилъ на постель Марселены крѣпкую привѣсную кровать. Она посмотрѣла на него съ дѣтскою радостію и сказала: — вы не оставите насъ? Неправда ли, сестрица, онъ останется съ нами?

— Я возвращусь, прервалъ ее Фридрихъ: — если вы позволите, прибавилъ онъ въ-полголоса, обращаясь къ Генриеттѣ.

— Она больна, и я не смѣю ей противорѣчить, отвѣчала Генриетта краснѣя.

V.

Такъ Фридрихъ допущенъ въ жилище Генриетты. Доброе расположеніе его къ безумицѣ, тонкая внимательность, оказанное ему безпечальство, тронули сестру ее. Сначала, она принимала его недоверчиво, но изъ его выходку съ цѣтани, но скоро увидѣла въ немъ человека простаго, столько чуждаго всякой оскорбительной мысли, что незаметно привыкла обращаться съ нимъ какъ съ другомъ. Что касается до Фридриха, то съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ началъ видѣться съ нею ежедневно, волновавшій его сначала пылъ смѣнился искреннею дружбой. Но слабъ онъ по-старался серьезно разобрать вопросъ, онъ нашелъ бы, напротивъ того, что любовь сдѣлала усихи въ душѣ его, замѣнивъ романтическое истиннымъ. Онъ чувствовалъ, что живетъ жизнью, которой столько жалеть, мысли его шибко цѣли, поступки были оживлены интересомъ. Онъ помышлялъ только о средствахъ, какъ бы помочь бѣдѣ, но оскорбляя гордости; но выдумки его были неудачны. Самые хитрые планы его Генриетта разрушала просто, естественно, и даже какъ-будто не замѣчая ихъ. Но притворяясь, какъ-будто не понимаетъ его цѣли, Генриетта чувствовала, какъ онъ добръ, и признательность ее была, можетъ-быть, тѣмъ живѣе, что она не говорила объ этомъ ни слова. Фридрихъ принужденъ былъ ограничить свои примочки цѣтани для Марселены, иногда игрушкою для ребенка; на Генриетту онъ едва смѣлъ смотреть, когда она бывала занята своею работою. Онъ сдѣлался такъ робокъ въ ея присутствіи, что часто она обращалась къ нему, желая прервать затруднительное молчаніе; но ее молчаніе очень-краснорѣчивое, и она заговаривала, опасаясь понять его слишкомъ-хорошо. Между-тѣмъ; Фридрихъ узналъ мало-по-малу, что оба сестры пріѣхали изъ Нюрнберга, живутъ въ Гейдельбергъ всего только нѣсколько мѣсяцевъ, и что младшая изъ нихъ вдова. Хозяйка дома говорила о нихъ Фридриху въ замѣчанія, которыми должны были ему понравиться.

«... Онъ три года дѣлалъ, изверилъ она, и самое простодушное изъ насъ, кажется, эта блондинка Генриетта, поддержавшая насъ двумя другими. И какъ холода и прекрасна она! Кѣ же следовало бы быть бѣдной.

Однажды вечеромъ, Фридрихъ пришелъ познать обвинившаго. — Скорѣе! сказала ему Генриетта: — Марселлина идего вась съ чертѣвнѣе; она спрашиваетъ, гдѣ вы живете. Тамъ она и вынула Фридриха.

— Да, отвѣчалъ Фридрихъ съ грустію: — безумные откровенны и не боятся сознаться въ любви. Еслибъ и я потерялъ когда-нибудь рассудокъ, и высказалъ все, что чувствую такъ глубоко!... Генриетта покраснѣла, и увела его въ комнату сестры. Марселлина, увидѣвъ ихъ, захопала въ ладоши.

— А! оба! оба выскочили вскрикнула она. — Какъ мнѣ сегодня видѣть васъ вмѣстѣ! У меня была прѣдсказаный розовый кустъ, вѣтъ его я потеряла, дерево; ближе, ближе, — сказала она Фридриху: — удройте его, отъ бурь. Иначе выгерь испробить тебе, мнѣй чортъ мой! Она вела сестру за руку и заставила ее сѣсть, вѣлъ себя на ивановомъ стулѣ; Фридрихъ облокотился на спинку, Онь наклонился такъ близко, что губы его дѣлти касались волосъ Генриетты.

— Это глупость! сказала она сестрѣ. — Блѣдная сладкая, какія я когда-либо дѣлалъ, сказала Фридриху. Генриетта ничего не отвѣчала. Она подала сестрѣ библію, расшитыя буквы поперей, зашила ее и дала другу направленно въ мысляхъ. Когда ударили часы на городской башнѣ, она встала усталостию и сократила вечеръ. Остались наединѣ, она несколько минутъ была погружена въ раздумье, потомъ встала съ стула и положила ее на постель, раздвинула бѣлые занавѣсишки, подала работу въ лѣвъ и двинулась за свое ежедневное занятіе. Но ея ослѣднее безуміе; не разъ роняла она работу на колѣни, и мысля ее летала далеко отъ тѣсной комнаты; въ которой она сидѣла. Гдѣ же летала она? Генриетта была не цѣлительница. Рана ушакъ нужды жизни, принужденная содержать себя работою, обманчива заболѣться я двумя существовахъ, разне неопредѣлѣнь думѣхъ о саниктѣ-вѣкъ, она должна была дѣйствовать въ такіа лѣтъ, когда другія только заставляютъ любить себя. Онь котораго времени, ея сама себя не узнавала. Въ минувъ ея, спешную и почти-счастливую, но смотри на бѣдность, несправедливо истребленіе пруть и странная эрромическ. Те-ей хотѣлось подымать чистить воздухѣмъ, погулять въ открытой нѣтъ; те ждала она укрѣпленъ во тамъ и въ являющъ еще болѣе развѣдывающъ. Иногда она брала дѣтя дѣла; вѣсправа его лѣтъ;

и наконецъ проливала слезы или отталкивала его съ ужасомъ. Въ другое время, она вслушивалась съ безсмысленнѣйшими рѣчи сестры и какъ-будто заведомо ея богуши. Въ душѣ ея крылась тайна; эта тайна преслѣдовала ее повсюду, но она не смѣла ей той вознаться. Она чувствовала, что скоро пробьетъ для нея рѣшительная часъ въ жизни, и это пугало ее, потому-что предчувствія ея были больше печальны, чѣмъ радостны. Она чувствовала приближеніе любви, и не имѣя силъ убѣжать отъ нея, отпадывалась, не памятуя ни о комъ-нибудь. Но она была одна въ мірѣ, безъ сознаній, безъ друзей, и самая любовь пріишла на себя образъ дружбы, чтобы вкратцѣ въ ея сердце.

На другой день, Генриетта преслѣдуема любовью и бѣдною; можетъ-быть, отъ этого она была еще красивѣе. Какъ ты хороша! сказала ей сестра, когда она вошла къ ней въ комнату.

— Ты находишь? отвѣтила она печально: Но, проходи мимо зеркала, она взглянула въ него, и зеркало сказало ей правду: она была прекрасна. Тонкая, гибкая талія ея была замѣчательно-стройна, и пальцы, непересчитанные отъ легкаго ея занятія, были красивы, какъ у древней статуи. Глазныи характеръ всей ея фигуры, вразумившейся въ нашіи, было какое-то невыразимое спокойствіе. Намека было не предполагать чистыхъ мыслей, глядя на него бѣлый, лоскый лобъ, окруженный длинными, блонкурыми волосами, длинными окружаютъ чело ангела, — и Антонио очень-естественно долженъ былъ возомнить мадонну Рафаэля, увидѣвъ ее ея ребенкомъ на козлянкѣ. Улыбка ея была очаровательна; но прелесть кроткой: эмоціоніи всего больше освѣщали большіе голубые глаза; простодушно открыты какъ у ребенка или молодой дѣвочки. Они, какъ прекрасное озеро, привлекали взоры и сквозили до дна, выказывая чистую душу. Незнѣность протмывала даже въ коммодіонѣхъ движени; съ которой она взглянула въ зеркало: она какъ-будто нечувствовалась инстинкту, не давая себѣ отчета. Это доказывали и самыи малые ея. Надо быть тверже, думала она, поправляя волосы, шелкерала кудри которыхъ вились около зоникъхъ налѣвкѣ; я не должна съ нами видаться; я это скажу тебѣ сегодня вечеромъ. Сестра выдерживала; но видя сго, она отъ забудеть. Онъ самъ... да, впрочемъ, какое удовольствіе можетъ онъ находить съ нами, бѣдными? Онъ посещалъ насъ только изъ доброты. Но отъ-чего же я думала, что на это нужна твердость? Нѣтъ ничего проще и легче...

Настала вечеръ, но Фридрихъ не пріишалъ. Марселина подошла къ дверикѣ и слушала, вѣтеръ гудѣлъ по узкой улицѣ. Была зима; слезера пишала унѣде; шаги рѣдкихъ прохожихъ звонко отдавались на: вымощенной землѣ. Генриетта работала молча, но

при каждомъ отдаленномъ шумѣ она вдрагивала; сердце ея бѣлось сильнее, и она ждала. Когда шаги удалились, ее начинала мучить мысль, не рѣшился ли Фридрихъ самъ собою на разлуку, которую она утромъ задумала посоветовать ему. Капризъ человеческого сердца, слабости, неизвестности! Она легла въ уныніи, не имѣя силъ переместить отсутствіе, котораго думала потребовать какъ чего-то очень-обыкновеннаго.

Фридрихъ не приходилъ, потому-что былъ немного-нездоровъ. Увидѣвъ опять Генриетту, онъ замѣтилъ въ ней тревожное состояніе, но не замѣтилъ молніи радости, блеснувшей въ ея глазахъ; онъ любилъ слишкомъ-глубоко — и не смѣлъ надѣяться.

— Что съ вами? спросилъ онъ ее. — Огорчены ли вы, или обрадованы, раздѣлите со мною свое чувство. Должно ли говорить, какъ я вамъ преданъ, какъ..?

— Мнѣ ничего не надо говорить, прервала она его поспѣшно; и замѣтивъ, что это его огорчило, прибавила: — потому-что я знаю все.

Таково было его первое признаніе, невольное его оконченное. Шагъ былъ сдѣланъ, но радость Фридриха была такъ скромна, что Генриетта какъ-будто ничего не сказала. Однакожь она не простила его удалиться и простодушнo подумала, что дружба возможна во всякомъ возрастѣ. Молодые, оба удаленные отъ свѣта, который не зналъ ихъ и не могъ имъ мѣшать, они вѣрнулись очаровательному влеченію юности и сердца. Таское жилище Генриетты стало для нихъ вселенной. Фридрихъ забывалъ здѣсь строгость отца, его цѣли, и гнѣвъ его, если онъ не будутъ достигнуты; Генриетта забывала свои огорченія, неизвестность будущаго, бѣдность настоящаго. Несчастенъ, кто не испыталъ хоть нѣсколькихъ минутъ такого полного и невиннаго упоенія!

Эти двое дѣтей (Генриеттѣ было восемнадцать лѣтъ, Фридриху почти двадцать) жили, укрытыя отъ всѣхъ взоровъ, отъ всякой злости. Фридрихъ, общительнѣйшій по своей натурѣ, уже давно высказалъ Генриеттѣ свои намеренія и мечты; онъ не смѣлъ только сказать ей своего имени и званія. Это не было гнусное хитростью, рассчитывающею на соблазнъ, и потому на легкое прекращеніе связи; напротивъ, это была деликатность и боязнь нарушить равенство отношеній. Она была бѣдна — онъ тоже притворился бѣднымъ; и еслибъ небо услышало его молитвы, онъ дѣйствительно сдѣлался бы бѣднякомъ, променявъ богатство на свободу. Надо любить искренно или помнить минувшую любовь; чтобъ постигнуть все очарованіе такой взаимной бѣдности; ее украшаютъ мечты юности, и трудъ, ограждая ее отъ страха будущаго; одушевляетъ ее великодушнымъ сознаніемъ силы и дѣятельности.

Что за сладость въ малѣйшемъ отдыхѣ! что за радость въ малѣйшемъ удовольствіи! Самое воспоминаніе о дурномъ прошедшемъ возмущаетъ цѣну хорошаго настоящаго; надежда стремится въ будущее, и человекъ живетъ действительно; ограничиться настоящимъ, значить быть счастливымъ слишкомъ матеріально; думать только о прошедшемъ—отдаться печали и сожалѣнію. Вполнѣ живетъ только тотъ, кто, не забывая прошедшаго, наслаждается настоящимъ и мечтаетъ о будущемъ.

Все эти невинныя радости, эти неисполнившіяся желанія, сладкія мечты,—все это Фридрихъ и Генриетта вкушали вмѣстѣ. Желанія ихъ были до того согласны, что, не говоря объ этомъ ни слова, они сознавали, что согласіе это основано на мысли никогда не разлучиться. Генриетта считала Фридриха такимъ же бѣднымъ, какъ и она, — и не знатнаго рода; она встрѣтила его печальнымъ, смущеннымъ, готовымъ, еслибъ не выручила его любовь, броситься на пагубную дорогу пустыхъ удовольствій, опасныхъ связей, по-удовольствію безъ энергіи. Господствующимъ качествомъ была въ немъ доброта; эта натура, сбившаяся съ пути и готовая погибнуть, пробуждала въ ней состраданіе. Состраданіе—благороднѣйшій недостатокъ женщины; Генриетта уже давно любила, все еще думая, что она только жалеть. Фридрихъ зналъ Генриетту краткою, чистого, уединившеюся въ своей собственной жизни, осторожною въ словахъ. Она должна была быть матерью для своего ребенка и для сестры, менногнѣе-старше ея, но лишенной разсудка; это опруждало ее ореоломъ благотворительной мудрости и пробуждало въ Фридрихъ почтительность и скромность. Онъ ничего не зналъ о ея прошедшемъ, и думалъ, что, доверяя ему, она естественно когда-нибудь заговоритъ объ этомъ. Онъ очень-хорошо замѣтилъ, что она часто плачетъ тайнѣ, и обыкновенно серьезна и даже печальна, не смотря на проткую улыбку; но онъ не смалъ разспрашивать ее. Онъ о ней зналъ только, что она благочестиво и бодро противится несчастію; она была очень-небогата и трудомъ поддерживала жизнь двухъ существъ, порученныхъ ей Богомъ.

Однако великое событіе нарушило тишину этой скромной жизни, событіе счастливое, но требовавшее жертвы. Молодость и преданность Генриетты тронули доктора, лечившаго Марселину. Онъ былъ родомъ не изъ Гейдельберга и жилъ здѣсь съ своимъ семействомъ только провздомъ. Собираясь увхатъ, онъ сказалъ Генриеттѣ, что по его мнѣнію сестру ея можно вылечить, и что охотно сдѣлалъ бы онъ опытъ, еслибъ она рѣшилась на двоякую разлуку. Марселина должна была переселиться къ нему на дачу, близъ Ванны, но ее долженъ былъ сопровождать и ребенокъ: это было необходимое условіе. Молодая дѣвушка любила его слишкомъ-сла-

да, и сиротамъ, призываю къ его присутствію: разлука съ матерью долго могла усилить ее болѣзнь. Удалить ее отъ сестры — было уже великое испытаніе; но оно было необходимо, чтобы избежать злѣйшаго призыва. Докторъ сказалъ, что если Генриетта рѣшится на такую жертву и приметъ его условія, то онъ можетъ се обѣдѣнать успѣхомъ. «Дитя дано», прибавилъ онъ; «еще въ такомъ возрастѣ, что не можетъ на васъ скучать, и я вамъ поручаю, что за нимъ будутъ смотрѣть какъ должно. Жена моя и дѣти идутъ до мною; равно дитя будетъ воспитано вмѣстѣ съ моими дѣтьми къ тому же, и присутствіе его не навсегда необходимо, и я охотно дамъ, когда его можно будетъ взять обратно.

— Генриетту тронула такая доброта: сначала она пробормотала что-то въ родѣ благодарности, потомъ приняла ребенка къ груди своей — и отдалась.

— Продумайте, сказалъ докторъ. — Отказъ данъ не увидать возможности этого ожидать. Но помните, что подобный случай можетъ не представиться въ другой разъ; я не отпущу за успѣхъ, но разсудите, какою на васъ лежитъ ответственность.

— Эти слова: расстрѣли Генриетту на цѣлый день. Докторъ былъ человекомъ серьезнымъ и пользовался большою репутациею; политическое предположеніе его было сдѣлано подъ предлогомъ любви къ наукамъ; и не могла скорбѣть за; она была уверена въ невѣроятности и добротѣ его, ужъ на разѣ доказанныкъ; тыслии мнелой пришлоеъ въ умъ ея; разсталоъ съ ребенкомъ навалоъ ей невѣроятности. И должна быть при немъ, думала она, и я не оставлю его. Но не обязана ли я помочь и сестрѣ? — и она смотрѣла на блуждающіе взоры и движенія сестры безумной, и не знала, на что рѣшиться. Фридрихъ всталъ со сою этой борьбѣ; угадалъ причину, и въ снѣ не могъ вѣнчелъ же что-нибудь дрисовѣтывать. На его думала мысль, что отъзавтоъ — значило, можетъ-быть, одлатъ преступленіе. Въ эту минуту, Генриетта внезапно взглянула на Марселлину: та держала ребенка и силой любви какъ-будто проглядывала въ ея взоры расудель. — О! возлихнула Генриетта: сердце снова открылось для шав.міръ! Пусть счастье быть молодой, чистой, любимой, снова станеть ея улымать, и пусть дуетъ ребенокъ дѣтъ ей это счастье!

— Она пошла къ доктору и съ слезами объявила ему, что рѣшилась на его предложеніе. Черезъ нѣсколько дней, Марселлина ушла съ ребенкомъ.

— О чемъ ты плачешь? говорила она сестрѣ въ минуту отъѣзда, показывая ей на ребенка и дѣтей доктора: — эти маленькіе ангелы хотѣтъ позвать маю небо; я въ свою очередь своему теби тула

он — Милый друг! говорила Генриэтта рыдая: — съ вами удалется все сокровище. Что стану я делать безъ васъ? Я такъ привыкла заниматься только вами!

Ребенокъ протягивалъ къ ней ручонки. Когда экипажъ тронулся съ мѣста, блѣдая мать хотѣла за нимъ следовать, но ноги ея подкосились, и она потеряла чувства. Очнувшись, она увидѣла, что ее поддерживаетъ Фридрихъ.

Вы поступили хорошо, сказалъ онъ ей съ глубокою чувственностію обнявъ ея за руку. — Сестра ваша, надѣюсь, будетъ когда-нибудь вамъ за это благодарна.

Увы! увидѣть ли она еще объ этомъ?

— Не ей, такъ Богу извѣстенъ вашъ поступокъ, и любящее сердце открывая въ васъ еще одну добродѣтель.

Оставшись одна, Генриэтта почувствовала, какъ бесцѣнна она противъ стремленій своего сердца — и затрепетала. Сидѣла, Фридрихъ несъ ея на тайнѣ чистоты. Она поняла, что онъ удерживаетъ свое желаніе, и была за это благодарна. Ей стало, однакоже, ясно, что не удалось съ нимъ справиться невозможно, а разлука обострила ей сердце своимъ отсутствіемъ. Она только съ мѣтой могла говорить о милыхъ отсутствующихъ, и это горько, спасало ея отъ безудержнаго молчанія. Фридрихъ жидк тѣло; совершенно отлично отъ прежняго; онъ сталъ изысканнѣе, и любовь не обратила, а нашла для него путь добра: любящая натура его одушевилась интересомъ, въ которомъ нуждалась. Жена протѣкает быстро среди блаженства любви и заботы. Често постигаетъ онъ скромное жилище тѣтки въ Мангеймѣ; для него, развѣдывая, такъ сказать, между двумя святыми мыслями, между двумя этими нѣжными, снисходительными женщинами, темъ свѣтлым и ласковымъ, полнымъ юного, только желанія — чтобъ сестра пошла на сегодня. Одна была представительницею материнской привады и любви, другая чистой преданности и нежности. Описать эту радость и удовольствіе невозможно; для этого подобно было бы написать все, что происходитъ отъ радостнаго и исполненія своего долга. Для Бога ученія; подобно было бы разсказать все, что выходитъ изъ сердца и возвращается изъ него нечисленными, тайными путями. Но какъ бы будъ мѣлодъ и часть, это чудесное время невинности, быстротечно, какъ все прекрасное на землѣ. Не разъ Фридрихъ чувствовалъ какое-то замишательство въ присутствіи свѣтлѣ Генриэтты, смѣльной-счастливой и жаждущей; оради этого истиннаго существованія только присутствія своего ребенка и сестры своей. Не разъ удалась онъ поспѣшно, желая скрыть свое влеченіе, и долѣе бродилъ по берегу Невкера, глядя издали на озвѣнчившую поверхность, которую оставилъ, чтобъ не осорбился.

Настала весна; пробилась первая зелень; ветры похолодели по воздуху. Однажды вечером, Фридрих застал Генриетту в состоянии обыкновенного.

— Прочтите, сказала она, подавая ему письмо: — и вы поймете мою радость. Письмо было отъ доктора. «Два сокровища» писалъ онъ: «звѣрпныя мнѣ вами, въ сохранности; дорога расцвѣла обильную больную; ребенокъ вашъ цвѣтеть. Терпѣніе и надежда!»

— Я счастлива, Фридрихъ, сказала Генриетта: — вы мой единственный другъ. Дайте мнѣ руку и позвольте поблагодарить васъ, что я безъ страха могу открыть передъ вами сердце!

— Да, я другъ вашъ, милая Генриетта, и вамъ не нѣтъ завѣщаго.

— Знаю, отвѣчала она съ чувствомъ. И она устремила взоръ въ небо, какъ-будто читая тамъ счастливую мысль.

— О чемъ вы думаете?

— Я думаю, другъ мой, что любящіе чисто на землѣ встрѣтятся когда-нибудь тамъ, можетъ-быть въ этихъ сверкающихъ звѣздахъ, и что все еуетное земное умретъ съ бронными тѣлами.

— Что за мысль! Зачѣмъ отодвигать счастье такъ далеко? Развѣ это не съ нами?

Генриетта задумалась; взоры ея искали взоромъ Фридриха съ ангельскимъ выраженіемъ чистоты.

— Нѣтъ, сказала она: — о счастьи мечтаютъ, но никогда не находятъ его вполнѣ.

— Какъ? дружба! любовь!..

— Любовь сладка, но не заплата.

— И что же, Генриетта? Развѣ вы не свята любви? Можете ли любить васъ иначе?

Она опять задумалась; Фридрихъ не смѣлъ нарушить ея думъ. Самъ чувствовалъ непреодолимое влеченіе признаваться ей напередъ въ любви своей; но онъ дрожалъ передъ рѣшительною минутой и опасался разрушить однимъ словомъ драгоценное для него доверіе, никогда еще не проявлявшееся такъ живо, какъ теперь. Терпѣніе тоже въ размышленіяхъ, онъ вдругъ издрогнулъ; рука Генриетты коснулась его руки. Онъ обернулся къ ней и увидѣлъ, что она заливается слезами. Генриетта сказала ему:

— Фридрихъ, я люблю васъ... Постоите! не радуйтесь; счастье и негла принадлежать вамъ, я не сказала бы этого!

Она произнесла эти слова съ такимъ волненіемъ и такъ вѣжливо, что радость Фридриха действительно исчезла. Онъ началъ смотрѣть на Генриетту, съ жадностію ожидая, чтобы она прокрѣтила стѣпенное состояніе его души. Ей же какъ-будто стало легче послѣ этихъ первыхъ словъ. Рука ея осталась въ рукѣ

Фридрихъ. Другую прищипала она къ сердцу, какъ-будто ждала слышать его бѣшеніе. Прищипаніе не лишило осанки ея скромности; голосъ ея на минуту зазвучалъ любовью, но скоро примѣшалась къ ней печаль, и онъ сталъ по-прежнему тихъ.

— Дѣ, я люблю васъ, повторила она съ большою твердостью: — и чувствую, что довольно-странно говорить вамъ объ этомъ; но минута настала. Боряба моя бесполезна; можетъ-быть, скоро не защититъ меня и разсудокъ; надо поставить между нами преграду противъ.

— Что вы говорите? воскликнулъ Фридрихъ,
— Она не могъ продолжать; ужасное опасеніе сдавило его сердце. Что хотала она сказать?

— О! говорите! ради Бога, говорите! сказалъ онъ. — Не-уже-ли вы не видите, Генриэтта, что я васъ люблю и страдаю ужасно!

— За тѣмъ-то я и хочу и надѣюсь, отвѣчала она слабо: — исцѣлеть и спасти васъ.

Она задумалась, сложила руки, какъ-будто провела молитву, и сказала потомъ покраснѣвъ, но гордо-спокойно:

— Выслушайте меня, Фридрихъ. Вы любите меня со всею чистотой, со всею силою первой любви. Вы никогда не спрашивали меня о прошедшей моей жизни, — а въ ней кроется тайна, которая дѣлаетъ меня недостойною васъ. Я надѣялась, что время и другая любовь излечатъ васъ. Что сказать вамъ? Слабость всего болѣе не позволила мнѣ нарушить молчаніе и уладить васъ, какъ-бы мнѣ слѣдовало сдѣлать. Иногда я думала, что ошибаюсь, что вы не любите меня. Сегодня я увѣрилась въ вашей привязанности и горжусь ею. Но я должна остановить васъ. Послѣ вы обдумаете, какъ глубока должна быть моя любовь къ вамъ, если я признаюсь вамъ... О, Боже! воскликнула она, зарывшись: — пусть это признаніе искупитъ грѣхъ мой; оно навсегда уничтожаетъ земное мое счастье! Одно слово скажетъ вамъ все, Фридрихъ: ребенокъ мой не залогъ брака — онъ плодъ моего проступка... Позвольте умолчать о подробностяхъ. Я могла бы попробовать оправдаться, но не хочу, сказала она гордо, поднимая голову. — Молодость, роковая безвѣстность отца, преданнаго игръ, самая невинность моя, невольная соучастница грѣха, невинаніе зла, престолушная ложь — все это помогло бы мнѣ, можетъ-быть, оправдаться, или по крайней-мѣрѣ смягчить приговоръ; но я не обманывала себя мотуши, Фридрихъ, и думаю, что только побѣда надъ опасностью докажетъ добродетель. О! чѣго мнѣ стоить потерять ваше уваженіе! Счастлива была бы я, еслибъ могла возвратитъ его цѣною моей крови! Позвольте только сказать вамъ, — это мое единственное утѣшеніе, — позвольте сказать, что я не любила никого, кромѣ васъ.

Пасху ли, убеденна ли; но я уступилъ, и въ этотъ мой мигъ въ виновника моего паденія—и даже не помнящая: я его презрела. Но кончимте это. Я не хотѣла нанести стыда дому отца моего; я удалилась, подъ предлогомъ поведки къ роднымъ; я ушла одна, безъ средствъ, съ ребенкомъ, который не долженъ былъ терпѣть за проступокъ матери. Вышего того; чтобъ скрыть или возмездіе его, я рѣшилась сънести для него все одиночіе, отчаяніе и скуку гнѣвъ. Мать моя, женщина благочестивая, простила меня умирая; отецъ благословилъ меня, проклиная свою беспечность; одна не простила себя. Я приняла къ себѣ сестру; заботливость моя о ней—не заслуга; я желала бы терпѣть еще болѣе, и сказать, что я не столько виновата. Она сама, буднично ваяла мнѣ; я говорила вамъ: она воображаетъ, что и новинка дѣвушка. Какой ясный и жестокий укоръ! Вы видите, Фридрихъ, какое мое припадкѣніе вамъ! О! никогда сердце мое не разрывалось такъ, какъ въ эту минуту! Если бы жизнь моя принадлежала чужаку мнѣ, я желала бы расстаться съ нею—уцѣлить любимую вамъ, уцѣлить уважаемую, оплакиваемую, какъ могла бытъ оплакивана она чужакомъ не дай Богъ!—А теперь...

«Сказавши грусть и плача се тольса!» Фридрихъ былъ чувствителенъ и великодушенъ. Ему было всего двадцать лѣтъ. Сердце его было растерзано, но онъ хотѣлъ скрыть это и началъ говорить: «... Ничь, прерывая она его: «не говорите!» Я догадывалась, что вы хотите сказать мнѣ, потому что вы добры. Вы видите утѣшить меня; утѣшать, что вы еще любите меня. Но я ничего не хочу быть обязана вашей сострадательности, какъ, если бы вы дѣлали съумѣтельно все еще меня любите, я не хочу соединить ваше доброту и судьбу въ ваше чистое, беззапятное будущее. Уйдите же, прошу васъ, прошу объ этомъ ради самаго себя, для долговъ борьбы у меня не станетъ силъ. Уйдите, оставьте меня одинокою и несчастною; но съ сознаніемъ, что я поступила какъ должно; я предложила слезы преступному счастью. Уйдите, забудьте меня. Не быть! повторила она тихо; какъ будто это слово окончательное было въ сердце.

«Она замолчала; и Фридрихъ слышалъ только лютый шумъ и долготу рыданія. Мысли о сивнелъ онъ иже; кроткій, какъ протомѣне, онъ проливалъ на прекрасное чело ея слезы и слезы и слезы Фридрихъ смотрѣлъ на Генриетту и передъ лицомъ ея что нибудь святла поклонялся сдѣлать ее счастливою. Страсть его продолжалась и осыпалась выразиться; онъ говорилъ долго и съ убеденіемъ. Чтобъ убедить Генриетту, онъ истощалъ все искусство любви, все рыцарскія чувства чести. Она слушала его и не могла не умиляться; потому что надежда оставалась еще...

VI.

Волнуемый тысячу мыслей, полный то ярости противъ отсутствующаго соперника, то состраданія къ его жертвѣ, Фридрихъ долго бродилъ по террасу, чтобы дать душѣ своей время успокоиться. Онъ представлялъ убійство про ушнѣе; онъ разсуждался въ персвой, лучшей мечтѣ своей. Слезы, проливаемые въ это время, гарило вѣкъ прочтѣ; кто же насъ не проливаламъ цѣль? Должно ли было отказаться отъ Генриэтты?—Разсудокъ говорилъ: да, Ему видѣлся строгій взглядъ отца, напоминавъ его непреклонная воля. Въ другое время, ему улыбалось добродушное лицо тѣтки Маріанны. Воображенію его представлялось скромное жилище, Генриэтта, любимая его теткою, Генриэтта, благодарная и любящая всѣхъ любовью воскресающей души! Кончилось тѣмъ, что эта картина неизменно останавливалась передъ его взорами; онъ забылъ свѣтъ, отца своего и честолюбіе, в думалъ только о любви, привлекавшей его теперь еще сильнѣе, потому-что съ нею соединилось благородное отреченіе.

Онъ пришелъ домой спокойнѣе, съ теплымъ сердцемъ. Ему подали письмо; бумага была груба, почеркъ не твердъ и неправиленъ. Онъ хотѣлъ взойти не распечатывая его; но посланный, деревенскій слуга, попросилъ его прочесть письмо сейчасъ же, потому-что онъ ждетъ отвѣта. Фридрихъ нетерпѣливо раскрылъ письмо; едва пробывавъ его глазами, онъ сказалъ крестьянину, что сейчасъ будетъ. Письмо было отъ Нанетты; «обвиненъ: космолъ могой осломуду», писала она. «Но ударилъ: тералитъ; она неота-во само не волюа возоритъ, однаго промисела: наме яля. Носоманте спрідете; онъ ваетъ такъ любить! Я: моголь, господинъ Фридрихъ: она услышитъ ли. Господи-Богъ: таже: ничтоинне: твораше?..»

Нервалъ улодонъ, Фридрихъ написалъ нисколько строкъ къ Генриэттѣ. Въ нихъ выливалось все его сердце, вся любовь его. Нужныя чувства сдѣлаются и опасеніе на счетъ здоровья тетки усилды въ немъ, если можно: выла, — безпоройство о Генриэттѣ. Онъ сообщала ей причину своего отсутствія и окончилъ такъ: «Вы на-сучили меня предпочитать исполненіе своего долга: вошу; я уше-слоню, негдѣ мнѣ ж: тяжело: сказать: ваетъ: ласери, жавда ры: вооче-онна: ж: болломанна. Но: да: вопрошуся: при: мерной: возмашности, ед-оны: увидѣте, Генриэтта, что: я: люблю: ваетъ: болше; ж: тяжело: любить: свѣла: нибудъ.»

Онъ оставилъ Гейдельбергъ и думалъ только объ безопасности; утрое-лавской его тѣши. Была уже ночь, когда онъ прибылъ въ Майгеймъ. Онъ вошелъ Нанетту у: пошла: большой; она была неподвижна: во-сладна: да: ласпейшики: ласдонна: яля. Нанетта: ваетъ: буди: обраде:

всталась, увидѣвъ его, и сдѣлала ему знакъ подойти тихонько. Она сообщила ему вполголоса свои опасенія и быстроту недуга, поразившаго его тетку. «Господь спасетъ ее» сказала она въ заключеніе: «она такъ добра, что не умретъ такъ рано! Она спитъ; докторъ ждалъ этого. Онъ утверждаетъ, что послѣ первыхъ минутъ припадка, опасность минуешь. Но вы пришли слишкомъ, вы блѣдны и, кажется, очень устали. Пойдите, отдохните. Когда она проснется, я скажу вамъ.»

Фридрихъ дѣйствительно очень усталъ отъ дороги и особенно отъ душевной тревоги. Но онъ не захотѣвъ удалиться и заснулъ въ креслахъ. Когда онъ проснулся, былъ уже день; тѣтка тихонько разговаривала съ Нанеттой.

— Доброй тетушка, сказалъ онъ, подходя къ постели и цалуя протянутую ему руку:—слава Богу! Вы спасены...

— Нанетта говоритъ то же, замѣтила она улыбаясь.

— И я надѣюсь, живо подхватилъ Фридрихъ.

— Жизнь во власти Бога, любезный Фридрихъ; благодарю Его, что Онъ позволилъ мнѣ увидѣть тебя еще разъ.

Явился докторъ и нашелъ, что больной замѣтно лучше; способность говорить возвратилась; правда, ей было труднѣе обыкновеннаго произносить слова, но на лицѣ исчезли всѣ слѣды судорожнаго состоянія, и докторъ увѣрялъ, что припадокъ не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій.

— Такъ-какъ я еще здѣсь, на землѣ, поговорить по-прежнему, сказала добрая старушка.—Я помышляла уже о будущей жизни и свиданіи съ твоєю матерью; теперь я хочу замѣтиса стикъ миромъ и тобою. Во-первыхъ, я очень рада видѣть въ тебѣ перемѣны: ты не тотъ, какимъ видѣла я тебя въ первый разъ; ты какъ-будто живешь теперь, тогда-какъ прежде только мечтавъ. Хорошо, что ты побеждаешь это зло нашего вѣка, невѣдущее насъ къ чему добруму.

— Да, отвѣчалъ Фридрихъ:— я чувствую, что я уже не тотъ въ это превращеніе, малая тетушка, началось съ перваго моего визита къ вамъ.

— О! продолжала она, качая головою и крѣпко улыбаясь: это-руки шибко отгадываютъ! Послушай, прибавила она серьезнѣе: есть вещи, другъ мой, которыя я не должна знать, потому что не могу ихъ одобрить. Моя обязанность только сказать тебѣ: наши законы нравственности и общества, въ которыхъ ты долженъ жить. Помни желанія отца твоего, и, повѣрь мнѣ, ты будешь счастливъ. Я убѣждена, что ты способенъ только къ благороднымъ подвигамъ; но этого не довольно: не дѣлай ихъ исключеніемъ изъ

освященныхъ обычаевъ. Какъ ни прекрасна была бы какая-нибудь мечта, не предавайся ей; нельзя вѣчно мечтать, другъ мой.

Фридрихъ не смѣлъ возражать; тѣтка его нуждалась въ покоѣ. Онъ вздохнулъ и взялся за книгу; но мысли его блуждали, и такая борьба происходила въ душѣ.

— Бѣдный Фридрихъ! говорила тѣтка, слѣдуя за нимъ глазами: — вотъ подводный камень для всехъ добрыхъ и вѣжнихъ натуръ! Кого онъ любитъ? Еслибъ онъ могъ признаться въ этой любви, не-уже-ли онъ не открылся бы предо мною?

На другой день, она хотѣла, чтобъ онъ ушелъ. Фридрихъ отказывался, она настаивала. Онъ обнялъ ее съ обычною вѣжностью, но чувствовалъ тяжесть на сердцѣ. Совѣтъ въ устахъ снисходительнаго друга сохраняетъ всю свою силу. Баронъ выразился бы въ формѣ горлаго приказа, съ презрѣніемъ отозвался бы о той, кого не знаетъ; онъ усилилъ бы любовь Фридриха, поставляя ей препятствія, возвышающія энергію, воздвигая на нее гоненіе, поражающее возстаніе. Тѣтка же, добрая и снисходительная, пожертвовавшая богатствомъ бѣдной любви, показала ему, какія опасности встрѣтитъ онъ на избранной имъ дорогѣ. Онъ вспомнилъ, что есть забытый имъ свѣтъ съ его неизбѣжными требованіями, и много другихъ препятствій, столько же действительныхъ и вѣрныхъ. Размышленіе привело его въ отчаяніе; онъ сѣлъ подъ деревомъ и заплакалъ. Онъ ни на что не рѣшился; но чувствовалъ, что намѣреніе, принятое имъ два дня тому назадъ, колебалось; ему почудилось, что кроткій образъ Генріятты удаляется мало-по-малу, печально прощаясь съ нимъ рукой, и наконецъ совершенно исчезаетъ.

Первымъ желаніемъ его было, однакожь, увидѣть ее опять и утѣшить, то-есть оплакать вдвоемъ свои увядшія мечты. Подошедъ къ дверямъ ея, онъ почувствовалъ, что имъ овладѣла какая-то нерѣшительность, и долго не могъ онъ постучаться. Наконецъ, онъ рѣшился и ждалъ съ сердечнымъ трепетомъ. Но не слышно было никакого шума. Онъ постучался еще разъ и приложилъ ухо: то же молчаніе. Тысячи опасеній зашевелились въ душѣ его. Онъ подбѣжалъ къ сосѣднимъ воротамъ и освѣдомился. «Молодая дама, которую вы изволите спрашивать» уѣхала вчера, отъѣчали ему.

— Куда? спросилъ онъ, стараясь сохранить твердость голоса.

— Не сказала; она расплатилась съ долгами и продала свое большое имущество. А какъ она была блѣдна, какъ блѣдна, бѣдняжка! Должно быть, она получила неприятныя извѣстія! Она, конечно, ушла недалеко, потому-что едва стояла на ногахъ...

Фридрихъ не дослушалъ; онъ полетѣлъ домой, вѣлъ всё свои деньги, обѣгалъ всѣ diligencias, и узналъ наконецъ, что отыскиваемая имъ уѣхала по дорогѣ въ Баденъ. Онъ тотчасъ же купилъ лошадь и бросился по слѣдамъ Генріэтты. Онъ уже не мѣнилъ своей перѣшительности; страсть уничтожила всѣ сомнѣнія, и весь онъ слился въ одну мысль — что Генріэтта необходима для его жизни, и что онъ умретъ, если не найдетъ ея. На всѣхъ станціяхъ онъ разспрашивалъ о ней; на четвертой станціи ему сказали, что она заболѣла, что должна была остановиться, и что она еще здѣсь. Онъ просилъ показать ему гостинницу, гдѣ она остановилась. Гостинница в самое мѣстечко были очень-бѣдны.—Одна, здѣсь, большая, и все отъ меня! думалъ онъ.—Благодарю тебя, Господи, что я отыскалъ ее!... Теперь мы не разлучимся.

Генріэтта грустно сидѣла въ бѣдной комнатѣ передъ погасшимъ огнемъ. Стѣны были голы и мрачны, занавѣсы изорваны, мебель въ безпорядкѣ; все вокругъ нея противорѣчило чистотѣ и веселости прежняго жилища, какъ все въ душѣ ея противорѣчило теперь бывшему спокойствію сердца. Она сидѣла неподвижно, съ полузакрытыми глазами, погруженная въ мысли. Бѣдная страдала лихорадкой: горе, усталость, усиліе, съ которымъ она рѣшилась на разлуку, потрясли ея слабый организмъ. Она начинала погружаться въ забытѣе, слѣдующее за усталостію отъ плача. Она не слышала, какъ отворилась дверь, и вдругъ увидѣла у ногъ своихъ Фридриха, палующаго руки ея и обливающаго ихъ слезами. Она слабо вскрикнула и хотѣла встать, но у ней не достало на это силъ; она упала въ кресла бѣдная и безмолвная.

— Генріэтта! жестокая Генріэтта! — вотъ все, что могъ выговорить Фридрихъ сквозь слезы.

— Оставьте меня, сказала она наконецъ прерывающимся голосомъ: — оставьте меня! Что это за преслѣдованіе? что сдѣлала я вамъ, что вы меня такъ мучите? Оставьте меня, ради Бога, Фридрихъ! продолжала она болѣе-умоляющимъ голосомъ.—Вы не знаете, какое зло мнѣ наносите. Каждое слово ваше раздираетъ мою душу. Я боюсь видѣть васъ, боюсь васъ слышать...

Она опять хотѣла встать, но онъ удержалъ ее.

— Вы не уйдете, Генріэтта, или уйдете не одинъ. Вы печальны, больны; я прилну къ стопамъ вашимъ. Не-уже-ли ничто васъ не можетъ тронуть? Не будемъ говорить о любви; но связывавшая насъ искренняя дружба не даетъ ли мнѣ права быть вашимъ спутникомъ и покровителемъ? Къ-чему же это бѣгство?

— Къ-чему? повторила она, — и теперь только на него взглянула, но тотчасъ же отвернулась и закрыла лицо руками. — Потому-что я несчастная, безразсудная, существо безъ душевной

силы и быть добродетели. Фридрихъ умоляю васъ всеми святымъ на небѣ и землѣ, позвольте мнѣ удалиться, не удерживайте меня! Забудьте несчастную, недостойную васъ и немогущую принадлежать вамъ. Вы молоды, прекрасны; дайте спасти васъ отъ самихъ-себя и избавьте меня отъ лишняго уверена совѣсти.

Она бросилась на колѣни и молила его исполнить ея просьбу. Онъ шепталъ ее и отвѣчалъ съ горечью:

— Теперь я васъ понимаю; я былъ слѣпъ. Вы не любите меня, вы никогда меня не любили, и присутствіе мое для васъ ненавистно.

Онъ сдвинулъ шагъ къ дверямъ.

— Боже! Ты видишь сердце мое! воскликнула Генриэтта, давъ волю своей горести.

Фридрихъ услышалъ въ этомъ восклицаніи тонъ истины и снова бросился къ ногамъ ея.

— Прости! прости мнѣ! говорилъ онъ съ жаромъ. — Я былъ въ отчаяніи, а не знала, чѣмъ говорилъ. Смоди, я счастливъ теперь; ты любишь меня, не правда ли, и мы не разстанемся?

— Я не хочу обманывать васъ, Фридрихъ, — мы разстанемся...

— А что вы сейчасъ сказали?

— Я призывала Бога въ свидѣтели, что люблю васъ, — и потому-то нищенно уйду. Когда-нибудь вы поблагодарите меня за это.

— Увѣжайте же, если васъ ничто не трогаетъ, отвѣчая Фридрихъ, отделившая протянутую къ нему руку. — Увѣжайте, исполните свое намѣреніе. Какое право нибу я останавливаю васъ, не давая вамъ думать о возможности счастья противъ моей воли? Но не обманывайте себя: я возвращусь въ городъ, Генриэтта, снова брошусь въ удовольствія, которыхъ оставилъ для васъ; они ужасны, говорили вы; чѣмъ же за буда? Некажется я буду нѣжить отъ вина, я не стану бранить его. Свѣи друзья, которыхъ вы опасались за меня, которыхъ я прериралъ для васъ, и которыхъ были, конечно, крѣпче всякой прищанности, — я возобновлю ихъ. Чтѣ ни говорите, участники оргіи — золотые люди! Они не дають сдѣлаться опять мудрецомъ и спасаютъ отъ стыда быть унижену одному. Прощаясь съ вами, я прощаюсь съ лучшими мечтами, съ благороднѣйшими стремленіями! Прощъ трудъ, обязанности, будущность! Я хочу забыться среди наслажденій минуты, и не дай Богъ вамъ пожалеть когда-нибудь о всемъ добромъ, чтѣ, можетъ-быть, развилось бы во мнѣ близки васъ — и погибло вдаль отъ васъ!

Голосъ Фридриха задрожалъ при послѣднихъ словахъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Генриэтта: — нѣтъ, другъ мой, ваша натура слишкомъ прекрасна; вы хотите, но не можете жить такою жизнью. И развѣ вы не покинули уже ея съ стараніемъ?

Слова Фридриха были только вспышкой сильной горести. За искусственною энергію послѣдовала слабость. Онъ смотрѣлъ на Генріэтту съ отчаяніемъ, и она въ свою очередь почувствовала, что силы оставляютъ ее.

— Пусть такъ! Нѣтъ! сказалъ онъ отчаяннымъ голосомъ. — Я обманываю васъ; я обманываю самого-себя. Эта шумная, пустая жизнь для меня невозможна; но жизнь моя вдали отъ васъ, Генріэтта, будетъ безъ силъ и безъ цвѣта. Вся добрая стремленія, развитыя вами во мнѣ, — я чувствую, уже вянуть и умираютъ въ душѣ моей. Улетай же, юность моя, мои сладкія мечты, мои великодушныя желанія: улетайте, она не хочетъ быть съ вами!

Генріэтта подняла глаза къ небу, какъ-будто спрашивая у него совѣта; Фридрихъ замолчалъ, и несчастные, предавшись зловольн печали, молча начали плакать.

Фридрихъ былъ чистосердеченъ: жизнь безъ Генріэтты казалась ему страшною, незамѣримою пустыней, и онъ чувствовалъ, что дѣятельность, пробужденная въ немъ любовью, уступала мѣсто апатіи и унынію. Генріэтта думала, какого счастья лишилась ея проступокъ ея, какъ гордилась бы она его любовью, если бъ была чиста и могла отвѣчать ему; и ея слезы были горче его слезъ, потому-что скорбь о прошедшемъ тяжелѣе скорби о будущемъ.

Фридрихъ склонился на стулъ возлѣ окна; Генріэтта подошла къ нему и тихо положила на плечо его руку. Онъ издрогнулъ и поднялъ голову, но тотчасъ же опустилъ ее и покачалъ ею съ недоувѣрчивостію. — Не говорите со мною, сказалъ онъ: — оставьте меня, какъ сами хотѣли. Теперь я не хочу васъ слушать. Что можете вы мнѣ сказать новаго? Вы станете унижаться и унижать меня въ любви моей. Не-уже-ли вы не чувствуете, жестокая, какъ я васъ люблю, и какъ каждое слово ваше, вмѣсто того, чтобы оттолкнуть меня, только глубже вонзаетъ мнѣ въ сердце чувство, которое не можетъ изъ него выйдти? Вы одна въ мірѣ, бланшь всѣми покинуты; тѣмъ болѣе вы достойны уваженія: вы испытаны. Сколько людей одолжены своему гордою добродѣтелию единственно отсутствію опасностей, которымъ сама молодость была отдана безъ защиты! Сколько людей, павши разъ, пали бы еще ниже, а не поднялись бы, какъ вы! Не старайтесь же убедить меня, говорю я вамъ; вамъ не удастся. Увѣжайте, если вы уже хотите этого, но увѣжайте, не измѣняя своего образа въ сердцѣ моемъ.

— А если я останусь, Фридрихъ? произнесла она такъ тихо, что онъ едва ее слышалъ. Онъ всталъ и посмотрѣлъ на нее съ страннымъ выраженіемъ радости.

— Не обманывайте меня! Вога ради, не обманывайте! воскликнулъ онъ.

Она была такъ прекрасна, такъ тронута и чистосердечна, что онъ не сомнѣвался долѣе и бросился на колѣни благодарить ее. Онъ называлъ ее вѣжливѣйшими именами, произносилъ священнѣйшія клятвы, говорилъ о своихъ мученіяхъ, о вѣчномъ несчастіи, если бы она удалилась отъ него.

— Я не могу выразить моего счастья, прибавилъ онъ:—но взгляните на меня, Герриетта, и судите, если можно, о его безпредѣльности!

Наконецъ, онъ такъ щедро пролилъ вѣжное чувство изъ сердца, показалъ ей будущность столь прекрасною и оправдалъ прошедшее до такой степени, что бѣдная дѣвушка начала сама себя прощать и предалась очарованію взаимной любви.

Еслибъ намѣренія Фридриха не были такъ чисты, Герриетта была бы меньше-довѣрчива. После борьбы, въ которой разсудокъ одержалъ победу и заставилъ ее бѣжать, она не сомнѣвалась въ своемъ торжествѣ. Положеніе этихъ двухъ любящихъ существъ не было бы такъ опасно, еслибъ страхъ ихъ передъ самимъ-собою не засыпалъ и не удержалъ отъ скользкой тропы, на которую они вступали. Но любовь ослабляла ихъ, и, какъ обыкновенно случается, осторожность была всего-необходимѣе въ ту самую минуту, когда они считали себя въ опасности. Они должны были бы обдумать, что за битвою слѣдуетъ усталость, и что тогда все покоряется страсти, на минуту сдержанной, но послѣ дѣйствующей тѣмъ сильнѣе. Они думали только о счастьи, подготовленномъ для будущаго; прошедшіе дни казались имъ грустными сномъ, отъ котораго они теперь пробудились, тогда-какъ будущность расцвѣчивалась яркими красками надежды, и мечтая о будущемъ, они забыли настоящее, забыли необходимую скроенность и терпѣніе. Они пали, но пали, какъ падаютъ въ самой первой молодости, отъ избытка простоты и довѣрчивости. Они принадлежали уже одинъ другому, когда одинъ еще и не думалъ; другая не опасалась. Свѣтъ могъ бы остановить ихъ своимъ взоромъ, но для нихъ онъ не существовалъ. Фридрихъ едва зналъ его, Герриетта видѣла только надалѣ. Кромѣ того, требовалось еще, чтобъ и природа не была соучастницею ихъ восторга. Надо было не довѣрять очарованію весны, уповательнымъ ароматамъ новой зелени, живымъ испареніямъ земли, готовой пустить отарыски изъ сокрытыхъ въ ней сокровищъ. Надо было закрыть глаза, закрыть всѣ чувства предъ дивною картиною пробужденія природы послѣ долгаго, холоднаго сна зимы, — не дышать благоуханнымъ воздухомъ, не вслушиваться въ пѣснь соловья,

пѣвниго любовь свою. Напротивъ, эта марія окружала ихъ всюду. Никогда еще весна (такъ казалось имъ) не была такъ прекрасна, не производила столько цвѣтовъ; лиліи распускались; гіацинты разливали свой острый запахъ; ночи были тихи и ласки; вся природа любила, пѣла и говорила: «люби!» Это этого слова не могло не раздаваться въ сердцахъ ихъ; души ихъ не могли не слиться въ одномъ непобѣдимомъ стремленіи. Эта минута довершила счастье Фридриха, навсегда упрочивъ для него благо, котораго онъ постоянно боялся лишиться. Генріэтта была въ отчаяніи; но для любовника въ слезахъ павшей женщины заключается упоительное, возбуждающее очарованіе. Она думала, что скорѣе умереть, чѣмъ отдаться такимъ образомъ, но она рассчитывала безъ любви, и любовь отомстила, доказавъ ей свое могущество. Не разъ плакала она молча въ его объятіяхъ, когда онъ клялся ей въ вѣрности и уваженіи...

— Милая Генріэтта, говорилъ онъ:—не думай, чтобъ я уважалъ тебя меньше прежняго. Я не изъ тѣхъ, которые обѣщаютъ съ глухимъ умысломъ не исполнить своего слова. Мы предупредили время; мы только ускорили наше счастье.

Потомъ онъ говорилъ о желаніи своемъ соединиться съ нею и успокивалъ ее на счетъ будущности; но она оплакивала прошедшее, невозвратное прошедшее; ей казалось, что онъ отнял у нея право требовать, и принимала обѣщанія его какъ неослуженныя благодѣянія. — Я не возвращусь въ Гейделъбергъ, сказала она. — Я не хочу, чтобъ мои знакомые перестали уважать меня. Ваши друзья отпустятъ по шлюской шуткѣ и запятнаютъ любовь нашу...

— Ты права; я и самъ думалъ объ этомъ, сказалъ Фридрихъ мое пребываніе здѣсь кончилось. Отецъ мой желаетъ, чтобъ я поѣхалъ въ Италію; ты поѣдешь со мною. Тамъ небо такъ чисто, искусства такъ возвышены, что любовь наша будетъ имѣть свидѣтелей, достойныхъ ея.

Генріэтта согласилась. Фридрихъ возвратился въ Гейделъбергъ, чтобъ приготовить все къ своему отъезду. Оставшись одна, Генріэтта написала къ доктору, просила его не покидать двухъ блондинъ ея сердцу и почаще сообщать ей о нихъ извѣстія. Въ заключеніи она говорила: «Я выжила съ цѣлью посетить васъ; теперь я должна отказаться отъ этого намѣренія, которое было для меня такъ заманчиво; еслибъ мнѣ и не позволено было увидѣть сестру, я обняла бы по крайней мѣрѣ дитя мое. Уми! оно, конечно, не узнало бы меня!..»

Она заплакала отъ угрызенія совѣсти.—Вѣдное дитя, думала она:—не-уже-ли я оставляю его? Она чувствовала въ немъ что-то свое...

двѣднее, любовь поцолать съ горечью, — и это часто пугало ее. Въ эту минуту, она думала только о добротѣ сердца и невинности этого маленькаго существа, которому она была единственною подперою къ мирѣ. Между-тѣмъ, воротился Фридрихъ; онъ былъ такъ счастливъ, такъ снѣжиль возвратиться къ ней, дышалъ такою любовью, что она не могла думать ни о чемъ, кромѣ его, и, неудержимо увлекаемая страстью, ввѣрилась его рукъ, неразлучной отмытъ съ ея рукою. Фридрихъ наскоро сдѣлалъ свои приготовления. Со времени отъѣзда Антонію, онъ почти вовсе потерялъ изъ виду студентовъ. Прощанія его были непродолжительны; онъ не хотѣлъ, однакожь, забыть тѣтки Маріанны и отправился въ Мангеймъ. Онъ нашелъ ее почти совершенно оправившеюся, и по обыкновенію болѣе расположенною говорить о немъ, чѣмъ о себѣ. Отъѣздъ Фридриха не удивилъ ее; она знала планы отца его. Она не спрашивала его о такой быстрой перемѣнѣ, о рѣшимости ждать, что прежде, казалось, тревожило его такъ сильно. Восторженности Фридриха, жаръ, съ которымъ онъ говорилъ объ этой перемѣнѣ, не ускользнула отъ ея вниманія; она наблюдала его молча и ждала, что онъ, можетъ-быть, откроется передъ ней, но не дѣлала вопросовъ. Можетъ-быть, она и не желала услышать признанія въ поступкѣ, который осудила бы, не имѣя власти отвратить его. Только, при прощаніи, она была еще важнѣе обыкновеннаго.

— Ступай, любезный Фридрихъ, сказала она: — и возвратись человѣкомъ. Учися, удивляйся искусствамъ, узнавай жизнь, и не теряй изъ вида ни зелени, ни общества, прибавила она, кротко улыбаясь.

Фридрихъ съ чувствомъ обнялъ эту женщину, перваго друга своего, первую душу, которой высказалась его душа. Но, оставивъ Мангеймъ, онъ снова весь принадлежалъ Генріеттѣ. Ничто не привлекало его къ Гейдельбергу, и онъ оставилъ его безъ сожалѣнія; только въ ту минуту, когда развалины стараго замка готовы были скрыться отъ глазъ его, онъ обернулся, взглянул на него еще разъ, и, вспоминая явленіе Генріетты, приветствовалъ поэтическую колыбель любви своею, озаренную лучами утренняго солнца.

VII.

Теперь началась для Фридриха и Генріетты жизнь новая, какой она до сихъ поръ и не подозрѣвали, — жизнь упительная, полная обаянія, полная счастья, соучастницею котораго была вся природа.

Подобно узникамъ, внезапно пораженнымъ лучами дня, они оглядывались въ изумленіи и замѣтили, что каждая вещь въ мірѣ только теперь явилась имъ въ своемъ истинномъ видѣ и значеніи. Безчисленные таинства любви, разсыпанные творцомъ по міру, вдругъ разоблачились, и они пришли въ такой восторгъ и такъ исполнились чувства благодарности, что плакали отъ счастья въ объятіяхъ другъ друга. Путешествіе ихъ было рядомъ живыхъ, новыхъ ощущенийъ, до такой степени очищенныхъ красотой природы и искренностью ихъ любви, что они забыли самую преступность этой любви и сочли ее за добродѣтель.

Они путешествовали по Швейцаріи большею частью вѣжкомъ. Безъ мысли о ждущей ихъ Италіи, они, можетъ-быть, не могли бы оторваться отъ созерцанія прекрасныхъ озеръ, горъ, и особенно этихъ свѣжихъ, уединенныхъ хижинокъ, въ которыхъ, подобно всемъ влюбленнымъ, узнавали давно-знакомую мечту. Въ кантонѣ Валлисѣ, Фридрихомъ овладѣло какое-то безпокойство. Онъ вопрошалъ каждый лучъ, каждое дыханіе вѣтра, какъ-будто они должны были принести ему неизвѣстный дотоле свѣтъ или благоуханіе. Итакъ, онъ скоро коснется этой желанной земли, куда манили его прежде столько воспоминаній! А теперь онъ отдалъ бы ихъ все за одно сладкое мгновеніе настоящаго. Онъ уже не думалъ о ея торжественныхъ развалинахъ, о мужественныхъ герояхъ древности; онъ мечталъ о ея апельсинныхъ рощахъ, объ анемонахъ луговъ ея; онъ населялъ ихъ идеальными красавицами ея великихъ живописцевъ или великихъ поэтовъ, но ни одна красавица не могла сравниться съ его Генриэттой.

Они проѣхали симплонскую дорогу; открытыя всякому впечатлѣнію, души ихъ дрожали въ утесахъ. То склонясь надъ бездною, то скрытые въ глубинѣ сводовъ, освѣжаемые брызгами водопада или освѣщенные гигантскою скалою, они не знали, чему удивляться больше: гордому ли сопротивленію природы, или смѣлости побѣдившаго ее человѣка. Освѣщенные ихъ любовью, никакая красота, никакое несчастіе не были для нихъ полны. Они обладали такимъ сокровищемъ радости, что живо понимали чужое горе, и, сравнивая его съ своимъ блаженствомъ, чувствовали потребность заслужить прощеніе за это счастье.

То они всходили, какъ легкія серны, на вершины горъ, то въ тревожномъ молчаніи сидѣли у живаго источника, подъ таинственными елями. Всегда и вездѣ, среди дѣятельности и отдыха, ихъ одушевляла одна и та же мысль, и бросала очаровательный отблескъ на каждый предметъ, побуждала ли она ихъ ускорять шагъ или предаваться тишинѣ отдыха. Самые простые факты принимали для нихъ новую жизнь, увлекательный интересъ; все дѣла-

зесь предметомъ воспоминаній: пастухъ, вечерней порою ведущій свое стадо домой, далекая, меланхолическая пѣснь, скользящій въ окно утренній лучъ, милостыня, поданная бѣдному на дорогѣ. Двадцать разъ въ день являлись на лицѣ ихъ улыбка, удивленіе, даже сладкое умиленіе. Жизнь есть душевное движеніе, чувство, трепетъ сердца, слезы на рѣспяцахъ, и мертвъ, истинно-мертвъ тотъ, кто ничему не смѣется, кто ни о чемъ не плачетъ.

Однажды вечеромъ, они остановились на склонѣ невысокой горы; трава, усыпанная фіалками, разстилалась благоухающимъ ковромъ, наия къ отдыху; нѣсколько дубовъ, покрытые еще молодою, легкою зеленою листвень, оживляли мѣстность, изрѣдка прерывая ея однообразіе. На полугорѣ выгладывала досчатая кровля и прозрачныя перила вновь отстроенной хижины; впереди разстилалась тучная пастбища, шумѣли ручейки; дальше — прелестная долина, окруженная на горизонтѣ величественными вершинами снѣговыхъ горъ. Все въ этой картинѣ было важно и нѣжно. Даже и часть дня увеличивалъ красоту ея: было еще довольно-свѣтло; всѣ предметы можно было различать ясно, но уже чувствовалось приближеніе ночи, и предвѣстница ея, тишина безмятежнаго вечера, спустилась съ небесъ на землю; птицы перестали пѣть, насѣкомыя не жужжали уже вокругъ цвѣтовъ, вѣтеръ стихъ, сосны замолкли. Фридрихъ и Герриетта созерцали этотъ прекрасный ландшафтъ, и какая-то грусть счастья проникала въ ихъ сердце; настоящій часъ былъ прекрасенъ; какое-то тайное предчувствіе, что онъ скоро пройдетъ, нарушало слегка его очарованіе и дѣлало его тѣмъ драгоцѣннѣе; они уже нѣсколько времени не говорили ни слова, но руки и души ихъ были вѣстѣ. Сладкую мечту ихъ вдругъ нарушилъ судорожный хохотъ, раздавшійся у нихъ надъ ухомъ. Они увидѣли передъ собою одного изъ тѣхъ несчастныхъ, которыхъ Богъ указываетъ мѣсто среди возвышеннѣйшихъ красотъ своего созданія, чтобъ показать, какъ мы ничтожны, когда отклоняется отъ насъ Его десница. Онъ былъ безобразенъ; мутный взоръ его, устремленный на Герриетту, не замѣчалъ красоты ея; онъ смѣялся, самъ не зная чему; онъ плакалъ, тоже не зная о чемъ.

— Убирайся прочь! сердито сказалъ Фридрихъ.

Идіотъ продолжалъ смѣяться и не трогался съ мѣста.

— Милый Фридрихъ, сказала Герриетта самымъ кроткимъ голосомъ:— онъ такъ жалокъ, а мы такъ счастливы!..

Она высыпала деньги изъ своего кошелька въ руку бѣдняка, который не умѣлъ даже поблагодарить ее. Богъ видѣлъ ее, и это было довольно; Онъ увѣлялъ, можетъ-быть, всю природную чистоту ея сердца, весь возвратъ къ добру, и простилъ ей любовь, источникъ этой доброты.

Фридрихъ смотрѣлъ на нее съ чувствомъ: эта была рука бѣды, грубой руки безумнаго, любящій взоръ, устремленный въ его тусклые глаза, красивая головка возлѣ болѣзненной его фигуры составляли рѣзкую противоположность. Въ душѣ невольно пробуждалась мысль о небесномъ посланникѣ, утѣшителѣ несчастныхъ; онъ сказалъ ей:—Ты добра какъ ангелъ; ты навсегда будешь моею, не правда ли? Ты никогда не покинешь меня? Безъ тебя, мнѣ кажется, все, что я теперь такъ хорошо понимаю и чувствую, улетѣть безвозвратно. Онъ все относилъ къ любви своей, и, взглянувъ на безумнаго, лепетавшаго какіе-то невнятные звуки, сказалъ:—Бѣдняжка! Дѣйствительно, кто станетъ любить его и кого онъ можетъ любить?

Такъ совершалось въ этихъ сердцахъ медленное, но удивительное перерожденіе. Фридрихъ, возвративъ Генріэттѣ уваженіе къ самой-себѣ, возвратилъ ей всѣ благородныя стремленія, жившія въ душѣ ея; она, оторгнувъ его отъ обманчивыхъ наслажденій, отъ опасныхъ удовольствій, возвратила его на путь, избранный сначала собственнымъ его духомъ, и сопутствовала ему, поддерживая его какъ живая муза. Наконецъ, они коснулись поэтической земли Италіи... Появившаяся предъ ними страна одержала все, что обѣщало имъ воображеніе. Ночью прибыли они въ Бадену, на берегу озера Маджоре; уставъ съ дороги, они уснули, полные шума ручьевъ, блуждавшихъ безпрестанно вдоль дороги, и вида скалъ и мрачныхъ сосенъ. Пребужденіе на другое утро было упомительно: прекрасное озеро блестяло подъ ихъ окнами. Утреннее солнце разсыпало алмазы по его легкимъ голубымъ волнамъ. Пахучія ветви аюльсина и лимона врывались въ полураскрытыя рѣшетки оконъ. Лодки быстро скользили по лазури водъ, и даже въ грубыхъ пѣсняхъ рыбаковъ нельзя было не узнать самаго мелодическаго изъ языковъ.

— О, Генріэтта! какъ это прекрасно! воскликнулъ Фридрихъ.

Она поцаловала его въ лобъ.

— Все прекрасно съ тобою, отвѣчала она. Она все видѣла сквозь любовь свою.

Возвратившись ввечеру домой, они, стоя на балконѣ, вдыхали ароматы, приносимые къ нимъ съ Изола-Белла и съ Изола-Мадра, этихъ двухъ раявъ, посвященныхъ нимъ въ тотъ же день.

— Это озеро чисто, какъ наша любовь, сказалъ Фридрихъ: — прекрасные плоды растутъ на берегахъ его; здѣсь жизнь сладка и можетъ быть укрыта отъ злаго міра. Почему бы не избрать намъ этого мѣста для жизни, молвой счастья, когда Богъ благословитъ его?

Эти послѣднія слова были согласны съ жарчайшимъ желаніемъ Генріэтты: принадлежать ему безъ стыда, соединиться съ нимъ на

звук! Она ничего не отвѣчала, но покраснѣла и укрыла лицо на груди Фридриха. Сильная радость такъ сходна съ печалью, что она начала плакать. Фридрихъ прикрылъ ее руками, и она заснула, не встав.

Слова Фридриха о союзѣ ихъ предъ лицомъ Бога были чисто-сердечны. Это было его желаніе и надежда: жить и умереть съ Генриеттой. Великая другая мысль была для него ненавистна, и онъ не могъ остановиться на ней ни на минуту. Но, размышляя о средствахъ исполнить свое желаніе, онъ встрѣчалъ тысячу препятствій. Одного письма отъ барона было достаточно, чтобъ открыть ему длинную перспективу препятствій, которыя должно побѣдить, и онъ съ трепетомъ спрашивалъ у самого-себя: достанетъ ли у него на это силъ и мужества? Впрочемъ, эти минуты сомнѣнія были непродолжительны, и воображеніе быстро прилетало на помощь любви его.

Фридрихъ сказалъ Генриеттѣ, что небольшое наследство, ѿ котораго онъ только-что получилъ извѣстіе, даетъ ему возможность посвятить ихъ путешествію: нѣсколько-больше времени, и денегъ, чѣмъ онъ думалъ сначала. Всегда гордая, она хотѣла уравнивать ихъ сиротнымъ доходамъ; и они условились, что какъ-только побѣдутъ окончательно мѣсто для своего жителства, она снова прійдется за свое обычную работу. Фридрихъ соглашался съ нею, въ каждомъ желаніи ея видѣлъ новую причину любви ее; и скрывалъ отъ нея свое состояніе только для того, чтобъ не испугать ея излишней восприимчивости. Они съ наслажденіемъ продолжали свое путешествіе и любовниками посвятили прекрасную Италію. Они всегда готовы были удивляться ея многочисленнымъ чудесамъ искусства; красота никогда не встрѣчала двухъ душъ, болѣе-способныхъ ее чувствовать. Генриетта изъясняла все своимъ сердцемъ, и она легко постигала гений сердцемъ, чѣмъ другіе постигаютъ умомъ и наукой. Мысли ея были такъ простодушны, что всегда были въ уровень съ возвышеннѣйшими твореніями художниковъ, потому-что душа искусства есть простота. Фридрихъ не могъ надѣвиться яркостью ея взгляда, быстротѣ ея пониманія,

— Я не остроумна, увѣряю тебя, говорила она ему съ очаровательною граціей: — но я люблю тебя и ценю тебя теперь বেশи, о которыхъ прежде и не думала бы. Въ картинахъ, въ статуяхъ, я вижу тебя; каждую величавую голову сравниваю я съ твоею; въ каждомъ прекрасномъ мѣстоположеніи замѣчаю мѣсто, гдѣ мы стоимъ. Ты точно какъ-будто открываешь для меня врата свѣта; но не будь тебя со мною, и я чувствую, все угаснетъ тогда, или, лучше сказать, я закрою глаза, чтобъ не видѣть ничего послѣ тебя.

Согласно своему намеренію, они возвратились на берега озер Маджіоре и въ нихъ тѣни искали гнѣздышка, гдѣ бы укрыть любовь свою. Въ небольшомъ заливѣ, окруженномъ ароматическими кустарничкомъ, они нашли осуществленіе мечты своей: красивый домикъ, съ кровлею, сложеною въ видѣ террасы, чистый, уединенный, небольшой. Тамъ они поселились; тамъ дни текли для нихъ такъ быстро, что приближалась уже осень, а они все еще думали, что только начинается весна.

У счастливыхъ народовъ нѣтъ исторіи. Чтѣ сказать о быстролетныхъ дняхъ двухъ любовниковъ, упоенныхъ другъ другомъ? Для этого, надо разспросить мимолетное облако, за которымъ следить два неразлучные взора, схватить въ пространство волнуемый ароматъ, исчислить бѣненіе этихъ симпатическихъ сердецъ, и все это не изяснило бы и слабѣйшаго пожатія ихъ краснорѣчивыхъ рукъ. Впрочемъ, эти сладкіе восторги наполняли не все часы Фридриха. Основываясь нѣсколько со счастьемъ, Генриетта хотѣла упрочить его, основывая на сознаніи исполненнаго долга. Она сама распределяла часы Фридриха и хотѣла, чтобъ онъ занялся полезнымъ. Непокорный ученикъ, сколько разъ бросалъ онъ заданную работу и подходилъ къ той, которая поручила ему ее! Но кротко и повелительно указывала она ему на столъ, открытую книгу, начатую страницу, и должно было повиноваться. Зато, съ какою радостью встрѣчалъ Фридрихъ часъ, снова ихъ соединившій! «Дѣлать часъ не говорить съ тобою, — это долгая разлука!» говорилъ онъ. Эти небольшія лишения не допускали до пресыщенія и возвышали наслажденія во время отдыха.

Однажды, возвращаясь съ одинокой прогулки, Фридрихъ былъ пораженъ неожиданною встрѣчей. Замѣтивъ въ некоторомъ разстояніи церковь монастыря, онъ сдѣлалъ обходъ, чтобъ посвятить ее. Онъ вошелъ. Служба кончилась; никого не было внутри, и церковь заключала въ себѣ ничего замѣчательнаго. Онъ хотѣлъ уже выйти, какъ вдругъ замѣтилъ, что дверь въ ризницу полуоткрыта. Вспомнивъ, что въ Италіи лучшія произведенія искусства часто заброшены куда-нибудь въ уголокъ, ему захотѣлось заглянуть туда. Побоявшись, его было награждено: онъ очутился предъ «Святителемъ свя. Юргомъ», произведеніемъ, какъ ему показалось, первоначальной флорентинской школы. Картину поправляли. Фридрихъ долго ее разсматривалъ. Съ некотораго времени, въ немъ пробудился живой вкусъ родъ страсти ко всему прекрасному. Это походило на откровеніе. Только иногда удивленіе оканчивалось грустью, которой онъ не могъ изяснить, и онъ возвращался задумчивый, явившись сначала энтузіастомъ. Неуставившаяся натура искала пути далося. Море

удивленіе, — все возвышало серьезное впечатлѣніе. Фридрихъ разсматривалъ старинную живопись съ грустнымъ вниманіемъ.

— Какъ тебѣ нравится эта древняя картина, другъ Фридрихъ? произнесъ за нимъ знакомый голосъ. Онъ быстро оглянулся и вскрикнулъ отъ удивленія, увидѣвъ Антонію. Они обнялись. Живописецъ былъ не одинъ: съ нимъ была какая-то женщина.

— Это Фіаметта, сказалъ онъ своему другу. — Пламя, отъ котораго происходитъ ея имя, не живѣе и не пламеннѣе ея. Честь мнѣю представить: это моя подруга, моя модель, — все, что угодно.

Дѣйствительно, нельзя было выбрать лучшей модели. Она была въ одинаковомъ костюмѣ съ Мадонною на картинѣ, колѣнопреклоненною предъ Христомъ. Долгія складки краснаго шелковаго платья еще болѣе возвышали блескъ ея фигуры. Изъ большихъ черныхъ глазъ ея сверкали влажныя молніи; волосы роскошными косами упали на плечи, и полураскрытая грудь носила на себѣ горячій колоритъ солнца итальянскаго. Она склонилась, какъ прекрасная статуя, надъ сломанною колонною.

— Откуда ты? Куда ты? продолжалъ Антонію. — Вотъ ставшая встреча! Счастье намъ благопріятствуетъ: жизнь устроена такъ, что равнодушныхъ вѣчно встрѣчаешь опять, а друзья расстаются, не зная, сведетъ ли ихъ когда-нибудь судьба.

— Я изъ Милана и ѣду въ Женеву, отвѣчалъ Фридрихъ, но желалъ выдать тайны своего счастья.

— Тамъ хуже, потому-что я только-что оттуда. Я пріѣхалъ сюда только исправить эту картину и потомъ отправляюсь въ Неаполь, гдѣ жизнь такъ хороша, климатъ такъ ливонъ, душа такъ сладко ливится.

— Я тоже былъ въ Неаполѣ и оставилъ его съ сожалѣніемъ.

— Ты позволишь мнѣ продолжать, не правда ли? Это не помѣшаетъ намъ разговаривать. Фіаметта! теперь мнѣ нужна рука твоя.

Итальянка подошла и стала, какъ хотѣлъ живописецъ.

— Какъ жаль! продолжалъ Антонію; рисуя. — Встрѣтиться такъ часто и расстаться такъ скоро!

— Мнѣ самому это жаль, отвѣчалъ Фридрихъ: — но такъ-какъ времени у насъ мало, не будемъ же его терять и разскажемъ другъ другу о своей жизни. Что ты дѣлалъ со времени отъѣзда изъ Гейдельберга?

— О! очень-мало. Я возвратился на родину, въ Римъ. Тамъ написалъ я нѣсколько картинъ для монастыря почтенныхъ братій. Но что за окука эта священная живопись! Потомъ я уѣхалъ въ Неаполь, куда постоянно влечетъ меня какая-то тайная сила. Однажды вечеромъ, въ Сорренто, подъ цвѣтущимъ апельсинамъ, я встрѣтилъ Фіаметту: она танцевала тарантеллу. Я нашелъ, что она пре-

красна, сказалъ ей это, и она не рассердилась. На другой день, мы уѣхали въ Миланъ, гдѣ я хотѣлъ изучить Гверчиніевъ. Ты видишь, это очень-просто.

— Да, очень-просто; сказалъ Фридрихъ, задумавшись отъ ея разсказа.

— А ты? продолжалъ Антонио. — Съ тобою что было?

— Я? отвѣчалъ Фридрихъ. — Моя жизнь была еще проще. Я оставилъ Гейдельбергъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ тебя. Ты знаешь, отецъ мой хотѣлъ, чтобъ я путешествовалъ: я пріѣхалъ въ Италию, и съ-тѣхъ-поръ, какъ здѣсь, удивляюсь ей. А! другъ мой, что за блаженная страна! Какъ счастливъ тотъ, кто можетъ умереть здѣсь!

— Жить прежде всего, чортъ возьми! Нигдѣ не встрѣтишь ты такихъ чистыхъ ночей, такихъ сговорчивыхъ красавицъ. Кстати, что твоя любовь, твоя красавица?

— Что ты хочешь сказать? отвѣчалъ Фридрихъ покраснѣвъ. Къ счастью, Антонио не оглянулся.

— Э! Боже мой! Молодая мать... въ старомъ замкѣ... Неужели ты забылъ?

— А! помню. Что тебѣ сказать? Нельзя долго быть влюбленнымъ въ вѣдуню; я никогда не встрѣчалъ ея болѣе.

— Счастье твое! Ты былъ на большой дорогѣ въ пощипной страсти. Помнится, ты провинился даже какія-то кляты. Что дѣлать? У всякаго есть свое время нравственности. Впрочемъ, эта блудура Нѣмка была хороша собою, настоящая головка мадонны. Успокойся, Фіаметта, я говорю съ художнической точки зрѣнія. Кто знаетъ? Ты считалъ ее ангеломъ; найди ты ее опять, ты заметишь бы у нея, можетъ-статься, ногти вмѣсто крыльевъ, — и разочаровался бы; однако изъ нея вышла бы чудесная любовница. Знаешь ли? Еслибъ ты увезъ ее съ собою, мы встрѣтились бы теперь и повеселились бы вмѣстѣ; это было бы недурно. Только, можетъ-быть, подъ конецъ мы обмѣнялись бы; Фіаметта не смотритъ съ тебя глазъ. Отдажи, душа моя, и безоднуй насъ слава-кми слава-кми.

— Все тотъ же! сказалъ улыбаясь Фридрихъ.

— Всегда веселый и любящій жизнь. За твое здоровье, Фридрихъ! Фіаметта неподкуетъ и тебя.

Итальянка взяла венеціанскій сосудъ, эмальированный въ видѣ цвѣтка, и подняла флаконъ съ виномъ, изящный формою и оплетенный въ солому. Эта поза выказывала всю роскошь ея стана и красоту рукъ.

— Не правда ли, она чудо-какъ хороша? спросилъ Антонио.

Что бы ты сказала, увидявъ его въ костюмъ интеллигентскаго костюма? Смотри, что за составы, что за шюа, что за плечи!

Фіаметта даже не краснѣла. Фридрихъ смѣшался: онъ не понималъ этого удовольствія: разоблачать любимую женщину, звать тонъ и жесты тайно оттаивали его; онъ сохранилъ всю скромность истиннаго чувства и находилъ такое несходство между тѣмъ, что слышалъ, и обыкновеннымъ образомъ своихъ мыслей, въ своей новой жизни, что почувствовалъ что-то грустное.

— А что твое искусство? спросилъ онъ Антонію, чтобы переменить разговоръ.

— Искусство мое? отвѣчалъ онъ. — Я люблю его по-прежнему, особенно здѣсь, гдѣ я понимаю его лучше, нежели въ нашей туманной Германіи. Ваши чопорныя, блѣдныя дѣвы, ваши долговазья красавицы, — все это не стоитъ ни Венеры Тиціана, ни празднествъ Веронеза. Жизнь, краски — вотъ живопись, а не худыя, задумчивыя головки, бѣдныя формы, души безъ тѣла. Да, я люблю мое искусство, допускающее широкій разливъ всехъ страстей, всехъ чувствъ. Я люблю мое искусство, полное приключеній существованіе живописца, его свободу, его прихоти, не прикованныя къ протоптаннымъ дорожкамъ!

Онъ продолжалъ говорить въ этомъ духѣ и снова жаловался на врожденную ему жавость, свою теорію развитія способностей художника среди чувственной, безпечной жизни; потому что онъ показывалъ Фридриху нѣсколько рисунковъ изъ своего портфеля. Среди произведеній необузданнаго воображенія, было нѣсколько очерковъ смѣлыхъ, но нѣсколько не возвышенныхъ, — типы обыкновеннаго, формы съ утрированной полнотою, смѣсь красокъ безъ гармоніи, часто изображенія оргій или гаремовъ и нагихъ женщинъ, — наготы безъ граціи и безъ стыда. Фіаметта повторялась на тысячу манеромъ. Фридрихъ напрасно искалъ въ этомъ хаосѣ мысли, оригинальной системы, слѣда глубокаго чувства. Онъ находилъ только неясность и безпорядокъ, разнообразное вліяніе недостатковъ, а не достоинствъ каждой школы. Вотъ умирающій духъ! подумалъ онъ печально.

Они разговаривали еще долго. Прощаясь, друзья обнялись какъ братья.

— Прощай, сказалъ Антонію: — кто знаетъ, когда мы увидимся опять? Ты не измѣнился: ты тотъ же Нѣмецъ, мечтатель, любовникъ идеала.

— Прощай! сказалъ Фридрихъ: — ты остался тѣмъ же насмѣшникомъ и поклонникомъ исключительно одной формы. Помни только, что даже и въ живописи нельзя забывать душу.

Они разстались съ мыслью, что, конечно, никогда больше не

увидятся. Каждый, впрочемъ, понималъ, что путь его опредѣляетъ, и что ихъ не должно сближать. Чувства ихъ различались слишкомъ-много; дружба, можетъ-быть, не устояла бы. Церковь, изъ которой вышелъ Фридрихъ, стояла на небольшомъ пригоркѣ; сходя въ долину, гдѣ она должна была скрыться отъ глазъ его, онъ оборотился и махнулъ платкомъ въ знакъ прощанія. Антонио продолжалъ его глазами, опираясь на плечо неподвижной Фанетты. Платье, волновавшееся на прекрасной Итальянкѣ, живописными складками ниспадало до ногъ ея; заходящее солнце ярко ее озарило.

— Эта женщина его злой геній, думалъ Фридрихъ.—Страстная, дивно-красивая, неотличающаяся, конечно, ни умомъ, ни сердцемъ (какъ онъ съ нею обращается!), она владѣетъ имъ и приковываетъ его къ себѣ удовольствіемъ. Странность онъ принимаетъ за оригинальность; необузданная страсть увлекаетъ его, и онъ забываетъ серьезную сторону своего искусства. Время ли еще спасти его талантъ? И мысль его летѣла въ то же время къ той, которую онъ скоро долженъ былъ увидѣть.—Кроткая Генріэтта, признавъ онъ, говоря съ самимъ-собою:—какая разница между этою женщиной и тобою, или, лучше сказать, могу ли я васъ сравнивать?... Слова Антонио возмущали мое сердце! Ты радомъ съ этимъ твореніемъ! Бѣдняжка, ты умерла бы отъ горя и стыда!

Сердце его разливалось, и ему стало легче. Онъ походилъ на человека, который готовъ былъ задохнуться и оживаетъ на свежемъ воздухѣ. Онъ пошелъ скорѣе, потому-что шелъ къ добротѣ, нѣжности, преданности, чистымъ и спасительнымъ помысламъ. Онъ засталъ Генріэтту встревоженную его долгимъ отсутствіемъ и рассказалъ ей свою встрѣчу, не упоминая о томъ, что относилось къ ней.

— Такъ эта женщина хороша собою? спросила она краснѣя.

— Ты, ты прекрасна и добра, отвѣчалъ онъ, цалуя ее.

Бѣдняжка испытала однакоже что-то въ родѣ безпокойства. Она не смѣла въ этомъ признаться. Подозрѣніе было бы мученіемъ для любящаго сердца.

Вечеромъ, поливая цвѣты, она украдкой проронила на нихъ нѣсколько слезъ. Фридрихъ не видѣлъ ихъ; онъ ходилъ близъ нея валяясь.

— Какъ ты веселъ! сказала Генріэтта.

— Я еще никогда не чувствовалъ такъ глубоко, какъ я тебя люблю!

Онъ былъ такъ откровененъ и нѣженъ, что она успѣшила спрятать лицо на груди его, чтобъ онъ не замѣтилъ ея смущанія.

VIII.

Однакоже встреча съ Антоніо навела Фридриха на серьёзные размышленія. До-сихъ-поръ, онъ наслаждался этимъ союзомъ не думая о томъ, что свѣтъ, отъ котораго онъ жилъ такъ далеко, не признаетъ его до-тѣхъ-поръ, пока не благословитъ его Богъ и не утвердитъ законъ. Онъ вѣрилъся чистосердечности своихъ желаній, и заснулъ среди упоенія настоящей минуты. Съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ сказалъ Генриэттѣ нѣсколько словъ объ этомъ предметѣ, онъ не упоминалъ о немъ больше; но онъ чувствовалъ, что она объ этомъ думаетъ, что это ея первѣйшее желаніе, единственная помысла ея счастьемъ, и что она не говоритъ ему объ этомъ только изъ деликатности. Съ другой стороны, вспоминая бездушный образъ мыслей и жестокость нрава отца, онъ впадалъ въ смертельный ужасъ, потому-что баронъ, безъ всякаго сомнѣнія, никогда не согласится на этотъ бракъ. Только эти мысли нарушали нарѣдка ясность дней его; но онъ обыкновенно отгонялъ ихъ, и никогда не сообщалъ Генриэттѣ. Она считала его членомъ незнатной фамиліи и очень съ умѣреннымъ достаткомъ; она знала, что онъ еще очень-молодъ, что родители, конечно, не согласятся на бракъ его, и доверчиво ждала исполненія обѣщанія, котораго не требовала.

Послѣ встрѣчи съ Антоніо, Фридрихъ яснѣе увидѣлъ свое положеніе. Онъ жилъ, укрывшись съ своею любовью отъ всякаго вѣшняго шума. Внутренній Антоніо говорилъ правду: свѣтъ говорилъ, казалось, его устами. Между-тѣмъ, какъ Фридрихъ видѣлъ въ ней ангела доброты и преданности, свѣтъ видѣлъ бы въ ней просто любовницу, и, не различая доблестей и обстоятельствъ, поставилъ бы ее наряду съ Фіаметтой. Эта мысль давила сердце Фридриха; допустить ее, казалось ему, значило наругаться женщины, которую любишь. Онъ не вынесъ бы ея униженія и рѣшился не оставлять ее дольше предметомъ дурнаго мнѣнія, которое могло быть высказано при какомъ-нибудь непредвидѣнномъ случаѣ. Одна мысль поддерживала его до-сихъ-поръ среди его тайныхъ опасеній; онъ исполнилъ ее, написавъ къ тѣткѣ Маріаннѣ, снисходительность которой была ему хорошо извѣстна. Онъ писалъ со всею жаромъ страсти и юности, со всею простодушіемъ первой любви. Онъ чувствовалъ такъ глубоко, что Генриэтта сдѣлала его лучшимъ, или, вѣрнѣе, что все доброе въ немъ условлено ихъ взаимной любовью, что безъ страха рассказалъ свою жизнь и желанія. Онъ описалъ ее такую, какъ она была: кроткою, чистою, преданною, несчастною сначала и потомъ ожившею, очищенною любовью. Словомъ, онъ выказалъ ее столько необходимымъ для

своего существованія, что нисколько не сомнѣвался въ участіи тѣки, и вѣрилъ въ ея благосклонное посредничество между нимъ и отцомъ его. Письмо отправлено, и Фридрихъ, воображая, что обещаніе свою будущность, со всѣмъ восторгомъ возвратился къ настоящему.

Они весело проводили время. Мечтою Генриэтты была ферма, пивніе пѣтуха, кудаханье насѣдки, кролики, пасущіеся вокругъ нея. У ней былъ свой птичникъ; умноженіе и благополучіе валенскихъ семействъ было предметомъ безконечныхъ заботъ, заботъ, радостей. Снесенное яйцо было важною новостію. Фридрихъ улыбался ея восторгамъ и любовался чистотою ея впечатлѣній; онъ помогалъ ей въ этихъ сельскихъ занятіяхъ, но она вѣрила, что у него не достаетъ страсти, которая одна можетъ вдохнуть терпѣніе, и что онъ занимается больше ею, чѣмъ ея питомцами.

Однажды, Фридрихъ, сидя на порогѣ своего жилища, смотрѣлъ, какъ Генриэтта возвращалась изъ сосѣдней роши; онъ не могъ отъдать себѣ отчета, что она несла на головѣ; это было что-то большое, раскрашенное множествомъ различныхъ цвѣтовъ. Когда она приблизилась, онъ увидѣлъ, что это снопъ цвѣтовъ и травъ, который собрала она для своихъ кроликовъ, и вздумала нести на головѣ, по-крестьянски. Трава, перемѣшанная съ дикими растеніями, въ безпорядкѣ низпадала вокругъ лица ея, покрасившаго отъ радости и одушевленія; оно само было точно цвѣтокъ среди окружающихъ его васильковъ и мака. Прекрасныя блондурыя волосы ея развязались и волновались около плечъ. На ней было бѣлое платье, съ рукавами засучеными; красивыя руки, округляясь надъ головою, давали ей видъ древней канефоры. Она была точно олицетвореніе невинности. Фридрихъ смотрѣлъ на нее съ любовію, потому что побѣждалъ къ ней на встрѣчу; но, не помогая ещѣ снять ношу, онъ поцаловалъ ее сквозь цвѣты; она смѣясь оттолкнула его, говоря, что это предательство, что руки ея заняты, и что онъ пользуется ея беззащитностію.

Въ другой разъ, — былъ вечеръ, одинъ изъ этихъ прелестныхъ осеннихъ вечеровъ, когда жаръ кончающагося дня сливается съ ясностію наступающей ночи; они сидѣли одинъ возлѣ другаго въ глубинѣ своей маленькой комнаты, неопредѣленно устремивъ взоры на голубую линію горъ, видѣвшихся изъ оконъ. Такъ проводили они иногда цѣлые часы — молча, углубившись въ самихъ себя, но увѣренные, что думаютъ объ одномъ. Вдругъ раздались въ воздухѣ гармоническіе звуки, и они узнали «приглашеніе къ салсу» (*) Вебера, которое такъ часто слышали въ Германіи.

(*) Названіе вѣса.

Герриотта изобретены отъ высшаго волнения; Фридрихъ подбуждалъ къ нему. Это были бѣдныя музыканты, идущіе изъ Тироля. Ни ихъ былъ ихъ національный костюмъ: куртка, короткіе штаны, шбѣсъ, и островерхняя шляпа съ пухушнымъ перомъ. Инструменты ихъ были: волторна, гобой и фоготъ. Среди тишины вечера, они казались удивительно-звонки. Сначала, они проиграли интродукцію медленно и меланхолически; музыка выражала что-то въ родѣ разговора: это было приглашеніе; вдругъ, съ послѣднихъ аккордовъ, живо и легко пошла вальсъ.

— Пойдемъ вальсировать! сказала Герриотта, вставая съ дѣтскою радостью: — и они начали вальсировать. Навѣтъ былъ то крошечный, то нѣсколько-дикий; движеніе его то быстро, то медленно. Они находили неизразимое очарованіе въ воспоминаніи о далекой странѣ. Вальсъ былъ страстно Фридриха. Слышать вальсъ и не танцевать — значило для него утратитъ наслажденіе. Въ этихъ мотивахъ, въ Германіи; есть какая-то тайна меланхолическаго и грустнаго чувства, которое невозможно опредѣлить; иногда, среди быстрого рѣвѣя, вырываются ноты, жалобныя, какъ призывъ изъ неизвѣстнаго міра. Иногда еще Фридрихъ не ощущалъ ничего подобнаго. Въ этой невидимой музыкѣ, въ этомъ прекрасномъ вечерѣ, въ вѣтвяхъ померанца, льющихъ въ окно ароматы свой, въ объятіяхъ милой, которую, такъ сказать, уносила она съ собою въ воздухъ, — было какое-то упоеніе чувствъ и сердца; это было одно изъ такихъ рѣдкихъ мгновеній, когда въ совершенно въ человѣкѣ и въ природѣ, — минута, невозвращающаяся никогда больше. Душевное расположеніе, гармонія, ароматы, ясность звѣзднаго неба, воспоминаніе объ отчизнѣ, все сликалось здѣсь водно и производило чудесную связь тысячи поэтическихъ и нежныхъ ощущеній. Мало-по-малу, Герриотта двигалась медленно; наконецъ, утомившаяся, склонила голову на плечо Фридриха. Онъ взялъ ее, и сѣлъ на единственное въ комнатѣ кресло. Потомъ онъ подошелъ къ оркестру, бросилъ кошелекъ свой музыкантамъ, и, возвратясь, сѣлъ вѣкъ Герриотты на колѣни.

— Что за блаженство! сказалъ онъ. — Герриотта, съ тобою все радость. Не правда ли; вальсъ никогда еще не былъ такъ упоительнымъ?

Она нѣсколько разъ кивнула головой; не говоря ни слова. Ей какъ-будто хотѣлось удержать впечатлѣніе этого быстрого движенія; утѣшавшаго ее отъ самой-себя, отъ земли, которой она едва касалась. Какъ-будто опасаясь разогнать рой прекрасныхъ и нежныхъ сновъ, она приложила къ губамъ палецъ, въ знакъ молчанія; и закрыла глаза. Музыканты все-еще играли, удаляясь; звуки ихъ были мало-по-малу, по-временамъ долетали болѣе-гром-

кія ноты, потомъ наясные аккорды, и наконецъ все стихло... Но они еще слушали, потому-что слушали свое сердце.

Въ человеческомъ духѣ есть какая-то недоверчивость къ счастью; она поселяетъ въ немъ страхъ, едва только благополучіе его покажется ему слишкомъ-совершеннымъ. Онъ знаетъ, что въ природѣ нѣтъ ничего неподвижнаго, и что все, достигнувъ своей высочайшей точки, можетъ и должно понижаться, повинуясь роковому закону измѣнчивости. На другой день послѣ этого слишкомъ-унылаго вечера, Генриэттой овладѣла какая-то неопредѣленная печаль, которой она не могла отыскать и причины. Ничего не измѣнилось вокругъ ея, а между-тѣмъ, ей казалось, что сердце ея бьется не такъ свободно. Тысячи тягостныхъ воспоминаній мучали ее, какъ гости нѣ-въ-пору, давно-потерявшіе дорогу къ ея жилищу. Она снова проживала свою первую, скорбную часть жизни, это прошедшее, изглаженное-было изъ памяти любовью,—и она задрагивала, какъ-будто вновь должна была пасть, въ пучину угрызения совѣсти и отчаянія. Она подходила къ Фридриху; но даже лицо его, всегда пробуждавшее въ ней радость и довѣрчивость, даже и оно тяжко ее возмущало. Когда онъ съ нею заговаривалъ, она чувствовала, что не сладить съ своимъ ощущеніемъ и спрیشла удалиться подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Все это приняла она за предвѣстіе, за признаки близкой болѣзни, и надѣялась, что ее ждетъ физическое страданіе, а не несчастіе.

Около полудня, Фридрихъ пошелъ въ сосѣдній городъ за нѣсколькими необходимыми книгами. Оставшись одна, Генриэтта слѣдила за нимъ глазами, какъ-будто ей суждено было никогда больше его не увидѣть, и вспомнила тотъ вечеръ въ Гейденбургѣ, когда думала, что простилась съ нимъ навсегда. Воображеніе ея вызвало въ то же время сестру ея и ребенка, существа, любимица, правда, съ мѣньшимъ жаромъ, но незабываема ни на минуту. Востри объ нихъ получались постоянно-хорошія; ребенокъ росъ, у сестры проблескивалъ по-временамъ рассудокъ. Не смотря на желаніе увидѣть ихъ, причина страннаго безпокойства ея заключалась не въ этомъ желаніи. Въ эту минуту, она увидѣла почтальюна, приносившаго имъ обыкновенно письма, и вмѣсто того, чтобъ досрѣщитъ къ нему на встрѣчу, какъ бывало прежде, пожелала, чтобъ у него не было писемъ ни ей, ни Фридриху. Однакожь, онъ принесъ два письма. Она взяла ихъ съ тягостнымъ предчувствіемъ и молча разсматривала ихъ нѣсколько минутъ. Оба были отъ лица, дочерекъ котораго она знала очень-хорошо—отъ тѣтки Фридриха; по се удивило, что одно изъ нихъ было адресовано на ея имя. Фридрихъ всегда говорилъ ей, что, не надѣясь по молодости своей получить немедленное согласіе своихъ родственниковъ на бракъ и не жалея прѣ-

тогда выдать тайну любви своей, онъ не говорилъ о пей никому. Его предположеніе было, чтобъ она возвратилась въ Гейдельбергъ и начала жить по-прежнему; тамъ онъ какъ-будто познакомится съ нею мало-по-малу, и наконецъ, признавшись своему семейству въ чувствахъ къ ней, получить согласіе на бракъ. Такой обманъ стоилъ для нихъ много, но они чувствовали его необходимость. До-сихъ-поръ, все служило въ ихъ пользу; ничто не разоблачало тайны, которою они облеклись. Какъ же изъяснить это письмо? Генріетта, дрожа, распечатала его и начала читать со страхомъ; она наумилась его содержанію, поблѣднѣла и опустилась въ кресла, будучи не въ состояніи держаться на ногахъ. Однакожъ, она сдѣлала надъ собою усиліе, и продолжала читать. Искусственная бодрость поддерживала ее до конца; но при послѣднихъ словахъ, голова ея закинулась назадъ, и она вовсе лишилась чувствъ. Письмо выпало изъ рукъ ея на полъ. Это письмо уничтожило все радости жизни. Оно было коротко; но каждое слово въ немъ разрушало по надеждѣ. Написанное со всею добротою симпатической души, оно ранило тѣмъ глубже, потому-что все удары его были метки. Генріетта разомъ узнала и санъ Фридриха и препятствія, разлучавшія ихъ навѣки. «Я знаю» говорила въ заключеніе тѣтка Маріанна: «я знаю отъ Фридриха о всѣхъ вашихъ достоинствахъ, и вѣрю имъ. И я пишу къ вамъ съ уваженіемъ, доверчиво обращаюсь къ вамъ съ просьбою. Рѣшите сами: въ вашихъ рукахъ участь вашего ребенка. Онъ обратился ко мнѣ — это доказываетъ его чистосердечность. Онъ обожаетъ васъ — я уверена, что вы этого достойны; но взгляните, что его окружаетъ: образъ мыслей отца его, мнѣніе свѣта, забота о будущности. «Вы любите его; вы указали ему путь ко всему прекрасному и полезному. Въ письмахъ его я слѣдила за успѣхами его сердца и ума. «Вы любите его, и только вы можете заставить не любить васъ!»

Когда Генріетта очнулась, солнце было близко заката. Сначала, она посмотрѣла на окружавшіе ее предметы, потомъ прижала руку къ сердцу; въ которомъ чувствовала жгучую боль, не помня, что было тому причиною. Она увидѣла письмо у ногъ своихъ, и все воскресло въ ея памяти. Она подняла его и хотѣла прочесть еще разъ; но сердце ея не выдержало долѣе, она заплакала, и слезы облегчили ее. Она читала въ-слухъ, и каждое слово было прервано рыданіемъ; скоро глаза ея не могли уже разбирать роковыхъ строкъ, она уступила силъ своей горести. Наконецъ, скорбь заключилась съ ней, такъ-сказать, перемиріе, и слезы ея остановились, пейсмуть на рывнцахъ. Она долго оставалась погруженною въ раздумье, потомъ стала на колѣни, и блѣдая, умирающая, произнесла жаркую молитву. Она рѣшилась на жертву... Она уже ле

плакала. Въ самой скорби почерпнула она силу души, убрала волосы, отерла слезы и могла даже улыбнуться, встречая Фридриха. Она отдала ему письмо, адресованное на его имя; по-мизра-того, какъ онъ читалъ, лицо его просиявало.

— Генриэтта, сказалъ онъ: — въ первый разъ я обманулъ тебя. Нетерпѣливо желаю я соединить судьбу мою съ твоею, и не могъ молчать дольше. Я написалъ къ моей доброй тёткѣ, о которой не разъ говорилъ тебѣ; я открылъ ей все, ей одной, потому что въ ней одной только я увѣренъ, и вотъ отвѣтъ ея. Вижу, что она писала его съ чувствомъ. Нѣкоторыя слова даже затерты, какъ-будто на нихъ упали слезы. Она ничего не обещаетъ мнѣ; она-кожъ и не отнимаетъ надежды; она приглашаетъ меня къ себѣ, хочетъ видѣть меня, поговорить со мною, расспросить. «Жизнь долга» говоритъ она: «соединить судьбу двухъ людей—дѣло замое»...

— О, наша судьба опредѣлена! сказала Генриэтта, стараясь улыбнуться; но, почувствовавъ, что слезы готовы прервать слово ея, замолчала и хотѣла уйти. Слышавъ нѣсколько шаговъ, она упала безъ чувствъ. Фридрихъ замѣтилъ, какъ дрожала ея голова; онъ бросился къ ней и вездъ ее на руки.

— Что съ тобою, милая Генриэтта? спросилъ онъ, когда она пришла въ чувство.

— Радость, неожиданность... проговорила она твердымъ голосомъ.

— Но ты ужасно-блѣдна. Ты нездорова?

— Ты думаешь? сказала она живо и съ какою-то страшнымъ выраженіемъ желанія.

Фридрихъ смотрѣлъ за нею цѣлую ночь. У ней случалась горячка, но она не хотѣла, чтобъ онъ позвалъ врача. Она бормотала бессвязныя слова; Фридрихъ могъ разслушать только свое имя, произносимое каждую минуту. Къ утру, она уснула, и заснула. Когда она преснулась, онъ сталъ на колѣни у ея постели:

— Генриэтта, Генриэтта! говорилъ онъ: — потерять тебя — значитъ умереть!

— Ты не умрешь, отвѣчала она: — потому что я останусь жива.

Она съ важностью прижала его къ сердцу, поднявъ къ небу ангельскій взоръ.

Съ этой минуты, ни одно ощущеніе ея не отражалось внаружи, Фридрихъ видѣлъ ее счастливою и кроткою не-ирециною. Счастье ея была тайною между ею и Богомъ. Она чаще стала ходить въ церковь; тамъ она плакала: это были ея отрадные минуты. Возвратившись, она бывала спокойна и ласкалась къ Фридриху съ распертыми сердцемъ. Только при отъездѣ она бормотала

шла себя. Фридрихъ вѣсело приготовлялся къ départ, Генриетта надѣялась, что умретъ, переступивъ за этотъ порогъ, гдѣ навсегда должна была оставить счастье жизни. Въ ночь передъ днемъ, назначеннымъ для отъезда, она тихо встала. Небо было усыпано звѣздами; лучи мѣсяца невольно освѣщали лужайку передъ домомъ; деревья и цвѣты, — все было неподвижно. При этихъ немыхъ, бездушныхъ свидѣтеляхъ, Генриетта осмыслилась дать полную волю своей скорби. Она объѣжала небольшое пространство, мѣсто ихъ жительства, и на каждомъ шагу находила слѣды радости, воспоминаніе счастливой минуты; вотъ источникъ, изъ котораго они руками черпали воду и забавлялись, преслѣдуя другъ друга свѣжими брызгами; вотъ скамья, на которой они такъ часто наслаждались вмѣстѣ тишиною вечера, свѣжестью утра; вотъ дерево, на которомъ Фридрихъ вырѣзалъ ихъ имена, — надпись брѣнная, но все же болѣе прочная, нежели союзъ ихъ. У этой калитки въ лавровомъ плетнѣ Фридрихъ ласкалъ ребенка блѣдой прохожей; онъ вадъ его на руки и поцаловалъ. Генриетта поняла тогда его мысль, послѣднюю въ сердцѣ ея вѣчную благодарность. Она обращалась къ цвѣтамъ своимъ, какъ къ друзьямъ. — Я не увижу васъ болѣе; кто будетъ поливать васъ, кто будетъ любить васъ, какъ я васъ любила? — Она парвала небольшой букетъ и прижала его къ сердцу. Она не могла оторваться отъ цвѣтовъ своихъ, наклонялась къ нимъ и разсматривала ихъ при блѣдномъ свѣтѣ луны. — Какъ они прекрасны, какъ услаждали меня еще вчера, и какъ грустно смотреть на нихъ сегодня, говорила она плача. О! какъ вы счастливы, что отцвѣтаете такъ скоро! Зачѣмъ и мнѣ не суждено то же?..

Она вошла въ птичникъ, такъ долго бывшій свидѣтелемъ ея невинныхъ удовольствій, и, открывъ клетку птвицы, возвратила имъ свободу. Съ завистью смотрѣла она, какъ онъ улеталъ: онъ летѣлъ къ небу! Одинъ только бѣдняжка-воробей, котораго она нашла когда-то подлѣ влетномъ, съ поломаннымъ крыломъ, вскочилъ на плече ея и дружелюбно дергалъ ее за волосы. — Ступай, малютка, свобода; ты можешь летѣть. Но птичка не кричала; она взяла ее и обсыпала поцалунми и слезами. Ты вѣрны, сказала она; я возьму тебя съ собою.

На другой день, въ минуту отъезда, Фридрихъ сказалъ ей:

— Пойдемъ, простимся вмѣстѣ со всѣмъ, что было свидѣтелемъ нашего счастья.

Она послѣдовала за нимъ, и они обошли садъ и домъ...

— Еще одинъ взглядъ, сказалъ Фридрихъ: — и пойдемъ. Но прежде дай еще разъ поцаловать тебя здѣсь, милая Генриетта.

Она робко подошла къ нему.

— Ты плачешь? сказалъ онъ. — Полно... Счастіе мы увозимъ съ собою.

Однакожь, онъ самъ былъ растроганъ. Оба не сводили глазъ съ кровли, пока она не скрылась за горизонтомъ, потомъ замолчали.

— Для чего намъ печалиться? сказалъ наконецъ Фридрихъ. — Когда-нибудь мы возвратимся въ нашу милую хижину.

Генриэтта не отвѣчала; но вечеромъ сказала ему:

— Какъ ты думаешь, позволено ли душамъ посѣщать мѣста, любимыя ими на землѣ?

— Чтò за грустная мысль! отвѣчалъ Фридрихъ.

— О! нѣтъ! возразила она:—это сладкое взрваніе!

IX.

Не можетъ быть ничего тягостнѣе, какъ посѣщать давно-знакомыя мѣста съ измѣнившимися чувствами. Неподвижность природы и непостоянство нашего существованія рѣзко выказываютъ бренность человѣка и придаютъ новую силу жалу скорби. Осень не успѣла еще истребить красотъ Швейцаріи. Генриэтта видѣла эту страну сквозь призму счастія и надеждъ, — а теперь посѣтила ее снова, чувствуя, что это счастіе скончалось, и никогда уже не воскреснетъ. Все, чтò для Фридриха было просто воспоминаніемъ, было для нея предметомъ сожалѣнія, и она принуждена была скрывать убивавшее ее горе. Наружность ея почти-нисколько не измѣнилась; только блѣдность замѣнила прежній румянецъ, и она краснѣла отъ малѣйшаго душевнаго движенія, какъ краснѣютъ больные, лишеныя силъ отъ долгаго страданія. По утрамъ легкая дрожь появлялась въ рукахъ ея. Съ вѣрною надеждой слѣдила она за этими роковыми признаками, старалась скрыть ихъ отъ Фридриха. Не ничто не могло обмануть любви его. Онъ приступалъ къ ней съ вопросами, но она ни въ чемъ не признавалась. Она уверяла, что нисколько не страдаетъ, что чувствуетъ небольшую слабость, и только. Но въ то же время блѣдный румянецъ выступалъ на лицѣ ея, и глаза съ глубочайшимъ чувствомъ останавливались на Фридрихѣ, какъ-будто взирали хотѣла она удержать улетающее счастіе. Одно, въ чемъ она не могла притвориться, — была беззаботная, легкая веселость прежнихъ дней. Она была нежна, кротка, спокойна, улыбалась еще, но уже не смѣялась. Фридрихъ и самъ сталъ задумчивѣе, такъ-что, предполагая однѣ и тѣ же заботы и мысли въ себѣ и въ ней, считалъ, что и снаружи оба они нѣсколько измѣнились отъ одной причины. — Мы еще любовники, говорилъ онъ: — но уже не дѣти, и скоро бу-

демъ супругами. Онъ строилъ тысячи плановъ и предположеній. Герриетта слушала и глотала слезы. И она съ своей стороны составила планъ и рѣшилась выполнить его; но сколько разнился онъ отъ плановъ Фридриха, и какъ удалась бѣдняжка отъ этого единства мыслей, составлявшаго когда-то ея счастье? Она поставила для себя закономъ ничего не говорить Фридриху, пока они не окончатъ своей поѣздки; она хотѣла, такъ-сказать, сдать его съ-рукъ-на-руки тѣткѣ, и найти въ ней помощь, необходимую для исполненія ея тлгостнаго намѣренія.

Наконецъ, они достигли границы Германіи; здѣсь ожидалъ ее случай, глубже всего остальнаго уязвившій ея сердце. Они остановились въ деревнѣ, гдѣ, очарованные красотою мѣстоположенія, прожили нѣсколько времени при первомъ своемъ проѣздѣ.

Это была узкая долина съ протекавшимъ по ней серебристымъ ручьемъ; свѣтлыя воды его, послѣ тысячи оборотовъ, терлись въ зеленомъ бархатѣ луговъ. Дубъ и вязъ осѣняли берега его вмѣстѣ съ паноротникомъ и камышомъ. Деревушка стояла у подошвы довольно-крутой горы, съ развалинами крѣпости на вышнѣхъ. Съ этой-то вершины, Герриетта и Фридрихъ замѣтили красивое мѣстоположеніе деревни. Облокотясь на обломокъ стѣны, покрытый бѣлыми и голубыми колокольчиками, они долго смотрѣли внизъ, на село, гдѣ все казалось мнѣнятюрою жизни: узкіе, невысокіе домики, тѣсныя окна, остроконечныя черепичныя крыши, розовыя фасады зданій. Маленькій мостикъ велъ черезъ ручей; съ этой высоты, всѣ предметы, казалось, были соразмѣрены съ тѣсною долиною. Они какъ дѣти забавлялись, слѣдя глазами за маленькими быками, запряженными въ маленькую повозку, и медленно движущимися по извилинамъ дороги. Словомъ, они видѣли маленькій міръ, гдѣ они охотно остановились бы и заключили свое счастье. Когда они сошли въ долину, добрые крестьяне встрѣтили ихъ съ радушнымъ гостепрѣимствомъ, и, не утративъ очарованія, они приобрѣли пріятное воспоминаніе. Герриетта захотѣла еще разъ увидѣть это мѣсто и остановиться на той же квартирѣ.

Они застали хозяйку въ радости: дочь ихъ завтра выходила замужъ. Хозяйка такъ живо изъявила свое удовольствіе, что молодая дама будетъ присутствовать на этомъ праздникѣ, что невозможно было отказать имъ въ этомъ. Было еще свѣтло; Фридрихъ и Герриетта взобрали на гору, и опять наслаждались зрѣніемъ долины и села у ногъ ихъ. Воздухъ былъ свѣжѣе, чѣмъ въ предыдущіе вечера; вѣтеръ сносилъ съ деревьевъ листья, солнце садилось въ облакахъ. Герриетта дрожала. Однакожъ Фридрихъ напрасно уговаривалъ ее сойти; съ жадною грустью, ни въ чемъ не проявля-

жилось снаружи, наслаждалась она красотою часа, полного тайных аналогій, и бывшего ей по-сердцу больше радостных приготовлений въ селѣ. Наконецъ, она сошла, но картина все еще была у нее передъ глазами, и она глядѣла на нее, какъ на изображение своей жизни: развалины, закатившееся солнце, сухіе листья, разносимые вѣтромъ!..

На другой день, была деревенская свадьба. Невѣста сіѣла красотою юности и удовольствія; въ спокойной наружности жениха проглядывала любовь его. Старики не скрывали своей радости. Обрядъ брачнаго союза былъ трогателенъ, какъ все обряды религіи ихъ, неспорченные людьми. Въ этой спокойной долинь, среди небольшого числа жителей, вдали отъ испорченныхъ городскихъ нравовъ и любопытства равнодушныхъ, бракъ являлся въ истинномъ свѣтѣ своемъ, то-есть, какъ чистый союзъ, имѣющій цѣлю образовать семейство и скрѣпить вѣрность двухъ истиннолюбящихъ душъ. Фридрихъ былъ тронутъ зрѣлищемъ счастья, которое скоро долженъ былъ испытать самъ. Генриетта съ жаромъ и безъ зависти молилась за счастливую чету, равно благословенную людьми и Богомъ. Но тайная пытка терзала сердце ея. Частыя ночи бѣдняжка проплакала; такъ жила она уже нѣсколько времени; находя свободу въ темнотѣ ночи, она облегчала грусть свою и запасалась новыми силами на завтра. Было что-то дѣтское и глубоко-трогательное въ выраженіи ея горести. Сіѣла на кровати, одѣтая въ бѣломъ, какъ ишуть ангеловъ, съ золотымъ вѣнкомъ волосъ на головѣ, она взошла глаза къ небу и плакала молча, это была скорбь тихая, нѣмые слезы, свидѣтелей которыхъ были лица Богъ!

Послѣ священнаго благословенія, начались игры и веселье. Въ недалекомъ разстояніи отъ села, подъ деревьями фермы, былъ приготовленъ завтракъ. Деревенскіе музыканты заиграли народныя пѣсни, и скоро начались танцы. Генриетта хотѣла удалиться, но напрасно искала Фридриха; уже нѣсколько минутъ, какъ онъ исшелъ. Вдругъ она увидѣла его, бѣгущаго съ букетомъ, собраннымъ имъ собственноручно: онъ составилъ его изъ дикихъ цвѣтовъ и геціетроповъ, своего любимаго цвѣтка. Генриетта поблагодарила его за вниманіе.

— Это еще не все; посмотри хорошенько, милая Генриетта, сказалъ онъ.—Я желаю, чтобъ этотъ букетъ былъ предвѣстникомъ того, который я скоро подарю тебѣ. Смотри! Подобранная удавила для тебя цвѣты изъ своего букета. И онъ показалъ ей эти цвѣты. Съ этой минуты, Генриетта почувствовала, что бодрость ея совершенно исчезла. Настала ночь; танцы продолжались; подъ вѣтвями заграничнаго путешествія, она уговорила Фридриха уда-

двѣсь. Они шли домой, по берегу серебристаго ручья, при мерномъ свѣтѣ луны. Имъ надо было пройти лѣсную чащу; тысячи таинственныхъ звуковъ ночи раздавались въ листьяхъ; тропинка, по которой шли они, была узка, и они безпрестанно задевали за вѣтви каштановъ. Иногда шумъ крыльевъ говорилъ, что запоздавшая птица спѣшитъ возвратиться въ гнѣздо. Ирядко раздавался жалобный стонъ жабы. Свѣжестъ лѣса, и эти звуки, которые, такъ-сказать, усиливаютъ впечатлѣнныя тишины, все глубже и глубже проникали въ сердце Генриетты и увеличивали грусть ея. Она чувствовала, что колѣни ея дрожатъ, и судорожно прижимала къ себѣ руку Фридриха. Вышедши на поляну, гдѣ лицо его стало видно, освѣщенное лучами мѣсяца, она посмотрѣла на него съ вѣжностью, и, бросившись къ нему на шею, слезла изъ плающаго годосомъ: — не правда ли? ты никогда не забудешь лица Генриетты? никто не будетъ любить тебя такъ, какъ она...

Фридрихъ былъ слишкомъ далеко отъ истины, и не цоцалъ цѣлостнаго смысла этихъ словъ.

— Какъ! сказала она, прижимая ее къ сердцу: — ужъ не забудешь ли ты?

Придя въ домъ, она заботливо поставила букетъ въ воду; но вѣтеръ, невѣсты уже не было. Съ мечтами улетѣла и надежда. Она уже не была любовницею, полною доверенности — она опять была несчастною, плаущею дѣвушкой. Эти цветы, символы чистоты и союза, извили ее. Она считала себя недостойною ихъ, и одинъ по одному разбросала ихъ по дорогѣ.

Отсюда они поѣхали безъ остановокъ; только за день до прибытія къ Гейдельбергу, они еще разъ распорядились отдохнуть, и остановившись въ той же гостиницѣ, гдѣ Фридрихъ отыскалъ Генриетту, когда она бѣжала отъ любви его и собственной слабости. Оба узнали это замѣне, но чувства ихъ были различны. Тутъ кончилось ихъ путешествіе, кончилась и бодрость Генриетты. Она восприняла отбросить притворство и насладиться, такъ-сказать, свободою слезъ. На другой день, Фридрихъ долженъ былъ отправиться въ Мангеймъ, гдѣ ждала его тѣтка, а Генриетта къ Гейдельбергу. Вечеромъ, она снова рассказала ей дѣсь свои планы будущей счастливой жизни. Она закрыла ему губы рукою; потянувшись къ ногамъ его, сказала: «Фридрихъ, сомнѣваешься ли ты въ любви моей?»

— Я! воскликнулъ онъ въ удивленіи. — Что это значитъ?

— Я ждала бы умереть... отвѣчала она, рыдая.

— Что съ тобою? Радъ Бога, скажи!

Генриетта склонила голову къ колѣнямъ Фридриха. Она усилась говорить, но не могла произнести ни слова. Она стояла

на неё со страхомъ, предчувствуя бѣду, но неизвѣстно какую. Онъ хотѣлъ поднять её.

— Нѣтъ, нѣтъ! прошептала она: — я останусь у ногъ твоихъ, пока ты не простишь мнѣ.

— Не-уже-ли ты всё еще думаешь о прошедшемъ? спросилъ Фридрихъ съ слабою надеждою.

— О прошедшемъ! Да, теперь я вспоминаю его, — ты заставляешь меня забыть его. Но я думаю не о прошедшемъ, а о будущемъ...

— О будущемъ! Но оно обѣщаетъ намъ счастье, союзъ на вѣки!..

— Милый Фридрихъ! ты ошибаешься: мы должны разстаться.

— Разстаться! Что ты сказала? Ты шутишь... Но эти слезы, эта бѣдность...

Она подала ему письмо его тѣтки. Тогда онъ всё понялъ. Тысячи воспоминаній о грусти Генриэтты воскресали въ его душѣ; но мысль о разлукѣ была отъ него такъ далека, что ему невозможно было примириться съ нею. Сердце его страшно сжалось; однакоже онъ сказалъ, стараясь улыбнуться:

— Милая Генриэтта! Тѣтка моя, можетъ-быть, и должна была говорить такъ; но слѣдуетъ ли изъ этого, что все погибло? Она добра, любитъ меня, и когда увидитъ, что сдѣлаетъ меня кавказъ несчастнымъ, она не захочетъ...

— Но теперь я хочу; не-уже-ли ты не видишь, повторила она тише: — что я хочу этого?

Онъ всталъ быстро и съ гнѣвомъ посмотрѣлъ на нее. Она продолжала сжимать колѣни его и сказала:

— О! не останавливай меня! Прости, прости мнѣ! Я столько люблю тебя! Но разстаться должно; я чувствую, что должно, повторила она тверже, одушевляясь благородствомъ своего поступка. Фридрихъ опять оттолкнулъ ее и сказалъ:

— Ты любишь меня, и ты меня оставляешь, — ты, для которой я пожертвовалъ бы всемъ въ мирѣ — семействомъ, богатствомъ, будущностью...

— Этого-то я и не хочу.

— Но если я этого хочу; если безъ тебя жизнь моя — страданіе! Онъ остановился, подошелъ къ ней и заруцъ началъ ее обнимать ласками.

— Нѣтъ! Не права ли? Ты не можешь этого сдѣлать? Рядъ Бога, возьми назадъ свое слово!

Она обвила нѣмо его руками, но объявила, что разлукѣ въ непоколебимо. Тогда онъ насильно разнулъ ей руки, хотѣвшій какъ-будто удержать его, и со вздохомъ, полившимъ гнѣвомъ, сказалъ фре-

— Прощай! ты никогда не любила меня! Внушавшая тебе эту веровую, рвимость будет, может-быть, чувствительна къ моимъ слезамъ. Я иду къ ней; но если ты не расскажешь, не призовашь меня обратно, — не думай, что я стану сожалеть о тебѣ. Я буду питать къ тебѣ ненависть, потому-что любила тебя слишкомъ-сладко. — Онъ дѣлалъ вонъ, какъ безумный.

Оставшись одна, Генриетта не плакала; съ неподвижнымъ взоромъ, съ сухими глазами, она пала подъ тяжестью этого новаго несчастія. Потерять его! она старалась свыкнуться съ этою мыслью. Не утратить даже память и сожалѣніе о себѣ, — этого она не могла вынести. Ей казалось, что она дошла до крайней границы счастья. Она поняла, что обманута, и передъ ней раздвинулся новый горизонтъ страданій.

Служанка, приведшая на шумъ голосовъ, нашла ее въ этомъ состояніи. Предполагая, что они поссорились, она сказала: — Утѣштесь, сударыня, онъ возвратится.

— Да, машинально отвѣчала Генриетта: — онъ возвратится. Губы ея переменялись еще, но не издавали уже никакого звука. Служанка сказала ей, что она больна и что надо отдохнуть. Она, какъ ребенокъ, позволила раздѣть себя и уснула отъ усталости и горя.

Фридрихъ между-тѣмъ блуждалъ безъ цѣли, вызывая гнѣвъ свой на свѣжесъ воздухъ; онъ то грозилъ тѣмъ и отцу, то составлялъ несбыточные планы, плоды отчаянія; онъ хотѣлъ умереть, загибая вѣчныя угрызения совѣсти тѣмъ, чей холодный расчетъ мучилъ его до смерти. Потомъ онъ вспомнилъ, что оставилъ Генриетту одну и въ отчаяніи; имъ овладѣло нѣжное чувство, и онъ готовъ былъ возвратиться къ ней, утѣшить ее и литься столько несчастнымъ, чтобъ она не могла отринуть просьбъ его. Это послѣднее чувство взяло верхъ. Тишина ночи, грустныя думы, тысячи воспоминаній, стекавшіяся въ одно глубокое чувство, уничтожили наконецъ гнѣвъ и замѣнили его болѣе-кроткимъ волненіемъ. Онъ возвратился и безъ шума вошелъ въ комнату, гдѣ спала Генриетта. Увидѣвъ блѣдное и прекрасное лицо ея, руки сложенныя еще и по-снѣ какъ на молитву; услышавъ подавленный вздохъ, взрѣвка облегчавшій сокрушенное сердце, онъ совершенно забылъ свое негодованіе; онъ уважилъ эту простую, неподдающую горестъ и сталъ на колыки возлѣ кровати, предъ этимъ трогательнымъ образомъ скорби и преданности судьбѣ. Онъ прислонилъ голову къ рукамъ ея, и передъ его глазами проходили всѣ счастливыя минуты, прожитыя съ нею. Въ немъ пробудились всѣ чувства, воспитанныя Генриеттою, и показали ему, какъ благородна жертва ея, какъ нѣжна она сама, и какъ отражается эта нѣжность въ ея поступкахъ. Страсть уже не увлекала его; онъ

сознала, что есть многое, чего нельзя уже забыть; сожалеть ей о томъ, что время нечестивъ прошло; и что Луиза Генриетта была такъ возвышенна, что никогда не согласится разделить участь свою съ его судьбою. Скорбь такъ глубоко уязвила его сердце, что пролилась наконецъ въ рыданія. Шумъ разбудилъ Генриетту; она, казалось, не удивилась, увидѣвъ его возле себя. Она какъ-будто забыла случившееся накануне. Она называла его лѣтвѣйшими именами; говорила самымъ мягкимъ тономъ. Можно было подумать, что въ эти немощныя часы она хочетъ разсказать всю сокровища любви, которая берегла на много лѣтъ жизни: Фридрихъ съ жаромъ представлялъ ей все причины, по которымъ ей слѣдуетъ отложить свое ужасное намѣреніе. Тетка не знала ея; узнавъ, она конечно будетъ одна изъ съ нами мыслей. Онъ одинъ сынъ у отца; отецъ любить его нежно, и суровость его только кажущаяся; развѣ не смилчати его уже одно присутствіе ея, ласки, которыми она утѣшаетъ его старость? Свѣтъ... Но какое ему дѣло до свѣта? Къ-чему онъ ему? Развѣ они не могутъ жить счастливо въ деревнѣ, какъ уже жили, вдали отъ честолюбія и извѣстности людской судьбы? — Онъ умолялъ ее прекратить любви ихъ сжалиться надъ нимъ. Онъ говорилъ съ жаромъ убѣжденія, прижималъ ее къ груди своей, повторялъ тысячу разъ, что невозможно, чтобъ она его бросила, и старался самъ себя утѣрять въ этой мысли.

Она слушала, и ей было отрадно. Эта нежность, эти сожалѣнія, это влеченіе въ силу любви ея — были единственными возможными еще для нея утѣшеніемъ. Въ томъ, что онъ не хотѣлъ утѣрять ей, она видѣла слѣды страсти; но она старалась до конца подавить страсть въ себя и слушаться только совѣсти и разсудка. Она говорила съ нимъ, какъ говорила бы мать, и старалась утѣшиться его. Она опровергала его доводы однимъ за другимъ; она не хотѣла вступитъ въ семейство, которое готовило ему лучшую будущность; она считала дурнымъ поступкомъ принять эту жертву, — будущность его, предлагаемую ей такъ великодушно. Нѣтъ! Онъ Фридрихъ долженъ былъ занять въ свѣтѣ мѣсто, къ которому она старалась приготовить его своими совѣтами. Потомъ она говорила о своемъ ребенкѣ; любовь, — и она упрекала себя въ этомъ, — почти заставляла ее забыть его. Она знала, что Фридрихъ будетъ добръ и великодушенъ; но какія мысли должно было возбуждать въ ней постоянное присутствіе этого живаго упрека въ проступкѣ? — О, нѣтъ! говорила она: — нѣтъ, другъ мой! не пользуйся моею слабостью; я, въ свою очередь, прошу, умоляю тебя. У меня нѣтъ силъ выйдти изъ-подъ твоей власти; помози мнѣ тамъ. Не-уже-ли ты не чувствуешь вѣстны мои слова, что какъ уже

можно гордиться прошедшим? Повѣрь мнѣ, мы будемъ скорѣе и жестоко разочарованы. Заградимъ же лучше входъ этому милому прошедшему; пусть оно сохранитъ свою красоту и очарованіе. Будемъ возвращаться къ нему только воспоминаніемъ.

Фридрихъ молчалъ: онъ чувствовалъ, что Генриетта говоритъ правду. Но черезъ нѣсколько минутъ, онъ снова начиналъ умолять ее съ тѣмъ же жаромъ, и когда она отъ слезъ не могла отвѣчать ему, онъ подумалъ, что наконецъ убѣдилъ ее.

— Какъ ты будешь жить? спросилъ онъ.

— Нѣ-прежнему, отвѣчала она. — У меня есть кое-что, и я буду трудиться.

— Ты, Генриетта! И ты возвратишься къ бѣдности, которую я навсегда думалъ отогнать отъ тебя!

— Да, отвѣчала она, грустно улыбаясь: — трудъ немного развѣзаетъ. Это будетъ лучше.

Съ каждымъ словомъ, Фридрихъ больше и больше чувствовалъ, какое чистое, кроткое, доброе существо теряетъ онъ, — и не могъ примириться съ такой утратой. Такъ прошла вся ночь. Генриетта раскрыла всѣ богатства души своей. То просьбами, то доводами разсудка, она довела Фридриха до обѣщанія уважить ея намѣреніе и помочь ей въ исполненіи его.

— Все, что мы ни сдѣлали добраго, говорила она: — все это мы сдѣлали вмѣстѣ; пусть же и это послѣднее дѣло, другъ мой, эта жестокая разлука, знакъ взаимной любви нашей, будетъ дѣломъ общимъ. — Она разсказывала, какъ думаетъ устроить свой образъ жизни: сестра и ребенокъ ея возвратятся; она снова будетъ среди своихъ милыхъ цвѣтовъ, среди своихъ птичекъ и сладкихъ воспоминаній! Она обѣщала ему не быть несчастной. Онъ будетъ думать о ней, писать ей; сохранить въ сердцѣ образъ ея, который не изгладитъ и самое время. Такъ, можетъ-быть, будетъ лучше. Кто знаетъ, какъ измѣнились бы они съ лѣтами? А этимъ способомъ они упрочивали лучшую часть самихъ-себя, удаляя ее отъ прихотей судьбы. Фридрихъ пожелалъ, чтобы она и ему предписала его обязанности, его занятія; только ея мысль могла только быть ему путеводителемъ. Добрые, кроткіе, полные тонкихъ, возвышенныхъ чувствъ, они дошли наконецъ до того, что одушевились страстью къ жертвѣ, гармонировавшей съ ихъ благороднымъ образомъ мыслей и преданностью другъ къ другу. Они обманули самихъ-себя, принявъ преходящее чувство силы, почерпнутое въ сознаніи исполненнаго долга, за вѣчное. Только юность способна къ такимъ возвышеннымъ заблужденіямъ.

Итакъ, пробилъ послѣдній часъ ихъ сладчайшаго вѣрованія. Простившись съ нимъ съ слезами на глазахъ, они обратились къ но-

дымъ мечтамъ будущности и великодушнаго подвига, сдвывая его лучами любви своей. Ночь готовилась удалиться съ неба; они подошли къ окну и открыли его. Свѣжій утренній воздухъ какъ будто совѣтовалъ имъ мужаться; невыразимая чистота пробужденія природы соотвѣтствовала чистотѣ ихъ мыслей; они чувствовали въ себѣ невинность, возвышенность всего своего существа, гармонировавшаго съ природой. День засталъ ихъ вмѣстѣ, съ глазами, сверкающими энтузіазмомъ, какъ у мучениковъ, съ жадностью ожидающихъ казни; они съ жаромъ бросились на этотъ новый путь, держа еще другъ друга за руку, и забывая, увы! что самое несчастіе ихъ состоитъ въ томъ, что они не могутъ быть несчастны вмѣстѣ.

X.

Глубокая скорбь, при началѣ своемъ, заключаетъ въ себѣ что-то упомительное. Слѣдуя за совершеннымъ счастіемъ, она удовлетворяетъ жестокой потребности страдать, живущей въ каждомъ человѣкѣ. Если она западетъ въ душу молодую и явится съ идеею преданности и жертвы, она даже посредствомъ силъ природы приводитъ ее въ восторженное состояніе, и сердечную боль мгновенно превращаетъ въ высокое стремленіе.

Фридрихъ увидѣлся съ теткой. Нанетта вскрикнула отъ радости, тетка приняла его съ участіемъ. Она ожидала сильныхъ всплескъ, — и изумилась, увидя, какъ онъ бодръ и спокоенъ. Она обняла его нѣсколько разъ, говоря: «Милый Фридрихъ! добрый Фридрихъ! Наконецъ-то ты здѣсь! я такъ часто думала о тебѣ! Небо, отказавъ мнѣ въ дѣтяхъ, вложило въ мое сердце материнское къ тебѣ чувство.»

— И вы поступили, какъ поступила бы, можетъ-быть, моя мать, печально прервалъ ее Фридрихъ. — Вы видите: я знаю все; вы видите также, что я не потерялъ бодрости. Вчера еще у меня ее не было, — Генриетта вдохнула ее въ меня...

Но тутъ искусственная сила духа оставила его; онъ могъ произнести лишь нѣсколько прерванныхъ словъ, и безпрестанно повторялъ одно: О! что вы сдѣлали? что вы сдѣлали!

Эта истинная, непреувеличенная скорбь нашла отголосокъ въ старой теткѣ. Она вѣрила въ его нѣжное расположеніе къ Генриеттѣ, но теперь нашла въ немъ чувство глубокое и поняла всю силу его, когда Фридрихъ рассказалъ ей, какую счастливую жизнь вели они среди всѣхъ этихъ добрыхъ мыслей, всѣхъ этихъ

добрыхъ чувствъ. Она увидѣла очень-ясно, что это была не простая любовь; самая развязка доказывала это.

Разсказавъ тысячу примѣровъ доброты Герриетты, описавъ всѣ ея достоинства, Фридрихъ съ гордостью заговорилъ о силѣ души, съ которою рѣшилась она на отреченіе. Онъ самъ одушевлялся разсказомъ о борьбѣ этой нѣжной души съ любовью и долгомъ, воспоминалъ одно за другимъ чистыя доказательства ея привязанности, совѣты ея, утѣшеніе, ангельскую покорность передъ судьбою. Тогда у него не было и слезъ; онъ гордился своею любовницею; она до такой степени оправдывала любовь его, являлась такъ достойною уваженія и преданности, что онъ хотѣлъ бы увидѣть у ногъ ея вселенную, удивляющуюся ей подобно ему.

Сочувствіе проглядывало на лицѣ тетки, когда она его слушала. — Добрая, говорила она въ-полголоса: — истинно достойная любовь!

— Не правда ли? продолжалъ Фридрихъ: — вы полюбили бы ее? Она замѣнила бы для васъ дочь. Ахъ, для чего нельзя...

И мысль о разлуцкѣ снова представилась душѣ его, и имъ овладѣло уныніе. Дѣло, которое она считала обязанностію, исполнялось; тетка Маріанна могла излить свое сердце. Она старалась утѣшить Фридриха, но напрасно. — Никогда, никогда! воскликнулъ онъ. — Бѣдная Герриетта! Несчастное, истерзанное сердце! Увы, что вы сдѣлали! Мы были счастливы, мы такъ живо чувствовали, что мы на пути къ счастью! И теперь мы навсегда, навсегда исчезли другъ для друга! Ея одиночество уже начинается; она одна... понимаете ли вы это?... и нѣкому ее утѣшить! Можно ли жить такимъ образомъ?...

Въ немъ пробудилась такая ужасная мысль, что онъ остановился и не смѣлъ договорить ее.

— Какъ ты думаешь, спросила тетка:—не будетъ ли хорошо, если я навѣщу ее?

— Вы, тѣтушка? Вы хотите видѣться съ нею? Такъ, значить, вы не пристрастаете этой бѣдной дѣвушки, съ которою вы меня разлучили? Вы согласны увидѣться съ нею?

— Да, если ты этого желаешь.

— Отъ всей души; я не смѣю просить васъ объ этомъ.

— Такъ я поѣду, отвѣчала она.

Въ другой день они отправились. Свиданіе было трогательно. Оставшись наединѣ, безъ Фридриха, Герриетта никого не должна была утѣшать; она очутилась лицомъ-къ-лицу съ грустными мыслями, преслѣдовавшими ее въ-продолженіи всей дороги. Послѣ жизни сдѣлкой, полной взаимной нѣжности, она видѣла передъ собою одиночество, сожалѣніе и бѣдность. Пріѣздъ тетки Фридриха

былъ для нея явленіемъ благотворнымъ, воздѣйствіемъ ей бо-
роть. — Фридрихъ явился нѣсколькими минутами прежде сест-
рочки.

— Милая Генриетта! сказалъ онъ, почти радуясь, что это по-
священіе укрѣпитъ силы ея; — тетка моя любитъ тебя и хочетъ
тебя видѣть. Она лично хочетъ увѣрить тебя въ своемъ уваже-
ніи. О, моя добрая Генриетта! Кто можетъ не любить тебя!

— Лишь бы мнѣ простили; это уже больше, чѣмъ я смѣю
ожидать.

Когда тетка Марианна явилась, Генриетта поспрашивала встать
ее и сказала:—О! какъ вы добры, что посѣщаете такую бѣдную,
какъ я.

Марианна взяла ее за руку, и, глядя на нее съ извѣстною, от-
вѣчала:—Дитя мое! я пришла благодарить васъ и подкрѣпить, если
могу, ваши силы.

— Силъ у меня достанетъ: теперь я чувствую, что достанетъ,
сказала Генриетта.

Что касается до Фридриха, онъ не могъ наглядѣться на эти
два существа, давно неразлучныя въ его сердцѣ. Онъ забылъ,
что это мимолетное сближеніе только начало вѣчной разлуки. Не-
дѣль настоящей минуты открывала отъ него мысль о будущемъ
и онъ смотрѣлъ на Генриетту, сидящую волею его тетки, рѣчь
варивающую съ своею обычною кротостью, и можащую быть еще
болѣе прекрасною въ печали, нежели въ дни радости и счастья.

На столѣ было нѣсколько удивительно-сладостенныхъ коро-
чекъ, нѣсколько женскихъ работъ. Марианна замѣтила это. — Это
это работа Генриетты, сказалъ онъ. — Она лаская и трудолюбивая
фей.

Тетка добродушно хвалила ее искусство. — Я ждала бы ирра-
работать только для васъ, говорила Генриетта, душевно благода-
ря ее за неожиданное посѣщеніе.

Фридрихъ оставилъ ихъ однихъ. Онъ хотѣлъ, чтобъ Генриетта
могла поговорить съ теткою совершенно-свободно. Онъ чувство-
валъ, что его присутствіе, болѣе оскорбляя его, нежели помогая
ей высказаться. Когда онъ вышелъ, Генриетта действительно ощу-
тила дать волю слезамъ, и тетка Марианна могла быть факти-
чески измѣненіи этой чистой любви.

— Я была несчастная, дѣвочка, сказала она. — Фри-
дрихъ возвысилъ меня въ собственныхъ моихъ глазахъ. Онъ не
вратилъ мнѣ уваженіе къ себѣ-самой, а это значитъ, что онъ даетъ
мнѣ силу дѣлать добро. Я люблю его, и смѣю признаться вамъ
въ этомъ, потому-что признательность моя еще сильнее. Это
Тонкое чувство сердца выказывалось при многихъ обстоятельствахъ

Сколько раз случилось мнѣ слышать, какъ онъ оправдываетъ мои дѣла двушекъ, павшихъ подобно мнѣ! Сколько разъ ласкаетъ онъ при мнѣ малютокъ, желая выразить этимъ, что любитъ мое дѣло! Еслибъ мнѣ сказали, что я паду снова, я оттолкнула бы эту мысль съ негодованіемъ, — и при всемъ томъ я пала. Еслибъ я знала, кто онъ, я воспротивилась бы, я тотчасъ же увидѣла бы, что мы не можемъ принадлежать другъ другу. Но я считала его человекомъ изъ того же класса людей, къ которому принадлежу я сама, — изъ класса, гдѣ не разбираютъ чужихъ поступковъ съ такою мелочностью, гдѣ люди снисходительны, потому что ближе къ природѣ, наконецъ гдѣ дѣятельность, порядокъ, трудолюбіе суть качества, необходимыя въ супругъ, — и эти-то качества были моимъ приданымъ.

— Прошедшее, моя милая, не принадлежитъ уже вамъ. Я не сомнѣвалась въ чистотѣ вашихъ намѣреній и безкорыстности ихъ.

Лучъ радости блеснулъ сквозь слезы въ глазахъ Генриетты.

— Мои намѣренія, сказала она: — послушайте, я расскажу вамъ ихъ, я доверю вамъ мою тайную мысль. Можетъ-быть, я ошиблась; если такъ, то по-крайней-мѣрѣ ошиблась съ доброю цѣлью. Я узнала Фридриха молодымъ, слабымъ и страстнымъ; онъ былъ уже извѣстенъ опаснымъ связямъ дружбы, пагубнымъ удовольствіямъ, и я опасалась, чтобъ добрая натура его не была заглушена. Я поняла, что женщина, которую онъ полюбилъ, будетъ имѣть великое вліяніе на его жизнь; что она будетъ въ состояніи увлечь его на путь добра или зла, по своему произволу. Въ преданности своей къ нему видѣла я родъ искупленія прошедшаго грѣха... Что сказать вамъ еще? Я любила, и мнѣ не къ чему было искать извиненія. Только любовь моя проистекла изъ мысли, постоянно жившей среди моего чувства. Это можетъ показаться вамъ очень-страннымъ; но я блудная двушка, незнающая свѣта и покорная только внушеніямъ своего сердца.

Тетку Маріанну поразила чистота, дышавшая въ этихъ словахъ, диаметрально противрѣчившихъ обыкновеннымъ правиламъ жизни. Фридрихъ и Генриетта увлеклись, вдали отъ свѣта, мечтою неснодливой, но трагической; они образовали, такъ-сказать, любовь свою изъ всего, что поражаетъ добродѣтели. Они украшали ее всею роскошью сердца в молодости, и въ этой картинѣ было негражданное очарованіе свѣжести. Между-тѣмъ, часы текли, и Генриетта не устала высказывать признательность свою теткѣ Фридриха; она чувствовала, что ее уважаютъ, и силы ея воскресли; предъидущее одиночество уже не устрашало ее. Возвратясь, Фридрихъ нашелъ ее спокойною и улыбающеюся. Тетка сказала ему:

«она добра какъ ангелъ!» и протянула имъ руки. Она бросилась къ ней въ объятія. Но, увы! на ея груди они соединились на вѣчное, послѣднее прощаніе.

Эти благотворныя чувства были хорошею стороною жертвы; минута разлуки должна была настать въ свою очередь. Генріетта прежде всѣхъ почувствовала необходимость назначить ее. Послѣ посѣщенія тетки Маріанны, она поняла, что теперь должна оправдать оказанное ей уваженіе, и что подобная снисходительность есть обязательство.

— Другъ мой, сказала она Фридриху: — мы не доживемъ уже до подобныхъ минутъ; сердце наше уже никогда не будетъ такъ полно мужества и любви къ долгу. Воспользуемся же ими для исполненія послѣдней, болѣе всѣхъ прочихъ трудной обязанности: надо проститься, пока силы еще не измѣнили намъ.

При этихъ словахъ, Фридрихъ поблѣднѣлъ и не отвѣчалъ ни слова; но онъ страстно пожалъ руку Генріетты, какъ-будто желая этимъ сказать, что онъ чувствуетъ всю невозможность этой разлуки. Она съ кротостію продолжала:

— Мы не можемъ воротить прошедшаго, другъ мой. Оно уже далеко отъ насъ. Но мы всегда можемъ любить другъ друга любовью нескончаемою. Время, напротивъ того, укрѣпляетъ ее. Теперь мы горько плачемъ; послѣ слезы будутъ сладки, при сознаніи исполненнаго долга. Подумай, мой милый, о естественной невѣрности человѣческаго существованія. Мы испили чашу счастья вдали отъ людей; кто знаетъ, что принесла бы съ собою будущность? О! Я не сомнѣваюсь въ твоемъ сердцѣ, но думаю, что въ эту минуту мы освобождаемъ любовь отъ власти времени; она уже не измѣнится и не ослабѣетъ; напротивъ того, она вѣчно будетъ сіять съ одинакою чистотой, какъ звезда среди мрака ночнаго, тѣмъ болѣе яркая, чѣмъ мрачнѣе ночь.

Она говорила еще много хорошаго такимъ спокойнымъ голосомъ, такъ нежно, что Фридрихъ полюбилъ ее еще сильнѣе.

— Тебѣ пришлось бы видѣть, какъ я измѣняюсь, старью, прибавила она:—сердце мое, столь пламенное теперь, можетъ-быть охладѣло бы...

— О! никогда, никогда! воскликнулъ онъ, закрывая ея губы. — Не говори этого; не старайся клеветать на себя, — ты не убѣдишь меня!

— Со-временемъ, Фридрихъ, продолжала она дрожащимъ голосомъ: — со-временемъ ты изберешь себѣ подругу....

Онъ хотѣлъ возразить что-то, но она его остановила.

— Не говори ничего, не общай ничего. Я увѣрена въ твоихъ праводушіи, и благодарю тебя за твою бѣдную Генріетту; Вѣкъ

видитъ ея сердце, и Ему вѣзвѣстна искренность ея желанія. Да пошлетъ онъ тебѣ супругу достойную тебя, которая любила бы тебя для тебя-самого, которой сердце было бы нѣжно, какъ твоё. Дай Богъ, чтобъ она была украшена всеми достоинствами; чтобъ любила тебя, какъ любила бѣдная дѣвушка, недостойная быть твоимъ женою. А! продолжала она рыдая:—вотъ оно, начало искупленія, казнь за мой проступокъ. Когда подумаю, что должна разлучиться съ тобою, что могла бы прожить съ тобою счастливо, потому что я рождена была для добра, для тихихъ, семейныхъ радостей... сердце мое разрывается.

Горе выступило, такъ сказать, изъ береговъ, и широкій разлилъ его увлекъ съ собою любящихъ. Долгія, безмолвные объятія, глухіе вздохи, воспоминанія о быломъ счастіи, объты въ будущемъ, прощаніе до свиданія на небесахъ, ихъ надеждъ и убѣжищъ... Генриетта слишкомъ положила на свои силы. Фридрихъ въ свою очередь хотѣлъ ее утѣшить, но она сказала:—Дай еще разъ поплакать въ твоихъ объятіяхъ, милый Фридрихъ; это облегчитъ меня. Подумай: никогда больше не видаться! Считать дни и годы далеко другъ отъ друга! Мы не будемъ знать нашихъ мыслей, не будемъ чувствовать вмѣстѣ; у тебя будутъ другія заботы, другія интересы. Мы состарѣмся, состарѣмся не подкрѣпляя, не поддерживая другъ друга! Увы! только старость принесетъ для меня, можетъ-быть, покой; но я воображала, что проведу ее съ тобою, окруженная семействомъ, милыми дѣтьми, вдали отъ страстей, въ тихой мирной сферѣ! А потомъ, прибавила она, прильнувъ къ нему, какъ-будто хотѣла спастись въ его объятіяхъ: —потомъ придетъ смерть, Фридрихъ, смерть, и мнѣ нельзя будетъ бросить послѣдняго взгляда на тебя, сказать тебѣ послѣднюю мысль!... Ты не запечатлѣешь послѣдняго поцалуя прощанія на лицѣ бѣдной Генриетты.

При этихъ словахъ, Фридрихъ поклонился, что они никогда не расстанутся, что эта жертва выше ихъ силъ, и что онъ никогда на нее не согласится. Генриетта плакала какъ дитя. Она только повторила: «мой Фридрихъ! мой Фридрихъ!» такимъ горькимъ голономъ, что самому безчувственному сердцу стало бы жалко. Однакожь, послѣ минутной слабости и отчаянія, она призвала на помощь все свое мужество. Она встала и сказала Фридриху:

— Прийди, другъ мой, еще разъ въ мои объятія; дай всмотрѣться въ тебя, чтобъ каждая черта твоя навѣки осталась въ моей памяти.—Она смотрѣла на него долго. — Вотъ твои волосы, которыми такъ часто играла; вотъ глаза, всегда смотрѣвшіе на меня, рука, такъ часто сжимавшая мою руку!.. Прощай! прощай, говорила она,

дадуя то глаза, то волосы, то руки его. — Теперь ступай, прощай тебя. Прощай! прощай!

Фридрихъ не зналъ, на что рѣшиться. Онъ сжималъ ее въ своихъ объятіяхъ и отталкивалъ. Онъ плакалъ, проклиналъ судьбу, обещалъ удавиться, и оставался. Наконецъ, онъ сказалъ ей: — Позволь мнѣ еще разъ повидаться съ тетушкой; можетъ-быть, она перемѣнила свое мнѣніе, увидѣвъ тебя. Позволь мнѣ еще поговорить съ нею; помоги, кланюсь тебѣ, и исполню все, чего ты ни захочешь. Не знаю, что-то говоритъ мнѣ, что мнѣ удастся. — И надежда сіяла въ его взорахъ.

Генріэтта отерла слезы и какъ-будто раздвигала съ ними эту мысль. Она взяла перо и написала нѣсколько строкъ.

— Можетъ-быть, ты и правъ, сказала она. — Отдай это письмо своей теткѣ, милый Фридрихъ; я тоже надѣюсь. Ступай же; будь-дезь тверды.

— О! да! воскликнулъ онъ. — Я зналъ, что это невозможно.

И онъ бросился вбѣгъ.

— Ты не прощаешься? спросила Генріэтта, удерживая его!

— Не произноси этого печальнаго слова! До свиданія!

Она обняла его, подняла глаза къ небу и подбѣжала къ окну, чтобъ взглянуть на него еще разъ. Онъ ускорилъ шагъ и сдѣлалъ ей знакъ рукою: При поворотѣ дороги, онъ остановился въ нерѣшимости, и нѣсколько минутъ стоялъ, глядя на нее съ любовью. Наконецъ, онъ сдѣлалъ послѣдній знакъ прощанія и скрылся изъ вида.

— Фридрихъ! Фридрихъ! прощай! говорила она сквозь слезы.

Потерявъ его изъ вида, она закрыла лицо руками и сказала тихо, какъ-будто ей страшно было собственнаго голоса: — Я не увижу его больше!

XI.

Чѣмъ болѣе приближался Фридрихъ къ Мансфелду, тѣмъ болѣе жгучеела его надежда, и онъ почти готовъ былъ вертѣться. Когда онъ остановился и смотрѣлъ на Генріэтту, глѣзнувшую на него изъ окна, мрачная мысль родилась въ его воображеніи. — Нѣтъ, сказалъ онъ: — я увижу ее; но не-уже-ли за тѣмъ только, чтобъ снова съ нею разстаться?

Тетка была снисходительна и ласкова, какъ всегда. Когда она прочитала письмо Генріэтты, онъ прочелъ въ глазахъ ея глубокое участіе. Онъ началъ говорить ей о мысли, разнившейся въ душѣ его дорогою; но, говоря, онъ уже впередъ чувствовалъ, что она

отытаться, и надежда умирала въ его сердцѣ. Наконецъ, онъ самъ остановился, слегка поблѣднѣвъ, и сказалъ: — Увы! вижу очень-деко: я не могу обмануть себя! Мнѣ остается быть мужественнымъ и взять на себя большую половину несчастія, чтобъ пошадить Генриетту. — Онъ хотѣлъ уйти въ ту же минуту, но тетка удержала его.

— Я думаю, другъ мой, сказала она: — что мужество, о которомъ ты говоришь, всего нужнѣе въ настоящую минуту. Съ этими словами она подала ему письмо Генриетты.

«Удержите Фридриха у себя» писала она. «Богу известно, чего мнѣ стоить обмануть его, но это необходимо. Мы никогда не могли бы проститься, думая, что прощаемся навсегда. Помогите мнѣ; намѣреніе мое не измѣнилось, но при немъ у меня нѣтъ силъ исполнить его. Да будетъ онъ счастливъ! Вотъ мое неизмѣнное желаніе. Можетъ-быть, онъ и забудетъ меня... Однакожѣ, думаете ли вы, что это возможно? Любите его, — вамъ позволено любить его и говорить это; я лишена уже этого права. Скажите ему, что я вѣчно буду помнить счастье, которымъ онъ дарилъ меня, и что есть сердце, въ которомъ образъ его будетъ жить вѣчно, окруженный любовью и благодарностью. Скажите ему, что я примирилась съ своею участью. Но молитесь за меня, потому-что у меня нѣтъ уже силъ молиться.»

Фридрихъ покорился: онъ повѣлъ, что истерзанной душѣ ея надо доставить покой, ея единственное отнынѣ благо. Не смотря на доброту тѣтки, присутствіе ея наводило на него тоску. Онъ рѣшился уехать къ отцу.

— Не правда ли, сказалъ онъ тѣткѣ, прощаясь: — вы будете покровительствовать Генриеттѣ, вы не оставите ея?

Старушка отвѣчала: — Я люблю тебя какъ сына; еслибъ она могла принадлежать тебѣ, я любила бы ея какъ дочь. Ступай и будь спокоенъ; я всегда буду ей другомъ.

Онъ уехалъ; онъ долженъ былъ вооружиться всею силою души, и помнить, что только напрасно потревожить Генриетту, — чтобъ не видѣться не повидаться съ нею еще разъ. Онъ удержался, и скоро увидѣлъ старый замокъ отца и окрестные лѣса мрачныхъ сосенъ. Эти виды гармонировали съ состояніемъ его духа. Отецъ его постарѣлъ и сдѣлался еще хилѣе и холоднѣе. Первое свиданіе ихъ было однакоже трогательно. Баронъ проронилъ слезу на морщинахъ щеки, Фридрихъ обнялъ его съ безбжаннымъ чувствомъ. Отецъ его, можетъ-быть, зналъ или отгадалъ причину этого; онъ не расспрашивалъ его. Но скоро характеръ его опять взялъ верхъ.

Долгіе дни въ замкѣ его предковъ были наполнены для Фридриха одною мыслью; щеки его впадали, глаза часто говорили о

душевномъ страданіи. Это беспокоило отца. Онъ заговорилъ о новомъ путешествіи, о Франціи, которую хотѣлъ бы увидѣть еще разъ, но онъ былъ слишкомъ старъ, — и въ этомъ словѣ было для него высказано все. Конечно, грустно было для него одиночество на склонѣ жизни, но сдѣлать сына человѣкомъ было для него всего дороже. Еще годъ, думалъ онъ, и рассудокъ его созрѣетъ; тогда можно подумать и женить его. Это слово пролило смертельный холодъ въ сердце Фридриха, и онъ внутренно клялся никогда не соглашаться на бракъ. Баронъ развивалъ свои планы и говорилъ повелительно. Эти разговоры, это принужденіе оскорбляли чувствительность Фридриха, и онъ страдалъ жестоко. Навивный образъ Генріетты являлся ему еще болѣе кроткимъ и милымъ, и онъ не могъ понять своей разлуки съ нею. Чувствуя, что уединеніе истребляетъ въ немъ силы, и что эти ежедневные споры только раздражаютъ, онъ согласился на желаніе отца и поѣхалъ во Францію, съ сердцемъ, полнымъ скуки, безъ плановъ въ будущемъ, весь еще погруженный въ прошедшее.

Между-тѣмъ, Генріетта старалась отогнать печаль занятіями, которыя могли бы ее сблизить съ дѣйствительною жизнью. Желая опять поселиться въ Гейдельбергъ, она хотѣла занять прежнее жилище, гдѣ въ первый разъ увидѣла Фридриха. Къ-несчастію, оно было занято; судьба отказала ей въ сладкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ грустномъ воспоминаніи. Она нашла въ томъ же домѣ комнату. Здѣсь, она то предавалась грусти и плакала по цѣлымъ днямъ, то, примиряясь съ участіемъ, почти даже веселая, принималась за работу и обманывала время, пробывая мыслію прекрасную возму любви своей. Она написала къ доктору, прося уведомить ее, могутъ ли сестра ея и ребенокъ возвратиться къ ней? Но онъ посоветовалъ отложить это свиданіе. Генріетта желала быть съ ними вмѣстѣ, и въ то же время съ ужасомъ вспоминала, что будетъ уже не одна; а уединеніе было для нея свободою слезъ. Единственною радостію ея были письма отъ Фридриха. Она перечитывала ихъ двадцать разъ и начинала писать отвѣтъ; но чувство не давало докончить ей письма, перо выпадало изъ рукъ, и нерѣдко ночь заставала ее съ неподвижнымъ взоромъ, устремленнымъ на листокъ бумаги, омоченный слезами. Тѣтка Маріанна тоже писала ей иногда. Она поддерживала въ ней бодрость умными словами и возвышала ее въ собственныхъ глазахъ оказываемымъ ей уваженіемъ.

Такъ прошла зима. Она жила, если можно назвать жизнью безконечное сожалѣніе о томъ, что было и чего нѣтъ уже больше. Однакожъ, должно сознаться, первое время печали, можетъ-быть, легче переносить. Счастіе какъ-будто еще живетъ. Не вѣрится

какъ-то въ его конецъ. Ждешь: дни бегутъ; это отсутствіе. Такъ не отвыкнешь отъ любимаго существа. Но когда прошли уже нѣсныи и нѣтъ никакой перемѣны, когда чувствуешь на себѣ бремя времени, когда думаешь: сегодня, завтра, въ цѣлые годы никогда и никого! — тогда сердце теряетъ всякую надежду. Несчастье возрастаетъ во всей неотразимости, и безконечность его заставляетъ отступить съ ужасомъ. Такъ было и съ Герриэттой. Она почувствовала ужасную, ничѣмъ - ненаполнимую пустоту. Мысль, одушевлявшая жизнь ея, исчезла; она искала ее и не могла найти. Жестока минута, когда должно вырвать изъ души всѣ планы, согрѣвавшіе ее! Жизнь остается безъ цели; къ чему стремиться? Для чего трудиться? Могила является тогда мѣстомъ успокоенія и сна, тоскою, на которой воспоминаніе о прошедшемъ теряетъ свою горечь. Самыя письма Фридриха, бывшія до-тѣхъ-поръ единственными предметомъ ея ожиданій, сдѣлались источникомъ безпокойства и страха. Получивъ письмо, она обыкновенно рассматривала его долго, не распечатывая, потомъ читала съ жадностью и еще болѣе теряла душевныхъ силъ. Эти знаки любви его погружали ее въ неисчерпаемую печаль; отсутствіе его дѣлалось чувствительнымъ; она видѣла его тѣмъ же, какимъ былъ онъ при ней. Увы! обманъ продолжался недолго; и вмѣсто его знакомаго, отраднаго голоса, передъ ней былъ только клочокъ холодной бумаги съ безсильными словами, которыя одушевили бы зыкъ и глаза. Любовь Фридриха, казалось, еще усилилась въ разлукѣ. Съ каждымъ письмомъ, выраженія были все болѣе и болѣе страстны, сожалѣнія живѣе. Герриетта поняла, что исполнить только половину долга, если не возвратитъ его вполне самому-себѣ. По-этому, она умоляла его не писать ей больше; онъ не соглашался и клялся, что этимъ послѣднимъ и единственнымъ утѣшеніемъ никогда не пожертвуетъ. Тогда Герриетта обратилась къ его состраданію и просила пожалѣть ее. «Я чувствую, другъ мой» писала она: «что каждое письмо твое только—мимолетное удовольствіе, за которымъ слѣдуетъ новая вѣчная потеря. Надо ли доказывать, что я должна отказаться отъ этого жестокаго блага? Пусть же этимъ письмомъ окончится наша переписка. Пусть передастъ оно тебѣ всю любовь мою. Еще одна просьба: думай о себѣ, о своей будущности. Только этимъ способомъ можешь ты опять найти свое прошедшее. Вспомни мои прежнія желанія, и не обмань ихъ. Прощай же, до свиданія тамъ, гдѣ мы будемъ имѣть право любить другъ друга вѣчно. Тайная радость озаряетъ въ эту минуту мою душу: я думаю, что если ты когда-нибудь измѣнишься, я не буду знать этого; ты останешься для меня вѣчно-юнымъ и вѣрнымъ...»

Последняя связь была прервана; Генриетта надеялась, что ему легче будет покориться судьбе.

Но когда возвратилась весна, когда показались опять ласточки, и весело пробуждалась природа, печаль ее сдвигалась еще-убийственнее. Весенние лучи как-будто ярче освещали ее сердце и открывали скорбь ее; ароматы цветов зарождали въ ней какое-то неопределенное стремление къ безконечному. Однажды, вечеромъ, она увидѣла дѣвущку, медленно шедшую съ женихомъ съѣздить по велеиому берегу Неккера. Она воротилась домой и проплакала всю ночь. Она очень поблѣднѣла, но красота ея ничего отъ-того не потеряла; оболочка какъ-будто стала тоньше, и душа просвѣчивалась виднѣе. Только глаза ее получили такое грустное выраженіе, что одна нищая, принимая отъ нея подаиіе, сказала: «бдннжика!» Какъ только жильцы вышли изъ ея прежней квартиры, она дала ея, чтобъ наслаждаться горькимъ удовольствіемъ возвращенія въ мѣста, бывшія свидѣтелями ея чистѣйшаго блаженства. Она разставила бѣдную мебель свою по прежнимъ мѣстамъ, открыла окно и облокотилась на него, какъ-будто ожидая Фридриха. Тутъ простояла она нѣсколько минутъ, потомъ обратилась къ служанкѣ, отворившей ей дверь, и поблагодарила ее очень-спокойно; но какъ тихо и съ такимъ измѣнившимся лицомъ, что служанка, забывъ на другой день, что она не выходитъ, поспѣшила къ ней съ сильнѣйшмъ безпокойствомъ. Она нашла ее въ горячкѣ. Тотчасъ повѣстивъ тѣтку Фридриха. Съ-тѣхъ-поръ, какъ Генриетта прѣѣхала въ Гейдельбергъ, тѣтка просила хозяйку дома извѣстить ее при малѣйшемъ признакѣ болѣзни.

Нѣсколько дней Генриетта была при смерти. Только молодость ея боролась съ болѣзью и горестью; желаніе умереть высказывалось въ несвязныхъ словахъ, вылетающихъ изъ горячихъ устъ ея. Однажды вечеромъ, она развела руки, какъ-будто желая обнять кого-то, сделала губами движеніе, похожее на поцалуй и упала на постель. Думали, что все кончено.

Генриетта не умерла. Печаль убиваетъ редко. Иначе сколько любимахъ существъ уведели бы насъ за собою въ могилу! За раздраженнымъ періодомъ горячки послѣдовало какое-то онемѣніе; глаза ея оставались закрыты, и члены были безъ движенія; только правая рука прижималась къ сердцу, какъ-будто желая поддѣлать къ нему тайное страданіе. Наконецъ, однажды она сделала легкое движеніе, раскрыла глаза и, казалось, пробудившись отъ долгаго сна. Она оглянулась съ удивленіемъ, и думала сначала, что глаза ее обманываютъ. Тѣтка Маріанна держала ее за руку; передъ нею стояла сестра ея, держа на рукахъ ребенка, свѣжаго какъ розанъ. Безпокойный взглядъ сестры уже исчезъ.

Докторъ, котораго она тотчасъ узнала, сидѣлъ возлѣ кровати и смотрѣлъ на нее со вниманіемъ.

— Она спасена, сказалъ онъ наконецъ.

— Сестра! Дитя мое! прошептала Генриетта. Она хотѣла прижать ихъ къ своей груди, но была слишкомъ-слаба. Надобно было остановить ее, чтобъ она по-неволѣ согласилась отдохнуть и успокоиться. Выздоровленіе было медленно, но пріятно. Въ этой комнатѣ заключались сокровища; въ ней соединялись дружба, преданность, уваженіе. Болезнь Генриетты какъ-будто унесла съ собою всю горечь грусти. Когда печаль ея становилась слишкомъ-сильна, она брала на руки своего ребенка, глядѣла на сестру, и находила успокоеніе въ сознаніи исполненнаго долга. Она сказала тѣткѣ Маріаннѣ, что однажды, во время болѣзни, ей почудилось, что къ ней склонилась милая дѣтская головка, и что она приняла это видѣніе за своего добраго ангела. — Дѣйствительно, это мой добрый ангелъ, прибавила она, прижимая къ себѣ ребенка:—онъ не оставитъ меня и будетъ моимъ путеводителемъ въ жизни. Разсудокъ не вполнѣ былъ возвращенъ сестрѣ ея, но въ ней произошла большая перемѣна: въ ней осталась только какаѣ-то слабость ума; это дѣлало ее полуребенкомъ и не позволяло ей долго слѣдовать за одною мыслію. Память ея также была слаба. Впрочемъ, однажды она спросила Генриетту: — Скажи мнѣ, пожалуйста, не ошибаюсь ли я? Мнѣ кажется, я видѣла прежде возлѣ тебя друга, молодаго человека?

Слезы навернулись на глазахъ Генриетты; она подавила ихъ, и сказала сестрѣ, стараясь улыбнуться.— Ты ошибаешься, сестрица.

Дружба ихъ была трогательна. Генриетта старалась быть веселою, Маріанна помогала ей въ домашнихъ заботахъ; но у ней не доставало навыка. Она преимущественно занималась ребенкомъ, къ которому привязалась сильнѣе прежняго. Это была хорошенькая дѣвочка, названная по имени матери, Генриеттой. Мать страстно прижимала ее къ своему сердцу; она любила ее всею силой души. Жизнь ея, казалось, наконецъ опредѣлилась; она была по-прежнему печальна, но спокойна. Однажды, тѣтка Маріанна заѣхала за ней и отвезла ее къ воротамъ Гейдельберга, къ подошвѣ горы, на которой стоялъ старый замокъ; тутъ былъ маленькій домикъ, окруженный веселымъ садомъ, и тѣтка сказала ей, что она у себя дома. Она наняла это жилище для нея. Генриетта покраснѣла отъ удовольствія, поблагодарила, но не хотѣла принять подарка.

— Пріймите его, дитя мое, сказала Маріанна съ обыкновенною своею добротою и простотою:—такъ надо. Вы исполнили первую просьбу мою, не откажите же во второй. Вы любите цветы: тутъ вы можете разводить ихъ. Здѣсь вы будете жить, если не

счастлива, какъ я желала бы, по-крайней-мѣрѣ спокойно. Не откажите мнѣ, и вспомните, что я отвѣчаю за вашу жизнь.

Здѣсь-то, въ этомъ простомъ жилищѣ, вдали отъ свѣта, о которомъ не сожалѣла, окруженная любовью и уваженіемъ, Генріэтта почувствовала, что она наконецъ въ пристани и получила награду за свою жертву. Прошедшее казалось ей прекраснымъ своимъ, котораго безумно было бы искать пробудившись, и любовь ея, превратившаяся въ доброе дѣло, очищенная отреченіемъ, укрощенная временемъ и разстояніемъ, стала для нея только сладкимъ воспоминаніемъ.

XII.

Годы шли за годами; медленная перемѣна, которую они влекутъ за собою, совершилась. Генріэтта почувствовала благодѣяніе исполненнаго долга; Фридрихъ укрѣпилъ душевныя силы свои и, собравъ плодъ, посвященный этимъ кроткимъ ангеломъ, вступилъ въ дѣйствительную жизнь съ прочнымъ знаніемъ, съ возвышеннымъ духомъ, съ богатымъ воспоминаніемъ прошедшаго и благородною цѣлью впереди. Достигнетъ ли онъ ея? Будетъ ли онъ такимъ, какимъ представляла его себѣ любовь Генріэтты? Кто могъ знать это? Но вѣрно то, что эта чистая любовь сохранила его раннюю молодость и забросила въ сердце его драгоценныя сѣмена.

Когда онъ, послѣ трехъ лѣтъ путешествія и наблюденій, снова постучался у дверей тѣтки, много мыслей пролетало въ головѣ его. Онъ улыбнулся, вспомнивъ вечеръ, когда онъ въ первый разъ постучался въ эти двери, и былъ такъ молодъ и безпеченъ. Послѣ первыхъ минутъ свиданія, онъ невольно впалъ въ задумчивость. Сидя возлѣ него, тѣтка молча двигала неумолимыя иглы своего вязанья. Ничто не измѣнилось ни въ ней, ни около нея скромный свѣтъ отъ маленькой лампы слегка освѣщалъ ея добродушныя черты; иногда, украдкой, она наблюдала Фридриха, возмужавшаго лицомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ непотерявшаго кроткаго выраженія. Наконецъ, какъ-будто отвѣчая на его мысль, она сказала:—Генріэтта здорова.

Фридрихъ живо поднялъ голову. — Счастлива она? Не обманывайте меня! спросилъ онъ.

— Счастлива, какъ можетъ быть счастлива.

Фридрихъ сдвигалъ тогда тѣтку тысячу вопросовъ, на которые та отвѣчала очень-охотно. Передъ ней былъ уже не юноша, увлеченный страстью и печалью: это былъ другъ спокойный и преданный, освѣдомлявшійся о своемъ другѣ. Онъ вспоминалъ о прѣ-

жизни своей, какъ о милой, невозвратной мечтѣ. Но эти мысли увлекали его, онъ чувствовалъ разность обстоятельствъ и грустилъ, чувствуя, что переменялся съ теченіемъ времени. — Жалкая вещь, сказалъ онъ:—человѣческое сердце! Насколько атъ —и оно почти утѣшилось. Настоящее приковываетъ къ себѣ, будущность манитъ; честолюбіе заражается. И чувствую, любви моя улетѣла, и ея не воротить; но, по-крайней-мѣрѣ, воспоминаніе о ней еще живо, еще плевнеть меня, и я не желаю бы изгнать его изъ жизни.

— Другъ мой, отвѣчала тетка: — вотъ въ чемъ истина: все въ этомъ мірѣ заключаетъ въ себѣ поученіе. Оно вытекаетъ и изъ твоей молодости. Ваша любовь была исключеніемъ. Какъ вся мечта, она должна была пасть предъ действительностью. Непрочное счастье, основанное на исключеніи. Пробыте часъ, и одного дыханія довольно, чтобъ разрушить все.

— Вы должны такъ думать, сказалъ Фридрихъ послѣ минутнаго молчанія. — Нравственность, религія, все, я сознаюсь въ этомъ, осуждаетъ незаконную любовь; но какъ сладка, какъ прекрасна была наша любовь! Какая тайная добродѣтель скрывалась въ ней и дала ей такое окончаніе! Это потому, что эта любовь была истинная — рѣдкое соединеніе молодости и чистоты. Я видѣлъ примѣры другой любви: они кончались дурно, потому что дурно были начаты. Вспомните Антоніо: связь его съ госпожею Рендерсъ, — шестеліе начало и кончало ее: Кто знаетъ, куда вѣтели бы теперь по набранной имъ роковой дорогѣ? Чувствительность портитъ его, уничтожаетъ въ немъ благородныя стремленія, подмываетъ талантъ. Онъ истратитъ всю жизнь, если ничто его не оставитъ. Не такова была любовь Генриетты: она направилась не на лучший путь, она и теперь предвѣщаетъ мнѣ благородныя и истинныя желанія и я могу сказать: счастливы тѣ, которые любилъ такъ, какъ я! Истинная любовь, даже если она основана на исключеніи, начинается и кончается хорошо. Она живетъ въ томъ, что есть благороднаго въ душѣ и сердцѣ, она развиваетъ ихъ, она снискательна, и при наступленіи минуты, когда ей должно кончиться, она всегда находитъ преданность, готовую поддержать ее въ часъ пожертвованія, и воспоминаніе, чтобъ утѣшить ее потомъ.

Фридрихъ говорилъ съ жаромъ и убѣжденіемъ. Тетка слушала его внимательно. Когда онъ замолчалъ, она тихо положила руку на плечо его и сказала:

— Ты сказалъ правду. Такая любовь рѣдкость, но она эрроритъ и старается зло, могущее истребить ее. Не жаль мнѣ, другъ мой, счастливы тѣ, кто найдетъ такую любовь въ женщинахъ, на которыхъ можно вѣрнаться! Вспомни, какою сиротой была сиротина

что означала для него любовь; подумай, какое царство кипит на твоем месте, который, при других обстоятельствах, был бы твоим естественным утешителем!..

Фридрих не отвечал. Он чувствовал всю справедливость ее слов, и мысль о браке уже весьма представлялась ему его. Он предавался мечтам, когда такой соню определять жизнь его и исполнить желание отца. Он чувствовал, что эта связь не будет ему столько утешением любви, но он справедливо рассуждал, что возвышенные чувства непродолжительны и неустойчивы.

Однако когда воспоминаний подмывали его сердце. Воспоминание его было, может быть, не так совершенно, как он думал. Он не устоял против желания увидеть Генриетту и отправился в Гейльсбергу. Тетка описала ему домик и положение горы. Он дерко отыскал его. Но при виде его, сердце его забилось так сильно, что он остановился и не смел поступить далее. Садик был окружен высокими деревьями дубовыми и липовыми. Фридрих дошел до крыльца сада и сматывая и не решившись, как ему идти дальше, вдруг увидел лаский мимолетный. Он выронул, наклонился на землю, и взглянул на саля. Девушка шла вдали, слышал, казалось, слышал исполнить его желание: это была Генриетта. Одетая в белое платье, она сохраняла прежнюю выдержанность чистоты и добродушия, приятное еще незнакомой. Она поклонилась ему в саду; видно она была счастлива до вид на свидание была вечная. Фридрих не смел дойти; продолжая любовь, она была в доме при виде Генриетты. Она прошла мимо плетня так близко, что она думала, она его заметит; но ошибся. Генриетта наклонилась и сказала вступительное, это любимая девушка, подарившая ей на день свадьбы. Она долго плакала, она дрожала, неопредленно глядя на него. Как будто бы она о ком-то и Фридриху показалось, что на ее плечи легло что-то блестящее. Была ли это слеза, или росинка? Генриетта открыла платок на груди и как будто обиделась. Кроткое выражение душевной ясности озарило лицо ее. В эту минуту, показавшись в доме своей работы, Генриетта послышалась туга; Фридрих вышел, как она вбежала на лестницу сада к салям ступеням, и скоро достиг ее при виде.

Он не мог идти к ней, Он все молчал: безмолвное сокращение, тихое воспоминание и примирение. Он не должен был думать этого покоя, подумал он. — Все кончено; не для того, чтобы сказать слово. Благая Генриетта! На крайней горе, я знаю, что есть на свете сердце, которое умрет, слыша.

Он тихо вошел на гору и встал на ее развилке. Он слышал вдали подуванием арфы, слышал в черном роще, слышал

ему Генриетта. Здесь зародились первая мечта его, здесь пролилъ онъ послѣднія слезы юности. Воздухъ былъ тяжелъ; небо покрайне неподвижными тучами. Фридрихъ пробылъ здѣсь почти цѣлый день, погруженный въ думу, то возвращаясь къ прошедшему, то вопрошая неизвестную, открывающуюся передъ нимъ будущность. Вечеру онъ всталъ и бросилъ вокругъ себя долгій, прощальный взоръ. Онъ былъ спокоенъ, полонъ уваженія къ минувшему, полонъ мужества въ предстоящемъ. Вся жизнь его, выветъ съ жизнью Генриетты, являлась ему въ символахъ природы; благоухающіе цвѣты покрывали развалины, птицы вѣли на вѣтвяхъ обломкахъ; жаръ дня спалъ; буря прошла дальше; нѣсколько тучекъ носились еще по небу, но легкій вѣтерокъ стонялъ ихъ, и все возвышало тишину и ясность завтрашнему дню.

Н Я Н Я.

• Здравствуй, родимый, — узнала ты старуху? —

Поминишь ли няню твою?..

Какъ же ты выросъ, — высокій, пригожий!..

Право, едва узнаю!..

• То-то, чай, какъ тебя любить, даскаютъ,

Ясный соколикъ ты мой!..

Всая бы ты лучшую въ свѣтѣ невѣсту —

Счастлива будетъ съ тобой!..

• То-то, чай, всё на тебя заглядятся,

Какъ на лихомъ ты конѣ

Выйдешь въ поле на царскую службу

Въ золотѣ весь, какъ въ огнѣ;

• Кто жь тогда вспомнитъ, что молодецъ статный

Выросъ у груди моей,

Слушать любилъ мои пѣсенки, сказки, —

Стдалъ бессонныхъ ночей!..

• Что, одиноко мой вѣкъ деживая,

Думать о немъ я люблю;

Ставаю свѣчу предъ святою иконою,

Божію Матерь молю?..

И не домогала старая няня;

Могла стоять предо мной,

Очи глядеть, словно гаснуть тихонько —

И оживилась слезой!..

— Другъ мой, о счастьяхъ моихъ ты гадала,

Что жь мнѣ тебѣ говорить!

Теплую душу и чувство простое

Горько боюсь оскорбить!..

— Да, няня, видишь, — я счастлива и весела

Нѣ о чемъ даже вздохнуть!..

Только хотѣлось бы, слушая сказки,

Тихо и крѣпко заснуть!..

ДАЧА НА ПЕТЕРГОФСКОЙ ДОРОГѢ.

Повесть.

Это былъ такой добрый, такой превосходный молодой человекъ, что, право, невозможно было не интересоваться имъ.

Онъ былъ уже въ отставкѣ и жилъ съ старушкой-матерью въ Петербургѣ, на Антейнѣ, гдѣ нанялъ очень-хорошую квартиру во второмъ этажѣ, являлъ въ Михайловскій-Театръ, объѣдалъ нерѣдко въ Английскомъ-Клубѣ, имѣлъ несчетное множество тѣтушекъ и дядюшекъ, значительное имѣніе въ Тульской-Губерніи и такое же точно значительное количество—долгу.

Что дѣлать! въ молодости онъ служилъ въ гусарахъ... позашился, проигрался; мать была въ отчаяніи, а тѣтушки!... объ нихъ нечего и говорить! особливо одна тѣтушка, Елена Павловна; эта рѣшительно была уже вѣв себя. По всему городу, то-есть по всѣмъ знаковымъ домамъ, точно будто-бы тревогу били тѣтушки, и вездѣ слышно было по секрету: «Бѣдная сестра! несчастная женщина! повѣса! погубила бѣдную мать. Еслибъ былъ отецъ, конечно, ужь не то бы было», и тому подобное. При такомъ множествѣ тѣтушекъ, конечно, было также много и кузинъ; кузины также шумели и даже плакали; но онѣ говорили: «это просто несчастіе; Евгенийъ превосходный человекъ; святая, небесная душа! онъ былъ завлеченъ, но онъ исправится... о, это вѣрно!»

Собрались всѣ на общій совѣтъ, тѣтушки и дядюшки, и рѣшили заложить имѣніе, но заложить уже все, хотя бы и половины было достаточно для уплаты долга. Тѣтушки и дядюшки думали такъ: остальные деньги отдать въ вѣрныя руки, чтобъ процентами улаживать въ Совѣтъ; явная выгода: Совѣтъ удовлетворенъ и капиталъ остается. Дядюшки, особливо тѣтушки, были очень-разсчитливы. Княгиня согласилась... Я забыла сказать, что интересный молодой человекъ былъ князь.

Дѣла немного поуладились, и тѣтушки успокоились. Но жизнь въ Петербургѣ дорогá, очень-дорогá. Общество имѣетъ свои обыкновенія, отъ которыхъ уклониться нельзя иначе, какъ оставя его. Петербургъ, что ни говорите — просто маленькой городокъ, гдѣ всѣхъ и всякаго знаютъ; слѣдственно, малѣйшая переменна въ образъ жизни неминуемо производитъ толки. Сейчасъ начнутся: какъ? что? отъ-чего? а! скупится, экономничаетъ: видно пришло плохо. И, стало-быть, уже такъ плохо, что никакого средства нѣтъ, когда уже даль всѣмъ замѣтить. Жаль, право! «Другіе скажутъ: по-дальше! а третьи хоть и ничего не скажутъ, но такъ вздохнуть, какъ-будто-бы у нихъ гора съ плечъ свалилась. Въдъ чужое счастье нимы, право, гора на плечахъ! Ну, теперь я спрашиваю, гдѣ стоишь, который, подъ бременемъ подобныхъ заключеній, покойно, равнодушно лягнется въ залахъ, гдѣ прежде бывалъ, какъ и всѣ, разувается? Разорился? это еще ничего. Мало ли людей, которые въ долгу, какъ въ шелку, а бросаютъ деньгами какъ богатые, — и хорошо. Но признаться, что разорился, слѣдственно не оставить тысячи на картонномъ столѣ, не войдетъ въ итальянскую оперу, не броситъ денегъ на ужинъ съ пріятелями, не возьметъ лотерейнаго билета, потому что... потому-что... ему не на что: есть что превосходить чуждыя чужія силы! вотъ что требуетъ истиннаго стоицизма!». Не такое стоицизма еще никто не знаетъ, нѣтъ. Лишь бы себя необходимо лишь бы о томъ никто не зналъ, вертѣться на желѣзной постели, придумывая какъ ускользнуть отъ кредиторовъ, сирота сирота и заглуша еще-неуслышанную совѣсть, обманывать не-право и не-честно — это еще возможно. Не признаться, что обиднаго?... О, нѣтъ!

И этого-то никто не могъ сказать о князѣ и княгинѣ. У нихъ все было по-старому: карета и лошади, и кресло въ Михайловскомъ Театрѣ, и разъ въ недѣлю обѣдъ для дамышекъ и тетушекъ, — все какъ и прежде! а тамъ... Богъ-знаетъ какъ служилъ, только вдругъ, капиталъ, отложенный для уплаты въ Соезѣ, лопотъ такъ, что и въ рукахъ не удержали. А тамъ невероятные дамы, мужиковъ кормить; а тамъ урешашины, сбыта хлѣбу нѣтъ. Была же бѣда! А квартира, карета и обѣды по-старому. Начались дамышки, описи, чуть не дошли до публикацій въ газеткахъ. Право, жизнь семейства, въ подобныхъ обстоятельствахъ — настоящая драма, адская тревога, опасеній, отчаяній, и, разувается — казенная, небесныхъ утѣшеній, жертвъ. Никто только не хочетъ видеть въ ней поэзію, потому-что главная основа ея — деньги, этотъ верный должитель нашего вѣка, котораго единъ звукъ сотрясаетъ всѣмъ сердцемъ, — и ему отказываютъ въ поэзіи!..

Имѣніе было все перешагнута въ частныя руки; еще последние были сдѣланы обороты. Однимъ словомъ, все было кончено.

тришнръ кафтанъ, и однако, тетушки на семейныхъ сѣздахъ толковали о томъ, какъ бы его еще поукоротить.

Интересны были эти толки. Конечно, это случалось не тогда, когда обыкновенно объедали всѣ родные; княгиня почти никуда не выѣзжала, — а какъ она была старшая въ родѣ и въ большомъ уваженіи, то рѣдкій вечеръ проходилъ, чтобъ у ней не было трехъ, четырехъ сестрицъ съ дочерьми и нѣсколькихъ братьевъ; играли въ преферансъ, и вотъ тогда-то, между преферансомъ и разбѣздомъ, а иногда и за преферансомъ, толковали о семейныхъ дѣлахъ. Тѣтушки предлагали свое мнѣніе, рассчитывали сколько недоимки, когда сроки, сколько доходу въ этотъ годъ, какъ бы увеличить его, и проч. При такихъ разговорахъ, князь, обыкновенно почтительный и добрый сынъ и племянникъ, выходилъ изъ своего характера, спорилъ, убѣждалъ, что всѣ подобныя разговоры совершенно ни къ чему не ведутъ, и оканчивалъ тѣмъ, что бралъ шляпу и уходилъ со двора. Княгиня, слегка раскрасившись, начинала проворнѣе обыкновеннаго вязать свое филе, а тѣтушки — кто бранить, кто жалѣть Евгенія, не совсѣмъ-искренно навиняя его; одна Елена Павловна, его постоянная защитница, чистосердечно брала сторону любимаго племянника. Елена Павловна была превосходная женщина и истинно любила его. Она была замужемъ за генераломъ... Это былъ также превосходный человекъ! отъ нижнихъ чиновъ до густыхъ эполетъ служилъ онъ въ комиссаріатѣ, можно сказать выросъ тамъ и зналъ дѣла какъ свои пять пальцевъ. Они занимали въ Коломнѣ; жили очень-хорошо, — разумѣется, не въ большомъ свѣтѣ: генералъ былъ озабоченъ, занятъ, да таки и не любилъ большого свѣта. У нихъ былъ свой кругъ, свои вечера — и пріятны!

Говорили, что Иванъ Григорьевичъ, его превосходительство Иванъ Григорьевичъ имѣлъ состояніе, в хорошее; впрочемъ, никто не помнилъ, чтобъ кто-нибудь изъ родныхъ или друзей былъ долженъ Ивану Григорьевичу, его превосходительству Ивану Григорьевичу, — онъ очень любилъ, чтобъ его такъ называли. Иванъ Григорьевичъ имѣлъ одну изъ тѣхъ счастливыхъ физіономій, которыя издали еще кажется говорить: «батюшка! радъ бы душою! но вѣрите ли? самому до зарѣзу...». Потому Елена Павловна, при всей своей любви къ племяннику и сестрѣ, могла служить имъ только — совѣтами, и не скупилась на нихъ. Впрочемъ, Елена Павловна была не только превосходная женщина, но и превосходная жена, и потому, какъ многія превосходныя жены, служила отголоскомъ своему мужу. — «Вѣрите ль, сестрица», говаривала Елена Павловна, «последнюю бѣленькую бумажку отдалъ мнѣ сегодня на расходъ. Нынѣче ужасно-тяжелые годы». Княгиня улыбалась.

Бывало, Елена Павловна, толкуя съ сестрою, какъ бы попра-

вить дѣла, поговаривала, чтобъ племянникъ вступилъ въ службу, если не хочетъ по комиссаріату, то... по какому-нибудь другому вѣдомству. Но это не нравилось княгинѣ. Странное твореніе человѣкъ! Елена Павловна и княгиня были родныя сестры одинаково-воспитанныя, а понятія ихъ были такъ различны, что трудно и постигнуть, какъ могло это быть. Точно будто онѣ были съ разныхъ сторонъ свѣта. А между-тѣмъ, исторія ихъ очень-проста. Ихъ было девять дочекъ у батюшки; онѣ жили въ Москвѣ и всѣ были хорошо пристроены; княгиня была старшею. Ее отдали за князя, тульскаго помѣщика, богатаго барина. Князь по зимамъ жилъ въ Москвѣ, кормилъ встрѣчнаго и поперечнаго; осенью заѣзжалъ въ отъѣзжее поле и держалъ огромную дворню. Онъ цѣлый вѣкъ былъ попечителемъ какого-то заведенія и умеръ, оставя долги; поэтому княгиня никакъ не умѣла и не хотѣла понять, что службою можно поправить состояніе. Она, въ-слѣдствіе горькихъ обстоятельствъ, научилась занимать и не отдавать, забывать сроки, водить кредиторовъ по нѣскольку мѣсяцевъ, при крайности продать... человѣка... въ рекруты... но поправить состояніе службою — при этомъ одномъ словѣ краска вступала ей въ лицо, что обыкновенно было знакомъ сильнаго негодованія у княгини. Между-тѣмъ, Елена Павловна приходила почти въ такое же негодованіе при исчисленіи средствъ, о которыхъ мы сказали выше, кромѣ послѣдняго, однакожь, которое казалось очень-извинительнымъ. Что же касается до первыхъ, она никакъ не могла понять, какъ княгиня, столько щекотливая во всемъ касающемся до чести, могла быть такъ равнодушна къ подобнымъ средствамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣла столько предубѣжденія противъ ея дружескихъ совѣтовъ на счетъ службы племянника. Впрочемъ, это несогласіе въ образъ мыслей никакъ не доходило до неудовольствія, и всѣ споры на этотъ предметъ обыкновенно оканчивались шуткою со стороны Елены Павловны, которая называла племянника грансенъеромъ, сопровождая это названіе такою добродушною улыбкою, что не оставалось никакого подозрѣнія въ ироніи. Что дѣлать! превосходная женщина видѣла, что напрасно будетъ настаивать на своемъ предложеніи. Елена Павловна была отдана за Ивана Григорьевича не по любви и не за богатство (у него родоваго не было ни души); но одинъ дядюшка увѣрилъ мать Елены Павловны, тогда уже вдову, что у Ивана Григорьевича голова лучше, нежели у другаго тысяча душъ, и то такихъ, которыя даютъ пятнадцать на сто. Иванъ Григорьевичъ вполнѣ оправдалъ доброе мнѣніе дядюшки и доказалъ, что голова у него дѣйствительно лучше тысячи душъ. Елена Павловна хоть и говорила обыкновенно: «мы люди простые; куда намъ за богатыми да за знатью!» однако пользовалась всѣми выгодами богатства. Въ

обществѣ мужа, она скоро приобрѣла тотъ шавыкъ, который судить людей съ перваго взгляда, и потому сама видѣла, что любимый племянникъ не то, чтобъ могъ самъ собою замѣнить цѣнность тысячи душъ, которыя даютъ пятнадцать на сто, но что даже онъ... хуже, чѣмъ мертвый капиталъ, что онъ какъ капиталъ умирающій, т. е. который вѣчно въ убыткѣ пятнадцать на сто. Ужасное положеніе! особенно для такой доброй тетушки. Княгиня, — это дѣло другое, — княгиня думала, что Евгенію только имѣть счастья, а будь оно, давно бы оцѣнили его, и хоть въ министры. Елена Павловна думала — было посовѣтовать заняться хозяйствомъ. Но какъ сестрицѣ ухватъ съ Литейной? она, кажется, въ другомъ мѣстѣ и существовать не можетъ. Оставалось одно — женитьба, и Елена Павловна ухватилась за эту мысль. И спать и видѣть женить Евгенія на богатой. Но и тутъ препятствіе. Сколько разъ слышала она отъ Евгенія, по случаю женитьбы на богатыхъ: продать себя! фи!.. Жить имѣніемъ жены! Зависѣть отъ женщины изъ куска хлѣба и тому-подобныя, вы согласитесь, *романическія бредни*. Но вода и камень долбитъ, говоритъ пословица; нужда хорошая учительница, думаетъ Елена Павловна и не теряетъ надежды. Сначала шуткою, потомъ и серьезно, но каждый день говоритъ одно и то же; ее слушаютъ и смѣются, и опять слушаютъ. Между-тѣмъ, она не дремлетъ: и о той подумаетъ, и о другой повыспроситъ; поѣдетъ къ Чухнымъ и къ Селигеновымъ, и тамъ посмотритъ и въ другомъ мѣстѣ. Словомъ, искать невесту сдѣлалось единственною жизнію Елены Павловны, найти — цѣлю, къ которой устремилась вся ея дѣятельность. И вотъ, что утро, она въ карету и изъ Колонны въ Сергіевскую, оттуда на Васильевскій-Островъ и т. д. Какъ лошади только носятъ!

Вотъ одинъ разъ, княгиня только-что встала и въ бѣломъ утреннемъ капотѣ расположилась, по обыкновенію, на своемъ маленькомъ канапѣ, за столикомъ, на который только-что поставили душистый кофе въ фарфоровомъ кофейникѣ, вдругъ — Елена Павловна. Княгиня нѣсколько удивилась. — А! сестра! какъ это такъ рано?

— Здравствуйте, сестрица! каковы вы? А я, представьте: вчера была у Бѣлугиной и играла тамъ до двухъ часовъ! Затянулись ремизы... Ну, что будешь дѣлать?

— Что же ты сдѣлала?

— Проигралась, разумеется, и еще Ивану Григорьичу даже не сказала. Такое несчастье, что ужасъ! Да это бы что еще...

— Да каково съ дачи-то ѣхать домой въ два часа ночи! Вѣдь она на шестой верстѣ?

— Нѣтъ, это не тѣ, эти на островахъ, на Каменномъ. Да что до этого? Знаете ли что?

— Что такое?

— Вѣдь она меня сегодня везетъ къ невесткѣ на дачу. Вотъ къ той-то, что живетъ на Петергофской-Дорогѣ.

— Ну, что же изъ этого?

— Какъ что? Вѣдь на той же дачѣ живетъ старушка Байданова. Вы знаете ее?

— Байданова? нѣтъ.

— Ахъ, какъ же! вы забыли. Помните, одинъ Байдановъ служилъ въ кирасирахъ и былъ убитъ въ турецкую-кампанію, а другой,—ихъ было два брата, — другой служилъ въ Опекунскомъ Советѣ, въ Москвѣ; домъ у нихъ былъ на Никитской.

— Да, да, да! постой. Кажется, онъ былъ женатъ на... Сумбуровой?

— Марья Сергѣевна, которой братъ былъ женатъ на княжнѣ Арнаутовой. Домъ у нихъ былъ на Пречистенкѣ, большой, съ колоннами. Помните, бывало, тѣтушка Вѣра Михайловна еще часто ѣздила къ нимъ?

— Помню, помню. У нихъ-то я и видала Байдановыхъ. Одинъ изъ нихъ былъ влюбленъ въ покойницу сестру, Машеньку.

— Это тотъ, что былъ убитъ.

— Нѣтъ, кажется другой.

— Нѣтъ, я вѣдь знаю. Тотъ такъ и умеръ холостымъ. А другой-то женился на Сумбуровой еще прежде нашего прѣзда въ Москву.

— Точно. Теперь помню. Вѣдь у нихъ, кажется, было двое детей?

— Какъ же! дочь за княземъ Бацевымъ, а сынъ былъ женатъ на Лохинной.

— У которыхъ имѣнье въ Пензѣ?

— И чудесное. Недалеко отъ дядюшки Кирила Петровича. Если отъ насъ ѣхать къ дядюшкѣ, то надобно проѣзжать большимъ селомъ, церковь на горѣ, большой прудъ и плотина премерзкая... Помните, бывало, матушка покойница, грязь ли, что ли, ужь непременно выйдетъ изъ кареты. Огромное село! какъ-бишь его? Ялки... Ялково. Точно, Ялково. Вотъ видите, оно было дано въ приданое за матерью Лохинной, а Лохинна отдала его, по духовной, дочери, что вышла за Байданова. Тысяча-пятьсотъ душъ,—незаложенные. Какіе покосы, какіе сады! Да вѣдь, я думаю, вы помните?

— Какъ же не помнить! Да я знаю Ялково, какъ наше Иандрково. Ты видно сама-то забыла; матушка съ покойной Лохинной

жили, что называется, душа-въ-душу, и насъ, бывало, дѣтymi еще, почти каждую недѣлю туда возили, и ночевали мы тамъ, и бни у насъ иногда дня по три жилали. Да, конечно, ты этого помнить не можешь, потому-что была очень-мала тогда, а послѣ Лохина умерла. Онъ увхалъ, и мы съ-тѣхъ-поръ въ Ялцовѣ только и бывали, что проездомъ.

— Видите, сестрица; послѣ этого Байданова, что женатъ былъ на дочери покойной Лохинной, осталась одна дочь, единственная наследница.

— Не-уже-ли же Байдановъ умеръ? вѣдь онъ долженъ быть еще очень-молодъ.

— Давно умеръ, и жена умерла, и осталась только одна дочь, одна единст...

— Какъ все это умираетъ! сказала княгиня задумчиво. — Какъ теперь помню: онъ былъ очень-недуренъ собою, видный мужчина...

— Дочь, говорятъ, двѣ капли воды онъ, и представьте, одна единст...

— Жена его, Марья Сергѣевна, была очень-дурна; такой огромной носъ, да и глупенька была...

— Ахъ, сестрица! Да вѣдь вы это говорите о старикѣ Байдановѣ, что на Сумбуровой былъ женатъ. Да тѣхъ ужъ давно нѣтъ. А это слышъ его, что на Лохинной былъ женатъ. Вотъ у него-то осталась дочь, одна, единст...

— Точно, я смѣшала. Такъ не-уже-ли и онъ умеръ?

— Въ польскую кампанію былъ раненъ; повхалъ лечиться за границу и тамъ умеръ. А жена его умерла года два тому назадъ у себя въ подмосковной; только ее отвезли въ Ялцово и тамъ похоронили. А теперь вотъ ихъ-то дочь и живетъ на дачѣ, на Петербургской-Дорогѣ, съ бабушкой, Марьей Сергѣевной, которую вы помните.

— Какъ бы и хотѣла ее видѣть! Она была предобрая. Представь себя, я ея не видала... сколько? постой. Мы тогда жили на Фонтанкѣ.

— Это когда? какъ они въ Петербургъ-то увхали?

— Въ какой Петербургъ! Въ саратовскую деревню. Они прѣзжали проститься. Мы никогда ужъ съ-тѣхъ-поръ и не видались.

— Ахъ, сестрица! такъ вы тогда жили подъ Новинскимъ, у Деяги-Мучениковъ.

— Станешь ты меня увврать! на Срѣтенкѣ, близъ монастыря; ужъ я такъ это помню. Покойный князь Сергій Васильичъ былъ тогда на Кавказѣ, и я его ждала, а они и прѣехали прощаться. Я очень знаю.

— Ну, можетъ-быть. Только мнѣ кажется, что вы жили подлѣ Новинскимъ.

— Какъ это ты споришь? Мы подлѣ Новинскимъ жили, когда князь Сергій повезъ Еженія въ корпусъ.

— Точно, точно.

— Ну, да какъ же мнѣ не помнить? вѣдь это ты все забываешь.

— Дѣло не въ томъ, сестрица. А видите ли: у Байдановой слѣшкомъ двѣ тысячи душъ, да у бабушки, послѣ которой она одна единственная наследница, конечно, только пятьсотъ душъ, да денегъ, говорятъ, будетъ тысяча триста, если не больше.

— Такъ что же?

— Какъ что? надобно на ней женить Еженія.

— Да, попробуй-ка, уговори его!

— Право, сестрица, я вамъ удивляюсь. Какъ это вы никакой власти не имѣете надъ сыномъ? Помилуйте; да вѣдь это уже явная польза? Я сказала бы на вашемъ мѣстѣ хочу, да и все тутъ.

— Видно, что у тебя своихъ дѣтей нѣтъ. У него, матушка, своя голова; онъ ужъ на своихъ ногахъ: такъ приказанія тутъ не очень у мѣста.

— Если и такъ, то можно уговорить. Что же дѣлать, сестрица? ужъ если это пропустимъ, такъ вѣдь ужъ просто погибаль. Онъ же дуракъ: какъ же ему не понять, что надобно же какъ-нибудь выпутываться изъ бѣды!

— Поговори съ нимъ, попробуй.

— Только бы мнѣ уговорить его ѣхать со мною къ Бялугиной, сказала превосходная женщина, въ одно мгновеніе забывъ неудовольствіе, нанесенное сомнѣніемъ сестры въ успѣхъ ея предпріятія. — У Бялугиной онъ увидитъ Мери; она очень-хорошенькая, и вѣрно ему понравится. А тамъ... не отказаться же отъ невѣсты потому-что она богата?

— Ты говоришь объ этомъ, какъ-будто все дѣло состояло только въ томъ, чтобъ захотѣлъ Еженій. Да тамъ захотѣть ли?

— Послушайте, сестрица. Бялугина знакома съ старухою Байдановою и говорила уже ей обо мнѣ. Она у насъ сегодня будетъ и меня познакомитъ съ нею. Я напомишу старухѣ о васъ, о старшинѣ, и, повѣрьте, это дѣло сладится.

— Другъ мой! Да невѣста-то захочетъ ли?

— Что вы это, сестрица? Да какъ ей не захотѣть? Князь хорошъ собою, молодъ; всегда жила въ лучшемъ кругу. Вы согласитесь, ужъ тамъ что другое, а смотритъ баринномъ. Ужъ я вамъ говорю грансенъбѣръ... Я вамъ вотъ какъ скажу. Бялугина мнѣ говоритъ, — вы знаете, мы съ нею всегда дружны и откровенны: — «А дѣ-

на Павловна!» говорить она вотъ вчера даже: «будь у меня дочь, по рукамъ и по ногамъ бы связала, а ужь отдала бы за вашего Евгенія Сергѣича.

Княгиня разсмѣялась.—Да Евгеній-то не взялъ бы связанную.

— Вотъ то-то и беда съ вашимъ Евгениемъ. Но погдите: не-
воля его исправить.

Въ эту минуту, въ комнату вошелъ молодой человекъ, высокаго роста, стройный, несколько-блѣдный, съ черною бородкою, прекрасными, слегка-завытыми волосами и со взоромъ... о, это былъ взоръ, отъ котораго сходили съ ума всѣ кузины и тѣтушки, особенно тѣтушка Елена Павловна. Вся прекрасная душа Евгенія рисовалась въ этомъ взорѣ, со всеми ея неземными совершенствами, которыхъ свѣтъ не умѣлъ ни понять, ни оцѣнить, какъ говорили кузины и Елена Павловна.

И въ-самомъ-дѣлѣ, у Евгенія была прекрасная душа. Онъ любилъ добро и хотѣлъ добра. Но это желаніе добра было въ немъ, какъ и во многихъ изъ насъ, подобно чужеземному растенію, затесенному на неродную ему почву. Само-то оно и взойдетъ, и красиво, и нравится, но не дастъ семянъ, не укоренится, потому ли, что въ почвѣ нѣтъ силы, или что непогоды вредны ему.

Зато пріятно было слушать Евгенія, когда онъ говорилъ. Какая чистая нравственность! какія высокія чувства! какія превосходныя правила! Впрочемъ, и на дѣлѣ онъ всегда былъ таковъ: чистъ, высокъ, благороденъ, неизмѣнимо-таковъ... пока противный вѣтеръ не сбивалъ его съ этого прекраснаго пути.

Впрочемъ, можно ли его винить? Найдите мнѣ человека, который всю жизнь постоянно былъ бы вѣренъ самому-себѣ... Я не говорю, чтобъ это было невозможно; если есть люди, которые всю жизнь постоянно-вѣрны эгоизму, которому жертвуютъ всѣмъ, никогда не останавливаясь, то, конечно, могутъ быть и такіе, которые будутъ вѣрны однажды-принятому хорошему правилу. Здѣсь недостатокъ, слѣдственно, не въ твердости?

Этотъ молодой человекъ съ превосходною душою, котораго собиравлись женить на двухъ тысячахъ душъ, вошелъ и поцаловалъ мать, потомъ тѣтку, закурилъ сигару, и обратился съ вопросомъ къ Еленѣ Павловнѣ:

— Что такъ рано сегодня, тѣтушка?

— Дѣлъ много, отвѣчала княгиня. — Племянника хочетъ женить...

— Вотъ, сестрица, все дѣло и испортила.

— Женить? Опять? На комъ же? Я не прочь.

— Ну, ужь если ты теперь не женишься, Евгеній, то я тебя скажу, что это будетъ уже ни на что не похоже.

- Да, пожалуй, тѣтушка; только скажите на комъ.
- Нѣтъ, я тебѣ не скажу; а только, если ты сколько-нибудь меня любишь, если ты мнѣшь ко мнѣ хоть тѣмъ дружбы...
- Помолудите! что это за предисловіе.
- Да, да, если ты любишь меня, поѣдемъ со мной къ Бялугиной.
- Къ Бялугиной? Боже мой! На комъ же тамъ меня жедятъ?
- Увидишь; только поѣдемъ.
- Смотрѣть, какъ она крадетъ ремизы?
- Евгений! Евгений! сказала Елена Павловна, грезя пальцемъ. — Не ужь тамъ и быть. Все тебя готова простить, лишь бы ты былъ у меня послушенъ.
- Евгений вздохнулъ незаметно для дамъ, но-крайней-мѣры для Елены Павловны.
- Меня, однакоже, это интересуеть, сказалъ онъ. — На кого еще вы идите у Бялугиной?
- Да не у Бялугиной, сказала княгиня:—а тамъ есть...
- Сестрица, Бога ради не сказывайте! я не хочу, чтобы еще зналъ.
- И сама скажешь ему, не дохватъ до заставы. Когда же вы отправляетесь?
- Хочешь завтра? Нѣтъ, постой. Я узнаю когда, въ субботу или въ воскресенье? Ты далъ мнѣ слово?
- Располагайте мною.
- Сейчасъ же ѣду.
- Да вѣдь ты хотѣла вечеромъ?
- Нѣтъ, теперь я еще не туда. Мнѣ надобно еще теперь въ Вознесенскую. Ужасно-далеко, а оттуда ужь два шага въ Почтамтскую, къ Вагиной; тамъ у меня есть еще кое-что на примѣть. Я буду къ вамъ обѣдать.
- Она вышла въ сопровожденіи молодаго князя.
- Какъ служатъ эти лошади! сказалъ онъ возвращаясь.
- Вѣдь она на наежныхъ. Гдѣ же бы своимъ выдержать!
- Да и Иванъ Григорычъ бы не далъ.
- Куда же ему дать! Онъ ихъ жалѣетъ больше, чѣмъ ее.
- Оба замолчали. Княгиня вязала филе не поднимая глазъ, Евгений курилъ сигарку. Обоихъ внутренно занимали проекты Елены Павловны, и ни тотъ, ни другая не хотѣли сознаться въ томъ, потому-что и тотъ и другая до-сихъ-поръ принимали, по-крайней-мѣрѣ судя по видимому, за вздоръ все предложенія превосходной Елены Павловны.
- Охъ ужь эта тѣтушка! сказалъ наконецъ князь. — Вѣдь съ про-

ектани. Вотъ объ ней-то можно сказать, что она только тогда и покойна, когда ей есть о чемъ беспокоиться.

— Вся эти проекты происходятъ отъ-того, что она истинно любить тебя, другъ мой, сказала княгиня очень-серьезно, посмотря на Евгения, но такъ, что тотъ не могъ угадать, къ чему именно клонилось это замѣчаніе.

— Я это знаю! Тѣтушка точно превосходная женщина и, я вѣрю, принимаетъ во мнѣ истинное участіе... Онъ замолчалъ.

— Что же, Евгений? сказала княгиня, положи работу и смотря пристально на сына. — На этотъ разъ я предложенія ея не нахожу востоящимъ вниманія.

Князь молчалъ. Княгиня продолжала:

— Тебѣ ужъ тридцать лѣтъ. Пора думать о женитьбѣ. Вѣдь мнѣ уже давно за шестьдесятъ, и какъ посмотрю на себя.. то, право, кажется, пора тебѣ позаботиться о томъ, чтобы я могла еще поплясать внучковъ.—Княгиня сказала послѣднія слова съ веселою улыбкою, которая смягчала то, что было въ нихъ горькаго.

— Не говорите мнѣ объ этомъ, мой другъ, сказалъ князь, взявъ руку матери.—Вы знаете, что жизнь мнѣ дорога только вамъ.

— Только мною! Ахъ, Евгений! Я не желала бы слышать этой пѣсни. Вся наша молодѣжь или по уши въ вихрь свѣта, такъ-что не помнитъ сама себя, или тяготеетъ жизнию, какъ-будто бы не было середины!

Князь вздохнулъ.

— Вотъ женишься, эта тоскливость пройдетъ. Жена и дѣти привяжутъ тебя къ жизни.

— Матушка! вы знаете мое мнѣніе на-счетъ женитьбы по расчетамъ, на богатой.

— Я не понимаю, почему эти правила, которыя я сама всегда старалась тебѣ внушить и которыя оправдываю совершенно, могутъ быть препятствіемъ тебѣ къ женитьбѣ, особенно, какъ предлагаетъ Елена.

— Я не понимаю васъ.

— Она хочетъ тебя женить, между нами сказать... да она, впрочемъ, сама тебѣ и сегодня же это скажетъ, на Байдановой; ты знаешь ее?

— Я слышалъ объ ней, но нигдѣ не случилось мнѣ ее встрѣтить; говорить, хорошенькая.

— И очень. Ты не встрѣчалъ ея нигдѣ, потому-что бабушка ея, съ которой она и живетъ, простая женщина, даже глупенька не-бываго, и никогда не умѣла поддержать себя въ хорошемъ кругу. Покойный отецъ Мери, невесты-то, имѣлъ очень-хорошій кругъ; но онъ умеръ; жена его была большая женщина, отъ всѣхъ уда-

заялась по болѣзни своей, и теперь Машенька, которую они называютъ Мери, рѣшительно никого изъ старыхъ знакомыхъ не имѣетъ. А бабушка знакома только съ Бѣлугиными и съ Вагиными, да Богъ-знаетъ съ кѣмъ, — и бѣдная дѣвушка, разумѣется, должна также быть въ этомъ кругу. Но я слышала о ней прежде; говорятъ, мать дала ей очень-хорошее воспитаніе. Видишь ли, мой малый Евгений, я Байдановыхъ давно знаю, и съ старухой была знакома, и даже дружески, а невестку-то ея, то-есть мать Машенькину, ребенкомъ еще знала. Наши семейства всегда были дружны. И я не вижу ничего неравнаго въ этой женитьбѣ, если мы забудемъ то, что ты въ лучшемъ кругу, — я не говорю о княжествѣ, это пустое дѣло, однакожъ, при связяхъ и родствѣ, это даетъ шагъ въ свѣтъ: Машенька, выходя за тебя, будетъ вездѣ принята какъ твоя жена, а что жъ она теперь? и гдѣ? и съ кѣмъ?

— Повѣрьте, что съ ея состояніемъ она всегда будетъ имѣть мужа, который введетъ ее въ лучшей кругъ. Деньги вездѣ главное.

— Не говори этого. Тамъ какъ хочешь разсуждай, а княжество всегда имѣетъ свою цѣну, вѣрь мнѣ. И если Машенька всегда можетъ имѣть такого жениха, какъ ты, то и ты ужъ всегда же будешь имѣть такую невесту, какъ Машенька. Между вами, по моему мнѣнію, дѣло только въ томъ, чтобъ понравиться. А какъ я Байдановыхъ давно знаю, то, признаюсь тебѣ, желала бы, чтобъ ты увидѣлъ эту дѣвушку, и чтобъ она тебѣ понравилась.

Вся эта рѣчь могла быть переведена такъ: «Я сама всегда была противъ женитьбы на богатой; но обстоятельства наши таковы, что должно жертвовать своими правилами. Благородная гордость хороша, но спокойствіе еще лучше. Я устала бороться съ нуждою и хотѣла бы умереть съ мыслию, что оставляю тебя не во власти ея».

По-крайней-мѣрѣ, такъ перевелъ князь слова матери. Онъ всталъ не говоря ни слова; на лицѣ его отразилась ясными чертами внутренняя борьба, происходившая въ душѣ его.

Вотъ какъ стала бы смѣяться Елена Павловна, еслибъ она узнала о томъ, какъ и съ какими чувствами принимаетъ племянникъ благоразумные совѣты матери! Въ-самомъ-дѣлѣ, кому же можетъ войти въ голову, что можно упираться, не то, чтобъ руками и ногами, а даже и одной рукой, при мысли о богатой невестѣ. Смѣшное дѣло! Да какъ бы ни пришли деньги, лишь бы пришли. Конечъ вѣнчаетъ дѣло. Противозаконнаго тутъ ничего нѣтъ; въ уголовную отдать нѣ за что. А вѣдь только того и должно разсудительно набѣгать, за что есть отвѣтственность передъ судомъ...

Что дѣлать? Князь былъ немножко чудакъ; знаете, воспитанъ въ богатствѣ, до-сихъ-порѣ дѣлалъ всегда все, что хотѣлъ, и, следовательно, не бывалъ, или рѣдко бывалъ въ томъ положеніи, въ которое попадаетъ человекъ, когда необходимость ставить его въ борьбу съ принятыми имъ правилами. Лежа на мягкомъ диванѣ, съ сигарою во рту, онъ чувствовалъ себя хорошо, читалъ краснорѣчивыя страницы умниковъ вѣка, увлекаться ихъ жаромъ, записываться въ ихъ адепты, принимать ихъ правила и вѣрить, что они есть и будутъ всегда свѣтильниками его жизни. Легко ему было легчать ихъ, эти правила, пока судьба не вызывала ихъ на поприще борьбы, гдѣ противниками имъ — страсти, нужда, ложный стыдъ, да еще подкрѣпляемые призракомъ дѣйствительнаго общества. Однако, это случалось, и съ нѣкотораго времени случалось часто; за то прекрасныя правила и убѣжденія... какъ лѣтнія гости въ нашихъ рошѣ при первомъ морозѣ, разлетаются въ разныя стороны однѣ послѣ другихъ, такъ и прекрасныя правила его и убѣжденія... А хороши были наши гости, и какъ мило наполняли уединеніе темныхъ рошѣ! Жаль ихъ; также жаль было и князю своихъ милыхъ убѣжденій, и еще болѣе — вѣры въ свои правила. Но необходимость требовала, и должно было жертвовать.

Должно было? почему же должно? — Да... Чтобъ, наконецъ, быть какъ и всѣ, — какъ дядюшки, тѣтушки, какъ Елена Павловна, эта превосходная женщина...

II.

Дача, куда ѣхала Елена Павловна, находилась, не помню точно на которой верстѣ, только это была одна изъ лучшихъ дачъ на Петергофской-Дорогѣ. Когда-то она, какъ и большая часть этихъ дачъ, принадлежала знатному господину, и подобно другимъ, перешла въ руки владѣльца, котораго имя, казалось, само съ удивленіемъ видѣло себя на дощечкѣ, привѣшенной къ воротамъ, нѣкогда гостеприимно отворявшимся для графовъ и князей и ихъ дорогихъ цуговъ. На этой дачѣ былъ и прудъ, извилистый какъ рѣчка, и мостики, и зеленыя поляны посреди живописныхъ рошѣ, и красныя дорожки, теперь глубоко вросшія въ землю, и насыпныя возвышенія, увѣнчанныя храмами, и нѣсколько полуобвалившихся домиковъ, нѣкогда служившихъ для помѣщенія многочисленныхъ гостей и проживающихъ древнихъ именитыхъ хозяевъ, а теперь отдаваемыхъ по мелочи въ наймы. Но что всего было лучше на дачѣ, и, разумется, менѣе всего посвящаемо, это зарычное; — такъ называлось обширное мѣсто, которое отдѣлялось отъ об-

задней части сада прудомъ и шло до самаго взморья едва-примѣтнымъ скатомъ. Это мѣсто было покрыто густымъ сосновымъ лѣсомъ, частію же оставалось подъ лугами и болотомъ. Здѣсь охотникъ нерѣдко находилъ ве бѣдную добычу, а небольшое стадо рога-таго скота, пасшееся по полянамъ, довольно-хорошін пастбища. Отъ самаго пруда къ взморью шла широкая просѣка и выходила на открытую поляну, на которой росло нѣсколько дубовъ, можетъ-быть современниковъ тѣмъ, что некогда падали подъ ударами равностной сѣкиры на берегахъ еще дикой, незакованной въ гранитныхъ берегахъ Фонтанки. Отсюда открывалась часть взморья, плоскій островъ, покрытый мелкимъ лѣсомъ; вѣдро, вдали, весь берегъ съ царственными Стрѣльбою и Петергофомъ. Тутъ хорошо было, когда темныя тучи облегали горизонтъ и невидимое за ними солнце, расцвѣтшая облака, разсѣяныя по тверди, вдругъ разрывало свои завѣсы, бросало золото на тихія воды залива, и снова скрывалась, преждевременно оставляло вечеру свое царство; хорошо было тогда... особенно, когда черныи дымъ парохода, показывался изъ-за острова, напоминалъ воображенію широкую картину безбрежнаго моря. Море было тамъ, за этою одноцвѣтною полосою земли, и душа рвалась къ нему, какъ рвется невольникъ къ милой свободѣ.

На этой полянѣ, пастухи, пасшіе по-близости стада, нерѣдко къ удивленію своему видали двухъ молодыхъ дѣвушекъ, какъ казалось имъ, вѣроятно по платью, знатнаго рода. Съ ними иногда бывала женщина пожилая уже, и всегда человекъ, который однакоже шелъ поодаль, какъ-будто боясь быть замѣченнымъ дѣвушками. Прогулки ихъ въ этомъ мѣстѣ, какъ ни было оно пріятно, казались тѣмъ болѣе странными, что здѣсь никто почти и никогда не ходилъ, кромѣ, какъ мы сказали уже, рѣдкаго охотника, да случайнаго прожекаго. Но это-то, казалось, и нравилось дѣвушкамъ. Они видимо искали уединенія, такъ-что даже когда случалось, что на берегу взморья, или вдали, по дорогѣ, показывались гуляющіе, одна вставала съ скамьи, на которой обыкновенно сидѣла, и уходила въ лѣсъ, увлекая за собой и другую, при чемъ легко можно было замѣтить, что одна изъ подругъ провинялась другой какъ ребенокъ.

Ничто не могло быть различіе этихъ двухъ молодыхъ дѣвушекъ. Одна небольшого роста, съ круглыми плечиками, тонкою талиєю, маленькою ножкою, обутая въ щегольскія полусапожечки, съ маленькою ручкою, всегда въ французской узкой перчаткѣ, одѣта по послѣдней модѣ, те-есть, когда еще эта мода не выходила изъ аристократическихъ гостиныхъ въ мелкіе магазины на Гороховую и къ Владимірской; съ длинными блондурыми волосами, съ

гладкой шуткой на устахъ и, можетъ-быть, съ готовою насмѣшкою, что подтверждалъ взоръ живой и нѣсколько-лукавый и улыбка, выражавшая прерывнѣе чаще, чѣмъ благосклонность. Другая дѣвушка была высока, стройна, съ темнокаштановыми волосами, гладко-зачесанными за уши, съ большими черными задумчивыми глазами, блдная и печальная, такъ-что, право, еслибъ кто-нибудь вдругъ увидѣлъ ее, когда на берегу моря, въ своемъ бѣломъ платьѣ и бѣлой кисейной мантильѣ, она стоитъ опершись на пенекъ разбитаго грозу дуба и неподвижно смотритъ вдаль, этотъ кто-нибудь призналъ бы ее за прекрасное изваяніе сътованія, только-что вышедшее изъ-подъ чистаго рѣзца Кановы. Всѣ черты лица ея были правильны и тонки, движенія медленны и благородны. Она говорила мало, улыбалась еще меньше. Немногіе могли сказать, что видѣли улыбку ея, а тѣ, кто видѣли, жалѣли, для чего эта улыбка явилась на блдннхъ губахъ молодой дѣвушки. Улыбка на лицѣ ея была какъ цвѣтокъ, забытый поздней осенью, какъ розы на челѣ умершей красавицы; она не шла къ ней, тѣмъ болѣе, что тогда глаза ея принимали выраженіе необыкновенно-странное, и улыбка переходила—въ дикій смѣхъ. Но когда она молчала, или, опираясь на руку своей веселой подруги, проходила по темной аллеѣ сада, тихо говоря съ нею, она была хороша, но хороша... какъ тотъ тихій вечеръ на взморьѣ, о которомъ мы говорили, или какъ воспомнаніе давно и невозвратно-утраченнаго счастья. Особенностію наряда молодой дѣвушки, постоянно всегда одѣтой въ бѣлое, была волжнутая за поясъ вѣтка фуксіи, той пунцовой фуксіи, которой яркіе цвѣтки такъ граціозно склоняются на мелкихъ стеблахъ своихъ, какъ-будто желая скрыть отъ глазъ свѣта сокровища красоты своей. Эти вѣтки обыкновенно оставались по два, по три дня за поясомъ дѣвушки, пока, свертываясь, засыхали совершенно на груди ея. Тогда дѣвушка становилась задумчивою, печальнѣе обыкновеннаго, сидѣла по цѣлымъ часамъ вертя въ рукахъ засохшую вѣтку, и нерѣдко эта задумчивость оканчивалась однимъ изъ тѣхъ припадковъ, которыхъ тайну обыкновенно скрывали отъ чужихъ. Впрочемъ, пожилая дама, которая жила съ дѣвушкою, и веселая подруга ея, всегда предупреждали подобныя явленія, и молодая дѣвушка находила утромъ на туалетѣ своемъ свѣжую вѣтку любимой фуксіи, какъ-скоро засыхала та, которую носила она наканунѣ. Такова она была теперь; но весною, когда только-что начали складываться на дачѣ — было совсѣмъ-другое. Тогда съ подругами когда бывала пожилая дама, и блдная красавица смѣялась гораздо-чаще, такъ-что по всему берегу иногда раздавался громкій хохотъ ея, и волны, взбѣгая на берегъ, какъ-будто испуганныя, убѣжали назадъ. Унеся на серебристыхъ зыбахъ своихъ отголосокъ

этого смѣха. Взоры дѣвушки были дикі, и нерядко, сидя на скамьѣ, нарочно-поставленной для двухъ подругъ, она обрывала свою вѣтку и раскидывала около себя граціозныя цвѣтки или, необыкновенно-проворно вертя въ рукахъ нарванные бумажки, говорила скоро и отрывисто: они думаютъ меня обмануть! не удастся. Вотъ, видишь, Мери? Всякій кусочикъ бумажки, что я пушу по воздуху, всякій долетитъ. О, у меня есть друзья!

— Хочешь, я прочитаю что-нибудь, Зоя?

— Читать? очень-хорошо читать. Но отъ этого не разбогатишь, а мнѣ надобны деньги. Они думаютъ, что у меня нѣтъ денегъ?

— Пойдемъ домой, Зоя.

— Домой? Я не хочу. Мнѣ здѣсь лучше. Здѣсь у меня друзья. Слышишь, они шепчутъ? Слышишь, шумать крыльями? Это они слетаются. Я пошлю ихъ къ нему. Вотъ *та* будетъ сердиться! Ты знаешь, *та*? Только тихонько говори, чтобъ она не услышала. О! вѣдь она хитра! Я вчера видѣла ее въ саду.

— Гдѣ же?

— Ты не знаешь. Въ моемъ цвѣтникѣ, когда мы съ тобою сидѣли на галерей.

— Тогда никого не было въ цвѣтникѣ.

— Ты думаешь? А я знаю, что такъ были. Понимьш оранжевую лилію: она какъ огненная, съ черными пятнами, и точно будто дразнится языкомъ, на которомъ привѣщенъ черный уголь.

— Тигровая лилія? Знаю.

— То-то же. Анъ это не лилія... И она захохотала такъ страшно и такъ дико, что подруга схватила ее за руку.—Зоя, Зоя! кричала она въ испугъ.—Если ты не пойдешь со мною, я стану ялить, оклемяю услышитъ, и я пожалуюсь на тебя. При этой странной угрозы, дѣвушка, казалось, успокоивалась и послушно слѣдовала за своей подругою, или начинала плакать, и тогда Мери уводила ее съ собою какъ ребенка...

— Скажите, пожалуйста, какая же родня Байданова этой безумной? спрашивали на дачѣ.

— Она совсѣмъ не родня, былъ отвѣтъ.—Байдановы переехали сюда въ концѣ мая, и были совсѣмъ даже и незнакомы съ безумною, которую привезли сюда еще съ самаго начала весны, какъ сказываютъ. Тогда она была гораздо-хуже,—не могла никого видеть, особенно незнакомыхъ дамъ. Одинъ разъ, говорятъ, съ нею сдѣлался въ саду ужасный припадокъ отъ-того, что она встрѣтилась съ какою-то дамою въ синемъ платьѣ. Она совсѣмъ была помѣшана, совсѣмъ.

— Да какъ же Байданова сошлась съ безумной?

— Кто жъ ее знаетъ! Она сама полоумная; говорятъ, привезла

лованная, дѣлаетъ, что хочетъ; бабушка въ глаза ей глядитъ; никогда и ни въ чемъ ее не останавливаютъ: она и проказничаетъ-себѣ; насмѣшница страшная, воображаетъ, что лучше ея никого нѣтъ. Всѣми пренебрегаетъ, а теперь привязалась къ безумной и воеетъ съ нею, какъ съ куклою.

— Помыслите, какъ она ея не боится? Ну, какъ та вздумаетъ драться!

— И по-дѣломъ бы! Жаль только, что та, говорятъ, смирна.

И въ-самомъ-дѣлѣ, какъ было пристраститься — къ сумасшедшей? Но что вы хотите? Не было созданья причудливѣе Мери... Я вижу, вы уже готовы сказать: святое состраданіе, сочувствіе къ страданію, достойное ангела, тайное влеченіе души, еще незнакомой съ горемъ, къ его очистительному соприкосновенію... Въ-самомъ-дѣлѣ, это было бы прекрасно въ дѣвушкѣ богатой, счастливой, въ любимицѣ судьбы, какою казалась Мери... Представьте себѣ ее, когда, оставя богато-освѣщенные покои бабушки, она одна, черезъ темный садъ, беззаботно и весело, идетъ къ небольшому домику, гдѣ на галереѣ, слабо-освѣщенной одною лампою, на диванѣ, окруженномъ цвѣтами и зеленью, сидитъ ея печальная подруга... Вотъ Мери съ нею, сбросила мантилью; вотъ обняла блѣдную красавицу; вотъ сидитъ за фортепьяно и поетъ, стараясь развлечь свою подругу, забывъ и свѣтъ и поклонниковъ, которые, вѣроятно, окружаютъ тамъ ее, веселую, прекрасную, богатую...

Надобно вамъ сказать, что Зоя, въ самыхъ жестокихъ припадкахъ своей болѣзни, любила страстно музыку; она пѣвала по цѣлымъ часамъ; она говорила, что *онъ* слышитъ ее, что *онъ* говоритъ съ нею въ музыкѣ. Кто былъ этотъ *онъ*, она не говорила, да и никто, впрочемъ, не зналъ, было ли то дѣйствительное существо, или созданіе ея разстроеннаго воображенія. Вскорѣ по приѣздѣ Байдановыхъ... Но для этого вамъ надобно знать расположеніе дома, который они занимали. Это былъ большой, деревянный, довольно-старый, восьмиугольный домъ, въ два этажа, съ крытыми галереями, съ террасами и балконами, и до того закрытый густыми липами и березами, что существованіе его оставалось для васъ тайною до-тѣхъ-поръ, пока, наконецъ, вы подходили къ самому крыльцу. Онъ былъ построенъ на берегу пруда, отъ котораго отдѣлялся широкою поляною и двойнымъ рядомъ деревьевъ. Прудъ на этомъ мѣстѣ разливался и образовывалъ довольно-широкое озеро, такъ-что изъ верхнихъ оконъ дома это составляло довольно-пріятный видъ, особливо, когда мѣсяцъ, вставая надъ вершинами, смотрѣлся въ неподвижныхъ водахъ пруда. Не смотря на ветхость, этотъ домъ былъ — не скажу удобенъ, но очень-оригиналенъ, что должно было впасть въ своеобразному воображенію Мери. Огромная зала, съ двумя

балконами по концамъ, занимада всю средину дома, и, конечно, первоначально была назначена для праздниковъ. Она освѣщалась сверху и была окружена широкими хорами, съ которыхъ разные выходы вели на три разныя галереи. Въ послѣдствіи, хоры были забраны и образовали рядъ комнатъ, которыя, окружая залу, составили верхній этажъ. Главную пріятность этихъ верхнихъ комнатъ составляли галереи, съ которыхъ взоръ господствовалъ надъ зелеными полянами и густыми рощами, или терялся въ чащѣ древесныхъ вершинъ. Видъ особенно былъ хорошъ съ западной галереи, отсюда была видна просѣка и въ концѣ ея свѣтлая точка, въ которой любитель величественныхъ красотъ природы открывалъ море, предаваясь при этомъ открытіи восторгамъ и чувствамъ à la Вугон. Мери занимала большую часть верхняго этажа; нижній же былъ оставленъ бабушкѣ, кромѣ залы, которая была совершенно отдана въ распоряженіе Мери. Здѣсь, въ одномъ концѣ залы, противъ самыхъ дверей, отворявшихся въ садъ, она поставила свой флигель; спрятала колонны подъ цѣлыми пирамидами гортензій, рододендроновъ и померанцовыхъ деревьевъ, обставила миртами и жасминами полуобломанныхъ амуровъ и фавиовъ, оставленныхъ прежними владѣльцами дачи; и здѣсь-то, одна-одинѣхонька, между-тѣмъ, какъ бабушка въ маленькой гостиной играла въ преферансъ съ своими гостями, она пѣла, разыгрывала своихъ любимыхъ композиторовъ, или, утонувъ въ подушкахъ атласнаго дивана, окруженнаго зеленью, читала... Въ одинъ вечеръ, это, какъ я сказала, уже было вскорѣ послѣ пріѣзда ихъ на дачу, бабушка играла въ карты, кажется, у Бѣлугиной; Мери сидѣла за фортепьяно; компаньйонка ея, Англичанка, работала поодаль на диванѣ. Алебастровая лампа освѣщала этотъ хорошенькій уголокъ, бросая странный свѣтъ на широкіе листья кактусовъ, между которыми раскидывалось легкими опахалами финиковое дерево, между-тѣмъ, какъ геліотропъ, іацннтъ и резеда, притаившись между гигантскими растениями тропика, разливали свои упонительные ароматы. Двери были отворены; въ саду было тихо; деревья дремали въ полуснѣ, одѣтыя легкимъ сумракомъ сѣверной майской ночи... Мери пѣла... У Мери былъ хорошенькій голосъ; она пѣла вѣрно и иногда съ большимъ чувствомъ... по-крайней-мѣрѣ, такъ находили въ обществѣ бабушки. Въ этотъ вечеръ, она была особенно-одушевлена... Вдругъ довольно явственный вздохъ возбудилъ вниманіе пѣвицы; она взглянула на свою Англичанку съ некоторымъ чувствомъ самодовольствія, думая: какъ? я такъ хорошо пѣла, что даже и она?.. Но самолюбіе Мери должно было испытать небольшой толчокъ: Англичанка со всею британскою важностью вытягивала нитки шерсти надъ пятавнатою канвою своихъ пиджакъ,

и лицо ея было такъ важно и такъ покойно, что не обличало ни малѣйшаго волненія. Мнѣ такъ показалось, подумала Мери и опять запыла... Еще вдохохъ и явственнѣе прежняго. Мери опять взглянула на Англичанку: та сидѣла безстрастна, какъ неподкупленный судья. Мери оглянулась на обѣ стороны. Олеандры неподвижно стояли, обращая пышные цвѣтки свои къ дверямъ, какъ-бы привѣтствуя свѣтлую ночь; аганантусы величаво поднимали свои голубыя короны, но такъ же неизмѣнны, покойны, невозмущены, какъ и лицо молодой миссъ, которая все шила, шила, какъ-будто бы ни пѣнія, ни свѣтлой ночи, ни цвѣтовъ, ни серебрястаго свѣта лампы не было для нея. Однакожь, вдругъ замѣтивъ какое-то измѣненіе въ окружающей ее сферѣ, она догадалась, что одинъ изъ чувственныхъ ея органовъ, еще недавно-занятый, наслаждается спокойствіемъ; она подняла голову и увидѣла, что Мери не поетъ... Миссъ, вспомнивъ, что, по окончаніи пѣнія, начинается хлопанье въ ладоши, или, по-крайней-мѣрѣ, комплименты, хотѣла сказать что-то, вѣроятно, въ родѣ «прекрасно!», какъ вдругъ лицо ея выразило необыкновенное изумленіе, и она приподнялась, устремля бодшіе глаза свои на отворенную дверь. Мери, въ свою очередь удивленная движеніемъ своей собесѣдницы, оглянулась... въ дверяхъ, изъ-за густой зелени рододендрона, у самого порога, стояла дѣвушка въ бѣломъ платьѣ. Руки ея были сложены на поясъ, по блѣдной щекѣ катилась слеза. Она такъ была хороша, и эта слеза такъ краснорѣчиво говорила въ пользу таланта Мери, что она, забывъ странность и неприличіе такого появленія незнакомой, почти въ ея комнату, поспѣшно подошла къ двери; въ ту же минуту, на встрѣчу ей съ балкона вышла пожилая дама и на французскомъ діалектѣ (что, мимоходомъ замѣтимъ, необходимо было въ такомъ странномъ положеніи, чтобъ предупредить въ свою пользу и не быть принятой Богъ-знаетъ за кого) и довольно-хорошимъ языкомъ просила Мери извинить странность поступка ихъ, говоря, что племянница ея, больная, проходя мимо, была поражена прелестью пѣнія, и, какъ-будто какимъ-то очарованіемъ привлеченная на балконъ, остановилась неподвижно, такъ-что она, тѣтка больной, не могла никакъ увести ее. Такое ясное свидѣтельство силы и дарованія, заключавашагося въ пѣніи Мери, польстило ей тѣмъ болѣе, что, имѣя постоянно слушательницею своею Англичанку, она, не смотря на всѣ свои старанія, начинала уже отказываться въ возможности произвести какое-нибудь сочувствіе въ живомъ существѣ. Какъ свѣтекая дѣвушка, Мери приняла неожиданныхъ гостей своихъ съ самою изысканною вѣжливостію и подала дружески руку чувствительной своей слушательницѣ; та посмотрѣла на нее своими большими черными глазами и молча во-

шла въ комнату. Лицо ея было странно-одушевлено; легкій трепетъ приводилъ въ движеніе ея блѣдныя губы; грудь ея волновалась. Удивленная Мери взглянула на тѣтку: та уже сидѣла на диванѣ и ясно доказывала, что желаетъ привлечь на себя одну вниманіе хозяйки. Мери сѣла подлѣ своей гостьи и, продолжая говорить, посматривала на дѣвushку, которая въ высшей степени возбудила ее любопытство. Миссъ, выведенная на минуту изъ своего блаженнаго спокойствія этимъ событіемъ, опять занялась работою. Между-тѣмъ, дѣвushка мало-по-малу становилась покойнѣе, такъ-что тѣтка, не выпуская ея ни на минуту изъ вида и принимая, можетъ-быть, любопытство Мери, обратилась къ ней.

— Зоя! не правда ли, мой другъ, сказала дама: — что этотъ уголокъ прекрасенъ?

— Вы, конечно, любите цвѣты? прибавила Мери.

— Очень, сказала дѣвushка тихо. Голосъ ея былъ въ такой гармоніи съ кроткимъ и печальнымъ выраженіемъ лица, что, казалось, придавалъ новую прелесть всей ея особѣ.

— Мы сосѣдки, продолжала Мери, не спуская глазъ съ дѣвushки: — и я надѣюсь, что мы будемъ видѣться.

— Мнѣ это будетъ очень-пріятно, отвѣчала та: — особенно, если могу надѣяться еще слышать ваше пѣніе.

— Вы, вѣрно, сами занимаетесь музыкою?

— Да, я пою, и часто. Одна музыка только можетъ передавать чувства наши.

— О, вы правы! сказала Мери съ живостью, обрадовавшись случаемъ показать, что она умѣетъ чувствовать и понимать искусство. — Самая неопредѣленность чувства, выражаемаго музыкою, придаетъ ей прелесть, потому-что она позволяетъ примѣнять выраженіе ея къ тому, что занимаетъ душу.

— Неопредѣленность? повторила дѣвushка съ нѣкоторымъ изумленіемъ. — Нѣтъ. Я знаю, что меня понимаютъ, и понимаютъ такъ, какъ я хочу, чтобъ меня понимали, и какъ я понимаю сама, какъ понимала теперь, когда вы пѣли...

— Сколько ни пріятно мнѣ ваше общество, сказала дама, прерывая племянницу и поспѣшно вставая: — но должно оставить васъ. Вы позвольте мнѣ, продолжала она въ-полголоса и взявъ за руку Мери: — прійдти завтра къ вамъ поблагодарить за вашъ милый пріемъ и дать вамъ объясненія, прибавила она еще тише: — на которыя вы вполне имѣете право.

Мери поняла, что не должно было удерживать странныхъ гостей своихъ, потому-что пожилая дама видимо желала увести свою племянницу и казалась безпокойна, когда та говорила. Мери простилась съ ними, и, подавая руку молодой дѣвushкѣ, сказала ей ласково:

— Я надвюсь видѣть васъ у насъ?

— О, да, да! отвѣчала больная, оживляясь:—и мы будемъ вмѣстѣ пѣть. Не правда ли?

Въ глазахъ ея было что-то необыкновенно-странное.

На другой день, дама была у Мери. Она рассказала ей о странной болѣзни Зон. Это были нервическіе припадки, всегда сопровождаемые умственнымъ разстройствомъ, которое уменьшалось со временемъ и возобновлялось съ каждымъ припадкомъ, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе былъ припадокъ.

Мери просила позволенія посѣщать новую свою знакомую и была принята съ непритворнымъ удовольствіемъ. Больная дѣвушка встрѣтила ее, какъ старинную знакомую. Казалось, мѣнута удовольствія, которою она обязана была Мери въ тотъ вечеръ, когда слышала ее, замѣнила для сердца бѣдной дѣвушки дѣйствіе привычки. Воображеніе ея, раздраженное болѣзнію, въ одно мгновеніе надѣлило Мери всеми совершенствами, которыхъ сердце ея желало въ подругъ, и она полюбила ее всею силою души своей. Съ-тѣхъ-поръ, Мери чаще и чаще видѣлась съ своею подругою. Ее занимала и эта странная болѣзнь, столько неизъяснимая въ своихъ явленіяхъ, и страшный разговоръ дѣвушки, которой все чувства, напряженныя болѣзнію, разрывали какъ слабый оплотъ условія свѣтскихъ привычій и свободно вырывались изъ души ея, въ потокъ одушевленной рѣчи. Это явленіе, для Мери, привыкшей къ стѣсненному разговору гостинныхъ, гдѣ все выкроено, прилажено, какъ разныя составныя части узкаго корсета, — это явленіе было странно, ново для нея, и потому нравилось ей. Къ-тому же, надобно вамъ рассказать, что такое было положеніе Мери въ обществѣ, гдѣ она была. Старая бабушка утромъ за гран-пасьянсомъ и при ней двѣ или три гостыи-не-гостыи, а такъ — женщины въ дареныхъ чепцахъ и дареныхъ капотахъ, которыя вьжутъ на продажу ботинки, шьютъ коврики для лотерей, которыя разыгрываютъ въ ихъ пользу, являются съ утра въ гостиную своей благодѣтельница, цалуютъ ее въ плечи или въ руку, и сидятъ подле нея, при каждомъ появленіи гостей пересаживаясь на другое кресло, подальше, всегда готовые, по удаленіи ихъ, опять приблизиться, подсветъ, чтобъ продолжать ремесло свое — *занимать...*

Да, занимать; ремесло ихъ — занимать благодѣтельница, то-есть, жужжать ей въ уши городскія новости, домашнія сплетни, свои горести, свои нужды, какъ прежде нашимъ бабушкамъ жужжали въ уши сказки объ Иванъ-Царевичѣ, слушали ли ихъ или не слушали, — и за это благодѣтельница даритъ обыкновенно свой старый капоть, пришлетъ мучкѣ къ празднику, ветчинки... Послѣ объѣда начинается сѣздь; прѣзжаютъ Бялугины, Булигвны, рассказываютъ, какъ вчера проиграли восемь въ червахъ и между-тѣмъ берутъ уже подан-

ную карту, и вотъ всё усѣлись за нѣсколькими столами... и только и слышно: «играю», «пасть», «безъ одной»... Вы согласитесь послѣ этого, что со стороны Мери оставить подобное общество для бѣдной Зои—было не слишкомъ-большою жертвою. А пріятельницы? а обожатели? Первыхъ нѣтъ у свѣтской дѣвушки, вторые... вторые казались Мери пошлыми, потому-что всё были слишкомъ-похожи одинъ на другаго, то-есть, всё одинаково-пусты. Впрочемъ, узнать Мери покороче, мы увидимъ, какъ судила она объ обожателяхъ.

Ей нравилась въ Зоѣ — ея оригинальность, конечно, сладствіе болѣзни. Къ концу лѣта, припадки Зоѣ совсѣмъ оставили ее; но въ ней осталась чрезвычайная впечатлительность; въ немногія минуты—необыкновенная восторженность и всегда задумчивость, которая дѣлала ее чуждою всему, что происходило вокругъ ея. Она не знала городскихъ новостей, не знала, кто живетъ съ ними на дачѣ; не знала, какія моды господствуютъ въ свѣтѣ, не завидовала, не искала похвалъ, не льстила. Никакія желанія, никакія прихоти свѣтской дѣвушки не занимали души ея. Она проходила между людьми какъ ангелъ, ничего не заимствуя у людей. Что занимало душу ея? Этого никто не зналъ, ни даже Мери. Она никогда ничего не рассказывала о себѣ; но любила говорить о красотахъ природы, о жизни, о безсмертіи, о высокихъ чувствахъ человѣческаго сердца, но всегда говоря вообще и какъ-бы забывая себя, или стараясь забыть о себѣ. Больше всего любила она музыку и по цѣлымъ часамъ предавалась ей совершенно.

III.

Между-тѣмъ, на дачахъ начали говорить о помелвѣ Мери. Дача на Петергофской-Дорогѣ—это настоящій маленькій городокъ, мелеція, куда связываются со всѣхъ концовъ Петербурга, знакомятся кто и не скоро, стараются узнать одни о другихъ: кто, откуда, кого принимаютъ, какъ живутъ? и такимъ образомъ, за недостаткомъ собственной жизни, живутъ жизнью сосѣдей. Тутъ завязываются интриги, хотя болѣею частью въ воображеніи наблюдателей; тутъ умъ изощряется на догадки, тутъ разыгрывается притворная невнимательность, тутъ на нѣсколько времени некидывается барская важность, и все это до-тѣхъ-поръ, пока, къ концу лѣта, всё узнаютъ другъ-друга. Любопытство, на минуту пополнившее своими тревогами пустоту, которою всё мы и вѣчно страдаемъ, удовлетворено, и всё говорятъ: «пора въ городъ». Дачи пустѣютъ.

И точно пустѣютъ, потому-что пренала новизна, наполнявшая ихъ. Намъ непременно надобна новизна, будь то дѣтскія петро-

ручки, лишь бы что-нибудь заняло наше вниманіе, отвлекло насъ отъ насъ-саихъ, отъ нашего врага—пустоты...

Прекрасная Мери съ этой стороны была очень-полезна жителямъ дачи Петергофской-Дороги. Она занимала не одну дачу, но всѣ окрестныя и даже на довольно-большое разстояніе. И какъ могло быть иначе? Хороша, невѣста и богата! къ-тому же, насмѣшлива, рыва, одѣта по послѣдней модѣ: судите по-этому, могла ли быть въ человѣческомъ сердцѣ струнка, которую Мери не задѣла бы, и чувствительнымъ образомъ! Ее хвалили, бранили, превозносили до небесъ, о ней рассказывали тысячу анекдотовъ, ее хотѣли видѣть; однимъ словомъ, Мери пользовалась на Петергофской-Дорогѣ такою популярностію, какая только возможна въ нашемъ степенномъ и благоразумномъ мірѣ. Вдругъ говорятъ: Мери выходитъ замужъ! Какъ тутъ не взволноваться всѣмъ дачамъ? Каждая оставила на время свои частные интересы и занялась будущею свадьбою. Кто женихъ? богатъ ли онъ? военный? придворный? кероси́ ли? вопросамъ не было конца. Слава Богу! на нѣсколько дней было о чемъ поговорить, потолковать.

Между-тѣмъ, и дѣйствительно дѣло о свадьбѣ довольно-подвинулось. Князь былъ представленъ бабушкѣ; черезъ нѣсколько времени послѣ того, и самая княгиня пріѣхала къ старухѣ напомнить старинное знакомство, а Елена Павловна сдѣлалась почти ежедневною гостею въ домъ. Она играла съ бабушкою въ преферансъ, задѣла по магазинамъ съ Мери; съ ней совѣтовались о шляпкѣ; ей рассказывали маленькія домашнія тайны... есть люди, которые умѣютъ сдѣлаться вездѣ и въ одну минуту своими и необходимыми. Елена Павловна обладала этимъ талантомъ въ высшей степени. Только въ одномъ домѣ это ей рѣшительно не удавалось — въ своемъ; за то Иванъ Григорьевичъ говорилъ иногда, когда подѣ-часъ сгруснется ему о томъ, что некому будетъ передать ни заслуженнаго имени, ни нажитаго состоянія: «А что? Можеть-быть, оно и къ лучшему, что Богъ не далъ мнѣ дѣтей». Посторонніе говорили напротивъ: «Вотъ, кому не даетъ Богъ дѣтей: какая превосходная мать была бы Елена Павловна, когда она о племянникѣ печется какъ о сынѣ!» И точно, Елена Павловна печется о князѣ, какъ-будто бы онъ былъ ей ближе, чѣмъ племянникъ. Казалось, онъ былъ ея единственною мыслію. Надобно было видѣть все, что дѣлала она, чтобъ достигъ своей цѣли—его благополучія, то-есть женитьбы на Мери. Она была за него влюблена, за него нѣжна, внимательна. Что только Мери просыпалась, ужъ отъ Елены Павловны записка. «Я увижу тебя черезъ часъ, моя божьиния Мери», писала превосходная женщина: «но мнѣ надобно теперь же, сію минуту знать, какова ты, какъ провела ночь.

Мнѣ это непременно надобно знать. Бога ради, мой ангелъ, напиши хоть одно слово, не дѣнись... Право, это будетъ доброе дѣло.» И слова: «доброе дѣло» были подчеркнуты. Черезъ часъ, превосходная женщина дѣйствительно являлась сама, и Мери предоставляла ей угадать, почему извѣстie о ея здоровьѣ часомъ раньше было добрымъ дѣломъ.

Потомъ, вѣзять по городу. «Что жь, Мери, а къ М-ше Сн...?» — Къ М-ше Сн...? Зачѣмъ? — «Да вѣдь мы вчера условились». — Развѣ вамъ нужно что? — Нѣтъ, но ты хотѣла. — О, нѣтъ! я раздумала. — «Безчеловѣчная!» — Это почему? — «Тамъ цѣлое утро ждуть.» — Право? — «Не вѣришь?» — Если нѣчего лучшаго дѣлать, то, право, мнѣ не жаль. — «Однако, Мери, посуди, каково же смотрѣть въ окно, прислушиваться къ стуку экипажа!» — Знаете ли что? если кто-нибудь въ серьезныхъ лѣтахъ былъ бы способенъ такъ ждать. — «Мнѣ былъ бы онъ смѣшонъ. Говорятъ, всѣ влюбленные смѣшны». — А вы вѣрите въ влюбленныхъ? — «Хорошъ вопросъ! Право, я дорого бы дала, чтобъ не вѣрить, увѣряю тебя.» — И дорогая плата! Зачѣмъ же? Посмотрите только повнимательнѣе. — «Мери! чѣмъ можно увѣрить тебя въ любви?» — Меня? Боже мой! вы знаете, что насъ, женщинъ, такъ легко увѣрить! — «Только не тебя.» — Отъ-того, быть-можетъ, что я не имѣю высокаго мнѣнiя о своихъ достоинствахъ. И Мери потупляла глазки такъ мило, такъ предательски-просто-душно... «Ахъ! (нѣсколько поклоновъ) бѣдный!» — Кто это? — «Евгенiй, мой племянникъ.» И Елена Павловна сидитъ безгрѣшно, какъ новорожденный младенецъ...

А между-тѣмъ, до какой степени причастенъ былъ Евгенийъ нѣжностямъ, какiя приписывала ему Елена Павловна, и до какой степени трогала она Мери? О первомъ не могу сказать, второе узнаемъ изъ слѣдующаго разговора.

Въ одно утро, прекрасное лѣтнее утро, въ концѣ августа, двѣ дѣвушки сидѣли на небольшой галерей, обставленной цвѣтами, и обѣ работали. Солнечные лучи, проникая въ галерею сквозь густыя вѣтви старой липы, играли на полу, прядая свѣтлыми нитками и, окружая легкимъ полусвѣтомъ лица дѣвушекъ, придавали имъ ту прелесть полутоновъ, которая такъ неподражаема, такъ незабвенна для тѣхъ, кто разъ видѣлъ, какъ умѣлъ ею пользоваться творецъ берлинской Ю, или Данаи дворца Боргезовъ! Право, посмотря на эти серебристые переливы тоновъ, на эту прозрачность легкихъ тѣней, убѣгающихъ по округлости бѣлой шейки нолъ распушенные локоны, артистъ, забывшись, остановился бы, или взоромъ, не играютъ ли гдѣ у ногъ прекрасныхъ два амурчика съ полными щечками, съ улыбкою, какiя только умѣлъ находить Корреджіо...

Здѣсь ануровъ не было. Зоя, всегда блѣдная и печальная, вышивала на рукахъ какую-то оборочку; Мери въ пальцахъ выводила контуръ цвѣтка, предназначенный для представленія столичественной розы.

— Ты знаешь, Зоя, сказала Мери, задѣвая иголку: — что здѣсь вѣдь говорятъ, будто я помолвлена?

— Ты, Мери? нѣтъ. Да вѣдь это не правда?

— Почему?

— Хорошо же! и ты мнѣ не сказала, что... что ты любишь?

— Что я люблю? что же это значить, прошу покорно? откуда же это ты выведала?

— Да ты такъ уверишь... какъ-будто бы слухи о твоей помолвкѣ были вѣрны.

— Ты допотопная дѣвушка, Зоя, неподобная моя Зоя. Развѣ мнѣ непременно надобно вѣдать, чтобъ идти замужъ?

— Съ твоимъ состояніемъ Мери? да какъ же иначе? Я понимаю, что бѣдность можетъ заставитьъ выйти замужъ, если сердце свободно и безъ любви. Но ты... независима, богата, хороша! Нѣтъ, Мери, нѣтъ, ты не выйдешь не любя.

— Не любя, то-есть, ненавида? Между ненавистію и любовію, какъ ты ее понимаешь, ужасное разстояніе!

— Не играй словами, Мери. Ты знаешь, что я хочу сказать. Я разумею ту любовь, которая выше всякаго другаго чувства, которая не допускаетъ никакаго расчета, которая исключительно обладаетъ душою нашею, — ту любовь, которая забываетъ бѣдность, ничтожество; которая не замѣчаетъ презрѣнія людскаго, насаждаетъ уединеніе, съ которою зимняя вьюга лучше весны, съ которою въ снѣжной степи не вспомнишь о нѣжномъ солнцѣ, — ту любовь, Мери, которая все для насъ и безъ которой жизнь — сонъ, тяжелый, долгій сонъ...

Мери посмотрѣла на подругу съ нѣкоторымъ безпокойствомъ; ей очень хотѣлось захохотать; однако она удержалась. Ей показалось, что Зоя немножко сбивается, заговаривается, и что того-и-глади быть бѣдѣ. Кто же въ-самомъ-дѣлѣ въ полномъ умѣ заговорить такъ, какъ-будто цѣликомъ изъ романа? Да и щеки дѣвушки, слегка покрытыя непривычнымъ румянцемъ, и оживленный взоръ... нехорошо!

— Сама эта любовь — прекрасный сонъ, сказала Мери съ самою кроткою улыбкою, мечтательнымъ взоромъ, откинувшись къ спинкѣ кресла и склоня голову къ правому плечу.

— Сонъ? но онъ возможенъ. Любила ли ты когда-нибудь, Мери?

— Ты хочешь меня исповѣдывать! пожалуй. За этимъ у меня дѣло не станетъ. Мери нарочно говорила протязкие, чтобъ вы-

играть время и дать успокоиться волненію Зои. Мнѣ, мнѣ жистіе нравились, милая Зоя.

— Нравились! это не то. Мнѣ нравится человекъ, его наружность, его обращеніе, его умъ; но любовь — это другое. Мы любимъ не наружность, не умъ, не ловкіе приемы; мы любимъ... Я не знаю, что мы любимъ; это сочувствіе, Мери... душа...

— А ты вѣришь сочувствію?

— Вѣрю ли? но вся природа полна сочувствіемъ. Посмотри: когда солнце такъ ярко свѣтитъ и воздухъ такъ тепелъ и живительнъ, что грудь наша, кажется, расширяется, и какъ-будто бы чувствуя недостатокъ одной жизни, мы хотимъ схватить всю природу или слиться съ нею,—подойди тогда къ цвѣтамъ, посмотри, не кажется ли тебѣ, что жасминъ, эта бѣдная резеда, сочувствуютъ тебѣ... Мнѣ кажется, я вижу, какъ трепещутъ ихъ чашечки, открывая свои безцѣнные ароматы...

— Видишь ли, Зоя; мнѣ кажется, цвѣты приобрѣли способность сочувствовать людямъ съ-тѣхъ-поръ, какъ люди потеряли ее въ срезахъ положительныхъ цѣляхъ.

— Ахъ! ты клеветашь на людей.

— Нѣтъ. Попробуй въ подобную минуту поискать сочувствія у людей. Какой взоръ ты встрѣтишь? Ухъ! обледенить, какъ взоръ воскового автомата.

— Но ты не пробовала, Мери; ты осудила не узнавши.

— Право? не угодно ли говорить мнѣ о сердцахъ и сочувствіяхъ, тогда какъ они съ ногъ до головы заняты своими лампированными саногамн.

— А они думаютъ, быть-можетъ, что ты занята своею шляпкою...

— Ихъ особю, Зоя. Повѣрь мнѣ, они увѣрены, что ничѣмъ нельзя заниматься, кромѣ ихъ безцѣвной особы... Вотъ почему и никогда не могла любить. Когда я рассматривала ближе людей, которые... мнѣ нравились, я находила ихъ такими мелочными въ ихъ притязаніяхъ, какими пустыми въ ихъ фантастическомъ эгоизмѣ, что очарованіе мое исчезало какъ румяна на лицѣ старой кокетки. Нѣтъ; Зоя, люди не стоятъ любви.

— Ты не любила, шептала Зоя.

— И не хочу любить. Я выйду замужъ, потому-что это необходимо. Видишь ли, Зоя, всѣ мы... я не знаю какъ это дѣлается, но въ свѣтъ никто не доволенъ положеніемъ, въ которое поставила его судьба; ты бѣдна — ты хочешь богатства; богата — хочешь знатности, связей; и это есть,—ты найдешь еще что-нибудь, что тебѣ необходимо надобно. Словомъ, кажется, что бы ни дѣлала для насъ судьба, а все будто не додѣлываетъ. Женитьба выдуманна для исправленія этихъ недоделокъ судьбы. Для мужчинъ,—это часто скандалъ

тальная пенюшка, для женщины — всегда единственное средство. Вотъ теперь, на-примѣръ, говорятъ, что женихъ мой весь въ долгу; онъ очень-хорошо дѣлаетъ, что ищетъ жениться на богатой, и что ни говори его тѣтушка, а я знаю, что онъ влюбленъ въ les beaux yeux de ma cassette, и не осуждаю его.

— Мери! Мери! это ужасно! И ты пойдешь за него?

— Почему жь нѣтъ? Мнѣ есть чѣмъ жить; не у меня нѣтъ ни связей, ни родства. Князь богатъ и тѣмъ и другимъ. Право, мнѣ кажется, мы созданы одинъ для другаго. Онъ введетъ меня въ лучшее общество, а я дамъ ему средства поддержать въ немъ. Вообще, люди немного стоятъ; но я нахожу, что гораздо-лучше мнѣ переносить въ хорошемъ оттискѣ, чѣмъ въ лубочномъ. Къ-тому же, знаешь ли? мнѣ всегда хотѣлось быть княгиней.

— Тебѣ? А кто же больше твоего смѣется надъ тичеславиємъ?

— Потому-то, что эта страсть въ людяхъ доходитъ до смѣшного, я и могу ею пользоваться. Я буду принимать поклоны моему сиятельству, какъ принимаю теперь отъ монахъ вздыхателей любовь къ моей шкатулкѣ.

— Перестань, перестань, Мери. Нѣтъ, ты клеветашь на себя; у тебя не такое сухое сердце.

— Узнай жизнь, Зоя, и ты не станешь этого говорить. Къ-несчастью, мы, женщины, выучиваемся считать на счетахъ, когда уже нѣчего считать. Я хочу идти другою дорогою, — вотъ и все. И, вѣрь мнѣ, это совсемъ нетрудно. Любовь, сочувствіе, — все это прекрасныя вещи; но если онѣ существуютъ, то гораздо-рѣже, чѣмъ тотъ цвѣтокъ, что расцвѣтаетъ одинъ разъ въ цѣлое столѣтіе, — предполагая, что онѣ существуютъ, разумется; по-этому, и считаю напраснымъ трудомъ искать ихъ. А ты знаешь, стоить только убѣдиться въ невозможности вещи, чтобъ перестать ждать ее.

— Боже мой, Мери! И эта веселость скрываетъ такое глубокое несчастье?

— Несчастье? Что можетъ быть ужаснѣе невѣстности, что мы должны умереть? А между-тѣмъ, это не мѣшаетъ намъ жить безвѣчно и весело. Надобно только забыть... эти дѣтскія бредни, Зоя; прости мнѣ это слово.

— Забыть для того, чтобъ жить весело?

— Чтобъ не страдать.

— Чтобъ не страдать? И ты это называешь жизнью? Не страдать, то-есть уснуть душу? Но что же будетъ она, когда проснется для вѣчности, проспавъ все время, которое дано ей здѣсь для того, чтобъ приготовиться къ этой вѣчности? Блестящая бабочка не вспорхнетъ свободно и весело, если не перейдетъ чрезъ

въ фазы своего перерожденія; душа твоя не вознесется свободно, если не исполнить условій земнаго своего существованія: любить, бороться и страдать. Нѣтъ, нѣтъ, Мери; оставь мнѣ мое страданіе, мою любовь, мои воспоминанія; это одно, что я вынесу сквозь всѣ фазы земнаго моего заключенія, одно, что принесу съ собою въ вѣчность...

Слезы лились по щекамъ бѣдной дѣвушки. Въ первый разъ Мери, почитавшая подругу свою уже совершенно-испыленной, говорила съ нею свободно; до-сихъ-поръ она только мало-по-малу и слегка пробовала посвятить пріятельницу свою въ таинства своихъ понятій и образа мыслей, боясь явнымъ противорѣчіемъ и слишкомъ-новыми для Зои истинами раздражить слишкомъ-чувствительную воспримчивость бѣдной больной. Видя, что съ нѣкотораго времени Зоя была несравненно-покойнѣе и казалась съ каждымъ днемъ яснѣе и разсудительнѣе, она позволила себѣ говорить свободно, и испугалась. Волненіе Зои, ея одушевленный взоръ и отрывистая рѣчь напоминали приближеніе ея обыкновеннаго припадка...

IV.

Зоя родилась въ маленькомъ городкѣ. Мать ея, родомъ изъ Лованьи, была гувернантою въ какомъ-то знатномъ домѣ. У нея была на родинѣ мать и множество братьевъ и сестеръ. По какимъ обстоятельствамъ она была вынуждена вызвать мать свою, до этого намъ нѣтъ нужды; дѣло въ томъ, что она вызвала ее въ Петербургъ, гдѣ бѣдная женщина скоро потеряла здоровье, такъ-что дочь принуждена была содержать ее своими трудами. Въ непродолжительномъ времени, однако, это положеніе сдѣлалось довольно-затруднительнымъ для гувернанты. Къ-счастью, въ это время съискался женихъ, отставной армейскій полковникъ, который предложилъ матери уголокъ въ своемъ домѣ, а дочери — почетную должность городничихи въ какомъ-то уѣздномъ городѣ.

Полковникъ былъ добрый человекъ, весельчакъ, немного-плѣшивъ, но это нисколько его не портило; напротивъ, открытый лобъ его казался отъ-того только шире, возвышеннѣе, и хотя до-сихъ-поръ это никого еще не заставляло предполагать въ городничемъ поэтическое призваніе, что, впрочемъ, быть-можетъ, и не шло къ настоящему его положенію, однако нисколько не вредило важности, которую онъ придавалъ себѣ, когда принималъ городского главу, ратмановъ, и проч. Въ обществѣ онъ былъ очень-любезенъ — за хартами, иначе его не видали. Человекъ дѣловой, онъ оставлялъ

дѣла только для бостона и бостонъ для дѣлъ, и въ потерянные минуты, т. е. когда не трудился для блага общества, или не сидѣлъ за картами, говорилъ или о ремизахъ, или о губернаторскихъ предписаніяхъ. Домикъ у него былъ хорошенькій; въ домикъ всего довольно, и дасть иногда вечеръ, право, любо-дорого смотрѣть. Враги говорили о немъ... но чего же не скажутъ враги? Въ городѣ имъ были довольны, на притѣсненія и проводочки никто не жаловался, а дома? Судите: взять бѣдную жену и въ приданое тѣщу, которая, какъ говорили, никогда не расказывалась, что побѣжала къ нему. Впрочемъ... бѣдная жепщина! ей некогда было и расказываться: года черезъ два послѣ ея пріѣзда, на концѣ городского кладбища, въ самомъ углу, ее схоронили, какъ иностранку, подалеже отъ православныхъ... Тяжела была эта потеря для дочери; но ко всему можно привыкнуть. Швейцарка привыкла и къ уездному городу, и къ своему важному посту городничихи, привыкла также и къ однообразнымъ полямъ, окружавшимъ городокъ, и если когда случалось ей въ разговоръ занестись въ старину и при словахъ: «ледяныя вершины, голубыя воды, озера, и т. п.», заплакать, къ великому удовольствію и смѣху стряпчихи, казначейши и особенно секретарши, которая представить себя не могла, какъ можно быть такъ малодушною, — то это было не надолго, мгновенно и рѣдко. Кажется, что подъ-конецъ самое желаніе увидѣть родину умерло въ душѣ ея. Быть-можетъ, и то, что желанія, непитаемая надеждою, гаснутъ въ сердцѣ чловѣка, какъ свѣтильникъ, лишенный масла,—но гаснутъ не такъ ли, какъ гаснетъ вечерняя заря, предвѣщая наступленіе ночи; какъ падаетъ неразвернувшаяся почка съ растенія, слабѣющаго на враждебной почвѣ? Можетъ-быть, и такъ, потому-что въ непродолжительномъ времени, однако чрезъ нѣсколько лѣтъ, близъ уединенной могилы, въ углу городского кладбища, возвысилась другая...

Какъ странно! Отъ-чего одинокая могила чужеземца печально поражаетъ душу, тогда-какъ видъ одинокаго, никѣмъ-непризнаннаго иностранца не производитъ на насъ никакого впечатлѣнія?

Но чтó объ этомъ? Знаете ли, какъ горьки были послѣднія минуты иностранки? Родное небо, родныя горы и рѣзвыя воды, какъ обманчивые призраки мѣрева въ знойной пустынь, являлись въ часы лихорадочнаго бреда передъ глазами страдальцы. Она звала ихъ; она хотѣла студёною струею утолить палящій жаръ груди, или вздохнуть легкимъ воздухомъ горныхъ вершинъ; потомъ видѣла свою Зою, одинокую, въ широкой снѣжной степи, усталую, безнадежную, и, приходя въ себя, плакала, призывала дочь, целовала ея блѣдныя щеки, перебирала слабою рукою ея русыя кудри и потомъ смотрѣла умоляющимъ взоромъ на Вѣру Яковлевну,

родственницу мужа своего, которая съ недавняго времени поселилась у нихъ. Вѣра Яковлевна, добрая женщина и примѣрная христіанка, понимала нѣмой языкъ страдальцы, обнимала Зою и говорила, что во всю жизнь никого не любила и не будетъ такъ любить, какъ Зоюшку. Этому—то вѣрила бѣдная мать. Но когда, въ минуты облегченія болѣзни, она прислушивалась къ голосу мужа, который, обрадовавшись минутному успокоенію жены, въ другой комнату отъ всей души хохоталъ, хлопая картами по столу; или когда обращала взоры на Вѣру Яковлевну, которая недалеко отъ нея, сидя съ гостью на маленькомъ диванчикѣ, проворно вязала чулокъ и спрашивала о послѣдней ссорѣ Варвары Ивановны съ Степанидою Матвѣевной, бѣдная больная тяжело вздыхала; крупная слеза катилась по впалой щекѣ ея, и, обнимая дочь, она смотрѣла на небо, какъ—бы умоляя его не отнимать у бѣдной сироты единственнаго ея друга и наставницу... Но не такъ было суждено. Зоя должна была принять послѣдній вздохъ матери и закрыть глаза, которые и угасая еще искали ее. Потомъ... потомъ въ городѣ начались суета и хлопоты, какъ обыкновенно бываетъ при свадьбахъ и похоронахъ; потомъ одна старая дѣвушка,—то-есть не старая, а въ лѣтахъ, въ благоразумныхъ лѣтахъ,—спинла новый чепецъ съ розовыми лентами и начала ходить къ обѣду въ соборъ, куда обыкновенно хаживалъ городничій; потомъ—въ городѣ забыли о двухъ иностранкахъ, которыя показались, чтобъ слезъ на городскомъ кладбищѣ, не заповѣдавъ ни одному человѣку тайны ни горестей, ни радостей, наполнившихъ ихъ земное существованіе, и занялись надеждами дѣвушки въ благоразумныхъ лѣтахъ и бюджетомъ ея на новые чепцы съ розовыми лентами, которые она дѣлала почти къ каждому дванадцатому празднику, и, между-прочимъ, Вѣрою Яковлевною и ея воспитанницею. О! въ провинціи люди очень-милосерды: дѣла бдижняго имъ какъ ихъ собственныя. А въ столицѣ?... Знаете, въ столицѣ не всегда досужно.

Впрочемъ, о Вѣрѣ Яковлевнѣ немного приходилось говорить. Это была истинная мать бѣдной сиротки, и, право, едва ли мать могла когда-нибудь нѣжнѣе любить дитя свое. Любимыя кушанья Зоюшки, лакомства, ничего она не забудетъ. Одѣта Зоя—лучше всѣхъ. Шляпку надобно—выписываютъ изъ губернскаго города, хоть и у нихъ, даже рядомъ съ ними, жила отпущенница, которая прекрасно шила и перешивала шляпки. Особенно на послѣднее она была мастерица. Шляпка проносится три зимы, включая конецъ осени и начало весны, отдадутъ ей—выйдетъ точно будто сейчасъ отъ Сихлеръ. Чудное дѣло! Однакожъ, Вѣра Яковлевна никогда не отдавала ей:—все выписное какъ-то лучше. А еслибъ кто-ни-

Будь вѣдунга! сказать что дурное о Зоюшкѣ; посягнуть... ну ужь этого и вѣдунга не могла Вѣра Яковлевна. Зоя ея была совершенство, умна, хороша, воспитана... да, воспитана. Хоть Зоя осталась двѣнадцати лѣтъ послѣ матери, но порядочно знала уже языкъ, рисовала цвѣты и свободно разыгрывала на фортепьяно экзерциціи... Вѣра Яковлевна, конечно, не могла сама продолжать ученія Зои, но, признавая необходимость въ томъ, каждый день заставляла ее читать вслухъ французскія и нѣмецкія книги, и хотѣ сама не понимала ни слова, однако преприлежно слушала, сидя за своимъ вязаньемъ. Блаженное время! Чего не перечитала тогда Зоя! Вся маленькая библиотека матери была почти выучена ею наизусть. И Шатобрианъ, и Лессингъ, и Ифландъ, и *M-me Cottin*, и даже Байронъ—въ оригиналь, но этого мало понимала бѣдная дѣвушка. Впрочемъ, все это только въ-половину занимало Зою; ея любовь, ея душа была—фортепьяно и Карлъ Адамовичъ...

Кто былъ этотъ Карлъ Адамовичъ? А! интересное лицо. Какой-то помѣщикъ, у котораго было нѣсколько дочерей на возрастъ, рассудилъ, что ему выгодное взять къ себѣ учителя, чѣмъ разлазывать ихъ по пансіонамъ, да по казеннымъ заведеніямъ. Итакъ, онъ поехалъ въ Петербургъ и привезъ оттуда мамзель-Француженку, да Карла Адамовича. Самъ онъ, подъ веселый часъ, хвастался пріятелями, будто онъ, узнавъ отъ знакомыхъ о чудесномъ талантѣ Карла Адамовича, а также и о слабости его удивиться не одного гармонією звуковъ, наполнивъ его запертво и увезъ изъ Петербурга. Впрочемъ, этому вѣрить не совсѣмъ можно. Оно могло быть и не быть: подобными продѣлками любятъ часто прихвастнуть помѣщички.

Карлъ Адамовичъ, человекъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, страстный музыкантъ, былъ петербургскій уроженецъ, весь въкъ ходилъ въ темно-зеленомъ поношенномъ сюртукѣ и весь въкъ свой собирался на *взеслу* уехать въ Германію. Поношенный сюртукъ у него былъ отъ-того, что Карлъ Адамовичъ только въ крайней уже необходимости шилъ себѣ платье; на что было имѣть его много? онъ уѣдетъ на весну въ Германію. Онъ не покупалъ также ничего тяжелаго, громоздкаго; на что? надобно же будетъ оставлять. Теперь, въ деревнѣ помѣщика, эта мысль также не покидала его. Ученицы его были не безъ способностей, особенно меньшая; но помѣщица, какъ добрая мать, сама надзирала надъ уроками; она отдавала полную справедливость знанію Карла Адамовича, но не совсѣмъ одобряла его методу. Вѣчно экзерциціи, вѣчно гаммы! это скучно, долго. Мѣсяцы уходили, а дочери ничѣмъ еще не могли похвастаться передъ гостями. Она находила, что это нужно было помянуть. Къ-тому же, приближалось время годовыхъ праздниковъ

ражденія и именинъ помѣщика; вотъ, еслибъ приготовить сюрпризъ, концертъ въ четыре руки! Вдумала и засадила Карла Адамовича съ дочерью учить концертъ въ четыре руки на славу всему узду. А тамъ такой же къ ея именинамъ, и такъ далѣе. Время проходило въ сюрпризахъ и приготовленіяхъ. Тамъ съѣдутся гости; уроки отложены. Дѣвцы вздумаютъ пѣть романсы—Карлъ Адамовичъ аккомпанируетъ; соберутся танцовать—и Карла Адамовича на цѣлый день за фортепьяно: играй французскую кадрили. Послѣ такихъ дней, на Карла Адамовича находилъ спянь; онъ припоминалъ петербургское житье, какъ въ молодости, бывало... Тогда въ Петербургъ былъ Мюллеръ, теперь забытый, тогда вѣстный талантъ; Боэльдѣ — онъ былъ съ нимъ знакомъ; онъ въ обществѣ ихъ, бывало, проводилъ цѣлые вечера; не разъ аккомпанировалъ онъ *M-me Fodor-Mainville*, которой имя, послѣ, гремѣло на итальянскихъ театрахъ; онъ слышалъ первые звуки этого дивнаго голоса; онъ предрекъ славу молодой пѣвицѣ... Славные те были дни,—дни, когда, полный силы и молодости, онъ жилъ искусствомъ и для искусства!.. Потомъ были другіе дни; онъ былъ уже въ театральномъ оркестрѣ; онъ слышалъ Каталани, онъ аккомпанировалъ несравненной Зонтагъ... О! эти воспоминанія! Карлъ Адамовичъ рѣшился увхать въ Германію, собралъ ноты, пересматривалъ ихъ, назначалъ, что взять, что оставить; ходилъ по комнатамъ, напѣвая какую-то тѣму и не глядя ни на кого. Помѣщикъ замѣчалъ и за ужиномъ спрашивалъ — рейнвейну, старого, еще изъ Петербурга привезеннаго рейнвейну.—«Скучно что-то, Карлъ Адамычъ», говорилъ онъ: «выпьемъ-те-ка. Право, здѣсь въ глуши неволью сгрустнется. Не то, что въ вашей благословенной Германіи. Вы бывали въ Германіи, Карлъ Адамычъ? А! Нѣтъ? Ну, выпьемъ-те-ка за Германію. Вѣдь вамъ не миновать ее; когда-нибудь вы улечите отъ насъ туда.»—Карлъ Адамовичъ пилъ сперва нѣхота; потомъ... потомъ воспламенялся усердіемъ къ благословенной Германіи и уже не переставая пилъ въ честь ея по цѣлой недѣлѣ, пока, наконецъ, вытрезвившись, совѣстился самого-себя, хозяевъ и людей, и начиналъ еще прилежиѣе прежняго учить дѣтей помѣщика, какъ видно, чтобъ загладить вину свою. Обыкновенно, въ это время Карлъ Адамовичъ былъ очень-печаленъ, тѣмъ болѣе, что всякая подобная продѣлка отдаляла его надежду увхать на весну въ Германію,—и вотъ почему: въ пылу своего разгуда, онъ обыкновенно забиралъ деньги у помѣщика и часто даже впередъ; тотъ никогда не отказывалъ, а Карлъ Адамовичъ изводилъ ихъ Богъ-знаетъ куда, такъ-что, по окончаніи припадка, онъ оставался съ больною головою и очень-часто съ совершенно-пустымъ кошелькомъ. Случалось, что помѣщица занемогла какою-то трудною,

хроническою болѣзнію; въ городѣ, гдѣ жила Зоя, былъ чудесный маляръ, молодой прелекательный человѣкъ, и съ нѣкотораго времени пользовался большою довѣренностью въ домѣ помѣщика, особенно у самой помѣщицы. Къ-тому же, въ городѣ случился заѣзжій танцмейстеръ; а какъ дочера помѣщика желала усовершенствоваться въ полномъ искусствѣ танцованія, то въ-слѣдствіе соединенія двухъ столь важныхъ причинъ, все семейство переѣхало въ городъ на цѣлую зиму, къ немалому удовольствію всего общества. Вотъ, случилось, что, вскорѣ послѣ обыкновенныхъ припадочныхъ сборовъ Карла Адамовича, у помѣщика въ домѣ былъ танцевальный классъ и послѣ двѣдницы вздумали позабавиться пѣніемъ. Карлъ Адамовичъ былъ, какъ обыкновенно послѣ своихъ припадковъ, грустенъ, обезкураженъ, убитъ. Танцмейстеръ, молодой человѣкъ, и также любитель музыки, аккомпанировалъ двѣдницамъ, которыя рѣшительно предпочитали его Карлу Адамовичу, а Карлъ Адамовичъ, между-тѣмъ, забытый, въ своемъ темнозеленомъ сюртукѣ, сидѣлъ одинъ въ углу, отъ бездѣлья перебирая пальцами и смотря въ потолокъ; уши бѣднаго Нѣмца страдали еще больше, чѣмъ душа его; но онъ боялся уйти, чтобъ не подать подозрѣнія, будто онъ опять... знаете? Чего тутъ не пропѣли! И «Мой другъ, хранитель ангелъ мой» и «Ты не повѣришь», и Богъ-знаетъ что. «Браво» такъ и раздавалось по залѣ; одинъ привѣзжій изъ губерніи, — кажется, чиновникъ изъ канцеляріи губернатора, ѣздившій въ прошломъ году съ его превосходительствомъ въ Петербургъ, самому танцмейстеру даже прокричалъ два раза «браво», увѣряя, что у Итальянцевъ всегда такъ кричатъ; однакоже, это нововведеніе не имѣло успѣха, и всѣ остались при прежнемъ «браво». Вдругъ весь шумъ замолкъ; Карлъ Адамовичъ вдохнулъ свободнѣе, думая: «Слава Богу! кончено». Танцмейстеръ всталъ; Карлъ Адамовичъ не спускаетъ глазъ съ оставленнаго стула и — о Боже мой! вотъ къ нему подходитъ дѣвушка, въ бѣломъ платьѣ, съ темными кудрями и садится. Карлъ Адамовичъ сложилъ опять руки для продолженія занятія своего — перебирания пальцами, и уставилъ глаза въ потолокъ съ безусловной покорностью послушника. Вдругъ... рѣзвые персты пробѣжали по клавишамъ; чисто, вѣрно, стройно зазвучали струны; Карлъ Адамовичъ вздрогнулъ, будто почувствовалъ ударъ электрической искры. Пальчики летаютъ... дѣтская игра, но вѣрна, но имъ-то задушевному отдается! Карлъ Адамовичъ развелъ руки и пустилъ глаза съ потолка на играющую... Заговорили, зашумѣли: «браво! браво!» Дѣвушка, краснѣя, встала и хотѣла отойти, но тутъ еще больше зашумѣли; она остановилась, робко посмотрѣла кругомъ и сѣла. Опять замолчали... Нѣсколько аккордовъ, и она спѣла. Это былъ чистый, полный контр-альто, нѣжный, мягкій,

бархатный, контр-альто, котораго каждая нота лллась въ душу, контр-альто, который слушаешь и не въришь, чтобы онъ выходилъ изъ груди обыкновенной мелочной женщины... Это было пѣнiе безъ методы, послушное одному вѣрному чувству дзвущки, и, однакоже, Карлъ Адамовичъ стоялъ за пѣвицею, уцвпясь за спинку ея стула; маэстро слушалъ; верхняя губа его подергивалась какъ-будто въ судорогахъ, а на рѣсницѣ что-то свѣтилось, будто какъ роса. «Каково же? Карлъ Адамычъ расчувствовался!» закричалъ помѣщикъ, выводя на свѣтъ Карла Адамовича, и всѣ: «Какова же Зоя Павловна! А! каково же? расчувствовался! Карлъ Адамычъ! Ха. ха, ха!» Карлъ Адамовичъ что-то бормоталъ; Зоя Павловна краснѣла, принимая за комплиментъ несвязный гулъ, выходившій изъ сжатыхъ устъ стараго учителя...

Прошло нѣсколько времени; Зоя Павловна сдѣлалась любимомъ ученицею Карла Адамовича; у ней проводилъ онъ цѣлые часы; съ нею вспоминалъ и Мюллера, и Боальдѣ, и Фодоръ-Менвилъ, и несравненную Зонтагъ; ей говорилъ о своемъ музыкальномъ прошедшемъ, но уже не собирался въ Германію. Зоя Павловна была для него воплощенною идеею музыки, воплощенною идеею музыкальной Германіи, и онъ привязался къ ней, какъ привязывается артистъ къ своему любимому идеалу, какъ старикъ къ существу, которое на западѣ жизни подарило его отблескомъ утреннихъ его радостей. Золотые то были часы — золотые для учителя и ученицы! Часто и теперь, въ тѣ немногіе и прекрасные дни, когда теплый вѣтерокъ, играя въ тихо-шепчущихъ листьяхъ, каждой ласкою вызываетъ изъ души ея завѣтные сны, и теперь, въ подобные дни, Зоя съ тихою улыбкою встрѣчаетъ эти часы, возстающіе изъ безднъ минувшаго, святые часы, когда чистая душа ея покорно принимала таинственное ученіе искусства и трепетнымъ сердцемъ ожидала, когда поднимется завѣса для новопосвященной.

Вѣра Яковлевна очень-благосклонно смотрѣла на это ученіе; успѣхи зальстили ея самолюбію; къ-тому же, какъ женщина дальновидная и расчетливая, она видѣла, что могла извлечь пользу изъ этихъ успѣховъ. Такъ прошли двѣ зимы; помѣщица все была больна хроническою болѣзнію и все лечилась у молодаго лекаря, а Зоя все пѣла съ Карломъ Адамовичемъ. Вдругъ въ городъ разнеслась вѣсть, что Вѣра Яковлевна ѣдетъ въ губернский городъ и ѣдетъ — лечиться. Теперь сообразите слѣдующія обстоятельства.

Въ столицѣ кто-нибудь вздумаетъ ѣхать для здоровья въ Карлсбадъ или Эмсъ: это никого не удивляетъ; дѣло очень-обыкновенное: всѣ ѣздятъ, стало-быть и страннаго тутъ ничего нѣтъ. Теперь изъ узднаго города ѣхать въ губернский нарочно для излеченія болѣзни — это требуетъ большаго размышленія. Извѣстно

что въ узднхъ городахъ—народъ постоянный, любятъ свои дома, какъ улитки свои раковины и, вообще, неохотно расстаются съ ними. Узднй чловкъ не любитъ ничего, что отвлекаетъ его отъ серьезныхъ занятій и нарушаетъ привычки его покойной и пріятной жизни. Особенно дамы; оставлять домъ, для нихъ совершенное несчастіе. На кого положиться? И какъ это безъ нихъ будетъ? Якова Ефремовича чаемъ не во-время напоить; проснется онъ послѣ обѣда, теплаго кофе ему подадутъ, а онъ теплый квасъ терпѣть не можетъ. И Палашка дѣббы перекуватъ, и Ванька сопьется. Бѣда, совершенная бѣда! Ну, какъ же бы при такихъ важныхъ обязанностяхъ ухачь, да еще и лечиться... лечиться? Но, между нами сказать, это вѣдь въ извѣстномъ родѣ вольнодумство, идея, занесенная съ гнилаго Запада. Развѣ нельзя лечиться у узднаго лекаря? дома? Если Господу угодно, то и узднй лекарь, даже подлекарь, вылечитъ, а не угодно Ему, повзжай хоть за границу — вале ли тамъ нашихъ легаа? Вѣра Яковлевна, вообще заклятый врагъ всякаго вольнодумства, особенно держалась этихъ вещей; она посмѣивалась даже и надъ помѣщицею съ ея хроническимъ бодвннмъ и молодымъ лекаремъ, я даже иногда зло посмѣивалась, и вдругъ, она, Вѣра Яковлевна, вдетъ сама—лечиться! Она, врагъ вольнодумства, патриотка, она, хозяйка, у которой, канъ ни у кого, пенди кудебачи съ вязнгою, она—оставляетъ домъ!

Можете сами сосудить, какое впечатлѣніе должно было сдѣлать на всѣ умы подобное проношеніе. Я разскажу только одинъ разговоръ, который былъ по этому случаю у секретарши, женщины особенно-уважаемой въ городѣ. Въ одно утро, съѣхались къ ней вдругъ четыре дамы: судьяйца, деревенная женщина, но очень-молчаливая; стряпчиха, казначейша и становая, пріѣхавшая накануне съ мужемъ изъ стана — какъ видите, дамы все почтенныя. Слышад ли вы? говоритъ становая:—я такъ удивилась! пріѣзжаю къ стану, вчера вечеромъ, съ Иваномъ Семеновичемъ; вдругъ мнѣ говорятъ, что Вѣра Яковлевна...

Стряпчиха. — Вотъ, матушка, какъ у насъ! Не то, что у васъ на стану. Гдѣ вамъ за нами! мы люди модные: лечиться ѣдемъ.

Казначейша. — Подно-те, Варвара Степановна, кто же этому повѣрять? Всѣ же бываютъ бодны, да не вѣдятъ въ губернской. Я сколько разъ была бодна, да еще и въ такомъ положеніи...

Стряпчиха. — Не вѣрьте, если хотите, а оно точно такъ. Вы слышали, Маргарита Ильинишна?

Секретарша (съ тонкою улыбкою и потупя глаза). — Слышала, матушка.

Стряпчиха. — Какъ же вы объ этомъ думаете?

СЕКРЕТАРША. — Вѣрю, матушка. Почему же ей не вѣхать?

КАЗНАЧЕЙША. — Помилуйте, почему? Да что же она за важная такая особа? почему ей, какъ другимъ, не лечиться у Ивана Яковлича? Знаете ли, что это просто за него обидно.

СТРЯПЧИХА. — Ну, что обидно? его утѣшать помѣщицы.

СЕКРЕТАРША. — Барыни, барыни! охъ, злой язычокъ!

СТРЯПЧИХА (*смыслась*). — Право не злой, Маргарита Ильинишна; сами согласитесь, если помѣщицы два года лечатся у него и съ такимъ успѣхомъ, какъ же Вѣрь Яковлевнѣ не полечиться хоть съ мѣсяць?

КАЗНАЧЕЙША. — Я всегда скажу, что Иванъ Яковличъ прекрасный человекъ. Въ послѣдній разъ я какъ отчаянно была больна, да еще послѣ родовъ, послѣ Николинки; а онъ меня спасъ, точно ужъ отъ смерти спасъ.

СТРЯПЧИХА (*все смылась*). — Да въ-то другое дѣло, Флора Николавна, вы же были въ такомъ положеніи...

СЕКРЕТАРША. — Охъ вы мнѣ, барыни! а я вамъ безъ шутокъ скажу: я не понимаю, для чего вѣдетъ Вѣра Яковлевна. Спора нѣтъ, въ губернскомъ городѣ есть искуснѣйшіе доктора, ученые, а вѣдь нынче вѣкъ такой, что все ищутъ ученыхъ. Право, между нами сказать, иной ученый на книгахъ вѣкъ сидитъ, а принялся лечить, уморилъ какъ уморилъ, — это я не на счетъ Ивана Яковлича, хотя и онъ ученый человекъ; Ивана Яковлича я не знаю, ничего не могу о немъ сказать, да и незнакома съ нимъ...

СТАНОВАЯ. — Какъ незнакомы? почему это?

СЕКРЕТАРША. — Такъ, матушка, незнакома. Онъ человекъ молодой, модный; человекъ ученый; а мы люди простые, старовѣры, старики. Что въ насъ? Да впрочемъ, что же до этого? У него было какое-то неудовольствіе съ мужемъ, да я вѣдь въ это не вступаюсь и всегда готова отдать справедливость. Онъ человекъ ученый и вѣрно искусный. Я не знаю этого.

СТРЯПЧИХА. — Да вы ужъ своему Гвоздеву не изменяйте.

СЕКРЕТАРША. — Что же, матушка, не таюсь. Конечно, Гвоздевъ не ученый и запрещено ему лечить, — разумѣется фершалъ, нельзя же, а я всегда скажу: онъ Вариньку мою отъ смерти спасъ, и я никому другому не повѣрю.

СТРЯПЧИХА. — Вотъ бѣда, что онъ испиваетъ-то очень, Маргарита Ильинишна.

СЕКРЕТАРША. — Ну, ужъ это несчастіе! А могу сказать, преусердный и искусный человекъ. Я вѣкъ мой его не забуду. Ну, да объ этомъ въ домъ городничаго и говорить нельзя.

Казначейша. — А я все думаю о Вѣрѣ Яковлевнѣ, что тутъ есть что-нибудь другое.

Становая. — А что же такое?

Судѣйша. — Я слышала отъ одного человѣка, что на Памѣ Яковлича былъ посланъ доносъ; такъ не уведомила ли его кто подъ рукой?

Становая. — Такъ она просить за него ѣдетъ?

Секретарша (*значительно*). — Нѣтъ, не то.

Становая. — А быть-можетъ не переводятъ ли его куда? Я слышала стороной, не знаю не вздоръ ли только, будто губерна-горъ обвѣщала его въ полицмейстеры.

Стряпчиха. — Хорошо будетъ полицмейстеръ! куда ему! онъ здѣшними мѣщанами не справить.

Секретарша. — Охъ вы барыни! все вы толкуете, а какъ знать, что оно на самомъ дѣлѣ? Подумайте. У Вѣры Яковлевны лемянница на возрастѣ, невѣста; а она вѣдь женщина дальновидная.

Судѣйша. — Очень-дальновидная...

Становая (*прерывая*). — Такъ вы думаете за женихомъ ѣдетъ?

Секретарша. — Я этого не говорю; можетъ-быть, повеселить лемянницу.

Стряпчиха. — О, нѣтъ! Для этого она денегъ не броситъ.

Становая. — Маргарита Ильинишна! а сколько Зоя лѣтъ?

Секретарша. — Да вѣдь будетъ лѣтъ шестнадцать.

Стряпчиха. — Что это, Маргарита Ильинишна! ужъ года три все слышу шестнадцать.

Судѣйша. — Да не больше. Вѣдь еще четырехъ лѣтъ нѣтъ, какъ умерла покойная Луиза Карловна. А она осталась послѣ нея вѣтъ двѣнадцать.

Стряпчиха. — Четырнадцать, поверьте.

Казначейша. — Нѣтъ, не будетъ. Луиза Карловна родила ее, когда я была беременна Анночкой. Я очень помню. Я отъ нея абушку взяла.

Стряпчиха. — Ахъ, полноте, Флена Николаевна; вы смѣшались; развѣ Катенькой? Я очень знаю, что когда насъ перевели сю-а, такъ Зоя была уже пребольшая дѣвочка. А этому ужъ восемь лѣтъ.

Секретарша. — Нѣтъ, ей не будетъ больше шестнадцати.

Становая. — Да за кого же ее отдадутъ, Маргарита Ильинишна?

Стряпчиха. — Ужъ тотчасъ и отдадутъ! Ахъ, Афинья Васильевна!

Казначейша. — Маргарита Ильинишна! помните ли вы, какъ

прошедшею зимою у Павла Яковлевича были гости изъ губернскаго города? Я тогда была въ такомъ положеніи и никуда и выходила...

Секретарша. — Помню, матушка.

Становая. — Какъ же! и я помню. Ассессоръ Вакуровъ, а совѣтникъ казенной палаты, какъ его?.. дай Богъ память...

Секретарша. — Ильинъ, матушка; человекъ хорошій, и с достаткомъ; онъ вдовый. Тогда они въ пустынь ѣхали и остана вливались у Павла Яковлича.

Становая. — Такъ вѣрно за него?

Секретарша. — Не знаю, матушка.

Кавначейша. — Я тогда же подумала; я никуда не выходила; слышу: у Павла Яковлича гости...

Стряпчиха. — Быть этого не можетъ. По немъ ли она невеста!

Становая. — А почему же?

Стряпчиха. — Помилуйте! дрянная дѣвчонка, бедная; хотѣ бы собой хороша, а то и того нѣтъ.

Секретарша. — Что же! воспитана хорошо.

Стряпчиха. — Ужь не то ли, что читаетъ по-нѣмецки Вѣра Яковлевна, а та ни аза въ глаза не знаетъ? Да какъ она и мужъ вздумаетъ зачитывать?

Секретарша. — Поетъ хорошо.

Стряпчиха. — Я такъ не могу ее слышать. Для меня она препротивная. И, право, старшая помѣщичкова дочь во сто разъ лучше ея поетъ.

Становая. — Ее, говорятъ, танцмейстеръ очень исправилъ..

Стряпчиха (*покраснѣвъ*). — О, нѣтъ! Онъ только аккомпанируетъ; можетъ-быть, совѣты... а этотъ Карлъ Адамычъ! вот *аппикъ-то...*

Мы оставимъ дамъ разговаривать объ антикѣ Карла Адамовича; стряпчиха особенно занялась имъ, кажется, чтобъ опять не заговорили ей о танцмейстерѣ, что ей какъ-то несовсѣмъ нравилось. Вся разѣхалась въ полной увѣренности, что Зою везутъ отлавать за совѣтника, и становая въ этотъ же день увезла эту невесту съ собою, чтобъ распустить ее по узду.

Впрочемъ, судьба, кажется, на этотъ разъ вздумала оправдать догадки нашихъ дамъ... Но оставимъ происшествія ихъ теченію посмотримъ, какъ собирается Вѣра Яковлевна.

Боже мой! сколько лепешекъ, сдобныхъ булокъ, кренделей на печкѣ! два пирога, одинъ съ курицей и съ яйцами, другой съ морковью; это очень любила сама Вѣра Яковлевна. Зажарили частушечки, пару цыплятъ, да еще кое-что сладкаго приготовили

Вѣдь оно не близко: дорога слишкомъ сто верстъ. Вѣра же Яковлева была на своихъ, въ тарантасѣ. Она находила необыкновенную пріятность останавливаться на квартирѣ, кормить, почевать, расположиться съ самоваромъ въ переднемъ углу избы, спрашивать хозяйку о посѣвѣ, о снохахъ. На первомъ ночлегѣ, у нее была даже знакомая, Семеновна, которая всегда присылала ей рыжикоръ, груздицовъ, и сама иногда, пріѣзжая на базаръ, заходила къ ней. Вѣра Яковлевна терпѣть не могла почтовыхъ, а о diligencсахъ или еще о почтовыхъ каретахъ слышать не могла. Помните, говорила она: — Что же это? Развѣ я почтовый пакетъ, посылка какая, что меня запрутъ въ карету да и везутъ? И какъ же это? Не смѣй я остановиться гдѣ хочу, не смѣй самоваръ спросить, не смѣй на ямщика закричать: какъ онъ хочетъ, мошенникъ, такъ и везетъ. Всего этого набрались въ чужихъ краяхъ. Право, отцы наши не знали почтовыхъ каретъ, да жилали еще и не хуже теперешняго.—Когда случилось Вѣрѣ Яковлевнѣ говорить объ этомъ предметѣ, она всегда очень разгорячалась и становилась совсемъ пунцовой, какъ воротникъ ея брата, Павла Яковлевича. Одинъ разъ, тотъ же самый чиновникъ изъ губернаторской канцеляріи, что кричалъ «браво» танцмейстеру, при ней, на какомъ-то обѣдѣ, поддалъ голосъ въ пользу почтовыхъ каретъ; правда, онъ еще сказалъ что-то въ пользу наемныхъ слугъ и прибавилъ, что у какого-то князя ***, гдѣ онъ бывалъ съ губернаторомъ, въ Петербургѣ (онъ любилъ очень говорить объ этомъ князѣ) все наемные люди. Вѣра Яковлевна вся побагровѣла, однако ни слова не сказала и только по уходѣ чиновника уже облегчила сердце:—Что это? на что похоже? Наемные люди! сравнятся съ какой-нибудь коллежской регистраторшей, да и та все старается какъ-нибудь свою кухарку завести. Наемные! не смѣй имъ слова сказать! не то, чтобъ ужь щелчкомъ тронуть. На что же я и барыня? и какое же будетъ ко мнѣ уваженіе? Все это вольнодумство, нововведенія...

Вѣра Яковлевна была самый упорный тори, и будь она въ Англии, врядь бы одѣлали ее главою партіи. Здѣсь она довольствовалась только явнымъ изъясненіемъ своего негодованія и обыкновенно подлѣ сильныхъ рѣчей, возвратясь къ себѣ, быть-можетъ, чтобъ удостовѣриться, что еще не потеряла своего права давать щелчки своему крѣпостному народу, надѣляла и не одними щелчками, а чѣмъ-нибудь поподновѣснѣе, свою Агашку. Впрочемъ, должно сказать правду, она, не смотря на свои громкія рѣчи, на дѣлѣ, какъ и ея противники, была не очень-ревностна къ своимъ правамъ, и, конечно не чередвѣцію, напоминала о нихъ своей Агашкѣ очень-рѣдко и только въ-слѣдствіе какого-нибудь слишкомъ уже явнаго на нихъ посягательства.

На этотъ разъ также обошлось безъ напоминаній, не всегда пріятныхъ для Агашки, и однимъ утромъ, рано на зарѣ, простясь не безъ слезъ съ Павломъ Яковичемъ, Вѣра Яковлевна, Зоя, Агашка и Даша, горничная Зои, да двое слугъ, всё помѣстившись въ тарантасъ, наполненный пуховиками, подушками, ящиками, сумочками, узлами и узелками, и потянулись къ заставѣ, оставя увидѣннымъ дамамъ на долю загадку и предметъ для размышленій.

Между-тѣмъ, Зоя дѣйствительно нашла въ губернскомъ городѣ искателя, и именно—въ совѣтникъ. Вѣра Яковлевна, еще по стариннымъ связямъ, была очень-дружна съ одною дамою, старушкою, вдовою покойнаго прокурора. Экс-прокурорша жила всегда въ городѣ и пользовалась величайшимъ уваженіемъ. Въ свѣтлое воскресенье, въ рождество, послѣ губернатора и вице-губернатора каждый поставлялъ себя обязанностію явиться къ экс-прокуроршѣ, а бывали даже и такіе, что завязали къ ней прямо отъ его превосходительства, и отъ нея уже отправлялись къ вице-губернатору. Вечеромъ, она имѣла всегда свою партію; матушки къ ней возили молодыхъ дѣвушекъ сидѣть и молчать у карточнаго стола, находя это очень-полезнымъ для нравовъ; батюшки посылали къ ней своихъ сынковъ съ рекомендательными письмами. Экс-прокурорша была худенькая, небольшого роста, сутуловатая старушка, и замѣчательна была, кромѣ необыкновенной худобы своей, непрестаннымъ движеніемъ головы, которая сильно потряхивалась особенно при всякомъ душевномъ движеніи, что особенно было замѣчаемо за картами. Авдотья Васильевна,—такъ звали ее,—сама никуда не ѣздила, но къ ней ѣздили всѣ. Она не давала обѣдовъ, но никогда не садилась обѣдать безъ гостей, и не проходило ни одной святой недели или святокъ, чтобъ вся городская аристократія не обѣдала у нея за-просто. На чемъ было основано такое необыкновенное уваженіе, этого я не могу сказать. Превжній губернаторъ, который занималъ это важное въ губерніи мѣсто слишкомъ двадцать лѣтъ, былъ очень-друженъ съ покойнымъ прокуроромъ, и особенно уважалъ прокуроршу; а какъ губернія, всегда преданная начальству, любитъ соображаться съ видами и расположеніемъ его, то, разумѣется, уважала прокуроршу по примѣру своего начальника, и по привычкѣ сохраняла и теперь это чувство. Впрочемъ, экс-прокурорша была замѣчательно-умная женщина и, между нами сказать, знала дѣла не хуже покойнаго прокурора. Она очень-ласково припала Вѣру Яковлевну и обладала Зою... нѣтъ, больше: она любила ее, такъ-что Вѣра Яковлевна съ племянницею сдѣлались почти-ежедневными ея гостями. Совѣтникъ казенной палаты былъ также изъ усердныхъ посѣтителей экс-прокурорши. Она вообще была ласкова къ моло-

дымъ людямъ, говорила имъ истины, драла ихъ за уши, но ужь кого драла за уши, за того и стояла грудью въ обществѣ. А совѣтникъ былъ изъ числа любимцевъ ея. Она знала покойную жену его; крестила у него двоихъ дѣтей, приняла живое участіе въ потерѣ его, и теперь рѣшилась женить совѣтника, потому-что, по ея мнѣнію, жить ему вдовому, имѣя двухъ дочерей, никакъ не годилось. Обративъ вниманіе на Зою, она однимъ разомъ дѣлала три добрыя дѣла: сохраняла нравственность совѣтника, давала дѣтямъ его мать и пристроивала сироту. Знала ли, или не знала Вѣра Яковлевна о намѣреніи экс-прокурорши, когда рѣшилась ѣхать въ губернской городъ, этого никакъ нельзя сказать утвердительно; она божилась, что нѣтъ; но Вѣра Яковлевна была очень-тонкая дипломатка: по-этому, истину мудро было узнать. Какъ бы то ни было, исканія совѣтника не были противны ни ей, ни Зоя. Онъ былъ еще не старъ, и при чертахъ лица довольно-пріятныхъ, сохранилъ розы и лиліи юности — свидѣтельство чистыхъ нравовъ совѣтника. Не говоря уже о многихъ достойныхъ качествахъ его, какъ совѣтника, скажемъ только, что онъ зналъ наизусть «Горе отъ Ума» и даже нѣкоторыя элегіи Батюшкова, съ большимъ чувствомъ пѣлъ водевильные куплеты, писалъ въ альбомахъ и вальсировалъ преловко, не смотря на свою кругловатость. На немъ былъ всегда модный жилетъ, толстая золотая цѣпочка и свѣтлыя перчатки, хотя иногда и подчищенные хлѣбомъ. Совѣтникъ нравился многимъ городскимъ дѣвушкамъ, и Зоя съ удовольствіемъ видѣла, что онъ отличаетъ между ними ее, уѣздную барышню. Конечно, Вѣра Яковлевна говорила всѣмъ и каждому, говорила на ухо (чтобъ не смутить скромной дѣвушки), что Зоя ея превоспитанная, что она знаетъ французскій и англійскій языки, рисуетъ и поетъ, но Зоя чуть не плакала, слыша подобныя похвалы. Она боялась, что всѣ губернскія дѣвушки стануть ее экзаменовать и уничтожать ее въ прахъ своими знаніями, особенно при совѣтникѣ, который самъ, конечно, долженъ быть ученѣйшій человекъ въ мірѣ: онъ учился въ Петербургѣ...

Между-тѣмъ, въ городѣ уже поговаривали, что хорошенькая Зоя неравнодушна къ совѣтнику, а совѣтникъ былъ вполне увѣренъ, что она влюблена въ него по-уши: самолюбіе очень-извинительное въ такомъ человекѣ, какъ совѣтникъ. Вѣра Яковлевна также уже подумывала о каретѣ и бѣлой шали, которую вѣрно подарить совѣтнику своей невѣстѣ. А Зоя?... Иногда, конечно, въ головѣ ея мелькала мысль, что, если... Но нѣтъ; разстояніе между совѣтникомъ казенной палаты и бѣдною уѣздною барышнею было такъ велико, что честолюбіе Зои опускало крылышки: видно, что сердце еще не придавало имъ силы.

Время проходило; наступающая осень привела выборы, балы и офицерскіе отпуска. Къ губернскому предводителю пріѣхалъ племянникъ жены его, гвардейскій офицеръ, и къ тому же—князь.

Въ дворянскомъ собраніи давался балъ, по поводу... вѣрно по самому благонамѣренному поводу. Дворянская зала была недавно окончена, и слыла по многимъ соседнимъ губерніямъ образцомъ зодчества. Она была просторна, свѣтла, съ хорами и съ колоннами. Съ колоннами — значить уже верхъ совершенства, до котораго дано достигнуть губернской архитектурѣ. Какого ордера были колонны?.. Позвольте, — дорическаго; точно дорическаго; это всякій зналъ, потому-что архитекторъ, представляя планы губернскому предводителю, сказалъ, что предпочелъ дорическій коринтскому, какъ слишкомъ легкому для азіаціи, имѣющаго такое важное назначеніе. Балъ, о которомъ мы упоминали, былъ удивительный балъ, блестящій. Губернскій предводитель далъ для этого случая позволеніе распоряжаться его собственною оранжереею, и представьте: вся зала была украшена цвѣтами и деревьями, — новость, о которой говорили по всѣмъ соседнимъ губерніямъ, и едва ли даже не напечатали въ «Вѣдомостяхъ». Плодовъ, конфетовъ — Господи Боже мой! многія дамы шли нарочно ридикюли побольше, и всѣ коллежскіе регистраторы и господа чиновницы in-retto, не свыше двѣнадцати лѣтъ, то-есть за малолѣтствомъ недопущенные на балъ, запаслись гостинцами дня на три, — при благоразумномъ употребленіи, разумѣется, А шампанскаго!... слѣдствія изобилія по этому предмету я не могу даже и описывать; скажу только, что всѣ были очень-довольны, и только уже на другой, или даже на третій день пошли слухи, будто распорядители бала позапаслись провизіею для собственныхъ торжественныхъ дней. Но это были злонамѣренныя заключенія, основанныя не на фактахъ, а на возможности ихъ. Надобно сказать, что общество было самое блестящее, наряды дамъ—чудо. Много было уборовъ прямо изъ Петербурга. На Вѣрѣ Яковлевнѣ былъ чепецъ съ пунцовыми лентами; она взяла его тутъ же, въ городѣ, у русской мадмы, но прехорошенькій; а мантилья изъ полубархата, по праву, полубархатъ былъ такъ хорошъ, что никакъ не отличишь отъ настоящаго. Доя была одѣта въ бѣломъ платьѣ, съ пунцовой камелиею въ волосахъ — подарокъ экс-прокурорши, у которой была бездна вкуса. Доя была въ необыкновенномъ восхищеніи, счастлива какъ небожителица. Эта зала, освѣщенная тремя огромными люстрами и безчисленнымъ, какъ казалось ей, множествомъ бра, привѣшенныхъ къ каждой колоннѣ, оркестръ, составленный изъ всѣхъ полковыхъ мушкетеровъ, блескъ нарядовъ, блескъ именъ, станицы и владиміры на шеяхъ мужчинъ, а болѣе всего—эта зедень и цвѣты около колоннъ... Какъ хорошо скользилъ желтый лучъ восковыхъ свѣтъ

по этимъ темнымъ листьямъ померанцевыхъ деревьевъ, трепеталъ на мелкой миртѣ, или яркой полоской упалъ на широкій листъ молодого банановаго дерева... а эти гяцинты, розовые, бѣлые и желтые въ нѣсколько рядовъ около базы колоннъ!.. Но вотъ, возлѣ одной колонны, прямо противъ портрета императора, деревцо, высокое, стройное какъ сама Зоя: гибкія вѣточки съ длинными узенькими листочками и отъ cadaго алыи, граціозный цвѣтокъ на тонкомъ, аломъ же стебелькѣ, съ темно-красною, почти-фиолетовою чашечкою, и наклонился, какъ Зоя, когда, зарумянившись, склоняетъ она голову на грудь. Деревцо усыяно этими красивыми цвѣточками. И какъ гибкіи его вѣтви, какъ легкіи! еслибъ малѣйшее дуновеніе вѣтерка—онъ заколыхались бы...

— Кажется, васъ очень занялъ этотъ цвѣтокъ? сказала голосъ такой пріятный, что, казалось, могъ быть только голосомъ граціозно-склоненнаго цвѣтка. Зоя вздрогнула и подняла голову; передъ нею стоялъ молодой человекъ, въ гвардейскомъ мундирѣ, блѣдный, съ черными усиками, съ черными кудрями и темно-голубыми глазами, но такими пріятными, что они, какъ гибкія вѣтви цвѣтка, казалось, хотѣли приласкать ее.

— Да-съ, сказала Зоя, покраснѣвъ до ушей:—онъ такъ хорошъ!

— Это фуксія, дитя многочисленной фамиліи... Вы занимаетесь ботаникою?

— Я сажаю цвѣты въ моемъ цвѣтникѣ и люблюсь ими съ утра до вечера — вотъ всѣ мои познанія въ ботаникѣ.

— Вы любите ихъ; а любить—это лучше, чѣмъ знать.

— Ахъ, еслибъ это была правда!

— Вы говорите это съ такою живостію; можно спросить для чего нужно вамъ, чтобъ это была правда?.. угодно вамъ на кадрили?

— Въ это время, пары становились посреди залы; музыка заиграда кадрили. Для чего? сказала Зоя, подавая руку своему кавалеру. — Видите: я люблю, на-примѣръ, музыку...

— И вѣрно будете музыкантшею, если захотите?

— Да, Карлъ Адамычъ мнѣ то же говорить.

— А Карлъ Адамычъ долженъ знать...

— Вы знаете Карла Адамыча?

— И опять съ такою же живостію? Мнѣ кажется, что цвѣты и Карлъ Адамычъ на одной степени для васъ?

— Вы согласитесь, что Карлъ Адамычъ необыкновенный артистъ. Право, еслибъ онъ былъ у васъ въ Петербургѣ, то его умѣли бы оценить. Не правда ли?

— Еслибъ я былъ на его мѣстѣ, то, право, я не думалъ бы о мнѣніи петербургской публики.

Зоя покраснѣла,—покраснѣла отъ-того, что самолюбіе ея перетолковало слова молодого гвардейца, и особенно взоръ, съ которымъ они были произнесены *довольно-страннымъ образомъ* — какъ говорила она сама себѣ нѣсколько послѣ...

Да, нѣсколько послѣ, потому-что на эту минуту Зоя ничего не говорила сама себѣ. Она была такъ весела! посудите: князь,—дѣ, гвардеецъ былъ князь,—князь былъ самъ музыкантъ, и страстный музыкантъ. Они говорили о Шубертѣ, Веберѣ, Моцартѣ, о Россини, Бедлини; всѣ эти имена были не новы для Зои: со всѣми ими познакомилъ ее Карлъ Адамовичъ. Кадриль давно кончилась; Зоя сидѣла возлѣ Вѣры Яковлевны, князь стоялъ за нею, прислонясь къ колоннѣ, къ той самой, возлѣ которой пѣла Фуксія. Они говорили, и говорили не замѣчая, какъ изъ всѣхъ угловъ поглядывали на нихъ зоркіе глаза цензуровъ въ чепцахъ и шляхахъ, не замѣчая и господина совѣтника Ильина, который прохаживался по залѣ съ двумя дѣвицами и всякій разъ, проходя мимо новыхъ знакомцевъ, бросалъ на нихъ косые, полные неудовольствія взгляды.

Съ начала вечера, совѣтникъ нѣсколько занималъ Зою; ей было пріятно видѣть себя предметомъ вниманія любезнаго совѣтника; ей было лестно танцовать съ нимъ; она съ удовольствіемъ слушала его шутки, смѣялась отъ души его остротамъ; наконецъ, ей было весело вездѣ, всюду, куда бы она ни зашла, какъ бы ни запряталась, хоть нарочно, встрѣчать свѣтлые глаза совѣтника, которые искали ее, слѣдили за нею, какъ слѣдитъ лучезарная голова подсолнечника за теченіемъ солнца. Вѣдь это игра же, или, лучше сказать, прелюдія, въ которой дѣвушка учится играть — сердцемъ влюбленнаго. Первую кадриль Зоя танцевала съ совѣтникомъ. Въ это самое время, на диванчикѣ, между колоннами, и прямо противъ Зои, сидѣла губернская предводительша; она была въ синемъ бархатномъ платьѣ, въ бѣлой турецкой шали и смотрѣла въ лорнетъ на танцующихъ. Подлѣ нея, развалившись небрежно и играя аксельбантомъ, сидѣлъ ея племянникъ. Оба петербургскіе, и оба, разумѣется, смотрѣли на веселящуюся публику съ не очень-человѣколюбивымъ намѣреніемъ—подсмотреть губернскія слабости.

— Знаете ли, тетушка, что эта бринеточка, чтó танцуетъ тамъ, противъ насъ, съ этимъ круглякомъ, очень-недурна?

— Прошу осторожнѣе; этотъ круглячокъ любимецъ здѣшнихъ дамъ.

— Хорошая рекомендація ихъ вкусу.—Я, однакоже, увѣренъ, что бринеточка дѣлаетъ исключеніе.

— Ошибаешься. Она помолвлена за него.

— Это еще ничего не значить.

— Въ провинціи ничего не значить? Мы всѣ помышаны на буколичкахъ.

— Однакоже, этотъ Тирсисъ не сохнетъ отъ любви.

— Твоя хорошенькая брэнеточка влюблена въ этого Тирсиса по уши. Слышишь ты это?

— Влюблена, влюблена! Знаете ли, что мнѣ всегда смѣшно это слышать? Что значить «влюблена»? Рада, что кто-нибудь за нею ухаживаетъ, вотъ и все.

— Нѣтъ, здѣсь это не то. Эта молодая дѣвушка хорошо воспитана! Говорятъ, что мать ея была очень-умная женщина.

— Хотите ли биться объ закладъ, что ваша воспитанная дѣвушка черезъ двѣ недѣли... что я говорю! черезъ нѣсколько дней не станетъ смотреть на своего совѣтника и влюбится — въ меня.

— А знаешь ли ты, что мнѣ очень хотѣлось бы принять это предложеніе въ надеждѣ, что тебя проучатъ за хвостовство?

— Тетушка! вы знаете, что я совсѣмъ не шалунъ, не искатель приключеній и даже не левъ, а предлагаю вамъ закладъ единственно для того, чтобъ показать вамъ, что значить у женщинъ *влюблена*. О! удача не возгордять меня, будьте покойны. Я знаю, что буду обязанъ ею не моимъ высокимъ достоинствамъ.

— Чему же? твоему сіятельству, или эксельбантамъ?

— И тому и другому, а болѣе — новости.

Въ это-то самое время, Зоя съ такою любовію разсматривала неизвестную ей фуксію.

Вѣра Яковлевна могла бы замѣтить, еслибъ не такъ была занята наблюденіями надъ подносами съ конфетками и мороженымъ, что въ мазуркѣ, къ пунцовой камелии экс-прокурорши въ волосахъ Зои была присоединена красивая вѣтка фуксін, — могла бы замѣтить, потому-что эта вѣтка необыкновенно-граціозно перемѣшивала легкіе цвѣтки свои съ темными локонами Зои; но она не замѣтила. Не замѣтила и за ужиномъ, гдѣ Зоя, которой прислуживали и совѣтникъ, и князь, была необыкновенно-весела. И какъ было замѣтить! представьте, что подавали стерлядь баснословной величины. Стерлядь, для которой не могли нигдѣ найти блюда и потому подавали ее на огромномъ серебряномъ подносі, и то еще голова и хвостъ свѣшивались... Впрочемъ... какъ знать? Быть-можетъ, и замѣтила...

Прекрасный вечеръ! очаровательный! Такихъ не бываетъ два раза въ жизни. Танцы, музыка, и шутки, и смѣхъ, и еще разговоръ о цвѣтахъ, о Карлѣ Адамовичѣ, и во весь ужинъ такъ... Возвращаясь домой, Зоя во всю дорогу напѣвала то мазурку, то востигно Шуберта, о которой только-что говорила съ княземъ, и вдругъ улыбалась, потому-что между звуками и нотами, вдругъ,

вмѣсто *ге*, являлось ей доброе, знакомое лицо учителя, съ полуоткрытымъ ртомъ, съ пальцами, вытянутыми по клавишамъ, и потомъ, вмѣсто его, граціозная фуксія, и тотчасъ же за нею—блѣдное личико съ черными усами и со взоромъ... со взоромъ, обѣщавшимъ полную гамму звуковъ, и все задушевныхъ, все полныхъ чувства, какъ мотивъ Шуберта... А темно! На небѣ ни звѣздочки; фонари на четверть версты одинъ отъ другаго; а грязь? Линейка (Вѣра Яковлевна боялась всякаго другаго экипажа) длинная линейка стучитъ по неровной мостовой, и лошади, вытянувъ шеи, тащатся въминая грязь.

— Наказаніе Божіе эта мостовая! произнесла Вѣра Яковлевна. — Угораздило же сдѣлать на лучшей улицѣ! Ужъ дѣлали бы гдѣ въ захолустьи. А то вотъ трясись-себѣ. Зоя! Зоя! да что ты! точно ты по маслу катишься. Развѣ тебя не трясеть?

— Что-съ? Трясетъ, тѣтинька. Очень бьетъ. Видно Алексѣй съ мостовой съѣхалъ. По сторонамъ камни навалены.

— Навалены? Ужъ подлинно навалены. А еще сердятся на твоего батюшку, что мостовыхъ не дѣлаетъ. Вотъ вамъ и мостовые! Повезла бы я этого полицмейстера, да и съ губернаторомъ-то, по этимъ мостовымъ, да еще и въ телегъ. (Кажется, довольно было бы для пытки и линейки Вѣры Яковлевны, но она находила ее очень-покойною). Алешка! тише, дуракъ! Всю душу выбило.

— Да нельзя, сударыня. Извольте видѣть, какая темь. Ничего не видно.

— А еще фонари... Мошенники! Только знаютъ, что деньги собирать. *Улучшенія!* На поворотъ-то тише, дуракъ! слышишь? Тутъ вѣдь лужа стоитъ такая, что и Господи упаси...

Между-тѣмъ, Зоя носилась въ мирѣ звуковъ. Линейка благополучно перебралась черезъ лужу, вѣхала на дворъ и покатила какъ по маслу къ крыльцу, только грязь хлябаетъ подъ копытами лошадей.

Подвѣхали, остановились. Длинный малой, въ гороховой ливреѣ съ красными шурками, соскочилъ съ запятокъ, взбѣжалъ на крыльцо; стучится: нѣтъ отвѣта.—Экъ дрыхнуть! ворчитъ малой; опять стучитъ. На этотъ разъ дверь отворилась и на порогъ показался заспанный лакей съ салнымъ огаркомъ въ мѣдномъ подсвѣчникѣ. Малой въ ливреѣ, довольный этимъ признакомъ жизненной дѣятельности въ своемъ товарищѣ, проворно отбросилъ фартукъ линейки; Зоя легонько оперлась на его плечо, прыгнула на крыльцо и прямо въ горницу; но полъ солопа, къ-несчастью, распахнувшись, задѣла за подсвѣчникъ; тотъ выпалъ изъ рукъ полусоннаго лакея. Вѣра Яковлевна, которая въ это время занесла уже одну ногу на ступеньку крыльца, оставшись въ внезапной темнотѣ, закричала и уронила ридикюль, изъ котораго посыпались балыны

конфеты и всё подъ ноги лакею въ гороховой ливреѣ. Ужасное положеніе! Вѣра Яковлевна, лакей, кучеръ—всѣ кричатъ; а Зоя, между-тѣмъ, не подозрѣвая бѣды, которая надѣлала, стоитъ, въ бальномъ своемъ нарядѣ, въ гостиной, передъ большимъ зеркаломъ, хороша и весела какъ молодая жизнь. Передъ нею дѣвка въ какой-то душегрѣйкѣ, накинутой поясомъ на плеча, и съ свѣчкой въ рукѣ, смотритъ съ удивленіемъ на свою барышню, не зная еще хорошенько, не сонъ ли это еще передъ нею...

А тамъ-то шумъ, крикъ! Лакей хлопаетъ дверьми, бѣжитъ, крича: Агаея Петровна! огня! барыня! А барыня идетъ охая и ворча: «право, хамы; только и знаютъ, что дрыгнуть...»

Зоя заснула, думая о мауркѣ, о Карлѣ Адамовичѣ и—о князѣ.

На другое утро... Зачѣмъ послѣ этого *другое утро* събудеть еще другое, и еще, и еще, и такъ далѣе? Какое можетъ быть лучше этого? Странные люди! Вы стали бы плакать надъ гробомъ молодой дѣвушки, умершей въ это *другое утро*. Ужели этотъ сонъ, который мы называемъ смертію, внезапно, какъ тропическая ночь постигающій жизнь посреди ея самыхъ роскошныхъ картинъ, не лучше вашей блѣдной, безцвѣтной жизни, слабо, какъ сѣверный день, освѣщаемой воспоминаніемъ? Нѣтъ; эти слезы напрасны; прекраснѣе покой на блѣдномъ, молодомъ челѣ, но которому горестъ не провела ни одной борозды; надежды и любви, кажется, еще улыбаются въ душистомъ вѣнкѣ, которыми украшаетъ его дружба, и золотые сны еще лелѣютъ это воображеніе... Пусть спитъ, не пробуждаясь болѣе для жизни, гдѣ не найдетъ ни одного луча, освѣщавшаго ея минутный путь! Смерть за смерть: холодъ гробницы не хуже холода, одѣвающего прежде-времени-отжившее сердце... А вѣдь прійдетъ же *другое утро*, когда каждая скажетъ: сердце отжило, или, что еще не хуже ли, когда оно отживетъ, а красавица скажетъ смѣясь: э! все это вздоръ!—и пойдутъ солить грибы...

Небо пасмурно; тучи нависли надъ кровлями; того-и-гляди, что по лужамъ пойдутъ круги да пузыри; Вѣра Яковлевна, въ кухню, ворчитъ что-то на повара-лакея въ гороховой ливреѣ, который по профессіи своей былъ поваръ, а на запяткахъ ѣздилъ только въ экстренныхъ случаяхъ. Зоя сидѣла за фортепьяно: то быстро пробѣжитъ по клавишамъ розовыми пальчиками, то повторитъ вчерашній вальсъ, то, остановясь на взятомъ аккордѣ, задумается, и на лицѣ видно, что не печальны думы тѣ! Нѣтъ, игривы, веселы онъ, какъ весеннее солнце на лугу, какъ игры мелкихъ птичекъ въ чашѣ, проникнутой забѣжавшимъ въ нее лучомъ, какъ полетъ бабочки надъ пестрымъ цвѣтникомъ, какъ любовь, еще несознавшая сама себя.—Какъ онъ взглянулъ!.. какъ мило онъ сказалъ...

Ахъ, какъ онъ уменъ! какъ всё движенія его пріятны... ужь не то, что совѣтникъ... Здѣсь послѣднее колѣно вальса, и въ воображеніи цѣлый балъ, мазурка, огни, блескъ, шумъ, и вездѣ и всюду онъ...

— Зоя! Ты и не думаешь, что надобно платье приготовить! Развѣ ты забыла, что мы сегодня обѣдаемъ у Авдотьи Васильевны? (экс-прокурорши). Ты надѣнешься на Дашку—хороша будешь! Нѣтъ, матушка; на этотъ народецъ не очень надѣйся; будешь безъ всего. Ужь эти хамы! Дашка!—Приходить дѣвка.

— Приготовила ли ты барышнѣ платье?

— Не изволили ничего приказывать-сь.

— Вотъ, Зоюшка; все-то за тобой надобны няньки. Нехорошо; ты небогатая дѣвушка...

— У кого есть добрая тѣтушка, тому лучше, чѣмъ богатому, сказала Зоя, бросившись на шею Вѣрѣ Яковлевнѣ, еще нѣсколько встревоженной разговоромъ въ кухнѣ. Она старалась сохранить свой сердитый видъ, который уступалъ уже обыкновенному ей добродушію, и тихонько отталкивала Зою.

— То-то «тѣтушка»! Ты настоящая лиса, право, лиса, говорила Вѣра Яковлевна. — А выйдешь замужъ, кто тогда станетъ съ тобою нянчиться?

— Замужъ? — Зоя засмѣялась и покрасѣла. Богъ-знаетъ, съ чего ей представилось, что ей идти замужъ надобно было только—за князя.

Положеніе князя въ эту самую минуту было совсѣмъ-другое: губернская предводительша, тѣтушка его, сидѣла за пальцами и вышивала какой-то цвѣтокъ; онъ возлъ нея разсѣянно рвалъ маленькими ножницами ниточку шерсти. Утромъ онъ получилъ изъ Петербурга нѣсколько писемъ, въ которыхъ ему говорили о петербургскихъ балахъ, о возвращеніи изъ-за границы княгини Г., графини Д.; о новой танцовщицѣ, между-прочимъ о его дѣлахъ, такъ-что вчерашній балъ совершенно вышелъ у него изъ головы и съ хорошенькою брюнеточкою Зоєю. Предводительша начала искать чего-то на пальцахъ. Князь, не обращая вниманія на тѣтушку, продолжалъ рвать.

— Такъ! вѣчно схватишь, сказала предводительша, отинная ножницы у племянника.

— Виновать, тѣтушка.

— И такъ задумался. Конечно, это рванье была какая-нибудь важная операція? или воображеніе было занято другимъ?

— Посудите, каково же бы это было, еслибъ оно было занято ниточкой?

— Ниточка или драгоцѣ иногда очень-дороги. Хочешь, я угадаю, чѣмъ оно было занято?

— Сдѣлайте милость.

— Почему жь бы и не напшимъ пари?

— Пари? какими?

— Ужъ и забылъ? Впрочемъ, я вчера еще замѣтила, что ты о немъ забылъ.

— А! кажется, вы меня ужъ и во влюбленные записываете?

— Чего добраго! Однакожъ, знаешь ли, что мы сегодня обладаемъ у Зиньковой (экс-прокурорши)?

— Мы? однакожъ не я?

— Нѣтъ, ты.

— Полно-те, тетюшка; зачѣмъ такое страданіе?

— Я общаю тебѣ, что тамъ будетъ твоя брюнетка.

— Это очень-хорошо; но...

— Чтѣ же «но»?

— Цѣлый день у этого скелета, экс-прокурорши, и еще надѣвать мундиръ...

Какъ можно было видѣть, и особливо по жалкой фигурѣ, которую сдѣлалъ князь, его сѣятельство былъ влюбленъ очень, очень-косредственно. А между-тѣмъ... Зоя дѣйствительно была на обѣдѣ; вечеромъ ее заставили пѣть; князь ей аккомпанировалъ, хвалилъ ея методу, особенно ея голосъ; сдѣлалъ нѣсколько дружескихъ замѣчаній, какъ любитель и знатокъ музыки; сыгралъ за тетюшку цѣлый туръ въ преферансъ съ Вѣрою Яковлевною; очаровалъ ее своею любезностью и просилъ позволенія на другое утро привезти новый романсъ для Зои Павловны, привезти самому.

Вѣра Яковлевна была безъ ума отъ князя и не могла надвинуться любезности губернской предводительши. На другое утро, она принималась разъ пять рассказывать, какъ губернская предводительша сказала ей, что она очень-хорошо играетъ въ преферансъ; какъ, хвалила Зою, и замѣтила, что воспитаніе ея дѣлаетъ честь Вѣрѣ Яковлевнѣ. Вѣра Яковлевна почла даже себѣ за долгъ сдѣлать визитъ губернской предводительшѣ, и рассказывала потомъ, что была принята чрезвычайно-ласково. О, еслибъ вы видѣли, чтѣ были за хлопоты, когда губернская предводительша прѣехала отъ дѣти смѣнить Вѣрѣ Яковлевнѣ. Но насъ занимаетъ другое.

Наша молодые люди видѣлись очень-нервно; предводительша любила музыку и пригласила къ себѣ Зою; сдѣлательно, Зоя и князь пѣли вмѣстѣ и у предводительши и у экс-прокурорши; иногда, — конечно, изрѣдка, — князь завязалъ къ Вѣрѣ Яковлевнѣ, которую особенно уважалъ ли, любилъ ли, не знаю, только тутъ былъ ли, по словамъ Вѣры Яковлевны, очень-дружескія отношенія.

Она была, право, очень-любезна; шутя съ тетюшкой, называлась къ ней на блины, на преженцы, которые страстно любила; между-прочимъ, перебирала ноты племянницы, заставляя ее пѣть, и нерѣдко, послѣ такихъ посвященій, на оныя Зоя появлялась въ стаканѣ свѣжая вѣтка фуксiи.

« Впрочемъ, должно сказать правду: у Зои была замѣчательный талантъ и голосъ, какіе рѣдко можно слышать и въ столицѣ. Это была одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ контр-альто, которыхъ каждая нота отдается въ душу. Что жъ мудренаго, что князь, какъ цѣнитель и знатокъ прекраснаго, привязался только какъ любитель музыки — не болѣе, къ развивающемуся таланту молодой артистки? Впрочемъ, какъ знать? быть-можетъ, круглая атласистая плѣчи и полная, высокая грудь, тихо волнуемая подъ легкой кисею, обтягивающей тонкую талию; и граціозныя контуры личика, такъ хорошо округленнаго шестнадцатою весною, и огненный взоръ, по-временамъ выбгающій изъ-подъ длинной рѣсницы; и завистливыя складки широкаго платья, невольнао измѣняющія тайны прекрасной ножки, поддерживающей педаль, — быть-можетъ, все это, говорю я, независимо отъ эстетическаго наслажденія музыкою, дѣйствовало на чувства молодаго свѣтскаго артиста... Какъ бы то ни было, только черезъ нѣсколько времени свѣтскій артистъ, князь, самъ не зная какъ, очутился влюбленнымъ и не-на-шутку въ убадную барышню. Влюбленнымъ музыкой!..

Влюбленнымъ, то-есть, ему надобно было часто, безпрестанно видѣть Зою, надобно было обладать ею... Но князь былъ человѣкъ нравственный:

А Зоя? Зоя! Она засыпала, повторяя въ умъ послѣднюю фразу, переданную въ этотъ вечеръ голосомъ, который для Зои теперь заключалъ въ себѣ всю гармонию міра; она просыпалась, встрѣчая прежде дня взоръ, который для нея теперь сіялъ всеми огнями солнца. Сѣсть за клавикорды и повторять его пѣсни, потомъ, при ма-лѣйшемъ шумѣ, бѣжать къ окну — не онъ ли вѣдетъ... Это знакомый стукъ колесъ... онъ!.. Вотъ его султанъ играетъ съ вѣтромъ... сврая шинель... онъ приложилъ руку къ шляпѣ... Ну, есть ли что пріятнѣе этого движенія, есть ли что милѣе этой улыбки, этого взора?.. Проѣхалъ. Она прижимаетъ руку къ груди, какъ-бы желая удержать сердце, готовое вылетѣть. Смотритъ: кажется, небо стало свѣтлѣе, вокругъ нея веселѣе, какъ-будто небесное сіяніе освѣтило комнату. И теперь она просидитъ цѣлый часъ, все припоминая эту улыбку, этотъ взоръ, это движеніе руки. И такъ пройдетъ цѣлый день, и завтра то же. Видѣть его и потомъ ждать — и такъ вся жизнь. О! это хорошо... А тамъ, тихонько, безъ вѣдома дѣвушки, сколько надеждъ роятся въ головѣ! Не даромъ, вечеромъ, сѣда за столикомъ подѣв

Вѣра Яковлевна, которая въ сѣняхъ, придвинувъ сѣтку къ носу; читать чулокъ, Зоя оставляетъ работу, выглядываетъ боязливо на Вѣру Яковлевну, разгибаетъ книгу, опять выглядываетъ на тѣтушку и, замурясь, замѣчаетъ на удачу пальчикомъ строчку на правой сторонѣ; не даромъ съ жадностью читаетъ ее и, закраснѣвши, откладываетъ книгу; или, намурясь, снова разгибаетъ, только на другомъ мѣствѣ, и опять смотритъ на тѣтку, и опять читаетъ; не даромъ... Но, ах! быть-можетъ, были и другіе въ то же время, которые откладывали въ сторону толстый томъ «Свода Законовъ» и тайно загадывали, быть-можетъ, въ элегіяхъ Батюшкова. Совѣтникъ Ильинъ не былъ также покоенъ; Зоя Павловна занимала собою все свободное его время и занимала такъ, что даже и по началу было замѣтно нѣкоторое измѣненіе въ образъ его дѣйствій. Журналы были не помѣчены, и въ самыхъ совѣщаніяхъ совѣтникъ не всегда зналъ о чемъ идетъ дѣло и — молчалъ. Зоя нравилась ему; въ продолженіи нѣсколькихъ дней, онъ ласкалъ себя надеждою, что онъ можетъ осчастливить ее; уже видѣлъ ее со-вѣтницею, хозяйкою дома, матерью его дѣтей... Но вотъ уже нѣсколько дней, какъ все перемѣнилось. Зоя не обращаетъ на него вниманія, не ищетъ его взоровъ, не слушаетъ его комплиментовъ, не смѣется его шуткамъ, или, что еще хуже, слушаетъ не его комплименты, смѣется не его шуткамъ. Совѣтникъ долго думалъ, не изрился самъ себя, еще сомнѣвался; наконецъ, рѣшился открыться во всемъ почтенной благодѣтельницѣ своей, Авдотѣ Васильевнѣ, экс-прокуроршѣ, и если она подтвердитъ замѣчанія его насчетъ рождающейся склонности Зои къ гвардейцу, собрать все благородіе свое и, какъ должно разсудительному совѣтнику, предоставить мнлую вѣтренницу ея судьбѣ. Итакъ, въ одно воскресенье совѣтникъ пріѣхалъ обѣдать къ экс-прокуроршѣ, и нарочно пораньше, пока еще никого не было, и изложилъ сколько могъ яснѣе все обстоятельства занимавшаго его дѣла. Старушка выслушала, потрѣсла головою, и хотя согласилась, что замѣчанія совѣтника были не безъ основанія, однако никакъ не одобрила мысли его отказать отъ Зои. Зоя ребенокъ; она, то-есть, экс-прокурорша поговорить съ Вѣрою Яковлевною, женщиною основательною, вмѣстѣ побранить Зою и заставить ее выкинуть изъ головы бредъ. Такимъ образомъ успоковъ совѣтника, она сыграла съ нимъ, до пріѣзда гостей, двѣнадцать королей въ пикетъ, а дня черезъ три послѣ того, совѣтникъ, чрезъ экс-прокуроршу, просилъ формально руки Зои Павловны.

Въ жизни народовъ бываетъ, говорятъ, иногда, что они спятъ не цѣлымъ столѣтіямъ не разсуждая, не жалуясь, не зная даже можно ли желать лучшаго, и вдругъ блещетъ искра, и они про-

буждаются, мыслятъ, испытываютъ и сознаютъ себя в себѣ настоящее. Такъ и въ сердцѣ дѣвушки; ребенокъ-Зоя до-сихъ-поръ жила не зная какъ уходила жизнь, наслаждалась настоящимъ не зная, что было оно, и не спрашивая, что веле оно за собою. Вдругъ является вопросъ: идти ли за совѣтника? Зоя не думая отвѣчаетъ: отказать, отказать. Но для чего? Отвѣтъ готовъ: это образъ князя съ его прекрасными, одушевленными глазами, милою улыбкою и темными усиками. Но если прежде этотъ образъ отвѣчалъ на всѣ движенія души, то теперь Зоя спрашиваетъ: отъ-чего же это такъ? Она любитъ... Любить! но любятъ ли ее? Чему жертвуетъ она счастьемъ отца, какъ увѣряютъ ее, выгоднымъ женихомъ, какъ говорить Ввря Яковлевна?—чему? и на это отвѣтъ легко найдти. Еслибъ онъ и не любилъ ея, еслибъ ей и не быть за нимъ, то любить его, жить имъ однимъ, для него, это уже значить жить. И какъ идти къ алтарю, нося въ сердцѣ образъ другаго—какъ сказать «да», когда душа полна другой любовью?.. Но все это важныя, неотражимыя причины для сердца шестнадцати-лѣтней дѣвушки, и кажется вадоромъ, бреднями для людей разсудительныхъ. Бѣдная Зоя! Сама Ввря Яковлевна, которая отдала бы жизнь свою для твоего счастья, скажетъ тебѣ: выкинь это изъ головы. Она не подумаетъ, сколько страданій будетъ тебѣ стоить эта кровавая операція. Но ничего! Налобно, чтобъ другіе были счастливы по-нашему, а не по-своему. Зоя просила отсрочки. Она хотѣла употребить это время, чтобъ приготовить побѣду надъ сердцемъ? И нѣтъ! Она объ этомъ и не думала. Молодость полна вѣры въ счастье. Ей все кажется, что завтра оно вынесетъ ее изъ пучины. Слѣдственно, выиграть время—этого уже было довольно для Зои.

Что говорила экс-прокурорша съ Вврюю Яковлевною, этого я не могу сказать. Только съ того времени Ввря Яковлевна совершенно перемѣнилась къ князю; сдѣлалась съ нимъ очень-холодна; называла его мальчикомъ, дерзкимъ, и рѣшительно возставала противъ его усиковъ, находя въ нихъ признакъ буйства. Зоя слушала и молчала; она ждала счастья,—но счастье не приходило выручить изъ бѣды бѣдную дѣвушку. Разъ (это было при разъѣздѣ на балѣ) весь вечеръ князь танцевалъ очень-мало, былъ печаленъ, стоялъ поодаль, прислонясь къ колоннѣ, и молча крутилъ усы, между-тѣмъ, какъ она, невольница, выплясывала посреди залы кадрили съ совѣтникомъ, летя и взорами и душою къ другому. Лишь-только подѣ конецъ бала, Зоя случайно, совсѣмъ-случайно оставилась съ пріятельницами недалеко отъ колонны, у которой стоялъ князь, тогда-какъ толпа кавалеровъ, и между ними совѣтникъ, подходила къ нимъ, чтобъ ангажировать на мазурку. Князь не выдержалъ; онъ завладѣлъ Зою въ глазахъ совѣтника,

и, не дождавшись отвѣта, увелъ ее на другой конецъ залы. И какъ онъ былъ неженъ, какъ былъ любезенъ во всю мазурку! какъ много говорили глаза его! Все это замѣтили, такъ-что Вѣра Яковлевна притворилась больною и увезла Зою изъ мазурки, бросивъ на князя взоръ раздраженной Юдочки. Къ-несчастію, онъ не замѣтилъ этого взора, подаль руку Вѣрѣ Яковлевнѣ, которую, не смотря на гнѣвъ свой, она должна была принять. Онъ проводилъ обѣихъ дамъ до подъезда, самъ посадилъ ихъ въ экипажъ, и Зоя чувствовала... да, сажая ее, онъ прижалъ руку дѣвушки къ груди своей... Было темно; никто не могъ замѣтить. Во всю дорогу тѣтушка бранила Зою, сердилась; Зоя не слыхала ничего; она вся была какъ въ огнѣ; она чувствовала еще прикосновеніе руки...

Вѣра Яковлевна объявила Зовѣ, что запрощаетъ ей не только тактовать, но и видѣться съ княземъ и даже думать о немъ.

И онъ какъ-будто угадывалъ волю Вѣры Яковлевны. Напрасно Зоя ждетъ у окна; много преѣзжаютъ сажой, его нѣтъ какъ нѣтъ; поѣдетъ къ экс-прокурорши — совѣтнику тамъ: его — нѣтъ какъ нѣтъ.

Зоя плачетъ тихонько; не спитъ ночи. Она ошиблась: онъ не любитъ ея.

— Нынче дѣвцы стали черезъ-чуръ легковѣрны, говоритъ Вѣра Яковлевна, между прочимъ, безъ намѣренія, такъ къ слову: — молодые новысы наговорятъ имъ турусовъ на колесахъ, притворятся влюбленными, а онѣ-то и ввратъ. Нѣтъ; въ наше время быди по-умнѣ; насъ, бывало, такъ не проведутъ.

— Притворятся? развѣ такъ притворяются? Нѣтъ! Сама душа говорила его глазами; Зоя это видѣла; она сама читала любовь во взорахъ его. Нѣтъ, онъ не обманывалъ ея; но—онъ разлюбилъ ее.

Между-тѣмъ, срокъ приближался. Надобно было дать отвѣтъ совѣтнику; отецъ пишетъ къ Зовѣ и ясно выражаетъ свое желаніе...

Въ тотъ же день, печальную Зою повезли къ экс-прокурорши обѣдать. Ею тамъ не было, но былъ совѣтникъ и много еще другихъ. Скучно проведенъ день. Вечеромъ все съѣли за карты, Вѣра Яковлевна и даже совѣтникъ. Остались Зоя и двѣ молоденькія внучки прокурорши. Онѣ пошли въ залу къ фортепьяно. Дѣвочки болтали, смѣялись; Зоя играла. Все въ этой комнатѣ аноминало ей короткій сонъ любви ея. Здѣсь она была счастлива; вотъ здѣсь онъ такъ много говорилъ съ нею... Вдругъ... Зоя вздрогнула: онъ стоялъ за нею.

Зоя не покраснѣла; но двѣ крупныя слезы вдругъ выкатились изъ глазъ ея. Она вскочила.

— Вы испугали меня, князь.

Онъ взялъ ее за руку и посадилъ опять на стулъ. Глаза ихъ встрѣтились, и Зоя опять върилась въ сердце его: онъ любитъ ее.

Какъ это случилось, не знаю, только поцѣлובились ноты, которыя были въ учебной комнатѣ. Дѣвочки побѣжали ихъ слышать. Князь сидѣлъ возле Зои, подложка руку на спинку ея стула. Зоя, наклонясь къ клавишамъ играла вальсъ такой быстрой, что, кажется, все земные и подземные дуки должны были закружиться въ неуловимомъ вихрь; князь слушалъ внимательно и вдругъ рука его очутилась на бѣломъ плечикѣ Зои... вальсъ тише, тише... м-м-м-м, и когда дѣвочки вбѣжали въ комнату, Зоя, алая какъ роза, принялась играть послѣдній танецъ секстуора изъ «Лучія Ламермуръ», а князь шелъ навстрѣчу дѣвучкамъ, какъ-будто бы на губахъ его и не горѣлъ еще только-что сорванный поцѣлуй.

На другой день, Зоя, проснувшись, вежочила съ постели и подбѣжала къ фортепьяно. Между нотами лежала искусственная вѣтка ружья, но такъ хорошо сдѣланная, что обманывала глазъ.

Зоя объявила Вѣрѣ Яковлевнѣ, что ни за что въ мирѣ не пойдетъ за совѣтника. Та, въ отчаяньѣ, поскакала къ экс-прокурору, и оба рѣшились вечеромъ же поговорить вмѣстѣ съ Зоею и образумить ее.

Ее привезли къ экс-прокурору. Никого не было, и даже сказано подъ рукою, чтобъ никого не принимать, — развѣ ужъ по необходимости, то-есть, еслибъ кто поважнѣе пріѣхалъ: люди въ хорошихъ домахъ на это примѣтаны.

Начались разсужденія; Зоя сидѣтъ ни живая, ни мертвая; она чувствуетъ, что это рѣшительная минута, что ей станутъ говорить о князѣ, и что теперь, или никогда, она должна собрать все силы и сказать, что не можетъ принадлежать другому. Она была уже сваярана съ княземъ неразрывными узами; онъ сказалъ ей, что ее любитъ; прежде, она боялась знатныхъ родныхъ князя; теперь она о нихъ не думаетъ; она сильна любовью князя: не обязана ли онъ съ нею торжественно? да, торжественно: поцѣлуемъ жениха!

Вдругъ, въ самомъ началѣ разговора, когда Зоя, какъ преступница, видѣла потупя глаза передъ овальными судьями, двери отворились, настѣжь и человекъ дѣлающій о пріѣздѣ губернской предводительши. Такой гостини нельзя уже не принять. Губернская предводительши вошла. Она была въ томъ же самомъ синемъ бархатномъ платьѣ, въ которомъ была и въ собраніи; только теперь на ней была желтая шаль и шляпа съ страусовыми перьями. Лицо оживлено обыкновенною улыбкою свѣтской дамы.

Сначала, разговоръ какъ-то не вязался. Хозяйка и Вѣра Яковлевна были заняты только-что прерванными поученіями; губернская предводительши начинала и то, и другое: казалось, и у ней

было что-то на сердца, что было очень-нужно, но не могло вы-сказаться.

Подали варенье, и для каждого особенное блюдечко, маленькое и очень-красивое, съ маленькою чайною ложечкою; разумеется, прежде предводительша; та взяла ложечку, какъ-то, малины! Въ-ра Яковлевна также, говоря при томъ, что у Авдотьи Васильевны необыкновенно-хорошо варятъ малину. Зоя отказалась, не смотря на знаки тетушки, которая находила неприличнымъ и стран-нымъ такой поступокъ,

— Зоя Павловна не любитъ сладкого, замѣтила экс-прокурорша съ пріятною улыбкою, и сильнѣе обыкновеннаго потрясла головою.

— Зояшка бездарова, постыдилась сказать въ изидиеніе глумля-ющей смугливой Вѣры Яковлевны. — Со вчерашняго дня, что-то жа-луются, и я совѣтовала ей діету.

— Странное дѣло! сказала экс-прокурорша, обращаясь къ пред-водительшѣ. — Нынѣшніе молодые люди стали очень-слабы, но то, что въ наше время. Право, я даже и не помню, чтобъ, бывало, вѣдуъ когда предписывали діету, да осторожность. А нынѣ только и слышишь, что то вредно, да другое.

— Ужь очень намедничались, матушка, замѣтила Вѣра Яков-левна. — Другое, воспитаніе, все на иностранный манеръ; а вѣдь въ наше время было все не-престу. Мы не знали ни каретовъ, ни буфетчиковъ, ни мажорантъ; за то и были покрепче.

— И не только въ здоровьѣ... сказала предводительша.

— Ваша правда, Надежда Сергѣевна, не въ одномъ здоровьѣ, а въ вѣрѣ, въ нравахъ, — вотъ въ чемъ люди были покрепче. Теперь и родство, и дружескія связи, все меньше уважается. Живемъ мы не думая о завтра; есть отцовское наследство — мы торопимся въ столицу, за границу, какъ-будто бы оно даягетидо насъ. Давай, все мотать. Итъ у насъ; какъ бывали прежде, приващаніемъ ни къ своему дому, ни къ деревнѣ, гдѣ жили отцы и дѣды. Точно какъ-будто бы мы все на часъ, и ни за нами, ни передъ нами никого у насъ нѣтъ.

— Легкомысленны, легкомысленны стали вы, матушка! сказа-ла со вздохомъ Вѣра Яковлевна. — Ужь чего тутъ дѣшъ иль дерев-ня: покоимъ своимъ не дорожатъ; окружаютъ себя наемными людьми. А какою ужь попой съ наемными?

— Это бы еще ничего, сказала предводительша, ставя блюдеч-ко и утираясь нитымъ батистовымъ платкомъ съ кружевами. — Я сама готова была бы окружить себя наемными. Крѣпостные — это наши оковы. (Вѣра Яковлевна поставила свое блюдечко на столъ. Красна вступила ей въ лицо; однако, она смолчала. Предводитель-ша продолжала.) — Я нахожу то дурнымъ, что въ самыхъ важнѣй-

нихъ поступкахъ вашихъ видно легкомысліе, а особенно въ молодыхъ людяхъ. У нихъ совершенно нѣтъ ничего святаго. Они играютъ чувствомъ, спокойствіемъ, счастіемъ цѣлой жизни, какъ ребенокъ своею игрушкою. Я вамъ расскажу, какой случай былъ у насъ, въ нашемъ семействѣ. У меня есть племянникъ... братъ того, котораго вы знаете. Мы жили въ ... въ Москвѣ. Онъ пріѣхалъ къ намъ въ отпускъ, и, разумѣется, я представила его во всѣхъ домахъ, гдѣ была сама знакома. Онъ очень-недуренъ собою, ловокъ, знаете, какъ человекъ, который всегда живалъ въ лучшемъ обществѣ; ну, хорошей фамиліи, въ связяхъ, и конечно съ хорошею будущію. Онъ былъ принятъ какъ-нельзя-лучше, а особенно матушками. Невозможно представить себя, чего не вздумывали онъ, чтобъ заманить такого женишка. Просто, на рукахъ его носили. У насъ были одни знакомые, у которыхъ въ домъ было всегда множество молодыхъ дѣвицъ. Племянникъ мой часто бывалъ тамъ, и, разумѣется, какъ молодой человекъ, находилъ тамъ удовольствіе.

— Конечно, съ молодыми дѣвицами, очень-натурально, заиграла экс-прокурорша, покачавъ головою.

— Ничего не можетъ быть натуральнѣе. Между этими дѣвицами была одна прехорошенькая, небогатая дѣвушка и сирота. Мы все знали, что она уже помолвлена. Вотъ одинъ разъ повѣсь племяннику моему вздумалось побиться объ закладъ съ пріятельни, что онъ влюбитъ въ себя эту дѣвочку.

— Возможно ли это?

— Посудите. И что жъ вы думаете? Вѣдь онъ успѣлъ!

— Очень вѣрю. Эти молодые головы какъ рыбка на удочку.

— Да странно-то то, что дѣвочка въ-самомъ-дѣлѣ была страстно влюблена въ своего жениха.

— Что жъ тутъ страннаго? Помните? Вѣчная любовь въ однихъ романахъ. Одивъ эти дурочки думаютъ, что ужъ если нѣтъ кто понравился, то это и ахъ, и увы, и навѣкъ... А все это вздоръ.

— Да такой вздоръ, что не прошло и двухъ недѣль, какъ она точно такъ же была страстна къ моему племяннику. Право, даже жалко было ее видѣть.

— А ему смѣшно, я думаю?

— Нѣтъ; знаете, дѣвочка была точно хорошенькая. Сперва, быть-можетъ, онъ и притворялся влюбленнымъ; а послѣ, право, кажется, влюбился отъ души. По-крайней-мѣрѣ, мы все смѣялись надъ нимъ.

— Ну, да, влюбился; это можетъ быть; только такая любовь никому не дѣлаетъ чести. Влюбился, какъ влюбляются въ каждой фартучекъ. (Здѣсь качанье головы сдѣлалось очень-сильно).

— Разумается, не больше; только дѣвочка приняла это иначе.

— Глупенькая! глупенькая!

— Посудите сами. Ни воспитаніе, ни состояніе, ничто здѣсь не соответствовало. Да, я думаю, что и самъ племянникъ мой не могъ почитать этого серьезнымъ. Онъ очень зналъ, чѣмъ былъ обязанъ и свѣту, и себѣ; зналъ, что всегда могъ имѣть одну изъ лучшихъ невѣстъ: какъ же было ему жениться на неизвестной дѣвочкѣ? Этого и быть никогда не могло. Но вотъ была беда. У племянника моего прекраснѣйшее, предобрѣйшее сердце. Представьте же себѣ его положеніе, когда онъ узналъ, что дѣвочка влюблена въ него не на шутку, и изъ его проказъ отказала хорошему жениху, который вѣрно составилъ бы ея счастье...

— Не-уже-ли же у этой дурочки никого не было, кто бы ее образумилъ?

— Богъ ихъ знаетъ. Только я, наконецъ, видя всѣ эти глупости, говорю: Моп cher, что ты это дѣлаешь? помилуй! Да уважай ты Бога-ради. Вѣдь ты ее уморишь. Ну, надѣлалъ глупостей, такъ и поправляй же самъ.

— Что же онъ?

— Послушался, слава-Богу и—уважалъ. Она взглянула на Зою.

— А что же дѣвочка?

— Сперва вѣрно сердилась на меня, а потомъ сама же будетъ благодарна.

Этотъ рассказъ оставилъ тягостное впечатлѣніе во всѣхъ присутствовавшихъ. Всѣ замолчали. Наконецъ, экс-прокурорша, спохватясь и вспомнивъ, что невѣжливо молчать, тряхнула головою и спросила:

— А что наше сокровище, князь? Вѣдь я также влюблена въ него, вы это знаете. Скажите, долго ли онъ еще меня порадуетъ, пробудетъ съ нами?

— Племянникъ мой? Онъ уважалъ сегодня утромъ, и я за тѣмъ и призвала, чтобъ просить васъ извинить, что онъ не могъ быть у васъ. Для совершенно-непредвидѣнныхъ и необходимыхъ заставилъ его поспѣшить отъѣздомъ... Она опять взглянула на Зою...

На другое утро, Вѣра Яковлевна, желая вывести спасительное нравоченіе изъ вчерашняго разказа, вошла въ комнату племянницы и нашла ее—въ жестокомъ нервическомъ припадкѣ.

Послали за докторомъ, послали за отцомъ; припадокъ прошелъ; отецъ пріѣхалъ, а Зоя была — помѣшана.

Но мы слишкомъ занялись Зоею; вы, конечно, не потребуете отъ меня подробностей ни ея болѣзни, ни выздоровленія. Бѣдная Вѣра Яковлевна съ горя ли, какъ говорили одни, отъ слобнаго ли шара съ грибами, какъ увѣрялъ узданный докторъ, умерла вскорѣ

по возвращеніи домой. Умеръ также дядя Зои, богатый человекъ, и она сдѣлалась богатою невестою. Отецъ ея оставилъ мѣсто геродничаго и переехалъ въ деревню, доставшуюся послѣ брата. Зою лечили въ Москвѣ, возили въ Ростовъ, въ Воронежъ. Наконецъ, привезли въ Петербургъ, гдѣ ей очень помогли, такъ-что казалось даже, будто-бы болѣзнь совсѣмъ прошла. Она даже начала брать уроки въ музыкѣ, какъ вдругъ, послѣднею зимою, болѣзнь ея возвратилась, и съ такою силою, что потеряла всю надежду на ея выздоровленіе. Мы, однакоже, видали, какъ дружба Мери возвратила ей тишину и разсудокъ. Зоя жила на дачѣ съ родственницею по матери, которую отецъ ея, взявъ къ себѣ на мѣсто покойной Вѣры Яковлевны. Увѣряли, что послѣдніе припадки Зои начались послѣ какого-то музыкальнаго вечера, гдѣ ей показалось, что она слышала голосъ своего князя.

IV.

На дачѣ все было въ необыкновенной тревогѣ; горничныя допрашивали платя, одѣвались; люди бѣгали изъ буфета въ кухню и обратно; повара суетились около плитъ; по аллеямъ сада мелькали группы гуляющихъ, большую частію обитателей дачи и сосѣдей, которые, слыша, что у Байдановыхъ ждутъ гостей, выключили, что будить пемолвка, и ходили около дома, стараясь подсмотреть какое-нибудь движеніе въ комнатахъ. Одна Зоя сидѣла покойно на своей маленькой террасѣ, обращенной на западъ, и смотрѣла задумчиво, какъ блестящее свѣтло дня склонилось къ покойнымъ водамъ залива.

Въ дамскихъ комнатахъ невесты было тихо, потому-что всѣ приготовления къ вечеру были кончены. На столахъ разставлены и шитья, и фрукты въ серебряныхъ вазахъ; нѣсколько дамъ, родственница, богато-одѣтыхъ, ходили изъ комнаты въ комнату, тихо разговаривая между собою, мимоходомъ передавая съ мѣста на мѣсто, для большаго эффекта, то вазу, то корзину. Старушка Байданова сидѣла одна-одинѣхонька въ гостиной, и раскладывала гран-пасьянсъ (обыкновенныя ея собесѣдницы на этотъ вечеръ были прибраны вмѣстѣ съ чехлами, съ мебелью и разными мелочами, которыя находили неприличнымъ оставлять при гостяхъ). Сама Мери была еще въ своей комнатѣ; туалетъ ея былъ оконченъ, но она казалась имъ недовольною; двѣ дѣвушки стояли въ дверяхъ. Мери подходила къ зеркалу, поправляла бунданъ, прикалывала дѣвушкѣ приколоты поясъ; потомъ садилась, брала книгу и оставила ее, чтобъ опять подойти къ зеркалу. Она хотѣла ра-

даться покойною, но сердце дѣвушки, при всей разсудительности ея, не хотѣло слушаться совѣтовъ благоразумія и билось какъ-бы въ груди самой мечтательной изъ всѣхъ провинціальныхъ невѣстъ.

Между-тѣмъ, Елена Павловна... превосходная женщина! Представьте, что наканунѣ она легла въ три часа, проиграла весь вечеръ съ старухою Байдановою у Бялугиныхъ; не спала всю ночь: сдѣлались спазмы; встала съ головою болью, а надобно было ѣхать за покупками. Теперь страшный мигрень, опять спазмы; голова обдадена платкомъ; на вискахъ кружечки изъ почтовой бумаги, намоченные о-де-колономъ, на затылкѣ хвѣтъ, а надобно еще ѣхать на дачу: положено вечеръ провести у невѣсты. Это ужасъ! Право, мы вѣчно жертвами собственной доброты и привязанности... Ну, а какъ не ѣхать? Какъ отпустить сестрицу и Евгенія однихъ? Княгиня превосходная женщина, но холодна и совершенно-неспособна что-нибудь уладить и устроить. А Евгений? Ну, что! онъ влюбленъ... да нѣтъ, и не вѣдаетъ ничего. Какъ-то въ немъ нѣтъ этого дара, чтобъ найдтись, смекнуть. Ему все была бы готово, все устроено: гран-оеньбрь, ужъ известно! Ну, хоть бы съ старухою; гдѣ ему подладиться къ старухѣ? или съ другими родными? А на кого надѣяться? Другія тѣтушки пріѣдутъ только подпировать. А хлопотать одна Елена Павловна во всемъ и вездѣ.

Любопытно была видѣть внутренность княжеской кареты, когда она отправилась на дачу съ женихомъ, княгинею и необходимою тѣтушкою. Княгиня, худенькая, блѣдная, неподвижная въ углу доречы, въ старушечьемъ чепчикѣ и закутанная шалью, держится жерциноватою рукою безъ перчатки за басоны и смотритъ въ окно не говоря ни слова. На лицѣ ея, всегда покойномъ, видны грусть и внутреннее волненіе; она видимо старается избѣжать взоръ сына, какъ-бы боясь, чтобъ онъ не прочелъ въ глазахъ ея, что тревожно занимало ея душу. Не о себѣ беспокоилась княгиня: ей не много уже осталось жить. Но будетъ ли счастливъ онъ, любимецъ ея, чье счастье было постоянною надеждою всей ея жизни? Онъ пріобрѣтаетъ независимое состояніе, — но какую цѣною? Не утратитъ ли онъ за него свою собственную независимость? Будутъ ли поняты и оценены доброта и дежкатность его, эти неоцѣненные качества для тѣхъ, съ которыми мы живемъ и къ несчастію часто очень-вредныя для насъ самихъ. Изрядка входила ей въ голову мысль: какъ будетъ и со мною невѣстка? и онъ не пережѣнится ли женясь?... Но это на одно мгновеніе. Онъ, единъ онъ занималъ ее. Странно! богатство, которое до-сихъ-поръ было постоянною ея мечтою, теперь, когда оно было уже почти въ рукахъ, казалось ей ничтожнымъ, дорого-пріобрѣтаемымъ: княгиня начинала уже смотреть на него съ философскою точию.

Въ другомъ углу кареты, на той же лавочкѣ, и какъ-бы для контраста съ княгиней, сидѣла Елена Павловна, одѣтая по послѣдней модѣ (нельзя же для новыхъ родныхъ!). На вискахъ бумажки, напѣтанныя о-де-колономъ, нюхаетъ спиртъ и безпрестанно говоритъ: то даетъ совѣты племяннику, то пересказываетъ княгинѣ свой послѣдній разговоръ съ старухой Байдановою, то крестится и благодаритъ Бога, что онъ совершилъ наконецъ ея желаніе пристроить милого Евгенія и видѣть сестру покойною; то рассказываетъ, какіе чепцы и уборы заказали къ свадьбѣ родные невѣсты: она все это знаетъ, потому-что со всеми другъ, и всѣ у нея спрашиваютъ совѣта. И вдругъ, вспомнивъ о своемъ мигрень, говоритъ, что глаза у ней готовы выскочить отъ боли, нюхаетъ спиртъ и перекладываетъ изъ-за ушей на руки хрѣнь. Князь молчаливъ какъ мать, иногда улыбается слушая тѣтку, благодаритъ ее, подаетъ сткляночку съ о-де-колономъ и взрѣдка взглядываетъ на мать. Ему хотѣлось бы въ ея спокойствіи почерпнуть увѣренность, которой напрасно ищетъ въ себѣ...

Мери ему нравилась, или, лучше сказать, онъ въ ней ничего не находилъ такого, что бы рѣшительно не нравилось ему. Еще болѣе съ нею, охотнѣе чѣмъ со всякою другою, онъ протанцовалъ бы цѣлый вечеръ и даже безконечную мазурку. Но супружество не танецъ: тамъ, какъ ни скучна была бы дама, она кажется сною отъ-того уже, что она не на вѣкъ. А здѣсь — перестаетъ ли веселая музыка, подъ которую скрестились руки, перешла ли въ печальное адажіо, или раздражающій душу стонъ — все надобно идти, идти, пока холодная смерть разожметъ сжатые руки. Въмѣстѣ, неразлучно до гроба — обольстительная перспектива, когда любовь смотритъ на нее сквозь свою блестящую призму; ужасная — когда холодный разсудокъ стоитъ на рубежѣ и наводитъ на нее свой неотразимый телескопъ! Конечно, князь былъ уже не ребенокъ и не юноша; онъ давно уже пересталъ настойчиво толкаться въ дверь жизни, требуя у ней счастья; давно покорно принялъ ее съ ея необходимыми утратами, безусловнымъ добромъ и зломъ и холодными вознагражденіями и замѣнами; давно отказался отъ пустой мечты въ женѣ найти любовницу; едва смѣлъ надѣяться найти друга и съ нѣкотораго времени даже началъ думать, что хорошо, если она будетъ — не слишкомъ-безпокойною придачею къ приданому. Но теперь оставался вопросъ: въ какой степени не безпокойна будетъ эта придача?

Когда-то мысль жениться на приданомъ и жить вмѣстѣмъ жены возмущала всю гордость князя; когда-то и онъ мечталъ самостоятельно, съ возвышеннымъ челомъ, прижавъ одною рукою къ груди милое, слабое существо, върывающее себя его защитить, идти

на встрѣчу судьбѣ, и въ неравномъ бою, покрытому страданіи, на не побѣжденному, смѣяться въ глаза утомленному, врагу. Это было когда-то... О! люди великіе учителя! Посмотрите на коня, дикаго сына свободы: необузданъ, неукротимъ, самонадѣянъ! Проидеть годъ, нѣсколько мѣсяцевъ даже, и онъ уже тихъ, смиренъ, послушенъ; покорно принимаетъ удила и даже гордится подъ сапогомъ. Не знаю, пожалѣлъ ли бы онъ о прежней долѣ даже и при встрѣчѣ съ прежними товарищами своими еще вольными, еще не-внудзанными, но, быть-можетъ, посовѣстился бы, еслибъ могъ совѣститься.

Князь былъ утомленъ и недостатками, и хлопотами, и неудачами; единственнымъ желаніемъ его было теперь спокойствіе; онъ находилъ, что не было цѣны, которой бы нельзя было дать за него. Но въ ту самую минуту, когда онъ былъ готовъ дать эту дорогую цѣну, онъ былъ беспокоенъ. И возвратный взглядъ на прежнія вѣрованія, и надежды, и опасеніе:—дѣйствительно ли спокойствіе пріобрѣтаетъ онъ, покушая богатство,—все это тревожило его.

Въ подобныхъ разсужденіяхъ время прошло; карета въѣхала въ широкую аллею и остановилась у крыльца; Елена Павловна бросила свои бумажки и хрѣвъ, поправила головной уборъ и манталю, и, пропустя впередъ княгиню, пошла за нею... Вошли; торжественная тишина, торжественные поклоны съ обѣихъ сторонъ тѣтушекъ, дядюшекъ и кузинъ безъ числа, и все въ восхищенія другъ отъ друга, какъ обыкновенно водится даже, иногда, и недѣля двѣ спустя послѣ свадьбы.

Но скученъ перемонный сѣздъ, особливо для невесты. Не-уже-ли цѣлый вечеръ сидѣть на диванѣ и цаловать ручки будущей свекрови, или разсыпаться въ комплиментахъ предъ украшенными звѣздами дядюшками? Нѣтъ; Мери усадила весь причудливый народъ стариковъ за карты, а молодыхъ, и разумеется Елену Павловну, увела въ большую залу...

Большая зала, которая, какъ уже сказано, занимала всю средину дома, пересѣкая его во всемъ діаметрѣ, представляла въ эту минуту оазисъ свѣта, зелени и цвѣтовъ. Яркіе лучи, изливаясь изъ двухъ огромныхъ люстръ, то скользили по блестящей зелени тысячи чужеземныхъ растений, то преломлялись въ безчисленныхъ отливкахъ темно-гранатоваго атласа мѣбели, то, лаская граціозныя контуры мраморной психеи, или капитолійскаго амура, терялись въ густыхъ шпалерникахъ камелій, которыя, раскидываясь по стѣнамъ, искусно поддѣланнымъ подъ бѣлый мраморъ, привлекали взоры своими большими, блестящими цвѣтками. Мери, следуя прихотливой фантазіи своей, раздѣлила всю залу на три части: средняя, и самая большая, оставлена была для танцевъ;

оба жюльа, образовавшие залуски съ широко-отворенными въ садъ дворами, были обращены въ кабинеты, изъ которыхъ одинъ, совершенно-заставленный диванами, кокетками, покойными креслами и цвѣточными вазами, былъ посвященъ—разговору. Тамъ, на столикахъ, на которыхъ возвышались японскія вазы съ центрообразными розами, гортензіями и магноліями, были разбросаны книсики, журналы, иллюстраціи, каррикатуры; въ противоположномъ концѣ былъ кабинетъ, посвященный музыкѣ. Тамъ было фортепьяно Мери; тамъ матовый свѣтъ алебастровой лампы, уютельная атмосфера, наполненная ароматными испареніями цвѣтовъ, и тихая ночь, таинственно одѣванная высокія лиственницы и темныя липы, которыхъ черныя массы виднѣлись въ отворенныя двери кабинета, — все склоняло къ мечтательности... Какъ часто здѣсь Мери прѣснживала съ своею Зоею по цвѣлымъ часамъ! Она любила здѣсь выпытывать эту чистую, незнакомую со свѣтомъ душу, любоваться этими прекрасными полевыми цвѣткомъ, пересаженными въ теплицу, гдѣ сохранялъ онъ природныя красоты, но не развилъ силы... Зоя не было въ этотъ вечеръ у Мери, во-первыхъ, потому-что она сама удалилась отъ общества, во-вторыхъ, потому-что Зоя была, можетъ быть, слишкомъ-скромная подруга для такого блестящаго общества.

Мери вошла въ залу объ-руку съ Еленой Павловною; князь шелъ подлѣ нея; за ними толпа гостей, которые тотчасъ разсыпались по залѣ, привлеченные кто прелестью цвѣтовъ, кто красивыми обертками книсиковъ и журналовъ; которые манили обещаніями и посмѣшить, и занять картинками и, если кому нужно, дать средство нѣсколько минутъ пожить чужимъ умомъ. Мери съ своими товарищами пошла къ фортепьяно.

— Я никогда не бывалъ здѣсь, сказалъ князь, всматриваясь кругомъ и какъ-бы неволью уступая чувству удовольствія, которое внушало это граціозное соединеніе всего, что нравится чувствамъ. — Право, это царство фей, продолжалъ онъ, подходя къ дверямъ. — Здѣсь ліаны, алоэсы, тамъ печальная лиственница и сосна; вы берете дань со всѣхъ странъ свѣта.

— Надобно же какъ-нибудь обманывать воображеніе.

— Право? Я на минуту забылъ—было вѣчныя жалобы на бѣдность нашей сущности.

Плутовскіе глазки Мери блеснули какъ двѣ звездочки, но вовсе не благодѣтельными лучами.

— Она вамъ кажется богатою, полною? спросила Мери.

— На эту минуту.

— Вы не въискательны.

— Какъ хороша эта роза! продолжалъ князь; какъ-бы не слышать замѣчанія Мери:—теперь не въ модѣ восхищаться розами, по-

тому что это признанное, утвержденное всеми правами владычество; но вы согласитесь, что нѣтъ ничего совершеннѣе этого соединенія граціи и красоты. Правда, довольствуясь такою существенностью, мы только справедливы.

— Знаете ли, что нѣтъ ничего скучнѣе справедливости? Вѣдь это вѣчно одно и то же, не правда ли? прибавила она, обращаясь къ Еленѣ Павловнѣ, которая между-тѣмъ у фортепьяно разсматривала ноты и по-временамъ брала отдѣльные аккорды.

— Справедливости? Я тебѣ простила бы и несправедливость только съ однимъ условіемъ.

— О! я не люблю условій... Боже мой, князь! Я не знала, что вы такой любитель цѣтотъ, вы смотрите на нихъ... какъ-будто переживая съ ними все прошедшее.

Легкое измѣненіе въ лицѣ князя, незамѣтное для невнимательнаго взора, не ускользнуло однакожь отъ Мери: — Прогдѣшее? сказала она улыбаясь. — Вы слишкомъ-многого требуете, если хотите, чтобы я могла вспомнить о немъ теперь..

— Когда настоящее такъ хорошо близъ тебя, полюбила Елена Павловна. — Но, Мери, мое условіе?

— Посмотримъ.

— Послушай... это уже безъ шутокъ; я общалась сестрицѣ, что ты споешь сегодня что-нибудь. Она никогда тебя не слышала.

— Что вы это? куда же мнѣ пѣть при всѣхъ!

— Вотъ прекрасно! помилуй! мнѣ кажется, тебѣ можно пѣть при цѣломъ мирѣ.

— Ни за что въ свѣтъ! я же сегодня совсѣмъ не въ голосъ; слышите, какъ говорю?

— Какъ ангелъ. Бога ради, Мери, умоляю тебя, Ну, если ты не хочешь при всѣхъ, мы никому не скажемъ; спой только для меня. Слушать тебя—это для меня наслажденіе, съ которымъ ничто не сравнится.

— Полно-те, chère tante; ни за что въ свѣтъ; завтра, если хотите.

— Нѣтъ, сегодня, сейчасъ, съ Евгеніемъ.

Мери еще отказывалась, еще кокетничала, хмурила бровки и была очень-мила съ этою гримаскою своенравнаго дитяти. Но вотъ они у рояля. Елена Павловна сама музыкантша и беретса аккомпанировать. Раздались первыя звуки, и со всѣхъ сторонъ сходятся и старыя и молодыя, составляютъ кружокъ, иные садятся на диванахъ, другіе на креслахъ, поставленныхъ кругомъ.

Мери пѣла прелестно. Желаніе нравиться придавало необыкновенную силу и прелесть ея голосу; были минуты, въ которыя она

возвышалась до истиннаго чувства. Князь, сначала, цѣль холодно; гибкій голосъ его легко, какъ-будто играючи, передавалъ трудности композиціи; но души не слышалось въ его звукахъ. Тѣтушка Елена Павловна, чувствуя, что племянникъ готовъ уронить себя передъ новыми родными, превосходила сама себя къ блестящему аккомпаньману, и стучала костяни, и бросала на племянника нѣжные взоры — напрасно: душа его, казалось, не хотѣла пробудиться, и только подъ-конецъ, увлеченный, быть-можетъ, предестію и чувствомъ, съ которыми цѣль его невеста, онъ мало-помалу пришелъ въ себя, и ноты какъ оживленные зазвучали къ ея голосу... Это было прекрасное соединеніе двухъ чистыхъ, свѣжихъ голосовъ, гимнь любви, достойный наилучшихъ ея минутъ — такъ говорила по-крайней-мѣрѣ послѣ Елена Павловна. Сама Мери съ невыразимымъ удовольствіемъ вслушивалась: она приписывала себѣ перемену въ пѣніи князя и, какъ Пигмалионъ, любовалась своимъ твореніемъ.

Громкое аллегро довершило торжество князя; слушатели не смѣли дышать отъ восторга, или изъ выжливости — это было уже нѣхъ дѣло.

Вдругъ въ дверяхъ, широко-отворенныхъ въ садъ, показалась блѣдая фигура. Это была двушка въ бѣломъ платьѣ, блѣдная какъ мраморное изваяніе; глаза ея исполнены необыкновеннаго огня и устремлены на поющихъ, уста вполонину открыты, руки крѣпко прижаты къ груди. Она медленно подходила, не будучи замѣчена поющими и не замѣчая удивленія, съ которыми взоры всѣхъ присутствующихъ обратились на нее. Подошедши къ кресламъ Клеины Павловны, она ухватила одною рукою за ихъ спинку, и, не сводя глазъ съ князя, на которомъ остановился неподвижный взоръ ея, медленно подняла другую; какъ-бы указывая на него. Всѣ съ безпокойствомъ встали; многіе знали по слухамъ странную подругу Мери и угадали, кто была неожиданная посѣтельница... Князь, какъ очарованный силою неподвижно на него устремленнаго взора, обернулся къ незнакомой...

Нельзя описать чувства, которое изобразилось въ это мгновеніе на безжизненной доселѣ лицѣ Зои. Казалось, взоръ князя, встрѣтившійся со взоромъ ея, проникъ душу ея, пробудилъ въ ней всю способность страдать. Она съ ужасомъ прижала руки къ груди, какъ-бы желая защититься отъ силы этого морушественнаго взора, и съ болѣзненнымъ стономъ упала на руки Мери, которая, узнавъ свою подругу, поспѣшила къ ней. Князь, блѣдный, неподвиженъ, стоялъ какъ окаменѣлый. Въ эту минуту, довольно было одного взора, брошеннаго на него, чтобъ проникнуть тайну.

связывавшую его съ несчастною дѣвушкою, которая безъ чувствъ лежала на рукахъ его невѣсты.

— Бога ради, уведите вѣхъ отсюда! сказала Мери, обращаясь къ Еленѣ Павловнѣ, и поддерживая свою подругу. — Спирту! скорѣе, скорѣе! — Елена Павловна не заставила повторять просьбы. Въ одну минуту въ залъ осталась Мери одна съ своею безчувственною подругою. Со вѣхъ сторонъ бѣжали горничныя. Князь вышелъ, не замѣчая взоровъ, которые бросала на него удивленная Мери.

v.

Появленіе Зои на минуту прервавшее забавы общества, объяснилось какъ-нельзя-проще. Въ последнее время, она познакомилась съ двумя сосѣдками, молодыми дѣвушками, которыя, зайдя къ ней мимоходомъ, уговорили ее пройтись по саду. Она услышала музыку въ комнатѣ, гдѣ бывала такъ часто; привлеченная прелестью ея, вошла на крыльцо; пѣніе растрогало ее и довело до обыкновеннаго припадка—вотъ и все. Черезъ полчаса, Мери возвратилась къ гостямъ весела и любезна, какъ и прежде, извиняясь, что не очень хорошо припрятала своего опаснаго друга. Вѣсь опять вошли въ залу; музыка опять началась и на этотъ разъ и танцы.

На другое утро, еще солнце не совсѣмъ осушило сильную росу, которая, какъ серебряная дымка, кинутая на лугъ, блестя на яркой зелени его, а Мери обѣжала уже весь садъ. Слѣды внутренняго волненія были замѣтны на всегда-веселомъ личикѣ; она была блѣднѣе обыкновеннаго, и глаза, нѣсколько слабые и даже красноватые, показывали, что она провела несовсѣмъ-покойную ночь. Мери совершенно не знала исторіи Зои; но по нѣкоторымъ словамъ ея догадывалась, что любовь и, можетъ-быть, жестокой обманъ были причиною ея несчастія. Кто былъ предметомъ этой любви, гдѣ и какъ началась она, Мери до-сихъ-поръ напрасно желала узнать. Зоя молчала какъ темная ночь, и какъ темная ночь, казалось, боялась появленія дня. Спрашивать ее было опасно, чтобъ не возбудить одного изъ тѣхъ припадковъ, которые пугали всѣхъ окружающихъ бѣдную дѣвушку; узнать же отъ постороннихъ было невозможно. Родственница Зои или не знала, или не хотѣла говорить; люди же, бывшіе при ней, большею частію были наемные (Вѣры Яковлевны уже не было!) или доставшіеся послѣ дяди Зои, слѣдственно новые. Итакъ, Мери могла знать только одно, что чувство Зои не было однимъ изъ тѣхъ переходчивыхъ впечатлѣній, которыя начинаются на балѣ и смѣняются другимъ въ

спектакль, не измѣняя ни одной розы на щекахъ прекрасной, не туманя грустію ея свѣтлыхъ глазъ, не сводя темной тучей ея хорошенькихъ бровокъ. Нѣтъ; она видѣла, что это было глубокое, истинное чувство, которое, говорятъ, живетъ въ однихъ романахъ, а въ свѣтѣ появляется какъ прекрасное, какъ высокое, какъ совершенное, рѣдкимъ, немногимъ-знакомымъ феноменомъ. И это, быть-можетъ, по странности своей возбуждая любопытство свѣтской дѣвушки, привязало ее къ Зов. Какъ часто, Мери, сидя въ своей любимой залѣ между цвѣтами и зеленью, въ часы, отданные скукѣ праздности, думала о странной подругѣ своей и сочиняла длинные романы, основанные на немногихъ словахъ, какъ на данныхъ, схваченныхъ во время припадковъ Зои. Какія чудесныя развязки придумывала она этимъ романамъ,—развязки, въ которыхъ главная роль, конечно, принадлежала ей, какъ благодѣтельной феѣ или великодушному другу! Мы всѣ такъ добры, такъ великодушны, такъ совершенны въ роляхъ, которыя назначаемъ себѣ въ драмахъ, развѣгрываемыхъ въ воображеніи нашемъ... Есть ли хотѣ одинъ герой любимаго романа, котораго возвышенныя свойства и характеръ мы не приняли на себя и не прощоголяли бы хотѣ нѣсколько дней по-крайней-мѣрѣ? Дайте какой хотите случай—мы знаемъ какъ прекрасно, какъ самоотверженно стали бы дѣйствовать... Иное бываетъ на дѣлѣ; существенность—нашъ пробный камень; часто на немъ разбивался бы прекрасный идеалъ, подъ которымъ мы подписываемъ свое имя, еслибъ... еслибъ мы, при каждомъ уклоненіи отъ черты, опредѣляющей его изящныя контуры, какъ французскіе судьи, не умѣли находить *des circonstances atténuantes*. Что дѣлать! Мы лжемъ себѣ по-крайней-мѣрѣ столько же, сколько другимъ; мы лицемеримъ передъ собою не хуже Тартюфа, и, можетъ-быть, эта ложь, это лицемеріе и есть доказательство необходимости правственнаго совершенства, отъ котораго ненаказанно не отделяется человѣкъ. Кто бы могъ быть покоемъ, еслибъ непрестанно имѣлъ передъ глазами, ясно какъ въ зеркалѣ, всѣ тѣ недостатки, которыхъ сознаніе—мы всѣ это испытали,—такъ страшно въ рѣдкія минуты сознанія самого—себя. Намъ надобно вѣрить въ наше хорошее; думать, что дурное въ насъ есть только минутное уклоненіе, слабость, не дурной навѣкъ или дурная склонность; а то мы ужасались бы сами-себя.

Сколько ни положительна, ни благоразумна была Мери, но создавать такимъ-образомъ небывалые романы, въ которыхъ она и Зоя были героинями,—она, какъ судьба, Зоя какъ страдательное существо, — было съ нѣкотораго времени однимъ изъ любимыхъ ея занятій. Воображеніе ея играло въ этихъ вымыслахъ, какъ въ сказкахъ тысячи-одной ночи; востокъ и югъ, и даже безпредѣльные

степи суровой Сибири, покрытыя снѣжнымъ саваномъ своимъ, все ссужало ее своими красками; все, что было нѣжнаго, любящаго, мечтательнаго въ ея женскомъ сердцѣ, она все перенесла въ эти фантазіи, и потому-то, можетъ-быть, въ сердцѣ ея осталось для существенности такъ мало теплоты; это нѣрѣдко случается въ свѣтъ. Теперь судьба, казалось, нарочно хотѣла доставить Мери случай воспроизвести наяву одну изъ ея свѣтлыхъ фантазій. Что сдѣлаетъ она? разыграетъ ли на дѣлѣ роль благодѣтельной феи, или добраго друга, или... Вчера, нечаянное появленіе Зои въ кругу веселыхъ гостей, ея припадокъ и, еще болѣе, немногія слова, вырвавшіяся у ней въ первыя минуты, когда она пришла въ себя, подали Мери ключъ къ тайнѣ ея несчастной подруги. Она знала теперь, кто былъ предметомъ этой долгой, постоянной любви, и, конечно, виновникомъ этого несчастія. Разумѣется, недостаточное состояніе Зои заставило удалиться отъ нея князя, которому нужна была невѣста богатая; все это ясно; но вотъ вопросъ: любилъ ли точно князь Зою? не любить ли еще и теперь? Въ случаѣ, если пересталъ любить, вчерашнее появленіе Зои не возобновило ли угасшаго, или, можетъ-быть, худо-угасшаго огня? Что онъ любилъ ее, это вѣрно. Зоя хороша и хороша именно такъ, какъ нужно, чтобъ нравиться князю, нѣсколько также склонному къ мечтательности, какъ замѣтила Мери. На вторые два вопроса какъ знать отвѣтъ? По всѣмъ вѣроятностямъ, конечно, князь долженъ былъ уже давно разлюбить и при встрѣчѣ съ полусумасшедшею дѣвушкою чувствовать одно сожалѣніе... по вѣроятностямъ? но какія вѣроятности съ этимъ чувствительнымъ народомъ? Вѣдь все это болѣе или менѣе сумасброды, съ которыми вѣрнаго ничего нельзя узнать. Какъ же поступить Мери? Осчастливитъ Зою, возвратитъ ей возлюбленнаго и сыграть роль благодѣтельной феи? Но это хорошо было въ романахъ, въ существенности же не приходится, потому-что князь не вещь, и передать его нельзя безъ воли его. Переговорить съ нимъ, спросить его какъ добрый другъ, откровенно, задушевно, или просто отказаться отъ него, предоставивъ его и Зою собственной ихъ судьбѣ?.. Но... Мери очень хочется быть княгиней; князь выгодный для нея женихъ; къ-тому же, кротокъ, добръ... или перевести ближе мысль Мери, смиренъ, уступчивъ,—ну, словомъ, мужъ, какихъ надобно... Но Зоя, великодушіе, блистательные романы Мери... дружба и высокій пьедесталь, на который взгромоздилась—было Мери,—вотъ что волновало душу ея, что не дало ей заснуть всю ночь, что подняло ее съ солнцемъ и согнало розы съ ея щекъ. Но напрасно спрашивала Мери совѣта у свѣжести утра, у спокойствія природы, встрѣчающей тихій лѣтній день: небо было ясно, какъ сердце праведника; воздухъ, какъ голубой флѣръ, волновался надъ

лугомъ; листочки чуть-чуть колебались на деревьяхъ, какъ-бы нѣжась въ прохладѣ утра; пчелка хлопотала около темно-краснаго цвѣтка клевера, — ничто не отвѣчало на вопросы Мери; у природы не было сочувствія къ тревожнымъ думамъ дѣвушки, или, можетъ-быть, эти тревожныя думы мѣшали ей понимать отвѣтъ природы. Недовольная сама собою, разстроенная, Мери возвращалась къ себѣ; уже она миновала аллею, ведущую къ домику Зои, какъ вдругъ, на поворотѣ дорожки, увидѣла ея горничную, которая медленно шла, переворачивая въ рукахъ запечатанное письмо, останавливалась, оглядывалась, и вообще показывала какую-то нерешительность. Увидѣвъ Мери, горничная остановилась и, казалось, обрадовалась. — Куда ты такъ рано, Настя? спросила Мери: — не-ужели Зоя встала? — «Давно уже, сударыня; изволила послать меня съ письмомъ.» — Куда. — «Да я и сама не знаю; въ городъ.» — Да къ кому же? — Горничная улыбнулась и вертѣла письмо, какъ-бы не рѣшась сказать. — Чтó же? вѣрно она тебѣ сказала, къ кому отнести? продолжала Мери. «Конечно, сударыня; вотъ извольте посмотреть сами. Имя есть, только я не знаю, куда идти и гдѣ найдти князя.» — Князя?... Сердце Мери забилось. Она взяла письмо. Адресъ былъ на имя князя Евгенія Сергѣевича, жениха ея, нѣтъ сомнѣнія. Мери взглянула на дѣвушку съ улыбкою. — Для чего же Зоя не отдала мнѣ этого письма? Я могла бы передать его князю, чѣмъ тебѣ ѣхать въ такую даль. — «Не знаю, сударыня. Барышня что-то не совсѣмъ въ себя-съ, такъ, я думаю, и сами не очень-хорошо знаютъ, чтó приказываютъ.» — Бѣдная Зоя! ей нехорошо? сказала Мери съ участіемъ и кажется забывъ о письмѣ. «Очень-нехорошо-съ. Всю ночь не изволили почивать.» — Я ее непременно увижу, сказала Мери, отдавая письмо, и сдѣлала видъ, что хочетъ уйти. — Впрочемъ, прибавила она, останавливаясь: — тебѣ надобно же адресъ князя; онъ живетъ... но ты не застанешь его. Онъ будетъ утромъ сюда. Не хочешь ли, я отдамъ письмо, а ты скажешь, что ѣдила и не застала князя, да и остался у насъ, чтобъ не встревожить Зои; знаешь, она вѣсьмъ тревожится. — «Э, сударыня! да барышня и не замѣтитъ, тутъ я, или нѣтъ.» — Теперь замѣтитъ; впрочемъ, какъ хочешь. — Мери опять хотѣла идти. «Нѣтъ ужъ, сударыня» сказала горничная, останавливая ее: «сдѣлайте милость, извольте отдать князю письмо; а то, гдѣ же мнѣ...» — Пожалуй, сказала Мери совершенно-хладнокровно и взяла письмо, къ великому удовольствію горничной, которая, конечно, воспользовалась этимъ случаемъ, чтобъ повидаться съ какимъ-нибудь братцемъ или кумомъ.

Мери у себя въ комнатѣ, одна; двери заперты; она вышла и возвратилась, никакъ незамѣченная; горничныя думаютъ, что ба-

рышия еще въ постели, и бережно ходить въ уборной, приготовляя платье и все, что нужно для утренняго туалета.

Мери сидитъ на диванѣ, прислонясь къ обитой бархатомъ спинкѣ; щеки дѣвушки разгорѣлись, и странная улыбка, какъ зарница, то воцѣляется, то исчезаетъ на румяныхъ губкахъ ея. Грудь ея часто вздымается; Мери взволнована.

Передъ нею, на столѣ, лежитъ письмо Зои и — уже распечатанное.

«Можетъ-быть, вчерашній мой нескромный приходъ» писала дѣвушка невѣрною рукою, изобличающею душевное волненіе: «напомнилъ вамъ ничего-незначащую для васъ старинную встрѣчу и напомнилъ невѣрнымъ образомъ. Можетъ-быть, вы будете боѣться, что когда-нибудь опять бѣдная больная появится въ комнатахъ невѣсты вашей. Я пишу къ вамъ единственно для того, чтобы успокоить васъ. Здоровье мое заставляетъ меня сегодня же, много завтра, переѣхать въ городъ и вскорѣ даже и совсѣмъ оставить Петербургъ. Я надѣюсь, что увижу васъ и милую мнѣ Мери при лучшихъ для меня обстоятельствахъ.»

Сколько слезъ стѣла эта записка бѣдной Зоѣ! Сколько разъ была написана, переписана, изорвана въ клочки и опять написана! Какія, можетъ-быть, безумныя надежды волновали душу дѣвушки, когда она отдавала ее горничной, во все время, пока ожидала ея возвращенія! Сколько предположеній, проектовъ переходило въ ся головѣ, темныхъ, мрачныхъ, убійственныхъ, и иногда, — какъ туча надъ залвомъ, на минуту озаренная проскользнувшимъ сквозь волны ея лучомъ заходящаго солнца, освѣщенныхъ также мгновеннымъ лучомъ никогда-неумирающей надежды. Другая, болѣе свѣтская, не стала бы писать къ князю; менѣе-любящая не стала бы писать такого письма; думаете ли вы, что, вмѣсто письма, она не хотѣла послать одну ветку фансій? думаете ли, что между изорванными въ лоскутки письмами и уже сожженными не было такого, гдѣ изливалось бы все сердце ея въ словахъ, которыя должны были тронуть князя, возвратить его къ прежнимъ чувствамъ? Думаете ли вы, что она не говорила ему о безпредѣльной вѣрѣ своей въ его сердце, о надеждѣ, никогда неизмѣнявшей ей — видѣть его и быть счастливою дружною его, если не любовью? Все это и много другаго говорила Зоѣ; но онъ помолвленъ, помолвленъ на Мери; онъ любитъ Мери... Зоѣ ли помѣшаетъ его счастію и счастію подруги? И однако...

Еслибъ посмотрѣлъ кто на Зою, когда, блѣдная, встревоженная, она скорыми шагами ходитъ по комнатамъ, подойдетъ къ окну, раздвинетъ рукою частую сѣтку листьевъ гераніума и смотритъ въ глубину аллеи, не быѣтса ли тамъ платье горничной, не идетъ

ли она! Нѣтъ, и все нѣтъ. Покойно все вдали; бабочка пролетитъ виляя надъ дорожкой; малиновка перепорхнетъ на противоположный кустъ, дитя, вдругъ выскочивъ изъ чаши, перебѣжитъ, чтобъ спрятаться на другой сторонѣ въ кустахъ сирени, обманывая товарищей, которые съ шумомъ бѣгутъ по дорожкѣ, ища его; и вотъ, наконецъ, она... Зоя отскочила отъ окна, щеки ея пылаютъ, сердце бьется, она упала на колѣни передъ образомъ... Владычица! помоги ей перенести эту минуту, которой противъ воли съ надеждою ждало сердце...

— Не застала дома!..

И день прошелъ, и ночь наступила, Зоя напрасно ждетъ. Не прійдетъ ли Мери? не прилетѣтъ ли? никого. Войдетъ горничная; Зоя съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ устремитъ на нее вопрошающій взоръ: нѣтъ ли чего? Горничная почтительно смотритъ на барышню и, не спуская глазъ съ нея, идетъ къ коммоду, а лицо покойно и беззаботно, какъ-будто бы весь міръ пообѣдалъ и собирается лечь спать.

А между-тѣмъ, Елена Павловна и женихъ у Мери, и всѣ ѣдутъ кататься въ Екатерингофъ: тамъ музыка и толпа простаго народа: такъ посмѣяться. Мери весела какъ и всегда, любезнѣе обыкновеннаго. Толстымъ Нѣмцамъ съ дражайшими половинками и нѣжно-любимыми дѣтьми, старымъ шляпкамъ съ подновленными лентами, и коломенскимъ *fanatica per la musica*, которые, пышкомъ, отъ Большаго-Театра пришли съ сестрицами, а можетъ-быть и съ кѣмъ-нибудь еще нѣжиѣе любимымъ, наслаждаться, при вечернихъ испареніяхъ екатерингофскихъ болотистыхъ луговъ вальсами Страуса, и модницамъ въ бурнусахъ и съ лорнетками въ рукахъ, такъ же какъ и Мери пришедшимъ посмотреть на *добрый народъ*, всѣмъ, направо и налѣво достается отъ веселой невѣсты, и однако она не забываетъ жениха, и между смѣхомъ и шуткою украдкою кидаетъ на него испытующіе взгляды. Князь кажется ей задумчивѣе обыкновеннаго... Елена Павловна говоритъ безъ умолку, восхищаясь отъ души островами Мери.

— А что твоя бѣдная больная? спросила наконецъ Елена Павловна, подѣзжая уже почти къ самому дому.

Мери не взглянула на князя, не покраснѣла, не смѣшалась нисколько.—Моя бѣдная Зоя, сказала она вздохнувъ:—Ахъ, не напоминайте мнѣ о ней! Одна мысль о ней прогоняетъ всю мою веселость. Къ-несчастью, нѣтъ никакой надежды.

— Какъ! уже ли ея припадка?..

— Невлечимы. Прежде издѣялись еще ей помочь, по теперѣ доктора объявили, что это невозможно. У ней падачая.

— Ахъ, какой ужасъ!

— И въ такой степени даже, что она потеряла рассунокъ.

— Отъ-чего это съ нею?

— Это наследственная болѣзнь. Мать ея была больна и умерла этою болѣзнію. Зоя еще и въ дѣтствѣ страдала; но это, разумѣется, скрывали. Теперь же невозможно и скрывать.

— Какая жалость! какъ же это ты, мой ангелъ, бываешь часто съ нею? Знаешь ли, что это опасно. Она можетъ перепугать.

— Я не боюсь ея. Знаете, она очень-привязана ко мнѣ: такъ не хотѣлось огорчить ее, тѣмъ болѣе, что на-дняхъ ее перевезутъ въ городъ, а тамъ мы нечувствительно разстанемся.

— Ты всегда прелесть, чудо доброты!

Мери улыбнулась, какъ улыбается ангелъ, утѣшающій страждущаго младенца, невластный согнать съ чела своего слѣдовъ святаго состраданія...

Уже ли, скажутъ мнѣ, князь не старался видѣть Зою, которой не могъ не узнать? Уже ли не понималъ ея страданія, ея любви, и повѣрилъ сказкѣ, сплетенной его невѣстою? На-самомъ-дѣлѣ, по совѣсти, не повѣрилъ. Онъ очень-хорошо зналъ Зою, и потому ни любовь ея, ни ея несчастье не могли удивить его. Онъ былъ сначала пораженъ, и долго послѣ того разстроены, убить. Печаль сжала его сердце. Онъ спрашивалъ судьбу, за что она преслѣдуетъ его? За что не только самъ онъ, но все, что мило ему, что привязано къ нему, что на минуту порадовало его или остановило на немъ привѣтный взоръ, должно непременно сдѣлаться жертвою немолимой судьбы. Что это за таинственный, неотклонимый рокъ, который тяготѣетъ желѣзною рукою надъ нимъ во всѣхъ привязанностяхъ, во всѣхъ радостяхъ его? И за что именно онъ, а не другой, избранъ жертвою этого рока? Князь былъ совершенно-подавленъ тяжестью этой мысли; нѣсколько разъ, прохаживаясь по комнатамъ скорыми шагами, онъ останавливался у своего письменнаго стола и чертилъ карандашомъ на цѣлыхъ листахъ слово: «fatalité». Вечеромъ, на третій день послѣ появленія Зои, онъ рѣшился даже увидѣть ее; ночью, простясь съ невѣстою и бабушкою, онъ приказалъ кучеру выѣхать за ворота и остановиться у сосѣдняго сада, а самъ, закутавшись въ плащъ, углубился въ темныя аллеи сада...

Но Зои уже не было.

Князь еще разъ произнесъ «fatalité», и на другой день приказалъ камердинеру осторожнѣе, тайно, узнать, куда перѣехали жильцы изъ маленькаго садоваго домика. Камердинеръ узналъ, но не прежде, какъ черезъ три дня. Князь тотчасъ же рѣшился идти и узнать все... завтра.

На другой день, онъ опять сказалъ: «завтра»...

Можетъ-быть, вы захотите знать, что случилось съ Зоею, съ ея блестящею подругою и княземъ? Спросите у томъ у этого старика, который тихою бредетъ по Исакіевскому-Мосту, возвращаясь съ Смоленскаго-Кладбища. На немъ поношенный темнозеленый сюртукъ, картузь Богъ-знаетъ какого-года; очки съ зелеными стеклами; прежде, бывало, давно уже это было, онъ хаживалъ по этому мосту, напѣвая какой-нибудь мотивъ Мюллера или Боальдѣ; теперь... теперь онъ ничего не поетъ, и, кажется, ничего и не видитъ изъ всего, что окружаетъ его. Лицо его — покойно, но такъ покойно, какъ бываетъ лицо чловѣка, у котораго сердце сжато безотраднымъ, безпредѣльнымъ горемъ, какъ бываетъ лицо старика, который потерялъ послѣднюю радость жизни своей...

Этотъ старикъ недавно вѣхалъ изъ провинціи, но... уже не собирается въ Германію.

Въ это время, мимо старика проѣхала богатая карета, съ гербами и княжескими коронами. Въ ней были: молодая, богато-одѣтая дама и молодой мужчина.

— Мы заѣдемъ къ Рашлеру, оттуда къ Сихлеръ. Мнѣ шляпка у ней лучше нравится, чѣмъ та, бархатная. Какъ ты думаешь? говорила молодая дама.

М. ЖУКОВА.

СОВРЕМЕННАЯ ОДА.

Украшаютъ тебя добродѣтели,
До которыхъ другимъ далеко,
И, беру небеса во свидѣтели —
Уважаю тебя глубоко...

Не обидишь ты даромъ и гадины,
Ты помочь в злодѣю готовъ,
И червонцы твои не украдены
У сиротъ беззащитныхъ и вдовъ.

Не гнушаешься темной порокою:
• Братья намъ по Христу — мужички! •
И родню свою длиннородую
Не гонишь съ порога въ толчки.

Въ дружбу къ сильному влѣсть не желаешь ты,
Чтобъ успѣху дѣлшекъ помочь,
И безъ умысла съ нимъ оставляешь ты
Съ глазу на глазъ красавицу-дочь...

Не спрошу я — откуда явилоса,
Что теперь въ сундукахъ твоихъ есть.
Знаю: съ неба къ тебѣ все свалилоса
За твою добродѣтель и честь...

Украшаютъ тебя добродѣтели,
До которыхъ другимъ далеко,
И, беру небеса во свидѣтели—
Уважаю тебя глубоко...

И. НЕ - ВЪ.

Х А В Р О Н Ь Я .

Свинья въ театрѣ когда-то затесалась

И хрюкаетъ-себѣ кому хвалу,

Кому хулу.

Не за свое влялась, хавронья; ты зазналась:

Театрѣ не по тебѣ; ты знай свой задній дворъ,

Гдѣ, не жалѣя рыла,

Ты съ наслажденьемъ перерыла

Навозъ и соръ.

Какой ты знаешь толкъ въ искусствѣ, въ пѣснопѣньяхъ?

Ушамъ твоимъ помать ихъ не дано;

Въ твоихъ замѣткахъ и сужденьяхъ

И брань и похвала—все хрюканье одно.

Въ роскошный тотъ цвѣтникъ, гдѣ въ изобиліи миломъ,

По вкусамъ и глазамъ разбросаны цвѣты,

Незваная съ своимъ поганымъ рыломъ

Не суйся ты.

И въ розѣ прелесть есть, и прелесть есть въ лилѣ.

Та яркостью беретъ, а эта чистотой.

Соперницы ль онѣ? Одна ль другой милѣе?

Нѣтъ нужды! радуйтесь и тою и другой.

Но мой совѣтъ цвѣтамъ: гнать отъ себя хавронью

И хрюканьемъ ея себя не обольщать:

Она лишь можетъ ихъ обдать своею вонью

И грязвою овоей щетинной замарать.

ПИСЬМА ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ПРИРОДЫ.

Природа — балдера, являющаяся передъ очами духа. Она упрекаетъ ее въ безсмыслѣннѣ, съ которыми она облажаетъ себя и отдается очамъ зрителей; но, указавъ себя, она удаляется, потому-что ее видѣли, и зритель удаляется — потому-что видѣлъ ее.

Selenbrook. *Sank-Ma, Philos. of the Hindus.*

....Doch der Götter Jüngling hebet
Aus der Flamme sich empor,
Und in seinen Armen schwebet
Die Geliebte mit hervor.

ГѢТТИ. *Baydars.*

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

ЭМПИРИЯ И ИДЕАЛИЗМЪ.

Слава Церера, Помона и ихъ родственникамъ! я наконецъ не съ вами, любезные друзья! — я одинъ въ деревнѣ. Мнѣ смертельно хотѣлось отдохнуть поодаль отъ всѣхъ... Нельзя сказать, чтобъ почтенныя особы, которыхъ я сейчасъ славословилъ, очень изубытились для моего приѣма: дождь льетъ день и ночь, вѣтеръ рветъ ставни, шагу нельзя сдѣлать изъ комнаты, и, странное дѣло! при всемъ этомъ, я ошилъ, поправился, веселѣе вздохнулъ — нашелъ то, за чѣмъ искалъ. Выйдешь подъ-вечеръ на балконъ, ничто не машаетъ взгляду; вдохнешь въ себя влажно-живой, насыщенный дыханіемъ лѣса и луговъ воздухъ, прислушаешься къ дубравному шуму — и на душѣ легче, благороднѣе, свѣтлѣе; какая-то благочестивая тишина кругомъ успокоиваетъ, примиряетъ... Вотъ такъ и кажется, что годы бы не выхажь отсюда... Предвижу, что моя идиллическая выходка вамъ не понравится: человекъ не дол-

Т. XXXIX. — Огд. II.

жень жить особнякомъ, это — эгоизмъ, бѣгство; это — битыя фразы безумнаго Женевца, который считалъ современную ему городскую жизнь искусственною, какъ-будто формы міра историческаго не такъ же естественны, какъ формы физическаго міра». Во-первыхъ, что касается до побѣга, позорно бѣжать войну во время войны; а когда благоденственно царить прочный миръ, отъ-чего не пожить въ отпуску? Во-вторыхъ, что касается до Руссо, я не могу безусловно принять за вранье того, что онъ говоритъ объ искусственности въ жизни современнаго ему общества: искусственнымъ кажется неловкое, натянутое, обветшалое. Руссо понималъ, что миръ, его окружавшій, не ладенъ; но нетерпеливый, нетолерантный и обскорбленный, онъ не понималъ; что крайняя устарѣвшая цивилизація о двухъ дверяхъ. Боясь задохнуться, онъ бросился въ тѣ двери, въ которыя входятъ, и изнемогъ, борясь съ потокомъ, стремившимся прямо противъ него. Онъ не сообразилъ, что возстановленіе первобытной дикости болѣе искусственно, нежели выжившая изъ ума цивилизація. Мы, въ-самомъ-дѣлѣ, держимся, что нашъ образъ жизни, особенно въ большихъ городахъ — въ Лондонѣ, или Берлинѣ, все-равно, не очень-естественъ; вероятно, онъ во многомъ изменится, — человечество не давало подлинной жизни всегда какъ теперь; у развивающейся жизни ничего нѣтъ завытнаго. Знаю я, что формы историческаго міра такъ же естественны, какъ формы міра физическаго! Но знаете ли вы, что въ самой природѣ, въ этомъ вѣчномъ настоящемъ безъ раскаянія и надежды, живое; развивающееся, безпрестанно отрывается отъ минувшей формы, обличаетъ неестественнымъ тотъ организмъ, который вчера вполне удовлетворялъ? Вспомните превращеніе наэкомыхъ, вѣчный прималяръ бабочки и куколки. Когда настоящее оперто только на прошедшее, оно дурно оперто. Петръ-Великій торжественно доказалъ, что прошедшее, выражаемое цѣлой страной, несостоятельно противъ воли одного человека, дѣйствующаго во имя настоящаго и будущаго. Юридическая проницательность давности не признается жизнью; совсѣмъ напротивъ, давность съ точки зрѣнія природы даетъ только одно право, право смерти.

Видите ли, я въ ударѣ резонерствовать? Это дѣйствіе деревенскаго farniente. Но Богъ съ ней, съ городской жизнью! я и не думалъ объ ней говорить; лучше, благо есть время, начну иногда общанныя письма о современномъ состояніи естествознанія.

Помните ли вы наши безконечные споры студенческой эпохи; въ которыхъ обыкновенно съ двухъ отвлеченныхъ точекъ зрѣнія мы стремились понять явленіе жизни и не могли никогда дойти не только до дѣльнаго результата, но даже до того, чтобы вполне понять другъ друга? Такъ относятся къ природѣ философія съ своей стороны — и естествознаніе съ своей, объ съ страннымъ притязаніемъ на обладаніе истиною, то единственно-вѣрнымъ путемъ къ ней. Одна пропріала тайны съ какой-то недосягаемой высоты, другое смиренно покорялось опыту и не шло далѣе; другъ къ другу она питали ненависть; онъ выросли въ взаимномъ недоверіи; много предрасудковъ укоренилось съ той и другой стороны; столько горькихъ словъ было сказано, при

всѣхъ желаній, онѣ не могутъ примириться до-сихъ-поръ. Философія и естествознаніе отстраниваютъ другъ друга тѣнями и привидѣніями, вводящими, въ-самомъ-дѣль, страхъ и уныніе. Давно ли философія перестала уварать, что она какими-то заклинаніями можетъ вызвать сущность; отъштенную отъ бытія? всеобщее, существующее безъ частнаго? безконечное, предшествующее конечному? и проч. Положительныя науки имѣютъ свои маленькія привидѣніа: это силы, отвлеченныя отъ дѣйствій, свойства, принятыя за самый предметъ, и вообще разныя кушеры, отоборенныя изъ всякаго понятія, которое еще не поваріо: *Exempli gratia* — жизненная сила, зѣбрь, теплотворъ, электрическая матерія и проч. Все было сдѣлано, чтобъ не понять другъ друга; и онѣ вполне достигли этого. Между-тѣмъ, стало уясняться, что философія безъ естествознанія такъ же невозможна, какъ естествознаніе безъ философіи. Для того, чтобъ убѣдиться въ послѣднемъ, взглянемъ на общерейное состояніе физическихъ наукъ. Оно представляется самымъ блестящимъ; о чемъ едва смѣли мечтать въ концѣ прошлаго столѣтія, тѣ совершенно, или совершаются передъ нашими глазами. Органическая химія, геологія, палеонтологія, сравнительная анатомія распустились въ нашъ вѣкъ изъ небольшихъ почѣкъ въ огромныя вѣтви, принесли плоды, превзошедшіе самыя смѣлыя надежды. Міръ прошедшій, покорный мощному голосу науки, поднимается изъ могилы свидѣтельствовать о переворотахъ, сопровождавшихъ развитіе поверхности земнаго шара; почва, на которой мы живемъ, эта надгробная доска жизни минувшей, становится какъ-бы прозрачною; каменные скелеты раскрылись; внутренности скалъ не спасли хранимаго ими. Мало того, что полувсплывшіе, полукаменьялые остовы обрастаютъ снова плотью, палеонтологія стремится (*) раскрыть законъ соотношенія между геологическими эпохами и полнымъ органическимъ населеніемъ ихъ. Тогда все некогда-живое воскреснетъ въ человеческомъ разуманіи, все исторгнетъ отъ печальной участи безслѣднаго забвенія; и тѣ, чего кость изгладила, чего феноменальное бытіе совершенно изгладилось, возстановится въ свѣтлой обители науки, въ этой обители успокоенія и увяковаченія временнаго. Съ другой стороны, наука открыла за видимымъ предѣломъ новые міры невидимыхъ подробностей; ей раскрылся тотъ *monde des détails*, о возможности котораго генераль Вонапарте мечталъ, бесѣдуя въ Каирѣ съ Монжемъ и Жофоруа Сент-Илеромъ (**). Естествоиспытатель, вооруженный микроскопомъ, преслѣдуетъ жизнь до послѣдняго предѣла; слѣдить за ея закулісною работою. Физиологъ на этомъ порогѣ жизни встрѣтился съ химикомъ, вопросъ о жизни сталъ опредѣленнѣе, лучше поставленъ, химія заставила смотреть не на одніи формы и ихъ видоизмѣненія; она въ лабораторіи научала допрашивать органическія тѣла о ихъ тайнахъ. Сверхъ теоретическихъ успѣховъ,

(*) Вспомните труды Агассиса надъ ископаемыми рыбами и труды Обиньи надъ слизняками въ другія времена.

(**) *Notions de Philos. naturelle par Geoffroy S.-Hilaire, Paris, 1828.*

успѣхи физическихъ наукъ имѣютъ громкія доказательства въ кабинетахъ и академіяхъ; онѣ окружили, вмѣстѣ съ механикой, каждый шагъ нашей жизни открытіями и удобствами. Онѣ, машиналы, призваніемъ въ дѣло силъ брошенныхъ и теряющихся, упрощеніемъ сложныхъ и трудныхъ производствъ, указаніемъ возможности тратить не болѣе усилій, какъ сколько нужно для достиженія цѣли, — участвуютъ въ разрѣшеніи важнѣйшаго общественнаго вопроса: онѣ подаютъ средства отстранять руки человѣческія отъ непрерывной тяжелой работы.

Казалось бы, послѣ этого, естествовѣдѣнію остается торжествовать свои побѣды, и въ справедливомъ сознаніи великаго совершеннаго трудиться, спокойно ожидая будущихъ успѣховъ; на даль не совсемъ такъ. Внимательный взглядъ безъ большаго напряженія увидитъ во всѣхъ областяхъ естествовѣдѣнія какую-то неловкость; имъ *что-то* не достаетъ, чего-то, незамѣняемаго обиліемъ фактовъ; въ истинахъ, ими раскрытыхъ, есть недомолвка. Каждая отрасль естественныхъ наукъ приводитъ постоянно къ тяжелому сознанію, что есть нечто неуловимое, непонятное въ природѣ; что онѣ, не смотря на многостороннее изученіе своего предмета, узнали его *почти, но не совсемъ*, и именно въ этомъ, недостающемъ чѣмъ-то, постоянно ускользящемъ, предвидится та отгадка, которая должна превратиться въ мысль и, следовательно, усвоить человѣку непокорную чуждость природы. Сознаніе сказаннаго вкралось въ самое изложеніе естественныхъ наукъ; вы часто встрѣтите средь удачъ и открытій грустную жалобу; увеличеніе знаній, неизмѣющее никакихъ предѣловъ, обуславливаемое извнѣ случайными открытіями, счастливыми опытами, иногда не столько радуетъ, сколько тѣснитъ умъ. Пребывающая и по-неволю признанная чуждость предмета, упорно неподдающаяся, сердитъ человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ влечетъ его къ себѣ на непрерывную борьбу, на покореніе, котораго онъ сдѣлать не въ состояніи и оставить не можетъ. Это голосъ вопіющаго разума, не умиающаго останавливаться на полдорогѣ, — голосъ самой *naturaе regum*, стремящейся вопіять просвѣтлѣть въ мышленіи человѣческомъ. Варягъ-то вы замѣчали, съ какою поспѣшностью естествоиспытатели предупреждаютъ о предѣлахъ своего возвращенія, какъ-бы страшась услышать вопросы, на которые они отвѣчать не могутъ; но такого рода границы несостоятельны; поставленныя личной волей, онѣ столько же внашнихъ предмету, сколько заборъ, поставленный правомъ собственности, чуждъ полю, на которомъ стоитъ. Цеховые натуралисты громко и смело говорятъ, что имъ дѣла нѣтъ до самыхъ естественныхъ и законныхъ требованій разума, что человѣкъ не долженъ заниматься тѣмъ, чего нельзя разрѣшить (*). Большой частію смѣлость эта подозрительна: она проистекаетъ или отъ ограниченности, или отъ лени; у иныхъ, однако, она имѣетъ высшее начало для нихъ — это ложныя утѣшенія, которыми человѣкъ хочетъ отвести свои собственные глаза отъ зла, счи-

(*) Кому нельзя? когда? почему? гдѣ критеріумъ? — Наконецъ считать дароходы невозможностию...

такого неисправимыя. По-несчастью, вопросы такого рода нельзя навязать каменьева на шею — бросить ихъ въ воду и потомъ забыть о нихъ; они, какъ упрекъ совѣсти, какъ тѣнь Банко, мѣшаютъ наслаждаться пиромъ опытовъ, открытій, сознаніемъ истинныхъ и прекрасныхъ заслугъ, напоминая, что нѣтъ полнаго успѣха, что предметъ не побѣжденъ... Въ-самомъ-дѣлѣ, не-уже-ли можно успокоиться на предположеніи невозможности знанія? Тутъ человеку науки остановиться и забыть такъ же не подь-силу, какъ скупому стяжателю знать о кладѣ, зарытомъ на его дворѣ, и не искать его. На одинъ изъ великихъ естествоиспытателей не могъ спокойно пренебрегать этой неполнотой своей науки; таинственное *ignotum* мучило ихъ; они относили къ одному недостатку фактическихъ свѣдѣній неуловимость его. Мы думаемъ, что сверхъ этого недостатка имъ мѣшаетъ всего болѣе робкое и безсознательное употребленіе логическихъ формъ. Естествоиспытатели никакъ не хотѣли разобрать отношеніе знанія къ предмету, мысленія къ бытію, человека къ природѣ; они подь мышленіемъ разумѣютъ способность разлагать данное явленіе и потомъ сличать, наводить, располагать въ порядкѣ найденное и данное для нихъ; критериумъ истины — вовсе не разумъ, а одна чувственная достовѣрность, въ которую они вѣрятъ; имъ мышленіе представляется дѣйствіемъ чисто-личнымъ, совершенно-внѣшнимъ предмету. Они пренебрегаютъ формою, методою, потому-что знаютъ ихъ по схоластическимъ опредѣленіямъ. Они до того боятся систематика ученія, что даже матеріализма не хотѣтъ, какъ ученія; имъ бы хотѣлось относиться къ своему предмету совершенно-эмпирически, страдательно, наблюдая его; само-собою разумѣется, что для мыслящаго существа это такъ же невозможно, какъ организму принимать пищу, не претворяя ея. Ихъ мнимый эмпиризмъ все же приводитъ къ мышленію, но къ мышленію, въ которомъ метода произвольна и лична. Странное дѣло! каждый физиологъ очень-хорошо знаетъ важность формы и ея развитія, знаетъ, что содержаніе только при известной формѣ оживаетъ стройнымъ организмомъ, — и ни одному не пришло въ голову, что метода въ наукѣ вовсе не есть дѣло личного вкуса, или какого-нибудь внѣшняго удобства, что она, сверхъ своихъ формальныхъ значеній, есть самое развитіе содержанія, эмбриологія истины, если хотите.

Этотъ странный силлогизмъ естественныхъ наукъ не прошелъ имъ даромъ. Идеалисты непрерывно ругали эмпириковъ, топтали ихъ ученіе своими безтѣлесными ногами — и не подвинули вопроса ни на одинъ шагъ впередъ. Идеализмъ-собственно для естествовѣднія ничего не сдѣлалъ... Позвольте оговориться! Онъ разработалъ, онъ приготовилъ безконечную форму для безконечнаго содержанія фактической науки; но она еще не воспользовалась ею: это дѣло будущаго... мы на сію минуту говоримъ, если не о совершенно-прошедшемъ, то о проходящемъ моментѣ. Идеализмъ всегда имѣлъ въ себѣ нѣчто невыносимодержкое: человекъ, увариншійся въ томъ, что природа вздоръ, что все временное не заслуживаетъ его вниманія, дѣлается гордъ, безпощаденъ въ своей односторонности и совершенно-недоступенъ истинѣ. Идеализмъ въ-общемъ-рѣ думалъ, что ему стоить сказать-какую-нибудь пре-

зрительную фразу объ эмпириі — и она разсѣется, какъ прахъ; философы природы метафизиковъ ошиблись: они не поняли, что въ основѣ эмпириі положено широкое начало, которое трудно пошатнуть идеализмомъ. Эмпирики поняли, что *существованіе предмета не шутка*; что взаимодѣйствіе чувствъ и предмета не есть обманъ; что предметы, насъ окружающіе, не могутъ не быть истинными, потому уже, что они существуютъ; они обернулись съ доверіемъ къ тому, что *есть*, вместо отъискиванія того, что *должна быть*, но чего, странная вещь, не было нѣтъ! Они приняли міръ и чувства съ дѣтской простотою и авадіи людей сойдти съ туманныхъ облаковъ, гдѣ метафизики возицясь съ схоластическими бреднями; они знали ихъ въ настоящее и действительное; они вспомнили, что у человека есть пять чувствъ, на которыхъ основано начальное отношеніе его къ природѣ, и выразили своимъ воззрѣніемъ первые моменты чувственного созерцанія — необходимаго, единственно-истиннаго предшественника мысли. Безъ эмпириі нѣтъ наукъ, такъ-какъ нѣтъ ея и въ одностороннемъ эмпиризмѣ. Опытъ и умозрѣніе — два необходимыя, истинныя, действительныя стоеци одного и того же знанія; спекуляція — больше ничего, какъ высшая развитая эмпириі; взятая въ противоположности исключительно и отвлеченно, она такъ же не принадлежитъ къ делу, какъ анализъ безъ синтеза, или синтезъ безъ анализа. Правильно развиваясь, эмпириі непременно должна перейти въ спекуляцію, и только то умозрѣніе не будетъ пустымъ идеализмомъ, которое основано на опытѣ. Опытъ есть хронологически-первое въ дѣлѣ знанія, но онъ имѣетъ свои предѣлы, далѣе которыхъ онъ или сбивается съ дороги, или переходитъ въ умозрѣніе. Это два магдебургскія полушарія, которыя идутъ другъ друга и которыхъ, послѣ встрѣчи, дощадками не разорвешь. Не смотря на то, что правда сказаннаго нами довольно-проста, она далека отъ того, чтобъ быть признанною; антагонизмъ между эмпирией и спекуляціей, между естествознаніемъ и философій продолжается. Чтобъ понять это, надобно вспомнить время, когда естествознаніе отторглось отъ философій: то было въ торжественную и великую эпоху возрожденія наукъ, когда пріорватшій чело-вѣкъ снова почувствовалъ горячую кровь въ жилахъ и началъ своею мыслию обсмуживать и изучать все, окружавшее его; съ негодованіемъ взглянули тогда всѣ положительныя, практическія умы на схоластику; они, какъ всегда бываетъ при переворотахъ, забывши всѣ ея заслуги, и помнили одинъ тяжкій яремъ, который она накладывала на мысль, — помнили, какъ она, уничиженная, покорная, податворителная, занималась пустыми, формальными интересами — и съ ненавистію отторгли ее. Восстаніе противъ Аристотеля было началомъ самобытности новаго мышленія. Не надобно забывать, что Аристотель сражался въ орудіе и былъ настояшій Аристотель, а переложенный на католическія нравы; это былъ Аристотель съ тонзурой. Отъ него, канонизированнаго догматика, равно отреклись Декартъ и Бэконъ. Посмотрите, съ какими запальчивымъ прецубреженіемъ философы XVII вѣка говорятъ о школьныхъ метафизикахъ и какъ радостно провозглашаютъ правду опыта, наблюденій, эмпириі, какъ они ничего не знаютъ на хотятъ въ чувственномъ отноше-

верности, какъ они трепещутъ всего, напоминающаго схоластическія кандалы. Имъ стало легко и привольно, потому-что они стали на землю, на которой человеку суждено стоять; у нихъ была отыскана точка высшей опоры, точка отправления; они ревниво ее отстаивали и пошли своей дорогой, дорогой трудной, песчаной; они не боялись труда — непреложная реальность ихъ зачатій увлекала ихъ; природа, неистощимо-богатая явлениями, довела немало жадному любознанию; но, само собою разумеется, натуралисты должны были неминуемо прийти къ провозглашенію своего возвращенія, потому-что ихъ возвращенія были явны, и въ самомъ дѣлѣ пришли къ нимъ; но страхъ схоластики преобладаетъ, она не выступаетъ изъ круга, добровольно при самими замкнутого. Философія было легче дойти до истинныхъ и действительныхъ основанийъ логики, нежели поправить свою репутацію. Впрочемъ, это восстановление репутаціи она вполнѣ можетъ сдѣлать только въ наше время, — закваска схоластическая только теперь начинаетъ выдыхаться изъ нея. Идеализмъ же что иное, какъ схоластикъ протестантизма: мира. Онъ никогда не уступаетъ въ односторонности эмпирию; онъ никогда не хотѣлъ прятать ее, и когда попалъ до-неводъ, съ важностью прощадуть ей руку, прощаль ее, диктовалъ условія мира — въ то время, какъ эмпирія даже не думала у него просить по-милости. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что умозрѣніе и эмпирія равно виноваты во взаимномъ непониманіи, и дѣло теперь вовсе не въ томъ, чтобъ оправдать одну сторону на-счетъ другой, но въ томъ, чтобъ объяснить, какъ они попали въ борьбу известной притчи Менелая и Агемемнона, показать, что это фактъ прошедшій, принадлежашій гробу и исторіи, что продолжать эту борьбу обѣимъ сторонамъ вредно и опасно. И философія, и естествознаніе выросли изъ временнаго антагонизма своего, имѣютъ все средства въ рукахъ понять, откуда онъ вышелъ и въ немъ состоитъ его историческая необходимость — одно только умозрѣніе чувствуетъ вражды можетъ поддерживать обвиняемые и жалкія взаимныя обвиненія. Имъ надобно объявиться во что бы то ни стало, понять разъ-навсегда свое отношеніе, и освободиться отъ антагонизма: всякая вслѣдствіе такова; она не лезетъ мѣста свободному развитію. Но для этого объясненія необходимо, чтобъ философія оставила свои грубыя притязанія на безусловную власть и на неограниченную непогрѣзительность. Ей, по праву, действительно принадлежить центральное мѣсто въ наукѣ, которымъ она вполнѣ можетъ воспользоваться, когда нарастаетъ требованіе его, когда откровенно побѣдитъ въ себя дуализмъ, идеализмъ, метафизическую отвлеченность, когда ее совершеннолѣтній языкъ отунится отъ робости передъ словами, отъ трепета передъ умозаключеніемъ; ея власть будетъ признана тогда болѣе, нежели признана она будетъ действительно; иначе, объявляя себя сколько хочешь абсолютной, никто не повярить, и частныя науки останутся при своихъ федеральныхъ понятіяхъ (*). Фило-

(*). Въ исторіи все относительное абсолютно; безотносительно-абсолютное — логическое отвлеченіе, которое за пределами логики тотчасъ дѣлается относительнымъ.

себя развиваетъ природу и сознание а priori, и въ этомъ онъ творческая власть; но природа и исторія тѣмъ и велики, что она не нуждается въ этомъ а priori: она сама представляютъ живой организмъ, развивающій логику а posteriori. Что тутъ за мистицизмъ? Наука одна; двухъ наукъ нѣтъ, какъ нѣтъ двухъ вселенныхъ; споконъ-вѣка сравнивали науки съ вѣтвящимся деревомъ — сходство чрезвычайно-варное; каждая вѣтвь дерева, даже каждая почка имѣетъ свою относительную самостоятельность; ихъ можно принять за особые растенія; но совокупность ихъ принадлежитъ одному целому, живому растенію *этихъ растеній* — дереву; отнимите вѣтви—останется мертвый пенъ, отнимите стволъ—вѣтви распадутся. Вся отрасли вѣдѣнія имѣютъ самостоятельность, замкнутость, но въ нихъ непременно вошло нѣчто данное, впередъ-идущее, но ниня незаконное; онъ собственно органы, принадлежащія одному существу; отдалите органъ отъ организма, и онъ перестанетъ быть проводникомъ жизни, сдѣлается мертвою вещью: и организмъ, въ свою очередь лишенный органовъ, сдѣлается искаженнымъ трупомъ, кучею частицъ. Жизнь есть сохраняющееся единство многообразія, единство цѣлаго и частей; когда нарушена связь между ними, когда единство, связующее и хранящее, нарушено, тогда каждая точка начинаетъ свой процессъ; смерть и гниеніе трупа — полное освобожденіе частей. — Еще сравненіе. Частныя науки составляютъ планетный міръ, имѣющій средоточіе, къ которому онъ отнесенъ и отъ котораго получаетъ свѣтъ; но, говоря такъ, мы не забудемъ, что свѣтъ дѣло двухъ моментовъ, а не одного; безъ планетъ не было бы солнца. Вотъ этого-то органическаго соотношенія между фактическими науками и философіей нѣтъ въ сознаніи некоторыхъ эпохъ, и тогда философія погрязаетъ въ абстракціяхъ, а положительныя науки теряются въ безднѣ фактовъ. Такая ограниченность рано или поздно должна найти выходъ: эмпірія перестанетъ бѣгаться мысли, мысль въ свою очередь не будетъ пачтаться отъ неподвижной чудности міра явленій; тогда только вполне побѣдитъ вѣзъ-сущій предметъ, ибо ни отвлеченная метафизика, ни частныя науки не могутъ съ нимъ совладѣть: одна спекулятивная философія, вырощенная на эмпірії — страшный горнъ, передъ огнемъ котораго ничто не устоитъ. Частныя науки конечны, онъ ограничены двумя впередъидущими: предметомъ, твердо стоящимъ вѣзъ наблюдателя, и личностію наблюдателя, прямо-противоположною предмету. Философія снимаетъ логикой личность и предметъ, но снимая, она сохраняетъ ихъ. Философія есть единство частныхъ наукъ; онъ втекаютъ въ нее, она ея питаніе; поему времени принадлежитъ воззрѣніе, считающее философію отдельною отъ наукъ; это послѣднее убійственное произведеніе дуализма; это одинъ изъ самыхъ глубокихъ разрывовъ его скальпела. Въ древнемъ мірѣ, беззаконной борьбы между философіей и частными науками вовсе не было; она вышла рука-объ-руку изъ Іоніи и достигла своей апогеи въ Аристотеля (*). Дуализмъ, составлявшій славу схоластики, носилъ въ

(*) Сократъ смотрѣлъ на эмпирическія науки какъ-то въ рядъ нашихъ естественныхъ; но это была временная расхожка.

себя необходимыми послѣдствіемъ расторгеніе на отвлеченный идеализмъ и отвлеченную эмпирію; онъ проводилъ свой безпощадный ножъ между самымъ неразрывѣйшимъ, между родомъ и недѣлимымъ, между живію и живымъ, между мышленіемъ и тѣмъ, которые мыслятъ; и у него по той и другой сторонѣ ничего не оставалось, или, хуже, оставалась призраки, принимаемые за дѣйствительность, философія, не опертая на частныя науки, на эмпирію, — призракъ, метафизика, идеализмъ. Эмпирія, довлѣющая себя вна философію, — сборникъ, лексиконъ, инвентарій — или, если это не такъ, она невѣрна себя. Мы сейчасъ увидимъ это.

Фактъ, бросающійся съ перваго взгляда въ физическихъ наукахъ, состоитъ въ томъ, что естествоиспытатели только говорятъ, что они не выходятъ изъ эмпиріи; а въ сущности они почти никогда не остаются въ ней; они выходятъ изъ предѣловъ опытнаго вѣдѣнія, не давая себя отчета, что дѣлаютъ; безсознательно идти въ дѣла наукъ невозможно, не сбившись съ дороги; для того, чтобы дѣйствительно перейти предѣлы какого-либо логическаго момента, надобно, по-крайней-мѣрѣ, понять, въ чемъ именно ограниченность исчерпанной формы: ничто въ свѣтъ не путаетъ такъ понятій, какъ безсознательный выходъ изъ одного момента въ другой. Пока естествовѣдѣніе въ-самомъ-дѣлѣ остается въ предѣлахъ эмпиріи, оно превосходно лаггеротируетъ природу, оно переводитъ сущее, частное, феноменальное на всеобщій языкъ; это подробный и необходимый кадастръ недвижимаго мнѣнія науки, это матеріалъ, способный на дальнѣйшее развитіе, которое, однако, можетъ очень-долго не быть; оставаться въ предѣлахъ такой эмпиріи въ-самомъ-дѣлѣ трудно, почти невозможно; на это надобно бездну воздержности, бездну самоотверженія, гениальность Кювьѣ, или тупость какого-нибудь недальнаго спеціалиста. Естествоиспытателямъ, такъ громко и непрерывно ввозносящимъ опытъ, въ сущности описательная часть скоро надвѣдаетъ. Имъ явнымъ образомъ не хочется оставаться при одномъ добросовѣстномъ перечнѣ; они чувствуютъ, что это не наука, стремятся замѣшать мышленіе въ дѣло опыта, освѣтить мыслию то, что въ немъ темно, и тутъ обыкновенно они запутываются и теряются въ худо-понятыхъ категоріяхъ, идутъ зря, не даютъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, боятся выпустить изъ рукъ предметъ, данный чувственною достовѣрностью, не замечая, что онъ давно уже измѣнился; боятся довериться мышленію, и, неволью увлекаемые въ потокъ діалектическаго движенія, разлагаютъ предметъ на его противоположныя опредѣленія, утрачивая возможность соединить разъединенныя начала. Стремленіе выйти изъ эмпиріи совершенно-естественно, — исключительность противна духу человѣческому. Часто-эмпирическое отношеніе къ природѣ имѣетъ животное, но за то животное относится только практически къ окружающему міру; оно не довольствуется страдательнымъ разсматриваніемъ естественныхъ произведеній, и ѣстъ ихъ, или идетъ прочь. Человѣкъ чувствуетъ непреодолимую потребность восходить отъ опыта къ совершенному усвоенію даннаго знанія;

значе что данное его гасить, его надобно *перемолоть* (quies), — итѣ въ-
 равнѣстнѣ съ свободой духа. Отъ-того-то закоснѣлѣйшіе враги логики
 и философіи не могли уберечь себя отъ теоретическихъ мечтаній, цю-
 жда неуступающихъ въ нецѣлности самому трансцендентальному идеализ-
 му. Развѣ химики не имѣли своей «*quinta essentia*», своего «*всемірнаго*
газа», своихъ теорій происхожденія, своей теоріи металловъ, своей теоріи
 флогистона? и пр. Давно въ томъ, что человекъ больше у себя въ мірѣ тео-
 логическихъ мечтаній, нежели въ многообразіи фактовъ. Собраніе мате-
 ріаловъ, разборъ, изученіе ихъ чрезвычайно-важны; но масса сраданій,
 непереживеныхъ мыслей, не удовлетворяетъ разуму. Факты и сраданія
 представляютъ необходимые документы произвольнаго слѣдствія, — но
 сузъ и приговоръ вперед; онъ оснуется на документахъ, но произве-
 детъ свое. Факты — это только скопленіе однороднаго матеріала, а не
 живой ростъ, какъ бы сумма частей не была полна. Эмпиріки, при-
 нима я это инстинктуально, переходятъ къ разсудочнымъ отвлеченіямъ,
 думая или удивить цѣлою по частямъ; такимъ образомъ, они терпятъ
 предметъ, сущій на самомъ дѣлѣ, замѣняя его отвлеченіями, сущими
 только въ умѣ. Еслибы они откровенно доверялись мышленію, оно ихъ
 выведало бы изъ односторонности той же диалектической необходимости,
 которая заставляетъ ихъ отъ непосредственнаго бытія перейти къ раз-
 судочнымъ посредствамъ; оно привело бы ихъ къ сознанію конечности
 такого знанія, къ сознанію нецѣлности — остановиться въ безвыходномъ
 круговоротѣ причинъ и дѣйствій, въ которомъ каждая причина — дѣй-
 ствіе и каждое дѣйствіе причина, въ странномъ разведеніи формъ и
 содержанія, силы и проявленія, сущности и бытія. Но они не доверя-
 ются мышленію; еще болѣе: видя неудачныя попытки добраться до истины
 путемъ разсудочнаго движенія, они сильнѣе предубаждаются противъ
 всякаго мышленія; они раскаиваются въ томъ, что потеряли время въ
 эмпирической сферѣ. Но зачѣмъ же они употребляютъ логическія дѣй-
 ствія, не давая себѣ отчета въ ихъ смыслѣ? Они воображаютъ, что
 если они переходятъ изъ эмпириі къ объясненіямъ, то весь предметъ у
 нихъ цѣлъ и сохраненъ; въ то время, какъ отвлеченныя категоріи не
 знаютъ силы начертить его такъ, какъ онъ есть, разсудокъ, какъ
 математическій свердль, или вовсе не дѣйствуетъ, или дѣйствуетъ разны-
 комъ на дѣл противуположеніи, — который бы результатъ его ни казалъ.
 Онъ одностороненъ, онъ — составная часть. Въ эту туманную среду
 разсудочнаго движенія поднимаются эмпирики и не идутъ дальше, — че-
 жде-туть, эта среда истинна только какъ переходъ, какъ путь, цѣль кото-
 раго — быть пройденнымъ; еслибы поняли смыслъ разсудочной науки, то-
 гда прѣзрачная преграда между опытомъ и умозрѣніемъ уплывала бы
 сама-собою; теперь же эмпирія на философію и философія на эмпирію
 смотрятъ именно сквозь эту среду и видятъ другъ друга съ искажен-
 ными чертами: эмпирія, встречая усѣченную, недействительную рассу-
 дочную истину, думаетъ, что это вина самаго мышленія; философія же
 же принимаетъ за результатъ опытнаго влѣнія. Остановиться на ре-
 флексіи — хуже, нежели остановиться на эмпириі: все нецѣло, все оше-

природы, что вы встрѣтите въ эмпирическихъ наукахъ, происходитъ именно отъ внѣшнихъ размышленій и объяснительныхъ теорій (*).

Натуралисты, дошедшіе до разсудочнаго движенія, воображаютъ, что анализъ, аналогія и наконецъ наведеніе, какъ дальнѣйшее развитіе обоихъ, — единственныя средства узнать предметъ, оставляя его неприкосновеннымъ какъ онъ былъ; а этого-то именно и не нужно и не возможно. Во-первыхъ, анализъ не оставляетъ камня на камнѣ въ данномъ предметѣ и кончатъ всякій разъ тамъ, что сведетъ данное эмпирией на отвѣченныя всеобщности; онъ правъ: онъ дѣлаетъ свое дѣло; не правы употребляющіе его безъ отчета о его дѣйствіи и останавливающіеся на немъ. Во-вторыхъ, желаніе оставить предметъ, какъ онъ есть, и понятіе его, не разрывающа въ мыслѣ, не только иллогизмъ, но просто неаппетитъ: частный предметъ, явленіе, остается неприкосновеннымъ, если человекъ, не думая о немъ, смотритъ на него, когда онъ къ нему равнодушенъ; если онъ его назоветъ, то уже онъ не оставилъ его въ сферѣ частностей, а поднялъ во всеобщее. Какъ же понять смыслъ явленія, не вовлекая его въ логическій процессъ (не прибавляя ничего отъ себя, какъ обыкновенно выражаются)? Логическій процессъ есть единственное всеобщее средство человеческого пониманія; природа не заключаетъ въ себя всего смысла своего, — въ этомъ ея отличительный характеръ; именно мышленіе и дополняетъ, разви-

(*). Предоставляю себѣ въ послѣдствіи показать нѣсколько разительныхъ примѣровъ теоретическихъ неаппетитовъ наукъ положительныхъ; теперь укажу вамъ только на нѣкъ существующіе курсы физики Био, Ламе, Ге-Лассака, Дебре, Пулье и пр. и пр. Химія занимается больше явленіемъ; ея предметъ конкретнѣе, эмпиричнѣе; но ея нѣтъ отвлеченнѣе по своимъ вопросамъ, и потому она представляетъ торжество гипотезъ — объяснительныхъ теорій (т. е. такихъ, о которыхъ впередъ знаютъ, что онѣ вздоръ). Съ самаго начала въ физикѣ гибнетъ эмпирический предметъ; являются одни общія свойства, матерія силы, потомъ вводятся какіе-то внѣшніе агенты: электричество, магнетизмъ и пр., даже бѣдную теплоту непробовали олимпетворить — въ теплотворѣ; греческій антропоморфизмъ природы — только сухой, невѣжливый. А теорія свѣта? Двѣ протнвоположныя теоріи свѣта, обѣ опровергаемыя, обѣ признаемыя, потому что есть явленія, которыя объясняются по одной, а другія по другой! И какъ его не опредѣляютъ: и жидкостью, и силой, и невѣсомымъ! Почему онъ жидкость, когда невѣсомымъ, — да такая легкая жидкость? отъ-чего же гранитъ не свѣтитъ претяжелой жидкостью? и что за жалкое опредѣленіе невѣсомости! — свѣтъ свѣтъ-того и не почувствуй? Смыслъ — тоже не-лучше! Почему не сказать: свѣтъ — свѣтъ? На силу все можно свести, какъ на достаточную причину явленія. Отъ-чего звука никто не называетъ ни жидкостью, ни силой (хотя Гассенди и толковалъ объ атомахъ звука)? Отъ-чего никто не называетъ очертанія тѣла невѣсомой формой его? Нѣтъ возражать, что форма присуща тѣлу, звукъ — сотрясеніе воздуха. А развѣ кто-нибудь видѣлъ все общество *imponderabilium* вѣтъ тѣлъ, такъ самить-по-себѣ? — Да кто все едина временною опредѣленія для того, чтобы какъ-нибудь не растеряться; имъ сама дѣлать теоріямъ не придавать важности. Очень-хорошо; но гдѣ же когда-нибудь надобно же и серьезно зацѣпиться смысломъ явленій; нельзя все шутить; принимая для практической пользы неосновательныя гипотезы, наконецъ совершенно собою съ толку. Эта метода дѣлаетъ страшный вредъ учащимся, давая имъ слова и въ сѣбѣ понятій, убивая въ нихъ вопросъ ложнымъ удовольствіемъ. «Что есть электричество?» — «Невѣсомая жидкость.» Не правда ли, что лучше было бы, еслибы кто-нибудь отвѣтилъ: «не знаю!»

васть его; природа только существование, и отделяется, так-сказать, отъ себя въ сознаниіи человеческомъ, для того, чтобы понять свое бытіе; мышленію дѣлаетъ не чуждую добавку, а продолжаетъ необходимое развитіе, безъ котораго вселенная не полна,—то самое развитіе, которое начинается со стихійной борьбы, съ химическаго сродства, и оканчивается самопознающимъ мозгомъ человеческой головы. Хотятъ уже сдѣлать страдательнымъ пріемникомъ, особаго рода зеркаломъ, которое отражало бы дѣиное, не измѣняя его, то-есть, во всей его случайности, не усвоивая туго, безсмысленно; а дѣиное, сущее во времени и пространствѣ, хотятъ сдѣлать дѣятельнымъ началомъ,—это прямо противоположно естественному порядку. Отъ-того оно, въ-самомъ-дѣлѣ, никогда и не удается: воображая ходить на голову, ходить на ногахъ. Объяснять вѣнчимъ образомъ предметъ—значитъ сознаться, что нельзя его понять; объяснять предметъ подобіемъ—средство иногда полезное, но болѣею частію бѣдное: никто не прибѣгаетъ къ аналогіи, если можетъ ясно и просто высказать свою мысль. Не даромъ Французы говорятъ: *comparaison n'est pas raison*. Въ-самомъ-дѣлѣ, строго-логически, ни предмету, ни его понятію дѣла нтъ похожи ли они на что-нибудь, или нтъ; изъ того, что двѣ вещи похожи другъ на друга извѣстными сторонами, нтъ еще достаточнаго права заключать о сходствѣ неизвѣстныхъ сторонъ. Въ какія грубыя ошибки, на-примѣръ, впадала геологія, желая обобщать факты, выведенные изученіемъ Альпійскихъ-Горъ, къ другимъ полосамъ! Когда извѣстенъ общій законъ, то вы ищите его въ частномъ случаѣ не по одной аналогіи съ другимъ явленіемъ, но по логической необходимости. Часто аналогія называется одно эмпирическое представленіе другимъ; это по-просту называется отводить глаза. Вы идете, на-примѣръ, объясненія, какимы-образомъ общее чувствительное передаетъ нерву, нервъ мышцамъ движеніе вашей души, а вамъ вмѣсто понятія подсовываютъ образъ музыканта, натянутыхъ струнъ, передающихъ фантазію художника; простой вопросъ усложняется; это подобное можно опять свести на что-нибудь подобное, и первоначальный предметъ совершенно затеряется въ сходствѣ: это та самая метода, по которой человеческій портретъ рядомъ подобныхъ копій сводится на изображеніе фрукта. Сюда же принадлежатъ насильно стѣсняемыя представленія, будто-бы для вѣнчей понятности: «Если мы представимъ себя, что лучъ свѣта состоитъ изъ бесконечно-малыхъ шариковъ зенра, касющихся другъ друга...» Зачѣмъ же я стану себя представлять, что свѣтъ солнца падаетъ на меня такъ, какъ дѣти яйца катаютъ, когда я увижу, что это не такъ? Въ естественныхъ наукахъ принято за обыкновеніе допускать подобнаго рода гипотезы, то-есть, условную ложь для объясненія; но ложь не остается въ объясненія (иначе она была бы вовсе-неужна), а проникаетъ въ него, и вмѣсто истины получается странная смѣсь изъ эмпирической правды съ логической ложью; эта ложь рано или поздно обнаружится и по справедливости заставляетъ сомнѣваться въ истинѣ, связанной съ нею: химія и физика принимаютъ атомы, — дѣтъ двадцать тому назадъ атомы составляли основаніе всѣхъ химическихъ изслѣдованій. Принад-

мая ихъ, вѣсь предупреждаютъ обыкновенно на первой страницѣ, что естествоиспытателямъ собственно дала нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ дѣла тѣла состоятъ изъ крупинокъ чрезвычайно - незримыхъ, невидимыхъ, по выходящихъ свойства, объемъ и вѣсь, или нѣтъ, — что ихъ принимаютъ такъ для удобства. Такимъ лживымъ приниманіемъ они сами уронили свою теорію; они виноваты въ томъ, что прошедшая философія напала на атомизмъ съ злымъ ожесточеніемъ; она разсматривала его въ томъ бѣдномъ видѣ, въ которомъ атомизмъ излагался въ введеніяхъ къ курсамъ физики и химіи. Древніе атомисты вовсе не шутили атомами; отирались отъ точки зрѣнія, хотя односторонней, но необходимой въ общемъ развитіи, стройно и послѣдовательно, дошли до атомизма; атомъ былъ ими противопоставленъ элеатическому воззрѣнію, распускавшему въ отвлеченіяхъ все сущее; въ атомахъ они видали повсюдную средоточность вещества, безконечную индивидуализацію его, *для-себя-бытіе*, такъ-сказать, *каждой точки*. Это одна изъ самыхъ вѣрныхъ, существенныхъ моментовъ пониманія природы: въ ея понятіи необходимо лежить эта разсыпчатость и цѣлость каждой части, такъ же, какъ непрерывность и единство; само-собою разумеется, что атомизмъ не исчерпываетъ понятія природы (и въ этомъ онъ похожъ на динамизмъ); въ немъ пропадаетъ всеобщее единство; въ динамизмъ части стараются и гибнутъ; задача въ томъ, чтобъ вся эти, для себя сущія искры слить въ одно пламя, не лишая ихъ относительной самобытности. Динамизмъ и атомизмъ явились, при входѣ въ нашу эру, торжественно, громадно, во всепоглощающей сущности Спинозы и въ монадологіи Лейбница. Это двѣ величавыя грани, это двѣ геркулесова-столба возродившейся мысли, воздвигнутыя не для того, чтобъ дальше нельзя было идти, а для того, чтобъ нельзя было возвратиться назадъ. Мы будемъ имѣть случай поговорить въ слѣдующихъ письмахъ о монадологіи, объ атомахъ Гассенди, — но вы ужъ изъ этого видите, что атомизмъ для мыслителей не былъ шуткой, что атомы представляли для нихъ мысль, истину; атомизмъ составлялъ убѣжденіе, вѣрованіе Лейбница, Демокрита и др. Физики же съ перваго слова согласны, что ихъ теорія, *можетъ-быть*, вздоръ, но вздоръ облегчительный. А почему же они предаютъ атомы и соглашаются, что можетъ быть вещество не изъ атомовъ? На томъ же прекрасномъ основаніи лжи и равнодушія, на которомъ принимаютъ всякаго рода предположенія! Если откровенно выразиться, то это можно назвать цинизмомъ въ наукѣ. Пулле говорить: «*можетъ-быть* вулканы выбросятъ когда-нибудь такія тѣла, у которыхъ атомы будутъ видны». Какое же понятіе послѣ этого сопрягаетъ Пулле съ словомъ «атомъ»? А между-тѣмъ, рядомъ съ ними покровительница и благодѣтельница физики — математика такъ логически, такъ ясно показываетъ сознательное, рациональное пониманіе подобныхъ отвлеченій. Математика говоритъ, что линія — безконечное количество точекъ, въ извѣстномъ порядкѣ расположенныхъ; она принимаетъ возможность безконечной длинноты пространства; но она понимаетъ то, что говорятъ, она понимаетъ не *дѣйствительность*, а *отвлеченную возможность* длинноты; еще болѣе, она вмѣстѣ съ тѣмъ по-

Имеетъ и непремѣнное протяженіе, и то, что действительная форма есть форма стереометрическая; она съ мыслию беретъ точку, линію, плоскостъ и въ сознанныхъ ею предѣлахъ. Отъ-того ни одна математика не ждетъ эволюта, у котораго точки были бы заметны, или у котораго рѣзъ бы поверхность отваливалась отъ тѣла. Отъ-того математика никогда не станетъ дѣлать опытовъ *безконечнаго дѣленія*, не станетъ илдрать слюды, ни капать чернилъ въ бочку воды и послѣ пугать дѣтей рѣзчетомъ, какая доля чернилъ въ одной этой каплѣ воды. Она знаетъ, еслибы безконечная дѣлимость была *фактически-возможною*, то она не была бы *безконечною*. Безъ всякаго сомнѣнія, математика ушла нестраннымъ-дальше въ мышленіи противъ физики; одна теорія безконечности малыхъ доказываетъ это; она не могла стереть съ себя близость съ логикой, не смотря на все старанія; впрочемъ, не надобно забывать (такъ-какъ это дѣлаютъ математики), что она, отъ Пифагора начиная, была преимущественно развиваема философами; Декартъ, Лейбницъ, даже Кантъ оживили ее, и, конечно, Лейбницъ не случайно дошелъ отъ монадологіи до дифференціаловъ... Но возвратимся къ нашему предмету.

Натуралисты готовы дѣлать опыты, трудиться, путешествовать, подвергать жизнь свою опасности, но не хотятъ дать себя труда подумать, поразсудить о своей наукѣ. Мы уже видали причину этой мыслибоязни; отвлеченность философовъ и всегдашняя готовность перейти въ схоластическій мистицизмъ или въ пустую метафизику, ея мнимая замкнутость въ себя, ея довольство, ненуждающаеся ни природой, ни опытомъ, ни исторіей, должно было оттолкнуть людей, посвятившихъ себя естественнѣйшій. Но такъ-какъ всякая односторонность вмѣстѣ съ плодами производить и плеселы, то и естественныя науки должны были поплатиться за узость своего воззрѣнія, не смотря на то, что оно было вѣтшено узостію противоположной стороны. Болезнь взвиться мышленію и невозможность знать безъ мышленія—отразилась въ этихъ теоріяхъ; онѣ личны, шатки, неудовлетворительны; каждое новое открытіе грозитъ разрушить ихъ; она не могутъ развиваться, а замѣняются новыми. Принимая всякую теорію за личное дѣло, вышнее предмету, за удобное размѣщеніе частности, натуралисты отвергаютъ дверь убійственному скептицизму, а иногда и поразительнымъ пелластиямъ. Явленіе гомеопатіи, на-примѣръ, само-по-себѣ неудивительно: во это времена и во всѣхъ отрасляхъ вѣдѣнія были странныя попытки новыхъ ученій, въ которыхъ непремѣнно гнѣздится маленькая истина въ огромной лжи; еще не удивительно, что данаитъ и парадоксальнымъ умомъ понравилось лечить зернышками; они потому и повѣрили въ гомеопатію, что она совершенно-невѣрбятна. Но какъ объяснить раскаты, овладѣвшій, лять десять тому назадъ, учеными врачами? Гомеопатическія лечебницы устраивались, издавались журналы, въ каталогахъ книгъ была особая рубрика *Homeopathische Arzneikunde*? Причина одна: медицина, какъ и вся естественныя науки, при всемъ богатствѣ матеріаловъ наблюдений, доидеть до того конца развитія, котораго жаждетъ человекъ, какъ животворнаго начала истины и которое одно можетъ удо-

влетверить его. Истествоиспытатели и педагоги свзлаются вегда на то, что имъ еще не до теоріи, что у нихъ еще не все факты собраны; не все опыты сдѣланы, и т. д. Можетъ-быть, собранные матеріалы къ саомой-дѣлѣ недостаточны, даже назарное такъ; но не говоря о томъ, что фактовъ безконечное множество; и что сколько ихъ ни собирай, до конца все не добдешь; это не мешаетъ поставить надлежащихъ образцовъ вопросъ, развить действительныя требованія; истинныя понятія объ отиошеніи мышленія къ бытію (*). Нарощеніе фактовъ и углубленіе въ смыслъ нисколько не противоречатъ другъ другу. Все живое, развиваясь, растетъ по двумъ направленіямъ: оно увеличивается въ объемъ и въ то же время сосредоточивается; развитіе наружу есть развитіе внутрь: дѣта растутъ тѣломъ и умнѣють; оба развитія необходимы другъ для друга и подавляютъ другъ друга только при одностороннемъ перевѣсѣ. Наука—живой организмъ, посредствомъ котораго отдѣляющаяся въ челоѵка сущность вещей развивается до совершеннаго самопобнвннн; у нея тѣ же два роста; наращенію извнѣ наблюдаемъ, фактами, опытами—это ея питаніе, безъ котораго она не могла бы жить; но высшее пріобрѣтеніе должно *переработаться* внутреннимъ началомъ, которое одно даетъ жизнь и смыслъ кристаллизующейся массѣ свѣданій. Прнращеніе фактическое, подобно осаждающемуся раствору, непрерывно растетъ, тихо по песчинкѣ набираетъ слои, не теряетъ ничего попавшаго вреждѣ; всегда готово принять новое, не далая, впрочемъ, для него ничего болѣе пріема; это развитіе безконечнаго успаха, движеніе прямолинейное, безредальное, аналитическое, утоляющее и усиливающее жажду въ одно и то же время, потому-что за рядами подробностей стѣриваются новыя ряды, и т. д.; только этиаъ путемъ нельзя достигнуть полнаго и истиннаго знанія; — а это есть исключительный путь фактическихъ наукъ. Разумъ, действуя нормально, развиваетъ самопознаніе; обогащаясь свѣданіями, онъ открываетъ въ себя то идеальное средоточіе, къ которому все отнесено, ту безконечную форму, которая все пріобрѣтенное употребитъ на пластическое самоисполненіе, ту животворную менаду, которая своей мощью огнбаетъ около себя приключившійся и безконечный путь бездальнаго эмпирическаго развитія и даетъ ему нѣту нѣ внѣ, а внутри себя; тамъ, и только тамъ открываетъ си челоѵку истинна сущаго, и эта истина — онъ-самъ, какъ разумъ, какъ развивающаеся мышленіе, въ которое со всѣхъ сторонъ втекають эмпирическія свѣданія для того, чтобы выдти свое начало и свое послѣднее слово. Этотъ разумъ, эта сущая истина, это развивающееся самопознаніе, — назовите его философіей, логикой, наукой, или просто челоѵческимъ мышленіемъ, спекулятивной эмпиріей, или какъ хотите, — непрерывно превращаетъ данное эмпирическое въ истую; свѣтаую бытію, усваиваетъ себя все сущее, раскрываетъ идею его. У челоѵка

(*) Хотя Александръ-Македонскій и посылалъ Аристотелю всякихъ животныхъ, но онъ нѣсколько зналъ ихъ меньше, нежели Ла-Маркъ, что ему не помѣшало разнблнть животныхъ на Schorophora и Namatorphora, а это совпадаетъ съ Vertebrata и Invertebrata Ла-Марка.

для понимания есть новых категорий, кроме категорий разума; частные науки, вражда против логики, дерутся ее орудиями, даже переносят ошибки формальной логики къ себе (*).

Странное положеніе естественныхъ наукъ относительно мышленія долго продолжаться не можетъ: онъ до того богатъ фактами, что нѣхота изгладъ ихъ дѣлается яснае и яснѣе. Онѣ неминуемо должны наконецъ будутъ откровенно и не шутя рѣшить вопросъ объ отношеніи мышленія къ бытію, естествовѣдѣнія къ философіи и громко высказать возможность или невозможность видѣнія истины, признать, что голова человека такъ устроена, что ей только мерещится истина, какою-то такою, что она не можетъ исполнѣ знать или знать только субъективно; что, следовательно, знаніе человеческое—какое-то родовое безуміе, и тогда съ соетомъ эмпириковъ должно сложить руки и, хладнокровно улыбаясь, сказать: «какой задеръ все это!», или понять все отталкивающее такого взгляда, понять, что разумѣніе человека не въ природѣ, а есть разумѣніе природы о себѣ, что его разумъ есть разумъ къ-самому-дѣлу единый, истинный, такъ-какъ все въ природѣ истинно и дѣйствительно въ разныхъ степеняхъ, и что наконецъ законы мышленія—сознанныя законы бытія, что, следовательно, мысль нисколько не тѣснитъ бытія, а освобождаетъ его; что человекъ не потому раскрываетъ во всемъ свой разумъ, что онъ умѣн и вноситъ свой умъ всюду, а напротивъ, умѣн отъ-того, что все умѣн; сознавъ это, придется отбросить нелѣпый антагонизмъ съ философіей. Мы сказали, что фактическія науки имѣли полное право отворачиваться отъ прежней философіи; но эта односторонняя фаза, которой историческій смыслъ весьма-важенъ, если не совсемъ миновала, то явно «агонизируетъ». Философія, неумавшая признать и понять эмпирію, хуже того—умавшая обойтись безъ нея, была холодна, какъ ледъ, безчеловѣчно-строга; законы, открытые ею, были такъ широки, что все частное выпадало изъ нихъ; она не могла вынестись изъ дуализма, и наконецъ пришла къ своему выходу: сама бошла на встрѣчу эмпириі, а реализмъ смиренно слодить со сцены, въ видѣ романтическаго идеализма—явленія жалкаго, бѣднаго, безжизненнаго, питающагося чужою кровью. Эта школа—последняя представительница реформаціонной схоластики; она тщетно рвется къ чему-то иному, недосягаемому, несуществующему, къ прекраснымъ дѣвамъ безъ тѣла, къ горячимъ объятіямъ безъ рукъ, къ чувстванъ безъ груди... и о ней скоро скажутъ, какъ о безумной Козлова:

Ждала, ждала,
Не дождалась и умерла!

Мыслители и натуралисты начинаютъ понимать, что имъ другъ безъ друга нѣтъ выхода. Они часто, не зная того, встрѣчаются въ главныхъ основаніяхъ своихъ, останавливаются на тѣхъ же вопросахъ: что же имъ

(*) Такъ отвлеченныя силы, причины, поляризація, оттолкновеніе и притяженіе, все это въ физикѣ перешло изъ логики, изъ математики, и, раздѣляясь, вадетъ безъ причинъ, безъ связи, утратило настоящій смыслъ свой.

идею или видяиъ объясниться? языкъ, готовая почта, предрассудки, идущіе изъ рола въ рола и равно сильные съ обѣихъ сторонъ. Предрассудки — великая цѣпь, удерживающая челоѳка въ определенномъ, ограниченномъ кругу естественныхъ понятій; ухо къ нимъ привыкло, глазъ присмотрѣлся, и нелѣпость, пользуясь правами давности, становится обще-принятою истиною. Стоить ли разбирать ее? попейше безъ думы, безъ обсужданія, повторять унаслѣдованныя сужденія, можетъ-быть, въ свое время относительно справедливыя, но пережившия свою истину. Цѣховыя ученые и философы приобращаютъ завистный кругъ понятій, завистную рутину, изъ которой не могутъ выйти. Ученниками еще принимають. они на зару осмѣивая начала и никогда не думаютъ болѣе оъ нихъ; они увѣрены, что окончили съ ними, что это азбука, на которую смѣшно и не нужно обращать вниманія. Изъ поколѣній въ поколѣніе передаются схоластическія определенія, раздѣленія, термины и сбиваютъ чистый и прямой смыслъ начинающаго, закрывая ему надежду, часто навсегда возможность отдѣлаться отъ нихъ. Не думайте, что одни ограниченные умы платятъ дань предрассудкамъ своей насти, — евоими нетъ! Когда Гѳте открылъ, описалъ, нарисовалъ челоѳческую междучелюстную кость, знаменитый Камперъ сказалъ ему: «все это прекрасно, но гдѣ же *intermaxillare* не существуетъ въ челоѳческой челюсти». Рассказывая это, Гѳте не вытерпѣлъ, чтобъ не присовокупить (*): «Можетъ-быть, назовутъ юношеской завосчивостію, когда непосвященный ученикъ осмѣливается противрѣчить записному мастеру своего дѣла и старается доказать, что онъ вопреки ему правъ; но многолѣтніе опыты научили меня иначе понимать. Вѣчно-новаторскія фразы костенеють въ умъ, наконецъ дѣлаются неподвижными убѣжденіями, и ормы евоаранія становятся тулы... Бывали примѣры, что отличные люди въ своемъ ремеслѣ (*Handwerk*) иной разъ сворачивали несколько съ торной кален, но главной дороги они никогда не покидаютъ; они боятся novelty путей; имъ все-таки кажется вѣрнее держаться стараго». «Свѣжій челоѳкъ» говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ «не закуленъ; его здоровый глазъ сразу можетъ увидѣть то, чего приглядывшійся не видитъ болѣе. Сверхъ этого подчиненія себя привычкѣ и давнопринятому, натуралистъ оставившаяся, задерживаетъ странное понятіе о личномъ правѣ въ наукѣ: они истину изобрѣтають такъ, какъ снарады. Жозефу Сент-Идери, гениальный челоѳкъ, безъ всякаго сомнѣнія, чувствовалъ даже другихъ потребность опереть естественнѣе на болѣе-твердыхъ основаніяхъ; онъ добирался до востроумной идеи, до всеобщаго тина, до единства въ многообразіи естественныхъ произведеній, и проч. Но, замѣтите, онъ все это хотѣлъ сдѣлать помимо родоваго мышленія челоѳчества; онъ воображалъ, что онъ самъ лично выдумалъ все это, требовалъ признанія на открытіе. Подобно ему, каждый мыслящій естественнѣеатель придумываетъ отъ себя начало, беретъ въ одну или несколько мыслей, ему особенно нравящихся, проводить ихъ черезъ все

(*) Gųthe's Werke T. xxvi, zur Osteologie etc. T. XXXIX. — Отд. II.

книгу — в теория готова. Совершенная отстраненность естествознания и философии часто заставляет дальние годы трудиться для того, чтобы приблизительно открыть законъ, давно известный въ другой сфере, разрабатывать сомнѣніе, давно разрашенное: трудъ и усиліе тратятся для того, чтобы во второй разъ открыть Америку, для того, чтобы проложить тропинку — тамъ, гдѣ есть желѣзная дорога. Вотъ плоды раздробленія наукъ, этого феодализма, озапывающаго каждую полосу земли какою-то чуждымъ своимъ менатомъ за ниву. Философъ знаетъ не только факты, ищетъ неведаннаго практическихъ интересовъ и ищетъ только начинать свои всеобщіе законы спускаться къ частности, т. е. къ действительности — терпится; эмпирикъ — на оборотъ.

Однакоже, съ начала нашего вѣка начало раздвигаться само различіе; оно раздвигалось не даромъ: туманъ начинаеть падать. Разсказъ главныхъ событій этого замрениа будеть предметомъ будущаго изысканія; теперь только несколько словъ вообще.

Въ концу XVIII вѣка, въ тѣни кабинетовъ, въ головахъ мыслителей готовилась таюя же грозная и сильная перестройка, какъ въ мирѣ политическомъ. Состояніе умовъ было страшно; все кругомъ рушилось — общественный бытъ, понятія о добрѣ и злѣ, дѣваріе къ природѣ, къ человеку, къ вѣра, и, вместо утѣшенія, критическая философія и скептический эмпиризмъ. Два неварія, два скептицизма — и развалины кругомъ. Критическая философія нанесла страшный ударъ идеализму; смѣло на боролась противъ него эмпиризмъ, идеализмъ усталъ; но вынести человекъ изъ среды его и тяжелымъ ударомъ поставить его на краю гроба. Великъ былъ этотъ человекъ въ своей божественной, неподкупной логикѣ; распаденіе его съ догматизмомъ было глубокое, облупанное; онъ искалъ одной истины и не останавливался ни передъ чѣмъ; онъ поставилъ эти страшные кандаульскіе формулы, называемыя антиноміями, и хладнокровно протиснулъ подъ нихъ святѣйшія достоинства мысла человеческого. Видѣны воспримуть идеализму послѣ Канта было невозможно, развѣ въ какихъ-нибудь частныхъ, абсурдальныхъ явленіяхъ; все сложилось передъ гениальной мыслью его. Но возразилъ это глупо; была сильна стоическая грудь Фихте, но и та не могла его вынести; невозможность безусловнаго знания имѣла переходящую грань между человекомъ и машиной. Отъ такого возразія можно сойти съ ума, вѣсть въ отчаяніе. Гердеръ, Якоби старались спасти эту кантовскую порабощенность идеи изъ мислы и дорогія — на чувствѣ дурной ослотъ въ догматическомъ бѣдѣ; наконецъ возникла адамандовна грудь, Бюккеліе и безупречно противопоставили критической философіи свой глубокий реализмъ — это была Гёте. Онъ былъ одаренъ въ высшей степени яркимъ взглядомъ на вещи; онъ зналъ это и на все смотрѣлъ ясно; онъ не былъ нивальнымъ философомъ, цѣловой ученымъ — онъ былъ мыслящимъ художникомъ; въ немъ король восстановило дѣтство — зелье-отрапичное отношеніе человека къ миру, его окружающему; онъ собою далъ естествоиспытателямъ великій примаръ. Безъ всякихъ дальнихъ приготовленій, онъ сразу бросается in medias res; тутъ онъ эмпирикъ, наблюдатель; но смотрите, какъ растетъ, раздвигается изъ его

взглядом понятие диннаго предмета, какъ оно развертывается, спервоу на свое бытiе, и какъ въ концѣ раскрыта мысль всеобъемлющая, глубокая. Прочтите его «Metamorphose der Pflanzen», прочтите его естествологическiя статьи, и вы развѣ увидите, что такое реальное, истинное пониманiе природы, что такое спекулятивная эмпириа (*). Для него мысль и природа — aus einem Guss «Oben die Geister und unten der Stein», для него природа — жизнь, та же жизнь, которая въ немъ, и потому она ему понятна, и болѣе того: она звучна въ немъ и сама повѣствуетъ намъ своею тайну. Въ-сладъ за нимъ, изъ среды отвлеченной науки раздаются голоса, опредѣлявшiй истину единствомъ бытiя и мышленiя; онъ обращалъ философию къ природе, какъ къ необходимому дополненiю, какъ къ своему зеркалу. Торжественно было зрѣлище возвращающагося на землю человечества въ лицѣ передовыхъ людей своего — въ лицѣ Витта-мыслителя и мыслителя-воота, сдвигавшихся на родную грудь общей матери. Это было разомъ возвращенiе блуднаго сына и освобожденiе метафизика пѣнъ ямы.

Шеллингъ, какъ Виргилiй Данту, только указалъ дорогу, но такъ увязываетъ и таиникъ перетомъ — одна гений. Шеллингъ принадлежить къ тѣмъ великимъ и художественнымъ натурамъ, которыя непосредственно, инстинктуально, вдохновенно овладеваютъ истиной. Въ немъ всегда что-то было родное Платону и Якову Вилму. Этотъ процессъ влчднiя — тайна гения, а не науки; тайны этой онъ передать не можетъ; такъ-какъ художникъ не можетъ передать акта творчества; но вдохновенный языкъ его вызываетъ къ вѣннiю и къ пониманiю, основываясь на предсуществующемъ сочувствiи человека къ истинѣ. Шеллингъ — таковъ науки. Гѣте сознавалъ себя такимъ, каковымъ онъ былъ; онъ въ писанiяхъ къ Шаллеру говоритъ, что у него нѣтъ никакой способности наукообразно развить свои мысли; онъ учитъ на дѣлѣ, онъ до высочайшей степени практиченъ, онъ умѣетъ спускаться въ подробности, не теряя общаго. Шеллингъ, напротивъ, считалъ себя не превосходящау философскою, спекулятивною натурою, и потому живое свое сочувствiе и предвѣднiе старался заморить схоластическою формою; онъ жобдалъ въ себя идеализмъ не на дѣлѣ, а только на словахъ. Его непрактическая, перереальная натура всегдѣ ясна видна изъ того, что онъ, влчнваясь по-преимуществу философiей природы, никогда не занялся положительнымъ наученiемъ какой-либо отрасли естественныхъ наукъ. Его уряднiя огромна, но онъ знаетъ энциклопедiю естествознанiя, — онъ гениальный дилеттантъ. Гѣте, на-примѣръ, специалнстъ, когда это нужно; училъ въ анатомической театрѣ, наблюдатель, ридывающiй: онъ работалъ, дѣлалъ опыты, изучалъ практически цѣлые годы остеологию; онъ зналъ, что безъ специальности общая теорiя все будетъ ограничиваться идеализмомъ; что собственный взглядъ въ соотвѣстванiи то же, что чтенiе источниковъ въ исторiи; отъ-того онъ вдругъ, внезапно открываетъ цѣлый мiръ, совершенно-новую сторону своего пред-

(*) Прилагаю ко второму письму влчднiю статью Гѣте, писанную въ 1784-году.

мета. Эмпирики никогда не отрекались отъ Гёте; все великія мысли его приняты ими, оценены (*); а Шеллингъ, протягивавшаго имъ руку философіи, они не поняли и не признали. Натуралисты, послѣдователи Шеллинга, взяли формальную сторону его ученія; духъ, взойшій въ его писаніяхъ, не былъ ими слышанъ; они не умѣли раздуть искры глубокаго созерцанія, разсѣявшаго у него вездѣ, въ свѣтлую струю пламени. Нѣтъ, они соорудили изъ его воззрѣнія какое-то странное явленіе метафизико-сантиментальное; схоластическая сухость сочеталась у нихъ съ чисто-нѣмецкой гемютlichkeitъ. Не то, чтобъ они наукообразно или систематически наложили по началамъ Шеллинга философію природы: они взяли два-три общія формулы сухія и отвлеченныя, и на ниль прикидывали все явленія, всю вселенную. Эти формулы, точно мера въ рекрутскихъ присутствіяхъ: кто бы ни взомель въ нее, выйдеть солдатомъ. Даже тѣ изъ натурфилософовъ, которые принесли много пользы фактической части своей науки, не избѣгли ни формализма, ни сантиментальности. Возьмите, на-примѣръ, Каруса: онъ сдѣлалъ бездну пользы физиологій, но что онъ пишетъ въ своихъ общихъ взглядахъ, въ введеніяхъ? что за разглагольствованіе, что за мысли! Жалкошь, что дальній человекъ такъ компрометируется. Выше ихъ всѣхъ стоитъ Окенъ; но и его нельзя совершенно изъять. Въ природѣ Окена колесо и тѣсно и, сверхъ-того, не менѣе догматизма какъ у другихъ; видна широкая и многообъемлющая мысль; но въ томъ-то и вина Окена, что она видна, какъ мысль: природа какъ-будто употреблена имъ для того, чтобъ подтвердить ее. Естественноряданіе Окена явилось съ каменнымъ притязаніемъ на безусловное значеніе, на оконченную архитектуру. Вспомните замѣчаніе, сдѣланное нами выше, что идеализмъ делается недоступенъ ничему, кромѣ своей *idée fixe*; онъ не уважаетъ на столько фактической міръ, чтобъ покоряться его возраженіямъ.

Не помню гдѣ и когда я читалъ какую-то статью Эдгара Кнѣ о нѣмецкой философіи; статья не очень-важная, но въ ней было интересное сравненіе нѣмецкой философіи съ французской революціею. Кантъ—Мирабо, Фихте—Робеспьеръ, а Шеллингъ—Наполеонъ; вообще, это сравненіе не чуждо нѣкоторой вѣрности; я самъ готовъ сравнить Шеллинга съ Наполеономъ, только обратно Эдгару Кнѣ. Ни имперія Наполеона, ни философія Шеллинга устоять не могли — и по одной причинѣ: ни то ни другое не было вполне организовано и не имало въ себѣ твердости, ни отразиться отъ прошлыхъ односторонностей, ни идти до крайняго послѣдствія. Наполеонъ и Шеллингъ явились міру, вровозглашая примиреніе противоположностей и снятія ихъ новымъ порядкомъ вещей. Во имя этого новаго порядка вещей, признали Бонапарту императоромъ; душечный дымъ не помѣшалъ, наконецъ, разглядѣть, что Наполеонъ остался въ душѣ человекомъ прошедшаго. Историческій маскарладъ

(*) На-примѣръ, его мысль о томъ, что черепъ есть развитіе позвонковъ; его превращеніе частей растенія, *os intermaxillare* и сотни замѣтокъ эстетологическихъ. См. у Жюверуа Сент-Илера, Декадолога, и проч.

à la Schelling, въ которомъ Наполеонъ одѣлся очень не къ лицу, окруженный своими герцогами-солдатами, — была *intermedia buffa*, за которой следовало Ватерлоо съ настоящимъ герцогомъ во главѣ. Шеллингъ въ своей области поступалъ такъ, какъ Наполеонъ: онъ обѣщалъ примиреніе мышленія и бытія; но, провозгласивъ примиреніе противоположныхъ направленій въ высшемъ единствѣ, остался идеалистомъ въ то время, какъ Окенъ учреждалъ шеллинговское управленіе надъ всей природою и «Изада» — монитёръ натурфилософій, громко возващала свои победы. Шеллингъ одѣвался въ Якова Бѣма и начиналъ задумывать реакцію самому-себѣ, для того, между прочимъ, чтобъ не сознаться, что онъ обманетъ. Шеллингъ вышелъ вверхъ-ногами-поставленный Бѣмъ, такъ-какъ Наполеонъ вверхъ-ногами-поставленный Карлъ-Великій. Это худшее, что можетъ быть, потому-что чрезвычайно-смѣшно. Яковъ Бѣмъ, полный мистическаго созерцанія, выходитъ во всю сторону: къ глубокому философскому воззрѣнію, и если его языкъ труденъ и заключенъ въ схоластико-мистическую терминологию, тѣмъ удивительнае гениальность его, что онъ умѣлъ этимъ неловкимъ языкомъ высказать великое содержаніе своей мысли; живъ въ началѣ XVI столѣтія, онъ имѣлъ твердость не-останавливаться на буквѣ, имѣлъ мужество принимать несоквѣднъ страшныя для боязливой совѣсти того вѣка; мистицизмъ не только не подавлялъ его мощнаго разума, но открывалъ его. Шеллингъ, совсѣмъ напротивъ, сдѣлалъ опытъ отъ глубокаго наукообразнаго воззрѣнія спуститься къ мистическому сомнамбулизму, мысль задвѣять въ іероглифъ. Следствіе этого было очень печальное: люди истинно-религіозныя и люди не религіозныя отреклись отъ него и уступили ему маленькую Эльбу въ Берлинскомъ-Университетѣ. Окенъ остался одинъ съ «Изадой». Неудачная борьба съ естествоиспытателями, ихъ непріятная манера возражать фактами, сдѣлала его кверризмъ, ожесточила. Онъ неохотно говорить съ иностранцами о своей системѣ; онъ раздражилъ эпоху полной славы ея, и развѣ втащи готовить что-нибудь... надобно надѣяться, по-крайней-мѣрѣ, что онъ не попробуетъ писать космологію стихами, какъ было-придумалъ Шеллингъ для своей теоріи. Вся усѣха въ естествовѣдѣніи совершалась въ натурфилософій. Эмирики не доверяли ей, боялись ея труднаго языка, ея общихъ взглядовъ, ея практическаго настроенія, ея восторженнаго сентиментальности. Кювѣ предостерегалъ Парижскую Академію Наукъ отъ зарейскихъ теорій; Кузенъ еще радикальнѣе предостерегалъ своими лекціями отъ распространенія во Франціи идеализма. Впрочемъ, Французы одарены такимъ вѣрнымъ взглядомъ на вещи, что ихъ нельзя сбивъ съ толку. Они скоро поймутъ германскую науку. Будьте увѣрены, не тупость Французовъ причиною, что германская наука не переплывала Рейна.

Первый примѣръ наукообразнаго изложенія естествовѣдѣнія представляеть гегелева энциклопедія. Его строгое, твердо-проведенное воззрѣніе почти-современно Шеллингу (онъ читалъ въ первый разъ философію природы — въ 1804 году, въ Іенѣ); имъ замыкается блестящій рядъ мыслителей, начавшійся Декартомъ и Спинозомъ. Гегель показавъ

предель, делающего германская наука не войдетъ въ это умствіе явнымъ образомъ содержится выхоль не только изъ него, но вообще изъ дуализма и метафизики. Она было послѣднее, самое меншее усиліе чистаго мышленія, до того верное иезннн и полное реализма, что, вопреки себя, оно безпрестанно и вездѣ перетабалось на дѣйствительное мышленіе. Строгія очертанія, гранитныя ступени эмпирическихъ не стесняютъ содержанія, такъ, какъ борть корабля: не мешаютъ взору не погружаться въ безконечность моря. Правда, логика у Гегеля красннво свое притязаніе на всепріковомосненную власть надъ другими сферами; на единую, всему-доставляющую полноту; онъ какъ-будто забывалъ, что логика потому именно не жизненная полнота, что она со себя сама себя, что она отвлеченна отъ временнаго: она отвлеченна, потому что въ нее вошло одно вѣчное, она отвлеченна — потому что абсолютна, она знаніе бытія — не не бытіе: она знаетъ себя — и въ этомъ ея единственность. Еслибъ природа действительно была жить, — какъ подлинно вырывается у Гегеля, — то, дѣйствительно до самоощущенія, она была бы живое бытіе, пренебрегла бы имъ; но ей бытіе такъ же дорого; жить она любитъ жить, а жить можно только въ некачественномъ кружоніи временнаго; въ сферѣ всеобщаго шума и плеска жизни умная; гонимъ человечества колеблется между двумя противоположностями; онъ, какъ Жаронъ, безпрестанно переворачивать изъ временной юдоки въ вѣчную; эта переправа, это колебаніе — исторія, и съ ней собственно все дело, а совсемъ не въ томъ, чтобы перекатить на ту сторону и жить въ отвлеченныхъ и всеобщихъ областяхъ чистаго мышленія. Не только самъ Гегель понималъ это, но Лейбницъ, котораго имя назвалъ, говорилъ, что монада безвременнаго, конечнаго бытія расплывется въ безконечность при полной невозможности опредѣлится, удержать себя; Гегель всю логикую достигаетъ до раскрытія, что безусловное есть подтвержденіе единства бытія и мышленія. Но какъ дойдетъ до дела, тотъ же Гегель, какъ и Лейбницъ, приноситъ все временное, все существе на жертву мысли и духу; идеализмъ, въ которомъ онъ былъ воспитанъ, который онъ версалъ съ мелочью, срываетъ его въ односторонность, казенную нич-твнннн, — и онъ старается поддать думѣ, логикую — природу; всякое частное произведеніе ея готовъ считать претраномъ, на всякое дѣленіе смотритъ свысока.

Гегель начинаетъ съ отвлеченныхъ сферъ для того, чтобы дойти до конкретныхъ; но отвлеченныя сферы предположаетъ конкретное, отъ котораго онъ отвлеченъ. Онъ развиваетъ безусловную идею и, развивая ее до самоощущенія, заставляетъ ее раскрыться временнымъ бытіемъ; но оно уже сделалось ненужнымъ, ибо пошннво его совершилъ тотъ подвигъ, къ которому временное назначалось. Онъ раскрылъ, что природа, что жизнь развивается по законамъ логики; онъ фазн въ эту проследилъ этотъ параллелизмъ — и это ужъ не мелничковн обшннн значанія, рашеодическія, несвязанныя, а цѣлая система стройная, глубокомысленная, разанная на мѣди, гдѣ въ каждомъ ударѣ вытечннла-лась гигантская сила. — Но Гегель хотѣлъ природу и исторію, какъ *примладную лшнну*, — а не логику, какъ отвлеченную разумность природы

и вероятія. Вотъ причина, почему эмпирическая наука оказалась такою же хладнокровно-глуха къ энциклопедіи Гегеля, какъ къ диссертационнѣ Шеллинга. Нельзя отрицать глубокаго смысла и вернаго взгляда этихъ маленькx эмпириковъ, надъ которыми текъ вѣдочнаго идеализма плескался. Эмпірія была открытой протестацией, гремѣній возраженіемъ противъ идеализма—такою она и осталась; что ни дѣлалъ идеализмъ,—эмпірія отражала его. Она не уступила шагъ (*). Когда Шеллинга проповѣдовалъ свою философію, большая часть философовъ думала, что время сочетанія науки мышленія съ положительными науками настало: —эмпірики молчали. Философія Гегеля совершила это примиреніе въ лѣткѣ, приняла его въ основу и расшла черезъ все обителѣ духа и природы, повсюду какъ легка — эмпиризмъ продолжалъ молчать. Она видѣла, что преродительскій гракъ сколастича на совершенною смерть еще. Безъ-сомнѣнія, Гегель поставилъ мышленіе на той высотѣ, что мѣта вѣщности могла нею сдѣлать шагъ, но оставила совершенно за собою идеализмъ; —но шагъ вступъ не сдѣлать, и эмпиризмъ хладнокровно идеть его; за то, если дождется, посмотрите, какая неволъ жмень раздѣленія: по всемъ отвлеченнымъ соображъ человеческого вѣдѣнія! Эмпіризмъ, какъ элементъ, тѣло ступаетъ впередъ, за то уже ступитъ хоромо.

Смѣшно винить не только Гегеля, но и Шеллинга, что они, сдѣлавъ такъ много, не сдѣлали еще больше: — это была бы историческая по-благодарность. Однако нельзя же не сдѣлаться, что какъ Шеллинга не дошелъ ни до одного вернаго послѣдствія своего вобранія, такъ Гегель не дошелъ до вѣдъ открываемыхъ и вѣднхъ результатовъ своихъ началъ; *impliciter* въ немъ вся они предсуществуютъ—все, сдѣланное послѣ Гегеля, состоитъ только въ развитіи того, что по развито у него. Гегель понималъ действительное отношеніе мышленія къ бытію; онъ понималъ не значить зналъ отрѣчься отъ стараго: оно отстаетъ въ правахъ, въ языкѣ, въ привычкѣ; — путями отвлеченій онъ понималъ свою отвлеченность и удовлетворился этимъ пониманіемъ. Никто въ рожденныхъ въ плану египетскомъ не вошелъ въ обыванную режю, потому-что въ ихъ крови оставалось нечто невольническое: Гегель аваянъ гениемъ, менше своей мысли, подавлялъ египетскій элементъ, и онъ остался у него больше дурное привычкѣ; Шеллинга же былъ подавленъ имъ. Гѣте не подавлялъ и не былъ подавленъ!

Но пора заключить мое длинное посланіе.

Признаюсь откровенно, что, принимаясь писать къ вамъ, я не соображалъ всей трудности вопроса, всей бедности силъ и вѣднхъ, всей отзвѣтственности принятой за него. Начивъ, я увидѣлъ ясно, что не въ-состояніи исполнить задуманнаго; однако не бросаю пера. Если я не могу сдѣлать то, что хотѣлъ,—буду доволенъ тамъ, если съумѣю возбу-

(*). Нужно ли повторять, что эмпиризмъ въ крайностихъ своихъ вѣднхъ, что онъ вѣднхъ не-четырехънахъ такъ же смѣшно, какъ истопырецъ полеты идеализма: одна крайность вымѣрять всегда такую же крайность съ противоположной стороны.

для любознательности узнать ясно и въ связи то, о чемъ рассудку «работничеству» и «блудно». Полагаю отъ такого рода *Yorutidien*, какъ эту мысль, только приготовительная; она знакомитъ общимъ образомъ съ главными вопросами современной науки, устранила лишняя и повторила лишняя, обветшалые предрассудки, и дѣлаетъ доступное науку. Наука кажется трудною не потому, чтобъ она была, въ-самомъ-дѣлѣ, трудна, а потому, что иначе не дойдешь до ея простоты, какъ пробившись сквозь тьму-темъ готовыхъ понятій, машинальныхъ право имѣть. Пусть входящіе впередъ знаютъ, что весь арсеналъ разныхъ и негодныхъ орудіи, доставшихся намъ по наслѣдству отъ схоластики, придется, что надобно пожертвовать эти-науки-составляющими воззрѣніями, что не отбросить все полу-люди, которыми для понятности облачаютъ полу-мисли, нельзя войти въ науку, нельзя дойти до całej истины.

Что касается до главныхъ оснoваний, они не мои — они принадлежатъ современному воззрѣнію на науку и темъ сильнымъ органамъ, которыми оно оглашается. Мое только изложеніе и добрая воля. Одинъ принципъ, выигрантъ, раздѣвалъ, помнится въ Матава, табакерки и перстни, присланные ему Императрицей Екатериной, присовокуплять: «De una part ce n'est que le mouvement du bras et la bonne volonté» — и повторяю вамъ его слова (*).

ПИСЬМО II.

Наука и природа, — феноменология мышленія.

Начнемъ ab ovo. На это есть причины очень-достаточныя; позвольте указать ихъ. Для того, чтобъ понять, съ какими логическими моментами развитія науки встрѣчается естественствозданіе въ современности — недоста-

(*) Можетъ-быть, не воссе-зланнымъ будетъ обратить вниманіе читателей, что слова: «идеализмъ», «метафизика», «отвлеченіе», «теорія» принимаемы были въ томъ крайнемъ значеніи, гдѣ они ложны, исключительны. Если эти слова принять въ смыслѣ болѣе-общемъ, влѣтомъ не въ ихъ историческаго опредѣленія; если имъ несутъ опредѣленія идеализма, выйдетъ не то; но я прошу тогда вспомнить, что я имъ не въ томъ смыслѣ принимаю; для меня эти слова — лозунги, знамена односторонняго направленія, указывающія сразу больное мѣсто. Разумѣется, Аристотель не въ этомъ смыслѣ употреблялъ слово «метафизика»; всякаго человѣка, разсматривающаго природу не какъ събѣстную приращъ, а какъ нѣчто познаваемое, можно назвать метафизикомъ; такъ-чѣмъ всякаго мыслящаго — идеалистомъ. Я очень объяснительно скажу, въ какихъ предѣлахъ приняты мною эти слова. Если они не нравятся, пусть читатель замѣнитъ ихъ другими — *le fond de la chose* остается то же, а мнѣ только въ немъ и дѣло. Еще одно замѣчаніе: гегелево воззрѣніе не принято и неизвѣстно въ положительныхъ наукахъ; о методѣ его едва знаютъ во Франціи, но тѣмъ не менѣе гегелизмъ имѣлъ большое вліаніе на естествознаніе, — вліаніе, которое истинныя натуралисты не могутъ узнать, но которое очевидно и въ Либихѣ, и въ Бурдахѣ, и въ Реснайлѣ, и во многихъ другихъ, хотя большая часть ихъ отречется наизѣрное отъ сказаннаго нами. Они сами не знаютъ, какъ пришли къ себѣ изъ окружающей среды то направленіе, въ которомъ ведутъ науку. Постараюсь въ слѣдующихъ письмахъ доказать сказанное здѣсь. H—re.

точно убедиться коротко несколько положений самых рязных, самых крайних, насколько началъ, до которыхъ выработалась современная наука, насколько выводовъ, въ которыхъ она сосредоточилась. Ничто не должно и не должно быть вредо философии, какъ выроченные результаты безъ связи, формально принимаемые, лишеныя смысла и повторенные съ произвольнымъ толкованіемъ. Слова не до такой степени вбираютъ въ себя все содержаніе мысли, весь ходъ достиженія, чтобы въ скатомъ состояніи конечнаго вывода навязывать каждому истинный и вѣрный смыслъ свой; до него надобно дойти; процессъ развитія снять, скрыть въ конечномъ выводѣ; въ немъ высказывается только, въ чемъ главное дѣло; это своего рода заглавіе, поставленное въ концѣ еще въ своемъ отчужденіи отъ какаго органика безполезно или вредно. Что пользы человеку, познающему алгебру, въ уравненіи какой-нибудь линіи, не смотря на то, что въ этомъ уравненіи все есть: и ее законъ; и построеніе, и все возможные случаи; но она есть только для того, кто знаетъ, какъ вообще составляются уравненія,— словомъ, для человека, которому скрытый въ формулѣ путь известенъ, которому каждый знакъ напоминаетъ известный порядокъ понятій: въ общей формулѣ заключена вся истина; но общая формула не есть та органика, въ которой истина свободно развивается; тамъ напротивъ, она сжимается въ ней, сосредоточивается. Зерно представляетъ такого рода сосредоточеніе развитія; никто зерна не принимаетъ за растеніе, никто не садится подъ тень дубоваго жоуада, хотя онъ содержитъ въ себѣ болѣе, нежели дѣльный дубъ—рядъ прошедшихъ дубовъ, да рядъ будущихъ. Есть случай, въ которомъ можно допустить употребленіе результатовъ безъ поясненія ихъ смысла, именно, когда предшествуетъ достоверность, что подлѣ одними и тѣми же словами разумѣются одни и тѣ же понятія, что есть общепринятое, впередъ-лучшее, которое связуетъ говорящаго и слушающаго; въ переходныя эпохи такую достоверность можно имѣть только говоря съ близкими друзьями. Всего чаще говорящій во имя науки, мечтаетъ, что весь процессъ, который для него явно скрывается за формальнымъ выраженіемъ, извѣстенъ слушающему, и идетъ далѣе, въ то время, какъ у каждаго идутъ впередъ свои личные мнѣнія, какъ повѣрля, и высказанное слово будитъ въ немъ не умственную самостоятельность, а именно эти кесые и обетщательные предразсудки. По-этому, прошу не сѣтовать за то, что начинаю съ опредѣленія науки, и съ общаго обзора ея развитія.

Дѣло науки—возведеніе всего сущаго въ мысль. Мышленіе строится понять, усвоить въ-сущій предметъ и съ перваго приступа начинается отрицать то, что его дѣлаетъ вышшимъ, другимъ, противоположнымъ мысли, то-есть, отрицаетъ непосредственность предмета, обобщаетъ его и знаетъ уже съ нами дѣло, какъ съ всеобщимъ: такимъ оно старается его понять. Понять предметъ—значитъ раскрыть необходимость его содержанія, оправдать его бытіе, его развитіе; понятное необходимымъ и разумнымъ не есть чуждое намъ: оно сдѣлалось ясною мыслью предмета; мысль сознательная и понятая принадлежитъ намъ и сознается намъ,

мыслью что она разумна и человек разумный — а разумь один (*). Неразумное непонятно для насъ, но его и понимать не слѣдуетъ, такъ какъ оно безусловно оказывается существующимъ, неотъемлемымъ; оно обнаруживается такимъ (говоря иными словами), чего доказать нельзя, ибо доказательство только и состоитъ въ раскрытіи необходимости предмета, указывающей на разумность его; чѣмъ разумно, тѣмъ точнее человекъ; другаго критеріума человекъ не имеетъ; оправданіе разумовъ — послѣдняя безапелляционная инстанція. Само-собой разумность, чѣмъ мысль предмета не есть исключительно личное достояніе мыслителя: не онъ издумалъ ее въ действительность, она имъ только сознава; она предшествовала, какъ скрытый разумъ, въ непосредственности бытія предмета, какъ его во времени и пространстве обличенное проявленіе существа, какъ на дѣлѣ, онтически-исполнительный законъ, следовательно о своемъ неразрывномъ единствѣ съ бытіемъ. Мысленное освобождаетъ существующую во времени и пространства мысль въ область-содѣятельную ей среду сознания; оно, такъ-сказать, будитъ ее отъ усыпленія, въ которое она еще погружена, облепленная чуждою, существующимъ бытіемъ; мысль предмета освобождается во въ мысль; она освобождается безгласною, обобщенною, вслѣдствіемъ чуждоты своего явленія, въ сферѣ сознанія, разума, всеобщаго. Предметное существованіе мысли, воспринятой въ области разума и самосознанія, продолжается по времени во времени и пространства; мысль получила двоякую жизнь: одна — ея прежнее существованіе частное, определенное, ибо, определенное бытіемъ; другая — всеобщая, определенная сознаниемъ и отрицаніемъ себя какъ частнаго. Сначала, предметъ совершенно вне мысленія; личная умственная деятельность человека приступаетъ къ нему, выхватывая въ чѣмъ его истина, въ чѣмъ его разумъ; по мере того, какъ мысль отрываетъ его (и себя) отъ всего частнаго, случайнаго, углубляется въ его разумъ, — она находитъ, что это и ее разумъ; открывая истину его, она находитъ себя этой истиной; чѣмъ ближе мысль равняется, тѣмъ несамостоятельное, самобытное отношеніе она и отъ лица мыслителя и отъ предмета; она связуетъ ихъ, сливаетъ ихъ различіе истиннымъ единствомъ, опирается на нихъ, и свободная, самобытная, самодовольная царитъ надъ ними, сочетавая въ себе две односторонніе моменты свои въ гармоническое целое (**). Весь процессъ разви-

(*) Нѣсколько разумовъ такое бессмыслие, которое человѣческое воображеніе не только понять, но и представить не можетъ. Если мы примемъ, на-пр., два разума, то получимъ для одного будетъ чуждо для другого — и такъ они не равны; въ тѣхъ случаяхъ, оба разума имѣютъ право думать каждый свою истину истинной, и это право признано нами въ признаніи двухъ разумовъ; если мы скажемъ, что одинъ только понимаетъ истину, тогда другой разумъ будетъ безуміе, а не разумъ. Два различныхъ разума, обладающихъ различными истинами, наединѣ имѣтъ уничтожительное слѣдствіе; всегда двое прислуживать, одинъ прислуживаетъ другому. Разное пониманіе предмета не значитъ, что разумы разные, а во-первыхъ, что люди разные; и во-вторыхъ, что въ разныхъ степеняхъ развитія разума, истина опредѣляется различно, съ разныхъ сторонъ однимъ и тѣмъ же разумомъ.

(**) То-есть существованіе, какъ одно по себе бытіе, и сознание, какъ одно для себя бытіе.

тия мысли предмета мышлением рода человеческого, отъ грубаго и непримиреннаго противорачія. въ которомъ встречаются лицо и предметъ, до снтія противорачія сознаниемъ высшаго единства, въ которомъ они являются необходимыми другъ для друга сторонами — вещь зреть рядъ формъ, освобождающихъ истину, заключенную въ двухъ истинно-идеальныхъ крайностяхъ (лицо и предметъ), отъ взаимнаго ограниченія раскрытіемъ и сознаниемъ единства ихъ въ разумъ, въ идею — составляетъ организмъ науки.

... Многие принимаютъ науку за нечто вышедшее предмету, за дело природы и вымысла людскаго, на чемъ они основываютъ неслѣдствительныя выводы, даже невозможность ея. Конечно, наука по въ рещетъ естественнаго бытія предмета и, конечно, она свободное дѣяніе мысли и внешне мысля людскаго; но изъ этого не слѣдуетъ, что она произвела созданіе случайныхъ личностей, внешне предмету, въ какихъ случаяхъ она была бы, какъ мы сказали, родовымъ безуміемъ. Ограниченныя категоріи мышленія не приламываются къ мысли; она ей недоступна, мысль не имеетъ замкнутой, непреходимой определенности, сама и не тунитъ для нея есть *alibi*; если же хотѣть унотребить эту категорію, то надобно обернуть выраженіе и сказать, что непосредственный предметъ ея мысли, въ ея, потому что она составляетъ собственно ея вѣщность; природа не только адатность для насъ; — она сама-де-себѣ только вѣщность; ея мысль сознательная, пришедшая въ себя — не въ ней, а въ другомъ (т. е. въ человекѣ); напротивъ, родовое значеніе человека — быть негиною себя и другомъ (т. е. природѣ); сознание есть самопознание; оно начинается съ познания себя какъ другаго, а достигаетъ османія себя какъ себя, — сознание вовсе не постороннее для природы, а высшая степень ея развитія, переходъ отъ шлохительнаго, шарадельнаго существованія во времени и пространствѣ, черезъ ятркателнне, растирннне определение человека въ противоположности природы къ раскрытію ихъ истиннаго единства. Откуда и какъ могло бы явиться сознание шльннча природѣ и, следовательно, чудодое предмету? Человекъ не въ природѣ и только относительно противоположенъ ей, а не въ-самомъ-дѣлѣ; если бы природа действительно противорачила разуму, все матеріальное было бы шелье, нецелобразно. Мы привыкли человеческій міръ отдѣлять каменной стѣною отъ міра природы — это несправедливо; въ действительности вообще нѣтъ никакихъ строго-проведенныхъ межей и границъ, къ великой горести всѣхъ систематиковъ; но въ этомъ случаѣ, сверхъ-того, ощущаютъ шль еде, что человекъ имеетъ свое шрнвное признание въ той же шелье природѣ; доканчиваетъ ее воздеіемъ въ мысль; они противоположны, такъ-какъ полюсы магнита, или, лучше, какъ цѣтокъ противоположенъ стеблю, какъ юноша ребенку. Все то, что неразвито, чего не достаетъ природѣ, то есть, то развивается въ человекѣ; на чемъ же можетъ основаться действительная противоположность ихъ? это была бы бой неравннй и невозможннй. Природа не имеетъ силы надъ мышлею, а мысль есть сила человека; природа, какъ греческая статуя: вся внутренняя вещь ея; вся мысль ея — ея наружность; все, что она могла себе выразить,

выразила, предоставляя человеку обнаружить то, чего она не могла; она относится къ нему, какъ необходимое предшествующее, какъ предположеніе (Voraussetzung); человекъ относится къ ней какъ необходимое послѣдующее, какъ заключеніе (Schluss). Жизнь природы—безпрерывное развитіе, развитіе отвлеченнаго простаго, неполнаго, стихійнаго — въ конкретное полное, сложное, развитіе зародыша расчлененіемъ всего заключающагося въ его понятіи, и всегдашнее домогательство вести это развитіе до возможно-полнаго соответствія формы содержанію—это диалектика физическаго міра. Вся стремленія и усилія природы завершаются человекомъ; къ нему они стремятся, въ него впадаютъ они, какъ въ океанъ. Что можетъ быть смѣлѣе предположенія, что послѣдній выводъ, включающій все развитіе природы — человеческое сознаніе—въ разногласіи съ нею? Все въ мірѣ стройно, согласно, целесообразно—одна мысль наша сама по себѣ, какая-то блуждающая комета, ни къ чему неотнесенная, болѣзнь мозга!

Для того, чтобы мышленіе представилось чѣмъ-то вѣстествовнымъ, совершенно-внѣшнимъ предмету, частнымъ и личнымъ достояніемъ человека — его надобно отторгнуть отъ его редословной. Можно ли понять связь и значеніе чего бы то ни было, когда мы произвольно возьмемъ крайнія звѣзды? Можно ли понять соотношеніе камня и птицы? Сдѣлавъ шагъ за шагомъ, легко сбиться съ дороги; если же изъять удачу два момента и противопоставить ихъ для раскрытія ихъ связи—выйдесть трудная, неблагодарная и почти-неразрѣшимая задача: въ родѣ этого разсматриваютъ природу и ея связь съ человекомъ, съ мышленіемъ. Обыкновенно, приступая къ природѣ, ее свивчиваютъ въ ея матеріальности, ей говорятъ, какъ некогда Іисусъ Навинъ сказалъ солнцу: «стой! будь мертвымъ субстратомъ, пока я разберу тебя»; но природу остановить нельзя: она процессъ, она теченіе, переливъ, движеніе, она уйдетъ между пальцами, она въ чревъ женщины сдѣлается человекомъ и просеетъ вашу плотину прежде, нежели вы успеете выдти возможнымъ переходъ отъ нея къ міру человеческому:

Ewig natürlich bewegende Kraft
 Göttlich gesetzlich entbindet und schafft,
 Trennendes Leben, im Leben Verein,
 Oben die Geister und unten der Stein.

Если вы на одно мгновенье остановили природу, какъ нечто мертвое, — вы не только не дойдете до возможности мышленія, но не дойдете до возможности палачатыхъ животныхъ, до возможности порошковъ и мховъ; смотрите на нее какъ она есть, а она есть въ движеніи; дайте ей просторъ, смотрите на ея біографію, на исторію ея развитія—тогда только раскроется она въ связи. Исторія мышленія—продолженіе исторіи природы: ни человечества, ни природы нельзя понять мимо историческаго развитія. Раздѣчіе этихъ исторій состоитъ въ томъ, что природа ничего не понимаетъ, что для нея былого нѣтъ, а человекъ носить въ себѣ все бывшее свое; отъ-того человекъ представляеть не только себя какъ частнаго, но и какъ родоваго. Исторія связуетъ природу съ людьми: безъ нея они распадаются; разумъ природы только

въ ея существованіи, — существованіе логики только въ разумѣ; ни природа, ни логика не страдаютъ, не раздраются сомнѣніями; ихъ не волнуетъ никакое противорѣчіе; одна не дошла до нихъ, другая сняла ихъ въ себя: въ этомъ ихъ противоположная неполнота. Исторія — эпопея восхожденія отъ одной къ другой, полная страсти, драмы; въ ней непосредственное дѣлается сознательнымъ, и вѣчная мысль низвергается въ временное бытіе; носителя ея — не всеобщія категоріи, не отвлеченныя нормы, какъ въ логикѣ, и не безотвѣтныя рабы, какъ естественныя произведенія, а личности, воплотившія въ себя эти вѣчныя нормы и борющіяся противъ судьбы, спокойно царящей надъ природой. Историческое мышленіе — родовая дѣятельность человека, живая и истинная наука, то всемірное мышленіе, которое само перешло всю морфологию природы и, мало-по-малу, поднялось къ сознанию своей самозаконности: во всякую эпоху осаждается правильными кристаллами знанія ея, мысль ея въ видѣ отвлеченной теоріи, независимой и безусловной; это формальная наука; она всякій разъ считаетъ себя завершеніемъ изданія человѣческаго, но она представляетъ отчетъ, выводъ мышленія данной эпохи — она себя только считаетъ абсолютной, а абсолютно то движеніе, которое въ то же время увлекаетъ историческое сознаніе dalje и dalje. Логическое развитіе идеи идетъ тѣми же фазами, какъ развитіе природы и исторіи; оно, какъ абберрація звездъ на небѣ, повторяетъ движеніе земной планеты.

Изъ этого вы видите, что въ сущности все равно, рассказать ли логическій процессъ самопознанія, или историческій. Мы выберемъ послѣдній. Строгий, святый, примиренный съ собою шагъ логики менѣе сочувствующъ съ нами; исторія — вдохновенная борьба, торжественное шествіе изъ египетскаго плывенія въ обыванную землю; въ логикѣ воляда извѣстна, она знаетъ свою власть, свою неотразимость, — въ исторіи нѣтъ, и отъ-того ллкующій гимнъ радости раздается, когда предъ грядущимъ человечествомъ разступается Черное-Море, и оно же топить ветхое и неправое притязаніе фараона. Логика — разумнѣе, исторія — человѣчественнѣе. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе, какъ отбрасывать прошедшее, служившее для достиженія настоящаго, будто это развитіе — вѣшняя подмостка, лишенная всякаго внутренняго достоинства. Тогда исторія была бы оскорбительна, вдичье закланіе живаго въ пользу будущаго; настоящее духа человѣческаго обвиваетъ и хранитъ все прошедшее, оно не прошло для него, а развилося въ него; бывшее не утратилось въ настоящемъ, не замѣнилось имъ — а исполнялось въ немъ; проходитъ одно ложное, призрачное, несущественное; оно собственно никогда и не имѣло дѣйствительнаго бытія, оно мертворожденное, — для истиннаго смерти нѣтъ. Не даромъ духъ человѣскій вѣзты сравниваютъ съ моремъ: онъ въ глубинѣ своей бережетъ все богатства, однажды-упавшія въ него; одно слабое, непереносящее тяжести соленой воды его — распускается безсладно.

Итакъ, для того, чтобъ понять современное состояніе мысли — вѣрнѣйшій путь вспомнить, какъ человечество дошло до него, вспомнить всю морфологию мышленія — отъ непосредственнаго, безсознательнаго

мира съ природою; предшествовавшего вышнему, до раскрытия возможности полноты и сознательнаго мира съ собою. Съ самаго начала, намъ придется восстановить тѣ шаги; которыхъ слѣдъ почти утратился, ибо человечество не умаетъ беречь того, что дѣлало безъ мысли: инстинктивное остается у него въ памяти, какъ смутный сонъ дѣтства! Не думайте, что я вась хочу угостить гесперовскими Ахелеемъ или дикими человѣками энциклопедистовъ — мое намереніе гораздо проще: я хочу опредѣлить необходимую точку отбрасыванія историческаго бытія.

Вся челоука существуетъ до безконечности многообразное множество частностей, смутно переплетенныхъ между собою; внутренняя связность ихъ, намекающая на внутреннее единство, ихъ определенное взаимодействие почти теряется отъ случайностей разбрасывающихъ, сбрасывающихъ, хранящихъ и уничтожающихъ эту «кучу частей, плывущихъ въ безконечность», по превосходному выраженію Лейбница. Онѣ носятъ въ себѣ характеръ независимой символичности отъ челоука; онѣ были, когда его не было; ихъ нѣтъ до него дѣла, когда онъ жилъ; онѣ безъ конца, безъ предѣловъ; онѣ безпрестанно и вездѣ возникаютъ, появляются, пропадаютъ. Съ точки зрѣнія разсудка, этотъ вихрь, круговоротъ, беспорядокъ, эта непокорность окружающей среды, должны бы ужасомъ и униженіемъ исполнить челоука, подавить его и поселить отчаяніе въ душу; но челоука, при первой встрѣчѣ съ природою, смотрѣлъ на нее съ простотою ребенка: онъ ничего не понималъ отчетливо, онъ не отступалъ еще отъ міра жизни, въ которомъ ощущался, негачія мысли не просыпалась въ немъ, и отъ-того онъ чувствовалъ себя дома и взглядъ его поднатога челоука не могъ быть пораженъ ничѣмъ окружающимъ. Животное имаетъ это эмпирическое доверіе, но оно на помъ и останавливается; челоука тотчасъ начинаетъ обнаруживать, что ему мало этого доваріа, что онъ чувствуетъ себя властью надъ окружающимъ міромъ. Этими частностями, врозь-сущими, чего-то не достаетъ: онѣ распадаются, переходятъ, безслѣдны; челоука даетъ имъ средоточіе, и это средоточіе онъ самъ; *слова* своимъ историчаетъ онѣ ихъ изъ круговорота, въ которомъ онѣ мелькаютъ и гибнутъ; именемъ даетъ онѣ имъ свое призваніе, возрождаетъ въ себя, удовлетворяетъ и сразу выводитъ въ сферу всеобщаго. Мы такъ привыкли къ слову, что забываемъ величіе этого торжественнаго акта иступленія челоука на царство вселенной. Природа безъ челоука, испускающая се — что-то вѣное, неконечное, неудачное, а вотъ се: челоука благословляетъ се существовать для кого-нибудь, возсоздать се, для ея гласности. Не даромъ Платонъ такъ восторженно выразился объ очахъ челоука, устремленнаго на таеръ небесную, и нашелъ ихъ прекраснѣе самой тверди. И вѣрь видитъ, и вѣрь издаетъ звуки, и тѣ и друге — великія победы жизни; но челоука смотритъ и говоритъ; и когда онъ смотритъ и говоритъ — неустроенная куча частностей перестаетъ быть громадой случайностей, а обнаруживается гармоническимъ цѣлымъ, организованнымъ, живущимъ единством. Замчательно, что и въ этотъ періодъ естественнаго согласія съ природою, когда еще разсудокъ не отсла

человек видеть отрицаний отъ небытия, на которой онъ выросъ — онъ не признавалъ самостоятельности частныхъ явлений, онъ всегда расширялся какъ земля, онъ считалъ возможнымъ усвоить себе все окружающее и заставить исполнять свои цѣли; онъ вещь считалъ своимъ работъ, среднень, вне это тѣла находящимся, собственностию. Мы можемъ представить нашу волю только тому, что своей воли не имеемъ, или не чужь имъ отрицаемъ волю; поставитъ свою цѣль другому, значить его цѣль не считать существенною, или себя считать его цѣлью.

Человекъ такъ мало признавалъ права природы, что безъ малѣйшаго упрямства совети уничтожалъ те, что ему мешало, пользовался чужь хотѣли; онъ, подобно Геслеру, заставлявшему ослика Швейцарца работать для себя Циниг-Ури, обуздывалъ силы природы, противопоставляя одну другой. Природа не только не ужасала человека своей величинею и безконечностью, на которую онъ не обращалъ никакого вниманія, представляла въ послѣдствіи риторикъ всѣхъ видовъ страданій себя и другихъ: мариаданн широтъ в жизни количественными безмаркетали, — но даже бездѣйствіи, которыя она невозможна обрушивала на голову людей: мы никогда не видимъ, чтобы онъ скрывался передъ тупою и низшей силой міра; всегда напротивъ, онъ отвращается отъ его стихійнаго нестройства и съ молитвенъ, великопрямленней, душевнеленный горячю верою, обращается въ Божеству. Какъ бы грубо человекъ ни представлялъ себе верховное начало, божественный духъ — отъ нестреманно видятъ въ немъ истину, пренудрость, разумъ, справедливость, держаще и побуждающе материальную сторону существованія. Вѣра въ мироустройство Провидѣнія устраняетъ возможность вернуться въ неустройство и случайность.

Долго обитавъ въ началенъ согласіи съ природою, съ міромъ естественнаго челоука не могъ; онъ носилъ въ себѣ зародыша, который, развиваясь, долженъ былъ, какъ химическая реакція, разложить его дѣтели-гармоническое существованіе съ природою; природа, какъ внешний міръ, не могла быть для него цѣлью (въ лажелюхъ религиозномъ порывѣ, человекъ стремился выйдти отъ естественнаго міра къ міру, царящему надъ всеми явлениями). Животное никогда не расщепляется съ природою: это послѣднее невозможнаое сочетание развитія жизни индивидуальной съ общей жизнью природы; двойственная натура человека именно въ томъ, что онъ, сверхъ своего естественнаго божія, не можетъ не стать отрицательнымъ къ божію; онъ расщепляется не только съ внешней природою, но даже съ самимъ собой; онъ растеряемость изучитъ его; это изученъ гонитъ его впередъ. Выступитъ избути слабости и ненуренія, когда тѣла и что-то стремимое въ осподъ противорачіи съ природою — подавляютъ челоука, и онъ, своего тѣла, чтобы идти въ святыхъ указаніяхъ перста истины, садится укорыный на колѣноръ, отараетъ провалыи шотъ и ставитъ золотое шандою на бласную ногу, но ложную. Онъ обманываетъ себя — тѣмъ, самъ тѣло отбываетъ отъ; но, какъ башенный Отелло, онъ, съдѣланный женою, отбываетъ, умоляетъ солгать ему: Чтобы уфимать отъ челоука, можноймъ, стремитъ въ развѣдываніи съ божественнаго міромъ, челоука; Гоголь

погружаться въ грубѣйшій эстивацъ, лишь-бы найденъ возлюбленную особу, съ которою сочетать свою индивидуальную жизнь—только не быть чуждымъ въ міра и оставленнымъ на себя. Такъ всякаго рода отдаленность и отъяснъ прогнаны всемірному порядку.

Какъ-только человекъ распался съ природою, у него должна была возникнуть потребность *амали*, потребности втораго условія и поперенія единичности. Разумѣется, нельзя себя представить, чтобъ теоретическая потребность вѣдѣнія отчужденно велаась уму людей; нѣтъ, они и до насъ остались естественнымъ мактеломъ. Темное сочувствіе и часто-практическое отношеніе—недостаточно мыслящей натуре человека; онъ какъ растеніе, куда его ни посади, все обернется къ свету и потянется въ плени; но онъ тѣмъ не похожъ на растеніе, что оно тавится и наконецъ не можетъ достигнуть до желанной цѣли, потому-что садикъ вне его—а разумъ человека, освѣщающій его,—внутри, и ему собственно не тавиться надобно, а сосредоточиться. Сначала человекъ не подозреваетъ этого, и если разумность его провидитъ возможность истины, то онъ далекъ отъ сознанія путей; онъ не свободенъ для пониманія; густыя тучи животной непосредственности еще не распались; фантастическіе образы сверкаютъ въ нихъ—но на святомъ пути до сознанія дѣлится; чтобъ дойти до него, человекъ долженъ отречься отъ себя, какъ личности, и понять себя родомъ. Ему надобно слышать съ собою то, что онъ словомъ своимъ совершилъ надъ природою, т. е. обобщить себя. Мало того, что человекъ идетъ далее животныхъ, немалая самобытнуу заминутость своего я: я есть подтвержденіе, сознаніе своего тождества съ собою, еніе души и тѣла, какъ противоположныхъ, единствомъ личности—на этомъ остановиться нельзя: надобно водить вышнее единство рода съ собою. Это единство начинается поглощеніемъ лица, какъ частности, и испуганный человекъ стремится, напутствуемый логичнымъ чувствомъ самоохраненія, удержать себя, и истинно ставить свое лицо; подтверждая только свое тождество съ собою, человекъ непрерывно распадается со всею вселенной, со всемъ тѣмъ, что онъ чувствуетъ безпринадлежающимъ своему я. Это неминуемое, мучительное послѣдствіе логического эгоизма. И съ него собственно начинается логическое движеніе, стремящееся выйти изъ скербнаго распада; оно возвращаетъ человека изъ этой антиноміи къ гармоніи—но уже не тѣмъ, каковыи онъ былъ. Человекъ начинается съ непосредственнаго признавія единства бытія съ созерцаніемъ и означиваетъ вѣдѣніемъ единства бытія и мышленіемъ. Распаденіе человека съ природою, какъ вбываемый дѣвъ, разрываетъ мало-по-малу все на противоположныя части, даже самую душу человека—это *divide et impera* логика—путь къ истинному, и въ тому сочетанію раздвоеннаго.

Мы вѣдали, что человекъ все встраченное имъ, все данное чувствительной достоверностью, опытомъ—отвлечь отъ переходности, отъ усномъ вапцой односторонности своимъ словомъ. Человекъ называетъ только всеобщее—частность единичную, случайную, ему онъ не можетъ не знать: для нея онъ долженъ употребить назное средство—узнать-паче. Предметъ знавія съ самаго начала, таковыи образомъ, отдаленно

отъ непосредственнаго бытія и сохраняетъ свою высушность относительно мышленія уже какъ обобщенный, Этотъ обобщенный предметъ составляетъ непосредственность *второго* жарядка; человекъ понимаетъ чуждость его и стремится расчлустить возродившійся предметъ, втаспешный ему опытомъ; онъ хочетъ узчаты его, содлелъ съ него вторую непосредственность и равно не сомнвается ни въ его чуждсти, ни въ своей возможности понять его какъ онъ есть. Когда явилась потребность узчаты предметъ, то очевидно, что разузаніе уже считадо его чуждымъ себя; это предположеніе незнанія; на чемъ же основывается достовѣрность знанія, возможность его, когда предметъ совершенно намъ чуждъ? Это два предположенія несомнатныя, по-крайней-мѣрѣ не обуславливающія другъ друга. Вы можете пазвать даже аллогизмомъ эту врожденную вѣру въ возможность истиннаго вѣдѣнія, идущаго рядомъ съ вѣрою въ чуждость природы; но не забудьте, что въ этомъ аллогизмѣ лежалъ протестъ противъ отчужденія природы, снудательство, что оно не въ-самомъ-дѣлѣ такъ, залогъ будущаго примиренія. Исторія философіи — повесть, какъ этотъ аллогизмъ разришился въ высшей истинѣ. При началѣ логическаго процесса, предметъ остается страдательнымъ и выступаетъ лицо, трудящееся надъ нимъ, посредствующее его бытіе съ своимъ умомъ, озбоченное удержать предметъ кадинъ онъ есть, не вовлекая его въ процессъ знанія; но конкретный, живой предметъ его уже оставилъ, у него передъ глазами отвлеченія, тѣла, а не живыя существа, онъ старается мало-по-малу придать все недостающее абстракціямъ, но онъ долго остаются такими, непрерывно указывая ему своими недостатками дальнѣйшій путь. Этотъ путь намъ легко уже прослать въ исторіи философіи.

Стать ли говорить что-нибудь въ опроверженіе плоскаго и нелппаго мнѣнія о безсвязности и шаткости философскихъ системъ, изъ которыхъ одна вытаскиваетъ другую, все всѣмъ противорчатъ, и каждая зависитъ отъ личнаго произвола? — Нѣтъ. У кого глаза такъ слабы, что за наружной формой явленія они не могутъ разглядѣть просвѣчивающее внутреннее содержаніе, не могутъ разглядѣть за видимымъ многообразіемъ — невидимое единство, тому, что ни говори, исторія науки будетъ казаться сбродомъ мнѣній разныхъ мудрецовъ, разсуждающихъ каждый на свой салтыкъ о разныхъ поучительныхъ и наставительныхъ предметахъ и имѣвшихъ скверную привычку непременно противорчатъ учителю и браниться съ предшественниками: это атомизмъ, матеріализмъ въ исторіи; съ этой точки зрѣнія не одно развитіе науки, а вся всемірная исторія кажется дѣломъ личныхъ выдумокъ и страннаго сплетенія случайностей — взглядъ анти-религіозный, принадлежавшій нѣкоторымъ изъ скептиковъ и недоученой толцѣ. Все сущее во времени имѣетъ случайную, произвольную закравну, выпадающую за предѣлы необходимаго развитія, не вытекающую изъ понятія предмета, а изъ обстоятельствъ, при которыхъ оно одѣйствовормется; только эту закравну, эту перехватывающую случайность и умють разглядѣть нѣкоторые люди, и рады, что во вселенной такой же беспорядокъ, какъ въ ихъ головахъ. Ни одинъ натянокъ не удовлетворяетъ общей форму-

ль, которая выражаетъ законъ его размаховъ, ибо въ формулу не вводится случайный вѣсъ пластинки, на которой онъ виситъ, ни случайное треніе; ни одинъ механикъ, однако, не усомнился въ истинѣ общаго закона, снявшаго въ себя случайныя возмущенія и представляющаго вѣчную норму размаховъ. Развитие науки во времени сходно съ практическимъ маятникомъ — оптомъ оно совершаетъ нормальный законъ (который здѣсь во всей алгебраической всеобщности дается логикой), но въ частностяхъ вездѣ видны видоизмѣненія временныя и случайныя. Часовщикъ-механикъ можетъ съ своей точки зрѣнія, не забывавъ о треніи, имѣть въ виду общій законъ, а часовщикъ-работникъ только и видитъ беззаконное отступленіе частныхъ маятниковъ. Разумается, что историческое развитіе философіи не могло имѣть ни строгой хронологической послѣдовательности, ни сознанія, что каждое вновь являющееся воззрѣніе—дальнѣйшее развитіе прежняго. Нѣтъ, тутъ было широкое мѣсто свободѣ духа, даже свободѣ личностей, увлеченныхъ страстями; каждое воззрѣніе являлось съ притязаніемъ на безусловную, конечную истину—оно отчасти и было такъ въ отношеніи къ данному времени; для него не было высшей истины, какъ та, до которой онъ достигъ; еслибъ мыслители не считали своего понятія безусловнымъ, она не могли бы остановиться на немъ, а искали бы иное; наконецъ, не надобно забывать, что всѣ системы подразумевали, провидѣли гораздо болѣе, нежели высказали; неловкій языкъ ихъ измѣнилъ имъ. Свѣтъъ сказаннаго, каждый дѣйствительный шагъ въ развитіи окруженъ частными отклоненіями; богатство силъ, броженіе ихъ, индивидуальности, многообразіе стремленій проростають, такъ-сказать, во всѣ стороны; одинъ избранный стебель влечетъ соки далѣе и выше—но современное сосуществованіе другихъ бросается въ глаза. Искать въ исторіи и въ природѣ того высшаго и внутренняго порядка, который выработываетъ себя чистое мышленіе въ своемъ собственномъ элементѣ, гдѣ внешность не препятствуетъ, куда случайность не восходитъ, куда самая личность не принята, гдѣ нѣчему возмутить стройнаго развитія — значить вовсе не знать характера исторіи и природы. Съ такой точки зрѣнія, разные возрасты одного лица могутъ быть приняты за разныхъ людей. Посмотрите, съ какимъ разнообразіемъ, съ какою разметанностью во всѣ стороны животное царство восходитъ по единому первообразу, въ которомъ исчезаетъ его многообразіе; посмотрите, какъ каждый разъ, едва достигнувъ какой-нибудь формы, родъ разсыпается во всѣ стороны едва-исчислимыми варьяціями на основную тему, нѣвые виды забѣгаютъ, другіе отлетаютъ, третьи составляютъ переходы и промежуточные звѣнья, и весь этотъ безпорядокъ не скрываетъ внутренняго своего единства для Гёте, для Жюзефа Сент-Илера: онъ только непонятенъ для неопытнаго и поверхностнаго взгляда.

Впрочемъ, даже и поверхностный взглядъ въ развитія мышленія найдеть собственно одинъ разрывъ и трудно-понятный переломъ: мы говоримъ о переходѣ древней философіи въ новую; ихъ сочлененіе схоластикой, ихъ необходимое соотношеніе не бросается въ глаза, — въ этомъ признаться надобно; но если мы допустимъ (чего вовсе не было), что

Гула было обратное явление, можно ли отрицать, что вся Древняя философия — одно замкнутое, художественное произведение целостности и стройности поразительной? Можно ли отрицать, что, в своем отношении, философия позднейших времен, рожденная из расторгшей и двучастной жизни средних веков и повторявшая в себе эту расторгнутость при своем появлении своем (Декарт и Бэкон), правильно устремилась на развитие до последней крайности обоих начал, и, добившись до конечного слова их, до грубейшего материализма и отвлеченнейшего идеализма — иными и величественно возшла на свитие двучастия человеческого бытия? Древняя философия пала оттого, что пришла к крайности никогда не разведавшей ее мироздания, оттого, что она не выдала всей сладости и всей горечи страдания, не знала всей мощи духа человеческого, сосредоточенного на себе, в одном, себе. Новая философия, сь своей стороны, была лишена того реального, живого, светлого, обнимающего форму и содержание античного характера: она теперь начинает приобретать его — и в этом смысле она развивается на-самом-деле их единство, оно обличается в самой недостаточности их друг без друга. Одна истина занимала все философия, во все времена; ее видели сь разных сторон, выражая розно, и каждое совершение сделалось школой, системой. Истина, проходя радужным единством определений, многосторонно определяется, выражается яснее и яснее; при каждом столкновении двух воззрений, отпадает плева за плевою, скрывающая ее. Фантазии, образы, представления, которыми старается человек выразить свою запредельную мысль — летучиваются, и мысль мало-по-малу находит тот глаголь, который ей принадлежит. Нет философской системы, которая имела бы наивысшую истинную ложь или неправду; начало каждой — действительный момент истины, сама безусловная истина, но обусловленная; ограниченная односторонним определением, нестерпяющим ее. Когда истинная система, имевшая корни в развитии, имевшая свою школу и известие в основании — будьте так столько полны благочестия и уважения к разуму, чтобы, прежде осуждения, посмотреть не на формальное выражение, а на смысл, в котором сама школа принимает свое начало; в вы непременно найдете — одностороннюю истину, а не совершенную ложь. Оттого каждый момент развития науки, проходя, как односторонний и временный, непременно оставляет за собой наследие. Частное одностороннее воззрение и умирание у подножия науки, идущая в нее, возмат для себя, слышная от ее свое истину. Предание мышления в том и состоит, чтобы развивать вечно развивающегося!

В следующем письме договорим о Греции. Эпиграфом к греческому мышлению прекрасно служить изречение Протагора: Человек — марио всем вещам: в нем оправдание, почему он чувствует и не-сущее не существует.

Село Покровское.
 Августа 1844 г.

Прилагаю къ этому письму небольшую статейку Гёте; она писана 1780 году; лѣтъ черезъ двадцать, Гёте замѣчаетъ, что мысли, вложенныя въ ней, слишкомъ юны; ему, охлажденному лѣтами, не нравились болѣе-восторженный языкъ, необузданность некоторыхъ выраженій. Именно эта восторженность заставила меня избрать ее образцомъ художественнаго глубокомыслия Гёте: трепеть сочувствія къ жизни, къ живому пробѣгаетъ по всемъ строкамъ, каждое слово дышетъ любовью къ бытію, упоеніемъ отъ него. Судите сами.

«Природа! Окруженные и охваченные ею, мы не можемъ ни выйти изъ нея, ни глубже въ нее проникнуть. Непрошенная, нежданная, захватываетъ она насъ въ вихрь своей пласки, и несетъ съ нами, пока утомленные, мы не выпалаемъ изъ рукъ ея.

«Она творитъ вѣчно-новыя образы; чтò есть въ ней, того еще не было; чтò было, не будетъ; все ново, — а все только старое. Мы живемъ посреди ея, но чужды ей. Она вѣчно говоритъ съ нами, но тайны ея не отираются. Мы постоянно действуемъ на нее, но нѣтъ ни власти надъ нею никакой власти.

«Кажется, все основываетъ она на личности, но ей дана нѣтъ ни лица. Она вѣчно творитъ и вѣчно разрушаетъ, но мастерская ея недоступна. Она вся въ своихъ чредахъ, а сама матеръ, гдѣ же она? — Она единственный художникъ: изъ простѣйшаго вещества творитъ она противоположнѣйшія произведенія, безъ малѣйшаго усилія, съ величайшимъ совершенствомъ, и на все кладетъ какое-то каждое невыразимо. У каждаго ея созданія особенная сущность, у каждаго дѣланія отдельное понятіе, а все одно.

«Она даетъ дивное зрѣлище: видитъ ли она его сама, не знаетъ, но она даетъ для насъ, — а мы, незамеченные, смотримъ изъ-за угла. Въ ней все живетъ, совершается, движется, но впередъ она не идетъ. Она вѣчно манется, и нѣтъ ей ни на мгновеніе покоя. Чтò такое оставило — она не вѣдаетъ, она положила проклетіе на всякій покой. Она тверда, шаги ея намѣрены, уклоненія ради, законы непреложны. Она непрерывно думала и мыслить постоянно — но не какъ человекъ, а какъ природа. У ней свой собственный, всеобъемлющій смыслъ, но никто не можетъ его подмѣтить.

«Вся люди въ ней и она во всехъ. Со всеми дружелюбно ведетъ она игру, и чѣмъ больше у ней выплывають, тѣмъ больше она радуется. Со многими такъ скрытно она играетъ, что незаметно для нихъ является игра.

«Даже въ неестественномъ есть природа, на самомъ грубомъ флиртѣ есть ласкитъ печатъ ея генія. Кто не видитъ ея повсюду, тотъ нигдѣ не видитъ ея лицомъ-къ-лицу. Она любитъ себя безчисленными сердцами и безчисленными глазами глядитъ на себя. Она разчленилась для того, чтобъ наслаждаться собою. Ненасытимо стремится передаться, осуществиться, она производитъ все новыя и новыя существа, способныя къ наслажденію.

«Она радуется мечтамъ. Кто разбиваетъ ихъ въ себя или въ другихъ, того наказываетъ она, какъ страшнаго злодѣя. Кто ей дозвѣчно слѣдуетъ, того она прижимаетъ, какъ любимое дитя, къ сердцу.

«Натъ числа ея дѣтямъ. Ко всѣмъ она равнощедра; но у нея есть любимцы, которымъ много она расточаетъ, много приносить въ жертву. Великое принимаетъ она подъ свой покровъ.

«Изъ ничтожества выплескиваетъ она свои созданія и не говоритъ имъ, откуда они пришли и куда идутъ. Они должны идти: дорогу знаетъ она.

«У ней мало стремленій, но они вѣчно-дѣлательны, вѣчно-разнообразны.

«Зрѣлице ея вѣчно-ново, ибо она непрестанно творитъ новыхъ созерцателей. Жизнь — ея лучшее изобретеніе; смерть для нея средство для большей жизни.

«Она окружаетъ человека мракомъ и гонитъ его вѣчно къ свѣту. Она приковываетъ его къ землѣ и стравываетъ его снова.

«Она даетъ потребности, ибо любитъ движеніе, и съ непонятною легкостью возбуждаетъ его. Каждая потребность есть благодѣяніе, быстро удовлетворяется и быстро опять возникаетъ. Много новыхъ источниковъ наслажденія въ земныхъ потребностяхъ, которыя даетъ она; но все опять приходитъ въ равновѣсіе. Каждое мгновеніе она употребляетъ на достиженіе далекой цѣли, и каждую минуту она у цѣли. Она — само тѣлесловіе, но не для насъ — для насъ она святѣйша.

«Она позволяетъ всякому ребенку мудрить надъ собою; каждый глупецъ можетъ судить о ней; тысячи проходятъ мимо ея и не видятъ; всѣми она любитъ и со всѣми ведетъ своей расчетъ. Ея законы повинуются даже и тогда, когда имъ противоречатъ; даже и тогда дѣйствуютъ согласно съ ней, когда хотятъ дѣйствовать противъ нея. Всякое ея дѣяніе благо, ибо всякое необходимо; она медлитъ, чтобъ къ ней стремились; она спешитъ, чтобъ ею не насытились.

«У ней нѣтъ рачей и языка; но она создаетъ тысячи языковъ и сердецъ, которыми она говоритъ и чувствуетъ.

«Вѣнецъ ея — любовь. Любовью только приближаются къ ней. Бездѣнь положила она между созданіями, и всѣ созданія жаждутъ слиться въ обществѣ объятій. Она разобщила ихъ, чтобъ опять соединить. Однимъ прикосновеніемъ устъ къ чашѣ любви искупаешь она цѣлую жизнь страданій.

«Она все. Она сама себя и награждаетъ, и наказываетъ, и радуется, и мучитъ. Она сурова и кротка, любитъ и ужасаетъ, немощна и всемогуща. Все въ ней непрестанно. Она не выдаетъ прошедшаго и будущаго; настоящее ея — вѣчность. Она добра. Я славословлю ее со всѣми ея дѣлами. Она премудра и тиха. Не вырвешь у ней признанія въ любви, не выманишь у ней подарка, развѣ добровольно подарить она. Она хитра, но только для доброй цѣли, и всего лучше не замечать ея хитрости. Она цѣлостна и вѣчно-недокончена. Какъ она творитъ, такъ можетъ творить вѣчно.

«Каждому делается она в особенном виде. Она оживляет души, свято именъ и названий, и все одна и та же».

«Она ввела меня въ жизнь, она и уведеть. Я доверяю ей. Пусть он думает со мной, что хочет. Она не возненавидеть своего творения, и ничего не сказать о ней. Она уже сказала, что истинно и что ложно. Все ея вина и ея заслуга».

— А ты...

— А...

— А...

— А...

— А...

— А...

— А...

— А...

— А...

— А...

— А...

— А...

— А...

— А...

— А...

— А...

— А...

— А...

АНГЛИЙСКАЯ ИНДІЯ ВЪ 1845 ГОДУ.

(Статья третья и последняя).

Общая статистика Индіи. — Пространство и население. — Военная система. — Общественная организация Английской Индіи. — Духовенство и торговое сословіе. — Еврейцы, туземцы, мусульманы, Индусы. — Свободное Индію въ отношеніи къ имперіальному владѣтельству. — Свободныя владѣнія, съ настоящими. — Надежды въ будущемъ. — Заключеніе Англичанъ въ отношеніи нравственного и умственного совершенствованія Индіи. — Настоящее религиозное состояніе этой страны. — Шатки вѣдомъ Английскаго владѣтельства въ Индіи; возможность ихъ завоеванія.

Теперь, когда мы заглянули во всю клятку огромной политической шахматной доски Индіи, было бы очень любопытно имѣть вѣрную цифру населенія каждой изъ нихъ и общую сумму этихъ цифръ. Но, къ несчастію, данныя для этого труда не всегда полны и не всегда равны достоверны. Въ настоящемъ случаѣ, лучшимъ руководителемъ въ этомъ отношеніи можетъ служить Монтемери-Мартиль (*).

Въ Мадрасскомъ Президентствѣ, на 135,604 кв. м. считается 16,519,887 жителей; въ Бенгальскомъ, на 158,799 кв. миль — 39,957,561 душа; въ северозападныхъ областяхъ, на 82,417 кв. м. — 33,386,816; въ Бомбейскомъ Президентствѣ, на 68,074 кв. м. — 6,940,277 душъ.

Въ областяхъ Нербудды, странахъ, уступленныхъ берарскимъ радѣмъ въ 1826 г., въ Арраканѣ и другихъ, пространство которыхъ состоитъ изъ 408,700 кв. миль, народонаселеніе точно неизвѣстно. Приблизительно, полагая по 80 человекъ на квадратную милю, мы получимъ населеніе въ 8,696,000 душъ. Такимъ-образомъ, въ непосредственныхъ владѣніяхъ компаніи, на 547,587 кв. миляхъ живетъ народонаселеніе, состоящее изъ 105,500,531 души.

Подкореніе Синда присоединило къ этимъ объемамъ суммамъ 40,000 кв. миль и миллионъ населенія.

Что касается до государствъ союзныхъ, вассальныхъ и платящихъ дань, то въ нихъ эти статистическія цифры могутъ быть опредѣлены только приблизительно, такъ-какъ въ нихъ не собиравлось и не соби-

(*) History of the British Colonies, 1835.

рается никакихъ официальныхъ свѣдѣній. Въ нихъ надо полагать до 52,700,000 жителей на 540,000 кв. миль (*).

И такъ, общая сумма населенія, живущаго въ естественныхъ пределахъ Индуставы, т. е. между Индомъ, Гималаемъ, океаномъ и Арраканскими-Горами, простирается приблизительно, на большую мѣру, до 158,000,000 душъ.

Не смотря на недостатокъ энергій въ народахъ Индїи и на старыя политическія и релігіозныя вражды, ихъ разделяющія, прочность порядка вещей, введенію англійскаго владычества, должна быть въ особенности приписана присутствію войска, котораго настоящее устройство, совершенное во многихъ отношеніяхъ, есть результатъ долгой опытности и глубокаго изученія характера туземцевъ и служебныя требованія. Систему этой милиціи, столь чудно приспособленной къ местнымъ обстоятельствамъ, мы попытаемся изложить въ возможной ясности и краткости.

Говоря о войскахъ, надо обращать вниманіе на его численную силу, организацію и качество.

Каждое изъ президентствъ, какъ мы уже замѣтили, имѣетъ свою собственную армію, въ полноту организованную и предводительствуемую особымъ главнокомандующимъ; однакожъ, предводитель бенгальскаго войска есть вмѣстѣ съ тѣмъ и главнокомандующій всѣхъ трехъ армій, которыя въ совокупности составляютъ индїйскую армію.

Представляемъ свѣдѣнія о количествахъ военныхъ силъ въ различныхъ эпохи.

Въ 1826 году (по донесеніямъ Уальтера Гамвалтона):	
Королевскія войска (пѣхота и кавалерія)	21,934
Три европейскія полка конницы	3,600
Артиллерія (европейская и туземная)	15,789
Инженеры (Европейцы и туземцы)	4,576
Туземная кавалерія (регулярная и нерегулярная)	26,094
Туземная пѣхота (регулярная и нерегулярная)	230,819
	Всего 302,797

Вычтя изъ этой послѣдней цифры нерегулярную пѣхоту въ числѣ	39,000
Инвалидовъ	12,000

Итого 51,000

мы получимъ число регулярной туземной пѣхоты около . . . 180,000

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ сэромъ Анри Гердианджемъ, въ его рѣчи, произнесенной, въ мартѣ 1838 г., въ Нижней-Палатѣ парламента, число индїйской арміи простиралось въ 1826 г. до:

Европейцевъ	30,879
Туземцевъ	260,379
	Всего 291,148

(*) См. 3 стр. книги графа Бюрингштерна. Мы были подъ рукою нѣмецкїи переводъ этого превосходнаго сочиненія: Das Britische Reich in Ostindien. — Stockholm, 1839.

Разница съ прежде-приведеннымъ итогомъ есть только видими. Сэръ Гердинджъ, говоря о дѣйствующей арміи, не включаетъ туда инвалидовъ, которыхъ число обыкновенно простирается отъ 10 до 12 тысячъ человекъ, которые Гамильтонъ причислены къ мѣсто. Въ 1830 году, всего войска считалось (безъ инвалидовъ) 213,856 (*).

Въ 1837 году, общій итогъ арміи представляеть новое уменьшеніе. Сэръ Анри Гердинджъ, въ своей рѣчи, считаеть:

Европейцевъ	30,340
Туземцевъ, регулярныхъ и нерегулярныхъ (не считая инвалидовъ)	150,000
Всего	180,340

Весьма-замѣчательно, что мы находимъ здѣсь такое же число Европейцевъ на сто-восьмидесятитысячную армію, какое въ 1826 году на армію трехсоттысячную. Слава сипаи значительно упала, и онъ очень-много потерялъ во мнѣніи правительства.

Во время войны съ Афганистаномъ, число войска значительно возрасло.

Европейцевъ прибыло	20,207
Туземцевъ	86,480
Всего прибыло	109,747

Присоединивъ это число къ числу войска въ 1837 году. 180,340,

мы получимъ уже итогъ въ 290,087

Съ инвалидами же, которыхъ надо положить по-крайней-мѣрѣ 13,000

Всего, значитъ, было до 303,087 человекъ,

Такимъ-образомъ, войско, въ концѣ 1842 года, достигло того же числа, которое оно имѣло въ 1826 году, но съ тою существенною разницею, что на равное число войска приходилось пятьдесятъ тысячъ Европейцевъ вмѣсто тридцати. Это новое паденіе сипаевъ въ общественномъ мнѣніи заставляетъ призадуматься, когда знаешь умасныя издержки, которыя влечетъ за собою употребленіе европейскихъ войскъ.

Военный бюджетъ англійской Индіи въ 1842 году былъ слишкомъ 340 милліоновъ рубль. Еще надо замѣтить, что въ это число не включены издержки по войнѣ съ Китаемъ, которая касалась одной провинціи, и которой издержки приняты ею исключительно на свой счетъ. Такимъ-образомъ, жалованье и содержаніе пяти европейскихъ полковъ и трехъ компанейскихъ батальоновъ, употребленныхъ противъ Каштона и Нанкина, были возвращены совету директоровъ въ Англій.

Понятно, что финансы Индіи, каково бы ни было ихъ состояніе, не могутъ долго выдерживать подобныхъ издержекъ. Такимъ-образомъ, по заключеніи мира, немедленно было приступлено къ уменьшенію войска: распущено 55,255 туземцевъ; европейскихъ же полковъ отправа-

(*) Общій итогъ значительно уменьшился. Между-тѣмъ, число Европейцевъ увеличилось: ихъ считалось 33,971 человекъ. Это увеличеніе въ-особенности произошло въ артиллеріи. Важнейшее уменьшеніе произведено въ туземной пѣхотѣ, регулярной и нерегулярной, но особенно въ стрѣлкахъ сипаевъ.

не обременяла бы. А именно только три. И. е. только три таланта золота и три таланта серебра.

«Самые чрезвычайные и необыкновенные привады еще несколько словъ. Баррета о туземномъ солдате вообще, въ особенности же о пахотномъ, такъ называемомъ дикаи:

«Ихъ можно назвать своими» говоритъ Баррета: «смерть сына съ него предстала, на которой онъ возводитъ собственно разглагодествіемъ Абиджанъ, ввѣвшихъ къ тому очень-сильное побужденіе, чтобы сдѣлать привады на сиротъ сына, умалый привады, который какъ безобразный драконъ, охранялъ бы ихъ страну завоеваній, подобно салу Курьеръ».

«Сыны получаютъ хорошее жалованье: въ гарнизонъ семнадцать франковъ (*), на походъ двадцать-одинъ франкъ въ мѣсяць, изъ которыхъ они могутъ сберегать половину. Эта бережливость можетъ обезпечить содержаніе семейства, состоящаго изъ пяти или шести челоуекъ:

«Относительно здоровья, ничего не недостаетъ для его матеріальнаго комфорта и нравственнаго благосостоянія: больнои, снаи находятъ въ госпиталяхъ скорую и действительную помощь, и когда лихорадки, треморы или раны заставляютъ его оставлять службу, то въ отпуску онъ пользуется довольствомъ, заботами о немъ и уваженіемъ.

«Англійское правительство учредило два ордена за военные доблести, для награжденія ими офицеровъ, унтер-офицеровъ и солдатъ туземныхъ войскъ. Пенсіоны, соразмерный заслугамъ, всегда соединяются съ гонимъ и другими.

«Сыны подпадаютъ весьма-снисходительной дисциплинѣ, которая прилагается къ ево природы кроткой, важной, регулярной и трезвой. Онъ имеетъ одну волю, ему нравится сдѣлать заветія, рассказы сдѣлать, писать, баллады, въ сдѣлать размышленія, вдохновляемый въ него дѣломъ тѣмъ. Онъ угодитъ въ лагеря только для совершенія омовеній. Онъ не требуетъ только довести въ дѣйствіи оружіемъ, и только онъ скоро утверждается, умалый маневрировать, что онъ приобретаетъ невинность; ему достаточно для учения части утра, отъ семи до восьми часовъ. Если онъ не въ лагеря, то весь оставшій день принадлежатъ ему; онъ свободенъ располагать днѣ, и не употребитъ во всю своего часу. Нѣтъ войскъ, которыми бы прилагалась законность, но только она на квартирахъ. Если случится, что онъ или увидитъ на своемъ постѣ, или пожелалъ жены близкаго: воля евои: предметъ спора между силами. Это дати въ добрый дѣлу не своей: кротости, кротости, обязательныя и привады: евои въ евои: извѣдкамъ, днѣ-только она встрѣчаютъ въ евои: великую доброту, кроме того, убежденные въ безмѣрномъ прѣвосходствѣ Европейцевъ въ наука, физической силѣ, мужествѣ, хитрости, даже маги, потому-что они приписываютъ своимъ властелинамъ даже чародѣйство.

(*). Франкъ почти равняется въ дѣйствіи нашему рублю.

Индусовъ, обращенныхъ въ исламизмъ въ эпоху афганскихъ и монгольскихъ завоеваній, и, следовательно, находящихся вне касти (*out caste*) въ-отношеніи къ Индусамъ, но происходящіе отъ одного съ ними поколѣнія; въ нихъ всегда можно найти тотъ же типъ, то же физическое устройство, какъ и въ браманскихъ племенахъ.

«Кровные мусульмане, болѣе-сильные, болѣе-крѣткіе, происходящіе отъ Арабовъ, Персовъ или Татаръ, крайне-немногочисленны въ этой странѣ, и какъ мухаммеданскіе государи, утвердившіеся въ имперіи, естественно предпочитаютъ воиновъ изъ своего племени, исповѣдающихъ одну съ ними религію, то послѣдователи ислама всегда находятъ возможность опредѣляться къ этимъ владыкамъ. И если они имѣютъ хоть сколько-нибудь гордости и привязаній по своему рожденію, то предпочитаютъ эту службу, даже и менѣе-вознагражденную, службѣ у мусульманъ и кавира (невернаго). Отъ-того-то число ихъ въ англійскомъ войскѣ чрезвычайно-ограничено. И потому, чтобы опредѣлить воинскія качества регулярнаго войска, ихъ надо искать въ элементѣ индусскомъ. Во всей природѣ Индусовъ, въ ихъ приемахъ и рѣчахъ, есть какая-то робость, разслабленность, выражающаяся съ вернаго взгляда. Это слабое причинъ частію физическихъ, частію нравственныхъ. Умѣренность Индусовъ изумительна; они воздерживаются отъ всякой субстанціальной пищи, отъ мяса, отъ здоровыхъ напитковъ. Они напиваются до пьяна, но только вредными веществами: аракомъ, калиемъ, опиумомъ. Кроме-того, они живутъ въ ослабляющемъ климатѣ и несодержимо предаются чувственнымъ наслажденіямъ: отсюда это слабое сложеніе, бѣшь энергія, которое всякій передаетъ своему потомству еще болѣе-ослабленное, чѣмъ какими-то получили его отъ своихъ отцовъ. Лишешные мускулярной силы, Индусы, однакожь, вообще необыкновенно-гибкіи и ловкіи, и могутъ выносить продолжительное утомленіе. Индусскіе посланцы могутъ сделать пятьдесятъ миль въ день, въ продолженіи пяти или шести дней средю, и даже сильная больъ руконъ, въ случаѣ нужды, вынесутъ необыкновенныя марши. Сверхъ-того, это слабость, или вялость сложенія даетъ до-нѣльзя раздражительныя страсти и нравственныя способности Индіица; она дается источникомъ этихъ страшныхъ противоположностей, которыя изумляются ежeminутно. Индіецъ, который будетъ тридцать перемѣть хлыстомъ или кудломъ Баронейда, кинется, не поморщивъ бровей, подъ колеса тяжелой джагернаутской колесницы. Охота заставить его вынести самую сильную усталость; не смотря на свою обычную лѣнь, онъ будетъ преслѣдовать тигровъ и другихъ хищныхъ животныхъ съ жаромъ и терпѣніемъ, въ которыхъ никто не превзойдетъ его; даже на войнѣ, сильная оказываться, въ некоторыхъ особыхъ случаяхъ, храбрость, которой не рѣдъ дивились Англичане. Однакожь, эта храбрость, будучи побѣдою души надъ слабымъ тѣломъ, можетъ быть только индивидуальной; скажемъ болѣе, она можетъ быть только минутною. О туземцѣ можно въ-особенности коротко сказать: онъ былъ храбръ въ такой-то день.»

«Всмотритесь въ Индусовъ въ-отношеніи къ ихъ физическому устрой-

отцу, и вы не будете болѣе дивиться этой неуравновѣженности въ ихъ мужества. Вообще говоря, у нихъ красивыя черты, сами они пропорциональны, но члены ихъ щедушны и слабы, «ихъ грудь», говоритъ Жакмонъ, «узкая и слабая, представляется впадиною между передними выступившими плечами». Смотри на эти тонкія ноги, слабыя руки, неимѣющія никакого мускулярнаго развитія, убеждаешься, что они должны избѣгать борьбы одинъ-на-одинъ, что они должны въ-особенности страшиться померяться съ атлетическими пропорціями саксонскихъ или европейскихъ племенъ. Часто отрядъ изъ двадцати-пяти сиваевъ получаетъ приказаніе схватить одного какого-нибудь пьянаго Европейца, безоружнаго, тогда какъ они вооружены и палками и ружьями. Любопытно и смѣшно видѣть, какъ они со страхомъ приближаются къ нему, не осмѣливаясь иногда въ-продолженіе цѣлаго часа схватить виновнаго, хотя онъ едва можетъ стоять на-ногахъ; онъ идетъ-себя посреди ихъ, безпрестанно кулакомъ сваливая то того изъ нихъ, то другаго. Но лишь-только онъ зацепится за какую-нибудь неровность и упалъ, тогда всѣ, какъ львы, нападаютъ на него, сторицею воздаютъ ему за полученные удары, влѣжутъ его и влекутъ съ триумфомъ, совершенно-добровольные и еще трещащія отъ своей побѣды, какъ-будто имъ удалось укротить какое-нибудь хищное животное.

«Эта врожденная боязливость Индуса еще увеличивается суевѣрными страхами: его религія запрещаетъ ему оскорблять, а тѣмъ болѣе истреблять все, что имѣетъ жизнь, даже самыхъ послѣднихъ животныхъ; отъ-того онъ не можетъ и двинуться, не подвергаясь опасности совершить какое-нибудь невольное убійство. Этой картанъ, вѣроятно, противопоставить удивительныя исключенія, представляемыя особенно высшими кастами, Раджпутами, Гурками, Сейками и сѣверными горцами: но ни тѣ, ни другіе не имѣютъ вліянія на ряды регулярнаго войска. Жанский неправильно насчитываетъ тридцать тысячъ Раджпутовъ въ индійской арміи. Не считая полковъ иррегулярной кавалеріи и контингентомъ, еще болѣе иррегулярныхъ и которые находятся въ арміи, не приходится и 20 Раджпутовъ на полкъ; что же до Гурковъ, то ихъ можно найти не болѣе, какъ по три или четыре человека въ областныхъ отрядахъ, набранныхъ собственно для горской службы. Итакъ, за исключеніемъ около тридцати человекъ на батальонъ, все остальное принадлежитъ щедушнѣйшему поколѣнію человеческого рода—индусскому типу въ его обыкновенномъ развитіи.

«Въ сраженіи, сила идутъ за своимъ офицеромъ даже въ огонь; но всегда пронелькиваетъ мысль, въ которой они себя не даютъ лежнаго отчета, что офицеръ защититъ ихъ, что онъ будетъ биться за нихъ, и что онъ найдетъ какой-нибудь секретъ, чтобъ прогнать непріятеля и ихъ избавить отъ бѣды. Къ-тому же, на поляхъ сраженія въ Индіи, дѣла рѣшаются вообще на разстояніи пушечнаго выстрѣла; сиваю приходится дѣйствовать только на непріятеля, уже разбитаго картечью, бѣгущаго въ беспорядкѣ: тогда онъ въ своей серединѣ, удивительный храбрецъ съ тѣми, кто бьется; повсюду, гдѣ онъ находитъ мужественнаго противника, онъ провадетъ решительно.

«Посмотрите, на него во время афганской войны! По известіямъ, сообщеннымъ бомбейскими журналами, въ послѣднихъ битвахъ, предшествовавшихъ непосредственно общему возстанію страны, компанейскія туземныя войска ихъ изъ двадцати-трехъ разъ были разбиты семнадцать разъ, т. е. всюду, гдѣ въ передовыхъ рядахъ не было европейскихъ солдатъ для выдержанія натиска непріятеля. Когда бомбейская бригада отваживается освободить майора Брауна, запертаго въ Каунъ, когда, въ январѣ 1842 г., полковникъ Уильдъ пытается съ двумя бригадами Бенгальской арміи проникнуть чрезъ Киберь къ генералу Сэлю въ Джеллабадъ, мы видимъ, что въ томъ и другомъ случаѣ непріятель, не имѣющій никакой дисциплины, съ саблею въ рукѣ нападаетъ на синая, а тотъ бѣжитъ въ постыдный бѣгъ и покидаетъ своихъ офицеровъ, которые въ аррьергардѣ умираютъ, подставляя въ прикрытіе знаменъ свои груди или трупы; наконецъ въ знаменитомъ кабульскомъ отступленіи, въ январѣ 1843 г., если вѣрить свидѣтельству Саутера, капитана 44-го полка, почти единственнаго офицера королевскаго войска, спасшагося изъ кровавой сѣчи, начинавша съ третьяго дня похода, синая не сдвинула и ста выстреловъ: артиллерія и горсть Европейцевъ одни выдерживали ужасныя битвы, возобновлявшіяся при каждой прегрѣзѣ, а синая шла сзади, какъ стало барановъ, или садилась на окраинѣ дороги, чтобъ предаться милосердію непріятеля или умереть.

«Если были такъ много увѣрены въ синаю, то почему за этими пораженіями не слѣдовало непосредственно новое движеніе впередъ для того, чтобъ смыть съ войны пятно безчестія? Въмѣсто этихъ вторичныхъ попытокъ, что мы видимъ? Въ первомъ случаѣ, непосредственнымъ результатомъ была капитуляція: майоръ Браунъ получаетъ отъ великаго Душнаго непріятеля позволеніе удалиться, и нашествіе отходитъ отъ этой неукротимой страбы, которая только и производитъ, что скалы, на гверильясовѣ. После урока, понесеннаго полковникомъ Уильдомъ, должно было оставаться цѣлые два съ половиною мѣсяца подъ игомъ претерпѣннаго униженія; необходимъ былъ приходъ подкрѣпленія изъ восьми тысячъ человекъ, трехъ европейскихъ полковъ, изъ которыхъ одинъ кавалерійскій, многочисленной и прескрасной артиллеріи, чтобъ немножко ободрить синаевъ, не только тѣхъ, которые уже померялись съ непріятелемъ, но и вновь-пришедшихъ, пораженныхъ циническимъ страхомъ.

«Потребны были со стороны генерала Поллока въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ систематическія усилія для возстановленія нравственнаго духа синаевъ и для того, чтобъ можно было наконецъ предпринять движеніе впередъ. Это медленное усиліе было такимъ важнымъ дѣломъ, что сэръ Робертъ Пилъ считалъ приличнымъ, въ своей парламентской рѣчи, предложить благодарственный адресъ отъ націи генералу Поллоку за такой успѣхъ. Во всякомъ случаѣ, когда наконецъ генералъ рѣшился напасть на непріятеля, онъ поставилъ впередъ не пораженные полки, а — какъ и всегда бываетъ, — Европейцевъ, и эти ужасныя противники, противъ которыхъ поставлено было шесть-сотъ человекъ для того только, чтобъ потерпѣть стыдъ пораженія, были смяты и разсыяны, съ упомомъ, со стороны Англичанъ, десяти убитыхъ и нѣсколькихъ раненыхъ.

«Тяже пришлось нам въ честь славныхъ героическую защиту Армии нашей братьевъ Клейновъ, предводителствовавшихъ горстью Баронцевъ и тучею братьевъ; особенно приходила въ восторгъ отъ этого действительно удивительнаго подвига: когда у доведеннаго до высшей крайности, поблѣннаго гарнизона оставалось только несколько часовъ рая для поддержания своихъ силъ и энергій въ неравной битвѣ, епаня предводитель Клейну отдалъ весь рая Европейцамъ, а сами раялись довольствоваться только, въ которой онъ ваялся: это предложеніе было принято. Вая, правда, возвышенный примѣръ самоотверженія и оаярненія; но онъ не можетъ лучше всякихъ аргументовъ глубоко ублаженіе саянъ оаянъ въ томъ, что вся ихъ надежда была на Баронцевъ.»

Скажемъ наконецъ о содержаніи, определенномъ офицерамъ войска чинавъ. Главнокомандующій, независимо отъ жалованья по чину и подъ названіемъ экстраординарнаго содержанія, получаетъ около 180,000 руб. въ годъ; генералы получаютъ отъ 36 до 40 тыс. рублн, т. е. отъ 90 до 100 тыс. руб.; бригадиры около 60 тыс. руб.; полковники отъ 36 до 45 тыс. руб. (по оружію и разности между жалованьемъ на квартирахъ или на походы); майоры, отъ 17 до 27 тыс. руб.; капитаны, отъ 10 до 16 тыс. руб.; и подпоручики, прапорщики или порайеты отъ 7 до 7 тыс. руб.

Въ войска саянъ есть всегда по крайней мѣрѣ одинъ европейскій офицеръ въ каждомъ регулярномъ батальонѣ, и даже въ нерегулярныхъ корпусахъ есть полный штабъ, т. е. командиръ, его поручикъ, адъютантъ, квартирмейстеръ и докторъ, все пятеро изъ Англичанъ.

Флотъ въ Индіи, по возобновленіи партии, подверженъ значительному увеличенію. Бомбейское Провиданство, болле богаче въ этомъ отношеніи; имало въ послѣднее время только одна фрегата, десять корветовъ или поручицъ въострыхъ бригавъ и несколько транспортныхъ судовъ. Въ Бенгалѣ было бригавъ съ дванадцать изъ нихъ, которые делались разлазжать по устью Ганга и также между этими устьями и Нампутью. Наконецъ, въ Мадрасѣ, нать ничего подобнаго флоту. Но ваярденное правительство уже несколько лѣтъ старается расширять пароходы, какъ въ Нампуть, такъ и въ Бомбей, и далъ наладывать Индіи. Калькутта имало въ 1843 г. десять или дванадцать пароходовъ, по темъ купеческимъ. Бомбей имало шесть; теперь ихъ число оаянъ увеличилось; въ Индіи считается уже четыре парохода.

Европейское общество въ Индіи все исключительно состоитъ изъ людей административныхъ, военныхъ и купцовъ. Мы уже говорили о двухъ первыхъ элементахъ. Сказанное нами объ административномъ обществѣ останется чымъ-то неполнымъ, если мы забудемъ упомянуть послѣднюю изъ его ваянъ, и въ то же время одну изъ саянхъ саянншихъ: духовенство. До 1835 г., правительство обращало внимание на протестантство. Въ англійской Индіи считались три евангельства англиканской церкви, изъ которыхъ въ одной, въ Калькутты, въостроупитъ, а въ двухъ другихъ, въостроупитъ и въостроупитъ, въостроупитъ. Индіи въостроупитъ саяннхъ отъ востроупитъ.

Фрейштадт архиепископа; ежегодное его содержание простиралось до 50,000 рупий или 125,000 рублей; онъ живетъ въ великолѣпномъ дворцѣ; издержки на его ежегодные торжественныя раздѣлы по епископскимъ отношеніямъ на счетъ государственной казны. Епископы-суверены имѣютъ тѣ же привилегіи, но ихъ содержаніе состоитъ только изъ 25,000 рупий, около 60,000 рублей.

Съ 1835 года, назначены также три католическіе епископа; но какъ ихъ церковь не есть господствующая, то они и получаютъ чрезвычайное содержаніе. Разница особенно поразительна для инаго духовенства: такъ-образомъ, въ то время, какъ протестантскій пасторъ получаетъ въ мѣсяць 700 рупий, католическій священникъ, живущій въ одномъ съ нимъ мѣстѣ, получаетъ всего-на-все 120.

Итогъ большихъ жалованій чиновникамъ по гражданской части и протестантскому духовенству въ трехъ президентствахъ (включая сѣверную и западную области), простирался, въ 1828 году, до 50,000,000 рублей, и эта сумма была распределена между 1,306 человекъ, что составило среднимъ числомъ около 40,000 на каждого. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что компанія платитъ служащимъ у ней щедрѣе, нежели какое-нибудь европейское государство. Правда, это одно изъ важнѣйшихъ побужденій къ ревностной службѣ; но это побужденіе не должно быть единственнымъ: необходимо соревнованіе, которое бывасть только слѣдствіемъ конкуренціи; да и число служащихъ не должно быть до того ограничено, чтобъ обязанность каждого превосходила его силы.

Перейдемъ къ третьему элементу европейскаго общества въ Индіи, — элементу *торговому*: это послѣдній, потому-что въ этой странѣ изъ класса поселенцевъ, занимающихся промышленностью или земледѣліемъ. Этого класса не существуетъ, и очень легко-понять, почему. Во-первыхъ, ручная работа снизошла въ этой странѣ до такой низкой цѣны, что ни одинъ Европеецъ не можетъ здѣсь кормиться трудами рукъ своихъ: и въ-самомъ-дѣль, какъ можетъ онъ выдержать соперничество съ туземцемъ, которому ежедневное содержаніе обходится среднимъ числомъ копеекъ въ шестнадцать, и для котораго удовлетвореніе первѣйшихъ потребностей можетъ обойтись въ два съ половиною рупий (6 рублей 25 копеекъ) въ мѣсяць; и вслѣдствіе капиталистъ, имѣющихъ средства заготовить механическіе станки и паровыя машины, едва можетъ противоборствовать бѣдности, умеренности и терпѣливому труду индусскаго ремесленника. Онъ вскорѣ находитъ, что сдѣлалъ слишкомъ-малую спекуляцію и удаляется поскорѣе, слишкомъ-счастливымъ, если не потерявъ ничего.

Во-вторыхъ, произведенія земля стоить въ такой низкой цѣнѣ, что европейскій земледѣлецъ умеръ бы здѣсь съ голода подлѣ своего поля, потому-что и самый райотъ, неимѣющій и сотой доли его нужды, едва достигаетъ земледѣльцемъ столько, чтобъ содержать свою семью.

И такъ, какихъ же Европеецевъ находимъ мы въ этой странѣ, кромѣ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ? Нѣсколько журналистовъ истерично доводильно-хорошо обрабатываютъ свои дѣла; купцовъ, бабъ и вѣдь и особенно разводителей индиги. Эти послѣдніе для разведенія

или даются мильонерами въ несколько лѣтъ; въ томъ и другомъ случаѣ, они скоро исчезаютъ со сцены, одни, чтобъ наслаждаться въ Европѣ своимъ быстро-приобрѣтеннымъ богатствомъ, другіе, чтобъ найдти на своей родинѣ убажище, гдѣ бѣдность можетъ быть болѣе сносною.

Все сказанное относится къ английскимъ разводителямъ индиго, которые вообще вѣаютъ свое мѣстопробываніе въ Нижнемъ-Бенгалѣ, между Гугли (Hooghly) и Буррампутромъ. Близъ Бенареса есть также нѣсколько такихъ плантаторовъ, но по-большой-части Французовъ, пользующихся такими же привилегіями. Но ихъ плантаціи не такія огромныя заведенія, какъ у Англичанъ: онѣ стоѣтъ не болѣе, какъ 30,000 или 40,000 руній (отъ 75,000 до 100,000 рублей), между-тѣмъ, какъ бенгальскія стоѣтъ отъ 500,000 до 750,000 рублей. Но если эти предпріятія не такъ блестятельны, если они не приносятъ такихъ чрезвычайныхъ прибылей пропорціонально съ капиталами, за то они болѣе варны. Рѣдко случается, чтобъ послѣ двѣнадцати или пятнадцати лѣтъ труда, разводителя индиго на сѣверъ не составили себѣ порядочнаго состоянія. Какъ бы то ни было, ни одинъ изъ нихъ не остается на постоянное житье въ Индіи: ихъ цѣль—нажиться и какъ-можно-скорѣе возвратиться на родину. Этого непостояннаго населенія считается до 7,500 въ Бенгалѣ, въ западныхъ областяхъ и Арраканѣ; до 1,400 въ Мадрасѣ, и до 4,000 въ Бомбей; всего до 12,900 человекъ во всемъ Индустанѣ.

Что касается до племени, рожденнаго отъ смѣси европейскихъ завоевателей съ туземными племенами,—гѣлфкастовъ, метисовъ или мулатовъ, то ихъ нельзя причислить къ европейскому обществу, потому что это было бы горькою ироніею, судя по глупому предрасудку, который ихъ исключаетъ изъ этого общества, не обращая вниманія ни на воспитаніе, ни на какія нравственныя качества нѣкоторыхъ изъ нихъ. Имъ приходится безпрестанно испытывать униженіе въ-слѣдствіе различія цвѣта кожи. Они допускаются къ второстепеннымъ должностямъ по военному и гражданскому управленію, также къ мѣстамъ гарнизонныхъ и полковыхъ аптекарей. Ихъ считается до 40,000: это число чрезвычайно-незначительно въ-сравненіи съ числомъ рожденій: но, на-славу чаще пороки, нежели добрыя качества обонхъ племенъ, отъ которыхъ они произошли, гѣлфкасты, говоря вообще, соединяютъ въ себѣ все сладострастіе Индійца и всю страсть къ пьянству Англичанина, и это соединеніе доводитъ большее число изъ нихъ до безвоспроизведенія и преждевременной смерти.

Изъ этого, конечно, должно исключить тѣхъ молодыхъ людей-мулатовъ, которыхъ родственники посылаютъ въ Англію для полученія тамъ воспитанія. Не смотря на свое состояніе, часто значительное, это самыя жалкіе люди въ свѣтъ: это парія образованнаго общества; всѣ карьеры, доступъ во все семейства заперты для нихъ. Полныя знанія, чувства, просвѣщенія, имѣя самыя свѣтскія манеры, они чувствуютъ себя какъ-то не на мѣстѣ, какъ-то униженными предъ людьми, которые далеко-ниже ихъ по уму и образованію, но на которыхъ

не лежать почать отверженія. Ихъ легко можно заметить по стоянью по отъязку ихъ кони, сколько на ихъ дикой и угрюмой работѣ и по меланхолической кротости, возмущающей душу.

Посмотримъ на организацію индійскаго общества, чрезвычайно-многообразнаго въ своихъ подробностяхъ, но представляющаго два главные элемента, совершенно-различныя по своему происхожденію, существу и составу. Мы говоримъ объ элементахъ индусскомъ и мусульманскомъ, которые, какъ прощастью, разделяются двумя совершенно-различными религіями. Только на сѣверъ Индіи распространился индуизмъ; онъ былъ принятъ Патанами и Афганцами, предназначенными играть такую важную роль въ исторіи этой страны: нигдѣ въ нихъ мѣсть, и въ собственно-такъ-называемомъ Индустанѣ, онъ не сдѣлалъ никакихъ успѣховъ. Однакожъ, победоносныя войска татарскихъ и афганскихъ династій, даже и тѣ, которыя производили только простые вторженія въ Индію, оставили тамъ большое число мухаммеданъ, которыхъ вскорѣ прекраснѣйшій климатъ и богатство страны заставили забыть ихъ собственное отечество. Съ другой стороны, мухаммеданскіе государи, утвердившись въ имперіи, естественно должны были стараться привлечь къ себѣ воиновъ своего поколѣнія и своей религіи, которыми бы они могли болѣе доверять, и которые также были бы способны ослабленныхъ Индійцевъ выносить тягость войны. Это предпочтеніе всегда привлекало дальне рои персидскихъ, афганскихъ, арабскихъ и татарскихъ искателей приключеній, которые, устроивъ свою судьбу, обыкновенно по-большей-части оставались въ Индіи. Такимъ образомъ Индустанъ съ теченіемъ времени прибралъ себѣ мухаммеданское населеніе, состоящее изъ различныхъ племенъ и сохраняющее всегда свой иноземный характеръ. Ихъ считается теперь до шестнадцати миллионовъ душъ, которыя находятся относительно къ собственно-туземцамъ въ пропорціи 1 : 10. Даже и нынче, при всеобщемъ порабощеніи, эти два племени очень-мало смѣшиваются. Мухаммедане населяютъ по обыкновенію большіе города, торговыя мѣста, военные посты; но весьма-рѣдко ихъ можно встрѣтить въ значительномъ числѣ во внутренности страны, въ селеніяхъ.

Извѣстно, что мусульмане разделяются на двѣ секты, суннитовъ и шитовъ. Первая признаетъ трехъ первыхъ халифовъ законными преемниками пророка и признаетъ ихъ истолкованіе закона и ихъ преданія о заповѣдяхъ самаго Мухаммеда. Шиты, напротивъ того, отвергаютъ трехъ первыхъ халифовъ, какъ похитителей власти, принадлежащей по праву Алію, племяннику и четвертому преемнику Мухаммеда. Персы — шиты, все прочіе мусульмане татарскаго, афганскаго или индійскаго происхожденія — сунниты.

Красугольный камень общественнаго устройства Индійцевъ есть раздѣленіе по кастамъ, принимаемое за религіозный догматъ всеми священными книгами веры Брами — Ведами, Шастроми и Упаншадми. Это-то происхожденіе столь страннаго явленія объясняетъ намъ, почему оно могло сохраниться безъ значительнаго измѣненія въ продолженіи сшщдковъ 50 столетій!

По священной книге Индусовъ, Брами сотворилъ четыре породы людей, изъ которыхъ каждая образовала свою особую касту. Онъ создалъ первую изъ своей головы: касту брамановъ, которыхъ цѣль — направлять и просвѣщать родъ человеческій; вторую онъ создалъ изъ своей руки — кетри (katri): это каста кетриевъ, которые должны защищать ее; третью образовалъ онъ изъ своего чрева — (веси, vausias), и далъ ей назначеніе кормить людей; четвертая создана изъ ногъ (судры, sudras), съ тѣмъ, чтобъ служить и повиноваться другимъ кастамъ.

По этимъ священнымъ законамъ, однимъ браманамъ принадлежитъ право толковать священныя книги, и отъ-того они одни могутъ быть облечены въ санъ священства, недоступный для другихъ кастъ. Браманы, кромѣ того — врачъ, потому-что болѣзнь почитается наказаніемъ за какой-нибудь проступокъ; онъ судья, потому-что никто не знаетъ лучше его законовъ страны, которые все находятся въ священныя книгахъ, а истолковывать ихъ имѣетъ право одинъ онъ. Браманы, кромѣ того, могутъ, подобно кетриамъ, носить оружіе, или, подобно весіамъ, заниматься торговлею. Изъ этихъ различныхъ занятій брамановъ, происходятъ различные классы ихъ касты. Самый высшій есть классъ священниковъ; съ нимъ обходятся весьма-почтительно самые цари; ихъ имущества свободны отъ всякихъ налоговъ, сами они освобождены отъ телесныхъ наказаній, и убить брамана было бы самымъ ужаснымъ преступленіемъ. После долголетняго ученія, научась истолковывать Веды, браманы могутъ вступать въ бракъ. Весь день они проводятъ въ строгихъ обрядахъ: во множествѣ молитвъ, въ омовеніяхъ и жертвоприношеніяхъ. Они не смѣютъ есть вмѣстѣ съ человѣкомъ низшей касты, хотя бы то былъ царь; не смѣютъ убивать никакое животное, развѣ какъ при жертвоприношеніи, и вовсе не должны есть никакого мяса. Въ старости имъ предписано, или, по-крайней-мѣрѣ, введено въ обычай, удалиться въ уединеніе, чтобъ предаваться тамъ соверцательной жизни, чрезъ что только и можно достигъ величайшаго изъ блаженствъ, *нирами* (т. е. самопогруженія [absorption] въ высочайшей степени). У нихъ есть своя іерархія и строгая дисциплина, которая совершенно-необходима при множествѣ служащихъ брамановъ; такъ, напримеръ, въ Джагернаутѣ ихъ бываетъ не менѣе 3,000.

Весьма-замѣчательно, какъ эта каста во всей Индіи отличается отъ низшихъ кастъ красивѣйшимъ и болѣе-свѣжимъ цвѣтомъ кожи, болѣе-благородными чертами лица, и болѣе-красивымъ телосложеніемъ.

Вторая каста, кетрин, или каста воиновъ, измѣнилась въ своемъ видѣ — слѣдствіе часто-возобновлявшихся завоеваній Индіи. Она изъ касты превратилась въ цѣлое племя, которому, кромѣ военнаго дѣла, не чужды и мирныя занятія торговлею, земледѣіемъ и ремеслами. Законъ повелеваетъ кетриамъ слушать Веды, а не самимъ читать ихъ, тѣмъ менѣе въяснить. Они обязаны подавать милостыню, а отнюдь не принимать ее, избѣгать чувственныхъ наслажденій и жить просто, какъ привычно бою. За немногими исключеніями, все государи и знать Индіи принадлежатъ къ этой кастѣ.

Третья каста, весім, образуетъ промышленное, производительное сословіе: сюда относятся кушцы, ремесленники и земледельцы. Изъ нихъ каждый образуетъ особую отрасль цѣлой касты, а между собою они составляютъ многія подраздѣленія, которыя, въ классъ ремесленниковъ, соответствуютъ нашимъ цехамъ и гильдіямъ. Въ Бенгалѣ, гдѣ раздѣленіе по кастамъ наблюдается строже, нежели въ прочихъ частяхъ Индіи, эти подраздѣленія не смѣшаваются между собою браками, такъ-что золотыхъ-даль-мастерѣ, гончары и т. п. тамъ почти каждый образуетъ особенную касту.

«Судры» говорятъ Мену: «хорошо далають, служа браманамъ, потому кетріямъ, а потому и весіямъ. Если нѣтъ случая служить кому-нибудь изъ нихъ, то пусть занимаются какимъ-нибудь полезнымъ ремесломъ. Тотъ, кто вѣрно служитъ браману, при будущемъ переселеніи душъ перейдетъ въ высшую касту.»

Законы Мену допускаютъ между тремя высшими кастами смѣшанные браки, и то только при второмъ бракѣ мужчина высшей касты можетъ взять за себя жену низшей касты; напротивъ, женщина высшей касты отнюдь не можетъ выйти за мужа низшей касты. Судры могутъ заключать браки только между собою; смѣшеніе съ ними производитъ нечистую касту. Самые нечистые между всеми — паріи, которые болѣе образуютъ особое, само-по-себѣ существующее поколѣніе (не касту, ибо они стоятъ внѣ всѣхъ кастъ), нежели поцѣпаніе, происшедшее отъ смѣшанныхъ браковъ. На нихъ смотрятъ съ упасомъ: они живутъ внѣ городовъ и селеній, куда имъ позволено входить только за тѣмъ, чтобъ прибирать мертвые тѣла, казнить преступниковъ, и наконецъ отирать всѣ обязанности, считаемыя за самыя нечистыя. Униженіе паріи простирается такъ далеко, что самая его тѣнь, увидѣвъ на брамана, наноситъ ему безчестіе и требуетъ омовенія водами Ганга.

Черезъ брачныя смѣшенія касты наконецъ такъ умножились, что ихъ нынче въ Бенгалѣ считается до 84, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое особое имя и свое особенное занятіе.

Всего собственно-такъ-называемыхъ Индусовъ считается до шестидесяти милліоновъ душъ, населяющихъ Бенгалскую и Бенаресскую-Область, Сиркары и Карнатикъ: это племя щелушное, низженное и робкое, которое растетъ своей рисъ, сажаетъ табакъ, ждесть, когда созреетъ сахарный тростникъ и засыпаетъ въ своей нищетѣ, ни мало не заботясь о томъ, кто управляетъ Индією. Не смотря на такое значительное количество, это только часть огромнаго индусскаго поколѣнія, которое, независимо отъ кастъ, раздѣляется на многія вѣтви, различныя между собою по характеру, знанію и обычаямъ. Такимъ образомъ, въ противоположность съ расслабленными, лѣнивыми племенами, о которыхъ мы сказали, находятся другія храбрыя, воинственныя, полныя жизненныхъ силъ. Между ними первое мѣсто занимаютъ племена Пунджаба, Раджпутаны и горцы Неры, причисляющіе себя къ кастѣ кетріевъ; маратскія племена и пр. и пр. Такъ-какъ они раскинуты въ разныхъ мѣстахъ, перемѣшавшись съ другими народами,

то и трудно определить ихъ число; мы удовольствуемся нѣсколькими словами объ отличительныхъ чертахъ ихъ организаціи.

Если мы будемъ слѣдовать географическому распредѣленію, то, по сходъ съ южнаго склона Гималая, намъ представится впервые секта буддистовъ; ея вѣроисповѣданіе есть расколъ индусской религіи, изъ которой она признаетъ только второе воплощеніе Вишну. Ея послѣдователей считается до двухъ милліоновъ. За тѣмъ слѣдуетъ конфедерація Сейковъ, состоящая исключительно изъ земледѣльцевъ и воиновъ. Эти народы исповѣдуютъ ученіе, проповѣданное въ началѣ XVI столѣтія ихъ святымъ, по имени Нанек-Шахомъ. Это чистый девизъ, основанный на ученіи Браммы, но отвергающій идоловъ. Баба-Нанекъ, какъ его обыкновенно называютъ, проповѣдывалъ своимъ ученикамъ единство Бога, добрыя дѣла, миръ и вѣротерпимость. Его ученіе было собрано въ книгу, подъ заглавіемъ *Ади-Грунтъ* (Первая Книга). Чтнмый какъ первосвященникъ этой новой вѣры, онъ еще при жизни избралъ, для наследованія своей власти, одного изъ своихъ учениковъ исключительно передъ собственными своими дѣтьми. Эта религія не могла сохранить своей умеренности и своего человеколюбія посреди окружающаго ее отчаяннаго фанатизма; преслѣдованія, которымъ подверглись преемники Нанека со стороны мусульманъ, повлекли за собою существенныя измѣненія въ догматъ. Гуру-Говиндъ-Сингъ, десятый духовный вождь Сейковъ (въ концѣ XVII столѣтія), увѣрилъ своихъ послѣдователей, что миролюбивыя правила ихъ перваго законодателя несообразны съ ихъ существованіемъ: онъ заставилъ ихъ поклясться въ вѣчной враждѣ къ мусульманамъ. Вскорѣ часть мирнаго народа Сейковъ превратилась въ народъ воинственный; воины приняли имя синговъ или львовъ, между-тѣмъ, какъ земледѣльцы сохранили просто имя Сейковъ или учениковъ. Въ противоположность съ обычаями другихъ Индійцевъ, Сейки въ основаніи не допускали различія по кастамъ, или по-крайней-мѣрѣ не присвоивали имъ никакихъ привилегій. Эта секта болѣе важна по своей силѣ, вліянію, нежели по числу, потому-что по самой большой мѣрѣ въ ней считается не болѣе милліона единовѣрцевъ на четыре милліона подданныхъ.

Далѣе представляется Раджастанъ, или конфедерація раджпутская, которой территорія представляетъ почти подобіе средины Европы въ средніе вѣка. На высотѣ каждой горы находятся крѣпкіе замки, съ башнями и рвами. «Здѣсь» говоритъ графъ Біорнштіерна: «живетъ «благородный Раджапутъ, окруженный своими вассалами, подобно «сенъбрамъ феодальныхъ временъ. Онъ также околѣсываетъ мечомъ «молодаго пажа и провозглашаетъ его рыцаремъ. Свѣвъ на борааго «коня, онъ, съ щемомъ на головѣ, покрытый своимъ щитомъ и съ «конемъ въ рукѣ, идетъ ратовать противъ враждебнаго сосѣда, къ «которому наследственная ненависть можетъ быть утушена только въ «крови. Наконецъ, здѣсь также молодыя дѣвушки храбро гоняются за «тигромъ или съ важностью, въ замкѣ своего родителя, ухаживаютъ «за молодымъ воиномъ, раненнымъ въ бою.»

На берегахъ Нербуды, къ югу и востоку отъ Раджпутаны, живутъ Маратты, фанатическіе послѣдователи Браны, племя слабое и мелочное по-видимому, но полное жизненныхъ силъ и мужества. Наконецъ, между Мараттами и Бенгальскимъ-Заливомъ, на берегахъ Магануды, въ обширныхъ странахъ, отмѣченныхъ на картахъ Индіи именемъ *Unexplored countries*, живутъ послѣднія племена индійскихъ аборигеновъ, всюду уже въ другихъ мѣстахъ исчезнувшія предъ нашествіемъ браманской цивилизаціи, отъ которой они заимствовали только ея суевѣріе; эти племена живутъ еще въ дикомъ состояніи, принося человѣческія жертвы. Это Гунды, которыхъ несчастное народонаселеніе простирается до милліона душъ. Послѣ этихъ главныхъ элементовъ, Гевры или Парсы есть одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ народовъ Индіи. Они призываютъ въ своихъ молитвахъ солнце, какъ благороднѣйшій образъ Верховнаго Существа, и поддерживаютъ въ своемъ храмѣ священный огонь, какъ символъ божественнаго свѣтила. Вышедъ, лѣтъ триста назадъ, изъ центральной Азіи въ Индію, они распространились въ западной части полуострова, въ странѣ близъ Сурата и Бомбея. Въ одномъ этомъ послѣднемъ городѣ ихъ считается болѣе десяти тысячъ. Богатѣйшіе изъ нихъ — землевладѣльцы, купцы, банкиры, подрядчики во всѣхъ постройкахъ. Бѣднѣйшіе — торговцы и ремесленники во всѣхъ ремеслахъ, гдѣ не нужно употребленіе огня: потому они не занимаются ни золотыхъ-дѣлъ-мастерствомъ, ни вообще металлическими издѣліями. Ихъ также вовсе нѣтъ ни въ войскѣ, ни во флотѣ, потому что они боятся огнестрѣльнаго оружія. Это племя отличается своею красивою наружностью и сильнымъ тѣлосложеніемъ. Ихъ считается до пяти-сотъ тысячъ. Послѣ Англичанъ, это самое важное населеніе по своимъ богатствамъ, своей промышленности и обширности своей торговли. Парсы не занимаются земледѣліемъ; въ особенности они отличаются постройкою судовъ; самыя лучшія корабли англійскаго королевскаго флота спускаются теперь съ ихъ верфей. Наконецъ, между индійскимъ и европейскимъ обществами есть еще посредствующее звено, общество сирійскихъ христіанъ. Ихъ въроисповѣданіе основывается на догматахъ, проповѣданныхъ самимъ апостоломъ Фомою на югъ Индіи, гдѣ онъ претерпѣлъ мученичество. Подобно Парсамъ, они значительны по своей промышленности, нежели по числу: ихъ считается всего не болѣе двухъ-сотъ-тридцати тысячъ душъ; они особенно распространены въ Мадрасскомъ-Президентствѣ, гдѣ имѣютъ сто-восьдесятъ-четыре молельни.

Мы представили въ довольно-подробномъ очеркѣ состояніе индо-британской имперіи въ отношеніи ея политической и административной организаціи, представили составъ населенія и финансовыя средства страны. Теперь предстонтъ вопросъ, благоденствуетъ ли она, эта страна, подъ правленіемъ своихъ новыхъ владыкъ? Въ-продолженіе слѣдующаго столѣтія, какъ Англичане одни владеютъ этою обширною странюю, некогда богатѣйшею и нѣмнѣе еще самою плодородною во всемъ свѣтѣ, она, безъ сомнѣнія, сделала что-нибудь для улучшенія нравственнаго и физическаго состоянія индійскихъ обитателей, которыхъ

управлять они призваны. Англія, присвоивающая себѣ первенство надъ всеми націями въ области искусствъ, наукъ, торговли, промышленности, конечно, подѣлилась выгодами этого превосходства съ своими индійскими колоніями, въ которыхъ она принимаетъ такое живое участіе. Въ чемъ состоятъ въ этомъ отношеніи благодѣянія, которыми она ей обязана?

«Я предполагаю» говоритъ Варрентъ: «самъ отвѣчать на эти вопросы, потому что мнѣ удалось видѣть во время моихъ странствій по «Индіи, въ продолженіе моего девятилѣтняго тамъ пребыванія, въ которое я изъездила эту страну верхомъ на коня вдоль-и-поперекъ по всѣмъ направленіямъ, съ сѣвера на югъ, съ востока на западъ, какъ вдругъ я напелъ этотъ отвѣтъ такимъ, какъ я его задумалъ, уже написаннымъ превосходно-краснорѣчивымъ перомъ въ статьѣ «Revue des Deux Mondes» 1842 года, подъ заглавіемъ *Впечатлѣнія Путешественника* (*). Не знаю, кто авторъ — онъ скрылъ свое имя; но предо мною предстала снова вся Индія въ его волшебной картинѣ, написанной самыми живыми, самыми яркими, и между-тѣмъ, самыми чуждыми красками; я переиспыталъ, читая эти страницы, чувство «соотраданія и грусти, наполнявшее меня въ мѣстахъ, имъ описанныхъ».

Въ словахъ неизвѣстнаго автора этой замѣчательной статьи, найдемъ мы основательное опроверженіе легкомысленнаго мнѣнія Жансіньи: что народы Индустана нынче болѣе наслаждаются относительною независимостью, спокойствіемъ, довольствомъ и счастьемъ, нежели наслаждались прежде, въ теченіе десяти вѣковъ». Можно ли говорить о счастьи той страны, гдѣ матери часто бываютъ принуждены продавать дочерей своихъ на развратъ, чтобъ тѣмъ добыть себѣ кусокъ хлѣба? (**)

(* La domination anglaise dans l'Indoustan (*Impressions d'un voyageur*). Revue des deux Mondes, 1842, 15 Aout, 4-е Nivraisen.

Мнѣ пользуется при изложеніи данной статьи, независимо отъ заимствованій у Варрента; замѣчательными наблюденіями неизвѣстнаго автора. «Эти впечатлѣнія», говоритъ редакторъ «Revue des deux Mondes»: «отличаются нѣсколько отъ мысли, которую слагали себѣ вообще объ англійской Индіи, равно какъ и отъ мнѣнія, неоднократно выражаемаго въ Revue, касательно политики Англии въ отношеніи къ Индустану. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ долгомъ своимъ принять ихъ какъ свѣдѣнія, почерпнутыя на самомъ мѣстѣ, во время долгаго тамъ пребыванія, челоука, о которомъ соработничать и соизвѣстны».

(**) «Оджды», рассказываетъ Варрентъ: «это было въ 1835 году, я сидѣлъ въ Бейпурѣ на открытой верандѣ (кровать) моего дома. Небо было лазурно-голубаго цвѣта, воздухъ теплый и благоуханный, а между-тѣмъ, голодъ и эпидемія опустошала землю. Муссоны замедлили явиться и былъ не такъ силенъ; отъ этого урожая не было никакой надежды. Въ странѣ, гдѣ ремесленники и художники живутъ по деньшишью, подобное бѣдствіе есть смертный приговоръ для цѣлой части населенія. Посреди общаго страданія, полкъ нашъ показалъ себя съ прекрасной стороны: офицеры и простые солдаты всѣми силами старались искупить преступное равнодушіе правительства значительными пожертвованіями изъ своего жалованья. Но средства были истощались, а бѣдствіе все болѣе-и-болѣе увеличивалось. Я сидѣлъ, размышляя о чужомъ положеніи дѣлъ; вдругъ, вижу, двѣ женщины показались въ концѣ длинной аллеи изъ розовыхъ и бѣлыхъ лавровъ, поросившей мой садъ. Послѣ

«Я изъездилъ» говоритъ авторъ «Путевыхъ Впечатлѣній», «во всѣхъ направленіяхъ Индустанъ; посѣтилъ всѣ города и села, узналъ произведенія почвы, наблюдалъ состояніе просвѣщенія, составъ каствъ съ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ, не упуская изъ вида законоученіе, нравовъ, преданій, нивьющихъ большое вліяніе на жизнь народа. На всемъ обширномъ пространствѣ страны, почва вообще чрезвычайно плодородна, а въ некоторыхъ мѣстахъ, какъ на-примаръ, въ Бенгалѣ, превосходить въ плодородіи нильскую долину, не только по обилію въ рисъ, пшеницъ, хлопчатой бумагъ и во всѣхъ прочихъ предметахъ, необходимыхъ для жизни, но также очень-важными произведеніями, о которыхъ Египетъ едва имѣетъ понятіе, каковы шелкъ, сахаръ, индиго, и проч. Смотри на это обиліе и это богатство произведеній, я былъ пораженъ удивленіемъ при видѣ ужасной бѣдности, въ которую погружены три четверти туземцевъ. Страна, гдѣ матери часто бывають принуждены продавать дочерей своихъ, чтобы

минутной нерѣшимости, онѣ приближились ко мнѣ, потомъ, за нѣсколько шаговъ отъ того мѣста, гдѣ я сидѣлъ, пали на колѣни, и одна изъ нихъ, приподнявъ ко мнѣ, поцаловала ногу моего платья. Когда она подняла руку, чтобы отстранить свое покрывало, мнѣ показалось, что я увидѣлъ костлявую руку скелета, и минутой спустя, эта женщина (я никогда не забуду ея) съ вальми и щеками выкатывшимися глазами, предстала предо мною, какъ статуя Голодной Смерти! «Сегодѣ (господи!)» сказала она мнѣ: «я не ѣла уже четыре дня! Вчера я отдала дочери нашу послѣднюю горсть риса! Мой тестъ умеръ сегодня утромъ и мой мужъ умираетъ! Купите у меня дочь, я отдаю вамъ ее за сто рупій (250 рублей): половину изъ этихъ денегъ я отдамъ ростовщику, а на другую могу спасти мужа и прожить еще нѣсколько мѣсяцевъ. Возьмите мою дочь себѣ, какъ рабыню. Она такъ хороша, она васъ вознаградитъ! Вы такъ добры, она не будетъ несчастна! Прошу васъ только не покидать ея, пока вы будете въ Индіи; когда же уйдете, пусть будетъ, чтѣ угодно Богу и вашему великодушію!» И бѣдная мать обливалась слезами. Нѣсколько времени я не могъ отвѣчать: такъ сильно это растрогало меня; ей показалось, что я колеблюсь принять ея предложеніе. Тогда, подбѣжавъ къ дочери, она вдругъ открыла ее, сорвавъ съ головы покрывало: «Смотрите», сказала она съ выраженіемъ материнской гордости: «не красавица ли моя дочь и не достойна ли она какого-нибудь султана?» И дѣйствительно, это была дѣвушка лѣтъ тринадцати, но развѣтла какъ двадцатилѣтняя нашихъ сѣверныхъ странъ, съ чудными азиатскими глазами, длинными рѣсницами, золотистой и прозрачною кожей, античнымъ ставомъ, волшебными ножками и ручками, которыя дѣлаютъ изъ индійской Венеры очаровательнѣйшее созданіе. Правда, матери было чѣмъ гордиться. Но до какой степени ничтою должно было дойти, чтобы рѣшиться на подобную крайность? Мужъ былъ бѣдный ткачъ, который въ лучшіе дни зарабатывалъ не болѣе, какъ на что могъ доставить дочери новое платье, комли (платье изъ грубой шерсти) старику отцу, да, можетъ-быть, купить себѣ новый тюрбанъ въ концѣ года. Голодъ засталъ его невзначай: съ-тѣхъ-поръ его заработокъ едва ставалъ на прокормленіе жемщинъ. Отецъ его и онъ самъ не ѣли уже съ нѣдѣлю. Всякій день они подтягивали свой поясъ и работали, по обыкновенію, безъ жалобъ. Наконецъ, старикъ умеръ; сынъ лишился уже силъ и умиралъ. Жена его ниѣла въ головѣ только одну мысль: спасти его и спасти дочь свою какою бы то ни было цѣною. Было отъ чего вскружиться головѣ и покрѣче моею: эта маленькая гурія была восхитительна! Но я зналъ отца: онъ пережилъ бы голодъ за тѣмъ, чтобы умереть отъ стыда бездѣстія. Я далъ сто рупій и отпустилъ красавицу. Пришелся ли съ Катомъ, что добродѣтель стѣнѣтъ намъ иногда сожалѣнія?»

«добыть тамъ себя немного хлѣба, можетъ ли называться счастливою? Тамъ, гдѣ рабство существуетъ еще (*), цивилизація сдѣлала ли какіе-нибудь успѣхи? потому-что, хотя рабство воспрещено въ англійскихъ владѣніяхъ, оно существуетъ тамъ однакоже *de facto*. При всемъ томъ, «самое рабство еще можно предпочесть той свободѣ, которую пользуются тысячи несчастливцевъ, бродящихъ вокругъ селеній, по берегамъ рѣкъ, въ *серахъ* (**), по проѣзжимъ дорогамъ, просящихъ въ милостьню горсти *суджси* (***), нѣсколькихъ зеренъ манса, или остатковъ трапезы путешественника, которые у нихъ оспариваютъ псы. Покрѣпѣе отвратительными рубищами, часто совершенно нагіе, съ впадинами щеками, блуждающими глазами, высунувшимися скулами, оскаленными зубами, съ коленями болѣе толстыми, чѣмъ самыя лядвен, эти страждующіе скелеты имѣютъ силы не болѣе, какъ чтобъ поддержать свой костлявый составъ. Они съ отчаяньемъ кричатъ: *Бука марта сагебъ, калла маатадже капетъ калъ хай!* «о! сударь, я умираю съ голода; желудокъ бѣдняка пусть». Увы! видъ ихъ заваряетъ въ истинѣ этихъ словъ. Въ землѣ, которую Ауренгзебъ называлъ *раемъ странъ*, какаѣ ужасная нищета! Я видѣлъ бѣдныхъ египетскихъ феллаховъ, я зналъ, какое жестокое обращеніе они испытываютъ, и тамъ не менѣе я предпочелъ бы ихъ участь участи нищихъ Индусовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *райотовъ*. Къ какой кастѣ вообще принадлежитъ они? Часто къ самой «полезной, кастѣ *судроовъ*. Эпидемія, наводненіе, засуха, или просто «слишкомъ-жестокія преслѣдованія *земидара* изгнали ихъ съ полей ихъ предковъ, и они скитаются по деревнямъ и городамъ. Изгоняемые, какъ вноземцы, пурдесси, мучимые голодомъ, не будучи въ состояніи найти работу, они предаются воровству и грабежу; самая поразительная противоположность съ ихъ владыками, которые почти все умираютъ преждевременно отъ дѣйствія слишкомъ-питательныхъ яствъ и отъ злоупотребленія спиртныхъ напитковъ. *Сагебъ лозъ дѣкъ бѣръ нате матѣ хайнъ, калла адми лозъ ауръ букъ ката хай.* «Бѣлый чело-вѣкъ» говорятъ они: «естъ и пьетъ цѣлый день, черный чело-вѣкъ» «ножираетъ свой голодъ со стыдомъ».

Посмотрите на земледѣльца и ремесленника въ томъ состояніи, когда

(*) Въ 1837 году, во время моего пребыванія въ Калькуттѣ, я занималъ домъ въ Читподрадской-Улицѣ, рядомъ съ жилищемъ какого-то монгольскаго семейства. Однажды, молодая женщина, вырвавшаяся изъ сосѣдняго дома, вскочила въ окно моей комнаты: руки ея были сложены съ умоляющимъ видомъ; глаза дико блуждали. Она упала къ ногамъ моимъ, крѣпко обхватила ихъ, и не хотѣла встать до-тѣхъ-поръ; пока я не обѣщаю ей своего покровительства. На шеѣ у ней были видны слѣды пѣни, ротъ весь въ крови: у ней было выbito три передніе зуба. Она рассказала мнѣ, что жила у этого монгольскаго семейства уже три года вмѣстѣ съ другими рабынями, что онѣ были почти всегда содержимы въ цѣняхъ: ихъ мучили работою и съ ними дурно обходились. Я объявилъ полиціи; она представила ее судѣ, которому доносъ былъ сдѣланъ несчастною во всей подробности. Монголъ остался не наказанъ.

(**) Каравансеранъ.

(***) Мука изъ манса.

они не должны еще до этого послѣдняго предѣла нищеты; когда они пользуются еще этимъ довольствомъ, о которомъ говоритъ Жанснъ. Въ чемъ состоитъ оно? Жилище ихъ?—это хижина, смазанная изъ грязи; ихъ домашнее убранство? чаризъ (постель, сплетенная изъ тростника), циновка, нѣсколько деревянныхъ, или глиняныхъ, редко медныхъ чашекъ. Ихъ одежды? у мужа, — лагуги, едва прикрывающій нагогу, толстое полатно для тюрбана, плохой шерстяной плащъ для защиты отъ зимней стужи; у жены—изодранное рубище, которое въ локоткахъ низпадаетъ на грудь и колѣни. Ихъ пища? грубая зерно, какия дають въ кормъ животнымъ, а чаще мука, разболтанная въ холодной водѣ; невкусность этой пищи они не всегда могутъ приравнять солью, которая составляетъ предметъ монополіи и продается очень дорого! Чему же приписать такую нищету? Недостатку ли земли? Нѣтъ, потому что цѣлыя области остаются невоздѣланными. Развѣ англо-индійское правительство болѣе угнетаетъ народъ, чѣмъ туземные владыки? Боясь сомнѣній, нѣтъ, или, по-крайней-мѣрѣ, оно ограничивается тѣмъ, что продолжаетъ систему, которая таготеетъ надъ этимъ народомъ уже столько вѣковъ. Оно требуетъ себя то же самое количество налоговъ, и, при вавманіи ихъ, несправедливостей гораздо-менше, нежели было прежде. Но монгольскій деспотизмъ, безусловный, неограниченный по праву, ограничивался на даль самъ-собою, своею собственною слабостію. Онъ требовалъ отъ земледѣльца трехъ-пятыхъ отъ произведеній почвы, но не имѣлъ силы заставить уплатить ихъ себя; такимъ образомъ, требуя, онъ не получалъ ихъ. Англійское же правительство, напротивъ, нинющее лучшихъ слугъ, болѣе-могуществвенное, болѣе-искусное, владѣть средствами принудить уплатить ей должное, и въ то время, какъ налогъ кажется одинъ и тотъ же, уплачиваемый сполна, онъ сдѣлался невыносимо-тягостенъ,—и вотъ первое разрѣшеніе задачи.

Обманутый въ своихъ надеждахъ причудами времени года, земледѣлецъ находилъ по-крайней-мѣрѣ средства, доставляемыя ему прежде, во время правленія моголовъ, туземными мануфактурами, которыя занимали столько рукъ. Нынче эти мануфактуры болѣе уже не существуютъ; онѣ подверглись преслѣдованіямъ, разоренію и наконецъ были уничтожены для избѣжанія совмѣстничества, опаснаго для фабрикъ метрополіи. Сколько новыхъ причинъ нищеты!

Наконецъ, было и еще средство къ существованію — это публичныя работы. Пренію индійскіе раджи или афганскіе и монгольскіе завоеватели, часто безчеловѣчныя съ своими подданными, ознаменовывали по-крайней-мѣрѣ свои царствованія этими благодѣяніями народу, этими изумительными постройками, которыя встрѣчаются еще и нынче на всякомъ шагу и кажутся зодчествомъ племени гигантовъ; эти работы пускали въ оборотъ милліоны и занимали тысячи рукъ. Подъ небомъ, котораго неумолима ясность въ-теченіе семи или восьми мѣсяцевъ не поддѣргивается ни однимъ облачкомъ, въ странѣ, гдѣ цѣлыя полгода зѣбля не покрывается росой,—единственное спасеніе для земледѣлія состояло въ томъ, чтобъ во время періодическихъ разливовъ рѣкъ создавать искусственныя бассейны, озера для орошенія полей. Отъ одной

перекъ къ другой; поперегъ долины; накидывали чудовищную массу; которая пересекла ее на двѣ части; дождевыя воды верхней части встречали себѣ преграду въ этой громадной плотинѣ такимъ образомъ, являлось озеро надъ несчастною равниною, которая скоро покрывалась жетою и зеленью. Народонаселеніе выросло быстро въ этихъ оплодотворенныхъ странахъ. Разоренный земледѣлецъ, бѣдный поденщикъ; никогда при этихъ постройкахъ работу, варный кусокъ хлѣба; а теперь, можно сказать безъ преувеличенія, въ наименѣе-значительномъ изъ департаментовъ Франціи въ полгода производится болѣе публичныхъ работъ, нежели на пространствѣ всей англійской Индіи въ течение года.

Вся памятники или общественныя постройки, находящіяся теперь въ Индіи, относятся ко временамъ туземныхъ владыкъ: компанія не вырыла ни одного колодца, ни одного пруда, ни одного канала, не построила ни одного моста для выгоды своихъ индійскихъ подданныхъ; она не провела ни одной дороги, развѣ для прохода своихъ войскъ; къ тому же, подобныя работы по обыкновенію производятся такъ на-скоро, что на слѣдующій годъ ихъ необходимо бываетъ перестраивать. Работы Индусовъ и Монголовъ, подобно римскимъ, были глупыя и, казалось, предназначались на вѣчность; работы же Англичанъ дѣлаются на-живую-руку, кое-какъ, и носятъ въ себѣ начало своего разрушенія. Раки, прекраснѣйшія въ мірѣ, которыя, посредствомъ каналовъ или стводовъ, могли бы оплодотворить обширнѣйшія области, теряются бесполезно въ водахъ моря или въ пескахъ. Англичане не только не предпринимаютъ ничего новаго, но даже не восстанавливаютъ того, что было, не поддерживаютъ того, что есть. Англія нашла средство истощить вся сокровища Индіи, не употребляя ни малѣйшей частицы изъ нихъ на пользу и во благо народовъ, ею покоренныхъ. Всякій годъ падаетъ въ прахъ какой-нибудь серай, доставлявшій кровь бѣдному туземцу, и разрушаются некоторыя изъ этихъ плотинъ, удерживавшія собою благотворныя воды. Воды утекаютъ и бассейны иссыхаютъ; земледѣліе исчезаетъ, народы гибнутъ и вся страна обращается въ пустыню.

Это не преувеличеніе. Въ «Индійскомъ Вѣстникѣ» (*Indian News*, индійскомъ статистическомъ ежемѣсячникѣ) въ 1843 г. было официально обнародовано, что въ одномъ (Норт-Аркотскомъ) округѣ Мадрасскаго Президентства, въ одномъ только 1827 году (*), число озѣръ прорытыхъ, уничтоженныхъ наводненіями было не менѣе тысячи-ста; а этимъ округомъ Англія владела не болѣе четверти вѣка. И такимъ образомъ цѣлые округи пустѣютъ, выселяются и возвращаются въ дикое состояніе. Со временъ монгольскихъ завоевателей удивительный каналъ, называемый Доабскимъ, начинаясь отъ Дѣли, проходилъ по всей западной

(* In the year 1827, no fewer than 1100 tanks burst in North-Arcot alone, after that district had been under British care for a quarter of a century; and so, whole districts are depopulated and fall back into a state of nature.

части Верхняго-Дооба, оплодотворяя въ своемъ теченіи на протяжении двухъ-сотъ верстъ страну, сдѣлавшуюся теперь обиталищемъ хищныхъ звѣрей, потому-что въ это время и людской безопасности этотъ каналъ былъ засыпанъ. Въ пяти-сямъ купы мангіеровъ, разсеянныхъ крестообразно, свидѣтельству о быломъ пребываніи здѣсь человека, возмущаются на этомъ пространствѣ, мрачныя и осиротѣлыя, подобно надмогильнымъ снѣгъ деревъ, и самыя имена селеній существуютъ только по преданіямъ, рассказываемымъ какими-нибудь несчастнымъ факиромъ, который скитается по этимъ пустынямъ и протягиваетъ руку еострадательному путешественнику. Вотъ уже лѣтъ двадцать-пять толкуютъ о томъ, какъ возстановить этотъ благородный трудъ человека. Съ 1834 по 1838 годъ, доходы превосходили расходы, и въ казну оставалось въ остаткѣ болѣе 10 милліоновъ, и, не смотря на то, не могли рѣшиться приняться за это дѣло. Еще недавно лордъ Элленборо обѣщалъ назначить особенно на возстановленіе этого канала некоторую сумму; но народы Индіи перестали обольщать себя надеждою и они имѣютъ на то свои причины. Въмѣсто этого благодѣянія, усиленное воздѣлываніе опиума, столь вредное для почвы, столь мало выгодное для селянина, наводняетъ цѣлыя области, лучшія изъ земель, которыя могли бы производить растенія, полезныя человеку. Вотъ единственный даръ, которымъ уже полтора вѣка эта прекрасная страна одолжена англійскому управленію, всегда и вездѣ одинаковому въ-отношеніи къ Индіи.

Все сказанное преимущественно относится къ существованію рабства. Что же до другихъ классовъ, то счастливы ли она? Въ нравственномъ отношеніи, увы! нѣтъ. Имъ не оставили даже мѣста въ общественной организаціи, ни малѣйшаго уголка въ мірѣ, гдѣ могли бы они добывать себя чѣмъ бы поддерживать свое существованіе. Сначала вся мелкія владѣльцы, которыхъ государства были раздроблены и казна истощена, увидѣли и нынче еще ежедневно видятъ себя въ необходимости распускать толпу слугъ, которыхъ они содержали некогда. Изъ этого слѣдуетъ, что для высшихъ и среднихъ классовъ, для Индусовъ и мусульманъ, которымъ рожденіе, воспитаніе совершенно-военное, предрасудки касты не позволяютъ заниматься земледѣліемъ, — по мѣрѣ увеличенія цѣнъ на предметы первыхъ потребностей, уменьшаются средства къ существованію. По-крайней-мѣрѣ, во времена императоровъ, имъ представлялись карьеры, гдѣ бы они могли приложить свои способности, или мужество; нынче все мѣста наводнены иноземцами; даже въ самыя тяжкія переходныя эпохи, въ эпохи завоеваній, одни обогащались тѣмъ, что терли другіе; въ громадной лотерей политическихъ потрясеній выпадало извѣстное число выигрышныхъ нумеровъ: нынче выигрышъ возможенъ только для Европейцевъ. Падаютъ ли какой-нибудь, его замѣняетъ англійскій резидентъ; ниспровергается ли какое правительство, его замѣняетъ англійское правительство. Все, что носить на себѣ имя туземнаго—или подверглось уже гибели, или эта гибель близка и непремѣнна: колесо фортуны остановилось надъ туземцами, чтобъ стереть ихъ въ прахъ. Какія должности представляются для удовлетворенія честолюбія высшихъ классовъ? Въ войскахъ, званію

субедара-мажора — почти не офицерская; въ гражданской службѣ, на-
 вѣтерьяна мѣста распорядительныя, практическія, полицейскія, или мѣ-
 ста мелкихъ чиновниковъ. Когда, по ходатайству герцога Уильяма Бен-
 тинка, директоры вознамѣрились дать *writer-ships* т. е. мѣсто въ гра-
 жданской службѣ, сыну знаменитаго Рам-Могун-Роа, получившему ев-
 ропейское образованіе и действительно по умственному развитію сто-
 явшему выше многихъ чиновниковъ, тогда это предположеніе подняло
 такую тревогу между всѣми, что пришлось отказаться отъ него. Все
 барьеры все почетныя мѣста такимъ образомъ заперты для туземцевъ;
 съ этого постепенно исчезаютъ, не занимаясь ничѣмъ, средніе клас-
 сы, имѣвшіе такое состояніе, что могли жить въ довольствѣ, и вскоре
 наступитъ время совершеннаго равенства по нищетѣ, которая поста-
 вить подъ одинъ уровень все сто-пятьдесятъ милліоновъ населенія. Эту
 же участь раздѣлятъ и вассальныя государства. Англія, подобно басно-
 словному вампирю, все поглотитъ; не останется никакой благородной
 личности, которая бы могла стать выше массъ, между которыми толь-
 ко и будетъ людей, что ремесленникъ, земледѣлецъ, поленщикъ, да
 солдатъ; это не что иное, какъ народъ рабовъ, пользующихся свобо-
 дою только по имени, на дѣлѣ уничтожаемою горькой нуждою, — на-
 родъ, которому нѣтъ другихъ надеждъ, видовъ, какъ работать и рабо-
 тать для исключительной пользы своихъ владыкъ.

«Европейцы» говорятъ авторъ «Путевыхъ Впечатлѣній» (*): «судить
 очень-часто о настоящей состояніи Индустана по приморскимъ горо-
 дамъ, каковы Мадрасъ, Бомбей и Калькутта, которые одни завладѣли
 торговою монополіею всего полуострова, равно какъ и Персидскаго-
 Залива и Чернаго-Моря. Можно сказать рѣшительно, что это един-
 ственныя мѣста, гдѣ сосредоточились богатства и довольство. Но мож-
 но-ли сравнивать обитателей этихъ богатыхъ городовъ съ населеніями,
 распространенными по столькимъ государствамъ, городамъ и селамъ? Ко-
 гда, вспоминая прошлое, бродимъ межъ несчастныхъ пустынь, гдѣ ня-
 когда выселились цвѣтушія столицы, — какая перемена! Что стало
 съ сокровищами Голконды и Беджапура? Не чума ли поразила эти го-
 рода? Посетите Данку на Браманутрѣ; поищите этихъ фабрикъ, гдѣ
 ткались важныя ткани, которыя, по своей дороговизнѣ, назначались
 для украшенія однихъ султаншъ:—эти мастереки разрушились; встрѣ-
 чаете только какого-нибудь несчастнаго ткача, работающаго посреди
 обломковъ развалинъ и посреди садовъ, занимающихъ мѣсто древней
 столицы Бенгала; тамъ, гдѣ жило некогда двѣсти тысячъ душъ, теперь
 едва насчитается и пятнадцать тысячъ..... Что осталось отъ Уджейна,
 Бопала, Джейпура, Гвальйора, Гайдерабада, Агры, Дели,—этихъ столицъ,
 цвѣтущихъ государствъ? На нѣсколько миль въ окружности только и
 видишь колонны, развалины храмовъ, пустынные памятники; хщныя
 звери и пресмыкающіеся заняли мѣсто прежнихъ обитателей; все пус-
 тынно, безмолвно; слухъ не поражается привѣтствіемъ хозяина ком-

(*) *Revue des Deux Mondes.*

«мелодии (добро пожелать); жалобный крикъ пикала или шипящее кавалерей или один звучать вокруг кутюма. Налишій вечеръ пустыни гуляеть подъ стѣнъ оградъ, гдѣ никогда раздавались звуки ситары (*) или дола (**). Поражающие этою одиночествомъ, вы спросите мусульманина, онъ вамъ отвѣтитъ: «Когда такъ ужъ написано въ книгѣ судьбы, напрасна всякая предосторожность!» Эта вера, никогда возвеличивавшая послѣдователей пророка, теперь сдѣлалась причиною ихъ упадка. Спросите Индуса, его отвѣтъ будетъ совсемъ не таковъ: «Она китростью овладѣла нашею страной!» скажетъ Индусъ съ характеромъ шибдича и уклончивымъ, говоря о коммисарѣ *самбѣ Бмадурѣ*, достопочтенной и по-бѣденосной господа-Компаніи.

Мы говорили о судьбѣ райота, о шаткомъ существованіи высшаго класса, объ уничтоженіи средняго. Но цари и владыки болѣе ли счастливы?

«Въ 1838 году» говоритъ безыменный путешественникъ (**); «я видѣлъ въ Калькуттѣ, что внучата Типо-Султана получали въ мѣсяць только 150 рупій вмѣсто обѣщанныхъ 40,000; въ 1840, наслѣдникъ короны Бурдуана (раджа Портаб-Шандъ) ввергнуть въ темницу и обвинить въ самозванствѣ за то, что требовалъ себѣ наслѣдіе предковъ, безстыдно проданное одному изъ его дядей: правительство должно было возвратить ему 100 лакъ рупій (25 милліоновъ рублей); но такъ-какъ оно заплатитъ этой суммы не намѣрено, то и затянуло процессъ. Раджа Саттары не хотѣлъ насыщать алчности правительственныхъ агентовъ, — его обвиняютъ въ измѣнѣ, захватываютъ его владѣнія, и самого его заключаютъ въ Бенаресъ. Его жалобы были напрасны. Вдова послѣдняго владѣтеля Лукнао, прекрасная и благородная геронья, предметъ удивленія своего народа, была заключена въ шанарскую крѣпость за то, что оказала себя достойною трона. Эмиры Синда, въ возмездіе за гостепримство, оказанное Ворису, брошены теперь въ самыя смрадныя крѣпости Вомбейскаго-Президентства. Наконецъ, Дост-Мухаммедъ, обожаемый своими подданными, сверженъ съ престола для чудовища, которое Афганъ изгоняли три раза, и который, по своимъ порокамъ можетъ быть уподобленъ Домиціанамъ и Геліогабаламъ. Раджа Бенареса, замѣняющій законнаго наслѣдника, — одинъ изъ самыхъ посредственныхъ и неспособныхъ людей. Навабъ Муршедабада, котораго предки владѣли Бенгаломъ, умеръ недавно двадцати-двухъ лѣтъ отъ роду; онъ получалъ ежегоднаго пенсіона 18 лакъ рупій (4,500,000 рублей), и оставилъ на рукахъ калькуттскаго правительства дитя, имѣющее право на такой же пожизненный доходъ; *ранія* (индусская принцесса) Фирозпура завѣщала свои владѣнія компаніи за тѣмъ, чтобъ обезпечить пользованіе ими за собою при жизни: она оставилъ также племянника въ пицеть. *Буумъ* (мусульманская принцес-

(*) Гитары.

(**) Тамбурина.

(***) *Revue des Deux Mondes*.

са) Сардаши сделала то же. Наконецъ, навабъ, въ Дэлъ, былъ казненъ за то, что политическій агентъ, г. Фразеръ, былъ умерщвленъ при выходе отъ него; между-тѣмъ, никогда не было доказано, чтобъ несчастный принцъ былъ участникомъ въ этомъ злодѣйствѣ, совершонномъ его *дуруаномъ* (привратникомъ).»

Вся старинная царственныя фамиліи или лишены свободы, или приведены въ состояніе крайней бѣдности. Компания расточила ихъ богатства, заняла владѣнія и принудила законныхъ наследниковъ покинуть престола или скрыться въ гаремахъ, чтобъ замѣтить ихъ людьми, которыхъ она обязываетъ угнетать народы, съ дѣлюю приготовить ихъ пройти незамѣтно подъ британскимъ игомъ.

Вотъ спокойствіе, довольство, свобода и счастье, каковымъ наслаждается Индія, живя подъ законами народа, который имѣетъ притязаніе быть самымъ либеральнымъ, самымъ просвѣщеннымъ и самымъ человеколюбивымъ на всей землѣ.

Но не имѣетъ ли Индія по-крайней-мѣрѣ какой-нибудь надежды на лучшее въ будущемъ? Нѣтъ. Ея положеніе должно необходимо становиться все хуже и хуже.

Если къ расходамъ компаніи, уплачиваемымъ въ самой Индіи, и которые, какъ вы уже сказали, простираются до 3,543,980 фунтовъ стерлинговъ, присоединить суммы, которыя ежегодно откладываются изъ огромныхъ жалованій и доходовъ гражданскими и военными чиновниками, купцами и плантаторами, и которыя они переводятъ въ метрополию, тогда увидите, что капиталъ, ежегодно вывозимый изъ Индіи, долженъ простираться по-крайней-мѣрѣ до 4,000,000 или 5,000,000 фунт. стерл. (100,000,000 или 125,000,000 рублей). Этотъ капиталъ выходитъ изъ страны и никогда не возвращается, потому-что насильственный ввозъ англійскихъ товаровъ въ колонію и невпускъ индійскихъ сырыхъ и мануфактурныхъ произведеній въ порты метрополию, замыкаютъ все пути, по которымъ онъ могъ бы возвратиться.

Монгомери-Мартенъ вычислилъ, что капиталъ, извлеченный изъ обращенія въ Индіи, въ-продолженіе пятидесяти лѣтъ, простирается до 100 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ или до 2,500,000,000 рублей. Ни одна страна, каковы бы ни были богатство ея территоріи, обширности ея средствъ, промышленность и число населенія, не можетъ долгое время выдерживать истощеніе, необходимый результатъ такой постоянной, такой быстрой и такой вознаградимой убыли всѣхъ ея жизненныхъ силъ.

Нѣтъ никакой надежды въ будущемъ! И драгоценные металлы, послѣдній источникъ торговли, клонящейся къ своему упадку, которые могли бы еще служить посредствующимъ дѣятелемъ между магазинами завоевателей и нуждами центральной Азіи, эти драгоценные металлы исчезли и исчезаютъ со-дня-на-день. Индія, бывшая некогда какъ-бы пропастью, поглощавшею въ себя все золото Европы и Азіи, не только была свидѣтельницею изсяканія источниковъ, которые его приносили къ ней, но теперь принуждена сама доставлять непрерывно это золото для удовлетворенія требованій своей неумолимой владычницы.

Монгомери-Мартонъ вычисляетъ, что съ 1811 по 1834 годъ количество драгоценныхъ металловъ, вывезенныхъ въ Англію отъ одного британскаго правительства, простаралось до 7,976,119 фунтовъ стерлинговъ (слишкомъ 200 милліоновъ рублей), что было еще весьма-немного сравнительно съ количествомъ золота, вывезеннаго, какъ товаръ, частными лицами.

«Положеніе Индіи» говоритъ Монгомери-Мартонъ: «можетъ быть упо-доблено состоянію человека, лишеннаго пищи, но которому делаютъ ежедневныя кровопусканія. Результатъ этого — атрофія, конвульсія, смерть» (The situation of India may be compared to that of an individual deprived of nutriment, yet from whom a portion of the circulating fluid is daily abstracted. The result is atrophy, convulsions, death).

И нѣтъ надежды на спасеніе! Англія не можетъ хотѣть измѣнить свою политику въ-отношеніи къ Индіи. Ея промышленность получила ужасающее развитіе, и чувство самосохраненія заставляетъ ее стараться удѣлать все соперничающія промышленности. Она, подобно коршуку Прометей, терзаетъ Индію, съ тою только разницею, что голодъ ея не кончается и что внутренности индійскаго Прометей не возродятся болѣе.

Содѣйствовала ли Англія къ нравственному усовершенствованію народовъ Индіи? приобщила ли ихъ успѣхамъ просвѣщенія, христіанства? распространила ли она въ Индустанъ хоть нѣкоторыя выгоды новейшей цивилизаціи? сдѣлала ли, по-крайней-мѣрѣ, хоть первый шагъ въ этомъ отношеніи? Вотъ вопросы, на которые придется отвѣчать смѣлѣе.

Фактъ неоспоримый и всеми признанный, что цивилизація Индіи не сдѣлала ни одного шага впередъ со временъ Александра до нашихъ временъ. Прозелитическая сабля мусульманъ и кроткій свѣтъ христіанства не могли ни разрушить твердаго и крутаго зданія индуистскихъ учреждений, ни проникнуть въ него: религіозныя вѣрованія, нравы, обычаи, одежда, — все осталось неизмѣнчившимся, подобно храмамъ Эллары, высѣченнымъ въ скалахъ гранитныхъ.

Столько превозносимое вліяніе протестантскихъ миссій и вообще миссій англійскихъ совершенно ничтожно; онѣ не имѣютъ другихъ прозелитовъ, кромѣ сиротъ, которыхъ миссіонеры покупаютъ въ младенческомъ возрастѣ, и которые позже возвращаются въ вѣрѣ своихъ соотечественниковъ.

Такіе малые успѣхи менѣе становятся удивительными, когда прочитаешь добросовѣстныхъ замѣчанія Жакмона. «Англійскіе миссіонеры», говоритъ онъ, «удивляются, что они никого не обращаютъ? они имѣютъ жену, лошадей, слугъ; они живутъ въ удобномъ домѣ и зовутся миссіонерами! Нѣсколько католическихъ миссіонеровъ (вообще португальскихъ изъ Гоа, французскихъ изъ Шандернагора или изъ іезуитскаго коллегіума въ Помпидшери) искаживаютъ страну пашкомъ, босые, для обращенія неварныхъ. Они уже обратили немалое ихъ число, обращаютъ и теперь еще. Они пускаются на проповѣдь подобно самимъ апостоламъ. Протестантскіе же миссіонеры и вообще миссіонеры англійскіе

терпеливо выжидаютъ, когда невѣрные представятся предъ нихъ сами. Да и похожъ ли на апостола этотъ человекъ, который занимается химіею, книгопечатаніемъ, строитъ дома, выдѣлываетъ бумагу, производитъ торговлю, банкирскіе обороты? Англійскіе миссіонеры образуютъ общество и колонію, религіозную въ Европѣ, промышленную въ Индіи, довольно распространяющуюся на обоихъ берегахъ Ганга, но чрезвычайнов-мало приводящую овецъ къ божественному пастырю.»

«Надо также сказать», говоритъ авторъ «Путевыхъ Впечатлѣній», «что послѣдователи христіанскаго ученія не болѣе оказываютъ благотворительности, смиренія, чѣмъ ученики Браммы, Конфуція и Мухаммеда. И людямъ ли, имѣющимъ свои палаты, паланкины, кареты и лошадей, учить воздержанію людей, которыхъ покаянія бывають такъ ужасны, что ужаснули бы самихъ первыхъ мучениковъ? Я былъ при богослуженіи въ храмахъ Серампура, Бенареса, Лудіаны, Дѣли, Симлы: тамъ не было ни одного индусскаго уха для принятія слова Божія; только эхо сводовъ вторило словамъ служителя алтара. То былъ гласъ вопіющаго въ пустыни!»

Что до англійскихъ школъ, надѣлавшихъ столько шума, которыя основаны въ Калькуттѣ, Мадрасѣ, Бомбей, Агрѣ, Дѣли, Бенаресѣ, школъ, куда посылають дѣтей своихъ сыновья *бабусовъ* (богатыхъ Индусовъ) и *серкаровъ* (маклеровъ), то онѣ болѣе вредны, нежели полезны и приготавлиють только писцовъ для канцелярій, или педагоговъ, дѣлающихся языкомъ своихъ соотечественниковъ. Главные предметы тамошняго преподаванія — грамматика, латынь и искаженная географія. «Какой результатъ» говоритъ тотъ же авторъ, «имѣли всѣ эти миссіи, эти школы анабаптистовъ, лютеранъ, или католиковъ? Онѣ только выказали свое безсиліе. Только улучшивъ физическое состояніе человека, должно заботиться о его нравственномъ состояніи; человекъ, который терпитъ голодъ, холодъ и подверженъ разнымъ страданіямъ, прежде всего требуетъ пищи, одежды, или средствъ добыть ихъ. Въ странѣ, гдѣ такое множество несчастныхъ, напрасно будете вы искать хоть одной больницы для народа, хоть одного благотворительнаго учрежденія: только солдаты и чиновники правительства имѣють право на его призрѣніе и благотворительность.

Еслибъ желали, чтобъ англійскія миссіи распространили и утвердили свое вліяніе, то главнѣйше было бы нужно, чтобъ англо-индусское правительство показывало себя менѣе проникнутымъ важностью браминической идеологіи; чтобъ какой-нибудь лордъ Ауклендъ, на-примѣръ, не приносилъ даровъ на жертвенникъ идола, и чтобъ какой-нибудь лордъ Элейборо менѣе бы хлопоталъ о воротахъ какого-нибудь сомнаутскаго храма. Во время праздествъ Дурги и Кали, богинь разврата и убійства, пушки форта Уильяма не должны были бы гремѣть въ честь ихъ. Не-уже-ли уважающее себя правительство можетъ чтить подобное исповѣданіе? И наконецъ, должно ли было оно, подобно браманамъ, извлекать выгоды изъ суевѣрія бѣдныхъ Индусовъ, и жить на счетъ джагернаутской погоды? Въ глазахъ народа, эти почести и самый этотъ налогъ не должны ли доказывать всю важность, приняты-

ваемую этимъ церемоніямъ? не должны ли они содѣйствовать къ ихъ упроченію?

Англичане не могутъ поставить себя въ заслугу по истинѣ замѣчательнаго состоянія первоначальнаго обученія въ Индустанѣ (*). Это состояніе было таково же и до нихъ, оно одинаково во всѣхъ странахъ Востока; они нашли его готовымъ и нисколько не улучшили.

Каждое индусское селеніе отпускаетъ изъ своихъ доходовъ капиталъ на содержаніе брамана, который, кромѣ своего духовнаго служенія, управляетъ и должность школьнаго учителя. То же самое и въ мусульманскихъ селеніяхъ; даже и въ Афганистанѣ, гдѣ Англичане ужъ рѣшительно ничего не устроивали, каждое мѣстечко имѣетъ свое маддеса, управляемое по системѣ взаимнаго обученія наставникомъ, который живетъ доходами съ клочка земли, присвоеннаго его должности. Въ индійскихъ селеніяхъ, гдѣ встрѣчаются двѣ религіи, школа завладуется духовнымъ господствующей религіи: мусульмане и Индусы нисколько не стѣсняются учиться читать и писать, языкамъ и арифметикѣ, сидя другъ подле друга.

Плата за содержаніе каждаго ученика измѣняется по мѣстностямъ и по достатку родителей, отъ одного анна (15 копеекъ мадью) до 4 рупій (10 рублей ассигнаціями) въ мѣсяць. Для бѣднѣйшихъ классовъ, обыкновенная плата въ 4 анна (60 копеекъ) и рѣдко свыше 8 анна (1 рубля 20 копеекъ) въ мѣсяць.

Единственный элементъ цивилизаціи, действительно Англичанами введенный въ Индію, это механизмъ и свобода тисненія. Число журналовъ и періодическихъ изданій, выходящихъ теперь въ Калькуттѣ, Мадрасѣ, Бомбей и другихъ значительныхъ городахъ, какъ на англійскомъ, такъ и на персидскомъ, бенгальскомъ и другихъ языкахъ, теперь выше восьмидесяти. Нѣтъ сомнѣнія, что это тисненіе, свободное отъ всякихъ задержекъ, отъ всякихъ пошлинъ, будетъ орудіемъ, которое подкопаетъ со-временемъ зданіе индусскихъ учрежденій, которое наконецъ переплавитъ ихъ въ тигль цивилизаціи. Но при настоящемъ его ходѣ, для выполненія этого подвига, ему необходимы столѣтія, и дѣйствія его донинѣ едва-едва замѣтны, такъ-что, еслибъ когда-нибудь буря вдругъ ниспровергла англійское владычество, то въ Индіи не осталось бы отъ этого владычества другаго слѣда, кромѣ монетъ съ изображеніемъ короны Англіи, и нумизматика помѣстила бы ихъ въ-слѣдъ за монетами варварскихъ государей, которые, въ разныя эпохи, покорили эти мирныя страны, нѣкогда столь-цѣстущія.

Правительство англійской Индіи квалится своею терпимостію ко всемъ религіознымъ формамъ, подъ которыми различныя секты исповѣдуютъ Всевышняго, и мудрую медлительность, съ которою оно распространяетъ

(*) По вычисленіямъ Монтемери-Мартона въ Индустанѣ число дѣтей, умѣющихъ читать и писать, къ цѣлому народонаселенію находится въ пропорціи 4: 8, тогда-какъ, на-примѣръ, въ Пруссіи эти обѣ данныя относятся между собой какъ 1: 7, въ Нидерландахъ какъ 1: 9, въ Англіи какъ 1: 15, во Франціи какъ 1: 17.

евангельскія начала между туземными племенами. Между-тѣмъ, при всевозможной медленности, въ-продолженіе полу-вѣка такое благочестивое правительство и миссіи, напечатавшія и распространившія столько библій, безъ сомнѣнія произвели таки что-нибудь. Итакъ, посмотримъ на Індію въ 1843 году съ религіозной точки зрѣнія.

Не будемъ говорить о шестнадцати милліонахъ мусульманъ суннитовъ или шінтовъ; они здѣсь, какъ и вездѣ, мало обращаются въ христіанство.

Что до семидесяти милліоновъ Индусовъ, ихъ религія, браманская, была въ основаніи чистой монотеизмъ, но съ теченіемъ времени и въ-слѣдствіе свойственной человѣческому роду склонности къ вышнимъ чувственнымъ образамъ, превратилась въ совершенный политеизмъ. Эта религія основана на *Vedas* (въ четырехъ книгахъ), которыхъ древность восходитъ къ эпохѣ рожденія Моисея, или за 1300 лѣтъ до Р. Х., но религіозное преданіе считаетъ ихъ гораздо-древнѣе и приписываетъ Мену, духамъ, истекшимъ отъ Брамь, которыхъ обязанность состояла исключительно въ томъ, чтобъ дать законы землѣ.

Вотъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ мѣстъ этой книги: «Ангелы «стали вокругъ престола Всемогущаго и съ смиреніемъ спросили его, «кто онъ самъ? И онъ отвѣчалъ: Я существую отъ вѣчности и пребуду «вѣчнымъ; я первая причина всего сущаго на востокъ и западъ, на «сѣверъ и югъ, на высоту горъ и на земли долу. Я есмь все, древнѣе, «чѣмъ все; я есмь истина, познаніе, чистота, свѣтъ свѣтовъ, предохра- «неніе, разрушеніе, начало и конецъ; наконецъ, я есмь безпредѣль- «ность.» И какимъ образомъ эта возвышенная мысль могла превратиться въ идолопоклонство? Черезъ символизмъ призраковъ, атрибутовъ. Три великіе атрибута Всемогущаго, создавать, сохранять и разрушать, были обозначены именами Брамь, Вишну и Шивы. Божественное единство было такимъ-образомъ измѣнено въ тройственность, и каждый изъ этихъ боговъ нашелъ себя особыхъ поклонниковъ, смотря по тому, какъ умы однихъ и другихъ болѣе поражались дѣйствіемъ творящимъ, сохраняющимъ или разрушающимъ. Брама, сила, находящаяся въ усыпленіи, наименѣе популярна; онъ въ-особенности боготворимъ въ святилищахъ храмовъ браманами, которымъ далъ свое имя. Вишну и Шива дѣлятъ между собою другія касты и ихъ подраздѣленія.

Но въ-послѣдствіи, преданіе низвело Вишну и Шиву на землю, подъ различными видами, для принятія участія въ различныхъ драмахъ исторіи человѣчества. Эти явленія назывались аватарами или воплощеніями. Вишну воплощался девять разъ, Шива — два. Такъ-какъ каждому аватару давали особое имя, то изъ этого вышло одиннадцать новыхъ боговъ. Человѣчество не могло остановиться на этомъ пути прогресса; число боговъ все болѣе-и-болѣе возрастало: герои, благодѣтели народовъ, элементы, даже раки, нашли себя мѣсто въ этомъ пантеонѣ, такъ-что теперь число божествъ восходитъ до трехъ милліоновъ, которыхъ всѣ, судя по обстоятельствамъ, призываются въ молитвахъ народами Індіи.

«Надо» говорить Біорнштёрна: «отличать въ этой страна два исповѣданія: исповѣданіе брамановъ, т. е. духовныхъ и народа. Последнее превращается въ совершенное идолопоклонство, тогда-какъ первое покорится «на догматахъ Ведъ и существованія единого Бога.» «Только» говорятъ браманы: «есть сокровище, ковчегъ храма, который никогда не надо «показывать взорамъ толпы. И вотъ почему мы оставляемъ народу его «идоловъ, которые говорятъ его чувствамъ, успокаиваютъ его совесть «и даютъ миръ его душѣ во всѣхъ случаяхъ жизни.» И потому браманы ограничиваются тѣмъ, что истолковываютъ народу часть Ведъ, нивящую отношеніе къ переселенію душъ и на которой основывается вся практическая нравственность Индусовъ.» Этому ученію метампсихоза надо приписать тѣ нравственные феномены, которые представляются въ Индіи ежедневно и съ перваго раза кажутся невъяснимыми; такъ, напримеръ, равнодушіе къ смерти у народа, столь трусливаго.

Это ученіе очень-любопытно само-по-себѣ и интересно по своимъ результатамъ. По словамъ Мену, существо самобытное, вѣчное, невидимое, которое можетъ быть постигнуто однимъ духомъ, пожелало наконецъ проливаться во всей своей славѣ. Оно создало сначала единою мыслию воды и положило туда производительное сѣмя. Это сѣмя сдѣлалось яйцомъ, блестящимъ, какъ золото, яркимъ, какъ солнце о тысячахъ лучахъ. Въ этомъ яйцѣ онъ образовался самъ въ видѣ Парабрамы, божественнаго человека, проявленія въ этомъ мірѣ первой невидимой причины. Разбивъ это яйцо въ исходѣ года вѣчности, равняющагося нѣсколькимъ миллиардамъ солнечныхъ годовъ, онъ приступилъ тотчасъ къ сотворенію видимой вселенной. Часть яйца сдѣлалась небомъ; изъ другой онъ сдѣлалъ землю и собралъ тамъ творящія воды; потомъ, раздѣливъ собственное свое существо, онъ сдѣлался одною своею половинною существомъ мужскаго пола, другою — женскаго, или принялъ вмѣстѣ и действительную и страдательную природу, чтобъ воспроизвести себя въ существахъ, которыя раздѣляли бы его божественную природу.

То были сперва Брами, Вишну и Шива, между которыми онъ раздѣлилъ свои атрибуты; потомъ онъ создалъ Мойсасура и всѣхъ ангеловъ, которымъ далъ одинъ законъ, чтить его — владыку. Но вскоре, упоенные своею собственною славой, Мойсасуръ и часть этихъ ангеловъ возмущались противъ него, были изгнаны изъ его присутствія и осуждены на муки ада.

Послѣ довольно-долгого періода наказанія, Брами, Вишну и Шива стали ходатайствовать за падшихъ ангеловъ, и Вѣчный захотѣлъ испытать ихъ снова и дать имъ случай заслужить прощеніе. Съ этою цѣлью, онъ возложилъ на Брामу обязанность дать новый видъ вселенной. Тотъ раздѣлилъ ее на пятнадцать очистительныхъ планетъ; земля была среднею планетою. Семь нижнихъ планетъ были назначены для наказанія падшихъ ангеловъ, земля для періода испытаній, семь высшихъ планетъ для очищенія. Для юдоли испытанія Брами создалъ девяностодевять смертныхъ формъ, изъ которыхъ послѣдняя и самая благородная — человеческое тѣло, предпоследнее — корова, и душа должны постепенно одушевлять ихъ. Въ этихъ тѣлахъ они должны страдать

соразмірно съ своєю жизнью, болѣе или менѣе очистительною на низшихъ планетахъ, и тѣ, которые, будучи въ человеческомъ образѣ, окажутъ неповиновеніе божескимъ повелѣніямъ, должны снизойдти въ область наказаній прежде, чѣмъ начнутъ снова девяносто-девять испытаній или земныхъ переселеній. Тѣ, наконецъ, которые возмогутъ перейти пятнадцать областей, не оскорбивъ снова божескаго величія, заслужатъ высочайшее блаженство.

Ангелы, оставшіеся вѣрными, получили позволеніе бдѣть надъ своими преступными братьями и предохранять ихъ (трогая ихъ сердце и говоря ихъ совѣсти) отъ сѣтей и соблазновъ Мойсасура и другихъ зачерствѣлыхъ мятешниковъ.

До-сихъ-поръ предрасудокъ кастъ былъ почти непреодолимымъ препятствіемъ къ обращенію Индусовъ. Наиболѣе обращеній встрѣчаемъ между паріями, судрами, весіями; первые чрезъ это могутъ только выиграть, а другіе теряютъ наименѣе отъ своего отступленія отъ касты. Въ-особенности чрезвычайно-рѣдки обращенія между браманами. Вообще можно сказать, что ежегодно среднимъ числомъ обращается отъ двухъ до трехъ сотъ челоѣкъ на сто милліоновъ душъ; и изъ этого малаго числа, девять десятыхъ обращаются въ католическую вѣру.

Посмотримъ на Парсовъ, которыхъ довольно-вѣрно называютъ восточными *коакерами*. Убѣгая отъ мусульманъ въ эпоху, когда исламизмъ наводнилъ Персію, они, послѣ многихъ странствій, нашли себя наконецъ убѣжище на западномъ берегу Индіи, и туда принесли съ собою священный огонь, который они обожаютъ и который хранится еще и теперь въ Удваръ. Они не имѣютъ ни храмовъ, ни жертвенниковъ, ни изображеній божества, которое боится оскорбить, изображая его или ограничивая пространствомъ. Они обожаютъ его во всемъ небесномъ сводѣ, солнцѣ, лунѣ, звѣздахъ, землѣ, водѣ, огнѣ и вѣтрахъ, но не приносятъ жертвъ ни одному изъ нихъ. Они не постыжся, потому-что, какъ говорятъ они, Богъ радуется счастіемъ своихъ тварей. У нихъ не позволено многоженство, исключая тѣхъ случаевъ, когда первая жена бесплодна; наложничество рѣшительно запрещено. Они съ вѣрою сохранили всѣ древнія преданія, въ-особенности относящіяся до похоронъ. Башни смерти воздвигаются вдалекѣ отъ жилищъ челоѣка, и на ихъ открытыхъ террасахъ тѣла усопшихъ подвержены дѣйствию элементовъ и хищничеству плотоядныхъ птицъ. Никакой чужеземецъ не можетъ приблизиться во время этихъ похоронъ. Благотворительность Парсовъ безпредѣльна и распространяется на бѣдныхъ всѣхъ исповѣданій. Они оказываютъ своимъ собственнымъ нуждающимся такую действительную помощь, что между ними никогда не встрѣчаешь нищаго.

Не смотря на постоянные успѣхи ихъ довольно уже подвинувшейся цивилизаціи, обращенія между ними такъ же рѣдки, какъ и между мусульманами.

Туземные христіане, сврійскіе, ученики апостола Фомы, который, распространивъ христіанство въ Сиріи, Счастливой-Аравіи и на островѣ Сокоторѣ, прибылъ въ 51 году въ Кранганоръ. Св. Фома быстро распространилъ христіанство по Малабарскому-Берегу и въ Южной-

Индія, въ Кохинъ и Траванкору. Онъ долго былъ преследуемъ и наконецъ побить каменіемъ на горъ близъ Мадраса, которая навсегда потомъ сохранила его имя. И нынче еще, восемнадцать столетій спустя, гора и городъ св. Фомы бываютъ мѣстомъ поклоненій для христіанъ, которые стекаются туда со всѣхъ странъ Индіи изъ глубины Персіи, Сиріи и Арменіи, устремляясь толпами въ городъ и покрываая гору, чтобъ облобызать мѣсто, на которомъ пострадалъ апостолъ. Они уносятъ отсюда горсть чудотворной, красноватой земли, которую торжественно даютъ больнымъ и умирающимъ.

Въ первые восемь вѣковъ они были болѣе или менѣе преследуемы, но не исчезли съ лица земли; управлялись патриархально. Съ десятого до четырнадцатаго столетія они наслаждались въ некоторомъ спокойствіемъ, размножились и образовали собою небольшой народъ, котораго глава принималъ имя царя христіанъ.

Португальцы, основавъ свои первыя факторіи въ Индіи, чрезвычайно были изумлены, найдя между рыбаками Манарскаго-Залива и жителями Малабарскаго и Коромандельскаго Береговъ около двухъ-сотъ тысячъ христіанъ, называвшихъ себя учениками св. Фомы. Тогда было у туземныхъ христіанъ уже до полуторы тысячи церквей подъ управленіемъ сирійскаго патриарха.

Но прибытіи Португальцевъ, туземные христіане сами-собою предложили присоединиться къ западной церкви, но они были въ свою очередь изумлены, найдя въ ней такія учрежденія, о которыхъ они прежде и не слыхали, на-примѣръ, исповѣдь на-ухо, первенство папы. Это породило важныя распри, окончившіяся ужаснымъ преслѣдованіемъ со стороны Португальцевъ, которые около половины XVI столетія учредили инквизицію и поступали хуже самыхъ язычниковъ съ своими братьями во Христа. Въ 1661 г., Голландцы сманили Португальцевъ. Это обстоятельство дало сирійскимъ христіанамъ свободу отправлять свое богослуженіе.

Что касается до Индусовъ, обращенныхъ въ христіанство католическими миссіонерами, ихъ считается около ста тысячъ въ Мадрасскомъ-Президентствѣ. Но едва-ли ихъ можно назвать христіанами, не смотря на все ихъ къ тому желаніе. Они ходятъ въ церковь, но въ глубинѣ сердца, по своимъ суевѣріямъ, большая часть изъ нихъ еще язычники. Они еще до извѣстной степени сохраняютъ предрасудки касты, редко женятся внѣ прежнихъ ограниченій и часто даже не хотятъ быть другъ съ другомъ за одной трапезой. Причины такого малаго успѣха должно искать въ невярномъ положеніи, въ бѣдности и печальномъ невѣжествѣ католическаго духовенства, которое, за исключеніемъ очень-малаго числа пондистерійскихъ іезуитовъ и десятковъ трехъ ирландскихъ священниковъ, присланныхъ недавно (1836), состоитъ изъ бѣдныхъ португальскихъ черныхъ или мулатовъ, воспитанныхъ въ Гоа, гдѣ они выучились повторять машинально нѣсколько латинскихъ словъ, а не понимать возвышенное ученіе, быть проповѣдниками котораго призваны. Правительство, которое управляетъ этою страню для велико-

лькой Анліи, не стыдится ограничивать содержаніе этихъ несчастныхъ туземныхъ священниковъ до 30 рупій (75 рублей) въ мѣсяцъ, на что они должны также и содержать свои церкви. Они проповѣдуютъ милосердіе, а сами такъ бѣдны, что не въ-состояніи показывать примѣра. Часто одинъ *падри* (священникъ) долженъ служить въ четырехъ церквахъ, находящихся въ разстояніи двадцати верстъ одна отъ другой.

Число католиковъ въ Бомбейскомъ-Президентствѣ такое же, какъ и въ Мадрасѣ. Въ Бенгалѣ это число опредѣлительно неизвѣстно, но вѣроятно, оно пропорціонально пространству. Многие владѣтели Сьерра-Ле-Индустана покровительствовали римской церкви и жертвовали ей вѣщадинами, между другими бегумъ Сумру, царица Серданы, рано принявшая католицизмъ и недавно еще скончавшаяся въ недрахъ этой религіи.

Что касается до успѣховъ протестантства, то надо признаться, все усилія мисіонеровъ, не смотря на ихъ неоспоримые таланты, покровительство правительства и огромныя средства, находящіяся въ ихъ рукахъ въ-сладостіе ревности, благотворительности и ежегодныхъ подаяніяхъ метрополіи,— что все ихъ усилія къ распространенію между Индусами какой бы то ни было реформатской секты, пресвитеріанской, англиканской или анабаптистской, еще до-сихъ-поръ безплодны. Имъ удалось привлечь въ первоначальныя школы, въ Бенгалѣ, около пятидесяти тысячъ учениковъ, но эти ученики идутъ туда для механическихъ искусствъ и наукъ, а не для религіи. Во всемъ Бенгалѣ считается всего около 66,000 туземныхъ протестантовъ; едва половина этого числа въ Мадрасѣ, и еще меньше въ Бомбей.

Есть, наконецъ, и Евреи, бѣлые и черные; но они такъ разсыяны въ массѣ народовъ, что невозможно учтять ихъ.

Владычество Англичанъ въ Индіи основано ли на любви подвластныхъ имъ народовъ? Этотъ вопросъ, кажется, уже самъ-по-себѣ разрѣшается сказаннымъ выше. Спросите райота, на порогахъ его хижины, гдѣ посреди нечистоты тѣснится его семья, плохо защищенная отъ непогоды, у земледѣльца, который проводитъ жизнь подобно рабочему волю,—они вамъ отвѣтятъ, указывая на свою нищету: «могу ли любить того, кто до такого бѣдствія довелъ меня?» Спросите ткача безъ работы; который видитъ, какъ предъ его глазами продаются англійскія ткани; спросите у старинныхъ земледаровъ, т. е. у всѣхъ старинныхъ семействъ, у всѣхъ классовъ, нѣкогда жившихъ въ довольствѣ и уваженіи, а потомъ заброшенныхъ, когда изъ нихъ были выжаты все соки; спросите даже у тѣхъ, которымъ нынѣ повсрвительствуютъ, по которымъ, не смотря на сравнительно-лучшую участь, могутъ однако ежедневно разориться отъ неурожая и засухъ (въ-сладостіе безпечности правительства, неподдерживающаго вовсе никакихъ публичныхъ построекъ); спросите у Индуса, любить ли онъ нго племени, принадлежнаго вѣдьяка, исповѣдующаго совершенно различную отъ него религію, племени болѣе нечистаго въ его глазахъ, нежели парія, скитающійся около селеній,—племени, котораго одно прикосновеніе есть уже пятно,—племени,

ненавистнаго ему по своему вкусу, обжорству, своимъ удовольствіямъ и привычкамъ, и которому онъ обязанъ пороками и болезнями, какихъ онъ прежде и не знавалъ. Вся отвѣтъ одно и то же: «мы ненавидимъ иноземца». А мусульмане?.. спросите ихъ, какъ они смотрятъ на неварныхъ: желаютъ ли они возстановленія тамерланова престола въ Дали, или ауренг-зебова въ Агръ; старались ли они утишить раздраженіе этого падшаго завоевателя, льстя его національному тщеславію, чтя его воспоминанія, преданія, поддерживая съ подобающимъ уваженіемъ эти чудные памятники, воздвигнутые набожностью и щедростью его героевъ и его святыхъ? Колѣнопреклоненный въ своей чудной мечети, погруженный въ молитву и размышленіе, мусульманинъ могъ бы, быть можетъ, обвинять только несчастную судьбу своего племени и жить въ состояніи восторженности воспоминаніями своей прошлой славы. Но не такъ дѣйствовали Англичане: лордъ Ауклендъ предводительствуетъ крестовымъ походомъ язычниковъ и неварныхъ, чтобъ низпровергнуть послѣдній престолъ, чтобъ осквернить послѣднее святилище, оставившее ихъ братьямъ; лордъ Элленборо наноситъ безчестіе гробницамъ храбраго Бабера, Махмуда-Гизневи, котораго всякій мусульманинъ почитаетъ святымъ, или, по-крайней-мѣрѣ, самымъ чистѣйшимъ, самымъ героическимъ поборникомъ своей вѣры (*). Гизни, святой городъ, Бенаресъ индійскихъ мусульманъ, гдѣ некогда остатки побѣжденной англійской арміи нашли себѣ пощаду, былъ разрушенъ Англичанами, такъ-что не осталось и камня на камнѣ. Посѣтите Аллагабадъ (Божій-Городъ), при слияніи Ганга и Джумны: тамъ увидите превосходно-со-

(*) Чтoby ослабить въ глазахъ Индусовъ дурной эффектъ плачевнаго окончанія афганской войны, лордъ Элленборо увлекся такъ далеко своимъ воображеніемъ, что сдѣлался смѣшнымъ. Онъ не удовольствовался тѣмъ, что принялъ со всюю азіатскою роскошью и великолѣпіемъ возвратившуюся изъ похода армію Поллока; онъ не ограничился тѣмъ, что въ своей прокламаціи побѣдосному воинству рассыпалъ всѣ блестящія и цѣны восточнаго слога; онъ хотѣлъ, чтобъ польстить гордости Индусовъ, придать этой политико-меркантильной экспедиціи колоритъ религіознаго энтузіазма; онъ нагло объявлялъ поклонникамъ Брами, что англо-индійское войско вторглось въ Кабулъ за тѣмъ только, чтобъ отмстить оскорбленіе, нанесенное имъ вѣроисповѣданію, за восемьсотъ лѣтъ тому назадъ, мухаммеданиномъ Махмудомъ, султаномъ Гизни.

Это оскорбленіе состояло въ похищеніи воротъ индусскаго соннаутскаго храма. Эти ворота изъ сандала были перевезены въ Гизни побѣдителемъ Индіи, вмѣстѣ съ множествомъ добычи. «Эти ворота, важнѣйшій трофей побѣды», сказано было въ прокламаціи къ Индусамъ: «столь долго бывшія памятникомъ вашего униженія, «служать теперь блестящимъ свидѣтельствомъ вашей народной славы и вашего «превосходства надъ за-индскими народами», и проч.

Этотъ шарлатанизмъ мало пришелся по вкусу даже Индусамъ самымъ фанатическимъ кастѣ; они впрочемъ смѣдились святому рвенію, съ которымъ генералъ-губернаторъ отстаивалъ честь Брами, въ ущербъ Махаммеду, и зачѣмъ? Отъ этого знаменитаго храма въ Соннаутѣ уже не осталось ни камня, и городъ давно сдѣлался мухаммеданскимъ.

Англія серьезно раскритиковала эту плохую шутку, оскорбившую десять милліоновъ мухаммеданскихъ подданныхъ Англіи, не увеличивъ ни на одну йоту приверженности брамановъ. Англійскіе каррикатуристы не упустили этой вѣрной окказіи поострить на-счетъ защитниковъ Брами.

храненный фортъ, орудіе владычества. Но гдѣ самый городъ? Нѣсколь-
ко виллъ Европейцевъ, рынокъ и небольшая слобода мелкихъ торго-
шей (баньяновъ), гдѣ только и видно, что англійскіе товары, — вотъ все,
что осталось отъ него. «Владальческій замокъ» повѣствуетъ авторъ «Пу-
тевыхъ Впечатлѣній»: «былъ расположенъ на берегу; рѣка затопила
«половину его. Оставалось еще нѣсколько мраморныхъ апартаментовъ,
«покрытыхъ золотыми арабскими надписями: наложили руку и на эти
«остатки, чтобъ изукрасить ими жилище какого-нибудь гражданского
«чиновника (civilian) или купца. Муэдзинъ призываетъ вѣрныхъ на мо-
«литву съ высоты полуразвалившейся башни: эта башня — послѣдній
«неупавшій еще остатокъ превосходной мечети Джума-Муеджидъ; все
«эти осколки, эти разбитыя колонны, что лежатъ въ водахъ рѣки, при-
«надлежали ей некогда; между-тѣмъ, за миллионъ рупій можно было бы
«противопоставить Джумѣ оплотъ и сохранить мастерское произведеніе
«мухаммеданской архитектуры.»

Если Англичане ненавидимы въ Индіи, въ совокупности какъ народъ
побѣдителей, то не менѣе того они ненавидимы и въ частной жизни;
въ Индіи надежда на безнаказанность позволяетъ имъ дѣлать дерзости
и производить угнетенія, отъ которыхъ плачутъ сами ангелы, по вы-
раженію Шекспира: *Such fantastic tricks as to make the very angels weep.*

Когда подобныя отношенія существуютъ между побѣдителемъ и по-
бѣжденнымъ, несправедливость и пренебреженіе съ одной стороны,
страхъ и презрѣніе съ другой, тогда любовь невозможна. Итакъ, власть
Англичанъ въ Индіи основана на страхѣ. Этотъ страхъ Индійцевъ
прежде всего имѣетъ свое основаніе во всеобщемъ глубокомъ и осно-
вательномъ убѣжденіи въ невозможности свергнуть британское иго безъ
европейской помощи, и въ превосходствѣ предъ ними побѣдителей въ
физической силѣ, въ мужествѣ, талантахъ, знаніяхъ; онъ происходитъ
еще отъ ослабленія, произведеннаго дисциплиною, артиллеріею Англи-
чанъ и въ-особенности тѣмъ счастьемъ, которое, до афганской экспе-
диціи, никогда не измѣняло ихъ оружію. Онъ происходитъ еще отъ
преувеличенной идеи о средствахъ компаній въ людяхъ и деньгахъ:
компанія считается гидрою, у которой сколько ни отрубай головъ, все
вырастутъ новыя.

Взглянувъ попристальнѣе на народы Индіи, мы убѣдимся, что Ан-
гличанамъ нѣчего бояться отъ нихъ, пока они предоставлены сами
себѣ.

Сипай совершенно убѣжденъ, что всякое возстаніе съ его стороны
повлечетъ неминуемо его собственную гибель. Къ-тому же онъ, подоб-
но вѣрной собакѣ, только и умѣетъ, что повинноваться своему господину.
Слова: «отечество», «честь», заключены для него въ одномъ индустан-
скомъ выраженіи немак-халай (вѣрный соли), то-есть, онъ весь преданъ
рукъ, которая его кормитъ. И такъ, онъ выполнитъ слѣпо все прика-
занія, которыя не будутъ противорѣчить его религіознымъ предубѣж-
деніямъ, до которыхъ стараются никогда не касаться.

Что до промышленнаго класса, то онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы принять участіе ни въ какомъ волненіи, но, напротивъ того, съ ужасомъ смотрѣлъ бы на подобный кризисъ, хорошо зная, что все, что онъ только имѣетъ самаго драгоценнаго, самаго священнаго, слѣдствіемъ добычею грабительствующихъ необузданныхъ шаекъ; ибо такъ поступали Маратты, Пиндарисы, Непальцы, которые грабили и рѣзали своихъ собственныхъ мирныхъ соотечественниковъ. Такимъ образомъ, во времена кризисовъ баньяны (мелкіе торгаша), магаджуну (негоціанты), суррафы (мѣнялы), согокары (банкиры) и безчисленный классъ содагаровъ (разнощиковъ), зарываютъ свои имущества, свои товары и съ терпѣніемъ ожидаютъ слѣдствій войны.

Кромѣ того, различіе вѣрованій не допускаетъ между индійскими племенами никакого единства (*).

Для того, кто хорошо вѣсѣдовалъ Индію, ея поверхность подобна обширному калейдоскопу, гдѣ безчисленные обломки цивилизацій, взгроможденныхъ одна на другую, и разрушенныхъ имперій представляются въ послѣдовательныхъ слояхъ. Малѣйшаго движенія, малѣйшаго столкновенія достаточно для того, чтобы потрясти ихъ, сосланиить, сгнать, гамить, и вдругъ раскинуть ихъ въ самыя причудливыя, самыя неожиданныя формы. По выраженію Баршу-Пенозна, это есть родъ общественной пыли, которую духъ завоеванія или просто исканія приключеній можетъ вдругъ поднять въ разрушительные вихри.

Явись только другой гигантъ равной силы на берегахъ Инда, чтобы вступить въ борьбу съ Англіей, — положеніе далъ совершенно изменится, иное столкновеніе этихъ двухъ колоссовъ породитъ бурю, потрясетъ всю политическую атмосферу. Эти вихри, о которыхъ сказали мы, тотчасъ подымутся, законъ формацин, конденсацін (образованія, сгнченія) начнетъ дѣйствовать на всѣхъ пунктахъ. Тогда наступитъ часъ для владычества Англіи: вмѣсто того, чтобы найти оперу въ этой странѣ, она почувствуется, какъ страна ускользаетъ изъ-подъ ея ногъ,

(*) Англійская политика не упускала изъ вида пользоваться этими, недостроенными предку владѣтеля къ владѣтелю, одного государства къ другому. Во время бирманской войны, луннаускій владѣтель уплатилъ компаніи впередъ два корора (30 милліоновъ рублей) (*), и снарядилъ на свой счетъ два полка; въ-продолженіе войны съ Мараттами, Джатами, Непаломъ, мусульманскія населенія показали ту же приверженность. Въ эпоху набульскаго экспедиціи, слѣдствіемъ всеобщее возрваніе ко всѣмъ государствамъ, которыхъ владѣнія находились посреди компанейскихъ: не нашлось ни одного, который бы не далъ больше того, что позволяли его средства. Можно было бы сказать, что это была всеобщая лига, союзъ противъ общаго врага. Таково-то вслѣдствіе этихъ государствъ; можно сказать, что они, не утѣя сами себя, боятся выйти изъ-подъ опеки, подъ которою привыкли жить, и не осмѣливаются переступить круга, очерченнаго около нихъ политическими агентами (*political agents*): такимъ образомъ почти всѣ издержки этой безумной экспедиціи въ Кабуль были понесены государствами Индустана.

(*) Короръ — 100 лакъ рупій.

и увлеченная собственною своею тяжестью, владычица Индіи падеть къ ногамъ врага, изумленнаго такимъ внезапнымъ паденіемъ.

При взглядѣ на карту Индіи вы увидите, что границы этой страны образуютъ родъ неправильнаго четырехугольника, котораго юговосточная и югозападная стороны окружены Индійскимъ-Океаномъ, сѣверовосточная прикрыта Гималаемъ и Арраканскими-Горами, а сѣверозападная Индомъ. Съ двухъ первыхъ сторонъ, Англійи нечего бояться непріятельскаго вторженія, доколѣ она первенствуетъ на моряхъ; съ третьей стороны она также безопасна, какъ по причинѣ непроходимыхъ горъ, такъ и по безсилію прилежащихъ странъ: Тибета и Авы. И такъ, вторженіе въ Индію возможно только съ сѣверозападной границы.

Варрэнъ вычисляетъ, основываясь на всѣхъ вѣроятностяхъ, какое войско можетъ противопоставить Англійа съ этой стороны вторгнувшемуся непріятелю: по его наведеніямъ, не больше шестидесяти тысячъ человекъ, изъ которыхъ тринадцать тысячъ Европейцевъ, даже и въ томъ случаѣ, если войско будетъ устроено по примѣру 1842 года, что влечетъ за собою ежегодный дефицитъ въ 63,000,000 рублей въ финансахъ Индіи. Остальное войско должно будетъ прикрывать важнѣйшіе пункты, которыхъ охраненіе невозможно поручить однимъ туземнымъ гарнизонамъ. Безъ-сомнѣнія, метрополія въ такомъ случаѣ приплетъ подкрѣпленіе, но не болѣе, какъ въ пятнадцать тысячъ человекъ, которые, если и прибудутъ въ-время, то во всякомъ случаѣ мѣстное правительство не можетъ противопоставить непріятелю болѣе шестидесяти съ небольшимъ тысячъ человекъ, изъ которыхъ отъ двадцати-пяти до двадцати-восьми тысячъ Европейцевъ.

Присоединеніе войска Сейковъ къ англійской арміи не много усилитъ ее. Послѣ того, какъ Сейки потеряли Рунджита-Синга, этого рѣдкаго гениальнаго человека, извлекшаго свой народъ изъ ничтожества, — ихъ войско, преданное безпрестанной анархіи, низшло на чреду всѣхъ индійскихъ милицій. Французскіе офицеры, давшіе ему новое устройство, теперь не имѣютъ никакого вліянія и спѣшатъ оставить неблагодарную страну. Изъ всей сейкской кавалеріи только и замѣчателенъ отрядъ гвардіи Шере-Синга, около пятисотъ человекъ. О ихъ артиллеріи можно судить по слѣдующему историческому факту. Въ январѣ 1842 года, полковникъ Уильдъ, желая атаковать киберское ущелье, чтобъ освободить генерала Сэля, запертаго въ Джеллалабадъ, и, не имѣя орудій обратился къ генералу Куру (Court), который отдалъ въ его распоряженіе весь свой паркъ. Англійскій командиръ, естественно, выбралъ два лучшія орудія; но когда ихъ употребили въ дѣло, то одну пушку разорвало при второмъ выстрѣлѣ, а лафетъ другой съ перваго раза сдѣлался ни къ чему негоднымъ, такъ-что ихъ надо было кинуть на полъ битвы.

Изъ всего этого Варрэнъ заключаетъ, что новый завоеватель долженъ имѣть не болѣе семидесяти тысячъ европейскаго войска, котораго будетъ достаточно, чтобъ пройти безпрепятственно по всему Индустану отъ Аттока до мыса Коморина. Давно уже сказалъ Клейвъ: «Индія всегда будетъ принадлежать тому государству, которое выведетъ на по-

же сраженія наибольшее число европейскихъ войскъ. «Изъ всего видно, что и онъ ни во что ставилъ сипаевъ, годныхъ разве для внутренней полиціи, чтобъ смотрять за робкими туземцами. Едва-ли кто лучше этого великаго человека зналъ Индійцевъ и достигъ чрезъ то лучшихъ результатовъ.

Варрентъ, для подкрѣпленія своихъ вычисленій сильнѣйшимъ аргументомъ, приводитъ планъ, найденный въ бумагахъ императора Наполеона.

Вотъ наполеоновъ планъ сухопутнаго похода въ Индію: Этотъ походъ долженъ былъ быть предпринятъ послѣ счастливаго исхода нашествія на Россію.

35,000 Русскихъ спустятся внизъ по Волгѣ до Астрахани, гдѣ они будутъ ждать французской арміи.

35,000 Французовъ спустятся на судахъ по Дунаю до его устья. Оттуда, они будутъ перевезены въ Таганрогъ на судахъ, выставленныхъ Россію; потомъ дойдутъ сухимъ путемъ до Царицына, откуда по Волгѣ спустятся до Астрахани. Оттуда они на судахъ отправятся въ Астербадъ для соединенія съ русскимъ корпусомъ. Такимъ образомъ, французскій корпусъ прибудетъ въ этотъ послѣдній городъ безъ большой усталости.

Изъ Астербада, оба соединенные корпуса отправятся къ Инду.

Такимъ образомъ, очевидно, Наполеонъ полагалъ, что для вторженія въ Индію достаточно — семидесяти-тысячной арміи; а еще надо замѣтить, въ то время существовали препятствія, которыя теперь исчезли. Одно изъ нихъ было особенно-страшно: Афганистанъ, котораго географія была тогда почти неизвѣстна и котораго негостепримныя племена безчисленнымъ множествомъ гверпльсовъ затруднили бы невѣрный путь арміи; между-тѣмъ, какъ нынче обстоятельства измѣнились, и они съ радостью примкнутъ къ врагу ненавистныхъ имъ Англичакамъ. Къ-тому же, тогда еще существовали на Индустанскомъ-Полуостровѣ независимыя государства, которыя англо-индійское правительство счумало бы ловкою полѣткою склонить на защиту своего существованія. А нынче всѣ эти престолы испровергнуты, ихъ обломки превращены въ прахъ; правительство англійской Индіи на этомъ обширномъ пространствѣ не оставило себѣ никакой опоры; оне всею своею громадою должно впредь держаться собственнымъ равновѣсіемъ на зыбкомъ пескѣ ненависти народовъ.

Чрезвычайно-важно, что новые завоеватели не могутъ быть затруднены продовольствіемъ войска. «Они найдутъ» говоритъ Варрентъ: «огромный, удивительный экономическій комиссаріатъ, устроенный уже многія столѣтія и усердно служившій всѣмъ завоевателямъ Индіи».

Въ войнѣ 1791 г. противъ Типо-Санба, положеніе англійской арміи, подъ начальствомъ лорда Корнуаллиса, сдѣлалось самымъ критическимъ по рѣшительному недостатку продовольствія. Въ этихъ обстоятельствахъ, какой-то компанейскій офицеръ далъ главнокомандующему совѣтъ обратиться къ Ламбадіямъ или *Бринжаріамъ*, кочевому племени особой ка-

сты. Это для Индіи настоящіе Цыгане; они ведутъ здѣсь исключительно торговлю зерновымъ хлѣбомъ. Они перевозятъ его на волахъ и верблюдахъ чрезъ огромныя пространства посреди столь многочисленныхъ конвоевъ, что ихъ можно бы принять за цѣлые корпуса. Бринжаріи никогда не живутъ въ домахъ, а кочуютъ, разставляя свои палатки съ въ-которою правильностью; они очень-храбры и оказываютъ сильное со-противленіе нападающему. Въ военныя времена, они обыкновенно явля-ются въ лагеряхъ воюющихъ армій. Стекаясь со всѣхъ сторонъ, они переходятъ на сторону той или другой арміи, а чаще къ обѣимъ вмѣ-стѣ, если только обѣ желаютъ воспользоваться ихъ услугами, потому-что они всякому готовы служить за деньги и вѣрны до послѣдней ко-пейки. Соблюдая, впрочемъ, самый строгій нейтралитетъ между вою-ющими сторонами, они имѣютъ цѣлью только продавать свой зерновой хлѣбъ и отдавать въ наемъ свой упряжной и вьючный скотъ тому, кто дастъ больше. Впрочемъ, ихъ такое множество, что ихъ всегда хватить на обо-ихъ непріятелей; одной сторонѣ было бы невозможно подкупить ихъ всѣхъ: это бы значило хотѣть иссушить океанъ. Каста этихъ кочую-щихъ промышленниковъ изъ всѣхъ другихъ въ этихъ странахъ наибол-ѣе отличается тѣмъ, что нравы ея членовъ слишкомъ-грубы, жесто-ки: уваряютъ, что Бринжаріи приносятъ своему божеству человѣческія жертвы; надо также замѣтить, что это племя извѣстно своею чрезвычай-ною силою и неутомимостью. Какъ бы ни были форсированы марши вой-ска, которому они обязались доставлять продовольствіе, они поспѣютъ за нимъ всюду. Между другими ихъ странными обычаями, очень-замѣча-тельно то, что они не пьютъ никогда воды ни рѣчной, ни изъ пру-довъ. Это обстоятельство дѣлаетъ ихъ удивительно-полезными спутни-ками на походы въ пустынныхъ мѣстахъ; если только есть хоть капля воды въ окрестностяхъ, на какой бы глубинѣ ни заключалась она, они сдумаютъ ее отрыть.

Бринжаріевъ съ пользою употребляли и лордъ Корнуаллисъ, и гер-цога Веллингтонъ; теперь Англичане устроили свой огромный коммис-саріатъ и отвергаютъ ихъ услуги.

Английскіе журналы въ Индіи и политическіе писатели метрополіи повторяютъ безпрестанно, что Индъ — достаточная граница для удер-жанія всякаго нашествія, и что английская армія, сосредоточась на лѣ-вомъ берегу этой рѣки, можетъ удержать вторженіе превосходящаго въ силахъ непріятеля. Но это невозможно, потому-что этотъ непріятель можетъ выбрать себѣ пунктъ для переправы на пространства около двухъ-сотъ-пятидесяти верстъ (между Дера-Измааль-Каномъ и Аттономъ) чрезъ Индъ, который очень-небыстръ и имѣетъ среднюю глубину отъ дванадцати до пятнадцати футовъ, со множествомъ бродовъ.

Чрезъ это мѣсто были произведены всѣ вторженія въ Индію, отъ Махмуда-Гизневи въ 1000 г., до Надир-Шаха въ 1739 г. Что до Сми-да, которымъ овладѣло английское правительство, въ полной увѣренно-сти, что сдѣлало чрезъ это важный политическій подвигъ, то его за-нятіе нисколько не прибавляетъ безопасности имперіи, потому-что ни-

кто и не подумаетъ атаковать его, а оставить въ сторонѣ, и такимъ образомъ, Англичане должны напрасно держать тамъ часть силъ своихъ.

Что касается до трудностей, которыя представляютъ для прохода два пути чрезъ Киберь и Дѣра-Измаэль-Канъ, то въ доказательство возможности преодолѣть ихъ, достаточно привести слѣдующіе факты:

1) Отъ 1000 до 1021 г., Махмудъ-Гизневи восемь разъ вторгнулся въ Индустанъ по дорогѣ отъ Гизни до Дѣра-Измаэль-Кана, съ многочисленными войсками въ сто-пятьдесятъ тысячъ человекъ и болѣе, продолжительнѣе которыхъ онъ никогда не затруднился. Въ свой шестой походъ, въ 1018 г., онъ проникъ до Каного, столицы одного государства на Гангъ, во стѣ миляхъ къ юго-западу отъ Дѣли. Онъ употребилъ только *три мѣсяца*, чтобъ пройти отъ Гизни, своей столицы, до границъ этого государства, откуда онъ возвратился чрезъ Мутру, унеся изъ этого послѣдняго города несчетныя богатства. Наконецъ, возвратясь еще въ 1021 г., въ свои седьмой и восьмой походы, онъ устремился на Гузератъ, чтобъ испровергнуть тамъ знаменитый сомнаутскій храмъ, доказавъ такимъ образомъ, что такъ же легко вторгнуться со стороны Бомбея, какъ и со стороны Калькутты.

2) Изъ того же пункта и по той же дорогѣ Дѣра-Измаэль-Кана, Мухаммедъ-Гори, глава племени горцевъ изъ окрестностей Хоразана, въ 1184 г. вторгается въ Индію съ сто-двадцати-тысячнымъ войскомъ и овладѣваетъ Дѣли, гдѣ его династія, горійская, смѣняетъ династію Махмуда-Гизневи.

3) Въ 1396 г., Тимуръ-Лонгъ (или хромой), извѣстный въ исторіи подъ именемъ Тамерлана, отправился изъ Самарканда и держа путь немного къ востоку отъ Балка, сходитъ по андерабскому ущелью на Кабуль, откуда идетъ чрезъ Киберь на Аттокъ и вторгается въ Пенджабъ. На слѣдующій годъ, онъ овладѣваетъ Дѣли, опустошаетъ его и удаляется тѣмъ же путемъ.

4) Герой Баберь, послѣ многихъ несчастныхъ попытокъ на различныхъ пунктахъ того же протяженія, также переходитъ Индъ выше Аттока, въ 1525 г., только съ пятнадцатю тысячу человекъ, и утверждается сперва въ Лагора, потомъ, на другой годъ, овладѣваетъ Дѣли и основываетъ тамъ монгольскую династію.

5) Гумайунъ, сынъ Бабера, изгнанный изъ Дѣли, изъ отцовскаго наследія, вспомоществуемый Афганамъ, снова вторгается въ Индію, въ 1554 г., и также идетъ киберскимъ путемъ.

6) Въ 1739 г., Надиръ-Шахъ изъ Кабула чрезъ Киберь вторгается въ Пенджабъ и Лагоръ, гдѣ встрѣчаетъ слабое сопротивленіе; въ послѣдствіи онъ овладѣваетъ Дѣли и передаетъ этотъ городъ огню и мечу.

7) И недавно еще, въ 1842 г., генералъ Поллокъ, идя изъ Индіи на Кабуль, проникаетъ чрезъ ущелье Кибера съ потерю всего ста человекъ убитыхъ и раненныхъ. Когда посмотришь, что дивизионъ генерала Сэля, состоящій изъ двухъ тысячъ двухъ-сотъ-десяти человекъ и изъ такого же числа прислуги, нашелъ средства просуществовать въ теченіи цѣлаго года, хоть находясь въ тѣсной осадѣ въ окрестности города Джеллалабада; что соединенные дивизионы Сэля и Поллока, въ числѣ че-

тырнадцать тысячъ пяти-сотъ человекъ, не только просуществовали болѣе пяти мѣсяцевъ въ той же долинь, но и собрали тамъ еще значительное продовольствіе для похода на Кабуль, то непременно убѣдишься этими многочисленными доказательствами, что естественныя препятствія пути не въ состояніи остановить войска, какъ бы оно ни было многочисленно, и что единственный надежный оплотъ для англійской Индіи состоитъ въ хорошей арміи. Если эта опора будетъ потрясена, тогда все зданіе индо-британскаго могущества сокрушится неминуемо.

Вотъ планъ завоеванія Индіи, фантастически набросанный Варреномъ:

Черезъ Кабуль, Пешауеръ и Лагоръ завоеватель пойдетъ въ Дели, гдѣ онъ остановится на короткое время, для возстановленія престола великаго-могола и для поднятія его знамени. Вѣроятно, онъ долженъ будетъ дать еще сраженіе прежде, чѣмъ достигнетъ этого города или близъ Дудіаны на Сутледжъ, или на знаменитомъ полѣ битвы мри Пананутъ, гдѣ столько падшихъ лежитъ костями. Но тогда уже англо-индійская армія будетъ представлять не болѣе, какъ двадцать или двадцать-пять тысячъ человекъ, изъ которыхъ Европейцевъ всего не болѣе пяти или шести тысячъ. Здѣсь побѣда можетъ рѣшиться въ несколько часовъ.

Въ Дели, такимъ-образомъ, будетъ возстановленъ престолъ великаго-могола, чѣмъ заживо задѣнется сердце шестнадцати милліоновъ мухамеданъ. Чтобъ равнымъ образомъ польстить и Индусамъ, можно воздвигнуть съ другой стороны священное знамя Бенареса, радъ его возвратитъ свободу и независимость. Потомъ, воспользовавшись паническимъ страхомъ и общимъ смятеніемъ Индустана, должно возвыстать, что явился избавитель отъ британскаго ига; вѣстниками этой истины будутъ толпы факировъ, жоги, календеровъ, которые съ электрическою быстротою пронесутъ ее по всему полуострову. Для полноты успѣха должно склонить въ свою пользу народы, чего можно достигнуть, посадивъ на источенные червяками троны всѣ старинныя знаменитости, которыхъ имена освящены въ Индіи; свести ихъ оттуда всегда будетъ время, если это сочтется нужнымъ для политическихъ видовъ,

Изъ Дели, армія-освободительница, вмѣсто того, чтобъ идти на Калькутту, которая есть только торговое депо посреди слабого и малодушнаго населенія, пойдетъ черезъ Агру, Гвальиоль, Кандейшъ на *Бомбей*, на-право и на-лѣво возстановляя раджуптскія и маратскія конфедераціи, давая имъ ихъ старинныхъ вождей. Но здѣсь не такъ, какъ въ Бенгалъ: надо выбирать для управленія ими не дѣтей, болѣе или менѣе старыхъ, а людей дѣятельныхъ и энергическихъ, способныхъ управлять конемъ и владѣть мечомъ. Здѣсь дѣло состояло бы въ томъ, чтобъ основать прочный оплотъ возвращенію Англичанъ, которые явятся съ Чермнаго-Моря.

Бомбей — пунктъ гораздо-важнѣйшій Калькутты, и потому здѣсь надо нанести рѣшительный ударъ англійскому могуществу: это — органъ, которымъ оно вбираетъ въ себя дыханіе; это — точка его соприкосновенія съ Европою посредствомъ пароходовъ. И потому, отнявъ у

него этот пункт, завоеватель перерветь его сообщенія, чрезъ что изслынуть самые плодотворные, самые живительные его источники.

Изъ Бомбея надо протянуть руку низаму, который поспашитъ свергнуть сокрушающее его иго; затѣмъ воздвигнется Мизоръ, и сами народы своимъ стремленіемъ увлекутъ армию-освободительницу къ стѣнамъ Мадраса, который должно осадить: Мадрасъ весьма-посредственный военный пунктъ, который падеть чрезъ несколько недель. Наконецъ, вплоть до Калькутты шествіе будетъ въ полномъ триумфѣ. Правда, здѣсь представится самая страшная крайность, построенная на колоссальныхъ уступахъ, но имѣющая тотъ существенный недостатокъ, что она потребуетъ, для своей защиты, гарнизона въ 10 или 15 тысячъ человекъ, которыхъ продовольствовать будетъ невозможно по трудности для судовъ подниматься и спускаться по скалѣ, въ-особенности предъ батареями непріятеля, овладавшего странюю. Это мѣсто, какъ оно само-по-себѣ ни крепко, не будетъ въ состояніи выдержать ни продолжительной блокады, ни осады, для которой все нужное можно будетъ найти въ Гайдерабадѣ, Мадрасѣ или Бомбей.

Будущее въ рукахъ Провидѣнія!

Вотъ передъ вами, читатель, обѣщанная нами картина современной англійской Индіи,—картина, правда, очень-мрачная, но воспроизведенная согласно съ достоверными источниками, сходно съ действительностью.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ФЕВРАЛЬ 1845 ГОДА.

I. Государственные учреждения (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Высочайше утверждены въ 19 день декабря минувшаго года исправленное и дополненное положеніе о коробочномъ сборѣ съ Евреевъ, и въ 26 день того же декабря положеніе о Евреяхъ-земледѣльцахъ.

— Канцелярія по осушенію и воздѣльванію окрестностей Санктпетербурга упразднена, съ передачею дѣлъ оной и суммы въ личное завѣдываніе директора Третьяго Департамента Государственныхъ Имуществъ, подъ главнымъ начальствомъ министра государственныхъ имуществъ. Для письменной части и вообще въ помощь директору при производствѣ дѣлъ по операціи осушенія назначенъ особый чиновникъ, съ правами и окладомъ старшаго столоначальника въ департаментъ.

— Для пособія помѣщичьимъ имѣніямъ Витебской-Губерніи, по случаю бывшаго тамъ въ минувшемъ 1844 году неурожаа, Высочайше повелѣно 9 января разсрочить помѣщикамъ по займамъ изъ Опекунскихъ Совѣтовъ, Заемнаго Банка и Приказа Общественнаго Призрѣнія на три года всѣ тѣ платежи, которымъ наступать годовые сроки, разумѣя въ то число и льготные мѣсяцы, по 1 ноября 1845 года, а равно и прежнія недоимки съ тѣмъ, чтобъ оныя вносины были по равнымъ частямъ съ причитающимися процентами, и чтобъ текущіе съ означеннаго 1 ноября, по займамъ, платежи были производимы своевременно.

— Высочайше утверждена 19 минувшаго декабря записка о порядкѣ опредѣленія и увольненія, а равно о обязанностяхъ и отвѣтственности помощника управляющаго дѣлами Комитета Министровъ. Изъ сей записки видно, что помощникъ управляющаго дѣлами Комитета опредѣляется и увольняется

ся указами за собственноручнымъ Высочайшимъ подписаніемъ. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія управляющаго дѣлами Комитета, во всѣ его права и обязанности вступаетъ помощникъ управляющаго, съ доведеніемъ о томъ каждый разъ до Высочайшаго свѣдѣнія. Въ прочее время, помощникъ управляющаго состоитъ въ полной зависимости управляющаго дѣлами Комитета и раздѣляетъ съ нимъ трудъ во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ управляющій, по усмотрѣнію своему, признаетъ нужнымъ его помощь, какъ собственно по производству дѣлъ Комитета, такъ и по другимъ возложеннымъ на него обязанностямъ. Управляющему дѣлами Комитета предоставляется право поручать своему помощнику производство на томъ основаніи, какъ и начальникамъ отдѣленій канцеляріи Комитета такихъ дѣлъ, которыя по особенной важности, или обширности оныхъ, признаетъ неудобнымъ передать въ какое-либо изъ отдѣленій канцеляріи Комитета. Сверхъ-того, исключительно къ обязанности помощника управляющаго относятся: а) наблюденіе за правильною и безостановочною передачею бумагъ изъ регистратуры въ отдѣленія; б) ревизія входящихъ и исходящихъ книгъ бумагамъ; в) охраненіе установленнаго въ учрежденіи Комитета Министерствъ канцелярскаго порядка по всѣмъ частямъ канцеляріи Комитета; г) наблюденіе за содержаніемъ архива Комитета въ должномъ порядкѣ и устройствѣ; д) ежемѣсячная повѣрка, вмѣстѣ съ экспедиторомъ, наличной суммы канцеляріи Комитета по шнуровой книгѣ и подлиннымъ документамъ. Отвѣтственность помощника управляющаго определяется Общимъ Учрежденіемъ Министерствъ, какъ для директоровъ департаментовъ и канцелярій установлено.

— Въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ 30 января на имя генерал-адъютанта графа Воронцова изображено: «Возложивъ на васъ, вмѣстѣ съ званіемъ главнокомандующаго войсками на Кавказѣ, и главное начальство надъ гражданскою частію въ томъ край, въ качествѣ Моего Намѣстника, находя нужнымъ для пользы службы усилить права, которыя донинѣ были даны главноуправляющимъ гражданскою тамъ частію и въ полномъ довѣріи къ лицу вашему, повелѣваю: 1) къ общему составу гражданского на Кавказѣ управленія въ высшемъ отношеніи, присоединить и Область Кавказскую, и на семъ основаніи Кавказскому Областному начальству, по всѣмъ дѣламъ, власть его превышающимъ, не обращаясь въ Министерства, входитъ къ вамъ съ представленіями. Затѣмъ, отъ усмотрѣнія вашего, по прибытіи на мѣсто, будетъ завѣсть сообразить и представить на Мое утверженіе: отнѣнить ли вовсе вліяніе на гражданское управленіе области командующаго войсками на кавказской линіи, или ограничить это вліяніе извѣстными предѣлами; 2) всѣ тѣ дѣла, которыя, по существующему нынѣ порядку, представлялись отъ главнаго управленія закавказскимъ краемъ на разрѣшеніе министерствъ, предоставляется вамъ разрѣшать на мѣстѣ. Движеніе и разрѣшеніе дѣлъ законодательныхъ подчиняется порядку, нынѣ существующему; 3) начальникъ гражданского управленія въ закавказскомъ край будетъ, вмѣсто васъ, постоянно председательствовать въ Совѣтѣ Главнаго Управленія. Вы определите на мѣстѣ, какія именно дѣла могутъ

быть разрешаемы самымъ Совѣтомъ и по какимъ за тѣмъ дѣламъ долженъ онъ испрашивать у васъ разрѣшеній. 4) Сверхъ-того предоставляется вамъ, когда вы найдете нужнымъ, принимать на мѣсть всѣ шеры, обстоятельства требуемая, донося прямо Минъ, какъ о дѣйствіяхъ вашихъ, такъ и о причинахъ, къ нимъ васъ побудившихъ.»

— Высочайше утверждёнъ, въ 19-й день минушаго декабря, составленный въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ прѣбкть правилъ о порядкѣ взиманія денежныхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ. Представляемъ краткое извлеченіе изъ сихъ правилъ: всѣ денежные сборы, съ государственныхъ крестьянъ взимаемые, или взискываемые чрезъ сельскихъ сборщиковъ, раздѣляются на четыре рода: а) общіе сборы; б) частныя казенныя взисканія; в) мірскіе сборы и г) рекрутскіе денежные сборы. Общіе сборы слѣдуютъ по окладу отъ цѣлаго общества, со всего числа ревизскихъ душъ, въ уездныя казначейства и суть: а) общественный сборъ; б) сборъ на обезпеченіе продовольствія; в) земскій сборъ; г) государственный подати и д) разныя взисканія, подлежащія платежу отъ всего сельскаго общества, какъ то: разсроченныя недоимки, ссуды и проч. Частныя казенныя взисканія суть тѣ, которыя наложены на нѣкоторыя только лица, или отдѣльныя селенія, къ сельскому обществу принадлежащія. Мірскими называются сборы на исправленіе натуральныхъ повинностей, по желанію нѣкоторыхъ сельскихъ обществъ, или отдѣльныхъ селеній, а также и на другіе, собственно до нихъ относящіеся расходы, начальствомъ разрешаемые. Денежные сборы на сдачу рекрутъ опредѣляются Рекрутскимъ Уставомъ. Для ежегоднаго производства общихъ сборовъ составляются, во-первыхъ, окладное исчисленіе или окладный листъ; во-вторыхъ, раскладка на домохозяевъ. Назначенный окладъ и показанныя въ окладномъ листѣ недоимки оставляются до окончанія года неизмѣнными, всякое же причисленіе къ окладу или недоимкамъ, равно какъ и всякое исключеніе изъ нихъ, опредѣляемое, въ-теченіи года на основаніи законовъ, или съ разрѣшенія министерства, вводится для исполненія въ окладные листы послѣдующаго года; до того же времени палаты казенныя и государственныхъ имуществъ имѣютъ лишь оныя въ виду, для внесенія въ новые окладные листы, или исключенія суммъ, которыя къ тому причитаться будутъ. О казенныхъ взисканіяхъ, относящихся до нѣкоторыхъ только лицъ или селеній сельскаго общества, прилагаются къ окладнымъ листамъ уездными казначействами особыя по каждому сельскому обществу росписанія. Въ январѣ, по полученіи отъ уезднаго казначейства чрезъ волостное правленіе окладнаго листа и росписанія особыхъ взисканій, дѣлается сельскимъ сходомъ раскладка общихъ сборовъ, въ окладномъ листѣ съ общества исчисленныхъ. Въ сей раскладкѣ, не касаясь недоимокъ по сборамъ, количество которыхъ на цѣломъ обществѣ показано въ окладномъ листѣ уезднымъ казначействомъ, а слѣдующее ко взисканію съ каждаго домохозяина опредѣляется недоборомъ, выведеннымъ противу каждаго въ податной тетради истекшаго года, съ прибавкою или вычетомъ той части, которая причитаться будетъ съ каждаго домохозяина

отъ сдѣланныхъ въ новомъ окладномъ листѣ за истекшій годъ причисленій или исключеній, означается, за сколько душъ обязанъ платить въ число общаго сбора хозяинъ въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ, по правиламъ, преподаннымъ на сей предметъ въ ст. 73, п. 2, 3 и 4 Св. Зак., т. V, Уст. о Подат. (изд. 1842 г.). По учиненіи раскладки сборовъ на домохозяевъ, приговоромъ схода сельскаго общества или приговорами сходовъ селеній, вѣствующихъ отдѣльно по землямъ владѣніе, сельскій сборщикъ, подъ наблюденіемъ сельскаго старшины, чрезъ сельскаго писаря вписываетъ въ первую часть податной тетради имена домохозяевъ, съ означеніемъ нумера каждаго семейства. Въмѣсто платежныхъ таблицъ, въ замѣнъ квитанцій выдаваемыхъ, установлены особыя платежныя книжки, служащія домохозяевамъ отъ одной до другой народной переписи. Сборщикъ, принимая отъ домохозяевъ деньги, самъ или чрезъ писаря записываетъ ихъ въ податной тетради, противъ имени внесшаго, и въ то же время вписываетъ въ его платежной книжкѣ всю сумму цифрами, а остатокъ сей строки до конца подчеркиваетъ, и подъ тѣмъ въ другой строкъ ставитъ эту сумму особо установленными знаками. Еслибъ по записаннымъ въ податной тетради сборамъ, составила на нѣкоторыхъ домохозяевахъ недонка, и за всѣми принятыми мѣрами не была пополнена къ 1-му октября, то она немедленно раскладывается сельскимъ сходомъ на прочихъ крестьянъ того же общества, и для учиненія сей раскладки составляется мірской приговоръ. Казенныя взъисканія не подлежатъ раскладкѣ сельскаго схода, и вносятся во вторую часть податной тетради. Поступающія въ уплату деньги по симъ взъисканіямъ записываются тѣмъ же порядкомъ, какъ выше сказано. О порядкѣ производства мірскихъ сборовъ на исправленіе ли наймомъ какихъ-либо натуральныхъ повинностей съ разрѣшенія начальства, или на другіе предметы, служащіе къ пользѣ и выгодамъ сельскаго общества, установлены также особыя правила. Деньги на сдачу рекрутъ сборщикъ взимаетъ съ крестьянъ по общественному приговору, утвержденному волостнымъ правленіемъ, съ запискою оныхъ въ особую тетрадь, отъ сельскаго старшины выдаваемую. Въ полученіи сихъ денегъ онъ тогда же росписывается въ платежной книжкѣ каждаго плательщика, въ третьемъ ея отдѣленіи для мірскихъ сборовъ.

— Въ 9-й день января Высочайше утверждено положеніе о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ учителямъ начальныхъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Согласно ходатайству намѣстника кавказскаго, генерал-адъютанта графа Воронцова, Высочайше повелѣно: въ видѣ временной мѣры: 1) образовать при немъ, по званію намѣстника кавказскаго, особую канцелярію изъ директора и двухъ отдѣленій; 2) должность директора канцеляріи положить въ IV классъ, и причислить по мундиру къ IV, а для пенсій ко II разряду государственной службы. Содержанія ему назначить: жалованья 2,400 р., столовыхъ 700 руб. и квартирныхъ 700, а всего 3,800 руб. серебромъ въ годъ; 3) въ составъ канцеляріи намѣстника кавказскаго обратить одно изъ отдѣленій теперешней канцеляріи

главнаго управленія закавказскимъ краемъ; другое же отдѣленіе канцеляріи намѣстника образовать вновь въ томъ самомъ составѣ, какой опредѣленъ для отдѣленій канцеляріи главнаго управленія, съ производствомъ всѣмъ чиновникамъ сего новаго отдѣленія тѣхъ самыхъ окладовъ содержанія, которые производятся чиновникамъ канцеляріи главнаго управленія закавказскимъ краемъ, и 4) съ перечисленіемъ одного отдѣленія канцеляріи главнаго управленія закавказскимъ краемъ въ составъ канцеляріи намѣстника, въ канцеляріи главнаго управленія оставить только два отдѣленія (Высоч. повел., объявл. 3 февр.).

— Обнародовано отъ Правительствующаго Сената о полученіи въ ономъ Высочайше одобреннаго Четвертаго Продолженія Свода Законовъ, изданія 1842 г., и Алфавитнаго къ сему Своду Указателя.

II. ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (Измѣненіи и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Дозволено таганрогскѣй полиціи выдавать приходящимъ въ Таганрогъ для заработковъ людямъ отсрочки, по плакатнымъ паспортамъ, на 4 мѣсяца и на бумагѣ въ 90 коп. сер., согласно правиламъ, изданнымъ на сей предметъ для городовъ: Астрахани, Херсона, Ростова (Екатеринославской-Губерніи) Бердянска, Николаева и Кроштадта. (Высоч. повел. объявл. 8 января).

— По случаю остающагося значительнаго числа неоконченныхъ дѣлъ въ Санктпетербургской Временной Управы Благочинія, по истеченіи назначеннаго ей мнѣніемъ Государственнаго Совѣта 10 января 1844 года годичнаго срока, въ 1 день минушаго января Высочайше повелѣно дѣйствию этой Управы продолжать еще на одинъ годъ.

— Въ 20 день минушаго декабря Высочайше утверждено положеніе Военнаго Совѣта о преобразованіи частей войсковаго управленія войска донскаго. Это положеніе состоитъ въ слѣдующемъ: 1) Изъ Хозяйственной Экспедиціи Войсковаго Правленія, по многосложности и разнородности ея занятій, передать въ Экспедицію Питейныхъ Сборовъ дѣла по завѣдыванію казенными суммами; 2) Хозяйственную Экспедицію назвать Экспедиціею Войсковаго Хозяйства, а Экспедицію Питейныхъ Сборовъ Экспедиціею Казенныхъ Доходовъ и Войсковыхъ Питейныхъ Сборовъ; 3) для сокращенія отчетности Войсковаго Казначейства и напрасныхъ издержекъ на почтовую пересылку, суммы общихъ государственныхъ доходовъ, по мѣрѣ накопленія, отправлять изъ Окружныхъ Казначействъ не въ войсковое, а прямо въ Главное Казначейство, подобно тому, какъ это дѣлается уздными казначействами въ губерніяхъ; 4) для надзора за снабженіемъ войска виномъ и правильностію продажи питей, согласно откупныхъ условій, опредѣлять семь окружныхъ чиновниковъ и дать имъ особую инструкцію; 5) для командировокъ по дѣламъ слѣдственнымъ и хозяйственнымъ, какъ то: по соляной операціи, сбору за пастьбу табуновъ на войсковыхъ земляхъ, по войсковымъ лѣсамъ, оброчнымъ степямъ — опредѣлять въ Войско-

вое Правленіе двухъ чиновниковъ особыхъ порученій; 6) для пресѣченія корчемства виномъ и производства по сему предмету сластей, назначить въ Мѣуское и Донецкое Сѣискія Начальства по одному особому засѣдателю; 7) существовавшія досель по питейной части штатныя должности: комиссіонера, ревизора, кассира, семи окружныхъ повѣренныхъ съ помощниками и писцами ихъ, и 21 подвальный смотрителя съ ихъ писцами упразднить; 8) съ упраздненіемъ ихъ должностей, производящійся по штату 26 мая 1835 года отпускъ 2857 руб. 14 коп. сер. на устройство и содержаніе войсковыхъ винныхъ подваловъ и питейныхъ домовъ, на разъѣзды комиссіонера и ревизора по войску, на канцелярскій расходъ окружнымъ повѣреннымъ и подвальнымъ смотрителямъ и на все прочее по питейному управленію — отнѣсти; 9) содержаніе чинамъ: а) двухъ экспедицій войсковаго правленія; б) войсковаго казначейства; в) отдѣльнымъ чинамъ войсковаго правленія и в) Мѣускаго и Донецкаго Сѣискіихъ Начальствъ, производить по составленному штату; 10) содержаніе чинамъ по штату отнести на суммы, которыя отпускались по штату 26 мая 1835 года, по Высочайшему повелѣнію 15 іюля 1839 года, на содержаніе Экспедицій Войсковаго Правленія—Хозяйственной и Питейныхъ Сборовъ, отдѣльныхъ чиновъ войсковаго казначейства, Мѣускаго и Донецкаго Сѣискіихъ Начальствъ и на производство и содержаніе войсковыхъ винныхъ подваловъ, питейныхъ домовъ и проч. Излишнюю же за тѣмъ сумму обратить въ число общихъ войсковыхъ суммъ; 11) предметы занятій двухъ экспедицій войсковаго правленія, войсковаго казначейства, окружныхъ чиновниковъ и чиновниковъ особыхъ порученій опредѣлять согласно составленному преобразованію частей войсковаго управленія.

— Высочайше утвержденъ въ 17 день января дополнительный штатъ Каспійской Казенной Палаты.

— Высочайше утверждены проекты девяти гербовъ для уѣздовъ Таврической—Губерніи: Симферопольскаго, Перекопскаго, Ялтинскаго, Евпаторійскаго, Бердянскаго, Мелитопольскаго, Днѣпровскаго, Феодосійскаго и для города Керчи.

— Учреждена ярмарка въ городѣ Ковно, двухнедѣльная съ 24 іюня, подъ названіемъ ивановской.

— Открытъ новый трактъ въ Тобольской—Губерніи изъ Прѣсногорьковской Крѣпости въ городъ Курганъ, съ учрежденіемъ на ономъ четырехъ почтовыхъ станцій: первой въ селеніи Меньшиковскомъ, отстоящемъ отъ Кургана на тридцати—трехъ верстахъ — второй въ селеніи Черныяскомъ, въ двадцати—семи верстахъ отъ Меньшиковскаго; — третьей въ селеніи Ялымскомъ, въ двадцати—четырехъ верстахъ отъ Черныяскаго; и четвертой въ селеніи Алабужскомъ, находящемся отъ Ялымскаго въ шестнадцать верстахъ, а отъ Прѣсногорьковской Крѣпости въ тридцати—четырехъ съ половиною верстахъ.

III. Законы относительно службы гражданской.

— Должность ассессора обер—гауптманскихъ судовъ отнесена къ VII разряду пенсіонныхъ окладовъ.

— Помощниковъ начальниковъ отдѣленій главнаго дежурства дѣйствующей арміи, которые по росписанію должностей военнаго вѣдомства, приложенному къ 341 ст. 5 тома Свода Военныхъ Постановленій положены въ IX классъ, повелѣно причислить, для гражданскаго чиновничества, къ VIII классу.

— Письмоводитель при инспекторѣ по медицинской части въ учрежденіяхъ Императрицы Маріи переименованъ въ секретари, съ отнесеніемъ этой должности къ VIII классу, и сверхъ-того назначенъ къ нему, инспектору, чиновникъ для письма, съ присвоеніемъ этой должности XII класса.

— Повелѣно: должности правителей канцелярій Департаментовъ: Внѣшней Торговли, Государственнаго Казначейства, Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ (если занимающій сію должность поступилъ на службу по горной, соляной или монетной части послѣ 1 января 1834 года) и Разныхъ Податей и Сборовъ — причислить по чину и по мундиру къ VI классу, а пенсія въ трехъ послѣднихъ департаментахъ къ III разряду 2-й степени; должность же помощника правителя канцелярій Департамента Внѣшней Торговли отнести по чиновничеству къ VII классу, наравнѣ съ старшими столоначальниками министерскихъ департаментовъ.

— Званіе непремѣннаго члена Астраханскаго Отдѣленія Опекы Сальянскихъ Рыбныхъ Промысловъ причислено по должности и мундиру къ VII и по пенсіи къ IV разряду.

— Воспитанникамъ Академіи Наукъ, подобно какъ и прочимъ лицамъ, состоящимъ въ классныхъ ученыхъ званіяхъ, повелѣно выслугу для полученія знака отличія безпорочной службы считать со времени поступленія ихъ на дѣйствительную службу, или со времени отправленія ихъ въ чужіе края для усовершенствованія въ наукахъ.

V. Законы гражданскіе.

— Спорныя дѣла по Министерству Императорскаго Двора, поступающія на разсмотрѣніе среднихъ инстанцій суда, повелѣно передавать на заключеніе придворныхъ конторъ и дворцовыхъ правленій, а въ случаѣ производства какихъ-либо слѣдствій, требовать отъ тѣхъ же конторъ и правленій депутатовъ, подобно тому, какъ это постановлено въ-отношеніи къ удѣльному вѣдомству (Высоч. повел. объяв. 18 янв.).

— Определенный ст. 2033 т. X Св. Зак. Гражд., изд. 1842 г., срокъ на подачу въ полицію прошеній о насильномъ и самовольномъ завладѣніи по закавказскому краю, впредь до времени, повелѣно увеличить вмѣсто десяти недѣль, до четырехъ мѣсяцевъ (Высоч. повел. 17 янв.).

==

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА ФЕВРАЛЬ 1845 ГОДА.

— Высочайше утверждено положеніе объ учрежденіи при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи учебнаго комитета для наблюденія за ходомъ учебной части въ подвѣдомственныхъ Отдѣленію сему учебныхъ заведеніяхъ и для предварительнаго соображенія мѣръ къ лучшему ея во всѣхъ отношеніяхъ устройству.

— Высочайше утверждены дополнительные постановленія къ положенію объ Оренбургскомъ Неплюевскомъ Военномъ Училищѣ, преобразованномъ въ кадетскій корпусъ.

— При Медицинскомъ Факультетѣ Университета Св. Владиміра учреждается курсъ повивальнаго искусства для женщинъ, съ тѣмъ, чтобъ въ немъ получали образованіе вольноприходящія ученицы, содержащіяся на собственномъ иждивеніи. Ученицы принимаются не моложе 18 и не старше 30 лѣтъ изъ всѣхъ состояній. Полный курсъ ученія, какъ теоретическаго, такъ и практическаго, назначается два года. Окончившія полный двухлѣтній курсъ ученія, допускаются къ испытанію во всѣхъ частяхъ теоретическаго и практическаго повивальнаго искусства, производимому въ засѣданіи Медицинскаго Факультета. Доказавшія свои успѣхи на испытаніи, удостоиваются званія повивальныхъ бабокъ. Неуспѣвшія въ своемъ предметѣ, оставляются еще на одинъ годъ для теоретическаго и практическаго ученія, по прошествіи котораго вторично подвергаются испытанію. Неполучившія званія повивальной бабки на вторичномъ испытаніи, исключаются изъ списка ученицъ повивальнаго искусства, съ запрещеніемъ производства повивальной практики.

— Разрѣшено увеличить комплектъ своекоштныхъ пансіонеровъ въ благородномъ пансіонѣ при Полтавской Гимназіи до 75 человекъ.

— Высочайше утверждены правила объ огражденіи правъ русскихъ и пребывающихъ въ Россіи сочинителей музыкальныхъ произведеній. Правила сіи суть: 1) Исключительное право на печатаніе и продажу музыкальныхъ произведеній принадлежитъ сочинителямъ и ихъ наследникамъ или тѣмъ, кому право сіе перешло на законномъ основаніи, въ продолженіе тѣхъ же сроковъ, какіе въ Высочайше-утвержденномъ 8 января 1830 года мнѣніи Государственнаго Совета установлены для сочинителей, переводчиковъ и издателей книгъ. 2) До истеченія сихъ сроковъ, безъ воли лица, которому означенное право принадлежитъ, никто другой не долженъ; а) издавать ненапечатанное еще музыкальное сочиненіе вполнѣ,

или дѣлать новое изданіе произведенія, уже напечатаннаго; б) издавать чужое музыкальное сочиненіе, игранное публично; в) издавать переложеніе онаго на другіе инструменты или съ полнаго оркестра на одну какой-либо инструментъ; г) сочиненія, какъ новыя, такъ и изданныя или игранныя публично, издавать въ извлеченіи, или чужія отдѣльныя музыкальныя пьесы печатать съ позволеніемъ аккомпаньемава. 3) Музыкальныя пьесы, въ свѣтъ невольныя, не могутъ, безъ согласія того, кому принадлежитъ исключительное на нихъ право, быть исполняемы публично въ театрѣ или концертѣ, ни въ цѣлости, ни съ опущеніями. Изданныя же въ свѣтъ музыкальныя произведенія, могутъ, кромя лишь оперъ и ораторій, быть и безъ согласія автора исполняемы передъ публикою, если только при самомъ изданіи сочиненія не будетъ на печатныхъ его экземплярахъ объявлено, что публичнаго его разыгрыванія авторъ не дозволяетъ, и нарушеніе сего предоставляеть себя жаловаться правительству. Оперы же и ораторіи, хотя бы и издавы были, и безъ волякаго со стороны сочинителя предувѣдомленія, не могутъ быть играемы предъ публикою иначе, какъ съ дозволенія автора. Одно публичное, на законномъ основаніи, исполненіе музыкальныхъ произведеній въ театрѣ или концертѣ, не даетъ права другимъ на повтореніе сего изведенія. 4) Замыславаніе нѣтъ чужаго музыкальнаго произведенія признается позволительнымъ только тогда, когда уклоненія отъ идеи или формы оригинала такъ значительны и многочисленны, что такое сочиненіе можно почитать сочиненіемъ новымъ. 5) Преслѣдованіе за самовольное изданіе музыкальныхъ произведеній и споры о правѣ собственности на оныя производятся порядкомъ, установленнымъ въ Высочайше-утвержденномъ 8 января 1830 года мнѣніи Государственнаго Совѣта о правахъ сочинителей, переводчиковъ и издателей. Виновные въ самовольномъ изданіи подвергаются такому же взысканію, какое опредѣлено за контрафакцію литературныхъ произведеній; сверхъ того тотъ, чье право нарушено, можетъ требовать, чтобъ доски и камни, служившіе для гравированія или литографированія музыкальныхъ произведеній, были либо уничтожены въ присутствіи его или уполномоченнаго имъ лица, либо преданы ему въ уплату, по оцѣнкѣ причитающагося вознагражденія за убытки. За самовольное передъ публикою исполненіе чужаго музыкальнаго произведенія, въ нарушеніе 3-го пункта, виновные подвергаются въ пользу того, чье право нарушено, двойному взысканію сбора, полученнаго за представленіе, въ которомъ такая пьеса была играна. Сумма сего сбора исчисляется безъ исключенія употребленныхъ при означенномъ представленіи расходовъ. 6) Сочинитель музыкальнаго произведенія, уступившій кому либо въ Имперіи исключительное право на изданіе онаго и потомъ издавшій его за границею, при ввозѣ экземпляровъ въ предѣлы государства под-

вергается взысканію, какъ за контрафакцію въ пользу того, кто приобрѣлъ изъ него упомянутое выше право. Дозволяется, впрочемъ, привезти съ собою нѣсколько такихъ экземпляровъ, но не болѣе десяти, для собственнаго употребленія; 7) кто ввезетъ въ имперію болѣе десяти напечатанныхъ за границею музыкальныхъ произведеній, зная, что они контрафакція, и будетъ продавать и раздавать ихъ въ ущербъ владѣющему исключительнымъ правомъ на изданіе ихъ въ Россіи, тотъ подвергается взысканію, какъ за самовольное изданіе; 8) музыкальныя произведенія, которыя русскими сочинителями издаются за границею, или на изданіе которыхъ право уступлено ими иностранному издателю, ограждаются отъ перепечатанія и публичнаго исполненія въ предѣлахъ Имперіи на основаніи настоящихъ постановленій. Тѣмъ же правилами пользуются въ подобныхъ случаяхъ иностранныя сочинители музыки, доколѣ пребываютъ въ Россіи.—*Примѣчаніе.* О всѣхъ таковыхъ заграничныхъ изданіяхъ нынѣшнее заимается Комитету Цензуры Иностранной; въ отношеніи же къ изданіямъ, подлежащимъ предварительному цензурному одобренію, соблюдается порядокъ, постановленный въ § 142 Устава о Ценсурѣ. 9) Получившій, на законномъ основаніи, отъ находящагося за границею сочинителя музыки дозволеніе на изданіе его произведенія и заявившій о томъ надлежащимъ образомъ, ограждается въ пользованіи приобретенными имъ чрезъ сіе правами силою настоящаго постановленія. Дѣйствіе сего постановленія относительно охраненія права музыкальной собственности, не распространяется для русскихъ сочинителей, находящихся за границею безъ дозволенія правительства, или остающихся тамъ долѣе дозволеннаго срока. 10) Условія, заключаемыя съ иностранными лицами, находящимися внѣ предѣловъ имперіи, должны быть предъявляемы въ русскія миссіяхъ и консульствахъ.

Промышленность.—Высочайше утверждёнъ въ 11 день мѣсяца декабря уставъ общества освещенія газомъ Санктпетербурга. Представляемъ извлеченіе изъ сего устава. На тѣ мѣста столбцы, которыя нынѣ уже освѣщаются и по которымъ проведены газовыя трубы, именно: 1) Дворцовую Площадь; 2) Адмиралтейскую-Площадь, отъ дома Главнаго Штаба до Военнаго Министерства, съ одной стороны; 3) Большую-Морскую до Исакиевской-Площади; 4) Малую-Морскую; 5) Карпичный-Переулокъ; 6) Невскій-Проспектъ, отъ Адмиралтейской-Площади до Литейной; 7) Михайловскую-Улицу и Площадь; 8) Большую-Садовую отъ Итальянской-Улицы до половины Сѣнной-Площади; 9) Малую-Садовую; 10) Караванную-Улицу; 11) Итальянскую-Улицу, отъ Караванной до Каатерининскаго-Канала; 12) Площадь Александринскаго-Театра и Театральную-Улицу; 14) Площадь у Чернышева-Моста и Чернышевъ-Переулокъ;

15) Толгасовъ-Переулокъ; 16) Большую-Мещанскую, отъ Казанскаго Собора до Вознесенской-Улицы; 17) Гороховую-Улицу, отъ Адмиралтейской-Площади до Большой-Садовой; 18) Вознесенскій-Проспектъ, отъ Адмиралтейской-Площади до Вознесенскаго-Моста; 19) Конный и Демидовскій-Переулки; 20) Обуховскій и Царекосельскій Проспекты, по одной сторонѣ, предоставляется обществу исключительное право дѣйствія въ теченіи десяти-лѣтняго срока, начиная оный со дня Высочайшаго утвержденія настоящей привилегіи, и съ распространеніемъ оной и на прочія мѣста по лѣвую сторону Большой Невы, но не иначе, какъ по мѣрѣ освѣщенія оныхъ, и если между-тѣмъ не возникнетъ новая компанія, или она не приметъ на себя освѣщенія на выгоднѣйшихъ для города и жителей условіяхъ. Въ облегченіе издержекъ общества, оно освобождается въ теченіе десяти-лѣтняго срока привилегіи отъ взятія установленныхъ торговыхъ свидѣтельствъ. Добываніе газа дозволяется производить изъ каменнаго угля и другихъ веществъ, кромѣ древеснаго угля, посредствомъ извѣстныхъ и за лучшее признанныхъ способовъ. Сообщеніе газа въ улицы и дома дѣлается посредствомъ подземныхъ трубъ, именуемыхъ по роду назначенія ихъ: главными или магистральными, и побочными. Общество отвѣтствуетъ за несовершенство снарядовъ въ заведенія и уличныхъ подземныхъ трубъ, и за дурное качество газа. Основной капиталъ общества, заключающійся въ 428,571 руб. 42 коп. сер., раздѣленъ на 7500 акцій, въ 57 р. 14 к. сер. каждая. Этотъ капиталъ заключается въ зданіяхъ, машинахъ, аппаратахъ, трубъ и другихъ имуществвахъ. Онъ остается неизъемлемымъ, доколѣ продолжится существованіе общества. Всякій можетъ быть акціонеромъ, и въ случаѣ убытковъ общества, кромѣ сдѣланнаго вклада въ акціяхъ, никакой дальнейшей отвѣтственности не подлежитъ. При несостоятельности акціонера по дѣламъ казеннымъ или частнымъ, акціи его на общемъ законномъ основаніи дѣлаются собственностью казны, или кредитора, и перечисляются въ управленіи, по предъявленіи оному, при уведомленіи присутственныхъ мѣстъ, судебного приговора. За освѣщеніе тазомъ городскихъ фонарей общество получаетъ плату отъ Градской Думы. Обывателямъ той части города, которая освѣщается газомъ, предоставляется совершенно на ихъ волю, вводить или не вводить у себя освѣщеніе этимъ способомъ.

Благотворительность. — Надворный совѣтникъ Егоръ Бальшъ учредилъ въ областномъ городѣ Кишиневѣ дѣтскій пріютъ, и подарилъ для этого учрежденія домъ, нѣкоторые учебныя пособія и капиталъ въ 25000 руб. ассигнаціями.

— Въ пользу казанскихъ дѣтскихъ пріютовъ сдѣланы слѣдующія пожертвованія: его высокопреосвященствомъ архіепископомъ Влади-

виромъ 285 руб. 81%, по и сер. и подолковницею В. А. Кредверъ
 вырученные ея отъ лоттерей 971 р. 42 1/2 к. с. и Казанскимъ купцомъ
 Щербатовымъ 285 р. 81%, к. с. — На сооруженіе въ Санктпетер-
 бургъ новаго зданія для призрѣнія убогихъ съ сиротами, больни-
 цю и всѣми прочими принадлежностями поступило вновь привозной
 13;291 р. 28 к. серебромъ.

ЛѢСОВОДСТВО Ф. МАЙЕРА.

Для пополненія разбора моего статьи г. барона Боде о лѣсоводствѣ, называющейся «Опытный взглядъ на сельское домоводство», я нахожусь вынужденнымъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на отвѣтъ его, напечатанный въ № 1-мъ «Библіотеки для Чтенія» нынѣшняго года.

На стр. 4-й, сочинитель жалуется, что я не понялъ его на-счетъ бывшихъ лѣсовъ, но могу его увѣрить, что я его кое-какъ понялъ, и самое дѣло совершенно постигъ. Могу показать въ Новосильскомъ-Уѣздѣ выдѣлянные мною такіе лѣса, которые нельзя купить за 200 тысячъ рублей, что гг. хозяева тѣхъ лѣсовъ за-свидѣтельствовать не откажутся.

Что же касается до поросли, находящейся по срубленнымъ лѣсамъ, то и на это по настоящему не слѣдовало бы отвѣчать, потому-что хотя по безъ-толку-рубленнымъ лѣсамъ находится иногда много поросли, которая, конечно, можетъ послужить къ заведенію вновь; но лѣсъ, на-прим., дубовый или хвойный, въ естественной чащинѣ достигшій совершеннаго возраста, не оставляетъ послѣ сруб-ки ни живаго пня, ни какой-либо годной поросли, и тутъ самый строгій присмотръ безыскусственныхъ посѣва или посадки не произведетъ лѣса, и сочинителю, по моему мнѣнію, слѣдовало бы это

объяснить, чтобъ не заставить людей загородить пустырь срубленнаго сто-лѣтняго дубоваго лѣса, и напрасно ждать нѣсколько лѣтъ его возобновленія.

На стр. 5-й напрасно сочинитель сокращаетъ мои выраженія; я сказалъ на солонцоватой землѣ, а онъ изъ этого сдѣлалъ солонцы!

На стр. 5-й же, сочинитель обращается противъ предложеннаго мною способа садки лѣсныхъ породъ, и хочетъ доказать урожаемъ хлѣба въ степныхъ мѣстахъ, что онѣ отъ засухи не страдаютъ.

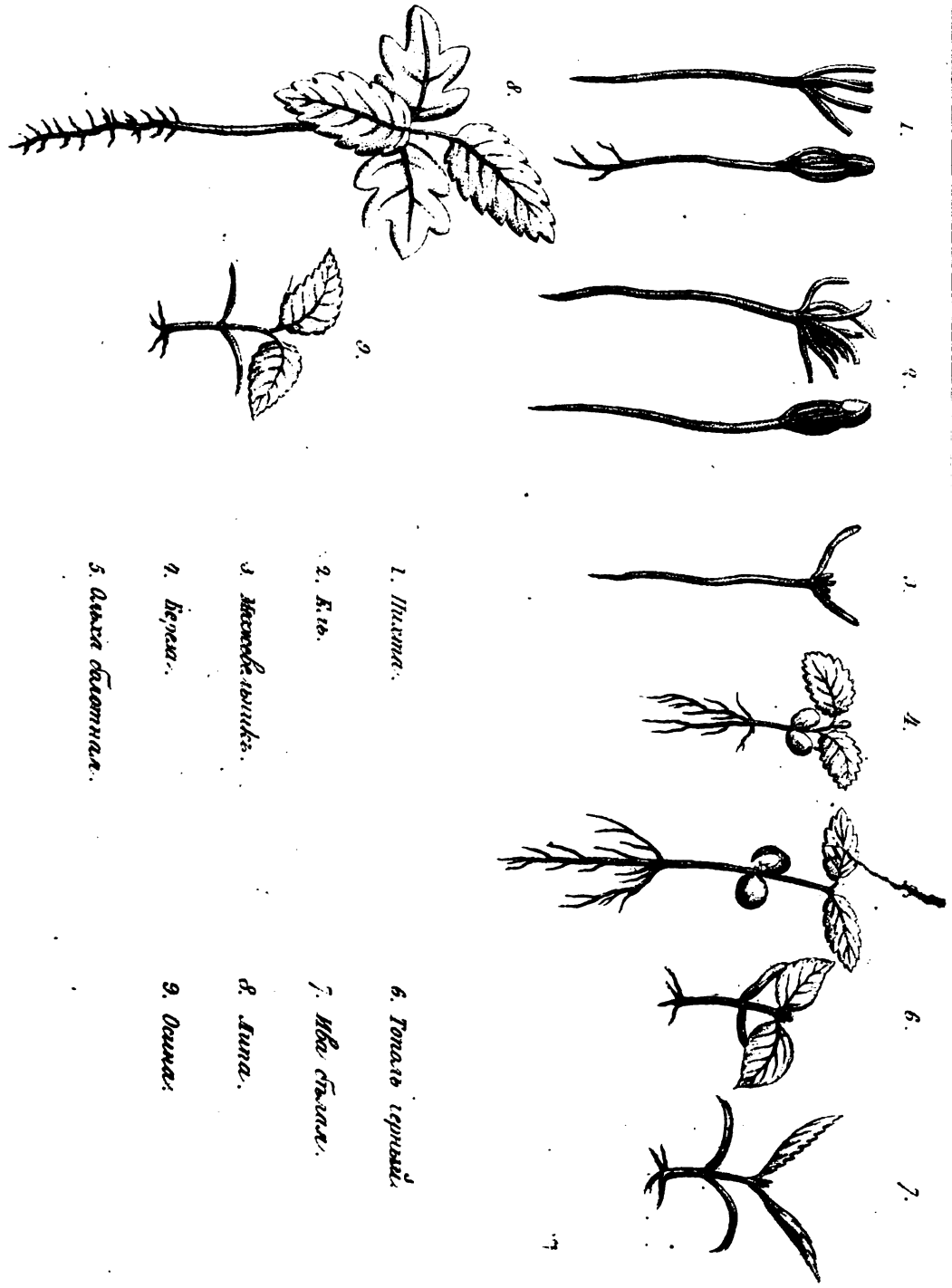
Я уже сказалъ, что хлѣба и травы суть растенія полевья и очень могутъ процвѣтать при такой погодѣ, которая погубить лѣсные всходы, въ чистыхъ поляхъ произведенные. Чтѣ же касается до лѣсныхъ всходовъ и углубленій ихъ въ землю до наступленія жаровъ, то объ этомъ поговоримъ въ-послѣдствіи.

На стр. 7-й выведенъ счетъ о питомникѣ и высадкѣ лѣсной; но на это мнѣ нѣчего отвѣчать, кромѣ того только, что я въ первый разъ слышу о возможности разводить съ успѣхомъ лѣсь въ двух-саженномъ разстояніи. Когда же этотъ лѣсь будетъ отнять землю? куда же годится послѣ этотъ лѣсь? двух-саженное разстояніе можно смѣло полагать для сто-лѣтняго возраста; прошу благосклоннаго читателя прочесть дополнительную статью мою объ этомъ предметѣ, напечатанную въ «Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ» за январь нынѣшняго года.

Изъ помянутаго счета, а болѣе изъ употребленія при копаніи ямъ кирки, видно, что сочинитель имѣетъ въ виду самый южный край Россіи (и это очень-односторонно, тѣмъ болѣе, что читатель не предваренъ о томъ).

На стр. 9-й, сочинитель издѣвается надъ гомеопатическими лѣревцами; можетъ-быть, многимъ изъ читателей хотѣлось бы пособить своему, для нихъ весьма-простительному незнанію въ этомъ дѣлѣ, и взглянуть на всходы тѣхъ породъ, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь (то-есть, о мелкосѣменныхъ). Въ-самомъ-дѣлѣ, интересно видѣть первое развитіе огромнаго дерева. Я рѣшился, по невозможности зимою срисовать ихъ съ природы, срисовать и приложить изъ извѣстнаго изданія Кребса «Описаніе изображеній растушихъ въ Германіи породъ», 1835 года (*).

(* У Кребса не нашелъ я всхода простой сосны, и для того не нарисовалъ ея; она всходитъ такъ же, какъ пихта, съ шестью иглами.

1.

2.

3.

4.

6.

7.

8.

9.

1. Лукма.

2. К. п.

3. Мескель-шукъ.

4. Берка.

5. Анха садомна.

6. Топакъ серый.

7. Иаъ стина.

8. Ата.

9. Ошма.

Кто немного знакомъ съ лѣсными посѣвами, тотъ знаетъ, что почти всѣ мелкосѣменные, въ первое лѣто послѣ восхода, очень-мало растутъ; иногда даже въ нихъ непримѣтно почти никакого приращенія; но какъ-бы выгоденъ ни былъ для нихъ климатъ и мѣстность, приращеніе ихъ до жаровъ никакъ не помѣшаетъ вѣсить въ сотнѣ золотникъ.

Береза тоже въ первое лѣто такъ мало растеть, что, я думаю, по окончаніи лѣта взойдутъ ихъ 200 въ золотникъ.

Сочинитель, видно, забавлялся въ Крыму породами, для нашего края неспособными, на-примѣръ, бѣлою акаціею, которая здѣсь у меня нѣсколько разъ выросла въ первое лѣто почти въ три аршина (потомъ, разумѣется, замерла).

На все, что сочинитель говоритъ на стр. 10-й, я ничего не имѣю отвѣчать, но ссылаюсь на означенную мою статью.

Только должно замѣтить, что въ томъ возрастѣ, въ которомъ я пересаживаю,—ни я, ни тѣ, которые пользовались моею методою, не обрѣзали ни корней, ни вершинъ. Впрочемъ, я увѣренъ, что это обрѣзываніе при пересадкѣ въ большихъ возрастахъ, какъ всякому ученику извѣстно, необходимо. Скажу, впрочемъ, г. сочинителю за новостъ, что хвойныя деревья, кромѣ лиственницы, при пересадкѣ не обрѣзываются.

Но что касается до разведенія лѣса по стѣнамъ, посредствомъ садки, то я на это съ сочинителемъ никакъ согласиться не могу,

(Стр. 11). Я не оспариваю опытность сочинителя въ разведеніи фиштакковыхъ рошицъ; а намъ въ средней полосѣ Россіи потребны другія.

На этой же страницѣ сочинитель говоритъ, что «если не глубокая ученость, то по-крайней-мѣрѣ здравый рассудокъ предписываетъ сперва выбрать мѣсто, сдѣлать планъ предпріятія, и тогда уже приступить къ исполненію». Довольно-странно, что сочинитель намъ здѣсь рассказываетъ то, въ чемъ именно я его упрекалъ, то-есть, я доказалъ, что выборъ мѣста для подобныхъ заведеній отнюдь не такъ маловаженъ, какъ сочинитель о немъ разумѣетъ, не говоря о немъ ни одного слова, и даже упрекая тѣхъ, которые у него просятъ на этотъ счетъ наставленія.

(Стр. 12). Вдруг у насъ рѣчь идетъ о двухъ четверикахъ овса, на десятину высѣянныхъ, для защиты лѣсныхъ посѣвовъ отъ зноя и вѣтровъ. Я противъ этого и не думалъ спорить; въ моемъ разборѣ ясно видно, что я считалъ недостаточнымъ два четверика овса для защиты отъ сорныхъ травъ, о которыхъ теперь у сочинителя и помина нѣтъ.

Сочинитель говоритъ, что, послѣ трехъ колосовыхъ хлѣбовъ, посѣянныхъ по разгрунтованной землѣ, лѣсные посѣвы успѣютъ укрѣпиться прежде, нежели сорныя травы будутъ имѣть силу имъ вредить. Жаль, что теперь зима, а то бы я срисовалъ двухлѣтнія и трехлѣтнія деревца и спросилъ у г-на сочинителя, какъ они будутъ защищаться отъ сорной травы? а если они защитятся, то все причитается пять-шесть лѣтъ послѣ разгрунтовки. Теперь спрашиваю у жителей Южной-Россіи (къ которой, по-видимому, сочинитель болѣе относитъ свои предположенія), есть ли надежда, чтобы растеніе 1¹/₂ и 2 вершковъ ростомъ, защитилось отъ сорныхъ травъ на землѣ распаханной пять-шесть лѣтъ тому назадъ? Что касается до здѣшнихъ мѣстъ, то едва-ли можно надѣяться, чтобы такое растеніе могло уцѣлѣть отъ здѣшняго полыня, чернобыльника и т. п. Сосна не только изъ хвойныхъ, но изъ всѣхъ породъ лѣсныхъ, которыя я разводилъ, менѣе терпитъ отъ травы, даже самый пырей, который на едва-удобренныхъ и нѣсколько влажныхъ мѣстахъ въ короткое время сплетаетъ совершенно густой дернъ, и этотъ пырей хотя на нѣсколько лѣтъ ее позадержитъ, но однажды-укоренившейся сосны не погубитъ.

На-счетъ смѣшиванія семянъ всѣхъ лѣсныхъ породъ вмѣстѣ, я находилъ неудобства въ послѣдующемъ содержаніи этого лѣса, и притомъ упрекалъ сочинителя, что онъ сдѣлалъ пропускъ, необъяснивъ, какимъ-образомъ запахать такой посѣвъ, когда сѣмена требуютъ различной покрывши землю; но на последнее теперь нѣтъ ни помина, ни отвѣта.

На той же страницѣ сочинитель ссылается на писанное имъ въ «Библиотекѣ для Чтенія» за августъ мѣсяцъ прошлаго года. Я не читалъ этого, но г. сочинитель возбуждаетъ мое любопытство, и я при первомъ случаѣ прочту. На страницѣ 14-й сочинитель полагается на сметливость русскихъ помѣщиковъ и предполагаетъ, что имъ не нужно толковать каждую бездѣлицу, а довольно указать на главныя данныя, чтобы они поняли все дѣло въ полномъ объемѣ. Мнѣ, однако, кажется, что для этого необходимо этимъ даннымъ быть справедливыми и опредѣлительными, а сказать,

чтобъ на квадратномъ аршинѣ было деревцо, не опредѣляя въ какомъ возрастѣ — это совершенно неопредѣлительно. Мы сѣмъ, и наши посѣвы лѣсныя всходятъ вмѣстѣ съ сорной травой, или послѣ ея. Если не будемъ полоть, то множество всхода погибнетъ, заглушенное травами, а будемъ полоть, то столько же истребится полотьемъ, многое погибнетъ отъ солнечнаго зноя. По этимъ причинамъ назначенное мною количество сѣменъ отнюдь не велико, предполагая, что сѣмена не куплены. Выписныя сѣмена лиственницы и ваймутовой сосны дороги, и потому-едва ли кто рѣшится сѣять ихъ въ-разбросъ въ поля или на тундрахъ (по наставленію сочинителя). У меня привезено теперь пятьдесятъ пудъ еловыхъ шишекъ; пудовъ двѣнадцать соберется съ молодаго ельника моего заведенія. Въ прошедшее лѣто собрано было четвертей десять березовыхъ сѣменъ.

Клена, ясени, ольхи я могу получать сколько потребую; следовательно, мнѣ не для чего для сбереженія сѣменъ рисковать получить пустыя мѣста.

Г-нъ баронъ Боденъ вычислилъ, что при посѣвѣ 150 зеренъ на квадратный аршинъ, достанется на каждое деревцо около $1\frac{1}{2}$ вершка квадратные; а почему жъ ему неугодно было принять въ соображеніе, что, во-первыхъ, мы не собираемъ березовыхъ и другихъ мелкихъ сѣменъ по зернышку, но посылаемъ за этимъ ребятишекъ, которые, — такъ-какъ березовыя сѣмена не вдругъ поспѣваютъ, — собираютъ иногда наполовину и болѣе зеленыхъ, и надобно почитать за счастье, если взойдетъ половина, чего я, однакожъ, никогда еще не видывалъ. Во-вторыхъ, какъ сказано, трава, полоть, зной разредятъ этотъ всходъ, а слѣдующая зима вытащить изъ земли множество прошлогодняго всхода. И такъ, къ другому году уже едва-ли когда случится затрудниться чашиною посѣва. Впрочемъ, я по своимъ опытамъ утверждаю, что береза, сосна, лиственница и прочія хвойныя породы третьяго года отъ посѣва будутъ расти весело, ни мало не отнимая другъ у друга питанія, если каждая имѣетъ подъ собою отъ 2 до 3 вершковъ пространства.

На страницѣ 15-й сочинитель упрекаетъ меня, что я не понималъ его, прежде ли, или послѣ хлѣбныхъ посѣвовъ должно разгровить назначенную подъ лѣсной посѣвъ землю; меня сбilo то, что сочинитель воображаетъ, будто-бы отъ трехъ колосовыхъ посѣвовъ земля болѣе очищается отъ сорныхъ травъ; едва-ли найдется кто-нибудь, кто могъ бы съ этимъ согласиться.

(Стр. 16). Теперь дошли мы до осины. Изъ словъ сочинителя,

что «корни у осиновыхъ черенковъ пробиваются изъ колець тамъ, гдѣ сидятъ почки», разумѣть должно, что, какъ почки находятся на прошлогоднемъ побѣгѣ, то и корни пробиваются на прошлогоднемъ же; а какъ корни должны выходить не сверхъ земли, то по крайней-мѣрѣ часть прошлогодняго побѣга должна быть посажена въ землю. Одногодній осиновый побѣгъ толщиною отъ гусиного пера до мизинца: теперь спрашиваю, что тутъ заостривать, тѣмъ болѣе, что земля пробита ломомъ, и въ подлежащемъ отвѣтъ они названы кольями.

Это сказалъ я здѣсь только въ оправданіе себя, что въ подобныхъ путаницахъ затруднялся; впрочемъ, садка осины черенками для хозяйственной пользы есть не что иное, какъ химера, даже болѣе, ибо, мнѣ кажется, съ равнымъ успѣхомъ можно посадить граду заостренныхъ сigarъ такъ же, какъ и осиновыхъ черенковъ.

Что я разумю объ уплотненіи земли при посѣвѣ мелкосѣменныхъ лѣсныхъ породъ, не считаю нужнымъ подробно излагать, потому-что оно тысячу разъ уже изложено.

Я не знаю, откуда взялъ сочинитель, что я считаю неудобнымъ разведеніе лѣсовъ въ нашемъ восточномъ сухомъ климатѣ, когда я около сорока лѣтъ поставилъ себѣ это самую важную и любимую задачу. Конечно, можетъ-быть, я ошибся, недостаточно объяснивъ, что разумю подъ нашимъ восточнымъ климатомъ. Я называю среднюю полосу Россіи въ-отношеніи къ Европѣ уже восточною; конечно, въ этомъ же отношеніи и остзейскія провинціи также восточныя; но мы привыкли называть ихъ западными. Что же касается до сухости нашихъ среднихъ губерній, о которыхъ я всегда говорю, то, кромѣ того, что у насъ дожди рѣже, чѣмъ въ странахъ, къ сѣвернымъ европейскимъ морямъ приближенныхъ,—сухость этихъ губерній основывается на глубинѣ рѣчныхъ руселъ: у насъ по-крайней-мѣрѣ $\frac{1}{8}$ всего пространства земли возвышено надъ поверхностію здѣшнихъ водъ отъ 15 до 25 и болѣе саженъ. Если къ тому прибавить почти-повсемѣстно-распространенную удобопрускающую подпочву, то думаю, что безошибочно можно назвать эту, впрочемъ, благословенную страну сухою.

На этой же страницѣ, идетъ рѣчь о хвойныхъ лѣсахъ на тундрахъ, и тутъ повторяю только сказанное, что всякій легко постигаетъ. Тундрю называется болото или топъ, покрытая мхомъ, на которой если и засѣется лѣсъ (береза, ель, и пр.), вырастаетъ до такой величины и тяжести, сколько эта верхняя покрыва снести можетъ; потомъ начинается валиться и тонуть, давая мѣсто новому

поколенію, котораго ожидаетъ, — чрезъ 15, 20, 30 лѣтъ, — та же участь. Примѣръ этого можно видѣть въ Витебской-Губерніи; на пространствахъ нѣсколькихъ тысячъ десятинъ.

Здѣсь кстати сообщить весьма-хорошій и благонадежный облегчительный способъ, употребляемый при съѣмкѣ разлужистой или окруженной низменностями и болотами рѣчки, съ цѣлью, напримеръ, проложить по нимъ фашинную дорогу. Способъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: отыскавъ на нагорномъ берегу (если онъ есть) удобное чистое мѣсто, снять оттуда съ двухъ пунктовъ всѣ круговины взрослыхъ сосенъ, лиственницъ и пихтъ (если они есть) на планшетъ. Эти круговины, если и не могутъ впадать подъ самую дорогу, то по-крайней-мѣрѣ надобно стараться держаться ближе къ нимъ, ибо тамъ, безъ всякаго сомнѣнія, найдется твердая сухая земля для засыпки фашинника. Вообще, вы можете оттуда, т. е. съ нагорнаго берега, снять объемъ обыкновеннаго разлітія рѣчки, ибо гдѣ увидите означенные хвойные лѣса, можете навѣрное заключить, что эти мѣста недоступны обыкновенному весеннему разлітію. Гдѣ же увидите взрослую ель, тамъ, можетъ-быть, поверхность хотя и очень-водяниста, но глубокой топи быть не можетъ: большія ели давно бы упали.

Этотъ способъ открылъ мнѣ одинъ молодой человекъ, довольно-ограниченный землемѣрскій ученикъ.

Я увѣренъ, что никто, имѣющій хотя малѣйшее понятіе о свойствахъ хвойнаго лѣса, не согласится разводить сосну простую, вайматову и лиственницу на болотѣ.

Ель годная, т. е. въ большомъ возрастѣ, не можетъ произрастать на болотѣ, потому-что ей нѣ во что упереться: она бы упала при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра; напротивъ, она растетъ до огромной величины на мѣстахъ сырыхъ, но твердыхъ, имѣющихъ мало стока, а потому бывающихъ иногда значительную часть года подъ водою; и хотя поверхность такихъ мѣстъ обыкновенно покрыта густымъ мохомъ, однакожь это не тундра, а растущія ели не сосны и не лиственницы!

Но сосна и лиственница даже на этихъ мѣстахъ не процвѣтаютъ!...

Опять нахожу нужнымъ напомнить то же, что сказалъ о березкѣ на городскихъ стѣнахъ: и здѣсь также можетъ легко случиться, что занесенное въ окрестныхъ лѣсовъ, на возвышенную кочку зерно сосны, пихты или лиственницы, взойдетъ, и нѣсколько лѣтъ

будетъ расти, пока корни ея дойдутъ до воды: тогда она начина-
етъ по стволу и сучьямъ обростать мохомъ и сгнѣтъ на корнѣ.

Всякій знаетъ, что первое условіе для успѣшнаго разведенія со-
сны, пихты и лиственницы есть свобода отъ мокроты.

Ф. МАЙЕРЪ.

1848 г. февраля 18.

... (фaint text) ...

УЧЕБНАЯ КНИГА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ или собранныя *искусства* или *Русскихъ писателей въ прозѣ и стихахъ*, съ присоединениемъ правилъ *Риторики и Поэтики*, и обзоромъ *Исторіи Русской Литературы*, изданная *Николаемъ Гречемъ*. *Изданіе второе, исправленное и дополненное. 4 части. Санктпетербургъ. 1854.*

(Посвящается учителямъ и ученикамъ русской словесности.)

Есть книги, которыя всѣмъ извѣстны по названію, но о которыхъ немногіе имѣютъ истинное понятіе. Чѣмъ чаще онѣ выходятъ новыми изданіями, тѣмъ безспорнѣе считается говорить о нихъ; молчаніе критики при первомъ ихъ изданіи, принимается, но какому-то странному стеченію обстоятельствъ, въ дѣло рѣшенное въ ихъ пользу, такъ что второе, третье и слѣдующія изданія подобныхъ книгъ преспокойно являются въ свѣтъ, не ожидая отъ насъ вопроса: вы идѣсь за чѣмъ?

Она въ двухъ или книга заслуживаетъ успѣхъ, или она пользуется имъ несправедливо. Въ первомъ случаѣ, надобно объяснить успѣхъ, во второмъ, — опровергнуть главныя доводы, которые сильно дѣйствуютъ въ авторитеты, не поддѣрживая того, что ложные авторитеты давно ушли. Поэтому мы думаемъ, что не бесполезно будетъ обратить вниманіе на третью, исправленную, дополненную и, какъ мы думаемъ, — **Она.**

разналась «Восхожденію для Человѣка, заслуженное изданіе «Учебнаго Курса Русской Словесности», г. Греча. Многія причины заставляютъ насъ заняться за перо.

Первая, главнѣйшая причина, если не цѣлостно, самой науки: ante omnia Мисае. Добрытно и полезное содержаніе четырехъ частей «Курса» такой важной науки, какова русская словесность. Критикъ прелесть адѣе дозвать, въ какомъ обществѣ, видѣ и направленіи излагается онъ — эпохи курсъ — теорію краснорѣчія и повсюду какія прихвѣри модиріалогіи словъ, правила, которыя должны быть негнѣнныя при всей своей правотѣ; — отъ отступаютъ на отъ правила совершенному сестодію науки и образованности требованіякъ учащагесе. **Должно предположить, что въ «Курсѣ» есть определенное возвращеніе на правдѣ, отличающее книгу со стороны отъ книгъ пустыхъ, безтолковыхъ; —**

когда ему было нужно выразить свое мнение о каком-нибудь литературном произведении, или самому написать что-нибудь в литературном роде.

После краткого введения, начинаем для устранения всяких затруднений, присматриваясь к критикам, которую разделили на две части: в первой рассмотрим теорию и примеры прозы, или риторичну (теорию и вторую часть «Учебного Курса», во второй — теорию и примеры поэзии, или так называемую г. Греческую драмату (теорию и четвертую часть).

Статья первая.

Одни древние люди считали, что искусство есть судьба и неизбежная участь; иные думали, что искусство есть то же самое, как и все отвлеченные понятия. Они то что также имели свою судьбу и очень часто даже целую историю. Судьба одних — постоянно идти вперед, с каждым годом приобретать во внутреннем содержании и, расширяясь более и более, стать наконец высоко в общем мнении. Так постепенно расширялось и расширяется понятие о поэзии. Судьба иных совершенно иная: они начинали с того, что вдруг, едва лишь появились на свет, и сразу же исчезли, как бы в ничто, и остались бы забыты, как те, которые давно простерлись даже на другие смежные сферы, потому ждало по малу теория окружавшее их лучшее состояние; оно сходит с них, как мгла с дерева, и наконец тускнеет в самом ядре своем... Участь вообще печальная, которой — не понимая как — до сих пор не может избавиться из себя Риторика. Все это, как угасала, как не находилась классическая древность как любимым своим созданием, она пришла на то причинам достаточ-

ными; у древности перенала то же высокопочитание реторик и много-сидущая, но мало-знающая схоластика: в ее руках, впрочем, реторика потеряла окружавший ее ярко-поэтический нимб: последние века, получив от схоластиков это достояние древности — истинными оживлявшего его духа, в вид сухого, хотя и правдиво-сложennого скелета, — последние века убоялись безобразности этой странной машины, в которой все связи давно пережжены, сначала тихонько, а потом и вслух осмеляли то, что когда-то любования древний ум, как одним из самых счастливых своих созданий. В наше время, прекратились даже самые насмешки, осталось одно холодное презрение к реторике, которое спешит выразить всякий мальчик, едва доучившийся — логику, общей грамматики по-крайней мере? — нет, ей же, реторике... Просто, самая жалкая участь.

Риторика, однако, как будто не боится и знает этого, — то есть, не реторика, а те, которых судьба осудила всю жизнь заниматься обработкой, или выделкой этой, как она называется, науки. Нет людей более утробных в достоинствах реторики и ее погибающей важности, как те, которые имеют счастье или несчастье обучать ей, и еще более те, которые приняли на себя печальную обязанность составлять и обновлять надлежащее руководство по этому предмету. Посмотрите на них — на этих людей и на эти руководства: они не сердятся на насмешки, не оскорбляются презрением, — они все так же хотят учить публику реторике, как учили назад тому двадцать лет. Двадцать лет тому, они составили руководство к реторике; тогда им это удалось: книга пошла в ход, потому что мысль не начинала еще двигаться. Но в двадцать лет совершилось много перемены, так что понятия о книге перевернулись вверх дном: ее отложив в сторону и забыли. Казалось

бы, книга могла умереть такъ спокойно, безъ всякаго шума... но издатель — онъ же и авторъ — вынимаетъ книгу изъ рѣки забвенія и, точно такъ же, какъ и за двадцать лѣтъ, вновь издаетъ ее въ свѣтъ, прибавляя на заглавномъ листѣ «изданіе исправленное и пополненное». Исправленное и пополненное! Это значитъ, что авторъ прибавилъ нѣсколько страницъ и исправилъ нѣсколько словъ. И между-тѣмъ, книга является въ свѣтъ съ такимъ самодовольнымъ видомъ, какъ еслибъ она содержала въ себѣ науку наукъ!

Какъ же согласить это общее низкое мнѣніе о риторикѣ съ тѣмъ высокимъ понятіемъ, которое имѣютъ о ней же ея присяжные попечители? Презирать общимъ мнѣніемъ нельзя: это мнѣніе не толпы, но людей образованныхъ и умныхъ писателей. Нельзя, однако, однимъ словомъ опровергнуть и риториковъ, лучше сказать, нельзя прямо назвать и мнѣнія риториковъ упрямымъ предубѣжденіемъ, не выслушавъ напередъ ихъ объясненій. Но никто такъ не скупъ на объясненія, какъ они, риторы: все ихъ краснорѣчіе обыкновенно исстощается въ составленіе известной книжки, и тѣ, которые желали бы узнать ихъ оправданіе, должны искать его въ самомъ ихъ твореніи.

Мы обратимся къ книгѣ г. Греча именно съ этою цѣлю. Не то, чтобы мы надѣялись найти въ его риторикѣ, въ риторикѣ вообще, нечто похожее на самостоятельную науку, имѣющую, подобно, напримѣръ, грамматикѣ, ужъ дальше мы не смѣемъ и смотрѣть — свое собственное содержаніе и опирающуюся на своихъ незамысловатыхъ началахъ: этой надежды, или этого грѣха — признаемся откровенно, нѣтъ за нами. Наши виды въ этомъ случаѣ гораздо умѣреннѣе. Все, чего мы хотимъ добиться отъ риторики г. Греча, вновь изданной въ 1844 году въ исправленномъ видѣ — это отвѣта на вопросъ: да ведетъ ли по-крайней-мѣ-

рѣ къ чему-нибудь изученіе риторики, полезно ли оно въ какой-нибудь степени? Въ одномъ только случаѣ можно бы уступить риторикѣ право на названіе науки: когда бы она взяла на себя трудъ объяснить намъ законы вѣщаго въ словѣ и потомъ приложить эти законы къ известнымъ и общимъ признаннымъ образцовымъ явленіямъ словесности, будетъ ли то исторія, краснорѣчіе въ собственномъ смыслѣ, или дидактика. Дѣло понятное, что въ такомъ случаѣ мы только опростенли бы названіемъ риторики одну изъ частей эстетики; однако, такъ-какъ во время ея риторика бралась толковать обо всѣхъ безъ исключеній словесныхъ произведеніяхъ и имѣла чинность судить и ратить ихъ по своему крайнему разумнію, то почему же не предположить на минуту той же самой замашки и въ «Учебной Книжкѣ Русской Словесности» г. Греча? Вѣдь она также, по происхожденію своему, принадлежитъ во временахъ десяти-отдѣленнымъ. Дѣлаемъ на минуту такое предположеніе и обращаемся съ нашимъ вопросомъ къ «Учебной Книжкѣ». Въ первой части ея есть глава, посвящая пышное заглавіе «О различныхъ родахъ произведеній прозаическихъ». Посмотримъ, какъ далеко прострается здѣсь предполагаемое поставленіе назиданнаго въ прозаическихъ сочиненіяхъ. Раздѣленіе ихъ: «Вообще (?) можно (?) раздѣлять прозаическія сочиненія на слѣдующіе семь классовъ: 1) письма; 2) разговоры; 3) описанія; 4) историческія сочиненія; 5) дѣловые бумаги; 6) учебныя сочиненія; 7) рѣчи». Ни больше, ни меньше, какъ семь? Что однако, скажетъ всякій учитель, если ученикъ представитъ ему *отъ себя* подобное вѣрное раздѣленіе прозаическихъ сочиненій? Охъ, безъ сомнѣнія, скажетъ ему, что это вѣрно, то-есть, лишено всякаго основанія. Поставленіе, очевидно, изъ рукъ вышло плохо, или просто — его нѣтъ. Еще одинъ образчикъ — изъ статьи «Сочиненія Историческія»: «Исторія — есть повѣствованіе объ истинныхъ и

явленійх и дѣлахъ физическаго и нравственнаго міра, и раздѣляется на исторію природы, или естественную, и исторію рода человѣческаго, или человѣка въ-особенности. Здѣсь исчерпаетъ даже простой человѣческой смыслъ: во-первыхъ, объ истинныхъ явленіяхъ и дѣлахъ физическаго міра. И такъ, въ физическомъ мірѣ, подлѣ которыхъ, въ противоположность нравственному, вы разумѣете, конечно, природу, надобно отличать *явленія* и *дѣла*? Кто же дѣлаетъ тамъ эти дѣла? И такъ, въ немъ бывають, кромѣ истинныхъ явленій, и явленія ложныя? Наконецъ, что значитъ явленія и дѣла міра? Далѣе, исторія природы по-вашему точно такъ же есть исторія, какъ и исторія человѣчества? И такъ—натуральная исторія, хоть бы самого Бюффона, есть сочиненіе историческое? — Ищите тутъ постиженія, гдѣ просто нѣтъ смысла!.. О слогѣ историческомъ: характеръ слога историческаго долженъ быть вообще ясенъ, кратокъ, простъ, и сообразенъ съ предметомъ. *Характеръ* — долженъ быть *ясенъ, кратокъ, простъ*? Что это такое? И потому главные свойства историческихъ сочиненій суть: правильность языка; (а разбѣ въ какихъ нибудь сочиненіяхъ главное свойство должно составлять неправопильность языка?) ясность, краткость; внимательность и благородство. Характеръ слога *долженъ* быть *ясенъ, кратокъ, и потому* главные свойства сочиненій *известнаго* рода суть *ясность, краткость*... Хороша силлогизмы, *образцовый* силлогизмы! Мудрено найти что-нибудь абсурднѣе...

И такъ, предположеніе — найти въ «Учебной Книгѣ» приложенія законовъ изящнаго и нравственнаго сочиненія, привело насъ, какъ вы можете видѣть великій учашійся логикъ, къ абсурду! Непопробуемъ сдѣлать и еще одно предположеніе: не хотѣлъ ли авторъ дать правила сочинителямъ, нѣтъ должно писать разныя сочиненія? Разумѣется, *какая* мысль объ этомъ, не говоря уже о выполненіи, была бы негѣ-

постію первой степеніи; однако, не въ правѣ ли я сдѣлать подобное предположеніе, встрѣчая въ той же самой книгѣ правила о томъ, *напримѣръ, какъ должно располагать — историческія развѣсканія!* Не ясно ли, что авторъ хочетъ учить *историка*, какъ долженъ онъ производить историческія изслѣдованія? потому-что, вѣдь не ученику же заниматься такимъ дѣломъ, которое не всегда удастся даже и опытному историку. И такъ, какъ ни негѣпо предположеніе, я долженъ и на немъ остановиться на мигу, отыскивая настоящую цѣль «Учебной Книги». Положимъ, дѣло опять касается исторіи: что присовѣтуетъ учебная книга тому, кто предпринимаетъ написать историческое сочиненіе? Она раздѣляетъ, во-первыхъ, сочиненія историческія — на *хѣтописи*; исторію прагматическую и исторію философско-социальную. (Откуда знаетъ это «Учебная Книга» — неизвестно.) Потомъ налагаетъ на автора прагматической исторіи — мы пропускаемъ соотвѣтъ ея *латинскимъ* — слѣдующія обязанности: «Сверхъ начествъ, общихъ всякому писателю, историкъ *долженъ* имѣть основательныя познанія въ разныхъ языкахъ, въ вспомогательныхъ для исторіи наукахъ, также въ философіи и политикѣ; *долженъ* знать свѣтъ и людей, имѣть омытность (въ чемъ?), духъ (?) наблюденія, правдивость, и болѣе всего дорожить истинною и безпристрастіемъ; питать въ душѣ уваженіе къ обычаямъ и мнѣніямъ всѣхъ странъ и вѣковъ» (слѣдовательно даже въ самыхъ негѣпныхъ и безсмысленныхъ?). Соотвѣты прекрасныя, кромѣ послѣдняго: жаль только, что всѣ историки знали ихъ задолго до существованія «Учебной Книги». Послушаемъ далѣе: Такъ-какъ свойства и усилія событій тѣсно соединены съ мѣстами, мнѣ обстоятельствомъ и съ временемъ, и преимущественно зависятъ отъ янцъ; участвовавшихъ въ оныхъ случайно или съ намѣреніемъ, то и *должны* — *должны* эту исторію *описывать* имѣть, изображеніемъ времени и ха-

кой, и действительно уминых книга? Она подумает о ней то же самое, что и о первых своих опытах: «сочинять»: «самодеятельно неизбежно!»

Какая бы то ни было, мы, впрочем, нешли, неметод, настоящую задачу «Учебной Книжки», или риторики, — задачу которую ваялось разрешать она. Да что же иное говорить самое определенное ей, которое мы читаем на одной из первых страниц «Учебной Книжки»? Что говорит, что «риторика заключает в себя не себя правила излагать науку или на письме мысли свои, сообразно с предположенною целью». Устранять на время само-собой представляющийся вопрос о том, кто же излагает свои мысли науку или на письме — по правилам? «Излагать мысли науку по правилам», значит — по правилам (1); «излагать их на письме по правилам», значит — не иметь ни одной свободной мысли и писать так, как поучай говорить... Но дело не в том: мы отыскиваем настоящее назначение риторики (а вышло с нею «Учебной Книжки»), и она дает его нам в своем определении, чем-то она берется дать руководящее по тому, чтобы говорить и писать по правилам (ибо что иное значит — излагать свои мысли науку и на письме?), разумеется тех, которые сами не в состоянии еще правильно и говорить, и писать. Но здесь должно сказать еще два ограничения: во-первых, никто не излагает мысли науку (т. е. никто не говорит) — по правилам, кроме риторика и педагога, во-вторых, писать правильно, по всем правилам все предельная цель — ученика тринадцатилетнего. Что же остается повторить? То, что мы указали уже выше: объяснить ученику, пока еще еще не в состоянии писать сам от себя, и некоторые самые общие приемы, как и что можно писать на заданных темах. Таким настоящим символом этого определения, которое дает «Учебная Книга» риторика, «Современник» излагает образом с риторикой относительно

ей назначении и обязанностями ее в учебном заведении, что это назначение также имеет свое научное значение, мы можем теперь возвратиться к тому вопросу, который предложили себе в самом начале: берется ли хотя в чем-нибудь «Учебная Книга», илиющей такое назначение? Нам проще: привести ли хотя одну из тех или других (с достоинством и ясностью мы не говорим) риторик в том виде, в каком излагается она в «Учебной Книжке»? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны, очевидно, обратиться к самой книге и рассмотреть как средства риторики, так и самый метод ее руководства: почитаемых — из предположенной ей цели.

Решение вопроса много бы облегчилось и ускорилось, если бы, не говоря уже о началах, определенная была крайняя мера границы, отделяющая науку риторическое учение от других смежных наук, и указаны были ее средства и пособия. Мы этого не знаем риторика, во-первых — мера, которая излагается в «Учебной Книжке». Относительно риторика — анализ самого ее содержания. Мыслью своей риторика разделяется на две части: во-первых, общие правила — общие правила, а во-вторых, свойства (частные) разных родов: проповеднических, судебных и политических (2); общий принцип. Что касается до предмета, то риторика, не основываясь на различных целях, различает два рода — научную и практическую, или просветительную и образовательную. Это различие является на первый взгляд неясным, что риторика берется научить своих учеников не только теории, но и практике. Ввиду этого, ввиду того, все самое различие предмета на два рода не представляется ли и другого, — притом говоря до-быть — основательно различия риторика? А в таком случае, как соединить его с другими? Но риторика

«Учебная Книга» (ч. I, стр. 19) — особенно относящиеся к наукам» (специальные предметы, особенно относящиеся к наукам? что может значить такая фраза для ученика?). «Во всяком случае, различием соображений в науках особенные случаи, особенным соединением понятий (так ли?), которых мы («Учебная Книга») не упоминаем: потому и руководствовать в подобных случаях мы отказываемся... Вот вам и руководство! Теперь судите по этим немногим примерам, избранным из многих, во сколько может быть полезно научные риторички, как налагать ее «Учебная Книга».

Глава «Объ изобретении», однако, содержит в себя и еще множество удивительных предметов. Упомянуть о них мы считаем своей обязанностью, рѣшившись рѣчь дать публики настоящее понятие об этой прекрасной книге, пережившей два издания. Сознавая свое безсиліе дать какое-нибудь руководство къ правильной мысли, «Учебная Книга» беретъ представить отъ себя по крайней мѣрѣ полную классификацію предметов: мысли или размышлений, какъ она говоритъ. Это значитъ хотѣть раздѣлять предметы съ точки зрѣнія риторички. Во всякомъ случаѣ, такое раздѣленіе не обѣщаетъ много результатовъ, но мы уже и не ждемъ результатовъ отъ «Учебной Книжки». Вотъ основаніе, которое представляеть «Учебная Книга» для раздѣленія предметовъ, и вотъ самое раздѣленіе: «Приспособленіи истины» (ужь не думайте ли вы; что можно считать истину и можно считать лжестью?) и эти четыре рода (или четырехъ родовъ!); «1) мы разсуждаемъ, или имеемъ какое-либо преимущество: всеобщее, 2) изобрѣщаемъ существующее, 3) риторички объясняемъ, 4) излагаемъ другимъ, то-есть, поясняемъ теорети-

ческую истину, или внушаемъ практическую» (внушаемъ практическую истину — что заумнѣе выражаться!). «моученіе, 4) побуждаемъ другихъ къ дѣятельности: убѣжденіе.» (Стр. 5). Что за строгое «распредѣленіе работъ! Подумаешь, «Учебная Книга» училась политическомъ экономіи... Вы будете «повѣствовать», я — описывать», этотъ будетъ «поучать», а тотъ — «убѣждать». Это все равно, какъ — одику будетъ рѣзать проволоку, другой застригать ее, третій готовить булавочный головки, четвертый насаживать ихъ... Но дѣло не въ томъ: надобно знать самое раздѣленіе предметовъ. Вотъ оно: «несомно» (какая послѣдствительность!) и предметы размышленія «бываютъ: повѣствовательныя, описательныя, поучительныя и убѣдительноныя.» (Ibid.) Короткая истина! Итакъ, все зависитъ отъ цели, которую мы назначаете себѣ, сочиняя прозу? И предметъ точно будетъ поучительныя, потому только, что, говоря о немъ, вы хотите поучать? Предметъ нашъ будетъ убѣдительною, потому что вы хотите убѣждать? Короче сказать — *свойство предмета зависитъ отъ цели мысли.* Трудно было бы придумать что-нибудь абсурднѣе! Если бы по крайней мѣрѣ «Учебная Книга» предполагала таланта въ писателѣ, тогда бы мысль шла въ видѣ котъ парадокса; но извѣстно, какихъ писателей раздѣляетъ эта книга, а въ приложеніи къ нимъ подобная мысль — явная глупость. Есть великія историческія событія, которые остаются въ высокой степени поучительными даже въ самомъ восточномъ изобретеніи, чудномъ языкѣ ложныхъ риторическихъ прикрасъ; есть высокое краснорѣчіе истинно и глубокого воодушевленія предметомъ, которое всегда будетъ убедительно, каковы бы ни были предметъ его: какъ согласитъ все это съ дѣлительнѣе предметомъ на повѣствовательныя, описательныя и проч., съ дѣлительнѣе, основанными на цели писателя? Ничего, очевидно, ибо въ этомъ дѣлительнѣе изрѣченъ обыкновенный логическій норма-

доча. Дѣло въ томъ, что не цѣлью писателя определяется самъ предметъ, а скорѣе свойствомъ предмета определяется пѣтъ писателя... Но и съ этой точки зрѣнія нельзя еще сказать, что предметы могутъ быть — повѣствовательными, описательными, убѣдительными, хотя нельзя оспаривать того, что есть предметы очень — поучительные. Отъ чего произошла эта вторая запутанность? Отъ самой простой причины: авторъ «Учебной Книги» слушалъ здѣсь свойства предметовъ вообще съ свойствами собственно — словесныхъ произведений. И вотъ польза, которую можетъ доставить реторика учащемуся: она повергаетъ его въ двойную запутанность!

И какое намъ дѣло до дѣленія предметовъ? Не дѣленію предметовъ, но различію словесныхъ произведений должна бы сдѣлать реторика, и если она, какъ и слѣдуетъ, не довольствуется однимъ различіемъ по внѣшней формѣ, то пусть покажетъ различныя роды воззрѣній на предметъ, которыми и определяется характеръ словеснаго произведенія. Одно и то же историческое событіе, на примѣръ, можетъ быть предметомъ и историческаго изложенія и глубокаго философическаго размышленія, смотря по тому воззрѣнію, которое полагаетъ писатель въ основаніе своего произведенія. Этихъ воззрѣній можетъ быть собственно два только: или мы смотримъ на предметъ съ внѣшней его стороны, какъ онъ представляется нашимъ чувствамъ, или стараемся разгадать и внутреннюю, то-есть, отрѣшавшись отъ явленія, выкаемъ въ его мысль и внутреннее значеніе. Отсюда вытекаетъ само собою, что нѣтъ предметовъ повѣствовательныхъ, или предметовъ описательныхъ, во можетъ быть дѣленіе прозаическихъ сочиненій, прозы вообще — на повѣствовательную и философическую. Впрочемъ, авторъ по произволу можетъ соединять въ одномъ произведеніи и тотъ и другой родъ воззрѣнія: тогда, если угодно, будетъ родъ сѣ-

шайный. А праспорѣчіе, витѣстество скажете вы, Креспорѣчіе, домыслилось какъ сила и направленность слова въ соотнесеніи съ особеннымъ его качествомъ, зависитъ отнюдь не отъ воззрѣнія на предметъ, а отъ бѣльшаго или меньшаго проникновенія и одушевленія пис., и въ этомъ смыслѣ оно можетъ имѣть дѣсто. чуда — въ прозѣ историческою точкою на тому же праву, по какому и въ прозѣ философическою. Читайте величайшихъ историковъ — и вы не разъ поражены будете ихъ краспорѣчьемъ; читайте величайшихъ мыслителей — и у нихъ нѣрѣдко встрѣтите нѣста вдохновенно-краспорѣчьями. Но что же такое будетъ собственно такъ называемое «ораторство»? Особенность ораторскаго рода определяется собственно представленіемъ о предметѣ, представленіемъ, дакъ дѣла, въ которомъ обращается словесное произведеніе, какъ живая рѣчь, хотя въ сущности этотъ родъ не можетъ быть отдаленъ отъ прозы, вообще, которой онъ заключаетъ въ себя всѣ существенныя элементы. Чтобы лучше понять эту простую мысль, пусть вспомнитъ реторика, что одна и та же мысль (говоря на словахъ) можетъ послужить предметомъ и глубокаго философическаго разсужденія и — краспорѣчьяго ораторскаго произведенія. Философъ разсуждаетъ логично, пока возбуждается только отвлеченными представленіями; но онъ же часто становится истиннымъ ораторомъ, когда живое представленіе предмета къ нему или непосредственное присутствіе живыхъ лицъ, съ сердечною готовностью отвѣчать ему горячою симпатіею, или наоборотъ, адатрическа дѣйствуетъ на его душевныя силы и пробуждаетъ ихъ энергію... Тотъ, кто по чему бы то ни было неспособенъ къ подобнымъ возбужденіямъ, хотя бы онъ формально и всю жизнь свою упражнялся въ ораторскомъ искусствѣ, т. е. писалъ ораторскія рѣчи, — никогда не будетъ ораторомъ. Кажется, дѣло такъ просто и ясно, что

Въ сторону вопроса объ основательности; остается определить, может ли принадлежать какую-нибудь пользу это учение, лишенное основания? Первое качество хорошей речи, говорить «Учебная Книга», есть «правильность». А какое первое правило относительно правильности речи? Для сего надлежит «знать грамматику и наблюдать господствующее употребление (чего?) въ «сочиненияхъ лучшихъ писателей». И такъ, риторика учить — знать грамматику? А безъ риторикѣ этой истины узнать нельзя? А знанію риторикѣ будетъ учить — грамматика?.. Главная школа, гдѣ одна наука учить другой! Но вотъ слѣдуетъ раздѣленіе правильности: «Правильность бываетъ: 1., собственная правильность, или наблюдение (читай соблюденіе) правилъ грамматики и употребленія (это что за наука — употребленія?), и 2., чистота языка». Еслибъ кто сказалъ на оборотъ, что — чистота языка 1., собственная чистота языка, и 2., его правильность, такое положеніе было бы ровно столько же основательно, сколько и положеніе, представленное «Учебною Книгою». Впрочемъ, мы не говоримъ болѣе объ основательности. Какъ мы знаемъ, риторика учить «знать грамматику», еще болѣе: она *учитъ грамматику, даже орфографію*... Созедавая — говоритъ она — есть ошибка противъ синтаксиса. и — приводитъ примѣры разныхъ синтаксическихъ ошибокъ: «Барбаризмъ» — учить она же: есть употребленіе новосоставленныхъ или и старыхъ словъ, которыя «образованы вопреки правиламъ словоупотребленія... Къ сему же (читай: сюда же) относятся ошибки противъ «высшихъ словъ, напр. *созидидишь, водружидишь, свчиненитесь, онъ подитъ, и пр.*» Спросите того, кто сколько-нибудь знаетъ грамматику, спросите его, сколько пользы получить онъ отъ подобныхъ правилъ, и потомъ попросите его же определить, что такое пустословіе... Другой родъ правильности есть, какъ мы знаемъ, «чистота языка». Общее правило: «Чистота требуетъ, чтобъ въ

языкѣ не было введено ничего чуждаго» (т. е. ничего такого, что не принадлежитъ языку?) — изъ областныхъ ли нарѣчій, или изъ иностранныхъ языковъ. Къ сему (сюда) принадлежатъ выраженія обветшалыя, провинціальныя, и слова и обороты чужестранныя. Это значитъ: не употребляйте словъ и выраженій обветшалыхъ, провинціальныхъ, чужестранныхъ. Пусть такъ; посмотримъ, что за выраженія обветшалыя или архаизмы. Это — слова и обороты живаго языка, которые при возрастающемъ его обогащеніи устарѣли и не употребляются хорошими писателями, хотя иногда встрѣчаются въ языкѣ *простолюдиномъ и дьяволомъ*. Они суть: а) выраженія, означающія низкія, тѣлесныя дѣйствія человека, напр. *жрать, рыгать*. б) Слова испорченныя: очень, некрутъ, чать, в. Слова низкія и подлые: треснуть, вм. ударить, сварганить, буркалы, бахвалить, таранить. д) Вышедшія изъ употребленія; напр. *звычайный, конюбъ, говяда, понеже*. Первый нашъ вопросъ — вопросъ о пользѣ. Итакъ — кому нужно такое правило? Кто, кромѣ бейчася привезеннаго изъ лѣса или изъ деревни, будетъ выражаться на бумагѣ такими словами, какъ *жрать, рыгать, сварганить, бахвалить, буркалы*, и проч.? Не-уже-ли только риторика можетъ предостеречь отъ употребленія подобныхъ — говоря языкомъ «Учебной Книги» — подлыхъ словъ, которыхъ до нея, можетъ-быть, и вовсе не слыхивали? Даже. Если архаизмы суть слова, вышедшія изъ употребленія, то какъ могли попасть въ архаизмы такіа слова, какъ *жрать, рыгать, треснуть, и т. п.*, — слова, которыя и теперь точно такъ же живутъ въ языкѣ, какъ они были въ немъ за пятьсотъ лѣтъ? Или они стали архаизмами съ-тѣхъ-поръ, какъ перестали употребляться въ печати? Но когда же они употреблялись въ печати? Не употребляйте словъ провинціальныхъ, говорить «Учебная Книга». — На-прим., какъ же? Провинціальныя слова, про-

должна она: «суть тѣ, которыя употребляются только въ некоторыхъ областяхъ Россіи; напр. *поносъ*, т. е. попутный вѣтеръ». Скажите, ради-Бога, кому придетъ въ голову употребить — де говоримъ въ письменной, даже въ даустной рѣчи — вмѣсто попутный вѣтеръ слово «поносъ», потому только, что въ какомъ-то варѣчій съ нимъ соединяютъ такое значеніе? Или «вишни» вмѣсто «молчи», «кочка» вмѣсто «насъдка»? — Чему же, спрашивается, учить реторика? Если уже дѣло реторики говорить о варѣчійхъ языка, то она должна, во-первыхъ, дать о нихъ настоящее понятіе, различить дѣйствительно-существующія видоизмѣненія русскаго языка, извѣстныя подъ именемъ равныхъ его варѣчій, и наконецъ уже показать, что можетъ быть введено изъ нихъ въ книжный языкъ — при извѣстныхъ условіяхъ; а говорить объ этомъ предметѣ такъ, какъ говорить «Учебная Книга», значитъ говорить безъ всякаго толку... Не употребляйте словъ иностранныхъ — поучаетъ она. Послушаемъ, что такое слова иностранныя: «Чужестранныя слова *вошли въ языкъ*» — при введеніи въ общее употребленіе вещей и понятій, заимствованныхъ у иностранцевъ. *Изъ словъ* позволено (авторомъ «Учебной Книги») употреблять въ хорошемъ слогѣ слова «техническія, или относящіяся къ наукамъ и искусствамъ, также названія чиновъ». Какъ? Слова уже *вошли въ языкъ*, а вы позволяете употреблять *въ языкъ* только тѣ, которыя вамъ угодно? Съ перваго взгляда, можно бы подумать, что «Учебная Книга» присвоиваетъ себѣ какую-то власть надъ языкомъ, самоуправство; ничуть не бывало: она просто впала въ противорѣчіе по недостатку логики, и по той же самой причинѣ даже не замѣчаетъ своего противорѣчія. Нависою образцовая! А вотъ превосходство иностранныхъ техническихъ словъ предъ русскими и — русскихъ предъ иностранными (по пословицѣ «оба лучше»): «Вообще слова техническія *иностранныя* имѣютъ, отъ повсемѣстнаго свое-

го употребленія, то преимущество предъ русскими, что выражаютъ предметъ *точно и определеннѣе*, и способны принимать «формы прилагательныхъ (?)... Русскія же слова превосходятъ иностранныхъ своимъ *близородствомъ и важностію*, напр. *маленько* вмѣсто *гелералъ*... Итакъ, гдѣ вы хотите быть точными въ словахъ, употребляйте слова иностранныя, а гдѣ хлопчете о важности; употребляйте русскія?.. Это напоминаетъ собою одного благоразумнаго отца сыну: когда увидишь челоуѣка простаго званія, подымай голову выше, а когда встрѣтишься съ вельможею, наклоняй ее ниже... О пользѣ подобнаго наставленія пусть судятъ читатели.

Мы почти боимся простираться далѣе. Это почти все то же, что пробираться черезъ тучу, въ которой нельзя сдѣлать ни одного свободнаго шага; идешь-идеешь, наконецъ становишься тяжело и душно... Что же подумать о томъ возрастѣ, который ex-officio долженъ пользоваться такою книгою?.. Вотъ однако, еще нѣсколько примѣровъ изъ послѣдующихъ статей. Всѣ реторики, объясняя причины темноты рѣчи, указываютъ между прочимъ на тотъ случай, когда «употребляютъ слова, имѣющія двойное значеніе, не опредѣливъ сначала ихъ смысла». За другимъ то же самое повторять и «Учебная Книга»; отъ себя же приводитъ для поясненія мысли слѣдующій примѣръ: «Наприм. — говорить она — переводить книгу, переводить мышей». Мы знаемъ общее правило; примѣръ приведенъ для его поясненія. Что же выходитъ изъ этого поясненія? То, что употребивъ выраженіе «переводить книгу», надобно тотчасъ же опредѣлить, въ какомъ смыслѣ принимается здѣсь слово «переводить», а иначе можно — будто-бы — подумать, что оно взято въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ говорится «переводить мышей». Кому придетъ въ голову такая нелѣзность? Спрашиваемъ опять: чему учить «Учебная Книга»? Учить нахо-

дуть тайноту такъ, гдѣ все ясно, какъ день... Третье качество хорошей рѣчи есть, по мнѣнію «Учебной Книги», порядокъ мыслей. Изъ двухъ параграфовъ, въ которыхъ она излагаетъ все свое ученіе объ этомъ предметѣ, первый говорить слѣдующее: «Кромѣ вышеупомянутаго логическаго порядка (вдѣсь ссылка на тѣ страницы «Учебной Книги», гдѣ она учитъ *знать логику*) есть другой, *внутренній* порядокъ, которымъ иногда, сообразно съ особенною цѣлію сочиненія, нарушается порядокъ логическій» (порядокъ нарушается порядкомъ!!). Итакъ — два порядка мыслей: одинъ — не логическій, *внутренній*; другой — логическій, слѣдовательно *внѣшній*... и порядокъ не-логическій часто *нарушаетъ* порядокъ логическій — въ этомъ состоитъ сущность ученія риторическаго о порядкѣ мыслей. Пусть уважатъ мнѣ что-нибудь бессмысленнѣе: я съ своей стороны не знаю ничего.

По мнѣнію «Учебной Книги», однако, не только учить она правильности, ясности, порядку, но даже «красотѣ слога». Въ это ученіе она пускается съ такимъ же свободнымъ, непринужденнымъ духомъ, съ какимъ азбука начинаетъ учить, какъ должно складывать слоги. Счастливыи путь! могли бы мы вдѣсь сказать «Учебной Книгѣ», зная напередъ, что можетъ она сдѣлать своими средствами, коснувшись такого предмета; но пальца учащихъ заставляеть насъ отклониться и на этомъ пунктѣ. «Средства для доставленія слогу красоты» (какъ будто средства доставить слогу красоту даются откуда-нибудь навѣя!), по мнѣнію «Учебной Книги», суть внѣшнія и внутреннія. Къ первымъ принадлежитъ благозвучіе, ко вторымъ — благородство, краткость, живость и естественность (стр. 29). Благозвучіе «Учебная Книга» полагаетъ главнымъ образомъ въ избѣжаніи глупаго, и чтобъ показать ошибки противъ благозвучія, *выдумываетъ* примѣры, которые, разумеется, ни гдѣ не встрѣтятся, кромѣ этой же «Учебной Книги».

Пятусъ перваго рода: *она и я и у ея*; втораго: *я былъ здѣсь, ты тамъ, а онъ сталъ тутъ*; третьяго: *Французы назвали его миродавателемъ и свободовозстановителемъ*. Притивъ такихъ-то неслыханныхъ прираковъ ратуетъ «Учебная Книга!» Благородство же слога состоитъ, по ея мнѣнію, въ томъ, чтобъ слогъ не былъ противенъ *благопристойности и добрымъ правамъ*. А какой признакъ, что слово или выраженіе не противорѣчитъ *благопристойности и добрымъ правамъ*? Этотъ признакъ «Учебная Книга» указываетъ въ главномъ своемъ правилѣ относительно благородства слога: *на письмѣ никогда не должно употреблять выраженій, которыя мы не смѣли бы произнести предъ почтенными особами.* «Учебной Книгѣ» слѣдовало бы ужь опредѣлить, кого она разумѣетъ подъ *почтенными особами*. Есть почтенныя особы, которыя не терпятъ логики ни въ мысляхъ, ни въ рѣчахъ, а отъ философіи; то-есть, отъ одного ея именованія передъ ними просто приходятъ въ азартъ и начинаютъ кричать на весь міръ... По этому выйдетъ, что и такія слова, какъ «философія», «логика», «идея» и т. п. — противны добрымъ правамъ?.. Но что всего болѣе придаетъ красоты слогу — это «живость» его. А что такое живость слога? «Живость слога есть свойство, посредствомъ котораго онъ дѣйствуетъ на воображеніе и чувство читателя, и занимаетъ такимъ образомъ всѣ душевныя силы» (стр. 32). Подумаешь, риторика располагаетъ силами волшебными: она хочетъ научить тому, что даетъ только врожденный талантъ — хочетъ научить дѣйствовать посредствомъ слога на всѣ душевныя силы читателя!.. И какъ это просто: «живость *придается* слогу» учить она: преимущественно такъ называемыми *тропами и фигурами*, и вслѣдъ за тѣмъ излагаетъ самое ученіе о такъ называемыхъ тропахъ и фигурахъ. Что такое тропы и фигуры? спрашиваемъ мы — не у «Учебной Книги», — а у самой мысли. Мысль при нихъ остается одна и та

же, но рѣчь получаетъ особенный смыслъ и такъ это есть въ некоторыя выходящія рѣчи, состоящая въ особенныхъ оборотахъ или въ особенномъ употребленіи выраженій. Такъ у Пушкина Наполеонъ является «присяжникомъ славы»; надъ могилкой его — «младенцы народовъ почива, и юрится лучъ бессмертія». У Жуковского простая мысль, что никто не разстанется съ жизнью безъ сожалѣнія о ней, является въ видѣ нѣсколькихъ вопросовъ: «И кто разставался безъ горя съ севъ младшею?», «Кто желалъ предать врахъ своей младшею?», и т. д. Что иное эти слова, какъ не сваякъ особенныхъ представлений въ самомъ воображеніи писателя, и что такое вопросительные и тому подобныя обороты при положительной мысли, какъ не особенныя движенія чувства поэтическаго? И учить насъ не значить ли учить тому, какъ дѣйствительно воображеніемъ и привидѣтъ въ воображеніи собственное чувство? Это значить учить невозможному. Но «Учебная Книга» — сваякуть намъ — хочеть не учить тронамъ и фигурамъ, а дать въ нихъ свое понятіе. Въ такомъ случаѣ, она плохо избрала мѣсто для своей теории «натуральнаго языка»; соединивъ ее съ ученіемъ чисто-практическимъ. Да и дастъ ли она настоящее понятіе о тронахъ или о фигурахъ? Это свейчать увидѣть. «Трость» говорить она: «есть перемана слова на другое, столь же понятное, но болѣе «вырабительное» (стр. 33). Но, въ первый, перемана здѣсь никакой нѣтъ, или иначе можно подумать, что трость превращается тогда только, когда прясатѣль, употребивъ уже одно слово, не тотъ перевалитъ его на другое; а въ вторыхъ, что это за перемана — превращенія, или несвольная, и отъ-чего бы свейчать она? Вы ждете отвѣта, а «Учебная Книга» умъ начинается осмысливать троны: «Трость свейчается нать...» А если бы кто-нибудь насчитывалъ ихъ десять или двадцать, вы бы повторили: «трость свейчается двадцать?». — «Фигуры» продолжается та же книга: свейчь «особенныя обороты языка (чуждѣ

—рѣчи), «которыми придаются, слогу «жизность и выразительность... Не въ первыхъ, нельзя, конечно, «придасть слогу то, чего въ немъ нѣтъ; а во вторыхъ, прежде, чѣмъ указывать на дѣйствіе этихъ особенныхъ оборотовъ, не лучше ли впередъ показать ихъ происхождение? Укажемъ только на него, и вы увидите всю нелѣпость выраженія «придается», или замѣчанія, подобнаго свѣдующему: «при употребленіи «Фигуръ должно набѣгать частаго ихъ повторенія и надлиннаго наподовенія «ими рѣчи». Не говоримъ о подробностяхъ этого ученія: тутъ «Учебная Книга» только повторяетъ известную ариметикку троповъ и фигуръ — въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ излагается ее всякая риторика; она не побоботалась даже о томъ, чтобы обогатить память ученика хорошиими примерами. Каждой же результату подобнаго ученія? Тотъ, что учителя заранѣе не учится къ школьникамъ, и о свойствахъ поэтической рѣчи будетъ думать, какъ о надлиннахъ математикъ, посредствомъ котораго можно «упрасить» любое высказаніе, если только въ благородноумнаго ашперу. Такъ заранѣе не излагается мысль ученика, но за то она учить риторикѣ!

Мы не удивимы, чтобы «Учебная Книга» создалась въ своемъ беснеліи быть сколько-нибудь полезною ученику своимъ ученіемъ о тронахъ и фигурахъ, однако готовы предположить и нѣсколько свейчовъ не ашперу предмету, хотя для будущаго, «исправленія» ея надлинна. Пусть возьмуть она въ свейчовеніе: 1) что иное дѣле учить употребленію троповъ и фигуръ, иное дѣле дать е нѣтъ «натуральнаго языка» и показать языкъ свейчовеніе; 2) не дать е нѣтъ свѣрное понятіе можно не иначе, какъ показать впередъ, что есть различіе между рѣчью «практическою» и поэтическою: ибо троны и фигуры суть ир что иное, какъ особенныя «идеализація», свойственныя рѣчи поэтической; и 3) что, наконецъ, думимъ и свейчовеніемъ свѣрнымъ языкъ свейчовеніе

Ученику эта особенность есть анализ поэтической речи, поэтического произведений вообще, а не пустой наборъ старых, давно-изношенныхъ речений, которыя и по своей ветхости, и еще болѣе по своей отрывочности, не могутъ быть для учащагося ни ма-лѣйшаго интереса.

Перевоснимъ вопросъ нашъ о пользѣ риторическаго ученія и на вторую часть риторики, какъ излагается она въ «Учебной Книгѣ». Эта вторая часть трактуетъ о разныхъ родахъ прозаическихъ произведеній, или, какъ обыкновенно въ § 104 (стр. 42), «преподаетъ учащемуся располагать и писать сочиненія прозаическія сообразно съ предположенною цѣлю». Итакъ, задача этой части риторики — научить, кого слѣдуетъ, писать разные прозаическія сочиненія? Мы въ правѣ ожидать отъ риторики огромной практической пользы. Посмотримъ, какъ выполняется она свою задачу. Во-первыхъ, она раздѣляетъ двѣ сочиненія прозаическія на семь классовъ. Мы уже упоминали объ этомъ раздѣленіи, вѣдомъ, что называется «съ вѣтра». «Учебная Книга» сдѣлала алгебру являя самымъ разнообразнымъ письма и разговоры составляющія у нея особые роды или классы сочиненій, точно такъ же, какъ историческія сочиненія, описанія, рѣчи и проч. Такъ-такъ «Учебная Книга» даже въ третьемъ своемъ «исправленномъ изданіи» не подумала исправить этой явной нелогичности, то мы заключаемъ, что она просто не замѣчаетъ ея, и потому предлагаемъ ей нелогичность слѣдующія очень-простыя соображенія: въ классы — делаются изъ вещей другъ — вы можете рассказать на-ное учебное событіе, въ письмѣ вы можете описать и самое обстоятельное описаніе предмета, ничто тамъ не извѣстно, вамъ вспомнить ваше мнѣніе даже о одномъ ученномъ предметѣ — въ видѣ разговора: что же такое письмо и разговоръ, когда, на-примѣръ, оное и только разсужденіе можетъ принять и видѣ письма и видѣ разговора? Ясно,

что это только видъ, то-есть, форма, и даже не сочиненій того или другаго рода, а просто форма речи, ибо только рѣчь получаетъ нѣкоторый особенный видъ, а сущности сочиненія остается одна и та же. Иначе одно и то же сочиненіе будетъ съ одной стороны описаніемъ, а съ другой — письмомъ (хотя бы «Рафаэлева Мадонна» Жуковскаго), одно и то же разсужденіе будетъ съ одной стороны разсужденіемъ, а съ другой — разговоромъ (на-примѣръ, «Разговоръ о Счастьи»). «Учебной Книгѣ» не мѣшаетъ, конечно, принять къ свѣдѣнію эти простыя истины, хотя въ наше время онѣ предплагаются извѣстными каждому смысловому ученику. Положимъ, однако, что «Учебной Книгѣ» еще неизвестно это важное открытіе, и что письма и разговоры точно суиъ особые роды прозаическихъ сочиненій: пусть же за это она предодаетъ намъ нѣкоторыя полезныя правила относительно того, какъ должно писать этого рода сочиненія. «Общія правила» говорить «Учебная Книга»: «при описаніи писемъ суть: 1) поминать, къ кому и о чемъ пишешь, и сообразоваться съ тѣмъ въ слогѣ и расположеніи письма» (стр. 43). Скажите, что это за разрядъ людей, которымъ, если они пишутъ письма, надобно напоминать, чтобъ они не забыли, къ кому пишутъ и о чемъ пишутъ?.. Есть, правда, книги, которыя разсуждаютъ сами не зная о чемъ; но писать письмо и не помнить, къ кому и о чемъ пишешь — это все равно, что спросить какого-нибудь Ивана Ивановича: «какъ васъ зовутъ, Иванъ Ивановичъ?» и потомъ вывести отвѣда такое правило для разговоровъ, что, разговаривая съ знакомымъ нелогичкомъ, должно поминать его имя... Второе правило: «исчислять предметами все предметы, о которыхъ хотимъ писать, чтобъ не прибавлять приписокъ или постскриптовъ». То-есть, если я на-меренъ извѣстить моего пріятеля объ очеркѣ, книгѣ и балѣ, то долженъ предсказать предметами моего буду-

этого письма и сказать хоть так: «я хочу писать къ тебѣ, мой другъ, о слѣдующихъ трехъ предметахъ: 1) о новой оперѣ, 2) о вчерашнемъ балѣ, и 3) о книгѣ, которую я теперь читаю»? Это въ самомъ-дѣлѣ новый способъ писать письма! Правило третье: «расположить предметы письма такъ, чтобы не было въ немъ повторовъ, и чтобы оно составляло одно связанное цѣлое». Простой смыслъ этого умнаго правила тотъ, что въ письмѣ не должно говорить два или три раза о томъ, что уже сказано одинъ разъ. Правило очень-полезное для людей безпамятныхъ, особенно для тѣхъ, которые не помнятъ, о чемъ они пишутъ. Есть особенный параграфъ и о слогѣ писемъ: «Слогъ письма зависитъ преимущественно отъ его содержанія: въ этомъ отношеніи нельзя предписать общаго правила». Но наиболѣе-полезнѣйшимъ параграфомъ въ практическомъ отношеніи считается мы тотъ, въ которомъ преподаются правила, къ какимъ лицамъ какіе должно писать титулы». Тутъ узнаемъ, что князьямъ должно писать «сіятельнѣйшій князь», генераламъ — «ваше превосходительство», статскимъ совѣтникамъ — «ваше высочордіе», подполковникамъ, майорамъ, коллежскимъ ассесорамъ — «ваше высокоблагородіе», титулярнымъ совѣтникамъ, сенатскимъ, синодальскимъ и коллежскимъ регистраторамъ — «ваше благородіе», и проч. и проч. Тутъ реторика явно вступаетъ въ соперничество съ адрес-календаремъ! — Въ главѣ «о разговорахъ» менѣе нужностей, по весьма-простой причинѣ: самая эта глава гораздо-менѣе изогорѣчивой главы «о письмахъ». Впрочемъ, и здѣсь есть диковинки, которыя легко могутъ сбить съ толка умъ, еще не утвердившійся въ понятіяхъ о предметѣ. Таково, напр., раздѣленіе «разговоровъ»: «Разговоръ бываетъ драматическій, въ которомъ заключается дѣйствіе, или философическій, имѣющій цѣлю доказательство или объясненіе какой-либо теоретической или практической истины, также изобра-

женіе характера вымышленнаго или историческаго» (ч. I, стр. 119). Тутъ смѣшаны ни больше, ни меньше, какъ повѣян съ прозою и драма съ простымъ разговоромъ, такъ — что, по мнѣнію «Учебной Книги», выходитъ, что, наприм., «Моцартъ и Сальери» или «Скупой Рыцарь» есть только «разговоръ драматическій. А что такое самый «разговоръ»? — «Разговоръ или діалогъ есть письменное изображеніе разговору словесному о важнѣйшихъ или занимательныхъ предметахъ между двумя или многими лицами». По-этому, и «Разговоры въ Царствѣ Мертвыхъ», о которыхъ рассуждается ниже та же глава, есть также «подражаніе словесному разговору»?.. Подумаешь, «Учебная Книга» только шутить съ своими учениками, а между-тѣмъ она говоритъ отъ всей души и безъ всякой ироніи... Удивительно-наивная книга!

Одинъ шагъ отъ «разговоровъ» — и мы въ области «описаній». Сфера этого рода сочиненій прозаическихъ, какъ по-крайней-мѣрѣ учить «Учебная Книга», весьма-обширна, ибо сюда принадлежитъ всякое «изображеніе предмета, существующаго во времени и пространствѣ, его вида и соотношеній съ другими предметами» (стр. 176). Для большаго ясности, «Учебная Книга» раздѣляетъ описанія на «простыя описанія» и на «изображенія». Простое описаніе состоитъ изъ «одного или несколькихъ существительныхъ прилагательныхъ предмета», чтобы только можно было отличить его отъ другихъ. Предметами такихъ описаній говорятъ «Учебная Книга»: «могутъ быть земля (а небо?), тѣла небесныя, произведенія природы» (а произведенія человѣка?), т.е. «предметы географіи, астрономіи и естественной исторіи» (при семъ удобномъ случаѣ, «Учебная Книга» сообщаетъ своимъ читателямъ, что «нормы и послѣдняя изъ сихъ наукъ раздѣляются еще на многія отрасли»). Теперь вы понимаете, какія сочиненія должно называть «простыми описаніями»: возьмите, напр., изъ математической

географическое описание вида вещей, изъ ботаники описание какого-нибудь цвѣтка — и то и другое будетъ прозаическое сочиненіе, называемое простымъ описаніемъ. Самыя, однако, не вдругъ еще можете узнать тайну составленія подобныхъ сочиненій, ибо: правила и принципы этого рода прозы заключаются въ главѣ объ учебныхъ сочиненіяхъ (стр. 177). Иное дѣло изображенія: секретъ составленія ихъ. Учебная Книга открываетъ въ этой же самой главѣ. И какъ просто этотъ секретъ: При описаніи путешествій, странъ, мѣстоположеній, зданій и пр. надлежитъ сообщать читателю дѣйствующую на его умъ и воображеніе картину сихъ (?) предметовъ (картина близкая, точная, дѣйствующая!!!); должно, такъ сказать, перенести его въ мѣста, къ гѣмъ существамъ и вещамъ, которыя изображаетъ. Это требуетъ большого искусства. Никто и не сомнѣвается въ томъ, что всякое хорошее сочиненіе требуетъ хорошаго искусства; но этого-то искусства и не можетъ передать реторика, ибо всѣ преподаваемыя ею правила есть не что иное, какъ общія мѣста, тлетворное дыханіе которыхъ наноситъ смерть искусству. Говорить общими мѣстами о предметахъ искусства значитъ заранѣе прыгнуть въздухъ къ нимъ, извредить самое искусство на степень общаго мѣста. Мы нарочно продолжимъ начатую выписку изъ Учебной Книги, чтобъ читатели могли видѣть, чгомы не преувеличиваемъ дѣла: *Надлежитъ собирать предметы отличныя* (но тѣ, которыхъ учить Учебная Книга, справятся ли съ предметами отличными?), *всходити молчаніемъ мало-важные, которые могли бы повредить изъясненію картины; должно наблюдать ясность и порядокъ* (какъ-будто о какомъ-нибудь родѣ сочиненій нельзя сказать того же), *способствовать къ обзорно цѣлому (?)*, представлять предметы въ точномъ ихъ видѣ, *наблюдать въ словъ разнообразіе, не нарушая единства* (отличная фраза, но пустое правило), *писать логическими ясными,*

цѣлными, ясными, сильными... Ниборъ словъ первостепенный! Пусть, кому угодно, извлекаетъ изъ него пользу.

Еще шагъ впередъ, и мы въ области исторіи всякаго рода — прагматической, политической, гражданской, священной и даже философической: ибо всѣ эти роды исторіи знакомы. Учебной Книгѣ, какъ пять пальцевъ. Впрочемъ, здѣсь она уже просто сбилась съ толка. Въ самомъ дѣлѣ, учить историковъ, какъ писать исторію, реторикѣ не приходится; учить тому же *девятнадцатымилетнихъ писателей* и вовсе никуда не годится, а между-тѣмъ, Учебная Книга ввела въ преподаваніе правила и относительно исторіи. Чтб же остается ей дѣлать? Говорать зря, что ни попало, лишь бы только сказать что-нибудь, потому-что, уча, напримеръ, какъ должно писать дѣтописи, нельзя надѣяться быть кому бы то ни было полезнымъ. И вотъ Учебная Книга — то стазывается учить способу писать историческія сочиненія, сознавая, что сочиненія этого рода суть труднѣйшія, и что хорошіе историки весьма рѣдки (стр. 263), — то принимается учить тому, что должно *принимать шестственно наблюдать въ исторіи* (кому же должно? историкамъ, которые такъ рѣдки?), — то опять воздерживается отъ всякаго ученія, какъ напримеръ, въ параграфѣ о исторіи политической; гдѣ объясняется только цѣль этого рода исторіи, — то снова начинается побучать и чему же? *какъ должно являть всемирную исторію* (стр. 271)... Не считаемъ полезнымъ повторять въ нашей статьѣ то, что такъ безполезно занимается мѣсто въ Учебной Книгѣ. Мы указали страницы: любозпытные могутъ справиться сами. То, что мы возьмемъ сюда изъ Учебной Книги; это — ученіе ея о слогѣ разнаго рода исторіи, ученіе, котораго главное достоинство есть выразительная краткость. Слогъ исторіи прагматической — преподавать Учебная Книга — *должна была правиломъ, яснѣе, краткѣе,*

• простъ и благороденъ. (стр. 267).
 • Слогъ исторiи политической *есть* тотъ самый, который требуется для исторiи вообще (стр. 269). Слогъ исторiи религiи (?) вообще во всемъ сходенъ со слогомъ исторiи гражданской (!).
 • Слогъ исторiи религiи христіанской *долженъ быть* вѣршеднѣе, благороднѣе, важнѣе (стр. 270). Слогъ исторiи просвѣщенiя *вообще сходенъ* съ слогомъ исторiи гражданской, но бываетъ иногда и простѣе (напримѣръ?), смотря по предмету оной. (смотря по предмету исторiи!!) (стр. 271). Слогъ всемирной исторiи *долженъ быть* кратокъ, точенъ, простъ, благороденъ, и притомъ сообразенъ съ характеромъ описываемаго времени или народа. (и такъ, если въ какую исторiю входитъ, положимъ, десять вѣковъ, то *должна быть* къ ней и десять родовъ слога?) (стр. 272). «Философическая исторiя *пишетъ* съ слогомъ среднимъ (напримѣръ?), который *можетъ подняться* до высокаго» (Слогъ, который *поднимается*, *долженъ быть* чрезвычайно-оригинальный слогъ), «но вообще *долженъ быть* сообразенъ съ языкомъ, назначеннымъ для *каждой исторiи*» (а кто сдѣлалъ это назначенiе? авторъ «Учебной Книги», конечно?) (стр. 273)... И будто послѣ всего этого вы не узнали, какимъ слогомъ пишутся и должно писать всякаго рода исторiи? Вы узнали даже гораздо болѣе — узнали, какимъ слогомъ написана некогда — несуществовавшая у насъ исторiя философическая: она написана слогомъ, который подымается... И вы скажете, что «Учебная Книга» — безполезная книга?

Мы не прошли до конца всей главы о историческихъ сочиненiяхъ, но не сомнѣваемъ и нашимъ читателямъ думать дабы; иначе, въ наказанiе за свое влупство, любопытство, они узнаютъ, что въ историческихъ сочиненiяхъ принадлежатъ — политическiя вѣдомости и историческiя таблицы (!), что сюда же относятся повѣствованiя вымышленныя, романы, повѣсти, сказки, что романы называются больш-

шия вымышленныя повѣствованiя; что эти повѣствованiя также пишутся слогомъ, который иногда подымается до высокаго, что повѣсть есть не что иное, какъ небольшой романъ, а сказка есть — *краткiй романъ*... (стр. 274—275)... И были бѣдныя дѣти, которыхъ заставляли заучивать всѣ эти уродливости? И «Учебная Книга» повторяетъ эти бредни въ 1844 году, точно такъ же, какъ она повторяла ихъ ва десять лѣтъ прежде? А говорятъ — мы идемъ впередъ?

Но терпѣннѣе, читатель! Надобно же наконецъ, хотя изъ снисхожденiя къ бѣднымъ дѣтямъ, показать, на чемъ держится слава заслуженнаго творенiя; надобно вывести наружу всю эту китайскую мудрость и определить мѣсто, которое должно занимать это руководство въ нашей учебной литературѣ. Объяснивъ такъ блестящею характеръ исторической прозы, «Учебная Книга», вѣрная своему раздѣленiю, переходитъ потомъ къ «сочиненiямъ учебнымъ». Вся теорiя сочиненiй этого рода излагается здѣсь на трехъ съ половиною страницахъ. Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ заключать, чтобы «Учебная Книга» вдругъ стала бережлива на слова: вѣтъ, она, по обычаю, бережлива только на мысли. По принятому порядку, первый параграфъ этой главы содержитъ въ себѣ определенiе «учебныхъ сочиненiй», второй говорить о слогѣ, третiй предлагаетъ дѣль раздѣленiе. Часть всегда особенно интересуютъ раздѣленiя, предлагаемыя «Учебною Книгою». Какъ, думаете вы, могутъ быть раздѣлены «учебныя сочиненiя»? Учебныя сочиненiя «могутъ быть (читай: не могутъ быть) раздѣлены на 1) Учебныя книги, въ которыхъ излагается полная система какой-нибудь науки» (и риторикѣ рассуждать о книгахъ, въ которыхъ излагается система науки!); 2) *разсужденiя*, въ которыхъ предлагается подное рассужденiе: «не какой-либо отдѣльной истины, и 3) *рецензiи*, въ которыхъ разсматриваются достоинства и недостатки произведенiй словесности» (Часть II, стр.

Сказки, которые знают, что и романъ можетъ дойти въ исторію, а сказка превратиться въ романъ, не будутъ удивляться тому, что здѣсь разсужденія и рецензіи попали въ разрядъ «учебныхъ сочиненій» и стали наравду съ «учебными книгами»: наша «Учебная Книга» совершенно имѣетъ бы своего характера, если бы сдѣлала хоть одно логическое — правильное раздѣленіе. Любопытнѣе узнать изъ «Учебной Книжки», что такое должны быть «учебныя книги»: это будетъ судъ ея надъ самою собою. Теорія «учебныхъ книгъ» налагается здѣсь въ трехъ параграфахъ... Содержаніе: «Въ учебныхъ книгахъ предлагается система какой-либо науки, то-есть онѣ представляютъ въ себѣ полное, подробное и связанное наложеніе истинъ, относящихся къ известной наукѣ». Мы видели въ нашей «Учебной Книжкѣ» истину, и не нашли до сихъ — поръ даже мысли, когда въ ней систематическое изложеніе и нашли — совершенное отсутствіе логики; отъ полнаго, подробнаго и связаннаго наложенія своихъ истинъ «Учебная Книга» отказалась сама: куда теперь прикажете отнести нашу «Учебную Книжку»? Расположеніе въ учебныхъ книгахъ? «Вся система должна быть расположена по плану, и расположена по правиламъ строжайшей логики, для легчайшаго обзорнаго оной въ цѣлости... Во всей системѣ должно господствовать единство». Чему здѣсь учили «Учебная Книга»? Тому, чего не знаетъ сама... учить дѣлать раздѣленія по правиламъ строжайшей логики! Не хочетъ она услужить этимъ самымъ ученикамъ? Тѣмъ ли, которые ищутъ «учебныя книги», для тѣхъ, которые ухватили до «Учебной Книжки»? Въ первомъ случаѣ — это забавно, во второмъ — это жалко; и такъ надобно жалеть, что «Учебная Книга» не брала этого параграфа для собственныхъ поученій и — увѣченій: «Слогъ учебныхъ книгъ? Слогъ учебныхъ книгъ — это собственно философическій, но и есть — повѣствователь по своему наложенію на языкъ, на драму, въ мате-

матическихъ, онъ простъ, ясенъ, кратокъ, сухъ; въ историческихъ, словесныхъ и нравственныхъ говорить «сердцу и воображенію». (Стр. 85). А если какая-нибудь учебная книга словесности написана такимъ слогомъ, который не говоритъ не только сердцу и воображенію, даже мысли просто?.. Мы и наши читатели знаемъ одну такую «учебную книгу»: трудность состоитъ только въ томъ, чтобъ указать приличное употребленіе для такой учебной книги, въ которой нѣтъ ни порядка, ни связи, ни мысли, ни — наконецъ — слога, и которая однако имѣетъ притязаніе научить все юношество и порядку, и связи мыслей, и прекрасному слогу...

И не только прекрасному слогу. — «Учебная Книга» беретъ научить васъ писать «ораторскія рѣчи», и крѣпко убѣждена въ томъ, что только рѣчь, написанная по правиламъ реторики, есть истинная рѣчь. Быть написанною по правиламъ реторики, — это первое условіе ораторской рѣчи: «рѣчь, или слово (въ тѣсномъ смыслѣ), говорить «Учебная Книга», есть сочиненіе, написанное по правиламъ реторики, назначенное для неустаннаго произнесенія и дѣйствующее цѣлю убѣдить слушателей въ какой-либо истинѣ, дѣйствуя на умъ, воображеніе, чувства и волю ихъ истинными средствами краснорѣчія» (Часть II, стр. 212). Здѣсь мы рѣшительно расходимся съ «Учебною Книгою» и думаемъ наоборотъ, что сочиненіе, написанное по правиламъ реторики, никогда не будетъ ораторскою рѣчью, а развѣ риторическимъ упражненіемъ, и что вообще риторы — не ораторы, и относительно ораторскаго искусства мы того мнѣнія, что учить ему значило бы то же самое, что учить писать поэмы, оды, элегіи, драмы и т. п. Можно руководствовать талантомъ, но не предписывать ему правила; можно брать на себя аналитическое объясненіе образцовыхъ рѣчей, но не писать рецептъ для составленія рѣчи. «Учебная Книга» не знаетъ, очевидно, первыя смѣлыя ораторскія искусства,

когда и теперь еще думаетъ предписывать ему правила; «Учебная Книга» не понимает ни своего предмета, ни своего назначенія... Посмотрите, напримеръ, что за предложенія дѣлаетъ она въ своемъ трактатѣ о способѣ составленія ораторскихъ рѣчей: параграфъ 219, если угодно, разсуждаетъ о *присканіи матеріаловъ* для ораторскихъ рѣчей!!! Sic! Въ этомъ и состоитъ отличіе ораторовъ отъ риториковъ, что первые почерпаютъ свой матеріалъ изъ своего сердца, чувства и живой, горячей мысли, а послѣдніе, за недостаткомъ собственнаго чувства и собственной мысли, подбираютъ чужимъ достоинствѣмъ... И надобно знать, какъ разсуждаетъ этотъ параграфъ: «О *присканіи матеріаловъ*, или *изображеніи*—учитъ онъ—въ подробности изложено въ первой части реторики, §§ 16—40. Мы нарочно справимся съ этими параграфами, и—что же вышло? Это известная глава о *изобрѣтеніи*!! Вотъ чѣмъ хотятъ руководствоваться ораторскій талантъ!.. За тѣмъ слѣдуетъ ученіе о расположеніи частей въ ораторской рѣчи, ученіе въ которомъ буква въ букву повторяются общія мѣста, столько уже разъ повторенныя всѣми реториками. Между прочимъ, здѣсь навзномъ повторяется и эта, пережизшая тѣла, образцовая негѣпость, будто *главнѣйшая* часть рѣчи и *важнѣйшій* трудъ оратора есть *возбужденіе страсти*. (Стр. 215). Не обвиняемъ «Учебной Книги» въ *изобрѣтеніи* этой негѣпости; но, какъ она имѣетъ обычай повторять безъ разбора чужія негѣпости, то для вразумленія ея считаемъ нужнымъ пояснить, въ чемъ здѣсь дѣло. Дѣло здѣсь въ томъ, что, приписывая оратору явное намереніе возбудить въ другихъ страсти; чтобъ удобнѣе увлечь ихъ на свою сторону, мы заставляемъ оратора играть роль шарлатана. Ораторъ хочетъ передать другимъ свое убѣжденіе, это убѣжденіе имѣетъ въ себѣ главахъ все значеніе истины, хотя онъ можетъ и ошибаться; истина—это разумный свѣтъ. Вы требуете, чтобъ ораторъ

напрягалъ всѣ усилія для возбужденія страстей въ своихъ слушателяхъ; но страсть ослѣпляетъ, омрачаетъ умъ, и человѣкъ въ страсти не въ состоянн различить истины. Чего же хотите вы? Чтобъ ораторъ напередъ помрачилъ умы своихъ слушателей, такъ, чтобъ они не могли уже отличать истины отъ лжи, и слѣпо предались влеченію возбужденной въ нихъ страсти? Но это значить, что вы предлагаете въ ораторѣ жреца и обманщика, который хочетъ передать другимъ не убѣжденія, а софизмы, и чтобъ лучше скрыть фальшу, старается напередъ привести своихъ слушателей въ состоянн нравственнаго ослѣпленія... Нѣтъ, истинный ораторъ—не софистъ: онъ высказываетъ не софизмы, которые боится непогрѣбннаго здраваго смысла, а свое прямое убѣжденіе, и если иногда увлекаетъ своихъ слушателей до страсти, это не потому, чтобъ онъ хотѣлъ видѣть ихъ въ состоянн страстнаго раздраженія, а потому что такова сила истиннаго вдохновенія мысли и соединеннаго съ нимъ краснорѣчія, что оно невольно увлекаетъ за собою и мысль и чувство и возбуждаетъ жаръ его самими представленіемъ истины въ живомъ видѣ, безъ всякаго предварительнаго и умншеннаго помраченія умовъ въ слушателяхъ. Вотъ почему негѣпно вселать въ истинно-ораторской рѣчи—особенной части, которую реторика такъ и называетъ «возбужденіе страстей». Если даже разумѣть подъ этия выраженія особенно-сильными излічіи ораторскаго вдохновенія, те и въ такомъ случаѣ снншно думать (тѣмъ болѣе поучать), будто можно назначать особенное мѣсто въ рѣчи, гдѣ должно называться это вдохновеніе: краснорѣчія есть живой голосъ живаго чувства; итакъ, гдѣ сильнѣе говорить чувство оратора, тамъ будетъ и «возбужденіе страстей», тамъ будетъ и глубокое краснорѣчіе, такъ что въ нѣкоторыхъ случаяхъ и цѣлая рѣчь можетъ быть «возбужденіемъ страстей», приписавъ эту фразу въ известномъ смыслѣ. Со-

образите теперь, чему учить о томъ же предметѣ реторика, и за нею наша «Учебная Книга»: «Истощивъ доводы, дѣйствующіе на умъ слушателей, она употребляетъ всѣ средства краснорѣчія да то, чтобъ плынуть изъ воображеніе, тронуть сердце, потрясти душу, и возбуждѣвъ нѣхъ страсть, соответствующую ея намѣреніямъ (жалость, гнѣвъ, и т. п.), довершить дѣйствіе своей рѣчи.» За гнѣвъ, «Учебная Книга» предлагаетъ и средства для возбужденія страстей... учить тому, какъ лучше возбуждать въ другихъ страсти! Для кого, спрашивается, назначаетъ «Учебная Книга» всѣ эти совѣты — для ораторовъ, или опять для своихъ двѣнадцати-дѣти-дѣтихъ писателей...

Ученіе объ ораторской рѣчи оканчивается реторическая мудрость. Мы, съ своей стороны, оканчивая нашъ анализъ реторическаго ученія, излагаемаго «Учебною Книгою», должны сказать заключительное слово о немъ. Говорать, ученье—сѣсть, а не ученье—тама. Признаемся—подробное разсмотрѣніе реторическаго ученія, предлагаемаго «Учебною Книгою», почти привело насъ къ обратному заключенію, т. е., что ученье можетъ быть иногда и шлюмо, и что есть «учебныя книги», по которымъ полезнѣе не учиться, нежели учиться. Въ оправданіе свое «Учебная Книга» можетъ сказать намъ, что она учить не только теоретически, но и практически, т. е. избранными примѣрами, которые составляютъ большую половину ея содержанія, и что мы несправедливы къ ней, обративъ вниманіе единственно на теорію. Попробуемъ заглянуть нашу несправедливость и обратимъ вниманіе на примѣры, которыми «Учебная Книга» такъ щедро наполняетъ свои страницы, конечно, ради всего бодѣ о

поддѣвъ удаляется и стараясь сочинить статью для книгъ въ одномъ «тетради» и курсъ теоріи и хрестоматию. Примѣры въ словесности болѣею частію есть дѣло тонкаго и образованнаго вкуса. Интересно узнать вкусъ «Учебной Книги»... Рядъ примѣровъ начинается въ ней тотчасъ за главою «о письмахъ». Вы ожидаете, конечно, что вамъ дадутъ прежде всего письма Жуковскаго, какъ образцы въ своемъ родѣ, ибо лучше его писемъ ничего не знаетъ наша «письменная» литература. Извините: «Учебная Книга», кажется, вовсе и не подозреваетъ существованія писемъ Жуковскаго. Итакъ, она возьметъ по крайней мѣрѣ письма Карамзина? Карамзина — конечно; но до Карамзина вы должны еще прочесть письмо Фонвизина — о главѣ Россійскаго Словаря (!), а до письма Фонвизина — письмо Ломоносова о смерти профессора Рахмана, письмо, которое начинается слѣдующими рѣчами: «Что я нынѣ къ Вашему Превосходительству пишу, за чудо почитайте, для того, что мертвые не пишутъ... Я не знаю еще, или по послѣдней мѣрѣ сомнѣваюсь, живъ ли я или мертвъ... Ужь не въ образецъ ли современнаго слога приводитъ «Учебная Книга» это письмо?.. Далѣе вы прочтете нѣсколько писемъ Карамзина, Глинки, и — будете читать письма Суворова... Ужь не думаетъ ли «Учебная Книга» научить своихъ учениковъ писать по-суворовски! Вотъ начало одного изъ этихъ писемъ (къ Потемкину): «Не думалъ я, чтобъ гнѣвъ Вашей Свѣтлости столь далеко простирался. Во всякое время я его старался утѣлять моимъ просто-душіемъ. — Изрѣченіе къ Пойсарю падаетъ на меня. Велика ли та вина, хотя бы три морскіе офицера на мой спросъ не въ важномъ примѣрномъ счетѣ ошиблись! — Удаленіе отъ познана-

ни наводитъ важную неизвѣстность. — Вотъ легкомысліе! — Я хочу видѣть племянника. Вы до него милостивы. — Я не знаю. — Услыша, тотчасъ обращаю. — Но и то поступокъ не служба. — Извольте помнить! — Сергій Лаврентьевичъ, какой мой пріятель! — могъ онъ и здѣсь на меня подвѣнать... Не того боюсь я, что, прочитавъ это письмо, двѣнадцатилѣтніе писатели не поймутъ его, — что они не поймутъ безъ комментаріевъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но того боюсь я, что, не понявъ, они пріучатся смѣяться надъ великимъ человекомъ, ибо въ юномъ возрастѣ все странное кажется смѣшнымъ. — За письмами слѣдуетъ второй родъ прозаическихъ сочиненій — разговоры. Примеры: «Разговоръ о счастьи», Карамзина, «Вечеръ у Кантемира», и — «Утро Флораго челоука», Гююла!.. Таково понятіе «Учебной Книги» о разговорахъ: какъ мы уже видѣли, для нея драматическое и разговорное — синонимы... Послѣ этого «Торѣ отъ Ума», на-пр., есть не что иное, какъ рядъ разговоровъ... Глава третья — Описание. Повторимъ общее опредѣленіе этого рода сочиненій, которое, разумеется, можетъ быть приложено ко всѣмъ примѣрамъ: «Описаниемъ называется изображеніе предмета, существующаго во времени и пространствѣ, его вида и сношеній съ другими предметами». Попробуйте теперь приложить это опредѣленіе къ примѣрамъ, которые приводятся «Учебною Книгою»: тутъ найдете — «Правднй» (Батюшкова), «О Характерѣ Ломоносова» (его же), «Державина» (кн. Вяземскаго), «Юаннъ III» (Карамзина)... По мнѣнію «Учебной Книги», это все описанія; а вотъ у Луковскаго, котораго мы считали до сихъ поръ однимъ изъ первыхъ мастеровъ въ этомъ родѣ, не наша она

ни одной строки, достойной занять мѣсто въ этомъ сборникѣ описаній!.. Нѣтъ ли по крайней мѣрѣ чего-нибудь въ этомъ родѣ изъ Пушкина, даже хотя изъ Муравьева, Павлова, Норова? Ничего... — Глава четвертая — Историческія Сочиненія. Безъ Карамзина здѣсь опять нельзя было обойтись, конечно; но до Карамзина вы еще должны прочесть — «Княженіе Олега», Ломоносова... То-есть прежде, чѣмъ вы узнаете образецъ хорошаго Историческаго слога (а вы знаете, какъ много заботится «Учебная Книга» о слогѣ), вы еще должны прочесть образчики слога устарѣлаго, и потому дурнаго. Такого метода «Учебной Книги». Надобно еще удивляться, какъ нѣтъ примѣра изъ «Ядра Россійской Исторіи» кн. Хилкова, изъ Татищева, изъ Шербагова...

Такъ составлена первая часть «Учебной Книги». Вторая развѣ немного уступитъ первой. Вообще «Учебная Книга» неизмѣнно вѣрна себѣ въ дѣлѣ вкуса, какъ и въ дѣлѣ мысли. Извѣстно уже изъ реторики, что къ историческимъ сочиненіямъ принадлежатъ и повѣствованія вымышленныя. Объ этомъ сказано въ первой части «Учебной Книги», а вторая представляетъ примѣры вымышленныхъ и истинныхъ повѣствованій — изъ Шаховскаго (кн. Я. О.), изъ Подшивалова... Давно не читали мы Подшивалова. Посмотримъ, что наша въ немъ «Учебная Книга» образцоваго, такого, что и по содержанію и по слогу можно бы рекомендовать для юнго возраста. Это — записки Подшивалова, подъ заглавіемъ «Моимъ дѣтямъ». Прочтемъ нѣсколько строкъ изъ этой статьи, занимающей въ книгѣ до десяти страницъ. На новосельѣ познакомили я съ Жареховымъ, коего отецъ слылъ важнымъ человекомъ въ околоткѣ; ибо имѣлъ домъ обитый тесомъ, и выгра-

...денный зеленою дракою, по модамъ съ блюю... Притомъ же онъ былъ сержантъ и счётчикъ при монетномъ дворѣ. Его-то сынъ, который годами двумя былъ менѣ старше, преподавалъ мнѣ первые уроки, какъ играть въ карты и бакки. Но карты скоро мнѣ надоели, ибо я всегда почти даже и въ грязь осенью, долженъ былъ извѣстное разстояние проскакать на одной ножи, при чемъ слыли многие голоса кричали: «а кисель, кисель! ноги подыжь!» отъ того верѣдко бывали у меня дырки... Съ Жареховымъ же однажды забрался мы въ чужой садъ. Онъ успѣлъ набить яблоками карманы; а я только два или три сорвалъ, какъ увидѣлъ насъ сторожъ. Жареховъ ушелъ. Я какъ куръ во щи. Безчеловѣчный сторожъ высѣкъ меня свѣжею крапивою. И теперь больно, какъ вспомнишь! сколько насвѣтъ грабителей и воровъ, которые и не яблоки крадутъ, и ихъ не свѣкутъ свѣжею крапивой!! Полюбуйтесь выборомъ... Если, впрочемъ, это не совсѣмъ благопристойно, то—какъ наизрядительно! Рядомъ съ Подшиваловымъ найдете въ той же статьѣ—Гоголя, Лермонтова, Пушкина... Для Учебной Книги это имена одинаковаго литературнаго значенія и достоинства... Глава пятая — Сочиненія Учебныя. Мы уже знаемъ, что подъ учебными сочиненіями надобно разумѣть: 1) учебныя книги; 2) разсужденія и 3) рецензій. Что касается до первыхъ, то Учебная Книга не представляетъ на нихъ инаго примѣра, кромѣ своего собственнаго. Прочитавъ внимательно Учебную Книгу, вы тотчасъ увидите, какъ должно писать учебныя книги. Въ числѣ образцовыхъ разсужденій находите альманахную статью г. Погодина о русскихъ историческихъ романахъ, изображающихъ всѣ эпохи русской исторіи, статью, написанную въ то время, когда еще не

существовали ни одинъ русский историческій романъ; — родъ разсужденій. Здѣсь же находите разсужденіе Муравьева, котораго не стоитъ заглавие Пользы и затрудненія сочиненія учебнаго сочиненія, и т. п. Въ приложеніи рецензій (подъ которую она разумѣетъ критику, т. е. подъ видомъ — цѣлый родъ!) Учебная Книга приводитъ—статью Жуковскаго о баснях Крылова... О современной русской критикѣ Учебная Книга и понятія не имѣетъ: она все еще увѣрена, что лучшіе русскіе критики до-сихъ-поръ — Карамзинъ, Шипковъ, Макаровъ, Беницкий и Мерзляковъ (часть II, стр. 87)... — Заглавныя—наконецъ въ отдѣлѣ Ораторскихъ Рѣчей. Учебная Книга придаетъ такъ много важности своему ученію объ этомъ предметѣ: конечно, она позаботилась хотя здѣсь о добрыхъ примѣрахъ. Она позаботилась... Раскрываете отдѣленіе Слѣдственныхъ Рѣчей и читаете: № 1, Слово похвальное Петру Великому, Ломоносова; № 2, Слово похвальное Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ... Таковъ ужъ вкусъ у Учебной Книги! Она все еще думаетъ, что безъ Ломоносова нѣсть спасенія, когда надобно представлять образцы русской словесности въ разныхъ родахъ... Она думаетъ, что точно такъ же надобно писать ораторскія рѣчи въ 1844 и 1845 годахъ, какъ въ 1745 и 1755!.. Вирочемъ, вѣдь въ-самомъ-дѣлѣ—рѣчи Ломоносова писаны — по правиламъ реторики...

Есть и еще одно имя, безъ котораго почти не можетъ обойтись Учебная Книга, о чемъ бы она ни заговорила. Это имя упоминается въ ней почти такъ же часто, какъ имя Ломоносова и Карамзина, и чаще, чѣмъ имя Жуковскаго и Пушкина. Что жь это за образцовый русскій писатель, что это за раз-

добрый талант авторский, который так удачно упражнялся во всех родах словесности? Это — г. Булгаринъ, нашъ второй Ломоносовъ, второй Карамзинъ. Кто, на-пр., думаете вы, написал первый русский романъ? г. Булгаринъ (ч. I, стр. 275). А кто ни-

сать лучшихъ новеллы? Карамзинъ. Пушкинъ... Булгаринъ. Кто лучшие русскіе историкъ? Карамзинъ, Полевой... Булгаринъ (стр. 269). Хотите вы знать примѣры лучшихъ разговоровъ? И здѣсь Булгаринъ. Примѣры лучшихъ описаній? Опять Булгаринъ...

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

МАРТЪ.

98) ТАРАНТАСЪ. *Путешія Впечатлѣнія. Сочиненіе графа В. А. Соллогуба. Изданіе книжпродавца Андрея Иванова. Санктпетербургъ. 1845. Въ тѣхъ. Journal de St.-Pétersbourg. Въ 4-ю д. л. 286 стр.*

Наконецъ, давно-ожидаемый публичный *Тарантасъ* графа Соллогуба торжественно выкатился на пустынное поле современной русской литературы. Слухи, толки и извѣщенія о его печатаніи, о его великолѣпной наружности, давно уже возбуждали общее ожиданіе, общее вниманіе. Въ литературномъ отношеніи, публика хотя нѣсколько знакома съ «Тарантасомъ» по отрывку изъ него, напечатанному въ «Отеч. Запискахъ» 1840 года, — по крайней-мѣрѣ, знакома съ нимъ на столько, чтобъ имѣть хотя какое-нибудь представленіе о его содержаніи. Но изданіе, по слухамъ и объявленіямъ, должно было превзойти все, что до-сихъ-поръ было у насъ по части такъ-называемыхъ роскошныхъ и великолѣпныхъ иллюстрированныхъ изданій. По-большей-части, всѣ объявленія бывають или много-ниже, или хоть немного-ниже исполненія, за слышномъ-немногими исключеніями. Къ счастью, въ - отношеніи къ изданію

Тарантаса, исполненіе нѣсколько не разошлось съ обѣщаніями, и далеко превзошло самыя довѣрчивыя ожиданія. Мы не говоримъ уже о томъ, что бумага, печать и вообще возможная въ Россіи типографская роскошь, соединенная со вкусомъ, не оставляють ничего желать, и что въ этомъ отношеніи едва-ли какое-нибудь русское изданіе можетъ состязаться съ *Тарантасомъ*. Мы не говоримъ, что картинки (числомъ до пятидесяти) рѣзаны на деревѣ мастерами своего дѣла и отти-снуты не по-русски: все это вещи второстепенныя. Обратимъ лучше все наше вниманіе на самое сочиненіе картинокъ, на рисунокъ, и скажемъ, что, въ - отношеніи къ нему, *Тарантасъ* есть не только изящное, роскошное и великолѣпное, но еще и русское изданіе. Вглядитесь въ эти лица мужиковъ, бабъ, купцовъ, купчихъ, помѣщичковъ, лакеевъ, чиновниковъ, Татаръ, цыганъ, — и согласитесь, что рисовавшій ихъ (одинъ извѣстный любитель, скрывшій свое имя) не только мастеръ рисовать, но и великій художникъ и знаетъ Россію. Иностранецъ не могъ бы такъ рисовать! Почти всѣ наши политичныя картинки или передѣ-льваются съ французскихъ, или, по-

крайней-мѣрѣ, сохраняютъ на себѣ отпечатокъ вліянія французскаго типа, и похожи на иностранцевъ, обжившихся въ Россіи. Не таковы рисунки *Тарантаса*: это чистая, неподдѣльная Русь. Но не одни лица—вглядитесь въ картинку на 48-й страницѣ: это не только русская деревня, но и русское небо, свинцовое, тѣмное... Авторъ этихъ картинокъ—художникъ не по званію, а по призванію, обладаетъ карандашомъ, о которомъ можно говорить, говоря о карандашѣ Тони Жоано и Ораса Верне. И этому карандашу такъ повинуются русская дѣйствительность, русская природа!..

Что касается до текста, онъ не по ошибкѣ украшенъ такими картинками. Вообще, издание стѣнитъ текста, текстъ стѣнитъ изданія. *Тарантасъ* графа Соллогуба—сочиненіе оригинальное и интересное. Это—пестрый калейдоскопъ парадоксовъ, иногда оригинальныхъ, иногда странныхъ, замѣтокъ самыхъ вѣрныхъ, наблюденій самыхъ тонкихъ, съ выводами, иногда поражающими своею истинностію, мыслей необыкновенно-умныхъ, партияхъ яриныхъ, художественно-набросанныхъ, расчужденій дѣльныхъ, чувствъ горячихъ и благородныхъ, иногда доводящихъ автора до крайности и односторонности въ убѣжденіяхъ. Это книга живая, пестрая, одушевленная, разнообразная,—книга, которая возбуждаетъ въ душѣ читателя вопросы, тревожитъ его убѣжденія, вызываетъ его на споры, и заставляетъ его съ уваженіемъ смотрѣть даже и на тѣ мысли автора, съ которыми онъ не соглашается. Это не романъ, не повѣсть, не путешествіе, не философскій трактатъ, не журнальная статья, но то и другое, и третье вмѣстѣ. Авторъ является въ своей книгѣ и литераторомъ, и художникомъ, и публицистомъ, и мыслителемъ...

Вотъ все, что можемъ мы на споръ сказать о *Тарантасѣ* графа Соллогуба. Въ слѣдующей книгѣ «Отеч. Записокъ» мы поговоримъ о немъ поподробнѣе, въ отдѣлѣ Британія: такія

явленія, какъ *Тарантасъ*, у насъ рѣдки, и о нихъ нельзя говорить вскользь.

99) Проконій Ялунувъ, или Междоуцарствіе въ Россіи, продолженіе Князя Скопина-Шуйскаго. Сочиненіе того же автора. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебн. заведеній. 1843. Четыре части. Въ 8-ю д. л. Въ I-й части 219, во II-й—256, въ III-й—252, въ IV-й—278 стр.

Почти десять лѣтъ прошло съ того времени, какъ появился въ свѣтъ романъ: *Князь Скопинъ-Шуйскій*, до настоящей минуты, когда появляется продолженіе этого романа: *Проконій Ялунувъ, или Междоуцарствіе въ Россіи*. Десять лѣтъ—много времени, особенно для русской литературы—это почти цѣлый вѣкъ для нея! Въ-самомъ-дѣлѣ, какой огромный шагъ впередъ сдѣлала наша литература! какъ возвысился вкусъ нашей публики къ продолженію этихъ десяти лѣтъ! Какимъ бѣглымъ взглядъ на тогдашнее состояніе русской литературы. Въ 1830 году явился *Юрій Милославскій*, въ 1831—*Рославловъ*, г. Загоскина; въ этотъ же году выходять двѣ первыя части *Несомна*, въ 1832—третья, въ 1833—четвертая; въ 1835 году—*Людмила Даша*, г. Ламочникова. Въ эти же пять лѣтъ выходять романы: *Помощь от Германіи*, г. Греча, *Киринъ-Кайсанъ*, г. Ушакова, *Дочь Купца Желобова*, quasi-переводскій сибирскій романъ г. Каманикова, *Кланта при Гробѣ Господни*, г. Полеваго, *Самоемо Желтшикъ*, *Монастырка*, г. Петербургъ; г. Волчанъ открываетъ *Конецъ Всемирнымъ длиннымъ рядъ своихъ археологически-фантастически-аллегорическо-поэтическихъ романовъ*; является *Аббадонна*; г. Полеваго; выходять вторая часть *Дворянскихъ Выборокъ* и *Шельменко, солдата пикара*, *Вилли и Небиллици*, повстаніе Луганскаго; въ то же время выпускается полное изданіе повѣстей Мерлинскаго; г. Шогодинъ переводитъ

живота, вѣдѣнія и надлежитъ выдать всѣ написанныя вѣдѣнія; г. Полевой пишетъ *Жизнѣписца, Ближневѣсто Безумія, Эмму*. Нѣкоторые изъ этихъ произведеній были очень-важнѣтельными для своего времени, и даже изъ слабѣйшихъ изъ нихъ, не исключая ни приторно-сентиментальнаго и скучно-революцiйнаго «Семейства Колеснякъ», ни лажно-идеальныхъ повѣстей г. Полевого, есть свои хорошия стороны. Вообще, вся эта романическая литература носитъ на себя отпечатокъ переходности и нерѣшимости: въ ней видны порывы къ чему-то лучшему, стремленіе впередъ, въ чему-то положительному, но только одинокіе порывы, безъ достиженія. Изъ этого не исключены и *Повѣсти Волжана, Пушкина*, написанныя въ это же время. Въ то же время, среди всѣхъ этихъ, болѣе или менѣе однородныхъ явленій, возникла совершенно-новая романическая литература, которая не имѣла ничего общаго съ первою и въ послѣдствіи окончательно убивала ее, давъ всей русской литературѣ совершенно-новое направленіе. Въ 1834 году вышла первая а въ 1835 году вторая часть *Вечеровъ на Хуторѣ близъ Диканьки*; въ 1835 г. напечатаны *Арабскіе и Миргородскіе*, а въ 1836 — *Ремесора*. Нѣтъ нужды распространяться о томъ, какое огромное вліаніе имѣли эти произведенія Гоголя на русскую литературу: только дѣйствительно-слабые, или притворяющіеся слабыми могутъ не видѣть и не признавать этого вліанія, въ слѣдствіе котораго всѣ молодые писатели пошли по пути, указанному Гоголемъ, стараясь изображать *дѣйствительное*, а не въ воображеніи существующее общество; немъ промахъ писателей, нѣкоторые перемѣнили свое прежнее направленіе, подчинясь новому, данному Гоголемъ; а тѣ, которые не были въ состояніи этого сдѣлать, или перестали вовсе писать, или продолжали писать безъ всякаго успѣха. Это совершилось въ послѣднія десять лѣтъ. Гоголь не задавалъ ничего подобнаго *Ремесора* до 1834 года, а дѣлае нѣко сего чере-

дѣлае, и время лучше всѣхъ критиковъ рѣшилъ вопросъ. *Мертвѣя Души*, заключившия собою все написанное до нихъ даже самими Гоголемъ, окончательно рѣшили литературный вопросъ нашей эпохи, упрочивъ торжество новой школы.

Скромныя Шуйскія г-жи Шишкиной явились въ 1835 году, когда старая романическая школа уже совершила свой кругъ, а новая, еще не бывъ признанною, уже оказывала сильное вліаніе. Романъ г-жи Шишкиной былъ не безъ достоинствъ, особенно для того времени; но онъ далеко не могъ спорить съ достоинствами съ романами, которые породили его. Проходить десять лѣтъ, все мѣняется въ литературѣ, какъ мы уже сказали объ этомъ; журнальные корифеи начала тридцатыхъ годовъ, *Телеграфъ* и *Талеское* — теперь уже не болѣе, какъ отдаленное воспоминаніе, «Дѣла давно-минувшихъ дней»; даже *Библиотека для Чтенія*, сивившая ихъ, уже дожила до глубокой старости; *Отечественныя Записки*, долго колебавшіяся въ своемъ направленіи, наконецъ вполне овладѣли ими, возмужали и укрѣпились; обо многомъ въ это десятилѣтіе было переговоровъ, нерешено, и во многомъ даже согласились, — словомъ: все измѣнилось; но новый романъ г-жи Шишкиной, *Проконій Ляпуновъ*, вышелъ върѣвѣ 1835 году, такъ-что, читая его, не въришь 1845 году, выставленному на его заглавіи. Теперь этотъ романъ принадлежитъ къ числу тѣхъ произведеній, которыя не производятъ особеннаго впечатлѣнія, слегка похваливаются, слегка почитываются и скоро забываются. Между-тѣмъ, онъ не безъ достоинствъ: написанъ правильнымъ и чистымъ языкомъ; рассказъ мѣстами хорошъ; историческая сторона его показываетъ основательное изученіе исторіи, — но нѣтъ творчески-очерченныхъ характеровъ, — нѣтъ поэтически-ярваго проникновенія въ духъ и значеніе исторической эпохи, нѣтъ эстетической жизни. Во многомъ замѣтенъ взглядъ слишкомъ-далекій: такъ, на-

приміръ, въ предисловіи, сочинительница, въ доказательство, что нельзя вѣрять безкорыстію Ляпунова, приводитъ, что онъ былъ дурнымъ мужемъ и не всегда трезво велъ себя, — какъ будто нельзя быть въ одно и то же время и дурнымъ мужемъ и ревностнымъ патриотомъ! Весь всакаго сомнѣнія, быть дурнымъ мужемъ—не достоинство, а порокъ; но не-уже-ли патриотъ непременно долженъ быть ангеломъ и имѣть всѣ добродѣтели? Если можно быть превосходнѣйшимъ мужемъ и отцомъ, и въ то же время вовсе не быть патриотомъ: почему же нельзя быть дурнымъ мужемъ и патриотомъ? Конечно, гораздо-лучше быть и хорошимъ мужемъ и патриотомъ вмѣстѣ; но люди — прежде всего люди, чѣмъ бы ни говорили на этотъ счетъ дамы... Чтѣ же касается до несправедливости, этого порока, въ тотъ вѣкъ, не въ одной Россіи, но и во всей Европѣ считался добродѣтельнымъ мужичины: тогда или не по-нашѣшему, и хвалились пльвствомъ, какъ храбростію. Лучшею оцѣнкою новаго романа г-жи Шиншиной могутъ служить ея собственные слова въ предисловіи: «Самъ вѣрѣю удивляюсь, какъ рѣшилась я писать историческіе романы. Много требовалось на это трудовъ и терпѣнія, много было мнѣ заботъ и препятствій. Но высокая цѣль оживотворила меня. Я считала святыми вдохновеніемъ, призваніемъ Божіимъ, желаніе пробудить въ благородныхъ сердцахъ любовь къ родному, часто заглушаемому иностранними наставниками, и не совсѣмъ справедливому, но великолѣпною картиною не-русскаго образованія. Исторіи должно учиться. Она полезна, необходима. Всѣ это знаютъ и никто объ этомъ не споритъ. Но и пріятное развлеченіе часто необходимо для ума и для сердца. Исторію не всѣ читаютъ, не всѣ могутъ понимать и цѣнить важность происшествій государственныхъ, но читаю «Иванго», «Юрія Милославскаго», и имъ подобные историческіе романы, всѣмъ пріятно, мысленно ве-

решаясь въ отдаленные вѣка, какъ-будто лично бесѣдовать съ людьми знаменитыми, среди семействъ ихъ, въ ихъ домашнемъ быту».

Видите ли: романы пишутся для пріятнаго развлеченія ума и сердца? *Юрій Милославскій*, безъ дальнихъ оговорокъ, поставленъ рядомъ съ *Машей*... Этихъ все сказано... Какъ дѣйствительно - пріятное развлеченіе для ума и сердца, *Проконій Ляпуновъ* и теперь, конечно, найдетъ себѣ читателей и даже почитателей, — чего отъ всей души желаемъ мы ему, какъ роману, написанному съ цѣлію, безъ всякаго сомнѣнія, благонамѣренномъ и похвальному.—Приводимъ нѣсколько строкъ, какъ образецъ разсказа г-жи Шиншиной, нѣбѣтахи не лишняго интереса. Дѣло идетъ о допросѣ охотника, подозреваемаго въ покражѣ кубка у князя Шуйскаго. Еще прежде было пытаніе нѣсколько человекъ. Претерпѣвъ жестокія изтязанія, но ни въ чемъ не признавшись, нѣсколько человекъ лежали окровавленные; глухой ихъ стонъ и вой ихъ ближнихъ раздирали души (ч. I, стр. 19). Пропускаемъ допросъ охотника и обращаемся прямо къ делу:

«Рѣзкій воякъ снова смутилъ Козлякина. Онъ обернулся, и на крыльцѣ у ближней избы увидѣлъ нестарую, еще пригожую крестьянку. Увиавъ мать охотника, онъ съ презрѣніемъ подумалъ, что напрасно встревожилась, и велѣлъ мещанинѣ исторгнуть у молодого Новгородца признаніе, когда, и какъ украсть онъ кубокъ и куда его спряталъ. Любовь и некавалъ, надежда и отчаяніе попеременно изображались во взорахъ и чертахъ несчастной матери, болѣзненные ея вопли часто заглушали стонъ ея сына, но она была недвижима, она какъ-будто приросла къ крыльцу или лучше сказать все въ ней оказалось кромѣ головы и сердца.

Истерзанный охотникъ клялся въ своей невинности; голосъ его ежеминутно слабѣлъ, но кромѣ безчеловѣчнаго Козлякина никто бы не усумнился въ истинѣ словъ его.

— Богъ мнѣ свидѣтель, вскрывалъ онъ, что я вовсе не видалъ твоего кубка! Онъ разсудитъ меня съ тобой, Елизавета Юльевна!

— *Ладно, ладно, съ меншевою усмишкою* сказалъ Козлякинъ. По его приказанію воины принесли веревки и опутавъ ими плеча охотника потянули ихъ назадъ. Кости страдальца захрустѣли, кровь забила ключемъ изъ треснувшей его груди. Воины отскочили въ сторону. Умирающій ухватъ навсичъ: его подхватила мать, такая же блѣдная, также до половины охолодѣвшая, какъ и онъ. Она положила его голову къ себѣ на колѣна, прижала руку его къ своимъ запекшимся губамъ, но не поцаловала его въ лице, боясь на минуту заслонить отъ него небо, откуда солнечный лучъ, прокравшись сквозь облака, прямо на него свѣтилъ.

— Отнесите его въ избу, сказалъ Козлякинъ, спокойно обмахиваясь шелковымъ платкомъ: — дайте ему отдохнуть.

Поднявъ охотника воины хотѣли оттолкнуть мать его. Она имъ не противилась, но они не могли разогнуть ея рукъ, обвившихся около ея сына, и принужденные нести вмѣстѣ два тѣла, невольно вспомнили о своихъ матеряхъ, которыя также могли попасть въ руки ожесточенныхъ злодѣевъ.

100) Сочиненія Константина Масальскаго. *Сакштеторбургъ. Пять частей. Въ тит. В. Соломона, военно-учебныхъ заведеній, К. Журнакова. 1843, 1844, 1845. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части 453, во II-й—230, въ III-й—262, въ IV-й—216 стр.*

Давно-извѣстная истина: ничто не лезетъ подъ луною — ничѣмъ такъ не подтверждается, какъ страстію стариковъ хвалить все старое и бранить все новое, и страстію молодыхъ восхищаться всѣмъ новымъ и смѣяться надъ всѣмъ старымъ. Эта страсть современна міру и человѣчеству; она всегда была и всегда будетъ, потому-что она въ натурѣ человѣка, потому-что она естественна, какъ — склонность большихъ и несчастныхъ все видѣть въ мрачномъ свѣтѣ, и склонность здоровыхъ и счастливыхъ все видѣть въ радужномъ свѣтѣ. Старость стѣбитъ болѣзнь и несчастія, такъ же, какъ молодость стѣбитъ здоровья и счастья; по крайней-мѣрѣ, по-большей-части, и

только за рѣдкими исключеніями, старость и несчастіе, молодость и счастье — синонимы. Каждый человѣкъ — больше или меньше эгоистъ по своей натурѣ: обо всемъ, что до него касается, и обо всемъ, что до него не касается, онъ судитъ по отношенію къ самому-себѣ. Здоровый, онъ, видя больныхъ, какъ-будто удивляется, что можно быть больнымъ; счастливый, онъ какъ будто думаетъ, что всѣ должны быть счастливы; больной, онъ оскорбляется видомъ здоровья; несчастный, онъ готовъ видѣть насѣшку надъ собою во всемъ, что дышитъ счастьемъ... Молодость есть лучшее время жизни каждаго человѣка, такъ же какъ старость худшее: это аксіома. Ни обольщенія сухаго и мелкаго честолюбія, ни приманки блестящихъ почестей, ни богатство, ни роскошь въ старости — ничто не замѣнитъ мечтаній, надеждъ, упоеній и даже горестей страстной, живой, увлекающейся, гордой собою, сильной и отважной юности! Удивительно ли, что все хорошее старики относятъ къ своему времени? Эгоисты по-неволѣ, они думаютъ, что для всѣхъ должно казаться прекраснымъ только то, что было дѣйствительно-прекрасно для нихъ, что всѣхъ должно тѣшить и обманывать только тѣ, что тѣшило и обманывало ихъ, — какъ-будто-бы міръ ими начался, ими и долженъ кончиться, — какъ-будто-бы молодая поколѣнія обязаны жить ихъ жизнию, видѣть ихъ глазами, понимать ихъ умомъ, и этики самымъ сознаться, что напрасно природа дала имъ и глаза и умъ, и напрасно призваны они къ жизни! Когда же старцы замѣчаютъ наконецъ, что у молодыхъ поколѣній есть свои глаза и свой умъ, свои радости и свои горести, свои понятія и свои убѣжденія, которыя не совсѣмъ — похожи, а иногда и вовсе-непохожи на радости и горести, на понятія и убѣжденія ихъ, старцевъ — тогда они видятъ въ людяхъ молодого поколѣнія апостатовъ, еретиковъ, чуть-чуть не бунтовщиковъ. И тогда-то градомъ сыплются на молодыхъ поколѣнія упреки въ безнравственности,

въ вознедушность, въ самонадѣянности; кляча старческой морали грозитъ ослушникамъ, безпрестанно выпадае изъ слабыхъ рукъ; рѣвомъ льются изъ дрожащихъ устъ старческаго поученія, прерываемыя кашлемъ и... смѣхомъ новыхъ поколѣній... Съ своей стороны, новыя поколѣнія бывають подвержены своей слабости — видѣть все прекрасное, умное, достойное удивленія только въ новомъ и современномъ, ожидать чудесъ только отъ будущаго, а на старое и прошедшее смотрѣть съ равнодушіемъ и даже съ насмѣшкой. Но, видно, обѣ эти крайности равно неизбежны; однакожъ, нельзя не сожалѣться, что гораздо-болше справедливости на сторонѣ молодыхъ поколѣній, даже и тогда, когда они явно несправедливы, — потому-что самъ духъ жизни, ведущій человечество, всегда на сторонѣ новаго противъ стараго; потому-что безъ этого исключительнаго и односторонняго стремленія всегда къ новому, всегда къ будущему не было бы никакого движенія, никакого хода впередъ, не было бы прогресса, исторіи, жизни, и человечество превратилось бы въ огромное стадо дикихъ животныхъ... Для того и величье человѣкъ, для того и долженъ онъ старѣть, дряхлѣть и умирать, для того и смѣняется одно поколѣніе другимъ, — словомъ, люди умирають для того, чтобъ жило человечество. Смерть есть великое орудіе, великая опора жизни... У новыхъ поколѣній бывають вожди, которые ведутъ ихъ по пути развитія; но самостоятельная сила развитія до того присуща самой натурѣ человѣка, что развитіе общества свершается даже и тогда, когда не дается новыхъ вождей. Это дѣлается очень-просто: Богъ знаетъ какъ и почему, но только у новаго поколѣнія дѣлаются новыя вкусы, наклонности, понятія, какіхъ не было у стараго, хотя это старое поколѣніе, воспитывая новое, больше всего старалось сдѣлать его похожимъ на себя, какъ двѣ капли воды... Этотъ родъ прогресса самый естественный и неоспоримый и неодоли-

мый: противъ него нѣтъ никакихъ мѣръ; въ-отношеніи къ старымъ поколѣніямъ, онъ — врагъ тѣмъ болѣе страшный, что невидимъ, на него нельзя указать, его нельзя разить; онъ не лицо, не образъ: онъ — духъ, онъ въ воздухѣ, въ водѣ, въ пищѣ; ему равно служить и тѣ, которые любятъ его, и тѣ, которые ненавидятъ; для него все средство къ успѣху, — даже моды на платья, на мебель... потому-что у Китайцевъ не существуетъ даже моды; но за то у Китайцевъ нѣтъ молодыхъ поколѣній: каждый человѣкъ дѣлается тамъ старикомъ, лишь-только успѣетъ родиться...

Самолюбіе играетъ большую (и чуть-ли даже не главную) роль въ нерасположеніи стариковъ ко всему новому. Видя, что все на свѣтѣ идетъ и дѣлается не такъ, какъ бы имъ хотѣлось, не такъ, какъ все шло и дѣлалось въ ихъ время, старики обижаются и говорятъ юношамъ: «что же, мы глупѣе васъ, а вы умнѣе насъ? Развѣ мы затѣмъ прожили вѣкъ свой, набрались уму - разуму, богатымъ мудрою опытностію, чтобъ на старости лѣтъ неопытные мальчишки водумали учить насъ?» Люди молодого поколѣнія должны были бы отвѣчать на это старикамъ: «каждый изъ насъ, отдѣльно-взятый, можетъ быть менѣе опытенъ и мудръ, нежели каждый изъ васъ отдѣльно-взятый; но наше молодое поколѣніе и опытнѣе и мудрѣе вашего, потому-что оно старше вашего, и къ вашей опытности приложило свою собственную». Но, въ-сожалѣнію, молодые люди такъ же имѣють свои молодыя слабости и недостатки, какъ старые люди имѣють свои старые слабости и недостатки, — и почти каждый юноша готовъ смотрѣть на старика, какъ на ребенка, а на себя, какъ на возрастающаго человѣка, не понимая, что вся его заслуга и все преимущество передъ старикомъ состоитъ только въ томъ, что онъ позже его родился, и что это вѣдь совсѣмъ не заслуга... Итакъ, было бы несправедливо утверждать, что старики всегда неправы

въ отношеніи къ молодымъ, а молодые всегда правы въ отношеніи къ старикамъ. Но борьба между ними не прекращается ни на минуту, и одно время рѣшаетъ безъ лицепріятія, кто правъ, кто виноватъ, хотя немногіе доживаютъ до рѣшенія своей тяжбы, и старики по-большой-части умираютъ съ убѣжденіемъ, что они правы, что ихъ тяжба выиграна, и что горе новому поколѣнію, которое пошло своимъ новымъ дорогою... Какъ бы то ни было, только самолюбіе играетъ чуть-ли не главную роль въ этой вѣчной распрѣ. Это особенно замѣтно въ умственныхъ сферахъ, въ которыхъ борьба сильнѣе и живѣе, какъ, на примѣръ, въ сферѣ литературной. Здѣсь самолюбіе дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, что вопросъ идетъ не объ одной физической старости, не объ одной физической смерти, но о старости и смерти нравственной, смерти за-живо. Въ лѣта молодости, способности человѣка дѣятельны и живы, душа его воспримчива для впечатлѣній; въ лѣта возмужалости, — впечатлѣнія молодости дѣлаются, такъ сказать, нравственнымъ капиталомъ человѣка, процентами съ котораго онъ живетъ и въ старости. Большею частью, люди совершенно опредѣляются въ тридцать лѣтъ и считаютъ за истинное и прекрасное только то, что успѣли признать они истиннымъ и прекраснымъ до тридцати-лѣтняго возраста ихъ жизни, подъ влияніемъ своихъ первыхъ впечатлѣній, и не признаютъ никакой истины, которая дѣлается, когда они перейдутъ за роковую черту своихъ тридцати лѣтъ. Такъ на Руси и теперь еще есть люди, которые безъ уха отъ стиховъ Державина, и которые косо смотрятъ на стихи Жуковского, видя въ Жуковскомъ лоскутъ писателя, хотя этотъ новый писатель пишетъ уже болѣе сорока лѣтъ. Какая причина этому? Очень-простая: они прочли и выучили наизусть стихи Державина въ то время, когда ихъ способность восприимчивости была въ полной своей силѣ; когда же жились Жуковскій, ихъ душа уже

закрылась для впечатлѣній: они уже не могли принять откровеннѣйшей новой поэзіи всею полнотою своего существа. Идея и форма державинской поэзіи до того овладѣли ихъ умомъ, что для нихъ поэзію казалась только то, что походило на стихи Державина. Но какъ произведенія Жуковского ни сколько не походило на оды Державина, то они и не могли признать въ Жуковскомъ поэта. Такимъ образомъ, имъ не возможно было безъ досады видѣть, что другіе восхищаются Жуковскимъ, и на всѣхъ этихъ друиыхъ они стали смотрѣть, какъ на людей съ дурнымъ вкусомъ, какъ на людей заблуждающихся, потому что самолюбіе человеческое всегда готово оправдать себя на-счетъ другихъ и въ собственной своей ограниченности растолковать себя, какъ чужую ошибку, чужое заблужденіе. Въдъ въ-самомъ-дѣлѣ, тяжело же сознаться, что мы отстали, что наше время прошло; и въдъ не переучиваться же стать въ почтенныя лѣта... Кто не помнить, какой шумъ, какіе споры, какую борьбу возбудило появленіе Пушкина! Старцы (я старые и молодые) съ такимъ ожесточеніемъ оспаривали поэтическое достоинство первыхъ произведеній Пушкина, какъ-будто-бы дѣло шло о ихъ жизни и смерти... И дѣйствительно, дѣло шло ни больше, ни меньше, какъ о ихъ жизни и смерти — только нравственной, а не физической. Такихъ старичковъ теперь осталось мало, да и тѣ пріумолили, а нѣкоторые даже, притерпѣвшись и привыкнуши къ славіи Пушкина, на-слово повѣрили ея дѣйствительности. Но вотъ примѣръ свѣжѣе: кому неизвѣстно, съ какимъ ожесточеніемъ встрѣтили старцы талантъ Гоголя? И до-сихъ-поръ еще бранятъ они его, даже подражая ему, чтобъ добиться какого-нибудь успѣха, — и бранятъ его даже въ тѣхъ самыхъ своихъ изданіяхъ, въ которыхъ такъ безуспѣшно подражаютъ ему... И это ожесточеніе противъ — можно смѣло сказать — гениальнаго писателя очень-понятно. Всѣ люди самолюбивы, но особенно люди, которые хотятъ ка-

заться талантливыми тамъ, гдѣ имъ всего богѣе отказано въ талантѣ, и преимущественно люди съ мелкими способностями и дарованиями, которые когда-то воспользовались игновеннымъ успѣхомъ. Переживъ свои сочиненія, нѣкогда имѣвшія какой-нибудь успѣхъ, видя, что ихъ новыя попытки возбуждаютъ только смѣхъ, въ отчаяніи, что они не могутъ поддѣлаться подъ писателя, увлекшаго за собою всю литературу, всю публику, въ досадѣ, что они не могутъ даже понять ни смысла, ни достоинства его сочиненій, эти горькобогатыри по-неволѣ раздражаются противъ него и вступаютъ съ его славой въ неравную для нихъ борьбу. Они со слезами на глазахъ и съ бранью на устахъ клянутся публикѣ, что это писатель безъ таланта, безъ вкуса, что онъ не знаетъ грамматики, тогда-какъ они сами — первые грамотѣи; что онъ рисуетъ одну грязь, тогда-какъ они изображаютъ одну добродѣтель и благонамѣренность, которыми преисполнены ихъ сердца. Но публика ихъ не слушаетъ, сочиненій ихъ не читаетъ, а преслѣдуемый ими авторъ какъ-будто и не подозреваетъ ихъ существованія, идя своею дорогою и не замѣчая ихъ воплей. Что имъ дѣлать?— Не знаемъ, право, что они теперь дѣлаютъ, или что будутъ дѣлать; но вотъ уже давно, какъ слышимъ жалобы на то, что современные писатели, и преимущественно Гоголь, и современные журналы, преимущественно толстые, искажаютъ и губятъ русскій языкъ, и что остается только средство спасти его отъ гибели—начать подражать Карамзину, строго держась его слога и орфографіи... Съ особеннымъ жаромъ приглашаются къ этому молодые и подающіе надежды писатели... Нужно ли говорить, что приглашающіе давно уже не принадлежатъ къ числу молодыхъ, и еще менѣе къ числу писателей, подающихъ надежды?.. И это пишется и печатается въ наше время!.. Подражать Карамзину въ слоги, держаться его орфографіи! Ужь не лучше ли обратиться къ Ломо-

совову и его избрать образцомъ?.. Что Карамзинъ справедливо названъ преобразователемъ русскаго языка, русскою прозою, что онъ оказалъ русской литературѣ такого рода услуги, которыхъ никогда не забываются, — все это аксіомы. Но, въ то же время, нѣтъ никакого сомнѣнія, что достоинство его сочиненій теперь имѣетъ чисто-историческое значеніе, тогда-какъ въ свое время оно имѣло значеніе не только литературное, но и художественное. Теперь *Бѣдную Лизу* и *Марку Посаднику* можно читать не для эстетическаго наслажденія, а какъ историческій памятникъ литературы чуждой намъ эпохи; теперь на нихъ смотрятъ съ тѣмъ же чувствомъ, какъ смотрятъ на портреты дѣдушекъ и бабушекъ, наслаждаясь добродушнымъ выраженіемъ ихъ лицъ и оригинальностью ихъ стариннаго костюма... Пусть укажутъ намъ старцы хоть на одну статью Карамзина, которая могла бы теперь возбудить другой интересъ... Какъ же, спрашиваемъ мы, подражать произведеніямъ, которыя были безусловно-хороши только для того времени, когда были писаны?.. Карамзинъ преобразовалъ русскую прозу, и въ этомъ его великая заслуга, его великое право на признательность потомства; но сущность и заслуга его преобразования состояли совсѣмъ не въ томъ, чтобъ онъ далъ вѣчные образцы прозы, а въ томъ, что онъ далъ возможность явившимся послѣ него писателямъ опередить его на вѣрнѣйшій прищѣ, имъ же открытомъ. До Карамзина, русская проза не переставала скрипеть тяжелыми ломовосовскими періодами; Карамзинъ вывелъ ее изъ этого заколдованнаго круга на большую дорогу, и она пошла, ужь больше не нуждаясь въ его исключительномъ руководствѣ. Отъ латинско-нѣмецкой конструкціи, столь несвойственной русскому языку, онъ обратилъ ее къ французской конструкціи, болѣе ему свойственной, и чрезъ это далъ средство русскому языку, бывшему обезьяною то латинско-славяно-нѣ-

мецкаго, то французскаго, сдѣлать-ся со-временемъ совершенно - русскимъ языкомъ. Но языкъ самого Карамзина далеко-нерусскій: онъ правиленъ, какъ всеобщая грамматика безъ исключеній и особенностей, лишень руссизмовъ или этихъ чисто-русскихъ оборотовъ, которые одни даютъ выраженію и опредѣленность, и силу, и живописность. Русскій языкъ Карамзина относится къ настоящему русскому языку, какъ латинскій языкъ, на которомъ писали ученые среднихъ вѣковъ, — къ латинскому языку, на которомъ писали Цицеронъ, Саллюстій, Горацій и Тацитъ: узнавъ въ совершенствѣ первый, можно совсѣмъ не знать второго; легко понимая первый, можно совсѣмъ не понимать второго. Языкъ мелкихъ сочиненій Карамзина, говорятъ, гораздо-ниже языка, которымъ написана *Исторія Государства Россійскаго*, и который, будто бы, есть вѣчный образецъ русскаго языка, русскаго слога. Это едва-ли справедливо. Если что особенно хорошо въ исторіи Карамзина, это — изложение событій, умѣнье рассказывать. Но слогъ этой исторіи какой-то академическій, искусственный, лишенный естественности, тщательно-округленный, обдѣланный, ритмическій, пѣвучій, съ прилагательными послѣ существительныхъ. Карамзинъ употребляетъ часто слова лѣтописей, старается проинкнутъ свой слогъ ихъ духомъ, но остается при одномъ усилии. Нѣтъ спора, что всякій, кто хочетъ быть писателемъ, долженъ читать старыхъ авторовъ для изученія отечественнаго языка; но утверждать, что онъ долженъ подражать кому-нибудь изъ писателей, особенно старыхъ, — это верхъ неумности. Мы неразъимѣли случай изъяслять удивленіе, какимъ-образомъ поэты нашего времени могли бы подражать Карамзину, который вовсе не былъ поэтомъ, хотя и писалъ стихи и сочинялъ повѣсти? И какое изъ его произведеній могли бы они взять себѣ за образецъ — *Бѣдную Лизу* или *Марю Посадницу*?.. Хорошіе образцы для нашего време-

ни — нечего сказать! Въ такомъ случаѣ, почему же не вачать подражать *Россіядѣ*? Интересно знать, какую бы поэму написалъ Лермонтовъ, если бы взялъ себѣ за образецъ *Россіяду*, какой бы романъ написалъ онъ, если бы взялъ себѣ за образецъ *Кадма и Гармонію*?.. Давайте же подражать старымъ писателямъ, давайте жить заднимъ умомъ, давайте ходить раковою манерою, — далеко уйдемъ!.. Подражать! да развѣ можно и должно кому-нибудь подражать? развѣ подражаніе произвело хоть одного порядочнаго писателя? развѣ оно подкрѣпило чей-нибудь талантъ? развѣ, напротивъ, оно не портитъ, не ослабляло и дѣйствительно-сильныхъ талантовъ? Развѣ это не аксіома въ наше время? Развѣ вопросъ о подражателности не рѣшонъ давнымъ-давно? Развѣ совѣтовать подражать, не значить — подвергаться тому, что по-французски называется *ridicule* и для выраженія чего вѣтъ равносильнаго русскаго слова?.. Подражать, значить — жить чужимъ умомъ, чужими мыслями, чужимъ талантомъ. Имѣть нужду въ подражаніи, значить — не имѣть нисколько таланта, при сильной охотѣ марать бумагу... Но зачѣмъ же наши старцы такъ настоятельно совѣтуютъ подражать? — Затѣмъ, чтобъ никто не писалъ такъ, какъ пишетъ Гоголь... А! это другое дѣло! Вотъ какъ, напримѣръ, хвалятъ оны сочиненія г. Масальскаго: «*Реинство Бирона, Осада Улича, Русскій Икаръ, Донъ-Кихотъ XIX вѣка, Стрѣльцы, Черный Ящикъ, Граница 1616 года, Бородолубе, Терпи казакъ, атаманъ будешь*» (по-вѣсть въ стихахъ), нѣсколько мелкихъ статей въ прозѣ и нѣсколько десятковъ стихотвореній, заключающихся въ этихъ пяти томахъ, написаны чистымъ, правильнымъ языкомъ, смѣшуютъ въ себѣ умъ, чувство и познаніе исторіи, и представляютъ вѣрные очерки эпохъ и характеровъ. У К. П. Масальскаго нѣтъ такихъ остроумныхъ сочиненій, какъ, на-примѣръ: «*сапоги въ смѣтку* и т. п.». И мы не можемъ не похвалить г. Масальскаго

за то, что онъ не употребляетъ нѣкоторыхъ выраженій, употребляемыхъ Гоголемъ,— такъ же точно, какъ не можемъ въ похвалить подражателей Корнеля и Расина за то, что они, въ своихъ трагедіяхъ, не выводили, подобно Шекспиру, ни публичныхъ женщинъ, ни пивныхъ мужиковъ, ни развратничью дурнаго тона въ родѣ Фальстафа: на что могъ осмѣливаться великій Шекспиръ, за то не слѣдовало братья мелкимъ подражателямъ Корнеля и Расина, потому что у нихъ непремѣнно вышло бы пошло, отвратительно и бессмысленно то, что у Шекспира живописно, поучительно и исполнено глубокаго смысла! Но, по мнѣнію нашихъ критическихъ *patres conscripti*, г. Масальскій потому не употреблялъ выраженій, употребляемыхъ Гоголемъ, что онъ (г. Масальскій) въ языкѣ придерживается грамматики г. Греча, а въ «язычномъ вкусѣ не отстаетъ отъ образцовъ, представленныхъ намъ Карамзиннымъ, Жуковскимъ, Пушкинымъ, Батюшковымъ.» Но тщетно сталъ бы кто-нибудь искать въ сочиненіяхъ г. Масальскаго чего-нибудь, кромѣ твердаго знанія грамматики г. Греча! Сочиненія Карамзина были хороши, даже превосходны для своего времени: сочиненія г. Масальскаго не были бы не только превосходны, но просто сносны даже для того времени, въ которое началъ писать Карамзинъ, потому что въ сочиненіяхъ Карамзина есть талантъ, отражается оригинальная и самобытная личность, чего нѣтъ и слѣдовъ въ сочиненіяхъ г. Масальскаго. Жуковский... но скажите, ради здраваго смысла, можетъ ли существовать какое-нибудь отношеніе между стихами переводчика *Юанни д'Аркы Шиллера* и *Шилльонскаго Узника Байрона*, и между — хоть вотъ этими виртами г. Масальскаго?

Осель широкой нивой
Въ раздумьи важно брелъ,
И вдругъ свирѣль подъ нвой
По случаю нашелъ.
Лябулся находкой,

Онъ сталъ ее лизать,
И на нее всей глоткой
По случаю дышать.
Осель не понимаетъ,
Что перелилъ, что трелъ;
Лишь дышитъ, и играетъ
По случаю свирѣль.
Какъ на осла бываетъ
На всякаго смѣшно,
Кто слугу поступаетъ
По случаю смѣшно.

Послѣ этого, мы можемъ себя утѣшить отъ всякихъ параллелей между г. Масальскимъ и Батюшковымъ и, особенно, Пушкинымъ. Можетъ быть, г. Масальскій и подражалъ имъ; но тѣмъ не менѣе, все изъ осталось при нихъ, а въ сочиненіяхъ г. Масальскаго ничего не осталось. Что жъ толку подражать? Кому нѣчего сказать своего, тому всего лучше молчать. Кто захочетъ послушать Пушкина, тотъ обратится къ нему, а не къ его подражателю. Какъ бы ни малъ былъ чей-нибудь талантъ, но онъ стоитъ вниманія, если не подражаетъ, а говоритъ свое. И вотъ почему могло имѣть большой успѣхъ такое произведеніе, какъ, напримеръ, *Юрій Милославскій*. Въ немъ есть оригинальность; оно имѣло подражателей, но само никому не подражало. Въ послѣдствіи, авторъ этого романа, г. Загоскинъ, сталъ подражать своему первому произведенію, — и что же вышло?— всѣ послѣдующіе романы г. Загоскина оказались ниже посредственности и не имѣли успѣха. Вотъ каково подражать кому-нибудь, даже самому-себѣ, — и чему-нибудь, даже собственному своему сочиненію... Г. Масальскій подражалъ не Карамзину, не Батюшкову, не Жуковскому, не Пушкину, а нѣкоторымъ изъ русскихъ романистовъ, явившихся въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія; но они ничего не дали его подражательнымъ сочиненіямъ — даже способности быть забавно-неудачными, и потому эти сочиненія скучно и усыпительно-неудачны. Сочинитель беретъ за образецъ то эпоху Петра-Великаго, то регентства Бирона, то наше время, хо-

чтобы быть высокимъ, патетическимъ, импрессионистическимъ, забавнымъ, хочеть трогать и смѣшить, — и только усыпить...

Скажутъ: это ли разборъ писателя, написавшаго пять томовъ? Наговорить о старыхъ и молодыхъ поколѣнїяхъ, о Карамзинѣ, о Гоголѣ—развѣ это значитъ критиковать сочиненїя, заглавіе которыхъ выставлено въ началѣ статьи? Отвѣчаемъ на это: русская литература и русская публика уже выросли и возмужали на столько, чтобы рецензентъ нашего времени могъ уволить себя и своихъ читателей отъ серьезныхъ доказательствъ, что скучная книга скучна, а бездарность бездарна. Лучше, по поводу подобныхъ сочиненїй, поговорить о чемъ-нибудь такомъ, о чемъ стоить говорить. Удивительно ли, что въ наше время, о чемъ бы ни сталъ писать рецензентъ, непрежѣнно начнеть бранить или хвалить *Мертвыя Души*? есть произведенїя, которыя наполняютъ шумомъ своего появленїя цѣлую эпоху, оставляя послѣ себя глубокий и долгій слѣдъ... И есть произведенїя, о которыхъ нѣчего сказать, даже и тогда, какъ заговорятъ о нихъ,—которыхъ нельзя ни бранить, ни хвалить... Миръ вамъ, бѣдныя дѣти безпокойной охоты къ сочинительству, почивайте спокойно!..

прежде, чѣмъ вырабатывается чистое о ней понятїе; лучше сказать, исторїя зарождается въ видѣ басни. Такъ поэзія на каждомъ шагѣ преслѣдуетъ дѣйствительность. Но не при колыбели только народовъ зарождается басня: иногда она посѣщаетъ историческія могилы, приходитъ сѣтовать, плакать на нихъ, и печально-настроенное воображеніе, смотря въ даль прошедшаго, видитъ цѣлую эпоху тамъ, гдѣ исторїя едва различаетъ нѣкоторыя имена: народная фантазія скоро овладѣваетъ этими образами, особенно, если они льстятъ народному самолюбію, и поэтическія видѣнїя подъ формою преданїя сливаются съ самой исторїей. Словомъ, хотя исторїя самымъ понятїемъ ограждена отъ всякой чуждой примѣсы, но басня, какъ элементъ поэтическій, вторгается въ нее всѣми путями и своимъ фантастическимъ блескомъ нерѣдко закрываетъ слабый свѣтъ исторической истины.

Черту раздѣлительную между поэтическимъ вымысломъ, выросшимъ на почвѣ исторїи, и самою историческою правдою полагаетъ критика. Много нужно бываетъ проникательности и такъ-сказать чутка истины, чтобы не увлечься прелестью поэтической и не остановиться на убранствѣ, которыми фантазія окружаетъ простой фактъ, какъ на послѣднемъ словѣ исторїи. Потому неудивительно, что исторїя до-сихъ-поръ еще очень-наивно переписываетъ нѣкоторыя великолѣпныя картины, въ началѣ набросанныя баснею, почти не подозрѣвая, какую странную роль играетъ она въ этомъ случаѣ. Особенно несчастливо случилось на вымыслѣ нѣкоторымъ пунктамъ славянской исторїи. Шлёцеръ началъ было очистку ея отъ басенъ, но положенное имъ доброе начало мало нашло себѣ послѣдователей. Вмѣсто того, чтобы, идя по его слѣдамъ, продолжать очистку того же историческаго поля все далѣе и далѣе, историки славянскаго міра приняли совершенно-обратную систему: ударили челомъ вымыслу и, вмѣсто критики басни, приня-

101) Юмбургъ и Винета. Историческое изслѣдованіе. Т. Грановскаго. Москва. Вѣ тип. А. Семена. 1845. Въ б. 8-ю д. л. 40 стр.

Исторїя Юмбурга и Винеты составляетъ блистательнѣйшій эпизодъ въ исторїи Вендскаго-Поморья.

Не всегда, впрочемъ, блескъ историческаго сказанїя есть блескъ самой истины. Говоря вообще, исторїя и басня состоятъ между собою во взаимной противоположности; вражду между ними полагаютъ самыя понятїя. Между-тѣмъ, на дѣлѣ нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ встрѣтить ихъ въ содѣяніи: басня проникаетъ въ исторїю

лись сами поэтизировать на ея основаніи. Вообще должно замѣтить, что славянофилы отличаются большою склонностію къ поэзіи, историки же ихъ, мѣряящіе цѣлый міръ съ славянофильской точки зрѣнія, наиболѣе. Назвавъ тому нѣсколько лѣтъ одинъ изъ нихъ, сквозь призму непомѣрной любви къ славянщинѣ, даже въ Атилѣ, въ дикомъ, свирѣпомъ Атилѣ разглядѣлъ черты чисто-славянскія, а недавно другой историкъ доказалъ положительно, что хотя пришельцы, невѣстные въ нашей исторіи подъ именемъ Варяговъ, были тѣ же самые Норманны, отъ которыхъ въ то время *отмалывалась* Западная Европа, однако все, что они у насъ ни дѣлали, все это дѣлали по самой чистой и безкорыстной любви къ туземцамъ, а не по какой-нибудь ненависти, и что такая внезапная и коренная перемена въ характерѣ *нашихъ* Норманновъ произошла, должно думать, не отъ чего много, какъ отъ вліянія климата и почвы, на которой они поселились. А что они, то-есть, *наши* Норманны, брали съ туземцевъ дань и часто средствами не совѣшь кроткими, такъ вѣдь дань состояла изъ естественныхъ произведеній, въ которыхъ у туземцевъ былъ такой избытокъ, что просто дѣвать было нѣкуда, такъ-что не прійди къ нимъ Варяги и не возьми у нихъ (изъ любви, разумеется) этого избытка, то туземцы не знали бы, что и дѣлать съ нимъ. Поэтизируя такимъ образомъ, историкъ чуть не пришелъ къ тому заключенію, что *любовь* есть у насъ такое же туземное произведеніе, какъ и хлѣбъ, между-тѣмъ, какъ Западная Европа, что ни насадитъ, все выйдетъ ненависть: таково ужъ свойство почвы!

При такой поэтической, или, точнѣе, романтической настроенности, до критики ли? Давайте намъ какой хотите фактъ, и мы все объяснимъ любовью... Истинный историческій романтизмъ! Но на берега Вендскаго-Поморья не заглядывалъ до-сихъ-поръ даже историческій романтизмъ: они просто оставались забыты вселюбящими славянски-

ми историками. Провозносить при всякомъ удобномъ случаѣ громкія имена Волина и Винеты, столько-местныя для славянскаго самолюбія, любить всякій изъ нихъ; но до-сихъ-поръ еще никто изъ нихъ не потрудился дать себѣ отчетъ въ томъ, какого происхожденія и свойства тотъ блескъ, который окружаетъ эти имена. Только нѣмецкой исторической критикѣ, посредствомъ точнаго анализа событій и источниковъ, изъ которыхъ почерпнуты свѣдѣнія о нихъ, удалось въ послѣднее время пролить нѣкоторый свѣтъ на этотъ эпизодъ славянскій исторіи: она по-крайней-мѣрѣ свела *вмѣстѣ* всѣ данныя и опредѣлила точку, гдѣ вымыселъ мѣшается съ истинномъ. Честь важнѣйшихъ критическихъ открытій, сдѣланныхъ по этой части, принадлежитъ въ-особенности нѣмецкимъ ученымъ Бартольду и Гизебрехту. Но критическая исторія Юмбурга и Винеты не была ихъ главною задачею; касаясь вопроса большею частію сторону, они не довели своихъ изслѣдованій до послѣднихъ результатовъ, и хотя разложили свѣдѣнія на составныя ихъ части, но не опредѣлили мѣры участія басни въ дошедшихъ до насъ сказаніяхъ. Этотъ окончательный трудъ принялъ на себя г. Грановскій.

Юмбургъ происхожденія скандинавскаго, но исторія его тѣсно связана съ славянскимъ Волиномъ, лежащимъ на недалекомъ отъ него разстояніи, и потому разныскаіямъ своимъ объ Юмбургѣ г. Грановскій предпосылаетъ изслѣдованіе о Волинѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію существованіе на Дивеновѣ вендскаго торговаго города, извѣстнаго у лѣтописцевъ, сверхъ общепотребительнаго названія *Волина*, подъ именемъ Юлина, Юмны, Юмни и Юмина. О происхожденіи Волина д. о названіи его существуютъ разныя мнѣнія, основанныя, впрочемъ, на произвольныхъ догадкахъ. Авторъ «Изслѣдованія» приводитъ всѣ толкованія и опровергаетъ ихъ одно за другимъ. Другое названіе, Юлинъ, очевидно, видоизмѣненное Волинъ. Но

что такое Юнна, Юннета? Не есть ли это названіе другого города? Такъ; крайней-мѣрѣ, думаетъ Гизебрехтъ, полагающій, что Юнна лежала у устья рѣки Свины, и что, слѣдовательно, Юнна и Волинъ — два разные города. Но, вопреки Гизебрехту, г. Грановскій утверждаетъ положительно, что Юнна и Волинъ суть названія одного и того же города. Адамъ-Вренскій, у котораго находятся главныя извѣстія объ Юмнѣ, дѣйствительно употребляетъ оба имени; но они вездѣ относятся у него къ одному и тому же городу, который есть Волинъ. Откуда же взялось названіе Юнны? Согласно съ разсказаніями Бартольда, г. Грановскій полагаетъ, что Адамъ назвалъ Волинъ именемъ грозной скандинавской колоніи (Юнна — Юмъ, Юмъ, Юмбургъ), руководствуясь сѣверными сказаніями, которыя, какъ извѣстно, были однимъ изъ главныхъ его источниковъ. Такъ точно Саксонъ смѣшалъ, наоборотъ, Юмбургъ съ Волинкомъ, и вездѣ называетъ первый именемъ послѣдняго. Что касается до Гельмольда, другаго летописателя, изъ котораго почерпаются извѣстія о Юмнѣ-Юннетѣ, то весь разсказъ его объ этомъ городѣ, какъ осязательно доказываетъ г. Грановскій, пѣликомъ взятъ изъ Адама-Вренскаго, съ самыми незначительными прибавленіями. Дѣло только въ томъ, что Гельмольдъ, переписывая Адама, принялъ самъ его различныя названія одного города за различіе разныхъ предметовъ, и такимъ-образомъ положилъ основаніе заблужденію, по которому Юнна стала особымъ городомъ, отличнымъ отъ Волина. Этого гало: Юннета не только отдѣлилась отъ Волина, но и получила свою особую исторію. Разумѣется, что эта исторія была скопкомъ съ исторіи Волина. Вотъ какъ иногда сама исторія рождаетъ басню, и басня живетъ потомъ дѣла подъ именемъ исторіи!.. Самымъ вѣтущимъ временемъ для Волина было десятое столѣтіе. Въ XI столѣтіи, изъ сдѣлался надежнымъ убѣжищемъ для датскихъ и норвежскихъ бѣгле-

цовъ. Это обстоятельство навлекло на Волинцевъ ненависть датскихъ государей. Съ 1100 года, начинаются ихъ нападенія на Волинъ, окончившіяся, въ XII столѣтіи, совершеннымъ паденіемъ города. Послѣ того, Волинъ уже не подымался болѣе.

Но если въ сказаніяхъ однихъ летописцевъ Волинъ дѣлился самъ на себя и являлся въ двухъ видахъ, зато въ повѣстяхъ другихъ съ нимъ же сдѣлался еще Юмбургъ; другое заблужденіе, которое открытъ удалею только новѣйшей критикѣ. Начало Юмбурга Гизебрехтъ относитъ къ половинѣ X вѣка. Это было одно изъ норманскихъ поселеній, основанныхъ скандинавскими выходцами въ ту эпоху, когда воинственный бытъ викинговъ приходилъ уже къ упадку. Впрочемъ, юмбургскіе витязи перенесли сюда весь духъ своей родины и долго еще были грозеею своихъ сосѣдей. Ихъ чудныя дѣла сохранила такъ-называемая юмбургская сага. Г. Грановскій приводитъ изъ ней замѣчательный отрывокъ, въ которомъ каждая черта есть драгоцѣнность. Древній норманскій бытъ предстаетъ здѣсь предъ вами во всей своей переработанной чистотѣ, нисколько не измѣнившимся отъ славянскаго каннота или почвы. Приводимъ этотъ отрывокъ:

Первый славный вождь юмбургскихъ витинговъ былъ Сигвальдъ, съ острова Зеландіи. Когда умеръ отецъ его, Сигвальдъ съ братьями привезъ къ Зеландіи 170 судовъ и пригласилъ на трезну конунга Гаральда. Конунгъ явился, надѣясь употребить отвагу викинговъ въ свою пользу. Слѣдующія подробности пересказываются словами саги:

«Конунгъ Гаральдъ велѣлъ на первый вечеръ подать викингамъ самаго крѣпкаго пивья, и они пили черезъ мѣру много. Конунгъ Гаральдъ замѣтилъ, что они упились смертельно и стали очень многорѣчивы. Тогда обратился къ нимъ Конунгъ съ такими словами: «Здѣсь становится очучно. Хорошо было бы выдумать, для увеселенія мужей, такую забаву, о которой дол-

го помидли бы люди. Сигвальди отвѣчалъ: «намъ кажется, что всего пристойнѣе и лучше начать тебѣ. Мы отъ тебя не отстанемъ». — Кюунгъ сказалъ: «Я знаю, что есть у мужей обычай даватьъ при такихъ ширшествахъ обѣты себѣ во славу; вы проеазивались во всѣхъ странахъ, и обѣты ваши должны быть также знамениты. Я подамъ примѣръ. Я клянусь, что до начала третьей зимы выгоню Этельреда, короля англійскаго, изъ его царства, или убью его и овладѣю его землями. Теперь твой очередь, Сигвальди. Обѣдай во мѣсяцъ.» — Тотъ отвѣчалъ, что такъ и пообѣщаетъ. «Я клянусь», молвилъ онъ: «что до начала третьей зимы я приведу въ Норвегію всю силу, какую могу собрать, и выгоню Гакона Яра изъ земли его, или убью его, или самъ лягу.» — Кюунгъ сказалъ: «Ты началъ хорошо, и хорошо обѣтъ твой. Да поможетъ тебѣ счастье свершить обѣщанное. Тебѣ говорить теперь, Торкель высокий. Тебѣ приличны смѣлые замыслы.» — Торкель молвилъ: «Я далъ себѣ слово или за братомъ или за Сигвальди и не обрѣчусь вспять, доколѣ не увижу въ тѣхъ корабля его.» — Смѣла была и рѣчь твоя и смѣло исполнишь ты сказанное. Ну, Буйтоастый, за тобою очередь. Обѣтъ твой долженъ быть замѣтенъ. — Я клянусь помогать Сигвальди въ походѣ его, на сколько у меня есть отваги, и ни сколько не отставать отъ него, доколѣ на это не будетъ его воли. — Я зналъ впередъ, сказалъ Кюунгъ, что ты хорошее молвишь намъ. За братомъ слѣдуетъ говорить тебѣ, Сигурдъ Каппе. — Рѣчь моя коротка, отвѣчалъ Сигурдъ: я пойду за братомъ и не обращусь назадъ, пока братъ будетъ стоять на мѣстѣ, или пока онъ не ляжетъ мертвымъ. — Этого надобно было ждать отъ тебя, сказала Кюунгъ; за тобою дѣло теперь, Вагнъ. Любезнѣе намъ удамнать обѣтъ твой. Все смѣльные боицы, друзья. — Вагнъ сказалъ: клянусь слѣдовать за Сигвальди и другимъ моимъ Бюемъ въ походѣ ихъ и не отступать, пока не захочетъ того Буй, если онъ останется въ живыхъ. Кромѣ того есть у меня другой обѣтъ: если я буду въ землѣ Норвежской, то убью Торкеля Лейру и лягу на ложе дочери его Ингеборги, не въ обиду друзьямъ ея. Бюригъ Британецъ былъ съ Вагномъ. Кюунгъ спросилъ: каковъ будетъ твой обѣтъ, Бюригъ? Этого отвѣчалъ, что онъ послѣдуетъ за воспитанникомъ своимъ

Вагномъ, на сколько достанетъ у него отваги. Бѣсѣда кончилась.»

На другое утро, когда хмѣль прошелъ, Сигвальди хотѣлъ отступить отъ своего обѣщанія, но было уже поздно. Въ помощь удалцамъ Гаральдъ далъ шестьдесятъ судовъ, и они пустились къ берегамъ Норвегіи. Но Гаконъ не дремалъ: онъ бодро встрѣтилъ викингговъ у утесовъ Гиорунскихъ. Не смотря на мужество Юмсбургцевъ, битва была гибельна для нихъ: поднялась сильная буря, вѣтеръ отбивалъ пушечныя стрѣлы. Сигвальди обратила корабль свой назадъ, говоря, что онъ обѣщанъ биться съ людьми, а не съ духами. За нимъ послѣдовали Торкель и Сигурдъ. Вагнъ съ семьюдесятью товарищами былъ взятъ въ плѣнъ. Слѣдуетъ разсказать саги:

«Узники были всѣ связаны большой веревкой. Торкель Лейра былъ избранъ исполнителемъ казни. Сначала къ нему подошли трехъ человѣкъ. Торкель подошелъ къ нимъ, отрубилъ имъ головы и спросилъ у бывшихъ при этомъ: не найдутъ ли вы во мнѣ какой-нибудь пережитый кусокъ этой работы? Говорятъ, что это бываетъ со всякимъ, кто убьетъ трехъ человѣкъ. — Яръ Эйрикъ (сынъ Гакона) сказалъ: «мы не видимъ глазами пережитый въ тебѣ, но намъ кажется, однако, что ты много измѣнился. — Тогда подошелъ четвертаго человѣка отъ веревки и вышелъ ему вѣнокъ въ волосы. Онъ былъ крѣпко израненъ, Торкель спросилъ: каково тебѣ умирать? — Смерть вещь хорошая. С нимъ должно случиться то, что случается съ овецъ моими. — Торкель спросилъ: что съ нимъ случилось? — Рубѣ. Онъ умеръ. — Торкель срубилъ ему голову. Подошелъ пятатаго и Торкель повторилъ вопросъ: каково ему умирать? Тотъ отвѣчалъ: я забылъ бы о законахъ Юмсбургскихъ викингговъ, еслибъ испугался смерти и молвилъ робкое слово. Умереть долженъ каждый. — Торкель срубилъ ему до смерти. Мозгъ Норвежцы рѣшкимъ и цѣтнать всѣхъ умнѣево вопросамъ. Лей хотѣлось докупать ихъ отагу — такъ, онъ смѣлы, какъ говорилъ молаа о мнѣ, не вымолвить ни робкаго слова... Рана замъ девятаго. Онъ отвѣчалъ на обѣщаніе»

вопросъ: смерть отрадна мнѣ такъ же, какъ мнѣ товарищамъ; но я не хочу умереть какъ овца; я сяду передъ тобою, а ты руби меня прямо въ лице, да замѣтай, надрогну ли я. Мы объ этомъ часто толковали. — Такъ и было сдѣлано. Онъ сѣлъ противъ Торкеля, который подошелъ и ударилъ прямо въ лице. Но онъ не надрогнулъ, только глаза закрылись, когда смерть охватила на него. Потомъ подошли подождать человѣка: у него были густыя, какъ шелкъ золотистые волосы. Торкель обратился къ нему съ обычнымъ вопросомъ своимъ. Онъ отвѣчалъ: жизнь моя была очень хороша до сихъ поръ, но вчера и нынче умерли такіе люди, что мнѣ ужъ кажется не вѣтъ чего жить. Я хочу только, чтобы меня вели на смерть не рабы, а воины не хуже тебя. — Я думаю, что такъ же на рѣдкѣ; — пусть онъ магнитъ мнѣ голову и держитъ волосы къ верку, чтобы они не намокли въ кровь. — Неделаетъ норвежскій воинъ, схватилъ волосы и обмоталъ ихъ около рукъ своихъ; когда Торкель занесъ мечъ, онъ нагнулъ голову узнику, но ударъ попалъ въ того, кто держалъ, и отсѣкъ ему обѣ руки у самыхъ локтей. — Викингъ вскопчилъ и спросилъ: чьи руки въ волосахъ моего? — Ярль Гаконъ сказалъ: намъ приключилось большое горе. Убей скорѣй этого и потомъ другихъ, которые близко стоятъ. Это люди опасные и отъ нихъ не всегда можно остережся. — Ярль Эйрихъ молвилъ: надобно прежде узнать, кто они такіе. Какъ зовутъ тебя, молодой человѣкъ? — Меня зовутъ Свейномъ. — Кто отецъ твой? — Говорятъ, что я сынъ Буа. — Сколько дѣтъ тебѣ? — Если переживу эту зиму, то мнѣ будетъ восьмидесять дѣтъ. — Ты переживешь эту зиму, сказалъ Эйрихъ и всталъ его себя. Ярль Гаконъ былъ этимъ очень-недоволенъ. Занявъ разсказалъ еще человѣка, но ноги его задувались въ перекъ, и онъ сидѣлъ неподвижно. Онъ былъ молодой, великъ и чрезъ мѣру отваженъ. Торкель сказалъ: каково тебѣ умирать? Онъ отвѣчалъ: умирать было бы хорошо, если бы я только исполнилъ обѣтъ свой. — Ярль Эйрихъ спросилъ: какъ зовутъ тебя? — Вагномъ. — Кто твой отецъ? — Анн. — Какой же вѣтъ дала ты, по совершении котораго мнѣ жарко быде бы умереть? — Я далъ вѣтъ дочь на доже Ингеборги, дочери Торкеля Лейры, не въ обиду друзьямъ въ и убилъ его самого, когда буду въ

Норвегій. — Намъ обѣта твоего ничего не выйдетъ, сказалъ Торкель, бросился на него и обѣими руками занесъ ударъ. Но Британецъ Бюрнъ далъ Вагну такой толчекъ ногою, что онъ уцѣлъ. Ударъ Торкеля прелетѣлъ мимо, онъ самъ свистнулъся и выронилъ мечъ, который перорубилъ вершку, державшую Вагна. Отецъ стоялъ на ногахъ, схватилъ мечъ и убилъ Торкеля. — Теперь обѣтъ мой выолочилъ содеяшился; мнѣ стало веселѣе на сердцѣ. — Ярль Гаконъ вскричалъ: не упускайте его, убейте его скорѣе. Но Ярль Эйрихъ молвилъ: ему такъ же слѣдуетъ жить какъ и мнѣ. Тогда сказалъ Гаконъ: намъ, кажется, не затѣмъ болѣе жить ирѣдѣ, потому-что ты все рѣшаешь одинъ. Эйрихъ отвѣчалъ: Вагнъ хорошее приобретеніе, и обѣтъ былъ бы выгодный, если бы онъ заступилъ мѣсто Торкеля Лейры. (Стр. 18-22.)

Въ этихъ немногихъ, но сильныхъ чертахъ вы читаете весь духъ викингскаго быта. Нельзя не узнать тутъ норманскихъ витазей въ каждой строкѣ, въ каждомъ словѣ. Любви здѣсь нѣтъ и слѣдовъ,—конечно, той любви, которую, по сказанію историковъ-романтиковъ, ованенованъ былъ каждый шагъ нашихъ Норманновъ; но вѣдь это не наши, а настоящіе, неиспорченные Норманны. Въ ихъ подвигахъ много поэзіи, но поэзіи дѣла, а не мечты романтической. Другой знаменитый юмбургскій вожьдъ былъ Пальметони, отличный стрѣлокъ изъ лука. По словамъ Саксона, Гарольдъ Блаамандъ подвергъ его искусство страшному испытанію; онъ заставилъ его сбить стрѣлою яблоко съ головы роднаго сына — разсказъ одинаковой исторической достоверности съ подобнымъ же разсказомъ о Вильгельмѣ Теллѣ. Примѣра юмбургцевъ былъ заразителенъ и для жителей Воинна: они скоро переняли ихъ кровавые обычаи и послѣ заступствій юмбурга продолжали сами грабить берега Балтійскаго-Моря. Последній знаменитый подвигъ викинговъ относится къ 1000 году.

А что такое Вивета, великолѣпная, прославленная Вивета, сѣверная Венеція? Откуда вдалось это громкое имя

съ его Славною исторіею? Да, чтобъ от-
вѣчать однимъ словомъ — ни откуда и
вся исторія Винеты есть басня, обра-
зовавшаяся случайнымъ образомъ...
Бартольдъ первый указалъ происхо-
жденіе басни о Винетѣ и дальнѣйшій
ходъ ея. Труды послѣдующихъ изыс-
скателей пролили на этотъ вопросъ
еще болѣе свѣта. Г. Грановскій допол-
няетъ прежнія изслѣдованія новыми
замѣчаніями и выводитъ окончатель-
ный результатъ. Эта часть его «Из-
слѣдованія» особенно-интересна, какъ
превосходный образецъ исторической
критики. На нѣсколькихъ страницахъ
налагаетъ онъ всю исторію басни и по-
томъ анализируетъ вопросъ на состав-
ныя его части. Фактъ существованія
Винеты доказывается: 1) свидѣтель-
ствомъ Гельмольда; 2) народными пре-
даніями; 3) развалинами города, о ко-
торыхъ рассказываютъ очевидцы. Но
Гельмольдъ, какъ уже сказано, пере-
писалъ почти отъ слова до слова описа-
ніе Юмны Адама-Бременскаго, и какъ
онъ, по весьма-вѣроятной ошибкѣ
(мнѣніе Лангебека), вмѣсто нераз-
бранаго имъ въ адамовой лѣтописи
имени Iumne, въ латинированной фор-
мѣ Iumeta, употребилъ «Weneta»,
то и вышелъ особенный городъ, от-
личный отъ адамовой Юмны. У позд-
нѣйшихъ лѣтописцевъ, списывающихъ
уже у Гельмольда, это имя еще болѣе
измѣнилось: такъ у лѣтописца саксон-
скаго находимъ Wemne, у Германа
Корнера—Nuneveta или Nuymeta, и т.
д. Возводя всѣ эти испорченные фор-
мы въ названія особыхъ городовъ, мы
имѣли бы послѣднихъ столько же,
сколько сдѣлали ошибокъ переписчи-
ки, которымъ приходилось писать о
Юмнѣ. Что же касается до народныхъ
преданій о Винетѣ, то они въ-самомъ-
дѣлѣ исполнены поэзіи. По словамъ
рыбаковъ волнинскихъ и узедомскихъ,
«море бережно хранитъ поглощенный
имъ городъ; въ ясные дни можно от-
личить сквозь прозрачныя волны раз-
валины величавыхъ зданій, верхи
церквей и башенъ, огромныя груды
камней, расположенныхъ правильны-

ми рядами съ запада на востокъ; ино-
гда со дна морскаго поднимаются
«странные звуки: то гудятъ колокола
«винетскіе во славу Бога и земли вен-
«ской..» Все это, безъ сомнѣнія, поэзія,
но вѣдь поэзія не исторія, и исто-
рическіе рассказы о погибшей Винетѣ
доказываютъ только ту мысль, что
такъ-называемыя народныя преданія
не всегда образуются въ народѣ, но
часто переходятъ къ нему изъ книгъ.
Наконецъ, все дѣло могли бы рѣшить
развалины Винеты, еслибъ онѣ суще-
ствовали... Но въ томъ-то и дѣло, что
послѣ довольно-тщательныхъ по-
исковъ, предпринятыхъ нѣкоторыми
любопытными нѣмецкими учеными
(Цейнеръ, Мейнгольдъ), развалины на-
какихъ не оказалось: найдены грады
подводныхъ камней. Остается подо-
ждать, не вздумаютъ ли развѣ славяно-
филы сами опуститься на дно моря и
не отыщутъ ли тамъ древнихъ винет-
скихъ лѣтописей: тогда можно будетъ
и повѣрить существованію Винеты, а
до того времени, не отрицая поэзіи
вымысла, мы тѣмъ не менѣе будемъ
считать его баснею, и поблагодаримъ
г-на Грановскаго за то, что онъ осмѣ-
тилъ намъ этотъ пунктъ славянскій
исторіи, который до-сихъ-поръ оста-
вался почти нетронутъ Славянами.
Впрочемъ, надобно надѣяться, что и
сами славянскіе историки, если они
любятъ истину (о романтикахъ, раз-
умѣется, этого сказать нельзя), не ме-
нѣ насъ будутъ благодарны г. Гранов-
скому за то, что онъ, сообразно съ со-
временнымъ состояніемъ науки, раз-
яснилъ вопросъ, котораго до-сихъ-поръ
не то, чтобъ не трогали, а просто не
замѣчали...

Мы старались только рассказать въ
немногихъ словахъ главные выводы
изслѣдованій г. Грановскаго; говорить
же о достоинствахъ его труда счита-
емъ излишнимъ. Это трудъ, право не-
маловажнѣйшій къ тѣмъ большимъ крити-
ческимъ разьясканіямъ объ исторіи
Вендскаго-Поморья, которымъ авторъ
положилъ себѣ въ основаніе и въ-
отношеніи къ которымъ его сочиненіе

не составляет послѣдній выводъ. Здѣсь дѣло состоитъ не въ объемѣ сочиненія, а въ искусствѣ ясно и отчетливо изложить залутованный вопрекъ и представить рѣшеніе его согласно съ условіями современной науки. Все это вмѣстѣ требовало отъ автора обширной эрудиціи и глубокихъ соображеній, и съ этой стороны Фрошора составляетъ также замѣчательное явленіе. Нельзя не пожалѣть объ одномъ только: «Исслѣдованіе» г. Грановскаго представляется въ нашей литературѣ чѣмъ-то отрывочнымъ: отъ основательной критики Шлёцера оно оторвано цѣлымъ полстолѣтіемъ, а съ романтическими произведеніями нашихъ доморощенныхъ историковъ у него нѣтъ ничего общаго... Нѣтъ, не въ вкусу прійдется оно нашимъ романтикамъ! исторіи, исторической критикѣ они не любятъ; имъ давайте все познано (читай: сказку): тогда, въ знакъ благодарности, они отнестъ вамъ нѣсколько великодушныхъ фразъ...

102) Векновца Библиотека Рос-
сиз или Каталогъ книгъ для изученія
нашею отечества во всемъ отношеніи и
подробности. Прибавленіе второе съ
тремя снимками. Москва. Въ тип. А.
Семена, при Императорской Медико-Хи-
рургической Академіи. 1845.

Г. Чертковъ, вѣдомый всему образо-
ванному русскому міру своею любовью
къ отечественной литературѣ и множи-
ми важными и любовитными исслѣдо-
ваніями въ области русской исторіи,
владеетъ огромною библиотекою, бо-
гатою книгами во всѣхъ отрасляхъ
просвѣщенія. Еще въ 1838 г. онъ на-
далъ каталогъ книгъ русскихъ и ино-
странныхъ, касающихся собственно
Россіи. Въ этомъ каталогѣ и въ при-
бавленіи къ нему уже было помѣщено
до семи тысячъ книгъ. И вотъ теперь
является въ свѣтъ второе прибавленіе,
въ которомъ на 568 страницахъ опи-
сано около тысячи-восемьсотъ томовъ.
Всѣ заглаживающіеся отечественною ис-
т. XXXIX. — Отд. VI.

торією будутъ безъ сомнѣнія благо-
дарны этому труду г. Черткова, по-
лезному во всѣхъ отношеніяхъ. Сочиненіе его должно служить настольною
книгою для всякаго, посвятившаго се-
бя изученію своего отечества, потому-
что оно можетъ избавить его отъ лиш-
ней работы—прискиванія книгъ, нуж-
ныхъ для его предмета. Здѣсь онъ
встрѣтитъ не одну простую номенкла-
туру книгъ, но даже замѣчанія на нихъ
самого автора каталога, хотя короткія,
но дѣльныя и вѣрныя. Правда, въ нѣ-
которыхъ изъ нихъ замѣтенъ иногда
недостатокъ точности и опредѣлен-
ности, но такихъ мѣстъ можно насчи-
тать немного. Говоря на-прям. о
статкѣ, помѣщенной въ №№ 6 и 7
журнала «Москвитянинъ», 1842 года
подъ названіемъ: «Замѣчанія объ оса-
дѣ Троицкой Лавры», г. Чертковъ
не указываетъ опредѣленно, въ ка-
комъ году того же журнала напечата-
ны были возраженія на эту статью;
кажется, такъ онъ выражается, въ
1843 г. — такихъ кажется не должно
быть тамъ, гдѣ дѣло идетъ не о мнѣніи
какомъ-нибудь, а собственно объ ука-
заніи на извѣстное сочиненіе, и въ та-
кой книгѣ, которой главная цѣль, какъ
мы сказали, облегчать механической
трудъ прискиванія. Замѣчанія автора
каталога гораздо - подробнѣе при та-
кихъ книгахъ, которыя подавали ему
поводъ высказать собственное мнѣніе
въ-отношеніи къ древнѣйшей исторіи
Славянъ. Здѣсь очень-ясно высказъ-
вается предубѣжденіе его, которое онъ
раздѣляетъ со всѣми Славянофилами
въ пользу славянства. За исключеніемъ
этихъ недостатковъ, книга г. Черткова,
повторяемъ, есть трудъ весьма-полез-
ный для всѣхъ, занимающихся изуче-
ніемъ Россіи.

103) Слова и Рѣчи Синодальнаго
Члена Филарета, Митрополита Москов-
скаго. Москва. Въ тип. А. Семена. 1844
—1845. Въ 8-ю д. л. Въ I части— 547,
во II — 559, во III — 579 стр.

Полное собраніе словъ и рѣчей зна-
менитаго духовнаго витія нашего вре-

мени есть чрезвычайно-важное явленіе отечественной литературы, какъ по достоинству богословскаго ихъ содержанія, такъ и по образцовому вложенію ораторскому, которое дается только людямъ, предвзначеннымъ къ тому природой и просвѣтившимъ себя наукою. О такихъ произведеніяхъ духовнаго краснорѣчія надобно или говорить много, или ограничиться краткимъ извѣщеніемъ ихъ содержанія. Можетъ-быть, во времена, мы сдѣлаемъ первое, но теперь удовольствуемся послѣднимъ. Слова и Рѣчи московскаго митрополита Филарета раздѣлены на *одинадцать* отдѣленій: Слова на праздники Господни, Слова на воскресные дни, Слова на богородичные дни, (I часть); Слова на дни Святыхъ, Слова при освященіи храмовъ, Слова во время губительной болѣзни (II часть), Слова на царскіе дни, Слова на разные случаи, Слова надгробныя, Бесѣды о разныхъ явленіяхъ св. Писанія и о разныхъ предметахъ ученія христіанскаго, Рѣчи (III часть). Предисловіе имѣтъ, во цѣль и побужденіе вѣтн означены словами апостола Павла въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ (гл. 9, стр. 16), взятыми въ шпиграфъ къ сочиненію: «Аще бо благовѣствую, имѣтъ ми похвалы, нужда бо ми належитъ: горе бо мнѣ есть, аще не благоувѣствую.» — Наданіе прекрасно. Надобно благодарить издателя, что онъ сдѣлалъ книгу доступною всѣмъ почти читающимъ: три большіе тома, прекрасны напечатанные, съ портретомъ (который гравированъ въ Лондонѣ), стоятъ — 4 руб. сер. Это чрезвычайно-дешево. Одновременно такіа книги и такъ наданныя продавались и продаются рублей за 30 или за 40

104) Указатель Законовъ для Сельскихъ Хозяевъ. *Санктпетербургъ. Въ тип. К. Крайа. 1845. Въ 8-ю д. л. XVI и 308 стр.*

Имя автора этой книги въ заглавіи не выставлено; но знаніе дѣла, съ которымъ она составлена, отлично-удоб-

ное расположеніе предметовъ, вѣнны практическая цѣль сочиненія, наипонецъ слога, замѣчательный по своей сжатости и отчетливости, заставляетъ насъ предположить, что оно должно изъ-подъ пера того же почтеннаго челоука, которому мы обязаны *Учебною Книгою Россійскаго Судопроизводства*, книгою о *Земельн. Актахъ*, *Пособіемъ для изученія Россійскихъ законовъ*, и проч. и прѣч. Нельзя выразить, какъ важны эти труды и для учащихся, и для практикантовъ, и для канцеляр Русскаго, объявлянаго зната законахъ своей земли. *Указатель Законовъ для сельскихъ хозяевъ*, сообразно съ своимъ названіемъ, имѣтъ цѣлю доставить всякому хозяину точныя свѣдѣнія о существующихъ постановленіяхъ относительно управленія недвижимыми имѣніями, столь разнообразными и многочисленными, предостеречь его отъ утратъ, неправильныхъ тѣлобъ, напомнить ему его обязанности, которыхъ часто неумышленное нарушеніе или неточное исполненіе могутъ имѣть для землевладѣльца очень-важныя и непріятныя послѣдствія. Весьма-желательно, чтобъ за этими замѣчательными трудомъ послѣдовали другіе подобныя руководители для всѣхъ родовъ собственности, ибо и купецъ, и мѣщанинъ, и прѣстѣнникъ, и авторъ, и художникъ, и ремесленникъ, и городской обыватель, и иногородецъ, и др. и пр.; — вслѣдствіе исполненія законовъ, свѣдѣственно знать ихъ, свѣдѣственно научиться способамъ изученія ихъ основательно, ибо въ этомъ состоитъ для начинающаго и для всякаго челоука; неуритовѣннатеи спомадельно къ юридическимъ замѣчаніямъ. Законы имѣютъ свою высшую цѣль, свою систему, которая не можетъ имѣть въ виду потребностей вѣднго челоука, его особыхъ житейскихъ обстоятельствъ, столь разнообразныхъ, столь дробныхъ; они не могутъ сводиться къ разнымъ степенямъ образованія, и потому во всѣхъ законодательствѣхъ *умѣтъ чинитъ законъ* есть особая штука и вѣдѣтъ искусство, которое дол-

жны отличать ученого и опытного юриста, и посредником, которыхъ онъ являетъ къ предлагающему частному вопросу всё относящаяся къ нему по-стоянства, хотя бы они содержались въ разныхъ отдѣлахъ законовъ. Что дѣлаетъ юристъ въ частномъ случаѣ, выходясь своимъ званіемъ и опытомъ, то облегчается читателямъ по-ределяющимъ особымъ руководствомъ въ видѣ «Учебной Книжки Россійскаго Су-дочредоведенія» и «Указателя Законовъ для Сельскихъ Хозяевъ»; ска-жемъ безъ боя: въ этихъ книгахъ и самый опытный юристъ встрѣчаетъ важное пособіе для своихъ изысканій.

Матаніе Полнаго Собранія въ Слова Законовъ, и благотворныя пособія, предлагаемыя правительствомъ для юридическаго образованія, дали новую жизнь этой отрасли науки; въ такую эпоху вѣчно новизненіе книги, облегчающаго изученіе законовъ, если эти книги составлены съ такою обдуман-ностью и основательностью, какъ на-званныя нами выше.

Авторъ «Указателя», въ своемъ предисловіи, съ благодарностью и благо-роднымъ скромностіемъ упоминаетъ о тру-дахъ Горюшкина. Конечно, имя этого юриста останется вѣчно незабвен-нымъ, какъ имя перваго дѣлателя на нашемъ юридическомъ поприщѣ; это «Судебныя Дѣйствія» — самый лучший образецъ учебныхъ практическихъ на-дѣтій, безъ которыхъ не можеть обра-зоваться дѣльный чиновникъ; но кни-га Горюшкина, между прочимъ и для сельскихъ хозяевъ, уже устарѣла, и не только вышедшія изъ-тѣхъ-поръ но-выя законодѣнія, но самое развитіе про-мышленія и сельской промышленности требуютъ книги новыхъ, и въ докон-чательномъ видѣ. воззвуть на самую «Указателя Законовъ для Сельскихъ Хозяевъ».

Эта книга раздѣляется на пять ча-стей: 1) объ узаконеніяхъ, на кото-рыхъ утверждается поселенная соб-ственность, о мѣрахъ, ограничивающъ оныя; 2) о лицахъ, подлежащихъ въ селеніяхъ; 3) о построеніи селеній,

промышленности оныхъ, торговлѣ, сель-скаго благочинія и благоустройствъ; 4) о законахъ, определяющихъ права и обязанности сельскаго управленія касательно сосѣднихъ владѣній и дру-гихъ дѣйствующихъ частныхъ отношеній; 5) объ отношеніяхъ сельскаго началь-ства къ правительству.

Изъ этого краткаго означенія можно судить, какъ важна эта книга для вся-каго помѣщика, управлѣнческаго, и на-оборотъ, для всякаго, пишущаго дѣла съ сельскими хозяевами, особенно вышше, при повсемѣстномъ размеже-ваніи земель. Къ концу приложена форма разныхъ бумагъ, сообразныхъ условіямъ всякихъ дѣлъ.

Не можемъ не пожалѣть, вѣдъ авторъ скрылъ свое имя. Кто трудится столь добросовѣстно на пользу общему, тотъ не имѣетъ права на скромности: его имя принадлежитъ всѣмъ, кто при-носитъ его съ уваженіемъ и благо-дарностью, — а такихъ людей, уи-раемъ автора, на Руси весьма-много.

105) Московская Оружейная Па-лата. Москва. Въ тип. Н. Степанова, 1844. Въ 8-ю д. л. 171 и 72 стр.

Одно изъ великодушныхъ изданій, предпринимаемыхъ нашимъ просвѣ-щеннымъ правительствомъ для обнородо-ванія тѣхъ драгоценностей, которыя находятся въ его богатыхъ хранили-щахъ.

Московская Оружейная Палата есть одно изъ важнѣйшихъ хранилищъ та-кого рода и во многихъ отношеніяхъ даже первое. Въ ней хранятся драго-цѣнныя остатки «Большой Каменъ», издрезане составленной богатѣею и главное драгоценное насѣдье великихъ князей и царей русскихъ. Здѣсь со-браниются древнія царскія регалии, ста-новья и воинскія одежды, становякъ утварь, всёвозможныя формы сосу-довъ, и пр. и пр. Число всѣхъ предме-товъ, хранящихся въ Оружейной Па-латѣ, простирается за 10,600. Въ 1835 году сдѣлана изъ подробная опись, наполняющая пять огромныхъ томовъ.

По этой описи составлено теперь г-мъ Вельтманомъ обстоятельное описание Оружейной Палаты съ обозначеніемъ всѣхъ предметовъ, хранящихся въ ней и съ литографированными изображеніями замѣчательнѣйшихъ. Для посетителей Палаты не можетъ быть лучшаго указателя; но и для тѣхъ, которые не имѣли случая видѣть ее, книга можетъ быть очень-поучительна, если не текстомъ своимъ, то изображеніями.

Описание раздѣлено на три отдѣленія. Въ первомъ отдѣленіи описываются слѣдующіе предметы: 1) древніе жюны и кресты; 2) царскія регалии и знаменія одежды; 3) государственное знамя, мечъ, щитъ, печать, и принадлежности коронацій; 4) нѣкоторыя принадлежности къ одеждѣ царскимъ и драгоценныя украшенія; 5) молниенное Уложеніе царя Алексѣя Михайловича. Во второмъ отдѣленіи—изображаются царская броня и оружіе; третье — посвящено описанію древней царской посуды (золотой, серебряной, яшмовой, перломутровой, костяной и пр.) и нѣкоторыхъ другихъ вещей. Изображенія почти-непрерывно слѣдуютъ за текстомъ и служатъ ему лучшимъ объясненіемъ.

Во введеніи къ описанію, составленномъ г. Вельтманомъ, разсказана исторія Оружейной Палаты подъ всѣми ея названіями и исторія важнѣйшихъ драгоценностей, хранящихся въ ней... Сверхъ-того, для объясненія древнихъ названій одеждъ, орудій и сосудовъ, г. Вельтманъ приложилъ къ описанію «Пояснительный Словарь предметовъ древней царской казны и Оружейной Палаты». Въ археологическомъ отношеніи послѣдній трудъ представляетъ много любопытнаго, тѣмъ больше, что истолкованія словъ подтверждены выписками изъ древнихъ описаній, выходящихъ, впрочемъ, и приходорасходныхъ книгъ.

106) О Лубочныхъ Картинахъ Русскаго Народа. Соч. И. Снегирева. Москва. Въ тип. Августа Семена,

при Императорской Медико-Хирургической Академіи. 1844.

Мы привыкли встрѣчать съ радостью всякое новое произведеніе нестопамаго пера нашего почтеннаго и просвѣщеннаго археолога. Ему такъ хорошо извѣстенъ былъ русскаго народа, что невозможно читать безъ особеннаго удовольствія эти въ высшей степени интересныя изысканія, которыя представляютъ русскаго человѣка, какъ онъ есть, съ его отличіемъ, походкою и нарѣдою. Подтвержденіемъ нашихъ словъ можетъ служить представляемое вниманію любознательной публики сочиненіе г. Снегирева о лубочныхъ картинахъ. Ничто такъ вѣрно не обрисовываетъ характеръ народа, степенъ его умственнаго и нравственнаго образованія, какъ его домашній бытъ, его удовольствія и забавы, въ которыхъ выражается во всей наготѣ природа человѣка. Въ этомъ отношеніи брошюра г. Снегирева заслуживаетъ уваженіе всѣхъ занимающихся отечественною исторіею. Умный взглядъ его на предметъ, повидному незначительный, на который прежде почти не обращали должнаго вниманія, даетъ много высклей человѣку, желающему короче познаться съ положеніемъ простаго народа. Въ предисловіи къ своему разсужденію, почтенный археологъ объясняетъ названіе лубочныхъ картинъ тѣмъ, что онѣ вырѣзывались обыкновенно на липовыхъ лубкахъ. По равнозначителю своимъ, Суудаламъ, и во своему стилю онѣ назывались также суудальскими. Картинки эти составляли достояніе не одного простаго народа, но имѣли доступъ въ палаты бояръ и даже въ царскіе чертоги. Далѣе, г. Снегиревъ глубже входитъ въ свой предметъ и рассматриваетъ его съ исторической точки. Онъ изслѣдуетъ начало и совершенствованіе графическаго искусства въ Россіи, особенно въ Москвѣ, которое, будучи обязано происхожденіемъ своимъ Нѣмцамъ, во этой самой причинѣ было извѣстно у насъ на Руси подъ именемъ *бранимака дала*; какъ

еще, переходить къ содержанию самих картин, и раздѣляетъ ихъ на религиозныя, нравственныя, символично-поэтическія и историческія. Одна изъ употребительнѣйшихъ въ народѣ картинъ религіознаго содержанія, которое обыкновенно заимствуется изъ св. писанія, или изъ отеческихъ книгъ и преданій, — Страшный Судъ, представляеть отверстое небо съ небесными воинствами, ангелами, адское пламя, стремящееся выспрь; св. Петръ апостолъ впускаетъ въ райскія врата души праведниковъ; напротивъ, къ аду приближается толпа грѣшниковъ, между которыми видны земледѣльцы, работавшіе по праздникамъ, и женщины, прельщавшія народами своими и привораживавшія къ себѣ колдовствомъ. Въ числѣ отверженцевъ находятся Литва, Русь и Кивильбаша, т. е. Персіяне. Въ аду, среди пламени мучатся грѣшники, повѣшенные то за голы, то за руки, за ноги, за ребра. Ужасное повориче дополняется большимъ змиемъ, отъ ада простирающимся до небесъ; на составѣхъ чудовища находятся равныя грѣхи, за которые души подвергаются истязаніямъ на мытарствахъ. Картина эта, ународившаяся въ Россіи, — по всему вѣроятію византійскаго изобрѣтенія, и относится къ X вѣку, когда въ Европѣ преобладала мысль о близости страшнаго суда. Нравственнаго содержанія картины представляютъ обыкновенно преимуществва добродѣтели и гибельныя слѣдствія пороковъ. Къ символично-поэтическимъ изображеніямъ относятся народныя сатиры, представляющія въ юмористическихъ картинахъ человѣческія глупости, пороки и нелѣпости. Главное мѣсто между этого рода картинами занимаетъ *Погребеніе Кота мышами и крысами*. Этотъ котъ, какъ въ описаніи называется, былъ *казанскій, уроженецъ астраханскій, имѣлъ разумъ сибирскій, а усъ суастерскій*. Сюда также принадлежатъ сказки и притчи. Въ волшебныхъ сказкахъ дѣйствуютъ вѣдѣніе и колдовство кievскихъ вѣдьмъ, Яги-бабы,

Чуда-юда, Змиевъ-Горынычей, Кикиморъ, Кощеевъ безсмертныхъ, колдуновъ. Въ историческихъ сказкахъ изображаются подвиги богатырей древняго времени: Добрыни, Алеши, Ивана Царевича и другихъ, которые ополчались на волшебниковъ и волшебницъ. Въ другихъ сказкахъ смиреніе и простота обыкновенно торжествуютъ надъ умомъ, слабость надъ силою, безобразіе надъ красотою. Дѣйствующія лица — два брата умные, а третій дуракъ, смиренный мужъ и драчливая жена. По происхожденію своему, наши сказки — или отечественныя, или заимствованныя у восточныхъ и западныхъ народовъ. Наконецъ, картины историческаго и географическаго содержанія изображаютъ какое-нибудь происшествіе, взятое изъ исторіи, и скрашенное вымыслами народной фантазіи, или какую-либо мѣстность, снятую съ народной точки зрѣнія. Мѣстомъ продажи этихъ картинъ первоначально былъ Овощный-Рядъ; но въ послѣдствіи онѣ продаваемы были въ Москвѣ на Никольскомъ, Ильинскомъ и Варварскомъ-Перекресткахъ, у Спасскаго-Моста, гдѣ изстари собирались нищія, слѣпые расколисты воспѣвать *Лазаря убоаго и богатаго, Алексѣя Божія-человѣка*; потомъ служили пристанищемъ для лубочныхъ листовъ ограды Каванскаго Собора и церкви Троицы-на-Листахъ у Сухаревои-Башни; нынче онѣ также продаются въ Охотномъ-Ряду, разносятся на щипкахъ по улицамъ московскимъ и развозятся торговцами по всей Россіи. Лубочныя картины до-сихъ-поръ носятъ на себѣ отпечатокъ первобытной грубости и уродливости формъ. Главный характеръ ихъ — неподвижность и непроницаемость, недопускающая никакого усовершенствованія — эта отличительная черта въ жизни нашего простаго народа. Г. Снегиревъ считаетъ, кажется, это качество важнымъ достоинствомъ русскаго народа и видитъ въ немъ какую-то самостоятельность. Признаемся, касательно этого пункта мы несогласны съ нашимъ почтен-

нымъ археологомъ. Если главный, необходимый законъ для человечества есть постоянное развитіе и совершенствованіе [въ своихъ стремленіяхъ, то безъ сомнѣнія этому закону долженъ подлежать и тотъ классъ общества, который мы называемъ высшимъ, и онъ наравнѣ съ другими братьями своими—человѣками, долженъ также возвышаться въ своихъ мысляхъ, чувствованіяхъ и образѣ жизни. Пусть народъ остается неизмѣннымъ въ своемъ коренномъ духѣ, составляющемъ его необходимое отличіе отъ другихъ народовъ, но во высшихъ условіяхъ своего быта онъ долженъ непремѣнно покориться всеобщему закону прогресса. Странно требовать, чтобъ мы любовались теперь тѣмъ же самымъ, чѣмъ услаждали наши предки. Другія времена, другіе нравы! Законъ перерожденія, на которомъ г. Снегиревъ основалъ свое мнѣніе, остается неизмѣннымъ только въ отношеніи къ жизни физической, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приложенъ къ духовной, нравственной сторонѣ чловѣка, по которой онъ стоитъ выше безсознательной природы, всегда одинаковымъ шагомъ совершающей свое теченіе.

107) Известія о Первоначальныхъ Московскихъ и Петербургскихъ Ведомостяхъ, изданныхъ при Петрѣ Великомъ. Изданіе второе. Санктпетербургъ. Въ тип. Крайа. 1845. Въ 12-ю д. л. 13 стр.

До 1844 года нумеръ *Ведомостей*, изданный въ Петербургѣ 10-го июня 1711 года, былъ самымъ старѣйшимъ изъ всѣхъ, тогда извѣстныхъ. Онъ находится въ Императорской Публичной Библиотецѣ, въ Петербургѣ. Но въ декабрѣ 1844 года, авторъ этой брошюры имѣлъ, какъ онъ говоритъ, библиографическое наслажденіе отыскать въ Москвѣ въ Синодальной Библиотецѣ неизвѣстный до-сихъ-поръ въ библиографіи нумеръ *Петербургскихъ Ведомостей*, который старѣе упомянутого выше, а именно отъ 11-го мая 1711 года.

Цѣль брошюры, заглавіе которой мы выписали, есть довести это до свѣдѣнія публики вообще и библиофиловъ въ особенности. Такимъ образомъ, этотъ найденный въ 1844 году нумеръ отъ 11го мая 1711 года есть первый, донынѣ извѣстный, нумеръ *Петербургскихъ Ведомостей*; онъ состоитъ изъ трехъ страницъ гражданской печати, въ 12-ю долю листа. Какъ библиографическую рѣдкость, авторъ брошюры перенесъ въ его страница-въ-страницу, строка-въ-строку, съ точнымъ соблюденіемъ тогдашняго правописанія и въ такомъ форматѣ, въ какомъ онъ былъ издавъ 134 года тому назадъ.

108) Московскій Кремль въ натурѣ, или модель Кремля. Вырѣзанныя бумажныя изображенія соборовъ, церквей, зданій и всѣхъ достопримѣчательностей Кремля, разставленныя по приложенному плану; съ присоединеніемъ къ книжкѣ, въ которой находится описаніе сихъ изображеній, изданіе Дмитрія И. Трегубова. Москва. Въ тип. Николая Степанова. 1845.

Книжечка, написанная довольно умно, дѣльно, коротко, простымъ и яснымъ слогомъ, понятнымъ для каждаго, безъ всякихъ вычуръ и пустыхъ, лишннихъ разглагольствій. Прежде, нежели вы вступаете въ теперешній Кремль, средоточіе Москвы, изъ котораго, какъ изъ зерна, развилась вся послѣдующая жизнь русскаго народа, авторъ этой брошюры, извѣстный уже по своей литературной дѣятельности, г. Ванеико, знакомитъ васъ нѣсколькими словами съ предшествующею исторіею нашего отечества, изображаетъ его возникновеніе, различные перевороты, которые оно испытывало въ продолженіе своего пути къ настоящему величію, развитіе его гражданской и умственной жизни. Запасшись этими необходимыми свѣдѣніями, безъ которыхыхъ путешествіе по Кремлю было бы совершенно-безполезно для вашего ума и бесплодно для сердца, смѣло входите въ его каменную ограду, и

сохраняйте памятники его минувшей славы. Г. Ваненко будет служить вамъ вѣрнымъ руководителемъ. Онъ не оставитъ вамъ, съ какою точки русской чести, долженъ смотрѣть на памятники своей жизни, — на эти соборы, церкви, зданія, словомъ на всѣ достопримечательности московскаго края.

109) Атласъ Оперативной Хирургіи, составленный Леемъ. Дополненіе къ Энциклопедическому Медицинскому Лексикону. Санктпетербургъ. Въ тип. для печат. Мед. Энци. Лексикона. Въ 8-ю д. л. 20 стр. съ 45 рисунками.

Имя г. Лей давно извѣстно нашимъ врачамъ съ выгодной стороны. Мы обязаны ему переводомъ хирургіи извѣстнаго германскаго ученаго Хеллуса; еще болѣе мы обязаны его неутомимой дѣятельности за изданіе «Медицинскаго Энциклопедическаго Лексикона»; котораго въ короткое время окончено уже третій томъ, и должно сказать, чѣмъ даже идетъ это изданіе, тѣмъ оно становится полезна и лучше. Трудясь надъ своимъ «Лексикономъ», г. Лей давно уже чувствовалъ необходимость хорошихъ рисунковъ, которые могли бы служить для объясненія и пополненія предметовъ чисто-практическихъ, входящихъ въ составъ «Лексикона»; поэтому онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изданныхъ имъ книжекъ «Лексикона» и помѣстилъ уже нѣсколько рисунковъ, относящихся до хирургической анатоміи и акушерства. Рисунки эти ввѣты имъ изъ лучшихъ авторовъ и отдѣланы искусно художникомъ Рикманомъ. Хотя этими рисунками «Лексиконъ» уже выигрываетъ многое, но ему еще къ совершенной полнотѣ не доставало рисунковъ для весьма-важной части медицины, — для оперативной хирургіи. Мы очень-знаемъ, что по однимъ рисункамъ нѣтъ возможности хорошо изучить производства операций: для этого, кромѣ теоретическихъ, анатомическихъ и хирургическихъ познаній, нужны свѣдѣ-

нія практическія, нужны практическій навыкъ, получаемый упражненіемъ въ операціяхъ и даже на живыхъ животныхъ, для приобрѣтенія той смѣлости, того хладнокровія, тѣхъ познаній и того искусства, которыя требуются отъ всякаго истиннаго хирурга. Но если по однимъ изображеніямъ нельзя изучить оперативную хирургію, изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, чтобы эти изображенія были уже бесполезны; напротивъ, изображенія эти всегда много облегчаютъ практическое изученіе операцій. Вѣрный рисунокъ вѣченъ: измѣненіе медицинскихъ ученій на него не дѣйствуетъ; онъ немедленно воспроизводитъ тотъ же образъ; напоминаетъ одному, научаетъ другаго, освобождаетъ отъ безполезнаго и скучнаго чтенія, проясняетъ въ умѣ идею о предметѣ, которая, если востановится во время, можетъ быть воспроизведена однимъ возвращеніемъ.

Теперь г. Лей выдалъ первый выпускъ своего «Атласа Оперативной Хирургіи». При изданіи этого «Атласа» онъ руководствовался лучшимъ въ послѣднее время по этой части сочиненіемъ французскаго ученаго Бурже-ра, которое недавно Парижскою Академіею Наукъ удостоено полною монтионовскою преміею. На первыхъ трехъ рисункахъ «Атласа» показано методическое употребленіе рѣзущихъ инструментовъ: ножа и ножницъ; послѣ сего, на слѣдующихъ трехъ рисункахъ, изображены инструменты, употребляемые при ампутаціяхъ и резекціяхъ и общіе оперативные маневры этихъ двухъ родовъ операцій; за симъ на остальныхъ 89 рисункахъ показаны всѣ ампутаціи и резекціи, сперва нижнихъ, а потомъ верхнихъ конечностей; въ концѣ «Атласа» показаны резекціи верхней и нижней челюстей. Весь «Атласъ» содержитъ въ себѣ болѣе 200 изображеній. Въ текстѣ, приложенномъ при «Атласѣ», хорошо объяснено каждое изображеніе.

Рисунки «Атласа» отдѣланы прекрасно, и мы можемъ, нисколько не преувеличивая, сказать объ этой книгѣ:

что подобнаго изданія по части иконографіи оперативной хирургіи у насъ еще не было, и что такое изданіе доставило бы честь издателю и за границу.

110) Краткія Коммерческія Свѣдѣнія, составленныя П. И. Кошаратьевымъ, надворнымъ советникомъ, преподавателемъ бухгалтеріи въ коммерческихъ заведеніяхъ въ Москвѣ. Изданы на счетъ московскаго купеческаго общества, для преподаванія въ Московскомъ Мещанскомъ Училищѣ. Москва. Въ тип. А. Семена. 1845. Въ 8-ю д. л. 71 стр.

• Краткія Коммерческія Свѣдѣнія изложены авторомъ не въ общемъ ихъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ тѣхъ познаній вообще, которыя могутъ быть полезны купцу, и которыя, слѣдовательно, могутъ относиться къ равнымъ наукамъ, имѣющимъ большее или меньшее отношеніе къ торговлѣ, но въ собственномъ или тѣсномъ ихъ смыслѣ, куда относятся: 1) общія свѣдѣнія о производствѣ товаровъ, 2) бухгалтерія и 3) товаровѣдѣніе. Изложеніе автора ясно и опредѣлительно.

111) Рѣшенія Геометрическихъ Вопросовъ гевристическимъ способомъ. Старшаго учителя Первой Московской Гимназіи, Н. Соколова. Тетрадь вторая. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 55 стр.

При первой тетради Рѣшеній мы высказали о нихъ свое мнѣніе, которое теперь должны повторить вкратчѣ. Гевристическій способъ, при всей своей важности и необходимости, не новость: мы вооружались не противъ него, а противъ тѣхъ, которые присваиваютъ себѣ славу его изобрѣтенія. Всѣ хорошіе преподаватели математики (о дурныхъ вѣчею и говорить) пользовались имъ, пользуются и будутъ пользоваться, какое бы математическое сочиненіе ни избрали они въ руководство: евклидовы ли начала, курсъ ли Франкёра, или что-нибудь другое. Но сочи-

ненія математическія, которыя, съ одной стороны, имѣютъ условія, отличныя, отъ обязанностей преподаванія, а съ другой предоставляютъ много личному благоусмотрѣнію преподавателя, могутъ излагаться не гевристическимъ способомъ и быть однакожъ очень хорошими сочиненіями. Что же касается до тетрадей г. Соколова, то, разумѣется, онѣ полезны учащимся, какъ подробное указаніе естественнаго и послѣдовательнаго пути, которому должно слѣдовать при рѣшеніи геометрическихъ вопросовъ.

112) Овщія и Частная Технологія, составленная профессоромъ Поппе. Переведено (а?) съ нѣмецкаго. Въ двухъ частяхъ. Съ чертежами. Санктпетербургъ. Въ тип. Экспед. Заготовл. Госуд. Бумагъ. 1844. Въ 8-ю д. л. 454 стр.

• Вторая часть книги, которой первая часть издана мѣсяца четыре назадъ и о которой мы отдали уже отчетъ въ декабрьской книжкѣ нашего журнала въ прошломъ году (т. XXXVII, Библ. Хр., стр. 71). Вторая часть достоинствомъ своимъ совершенно-сходна съ первою: и сочиненіе и переводъ очень хороши.

113) Наблюденія и Замѣчанія о некоторыхъ важнѣйшихъ болѣзняхъ дѣтскаго возраста и ихъ леченіи, составленныя А. Кроненбергомъ, докторомъ медицины, директоромъ и главнымъ докторомъ Дѣтской Больницы, членомъ ученыхъ обществъ: парижскаго, вѣнскаго, берлинскаго, неапольскаго и московскаго. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 65 стр.

Умно-написанная брошюра, въ которой изложены наблюденія надъ нѣкоторыми болѣзнями дѣтей, какъ лечеными въ самой Московской Дѣтской Больницѣ, такъ и принесенными въ все для совѣта въ 1843 году. Желать должно, чтобъ всѣ врачи, заведывающіе больницами, сообщали медицинскій публикѣ плоды своей опытности: тогда

науки обогатились бы многими фактами, которые теперь, может-быть, известны одному или некоторым врачам. На первый раз, г. Кроненберг излагает подробно воспаление легких, ограничиваясь краткими замечаниями об особенностях и случаях, встретившихся в других болезнях, как-то: бугорчатой чахотки, органических болезнях сердца, воспалении брюшных органов, острых сыпях, и проч.; замечания о других болезнях предоставляет онъ себя изложить в-последствіи.

114) Библиотека для Воспитанія. Отдѣленіе второе. Часть I. Годъ второй. Изданіе А. Семена. Москва. Вѣтн. А. Семена. 1845. Вѣ 12-ю д. л. 165 стр.

Первая часть второго отдѣленія, назначеннаго для воспитателей, содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: «О воспитаніи въ начальномъ обученіи родному языку», Э. Буслаева; «Объ изученіи новыхъ языковъ», проф. П. Рѣдинна; «Объ образованіи посредствомъ школьнаго ученія», доктора А. Северина. Всѣ онѣ такъ замѣчательны, что мы считаемъ обязанностью отчетливо познакомить съ ихъ содержаніемъ нашихъ читателей.

Первое мѣсто принадлежитъ разсужденію г. Буслаева, автору весьма-полезнаго сочиненія: *О преподаваніи отечественнаго языка*, о которомъ мы, въ слѣдующей книжкѣ нашего журнала, дадимъ полный отчетъ. Первоначальное ученіе отличается отъ слѣдующихъ тѣмъ, что непосредственно соединяется съ воспитаніемъ, и изъ него исходитъ: вотъ основная мысль разсужденія. Какимъ же образомъ соединить воспитаніе съ начальнымъ обученіемъ родному языку? Рѣшеніе этого вопроса и составляетъ содержаніе статьи, которая раздѣлена на двѣ части: отрицательную и положительную. Первая, анализируя известные способы преподаванія отечественнаго языка, не находитъ въ нихъ желаемаго соединенія; вторая указываетъ на истинную

методу, слѣдуя которой мы и учить и воспитываемъ въ то же время.

Два способа обученія родному языку: латинско-школярный и наглядный, господствуютъ у насъ даже и нынѣ, въ большей или меньшей степени, смотря по градусамъ долготы и широты. Руководствуясь первымъ, латинско-школярнымъ способомъ, проходить отечественный языкъ по старинной методѣ латинской грамматики, т. е. учить Русскихъ русскому языку, какъ языку чуждому, неизвѣстному. Ясно, что такое обученіе ограничивается только преподаваніемъ, нисколько не касаясь воспитанія. Руководствуясь нагляднымъ способомъ, учителя занимаются умственными упражненіями, или, какъ они говорятъ сами, *развиваютъ умственные способности дѣтей*. Учитель превратился въ дядьку: вмѣсто належаей и предлоговъ, сталъ объяснять дѣтямъ, что такое корыто, отъ-чего бываетъ на дворѣ грязно, и почему надобно ежедневно умываться и молиться Богу. Такимъ образомъ, обученіе отечественному языку перешло въ воспитаніе, отбросивъ всякое учебное занятіе. Обѣ эти крайности, и латинско-школярная и наглядная, хотя и доставляютъ учащемуся вѣчто полезное, однако, по своей исключительности, неизбежно ведутъ къ пустому препровожденію времени, ибо для дитяти столько же извѣстно, что на вопросъ кому? говорится: Богу,—какъ и то, что поутру надобно умываться. Латинско-школярныя грамматики вредны тѣмъ, что всякое живое впечатлѣніе покрываютъ отвлеченнымъ названіемъ; сквозь грамматическіе терминны, дѣти не видятъ въ языкѣ ни природы, ни жизни. Метода умственныхъ упражненій бесполезна тѣмъ, что не сближаетъ учащихся съ дѣйствительностью, хотя и думаетъ сблизить: ибо дѣтямъ случно говорить о томъ, что они ясно видятъ и понимаютъ съ младенческихъ лѣтъ. Есть многое въ жизни, что разумѣется уже само-по-себѣ, чему никто не учится систематически, и что всякій узнаетъ вмѣстѣ съ жизнью: подво-

дуть же все это под систему, значить думать только о системѣ, а не о предметѣ, и, стало-быть, учить этому—значить развивать умъ только въ формальномъ отношеніи, и не давать никакого существеннаго содержанія для мышленія. Итакъ, пустой формализмъ безъ внутренняго живаго содержанія составляетъ существенный характеръ объективнаго метода; по-видимому противоположныхъ.

Какой же методъ слѣдовать въ преподаваніи роднаго языка? Первоначальное обученіе родному языку должно быть не грамматическое, а реальное и логическое, постоянно соединяемое съ чтеніемъ и разказомъ; т. е. учитель объясняетъ въ началѣ не частныя рѣчи и флексіи, а значеніе отдельныхъ словъ и предложеній, при чтеніи встрѣчающихся. Такимъ образомъ, свитаксисъ даетъ первоначальное логическое образованіе; этимологія же, ограничивающаяся объясненіемъ происхожденія словъ, предлагаетъ живую энциклопедію всѣхъ понятій народа (образованіе реальное). Начальный свитаксисъ объясняетъ формулы мышленія, общія всѣмъ народамъ: это логика общія. Слова же составляютъ въ слѣдствіе частнаго воззрѣнія того или другаго народа на предметъ: стало-быть, въ составленіе ихъ входятъ и нравы, и обычаи, и религіозныя повѣрья, и вся природа отчизны. Итакъ, въ формѣ общаго отношенія мысли (словосочиненіе) родной языкъ знакомитъ со всѣмъ бытомъ своего народа (словопроизводство, словарь). Дитя уже имѣетъ богатый запасъ роднаго языка, который есть данное отъ природы, а не приобретенное наукою. Приводя этотъ запасъ къ сознанию, дитя воспитывается въ немъ; ибо воспитаніе, подобно питанію, не создаетъ новаго, а только непрерыванно пищу поддерживаетъ воспитывающагося. Родной языкъ и отличается отъ прочихъ предметовъ обученія этимъ воспитывающимъ характеромъ. Преподаватели роднаго языка должны отличать внѣшніе, при-

емы, воспитывающіе нравъ, отъ воспитывающей силы, въ самой сущности языка заключающейся. Тамъ, напримеръ, въ опредѣленіи нравственныхъ понятій, дитя воспитывается не случайнымъ приемомъ, по самымъ языкомъ, когда учитель говоритъ, что правда выше истины, ибо отъ нея происходятъ праведники; что блаженное выше счастья, ибо блаженъ только тотъ, кто блажен; что твѣра содержитъ въ себѣ не только истину, но и любовь, ибо вѣрный рабъ не только не обманывается, но и любитъ своего господина; что любовь влечетъ къ добру, ибо отъ милыи (милость—любовь) происходитъ милостыня; и т. п. Вотъ примѣры воспитывающаго приема: сила отрицанія находится въ частицѣ *не*, которая называется нарѣчимъ отрицательнымъ. Это небольшое слово такъ важно, что прибавивъ или убавивъ его, весьма часто, вмѣсто правды, скажешь ложь. Наприм., Богъ всемогущъ—великая правда; а еслибъ мы сказали: Богъ *не* всемогущъ, то это было бы не только великая ложь, но и великій грѣхъ: видите, что ложь и неправда всегда ведутъ къ грѣху? Въ заключеніи статьи своей, авторъ вѣрно, хотя и рѣзко отзываясь о нашихъ грамматикахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, сокращенныя, къ счастью издателя и къ несчастію дѣтей, достигли десятаго изданія:

«Правильное употребленіе роднаго языка есть не положительная, а отрицательная сторона обученія: и гдѣ-то эта послѣдняя занимаетъ мѣсто во всѣхъ существующихъ теперь руководствахъ. Наши грамматикѣ русскаго языка можно назвать уголовнымъ сводомъ законовъ, полицейскимъ исчисленіемъ правилъ, за неисполненіе коихъ виновный подвергается наказанію. Но не наказаніе воспитываетъ и не строгое правило ведетъ къ сознательному дѣйствию, а постоянное обращеніе къ законамъ дѣйствозданія, постоянное примѣръ и постоянное упражненіе. Слѣдственно, чтеніемъ и цѣлымъ содержаниемъ заслоняются такія учебники. Какъ ошибки на родномъ языкѣ составляютъ исключеніе въ рѣчи дитяти, такъ и эти грамматикѣ терпимы, какъ исключенія.»

Преподаватели языка отечественнаго искренно благодарят г. Буслаева за то, что онъ своими указаниями выводитъ ихъ изъ обыкновенной колеи. Его возвращеніе на языкъ отлично отъ старыхъ, укоренившихся понатій и, для важности своей, заслуживаетъ поспешнаго вниманія.

Другая статья: «Объ изученіи новыхъ языковъ» принадлежитъ П. Г. Рѣдквину. Это — изложение основныхъ мыслей сочиненія доктора Магера, профессора французскаго языка и литературы, въ одномъ изъ высшихъ швейцарскихъ учебныхъ заведеній. Чтобы видѣть, какъ теперь смотрятъ на преподаваніе языка и чего требуютъ отъ преподавателя, стоитъ только прочесть краткую программу, которую Магеръ примѣняетъ къ французскому языку:

«Изученіе языка должно быть слѣдующее:

А) Въ отношеніи теоретическаго образованія:

АА) Въ отношеніи филологическаго (любовательскаго) направленія:

І. Въ собственномъ смыслѣ изученіе языка и литературы, а именно:

1) Языка:

а) Грамматики,

б) Орматики (изученіе словъ),

с) Техники (искусство писать и говорить на данномъ языкѣ);

2) Литературы:

а) Ея содержанія,

б) Ея формы, а именно:

аа) Исторіи.

бб) Теоріи (поэзіи и прозы).

сс) Критики.

ІІ. Изученіе историческое, т. е. изученіе исторіи самого народа, какъ посредствомъ чтенія его литературныхъ произведеній, такъ и посредствомъ изученія языка.

ІІІ. Все прочее реальное обученіе. Если преподаватель сумеетъ выбрать хорошую книгу для чтенія, то ученикъ можетъ отъ нея извлечь также множество различныхъ полезностей свѣдѣній, естественныхъ и нравственныхъ.

ІІІІ) Въ отношеніи философскаго направленія; изученіемъ языка должно развиваться искусство мышленія.

Б) Въ отношеніи филологическаго направленія. Чтеніе образцовыхъ произведеній и соединенныя съ нимъ стилическія, изустныя и письменныя, упражненія научать искусству выразить свои мысли и знанія.

В) Въ отношеніи практическаго образованія. Чтеніе такъ должно быть выбрано, чтобы чувства и воля, вообще характеръ развили и образовались согласно съ высочайшимъ истиннымъ предначинаніемъ человѣческой дѣятельности.

Третья и послѣдняя статья — доктора А. Северица: «Замѣчанія объ умственномъ и нравственномъ образованіи посредствомъ школьнаго ученія». Авторъ, преподаватель педагогика и дидактики при Императорскомъ Воспитательномъ Домѣ, разсматриваетъ сначала общую точку зрѣнія, съ которой должно быть разсматриваемо всякое ученіе. Эта точка зрѣнія состоитъ въ возбужденіи интереса къ какому-либо предмету. Потомъ излагаются предметы, къ которымъ интересъ долженъ быть возбужденъ учащимъ, и средства возбуждать интересъ къ ученію; далѣе говорится о развитіи нравственныхъ силъ и объ образованіи нравственнаго характера посредствомъ ученія; наконецъ опраделываются награды и наказанія. Статья написана съ большимъ знаніемъ дѣла, приобретеннымъ какъ чрезъ знакомство съ источниками, такъ и чрезъ собственную опытность. Многія страницы проиницаны любовью къ предмету, которую сообщаетъ только убѣжденію. Вотъ, наприимѣръ, что говоритъ онъ объ основаніи истиннаго ученія:

«Стремленіе къ дѣятельности врожденно человеку; но онъ до тѣхъ поръ находится въ усыпленіи, пока духъ его не возбудится участіемъ къ какому-либо предмету, пока онъ не захочетъ его себѣ усвоить. Такое участіе и вмѣстѣ стремленіе къ какому-либо предмету называютъ обыкновенно интересомъ. Это та же воля, но еще неопредѣлившаяся. Воля направляетъ человѣка къ цѣли, но его не развиваетъ; напротивъ того, интересъ возбуждаетъ всѣ его силы къ тому, въ чемъ

онъ принимаетъ живое участіе. Представь-те себѣ человѣка, который съ жаромъ обнимаетъ искусство и науку, и чувству-етъ въ себѣ силу дѣятельно содѣйствовать благу своихъ согражданъ: можетъ ли въ такомъ человѣкѣ сила его духа погру-зиться когда-нибудь въ дремоту. или да-же замереть? Чтѣ именно составляетъ предметъ жизненной человѣческой дѣ-тельности, это остается ребенку неиздѣл-нымъ до тѣхъ поръ, пока не наведетъ его на то ученіе; пока оно не представитъ для его дѣятельности такой среды, гдѣ онъ можетъ испытать свои силы. Чѣмъ обширнѣе эта среда, тѣмъ всестороннѣе развитіе дремлющихъ силъ, если только преподавателю удастся возбудить въ немъ участіе къ предметамъ изученія; въ про-тивномъ случаѣ изучаемый предметъ все-гда останется для ребенка чѣмъ-то инѣи-мымъ и чуждымъ, и дитя никогда не приметъ его съ любовью.»

115) Собраніе Рецептовъ употре-бительныхъ при пользованіи боль-ныхъ лошадей, или Ручной Конскій Ле-чебникъ, составленный О. Пашкевичемъ, Придворнымъ Ею Императорскую Вы-сочества Государя Наслѣдника Цесаре-вича Ветеринарнымъ Лекаремъ и Чле-номъ Императорскаго Вольнаго Эконо-мическаго Общества. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1845. Въ 12-ю д. л. XI и 184 стр.

Опытный ветеринарный врачъ, г. Пашкевичъ, предлагаетъ теперь пу-бликѣ плоды своей омытности въ видѣ рецептовъ для пользованія лошадей, и мы не сомнѣваемся, что эти рецепты будутъ весьма полезны тѣмъ, кто за-хочетъ употребить ихъ въ дѣло.

116) Правда Стихосложенія. Второе изданіе, исправленное и до-полненное. Санктпетербургъ. Въ тип. А. Сычева. 1845. Въ 8-ю д. л. 103 стр.

Сочинитель этой книжки—г. Пенни-скій, изобрѣтатель въ Россіи славян-ской грамматики! Книжка, если хоти-те, полезная, хотя и сильно пахнетъ старинною. Особенною древностію, ис-

тинно-славянскою, отзываются стихи, приводимые сочинителемъ въ прикѣ-ры разныхъ родовъ стихосложенія:

Парей и парствъ земныхъ ограда,
Возлюбленная твѣтина,
Блаженство селъ, градогъ ограда,
Сколь ты полезна и красна! и пр.

Уже со тьмою пощк
Простерлась твѣтина,
Выходитъ изъ-за роши
Печальная луна.

Но всего лучше ямбическіе одво-стопные стихи г. Б. Ф(Ѳ)адорова:

Гудить,
Жужжить
Волчокъ:
Скокъ, скокъ!
Крутятся,
Вертятся,
Шумить,
Служить:
Шелкъ, шелкъ!
И въ бокъ
Летить,
Летить.

Такъ здѣсь
Ншой,
Хвалясь
Собой,
И въ сабъ
Пустякъ
Шумить,
Громить:
Пускай!
Ступай!
А тамъ
И самъ
Замолкъ —
Волчокъ.

И поэтически и наставительно! Вотъ какъ надо писать стихи!

117) Руководство къ познанію Средней Исторіи для среднихъ учеб-ныхъ заведеній. Сочиненное С. Самар-довымъ, адъюнктомъ-профессоромъ Импе-раторскаго Александровскаго Лицея. Пе-даніе третье, исправленное. Санкт-петербургъ. 1845. Въ тип. военно-уче-бныхъ заведеній. Въ 8-ю д. л. 340 стр. и XI хронологическихъ таблицъ.

Сокращеніе и безъ того очень-краткой «Древней и Средней Исторіи» г. Смарагова. Не знаемъ, для чего издаются подобныя сокращенія.

118) *Краткая Выписка необходимыхъ грамматическихъ правилъ для изученія немецкаго языка по методу Г. Гейнциса, составленная докторомъ Ф. фонъ - Мюллеромъ. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. К. Крайя. Въ 8-ю д. л. 76 стр.*

Заглавіе вѣрно высказываетъ содержаніе книги. Подобныя краткіе своды грамматическихъ правилъ дѣйствительно очень-полезны для начинающихъ учиться языку. Еще полезнѣе такія краткія выписки, если онѣ приведены въ одну таблицу, и особенно для тѣхъ, которые, уже привыкнуши къ грамматическимъ формамъ вообще, безъ помощи учителя хотятъ узнать языкъ. Такія таблицы въ тысячу разъ полезнѣе всякихъ пространныхъ самоучителей, какъ на-примѣръ слѣдующій:

119) *Самоучительъ Нѣмецкаго Языка, или руководство научиться, безъ помощи учителя, читать, писать и говорить по немецки. Санктпетербургъ. Въ тип. Экспеди. Заготовл. Госуд. Бумагъ. 1845. Въ 8-ю д. л. 216 стр.*

Тутъ есть все: азбука, грамматика, синтаксисъ, собраніе употребительнѣйшихъ словъ (такъ, какихъ попало, даже не въ азбучномъ порядкѣ), разговоры, наконечъ письма, афоризмы. Какъ это все слѣжено, даещъ собой *ди форсезунгъ* (Vorsehung), какъ выражается русскими буквами авторъ. — Сверхъ этого «Самоучителя», вотъ еще:

120) *Самоучительъ Нѣмецкаго Языка, составленный по методу г. Азимилова. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 148 стр.*

«Убѣжденіе въ пользѣ употребленія методовъ г. Язвинскаго при изученіи

языковъ» сказаво во введеніи къ «Самоучителю»: «побудило меня (автора) составить эту книгу. Примѣромъ для составленія служило сочиненіе само-го г. Язвинскаго: Самоучитель Французскаго Языка.»

Не имѣемъ никакого права сомнѣваться въ искренности словъ автора, когда онъ говоритъ, что имѣеть убѣжденіе въ пользѣ методы, по которой составленъ и его самоучитель; но можемъ думать, что такое убѣжденіе не совсѣмъ-справедливо. Метода г. Язвинскаго для изученія хронологіи, и еще же—для изученія языковъ, есть одна и та же метода механическая; она очень-хорошо прилагается къ изученію хронологіи, гдѣ памяти только и можно помочь истинически, потому-что нельзя же считать въ годахъ, или лучше въ годовыхъ цифрахъ, какого-нибудь разумнаго смысла. Но трудно понять, какъ та же чисто-механическая метода можетъ помочь при изученіи языковъ. Видь это, говоря собственно, не метода, а машина... Если и можно сколько-нибудь выиграть посредствомъ тѣхъ приемовъ, которые вы будете дѣлать съ ея помощію, то сколько надобно тратить по пустякамъ времени, чтобъ каждый разъ приводить въ движеніе эту машинку! потому-что, какъ и воъ машинки такого рода, она также заводится... Съ свойствомъ изучаемаго предмета метода-машинка не имѣеть, да и не можетъ имѣть, никакой естественней связи: по произволу вы прилагаете ее ко всему, къ чему только найдете пригоднымъ. Такъ поступилъ и авторъ «Самоучителя»: онъ приложилъ ее къ изученію нѣмецкаго языка: это значитъ—написалъ, какъ и есть, грамматику нѣмецкаго языка, раздѣленную на главы, и къ каждой главѣ приложилъ по страницѣ *кляточекъ*, или по экземпляру одной и той же машинки, ибо эта машинка имѣеть видъ квадратныхъ *кляточекъ* съ извѣстнымъ числомъ перегородочекъ... Читатели могутъ судить по этому, какія удобства представляетъ изучающимъ нѣмецкій языкъ—новый «Самоучитель».

121) Французскій Учитель или Руководство для перевода съ русскаго на французскій, въ пользу российскаго юношества изданное братьями Куртеверъ: Шестое изданіе, исправленное. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. Въ I-й части 154, во II-й — 75 стр.

Эта книга принесла, действительно, довольно пользы учащемуся юношеству. Въ ней многія правила французскаго языка изложены параллельно съ обыкомъ отечественнымъ, что много облегчаетъ преподаваніе иностраннаго языка.

122) Пожеданія Подлинныя. 1845. Въ французской типографіи. Въ 32-ю д. л. 104 стр.

Премиленькая дѣтская книжка! грамотно написана, или, вѣрнѣе сказать, переведена, текстъ забавенъ и уменъ, полиטיפажъ прекрасенъ, изданіе вообще необыкновенно-красиво.

123) Арифметика, служащая къ легчайшему обученію малолѣтняго юношества, въ двухъ частяхъ. Вновь рассмотрѣнная и исправленная коллежскими вассесорами Петромъ Куминскимъ. Изданіе пятнадцатое безъ перемѣны. Москва. Въ тип. А. Еврейнова. 1845. Въ 12-ю д. л. 166 стр.

124) Народный Русскій Песенникъ, собранный В. Т. Изданіе третье. Москва. Въ тип. скоропечатанія (?) В. Кирилова. 1845. Въ 16-ю д. л. 77 стр.

Объ эти книги, при всемъ различіи ихъ содержанія, имѣютъ между собою разительное сходство въ томъ, какъ излагается содержаніе; другими словами: внутреннее достоинство ихъ рѣшительно одинаково. Сверхъ-того, Песенникъ выходитъ третьимъ изданіемъ, которое имѣла также «Арифметика», и, должно надѣяться, достигнетъ

пятнадцатого, котораго уже достигло твореніе г. Куминскаго: вотъ второе, внѣшнее ихъ сходство. Наконецъ, «Арифметика» г. Куминскаго наводитъ на смутныя желанія и ощущенія, какъ народнаго русскаго глоснаго...

125) Очерки Картины изъ Русской Исторіи и Народнаго Преданія. Стихотворенія Е. Трегубова. Въ трехъ отдѣленіяхъ. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1844. Въ 8-ю д. л. 60 стр.

Романтическое воодушевленіе, господствующее въ поэзіи г. Трегубова, мѣстами даритъ ей порядочный стихъ, т. е. стихъ, который можно читать, но чаще лишаетъ ея обыкновеннаго смысла. Потеря, конечно, была бы великая, еслибъ смыслъ не составлялъ въ поэзіи почти-единственнаго достоинства, т. е. тамъ, гдѣ онъ есть, такъ-то; какъ-скоро становится ощущаемень недостатокъ смысла, остается лишь одно стихотвореніе. А къ большому сожалѣнію, должно признаться, что этотъ недостатокъ становится ощущаемень уже съ первой же страницей стихотворенія. Вотъ, если угодно

Дмитрій возмужъ надъ Московою
Жестокой водою вразилъ,
И льется кровь гражданъ рѣкою (?),
Москва въ уныніи молчитъ
И робко зыю преклоняетъ,
Покорно притушила взоръ,
Раба въ царѣ себѣ вѣнчаетъ
И рабски терпитъ свой позоръ.
О, стыдъ! Замыслила Рѣсобоу ЧЛВК,
Иа армия сползаетъ въ долину,
Народнаго лишается права,
Преде Давомъ шлѣпа во браню

Не всегда, впрочемъ, можно обратиться скоро до смысла и на второй страницѣ стихотворенія...

Обрлды правковъ каренны
Срослися съ землицою въ средѣхъ (?),
Законы наши въковые
Не истребить неволи страхъ.
Какъ жекра вѣнчатъ въ погуба,
Заждетъ къ родной дѣловъ,
Любовь народная, святая

Воспламениши из омовенья (?) крестъ,
Въ совѣтахъ тайныхъ, въ думѣ цар-
ской,

Хитритъ Полякъ-Иезуитъ,
Уклончиво, съ притворной лаской
Царю, народу, правдѣ льститъ.
Царю наперсниками стали (Иезуитъ?),
Съ нимъ вмѣстѣ тайно согласясь,
Святую вѣру карманамъ (есть жезлъ),
Крестомъ ея сердце ослаблелъ.

Ажъ-царю сотвориши на жалелъ
За провозъ, за купленный вѣнецъ,
Ужасна казнь сего злодѣя,
Ужасенъ долъ ея конецъ.

Небось лучше доказывать презрѣнія
своего къ смыслу, какъ подобными
стихами. Всѣя авторъ доказываетъ то
же самое и въ цѣломъ стихотвореніи,
то трудъ его совершенно-лишній: до-
волью доказательствъ и на первыхъ
двухъ страничкахъ. Впрочемъ, въ сти-
хотворческой способости, если толь-
ко она можетъ существовать отдѣльно
отъ смысла, никто не откажетъ г. Тре-
губову.

126) СТАРИНА. *Рассказъ съ стихами,*
соч. А. Иверсена. Москва. Въ тип. А.
Семка. 1846. Въ 8-ю д. л. 29 стр.

Между-тѣмъ, какъ китайскіе анло-
софы, на основаніи конфуціева насти-
дизма, прославляютъ все ветхое, все
отжившее свой вѣкъ и не шутя совѣту-
ютъ 1845 году, сдѣлавъ поворотъ на-
дѣво кругомъ, идти назадъ, къ пре-
жнимъ лѣтамъ отъ сотворенія міра,—про-
бѣтъ, г. Иверсенъ и въ родѣ г. Иверсе-
на, воспѣваютъ тѣ же самые результа-
ты въ стихахъ. Они поютъ, сладко под-
геряевались:

Тогда (съ прошедшимъ) расчелливость
препопъ не полагала
Ня замысламъ, ня прихотямъ людей,
И доблестъ русская во всей
Своей неотдѣльности блѣстала.
Нимѣны дѣвушка тогда не опасалась;
Тогда вѣснѣ не требовакъ пѣсьма;
Тогда холѣдья лѣпта
Прослѣдую слѣтно отладала.
Тогда союзъ сердець во клятвахъ не
нуждался;

Довольно было: да нѣя нѣтъ: —
И нашихъ прадѣдовъ обѣтъ
Лишь въ этихъ двухъ марѣвяхъ за-
ключался.

Тогда дѣвица въ тридцать лѣтъ
Звалася дѣвочкой невникой
И взоръ прелестной голубиной
Отъ взгляда юности стыдливо опустила.

Вотъ какъ было прежде! А теперь?
О, теперь совѣтъ не тот! Теперь же
дурно, особенно дурны стихи г. Ивер-
сена. Ему, достойному воспитателю
старшины, вовсе бы не слѣдовало суще-
ствовать и писать въ XIX столѣтіи, а
надлежало бы жить во времена Вольф-
скаго, который такъ хорошо умѣлъ мѣ-
нить заслуги поэта Тредьяковскаго..

127) БИБЛИОТЕКА РОМАНОВЪ, ПО-
ВѢСТЕЙ, ПУТЕШЕСТВІЙ И ЗАПИСОКЪ,
Издаваемая Н. Н. Улитинимъ. Вы-
пускъ четвертый, томъ второй: Похо-
жденія ГЕРКУЛЕСА АРАБИ ИЛИ ГЪЯ-
НА въ 1772 году. Романъ Евгенія Сю.
Переводъ съ французскаго. Часть первая.
Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1845.
Въ 12-ю д. л. 211 стр.

128) УДАЛЫЙ ГАСКОНЕЦЪ И СИНИИ
ВЕРЮДА. Романъ Евгенія Сю, переводъ
Нарышкинъ Титъ. Перев. съ француз-
скаго. Москва. Въ тип. Н. Степанова.
1845. Въ 12-ю д. л. 255 стр.

«Парижскія Тайны» и «Вѣчный
Жидъ» обезсмертили имя г. Эжена Сю,
по-крайней-мѣрѣ на время. Творенія
знаменитаго писателя повсюду пере-
даются на всѣхъ языкахъ, изъ гонимъ чуждымъ
на русскій, и если не читаются всѣми,
то всѣми называются. «Парижскія
Тайны» переведены на нашъ языкъ
такъ давно, что мы уже успѣли ихъ
забыть, а переводъ «Вѣчнаго Жидка»
почти не отстаеъ отъ своего издава-
ника. Эта честь принадлежитъ у насъ
Петербургу, какъ-бы усвоившему себѣ
право знакомить русскую публику съ
новѣйшими произведеніями пера г. Э.
Сю. Но и Москва не хочетъ отстать... и
сильнѣе передавать русской публикѣ

прежнія творенія того же самаго писателя, котораго послѣднія произведенія съ такимъ проворствомъ изготовляются (въ русскомъ переводѣ) въ Петербургѣ. Пока еще въ Петербургѣ таятся вѣчный «Вѣчный Жидъ», въ Москвѣ вдругъ выдаютъ два романа г. Сю, если не новые во времени, то еще нечитанные въ русскомъ переводѣ... Къ-сожалѣнію, впрочемъ, и не-нечитанные; но-крайней-мѣрѣ переводъ втораго изъ неименованныхъ выше романовъ, подъ именемъ «Синей Бороды», напечатанъ былъ еще въ 1842 году въ «Библиотекѣ для Чтенія» (см. холбрускую книжку). Переводъ этотъ такъ поправился по-своему переводчику или издателю, что онъ, вмѣсто того, чтобъ перевести вновь, списалъ почти слово-въ-слово переводъ «Библиотeki для Чтенія», лишь для приличія измѣнивъ въ немъ нѣкоторые выраженія; вмѣсто «былъ въ войнѣ» онъ велѣлъ написать «вели войну», вмѣсто «кораблемъ командовалъ такой-то» — «корабль находился подъ командою такого-то», и т. н. Словоиъ, «Синяя Борода» переведена вновь по той же самой методѣ, какъ употреблена была недавно при изданіи московскаго перевода «Парижскихъ Тайнъ». И такъ, открыть нововокъ «лучшій способъ переводить книги», и если оба названные нами перевода принадлежатъ одному и тому же лицу, то ему, но всѣмъ правамъ, принадлежитъ и титулъ «художника». За то переводъ другаго романа, оставшаго четвертымъ выпускъ «Библиотeki Романовъ», ни въ этомъ, ни въ другомъ смыслѣ не можетъ быть названъ «художественнымъ»: переводчикъ, очевидно, не шѣлъ передъ главами образца и переводилъ, какъ умѣлъ. Онъ переводилъ такъ (первыя строки): «Окрестности Финсенгена, одной изъ знаменитѣйшихъ морскихъ приставей въ Нидерландахъ, *красуются оксною*, какъ и всѣ голландскія поля, *силою селеною зеленою*. Ни одинъ пригорокъ, ни одна долина не разнообразны *этихъ однообразныхъ пейзажей*», и т. д.

О внутреннемъ достоинствѣ этихъ двухъ романовъ мы не говоримъ, потому-что такого достоинства въ нихъ много не обрѣтается. Во Франціи они давно забыты, да и у насъ ничто не общаетъ имъ лучшей участи.

129) Привидѣніе на Кладбищѣ. *Кавказская бѣда отъ двухъ частяхъ. Соч. Н. Г. я. Москва. Въ тип. Николая Степанова. 1845.*

Вѣрно что-нибудь ужасное?.. скажутъ не слишкомъ-разборчивые читатели, которые любятъ все страшное, нимало не подозревая, что это страшное часто можетъ быть безобразнымъ порожденіемъ негѣной фантазіи. Вѣ-самомъ-дѣлѣ—кладбище, привидѣніе, да еще на Кавказѣ... какія ужасы! должно быть интересное сочиненіе. Однакожъ, охотники до всякаго рода ужасовъ ошибутся въ своихъ предположеніяхъ. Правда, заглавіе «были» общаетъ много страшнаго, но вѣдь не все то исполняется, что общается. Содержаніе этихъ книжонокъ почти совсѣмъ-нестрашное. Оно, конечно, развязка немножко-убійственная, да это такъ, для эффекта. А главное дѣло, въ сочиненіи *Н. Г. я* (не пугайтесь, не пугайтесь: это не *Гомла!*) очень-много чувствительности; по-неволѣ, право, расшачешься, такъ жалко, хоть и не-дѣлю. Исторія, судите сами, презанятельная. Александръ, герой романа, человекъ военный, полюбилъ Ольгу любящую, разумѣется, внаслѣдую, пламенною, чистую, невинною. Въ одно прекрасное утро, Ольга, которая такъ же свято любила Александра, приглашаетъ его къ себѣ, когда маманьки ея не было дома,—конечно для того, чтобъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ на просторѣ плавать въ чистѣйшемъ эфирѣ небесной любви. Но какъ Александръ, равно и Ольга, жили не на небѣ, а на землѣ, то совсѣмъ недуманно, негданно они вкусили также и восторги земной любви. Это случилось вотъ какъ:

— Что съ тобой, милая Ольга? Не чувствуешь ли ты, что сейчасъ твоа въ чамъ-нибудь тебя будетъ упрекать въ твоихъ сердцахъ?..

Она молчала и приложила руку къ трепещущей груди своей...

— Ахъ, Александръ! здѣсь что-то душевно; но не думай ничего, мой другъ: это одинъ лишь невольный порывъ моего сердца!.. Да Александръ, я люблю тебя невыразимо и превыше силъ моихъ!..

Голосъ ея замеръ, она крѣче прижалась къ моей груди, и уста наши невольно слинась въ продолжительномъ, пламенномъ поцѣлуѣ... Долго длился этотъ поцѣлуѣ, сердца наши сдѣлались (должно быть слинась) въ одно продолжительное цѣлое... Что тогда я чувствовалъ, это немыслимо человѣческиимъ языкомъ (по есему слово); сердце билось вильными ударами, голова кружилась, и я... Но Ольга опойналась, взглянула на меня, задалась горькими слезами...

Александръ былъ человѣкъ благородный, совѣстливый. Онъ пожелалъ любить по гробъ свою возлюбленную, и уже хотѣлъ просить позволенія у своихъ родителей на бракъ съ Ольгою, особенно когда она объявила, что не замедлитъ дать ему сладостное названіе отца, какъ вдругъ, — надо жъ такъ случиться, — его назначаютъ противъ Горцевъ. Сначала это извѣстіе поразило его какъ громомъ; но потомъ онъ обрадовался такой нечаянности. Онъ зналъ, что родители его не позволятъ ему жениться на дѣвушкѣ небогатой, и, какъ покорный сынъ, не хотѣлъ огорчить ихъ своимъ упрямствомъ. Правда, онъ не безъ сожалѣнія оставилъ свою любезную, и поѣхалъ на Кавказъ. Тамъ его взяли въ плѣнъ Горцы, однакожъ онъ ушелъ отъ нихъ и вышелъ въ отставку. Но тоска по Ольгѣ не оставляла его ни на минуту. Александръ все сохъ да сохъ отъ грусти, и мозгъ его высохъ до того, что голова его сдѣлалась пуста какъ бочонокъ... Съ горда онъ не зналъ, что дѣлать, и сидѣлъ на Кавказѣ, дожидаясь Бога-знаетъ чего. Но авторъ зналъ, чего дожидаясь герой его романа. Однажды Александръ встрѣчается въ

Т. XXXIX. — Отд. VI.

Ставрополь горничную Ольгу, Лизу. Она рассказываетъ ему, какъ барышня ея, оскучившись по немъ и не получая отъ него никакого извѣстія, сама рѣшилась оставить Москву и ѣхать на Кавказъ, и какъ, пріѣхавъ сюда, она умерла родами, какъ-будто для того нарочно и пріѣзжала. Послѣ этого, Александру ничего не оставалось больше дѣлать, какъ сойти съ ума и умереть. Но этого показалось ему мало: онъ рѣшился на прощанье выкинуть еще нитучку. Однажды, когда Лиза рассказывала эту плачевную исторію своимъ слушателямъ, изъ которыхъ одинъ былъ другъ и пріятель несчастнаго героя, играющій въ его романѣ такую же глупую роль, — вдругъ, о ужасъ! дверь дома, въ которомъ они были собраны, растворилась настежь, и Ольга съ Александромъ очутились посреди хаты, обвитые бѣлыми сазанами и держа другъ друга за руку. Вѣроятно, они хотѣли доказать своимъ явленіемъ ту глубокую истину, что разлученные въ этой жизни соединятся на томъ свѣтѣ.

Не правда ли, приключеніе самое чувствительное и трогательное? А какіе хорошіе разговоры, въ родѣ приведеннаго нами выше, сужденія, мечтанія и описанія вы найдете въ сочиненіи г. Г...ля! По всему видно, что грамотѣй!

130) Боръ изъ Годуновъ, или убіеніе Царевича Дмитрія. Историческая повесть XVI столѣтія. Москва. Вѣтшт. И. Смирнова. 1845.

Тутъ дѣло совѣтъ-другаго рода. Сочинитель этой книжки нигдѣ крайней-мѣрѣ похвальное намѣреніе. Онъ, вѣроятно, предполагалъ, что вы, до изданія его исторической повѣсти, постоянно жили на лунѣ, а следовательно не имѣли возможности знать о томъ, что случалось у насъ на святой Руси. Вотъ онъ и рѣшился представить вашей любознательности одно изъ самыхъ замѣчательныхъ событій въ

нашей исторіи, съ удивительныхъ мастерствомъ наложивъ свой рассказъ въ лицахъ. Нѣтъ нужды, что вы, прочитавъ эту чудесную повѣсть, не найдете въ ней никакого толка, не встрѣтите ни одной здравой, свѣтлой мысли, не нападете ни на одинъ характеръ, очерченный рѣзкими и вѣрными чертами, не составите себѣ ни малѣйшаго понятія о бытѣ, нравахъ и обычаяхъ русскаго народа въ ту эпоху. Сочинители подобныхъ повѣстей не занимаютъ такимъ образомъ. Они поступаютъ гораздо умнѣе и благороднѣе: прочитавъ описаніе какого-нибудь происшествія изъ жизни русскаго народа въ исторіи Карамзина, но не имѣя столько смысла, чтобы имѣть значеніе этого событія, они переносятъ его въ отдѣльную книжку, пересыпаютъ различными пошлостями, введутъ на сцену кабаки, вставятъ какіе-то дикіе, неумлющіе разговоры, лишь бы при этомъ переходили изъ рукъ въ руки кубки вѣрнаго меда или романа, въ чемъ они составляютъ главное достоинство всякихъ историческихъ разговоровъ, и въ блаженномъ, упонительномъ самоудовольствіи воображаютъ, что принесли важную услугу русской литературѣ и ея любителямъ, — написали историческій романъ или повѣсть. Не считаемъ нужнымъ рассказывать содержаніе этой исторической повѣсти, потому-что оно одно и то же во всѣхъ подобнаго рода произведеніяхъ, имѣющихъ въ виду легковѣріе читающаго міра. Забѣгаемъ только, что разговоръ между Троекуровымъ и Мансуровымъ въ высшей степени наивенъ. Троекуровъ старается доказать, что Годуновъ совершенно невиноватъ и не принималъ никакого участія въ убіеніи Дмитрія, что это кровавое дѣло, потрясшее Русь въ ея основанія, произошло случайно, отъ неосторожности самого младенца. Все это читатели уже слышали отъ людей ученыхъ; не интересны-то самыя доказательства, приводимыя Троекуровымъ въ пользу Годунова, — интересны, разумеется, своею дикостью, которая по-

казывается, сама въ себѣ, всею даровитостью сочинителя. Представимъ любознательнымъ читателямъ отрывокъ этого оригинальнаго разговора:

Мансуровъ. Такъ ты думаешь, что Годуновъ не убійца?

К. Троекуровъ. Именю такъ! выслушай меня, я согласенъ, что Борисъ имѣетъ въ виду престолъ; но знайте, что онъ имѣетъ столько же и ума, что можетъ думать о будущемъ. Ему все равно быть Царевубійцей, и я даю на отсѣченіе дымоу свою, что Борисъ своими руками скорѣе удушилъ бы Царевича, нежели кому приказалъ. Объ этомъ не узналъ бы никто, и тайна эта умерла бы въ каменной душѣ Бориса. Однимъ словомъ Годуновъ виновенъ въ смерти Царевича Дмитрія.

Чудовищно — доказательно! Разговоръ оканчивается пошлостью. Оба спорщика налили въ кубки до краевъ меда, дружески чокнулись, разомъ щолкнули языками, и опорожнившие кубки съ поговоркой покатали до полу: «не ходи барашки по чужимъ ярочкамъ!» Это должно быть некое новое сочиненіе сочинителя, и вѣроятно значить: «не въ свое дѣло лези».

131) Гришка Отрепкинъ, самозванецъ, разстрига и близкій Московскій Чудова Монастыря, или, Давыдовъ. Историческій рассказъ въ двухъ частяхъ. Соч. Алексѣя Писарькова. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1844. Въ 12-ю д. л. Въ 1-й части 40, во 2-й — 29 стр.

Однимъ этимъ заглавіемъ сказано такъ много, что легко прочитать въ немъ не только все содержаніе книжки, но и такъ-сказать всю душу сочинителя: должно быть человекъ отъ добраго сердца...

132) Другъ Дѣтей, книга для первоначальной чтенія. Изданіе четвертое. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1845. Въ 3-ю д. л. 142 стр.

Воспитанная и давно-известная книга, употребляемая въ подвидом-отвенныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія учебныхъ заведеніяхъ. Это одно можетъ уже служить ей хорошею рекомендацію, которую подтверждаетъ еще то, что она выхо-дитъ теперь четвертью издавнѣе.

133) Стихи Платона Зубова. С.-Петербургъ. 1843. В. 8-ю д. л. 28 стр.

Вотъ одно стихотвореніе изъ этой книжки:

Мой слѣдъ,

Въ ослѣдъ грядущей — мой слѣдъ,
 Я не люблю грядущей дѣли,
 Слѣдъ въ грядущемъ не вѣренъ,
 И слѣдъ дѣлится въ оцѣи.
 Проникнувъ въ ракъ судьбы ужасной,
 Глядѣлъ въ грядущее съ тоской
 И дно жребій мой несчастный
 Въ картинѣ видѣлъ предъ собой.
 Онь видѣлъ рано надо мною
 Сбирался буря, громъ гремѣлъ,
 И я обманутый мечтой,
 Страданъ, покаянъ и терзаний,
 Онь видѣлъ въ дождь и грозу,
 Минуты вѣнчанья и прощанья,
 И слезы, и вѣнчанья и прощанья,
 И слезы въ вѣнчаньяхъ подружка.
 Онь видѣлъ въ судьбѣ вѣнчанья
 На въ слѣдѣ быднѣ измѣнить
 Онь далъ подружѣ мнѣ — терпѣнье
 И съ нимъ меня — наставилъ жить.
 Терпѣнье — горестныхъ отрадъ
 Тяжелый крестъ носилъ въ руки,
 Онь видѣлъ мнѣ наградъ
 Въ вѣдъ вѣнчанья на вѣнчанья,
 Когда вѣнчанъ моя подружка,
 И вѣнчанъ вѣнчанъ говоритъ,
 Давде, слезамъ я на терпѣнье,
 И грядущъ, скорби замолчать.

134) Ода въ Нбѣвалу Пейсрава-на Пбѣл. (Читано на пикникѣ 4. Феврѣ-ля 1843 года). Соч. Н... К... 1843. В. 8-ю д. л. 3 стр.

Нѣкто, господина Н... К... былъ че-вертаго февраля минувшаго года на пикникѣ, съ были тамъ-то дамы. Онь и читаетъ что такія замѣчанія со-бѣ-

нѣтъ, что оцѣи пикникъ давати уде-стницею своего торжества немъ рус-скую публичку, и для того напечаталъ стихи, произнесенные имъ на пикникѣ бывшимъ съ нимъ дамамъ. Истинно-наивное простодушіе!.. Стихи, раз-умѣтся, предьявныя, за что ругае-ся уже одна мысль напечатать ихъ, потому-что одна такая мысль много говорить о сочинителѣ. Можетъ-быть, вы хотите познакомиться съ самою одою? Извольте! Ода начинается из-вѣщеніемъ о томъ, что намѣренъ вос-пѣть сочинитель. Затѣмъ онь зада-етъ себѣ вопросъ: «Что были бы миръ безъ женщинъ?». Потомъ, у него—какъ водится — и герой, и государствен-ный человекъ, и поэтъ падаютъ ницъ передъ прекраснымъ поломъ. Нако-нецъ, сочинитель переходитъ къ пик-нику и увѣдомляетъ читателей, что ему нисколько не кажется удивительнымъ, что Адамъ нашъ праотецъ несча-стнымъ съѣлъ заповѣдныи плодъ въ заповѣнцѣ любви:

«Ну ктожь изъ насъ теперь могъ отка-заться прекрасной,
 И мыслить: жизнь изъ смерти его въ грядущемъ ждети?»

Ода заключается такъ:

Отъ счастливъ юности жить прекрасного поклонникъ,
 При женскихъ сердцахъ съ печалью стою;
 Но, дамы милы! на жертвенный ире-ножникъ.
 Съ любовью вамъ кладу полюбви пѣснь мою.
 Выте можетъ, и меня не смѣетъ изъ васъ выдуть,
 Среди счастья и любви, въ счастливомъ номъ вѣнчѣ,
 Чрезъ вѣнчанья годовъ, когда меня не будетъ,
 Вдуть вѣнчанья пикникъ — вѣнчанья о вѣнчѣ.

По-видимому, не достойно ли замѣ-чанія, что сочинитель, почтенный ста-рецъ, стоящій, какъ самъ онь гово-ритъ, въ возмужалыхъ дверяхъ (гѣр-бѣтно, сочинитель хотѣлъ сказать—при-

«среброшай?» рѣшается подчивать публику такими нустаканн!

135) **ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПОЭТЪ.**
Оригинальная комедія съ куплетами, въ одномъ дѣйствіи. Соч. П. Порфирьева. Санктпетербургъ. Въ тип. Карла Фейерштейна. 1845. Въ 16-ю д. л. 62 стр.

Отставной губернской секретарь Брембровский — горькій пьяница, а университетскій кандидат Галиматьясовъ — плохой поэтъ; оба влюблены въ дѣвицу Александру Уѣдину, у которой есть мать Прасковья Сидоровна и отецъ Иванъ Ивановичъ. Мать на сторонѣ пьянаго губернскаго секретаря, дочь на сторонѣ плохаго поэта, а Ивану Ивановичу все равно: ему бы вотъ только издать «Подарокъ для Юношества», о которомъ онъ думаетъ ужъ сорокъ лѣтъ, а тамъ хоть трава не роси и дочь выходи хоть за перваго встрѣчнаго. Однакожъ, такъ-какъ у Брембровскаго много денегъ, то дѣвица Александра и дѣлается насильственно его невѣстою. Галиматьясовъ тоскуетъ и старается поддѣлаться къ старому Уѣдину, затрогивая въ немъ самую чувствительную струну — страсть къ литературѣ. Но Уѣдинъ находитъ сочиненія Галиматьясова глупыми. Въ то самое время, какъ онъ готовъ вытолкать Галиматьясова въ шею, приносятъ «Библиотеку для Чтенія»: въ ней стихи и проза Галиматьясова. Уѣдинъ бросается къ нему на шею, поздравляетъ его *настоимыми сочиненіями*, проситъ покровительства своему «Подарку для Юношества», отдаетъ ему дочь и —

«Нельзя же, о критикъ безпристрастный,
Теперь пустить статейку въ свѣтъ,
Благо въ вкусъ твой подполковничій
Провинциальный сей поэтъ!»

Можно. Содержаніе «Провинциальнаго Поэта» представлено такъ, что нисколько не кажется естественнымъ; лица безцѣльны, разговоръ вялъ и крайне растянутъ.

136) **СТО НОВЫХЪ ДѢТСКИХЪ ПОВѢСТЕЙ, съ красочными къ нимъ картинками. Книжка для подарка дѣтямъ. Переводъ изъ сочиненій Шмита В. Феофоровъ. Часть первая. Изданіе второе исправленное и дополненное. Санктпетербургъ. Въ тип. К. Жерякова. 1845. Въ 12-ю д. л. 115 стр.**

На своемъ вѣку, я уже не однажды нигдѣ случалъ писать о сочиненіяхъ г. В. Феофорова (или Феофорова, какъ напечатано на оберткѣ этихъ повѣстей), а, слѣдовательно, и брать ихъ въ руки; но снѣю увѣрить читателей — я никогда въ такихъ случаяхъ не испытывалъ непріятнаго ощущенія, въ которомъ, быть-можетъ, нигдѣ угодно подосрѣмалъ меня. Напротивъ! Я даже очень люблю сочиненія г. В. Феофорова, и если кто-нибудь сказалъ мнѣ протѣвное, то въ опроверженіе столь огорчительной для меня клеветы, считаю долгомъ объявить слѣдующее:

1) Я не надѣваю перчатокъ, принималъ за сочиненія г. В. Феофорова и вообще не принимаю въ такихъ случаяхъ предосторожностей, употребительныхъ, когда ходятъ засть въ руки что-либо подозрительное и несправное.

2) Я не засыпаю за сочиненіями г. В. Феофорова и не вижу во снѣ, навѣномъ мнѣ, самолюбивой и жалкой безталантности, которая ведетъ подробнѣйшій журналъ всего, что кажется ей преступленіями въ ея противникахъ, и готова прислужиться имъ всякому.

3) Я не впадаю, по поводу сочиненій г. В. Феофорова, въ тяжелыя размышленія о участи ослѣдственной бездарности, попавшей, какъ говорится, не въ свои сани и уверенно остающейся въ нихъ, не смотря на то, что грязныя брызги летятъ на нее со всѣхъ сторонъ.

Оговорившись такимъ образомъ, смѣле уже беру въ руки «Сто Новыхъ Дѣтскихъ Повѣстей» г. В. Феофорова, не надѣясь нисколько удивить тѣмъ читателей, — беру и читаю:

Молодая Янголя.

Егорюшка и Анжелика всегда старались доставить родителю средства, чтобы...

удивляться. Однажды когда они помогали маме работать в саду (здесь немножко трудно догадаться, кто кому помогал работать в саду, но из этого мыте большой надобности), отец сказал: «в этом уголке хорошо бы посадить еще одно деревцо».

Приближался день рождения отца; добрые дѣти тайно купили прекрасную яблоньку съ корнемъ и наняли желаннаго дня проработать потихоньку посади грибокъ посадить ее. «Какъ паннишка обрадуется!» говорили дѣти между собою: «когда онъ, войдя по утра въ садъ, увидитъ эту прекрасную яблоню!»

Лизанька держала деревцо, между тѣмъ Егорюшка рылъ землю лопатой; вдругъ они услышали, что въ землѣ что-то треснуло; потомъ заблестѣло и какъ-будто носыпались искры. Егорюшка разбилъ своею лопатой глиняный горшокъ, въ которомъ спрятано было нѣсколько золотыхъ монетъ и вмѣстѣ серебряныхъ блестящихъ при свѣтѣ луны.

«Кладъ! кладъ!» вскричали дѣти въ восторгѣ, и побѣжали уведомить родителей о счастливой находкѣ.

«Любезные дѣти!» сказалъ отецъ: «Богъ милостиво смотрѣлъ на привязанность вашу къ намъ. Онъ награждаетъ дѣтскую любовь. Продолжайте быть добрыми дѣтьми, — и Богъ дастъ вамъ сокровища лучше, чѣмъ золото и серебро».

«Вы думаете — конецъ? Нѣтъ! если вы такъ думаете, то вы не знаете г. Б. Федорова! Здѣсь слѣдуетъ именно то, что должно слѣдовать, — то, что въ заграницѣ названо *просоученіями въ стихахъ*:

Искра родителей ты любишь съ юности
Богъ, счастья, тебѣ пошлетъ!

Мнѣ нравятся повѣсти г. Б. Федорова, но мнѣ особенно нравятся правоученія въ стихахъ, въ которыхъ, такъ сказать, вся сущность повѣстей, и которыя, безъ всякаго сомнѣнія, есть необрѣтеніе русскаго сочинителя. Потому я исключительно и займусь правоученіями въ стихахъ. Къ счастью, они и недлины: въ заключеніе къ каждой повѣсти не болѣе двухъ стиховъ, но зато какіе стихи!

Благотворительность, святое состраданіе
И въ небесахъ, и адѣхъ получать возда-
данье!

Благотвореніями осыпая насъ Творецъ:
Мы посвятимъ ему признательность сер-
дечъ.

За похитителемъ блжситъ
И наказаніе и стыдъ.

Есть Богъ, каратель зла; правдивыхъ онъ
хранить;
Порокъ отъ стрѣлъ его ни гдѣ не убъ-
жить.

Подай несчастному и помочь и приютить,
Быть можетъ, что тебя онъ отъ бѣды спа-
сетъ.

Принимайте чужаки надменной кра-
соты
Предпочитайте видъ смиренной доброты.

Въ желаньяхъ сходенъ будь съ людьми чи-
стотой,
И будешь ты цвѣсти какъ роза красотой.

Ложь въ страхѣ быть всегда должна
И рано ль, поздно ли — отирется она!

Приятно все, что сладко и прекрасно,
Но съ безразсудствомъ все опасно.

Кто похищаетъ или жметъ,
Тотъ наказанью подпадетъ.

Кто сострадателя тому и жить стра-
даній,
Свѣтлѣ день и ночь приятній.

Лучше чѣмъ поздно ложиться
Съ ранней зарей пробудиться.

Какия глубокомысленныя двуступниці!
Много ихъ еще въ «Новыхъ Дѣтскихъ
Повѣстяхъ», но и не выписываю
всѣхъ, потому что — почитать ли чита-
тели столь дерзостному похищенію? —
я навѣрнѣ сочинить здѣсь нѣсколько
своихъ правоученій.. Начинаю:

Неосторожно бойтесь ходить,
Чтобъ ногъ не поломать и носу не раз-
бить.

Кому дала природа младый лобъ,
Тотъ съ младыми лобомъ останется по-
гробъ.

Ты къ лѣту не бросаи съ презрѣніемъ
Здоровье или ты подь осень бережешь.

О взрослых ли писать берешься, для
Хоть крошечный имѣть соратну разсу-
докъ.

Кто правъ крутой имѣтъ и снѣдичій,
Тому пораженъ и сахаръ хуже рѣпы...

Довольно! на первый, разъ очень до-
вольно! Теперь мнѣ остается только
присочинить къ этимъ *правоученіямъ*
въ стихахъ — небольшие рассказы въ про-
вѣ и я могу сдѣлаться просвѣтителемъ
и наставителемъ юности въ моемъ
отечествѣ. А все благодаря книгѣ г. Б.
Федорова, который, кромѣ многихъ
другихъ достоинствъ, отличается еще
силою вдохновительною. Я есмь очень
доверенъ.

Что касается до читателей, то они и
безъ меня очень хорошо знаютъ, что
думать о новомъ или вновь-напечатанномъ
сочиненіи г. Б. Федорова. На оберт-
кѣ читаемъ слова: изданіе второе, *ис-*
правленное и дополненное. Оно совершен-
но-справедливо, потому-что изданіе
дѣйствительно исправлено и дополни-
но. *Исправленіе* относится къ тому, что
сантимъ сочинителя, писавшаго въ
предложеніи многія глѣть безграмот-
но (что неоднократно было замѣчаемо
журналами), чрезъ букву Ф, вмѣсто Ф,
здѣсь наконецъ являясь съ Ф-ю, а до-
полненіе состоитъ въ томъ, что въ той
же сантимъ сочинителя *пробѣлала одна*
буква, именно: въ заглавіи выставлено
имя Федоровъ, какъ эстрину выставя-
лась; а Федорова... Подите, слыте
несла этого отъ сочинителя, что по-
сле-изданіе его повѣстей не исправле-
но и не дополнено!

137) Сказка о Двухъ Крестьянахъ
Домостроительномъ и Расточительномъ. Санктпетербургъ. Въ кни-
жарни Виттеберга. 1844. Въ 8-ю д. л. в.
57 стр.

Изъ самаго заглавія видно о чѣмъ
идеть дѣло. Одинъ мужикъ пьянъ,
буйствуетъ, гдѣнится и умираетъ въ ни-
щету и позорѣ; другой живетъ честно,
трудится, *домостроительствуетъ*, и въ-
свѣдствіе того, наживаетъ изрядное
количество денегъ, жавится на *доброй*
женѣ, приживаетъ *добрыхъ* сыновей,
которымъ находитъ *добрыхъ* женъ, и за
все свои добродѣтели удостоивается
дождаться на *бѣломъ свѣтѣ* вѣнчанъ,
разумѣется, чоме *добрыхъ*. Перваго му-
жика евали Федоромъ Васильевичемъ,
второго Николаемъ Кузьмичемъ. Слѣ-
дуетъ правоученіе: чтобы не быть Фе-
дорами *Васильевичами*, бойтесь, дѣти,
жить такъ, какъ жилъ Федоръ Васи-
льевичъ; но чтобы быть *Николаемъ Ку-*
зьмичами, по мнѣнію сочинителя, не нуж-
но даже жить такъ, какъ жилъ Николай
Кузьмичъ: *читайте только повѣсть эту*
сказку — говорить онъ: «вы будете или».
«Рассказъ о Двухъ Крестьянахъ До-
мостроительномъ и Расточительномъ»
кончился, но книга еще не кончилась.
Слѣдуетъ сказка для крестьянскихъ
дѣрушекъ «О двухъ женахъ доброй и
сердитой», о которой ничего не сказа-
но въ заглавіи. Тутъ опять та же мете-
рія. Маша была *фобралъ* женою: *свѣтла*
герпѣивно побои пьянаго мужа, его не-
вѣрность, наговоры свекрови, ее браня
и глумя, — а вотъ у ней стало весело
«*радовалъ и огурчалъ*, и капуста, и мор-
«*ковь*, и свеклы, и рѣпы, и картошка
«*и всякой* вечины не только для де-
«*машнаго* обихода, но и добрыхъ лю-
«*дямъ* и на проламу... А Маша была
жена *сердитая* и отъ-того, у нея былъ
вѣчный недостатокъ въ *огурцахъ*, ка-
пустѣ, рѣпѣ, моркови, свеклѣ и карто-
«*фелѣ*. Слѣдуетъ *наставительное* заклю-
«*ченіе*: «Теперь скажите, *какая дѣвушка*
«*ли*, которой вы хотите лучше быть,
«*Машей* или Пашей? Я вижу, вижу, вы
«*все* хотѣли бы быть Машами; *свотри-*
«*те* же подражайте ей; *живите* такъ,
«*какъ* она жила; *старайтесь* быть по-
«*ступивши*, кротки, ласковы ко всѣмъ;
«*угождайте* всѣмъ, особенно своимъ
«*роднымъ*, *семьянамъ*; *пуце* всего бой-
«*тесь* браниться, сердиться; *даже* шу-

«ты, въ кнѣзъ бы то ни было; и вы будете такъ же счастливы, какъ Мама».
«Развѣкъ этого въ своемъ родѣ сто-

ить дѣтскихъ повѣстей г. Б. Феодорова.

КНИЖКИ, ИЗДАНЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

11) Nordische Blätter. *Vermischte Gedichte von W. Tорогоff* (Сѣверный Цвѣтъ. Собраніе стихотвореній В. Торогова): *Лейпцигъ. Въ тип. Таушлицъ-Младшаго. 1844. Въ 8-ю д. л. 552 стр.*

Введеніемъ въ эту довольно-толстую книгу, написанную Русскимъ, но напечатанную въ Лейпцигѣ и присланную намъ изъ Одессы, служить стихотвореніе подъ заглавіемъ «Nordische Blätter». Поэтъ съ первыхъ словъ пользуется своими правами: онъ говорить, что «ослабленный утренними лучами солнца, онъ обратилъ взоръ свой на югъ». Вы думаете, что это поэтическая вольность? Ничуть не бывало: это горестная истина. Поэтъ взываетъ къ бушующимъ волнамъ сѣвера, тоскуетъ о своей полуденной отчизнѣ, видитъ на берегу Чернаго-Моря царя цю Юга — Одессу, и пр.; наконецъ, въ эфирной вышинѣ является ему муза, — не греческая муза, твердо-ходившая по землѣ, а безстыдная муза нашего вѣка, которая въ юбкѣ паритъ на высотѣ, чтобъ поэтъ могъ вполнѣ наслаждаться ея созерцаціемъ. Самыя волнѣ утихли при видѣ такого зрѣлища. Муза, какъ водится, объявила, что она влюблена въ него по уши, — поэтъ беретъ перо и начинаетъ:

Одѣлъ I-й. «Vermischte Gedichte ersten Inhalts». Онъ могъ бы сдѣлать и другое заглавіе: Auf! Wollen wir fräutig seyn! Но зачѣмъ же высказывать все разомъ? Пусть прочтутъ по крайней-мѣрѣ хоть съ полдюжины стихотвореній, и тогда убѣдятся, что все это должно, поддѣльно, туманно, какъ

дымъ кнастера. Поэтъ признается, что самъ не знаетъ, чего хочетъ:

Doch süß ist auch das Streben,
Dess Ziel mir unbekannt.

Онъ правъ. Большая часть его рѣмованныхъ издѣлій просто амплификаціи чего-то вовсе неопредѣленнаго. Дочитывая послѣднюю строфу, всегда ждешь разрѣшенія; но, дочитавъ, убѣждаешься, что муза дѣйствительно явилась поэту въ эфирѣ, а не на землѣ. Это мысли безъ тѣла и крови; даже и не мысли, а что-то такое, чему не прищещи и названія. Не намекомъ ли на безсмертіе думаетъ поэтъ оправдать эту безтѣлесность? Конечно, безсмертіе иногда очень — красиво ложится въ стихъ, но не угодно ли доказать его въ прозѣ?

Эта печать безкровности лежитъ на всѣхъ стихотвореніяхъ перваго отдѣла. Der ernste Inhalt состоитъ въ отсутствіи притязаній на острогу, — единственная черта, которою отличаются другъ отъ друга обѣ части. Всю книгу слѣдовало бы раздѣлить на Gedichte ohne Witz и Gedichte mit elendem Witz.

Однаго достоинства нельзя не признать въ сочинителѣ: въ немъ нѣтъ и слѣда древнегреческаго, языческаго духа, этого общаго недостатка художниковъ. Гёте обвиняли въ политизмѣ и рассказывали сказки о головѣ Юпитера, стоявшей у него въ кабинетѣ. Нашему автору нѣчего бояться подобнаго обвиненія; онъ написалъ «die Götter der Vorzeit». На сорокъ-двѣ строфы

этого стихотворения можно отнестись двусмысленно:

Als du die griechischen Götter geschmäht,
da warf dich Apollo,
Von dem Parnasse; dafür gehst du ins
Himmelreich etc.

12) Cours méthodique et général de composition, appliqué à la langue française, par M. Charles de Saint-Julien (Методический и общий курс сочинения, примененный къ французскому языку Сен-Жюльенюмъ). Санктпетербургъ. Въ тип. Journal de St.-Petersbourg. Въ 8-ю д. л. XIII и 259 стр.

Авторъ, трудъ котораго заслуживаетъ всякое уваженіе по цѣли, хотя и можетъ быть оспариваемъ по исполненію, говоритъ въ предисловіи, что онъ имѣлъ намѣреніе написать не реторику, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, а курсъ сочиненія (cours de composition), который дѣйствительно научилъ бы искусству развивать мысль по разумной методѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ г. Сен-Жюльенъ признаетъ необходимость изученія реторики. Реторика, говоритъ онъ, есть искусство, основанное на разсматриваніи образцовъ древняго и новѣйшаго краснорѣчія; она слѣдуетъ за многоразличными оборотами мысли оратора, разсматриваетъ средства, которыми искусные ораторы умѣли одушевлять свое слово, украшать мысли, давать, такъ сказать, форму своимъ страстямъ; какъ они умѣли подчинять силѣ своего краснорѣчія то сердце, то душу, то разумъ слушателей...

Къ сожалѣнію, реторика и въ этомъ смыслѣ — искусство невозможное. Положимъ, что можно чему-нибудь научиться изъ разсматриванія образцовъ краснорѣчія; но главное и здѣсь — личное эстетическое искусство, художественный инстинктъ. Правильно отсюда не выведете никакихъ; чужія произведенія только пища, а желудокъ надо имѣть свой, — и что въ одномъ обращается въ желчь, то въ другомъ образуетъ кровь. Всякое изученіе

должно быть активно; а не пассивно, — иначе оно ведетъ къ риторикѣ, т. е. къ словамъ, словамъ и словамъ. Далѣе: если слѣдить за многоразличными оборотами мысли оратора — это можетъ доставить только наслажденіе, если онъ дѣйствительно играетъ мыслью ловко; но правилъ не выведете и отсюда; вздумайте дать такіе же обороты, при случаѣ, своей мысли, — выйдетъ малое подражаніе. Умѣть дать оборотъ рѣчи зависитъ отъ вдохновенія минуты, отъ активнаго, а не подражательнаго состоянія духа. Конечно, практика здѣсь, какъ и вездѣ, значить много, но все это должно истекать прямо изъ насъ, а не быть заимствовано у другихъ. Для того же, чтобы умѣть оживить рѣчь свою и дать форму своимъ страстямъ, — не нужно никакого умѣнья. Одушевленіе и страсть безсознательно выливаются въ страстную форму, а форма безъ внутренняго содержанія невозможна. Здѣсь, какъ и вездѣ, и то и другое нераздѣльно, современно. Безконечное разнообразіе идей предполагаетъ безконечное равнообразіе формъ: какія же тутъ могутъ быть даны правила?

Авторъ, какъ видно изъ сказаннаго имъ, понимаетъ реторику только какъ ораторское искусство. Не отвергая ея, онъ принимаетъ ее въ свою книгу какъ специальную часть общаго «Курса Сочиненія». Слѣдовательно, его книга имѣетъ цѣлью научить вообще быть хорошимъ авторомъ...

Возможно ли это? Не думаемъ. Единственное, что можно въ этомъ отношеніи сообщить человѣку извѣдъ, — это грамматическія правила. Его можно выучить писать и говорить правильно, и то до извѣстной степени. Много можетъ быть погрѣшностью противъ грамматики, но въ то же время оставаться художественною красотою. И до этого ужъ конечно не доведетъ грамматика: это доступно тому, кто не только знаетъ, но и чувствуетъ языкъ. Тутъ опять конецъ всякимъ правиламъ, потому что это простекаетъ не извѣдъ, а внутри.

Спросить, как вы вероятите надобные вопросы, всегда выйдет, что только активность может сделать что-нибудь хорошее. Все данное нами должно обратиться въ наши собственные соки, и тогда только уже оказывать человеку: притормаживаясь всего этого, а не того. Духъ, какъ тѣло, принадлежитъ одну часть книги и отвергаетъ другую, и что усвоивается однимъ организмомъ, то разрушается другимъ, если онъ неспасательно захочетъ удержать его.

Что же остается дѣлать при руководствѣ извѣстнаго возраста? Во-первыхъ, пробудить сомнѣнiе, — и слѣдственно, активность мысли. Ученикъ какъ-то всегда безотчетно вѣритъ слову учителя. Этого не должно быть, а есть отъ-того, что учащiй почти всегда принимаетъ строгую осанку, не убоитъ или не хочетъ стать на одну доску съ ученикомъ, — и, къ сожалѣнiю, часто не убѣжденъ въ томъ, что самъ говоритъ. Отъ этого бываетъ что ученикъ или не имѣетъ никакого желанiя, или боится сказать то, что думаетъ. Онъ или молчитъ и смущается, или, что въ двадцать разъ хуже, начинаетъ дѣлать и поддѣлывать. Не стннзъ лучше развивать духъ. Снущитесь лучше съ высоты вашего величiя; пусть ученикъ видитъ въ васъ умнаго товарища, не больше; войдите въ его интересы, сблизитесь съ нимъ сколько возможно. Пусть онъ безъ страха говоритъ вамъ, что думаетъ, и если онъ дѣйствительно сойдется съ вами въ какой-нибудь мысли, — значитъ оспаривать ее, дайте ему доказать вамъ, а слѣдовательно и самому-себѣ, что онъ правъ. Тогда эта мысль обратится въ кровь его духа. Если онъ ошибается, не пользуйтесь изолiй перевѣсомъ соображенiя, который даютъ вамъ лѣтъ, не сокрушайте вдругъ, а боритесь, соображаясь съ силами ученика. Докажите ему полъ-конецъ, что онъ ошибается, но да не доставаетъ вамъ это безъ труда.

И ученикъ вашъ будетъ мыслить, прилгать умомъ и сердцемъ, и, можетъ-быть, когда-нибудь докажетъ

своему старому учителю, что онъ дѣлено обогналъ его.

Только при такомъ способѣ преподаванiя можетъ принести пользу книга, о которой мы говоримъ. Хотимъ при-ринзъ, что авторъ ея убѣжденъ въ истинѣ наложенныхъ имъ началъ и правилъ. Но пусть онъ не выдаетъ ихъ ученику за нечто непереложное. Напротивъ, повторять, пусть пробудить онъ учащагося надобнрчивостю къ тому, что имъ сказано, пусть доказывать свое мнѣнiе понемному, шагъ-за-шагомъ. Сбить и смутить ученика не трудно и не лезтво. И если ученику случится печально обрести слово или мысль, которая вдругъ пролетѣтъ для васъ помыль свѣтъ на ваше мнѣнiе, — отбросьте педагогическое самолюбiе, равнейте эту мысль самому же ученику, опровергните самихъ-себя, словомъ, признайтесь ему въ ошибкѣ.

Нельзя не признать добросовѣстности труда г. Сен-Жюльена. Это порука въ томъ, что онъ, какъ благонамѣренный преподаватель, съ пользою употребляетъ свое руководство, то-есть, представляетъ его учащемуся не какъ сводъ законовъ для сочиненiя, но просто какъ пищу для его ума, какъ положенiя, о которыхъ онъ желаетъ услышать его мнѣнiе, побесѣловать съ нимъ.

Вся тайна воспитанiя состоитъ въ пробужденiи и поддержанiи активности духа. Направленiе дадутъ природа и жизнь.

Наложивъ свои понятiя вообще на способъ преподаванiя предметовъ, надобныхъ содержащемуся въ этой книгѣ, мы высказали и наше о ней мнѣнiе. Она, дѣйствительно, не есть давно забытая нами риторика съ хриями, фигурами и тому подобными сочинительскими хларомъ. Въ ней много хорошаго, дѣльнаго, которое съ пользою можетъ быть употреблено въ дѣло, при наложенныхъ нами условiяхъ. Мы убѣждены, что это единственный путь, ведущiй къ дѣлу. При немъ все можетъ быть употреблено въ пользу, потому что все можетъ расставить радишьцать, даже риторика г. Греча: всякий упо-

накъ докажите намъ божь трудъ, что она никому не годится...

Фраза, близкая къ этой: Cours philosophique, выходя изъ испанскій оборотъ, модъ замарать:

13) Dictionnaire de l'usage des Verbes dans les Langues Orientales. (Словникъ для объясненія ума и сердца). Санктпетербургъ. Въ тип. И. Глазунова и Кош. 1845. 2 части. Въ 12-ю д. л. Въ 1-й части 68, во 2-й—66 стр.

Это просто хрестоматія, сборъ разныхъ равенствъ, — также пища для ума и сердца. Жаль только, что составитель руководствовался вдохновеніемъ, подобно повару Новгорова въ Шеремыхъ Душахъ: сувъ (собственнѣ вассер-буна) приправилъ уксусомъ, рѣбу сахаромъ, жарѣе шибромъ; картофель же всадъ и повстау. Нѣтъ, французская кухня лучше вѣнцонной!

Но безъ метафоръ: спрашивается, для какого возраста составлена эта книга? Не-уже-ли тотъ, кто интересуется «падеіемъ Каратегена», станетъ читать басню «Пчела и Муравей», или умилится надъ исторією Миртиллѣ?

Книга состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, — прозаическаго и стихотворнаго. Въ обоихъ одинаковое вавилонское столпотвореніе: Книга и Шиллеръ, Весвибертъ и Гёте; въ-особенности же Гёльти, Рамлеръ, Геймъ, и пр., — читай въпергъ!

14) C'est Dialogue français, russes et allemands sur les différents rapports de la vie pratique, tant de la commerciale, de l'industrielle que de la sociale, propre à faciliter l'étude de la langue française; par Jules Ponce (Это Разговоръ на французскомъ, русскомъ и немецкомъ языкахъ; въ пользу учащихся французскому языку. Изданіе Якова Лангена). Санктпетербургъ. Въ тип. И. Глазунова и Кош. 1845. Въ 8-ю д. л. 221 стр.

Подъ этимъ заглавіемъ явилось новое изданіе... разговоровъ —

предмета: уксосъ и вавилонскіе дѣвѣи. Нѣтъ дивнаго сентимля, что заучиваніе фразъ можетъ принести пользу при наученіи языка. Но для этого нужно, чтобы фразы, касаясь обыденныхъ предметовъ общаго, были расположены въ нѣкоторой системѣ, а не какъ-нибудь... досега, чтобы каждая фраза была прихромъ какого-нибудь грамматическаго правила, и чтобы онъ слѣдовалъ одинъ за другимъ, какъ слѣдуетъ въ грамматикѣ правила. Предложенная же книга не имѣетъ никакой системы, какъ отсоединенная колода картъ. Тасуйте сколько угодно; — ничего не выйдетъ. Учите и изучайте въ дѣтѣ сколько угодно, — тоже ничего не выйдетъ.

15) Introduction à la Grammaire. Manuel d'usage des classes élémentaires du primaire Jourdan (Введеніе въ Грамматикѣ. Руководство съ долгу первоначальныхъ классовъ народнаго). Санктпетербургъ. Въ тип. Э. Прица. 1845. Въ 12-ю д. л. 46 стр.

Собраніе пританъ опредѣленій, касающихся мабуки, произношенія, различія частей рѣчи и образованія формъ глаголовъ. Желательно, чтобы въ опредѣленіяхъ и раздѣленіяхъ было больше системы и ясности. Если ребенокъ покусился подумать о томъ, что онъ прочелъ, то въ нѣкихъ мѣстахъ непремѣнно собьется съ толка. Напр., онъ читаетъ, что согласныя буквы могутъ образовывать звукъ только съ помощію гласныхъ, и что звукъ ихъ не можетъ продолжаться самъ-по-себѣ; и вдругъ въ числѣ согласныхъ видимъ j, r, s; t. Подумать ли они подъ данное опредѣленіе? Такихъ недосмотровъ есть нѣсколько, а книга такъ невелика, что не трудно бы изобъять и этого.

16) Leçons pratiques de langue française (Практическіе уроки французскаго языка). Санктпетербургъ. Въ тип. И. Глазунова и Ко. 1845. Въ 8-ю д. л. 103 стр.

Умно-составленная книга для наученія произношенія французскихъ словъ и для обогащенія памяти многими эк-

разрешении о часто-встрѣчающихся предметахъ. Таблицы означенныхъ словъ много облегчаютъ память. Эпиграфы этой книги не мѣшало бы печатать на каждой учебникѣ: « Si l'on veut que les enfans parlent; un jour la langue des hommes, il faut que les hommes, en s'adressant à eux, sachent parler la langue des enfans ».

-X.

17) MÉTHODE ÉTABLIE EN 1786, 000 APPLICATIONS ou l'art de la Grammaire française enseigné par la pratique. Ouvrage classique adapté spécialement à l'instruction de la jeunesse russe. Par Nicolas Cay, auteur des études françaises et russes comparées, des nouvelles études de philologie, etc. 2 parties. Москва. В 2-хъ ч. Самара. 1844. В 8-ю д. л. В 1-й части — 160, во II — 254 стр.

Нѣтъ ничего забавнѣе претензій, особенно претензій на ученость. Если бы г. Гэ сказалъ просто, что онъ сочинилъ *La Grammaire Nationale*, Бешерева, и напечаталъ сокращенный текстъ съ русскимъ переводомъ (весьма дурнымъ), — дакто не удивился бы такому поступку: почему не выбрать къ руководству грамматики Бешерева, которая дѣла уже два изданія и своимъ способомъ, дилложенія — отъ прилежанія къ правиламъ — заслуживаетъ вниманіе учителей? Почему также не перевести французскаго текста на цѣлый русскій языкъ? Французу извинительно не знать русскаго языка: не извинительно только браться за дѣло, не зная дѣла, — но это уже второе дѣло,

видяло, однакожь, совсѣмъ иначе. Г. Гэ, сочинитель Бешерева, видитъ въ дѣлѣ только помощь своему труду, а себя приписываетъ славу сочинителя оригинальной системы съ бешереваевой оригинальностью. Заслуга въ самомъ дѣлѣ, знаменита! Слѣтъ во-едино таковы огромныхъ философствъ. И добро бы однихъ! а то обратитъ грамматику одного, въ которой говоримъ о ясности другой!.. Придѣлы подобной отгаженности довольно рѣдки; г. Гэ среди была дѣл беретъ чужое, да еще и не благодаритъ настоящаго издателя:

« Méthode Bescherelle, Lemaire, Vursta et d'autres — dans les grammaires ont expliqué les principes de la grammaire par les faits, analysant les règles et en déduisant les principes; mais on ne voit pas que les auteurs de ces grammaires aient jamais dit: « Si l'on veut que les enfans parlent, un jour la langue des hommes, il faut que les hommes, en s'adressant à eux, sachent parler la langue des enfans ». »

Мы говорили о ней подробно при разборѣ « Русской Грамматики для Русскихъ », г. Половцова, и « Практическаго Сиртискома », г. Нерезишнаго. Тамъ показаны выгодныя стороны этой метода, которой теперь слѣдуютъ, впрочемъ, въ маломъ числѣ опытные преподаватели языковъ. По-этому, каждый изъ нихъ съ удивленіемъ прочтеть слова г. Гэ: « Malgré le plan tout nouveau... »

Что же тутъ новаго, когда Лемаръ бабыкъ дамы Французани, когда Бешерель и Вурста сами перебрали только въ своей методѣ, а просто печатаютъ новыя изданія своихъ книгъ и собираютъ за нихъ по возможности денегъ?.. Нельзя, право, не улыбнуться, читая слѣдующія строки предисловія, въ которыхъ такъ и дышетъ отъ зависти самоудовольствіе автора: « En nous adressant aux personnes qui voudront faire usage de notre méthode, nous pouvons leur dire: Prenez et étudiez ces réflexions, les moyens de pratique sont organisés. Voulez-vous des règles? la langue française se trouve enseignée par elle-même; c'est-à-dire par les faits; les applications, les exercices et par l'analyse, qui rendant compte de tout et montrant comment la théorie vient de faits, exerce l'esprit à trouver le principe et développe le jugement en même temps que la mémoire. — C'est auteurs, dans une notice très connue de la langue française: « Мы нашли!.. Изъ книгъ, съ одной стороны, принадлежатъ гѣ, которыхъ; въ ихъ книгѣ, принадлежитъ только предисловіе, съ другою — особенно гѣ, которые предисловіе къ своему сочиненію составили по чужой книгѣ. »

Несоволая метода Бешерева и Вурста подвергается, однакожь, справедливому осужденію въ некоторыхъ педагогахъ, но-крайней-мѣрѣ съ одной ея стороны. Вотъ что говоритъ о ней одинъ изъ нашихъ учителей: « Учитель

какъ такого рода находить, и припрѣтъ, рядъ простыхъ предложеній, подлежащимъ которыхъ существительное имя, второй рядъ съ подлежащими женскаго рода, третій — средняго; за тѣмъ четвертый рядъ съ двумя подлежащими, сначала мужскаго, потомъ женскаго, наконецъ средняго рода; далье новые роды предложеній, въ которыхъ по два подлежащихъ: одно мужскаго, другое женскаго, и т. д. А тамъ пойдеть та же исторія съ числительными. Коротко сказать: кажется, будто сочинители такъ методъ думаютъ, что можно и должно почерпать всѣ возможные виды предложеній; по-крайней-мѣрѣ, будутъ такого мнѣнiя бѣдные ученики, живая воспримчивость которыхъ систематически убивается такой методою. Но если потребуется нѣсколько дней, даже цѣлыхъ недѣль, чтобы систематически равнять всѣ возможные видоизмѣненiя предложенiя только съ тремя простыми элементами, то при десяти элементахъ предложенiя не достанеть и жизни человеческой, чтобы наполнить примѣрами всѣ возможные случаи сочетанiя этихъ элементовъ; даже одно только исчисленiе всѣхъ такихъ видоизмѣненiй — есть уже дѣло невозможное. Зачѣмъ же хлопотать о томъ, чего недѣля, да вовсе и не нужно доводить до конца? («О Преподаванiи Отечественнаго Языка»).

Сочиненiе свое назвалъ г. Гё *adapté spécialement à l'instruction de la jeunesse russe*. Но мы, просмотрѣвъ всѣ страницы сочиненiя, не нашли ни одной, приспособленной къ требованiямъ русскаго юношества. Можетъ-быть, авторъ разумѣеть подъ этимъ дурной переводъ на русскiй языкъ? Если-ли въ немъ чувствовало надобность наше юношество! Въ первомъ сочиненiи г. Гё: «*Etudes françaises et russes comparées*», дѣйствительно надобится, въ выпискахъ, полезныя замѣчанiя о русскомъ языкѣ, принадлежащая г. Д. Кадайдоничу; въ нихъ указаны отличительныя свойства нашей грамматики, сравнительно съ французскою. Въ

послѣ (1) это методъ ничего подобнаго не имѣется, и потому слова: приспособленная къ обученiю русскаго юношества, вѣроятно; списаны съ заглавiя каково-нибудь другое сочиненiя..

А что переводъ текста на русскiй языкъ крайне-плохъ, объ этомъ наипаче было упоминать въ заглавiи, потому-что доказательства рассыпаны на каждой страницѣ. Вотъ на выдержку примѣры:

«Ничто не нравится намъ со стороны того, кого мы не любимъ. — Наказанiя всегда тамъ, гдѣ и грѣхъ (читай: гдѣ грѣхъ, тамъ и наказанiе). — Какiе ваши труды и къ чему имѣете вы отвращенiе? (Quels sont vos peines et vos degouts?). — Блнстать есть побѣда въ пользу гордости, нравится — побѣда въ пользу сердца. — Слишкомъ много способовъ могутъ испортить дѣло. — Онь атаковалъ городъ. — Посмотрите на эту огорченную мать, сжимающую въ объятiяхъ, ласкающую единственное дитя, оставшееся ей, и плачущую о недавней потерѣ любимой своей дочери.»

И это на каждой страницѣ: разберите любую — и читайте.

Г. Гё недоволенъ славой небобрѣтателя новой методы, существовавшей давнымъ-давно до его книги: онъ претендуетъ еще на титулъ учителя нравственности и мудрости. Грамматикъ хочетъ быть моралистомъ и философомъ: «*Sans nous être borné à l'appréciation des termes, des règles de concordance, des tours plus ou moins corrects, nous avons cherché encore, tout en évitant de nous perdre dans les profondeurs d'une obscure métaphysique, à faire de notre livre un code de pensées intéressantes sous le rapport de la morale, des sciences et des lettres, qui émane, pour ainsi dire, d'un jury d'écrivains d'élite*». Въ добрый часъ: чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Почему, изучая грамматику, не поучиться философiи и морали? Посмотримъ же, какова, въ новой методѣ, мораль и философiя:

1. Одно несчастiе сонды (1?) влечь за собою другое. — Великiй вредъ, имѣеть, даже

зривати. «Игумена, замыслившаго себя братомъ, совете монахи свободныи». — Вотъ, нѣтъ, сдѣлаъ, есть жизнь имеемъ людей. — Братся за вещи, какъ онъ есть, употреблятъ ихъ какъ позволяютъ обстоятельства — вотъ практическая мудрость жизни. — Люди сотворены для того, чтобъ утѣшать другъ друга. — Сладкая роса оживляетъ природу. — Философъ подлинна есть разумъ свой предразсудкамъ. — Хотя и несогласился съ своимъ двоюроднымъ братомъ, все-таки продолжаю видѣться съ нимъ; онъ продолжаетъ писать ко мнѣ. — Никогда никто, можетъ быть, не огорчился тѣмъ, что не имѣетъ трехъ глазъ, но всякій безпокоится, если имѣетъ одинъ, и проч.

Въ философіи и нравственности нужно избѣгать противорѣчій, а они встрѣчаются въ *Новой Методѣ*: «Генералъ, болѣе нежели офицеры, достоинъ порицанія и: Офицеры, болѣе нежели генералъ, достойны порицанія». — «Отъ родителей своихъ вы должны ожидать всего: ихъ старанія вы растете», и: «Глазъ отца всегда ослѣпленъ мечтами».

Наконецъ, г. Тъ издѣлываетъ свое сочиненіе классическимъ (classique) на какомъ основаніи? Можетъ-быть, по его мнѣнію, классикъ есть тотъ, кто перепечатку чужаго сочиненія выдаетъ за новую методу и даже предисловіе къ чужому труду описываетъ въ другой книгѣ?

Гораздо бы полезнѣе было, откинувши всѣ претензіи, назвать свой трудъ такъ: *Сокращеніе Грамматики Боплана*. Для ясности позволюсь бы прибавить: *переведенное на дурной русской языкъ*.

18) *CHEVETOMATHIE FRANÇAISE graduée, à l'usage des gymnases de l'arrondissement universitaire de Moscou par Théodore Courtener. Première partie. Seconde édition, revue et augmentée. Москва. Въ университетской муш. 1845. Въ 8-ю д. л. 118 стр.*

Эта «Хрестоматія» во второмъ своемъ изданіи пополнена нѣкоторыми статьями и надана гораздо-лучше противъ прежняго.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ ИЗВѢСТІЯ.

Кромѣ великолѣпнаго «Тарантаса», А. Н. Ивановъ издалъ, на-дняхъ еще двѣ обѣщанныя имъ книги: первую часть *Физиологіи Петербурга*, составленной изъ трудовъ разныхъ литераторовъ, и *Краткое Практическое Наставленіе для постройки сельскихъ жилищъ изъ земли, каменныхъ и деревянныхъ, составленное А. П. Савошкинымъ*. — «Физиологія Петербурга» есть сборникъ статей, посвященныхъ предметамъ

разныхъ стороны петербургской жизни, живо изображенными въ разсказахъ и живо представленными въ политическаго, которыми украшена книга. Статьи писаны гг-ми Бѣлинскимъ, Далекомъ (Дуганскимъ), Гребенкомъ, Григорьевичемъ и Нотрасовымъ; рисунки дѣланы гг-ми Тимоимъ, Бервардскимъ и Жуковскимъ. — Книга А. П. Савошкинова заключаетъ въ себѣ восемь большихъ статей: 1) Инструменты, не-

обходные при постройках, 2) Обозначение на ясности плана предпологаемого строения, 3) О качествах материалов и изготовлении их, 4) О правдивости сведений вторых и о чистоте его отдален, 5) О размерах некоторых частей здания, 6) Мочисленіе материаловъ, потребныхъ для здания, 7) Важнѣише о прочности здания, и 8) О выдѣльваніи кирпича и обжиганіи кирпича. Всѣ эти статьи объясняются 248-ю картинками рисунками. Имя г. Саможикова даже уже известно, какъ имя замѣчательнаго художника и основательнаго знатока своего дѣла; мы увѣрены, что книга его—истинная находка для помѣщиковъ и вообще для людей, нуждающихся въ наставленіи для постройки сельскихъ жилыхъ зданий, — сдѣлается скоро настольною книгою у всякаго хозяина. Нельзя не благодарить г. Иванова за эти три прекрасные подарка къ праздникамъ, особенно, если взять въ соображеніе цѣны, назначенныя имъ за эти изданія. Двѣ части «Физиологіи Петербурга» (изъ которыхъ на вторую выдается билетъ) стоить 4 р. с. (съ перес. 4 р. 50 к. с.), «Практическое Наставленіе г. Саможикова, съ 218 рисунками, на велевой бумагѣ, 3 р. с. (съ перес. 3 р. 50 к. с.), а «Тарантасъ» — великолѣпнѣйшее изданіе, подобнаго которому еще ничего не было въ нашей литературѣ, — стоить только 4 р. серебромъ! Дешевле этого едва-ли можетъ быть книга, которой напечатаніе сопряжено было съ такими огромными, ошеломляющими издержками. Думаемъ, что экземпляръ «Тарантаса» можетъ служить самымъ приличнымъ и самымъ приятнымъ подаркомъ къ празднику, какъ роскошный альманахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ утѣла книга.

Обозначеніе статьи *Возраженіе на Антакриптику*, напечатанную въ 47, 48 и 49 нумерахъ «Литературной Газеты» 1844 года, подъ заглавіемъ: «Отмеченіе на приписку брахманизма».

«Очевидно, не будучи ничтожнымъ «Очевидно, не будучи ничтожнымъ, отъ редакціи возмущаются».

На дняхъ выйдетъ въ свѣтъ книжечка подъ названіемъ *Дюжика Крылова*, назначенная для подарка дѣтямъ при приближеніи юнаго обѣдному празднику. Въ этой книжкѣ разсказана біографія Крылова съ замѣчательнѣйшими подробностями и анекдотами изъ его жизни. Текстъ украшенъ портретомъ Крылова и картинками, изображающими сцены изъ его жизни. Картинки эти дѣланы дароватымъ художникомъ г. Агнатымъ и литографированы въ два тона во французской литографіи Цоля-Петт. Книга будетъ продаваться по 1 руб. сер.; съ пересылкой 1 руб. 25 коп. сер.

Въ началѣ марта, вышла въ свѣтъ первая книжка за вышнѣйшій годъ *Записокъ по части Врачебныхъ Наукъ*, журнала, издаваемаго при дѣльней Медико - Хирургической Академіи профессоромъ Дубовицкимъ. Въ этой книжкѣ, въ числѣ оригинальныхъ статей, помѣщены: 1) Описаніе счастливаго излеченія мозговиднаго рака. Здѣсь описывается весьма-рѣдкій случай излеченія рака въ глазахъ, безъ операціи, при одномъ внутреннемъ употребленіи сдѣлано излеченіе рака въ глазахъ. Случай этотъ, можетъ-быть, доселѣ единственный въ наукѣ, и по-этому врачи поймутъ, какую онъ долженъ имѣть важность; наблюденіе это быть-быть не должно остаться безъ вниманія, что оно описано съ натурою истиннымъ нашимъ практикомъ, профессоромъ *Ляоземцовымъ*. При этой статьѣ приложены три прекрасныя анатомическія рисунка. 2) О поврежденіяхъ печени и селезенки въ хирургическомъ и судебномъ медицинскомъ отношеніи, профессора *Виссера*. Въ этой статьѣ видно, что

автора весьма много чинить: а) За-
тѣтъ: а) правды о критической
течкѣ; б) Слѣды въ особенностяхъ можетъ
быть полезны для врачей, занимающих-
ся судебною медициною; в) Практиче-
скія наблюденія, доктора Флика; тутъ
описаны а) гипетрофія мозга; б) на-
ростковыя отложенія въ печени; с) измѣ-
ненія большого сальника при ракъ
брюшныхъ внутренностей; и д) проис-
хождение заднепроходнаго свища при
лѣгочной частотѣ. Всѣ эти наблюденія
весьма-интересны для врачей-практи-
ковъ и для тѣхъ, которые занимаются
патологическою анатоміею. 4) О пере-
межающейся темной водѣ, соч. штаб-
лекаря Корста. Авторъ здѣсь пред-
ставилъ нѣсколько случаевъ этой стран-
ной и рѣдкой болѣзни. Въ отдѣленіи
Библиографіи разобрано десять меди-
цинскихъ сочиненій иностранныхъ и
русскихъ; можно по-справедливости
сказать, что благородный и строгій
тонъ, и вѣрная оцѣнка достоинства со-
чиненій, которыхъ держатся въ этомъ
отдѣлѣ «Врачебныя Записки», дока-
зываютъ безпристрастіе и благонамѣ-
ренность этого журнала, столь необхо-
димыя во всякой критикѣ, тѣмъ болѣе
въ медицинскій, которая у насъ dese-
лъ еще не имѣетъ большого развитія.

Въ Слѣдѣ помѣщены 51 статья, на-
звечены болѣе нежели изъ двадцати
разныхъ иностранныхъ медицинскихъ
журналовъ и академическихъ запи-
сокъ. Тутъ представлены всѣ откры-
тія, усовершенствованія и измѣненія,
сдѣланныя въ медицинѣ въ послѣднее
время; для большаго удобства статьи
здѣсь распределены по отдѣламъ на-
укъ: по анатоміи и физиологіи, по па-
тологіи и терапіи, по хирургіи, по
акушерству, и проч.; такъ-что чита-
тель въ слѣдѣ «Врачебныхъ Записокъ»
можетъ найти извлеченіе изъ всѣхъ
новѣйшихъ иностранныхъ журналовъ,
представленныхъ въ систематическомъ
порядкѣ. — Сравнивая настоящую
книжку этого журнала съ книжками за
прежніе годы, вы замѣтите, что «Вра-
чебныя Записки» совершенствуются и
идутъ впередъ, и по-этому дѣлаются

болѣе и болѣе важными и ценными
для просвѣщеннаго врача, нежели
еще отстали отъ своей науки.

Мы даемъ въ извѣстномъ изданіи
хотѣли помѣстить Эрмитажской Галереи.
Слѣдуетъ поправить свою ошибку. Вы-
шла *одиннадцатая, двенадцатая и три-
надцатая* тетради этого полезнаго и
важнаго изданія. Въ этихъ тетрадяхъ
помѣщены три біографіи: Давида Те-
ньера, Сальватора Розы и Николая
Пуссена, — и тринадцать эстамповъ: 1)
Сельскій Праздникъ, Теньера; 2) Да-
видъ, Тиціана; 3) Площадь св. Марка,
Антоніа Каналетто; 4) Исусъ Христосъ
близъ Виоллема, Перуджина; 5) Блуд-
ный сынъ, Сальватора Розы; 6) Бого-
матерь, la Vierge aux Perdreix, ван-
Дейка; 7) Болото, Рювадала; 8) Пенло-
неніе Пастуховъ, Пальма-старшаго; 9)
Полюемъ, Николая Пуссена; 10) Этюдъ,
Рембранта; 11) Похищеніе Европы,
Гвидо Рени; 12) Срѣтенію Господне, Э.
Лессюра, и 13) портретъ Ея Величе-
ства Государыни Императрицы, при-
ложенный къ *одиннадцатой* тетради,
отличающійся сходствомъ и прекрас-
но-выполненнымъ. По всему видно, что
изданіе «Эрмитажной Галереи» обос-
новано твердо и благополучно доведе-
но будетъ до конца, не въ примѣръ
другимъ художественнымъ изданіямъ,
которыя предпринимаемы были въ
Россіи и увидали нерасцвѣтши. Въ
изданныхъ нынѣ трехъ тетрадяхъ э-
стампы дѣланы тѣми же художниками,
которыя работали для первыхъ десяти
тетрадей; слѣдственно, они отлича-
ются тѣми же достоинствами, какъ и
прежніе.

Гг. Чернецовы съ усѣхою продол-
жаютъ начатое ими прекрасное изда-
ніе *Палестина*. Вышла *третья* тетрадь,
содержащая въ себѣ шесть литогра-
фій: 1) Назаретъ; 2) Мѣсто Благоу-

ннѣ Пречистой Богородицы, въ Назретѣ; 3) Гротъ подъ храмомъ Благоденія, гдѣ жила св. Дѣва, въ Назретѣ; 4) Камень, служившій трапезою сусу Христу съ Апостолами, въ Назретѣ; 5) Пруды Соломона, близъ Виссена, и 6) Зданія на Сионѣ, называемыя домомъ Давида, въ Иерусалимѣ. —

Всѣ эти останки сдѣланы съ отчетливостью истинно-художественною, и обильными, къ нимъ приложенными въ видѣ текста, весьма-хорошо растолковываютъ изображенія, возбуждая въ душѣ христіанской благоговѣнная ощущенія.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ.

Исторія Яна Совекаго, г. Сельжида. — Исторія английской революціи, г. Филарета Шалля. — Исторія европейских кабинетовъ во время консульства и имперіи, г. Армана Лефера. — Реформаторы до реформации, г. Боннома. — Исторія Оттоманской Имперіи, г. Жюиро де-Сен-Дени. — Исторія Консульства и Имперіи, г. Тьера. — Курсъ политической экономіи, г. Мишеля Шювалье. — Писма о Химіи, г. Лубига. — Курсъ микроскопіи, г. Дюма. — Паскаль и Жаквлина Паскаль, г. Кузена. — Басни Баврія. — Новымъ-простолюдинамъ: Магю, Шарль Нонсе.

Въ древнія времена, римскіе консулы, покидая Капитолій, слагая съ себя знаки своего сана, возвращались къ плугу. Нынѣшніе французскіе министры подражаютъ имъ. Измѣнилась только форма плуга: онъ является въ видѣ пера. Шатобрианъ, на старости лѣтъ и въ удивленіи, находитъ утѣшеніе въ поэзій; экс-министръ Тьеръ погружается въ занятія историческія; Вильменъ, Гизо, Кузенъ, въ антрактахъ министерствъ, посвящаютъ свои досуги литературѣ. Бывшій министръ публичнаго обученія, Сальванди, не отстаетъ, въ этомъ отношеніи, отъ товарищей. Доказательствомъ служитъ новое, улучшенное изданіе его *Histoire de Jean Sobiesky* (Исторія Яна Совекаго). «У меня есть досугъ» говоритъ онъ въ предисловіи: «я посвящаю его литературѣ. Перо было моею опорой въ юности; оно составляло силу моего зрѣлаго возраста; со-временемъ, оно будетъ служить мнѣ утѣшеніемъ въ другой періодъ моей жизни, къ которому естественно склоняются мои взоры трид-

цать-одинъ годъ публичной жизни и бремя многихъ превратностей судьбы.»

Во времена реставраціи, было замѣчательное движеніе идей. Писатели, предназначавшіе себя къ жизни политической, занимались не столько теоріями, сколько исторіей: почти всѣ публицисты были историками. Исторія высказывала, въ фактахъ и въ оцѣнѣ фактовъ, идеи политическія, которыя тѣмъ легче проникали въ умы читателей, чѣмъ менѣе казались онѣ идеями. Гизо въ своей *Histoire de la révolution anglaise*, Тьеръ въ *Histoire de la révolution française*, Тьерри въ *Histoire des Communes*, Сент-Олеръ въ *Histoire de la Fronde*, Кappelъ въ *Opuscules historiques*, Барантъ въ *Histoire des Ducs de Bourgogne*, — не походили на труженниковъ-бенедиктинцевъ, которые были мертвы для своего вѣка и вполнѣ погружались въ безсѣды съ современниками другихъ вѣковъ. Историки реставраціи отъ могилъ прошедшаго всегда возвращались къ своему времени.

Въ «Исторіи Яна Собесскаго», Сальванди не касался новѣйшихъ политическихъ идей. Онъ не будилъ живущаго за тѣмъ, чтобъ быть въ революціонный набатъ, чтобъ тревожить царствовавшую во Франціи династію. Принимаясь за эту исторію, онъ повиновался болѣе влеченію своего воображенія, чѣмъ разрабатыванію фактовъ.

Царствованіе Яна Собесскаго было царствованіемъ войнъ и побѣдъ. Надо читать въ книгѣ Сальванди удивительные походы этого короля набожнаго, образованнаго, великаго тактика, отважнаго, но и въ отважности невыходящаго изъ предѣловъ науки. Всѣ его походы, впрочемъ, затѣваются однимъ великимъ подвигомъ: освобожденіе Вѣны отъ осады Турковъ.

Трехъ-сотъ-тысячная турецкая армія обложила Вѣну. Императора не было въ столицѣ. Осажденные нуждались въ гранатахъ, въ вооруженіи, снарядахъ. Принцъ Карлъ-Лотарингскій съ своею арміею не могъ подать помощи. Европа была въ тревогѣ. Папа повелѣлъ выставить во всѣхъ церквахъ святыя дары. Разныя германскія княжества гнали рекрутовъ къ Дунаю. Все европейское дворянство поднималось какъ бы на послѣдній крестовый походъ. Олва Франція молчала и радовалась; смотря на смертельный ударъ, который Турція собиралась нанести австрійскому дому. Великій Ковдѣ хотѣлъ ѣхать въ Австрію. Людовикъ XIV приказалъ арестовать его на границѣ. Среди всеобщей европейской тревоги, Испанія не могла отстать отъ другихъ державъ: и она тоже хотѣла споспѣшествовать спасенію католицизма. Она торжественно сожгла дюжину жидовъ.

Между-тѣмъ, Вѣна погибала. Болѣзни, чума помогали Туркамъ. Каждый вечеръ, графъ Арембергъ пускалъ съ колокольни св. Стефана ракету — вѣстницу бѣдственнаго положенія города. Ракета описывала въ воздухѣ огненную спиральную линію и исчезала. Не было отвѣта на призывъ. На другой день, новыя ракеты взвивались и исчезали. Надо было покориться судьбѣ

и погибнуть въ страшномъ приступѣ отъ руки людей, никогда не признававшихъ прекраснаго смысла христіанскаго — права народнаго. Последняя ракета поднялась съ вершины св. Стефана, и защитники Вѣны, еще не зная, радоваться ли имъ, увидѣли въ отдаленіи неопредѣленную, движущуюся массу.

То была армія, шедшая на освобожденіе Вѣны; то были Янъ Собесскій съ своими всадниками, которые хватились, что удержать на коняхъ своихъ небо, если оно обрушится. Спусти нѣсколько дней, Янъ Собесскій изъ горныхъ долинъ ринулся на центръ турецкаго лагеря; съ нимъ было нѣсколько пушекъ; не достало зарядовъ. Париками своими пришивали осечеры пушечныя заряды. Между-тѣмъ, среди кавалерійскихъ атакъ и жары перестрѣлки, австрійскій полкъ залъ нове въ своей роскошной палаткѣ. Если вѣрять современнымъ газетчикамъ, его походный гарнизъ занималъ пространство почти цѣлаго города.

На другой день, отъ турецкой арміи оставались только палатки, которыхъ бѣглецы не успѣли сжечь, и женщины, которыхъ они перерѣзали. При громѣ пушекъ, раздавался: Те Деумъ подъ сводами церкви св. Стефана.

Нельзя читать безъ сердечнаго участія, въ книгѣ Сальванди, писемъ, которыя писалъ король къ своей супругѣ, къ своей милой Маріи, и въ которыхъ описывалъ онъ побѣду и богатство добычи. Добродушно, какъ простой семьянинъ, принесшии жемъ подарки въ новый годъ, перечисляетъ король Янъ соболей мѣха, чепраки, брилліантовые ожерелья и драгоцѣнные камни, найденныя въ великолѣпномъ лагерѣ визира.

Жива, поэтична и интересна исторія, написанная Сальванди. Она напоминаетъ прекрасную школу Фукидила и Тита-Ливія; въ ней нѣтъ скуки, часто отличающей исторіи, написанной философами, — философами, которые говорятъ, что то-то, что-то, что-то

исходили события, а потому они происходили.

По жироу, драматической занимательности, мы должны представить рядом с книгою Сальвадди Revolution в Англии, рату Philaete-Schaefer (Английская Революция, Филарета Шаля).

Въ исторіи Филарета-Шаля, дѣйствующія лица являютса передъ читателями какъ на сценѣ; факты объясняются сами собою. Произведеніе его развивается, какъ драма, дѣлится съ такою же строгостію, оканчивается катастрофою. Какія дѣйствующія лица подходятъ вы въ исторіи англійской революціи?

Во-первыхъ, король. Вотъ портретъ его, начертанный Филаретомъ Шаля:

Карлу-Страру было тогда двадцать-пять лѣтъ; дѣтъ лица его были смугло-блѣдныи, глаза сѣрые и живые, брови густыя и черныя, волосы мягкіе, каштановые.

Карлъ былъ несчастенъ съ самаго рожденія; онъ родился такимъ хилымъ, что отчаялись за его жизнь, что принуждены были совершить надъ нимъ поспѣшно малый обрядъ крещенія. Блѣзвенная операція въ-сколько исправила дѣланіе, съ кроткимъ онъ родился: ноги мягкія и немогшія поддерживать его, были сжаты въ жерѣныхъ путахъ; персть Божій отыщтилъ роковымъ клеймомъ этого блѣзвеннаго ребенка.

Извѣстно, что съ дѣланіемъ всегда соединяются робость и нервическая раздражительность; человекъ, которому измѣняетъ орудіе слова, чувствуетъ себя слабымъ, замыкается въ самого-себя, становится вспыльчивымъ; отсюда этотъ характеръ неринго-врачный, или, по-крайней-мѣрѣ, меланхолическій; отсюда это чувство какой-то боязни въ присутствіи толпы, и стремленіе къ уединенному занятію искусствами и литературой. Опасно носить среди людей загадку характера, которой ни не понимаютъ. Эта опасность нескор-

блаетъ ихъ; опасно особенно для главы народа...

Итакъ, Карлу не доставало дара слова, электричества мысли. Въ-мѣсто того, чтобъ произносить самому рѣчи въ парламентѣ, онъ приказывалъ читать ихъ своему канцлеру. Церемоніймейстеръ, сэръ Геври Гербертъ, задумалъ записывать въ своемъ журнѣль всѣ слова короля. Журналъ его подвигался впередъ медленно, потому-что Карлъ I-й говорилъ весьма мало, даже съ придворными.

Какой-то гамлетовской грусти подла вся эта жизнь, на которой, какъ говоритъ Шекспиръ, разлита кроткая важность, блѣзвенныи и блѣдныи отбѣнокъ задумчивости.

Вотъ вамъ лицо драматическое, лицо, судьбою обреченное на жертву. Взгляните теперь на лица, которые должны жествовали защищать его и погубить. Тутъ прежде всѣхъ выдается въ глаза блестящій герцогъ Боккингемъ, тотъ самый герцогъ Боккингемъ, который, бывъ посланъ ко двору французскому, привезъ съ собою двадцать-семь платьевъ, накрытыхъ золотымъ шитьемъ, кружевами, золотомъ и жемчугомъ; одно изъ этихъ платьевъ, съ плащомъ, съ нагрудникомъ изъ бѣлаго бархата, съ алмазными пуговицами, съ алмазами на томъ, по сказанію хроники, стоило 80,000 фунтовъ стерлинговъ. Этотъ пышный представитель Англии, который увезъ съ собою въ Лондонъ любовь королевы французской, который, сражаясь съ Туаръ передъ Рошелью, дернулъ своему врагу духи, отсыпалъ ему раненныхъ солдатъ, въ раззолоченной шляпкѣ и на бархатныхъ подушкахъ посылалъ ему дыни, а въ обмѣнъ принималъ шесть бутылокъ переранцовою воды и двѣнадцать башекъ кипрсаго порошка,—по возвращеніи въ Англию, палъ подъ ножомъ молодого шотландскаго поручика. То было первое и влѣщщее предостереженіе пуританскаго фанатизма.

Боккингемъ умеръ такъ рано, что не могъ увлечь съ собою короля въ южнѣ. Но, для-сдѣланія малорію

короля, онъ оставилъ ему молодую, прихотливую и пылкую королеву, которую привезъ изъ Франціи, и которая своимъ католицизмомъ производила непріятное впечатлѣніе на умы народа.

Разъ говоритъ Филаретъ Шаль: при дворѣ былъ большой обѣдъ; столовая зала наполнена была любовниками; произошла соблазнительная сцена. Баккетъ, протестантскій священникъ, хотѣлъ благословить трапезу по обряду своей церкви; но католическій духовникъ королевы, прервавъ его, началъ читать на латинскомъ языкѣ *Vemeditate* по уставу католическому; оба священника слылись перекричать другъ друга и, слыша къ столу, протестантскій священникъ толкнулъ локтемъ духовника королевы, который и упалъ на коверъ; король, раздраженный и молчаливый, проворно пододрвнулъ къ себѣ одно блюдо, и обѣдъ начался. Духовникъ всталъ съ ковра, помыслился подлѣ королевы, надѣясь одержать верхъ надъ соперникомъ послѣ обѣда; но Баккетъ предупредилъ его; тогда духовникъ началъ такимъ громкимъ голосомъ читать латинскую благодарственную молитву, что нельзя было разслышать ни одного слова Баккетта; король, въ сильномъ гнѣвѣ, всталъ королеву подлѣ руку и увелъ ее.

Между тѣмъ, въ массахъ народныхъ ходилъ глухой ропотъ мятежа, ропотъ еще несильный, неопредѣленный. Преповѣди, намѣчеты нападлаи не на короля, а на дворъ его. Парламентъ ропталъ и принималъ враждебное положеніе относительно королевской власти. Дворъ нуждался въ деньгахъ: какъ достать ихъ, не прибѣгая къ наплатѣ депутатовъ? Король вазелъ себѣ страннаго помощника.

Имя его было — Ной. Неугомонное изученіе юриспруденціи погасило въ немъ чувство справедливости и несправедливости. Обширная его юридическая эрудиція торжествовала, когда открывала какой-нибудь старыиъ варварскій законъ точно такъ же, какъ

любовательный энологъ радуется, когда успѣетъ отыскать какое-нибудь обветшалое слово. Чѣмъ страннѣе, старѣе, негнѣе и негнѣротнѣе былъ законъ, тѣмъ болѣе находка его радоваала этого антикваріа-юриста. Ему отрадно было блуждать въ извибахъ лабиринта, который звали англійскимъ законодательствомъ, и находить въ противорѣчащихъ припискахъ и законахъ прежнихъ глѣзъ орудія *pro* и *contra* всѣхъ началъ.

Когда возникъ вопросъ о томъ, какъ бы достать деньги безъ наплаты депутатовъ, дворъ разсудилъ, что Ной будетъ самымъ полезнымъ для него орудіемъ; онъ обратился къ нему; юристъ не былъ отиъ удивленъ. — Сколько дадутъ тиъ за то, что я прииму должностъ генерал-прокурора? спросилъ онъ короля съ обыкновенною своею грубостью. — Мнѣ нужно хорошее жалованье. Вашему величеству, безъ сомнѣнія, неугодно, чтобы я пристыдилъ вашу корону и пошелъ искать себѣ работы въ другомъ мѣстѣ. — Вы дали все, чего онъ требовалъ.

Циникъ-юристъ сохѣстливо исполнилъ свой договоръ. Обремененный долгами, дворъ обявалъ ему быть самымъ тонкимъ выдункани, именно тѣмъ, который приготовили наденіе трона. Король сдѣлался клиентомъ прокурора, и клиентъ платилъ хорошо. Ной истощалъ для него всеиъ пріказанныиъ тонкости. На лоскуткахъ булениныхъ на двѣ тетради, написалъ онъ всеиъ юридическія хитрости въ пользу короля и всеиъ хитрости въ пользу народа; онъ положилъ эти тетради въ старую корку пирога, подареннаго ему матерью въ день Рождества Христова. — Позвольте тиъ, сказавъ онъ друзьямъ, подивная корка: — показать вамъ то, чѣмъ можно держать въ рукахъ или привести въ волненіе Англію. — Междоусобная война, дѣйствительно, вышла изъ стараго, документа, погребеннаго въ англійской норѣ. Ной умра, невиданно ре-

• думата своих хитростей въ пользу
• короля. Въ завѣщаніи, достойномъ
• его, и написанномъ въ трехъ стро-
• кахъ и на латинскомъ языкѣ, отка-
• залъ онъ младшему сыну небольшою
• пожизненный доходъ и незначи-
• тельную сумму денегъ для изученія пра-
• ва. — Все остальное имущество отка-
• зываю я старшему сыну для того,
• чтобъ онъ промоталъ его и умеръ
• нищимъ, сказалъ отецъ: — потому что
• онъ только на это и годенъ. предска-
• заніе было вѣрно: черезъ три года,
• имѣніе было промотано, и спустя еще
• годъ, старшій сынъ Ноя убитъ былъ
• на дуэли.

Вотъ каково было положеніе: воен-
• нымъ вождемъ партіи трона былъ
самъ король, духовнымъ вождемъ
• Лоуль, человекъ непреклонный; на-
• ладомъ по части финансовъ — циникъ
• Ной; ей же доставало вожда гражда-
• нскаго. Тогда-то дѣлился на сценѣ ве-
• ликій противникъ Шира и свободы,
• вслѣдствіи поборова монархія, че-
• ловѣкъ гонимый, умершій на про-
• ломѣ трона, — долгое время бывшій
• членомъ оппозиціи, обратившійся по-
• томъ къ началу монархическому,
• — человекъ столько же замѣчатель-
• ный по своему таланту, какъ и по
• своимъ связямъ, по своему характеру
• и по своей гордости, знаменитый
• Уэнтвортъ, получившій титулъ графа
• Страффорда.

• Рѣшившись разорвать связи съ
• прежними своими товарищами, онъ
• требуетъ у Нима свиданія и тайной
• бесѣды; друзья встрѣчаются въ Грин-
• вичѣ.

• Уэнтвортъ признается своему ста-
• рому другу, что онъ хочетъ присоеди-
• ниться къ партіи трона; онъ хочетъ
• доказать ему, что только на оторвѣ
• этой партіи — справедливость и бу-
• дущность. Пимъ прерываетъ его слѣ-
• дующими словами: — Къ чему эти
• предисловія? Скажите прямо, что вы
• отдѣляетесь отъ насъ; но помните мои
• слова: вы губите себя. Помните, что
• если вы насъ покинете, то я не по-

• кину васъ до тѣхъ поръ, пока не уви-
• жу головы вашей у ногъ своихъ.

Эти слова — угроза революціи, кото-
• рая уже чувствуетъ, что она одержитъ
• побѣду. Пимъ начинаеть революцію,
• подобно Мирабо, дерзостью, парла-
• ментской тактикой. Кромвель оканчи-
• ваетъ ее шпагой, подобно Наполеону.
Пимъ имѣлъ всѣ качества народнаго
• вождя: отважность, ловкость, знаніе
• людей. Онъ первый пустилъ въ ходъ
• и оправдалъ на дѣлѣ политическую
• аксіому, что массами можно управлять
• посредствомъ антипатіи. Обращаясь
• къ ненависти, можно быть увѣрен-
• нымъ, что всѣ пріймутъ вашу сторону;
• обращаясь только къ любви къ отече-
• ству, къ добродушію, истинному, справед-
• ливому, можно привлечь на свою сто-
• рону только души добродѣтельныя, то-
• есть, наименьшее число душъ.

Вотъ лица драматическія! — Ко-
• роль отдаетъ голову Страффорда на
• жертву враждебной партіи, но, испу-
• ганный уступками, которыя, не спасая
• власти монархической, безчестяетъ ее,
• онъ прибѣгаетъ къ крайнему сред-
• ству: приказываетъ выставить въ
• Поттингамѣ королевское знамя, чтобъ
• созвать своихъ вассаловъ. Погода бы-
• ла пасмурная; вѣтеръ порывистый.
Знамя было опрокинуто имъ. Его вы-
• ставили на равнинѣ; но и тутъ надоб-
• но было поддерживать его руками.
Присутствующіе удалились, смущен-
• ные зловѣщими примѣтами. Началась
• междоусобная война.

Мы взглянули только на одну изъ
• трехъ драмъ этой трилогіи, называе-
• мой англійскою революціею.

Къ любопытному сочиненію Фла-
• рета Шала приложены изображенія
• всѣхъ знаменитыхъ лицъ съ портре-
• товъ Рубенса и ван-Дейка, и прекрас-
• ныя гравюры съ акварелей Катермол-
• ля, — сцены и театръ этой великой ис-
• торической трагедіи.

Французская революція и исторія
• Наполеона, — другая драма, важностию
• своею далеко превосходящая трило-
• гію англійской революціи. Къ безчи-
• сленному собранію сочиненій объ этой

ненечерпаемой эпохѣ присоединилось новое замѣчательное произведение: *Histoire des Cabinets de l'Europe pendant le Consulat et l'Empire, par M. Armand Lefebvre* (Исторія Европейскихъ Кабинетовъ во время консульства и имперіи, Армана Лефевра).

«Я предпринялъ», говоритъ Арманъ Лефевръ: «разсказать ту колоссальную борьбу, которая начинается на равнинахъ Маренго и оканчивается въ пустыняхъ Острова-Св.-Елены. Я видѣлъ въ ней соединеніе всѣхъ условій драмы, вмѣстѣ и самой трогательной и самой страшной. Мнѣ казалось также, что она можетъ быть разсматриваема совершенно-отдѣльно отъ внутренней исторіи Франціи. Потому, я ограничилъ свой трудъ только изученіемъ фактовъ дипломатическихъ, допуская въ свои рамы только тѣ великія событія внутреннія, которыя тѣсно связаны съ исторіею внѣшнею и, дополняя, объясняютъ ее». Первый томъ этого замѣчательнаго труда начинается съ переворота 18-го брюмера и оканчивается временемъ утвержденія имперіи; второй томъ останавливается на прусскомъ походѣ (1806 г.).

Ни одна держава не боролась съ революціей и Наполеономъ такъ ожесточенно, какъ Англія. Потому, на ея политику и обращено особенно вниманіе Лефевра. Какъ Французъ, Лефевръ, разумѣется, самымъ неблагоприятнымъ образомъ смотритъ на дѣйствія англійскаго кабинета. Читатели увидятъ это изъ слѣдующихъ выписокъ. Начнемъ съ того, съ чего онъ началъ. Клеберъ скачетъ въ Египтъ; ему хочется возвратиться въ Европу; онъ договаривается съ Англіею, и, чтобъ оправдать этотъ договоръ въ глазахъ директоріи, пишетъ ей письмо, въ которомъ описываетъ бѣдственное свое положеніе. Англичане перехватываютъ письмо на морѣ, и считаютъ положеніе французской арміи въ Египтъ отчаяннымъ. «Тогда» говоритъ Лефевръ: «мысль низкая и неблагородная овладѣла ими; они рѣшились

довершить стыдъ и гибель французской арміи, закрывъ для нея море; и, если ужъ договоръ объ очищеніи Египта подписанъ, попрутъ его.» — Они нарушили договоръ.

Пропустимъ нѣсколько фактовъ въ подобномъ родѣ. Бонапарте уничтожилъ при Маренго австрійскую армію. Французская-Республика, подобно кругу на волѣ, распространилась все болѣе и болѣе. Крѣпко утвердившись на Рейнѣ, она не боялась уже ни одной континентальной державы. Она грозила берегамъ своей соперницы.

Бонапарте думалъ переправиться черезъ проливъ, чтобъ задуть бѣрсукъ въ его морѣ, какъ говорилъ онъ на своемъ эвергическомъ языкѣ. Англія, доведенная до необходимости бороться только своими собственными силами, отрѣзанная отъ остальной Европы шагою побѣдителя, подписала амьенскій трактатъ.

«Англія и Франція обязались очистить, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ послѣ ратификаціи мирнаго договора, первой—островъ Мальту, вторая Корсикю; Неаполитанское Франція не должна была исполнить этого срока; не исполнила свои обязательства. Англія, напротивъ, не очистила, въ условленномъ срокѣ, ни Мальты, ни Египта.»

Франція требуетъ исполненія трактата; Англія отказывается. «Она не уважаетъ договора», воскликнулъ Бонапарте въ гнѣвѣ: — такъ надо попрутъ его чернымъ креномъ.»

«Англійское правительство, вѣрнее дамкимъ правиламъ своей политики, начало непріязненные дѣйствія до объявленія войны, и многіе французскіе корабли, пустившіеся въ морѣ въ надеждѣ на миръ, были взяты Англичанами и конфискованы. Таково же было поведеніе Англіи и относительно Голландіи.»

Несчастная Испанія, насильственно, желѣзными узами прикована была къ Франціи. Англія знала это, дозволяла это, и подписывала съ Испаніею отсрочку разрыва.

...иногда свое искусство выдало из
 Швеции: перману сльбу, которой
 города, острова и флотъ, дурно-охра-
 няемые или дурно-устроенные, пред-
 ставляя легкую добычу. Съ исти-
 но-искусствомъ старалась
 она продлить ея безпечность. Пред-
 ставителемъ Англіи въ Мадридѣ былъ
 въ то время Отенъ Фреръ, человекъ
 дерзкій, заносчивый, у котораго на
 устахъ всегда были угроза и оскор-
 бленіе. Онъ сдѣлался ненавистнымъ
 Князю Мира, который потребовалъ
 его отставки. Съ кезаріею готовностію
 Отенъ уступилъ желаніямъ князя;
 онъ отозвалъ замальчишаго Отена и
 вѣдалъ на его мѣсто брата его, Бен-
 самюда, который былъ герцога-сто-
 борчице. Между-тѣмъ, какъ Бен-
 самюда мирно велъ переговоры съ
 испанскими правительствомъ, адми-
 ралтейство разослало ко всѣмъ коман-
 дующимъ на морѣ приказъ оста-
 влять и отсылать въ Англію галій-
 оны, предшіе изъ испанско-американ-
 скихъ колоній, тонить всѣ корабли
 вместимостью меньше семи тоннъ, от-
 сылать прочіе въ Мальту, и, нако-
 нецъ, блокировать порты и ренды
 Испаніи.

5-го сентября 1804, два галіона,
 шедъ конвоемъ двухъ фрегатовъ, воз-
 вращались изъ Ла-Платы съ грузомъ
 сорокадвѣнадцати милліоновъ піастровъ и
 унесла другихъ драгоценныхъ ве-
 щей. Она были встрѣчены и атакова-
 ны на высотѣ Мыса-Санта-Марія че-
 тырьмя англійскими фрегатами, нель-
 сонскою сэра Грама Мура; сраже-
 ніе было непродолжительно, но кро-
 вепроизито. Одинъ галіонъ взлетѣлъ
 въ воздухъ отъ взрыва пороховаго
 выстрѣла; три остальные корабли бы-
 ли отогнаны въ британскіе порты.
 Нельсонъ съ своей стороны атаковалъ
 и сжегъ передъ Барселоной три купе-
 ческіе испанскіе корабли.

Удивительное образованіе Англіи взошло
 среди мира. Начальное напуганіе на
 галіоны, прибавляетъ Лэверъ,
 останется навсегда однимъ изъ са-
 мыхъ блестящихъ (splendid) явленій

...и, на каѣмъ рѣшилъ когда-либо
 образованное правительство. Оно во-
 будило негодованіе во всѣхъ душахъ
 благородныхъ и даже въ Англіи об-
 щественное мнѣніе единогласно пори-
 цало это чудовищное злоупотребленіе
 силы.

Былъ въ исторіи моментъ торже-
 ственный; когда Англія и Франція го-
 товы были сойтись въ одинокомъ бою,
 схватиться и задушить одна другую.
 Какъ два противоположныя электриче-
 ства, силы ихъ сосредоточились на
 пунктахъ, гдѣ они могли притянуть
 одна другую; воспламениться и погуб-
 нуть, та или другая въ послѣднемъ
 зарыть. Вся сила Франціи скопилась на
 берегу Булони. Съ наваломъ, въ за-
 думчивости, скрестивъ руки, смотритъ
 императоръ на волны туманнаго про-
 лива, который укрываетъ соперницу
 отъ его ударовъ. Онъ смотритъ на флотъ,
 которые преграждаютъ ему путьъ
 къ ней. Онъ думаетъ, нельзя ли пере-
 кинуть черезъ проливъ подвижной
 мостъ, чтобъ грудь съ грудью схва-
 титься съ соперницей. Чѣмъ бы ни
 кончился водивокъ, онъ рѣшается на
 него. Англія дрожитъ на своемъ утесѣ,
 какъ морская чайка, чувствующая лы-
 каніе бурнаго вѣтра. Барона глядеть,
 трепещетъ и ждетъ.

Ожиданія не сбылись. Англія съумѣ-
 ла оборотить на Европу пистолетъ, ко-
 торый Бонапартъ держалъ у ея горла.
 Остановленный какъ-бы на прологѣ
 драмы, Наполеонъ съ яростію обратилъ
 ся на враговъ, которые сдѣлали дивер-
 сію его ищевію. Подъ Ульмомъ, подъ
 Аустерлицомъ разбилъ онъ арміи не-
 приязненныхъ державъ.

Каждый разъ, когда огонь гдѣ-ни-
 будь погасалъ, Англія находила сред-
 ство снова развести его. Она была кол-
 дуньей, съ ожесточеніемъ, съ головней
 въ рукѣ; преслѣдуя Европы императора.
 Читая Исторію Европейскихъ Каби-
 нетовъ, чувствуешь, какъ капля за ка-
 плей проникаетъ въ душу убѣжденіе,
 что императоръ рано ли, поздно ли;
 непремѣнно долженъ былъ погнубить.

Онъ долженъ былъ погибнуть отъ причинъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

Для Французской-Республики не было мѣста среди державъ европейскихъ. Республика и монархія не могли существовать вмѣстѣ. Республика одерживала побѣды, но никогда не могла получить мира. Сколько бы ни расширяла она свои земли, сколько бы ни обставляла себя мелкими республиками, созданными по ея образу и подобию, ей надлежало бороться до-тѣхъ-поръ, пока вся Европа не сдѣлалась бы республикою, потому-что Европа не могла оставить въ своихъ нѣдрахъ вооруженной школы революцій.

Когда Наполеонъ сдѣлался повелителемъ Франціи, она была окружена врагами, которые два-три раза едва не вторглись въ ея нѣдра. Побѣды и опасности, удаленныя побѣдами, заставляли Францію все дальѣе и дальѣе подвигать свою оборонительную линію, укрѣпляться на землѣ непріятеля и на счетъ непріятеля. Это значило увеличивать опасности, отъ которыхъ ей хотѣлось освободиться. Наполеонъ отягчал у Австріи Сѣверную-Италію, которая служила условіемъ существованія для національности австрійской; онъ организовалъ противъ Пруссіи Рейнскій-Союзъ, но пораженныя имъ великія державы соглашались на уступки, соглашались на миръ для того только, чтобъ оправиться отъ ранъ и собраться съ силами для новой войны. Императоръ, вѣчно на конѣ, долженъ былъ безпрерывно вероломиться съ сѣвера на югъ и разить враговъ, поднимавшихся то тамъ, то здѣсь.

Напрасно Талейранъ представлялъ ему планы устройства Европы; напрасно сталъ бы Наполеонъ силиться отбросить Австрію къ Дунаю и къ Черному-Морю и тамъ столкнуть ее съ Россією; напрасно сталъ бы онъ силиться отбросить Пруссію къ Польшѣ, чтобъ сдержать Россію; по естественному закону равновѣсія, Австрія снова откинулась бы къ Италіи, Пруссія къ Рейну. Наполеонъ кадилъ баснословную славу.

— Я владыка всему миру спавшему, возманила отъ, испуганный своимъ безсміемъ.

Перевернемъ гипотезу: предположимъ, что Бонапартъ, понимая, что Республика-Французская не можетъ существовать среди монархій, и, составляя для себя тронъ, подаетъ безпримѣръ утѣренности, объявляя, что Франція хочетъ отдать всѣ свои завоеванія и возвратиться въ прежніе свои предѣлы.

Европа, немогшая пожертвовать началомъ монархическимъ, призвала беззаконность утвержденія его дома на престолѣ французскомъ. Такимъ образомъ, императоръ могъ бы обезопасить себя отъ всякаго внѣшняго нападена. Но могъ ли онъ удержаться на престолѣ? Не думаетъ, потому-что не видя, на какомъ элементѣ могъ бы онъ утвердиться.

Послѣ революціи, не было французской націи: были остатки націи, были стѣiena націи; аристократія не существовала; массы народныя, глубоко-заволюнованныя, еще неуспокоенныя, надлежало сначала утѣшать, обуздывать, а не принимать къ дѣлу управительственному. Наконецъ, нѣщадство, bourgeoisie, еще не образовалось.

Въ этотъ заключаетъ весь секретъ слабости императора. До революціи, было среднее сословіе, tiers-état. Оно было ничтожно, но той причиной, что обладало только движимыми богатствами, а не владѣло землею. Революція, исторгнувъ территориальное богатство изъ рукъ дворянства и духовенства, создала повѣйшую bourgeoisie, ту часть народа; съ помощію которой дѣйствуетъ теперь управительство во Франціи.

Но во время имперіи, bourgeoisie еще не устроилась; земельная собственность еще колебалась въ ея рукахъ; она пользовалась правами богѣе насловахъ, чѣмъ на-дѣлѣ. Притомъ, въ эту эпоху, когда промышленность, не-

гда торговля приостановилась, bourgeoisie не могла укрѣпиться, не могла обогатиться посредствомъ двухъ главныхъ элементовъ своего существованія. По-этому, конституционное правительство невозможно было при императорѣ.

Наполеонъ не хотѣлъ быть королемъ черни, надѣть красную якобинскую шапку; онъ чувствовалъ, что въ якобинствѣ нѣтъ никакого условия порядка и, следовательно, прочности. Онъ хотѣлъ восстановить прежнюю французскую націю, восстановить прежние элементы порядка, которые буря вырвала съ корнемъ и разбросала далеко. Онъ воскресилъ католицизмъ, даровалъ эмигрантамъ помилованіе Франціи, восстановилъ старинное дворянство, создалъ новое. Послушайте, какъ онъ самъ характеризуетъ свое положеніе: «Я не думаю, чтобы императоръ французскій любилъ свободу, равенство. Все разрушено, надо возсоздать. Есть правительство, есть власть; но что такое вся остальная нація? Несомнѣно. Не думаете ли вы, что республика окончателью утверждена? Вы очень ошибаетесь: нынѣ не будетъ нѣтъ республики, пока не выкинутъ на почву Франціи нѣсколько гранитныхъ массъ.»

Гранитныя массы эти были—религія и аристократія. Эти слова доказываютъ, что въ Наполеонѣ было гораздо-менѣе чувства порядка, нежели какъ думали, ибо порядокъ основывается на удовольствіи, на равновѣсіи всѣхъ законныхъ интересовъ, всѣхъ жизненныхъ силъ народа. Наполеонъ имѣлъ только чувство дисциплины. Между-тѣмъ, духъ, порожденный революціей, хотя и сжатый, еще былъ живъ; онъ воплотился въ этой bourgeoisie, которой будущности Наполеонъ не предвидѣлъ. Не видя вокругъ себя націю, Наполеонъ самъ сдѣлался цѣлою націей. Будь его династія закрыта націей, миръ былъ бы возможенъ; но, напротивъ, нація закрыта была династіей. Европа направила всѣ свои

усилія противъ Наполеона; она идеологизовала его отъ Франціи, обратила Францію противъ него, и Наполеонъ увидѣлъ противъ себя двухъ враговъ, вѣшнаго и внутренняго. Пока онъ царствовалъ, онъ былъ только королемъ преторіанской стражи — царствовалъ только надъ своей арміей. Онъ самъ это чувствовалъ, и въ тотъ день, когда увидѣлъ, что солдаты упали духомъ, онъ понялъ, что все для него погибло.

Это было послѣ люпенскаго сраженія. Пробѣгая донесеніе о числѣ мѣлкихъ раненныхъ изъ строя, онъ замѣтилъ, что число раненныхъ, сравнительно съ числомъ убитыхъ, было гораздо-значительнѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ битвахъ.

Наполеонъ потребовалъ объясненія этой странности, и Даррей объяснилъ ему, что много было ранъ добровольныхъ. Императоръ печально опустилъ голову и въ-послѣдствіи признался, что съ этого дня онъ сталъ сомнѣваться въ судьбѣ своей.

Ранъ, онъ прогуливался съ Фонтаномъ.

— Фонтанъ, знаете ли, чему я больше всего удивляюсь на свѣтѣ?

Фонтанъ молчалъ.

— Удивляюсь безсилію силы организовать что-нибудь.

Фонтанъ, при этихъ словахъ, могъ подумать, что императоръ предлагаетъ ему хитрый вопросъ, чтобы вывѣдать его мысли, и молчалъ.

— Есть только два могущества на свѣтѣ: сабля и умъ.

И онъ прибавилъ для объясненія своей мысли:

— Я разумѣю подъ умомъ учрежденія гражданскія и религіозныя.

Съ высоты презрѣнія, которое императоръ всегда и непомѣнно оказывалъ къ идеологіи, онъ не хотѣлъ признавать другаго ума, кромѣ ума прикладнаго, ума воплощеннаго въ фактахъ, въ учрежденіяхъ гражданскихъ и религіозныхъ, какъ онъ сказалъ.

Онъ исключаетъ тайны образной идеи, оброщающія эти учрежденія:

«Послѣ такого предисловія, императоръ покачалъ головою и прибавилъ: — Раню ли, поздно ли, но всегда умъ побѣждаетъ саблю».

Этими словами Наполеонъ самъ признаетъ свой приговоръ. Мы не слыхали бытъ въ Римѣ всякъ этими ошибками, который такъ легко находить послѣ пораженія, и который такъ щедро приписываютъ всѣмъ побѣжденнымъ. Наполеонъ палъ, потому что онъ возведенъ былъ на степенъ власти не духомъ вѣка, а напротивъ, въ некоторой степени, вопреки духу вѣка. Онъ имѣлъ высокія инстинкты, но не имѣлъ и не могъ имѣть яснаго озрѣвенія своей судьбы и судьбы своей страны. Онъ обратилъ противъ себя всю живую силу ума, и новыя пожеланія, не имѣющія причинъ сомнѣтъ для проklamать его царствованіе, удивлялъ его гению, его великимъ подвизамъ, сомнаютъ, что зра императорская не должна была продолжаться долѣ жизни одного человека, что она должна была прогрѣтъ и исчезнуть, какъ звукъ пушечнаго выстрѣла.

Каждая страница произведенія Армана Лефевра доказываетъ эту истину. Мы не знаемъ другаго писателя, который пролилъ бы болѣе свѣта на дипломатію имперіи и на тайны ея переговоровъ. Любопытна закулисная исторія великихъ событій. Съ истинно-драматическимъ участіемъ слѣдишь въ ней за всѣми интригами, за всѣми этими дипломатическими нотами...

«Кто се внимательно читалъ, помѣщенныя въ нашемъ журналѣ статьи о реформаціи, для того ясно, что великая религиозная реформа въ шестнадцатомъ вѣкѣ не есть фактъ одинокій въ исторіи ума человеческого. Онъ имѣлъ много предтечъ. Уже и прежде, въ разныя эпохи, обнаруживалось болѣе или менѣе открытое возстаніе ума противъ стѣсняшаго его ига; краснорѣчивые голоса возвышались въ дѣлѣ религіи, и возбуждали новыя идеи къ

расколу — новыя идеи, которыя скоро подавлены были могуществомъ римскаго. Т. Вольшовъ возмъ на себя трудъ изобразить главныя черты этой достопамятной борьбы. Вотъ заглавіе его сочиненія:

Les Réformateurs, d'après la doctrine, 16e siècle, Jean Huss et le concile de Constance, par E. de Voynichese (Реформаторы до реформации, XV-й вѣкъ, Иоанн Гусъ и Констанцскій соборъ).

Иоаннъ Гусъ и Иеронимъ Прагскій не принадлежатъ ни къ какой сектѣ; они не основали новаго богослуженія, не создали отдѣльной церкви; ихъ значеніе было просто знаменемъ свободы въ дѣлѣ вѣры.

Извѣстно, какъ велика была испорченность католическаго духовенства въ то время, когда оно достигло крайней ступени своего могущества, откуда уже могли только спускаться. «Доказательства страшной испорченности его», говоритъ Вольшовъ: «мы находимъ не въ ругательствахъ его враговъ; они заключаются въ сочиненіяхъ знаменитѣйшихъ членовъ его, тѣхъ, которые, по своему положенію, своему характеру и своимъ интересамъ, должны были желать, чтобы церковь была сильна и чиста отъ всякаго пятна. Не одни только поэты, публицисты, летописцы представляютъ намъ духовенство въ черной видѣ: кардиналы, уважаемые прелаты, знаменитые богословы, разсказываютъ его пороки, чтобы искоренить ихъ, какъ врачъ изслѣдываетъ раны, чтобы залечить ихъ.»

Тогда люди ума высokaго, характернаго рѣшительнаго, пытались остановить рукою свѣтской власти незаконныя посягательства папъ и духовенства. Такъ Виклефъ и Герсонъ, въ усиліяхъ своихъ, опирались сначала на довѣренность королей, и когда эта опора измѣнила имъ, они тѣмъ не менѣе продолжали мужественно борьбу съ папствомъ. Оба, идя отъ одной точки исхода, отъ одного начала, обспори-

Въ эти брата идти на королевства и на церковныя мѣста, требовали, чтобъ духовныя подчинены были гражданскимъ законамъ, гражданскому суду во всемъ, что касалось ихъ имуществъ въ королевствѣ и ихъ личнаго поведенія. Но одинъ пошелъ далѣе другаго въ слѣдствіяхъ, какія выводилъ изъ этого начала. Причину такой разницы можно отыскать въ положеніи того и другаго: «Герсонъ, членъ знаменитаго ученаго общества, которое само составляло часть галликанской церкви, всю свою надежду на улучшенія полагалъ на епископства и университеты, на епископовъ и докторовъ. Виклефъ, видя въ епископахъ не столько пастырей, сколько чужеземцевъ, господъ, надѣялся не на нихъ: онъ отвергъ церковную іерархію, и искалъ своей силы въ священномъ писаніи, въ «словѣ жизни», которое представлялъ людямъ, какъ единственно-вѣрнато руководителя.»

«Между тѣмъ, какъ Герсонъ старался переродить церковь, не выходя изъ ея вѣдръ, Виклефъ полагалъ внѣ ея основныя реформы, которой Лютеръ далъ въ послѣдствіи свое имя.»

Усилія перваго были безуспѣшны, потому что зло такъ усилилось, что имъ могло быть устраниено подобными средствами; попытка втораго была преждевременна, потому что общественный умъ еще не созрѣлъ для релігіознаго переворота. «Чтобъ обезвѣчить торжество началъ, съ такой отвагой и краснорѣчіемъ высказанныхъ Виклефомъ на краю христіанскаго міра, надо было его ученію, пройдя моря, вкорениться, въ болѣе удобное время, въ сердцѣ Европы; надо было людямъ высокаго ума, выскокой добродѣтели распространить ихъ сначала словомъ и освятить потомъ свою кровію. Это случилось отчасти въ эпоху великаго западнаго раскола; это сдѣлалъ христіанинъ, принесшій свою жизнь на жертву релігіозной свободѣ; этотъ христіанинъ, этотъ мученикъ былъ — Іоаннъ Гуссъ.»

Подробно и краснорѣчиво описана въ г. Боньшофъ жизнь Іоанна Гуссы; его ученіе, мученичество, и въ яркихъ краскахъ рисуетъ въкъ его. Церковь отпустила Гуссу за сибое его возстаніе: онъ былъ сожженъ; сожжены были и книги его. Но если можно жечь людей и книги, то нельзя смочь идей, которыя изъ пепла возобнаются еще чище, еще сильнѣе, еще плодотворнѣе. Движеніе, обнаружившееся въ шестнадцатомъ вѣкѣ, довершило дѣло, начатое Гуссомъ. Начала его принесли плоды, которыхъ онъ ожидалъ, казалось, не предвидѣлъ. Римъ почувчилъ ударъ, отъ котораго ему трудно было оправиться.—Прошло нѣсколько вѣковъ.—Римъ успѣлъ залечить рѣзоторыя изъ своихъ ранъ и снова возвышается теперь свою голову, и издаетъ смѣлый вызовъ духу вѣка...

Историкъ совѣстливый, писатель краснорѣчивый, г. Боньшофъ черпалъ изъ всѣхъ источниковъ. Онъ безпрестрастно свѣрлялъ показанія разныхъ партій, и примѣчанія; помѣщенный въ концѣ его сочиненія, представляють много драгоценныхъ документовъ. Несправедливо предубѣжденіе не руководить перомъ его. Онъ отдастъ должную честь прекраснымъ качествамъ, отличавшимъ многихъ вѣрнатовъ Іоанна Гуссы.

Мы говорили до сихъ поръ объ историческихъ произведеніяхъ, трактующихъ о событіяхъ, болѣе или менѣе-отдаленныхъ для насъ. Вотъ книга, говорящая о предметѣ; самомъ близкомъ къ намъ. *Histoire de l'Empire Ottoman depuis 1792 jusqu' à 1844, par le baron Suchereau de Saint-Denis* (Исторія Оттоманской Имперіи *св 1792 до 1844 году, баронъ Жюшро де-Сен-Дени*).

Трудно иностранцу написать исторію послѣднато пятидесятилѣтія Имперіи-Оттоманской. Причина проста: нѣтъ нужныхъ документовъ. Съ времени ясскаго договора въ 1792 году, или даже со времени трактата кучук-кайнарджискаго, онъ принужденъ ограничиваться газетными и официальными

сообщениями дипломатов. Со времени перестановки султана Абдул-Хамида, десять историкографовъ обитало при Портѣ, но Европейцамъ нѣтъ доступа въ ихъ сочиненія. Иностранецъ, пишущій новейшую исторію Порты, могъ бы найти много драгоценныхъ для себя документовъ въ русскихъ изданіяхъ, но неохотъ ли иностранцамъ доступны русскія изданія?— По всѣмъ вѣщимъ обстоятельствамъ, отъ книги г. Жюиро де-Сен-Дени нельзя ожидать полнаго и вѣрнаго объясненія всѣхъ событій въ Оттоманской-Имперіи въ теченіи послѣднихъ десятилѣтій.— Должно сказать, однакожь, что онъ болѣе всякаго другаго имѣлъ средствъ написать сколько-нибудь удовлетворительную исторію Порты. Былъ директоромъ корпуса военныхъ инженеровъ въ Константинополѣ, во время переворотовъ 1807 и 1808 года, и потомъ французскимъ министромъ въ Греціи, въ 1828 году, онъ могъ пересказать своимъ читателямъ много такихъ вещей, которыя видѣлъ самъ, и если онъ не могъ всегда проникнуть тайны дѣла, то по крайней-мѣрѣ присутствовалъ при самыхъ событіяхъ, и разсказъ его часто имѣетъ интересъ показаній очевидца. Надо сказать также, что его книга — книга безъ претензій, написанная человекомъ, который хочетъ быть полезнымъ и пишетъ не для авторской славы. Разумеетсяъ, она не чужда того недостатка, котораго нельзя не упоминать ни одной исторіи, трактующей о событіяхъ современныхъ; она не составляетъ полнаго цѣлаго; факты, впрочемъ, наложены ясно и просто, и видно, что автору хорошо извѣстны и мѣста и люди. Онъ жилъ съ Турками; онъ отдастъ справедливость ихъ достоинствамъ; онъ любитъ ихъ характеръ, и болѣе надѣется на нихъ будущее, чѣмъ на настоящее.

Въ то время, какъ мы хотѣли заключить этия рядъ замѣчательнѣйшихъ произведеній французской исторической литературы, мы прочли въ газетахъ извѣстіе о выходѣ двухъ первыхъ частей *Historie de Consulat et de*

l'Empire par M. Thiers (Исторія Консульства и Имперіи, г. Тьера).

Болѣе 20 лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ вышли первые томы «Исторіи Революціи», доставившей Тьеру репутацію одного изъ лучшихъ современныхъ историковъ. Колоссальный успѣхъ этого произведенія, разошедшагося въ числѣ 80,000 экземпляровъ, налагалъ на автора обязанность продолжать начатую имъ исторію новейшей Франціи, доведенную до революціи 18-го брюмера. Это продолженіе и есть — Исторія Консульства и Имперіи. Мы не видали еще этой книги потому-что она не получена еще въ Петербургѣ, и, уважая имя Тьера, не хотимъ ограничиваться простыми выписками изъ отзывовъ о ней французскихъ журналовъ. Со-временемъ, мы познакоимъ съ нею короче нашихъ читателей.

Мануя прочія не-мѣ-замѣчательныя произведенія французской литературы, переходимъ къ другимъ разрядамъ книгъ ученыхъ. Вотъ *Cours d'Economie Politique, par M. Michel Chevalier* (Курсъ Политической Экономіи, Мишеля Шевалье).

Это вторая часть политико-экономическихъ лекцій, читаемыхъ г. Шевалье въ Collège de France. — Было время, когда г. Мишель Шевалье была однимъ изъ самыхъ усердныхъ новѣйшихъ утопистовъ. Теперь уже онъ не утопистъ, не теоретикъ: его политическая экономія — экономія практическая, экономія, сообразная съ обстоятельствами. Такого превращенія требовало его профессорское званіе. Надо, однакоже, сказать, что его направленіе далеко выше либерализма Ж. Б. Сэ и электизма Росси.

Въ изданномъ нынѣ томѣ, г. Шевалье разсматриваетъ нѣсколько важныхъ вопросовъ: 1) пути сообщенія; 2) употребленіе арміи на публичныя работы; 3) конкуренцію. По своей обыкновенной методѣ, профессоръ болѣе описываетъ и разсказываетъ, чѣмъ разсуждаетъ; онъ излагаетъ факты, подкрѣпляетъ ихъ цифрами и де-

пунктами, и, наконец, дать слишком-много места статистикѣ. Впрочемъ, онъ позаботился, въ предисловіи, скромно объявить, что вовсе не льстилъ себя надеждою указать рѣшеніе этихъ вопросовъ.

Разбирая вопросъ о путяхъ сообщенія, г. Шевалье доказываетъ, что каналы и желѣзныя дороги равно полезны, и представляетъ исчисленіе французскихъ дорогъ и водныхъ путей; въ тѣхъ, переходя къ теперешнимъ вопросамъ общественнымъ, защищаетъ начало, поставленное закономъ въ 1842 году,—защищаетъ построеніе дорогъ и каналовъ частными компаниями. Представленныя имъ причины, впрочемъ, не такъ сильны, чтобы могли поколебать убѣжденіе людей, утверждающихъ, что гораздо-полезнѣе устройство путей сообщенія правительствомъ, государствомъ.

Употребленіе арміи на публичныя работы послужило г. Шевалье темою для нѣсколькихъ весьма-любопытныхъ лекцій. Въ обѣихъ историческомъ очеркѣ, профессоръ говоритъ объ огромныхъ работахъ, произведенныхъ въ древности римскими легионами, о военныхъ работахъ, произведенныхъ войсками въ новѣйшія времена во Франціи при Генрихѣ IV, Людовикѣ XIV, о военныхъ дорогахъ, устроенныхъ солдатами въ наше время въ Вандей, объ укрѣпленіяхъ въ Ліонѣ и Парижѣ. Здѣсь опять изобилуютъ цифры и документы. Затѣмъ, г. Шевалье говоритъ объ употребленіи войскъ на земледѣльческія работы и описываетъ устройство военныхъ поселеній въ Австріи, Россіи и Швеціи. Отсюда онъ дѣлаетъ весьма-естественный переходъ къ набору солдатъ, рассматриваетъ систему набора, господствующую во Франціи, систему, принятую въ Пруссіи, и преобразованія, предложенныя въ послѣднее время во Франціи. Главное предметствіе къ производству сельскихъ продуктовъ посредствомъ арміи заключается въ физической слабости французскихъ солдатъ, въ совершенномъ недостаткѣ воспитанія. Прессы народа

во Франціи плохо живетъ, плохо обученъ, плохо одѣтъ, дурно ѣстъ,—онъ бѣденъ, а нищета и лишения производятъ самое гибельное вліяніе на физическія силы человѣческой породы. Нравственное состояніе французскихъ поселятъ, французскихъ сельскихъ производителей не дѣлаетъ чести образованности французской. Объ этомъ предметѣ г. Шевалье прочелъ лекцію, которая, безспорно, есть одна изъ лучшихъ лекцій, читанныхъ имъ на второмъ году его профессорства. — Въ той части, гдѣ говоритъ онъ о воспитаніи, намъ надлежитъ давать солдатамъ, о полковыхъ школахъ, заключаются мысли превосходныя.

Разбирая вопросъ о свободной конкуренціи, г. Шевалье полагаетъ началомъ, что свободная конкуренція одно и то же, что свобода промышленности и должна быть поддерживаема. Едва-ли это такъ; свобода конкуренцій, кажется, есть не что иное, какъ свобода людей сильныхъ и богатыхъ жить и наживаться на-счетъ слабыхъ и бѣдныхъ; онъ сдѣлываетъ также конкуренцію съ соревнованіемъ (stimulation). Но всякому помнится, что конкуренція совсѣмъ не то, что соревнованіе. Конечно, если бы всѣ стремились къ одной и той же цѣли, не вреди другъ другу, то могло бы существовать благородное соперничество между трудящимися, но конкуренція есть борьба и война. Въ арміи, на-примѣръ, есть соревнованіе между солдатами, между офицерами; каждый изъ нихъ старается превзойти другъ друга въ полѣ битвы, но эта конкуренція не пагубна для другихъ солдатъ, для другихъ офицеровъ; она не отнимаетъ у нихъ должности, не отнимаетъ у нихъ хлѣба; она не повергаетъ ихъ въ нищету. Не таково конкуренція въ промышленности; война, безмородецъ. Конкуренція точно такъ же не значитъ соревнованія въ промышленности, какъ и свободы въ промышленности. — Вообще же, объ этой части, гдѣ авторъ

двояки больше теоретикомъ, можно бы много восперить.

Люди, ищущіе новыхъ идей, вообще мало найдутъ себѣ добычи въ книгѣ г. Шевалье; но люди положительные, люди государственные найдутъ въ ней факты интересные, вложенныя искусство, прекраснымъ слогомъ, найдутъ проекты полезныхъ преобразований, улучшеній, и въ этихъ отношеніяхъ, книга г. Шевалье, трактующая о живыхъ, текущихъ вопросахъ общественнаго, — составляетъ явленіе замѣчательное.

Летучка *von la Chimie appliquée à l'industrie, à la physiologie et à l'agriculture, par Justus Liebig* (Письма о химіи, примененной къ промышленности, физиологии и земледѣлю, Либиха).

Книга эта написана для людей свѣтскихъ, которую, увлекаемые жаднымъ любопытствомъ, хотятъ посвятить въ таинство науки, для людей, идущихъ по пути промышленности и немогущихъ выдерживать конкуренціи, безъ особенн. безпрерывно-дѣлаемыхъ наукою отырытій, для людей всѣхъ состояній, принадлежащихъ къ классамъ работающихъ и къ классамъ правящихъ. Прошла та пора, когда наука вѣрнѣе замыкаема была въ святнищѣ, когда тайны ея извѣстны были только небольшому кругу посвященныхъ. Съ начала настоящаго вѣка, много сдѣлано для того, чтобъ разъяснить ея начала и особенно тѣсныя соединить теорію съ приложеніемъ. Настало время снять для всѣхъ покровъ съ нея. Пусть отвлеченная теорія, пусть таинственные формулы остаются въ іероглифическихкихъ лѣтнихъ, влючъ къ иотерымъ видѣютъ только посвященные, но приложенія, полезные результаты пусть раздаются всѣмъ, чтобъ всѣ могли возвращать и добывать плоды изъ этого плодотворнаго сѣмени. Ученые поняли эту обязанность. Во Франціи, можетъ-быть, прежде, нежели гдѣ-нибудь, они начали писать книги ученые на языкѣ общепонятномъ. Въ Германіи, страна, гдѣ

отвлеченная формула и темнота ея покрываютъ густымъ облакомъ всѣ серьезныя книги, — Германія, каждаго, хочетъ подражать Франціи. Одинъ изъ отличнѣйшихъ ея ученыхъ, Юстусъ Либихъ, началъ этотъ переворотъ, и опытъ его былъ такъ удаченъ, что французскій переводъ его книги имѣлъ во Франціи такой же успѣхъ, какой имѣлъ онъ и въ Германіи.

Либихъ излагаетъ науку въ простыхъ, яснымъ, простымъ, фамильярнымъ. Онъ не хотѣлъ, однакожъ, какъ сама говоритъ, до такой степени унизить языкъ ученый, чтобъ сдѣлать его доступнымъ для всѣхъ, даже для наименѣе-образованнаго класса читателей. Нѣтъ, онъ дорожитъ честн. науки, и потому обращается къ людямъ образованнымъ, стараясь обратить ихъ вниманіе на настоящее состояние химіи, стараясь объяснить имъ важность ея и открыть имъ участіе ея въ успѣхахъ промышленности, физіологии и земледѣлія. Но химія можетъ ли быть передаваема языкомъ фамильярнымъ? Номенклатура многочисленныхъ составныхъ химическихъ тѣлъ не должна ли утомлять умы самые терпѣливые? Конечно, было бы такъ, если бы Либихъ рѣшился провести своихъ читателей предварительно чрезъ всѣ классификаціи и теоріи. Но такое направленіе удалило бы его отъ цѣли. Чтобъ быть полезнымъ, надо быстрее идти отъ начала къ приложенію; надо какъ-можно-менѣе останавливаться на развитіи началъ, часто даже нужно уничтожать отвлеченность или темноту какой-либо формулы, ваяствуя у воображенія сравненія или аллегоріи. Не легко употребить особенно это послѣднее средство, потому-что оно требуетъ качества, какими обладаютъ не всѣ ученые; но Либихъ часто прибѣгаетъ къ нему и всегда съ успѣхомъ.

Не легко перечислить всѣ услуги, оказанныя химіею промышлености. Не числѣ ихъ однѣ такъ видны, что поразяютъ глаза всѣхъ; есть другія, которые, можетъ-быть, не довариваются

доложи, что не думают о них. По-ложитъ, например, говоритъ французскій рачеводецъ этой книги: что у насъ нѣтъ ни стекла, ни мыла, — двухъ вещей, которыя употребляютъ теперь въ самый богатый челоѣкъ и самый бѣднѣйшій; безъ перваго, мы могли бы впу-снуть въ наши жилища свѣтъ не иначе, какъ безразлично подвергая себя всѣмъ перемѣнамъ вѣдней атмосферы; безъ втораго, не было бы опрятности, необ-ходимаго условия общественной и частной гигиены. Между тѣмъ, безъ химии, не имѣтъ бы намъ ни стекла, ни мыла, и, можетъ быть, теперь они составляли бы исключительную соб-ственность тѣхъ, которые могутъ до-бывать себя роскошю. Это было въ эпоху войны съ Англіею. Франція по-лучала изъ Испаніи соду, необходимую для фабрикаціи этихъ двухъ продук-товъ, и ежегодно платила ей за то дань, простиравшуря отъ двадцати до тридцати милліоновъ. Война вдругъ прекратила ввозъ вещества, необходи-мага для выдѣланія стекла и мыла, и мыло и стекло начали такъ поднимать-ся въ цѣнѣ, что ихъ можно было по-считать въ разрядъ предметовъ роско-ши. Но нужда совершаетъ великія дѣ-ла; химія нашла въ веществахъ, массахи находящихся въ землѣ, находящихся въ растворѣ въ водахъ морскихъ, након-ецъ въ соли, эту соду, за которую Франція такъ дорого платила Испаніи, и которую можно было добывать такъ дешево.

Подобное открытіе производитъ роль переворота въ состояніи нации. Образуются новая отрасль промышлен-ности, и отъ этой отрасли разлагаются другія, которыя безъ нея никогда бы не развились. Мало того, это открытіе имѣетъ и нравственное вліяніе. Мыло есть одна изъ главныхъ орудій опрят-ности. До открытія соды изъ соли, толь-ко богатые нѣмъ прилежнію искус-ственнымъ средствомъ улучшать свою кожу. Возвѣстиво доставляло имъ воз-можность умываться душистой водой, мыть руки благовонными бальзамами, а бѣднѣе, для очищенія тѣла отъ не-

чистоты, имѣть въ своемъ распоряже-ніи только чистую ключевую воду. Вода, съ древнѣйшихъ временъ на-бранная сиволомъ чистоты, конеч-но, составляетъ весьма-хорошее сред-ство частной гигиены, но она далеко не обладаетъ очистительными ка-чествами мыла. Мыло въ свою очередь играетъ роль символа; оно можетъ ру-ководствовать экономиста въ оцѣнкѣ богатства и благосостоянія націй. Въ одной странѣ, мало употребляютъ мы-ла, въ другой, количество его потребле-нія достигаетъ весьма-значительной цифры. Въ которой же изъ двухъ странъ царствуетъ эта заботливость о себѣ, такъ тѣсно связанная съ лю-бовію къ комфорту и даже съ болѣе-возвышеннымъ чувствомъ, съ любовію къ прекрасному! Конечно, въ той, гдѣ въ большемъ количествѣ потребляет-ся продуктъ, за который мы обяза-ны наукѣ.

Если мы перейдемъ къ предмету, составляющему характеристическій знакъ опрятности отдѣльныхъ лицъ, къ бѣльи, то увидимъ, что, безъ химии, оно никогда не могло бы имѣть такой бѣлизны. Прежде, чѣмъ стали упо-треблять для бѣленія пологна хлоръ, надо было разстилатъ холстъ на полѣ и терпѣливо дожидаться, когда сонное косвеніе воздуха пронзедетъ въ ткани неполную химическую выдѣлку. Хлоръ съ большою быстротою даетъ результаты болѣе-совершен-ныя, но съ тѣхъ поръ, какъ стали употреблять для бѣленія, вещества происходящее отъ соединенія хлора съ известью, то превращеніе нѣтъ различнаго цвѣта ткани въ самую нева-ривленную бѣлизну совершается мгно-венно. Эта операція производится такъ скоро и такъ хорошо, что на-вальтер-проксомъ задолго, въ окрѣ-постяхъ Глазгоу, рыбывають въ день до тысячи-четырехъ-сотъ кусковъ хлор-чатобудажной ткани, — а этотъ заводъ — второстепенный! Эта новая услуга химии имѣетъ великое значеніе. Но, должно выдѣлать мыла, это приложеніе хлорного состава въ бѣленіи тканей.

имѣть также значеніе нравственное. Благодаря однообразной бѣлизнѣ, которую промышленная химія даетъ такъ дешево какъ самому тонкому, такъ и самому грубому бѣлью, есть точки сходства между костюмомъ богача и костюмомъ бѣдняка. Бѣлизна бѣлья обближаетъ высшіе классы съ низшими... Размышленія эти естественны, они возникаютъ сами-собою, когда остановишься немного на этомъ предметѣ; но, согласитесь, они довольно-оригинальны, когда ихъ находишь въ трактатахъ о химіи.

Отъ этой части книги, авторъ переходитъ къ другой, которая имѣетъ особенныя предѣлы новости: это — изложеніе вліянія химіи на физиологію человѣческую. Любопытна роль той жидкости, которую мы вдыхаемъ въ себя и безъ которой жизнь угасла бы. Многими боже или менѣе-поэтическими сравненіями старался объяснить дѣйствіе атмосферическаго воздуха, или, лучше сказать, кислорода. Говорили, что это «лакивое масло, пища огня, горящаго въ насъ». Конечно, эти сравненія не отличаются математическою точностью, но они не слишкомъ далеки отъ истины. Въ насъ, дѣйствительно, есть огонь химическій. Химики называютъ горѣніемъ сосредоточенное дѣйствіе кислорода на тѣло; тѣло, пропитанное кислородомъ, для нихъ есть тѣло пригорѣлое. Это явленіе происходитъ въ нашей экономіи отъ перваго крика новорожденнаго младенца до послѣдняго вздоха старика. Пока есть жизнь, какъ бы слаба или сильна ни была она, мы проникаемся кислородомъ, и отсюда возникаетъ другое явленіе горѣнія, развитіе теплоты. Можно сказать, что теплота, дыханіе, жизнь составляютъ одну нераздѣльную троицу. Эти замѣчанія объясняютъ, почему Лавуазье считаетъ тѣло человѣческое горящимъ, которому постоянно нужны пища и кислородъ, какъ очагу нужны дрова и воздухъ. Они оправдываютъ также поэтическое сравненіе г. Дюма, называющаго тѣло человѣческое жареной ма-

шиной, дименіе которой простекаетъ отъ изобилія горячаго матеріала, или, другими словами, отъ напряженности теплоты.

Безъ химіи, очевидно, нельзя было бы узнать существованіе кислорода и его роль въ танюмъ многосложныхъ актѣ жизни. Химія раскрыла этотъ радъ причинъ, исчислила все значеніе ихъ и извлекла результаты практическіе. Такимъ образомъ, чѣмъ дѣятельнѣе легкія, или чѣмъ сильнѣе способность дыханія, тѣмъ нужнѣе тѣлу пища. Этимъ объясняется, почему такъ много ѣдятъ дѣти. Человѣкъ, ведущій жизнь сидячую, не только не ѣстъ много, но даже не долженъ былъ бы этого дѣлать, — ибо онъ мало дышетъ. Работникъ, который много трудится, путешественникъ, который утомляется въ дорогѣ, имѣютъ, напротивъ, нужду въ большомъ количествѣ пищи, потому-что у нихъ дыханіе сильное. — Не отбѣлая двойнаго питанія тѣла человѣческаго, — питанія легкихъ и питанія желудка, — легко постановить почти-математически-точные правила гигиены. Можно сказать тогда, что человѣкъ, который много ѣстъ, долженъ доводить себя до утомленія, долженъ заниматься какой-нибудь работой для поглощенія достаточнаго количества кислорода. Инократъ, кажется, не раздѣляетъ этого ученія: онъ говоритъ, что послѣ сытнаго обѣда надо предаваться покою, бездѣйствию, чѣмъ и объясняется обычай древнихъ ѣсть лёжа, пользоваться случаемъ, чтобъ предаваться продолжительному пищеварительному сну; но Инократъ и древніе совершили не знали химіи.

Эти начала ведутъ къ изомощству другихъ примѣней не менѣе-важныхъ и не менѣе-интересныхъ. Теплота простекаетъ отъ горѣнія, совершающагося въ тѣлѣ въ-слѣдствіе поглощенія кислорода и дѣйствія этой жидкости на пищу. Но, хотя эта теплота сохраняетъ всегда одинаковую температуру, какъ въ странахъ жаркихъ, такъ и въ странахъ холодныхъ,

вѣшнія причины имѣютъ на нее вѣ- которое вліяніе. Такъ, на сѣверѣ, атмосфера стремится къ охлажденію тѣла, и для вознагражденія производимой ею потери теплорода, требуется большее количество пищи, чѣмъ въ странахъ южныхъ. Близъ экватора происходитъ противное. Возвышенная температура атмосферы не отнимаетъ теплоты, а даетъ ее человѣку; отъ-того въ жаркихъ странахъ ѣдятъ меньше, чѣмъ въ холодныхъ. Отсюда вытекаетъ гигиеническое правило для путешественника, который переходитъ изъ холоднаго пояса въ страны, сосѣдственныя съ экваторомъ.

Съ другой стороны, если соединеніе кислорода съ пищею есть естественный источникъ животной теплоты, то мы можемъ также искусственно достигать этого результата. Особенно служить къ тому одежда. Она увеличиваетъ или уменьшаетъ внутреннюю теплоту, которая есть пружина нашего существованія, безпрерывно находящаяся въ движеніи. Одежда можетъ даже до вѣкоторой степени замѣнять пищу, потому-что посредствомъ ея отчасти развивается въ насъ теплота. Это такъ вѣрно, что житель юга, который вообще ѣсть мало, ѣлъ бы еще меньше, еслибъ носилъ тяжелое платье, а житель сѣвера, который ѣсть много, ѣлъ бы еще болѣе, еслибъ носилъ легкую одежду. Плохо-одѣтые жители полярныхъ странъ, занимаясь тяжелою вѣриною или рыбною ловлею, ѣдятъ съ удивительнымъ прожорствомъ; желудокъ ихъ поглощаетъ огромныя массы мяса. Путешественники, тепло-одѣтые и носящіе съ собою запасъ теплорода, удивляются этому пищеварительному чуду, но оно явленіе совершенно-естественное. Любопытно узнать, что, въ вѣкоторомъ отношеніи, одежда есть хлѣбъ... Подать бѣдняку, дрожащему зимой отъ холода, теплое платье, значить прибавить вѣсколько унцій къ недостаточному количеству его пищи.

Но довольно. Изъ этихъ замѣчаній
Т. XXXIX. — Отд. VII.

читатели могутъ отчасти видѣть, сколько любопытнаго и полезнаго найдутъ для себя люди, непосвященные въ тайны химіи, въ сочиненіи Лябиха.

Умъ человѣческій съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе расширяетъ свою область. Въ гордомъ порывѣ онъ стремится къ владычеству надъ всѣмъ созданіемъ. Онъ распространяетъ свой законъ на весь обитаемый нами шаръ, съ его материками и морями, рѣками и горами. Вѣчные снѣга и раскаленные пески жаркаго пояса не могли избѣжать его пытливаго взгляда. Растительность, чудовища лѣсовъ и океана — принадлежать ему; онъ знаетъ ихъ законы, поработилъ ихъ своими нуждамъ и прихотямъ. Планеты и солнце суть какъ-бы вассалы его, ибо онъ знаетъ движенія и малѣйшія колебанія первыхъ и притягательную силу послѣдняго, какъ-будто держитъ ихъ въ своей рукѣ. Другія свѣтила, свѣтила наиболѣе-отдаленныя и наиболѣе-непокорныя, неподвижныя звѣзды и кометы, начинаютъ подчиняться его игу, открывая ему вѣкоторыя изъ своихъ тайнъ. Вотъ безконечно-великое! Умъ человѣческій можетъ справедливо гордиться своими подвигами. Но есть также и міръ безконечно-малыхъ явленій, міръ, человѣку еще едва-извѣстный, и скрывающій въ себѣ тайны не меньше-изумительныя. Этотъ міръ еще надо завоевать; онъ ждетъ терпѣливыхъ аргонавтовъ, снабженныхъ разнообразными пособіями науки. Въ этомъ предриятіи великую роль суждено играть микроскопу.

Микроскопъ изобрѣтенъ давно, и ученый Лёвенгёкъ, болѣе вѣка назадъ, съ замѣчательнымъ успѣхомъ употреблялъ этотъ инструментъ для ближайшаго наслѣдованія разныхъ веществъ; онъ показалъ въ водѣ, которую мы пьемъ, въ уксусѣ, который подають намъ на столъ, чудовища съ страшными формами, ужаснѣе тѣхъ, которыми населяются пучины морскія. Но только

въ настоящее время микроскопъ начинаетъ играть роль важную. Девятокъ былъ забытъ, и микроскопъ можно было найти только въ физическихъ кабинетахъ, откуда его вынимали для того только, чтобъ удовлетворить дѣтское любопытство. Натуралисты пользовались имъ мало; врачи отвергали его, какъ инструментъ вовсе для нихъ бесполезный. Въ физиологическихъ лекціяхъ, напечатанныхъ въ 1833 году, извѣстный французскій профессоръ, Бленвиль, отвергалъ существованіе нѣкоторыхъ микроскопическихъ животныхъ. Теперь, микроскопія — новая отрасль знанія человеческого, — отрасль, пустившая уже прекрасные ростки. Докторъ Доннѣ былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ, самыхъ искусныхъ двигателей ея. Онъ распространилъ употребленіе микроскопа, онъ употребилъ его на пользу медицины, содѣйствовалъ видоизмѣненію его, уменьшенію его дороговизны. Ему принадлежитъ, наконецъ, заслуга введенія микроскопа въ публичное обученіе. Онъ издалъ теперь *Cours de Microscopie complémentaire des études médicales, par le docteur Donné*.

Безразсудна была бы попытка опредѣлить, какихъ открытій надо ожидать въ мірѣ безконечно-малыхъ существъ. Но, съ другой стороны, нѣтъ нужды доказывать, что міръ безконечно-малыхъ имѣетъ свои чудеса, какъ и міръ безконечно-великихъ явленій; что онъ не менѣе разнообразенъ, что онъ, можетъ-быть, даже разнообразнѣе. Факты, дознанные въ теченіе немногихъ лѣтъ, подтверждаютъ самыя великія надежды, а между-тѣмъ, наука только-что коснулась этого предмета. Извѣстно, какія любопытныя открытія сдѣланы на-счетъ животныхъ, называемыхъ инфузоріями, животныхъ, имѣющихъ въ діаметрѣ не болѣе тридцатой доли миллиметра. Найдено, что толстые слои земной поверхности составлены изъ грудъ этихъ животныхъ, и такимъ образомъ дознано,

какъ велико участіе животной силы въ образованіи земной коры. Средствомъ микроскопа, изслѣдованы кровь и молоко, и честь открытія относительно внутреннего состава молока принадлежитъ г. Доннѣ. Найдены вѣрныя средства опредѣлять питательную силу и здоровость не только молока животныхыхъ, но и молока кормилицъ, которымъ вѣрлемъ мы нашихъ дѣтей. Другая жидкость, которую бесполезно называть по имени, подвергнута была микроскопическому изслѣдованію, изъ котораго медицина ежедневно извлекаетъ пользу, и опять г-ну Доннѣ принадлежитъ эта заслуга. Десять другихъ жидкостей или субстанцій, изъ которыхъ одинъ свидѣтельствуеетъ о немощахъ человеческихъ, другія о его жизненной силѣ, прошли передъ глазами ученаго доктора, вооруженнаго микроскопомъ.

Всѣ явленія жизни растительной и животной разъясняются, когда изслѣдываются при помощи микроскопа, а нѣкоторыя изъ нихъ не могутъ быть иначе изслѣдуемы. Обращеніе крови и другихъ жидкостей въ органахъ животныхъ, обращеніе жидкостей въ растеніяхъ, изумляютъ наблюдателя, который употребляетъ микроскопъ. Микроскопъ показываетъ, что кровь, молоко, гной состоятъ или изъ шариковъ или изъ микроскопическихъ животныхъ. Химія растительная и животная, наука столь трудная, потому-что всѣ тѣла, относящіяся къ ней, существенно имѣютъ только четыре элемента, различнымъ образомъ соединенные: кислородъ, водородъ, углеродъ и азотъ, можетъ такимъ-образомъ проливать свѣтъ на свои темные пункты. Сначала, химики старались опредѣлить по-возможности, въ какихъ приѣмахъ соединены эти четыре элемента въ каждомъ изъ тѣлъ царства растительнаго и царства животнаго. Это оказалось крайне-недостаточнымъ. Тогда стали изслѣдовать, сколько въ нихъ извѣстныхъ составныхъ тѣлъ, которыя, относительно другихъ

тѣлъ, болѣе-сложныхъ, можно считать какъ-бы элементарными; это были бѣлковина, фибрина, слизь, вода. Но какъ говоритъ докторъ Доннѣ, что за нужда знать, что такая-то жидкость человеческого тѣла содержитъ въ себѣ болѣе или менѣе бѣлковины, болѣе или менѣе матеріи солистой или слизистой и такую-то пропорцію воды? Что такое это понятіе въ отношеніи физиологическомъ, особенно же въ-отношеніи къ основному характеру этой субстанціи и къ діагностикѣ, въ-сравненіи съ тѣми, что открываетъ намъ существованіе микроскопическихъ животныхъ, отличающихъ эту жидкость отъ всѣхъ другихъ влагъ нашей эквониміи, и откуда, вѣроятно, происходитъ принадлежашая ей способность воспроизведенія? Не то же ли это, что звать составныя части мрамора, угольную кислоту, известь, и не знать самого мрамора? Микроскопъ открываетъ намъ истинныя составныя начала множества тѣлъ органическихъ. Для облегченія этихъ тонкихъ изслѣдованій, придумали переносить на кружокъ микроскопа реакціи химическія. При помощи капиллярнаго стекла, или алкали, или вѣтра, или іоднагораствора и пр. получаютъ такимъ-образомъ любопытные результаты. Наблюдатель видитъ, какъ отдѣляются газы, какъ рождаются кристаллы, и пр.

Недавно, дагерротипъ явился на помощь микроскопѣ. Онъ доказалъ вѣрность наблюденій посредствомъ микроскопа, стереотипируя ихъ такъ-сказать немедленно, и показывая, до какой степени эти изображенія правильны и постоянны. Г. Доннѣ, при пособіи опытнаго сотрудника, г. Леона Фуко, получилъ посредствомъ микроскопа-дагерротипа любопытныя изображенія не только твердыхъ предметовъ, каковы, напримѣръ, органы насекомыхъ, но и составныхъ частей жидкостей, каковы шарики въ крови, въ молокѣ, въ слизи и пр. Онъ обѣщаетъ подать атласъ въ дополненіе къ своему курсу микроскопическому.

Дѣтъ двадцать лѣтъ, какъ мы ска-зали, микроскопъ во Франціи былъ больше игрушкой, чѣмъ орудіемъ для ученыхъ наблюденій. Число натуралистовъ, пользовавшихся микроскопомъ, было весьма-ограничено; изъ врачей не пользовался имъ никто. Изъ Парижанъ никто не умѣлъ владѣть имъ такъ искусно, какъ г. Лебельиѣ, казначей префектуры полиціи, посвящавшій микроскопу всѣ свои досуги и со-вѣтами своими много содѣйствовавшій усовершенствованію его механизма. Ученые приходили къ нему учиться, какъ употребляютъ микроскопъ. Всѣ натуралисты и многіе свѣтскіе люди приходили къ нему наблюдать тогда еще новое явленіе обращенія жидкостей въ растеніяхъ. Посѣтители могли только по-одиночкѣ смотрѣть въ микроскопъ. Очень удивился бы и г. Лебельиѣ и его посѣтители, еслибъ имъ сказать, что дѣтъ черезъ двадцать микроскопическія наблюденія составляютъ предметъ публичнаго курса и будутъ видны въ одно и то же время для мно-гихъ. Это именно и дѣлаетъ г. Доннѣ въ амфитеатрѣ, гдѣ собирается до полутораста зрителей. Г. Доннѣ достигъ этого результата, проливая на кружокъ микроскопа потоки свѣта. Онъ сначала пробовалъ освѣщать свой микроскопъ солнечными лучами, но долженъ былъ отказаться отъ этой попытки, потому-что часто не бываетъ солнца. За тѣмъ, онъ сталъ употреблять свѣтъ, производимый лампой съ водородомъ и кислородомъ. Наконецъ, сталъ употре-блять свѣтъ, производимый электриче-скимъ столбомъ, когда на каждомъ полюсѣ положено по куску угля. Такимъ образомъ, на предметы, которые долж-ны быть увеличены, падаетъ яркій свѣтъ, и изображеніе въ увеличенномъ видѣ является на бѣлой плоскости, гдѣ тысяча зрителей могла бы видѣть его, еслибъ тысяча человекъ могла по-мѣститься въ амфитеатрѣ. Снарядъ, придуманный гг. Доннѣ и Фуко, фото-электрической микроскопъ, есть ин-струментъ истинно-замѣчательный: онъ оцѣненъ по достоинству знамени

тѣйшимъ ученымъ. Г. Допиэ предлагаетъ теперь, чтобъ усовершенствованный имъ микроскопъ былъ принятъ для публичныхъ опытовъ въ учебныхъ заведенияхъ.

Вотъ три ученыя книги, о которыхъ не считаемъ нужнымъ распространяться болѣе. Не можемъ не дать въ этомъ же разрядѣ мѣста книгѣ философской, которая вышла въ свѣтъ, благодаря г. Кузену. Сначала, нѣсколько словъ о самомъ г. Кузенѣ.

Г. Кузена нельзя назвать философомъ въ строгомъ смыслѣ слова: онъ художникъ въ философѣ; онъ пишетъ прекрасныя философскія языкомъ, языкомъ живымъ, картиннымъ, для всѣхъ понятнымъ; онъ беретъ шотландскую, германскую тарабарщину, облѣываетъ ее на французскій манеръ, раскрашиваетъ ее и показываетъ ее потомъ блестящею, какъ хрусталь. Не въ этомъ одномъ заключается вся заслуга г. Кузена. Онъ воскресилъ во Франціи науки философскія. Дѣтъ двадцать, тридцать назадъ, онѣ лежали въ забвѣннѣ. Г. Кузенъ перевелъ Платона, веренесъ во Францію ученыя отвлеченности глубокомысленной Германіи. Онъ не держится одной системы; онъ первый во Франціи началъ проповѣдывать терпимость, уваженіе ко всѣмъ трудамъ ума человѣческаго. Можно сказать, что онъ составилъ обширный кабинетъ естественной исторіи для всѣхъ философскихъ системъ. Разумѣется, нѣтъ науки въ этойъ общей амнистіи всѣхъ прежнихъ философій; въ этомъ примиреніи бѣлаго и чернаго, которое г. Кузенъ называетъ учеріемъ эклектичскимъ. Какъ бы то ни было, онъ распространилъ во Франціи любопытство, если угодно, моду на философію. Ужъ и это заслуга!

Нѣсколько времени назадъ, г. Кузенъ открылъ подлинную рукопись знаменитыхъ «Мыслей» Паскаля. Оказалось, что текстъ «Мыслей» во всѣхъ изданіяхъ искаженъ, измѣненъ, подѣ

ломъ, чтобъ сдѣлать слогу гладкимъ. Г. Кузенъ краснорѣчиво протестовалъ противъ такого святотатства. Трудлюбивый ученый, г. Фожеръ, выпустилъ въ свѣтъ новое изданіе «Pensées de Blaise Pascal», въ этотъ разъ уже подлинное. «Мысли» напечатаны съ манускрипта, найденнаго въ Парижской Королевской Библіотекѣ.

Что такое «Мысли» Паскаля? Эгоды, зародыши мысли, эскизы, но системы въ нихъ нѣтъ. А г. Кузенъ, въ статьяхъ о Паскалѣ, помѣщенныхъ въ «Revue des deux Mondes», видитъ въ нихъ систему, видитъ въ Паскалѣ скептика, и въ доказательство подбираетъ отрывочныя его фразы! Можно бы доказать г. Кузену, что Паскаль точно такой же эмлектикъ, какъ и скептикъ. «Всѣ начала», говоритъ Паскаль: «пирронистовъ, стоиковъ, атеистовъ, и проч. и проч., вѣрны, но заключенія ихъ ложны, потому-что противоположныя начала тоже вѣрны».

Вся философія г. Кузена основывается на такомъ же умозаключеніи. Изъ той или другой отрывистой фразы мѣлешь заключать, что Паскаль проповѣдуетъ скептицизмъ. Чтобъ быть скептикомъ, надо отвергать всякое вѣрованіе. А Паскаль вѣруетъ, имѣетъ полное убѣжденіе въ католицизмѣ. За то, что онъ вмесемъ вѣры отвергаетъ разумъ, вмесемъ благодати—философію, его можно обвинять въ мистицизмѣ, въ иллюминизмѣ, но не въ скептицизмѣ.

Есть однакожъ у Паскаля нѣчто такое, что, если не оправдываетъ, во крайней-мѣрѣ объясняетъ ошибку г. Кузена. Не будучи скептикомъ, авторъ «Мыслей» употреблялъ оружіе скептиковъ. Книга Паскаля объясняетъ его умственные привязанности до обращенія его къ ученію порт-рольскому. Паскаль въ молодости увлеченъ былъ двумя писателями: Монтанемъ и Эпиктетомъ. У одного онъ заимствовалъ его всеобщее сомнѣніе, у другаго—горделивое сознаніе личности человѣческой.

Онъ перенесъ въ католицизмъ эти два направленія своего ума. Монтанъ сдѣлался представителемъ безсилія разума, ненадежности дѣлъ человѣческихъ, другими словами, догмата грѣхопаведія; Эпиктетъ — представителемъ покаянія, страданія, власти надъ самимъ собою, надъ страстями, другими словами, догмата искупленія, благодати. Паскаль, принимая мнѣнія янсенистовъ, не измѣнилъ идей, измѣнилъ только названіе своихъ идей. Отсюда эти безпрестанные антитезы, встрѣчающіяся на каждой страницѣ «Мыслей». Монтанъ и Эпиктетъ поочередно являются въ нихъ. Умъ Паскаля имѣетъ два попережѣнные движенія, какъ два пистона паровой машины.

Нельзя, впрочемъ, не благодарить г. Кузена и г. Фожера, перваго за то, что нашель рукопись, втораго за то, что издалъ ее: они возстановили въ исторіи философіи визионерію этого мыслителя задумчиваго, грустнаго и восторженнаго, который, склонивъ чело надъ бездною и одѣтый туманомъ; уполется върою, чтобъ избѣжать доукъ разума. Это — умъ высочій и большой, равенный орелъ, который, послѣднимъ усиліемъ поднявъ свое разбитое крыло, возноется въ горнія страны, чтобъ уснуть у подножія престола Божія.

Но нельзя быть въ такой же степени благодарнымъ г-ну Кузену за «Jasquin Rasca», за изданіе сочиненій монахини, — сестры Блэза Паскаля. Къ чему вздумалъ онъ собрать бумаги этой затворницы? Хотѣлъ ли онъ представить свѣту геній неизвѣстный, сочиненія, въ литературномъ или умственномъ отношеніи полезныя для познанія вѣка, для исторіи человѣческаго ума? Нѣтъ. Жаклина Паскаль оставила по себѣ нѣсколько тяжело-написанныхъ писемъ, стиховъ, написанные въ молодые годы, довольно-мистическія ораторскія сочиненія и уставы для монахинь. Самъ г. Кузенъ принужденъ сознаться, что ея сочиненія не имѣютъ никакой литературной важности. За-

чѣмъ же надавъ онъ эту книгу? Кажется, затѣвъ, чтобъ написать предисловіе, — предисловіе противъ женщинъ!

Турки говорятъ, что женское лицо должно быть всегда подъ покровомъ, что сама женщина должна оставаться всегда скрытою. Г. Кузенъ налагаетъ на душу женщины, на ихъ умъ покровъ, котораго не можетъ накинуть на ихъ лицо. Чтò значитъ это запрещеніе, налагаемое вмѣ на способности женщины? Почему женщина чувствующая себя вдохновенною, не должна высказывать своего вдохновенія словомъ? Если женщина погрѣбаетъ себя совершенно въ жизни домашней, въ кухнѣ, она уже не подруга мужа, потому-что тутъ предполагается равенство, а служанка его.

Геній есть даръ Божій, Божія милостины, данная одному для раздачи всѣмъ; это благоуханіе цвѣтка, это тепло огня, — а г. Кузенъ хочетъ, чтобъ цвѣтокъ удерживалъ въ себѣ свое благоуханіе, чтобъ огонь удерживалъ въ себѣ теплоту. Онъ дѣлаетъ изъ генія въ женщинѣ что-то эгоистическое, сокровенное, молчаливое, потаенный фонарь, который двигается, скрывая свой свѣтъ. Не уничтожая высокихъ способностей въ женщинахъ, онъ хочетъ упяточить употребленіе этихъ способностей. Онъ какъ-бы говоритъ имъ: Богъ далъ вамъ лампу, чтобъ она не свѣтила! Богъ далъ вамъ голосъ, чтобъ вы молчали! Странна такая мысль въ нашъ вѣкъ, когда мы видимъ не одну геніальную женщину. Еслибъ г. Кузенъ сказалъ только: въ нашъ вѣкъ развелось слишкомъ-много женщинъ, которыя пишутъ безъ призванія; то можно бы сказать ему: это такой недостатокъ, который раздѣляютъ онѣ съ мужчинами. Но онъ доходитъ почти до того, что готовъ воскресить старій теологическій вопросъ, есть ли душа у женщинъ, ибо теорія Жан-Жака Руссо, которыя онъ вполне оправдываетъ, направлены именно къ тому, чтобъ

оставить женщину навсегда въ состоянн машины. Жан-Жакъ, какъ извѣстно, не любилъ образованности: онъ предпочиталъ ей первобытное патриархальное невѣжество. Человѣкъ, который мыслить, говорилъ онъ, есть испорченное животное. тѣмъ болѣе мыслящая женщина. Нашъ вѣкъ отрицалъ слова женеваго философа и думаетъ, что назначеніе какъ мужчины, такъ и женщины мыслить, и много мыслить. Повторяемъ: не большую едѣлазъ услугу литературѣ г. Кузень издаемъ Жакелины Паскаль.

Къ числу важныхъ ученыхъ отысканій въ послѣднее время! надо отнести находку басенъ древняго баснописца Бабрія: *VARRII FABULAE IAMBICAE, nunc primum editae a I. J. Boissonade. FABLES DE BABRIUS traduites pour la premiere fois en français par M. Boyer, professeur au college de Saint-Louis.* Для филологовъ это находка драгоценная. Давно уже отказались они отъ надежды пайти когда-нибудь вполнѣ сочиненія этого баснописца, и съ 1835 года ограничивались обладаніемъ двадцати басенъ и пятидесяти-девяти отрывковъ Бабрія, издаваемыхъ въ Галлѣ Кюхома. Этотъ сборникъ составилъ понемпогу изъ разныхъ источниковъ. Къ радости всѣхъ антикваріевъ и филологовъ, ученый Грекъ, Миснондъ Минасъ, отправленный г. Вильменомъ въ Грцію для осмотра тамошнихъ библіотекъ, нашелъ въ одномъ монастырѣ Афонской-Горы старинную рукопись басенъ Бабрія. Къ-сожалѣнію, рукопись оказалась неполною, и теперь дѣлаются новые поиски для дополненія того, чего не достаетъ.

Бабрій переложилъ въ стихи эзопова басни. Когда онъ жилъ, гдѣ онъ жилъ, Грекъ ли онъ былъ, или Римлянинъ, опредѣлительно невѣстно. Никого такъ не обрадовала находка его басенъ, какъ германскихъ филологовъ, которые пишутъ въ ученыхъ журналахъ статьи за статьи о Бабрїи. Любителей филологїи отсылаемъ къ этимъ

статьямъ, а здѣсь скажемъ только, что знатоки предпочитаютъ этого остроумнаго писателя и искуснаго версификатора баснописцу Фелру, потому-что онъ не такъ сжатъ и не такъ сухъ.

Жакелина Паскаль и Бабрїи ведутъ насъ къ современнымъ явленіямъ поэтической литературы во Франціи.

Разсматривая новѣйшіе сборники стихотвореній, находимъ, что первенство въ поэтическомъ отношеніи принадлежитъ поэтамъ изъ простонародья. Никогда не было во Франціи столько поэтовъ-простодушновъ, какъ въ настоящее время. Мы видимъ въ этомъ явленіи отрадносодозательство того, что и въ простомъ классѣ обнаруживается движеніе, дѣятельность умственная, предвѣстница улучшенія судьбы его. Недавно, перебарая книги, принадлежащія къ колледжамъ разнородныхъ сочиненій, извѣстной подъ названіемъ *Bibliothèque Charpentier*, мы нашли новое издавіе стихотвореній Маю, ткача: *ROBERT DE MAÏS, TISSERAND.* Имя и сочиненія этого поэта у насъ мало извѣстны, и чтобъ познакомиться читателей съ поэтомъ, не можемъ сдѣлать ничего лучше, какъ представить нѣсколько строкъ изъ предисловія къ этимъ стихотвореніямъ, написаннаго женщиною, которая сама можетъ быть названа величайшимъ поэтомъ нашего времени.

Самый простодушный и самый любезный изъ этихъ поэтовъ, недавно возникшихъ изъ среды простонародья, есть Маю. Простой ремесленникъ, родившійся въ деревнѣ, едва умѣя читать, онъ предшествовалъ нѣсколькими годами Бэзилю и Лобретону, Понсу, Савиньяну Лапуанту и даже Дюрану, который нѣсколькими годами моложе его. Маю, въ ранней молодости, влюбленный въ двоюродную сестру, которая теперь жена его и мать четырнадцати дѣтей, писалъ стихи прежде всѣхъ этихъ поэтовъ. Онъ вдохновлялся Лафон-

теномъ; онъ угадалъ Беранже, но, не сдѣлавшись ни тѣмъ, ни другимъ, ни отъ кого не отсталъ въ сферѣ своихъ идей и своего таланта. Владѣя не такъ искусно новымъ языкомъ, какъ Понси и Жапуантъ, онъ пѣлъ на старомъ языкѣ французскомъ, котораго сохранилъ простодушный и ясный оборотъ, удачную краткость и игривую грацію. Иногда справедливо уверяли молодыхъ простонародныхъ поэтовъ въ недостатокъ той плодоносной оригинальности, которой надлежало ожидать отъ новаго поколѣнія, только-что посвященнаго въ таинства поэзіи. Правду сказать, отъ нихъ требовали болѣе, нежели сколько можно было требовать. Отъ нихъ требовали чудесъ, хотѣли, чтобъ они разомъ, съ первато опыта, внесли въ поэзію языкъ энергическій и граціозный, формы совершенно-новыя, элементъ дотоле-неизвѣстный. Будучи къ нимъ слишкомъ строги, эти судьи не довольствовались тѣмъ, что они рисовали, высказывали свою простую жизнь на языкѣ, сравнительно съ ихъ воспитаніемъ необыкновенно-чистомъ, возвышенномъ и ученномъ; ихъ обвиняли въ томъ, что они идутъ по дорогѣ, проложенной поэтами другихъ классовъ, что они подражаютъ ихъ манерѣ, употребляютъ ихъ формы. Этотъ упрекъ былъ несправедливъ, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно-основателенъ. Здѣсь не мѣсто развѣивать наше мнѣніе объ этомъ предметѣ, и доказывать, что если простой народъ не произвелъ еще генія совершенно-новаго, то не оттого, чтобъ у него дѣйствительно не было силы произвесть его. Мы могли бы доказать, что причина этого заключается въ общественномъ положеніи простаго народа... Но здѣсь не мѣсто расшевеливать этотъ вопросъ. Магюумъ спокойный, который истинно равенство общественное такъ мило и такъ тихо, что никто не можетъ оскорбиться, и который покоряется своей участи съ терпѣніемъ, скромностію и

кротостію, исполненными трогательной прелестью. Странно было бы, еслибъ мы стали отрясать на его мирную дорогу прахъ и камень, еслибъ мы въ предисловіи къ его сочиненіямъ подвигли преніе, въ которомъ его смиренная и улыбающаяся личность была бы какъ-бы обезображена нашими грустными мыслями.

Это было бы тѣмъ неумѣстнѣе, что никто не можетъ отнести къ Магю тѣхъ упрековъ, отъ которыхъ намъ хотѣлось бы освободить его собратьевъ, простонародныхъ поэтовъ. Напротивъ, всѣ съ участіемъ замѣтали, что Магю, въ стихахъ, какъ и въ жизни, былъ настоящимъ простолюдиномъ, — что онъ не дѣлалъ никакихъ усилій говорить языкомъ людей ученыхъ. Поэзія открылась ему въ настоящей формѣ, какую надлежало принять ей въ деревнѣ, у деревенскаго очага, въ мастерской ткача. Эта милая муза неразрижена, и такъ-какъ Магю человекъ съ здравымъ умомъ и вкусомъ, то онъ пашелъ, что она прекрасна въ простотѣ своей. Она и не увлекла его за пределы его сферы; она продиктовала ему пѣсни чистыя и полныя истины, которыя самый простой поселянинъ можетъ понимать такъ же хорошо, какъ и городскіе ученые.

Жизнь Магю рассказана въ разныхъ біографическихъ очеркахъ, украшавшихъ прежнія изданія его сочиненій. Ее можно пересказать въ нѣсколькихъ словахъ. Въ теченіе трехъ зимъ, Магю, сывъ бѣдняка, получалъ въ деревнѣ Таниру (въ округѣ Лизи, въ департаментѣ Сены-и-Марны) первоначальное воспитаніе, которое въ то время было еще скуднѣе перешняго. Лѣтомъ онъ работалъ, очищалъ поля отъ кремней и чертополоха. Будучи двадцати лѣтъ, онъ пораженъ былъ жестокою главною болѣзнію и почти ослѣпъ; не смотря на то, продолжалъ заниматься своимъ ткацкимъ ремесломъ, продолжалъ читать,

« когда зрѣніе поправлялось, любимаго своего автора Лафонтена. Онъ нѣжно любилъ свою подругу, воспиталъ многочисленную семью, и перенесъ много нуждъ и горя. Только нѣсколько лѣтъ назадъ, онъ приобрѣлъ извѣстность, самъ не зная какъ, и удивляясь, что его бѣдныя стихи, какъ онъ называлъ ихъ, пашли ему много почитателей. Обласканный во многихъ парижскихъ салонахъ, посѣщаемый въ своемъ домикѣ знатными и умными людьми и прекрасными дамами, онъ не возгордился. Человѣкъ со вкусомъ, веселый, простосердечный и прямой, онъ поражаетъ всѣхъ умнымъ разговоромъ и прелестію своихъ писемъ. Стоитъ только десять минутъ видѣть лизійскаго ткача, чтобы убѣдиться въ превосходствѣ ума его.

« Читатели, самымъ неблагопріятнымъ образомъ смотрящіе на простонародную поэзію, почти всѣ обезоружены стихами Магю, и немногіе поэты ввухали къ себѣ такую симпатію, такую благосклонность, какъ онъ. Это отъ-того, что стихи его дышатъ тѣмъ и другимъ чувствомъ. Они такъ плавы, въ нихъ такое добродушіе, такая убѣдительность, что какъ-бы поневолѣ любишь ихъ и не замѣчаешь нѣкоторыхъ недостатковъ въ изяществѣ или въ правильности.»

Представимъ, послѣ Магю, другаго поэта-простолюдина, Шарля Понси.

Биографія Шарля Понси такъ же коротка, какъ и биографія Магю. Родясь отъ бѣдныхъ родителей въ 1821 году, онъ до девяти лѣтъ жилъ на улицахъ Тулона; въ-теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ только, онъ, вмѣстѣ съ другими сверстниками, пасъ небольшое стадо, получая по франку въ мѣсяцъ съ головы.

« Dans le plâtre, dans l'eau, dans la chaux
qu'elle allume,
La misère, à dix ans, tout chétif m'a
jeté »

говорить онъ въ сонетѣ въ сборникѣ стихотвореній, изданномъ подъ заглавіемъ «Chantier». Лѣтъ двѣнадцати, онъ вступилъ въ школу взаимнаго обученія, скоро потомъ перешелъ въ школу братьевъ-христіанскаго-ученія, и, наконецъ, провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ высшей общинной школѣ. По выходѣ изъ этой школы, онъ сдѣлался камельщикомъ.

Но Шарль Понси родился поэтомъ. Библиотека его состояла изъ «Magasin Pittoresque», трагедій Расина и басней Лафонтена. «Magasin Pittoresque» нѣсколько расширялъ тѣсный кругъ его познаній. Расинъ и Лафонтенъ выучили его говорить азыкомъ, на которомъ чувствовалъ онъ потребность выражать свои мысли. Каждый вечеръ, покинувъ лопатку, онъ брался за книгу и перо, учился и писалъ.

« Le jour je suis maçon, le soir je suis
poète;
Mes jours sont au travail, et mes soirs
sont à vous.
Ouvrier tout le jour, ma pensée est
muette:
Poète tout le soir, je chante à vos
yeux ».

писалъ онъ дѣвухи, которую любилъ и на которой потомъ женился.

Онъ любить свое состояніе и часто самъ высказываетъ это въ своихъ новыхъ стихотвореніяхъ:

« Que nous sommes heureux d'être ouvriers!
la vie
A pour nous des douceurs que plus d'un
prince envie.
Le matin, sur les toits, avec les gais
oiseaux,
Nous chantons le soleil qui sort du sein
des eaux,
Qui, submergeant ces toits d'une mer de
lumière,
Change en corniches d'or leurs corniches
de pierre ».

Et semble rechauffer, de ses doux bûis,
La tulle, frère égide, où s'abritent les
nids.
Nous gustions les beautés dont l'ame et
la fenêtre
Semblant s'épanouir au jour qui vient de
naître,
Et, de l'aube à la nuit, l'air de nos re-
frains
Emporte dans son vol nos maux et nos
chagrins.

Рѣдко участь его исторгаетъ у него
жалобу; даже зимою:

L'hiver, bien que le sang jaillisse de ses
doigts,
Que ses pieds soient glacés par leivre
des toits,
Il benit ses outils et ses obscurs destins..»

Если онъ выражаетъ иногда желаніе
лучшей доли, то говоритъ рѣдко о се-
бѣ, но болѣе о своихъ несчастныхъ со-
братяхъ, о всѣхъ рабочихъ, кото-
рыхъ дѣлать онъ тяжкіе труды... Слѣ-
дующія строфы, заимствованныя изъ
стихотворенія: «Aux maçons», помѣще-
ны въ «Chantier»:

«Emilons nos marteaux pour raser trois
maisons;
Du travail tout l'hiver, du travail aux
maçons!

Oh! s'nos jours sont froids et sombres,
Nous nous rechaufferons par un chant fra-
ternal,
Et nos bras lanceront aux nuages du ciel
D'autres nuages de decombres.

Apres avoir construit des demeures pour
tous,
Si nous pouvions, amis, bâtir un toit
pour nous!

Si nous étions propriétaires
D'un petit coin des champs qu'au loin nous
découvrons,

T. XXXIX. — Отд. VII.

Pour voir grandir nos fils, pour repôser
nos fronts,
Que nous seriens heureux, mes frères!
Et puis, si nous pouvions sâper comme
ces murs
Les hideux préjugés et les vices impurs...»

Въ 1841 году, Франсуа Араго, на-
ходясь въ Тулонѣ, услышалъ о поэтѣ-
каменьщикѣ. Онъ прочелъ нѣкото-
рыя изъ первыхъ его стихотвореній,
увидѣлъ въ нихъ зародышъ большаго
таланта, и по возвращеніи въ Парижъ,
послалъ къ Луи Виардо, основателю
«Revue Independante», «Une Marine»
Шарля Помпи. Въ слѣдующемъ году,
г. Ортоланъ, профессоръ тулонской
школы правовѣдѣнія, надалъ подъ за-
главіемъ «Les Marines», собраніе сти-
хотвореній молодаго своего земляка,
имя котораго, какъ въ Парижѣ, такъ и
въ Тулонѣ, приобрѣло заслуженную ре-
путацию. Наконецъ, въ прошломъ году,
изданъ второй сборникъ его сочиненій:
«Chantier».

Лучшее стихотвореніе въ «Chantier»
посвящено Беранжѣ, который отвѣ-
чалъ письмомъ въ прозѣ, оканчи-
вающимся слѣдующими словами: «За-
навѣсившись литературой, покинуть свое
ремесло—значитъ обнаружить презрѣ-
ніе къ своему сословію; можетъ ли
возвыситься простой народъ, если
всякій, кто отличится рѣдкимъ талан-
томъ, будетъ спѣшить выйдти изъ
рядовъ его? Если можно, оставайтесь
каменьщикомъ, не пренебрегая ни-
чѣмъ, чтобъ сдѣлаться великимъ по-
этомъ. Знайте, что всю жизнь жалѣлъ
я о томъ, что родители мои заставили
меня покинуть ремесло типографшиа;
это званіе обезпечило бы мою незави-
симость; а чтобъ быть поэтомъ, надо
быть независимымъ.»

1/4

Шарль Понси послѣдовалъ стѣнѣ
благоразумнымъ совѣтамъ: онъ остался
каменьщикомъ и повтокъ. Онъ скарзалъ
своимъ товарищамъ:

Amis, jusqu'au bout je suivrai ma car-
rière,

Et, soit que je sentisse au froid de l'e-
tranger,
Soit que le soleil d'aest me hâle à sa
lumière,
Vous entendrez toujours, ainsi qu' une
prière,
Les benedictions du petit-ouvrier.

БИОГРАФИИ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННОКОВЪ.

МАРТИНЕСЪ ДЕ-ЛА-РОЗА.

Новѣйшее политическое состояніе Испаніи начинается съ 1808 года. До того времени, она оставалась въ сторонѣ отъ великихъ событій, потрясавшихъ Европу; она защищена была отъ вторженія революціонныхъ идей своимъ мѣстнымъ положеніемъ, своими религиозными и монархическими преданіями, и тою смѣсью безстрастія съ упорствомъ, которая составляетъ основу испанскаго характера. Приученное къ деспотизму Карломъ V, доведенное его преемниками до послѣдней степени политическаго упадка, униженное нравственно инквизиціею, отечество Сиды едва обнаруживало признаки жизни подъ скипетромъ слабаго государя, когда рука Наполеона вдругъ коснулась его и сообщила ему потрясеніе, которое продолжается доселѣ, и неизвѣстно когда кончится.

Не мѣсто здѣсь разсказывать подробно событія, приготовившія это великое потрясеніе. Императоръ овладѣлъ Португаліею; ему хотѣлось поработить и Испанію; онъ колебался только между простымъ протекторствомъ и открытымъ обладаніемъ. Восстаніе мадритскаго народа противъ недостойнаго правительства Годоя ускорило исполненіе намѣреній Наполеона. Карлъ IV, для спасенія жизни своего любимца, отрекается отъ престола въ пользу любимаго имъ сына. Наполеонъ принимаетъ посредничество между отцомъ и сыномъ, и между тѣмъ, какъ его войска идутъ въ Мадридъ, онъ призываетъ Карла IV и Фердинанда въ Байону. Тамъ герцогъ Аустерлица присваиваетъ себѣ еще одну корону: онъ удерживаетъ за собою предметъ спора, и отъ Т. XXXIX. — Отд. VIII.

правляетъ спорующихся, Карла IV въ Марсель, Фердинанда въ Валансѣ. Къ довершенію позора, тотъ и другой смиренно принимаютъ приговоръ его; но нація протестуетъ за нихъ. Мадридъ возстаетъ 2-го мая; Мюратъ безжалостно разитъ картечью инсургентовъ; возмущеніе потушено въ потокахъ крови. Но эта кровь была плодотворна: черезъ недѣлю, вся Испанія вопіяла о мщеніи и взялась за оружіе.

Величественное зрѣлище представлялъ этотъ народъ, столько вѣковъ находившійся въ усыпленіи, народъ, почти-забытый, почти-несчитавшійся на вѣсахъ Европы, и теперь возставшій единодушно противъ побѣдителя Европы, и готовый доказать, какъ много можетъ сдѣлать противъ матеріальной силы чувство права и энергія воли.

Въ это время, въ Гренадѣ жилъ молодой человекъ двадцати лѣтъ, съ талантомъ, съ благороднымъ сердцемъ, съ горячею головою, получившій образованіе болѣе-тщательное, нежели какое обыкновенно дается въ Испаніи. Блистательно кончивъ курсъ наукъ, онъ былъ удостоенъ степени доктора философіи и правъ, и получилъ по конкурсу катедру нравственной философіи въ университетѣ родимаго своего города. Имя этого молодого человека было донъ-Франциско-Мартинесъ де-ла-Роза. Судьба готовила ему блестящія почести и жестокія превратности. Поэтъ, ораторъ, государственный человекъ, онъ долженъ былъ играть великую и благородную роль въ событіяхъ своего отечества. Родившись, такъ-сказать, въ одно время съ новой Испаніею, и будучи призванъ въ числѣ первыхъ къ управленію ею на морѣ, исполненномъ опасностей, онъ долженъ былъ равдѣлять ея судьбу; коричій болѣе-усердный, чѣмъ счастливый, онъ долженъ былъ выносить съ своимъ кораблемъ всѣ бури и шквалы и терпѣть съ нимъ всѣ крушанія, — переходить отъ милости къ одадѣ, отъ трибуны къ темницѣ, отъ темницы къ власти, отъ власти къ изъ

гванію, и совмѣстятъ въ своей жизни всѣ вѣсны, чрезъ которые Испанія такъ медленно и съ такимъ трудомъ подвигается къ своему политическому возрожденію.

При первомъ извѣстіи о мадритскомъ кровопролитіи 2-го мая, Андалузія востала, подобно всѣмъ другимъ провинціямъ Испаніи. Молодой гренадскій профессоръ показавъ себя однимъ изъ самыхъ горячихъ патриотовъ. Онъ превратилъ свою каяедру въ трибуну, и основалъ журналъ съ цѣлю возбуждать народъ къ неослабной борьбѣ. Каждая провинція, предоставленная самой-себѣ, не имѣя вождя, не имѣя правительства, составила, подъ именемъ *юнты вооруженія и обороны*, народную комиссію, которая должна была управлять инсуррекціей. Гренадская юнта дала молодому Мартинесу порученіе отправиться въ Габралтаръ и просить англійскаго губернатора о содѣйствіи защитѣ Андалузіи и о присылкѣ войска и оружія. Въ то же время отправился въ Лондонъ съ подобнымъ порученіемъ отъ юнты астурийской другой молодой человекъ, графъ Торено, которому въ послѣдствіи суждено было блистать подлѣ Мартинаеса де-ла-Розы на поприщѣ политическомъ.

Первый періодъ испанскаго востанія былъ ознаменованъ успѣхомъ. Генералъ Дюпонъ былъ разбитъ въ Байленѣ Кастаносомъ; Иосифъ принужденъ былъ оставить Мадридъ; французскія войска отступили къ Эбро. Въ Аранхуесѣ составила изъ двухъ депутатовъ отъ каждой провинціальной юнты центральная правительственная юнта, дѣйствовавшая именемъ короля, находившагося въ изгнѣу въ Валенсѣ. Въ концѣ 1808 года, французская армія снова открыла наступательныя дѣйствія, разбила Испанцевъ въ Бургосѣ, въ Сомо-Сьерра, и отбросила вспомогательное англійское войско до Коруньи. Иосифъ опять вступилъ въ Мадридъ, и центральная юнта удалась въ Севилью, гдѣ держалась въ продолженіи всего 1809 года. Пескъ

ваграмской побѣды, Наполеонъ, развѣдываясь съ Австрією, рѣшился окончить дѣла съ Испанією и обратилъ противъ нея всѣ свои силы. Испанцы были разбиты на всѣхъ пунктахъ, и весь полуостровъ былъ занятъ французскими войсками. Верховная юнта, принужденная отступать передъ побѣдоносными легіонами, оставила Севилью и удалилась на островъ Леонъ. Тамъ, объединившись въ своемъ безсиліи, это центральное правительство уступило наконецъ желанію побѣжденной, но еще непокорившейся Испаніи; и, воскресивъ древнее представительное собраніе, извѣстное подъ именемъ *кортесовъ* и уничтоженное нападъ тому три вѣка, поручило ему спасеніе отечества. Слово *кортесы* тотчасъ сдѣлалось лозунгомъ для каждаго Испанца. Простой народъ, все еще сражавшійся во имя Фердинанда, видѣлъ въ созваніи этого собранія новую силу, которую можно было противопоставить завоевателямъ; но классъ образованный, глубоко-растревоженный нашествіемъ непріятелей и покинутый королемъ, готовился воспользоваться кризисомъ для завоеванія въ одно и то же время и народной независимости и свободы политической. Выборы были произведены, такъ-сказать, подъ штыками непріятеля, и въ безпорядкѣ, неизбѣжномъ при такомъ состояніи дѣлъ. Положено было, что *ортесы* составятъ одно собраніе, въ которомъ сольются духовенство, дворянство и среднее сословіе. Мѣстомъ собранія былъ назначенъ Кадиксъ. Избраннымъ депутатамъ должно было обманывать бдительность Французовъ, чтобъ достигнуть мѣста своего назначенія. Они достигли этого почти всѣ, и 24-го сентября 1810 года, Европа увидѣла съ изумленіемъ, что депутаты завоеваннаго народа, изгнанные изъ всѣхъ частей Испаніи, перенесли съ собою отечество на песчаные берега моря, и тамъ, окруженные, отъяемые страшною армією, ревностно принялись за трудный подвигъ освобожденія своей страны отъ яга, непріятельскаго и не-

ваго политическаго ея устройства. Тамъ-то родился знаменитая конституція 1812 года, которую въ послѣдствіи столько порицали и столько разъ старались осуществить, и которая, будучи неисполнима на дѣлѣ, носила въ себѣ зародышъ длиннаго ряда революцій. Прежде, нежели скажемъ что-либо объ этомъ важномъ актѣ, возвратимся къ Мартинесу де-ла-Роза.

Не достигши еще лѣтъ, потребныхъ для вступленія въ кортесы и будучи принужденъ оставить Авдалузію, занятую французскими солдатами, молодой гренадскій патриотъ отправился въ Англію, для изученія на мѣстѣ учреждений, которыя онъ уже мечталъ перенести въ свое отечество, и потомъ возвратился, въ 1811 году, въ Кадиксъ, составлявшій послѣднее убѣжище испанской независимости. Будучи связанъ дружбою съ отличнѣйшими членами кортесовъ, съ Аргельесомъ, съ поэтомъ Куинтаномъ и другими молодыми людьми, составлявшими умственную аристократію этого перваго политическаго собранія, и раздѣляя всѣ надежды и мечты этихъ благородныхъ, но неопытныхъ и пылкихъ сумовъ, Мартинесъ де-ла-Роза раздѣлялъ также ихъ труды, имѣвшіе цѣлю освобожденіе и возрожденіе Испаніи. Между-тѣмъ, какъ они возбуждали народъ словомъ, андалусскій поэтъ воспламенялъ его перомъ. Еще прежде, въ 1809 году, онъ написалъ поэму въ честь безсмертныхъ защитниковъ Сарагоссы, потомъ, въ Лондонѣ, издавъ *Историческій очеркъ испанской революціи*, и поставилъ съ большимъ успѣхомъ на сцену сатирическую комедію «*Lo que ruede un empleo*», — комедію, въ которой осязана была необузданная страсть къ чинамъ, къ должностямъ, страсть сильно-распространенная въ Испаніи, гдѣ свободныя званія не представляютъ достаточнаго поприща для умственной дѣятельности. Тенерь, въ 1812 году, онъ поставилъ на сцену свою первую трагедію, возбудившую энтузіазмъ во всемъ народонаселеніи Кадикса. Не имѣя возможности распространяться

о всѣхъ сочиненіяхъ Мартинеса де-ла-Роза, котораго литературная репутація столь же велика, какъ репутація оратора и государственнаго человѣка, остановимся только на этой первой трагедіи, потому что въ ней видимъ прекрасное художественное произведеніе, благородную мысль патриота. Сюжетъ «*Viuda de Padilla*» (Вдова Падилья) былъ выбранъ весьма удачно; тутъ изображенъ послѣдній эпизодъ изъ войны кастильскихъ общинъ противъ Карла V. Вотъ въ немногихъ словахъ содержаніе трагедіи. Хуанъ де-Падилья, молодой и отважный предводитель *комунеросовъ*, будучи подавленъ числомъ на поляхъ Вильялара, погибъ со славою на эшафотѣ; всѣ города Кастиліи покорились; только Толедо сопротивляется побѣдителю; доблестная женщина, достойная вдова Падилья, Марія Пачеко, управляетъ защитою города и поддерживаетъ мужество его жителей. Обложенный императорскими войсками, Толедо терпитъ всѣ ужасы осады; часть народонаселенія, увлеченная челоѣкомъ, у котораго нѣкогда Падилья перебилъ честь начальствовать надъ инсургентами и который изъ зависти сдѣлался измѣнникомъ, склоняетъ согражданъ къ сдачѣ на капитуляцію; но Марія Пачеко разрушаетъ планы этого челоѣка, одушевляетъ народъ, и вставляетъ его предпочесть смерть стыду. Отецъ Падильи, служащій въ рядахъ непріятельскихъ, присланъ императоромъ предложить капитуляцію мужественной вдовѣ; онъ умоляетъ свою невѣстку со слезами, именемъ своего сына, спасти Толедо и вмѣстѣ самую себя; Марія Пачеко противится его просьбамъ, и хочетъ погибнуть смертію своего супруга. Эта борьба между двумя лицами, пораженными однанъ тѣмъ же несчастіемъ и соединенными чувствомъ привязанности къ погибшему вождю *комунеросовъ*, производитъ раздирающія сердце сцены, которыя продолжаются до той минуты, когда прежній соперникъ Падилья успѣваетъ сдать городъ непріятелю, и Марія Паче-

ковозваетъ въ себя князядь, чтобъ не попасть въ руки побѣдителей. Исторія, вѣрно-выдержанная въ-продолженіи всей пьесы, измѣнена только въ этомъ послѣднемъ пунктѣ, потому-что доблестная вдова Падилья успѣла, при взятіи Толедо, убѣжать въ Португалію. Если сообразить, что эта трагедія, исполненная энергическихъ тирадъ и пламенныхъ стиховъ, игралась въ первый разъ при громѣ пушекъ, въ осажденномъ городѣ, на сценѣ, построенной на-скоро, въ замѣнъ прежней, недавно-разрушенной непріятельскими бомбами, игралась передъ публикой, которая съ-часу-на-часъ поднималась съ мѣстъ и бѣгала на стѣны городскія, чтобъ отражать послѣднія и самыя яростныя нападенія Французовъ, то легко понять, какой восторгъ она должна была возбудить.

Между-тѣмъ, постановительные кортесы, кончивъ свое дѣло, составивъ кодексъ, сложили съ себя власть и уступили свое мѣсто новымъ законодательнымъ кортесамъ, которые должны были заняться приложеніемъ составленной ихъ предшественниками конституціи. Мартинесу де-ла-Роза только-что минуло двадцать-пять лѣтъ: онъ былъ избранъ городомъ Гренадою въ члены этого новаго собранія. Наполеонъ, воевавшій въ то время съ цѣлою Европою, не могъ болѣе бороться съ энергіею испанскаго народа. Его ослабѣвшія войска мало-по-малу отступали къ Эбро. Мадритъ былъ очищенъ; новые кортесы тотчасъ перенесли свое мѣстопробываніе въ столицу. Они только-что приступили къ своимъ занятіямъ, когда Фердинандъ, освобожденный изъ заточенія самимъ Наполеономъ, прибылъ на границу Каталоніи, гдѣ былъ принятъ съ восторгомъ. Народъ обожалъ его со времени арагуэскаго возстанія, и мѣтъ короля возбудилъ къ нему еще болѣе участія въ Испанцахъ. Фердинандъ выѣхалъ изъ Испаніи королемъ неограниченнымъ, подобно своимъ предкамъ; теперь, возвращаясь въ Испанію, долженъ былъ сойдтись лицомъ-къ-лицу

съ новою властію, которая родилась во время его отсутствія и взяла себѣ львиную долю,—встрѣтиться съ конституціею монархическою на словахъ, республиканскою на дѣлѣ, составленною по образцу Французской конституціи 1791 года, основанною на политическихъ идеяхъ, совершенно-чуждыхъ Испаніи, и заключавшею въ себѣ тотъ главный недостатокъ, что ее едва понимали тѣ, которые ее составили. Конституція 1812 года, начертанная въ минуту патриотическаго увлеченія, въ то время, какъ королевская власть, заточенная въ стѣнахъ Валаиссѣ, существовала только по имени, эта конституція, которой приложеніе всегда оказывалось невозможнымъ и только замедляло движеніе Испаніи впередъ, теперь совершенно оставлена самыми либеральными монархистами. Однако, конституція 1837 года есть ея дочь, и, будучи разсматриваема съ испанской точки зрѣнія, не лучше ея. Если въ какой-нибудь странѣ возможна власть королевская, окруженная республиканскими установленіями, то, конечно, не въ Испаніи, гдѣ, за исключеніемъ случаевъ разгара народной страсти, все ограничивается удовлетвореніемъ матеріальныхъ интересовъ, гдѣ право заключается въ силѣ, гдѣ политическая идея имѣетъ значеніе только потому, что осуществляется въ известномъ челоуѣкѣ, гдѣ законъ самъ-по-себѣ есть пустое слово, безъ значенія, и гдѣ хартія или конституція есть и еще долго будетъ *una papeleta*, клочокъ бумаги.

Значительное большинство испанскаго народа видѣло въ кадикской конституціи не болѣе, какъ военное орудіе, котораго назначеніе, ему казалось, кончилось вмѣстѣ съ войною. Фердинандъ приближался къ Мадриту при кликахъ: *viva el rey neto*, да здравствуетъ неограниченній король! а между-тѣмъ кортесы предписывали ему принести присягу конституціи, даже хотѣли предписать маршрутъ его путешествію. Фердинандъ долженъ былъ понять, что Испанія 1814 года,

взволнованная шестилѣтнею внутреннею войною и увлеченная въ общее движеніе Европы, не можетъ оставаться прежнею Испанією. Фердинанду слѣдовало самому начать преобразованіе и даровать королевству учрежденія, согласныя съ идеями и правами народа. Но онъ поступилъ не такъ. Первымъ его дѣломъ было занести рѣшительный ударъ всѣмъ либераламъ, которыхъ усилія такъ могущественно содѣйствовали сохраненію для него покинутого имъ трона. Въ то же время, первый *afrancesado* испанскій, униженно лобызавшій руку Наполеона, разомъ отправилъ въ ссылку десять тысячъ Испанцевъ, названныхъ *afrancesados* за то, что они считали возможнымъ соединеніе Испаніи съ Французскою Имперією, и наполнилъ галеры и тюрьмы всѣми, которые считали необходимымъ опереться на конституцію, чтобъ освободить отечество.

Мартинесъ де-ла-Роза могъ бы, подобно многимъ своимъ товарищамъ, спастись бѣгствомъ отъ удара, который ему угрожалъ; но, будучи спожоенъ въ совѣсти, онъ дождался времени, когда его взяли съ постели и бросили въ подземную темницу, гдѣ онъ оставался семь мѣсяцевъ, лишенный свѣта, жертва невыразимыхъ страданій. Оттуда его перевели въ тюрьму не столь страшную; здѣсь онъ пробылъ два года, въ продолженіе которыхъ Фердинандъ тщетно силался найти противъ него обвиненіе, найти судилище, которое могло бы осудить его. Мужественный арестантъ постоянно отказывался подвергнуть себя несправедливому суду; на всѣ вопросы онъ отвѣчалъ, что, будучи неприкосновененъ за мнѣнія, выраженныя имъ, какъ депутатомъ націи, онъ не признаетъ ни въ какомъ судилищѣ права судить его.

Не могли законнымъ порядкомъ осудить человѣка, который въ послѣдствіи долженствовалъ быть его министромъ, Фердинандъ осудилъ его дерзкомъ на восьмилѣтнюю ссылку на

берега Африки, въ одинъ изъ *presidios*, назначенныхъ для каторжниковъ; мѣсто это лежитъ на голій, одинокой скалѣ, близъ рифскаго берега, и называется Эль-Пенонъ-де-Велесъ-де-ла-Гомера. Это мѣсто такъ бесплодно, что туда ввозятъ изъ Испаніи даже воду, необходимую для осужденныхъ и для солдатъ гарнизона, ежедневно умирающихъ отъ губительнаго климата. Тула-то былъ сосланъ молодой гренадскій депутатъ, виновный въ преданности отечеству. Лишенный всякаго сообщенія съ родственниками, угрожаемый смертью, въ случаѣ покушенія на бѣгство, онъ только благодарству пенинскаго губернатора былъ обязанъ тѣмъ, что его не смѣшали съ негодаями, которые попали въ это страшное мѣсто за преступленія.

«Кто поетъ, тотъ свободенъ», сказала Шатобрианъ, говоря о человѣкѣ, который, подобно ему, былъ поэтомъ и государственнымъ человѣкомъ, и, подобно ему, перекидываемъ былъ судьбою отъ счастья къ несчастію. Въ заточеніи, Мартинесъ де-ла-Роза возвратился къ любимому занятію прежнихъ своихъ дѣтъ, къ поэзіи, которой назначено было услаждать горести его жизни. Онъ написалъ въ тюрьмѣ «Науку Стихотворства» — подражаніе Горацию и Буало, перевелъ на испанскій языкъ стихами посланіе латинскаго поэта къ Пизованнъ и приготвилъ разныя другія сочиненія, изданныя въ послѣдствіи. Четыре года протекли такимъ образомъ, четыре года страданій и сожаленій. Пораженный жестокою главною болѣзнію, порожденною климатомъ, Мартинесъ де-ла-Роза умеръ вдали отъ прекраснаго неба Андалузій, когда, въ концѣ марта 1820 года, вдругъ увидѣлъ онъ приближавшійся къ берегу корабль, который везъ ему вѣсть о революціи и свободу.

Спустя нѣсколько дней, онъ торжественно вступалъ въ Гренаду, среди восклицаній народа; триумфальная арка была построена въ честь его; скоро потомъ онъ засѣдалъ въ кортесахъ,

въ силу той самой конституціи 1812 года, за которую онъ столько потерпѣлъ.

Фердинандъ не умѣлъ поддержать той народности, которую обладалъ онъ, возвращаясь изъ Франкїи. Въместо благоденствїя, котораго Испанїя отъ него надѣялась, онъ гѣшилъ ее боими быковъ и вшафотными спевани. Начали составляться заговоры; правительство тушило ихъ въ крови, но они непрерывно возражались. Обманутый и несчастный народъ готовъ былъ рукоплескать успѣху каждаго смѣльчана. Въ такомъ положенїи были дѣла, когда простой батальонный командиръ, Рїего, подвїялъ знамя мятежа на островъ Леонъ, и провозгласилъ конституцію 1812 года. Народъ принялъ это знамя съ тѣмъ же жаромъ, съ какимъ отвергъ его въ 1814 г. Скоро революція распространилась по всѣмъ городамъ, и Фердинандъ, всегда готовый преклониться предъ силою, далъ клятву соблюдать конституцію, которую онъ уже разъ уничтожилъ, и долженъ былъ уничтожить скоро въ другой разъ. Годы, протекшіе со времени паденїя кадикскаго кодекса, были ознаменованы многими бѣдствїями, но еще большїя бѣдствїя ознаменовали возстановленїе его. Отъ шестилѣтняго деспотизма, Испанїя перешла къ трехлѣтнему неистовству демагогическому, и подобная сїбѣна краивосовъ, нажестя, сдѣлалась съ-тѣхъ-поръ условїемъ существованїя этой несчастной страны.

Когда Мартинесъ де-ла-Роза занялъ мѣсто въ кортесахъ 1820 года, то жаръ мпѣвій его молодости уже значительно остылъ. Размышленїе и опытъ показали ему всѣ недостатки кадикской конституціи и всѣ трудности, съ которыми соединено было для какого бы то ни было правительства осуществленїе ея. Впрочемъ, такъ какъ этотъ кодексъ былъ тогда единственною опорою свободъ, то онъ принялъ его искренно, предоставляя себѣ, однакожь, право и поставляя себѣ въ обязанность поддерживать, сколько

возможно, власть королевскую, упавшую тогда сколько въ-слѣдствїе собственной ея неумѣренности, столько же въ-слѣдствїе неумѣренности торжествующей революціи.

Въ-продолженїи перваго собранїя кортесовъ, либеральное и умѣренное мнѣніе, представителями котораго были Мартинесъ де-ла-Роза, Торено и нѣкоторые другїе, оставалвало патриги Фердинанда и его двора, и въ то же время дикїя страсти *дескамизадосовъ*, мадритскихъ сан-кюлотовъ. Но эти дескамизадасы со-дня-на-день брали болѣе и болѣе перевѣса надъ правительствомъ, которое кадикскїй кодексъ лишилъ самыхъ существенныхъ преимуществъ. Повсюду заводились клубы; страшныя сцены, напомнимъшїя ужасы французскаго терроризма 1793 года, скоро стали окривлять улицы. Рїего, *el gran Riego*, великій Рїего, какъ говорилъ тогда тотъ самый народъ, который въ-последствїи плясалъ вокругъ висѣльницы своего героя, несчастный Рїего, упоенный ружейскими толпы, сдѣлался органомъ необузданныхъ солдатъ, и силился поставить свое эфемерное диктаторство между кортесами и правительствомъ.

Въ собранїе 1821 года, анархическое движенїе становится болѣе и болѣе открытымъ. Королевская власть потушаетъ голову, сырвая въ сердцахъ ненависть и мщенїе. Молотокъ мятежниковъ, которымъ былъ убитъ въ тюрьмѣ несчастный нагерь Виуоса, дѣлается революціоннымъ украшенїемъ, и эти рыцари молотка исполняютъ свои славныя орудіемъ смертныя приговоры, провознесенные клубами. На истовые вопли мадритскихъ демагоговъ провинціи отвѣтствуютъ кликами: *Viva el rey netol* и роялисты берутся за оружіе. Скоро вся Испанїя раздѣляется между *комунеросами* и *серралесами*, между свирѣпыми членами клуба «Fontana de Oro» и дикими шайками «Вѣрной Арміи».

Среди этой бури страстей, Мартинесъ де-ла-Роза тѣтено возвышалъ свой благородный и честный голосъ

для защиты порядка и справедливости. Народъ не уважалъ его голоса; этотъ голосъ былъ заглушаемъ; прежняя популярность ссыльнаго 1814 года исчезла. Уже онъ былъ предметомъ ненависти партій, которыхъ неумѣренность порицалъ. Его обвиняли въ замыслахъ на гибель конституціи; мятежъ грозилъ ему смертью, и онъ выдержалъ эти угрозы съ тою спокойною твердостью, которую обвараживалъ такъ часто въ послѣдствіи, когда судьба призывала его къ управленію дѣлами въ самую критическую минуту. Выборы 1822 года кончились въ пользу самой неумѣренной партіи; эта партія обнаружила свои намѣренія, избравъ Риго президентомъ кортесовъ. Всѣ министры подали въ отставку; всѣ городскія власти Мадрида сдѣлали то же, а между тѣмъ надо было открывать засѣданія кортесовъ. Тогда-то устрешенный Фердинандъ рѣшился вѣрить управленію дѣлами тѣмъ самымъ рукамъ, которыя онъ прежде обременилъ оковами.

Мартинесъ де-ла-Роза долго отказывался отъ принятія власти при такомъ отчаянномъ положеніи дѣлъ, когда надлежало бороться и съ недовѣрчивостью короля и съ большинствомъ кортесовъ. Наконецъ, уступая неодолимымъ приглашеніямъ Фердинанда, просьбамъ друзей и желанію всѣхъ здравомыслящихъ и просвѣщенныхъ людей, онъ принялъ, съ званіемъ президента совѣта, портфель иностранныхъ дѣлъ, съ условіемъ выбрать самому товарищей себѣ и служить безъ жалованья. Замѣчательно, что въ одно и то же время три поэта, Шатобрианъ, Каннингъ и Мартинесъ занимали министерство иностранныхъ дѣлъ при трудныхъ обстоятельствахъ; но труднѣе всѣхъ, безспорно, было положеніе испанскаго поэта. Подирѣпляемый правотою своихъ намѣреній, онъ мужественно принялся за дѣло; опираясь на просвѣщенную и наименьшую часть кортесовъ, и защищая отъ посягательствъ партій неприкосновенность правъ королевской власти, онъ предлагалъ важныя

политическія и административныя преобразованія. Не смотря на оппозицію, онъ держался четыре мѣсяца, и уже видъ палаты, казалась свѣдѣтельствомъ о возвращеніи къ идеямъ умѣренности и порядка, какъ отырлся новый кризисъ, столь же важный, сколько и неожиданный, который, передавъ власть въ руки революціонной партіи, проложилъ дорогу посредничеству Франныи и возстановленію неограниченной монархіи.

30 июня 1822 года, Фердинандъ открылъ засѣданіе кортесовъ; онъ возвращался во дворецъ; въ это время завязалась ссора между народомъ и гвардіею. Послѣдняя поднимаетъ мятежъ во имя короля; одна часть ея забирается въ замокъ, другая занимаетъ полицію недалеко отъ города. Миліція и гарнизонъ берутъ оружіе въ свою очередь, идутъ противъ гвардіи, и располагаются съ артиллеріею кругомъ замка. Люнтамента (муниципальный корпусъ) объявляетъ себя безсиѣннымъ, и все возвѣщаетъ открытую вражду между городомъ и дворомъ. Король смотритъ на воззвеніе и молчитъ; Мартинесъ де-ла-Роза и его товарищи, опасаясь, съ одной стороны, поощрять возстаніе *сервиллосовъ*, съ другой — торжество демагоговъ, не принимаютъ никакой рѣшительной мѣры и ограничиваются попытками примиренія, которыя съ каждою минутою становятся труднѣе и труднѣе. Шесть дней проходить въ переговоровъ между городомъ и дворомъ, между гарнизономъ и гвардіею; шесть дней, въ продолженіе которыхъ двѣ вооруженныя партіи, съ бранью и угрозою на устахъ, съ поднятой саблею, съ зажженными фитилями, ждутъ только сигнала, чтобъ начать непріязненные дѣйствія. Кажется несомнѣннымъ, что въ эти критическіе дни была рѣчь о томъ, чтобъ измѣнить конституцію 1812 года, расширить предѣлы королевской власти и, въ видѣ полюбившей сдѣлки, предложить спорящимъ партіямъ по образцу англійской. Король, казалось, согласенъ былъ на подобную мѣру; но 6-го іюля пришло

дальше известіе о возстаніяхъ роялистовъ въ провинціяхъ. Тогда въ Фердинандѣ рождается надежда возвратить себѣ неограниченную власть; его намѣренія измѣняются; министры хотятъ выйти изъ замка—ихъ удерживаютъ плѣнными. 7-го числа открывается сраженіе между гвардіею и милиціею, которой помогаютъ войска гарнизона. Разбитая гвардія обращается въ безпорядочное бѣгство; революція торжествуетъ, и Фердинандъ принужденъ униженно просить помощи у своихъ плѣнныхъ министровъ, которые сами уже не имѣютъ силы защитить его. Четыре раза Мартинесъ подаетъ въ отставку, и четыре раза получаетъ отказъ; онъ настаиваетъ; надо принять его просьбу, и королевская власть, по рукамъ и по ногамъ связанная анархистами, унижается еще разъ изданиемъ прокламаціи, гдѣ она передаетъ *проклятію вселенной тѣхъ людей, которые, по ея приказанію, умираютъ за нее.*

Съ трудомъ избѣжавъ преслѣдованія побѣдителей, которые хотѣли запутать его и его товарищей въ процессъ побѣжденной гвардіи и предать военному суду, Мартинесъ де-ла-Роза совершенно удаленъ отъ дѣлъ, съ горестною мыслию, что его отечеству суждено всегда переходить отъ крайности къ крайности. Въ это время, французская армія вошла въ Испанію. Роялистское регентство, только-что утвердившееся въ Мадридѣ, избрало первую свою жертвою того, который для спасенія короля навлекъ на себя ненависть демагоговъ. Бывшій министръ Фердинанда получилъ приказаніе отправиться въ двадцать-четыре часа въ Гренаду, которая назначена была мѣстою его ссылки. Обиженный этиимъ неожиданнымъ говеніемъ, Мартинесъ отказалъ въ повиновеніи и объявилъ, что уступить только силѣ. Его хотѣли посадить въ тюрьму, но герцогъ Инфантадо употребилъ свой авторитетъ, чтобъ воспрепятствовать этому насилію, повторивъ, однакожь, Мартинесу приказаніе отправиться въ Гренаду. Мартинесъ былъ твердъ къ своимъ от-

казъ. Тогда, съ его согласія, выдали ему паспортъ, по которому онъ могъ отправиться за границу, для *поправленія здоровья.*

Изгнанный такимъ образомъ, хоть и не формально, изъ отечества, Мартинесъ де-ла-Роза во второй разъ оставилъ Испанію. Не желая быть во Франціи, пока будетъ продолжаться война ея съ Испаніею, онъ отправился сначала въ Италію и посѣтилъ Римъ, этотъ городъ разваливъ, привлекающій къ себѣ всѣ падшія величія. Когда французскія войска вышли изъ Испаніи, онъ прибылъ на постоянное жительство въ Парижъ, гдѣ былъ принятъ съ живѣйшимъ участіемъ самыми значительными членами либеральной оппозиціи.

Вдали отъ сферы бурныхъ политическихъ страстей, въ уединеніи и изгнаніи, Мартинесъ де-ла-Роза снова сталъ поэтомъ. Въ 1829 году, онъ издалъ въ пяти томахъ собраніе своихъ литературныхъ произведеній (*Obras Literarias*). Первый томъ заключаетъ въ себѣ «Науку Стихотворства», написанную въ Пенонъ-де-Велесѣ. Пользуясь сочиненіями Горация и Буало, испанскій поэтъ умѣлъ соединять въ своемъ произведеніи ихъ разныя достоинства. Некусно приспособляя правила своихъ предшественниковъ къ духу испанскаго языка и испанской націи, онъ далъ Испаніи поэтическій кодексъ, который гораздо-лучше политическаго кодекса, составленнаго въ Кадиксѣ. Къ несчастію, въ поэзіи, какъ и въ политикѣ, кодексамъ даютъ силу только духъ и нравы народовъ,—а духъ Испаніи еще спитъ въ той же могилѣ, гдѣ спитъ ея счастье. Къ своей поэмѣ, Мартинесъ присоединилъ комментарий къ прозѣ, который занимаетъ весь второй томъ его сочиненій, и который, можетъ-быть, важнѣе самой поэмь. Этотъ трудъ заключаетъ въ себѣ критическую исторію дидактической поэмь, эпопей, трагедій и комедій, съ перваго появленія литературы въ Испаніи до конца прошлаго столѣтія, — исторію, написанную мастерскою ру-

ною, съ тонкимъ вкусомъ и съ обширною эрудиціею. Третій томъ содержитъ въ себѣ, кромѣ поэмы *Сарагосса* и трагедіи *Вдова Падилла*, о которыхъ мы уже говорили, весьма-замѣчательную комедію, игранную въ Мадридѣ съ большимъ успѣхомъ; она называется: *La Nina en casa y la Madre en la mascarata* (Дочь дома, а мать въ маскарадѣ). Это забавная сатира на вывѣшанныхъ женщинъ, которыя не хотятъ старѣть и проводить жизнь въ тщетной борьбѣ съ временемъ. Написанная на-манеръ старинныхъ испанскихъ комедій, бѣлыми восьмисложными стихами; эта пьеса отличается бойкостью и остроуміемъ; нравственная идея, составляющая ея основу, много выигрываетъ отъ достоинства формы. Говорятъ, будто эта комедія имѣла вліаніе на нравы высшаго мадридскаго общества. Многіе злые стихи обратились въ пословицу, а отдѣвшія матери стали бояться поднестъ подъ эти пословицы; онѣ же стали заботиться о нарядахъ, начали отказываться отъ удовольствій, свойственныхъ молодости, и занимались, по-крайней-мѣрѣ по наружности, воспитаніемъ своихъ дочерей.

Два послѣдніе тома сочиненій Мартинеса де-ла-Розы заключаютъ въ себѣ, сверхъ другихъ произведеній, прекрасную трагедію *Edivo*, въ которой авторъ сумѣлъ быть оригинальнымъ послѣ Софокла, Сенеки, Вольтера и Драйдена, трагедію *Morayta*, любимое произведеніе испанскаго поэта; наконецъ, *la Conjuracion de Venecia*, самую лучшую и самую народную изъ всѣхъ трагедій Мартинеса де-ла-Розы.

Не довольствуясь обогащеніемъ отечественной литературы, Мартинесъ де-ла-Роза сдѣлалъ, въ изгнаніи, смѣлую и дотолѣ неслыханную попытку поставить на иностранной сценѣ драму, написанную на чуждомъ языкѣ. Французская драма, *Aben-Humeza ou la révolte des Maures sous Philippe II*, была играна на Театрѣ Сен-Мартенскихъ-Воротъ въ іюль 1830 года, и имѣла успѣхъ; но обязана была этимъ успѣхомъ гораздо болѣе благородству идей автора и ори-

гинальности его предпріятія, нежели литературному достоинству сочиненія, слогъ котораго не имѣетъ силы, точности и естественности. Впрочемъ, должно сказать, что въ Театрѣ Сен-Мартенскихъ-Воротъ и въ другихъ парижскихъ театрахъ каждый день аплодируетъ такимъ драмамъ, которыхъ французскій языкъ гораздо-хуже языка Мартинеса де-ла-Розы.

Іюльская революція прервала представленіи драмы *Aben-Humeza*, и снова кинула поэта въ бури политической жизни. 1830 годъ — годъ достопамятный какъ для Франціи, такъ и для Испаніи. Въ одной изъ этихъ странъ онъ ознаменовался переворотомъ на площади, въ другой — переворотомъ во дворцѣ.

Преждевременно состарѣвшись и всѣмъ наскучивъ, Фердинандъ тщетно искалъ покоя въ уединеніи Эскуріала. Получивъ снова неограниченную власть при содѣйствіи иностранныхъ войскъ, онъ началъ съ того, что нарушилъ обѣщанія умѣренности, которыя далъ своимъ *освободителямъ*. Онъ отмстилъ либераламъ, составлялъ и разрушалъ министерства, какъ карточные домики, изгналъ изъ своего совѣта и часто даже отправлялъ въ тюрьму министровъ, которые осмѣливались говорить не о свободѣ, но о терпимости, и наконецъ почувствовалъ нужду сложить бремя своей власти на довѣренное лицо. Онъ нашелъ у себя подъ рукою такое лицо: то былъ Тадео Каломарде, бывший королевскій камердинеръ, умѣвшій смилостырить его милость своими шутками и возведенный теперь въ званіе перваго министра. Между Каломарде и королемъ господствовало совершенное согласіе, и однакожь Фердинандъ скучалъ; шутки Каломарде не прогоняли докучныхъ воспоминаній о прошломъ; онъ былъ вдвоемъ въ третій разъ, и ни одна изъ его супругъ не оставила ему дѣтей; онъ не любилъ своихъ родственниковъ, которые платили ему тѣмъ же; особенно онъ не любилъ брата своего Карлоса, который долженъ былъ ему наследовать.

Все это родило въ головѣ короля мысль испытать родительскаго счастья въ четвертомъ бракѣ. Молодая принцесса прибыла изъ Италіи, чтобъ пролить нѣсколько счастья наѣту увядшую жизнь. Испанія съ энтузіазмомъ приняла молодую королеву, которая принесла ей радость, праздники, и, казалось, призвана была залечить раны, отъ которыхъ государство такъ долго страдало. Христина сдѣлалась беременною. Вольвой Фердинандъ не надѣялся прожить долго, — и желая устранить, во что бы то ни стало, дона-Карлоса отъ престола, рѣшилъ вопросъ заранѣе и обнаружилъ знаменитую прагматическую санкцію 29 марта 1800 года. Въ пользу дитяти, находившагося еще въ чревахъ королевы, онъ отиѣнилъ салическій законъ, утвержденный въ Испаніи Бурбонами, и восстановилъ древній законъ Готтовъ, старинный кастильскій порядокъ престолонаслѣдія.

Сдѣлавъ это дѣло, король снова слегъ въ постель и, повидному, не долженъ былъ вставать съ нея. Во время его агоніи, донъ-Карлосъ и католическая партія привлекаютъ на свою сторону Каломарде, который успѣваетъ убѣдить умирающаго отиѣнить прагматическую санкцію. Донъ-Карлосъ торжествуетъ; партія королевы поражена изумленіемъ. Вдругъ, полу-умершій король воскресаетъ. Партія снова борется передъ его глазами, ссорится, бранится у его постели, и ~~дѣло~~ кончается тѣмъ, что отиѣна санкціи, оставшаяся секретною, публично уничтожается, и прагматическая санкція утверждается окончательно. Донъ-Карлосъ уѣзжаетъ изъ Мадрита; Христина назначается правительницею, и Фердинандъ умираетъ.

Велика была радость Испаніи. Для народа, этотъ дворцовый переворотъ составлялъ перемѣну, а въ жалкомъ положеніи, въ которомъ оставалъ его Фердинандъ, всякая перемѣна была для него хороша. Просвѣщенный классъ уже видѣлъ, что эта перемѣна въ порядкѣ престолонаслѣдія будетъ имѣть слѣдствіемъ соответственное

преобразованіе въ правительственной системѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ скоро донъ-Карлосъ, подвизавшійся абсолютизма, явился представителемъ прошедшаго и хранителемъ древнихъ монархическихъ преданій, правительница по-необходимости должна была искать противъ него опоры въ идеяхъ противоположныхъ, и окружить себя людьми, способными приложить эти идеи къ дѣлу. Отъ-того первыми ея государственными распоряженіями было удаленіе Каломарде и призваніе на его мѣсто Зеа-Вермудеса, который удаленъ былъ прежде изъ королевскаго совѣта за излишнюю либеральность.

Зеа-Вермудесъ былъ человекъ твердый и способный. При Фердинандѣ онъ былъ бы превосходнымъ министромъ, и могъ бы постепенно, посредствомъ просвѣщенія и благосостоянія, приготовить Испанію къ свободѣ. Теперь, его идеи и характеръ скоро сдѣлали это невозможнымъ. Вудучи открытымъ приверженцемъ неограниченной монархической власти, онъ хотѣлъ бороться съ дономъ-Карлосомъ только оружіемъ послѣдняго. Соглашаясь на нѣкоторые незначительныя уступки конституціонной партіи, онъ показывалъ себя непреклоннымъ касательно коренныхъ вопросовъ. Его система, названная изъ *просвѣжденнаго деспотизма* (*despotismo ilustrado*); скоро не имѣла другаго органа, кромѣ его-самого. Онъ царь, и его мѣсто занялъ человекъ, который по своей жизни и по идеямъ былъ представителемъ умѣренного либерализма въ Испаніи.

Въ концѣ 1831 года, Мартинесъ де-ла-Роза, думая, что можно безопасно покинуть изгнаніе, оставилъ Францію и возвратился въ отечество. Королевскимъ декретомъ запрещено было ему жить въ Мадригѣ, такъ же какъ и всѣмъ его товарищамъ, бывшимъ въ короткихъ 1822 года; этотъ декретъ еще не былъ отиѣненъ. Потому, Мартинесъ отправился въ Гренаду, къ роднымъ своимъ (*), чтобъ заняться поправле-

(*). Мартинесъ де-ла-Роза не женатъ. У него братъ въ Кадиксѣ.

иногда съездъ удорожа и свободу мѣталъ, одинаково-растерянныхъ. Когда, въ сентябрь 1832 года, королева Христина приняла правленіе и ознаменовала свое вступленіе въ званіе правительницы политической министріею, то бывшій министръ опять явился въ Мадридъ, гдѣ жилъ сперва вдали отъ политики, занимаясь исключительно литературою. Въ это время, онъ издалъ собраніе своихъ лирическихъ стихотвореній и написалъ весьма-уважаемое сочиненіе объ одномъ изъ испанскихъ героевъ XV вѣка, весьма-замѣчательномъ и мало-извѣстномъ. Эта любопытная біографія, краснорѣчивая и ученая; носитъ названіе «Жизнь Гернана Вераса дель-Пульгаръ». Онъ окончилъ корректуру этого сочиненія, когда королева пригласила его заступити мѣсто Зеа-Бермудеса въ званіи президента совѣта и министра иностранныхъ дѣлъ. Положеніе дѣлъ было весьма-затруднительное. Междуособная война открылась въ Наваррѣ; Испанія, раздраженная упорнымъ сопротивленіемъ Зеа-Бермудеса, требовала созванія кортесовъ; комуверсы 1822 года стали поднимать голову; всюду господствовалъ глухой ропотъ.

Чтобъ устранить эти затрудненія, Мартинесъ де-ла-Роза предложилъ на утвержденіе королевы три важныя мѣры; которыя ознаменовали вторичное вступленіе его въ управленіе дѣлами.

Онъ предлагалъ: 1-е, прервать сношенія съ дономъ-Мигуэлемъ, и послать испанскую армію для изгнанія изъ Португаліи его и дона-Карлоса, убѣжавшаго туда; 2-е, искать опоры для престола Изабеллы въ тѣсномъ союзѣ съ Франціею и Англіею; наконецъ, 3-е, сдѣлать въкоторыя существенныя перемѣны въ формѣ правленія, чтобъ приготовить путь необходимыя преобразованія и соединить подъ знамя Изабеллы всѣхъ, которые желаютъ умѣренной монархіи. Принятіе этихъ трехъ мѣръ имѣло результатомъ изгнаніе генераломъ Родригесъ дона-Мигуэля и дона-Карлоса изъ Португаліи, четвертый союзъ между Испаніею, Ан-

гліею, Франціею и Португаліею; и наконецъ обнародованіе хартии, называемой подъ именемъ *Estatuto real* (королевскій статутъ), за которыми скоро послѣдовало созваніе кортесовъ. Эти три мѣры были совершены вѣсной 1834 года, спустя нѣсколько мѣсяцевъ по вступленіи Мартинеса де-ла-Розы въ министерство.

Начавъ такими образомъ, министръ надѣялся погасить междуособную войну, утвердить въ Испаніи конституціонную монархію на основаніи порядка и свободы, и довершить переворотъ, начатый въ Кадисѣ. Но едва прошло полтора года, авторъ королевскаго статута и виновникъ четвертаго союза, испертнутый непрерывно-возраставшимъ успѣхомъ партій карлистской и революціонной. Какими образомъ вышелъ этотъ результатъ? И въ этомъ несчастіи въ какой мѣрѣ виновать Мартинесъ, и въ какой мѣрѣ виноваты обстоятельства? Чтобъ рѣшить этотъ вопросъ, надобно было бы разобратъ королевскій статутъ, родъ англо-французской хартии, въ некоторыя пункты оригинальнѣе; надобно было бы изслѣдовать, сообразно ли съ испанскими правами учрежденіе верхней палаты, названной *Procesos*, называющейся правами частію помилуемными, частію наследственными—учрежденіе, единственное въ Европѣ! Не входя въ эти изслѣдованія, мы скажемъ только, что въ то время, какъ въ рукахъ дона-Карлоса было знамя божественнаго права, Мартинесъ де-ла-Роза, полагая, что настала пора утвердить представительную монархію, не понимая необходимости принять между дономъ-Карлосомъ и конституціею 1812 года положеніе ясное и открытое. Внося въ Испанію французскую хартію 1814 года, спустя четыре года послѣ июльской революціи, и представляя новое правленіе какъ милость, дарованную королевскою властію, онъ долженъ былъ ожидать безпрепятельныхъ возраженій противъ своего статута, котораго недостатки послужили для либераловъ орудіемъ для возста-

возлеженія надикской конституціи во имѣніи народа.

Къ этой причинѣ паденія должно присовокупить другую, не менѣе важную, которая касается самого лица. Мартинесъ де-ла-Роза, безспорно, одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ ораторовъ, одинъ изъ отличѣйшихъ государственныхъ людей, и вмѣстѣ, можетъ-быть, самый благородный и самый честный человекъ въ Испаніи; но онъ не имѣетъ политическаго достоинства, необходимаго вездѣ, и особенно въ Испаніи, именно—энергіи дѣйствія. Мы не хотимъ сказать, что у него нѣтъ твердости: напротивъ, онъ представилъ много доказательствъ своего мужества и хладнокровія; но эта твердость чисто-страдательная. Такъ, во время смутъ онъ оказываетъ удивительное спокойствіе; во время воинскаго ла-гранкскаго мятежа, когда всѣ вожди умѣренной партіи бѣжали въ испугѣ на границу, онъ спокойно гуляетъ съ сигарой по Прадо; если свистъ прерываетъ его на трибунѣ, онъ выпрямляется во весь ростъ и становится краснорѣчивѣе; словомъ, пока нужно только просто сопротивляться, Мартинесъ де-ла-Роза удивителенъ; но какъ-скоро отъ сопротивления должно перейти къ дѣйствіямъ наступательнымъ, какъ-скоро нужно, — и это особенно необходимо въ странѣ, послѣ трехлѣтняго усыпленія потрясаемой двадцати-пяти лѣтними смутами, въ странѣ, разстроенной злоупотребленіями гражданскими, судебными и административными, въ странѣ, гдѣ отрасть — въ крови и сомнѣніи въ умѣ, — когда нужно, говорить кстати, во-время, одно сохранить, другое преобразовать, одною рукою удерживать, другою дѣйствовать, опереть умѣренность на силу, когда нужно находить ищры для устраненія непредвидѣнныхъ трудностей, предупреждать и потушать разговоры, устраивать и руководить парламентское большинство, словомъ, когда должно управлять въ полнѣйшемъ смыслѣ этого слова, то Мартинесъ де-ла-Роза на-

ходить въ себя только страдательныя способности и великое, но безплодное краснорѣчіе. Въ его глазахъ, дѣйствіе есть рѣчь; онъ говоритъ, защищается, противится, готовъ умереть на скамьѣ за свою идею, но его энергія на этомъ и останавливается. Онъ, по словамъ одного испанскаго писателя, принадлежить къ числу мучениковъ, но не къ числу героевъ.

Все это мы говоримъ съ цѣлію объяснить, какъ министерство 1834 года, которое нашло Испанію наскучившею и абсолютизмомъ и демократіею конунеросовъ 1822 года, и слѣдовательно враждебно дону-Карлосу и восторженной партіи, какъ министерство 1834 года, могшее надѣяться пройти прямо между этими двумя крайностями, погубило себя своимъ бездѣйствіемъ, своею слабостью; какъ, съ самаго начала, оно не умѣло ни предупредить, ни остановить, ни наказать ужаснаго избіенія монаховъ, совершеннаго низкою чернью въ глазахъ мадритскаго гарнизона, который состоялъ изъ девяти тысячъ человекъ, — избіенія, повлекшаго за собой избіеніе монаховъ въ Барселонѣ и въ другихъ мѣстахъ; какъ 18 января 1835 года, оно позволило простому поручику овладѣть почтовымъ домомъ, съ нѣсколькими сотнями людей, и при кликахъ «долы министровъ!» убить генерал-капитана Кантерака и нѣсколько часовъ выдержать осаду; какъ оно заключило капитуляцію съ этою горстью мятежниковъ, которые спокойно вышли изъ города, съ распущенными знаменами, въ рукоприкладныхъ толпы, унося, какъ говорилъ Истурисъ, на своихъ штыкахъ всю нравственную силу правительства, и направляясь къ сѣверной арміи, которая въ послѣдствіи такъ хорошо воспользовалась этимъ прихитромъ неподчиненіемъ; какъ это министерство, бездѣйственное относительно мятежниковъ, безсмысленно противъ тайныхъ обществъ, безсильно было и противъ карлистовъ и, виною неудачъ Квезады, Мины, Родила и Вальдеса поставляло неопытность этихъ генераловъ, между-

тѣмъ, какъ они оправдывались предъ общественнымъ мнѣніемъ, называя себя жертвами нецѣлительности и несорасія кабинета; какъ, наконецъ, въ-слѣдствіе единогласной просьбы генераловъ предъ королевою о французскомъ посредничествѣ, котораго Мартинесъ не хотѣлъ, боясь отказа, онъ подалъ въ отставку, оставляя Торено заботу бороться съ возстаніемъ юнгъ, а Мендизабалу и Истурису трудъ довести до конца паденіе королевскаго статута, которое и совершенно было окончательно въ ночи 12 августа 1836 года двумя сержантами и четырьмя пьяными солдатами, представившими королеу, на концѣ сабли, конституцію 1812 года...

Въ это время умѣренная партія снова соединилась и укрѣпилась въ чувствѣ общей опасности; выборы 1837 года принесли оборотъ совершенно-неблагопріятный для побѣдоносной партіи, которая ихъ произвела, и это — при новой конституціи. При энергіи, при согласіи, Мартинесъ де-ла-Роза и Торено могли бы воспользоваться реакціею, чтобъ возвысить монархическую власть. Ничего подобнаго они не сдѣлали; образовалось незначительное министерство, въ составъ котораго они не захотѣли войти по чисто-личнымъ причинамъ. Мартинесъ де-ла-Роза не разъ еще блисталъ на трибунѣ, когда дѣло шло о политикѣ; онъ повторялъ слова *миръ, порядокъ, справедливость*, которыя очень-хорошо шли къ его умѣренному характеру, но которыя были только слова. Часто его голосъ, чистый и звучный, его лыкъ легкій, изящный и живописный, вроткій, поэтический взглядъ, сѣдые волосы, блѣдное серьезное лицо заставляли молчать буйныя страсти оппозиціи; во впечатлѣніе исчезало вмѣстѣ съ послѣдними словами оратора, и все это не препятствовало ни министерству разстроиваться каждый день, ни власти правительства очевидно уменьшаться, ни тайнымъ обществамъ усиливаться на счетъ правительства, ни кортесамъ быть бездѣйственными.

Два раза были распускаемы и созываемы кортесы, не имѣя своего характера, пока не явился Эспартеро, который и окончилъ дѣло ла-гранскихъ сержантокъ.

Pronunciamento сентября 1840 года, послѣдовавшее за возстаніемъ въ Барселонѣ, уничтожило мужество Мартинеса де-ла-Розы. Не блѣднѣя, смотря на паденіе королевскаго статута; но теперь, по его мнѣнію, падала сама монархическая власть, и ея мѣсто наступало что-то безыменное, безцвѣтное, безформенное, которое сегодня — регентство Эспартеро, а завтра, можетъ-быть, будетъ анархіей, республикой, гибелью Испаніи. Онъ рассудилъ тогда, что вѣтъ мѣста въ Испаніи ни ему, ни его идеямъ, воротился въ Парижъ, и жилъ тамъ уединенно до послѣдняго переворота въ Испаніи, находя утѣшеніе въ поэзіи и наукахъ, и время-отъ-времени обращая свои взоры къ этой несчастной странѣ, для которой онъ столько трудился, столько терпѣлъ — и все напрасно.

На этомъ мы остановимъ нашъ бѣглый біографическій очеркъ. Прибавимъ только нѣсколько словъ о литературной дѣятельности Мартинеса де-ла-Розы. Къ многочисленнымъ литературнымъ произведеніямъ его, о которыхъ мы упомянули, надо присовокупить весьма-интересный историческій романъ подъ заглавіемъ: *Isabel de Solis, reina de Grenada*; другое сочиненіе, болѣе-важное и болѣе-обширное, начатое давно, [и котораго вышли только четыре части, имѣло заглавіе «*Espirito del siglo*» (Духъ вѣка); здѣсь Мартинесъ де-ла-Роза оцѣняетъ великія современныя событія отъ французской революціи до нашего времени; четвертая часть оканчивается консульствомъ Бонапарте. Наконецъ, нельзя не упомянуть о «Дѣтской Книжкѣ», въ прозѣ и въ стихахъ, имѣвшей нѣсколько изданій. Пропускаемъ еще нѣсколько театральныхъ пьесъ негѣловыхъ.

ЗАМАРИА.

Рассказ Пола Мюссэ.

I.

Подъ названными галереями Площади-св.-Марка въ Венеціи, между кофейною Кадри и лавкою часовщика Гонора Доріа (котораго некогда смѣшивали съ Генуэзцемъ Андреемъ Доріа) находится темный переходъ, выходящій къ каменному мостику, перекинутому чрезъ одинъ изъ рукавовъ канала. За нимъ небольшое собраніе домовъ образуетъ проходъ Сан-Галло. Этотъ скромный кварталъ вмѣщаетъ въ себя четыре или пять переулковъ, которые такъ узки, что можно изъ оконцевъ поглядать чрезъ нихъ другъ другу руки; утромъ распрываютъ въ нихъ ставни съ величайшею осторожностью, чтобы не задѣть по носу досѣда, который выдѣлетъ подымать свѣжій воздухъ на свой балконъ. Въ обыкновенное время, кварталъ Сан-Галло не очень красивъ; но въ день последней сажры, то есть, правоваго праздника, вы не узнали бы его: такъ онъ былъ разукрашенъ, разряженъ.

Въ Италіи, если вы не хотите видеть ничего, чтѣ дѣлается, — ведите жизнь высшаго общества. Шестнадцатаго октября прошлаго года, въ день св. Галла, въ десять часовъ вечера, гулялъ я на Площади-св.-Марка среди толпы предствѣныхъ дамъ, мужчинъ, любителей мороженого и иностранцевъ, ни мало не подозревая, что въ двухъ шагахъ прокураціи была сажра. Къ счастью, музыка богоецкаго полка, давъ концертъ на площади, заградила воздушному шуму темноту переходу. Она углубилась въ проходъ Сан-Галло, и я, машинально слѣдуя за нею, очутился среди народнаго праздника. Входъ въ главную улицу, имѣющую не болѣе четырехъ футовъ ширины, украшенъ

былъ арлекиновымъ плащомъ и театральной зафѣсой; улица ослѣщена была фонарями о трехъ рожкахъ, поддерживаемыми гирляндами; жители вынесли изъ домовъ своихъ все, чтѣ было лучшаго, и выставили напоказъ прохождимъ; лучшая мебель красовалась на чистомъ воздухѣ. Стѣны были украшены гардинами, постельными занавѣсками, коврами, циновками, стѣнными одеялами, какъ-бы для какой процессіи. Улица была усыпана древесными листьями. Знамена изъ разноцвѣтной бумаги, установленныя въ видѣ пирамидъ, представляли баснословныя гербы кометы, полумѣсяцы и сѣверныя звѣзды. — Другія представляли изображенія святыхъ, баснословныхъ богатырей, адюгоровъ и предмѣты историческія. Семейныя портреты, образы и картины вывѣшены безъ всякаго порядка; астампъ, изображающій воеводу, находился вездѣ восковой статуеткой Божіей Матери и императора бюста. Печникъ выставилъ двухъ глиняныхъ собакъ, которыя должныствовали потому служить одушцами. Аптекарь выставилъ свой портретъ, написанный съ банною широкъ въ рукахъ; наконецъ, продавецъ свѣчей, вѣроятно, не находившій для выставки ничего лучше своего товара — устроилъ изъ свѣчныхъ геометрическихъ фигуръ. Балконы выходили на театральныя ложи, и такъ-какъ всѣ Венеціанки хороши собою, то классическая красота ихъ прѣнудилъ и роскошные водомъ; но мало способствовали украшенію сажры. Запахъ кухни, аэдельмановъ, сыра и дичаго масла носился въ воздухѣ; въ толпѣ слышались тѣ смѣшанныя и комическія возгласанія, но которыми всегда можно узнать Итальянецъ — народъ луише всѣхъ въ мірѣ умѣющій смѣяться, вѣтъ и веселиться безъ значительныхъ издержекъ.

Среди этого хаоса украшеній, музыка богоецкаго полка остановилась на площади, построилась въ кружокъ и заградила красочныя нѣсны. Памятникъ, посвященный св. Галлу (небольшая часовня самой простой архитектуры) ар-

вертенище потарахъ подъ герляндами и фестовами. На углу площади надпись на двери одного дома гласила, что въ немъ умретъ Канова—царь скульптуры. Дѣти плясали предъ этой надписью; рыбаки изъ Кюццы (*) дрались, а баркаролы шли на бочкѣхъ подъ открытымъ небомъ. Но самое поэтическое зрѣлище на правдивѣ Сан-Галло представляла подвижная лавка Замарин, важнѣйшаго лица на всѣхъ венеціанскихъ саграхъ; онъ былъ царемъ неварей аладій—какъ Канова былъ царемъ скульпторовъ. Лавка замарин стояла среди площади. На переднемъ ее концѣ, три блестящія мѣдныя блюда великолѣпно рисовались между фальшивыми сахарными головами изъ картона, флагины съ высокими горлышками, нарядными корзинками, кострюлями и суповыми ложками, расположенными съ большимъ искусствомъ. На фронтонѣ аладіа находилась вывѣска съ надписью: «Qui lavoga Zamaria bignu» (Здѣсь Замаріа работаетъ аладіа). Внутри, при свѣтѣ багроваго нечяго пламени, старуха и четыре поваренна суетились вокругъ огромной сковороды, гдѣ хлопотало жарившееся масло. Сварщикъ поваренокъ легъ на сковороду гѣсто, сѣвшанное съ аблоками, и вскорѣ выходило оно изъ лабораторіи въ видѣ вкусныхъ аладій, на которыхъ самъ Замаріа носылъ бѣлый пороснокъ, украшенный завязіемъ сахара; никому другому не довѣрялъ онъ этого дѣла. Этотъ великій мужъ однихъ глазами смотрѣлъ за почтительными своими помощниками, другихъ наблюдалъ за гѣваками, которые стояли кружкомъ и любовались на всю эту работу, ще нештѣшіе въ карманахъ своихъ сантима для покунки аладіа—пользовались правомъ даромъ наслаждаться занавомъ жаренаго масла. Какъ живо бы напечаталъ въ своей накати всю эту картину Рембрантъ, еслибъ случилось ему тутъ быть! какъ живо передалъ бы онъ полотну адскіе

отблески повареннаго огня и движущіея вокругъ него серьбеныя лица! Замаріа — деспотъ, предъ которымъ трепещатъ поваренки. Горе уронившему аладію со сковороды! Мощная рука хозяина подьмется надъ нимъ, вооруженная чумичею. Посмотрѣли бы вы тогда на грозный взглядъ Замарин! Но вскорѣ на лицѣ его водворяется опять выраженіе торжественнаго спокойствія. Тяжелое дыханіе надуваетъ по-временамъ его толстыя щеки, гѣки до половины опускаются на сѣрыя глаза, и на лицѣ его естатомъ гѣва борется еще съ высокою мыслію: «не забудемъ, что мы Замаріа — царь аладіа!». Въ числѣ прислуги его находились одинъ погоумивый мальчикъ, на который вымещалъ онъ свою досаду; гѣвки сѣбялись всякому толчку, получаемому погоумивымъ, потому-что Итальянцы, подобно дѣтямъ, не знаютъ состраданья, какое внушаетъ униженіе человѣческой природы.

Я помѣстился въ кругу зрителей и съ уваженіемъ слѣдилъ за всѣми движеніями Замарин. По-временамъ, молодая дѣвушка пробивалась сквозь толпу и требовали аладій, которыя подавали имъ съ необычайною скоростью. Лица важныя и помилыя купали ихъ тутъ на мѣстѣ, выниная ихъ изъ корзинокъ посредствомъ острыхъ деревянныхъ палочекъ, которыя подавалъ имъ Замаріа. Хозяинъ взялъ большой листъ сѣрой бумаги, свернулъ его въ трубку, отсчиталъ дѣвнадцать только-что испеченныхъ аладій, завернулъ ихъ въ бумагу, и посмотрѣлъ на внимательную нублику, какъ-бы отъискивая лицо, заслуживающее его довѣренности. Нанолеевскій взоръ его вдругъ естановился на мнѣ; онъ протянулъ ко мнѣ свертокъ съ аладіями и сказалъ дружескимъ, покровительственнымъ тономъ:

— Любезный! отнеси, пожалуйста, эту дюжину аладій графу Андреа, что живетъ здѣсь напротивъ, въ первомъ этажѣ. Графъ заказалъ мнѣ ихъ мимоходомъ; когда воротитшься, за труды дамъ тебѣ одну аладію.

(*) Маленькій городокъ въ шести миляхъ отъ Венеціа.

Покорись повелительному взору Замаріи, и находя сверхъ того лестнымъ такое доказательство доверенности, я не подумалъ обнаруживать неудовольствія: поспѣшно взявъ свертокъ бумаги изъ рукъ Замаріи и пошелъ прямо въ указанный мнѣ домъ. Дверь была открыта. Въ сѣняхъ теплилась лампадка у подножія образа Божіей Матери, написаннаго на стѣнѣ. Я подошелъ къ двери нижняго жилья и дернулъ за шнурокъ колокольчика. Мужчина, лѣтъ тридцати-пяти, лицомъ блѣдный, съ глазами живыми, но исполненными выраженія грусти, открылъ мнѣ дверь и довольно-грубо спросилъ, что мнѣ надобно.

— Сеньйоръ графъ, отвѣчалъ я:— вотъ дюжина аладій, которыя мнѣ поручилъ Замаріа доставить вамъ.

— Замаріа, отвѣчалъ мнѣ графъ съ меланхолическою улыбкою:— самъ настояща аладья, которую Всеышній создалъ изъ гѣста глупости и чванства. Вы поступили слишкомъ-снисходительно, не давъ ему замѣтить, что онъ забывается. Я же побраню его за такую невѣжливость.

— Прошу васъ объ этомъ не беспокоиться. Замаріа удостоилъ меня важнымъ порученьемъ. Его поваренка мнѣ времени, и еслибъ онъ поручилъ эту драгоценность какому-либо мальчишкѣ, то вѣроятно онъ скрылся бы съ нею. И такъ вы видите, Замаріа поступилъ осторожно и доказалъ вѣрность взгляда своего, избравъ такого человѣка, который не рѣшится жертвовать своимъ добрымъ именемъ—дюжину аладій.

— Если угодно вамъ принять это въ хорошую сторону, то сдѣлайте мнѣ крайней-мѣрѣ одолженіе, раздѣливъ мой ужинъ.

Графъ Андреа развернулъ бумагу и подалъ мнѣ ланчето, вилку, которая можетъ служить также и зубочисткою, и принявъ за аладьи съ видомъ человѣка, чувствующаго хорошей аппетитъ. Въ первыя минуты молчанья, обыкновенно царствующаго при началѣ стола, я рассмотрѣлъ исподтишка всю комнату. Она показалась мнѣ довольно-

странною: стѣны, выкрашенныя водою краскою, чужды были всякихъ украшеній. На дорожкахъ чеподаній лежали книги, ноты и двѣ пары сапоговъ. Бѣлый, деревянный столъ залитъ былъ ламповымъ масломъ и чернилами. На веревкѣ, протянутой по стѣнѣ и исправлявшей должность шкафа, висѣли плащъ и платье; но бархатное раззолоченное кресло стояло на возвышеніи, въ видѣ трона, и покрыто было эбеновымъ чехломъ, тогда-какъ мы сидѣли на простой деревянной скамейкѣ. Предъ довольно-хорошимъ ройлемъ стоялъ полусгнившій табуретъ. Хотя Италия — страна чудныхъ домашнихъ убранствъ, но здѣсь мебель показывала, что она принадлежитъ помѣшанному человѣку, и я рѣшился узнать, куда завелъ меня случай. Съѣвъ двѣ аладьи, я положилъ ланчето на столъ и, показывая будто въ первый разъ взглянулъ на окружающее меня, спросилъ, указывая на бархатное кресло:

— Вотъ мебель прекрасная; какъ видно, она для васъ драгоценность.

Графъ бросилъ на меня дикий взоръ и отвѣчалъ:

— Еслибъ по выговору вашему я не узналъ съ перваго раза, что вы Французъ, то, безъ сомнѣнія, теперь увидѣлъ бы, къ какой націи вы принадлежите. Насмѣшинъ, сударь, у насъ не въ модѣ. Здѣсь находитесь вы полъ побомъ жаркимъ, среди огненнымъ сердцемъ. Знайте, что я весьма-добръ къ тѣмъ, кто ко мнѣ добръ; но для насмѣшинковъ дѣлаюсь свирѣпымъ львомъ, гигантомъ, вооруженнымъ налицею: я ихъ уничтожаю!..

— Не угодно ли вамъ сигарку, любезный графъ? сказалъ я, вынимая изъ кармана сигарки.— Покуда вы будете курить, я докажу вамъ, что вы не мнѣ несправедливы. Я исполненъ удивленія къ Итали и сочувствія къ итальянцамъ. Избавь Богъ, чтобы я издалеча надъ ними издѣвался. Веселость Французовъ, хоть и похожа на вашу, имѣетъ однакожъ свое достоинство и стоитъ того, чтобы о ней думали лучше. Мы не

говорить объ огнѣ сердца нашихъ — но у насъ есть этотъ огонь. Что же касается до свѣршпыхъ львовъ и гигантовъ, вооруженныхъ нащипами, мы не кричимъ, какъ они, но знаемъ, что въ душѣ — они люди добрые, неспособные никого уничтожать, а тѣмъ менѣе людей, услужливо приносящихъ имъ алады. У васъ, любезный графъ, прекрасный голосъ — *basso-cantante*.

— Да! я пѣвалъ прежде; но уже не занимаюсь музыкой съ-тѣхъ-поръ, какъ она меня оставила!

— Кто же это оставилъ васъ? музыка или дорогая для васъ особа?

— Прелестная, обожанія достойная особа!

— Понимаю. Подруга ваша была музыкантша, и, потерявъ ее, вы отказались отъ пѣнія и на вѣки закрыли ваше фортепьяно; а когда бываете вы въ театрѣ *Fenice* и въ немъ какая-нибудь пѣвица напоминаетъ вамъ звукъ ея голоса, то, вѣрно, сердце ваше разрывается отъ горести.

— Никогда моей ноги не будетъ въ *Fenice*.

— А! такъ ваша пріятельница пѣла на этомъ театрѣ! Она была примадонною. Невѣрная, должно быть, оставила Венецію, перешла на театръ Сан-Карло или Ла-Скала, можетъ-быть уѣхала въ Россію? Таковы ужъ артистки! Горе тому, кто привязывается къ этимъ непостояннымъ существамъ! У нихъ одна любовь — публика! одна страсть — рукоплесканья!

Графъ смотрѣлъ на меня съ улыбкою одобренія.

— Еслибъ слава облеклась въ пламя, сказалъ онъ: — и тогда бы безумная эта женщина кинулась въ ея объятія, такъ она жадна была до рукоплесканій!

— Можетъ-быть, она еще возвратитъ вамъ вѣжность своєю, если вы улучите благоприятную минуту. Итальянская публика прихотлива. Можетъ-быть, въ Болоньѣ или въ Неаполѣ ее холодно примутъ — сѣдните тогда къ ней съ утѣшеніями...

— Публика, наслаждающаяся нынѣ

ея пѣніемъ, прервала меня графъ: — напѣйте прихотей...

— Боже! такъ она умерла?

— Вы уже докурили сигарку, повольте предложить вамъ эту послѣднюю аладью?

Графъ съ намѣреніемъ отвѣчалъ мнѣ на французскій манеръ; но южная природа его вскорѣ одержала верхъ и, принявъ опять восторженный тонъ, онъ сильно ударилъ себя рукою въ грудь и продолжалъ:

— Еслибъ тѣло мое не было такъ крѣпко, какъ у Самсона, еслибъ душа моя не была тверда, какъ желѣзо, да, но бы все это уничтожилось, разбилось въ дребезги (*posto in cento brani*).

Некстати было замѣчать графу, что люди не умираютъ отъ печали, а которой говорятъ такими напыщенными языкомъ. Иперболу можно назвать цѣлебнымъ бальзамомъ, который умъ изготавляетъ для облегченія сердца; но, какъ вы увидите сейчасъ, я ошибался, полагая, что этотъ странный человекъ искалъ утѣшенія въ проишеденіи надъ другими впечатлѣніями. Восторженность была у него въ кровѣ и ве покидала его даже и въ совершенномъ уединеніи; случай въ скоромъ времени дозволилъ мнѣ въ томъ удостовѣриться. Съѣвъ послѣднюю аладью, я осторожно склонилъ опять рѣчь къ покрытому флѣромъ креслу.

— Любезный графъ! сказалъ я: — вѣроятно между этимъ кресломъ и любовью вашею есть какая-нибудь связь. Обвиняя меня въ насмѣшливости, развѣ вы не понимали, что съ кресломъ не обращаются какъ съ картиною Рафаэля, или драгоценною вещью изъ перламутра? Вы обязаны вознаграждать меня за несправедливое подозрѣніе; и я прошу у васъ одного вознагражденія: скажите мнѣ, справедливы ли мои догадки? Я думаю, что подруга ваша приходила васъ навѣщать; что она тутъ садилась, и что послѣ нея вы уже никому не позволяли садиться на это почетное мѣсто.

— Прелести, красота, гений, вскричалъ онъ опять своимъ *basso-cantante*

— приходили сюда развѣщать свѣтъ свой и обращали въ священный храмъ скромное мое жилище. За ними сходили съ неба музы и собирались вокругъ этого «фортепьяно». Божество, которому не престануть никогда поклоняться въ этихъ мѣстахъ, отдыхало на этомъ недостойномъ его креслѣ и тѣмъ превратило его въ святыню, которой никакая нечистая тварь не должна касаться!

— Вы правы, любезный графъ; такъ бы слѣдовало и мнѣ выразиться. Теперь позвольте предложить вамъ просьбу, важность которой я вполне чувствую. Вы знаете, что самая прекрасная поэма, самая занимательная исторія и самое драматическое либретто не привлекутъ вниманія, когда будетъ изъ нихъ исключена любовь. Что касается до меня, — рассказъ, въ которомъ нѣтъ рѣчи о любви, не имѣетъ для меня ни малѣйшей прелести; напротивъ, вездѣ, гдѣ блеснетъ эта сладостная, но пагубная страсть, я спѣшу узнать, какъ и что было, радуюсь благополучію счастливыхъ любовниковъ и оплакиваю горести несчастныхъ, не разбирая, истина ли то, преданіе, или вымыселъ. Когда же герой исторіи рассказываетъ ее самъ, то наслажденіе мое еще больше. То, что сказали вы, возбудило мое любопытство. Отъ всего сердца принимаю участіе въ васъ, въ горестяхъ вашихъ и въ судьбѣ прелестной незнакомки, вами оплакиваемой. Довершите исповѣдь, начатую съ любезной откровенностью Итальянца, и я буду благословлять нескромное чванство Замаринъ.

— Вы хотите знать мою исторію? сказалъ графъ, вздохнувъ:— происшествія жизни моей незначительны, хотя горестъ моя и безмѣрна. Вы видите во мнѣ чужака, страннаго, жалкаго и случию — ораторствующаго человѣка? Меня сдѣлало такимъ несчастіе.

При этихъ словахъ, почувствовалъ я искреннее состраданіе къ бѣдному графу Андреа. Съ умиленіемъ посмотрѣлъ я на эту странную сцѣну восторженности и простоты, безумія и дра-

ваго смысла. Молча пошла я ему руку, и онъ казался тѣмъ доволенъ.

— Когда вы берете участіе въ моихъ горестяхъ, сказалъ онъ: — то съ удовольствіемъ удовлетворю вашему любопытству. Черезъ часъ долженъ я буду отлучиться для исполненія важной обязанности. До-тѣхъ-поръ усѣю я рассказать вамъ свои приключенія.

Графъ три раза кашлянулъ и провелъ рукою по глазамъ; выраженіе лица его сдѣлалось мрачнымъ; казалось, онъ сейчасъ заплачетъ; потомъ какое-то воспоминаніе юности оживило и оварило его черты лучшемъ счастья. Судорожное выраженіе отчаянія смѣнилось улыбкою восхищенія, и онъ началъ рассказъ свой.

II.

— Вы знаете Венеціанца, сказалъ графъ Андреа.— Вы знаете, что всѣ они поэты, артисты и музыканты. Я родился въ Венеціи, и музыка — господствующая во мнѣ страсть. Человѣку, одаренному красотою, молодостью и вѣкоторыми дарованіями, весьма-легко поправиться женщинамъ нашей страны; но, будучи двадцати лѣтъ отъ роду, я не виѣлъ и не хотѣлъ имѣть любовницъ. Обольстительныя Венеціанки, возмущающія мраморное сердце иностранцевъ, не производили на меня ни малѣйшаго впечатлѣнія. Подобно храброму тевтону сыну, любилъ бѣгъ на гондолахъ, и постоянно занимался скрипкою, пѣніемъ и «фортепьяно». Менѣе нежели въ четыре года, сдѣлаюсь я хорошимъ музыкантомъ, игралъ концерты Виотти и читалъ ноты à *four-voix*. Ниѣя порядныя бабы, я пѣлъ удачно роли Фигаро, Дандина въ «Саварильионѣ» и судилъ въ «Сорокѣ-Воровкѣ». Такъ дожилъ я до двадцати-пяти-лѣтняго возраста, и сердце мое все-еще не знало бурь любви.

Если вамъ когда случилось видѣть наступленіе весны въ Венеціи, то по-

денно адвигали вы, какъ изъ пердыкъ ныслахъ марта холодъ борется съ жаромъ. Солнце не разъ принимается прогонять зиму; вѣтеръ, дующій тогда со стороны Франціи, заноситъ облака инея, и съ ожесточеніемъ продолжаетъ могучему врагу своему. По нѣскольکو разъ въ день мы видимъ солнце попеременно торжествующимъ и побѣжденнымъ. То проливаетъ оно пламенные лучи свои въ промежуткахъ тучъ, то скрывается за ними. Проливной и ледяной дождь падаетъ на расклевенныя плиты мостовой и превращаетъ улицы въ потоки; за нимъ опять появляется солнце и мгновенно уничтожаетъ слѣды инея.

Въ 1834 году, десять лѣтъ назадъ, въ такое непогодное утро венеціанской весны, вышелъ я изъ дома, запернувшись въ плащъ и гудать въ Амуралли, гдѣ начинали распускаться деревья. Въ одной изъ аллея сада, увидѣвъ я даму неразвѣтливой красоты: лицо ея было блѣдно, но выражено; черты важны и правильны; морщъ прощипала въ душу; походка была величественна; тѣлодвиженія самыя благородныя; этикетомія странная и энергическая; и все это возвышалось парадомъ богатыхъ, но нѣсколько-страннымъ. Вглянувъ на нее, почувствовалъ я къ ней любовь и почтение. Она прогуливалась одна съ собакою, бывшею передъ ней. Собака выкусила на меня, и я, опасаясь, чтобъ она не укусила, отскочилъ къ лаврѣ, обгажившіи дорожки; дама улыбнулась и отозвала собаку. Это доставило мнѣ случай подойти къ ней, и уже я готовъ былъ это исполнить, какъ она, взглянувъ на небо, вскричала:

— Пьетро, Пьетро! какъ разливаетъ дождь! куда дѣвался Пьетро? негодий, вѣрно ушелъ въ *osteria*!

— Она ушла съ дожда въ свою гондолу, въ ожиданіи Пьетро; но, видя, что онъ не возвращается, я подошелъ къ ней, поклонился и сказалъ:

— Можно обойтись и безъ Пьетро, сеньора! руки мои не хуже его рукъ.

Хоть это и не мое ремесло, но я умѣю управлять гондолою, и, если позволите, доведу васъ до дома.

— Вы слишкомъ добры, отвѣчала она. — Вамъ неловко будетъ грести веслами и держать надъ головою тяжелый зонтикъ. Притомъ, теперь вода холодна, и я боюсь, что вы простудитесь.

— Не беспокойтесь, сказалъ я (рѣшась быть промоченнымъ насказомъ): — я не упушу случая услужить такой прелестной особѣ.

Сказавъ это, я кинулъ свой зонтикъ на вторую ступень гондолы, нагнувшись до ушей шлду; плащъ у меня, къ счастью, былъ очень широкъ; я поднялъ воротникъ и полою обвернулъ рукоятъ весла, чтобъ дѣлать возможность дѣйствовать имъ, не отрывая рукъ. Не смотря на дождь, благополучно переправился я чрезъ портъ, грѣбъ съ искусствомъ опытнаго гондольера. Доплывъ до отела Даніелли, я спросилъ у дамы, куда ее вести.

— Я живу у входа въ Большой Каналъ, отвѣчала она: — въ одномъ изъ первыхъ домовъ прихода Сан-Мессе.

Въ четыре удара весла я пригналъ гондолу къ Сан-Мессе и причудилъ къ берегу, надъ самымъ искуснымъ перевозчикъ.

— Вы славный баркаролъ, сказала мнѣ дама съ восхитительною улыбкой. — Но переобутье скорѣе обувь и выпейте горячаго кофе. Сердечно благодарю васъ за одолженіе. Приходите ко мнѣ въ лодку мою въ *Fenice*: я вамъ представлю моего мушу.

Слово: мушу моравило меня въ самое сердце. Вѣсто того, чтобъ идти вечеромъ въ театръ, и заперся дома и схватилъ скринку, чтобъ взглянуть впечатлѣнія этой роскошной встрѣчи. Не смотря на то, дама не выходила у меня изъ ума. Проезжая въ гондолѣ мимо домовъ прихода Сан-Мессе, часто смотрѣлъ я къ окнамъ и въдыхалъ. Разъ, вечеромъ, услышалъ я звуки фортепьяно. Чудный контр-альто пѣлъ романсъ изъ «Страньеры», и невольное содроганіе расклевало меня отгадать, что го-

лось этотъ принадлежалъ прекрасной моей незнакомкѣ. Слѣдуя внезапному и неодолимому внушенію, приказалъ я своему баркаролу отдалиться и запѣлъ послѣдніе такты того же романса съ самымъ грустнымъ выраженіемъ. Звукъ фортепьяно немедленно прекратился. Недалеку увидѣлъ я, въ открытомъ окнѣ мелькнуло женское лицо, и рукоплесканія достигли моего слуха, когда гондола моя скрывалась уже во мракѣ ночи. Не оставалось сомнѣнія: незнакомка моя любила музыку такъ же страстно, какъ я. При мысли, что я могу ее видѣть, аккомпанировать ей на фортепьяно, пѣть ей дуэты и произносить предъ ней: *mio bene, idol mio* и всѣ другія слова нашихъ оперъ, я чувствовалъ и испугъ и наслажденіе. Я отправился въ театръ «Fenice». Не прошло четверти часа, незнакомка моя явилась въ своей ложѣ, и я сдѣлалъ ей первый визитъ. Тутъ только узналъ я ее имя. Не смотря на всю чистоту любви моей къ ней, вы легко поймете чувство, которое запрещаетъ мнѣ открыть вамъ его. Скажу только, что она была знаменитою пѣвицею, вышедшею по любви за богатаго графа. Еще весьма-недавно оставила она театръ, хотя имѣла не болѣе двадцати-пяти лѣтъ отъ рода. Посудите о моемъ восторгѣ, когда я узналъ, что женщина, внушившая мнѣ такую любовь, была однимъ изъ первыхъ талантовъ Италіи. Мужъ ея былъ любезенъ и хорошъ собою; онъ привялъ меня дружески, а графиня съ веселостью и простотою. Она пересказала ему, комическимъ образомъ, встрѣчу нашу подъ проливнымъ дождемъ, и съ перваго дня мы уже разговаривали искренно, какъ старые знакомые. Въ тотъ вечеръ давали «Севильскаго Цирюльника», и актриса была весьма-присутственна.

— Здѣсь не понимаютъ прелестной россійской музыки, сказала мнѣ синьора. — Изъ театра зайдите къ намъ, я спую вамъ нѣсколько фразъ изъ роли Розины.

По окончаніи спектакля, я прово-

дилъ графиню до ея дома, вмѣстѣ съ многими другими лицами; вошелъ къ ней, сѣлъ я за фортепьяно и заигралъ ригурнель большой аріи: *Una voce poco fa*. Тотчасъ подошла она ко мнѣ и запѣла сперва какъ свѣтская дама, потомъ одушевилась до того, что совершенно вошла въ роль и спѣла арію Розины такъ легко и вѣрно, какъ нельзя было бы отъ нея ожидать. Надо вамъ замѣтить, что на театрѣ она всегда играла роли серьезныя и трагическія. Слова *una voce poco fa* могли относиться къ приключенію съ аріей изъ «Страньеры», конецъ которой я пропѣлъ въ тотъ же самый вечеръ подъ ея окномъ. Въ то время, какъ она ихъ произносила, взглянулъ я на нее съ намѣреніемъ прочесть въ ее взорѣ, о чемъ она думаетъ; но ничего не увидалъ, кромѣ священнаго огня музыки и восторга къ партитурѣ Россини. Надо было думать, что или эпизодъ подъ окномъ не поразилъ ея, или она не подозрѣвала, что я герой этого эпизода. Розина дошла до конца своей большую каватинну; вмѣсто того, чтобы остановиться, я обернулъ листъ, и, зная наизусть роль Фигаро, запѣлъ дуэтъ, при появленіи его на сцену. Съ первой ноты въ глазахъ синьоры блеснула радость и удивленіе. Она схватила со стола визитную карточку, вмѣсто записочки, приготовленной для Линдора, и удивительно сыграла сцену, гдѣ хитрая воспитанница Бартоло, враспѣвъ, подаетъ скрытую за корсетомъ бумажку. Не измѣняя роли своей, графиня поддерживала меня взоромъ и движеніемъ, всякій разъ, какъ доходило до трудныхъ пассажей, которые я, однакожъ, удачно побѣждалъ. Окончивъ дуэтъ, я всталъ, чтобы ее поблагодарить, она подошла ко мнѣ съ тѣмъ же, — и руки наши встрѣтились.

— Вы будете другомъ нашихъ, сказала она мнѣ съ чувствомъ. — Мы станемъ вмѣстѣ пѣть, и я буду воображать, что я еще на театрѣ. У васъ прекрасный голосъ, и кажется, я его гдѣ-то уже слышала.

Я вспомнил ей случившееся в тот же вечеръ передъ спектаклемъ, и она кинулась къ своему мужу.

— Помнишь ли бастъ, который пѣлъ сегодня вечеромъ подъ нашими окнами? Я нашла его: это нашъ новый другъ. О! какъ я рада этой встрѣчѣ!

Слова эти, произнесенныя съ живымъ чистосердечіемъ, открыли мнѣ глаза на мое безуміе. Мнѣ нѣчего было надѣяться, еслибъ я рѣшился оставаться влюбленнымъ, тогда-какъ положеніе друга представлялось мнѣ со всѣми наслажденіями, какія могло доставить искусство, которымъ я занимался. Но прежнія мои чувства были еще слишкомъ живы, и я возвратился къ себѣ въ ужасной борьбѣ. На другой день опять отправился я въ Сан-Мозе. У насъ нѣтъ, какъ въ Парижѣ, глупыхъ предрассудковъ этикета, возбраняющихъ и дѣлающихъ подозрительнымъ дружеское обращеніе съ женщиною. Я былъ принятъ такъ же ласково, какъ и наканунѣ. Отъ разговора о музыкѣ скоро перешли мы къ самой музыкѣ. Синьора выбрала изъ партитуры «Страньеры» арію, которую она пропѣла съ выраженіемъ истинной и сильной грусти, заставившемъ меня подумать, что на сердцѣ ея лежало тайное горе.

— Можно ли пѣть съ выраженіемъ такой скорби при совершенномъ счастьи и спокойствіи? сказалъ я ей:—въ силахъ ли одно искусство даровать челоуку раздирающіе душу звуки?

— Не хочу васъ обманывать, отвѣчала она:—я несчастнѣйшее существо въ мірѣ; я обожаю мужа, нѣжность моя къ нему увеличивается еще чувствомъ благодарности; онъ доставилъ мнѣ высокое званіе, которымъ я должна была бы гордиться, и не смотря на то, я жалѣю о театрѣ,—жалѣю о трудахъ, безпокойствахъ и торжествахъ его! Я умру отъ тоски и немощенія, если это продолжится, но умру еще скорѣе, если мужъ мой узнаетъ, что я питаю жестокое и неблагодарное чувство, которымъ онъ по справедливости могъ бы оскорбиться. Храните мою

тайну и приходите чаще со мною пѣть, чтобъ питать страсть, въ которой я себя упрекаю.

Откровенность ея совершенно открыла мнѣ глаза. Не оставалось сомнѣнія въ выборѣ: одна роль друга была мнѣ возможна, и я принялъ ее на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Съ того времени, я ходилъ ежедневно къ графинѣ и занимался съ нею по нѣсколько часовъ музыкою. Когда она пѣла слишкомъ одушевленно и слезы навертывались на глазахъ ея, мы мѣнялись выразительными взглядами; но чтобъ показать мнѣ, что она упрекаетъ себя въ виновной грусти своей, она тотчасъ подбѣгала къ мужу и ласкала его; а я рукоплескалъ, чтобъ въ свою очередь показать, что одобряю столько же пѣвицу, какъ и супругу. Прелесть этого искренняго обращенія ничѣмъ не возмущалась въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Приятельница моя занимала доль съ мебелью, и мнѣ не приходило въ голову спросить ее, надолго ли она въ Венеціи, какъ вдругъ она объявила мнѣ объ отъѣздѣ своей въ Миланъ. Она видѣла горестъ мою, напрасно старалась утѣшить меня дружескими словами, и уѣхала. Разлука эта была для меня громовымъ ударомъ. Слѣдовать за графиней — значило подвергнуть ее злословію, и такъ какъ она мнѣ ничего на этотъ счетъ не предлагала, то я ни подъ какимъ предлогомъ не могъ за ней ѣхать. Имѣніе ея и семейство графа находились въ Миланѣ — а я никогда не выѣзжалъ изъ Венеціи. Итакъ, я долженъ былъ покориться судьбѣ и остаться въ Венеціи; къ-тому же, признаюсь, я не могъ бы и жить въ Миланѣ, потому-что рыба тамъ не свѣжа...

Отсутствіе графини продолжалось четыре года. Осенью 1838 года, я получилъ отъ нея письмо, въ которомъ извѣщала она меня о скоромъ возвращеніи своемъ въ Венецію: «Самыя блестящія вещи» писала она: «рѣдко бываютъ такъ хороши, какъ думаютъ; самыя прочныя изъ нихъ по наружности, падаютъ и исчезаютъ».

«Счастіе мнѣ не благопріятствуетъ, любезный Андреа; нотаріусъ сталъ бы говорить о запутанности дѣлъ, но мнѣнѣхъ непріносящихъ доходовъ, до дурномъ помѣщеніи капиталовъ; я скажу вамъ просто, что мы далеко не такъ богаты, какъ я полагала. По дружбѣ вашей, вы, конечно, за меня испугаетесь? Не беспокойтесь; я не считаю этого несчастіемъ. Напротивъ, торжествую, потому что мнѣ предстоитъ необходимость возвратиться къ театру; и день, въ который я опять выйду на сцену, будетъ счастливѣйшимъ днемъ въ моей жизни! Готовьтесь же мнѣ аккомпанировать и повторять со мною всѣ прежнія мои роли». Черезъ недѣлю, она пріѣхала. Она была такъ же прекрасна, какъ и прежде, такъ же достойна обожанія, исполнена огня и одушевленія и сверхъ того оживлена увѣренностью въ успѣхѣ. Я повторилъ съ нею «Странберу», въ которой пѣла она съ такою душою, съ такою возвышенностью, какихъ уже съ тѣхъ-поръ не слыхалъ въ Италіи. Роль эту увнесла она съ собою во гробъ. Какъ выразить вамъ то, что я почувствовалъ, когда она явилась на сценѣ? Среди грома рукоплесканій изъ груди моей вырвались вопли радости и восторга, я плакалъ, стоналъ, рыдалъ и судорожно смѣялся. Дѣвѣнадцать разъ вызвали мы ее на сцену, и меня едва не посадили въ тюрьму за то, что я началъ вызывать ее въ тринадцатый разъ, вопреки предписанію правительства. Въ цѣлѣхъ нѣтъ недостатка въ Венеціи; но на этотъ разъ мало ихъ было во всемъ городѣ на букеты пѣвицъ. Я бросилъ ей букетъ величиною въ четыре фута, переплетенный шестью вѣтвями лавровъ и миртъ. О, еслибъ видѣли вы этотъ безумный вечеръ, вы подумали бы, что есть еще остатокъ жизни въ умирающемъ нашемъ городѣ!..

Въ то время, какъ на театрѣ графиня представляла Странберу, дома у нея репетировала я съ нею «Капулетти» Беллини, съ третьимъ актомъ, написаннымъ Вагнеромъ. Не знаю почему,

роль Ромео, любимаго ею, выучила мнѣ какую-то непреодолимую боязнь. Въ предсмертной пѣснѣ прекраснаго и благороднаго юности, умирающаго жертвою любви, пѣвица ухитрилась вынуть изъ груди своей такіе звуки, которые приводили меня въ содроганіе. Какой-то странный и роковой голосъ непрерывно шепталъ мнѣ: «Вспомни себя припадѣніе въ прелестнаго Ромео; вслушивайся внимательно въ пѣсню любви его — скоро его не станетъ!». Въ оперѣ «Ромео и Джульетта» есть что-то необыкновенно-грустное. Вся эта сцена, не исключая и стараго Капулетти, эти храбрые и гордые юности, эти жныя и поэтическая дѣвушка, — все они могли быть счастливыми и жить для любви, еслибъ пустой предразсудокъ и наслѣдственная вражда не довели ихъ до гибели. Это раздираетъ сердце! Даже самая судьба этой драмы какъ-то необыкновенна. Шекспиръ могучею рукою первый воздвигаетъ зданіе ея, но не достигаетъ успѣха въ развязкѣ. Гарриксъ передѣлываетъ послѣднее дѣйствіе и становится чрезъ то бессмертнымъ; но тѣмъ ограничивается слава великаго актѣра. То же самое было и съ ея музыкою. Вагнеръ перелагаетъ на языкъ своего искусства сцену, передѣланную Гаррикомъ, прививаетъ свое сочиненіе къ партитурѣ другаго, и исчезаетъ, не приобретя дальнѣйшаго права на славу. Кажется, этотъ Ромео такое идеальное лицо, которое одинъ человѣкъ не въ силахъ изобразить вполне. Самъ Шекспиръ оставилъ его почти-оконченнымъ, но недовершеннымъ; собирався поразить Ромео, рука его дрожитъ и наноситъ невѣрный ударъ, какъ-бы жалѣя убить лучшее свое твореніе. Нуженъ другой поэтъ, нуженъ другой музыкантъ, чтобы умертвить прекрасное созданіе, обезоружившее своего создателя. Малибранъ любила эту роль, но всегда приступала къ ней съ нѣкоторымъ трепетомъ: она раздирала ее душу. Тогда прошло уже три года со смерти Малибранъ. Назовите мнѣ существо, если хотите, но съ той же

путя; какъ графиня ничто разлучить эту роковую роль, и не переставала думать, что это будетъ послѣдняя ея роль, и что она умретъ, подобно Малибранъ.

— Но позвольте мнѣ отдохнуть, сказала графъ: — прежде нежели приступлю къ окончанію моей вѣчевой поѣдки. Я разгорячилась, и говорю съ восторгомъ, и самъ это замѣчаю. Вы жилахъ моихъ течетъ огонь. Я самъ изъ породы Ромео, и надо быть Ромео, чтобъ, говоря таинств-образомъ, не показаться смѣшнымъ; но вы, кажется, слушаете меня съ благосклонностью; вы уважите вліаніе юга на мой нравъ и не возьмете за восторженность моей рѣчи. Предосторожность эта была излишней; восторженность графа общилась мнѣ самому. Я вѣсть съ нимъ одушевлялся, съдѣлавъ за его словами съ возрастающимъ вниманіемъ, и, конечно, лицо мое, во время его разсказа, отражало, хотя въ слабѣйшей степени, всѣ измѣненія его необыкновенно-подвижной физиономіи. Немного-насмѣшливые его жесты и разнообразныя, часто мелодраматическіе звуки голоса ни мало меня не поражали. Она перешла за границу смѣшного и могла уже предаваться всей пылкости своего южнаго характера, но страшась нисколько потерять мое участіе и вниманіе.

Послѣ минутнаго молчанія, графъ взяла струю бумагу, въ которой завернуты были алады, собралъ въ горсть то, что оставалось въ ней отъ блага порошка; и проглотивъ этотъ мимичный сѣнаръ. Потѣмъ, видя, что лицо мое приняло пасмурное выраженіе, какъ и его лицо, онъ нахмурилъ брови и продолжала разсказъ о своихъ приключеніяхъ.

III.

Разъ, вечеромъ, продолжала графъ Андреа; былъ я у пѣвицы. Представленій Странеры кончили, и при-

звѣдница моя могла отдѣлать два дня до появленія въ роли Ромео, отъ нея ее заманившей. Она готовилась ренегтировать послѣднюю сцену изъ этой оперы, и я собирался ей аккомпанировать, какъ вдругъ услышали мы ужасный трескъ. Дека у фортешане треснула, и происшествіе это произвело непріятное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ. Графъ потупилъ голову и сказалъ, что это дурная примѣта, и что жена его не будетъ нить уаѣха въ роли Ромео. Другіе думали то же, и тутъ пришли мнѣ въ голову многія критическія замѣчанія на-счетъ игры нашей пріятельницы, о которыхъ прежде они и не думали. Я и самъ былъ смущенъ. Одна графиня сказала надъ нашими сужденіемъ, и объявила, что если не потерятъ голоса, то эти предсказанія не сбываются. Напрасно, однакоже, боролась она съ враждебными духомъ. Всѣ были проникнуты какими-то смертными холодомъ, и общество разошлось съ мрачными предчувствіями. Съ того же вечера расширился слухъ, что пѣвица потеряла свои силы и не въ состояніи больше исполнить роль Ромео. Жестокое итальянское выраженіе *filas* перекладывалось изъ устъ въ уста. А между-тѣмъ, графиня была живѣе и веселѣе; чѣмъ когда-нибудь, и заботилась о томъ, чтобъ достать новое фортешанъ, что весьма-мудрено въ Венеціи. Я принадлежалъ ей свое собственное.

— Не хочу отнимать его у васъ, сказала она мнѣ. — Оставьте его у себя: Завтра, пока мужъ мой будетъ отъискивать фортешанъ, я приду къ вамъ и повторю мою роль у васъ.

При желаніи, что она посѣтитъ мое жилище, и невозможнаго подъ бременемъ радости и смущенія. Хозяйство мое, какъ у хлѣбостого человѣка, находилось почти въ такомъ же положеніи; какъ вы теперь его видите. На другой день, обѣдалъ я чѣмъ-сбыть весь городъ и купилъ, по случаю, это красное, нѣкогда украшавшее домъ какого-то сенатора. Въ полдень, явился графиня; и, подобно вамъ, обратила внима-

ше на эту мебель, въ-самомъ-дѣлѣ несоотвѣтствующую остальной.

— Я купилъ его сегодня утромъ, ска- залъ я ей: — по случаю посѣщенія, ко- торыми вы меня удостоиваете.

— Ахъ, милый Андреа! вскричала она: — я съ величайшимъ удовольствіемъ сѣла бы и на простую вашу ска- мейку. Не-уже-ли цѣните вы меня такъ высоко?

— Графиня! отвѣчалъ я: — здѣсь приготовлено для васъ только кресло; но въ сердцѣ моемъ занимаете вы мѣ- сто, превышающее всѣ престолы все- ленной.

— Я этого не забуду, сѣлась ска- зала она: — не худо знать подобныя ве- щи. Но сегодня не станемъ объ этомъ говорить, потому-что ваши любезности могли бы привести меня въ смущеніе. Теперь у насъ есть дѣло поважнѣе. Садитесь за фортепьяно.

Она пропѣла многія аріи изъ двухъ первыхъ актовъ Беллини, прелестнѣе и выразительнѣе, нежели когда-ни- будь, и всякій разъ спрашивала меня шутя, что думаю я о приготолен- номъ ей на послѣ-завтрашній вечеръ балета.

— Я такъ мало вѣрю толкамъ публи- ки, отвѣчалъ я: — что уже заказалъ на это представленіе букетъ, подобный прешему, и съ гордостью воображаю, что, можетъ-быть, онъ одинъ упадетъ къ ногамъ вашимъ.

Третій актъ Вакканъ насъ затруднялъ болѣе, потому-что графиня уже утомилась.

— Къ-чему, сказала она: — вѣчно по- вторять вѣнне, которому настоящую выразительность можно придать толь- ко на театрѣ? Я твердо помню ноту—и того довольно; но скажу вамъ откоро- венно, графъ, что сцена эта терзаетъ мнѣ сердце, и что я трепещу при мы- сли играть ее тридцать разъ сряду. Когда пронамошу слова: *Ahi se tu dormi sveglia ti* (О, если ты спишь, про- снись!), то уже не владѣю собою, и когда сцена оканчивается, чувствую себя какъ-бы въ объятіяхъ смерти.

— Не играйте же этой роли, вскри-

чалъ я съ живостью: — откажитесь отъ всего; перенесите послѣдствія неустой- ки по контракту, если то нужно, но ради Бога не играйте!

— Поздно уже теперь, отвѣчала она: — когда дѣло зашло такъ далеко, то уже нельзя отступать. Впрочемъ, я всегда желала умереть скоропостижно, на сценѣ, подъ шумъ рукоплесканій, потому-что сцена — поле чести для артистовъ.

Напрасно просилъ я и умолялъ на колѣняхъ — графиня приняла снова веселый тонъ и смѣялась надъ моею боязнью. Тутъ пришелъ ее мужъ и увелъ ее съ собою. Но когда она ушла, я напелъ на креслѣ съ намѣреніемъ оставленный шарфъ ей, на память объ ее посѣщеніи.

Не нужно сказывать вамъ, что пред- ставленіе *Капулетти* превзошло всѣ ожиданія. Съ первыхъ нотъ каватинны, я уже былъ увѣренъ, что букетъ мой будетъ очень-кстати. Костюмъ Ромео былъ прекрасенъ: простъ, чуждъ вся- кой пестроты и изысканности. Кро- ткое и страстное лицо графини, строй- ный ее станъ, прелестныя тѣлодвиже- нія какъ-бы нарочно созданы были для роли Ромео. Ей было тридцать лѣтъ отъ роду, но въ мужскомъ платьѣ она казалась двадцатилѣтнимъ юно- шемъ. Успѣхъ ее былъ на этотъ разъ еще блистательнѣе чѣмъ въ *Странеро*. Оперу дали тридцать разъ сряду, и пѣ- вича, почерная каждый разъ новыя силы въ торжествѣ своемъ, достигла конца представленій безъ малѣйшаго ущерба въ своемъ здоровьѣ. Я уже считалъ прежнюю болѣзнь своею за ре- бичество и химеру. Любовь, какъ силь- нѣйшее изъ ощущеній, легко возника- етъ среди другихъ сильныхъ ощуще- ній.. Душа моя совершенно была воз- мущена тѣмъ чрезвычайнымъ участіемъ, которое принималъ я въ этихъ пред- ставленіяхъ. Успѣхъ графини сдѣла- ся главнымъ предметомъ жизни моею, и я лишался сна всякій разъ, какъ она казалась вѣсколко-нездоровою. Вос- бужденная такими потрясеніями друж- ба моя стала пламенная и чрезвѣчна.

Посѣщеніе графини и съ намѣреніемъ забытый ею шарфъ, искреннее обращеніе ея со мною, свободный входъ, дозволенный мнѣ въ ея ложу во время туалета—все привело-было меня опять къ опасности, которой избѣгнулъ я такъ благополучно въ началѣ нашего знакомства. Безъ-сомнѣнія, я впалъ бы въ прежнее свое безуміе, еслибъ это продоллось долѣе; но импрессаріо театра Валле, въ Римѣ, весною похитилъ нашего идола. Въ упоеніи торжества, покинула графиня Венецію безъ малѣйшаго сожалѣнія и спѣшила пожинать новые лавры. Таковы артистки, какъ вы сами это сейчасъ сказали! Съ жадностію читалъ я журналы и искалъ въ нихъ описанія дебютовъ ея на театрѣ Валле. Три мѣсяца протекли безъ малѣйшаго о ней вѣстія; наконецъ получилъ я изъ Рима письмо слѣдующаго содержанія:

«Любезный Андреа! вотъ уже мѣсяць, какъ я на смертномъ одрѣ; если у васъ доставятъ твердости принять послѣднее мое прощаніе, то не теряйте времени; иначе я буду уже не въ силахъ пожать вамъ рукъ!»

Я занимаю должность, которая даетъ мнѣ совершенную свободу здѣсь, въ Венеціи; но отлучиться не могу безъ дозволенія начальства. Покуда хлопоталъ я объ отпускѣ, приводилъ въ порядокъ дѣла свои и выправлялъ себѣ паспортъ, прошла цѣлая недѣля. Я поѣхалъ, боясь уже не застать ее въ живыхъ. Разлитіе рѣки По нѣсколько задержало меня; во Флоренціи принужденъ я былъ просидѣть цѣлыя сутки и пріѣхавъ въ Римъ уже на восьмой день. Вышедъ изъ кареты, бросилъ я свою поклажу на почтѣ и, нанявъ проводника, полетѣлъ къ графинѣ. Было пять часовъ вечера; прихожу, звону, стучу, зову—нѣтъ отвѣта! Наконецъ, явилась какая-то сосѣдка.

—Никого дома нѣтъ, сказала она мнѣ. — Графиня деботируетъ сегодня вечеромъ. Всѣ въ театрѣ Валле. Вѣрно, вы не видали сегодняшней афѣшишки!

удивленія:—стало-быть, синьора въ здоровѣла? А я думалъ, что она умираетъ...

— Ей лучше, отвѣчала мнѣ сосѣдка:—но она поступила очень-неосторожно. Она непремѣнно того хотѣла по причудливости выздоравливающей молодой женщины. Сегодня утромъ она мнѣ еще говорила: «рукоплесканія меня выечать, или роль моя убьетъ меня». Если это дурно кончится, то сбудется по пословицѣ: *l'ha voluto, sue danno* (*).

Немедленно бросился я смотрѣть афѣшишки: въ нихъ извѣщали о дебютѣ синьоры въ роли Ромео. Не зная никого въ Римѣ и не имѣя свободного входа за кулисы театра Валле, я послалъ только записку графинѣ, гдѣ извѣдомлялъ ее, что буду въ числѣ зрителей. Чтобъ убитъ время, я отбѣдалъ у извѣстнаго Лепре; наконецъ, прошло восемь часовъ. Въ *Fenice*, за входъ по абонементу я платилъ только восемнадцать су, а въ театрѣ Валле долженъ былъ заплатить три паоли. Но при такомъ важномъ случаѣ, я уже не смотрѣлъ на издержки. Я сѣлъ въ первомъ ряду креселъ. Вскорѣ зазвѣнилъ колокольчикъ, потомъ сыгралъ увертюру, и занавѣсъ поднялся. Всѣ роли выполняемы были первоклассными артистами. Довзелли игралъ роль *Тебальдо*. Джульеттою была синьора Марини, одна изъ прекраснѣйшихъ пѣвицъ Италіи. Что это было за представленіе! какой вечеръ! Когда вошелъ на сцену Ромео блѣдный, разстроенный, изнеможенный и какъ-бы пожираемый огнемъ страсти—мнѣ казалось, будто я вижу предъ собою тѣнь обожаемаго мною друга. Никогда, однакожъ, не была она совершеннѣе, какъ въ этотъ незабвенный вечеръ, никогда не пѣла съ такою энергіей и душою. Тебальдо театра *Fenice*, котораго легко было побѣдить, не достоинъ быть ея глѣва; но для увнчтоженія такого могу-

— Она въ театрѣ? вскричала я въ Т. XXXIX. — Отд. VIII.

(*). Чего хотѣла, то и получила.

чаго противника, какъ Донзели, потребно было ей собрать все свои силы. Нѣжный Ромео, въ минуту вызова на поединокъ, показался всею страшнѣе мужественнаго и атлетическаго Тебальдо; но это усилие истощило графиню; испустивъ, въ роли Ромео, дыханіе въ объятіяхъ Джульетты и выслушавъ двѣнадцать залповъ заслуженныхъ ею рукоплесканій, она кое-какъ дотащи-лась до своей ложи и упала въ обмо-рокъ. Я бросился къ ней за кулисы и нашелъ ее въ безпамятствѣ.

— Увы! что сдѣлали вы съ собою? вскричалъ я, сжимая холодныя ея руки.

При звукѣ моего голоса, она открыла глаза, и лучъ радости блеснулъ на лицѣ ея.

— Это послѣдній мой вечеръ, сказала она: — но онъ стѣбитъ тысячи дру-гихъ.

На другой день, надо было опять прибѣгнуть къ докторамъ. Болѣзнь ея возобновилась и въ-богѣ - опасною видѣ. Дѣвъ недѣли находилась графиня между жизнью и смертію. Однажды утромъ, когда я сидѣлъ подлѣ нея, она посмотрѣла на меня съ нѣжностью и сказала:

— Андреа! много я васъ огорчала въ теченіи моей жизни, и чувствую, что причиняю вамъ еще сильную горестъ, потому что мнѣ уже не выздоровѣть. Послѣдній часъ мой недалекъ. Я никогда не говорила вамъ о своихъ чувствахъ; въ этомъ заключается несчастье слишкомъ-преданной дружбы: въ ней такъ бываютъ увѣрены, что и не думаютъ о ея вознагражденіи. Я хочу теперь это вознаградить и оставить вамъ что-нибудь въ залогъ ея. Снимите кольцо съ моего пальца: сама я не въ силахъ это сдѣлать. Посреди обожа-телей, часто-скучныхъ, отъ которыхъ я не могла избавиться, я всегда съ удо-вольствіемъ думала о томъ, что вы ни-когда не питали любви ко мнѣ.

— Графиня, отвѣчалъ я ей: — вы приписываете мнѣ достоинство, кото-раго я не имѣю. Долго любилъ я васъ страстно; но боясь на вѣки потерять

то, чѣмъ вы меня удостоивали, не смѣлъ требовать большаго.

— И благоразумно поступили, милый Андреа. Женскія головы при-чудливы. Я никогда бы не могла отвѣ-чать любви вашей по такой пустой причинѣ, о которой стыжусь даже и сказать вамъ: при первой встрѣчѣ на-шей испугались вы моей собачки; а въ порывѣ вашей вѣжливости, когда взы-лись править моею говдою, завер-нули вы рукоятъ весла плащомъ, чтобъ не замочить своихъ рукъ!

— Признайтесь, сказалъ мнѣ графъ Андреа:—что головы женщинъ въ-са-момъ-дѣлѣ весьма-причудливы!

Я согласился съ этимъ вводнымъ предложеніемъ, и графъ продолжалъ:

— Послѣ двухнедѣльнаго страда-нія, здоровье графини, казалось, нѣ-сколько поправилось. Большая, чувствуя облегченіе, захотѣла непременно ѣхать въ Миланъ. Она добѣжала туда для того только, чтобъ умереть въ загород-номъ своемъ домѣ! Извѣстіе это дости-гло меня въ Венеціи, куда я въ свою очередь возвратился. Нѣтъ! ничто не могло сравниться съ горестію и отчая-ніемъ, поразившими мое сердце! И те-перь еще—въ самую эту минуту...

Тутъ графъ всталъ; началъ ходить большими шагами по комнатѣ и произ-несъ длинный монологъ о терзающихъ его змѣяхъ, о тысячѣ книжкахъ, воз-мущающихся въ его груди,—прибравъ мно-жество другихъ ораторскихъ фигуръ, достойныхъ неаполитанскаго театра *фигуреттини* и *интреттида* во Флоренціи. Ко всему этому присоединялъ онъ такія странныя тѣлодвиженія, что я съ удивленіемъ смотрѣлъ на него. Онъ былъ несчастенъ по-свѣдѣму; но выра-женіе горести его такъ не похоже было на способъ выраженія печали у лю-дей сѣверной организаціи, что я съ трудомъ могъ повѣрить его искренно-сти. Посреди этого взрыва чувствъ— услышалъ я звуки колокола церкви Сан-Галло.

— Извините меня, сказалъ графъ:— пришло уже одиннадцать часовъ и

мнѣ лучше идти; если вамъ угодно, то выйдемте вмѣстѣ.

Графъ надѣлъ своей планцъ, важегъ мадезийскій фенаръ, и ны сѣли на площадь. Исчезли уже послѣдніе слѣды сугры; фенари потонули; домы: были занерты; картины, ковры, семейныя портреты уже вѣшали фронтно на обличьяхъ своихъ мѣстахъ. Оставались только тарланды нозъ дѣтвотъ и бумажн, и посреди уединенной площади видна еще была подвижная лавка Замаріа, украшенная флагомъ и великолѣпною своею вывѣскою. Печи уже не топились; поварами прибирали поклажу, разбирали доски и укладывали ихъ на тележки. Царь аладій надиралъ за ихъ дѣйствіями, и величественный его взоръ озиралъ пустыню, какъ въногда взоръ Наполеона. — пале юнаго срамнѣя. Съ потчовѣнъ подешель и въ великому мужу.

— Синьоръ Замаріа, сказавъ я ему: — я пришелъ къ вамъ съ отчетомъ о важномъ порученіи, которое вы мнѣ дали. Синьоръ графъ Андреа можетъ вамъ засвидѣтельствовать, что я съ величайшею точностью доставилъ ему свертокъ съ аладьями.

— Спасибо, любезный, отвѣчалъ Замаріа, сохранивъ свою академическую позитуру и скрестивъ руки на груди. — Спасибо! Ты исполнилъ порученіе вѣжливо и ловко, я въ томъ увѣренъ.

— Старый дуракъ! вскричалъ графъ: — развѣ не видишь ты, что синьоръ Фрайпуъ надъ тобою свѣтеть, чего ты исполнилъ и заслуживаешь. Очень грубо и неловко было съ твоей стороны поручить нести аладья дворянину, какъ-будто простому поваренку. Слышишь ли, чванливый поваръ?

На визиономъ Замаріа изобразилась горестъ и недоумѣніе, казалась, разстроены были всѣ его мысли.

— Вы ошибаетесь, синьоръ графъ, прервалъ я: — Замаріа мнѣ сдѣлалъ много чести; и я горжусь его довѣренностію. Я даже прошу его употребить меня и впередъ къ своимъ услугамъ. Не говорите ему, что онъ ошибся, и не спорьте меня съ нимъ. Вы тѣмъ меня

лишите, можетъ-быть, общанной мнѣ награды; а я требую ее въ возмездіе за покорность и точность свою.

Лицо Замаріа тотчасъ приняло прежне свое величественно-сномонойб выраженіе. Великій мужъ подалъ мнѣ левьетто и корзинку съ аладьями, сказавъ съ отечеснымъ видомъ:

— Возьмите сами, другъ мой!

Я воткнулъ левьетто въ аладью, въ которую Замаріа посыпалъ сахара, и сталъ ѣсть холодное и приторное тѣсто, ни мало не лаконое. Графъ смотрѣлъ на меня съ завистью.

— Замаріа, сказавъ онъ: — куда дѣнешь ты эти холодныя аладья, остающіяся въ твоей корзинѣ?

— Ниин поуживаютъ мои люди, отвѣчалъ поваръ.

— Ты знаешь друга моего, графа Джеронима, живущаго въ Сан-Сильвестрѣ? Онъ человекъ съ апетитомъ. Онъ въ состояніи съѣсть за ужиномъ четыре дюжины аладій за-разъ. Я похваляю ему твой товаръ, и уговорю не братъ бѣдѣе пирожнаго у продавцевъ *Frezzeria*.

— Ваше сіятельство, отвѣчалъ Замаріа: — я весьма обязанъ буду вамъ за такое одолженіе. Я даже удивляюсь, что человекъ со вкусомъ, какъ графъ Джеронимо, можетъ покупать гдѣ-нибудь пирожное, кромѣ меня?

— Это по дурной привычкѣ, отъ которой я отучу его; но за то обязанъ ты мнѣ дать такую же аладью, какъ синьору Француу.

— Съ удовольвіемъ, ваше сіятельство.

Замаріа подалъ корзинку; графъ долго выбиралъ самую большую аладью; потомъ потребовалъ двойную пропорцію сахара и съѣлъ все съ торжествующимъ видомъ ловкаго человека, успѣшнаго въ дипломатической хитрости. Щелкнувъ языкомъ въ знакъ удовольствія, онъ трагически завернулся въ широкій свой плащъ, важно мнѣ поклонился и удался.

Отъскивая дорогу для возвращенія къ прокураціи, я очутился случайно пагахъ въ тридцати отъ графа Андреа и безъ всякаго настрѣнія пошелъ за

никъ. Онь вышелъ меня къ небольшой площади Сан-Джудіано. Тутъ онь вдругъ остановился, поглядѣлъ вокругъ себя, и вынувъ изъ кармана кусокъ угля, завернутаго въ бумагу, при свѣтѣ фовара своего начерталъ что-то на стѣнѣ. Потомъ отправился онь къ Сан-Сильвестру, гдѣ украсилъ тоже стѣны надписью; за тѣмъ поворотилъ къ Сан-Фантину, къ театру Fenice и наконецъ къ Сан-Мозе. Вездѣ онь дѣлалъ то же. Такъ-какъ темнота не дозволяла мнѣ прочесть того, что онь писалъ, то я отложилъ это до утра.

Надпись была вездѣ одинакова и вотъ вѣрная съ нея копія:

«Il dì 29 Maggio 1840, cesso di vivere
• la divina cantante Giuditta Grisi. Pre-
• gate per l'anima sua.»

• 29 мая 1840 года скончалась божественная пѣвица Джудитта Гриси.
• Молитесь объ успокоеніи души ея!»

Въ теченіи четырехъ лѣтъ, единственнымъ занятіемъ бѣднаго графа Андреа было размноженіе и поддержаніе подобнахъ эпиграфій въ память умершей его пріятельницы. Всякій, недавно бывшій въ Венеціи, могъ видѣть ихъ въ означенныхъ мною теперъ и многихъ другихъ мѣстахъ.

☆

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

ОБЪЯСНЕНІЕ ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ О КНИГѢ Г-НА ЭЙХВАЛЬДА.

Въ третьей книжкѣ «Отеч. Зап.», 1845 года, въ Смѣси, на стр. 46, въ статьѣ «Возраженіе на Антикритику» и проч., помѣщенъ нѣкоторымъ образомъ отзывъ о статьѣ моей «Предварительныя Свѣдѣнія о девонской системѣ пластовъ въ Санктпетербургской Губерніи». Считаю нужнымъ отвѣтить на всѣ пункты, которые, по какому-то

странному случаю, не нравятся автору «Возраженія».

Изъ статьи моей выводится:

1) *Девонская система Ижоры открыта академикомъ г. Эйхвальдомъ.*

Если это кажется непонятнымъ и невѣрнымъ, то конечно потому, что въ сочиненіи Странгвейса описывается то же самое мѣсто. Это показываетъ, что Странгвейсу было извѣстно только мѣсто, но не значеніе его. Въ доказательство приведу точныя выписки. На стр. 46 (см. Труды Мин. Общ. томъ I), при описаніи берега Ижоры, въ подстроичномъ примѣчаніи, сказано:

«Я не могъ рѣшить, составляетъ ли тутъ сей красный камень выщучку простилки, или онь есть отстилка той красной земли, которая внутри Россіи лежитъ на известнякѣ. А какъ оный красный камень лежитъ выше известняка у пильной мельницы, то послѣднее мнѣніе кажется и заслуживаетъ преимущество. Впрочемъ и проч.»

Кажется, ясно видно, что Странгвейсъ колеблется и не говоритъ положительно, что это такое, а называетъ красною землею (названіе очень неопредѣлительное), и хотя на стр. 35 онь говоритъ, что порода сія похожа на красную землю, находящуюся въ средней части Англіи, какъ, на-примѣръ, въ Вочестерширѣ въ берегахъ Темы, но съ другой стороны, на стр. 75, сказано:

«Кромѣ краснаго песка, который, выходя ниже Антеловой, какъ уже упомянуто было, изъ-подъ известняка, находящагося близъ пильной мельницы, простирается до Гатчинской дороги и всего удобнѣе для обозрѣнія представляется у Верези; есть еще подобное явленіе песка сего, но въ меньшемъ размѣрѣ далѣе по низу у Подоловой, гдѣ синяя глина выходитъ изъ-подъ пестаника.»

Между-тѣмъ извѣстно, что у Подоловой песчаникъ содержитъ обилія, слѣдовательно принадлежитъ силурійской почвѣ. Теперь каждый можетъ судить, какое окончательное мнѣніе объ этой породѣ мнѣ въ Странгвейсѣ. Въ первомъ мѣстѣ (стр. 35), онь срав-

извѣсть ее съ песчанниками, которые теперь отнесены къ девонской системѣ, во второмъ (стр. 46) онъ въ недоразумѣніи и, наконецъ, въ третьемъ (на стр. 75) сравниваетъ ее же съ песчанникомъ силурійскимъ. Следовательно, Странгвейсъ не понималъ значенія этой нормы.

Все это дѣйствительно было забыто; но послѣ того, когда г. Эйхвальдъ сообщил (*) намъ, что на это мѣсто должно смотрѣть какъ на членъ девонской системы, только тогда, но не ранѣе, вспомнили, что эти мѣста были описаны прежде. Г. Эйхвальдъ указалъ намъ это мѣсто, объяснилъ значеніе его, а критики его стараются показать, что это чужое.

Всѣ говорятъ, пишутъ и печатаютъ, что, на-прим., г. А., осматривая кабинетъ г. Б., нашелъ въ немъ то-то новое; г. А. сообщаетъ публикѣ описаніе, и всѣ говорятъ, что такой-то предметъ открытъ г. А., но не г. Б., который видѣлъ и имѣлъ ранѣе послѣднее, но не понималъ его.

Предоставляю судить каждому, могъ ли я написать, что девонская система открыта у насъ г. Эйхвальдомъ!

Перейдемъ ко второму замѣчанію:

2) Странгвейсъ дѣйствительно первый описалъ наши окрестности, но изъ-за страница его сочиненія убѣждаетъ, что въ настоящее время пользоваться имъ трудно.

Замѣчаніе сочинителя, называющее мѣстѣ мѣніе гр. Кейзерлинга, ничего не доказываетъ. Сочинитель могъ замѣтить, что строки эти мнѣ знакомы, (въ противномъ случаѣ слово «дѣйствительно» было бы неумѣстно) и мѣніе мое о Странгвейсѣ было прямо противопоставлено мѣнію гр. Кейзерлинга, статья котораго начинается такъ:

«Изъ геогностовъ до сихъ поръ только Странгвейсъ съ точностію изслѣдывалъ и описалъ строеніе почвы окрестностей Петербурга.»

Далѣе, черезъ четыре строки:

«Но для опредѣленія границъ и минералогическихъ свойствъ пластовъ не было дѣлано никакихъ наблюденій» (*).

Если авторъ статьи нѣсколько подумалъ, то понялъ бы, что этими строками я хотѣлъ избѣгнуть прямого напосланиія членамъ Минералогическаго Общества о трудахъ гг. Пандера и Эйхвальда, членовъ того же общества. Я увѣренъ, каждый согласится, что сочиненія гг. Пандера и Эйхвальда о нашихъ окрестностяхъ не ничто, и что труды этихъ ученыхъ составляютъ единственные пособія желающимъ изучить окрестности Петербурга въ геогностическомъ отношеніи.

Если же нужны примѣры, то я сравню только двѣ приведенныя выписки изъ сочиненія Странгвейса; въ первой (стр. 46) сказано: «а какъ оный красный камень лежитъ выше известняка у пыльной мельницы» и проч., въ третьей же (стр. 75) находимъ: «крошъ краснаго песка, который, выходя изъ же Антелевой изъ-подъ известняка, находящагося вблизи пыльной мельницы, простирается» и проч. Теперь спрошу г. сочинителя: какъ же лежитъ этотъ песчанникъ (который то же Веревъ), выше или ниже известняка у пыльной мельницы?

Вотъ вамъ слабое доказательство словъ моихъ. Я могъ бы легко увеличить число примѣровъ, но это почти ни къ чему не ведетъ. Притомъ же, каждый судить по-своему, и вмѣсто того, чтобъ искать въ цѣломъ сочиненіи описаніе какого-либо мѣста, иногда въ разныхъ концахъ сочиненія, я читаю гораздо-лучшимъ сзвѣднть самому, тѣмъ болѣе, если дѣло идетъ о томъ, что не было повѣрено другимъ. Впрочемъ, и съ этимъ не всѣ согласятся, потому что можно много, много извѣднть и смотрѣть—и мало видѣть.

(*) Jahrbuch v. Leonhard und Brom 1844. 1 Heft. 41, и проч.

(*) «Вѣдомости Санктпетербургской Академіи» № 134, 1844 года.

Датъе.

3) Изъ описанія поѣздки на Ижору четырьмя членами Минералогическаго Общества видно, что, осматривая берега ея отъ Вярлы до Антелева, они не знали куда могъ отнестись (1).

Продолжу нѣсколько выписку:

«Но сомнѣнiе нѣ было разрѣшено нѣсколькими кусками мергелистаго известняка съ остатками рыбъ, характеризующихъ девонскую систему. Куски эти были найдены въ груду известковыхъ обломковъ (известной еще Странгвейсу, стр. 61), вмѣстѣ съ силурійскими известнякомъ и мещаниномъ и съ гранитомъ, и изъ этого заключили, что песчанникъ береговъ Ижоры относится къ той же системѣ, къ которой и мергелистый известнякъ (съ остатками рыбъ), найденный валунами.»

Строки эти основывались на статьѣ г. Кейзерлинга, въ которой, послѣ описанiя берега отъ Вярлы до Антелева, находимъ:

«Такъ какъ пласты мергеля и глины ея не были встрѣчаемы въ силурiйской системѣ, которые всегда находятся въ докембрийской, то мы все таки не могли вывести положительнаго заключенiя, потому что въ силурiйскомъ песчанникѣ также встрѣчаются красные слюдястые пласты: и здѣсь въ окрестностяхъ попадались куски съ угулитами.»

Кажется, эта выписка доказываетъ справедливость моихъ словъ. Если же нѣтъ, то прибавить еще (въ томъ же номерѣ столбцѣ):

«Мы думали, что наше изслѣдованiе не приведетъ насъ къ точному опредѣленiю геогностическаго отношенiя этой мѣстности, но насъ повела къ камеломий, лежащей на возвышенности у Лукози.»

Предоставляю судить каждому строку моему, дѣрное ли представляють онѣ заключенiе словъ г. Кейзерлинга, г. секретарей общества Верта и Цукта и члена г. Языкова.

Послѣ печатнаго объявленiя объ открытiи остатковъ рыбъ на Ижорѣ (См. «Извѣстности Санктпетербургской Полиции», № 134, 1844), я вмѣстѣ съ г.

Вертовымъ осмотрѣли вѣтъ-тогда у Лукози, такъ и берега Ижоры, по теченiю рѣки до Антелева (но не Оптолова, которое лежитъ не на рѣкѣ Ижорѣ, а на Славянкѣ). Осматривая внимательно холмъ у Лукози, я увидѣлъ, что это только валуны и рассуждалъ такъ: если по песчаннику въ берегахъ Ижоры земля замѣнить, куда онъ отнестись, то окаменѣлости, найденныя у Лукози, ни въ какомъ случаѣ не могутъ рѣшить вопроса, потому-что нѣтъ, равно съ валунами, содержащими въ себѣ остатки рыбъ, встрѣчаются валуны гранита и силурiйскаго известняка (*). Слѣдовательно, съ одинаковымъ правомъ (если основываться на окаменѣлостяхъ), красный песчанникъ Ижоры можно отнести къ силурiйской и къ девонской. Это дало мнѣ мысль или найти напластованiе мергелистаго известняка, или найти породы, представляющiя этого происхожденiя. Съ этою цѣлью я началъ свои экскурси, слѣдствiемъ которыхъ было наслѣдованiе ближайшихъ окрестностей Ижоры: такъ я написалъ пласты известняка съ остатками рыбъ у Марьяна и Оптолова, объ которой нѣтъ не было никакихъ сообщенiй. Теперь я могу продолжать отнѣсать на вышении неизвѣстнаго сочинителя изъ моей статьи.

4) Г. Сивининъ, 4 июля, открылъ на рѣкѣ Славянкѣ, не едаль отъ деревни Оптолова и Марьяна, напластованiи известняка, представляющiи остатками рыбъ.

Не могу не сказать, что известъ этому выпискою позвать авторъ статьи. Если онъ предполагаетъ, что ископаемое животное рыбъ въ Марьянѣ и Оптоловѣ указано нѣтъ г. Вертовымъ, то онъ крѣпко ошибается. Если г. Кейзерлинга, по словамъ г. Верта, написалъ строки: «Г. Вертъ сообщилъ мнѣ свое наблюдениа одному молодому человеку, г. Юлиану Сивинину, и на мѣстѣ показалъ ему находженiе ископаемыхъ», — это происходитъ отъ-того, что, въ-

(*). См. статью графа Кейзерлинга:

рентно, когда мѣсто нахождения ихъ извѣстно, г. Вергъ разувѣтъ мѣста у Лукови; а же подлѣ мѣсто нахождения разувѣтъ только тѣ пункты, гдѣ окаменѣлости находятся въ пластахъ, какъ у Марьяна и Онтолова. Писать этого я себѣ объявить не могу; тѣмъ болѣе, что съ г. Вергомъ я посылалъ только берега Ижоры отъ Лукови до Антелова; въ то время г. Вергу самому не было извѣстно болѣе ничего, ибо ны были изслѣдъ за впечатаніемъ статьи г. Кейзерлинга. Онтолово же, равно какъ и Марьяно, лежитъ на рѣкѣ Славянѣ; если авторъ сомнѣвается, то можете обратиться съ просьбою къ г. Вергу назвать тѣ мѣста, которыя онъ наѣ не указалъ; я ручаюсь, что онъ не уронитъ отъ него ни Онтолова, ни Марьяна, ни вообще какого-либо мѣста на рѣкѣ Славянѣ. Если составившій различіи изъ моей статьи знаетъ даже содержаніе писемъ Агасси (нигдѣ непомечтанныхъ) къ Минералогическому Обществу, то, вѣроятно, знаетъ и г. Верга, а потому ему не большого труда будетъ отбѣтъ спрашивать объ этомъ.

8) 8 июля, онъ отправилъ съ г. Эйхвальдомъ, для подтвержденія атою отправленія и отклоненія едвалихъ издразумленій.

Въ этомъ я не нахожу ничего дурнаго. Развѣ нельзя совѣтоваться съ друзьями, болѣе насъ свѣдущими?

9) Окаменѣлости, до наблюденія г. Симашко, находимы были только въ едвалихъ, какъ у Лукови, и онъ, г. Симашко, посылъ съ Санктпетербургской Губерніи перемы остаткамъ рыбъ въ пластахъ.

И здѣсь я не знаю, что желаетъ сказать сомнѣватель статьи. Г. Эйхвальдъ, смотрявъ Ижору, не нашелъ никакихъ окаменѣлостей (*). Гг. Кейзерлинга, Языковъ, Поттъ и Вергъ нашли остатки рыбъ только у Лукови, въ мергельномъ известнякѣ (**). Я и Вергъ во

время нашей поѣздки нашли ихъ тоже въ красномъ песчаникѣ, у деревни Старой-Мельницы. Но какъ мѣста у Лукови и Старой-Мельницы были приняты мною какъ валуны, и какъ крошкѣ этого нигдѣ и ни отъ кого я не получалъ никакихъ извѣстій, то, открывъ настоящее мѣсторожденіе, я долженъ пожелъ написать: *перемы останки рыбъ въ пластахъ, желая указать тѣмъ, что найденные ранѣе у Лукови четырьмя членами Минералогическаго Общества находятся не въ пластахъ, а, вопреки мнѣнію ихъ, въ валунахъ.*

7) Гг. члены Минералогическаго Общества, къ сожалѣнію, не упомянули опредѣлительно о найденныхъ ими видахъ рыбъ, а только указали на некоторые роды рыбъ, встречающіеся въ девонской системѣ вообще.

8) Желая устранить подобный недостатокъ, онъ просилъ г. Эйхвальда опредѣлить и отнестъ найденные имъ останки рыбъ.

Съ этими двумя выписками я такъ же согласенъ, какъ и съ шестью предыдущими.

Спрошу васъ, къ кому обратиться съ просьбою опредѣлить найденныя окаменѣлости?

Въ этомъ состоятъ всѣ замѣчанія г. автора статьи; теперь я повторю ему слова его же: *Въ какой мѣрѣ большая часть этихъ пунктовъ, особенно номера 1, 2, 4 и 6 справедлива, нѣтъ надобности говорить.*

Еслибъ мнѣ указали хотя одну ошибку въ описаніи мѣстностей или тому подобномъ, то я принялъ бы замѣчаніе съ благодарностью; теперь же я благодарить г. сочинителя не могу, потому-что не за что.

Еще замѣчу, что окаменѣлости, найденныя мною въ валунахъ, были сообщены г. Эйхвальду около 20 іюня.

Ю. Симашко.

(*) Leonhard's Jahrb. 1844. I Heft стр. 41.

(**) «Вѣдомости Санктпет. Город. Пол.» № 134, 1844 года.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЬТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

28) *Нотик-Дамь-дес-Авизис, драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. г. Жюна Гозлана.*

Новая драма г. Ж. Гозлана привадежитъ, какъ и всѣ его драмы, репертуару Театра-Одеона. — Адмиралъ Вильмёзъ, уѣхавъ въ Америку, подвергается всѣмъ опасностямъ новогосвіта; а между-тѣмъ дома у него происходятъ вещи, очень-обыкновенныя въ старомъ-свѣтѣ, но тѣмъ не менѣе всегда неприятыя для мужа. Жена забываетъ его, и даже забыла. Адмиралу родился наследникъ, котораго онъ отнюдь не ждалъ. Онъ это узнаётъ со всѣми обстоятельствами и подробностями изъ письма одного человѣколюбиваго и обязательнаго пріятеля. Въ бѣшенствѣ возвращается онъ домой, хочетъ убить ребенка, свидѣтельствующаго о его позорѣ, но сестра баронессы Вильмёзъ, Габріэль, по своей сестриной преданности принимаетъ на себя страшную отвѣтственность въ простужкѣ: называетъ себя матерью новорожденнаго. Видю, баронъ получилъ ложное увѣдомленіе! Съ легкой-вѣрой радостью слышитъ онъ это объясненіе, которое повергаетъ въ отчаяніе другое лицо, доктора Андрѣ, страстно любленнаго въ Габріэль. Не смотря на всю увѣренность, какую имѣлъ на-счетъ непорочности своей возлюбленной, докторъ Андрѣ совершенно убить столь положительнымъ объявленіемъ. Считаая себя обманутымъ, онъ съ негодованіемъ отвергаетъ дѣвушку, которую любилъ до такой степени, что для нея запятналъ свою совѣсть преступнымъ дѣломъ: за двѣсти тысячь франковъ онъ помыслилъ въ семейство барона де-Вильмёза поддѣльнаго наследника. Въ своемъ качествѣ директора воспитательнаго дома, онъ подмѣнилъ младенца другимъ

изъ своихъ пріятельскій во время она Баронессы. То было желаніе дѣда Вильмёзова, боявшагося, чтобъ фамилія ихъ не пресѣлась. Такимъ образомъ баронъ Вильмёзъ оказывается обладателемъ двухъ наследниковъ, отцемъ по закону двухъ дѣтей, которыя вовсе не его дѣти, потому-что незаконный ребенокъ записанъ на его имя, равно какъ и подмѣненный. — Настаетъ революція, и баронъ умираетъ эмигрантомъ; лучшаго онъ и сдѣлать не могъ; но дѣти вырастаютъ преблагополучно, какъ-будто совершенно-законныя. Ричардъ Сведжъ въ одномъ энергическомъ стихотвореніи доказывалъ, что незаконнорожденные бываютъ обыкновенно крѣпче прочихъ, прихода причины, которыя нечислится намъ неловко... наши молодые люди не отвергаютъ ученія Ричарда Сведжа: они вѣдутъ свѣжестью и здоровьемъ. Въ драмѣ мы снова находимъ ихъ гдѣ восемнадцати отъ роду. Эмануэль, побочный сынъ, показываетъ очевидныя наклонности. Онъ влюбленъ въ одну молоденькую дѣвицу, которую узналъ у доктора Андрѣ, и которая слыветъ дочкой доктора. Рауль, найденшъ, возвращается изъ Англіи: директорія дозволила возвратъ эмигрантовъ, — и, какъ истый старинный маркизъ, онъ пытается обольстить прекрасную Луизу, съ которою встрѣтился на балѣ Оперы. Слѣдуетъ взаимный вызовъ двухъ соперниковъ. Заявляется мистеръ; кто-то побѣдитъ? Баронесса также возвратилась; она остановилась у доктора, содержащаго больницу. Габріэль скрывается въ близости. Габріэль все любитъ Андрѣ, но не смѣла показаться ему на глаза; она интересуется каждымъ его шагомъ, слѣдитъ глазами и сердцемъ за всѣми его движеніями. Эмануэль, отправляя должность любовнаго вѣстника безъ собственнаго вѣдома, доставляетъ ей свѣдѣнія о докторѣ. — Во время революціи, докторъ Андрѣ былъ жаркимъ трибуномъ и принималъ усервное участіе въ кровавыхъ декретахъ террора. Десять гдѣтъ, проведен-

ныя въ Бастильи, по домогательству самой баронессы Вильмъвъ, которая онасалась, чтобъ онъ не встрѣтился съ ея сестрою, посѣляя сильную ненависть къ прошедшему въ душѣ его. Однакожь онъ принялъ на свое попеченіе одинъ изъ несчастныхъ останковъ фамили Вильмъвъ, молоденькую Луизу, которой настоящаго происхожденія никто не подозреваетъ. Баронесса, сопровождаемая вѣжливъ шеваля де-Старомъ, молодцомъ, который прогулялъ два милліона и готовъ спустить съ рукъ еще два, возвращается для оскорбленій доктору Андрѣ, требуя отъ него своего фамильнаго имени, которыми онъ воспользовался, по словамъ ея. Эта баронесса, столь же дурная мать, какъ супруга, знаетъ не хочеть про своего сына Эмануэля. Когда сестра сказываетъ ей, что онъ живъ, она принуждаетъ ее истребить актъ, свидѣтельствующій его рожденіе. Вся ея вѣжливость обращена на Рауля, который вовсе не ея сынъ. Сила крови не подаетъ голоса. — Докторъ, видѣсто отчета баронессѣ въ своемъ поведеніи, отряхаетъ пыль, запятнанную благородные цѣты представительстваго шарфа, ибо получаетъ извѣстіе, что отечество въ опасности. «Отечество въ опасности! Къ оружію, граждане!» Эта сцена драмы одна изъ самыхъ патетическихкихъ, особливо для парижской публики. — Слѣдующія вѣтъмъ два дѣйствія проще и быстрѣе трехъ первыхъ, нѣсколько-темныхъ и запутанныхъ. Докторъ Андрѣ сберегъ для Луизы все фамильное имяніе, и она выходитъ за Эмануэля, котораго любитъ, между тѣмъ, какъ Раулю приходится отыскивать себѣ отца въ воспитательномъ домѣ. Шеваля де-Старъ, который хотѣлъ-было подкупить убійцъ на Эмануэля, самъ раненъ этими убійцами. Эмануэль обязанъ своимъ набавленіемъ Богоматери. Пропасть: онъ забылся за молитвою въ капеллѣ младенны, и не прошель тамъ, гдѣ его поджидали. Нечего и прибавлять, что докторъ признаетъ невѣжливость Габриэли, по волосы у докто-

ра бѣлы, а у Габриэли сѣды; пора любви мисовала; въ угѣшеніе имъ остается только дружба. — Одобреній драмѣ было много; похваля въ приятельскихъ фельетонахъ еще больше; разыграна артистами пьеса, говорить, удачно, особенно Бокажемъ, исполнявшимъ роль доктора Андрѣ.

29) LES DEUX CÉSAR (Два Цезаря); водевилъ въ одномъ дѣйствіи, соч. Арверера.

Банкиръ Доврѣ вдовъ и молодъ. Владѣя огромнымъ богатствомъ, онъ пользуется вполнѣ всѣми удовольствіями парижской жизни: ложи въ театрѣ, отличные обѣды, прогулки на дачи, путешествія на воды и проч.—вездѣ, наконецъ, гдѣ есть удовольствіе, можно найти Довреевъ, потому-что ихъ двое, отецъ и сынъ, отцу—38 лѣтъ, сыну—18. Девизъ двухъ друзей, — такъ они себя называютъ—рвать всѣ розы на дорогѣ жизни, оставляя другимъ терніи. Сезарю, младшему, еще долго вести веселую жизнь, но отецъ его, приближаясь къ сороковому году, хотя и смотритъ свавъ пальцы на похождения сына съ субретками, но думаетъ о томъ, какъ бы его женить. Есть въ это время въ свѣтѣ нѣкто, г. Мартино, большой капиталистъ, обладатель двухъ дѣтей, сына и дочери, воспитанныхъ вдали отъ Парижа. Дѣти пріѣзжаютъ въ Парижъ подъ вѣгидою почтеннаго папеньки. Какъ дѣло идетъ о суммѣ 100,000 франковъ, которую банкиръ Доврѣ ему долженъ, то Мартино думаетъ, что, выдавъ за него дочь, они будутъ съ Доврѣ-старшимъ квиты. Но увы! въ какую бедню пошло невѣрное семейство; Сезаръ говоритъ отцу «ты», отецъ и сынъ подаютъ другъ другу руки, называютъ другъ друга — мой другъ. Завтракаютъ: Мартино-сынъ тутъ же. Вино льется рѣкою: провинціалъ начинаетъ терять голову и малопомалу возвышаетъ передъ отцомъ голосъ. Гнѣвъ папеньки—разрывъ предположеннаго брака. Но нѣсколько молодыхъ людей, бывшихъ на завтракѣ, подымаетъ старика на смѣхъ. Сезаръ

дерется съ ними на дуэли, потому-что никогда не позволит оскорбить гостя своего отца. Тронутый такимъ самопожертвованіемъ, Мартинъ возвращаетъ Давралю свое уваженіе, ограничась только тѣмъ, что дочь выдаетъ за младшаго, а отцу его отдастъ квитанцію.

30) LE GENDRE D'UN MILLIONAIRE (Зять Милліонеръ), комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. Леонса и Мелери.

Скрибъ написалъ превосходную комедію *Женитба на деньги*. Онъ воспользовался съ обыкновеннымъ ему искусствомъ положеніемъ человѣка, который, колебавшись разъ между симоніею сердца и деньгами, принужденъ первую пожертвовать второй. Онъ оканчиваетъ свою комедію предчувствіемъ страданія, потому-что между характерами супруговъ мало симпатіи, а симпатія—счастіе. Еслибъ Скрибъ былъ охотникъ до трилогій, онъ могъ бы показать печальныя слѣствія такого брака въ житъѣ Эрмансы и Полины, и преслѣдовать эту мысль въ дѣтяхъ ихъ дѣтей, до самой глубокой ихъ старости, — но Скрибъ не любитъ два раза пользоваться одною мыслию: ему надобно новаго, хотя бы въ вѣкъ Франціи новаго ничего не было, — и два молодые автора спокойно разработали поле, оставленное умнымъ и даровитымъ драматургомъ. Мысль, въ-самомъ-дѣлѣ, чрезвычайно-комическая — представить положеніе молодого, бѣднаго человѣка, который, будучи ослѣпленъ роскошью, женится на богатой наслѣдницѣ, но въ ожидавшій наслѣдства, находится подъ властію капризнаго тестя или сердитой тещи. Будь жена его кокетка или шѣтъ, — все равно: положеніе одинаково невыносимо. Изъ этого не должно выводиться заключеніе, чтобъ имѣние было ядодоръ и что жениться на богатыхъ наслѣдницахъ должны только милліонеры, потому-что въ такомъ случаѣ богатымъ наслѣдницамъ пришлось бы очень-долго ждать; но молодой человѣкъ, недурной собою—будетъ просто

глупъ, если не успѣетъ даже безъ имѣнія поставить себя къ нимъ въ приличное отношеніе. Человѣкъ неоломъ до-тѣхъ-поръ, пока онъ не снажетъ, какъ греческій философъ: все свое поину съ собою. Потому должно благодарить авторовъ комедіи за выставленный ими моральный урокъ. Вотъ содержаніе комедіи: въ конторѣ г. Томассена, дѣловаго человѣка, нажившаго состояніе, находится честолюбивый молодой человѣкъ, который помѣшался на экинажахъ Елисейскихъ-Полей и на женахъ банкировъ, сидящихъ въ ложахъ Оперы; онъ бредитъ лошадыми и годовыми ложами, и между-тѣмъ не имѣетъ ни копейки денегъ. Къ-счастію или къ-несчастію, его патронъ большой оригиналъ. Вѣсто того, чтобъ искать себѣ зятя въ графахъ и герцогахъ, на что онъ имѣетъ полное право, — онъ думаетъ, что въ этомъ маломъ будетъ путь подъ его руководствомъ. Бывали примѣры, что конторщики становились министрами: отъ-чего же этого не можетъ быть и съ его зятемъ?.. Милльонъ облегчаетъ средства, прокладываетъ дорогу. Томассенъ выдаетъ дочь за конторщика своего Дювернѣ. Это—хорошая сторона медали. На оборотной сторонѣ, видимъ мы Томассена, до того присвоивающимъ себѣ власть надъ зятемъ, что несчастный Дювернѣ принужденъ бѣжать изъ великолѣпнаго дома тестя, чтобъ искать убѣжища у пріятеля, стараго своего товарища по конторѣ, который, съ своими скромными и умирными желаніями, нащелъ полное счастье. Этотъ благородный другъ даже скрываетъ отъ него половину своего счастья, боясь разбудить его страданія, тѣмъ болѣе, что онъ женатъ на хорошенькой дѣвушкѣ, которую Дювернѣ когда-то любилъ. Наконецъ, для счастливой развязки, жена Дювернѣ, подъ влияніемъ добраго чувства, не смотря на отца, отыскиваетъ своего мужа, котораго удалило ея кокетство, впрочемъ, мимолетное, невзвѣное. Томассенъ принужденъ заключить съ зятемъ мѣръ на навѣстныхъ условіяхъ.

81) *La Dostkij Amoueux* (Влюбленный Докторъ), комедія Мольера, или приписываемая Мольеру.

Сожалѣнія Буало составили славу влюбленнаго доктора; и между-тѣмъ, хотя комедія эта и нравилась такому строгому судѣи и забавляла Людовика XIV, Мольеръ уничтожилъ ее. Такъ сдѣлалъ онъ со многими другими пьесами, изъ которыхъ до насъ дошли только двѣ: *Le Medecin volant* и *La Jalousie de Barbouille*, пьесы, которыя можно найти, впрочемъ, въ итальянскомъ театрѣ, роль канвы для Мольера и его актѣровъ въ провинціи. *Влюбленный Докторъ* шельмъ, кажется, болѣе прочности. Эта пьесастояла того, чтобъ ею забавлялся величайшій изъ королей, какъ называетъ Людовика авторъ, прося у короля позволенія играть ее послѣ *Нинкомедіа*. Но комедія, найденная г. Лагранжемъ, точно ли мольерова комедія? Манускриптъ его есть ли манускриптъ студѣра старинной руашской труппы? Это — вопросъ трудный для разрѣшенія. По всѣмъ вѣроятностямъ, впрочемъ, предположить можно, что пьеса действительно принадлежитъ Мольеру, или, по крайней-мѣрѣ, сочинена челоѣкомъ искуснымъ, который угадалъ духъ Мольера. Въ этой комедіи бѣтъ сценъ пять или шесть изъ другихъ мольеровыхъ комедій, и это, можетъ-быть, одно только подаетъ пологіе въ подлогѣ. Правда, Мольеръ безпрестанно крадъ у самого-себя, но здѣсь видно какъ-будто намѣренное повтореніе. Какъ бы то ни было, пьеса занимательна и представляетъ собой любопытную загадку, заданную Одоэлу сониксомъ XIX вѣка.

82) *La Haine d'une Jeune Fille* (Независть Молодой Дѣвушки), содѣлалъ ее одномъ дѣйствиіи, г. Вернисъ. Дѣвцу Вильфридъ хотятъ выдать замужъ за г. Ловели. Невѣста не любить жениха; сердце ея принадлежитъ одному повѣсу, который спасъ ей жизнь, но за котораго она не хотѣтъ идти по причинѣ его дурной репута-

ціи. Невѣсту одѣваютъ въ вѣнокъ, является повѣса, блестящее объясненіе, — она падаетъ въ обморокъ; повѣса ее похищаетъ, и осужденъ на висѣлицу. Дѣвица Вильфридъ жертвуетъ собою и выходитъ за похитителя. Этого водевилъ съ громомъ и молніею лишишь вовсе внимательности.

83) *Une Soignée Vaucignard* (Вечеръ въ Вожигарѣ), содѣлалъ ее одномъ дѣйствиіи, соч. Комберуза и Кордѣ.

Севаръ Годѣ женится на Фиделинѣ Гюли, съ согласія отца и не смотря на нежеланіе матери невѣсты. Добрая женщина находитъ его слишкомъ-погоданъ, и чтобъ представить мужу яснымъ доказательство его гѣтренности, пишетъ къ нему безъименное письмо, въ которомъ одна женщина предлагаетъ Севару угостить ее ужиномъ. Севаръ попадаетъ въ сѣть, заказываетъ ужинъ и жадетъ незнакомку. Къ-счастью, Гюлистанъ-отецъ перехватилъ приглашенія, разосланныя Севаромъ къ его друзьямъ, и свзываетъ, вмѣсто нихъ, нотариуса, свидѣтелей и своихъ пріятелей; самъ онъ является въ маскѣ. Фиделина, съ своей стороны, приходитъ въ ревовомъ домино; наконецъ, отецъ Севара пріѣзжаетъ очевидно изъ Шершѣля и переодѣвается арлекинномъ, такъ-что когда г-жа Гюлистанъ, заставъ въ комнатѣ будущаго вятя множество масокъ, приготовляется поразить его, — она видитъ вкругомъ его всѣ почтенныхъ особъ. Любовники соединяются.

84) *La Tour d'Ugolin* (Уголинвова Башня), содѣлалъ ее двухъ дѣйствиіахъ, и. Дависена и Мариа-Мишела.

Молодой живописецъ, по имени Бремонтъ, на дорогѣ къ дядѣ въ Бургундію, пріѣзжаетъ въ Шалонъ съ огромнымъ аппетитомъ. Онъ еще съ утра ничего не ѣлъ отъ особенной заботливости кондуктора, который далъ ему полную волю спать въ каретѣ. Во время остановки для завтрака, встрѣча въ гостиницѣ съ молоденькою дѣвушкою ста-

влететь его на минуту позабыть о требованіяхъ желудка, но почти-непосредственный отвѣдъ красавицы возвращается его къ землѣ, и онъ сирашиваетъ завтракъ. Прощая очень-долго понапрасну, онъ хочетъ уже уйти, когда ему подають записку. Въ этой таинственной запискѣ, Бремона приглашаютъ сію же минуту въ сосѣдній замокъ, гдѣ его ждутъ къ обѣду. Не смотря на пустой желудокъ, Бремонъ отправляется въ полномъ удовольствіи отъ мысли объ отличномъ обѣдѣ и приключеніи. Во второмъ актѣ, слуга вводитъ Бремона въ залу готическаго замка. Карета на дорогѣ опрокинулась, и надобно было идти пѣшкомъ, отъ-чего желудокъ бѣднаго Бремона страдаетъ еще болѣе. Но вотъ онъ наконецъ скоро будетъ вознагражденъ обѣдомъ и любовью. Дѣйствительно, является женщина, старая дуэнья, мать молодой дѣвушки, которую онъ встрѣтилъ въ гостинницѣ. Объ обѣдѣ ни слова, о женигѣбѣ говорится очень-мало. Предположенный союзъ очень нравится артисту, но онъ видитъ ясно, что тутъ есть ошибка. Ждали другое лицо. Бремонъ хочетъ объясниться съ дядюшкой молодой дѣвушки, который проситъ его не развѣщать племянницы отъ союза с нею, потому-что, по странному завѣщанію, Камилла теряетъ 500,000 франковъ, если черезъ 24 часа не выйдетъ замужъ. Бремонъ соглашается, тѣмъ болѣе, что тотчасъ по подписаніи контракта будетъ великолѣпный обѣдъ. Наконецъ, въ минуту, когда женихъ садится за столъ, привносятъ письмо отъ брата Камиллы, живюника этого изброглю. Другъ, котораго онъ надѣялся сдѣлать мужемъ своей сестры, женатъ! На вопросы дядюшки матери, Бремонъ принужденъ объясняться, рискуя даже не обѣдать. Онъ былъ только условнымъ женихомъ, — послѣ объясненія становится настоящимъ.

35) LA NUIT TERRIBLE (Страшная Ночь), *водевиль въ одномъ дѣйствіи*, и. Мельвила и Поля Вермона.

Ночь, темная ночь; мы во время кар-

навала. Теламонъ Патиньѣ долженъ жениться на знатной дамѣ, г-жѣ де-Сен-Фаръ. Но онъ хочетъ заключить достойнымъ образомъ холостую жизнь одною изъ тѣхъ страшныхъ, безумныхъ ночей, какія бываютъ подъ опернымъ небомъ у Мюзара. Увы! онъ возвращается печальнѣе обыкновеннаго и съ желаніемъ спать, къ чему и готовится, скидая свой костюмъ. Но тутъ начинается для Теламона бездна страшныхъ приключеній... Мистифицированный всевозможными образами, Теламонъ проводитъ страшную ночь. Всѣ заняты кромѣ его, но онъ утомляется принимая участіе въ общемъ балетѣ. Извѣстно, что каждый водевиль кончается нынче полькой или мазуркой. Пале-Руайякъ изобрѣлъ новый танецъ — тремуску. Да здравствуетъ же тремуска!

36) LES RUINES DE VAULDEMONTE (Волмонскія Развалины), *драма въ четырехъ дѣйствіяхъ*, и. Булѣ и Лажарретта.

Богатствомъ бредать въ-особенности тѣ, которые бывали богатыми и приведены въ печальное положеніе: такъ точно бредать имъ и графъ Вальтеръ де-Севренъ. Вальтеръ былъ богатъ, но растратилъ все свое наслѣдство, состоявшее во множествѣ замковъ, кромѣ одного только замка, находящагося въ Арденнахъ. Онъ готовъ уже продать и этотъ, когда по случаю спасаетъ жизнь Максу Дегранну, молодому челоуѣку, который будетъ со-временемъ милліонеромъ и у котораго есть молодая сестра, тоже будущая наслѣдница. Перспектива окончательнаго разоренія сдѣлала благороднаго графа неслишкомъ-веселымъ, но онъ все-таки не въ силахъ противиться приглашенію Макса, который зоветъ его обѣдать въ фантастическихъ развалинахъ Волмона. Къ-несчастью, Вальтеръ, напившись, становится еще печальнѣе и молчаливѣе, — но зато очень-много думаетъ. Во время оргіи охотниковъ, является вдругъ негодяица, который съ радостію принимаетъ приглашеніе принять участіе въ

Виръ — и напивается; пьяный, онъ разсказываетъ, что съ нимъ большая сумма денегъ. Черезъ два часа, Вальтеръ убиваетъ его въ воднонскомъ подземельи. Но Максъ видѣлъ преступленіе и узналъ въ преступникѣ спасителя своей жизни. Онъ молчитъ и отправляется путешествовать. Во время путешествія, Вальтеръ успѣшно волочитса за сестру его, Люсилію, и готовъ уже вступить съ нею въ бракъ, какъ вдругъ вовсе-неожиданно прѣзжаетъ Максъ. Семейная буря; сестра признается Максу, что она обольщена. Максъ, который говорилъ сначала объ эшафотѣ, перемѣняетъ намѣреніе, чтобъ спасти честь своей сестры. Вальтеръ долженъ на ней жениться и потомъ онъ его убьетъ. Но вдругъ прѣзжаетъ соперникъ Вальтера, который объявляетъ, что Люсилія обольщена имъ, а не Вальтеромъ. Максъ доказываетъ графу де-Северну, что ему осталось одно средство — самоубійство, и тотъ соглашается на эту такъ-прекрасно доказанную истину. Содержаніе не ново, но драма имѣла успѣхъ.

37) SANS-SŒAVATE OU LES COMMISSIONNAIRES (Самкравать, или Коммиссионеры), драма-водевиль съ пяти дѣйствій, Поль-де-Жока.

Этьенъ прѣхалъ изъ Оверни въ Парижъ искать счастья; привычна ходить безъ галстукадала ему названіе «Sans-sœavate». Онъ обѣщавъ матери и сестрѣ возвратиться богачомъ и отправился, пожелавъ первой добраго здоровья, а послѣдней — благоразумія. Но, увы! желаніе его не сбылось. Сестра его, Аделина, уѣхала въ Парижъ съ господиномъ Альберомъ. Узнавъ объ этомъ, Этьенъ дерется на дуэли и ранитъ Альбера въ грудь; за больнымъ ходитъ Аделина, и онъ, тронутый ея заботливостью, по выздоровленіи женится на ней. Надобно признаться, что этотъ водевиль не удался Поль-де-Жоку.

38) LE TUTEUR DE VINGT ANS (Двадцатилѣтній Опекунъ), водевиль съ двухъ дѣйствій, соч. гг. Мельвилля и Поля Вермона.

Наше драматическое искусство больше чѣмъ когда-нибудь стало наперекоръ здравому смыслу; изъ нецѣлостей мы ишли въ тѣ неестественности, которыя даже не безумны, а просто глупы, qui n'est que bête sans être fou, говоритъ Жюль Жаненъ. Вотъ, на-примѣръ, комедійка театра Gymnase, настоящей области микроскопическихъ пошлостей драматургін. Содержаніе ея нижеслѣдующее: Мосьѣ Шабаннѣ, отличный *приобрѣтатель* въ своемъ родѣ, обѣдаетъ на биржѣ, но за то самъ даетъ ужины театру: хоры Оперы единогласно славятъ вкусъ и изящное чувство добраго мосьѣ Шабаннѣ. Онъ участвуетъ въ маленькихъ распутствахъ (*petites débauches*), частью замысловатыхъ, частью любовныхъ, которыхъ самъ бываетъ изобрѣтателемъ; настаетъ карнавалъ, и величайшая его радость — поужинать у своего молодаго пріятеля, мосьѣ Феликса, отчаяннаго повѣсы лѣтъ въ двадцать-пять. У Феликса, Шабаннѣ счастливъ, особенно когда къ нимъ присоединяется Бовуазенъ, адвокатъ изъ Страсбурга, отчизны пастетовъ. Шабаннѣ — деньги; Бовуазенъ — остроуміе; Феликсъ — юность; съ такими тремя качествами можно быть прекраснымъ и преошанымъ мерзавцемъ. Скатерть разостлана, соль на столѣ, ужины готовъ; трое пріятелей поджидаютъ только трехъ хорошенькихъ собесѣдницъ, привычныхъ къ подобнымъ пріятельскимъ ужинамъ; а за добываніемъ собесѣдницъ куда же больше обратится, какъ не въ тотъ великій треволненный всѣми бурями океанъ, который называется баломъ Оперы? Тамъ каждая волна — вершишко красоты, розовое либо черное домино. Правда, это значить ловить рыбу въ мутной водѣ; но зато ужъ что за благополучіе, если посчастливится! Эта мутная вода лучше даже той соленой воды, изъ которой вышла Венера! Изъ трехъ удочекъ сза-

открытая вынадеет на долю золотой удочки. Феликс влюбленъ въ мадамъ Шабаннѣ, и любовь воспрещаетъ ему рыбную ловлю при огнѣ. Бовуазенъ вообще на ловлю не мастеръ: что то поймалъ, но и то сорвалось у него съ крючка, и онъ возвращается съ пустыми руками, безъ часовъ и безъ плаща; за то ужъ мосьѣ Шабаннѣ... Счастливецъ! Онъ поймалъ крупную рыбу, какую-то графиню, маркизу, даже, можетъ-быть, герцогиню! Садется за столъ, пьютъ, поютъ, болтаютъ. Маскированная дама всѣхъ очаровала, всѣхъ говорить въ-понадъ. Наконецъ, шаска падаетъ, женщина остается, и мосьѣ Шабаннѣ видать... мадамъ Шабаннѣ! Къ-счастью, она дама не взбѣкательная, улыбается Феликсу, подмигиваетъ Бовуазену, свисходительна даже къ мужу; смѣются, пьютъ, поютъ; собираются ѣхать въ Оперу, нацѣвая расцѣпную баркаролу, какъ вдругъ въ этотъ шумный домъ является одна дѣвушка очень-честной и очень-молодой наружности... Дѣвушку эту зовутъ Валентиной; она прибыла очень-надалека, съ Мартиники, къ мосьѣ Феликсу, своему опекуну. При видѣ опекуноши посреди залы, гдѣ происходила эта довольно еще скромная часть орги, Валентина отстужаетъ шагъ назадъ. Но скоро она ободряется, думаетъ, что вѣрно въ модѣ ужинать такъ модно, жестомъ успокоиваетъ даму и двухъ кавалеровъ, и влаждѣваетъ своимъ опекуномъ. Юный мосьѣ Феликсъ—пренесчастный человѣкъ! Не судите: приходитея потерять остатокъ драгоценной ночи на то, чтобъ провожать надмузель Валентину къ тѣткѣ, за городъ! отказаться отъ сладкихъ обещаній, которыя слышалъ въ-подъ маск! А дѣлать нечего: званіе опекуна такая должность. Во второмъ актѣ, положеніе дамъ совершенно перевернулось: питомица стала опекуномъ, а опекуна только питомцемъ своей питомицы. Сколько молодой Феликсъ безразсуденъ и нылокъ въ страсти, столько Валентина благоразумна и сполнона. У сердца рысьи глаза: надму-

зель Валентина не терала нѣтъ вида ни на мигъ Феликса и даму. Она знаетъ, что эта дама несовсѣмъ мадамъ Шабаннѣ; мало того; она читывала ея любовныя письма къ двоимъ варугъ, т. е. къ Феликсу и Бовуазену. А надо сказать, что намъ ни простовать адвокатъ, а также охотникъ до прекрасныхъ завоеваній; таковъ ужъ выльче свѣтъ, даже дураки бываютъ фатами! Оладѣвъ нитями этой двойной интриги, молоденькая питомица молоденькаго опекуна начинаетъ проповѣдовать мораль и строить глазки опекуну. Онъ непременно долженъ въ нее влюбиться тутъ же, на мѣстѣ, hic et nunc. А онъ... онъ все помышляетъ о мадамъ Шабаннѣ, и не видитъ, какъ хороша его питомица. Rusticus es, Corydon! Между-тѣмъ, дѣлшки мосьѣ Шабаннѣ пришли изъ крайне-затруднительное положеніе: Задаяя безпрестанно малельніе ужинныя великимъ монеткамъ, онъ погубилъ свою репутацію, и компелевъ етъ удивительно облегчился. Мадамъ Шабаннѣ, съ своей стороны, пишетъ къ Феликсу письмо, исполненное страсти и признательности. Пойдемъ, Феликсъ! оставимъ этотъ обманчивый свѣтъ! Письмо попадаетъ въ руки Валентины. «Ступайте» говоритъ она опекуну: «только смотрите!» Бовуазенъ получилъ точно такое же письмо отъ этой дамы, которая, въ добавокъ, вовсе не мадамъ Шабаннѣ! Въ-самомъ-дѣлѣ, оказывается, что мадамъ Шабаннѣ контрабандная супруга—домщица въ ажіотажѣ мосьѣ Шабаннѣ. И нашъ Феликсъ принимается любить, обожать кузину... Фи, что за мадамъ Шабаннѣ! давайте намъ Валентину! Но Валентина обшчала свою руку Бовуазену: какъ же бы честнымъ образомъ отстужиться отъ даннаго слова? Ничего нѣтъ прощѣ: Бовуазенъ страстный охотникъ до денегъ; опекуну обидитъ только разорить свою питомицу, и; разоренная, она тотчасъ выйдетъ изъ него замужъ, безъ малѣйшаго прекословія. И такъ, вотъ для чего шриданое Валентины крадите въ открытой мавильной. Сто тысячь око добрыми

Банковъми билетами помѣщаются въ нижнемъ этажѣ, чтобъ стоило только протянуть руку и взять ихъ отсюда. Когда Шабаннѣ готовъ навѣкъ бѣжать изъ Франціи, какъ банкротъ, Феликсъ проситъ и умоляетъ банкира украсть сто тысячъ экю. Сначала банкиръ колеблется и смущается, потомъ позволяетъ себѣ это добродѣтельное воровство. Не удивляйтесь: искушеніе такъ велико! Притомъ же Шабаннѣ вспоминаетъ отцовскую аксіому: «смотри, сынокъ! не банкротъ никогда, а коли ужъ вздумаешь обанкрутиться, то хорошему!» И такъ, Шабаннѣ уноситъ капиталъ невѣсты. Валентина разорена, Бовуазенъ уже не беретъ ея замужъ, Феликсъ дѣлается счастливейшимъ изъ смертныхъ! Однакожъ Валентина еще колеблется въ рѣшеніи: тонкій авторскій расчетъ, чтобъ дать срокъ Шабаннѣ воротиться. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ возвращается побѣдителемъ влостаста и биржи! Возвращеніе кредита и оложило въ кассу банкира вдругъ миліоны! Валентина радѣхонька, что не разорена, и на-радостяхъ идетъ замужъ за онекана. Къ такому интересному и умному содержанію пьесы, надо вообразить ея просахаренный и полный претевзій слогъ,—и вотъ вамъ комедія гг. Мельсвиля и Поля Вермона.

39) *Le Fortuné d'eau* (Водоносъ), водевилъ отъ двухъ дѣйствійхъ, соч. Альбера и Денриеръ.

Водевилъ Водевилнаго - Театра стодитъ предъидущаго. Предстаньте себѣ, въ концѣ прошедшаго столѣтія, среди революціи, водоноса, по имени Казалѣ, недавно женавшагося, и которому жена даритъ ребенка, дѣвочку нѣсколькочлѣнную для дочки овернскаго водоноса, однако крѣпкую и расположенную не умирать. Къ-несчастію, мадамъ Казалѣ, когда надо кормитъ грудью ребенка, ведетъ себя какъ герцогиня. Приходится искать кормилицу: таковъ совѣтъ вѣдника Люкаса. Какъ же быть? Гдѣ взять на это денегъ? У Казалѣ ничего нѣтъ, кромя той бочки Данавадъ, которую надо называть за двадцать су

въ день. Тутъ вѣдникъ Люкасъ произноситъ великое слово: *воспитательный домъ!* Жестокая участь! Наплакавшись вдоволь, водоносъ несетъ ребенка въ воспитательный домъ. Вдругъ, что же? онъ возвращается домой не только съ ребенкомъ, но еще съ двумя. Водоносъ нашелъ втораго младенца на крыльцѣ, и какъ жена его сейчасъ оказалась кормитъ одного младенца, то Казалѣ сообразилъ, что, можетъ-быть, она охотнѣе будетъ кормитъ двухъ разовъ. Къ-счастію, оказывается въ пеленкахъ найденныша кошелекъ полкоконекъ золота! Казалѣ вознагражденъ за соотрадательность: въ кошелекѣ цѣлая сотня лувдоровъ! есть чѣмъ откупить востывшую отъ горя отеческую кровь. Вивать, радость! Дайте пировать! Мосьѣ Люкасъ, вѣдникъ, хотѣтъ раздѣлитъ до конца счастье блаженнаго отца, и садится пировать тутъ же. Тѣмъ совершается первое дѣйствіе. — Проходитъ двадцать лѣтъ. Мы въ Римъ; маркизъ-эмигрантъ, зараженный всѣми старинными предразсудками, мосьѣ де-Жерваншъ, пріѣхалъ креолизироваться на солнцѣ Италиі, и потѣшается проклятіями сперва на французскую республику, а потомъ на перваго консула. Почтеннаго маркиза услаждаетъ только нѣжная дочери, Тереза, прехорошенькой дѣвочки, влюбленной въ своего музыкальнаго учителя, который съ своей стороны также усердно любезничаетъ съ мадамъ Жюльеттой, и помнитъ не хотѣть, что она дочь стараго вельможи, а онъ просто-на-просто сынъ овернскаго водоноса. Въ то же время одинъ кузень, маркизъ съ голубы до пятокъ, и непослѣдній изъ маркизовъ, шибетъ виды на руку Жюльетты. Отецъ узнаетъ любовь дочери къ учителю-плебею, и сами судите, каково его бѣшенство! Сердцу нашего стараго знакома Казалѣ горько видѣтъ такое презрѣніе къ его сыну. Такъ вы не хотите въ зятя сына овернскаго мужика, господинъ маркизъ? хорошо же! возьмите моего сына; даромъ-что музыкальнѣйшій учитель, онъ чуть ли не княжескій сынъ.—Что ты говоришь?

Феликс найденъши? То-то счастье! восклицаетъ эмигрантъ, не помня себя отъ радости, что отыскалъ пропавшаго сына. — А! такъ это былъ вашъ сынъ? восклицаетъ водоносъ: — очень-радъ; только худо жь я слѣдаль; коли онъ вашъ сынъ, такъ ему нельзя жениться на родной сестрѣ. — Э! пустяки! кричитъ маркизъ: — Тереза не дочь мнѣ; этого ребенка укралъ для меня мой швейцарскій! Я поручилъ ему взять моего сына отъ васъ, а онъ укралъ мнѣ вашу дочь, обманувшись ожерельемъ, которое было у ней на шеѣ. Несчастный! онъ принялъ дѣвочку за мальчика, а я, дѣлать нечего, удовольствовался вашей дочерью, какъ вы могли сынокъ. — Такъ это моя дочь? — Такъ это мой сынъ? кричатъ отцы. — И пьеса заканчивается, какъ слѣдуетъ, благополучнѣйшею изъ развѣсокъ.

40) *RAULX AU PORTIER* (Спросите у дворника), *водевилъ съ однимъ дѣйствіемъ*, соч. Деннери и Лажаретта.

Дворникъ Люстюрю, чтобъ жениться на своей возлюбленной, племянницѣ носѣ Баливо, поднимается на хитрости зашибить себѣ 250,000 франковъ помѣщію двадцати-пяти тысячъ адресовъ Адреснаго-Календаря. Онъ пишетъ къ кому слѣдуетъ пьсьма: «Одна дорогая вамъ особа будетъ по-секрету въ такомъ-то домѣ; спросить о ней у дворника, онъ скажетъ.» —

Le compagnon ne put rien tirer d'elle
Qu'il ne parlat, chacun sait ce que c'est
Que de parler...

Затѣйливый Люстюрю того-и-глядя наберетъ себѣ 250,000 франковъ, когда выотвѣчаетъ на всѣ двадцати-пять тысячъ вопросовъ. Два изъ писемъ попадаютъ въ руки отъявленно-ревнивыхъ мужей, а жены этихъ мужей, на-бѣду, какъ нарочно провели ночь у носѣ Вандора, гадальщика. Послѣ порядочной путаницы, дѣло улаживается по желанію, и Люстюрю торжествуетъ и женится, а зрители хохочутъ этой чепухѣ.

Театръ Одеонъ поставилъ у себя двѣ болѣе прочія замѣчательныя пьесы. Это, во-первыхъ:

41) *WALLSTEIN* (Валленштейнъ), *трагедія съ однимъ дѣйствіемъ, подражаніе Шиллеру*, соч. Вильява.

Какъ о подражаніи всѣмъ-знаѣтвой драмѣ, о трагедіи г. Вильява нечего распространяться въ разсказѣ ея содержанія. Писана она то стихами, то прозою; сообразно требованіямъ католической цензуры, написана противъ подлинника во всемъ, что могло у Шиллера противорѣчать этого рода ценсурѣ; журналы ее хвалятъ. — Вторая пьеса есть

42) *LE SÉVÉRIEN DE ROMÉO* (Шевалье де-Помпюа), *комедія съ тремя дѣйствіемъ, съ стихами*, соч. Мари Ласона.

Герой комедіи есть подникъ, гасконскій дворянинъ, младшій въ родѣ, слѣдственно неживущій ничего, кромѣ плаща и шпаги, во съ умомъ в сердцѣмъ. Лишонный наслѣдства своимъ дядею командоромъ, за свои дуали и театральныхъ любовницъ, онъ спасенъ отъ погибели теткою, которая не кто иная, какъ его молочная сестра, Луизова. Она дѣлается горничною актрисы, ключницею въ загородномъ домикѣ генерал-ферьера, слѣдуя за героемъ по извѣстнымъ дорогамъ его жизни, чтобъ возвратить его на нутъ чести и добродѣтели, и наконецъ успѣваетъ. Все это разсказано гранціозно, легко, въ хорошихъ стихахъ, и представляетъ собою лучшую изъ комедій г. Мари Ласона, которому драматическое поприще не мѣшаетъ уже десять лѣтъ серьезно заниматься *Histoire Юга* (*Histoire du Midi*).

43) *LE GARDE FORESTIER* (Лѣсничій), *водевилъ съ двумя дѣйствіемъ*, и. Лёвона и Брунсвика.

На 30 лѣтъ кругомъ, во всемъ Альпсѣ, нѣтъ человѣка довольнѣе своей судьбой лѣсничаго Христиана; онъ женатъ на Луизѣ, дѣвушкѣ высшаго со-

словія, которой руні онъ не смѣлъ бы вскакъ безъ революціи, вѣшавшейся въ это дѣло: законъ д'Оврѣ былъ разграбленъ; его владѣльцы сваслѣсь бѣгствою, и бѣдная Луиза, оставленная всѣми, была еще славкомъ-счастлива, вышедши замужъ за честнаго лѣсничаго. Ревностный республиканецъ, дѣятельный чиновникъ, образцовый мужъ, Христіанъ наслаждается революціи дѣлами; въ увеличенію счастья, жена его беременна, и уже рѣшено, что наследникъ или наследница Христіана будутъ называться Фруитидоромъ или Фруитидориной. Но всѣмъ нельзя же быть на землѣ счастливыми, и живое доказательство этому — бѣдный Леонаръ, портной, пріятель лѣсничаго и его вѣчный гость. Онъ ревнуетъ — и не безъ причины; жена его встаетъ съ постели ночью наждый разъ, когда увидитъ, что онъ заснулъ, и потомъ черезъ часъ возвращается на-ципочкахъ на прежнее мѣсто. Леонаръ могъ бы подсмотреть сѣмъ за женою, но онъ совѣстителъ и совѣтуется съ Христіаномъ. Тотъ знаетъ одно средство — зарядить ружье, убить похитителя вашей чести и вотомъ нати солдатомъ умреть за отечество. Но кто же послѣдуетъ за отцомъ совѣту? Не Леонаръ ли? нѣтъ! къ нему возвратилась радость, онъ узналъ, что жена его луна-тивка. За то на Христіана приходится бѣда: въ его домъ вошелъ эмигрантъ, орестократъ... Дверь спальни открывается, является мужчина; это — Рожеръ Дюшанъ, вѣрней секретарь гг. д'Оврѣ; онъ высканиваетъ въ окно; въ него летятъ двѣ пули; Луиза падаетъ въ обморокъ, а Христіанъ падетъ подъ прусскія пули. Проходятъ 20 лѣтъ; мы въ 1815 году. Слышите ли вы крики и проклятія? Это толпа южныхъ роялистовъ, которые бросаются на наполеонскаго героя. Преслѣдуемый находятъ убійщю въ сосѣднемъ домѣ; этотъ солдатъ — Христіанъ, въ этомъ домѣ живетъ г. Рожеръ Дюшанъ; жена его — Луиза, и ихъ дѣтя — дочь Христіана. Но въ двадцать лѣтъ, Христіанъ напѣвлялся до того, что его нельзя

узнать. Нашедъ жену и дочь, Христіанъ хочетъ ѡбжать, но онъ гость и честный гость въ домѣ. Рожеръ Дюшанъ обязанъ ему живанію... Храброму сержанту когда-то поручено было разстрѣлять одного Вандейца, и онъ свасъ его. Вандеецъ — Рожеръ Дюшанъ. И притомъ же, Женни, дочь Луизы, такъ хороша; она говоритъ ѡбъ отцѣ съ такимъ почтеніемъ, что Христіанъ ослабѣваетъ въ своей рѣшимости. Женни открылась ему, что любить одного молодого человѣка, сына наполеоновскаго полковника, и что Рожеръ противится ихъ союзу по своимъ политическимъ убѣжденіямъ. Христіанъ не можетъ отереть себя, потому что это значило бы привести всѣхъ въ отчаяніе, ибо жена его, считая его убитымъ въ сраженіи подъ Эйлау, вышла замужъ за другаго. Съ другой стороны, онъ хочетъ устроить счастье своей дочери. Онъ наставляетъ Рожеру о бракѣ Женни съ сыномъ полковника, говоря, что онъ знаетъ Христіана, и что тотъ, умирая, поручилъ ему заботиться о своей дочери. Наконецъ, истина открывается; Луиза только назвалась г-жею Дюшанъ, а не выходила за него замужъ, и окончаніе угадать нетрудно.

44) LES DEUX PIERROTS (Два Пьерро), *водевилъ въ одномъ дѣйствіи, соч. Балра.*

Дѣйствіе въ Валансьенѣ и въ кавалерійскихъ казармахъ. Майоръ Ламбертъ, человѣкъ, преданный душевно дисциплинѣ и нравственности, читаетъ лекцію поручику Пешинне; и такъ, какъ дѣйствіе происходитъ наканунѣ вторника масляницы, то, по приказанію майора, всѣ заперты. Но каждый думаетъ только о томъ, какъ бы вырваться. На улицѣ слышенъ шумъ. Пешинне слѣдуетъ и тотчасъ приноситъ на рукахъ умирающую въ обморокъ женщину, въ костюмѣ пьерро, вѣроятно, прекрасную, когда она сниметъ маску. Но прекрасная маска, пришедъ въ себя, опорожняетъ бутылки и ѣсть пирожки такъ исправно, что приводитъ

поручика въ изумленіе. Мало этого: его гоняють Богъ-знаетъ куда, посылають на конецъ города, и только послѣ этого дають ему поцаловать руку. Маска падаетъ—и, вмѣсто женщины, является Фредерикъ, племянникъ майора, молодой повѣса, который захотѣлъ посмѣяться надъ своимъ начальникомъ. Водениль, какъ вы видите, не слишкомъ-богатъ остроумскъ.

45) LE VIEUX ET LA VIEILLE (СТАРИКЪ И СТАРУХА), *водениль съ однимъ дѣйствіемъ, соч. Дюшательера.*

Эженъ, живописецъ, влюбленъ въ дѣвицу Елену—и долженъ на ней жениться; медовый мѣсяцъ протекаетъ въ одной компъенской гостиницѣ: послѣ него, любовь остается, но комедія совершенно-пустъ. Хозяинъ притупляетъ съ требованіями. Эженъ явился къ дяdlъ своему, Брильяру, старому капитану императорской гвардіи, прося у него помощи, но дяdlъ не отвѣчаетъ, и Эженъ, доведенный до крайности, изобрѣтаетъ особенное средство. Онъ одѣвается въ костюмъ стараго гвардейца, является въ гостиницу и выдаетъ себя за дяdlъ, когда является самъ Брильяръ, который изъ стараго солдата сдѣлался честнымъ промышленникомъ.

✱

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ДВИЖЕНІЕ МОЗГА.— Еще въ прошедшемъ столѣтіи Шликвингъ замѣтилъ, что при выдыханіи, совершающемся въ груди, мозгъ поднимается, а при вдыханіи опускается. Опыты Ламюра, Флурана и многихъ другихъ подтвердили это.

На счетъ такихъ движеній мозга, разные физиологи думаютъ различно; однако, вообще мнѣнія всѣхъ ихъ

только двоякаго рода: одни физиологи признаываютъ подниманіе и опусканіе мозга дѣйствію артерій, другіе перемѣнному приливу и отливу веновой крови къ мозгу. Богъ-знаетъ, чье изъ этихъ мнѣній справедливѣе! А намъ кажется, что при внимательномъ наблюденіи надъ обнаженнымъ мозгомъ живаго крѣпнаго не трудно убѣдиться, что мозгъ не то, чтобы поднимался и опускался, но что самая масса мозга попеременно то сжимается, то раздувается, чему весьма способствуютъ устройство мозгового состава. Движеніе мозга, относительно ко времени, дѣйствительно соотвѣтствуетъ движенію груди; только прямой зависимости отъ дыханія оно не имѣетъ.

Разсматривая мозгъ анатомически, мы замѣчаемъ, что онъ одаренъ шарообразною фигурою, и что вся поверхность его устроена изъ множества округловыпуклыхъ, мягкихъ и упругихъ, другъ подле друга лежащихъ мозговыхъ долинковъ; вся масса мозга состоитъ изъ мягкихъ и упругихъ волоконъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, на основаніи мозга, изъ тонкихъ совершенно-прозрачныхъ мозговыхъ трубочекъ (Эренберга); внутри мозга находятся полости, или такъ-называемыя желудочки; вообще, волокна мозгового состава преимущественно идутъ или отъ периферіи мозга къ центру его, или же направлены отъ желудочковъ въ средину мозговыхъ долей; сверхъ-того, отъ периферіи идутъ къ мозговую массу красныя волокна, которыя суть тончайшіе кровеносные сосуды, а въ желудочкахъ находятся хоровидныя сосудистыя сплетенія, состоящія преимущественно изъ венъ, укрѣпленныхъ на отросткахъ мягкой оболочки мозга. Кстати можно замѣтить, что большая часть венъ служитъ для всасыванія чего-нибудь, а не для отдѣленія.

Кровь, притекающая въ артеріяхъ въ наружный или сѣрый мозговой составъ, отлагаетъ изъ себя въ этомъ составѣ жидкіе, сѣровато-бѣлые элементы, и течетъ въ артеріальныя волокна

Благо мозгового состава, которому оставляет питательныя вещества; в потоке всасывается вены. Элементы, отлагаются изъ крови въ сѣрый мозговой составъ, увеличиваютъ объемъ округловыпуклыхъ извинокъ, отъ-чего каждый холмикъ начинаетъ давить бока другихъ сесѣдныхъ холмиковъ, а отъ этого давленіе дѣлается общимъ вокругъ мозга, такъ-что всею массою наружнаго мозгового состава продавливается внутренній, бѣлый мозговой составъ, который, имѣя полость, подается въ средину, и такимъ образомъ мозгъ сжимается. Во время этого давленія, тѣ жидкіе элементы, что въ сѣромъ мозговомъ составѣ, подвигаются въ массу блага мозга, а изъ блага мозга выступаетъ въ желудки паръ, нагоняетъ и растягиваетъ ихъ, въ-слѣдствіе чего мозгъ и раздувается. Внутренніе всасывающіе сосуды сѣраго мозгового состава уносятъ только остатки элементовъ, отлагающихся изъ артеріальной крови... Что въ мозговыхъ желудочкахъ есть паръ, это уже давно-доказанная истина. Паръ, поступившій въ мозговые желудочки, поглощается хоронидными сосудистыми сплетеніями, и относится на поверхность мозга въ мягкую оболочку, а чрезъ это желудочки опустѣваютъ и тѣмъ способствуютъ новому сжатію мозга, и въ-слѣдъ за сжатіемъ снова поступаетъ въ желудочки паръ и раздуваетъ мозгъ.

Весь этотъ процессъ, то-есть, сжатіе и расширеніе мозга, совершается очень-скоро, именно, въ-продолженіи четырехъ пульсовъ или одного дыханія (вдыханія и выдыханія).

С. Солощенко.

ЯДЫ, ЯЗВЫ, ЗАРАЗЫ. *Исследованія Либиха.*—Отъ ядовъ, дѣйствія которыхъ мы рассмотрѣли въ прошедшемъ нѣсѣдѣ, перейдемъ къ язвамъ и заразамъ.

Язвы, образующіяся въ известныхъ болѣзняхъ, каковы, на-примѣръ: оспа,

чума, венерія, дѣйствуютъ совершенно-подобно гнѣющимъ органическимъ веществамъ, подобно испорченнымъ вуртембергскимъ холбасамъ. Изъ человѣка болѣзнь, зараженномъ этими недугами, элементы крови образуютъ новые особенныя продукты, которые, прійдя въ соприкосновеніе съ кровью здороваго человѣка, производятъ въ ней наміненія, разложенія совершенно-аналогическія. Болѣзнь сообщена, и зачатокъ ея воспринимается снова въ организмѣ здорового.

Язва на кровь дѣйствуетъ, слѣдственно, совершенно такъ же, какъ дрожжи на сахаристую жидкость, содержащую въ себѣ клейковину.

Въ сухомъ воздухѣ, вдали отъ сырости, язва долгое время можетъ сохраняться безъ всякаго наміненія; но въ сырыхъ мѣстахъ она утрачиваетъ свою дѣятельность. Въ первомъ случаѣ соединены условія, вриостанавливающія на время разложеніе язвы, не уничтожая его совершенно; въ послѣднемъ же случаѣ сосредоточены обстоятельства, закончивающія и разложеніе.

Теплота и алкоголь нейтрализуютъ дѣятельность язвы; совершенно огничаютъ у ней заразительное свойство кислоты, ртутныя соли, хлоръ, іодъ, бромъ, начала ароматическія, и именно эмфиреуматическія летучія масла, сало, козе; вещества эти или соединяются съ язвою, или разлагаютъ ее.

Замѣйте, всѣ поименованныя противодѣятели безъ исключенія останавливаютъ и броженіе и гниеніе.

До-сихъ-поръ еще химики и физиологи не могли отдѣлить отъ оспенной чумной язвы особеннаго начала, именно дѣйствующаго заразительно; и вообще предполагаютъ, что заразительныя ея дѣйствія зависятъ отъ неизвестной силы, существованіе которой открывается нашими чувствамъ только въ однихъ явленіяхъ. Чтобъ объяснить эту способность язвы переходить отъ одного организма въ другому, физиологи надѣлись ее особенною жизнію, подобною жизни зачатка въ сѣмени, то-есть способностью развиваться самопроизволь-

но при благоприятныхъ обстоятельствахъ, воспроизводиться и размножаться. Конечно, это очень-вѣрное, точное представление, которое совершенно объясняетъ загадочное дѣйствіе явы; оно можетъ быть также приложено и къ закваскѣ, и къ животнымъ, и къ растительнымъ превращающимся веществамъ, и къ гнилому дереву, которое мало-по-малу постепенно приведетъ въ то же состояніе и свѣжее дерево.

Но прибавимъ, что это объясненіе фізіологовъ все-таки не болѣе, какъ одно представленіе, одинъ безтѣлесный образъ.

Что такое жизнь?—*способность одного тѣла производить въ другомъ извѣстныя измѣненія, въ-слѣдствіе которыхъ оно воспроизводится со всеми своими свойствами.* По-этому, всѣ явленія, всѣ извѣстныя органико-химическія, о которыхъ мы говоримъ, — результаты жизни; мы не можемъ, мы не должны идею жизни ограничивать въ слишкомъ-тѣсныхъ предѣлахъ: необходимо распространить ее на всѣ явленія химіи органической. Да, жизнь вездѣ, гдѣ только дѣйствуютъ силы химическія.

Возьмемъ для примѣра какое-нибудь тѣло, хоть оксамидъ; онъ едва растворимъ въ водѣ и совершенно-безвкусенъ; смѣшаемъ его съ другимъ веществомъ, которое должно снова воспроизвести себя съ растворомъ, на-примѣръ щавелевой кислоты.

Вотъ что здѣсь произойдетъ: при обстоятельствахъ благоприятныхъ, щавелевая кислота разложитъ оксамидъ; къ его элементамъ присоединяются элементы воды и образуются аммоніакъ и щавелевая кислота, и эти вещества именно отдѣляются въ такой пропорціи, сколько нужно, чтобы составить среднюю соль.

Мы здѣсь привели въ соприкосновеніе оксамидъ и щавелевую кислоту; въ-слѣдствіе химическаго превращенія, оксамидъ разложился, образовался щавелево-кислый аммоніакъ средній, и щавелевой кислоты осталось еще въ растворѣ столько же, сколько употребили мы первоначально. Какое намъ дѣ-

ло, откуда взялась она, — старая ли это кислота, первоначально употребленная, или образовалась она изъ оксамиды: довольно того, что мы положительно открыли ее въ растворѣ въ той же оцѣткѣ пропорціи и со всеми ее свойствами.

Эту смѣсь средняго щавелево-кислаго аммоніака и щавелевой кислоты приведемъ въ соприкосновеніе съ новымъ количествомъ оксамиды: увидимъ, что опять повторится предыдущій процессъ; получатся тѣ же самые продукты, и такимъ образомъ однимъ граномъ щавелевой кислоты можно разложить сотни фунтовъ оксамиды и составить неопредѣленное количество щавелево-кислаго аммоніака.

Отъ соприкосновенія съ оспенной явою, кровь мѣняется, и ее элементы воспроизводятъ новую яву. Превращеніе это останавливается, когда разложатся совершенно всѣ разлагаемые кровяные шарикъ. Оксамидъ въ соприкосновеніи съ щавелевою кислоту разлагается; получается опять та же кислота, которая совершенно-подобно дѣйствуетъ опять на новое количество оксамиды, и только, когда этого вещества уже болѣе не будетъ, оканчивается превращеніе. Судя по извѣстнымъ признакамъ, оба эти химическіе процесса совершенно-однородны. Но трудно допустить существованіе жизненнаго начала въ явленіяхъ послѣдняго рода, хотя къ намъ также совершенно можно приложить наше опредѣленіе жизни. Нѣтъ, явленія эти результаты обыкновенныхъ химическихъ силъ!

Жизнь, кромѣ идеи воспроизведенія предполагаетъ еще дѣятельность силы, которая проявляется въ опредѣленной формѣ. Посредствомъ химическихъ агентовъ, мы можемъ создать элементы мускульной фибры, кожи, волосъ; но изъ нихъ никогда не составимъ ни волоса, ни фибры, ни ячейки. Существенный характеръ жизни органической, отличающій ее отъ силъ химическихъ, составляетъ именно способность изъ элементовъ создавать органъ съ его наружною формою и внутрен-

нимъ сложениѣмъ, химическимъ составомъ и всѣми его свойствами.

Химическія силы, напротивъ, подчинены самой причинѣ, которая опредѣляетъ воспроизведеніе органовъ въ ихъ цѣлости. Существованіе этой причины отырываютъ намъ явленія, производимыя ею: мы по нимъ изслѣдуемъ законы ея дѣйствія:

Эта причина, эта сила измѣняетъ дѣйствія силъ химическихъ точно такъ же, какъ электричество, теплота, механическое движеніе, ударъ, треніе. Отъ вліянія этихъ агентовъ можетъ измѣниться направленіе ихъ, увеличиться или уменьшиться напряженіе; они даже могутъ совершенно уничтожиться.

Вотъ какое вліяніе оказываетъ сила жизненная на силы химическія! Такииъ-образомъ, гдѣ совершается химическій процессъ соединенія или разложенія, тамъ дѣйствуетъ непрежбѣнно химическое средство и сдѣленіе. Мы убѣждаемся въ существованіи жизненнаго начала именно чрезъ его проявленіе въ органахъ. Но какого бы рода дѣятельность ни была въ веществѣ, если она не отырывается ни въ какой видимой формѣ, если мы не замѣчаемъ органа, гдѣ начинается движеніе или превращеніе, силъ мы можемъ заключить, что это вещество не одарено жизнью, что дѣятельность его чисто-химическая, измѣняемая болѣе или менѣе теплотою, свѣтомъ, электричествомъ.

Пища, вещества органическія, образующіяся изъ этой пищи—соединенія химическія; жизненная сила, чтобы создать изъ пищи элементы органовъ, должна бороться съ силами химическими, связывающими ее. Еслибъ пища одарена была жизнью, для жизненной силы было бы въ ней новое, другое препятствіе, и силы химическія также увеличили бы сопротивленіе: по-этому всѣ вещества, питательныя, —тѣла самыя многосложныя, которыя не оказываютъ совершенно химическаго дѣйствія или оказываютъ только очень-слабое.

Но съ многосложностью увеличивается также въ этихъ веществахъ способность превращаться подъ вліяніемъ постороннихъ причинъ; каждая сила, во многихъ случаяхъ даже ударъ, треніе нарушаетъ равновѣсіе между ихъ элементами, которые группируются по новому направленію и образуютъ новыя соединенія простѣйшія, но болѣе-постоянныя.

Существенный характеръ питательнаго вещества, слѣдственно слабое химическое дѣйствіе, то-есть, многосложный составъ и способность превращаться.

Жизненная сила нарушаетъ равновѣсіе въ немъ, какъ многіе другіе агенты. Но группировка элементовъ его новую форму предполагаетъ уже новаго дѣятеля, отличнаго отъ этихъ многихъ другихъ.

Всѣ тѣла сложныя, простаго только состава стремятся образовать болѣе-сложныя соединенія. Сравнимъ, на-примѣръ, кислоту щавелевую самую простѣйшую органическую и стеариновую: это одна изъ самыхъ многосложныхъ; мы найдемъ, что первая имѣетъ гораздо-большее стремленіе соединиться съ другими тѣлами.

По-этому-то, тѣла простѣйшія возбуждаютъ превращенія, гдѣ только они не встрѣчаютъ сопротивленія.

Если мы въ желудокъ или въ другой органъ введемъ тѣло простаго состава, которое стремится, слѣдственно образовать новыя соединенія, ясно, что оно будетъ дѣйствовать химически на всѣ вещества, съ которыми прійдетъ только въ соприкосновеніе; оно соединится съ нимъ или разложитъ ихъ.

Жизненная сила в химическое дѣйствіе, такииъ-образомъ, въ этомъ случаѣ будутъ взаимно противоборствовать. Пересилить жизненная сила—тѣло простое переварится, какъ всякая пища; если же она измѣнится, тѣло простое будетъ дѣйствовать гигиенически, лекарственно, — и ядовито, если химизмъ совершенно потушить жизненную силу.

Всѣ вещества питають, если жизненная сила можетъ разрушить ихъ, и если она не дѣйствуетъ химически на отправляющій органъ.

Другія вещества измѣняютъ направленіе и напряженіе жизненной силы и, слѣдственно, отправленіе самыхъ органовъ. Они возмущаютъ организмъ или однимъ своимъ присутствіемъ, или разлагаясь сами. Это *лекарства*.

Третьи тѣла называются *адами*; они имѣютъ способность соединяться съ органами или съ ихъ составными частями, и способность эта сильнѣе сопротивленія, которое представляетъ жизненная сила. Понятно, впрочемъ, что химическое дѣйствіе зависитъ совершенно отъ массы и состоянія тѣла.

Съ увеличеніемъ массы, которое всегда соразмѣрно увеличенію сродства, лекарство превращается въ ядъ, и наоборотъ: ядъ можетъ дѣйствовать какъ лекарство, если давать его въ малыхъ приемахъ.

Пища также можетъ причинить болѣзнь, то-есть, обратиться въ ядъ, когда она въ значительномъ количествѣ дѣйствуетъ химически, или когда однимъ своимъ присутствіемъ замедляетъ, останавливаетъ движеніе органовъ.

Тѣло дѣйствуетъ ядовито, когда всѣ части органическія, съ которыми происходитъ оно въ соприкосновеніе, образуютъ съ нимъ соединеніе химическое; если оно производить только частныя измѣненія, оно имѣетъ, какъ мы сказали, силу лекарственную. Между всѣми частями, составляющими массу органовъ, кровь оказываетъ слабѣйшее сопротивленіе внѣшнимъ влияніямъ. Тѣло это не есть законченный органъ: это органъ постоянно образующійся и образующій, это производитель и видитель всѣхъ другихъ органовъ.

Силы химическая и жизненная въ крови находятся въ совершенномъ равновѣсіи, и малѣйшее возмущеніе, слѣдствіе какого-нибудь слабого дѣятеля, измѣняетъ ея элементы. Кровь, отдѣляясь отъ организма, превращается тотчасъ; также точно, прихо-

дя въ соприкосновеніе съ какинъ-нибудь органомъ, она уступаетъ его притяженію, и разрушается естественная связь между ея частицами. Всѣ самыя слабыя химическія дѣятели измѣняютъ кровь; отъ мнѣтутаго соприкосновенія съ воздухомъ, и то черезъ ячейки и перепонки, она принимаетъ другую цвѣтъ и составъ. И эта перемѣна не останавливается, — цвѣтъ, она распространяется отъ одного шарика къ другому. Первоначальное равновѣсіе между силами жизненной и химической возмущается. Перевѣсъ всегда бываетъ на сторонѣ силы химической, и результатъ этого борева силъ—бесчисленныя измѣненія въ свойствахъ и въ состояніи соединеній, которыя образуютъ элементы крови.

Всѣ явленія противорѣчатъ живенности язва. Измѣненія, правда, возбуждаемыя ими въ организмѣ, похожи нѣсколько на нѣкоторые процессы экономіи животной, но они зависятъ часто отъ дѣйствія химическаго. Ядовитые дѣятели, проявляющіеся въ болѣзненномъ организмѣ, одни утрачиваютъ, другіе сохраняютъ свою зловредность. Слѣдующее обстоятельство — доказательство самое убѣдительное ихъ химическаго дѣйствія: дѣятели перваго рода, а именно, воспалительная, селезеночная язва, язва оспенная имѣютъ составъ средній или щелочной; вторыя же кислога свойства, какъ колбасный ядъ. Въ первомъ случаѣ, свободная кислота, находящаяся всегда въ желудкѣ, нейтрализуетъ химическое дѣйствіе щелочи, а во второмъ еще усиливаетъ дѣйствіе кислога яда.

Микроскопическія наблюденія надъ гнилымъ гноемъ и оспою показывають, что въ нихъ существуютъ шарики, подобныя кровянымъ. Открытіемъ этимъ, по-видимому, подтвердилось общее вѣрованіе, что зараза есть слѣдствіе болѣзненнаго состоянія органовъ, и шарики гнилые считались живыми зародышами болѣзни.

Подобная теорія ниже всякой критики. Развѣ тѣ же самыя ученые, которые объяснили явленія, основываясь

на формѣ вещества, не принимали дрожжи за существа олушевленные? они утверждали, что дрожжи растенія — животныя, что они питаются сахаромъ и въ видѣ испареній отдѣляютъ алкоголь и углекислоту? Удивительно, право, какъ это въ процессахъ разложенія, въ гниеніи, броженіи изъ веществъ органическихъ, изъ частей органовъ, зарождаются существа съ кристаллическимъ строеніемъ, съ геометрическою формою! Мы знаемъ, напротивъ, что организмъ, прежде, чѣмъ разрѣшится на соединенія неорганическія, перейдетъ еще черезъ рядъ превращеній и постепенно утратитъ свои формы. Простымъ глазомъ можно и не примѣтить измѣненій, происходящихъ въ крови, когда она разлагается; и если мы въ жидкой и заразительной явѣ находимъ кровавые шарики, это только доказываетъ, что они не приняли участія въ процессѣ разложенія.

Изъ костей можно извлечь всю фосфорно-кислую известь, такъ-что онѣ сдѣлаются прозрачны, гибки, какъ кожа; потомъ посредствомъ соженія мы можемъ уничтожить въ костяхъ все животное вещество, оставить одну фосфорно-кислую известь, не измѣнивъ нисколько ихъ формы. Такимъ же образомъ и въ крови разложеніе можетъ простирается на извѣстные элементы, разрушать, уничтожать ихъ; другіе же элементы сохраняютъ свою первоначальную форму.

Есть заразы, которые сообщаются черезъ воздухъ; по-этому, надобно предположить жизнь въ газѣ, въ воздухообразномъ тѣлѣ.

Неоспоримо, заразы суть слѣдствія особенной причины, которая подчинена извѣстнымъ химическимъ силамъ, и не зависитъ совершенно отъ жизненной силы. Причина эта вездѣ проливается, гдѣ нѣтъ только сопротивленія.

Болезнь сообщена, и начинается рядъ превращеній, которыя возбуждаютъ заразу. Разберемъ ихъ теперь нѣсколько-подробнѣе.

На этотъ конецъ, рассмотримъ измѣненія, происходящія въ тѣлѣ не слишкомъ-многосложномъ, на-примѣръ, въ сахарѣ.

Дрожжи, кровь испорченная, разлагаютъ сахаръ на алкоголь и углекислоту. Сычужокъ разлагающійся, отъ котораго свертывается молоко, иначе группируетъ частицы сахара; сахаръ превращается весь въ молочную кислоту.

Тотъ же самый сахаръ въ растворѣ, какъ онъ находится въ луковомъ или свекловичномъ соку, если привести его въ броженіе, при возвышенной только температурѣ даетъ молочную кислоту, маннитъ и гумми.

Итакъ, сообразно съ процессомъ разложенія тѣла, возбуждающаго превращенія въ сахаръ, и элементы сахара группируются въ различныя формы и даютъ продукты различныя. Непосредственное соприкосновеніе съ веществомъ разлагающимся измѣняетъ форму и составъ сахарныхъ элементовъ. Отнимите это вещество—разложеніе остановится.

Такимъ-образомъ, когда превращеніе вещества возбуждающаго закончится, если даже еще останутся элементы сахара нетронутые, они уже болѣе не разлагаются.

Ни въ одномъ примѣрѣ изъ приведенныхъ нами сейчасъ, тѣло возбуждающее не воспроизводится, потому-что элементы сахара не соединяютъ въ себѣ для того необходимыхъ условій.

Подобно дрожжамъ, испорченная говядина измѣняетъ сахаръ и не воспроизводится; миазмы и другія заразительныя начала зарождаютъ болѣзни и сообщаютъ свое разложеніе извѣстнымъ органамъ; но сами не воссоздаются. Въ этомъ случаѣ, болѣзнь не заразительна.

Если привести въ соприкосновеніе дрожжи съ пивнымъ солодомъ, который содержитъ въ себѣ сахаръ и клейковину, отъ разложенія сахара измѣнится форма и составъ клейковины; она отдѣлится въ видѣ дрожжей и при-

обращаетъ способность разлагать новое количество пивнаго солода.

Воспроизведеніе возбуждающаго тѣла зависитъ здѣсь: 1) отъ присутствія тѣхъ самыхъ веществъ, изъ которыхъ оно первоначально образовалось, и 2) отъ присутствія другаго вещества, способнаго разлагаться въ сопряженіи съ возбуждающимъ тѣломъ.

Приложимъ теперь эти заключенія къ воспроизведенію заразы. Положительно вѣрно, что всѣ заразительныя вещества зарождаются первоначально въ крови; слѣдственно, кровь здороваго человѣка содержитъ въ себѣ начало разложенія, изъ котораго происходитъ тѣло возбуждающее. Потому, когда зло передано, надобно предположить, что въ крови находится еще другое начало, способное разлагаться. Въ слѣдствіе этого втораго превращенія, можетъ уже воспроизводиться первоначальное возбуждающее тѣло.

Способность заразиться предполагать, такимъ - образомъ, присутствіе известнаго количества втораго начала, способнаго разлагаться въ крови здороваго человѣка. Чѣмъ болѣе этого начала, тѣмъ сильнѣе въ субъектѣ расположеніе къ заразы, тѣмъ сильнѣе и самая болѣзнь.

Если ввести въ кровь здороваго человѣка, но расположеннаго къ заразы, почти-незамѣтное количество возбуждающаго вещества, оно возсоздается, какъ дрожжи въ пивномъ солодѣ; къ однимъ составнымъ частямъ кровяной жидкости перейдетъ его собственное превращеніе, а изъ другихъ частей образуется тѣло, подобное возбуждѣлю, и количество его, слѣдственно, постоянно будетъ возрастать, если только оно превращается медленнѣе крови.

Если при броженіи пивнаго солода, дрожжи воспроизводимыя превращаются такъ же быстро, какъ и частички сахара, оба вещества уничтожаются въ одно время, когда закончится броженіе. Но дрожжи для своего разложенія требуютъ гораздо-болѣе времени, и когда сахаръ весь уничтожится, дрожжей остается гораздо-

большее количество, чѣмъ было ихъ при началѣ, и они сохраняютъ свою дѣятельность и постоянно превращаются.

Такимъ-точно образомъ разложеніе переходитъ отъ одной кровяной частички къ другой, третьей и ко всему организму; потому оно сообщается здоровой кровяной частичкѣ втораго, третьяго организма, и т. д., и во всѣхъ зарождаеть развитіе одной и той же болѣзни.

Развитіе и дѣйствіе заразы есть, слѣдственно, процессъ чисто-химическій, который совершается въ живомъ организмѣ, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ вещества, всѣ составныя части органовъ, гдѣ только не побѣждаетъ его сила жизненная. Итакъ, этотъ процессъ или распространяется на всѣ части тѣла, или только ограничивается известными органами. Однимъ словомъ, болѣзнь поражаетъ или одинъ какой-нибудь органъ, или всѣ, смотря по сопротивленію жизненной силы.

Въ чисто-химическомъ значеніи, воспроизведеніе заразы предполагать, какъ мы уже сказали, одно вещество, которое разлагается совершенно само-по-себѣ, и другое, которое разлагается подъ его вліяніемъ. Оно-то и есть зараза возрожденная. Въ началѣ, это была составная часть крови, вещество же первое, можетъ-быть, элементъ и случайный и необходимый для жизни. Если оба эти элемента, и кровь и возбуждѣтель, нужны непремѣнно для продолженія жизненныхъ отправленій существенныхъ органовъ, смерть—вѣрный результатъ этого химическаго процесса. Если же, напротивъ, разложеніе крови не останавливаетъ этихъ отправленій, они по-прежнему совершаются, хотя не нормальнымъ образомъ, и больной выздоравливаетъ. Въ этомъ случаѣ еще, продукты превращенія крови также потребляетъ организмъ.

Оспа прививная разлагаетъ известный какой-нибудь элементъ крови; другіе остаются непричастны. Здѣсь уже нѣтъ никакого сомнѣнія, если мы

силъ припоминитъ только, какъ дѣйствуютъ дрожжи.

Дрожжи образуются изъ клейковины, какъ оснѣ прививная и основная масса зарождаются въ крови.

Дрожжи и основная масса возбуждаютъ превращенія многосложныя въ растительномъ сохѣ и въ крови. Оба эти вещества содержатъ въ себѣ элементы возбуждителей и воспроизводятъ ихъ со всѣми ихъ свойствами. Дрожжи дѣйствуютъ на сахаръ, разлагаютъ его; клейковина въ этомъ процессѣ не принимаетъ участія; но, подъ влияніемъ воздуха, она измѣняетъ свою наружную форму и составъ и образуетъ новое количество дрожжей со всѣми ихъ свойствами. Совершенно также дѣйствуетъ прививная оснѣ: она разлагаетъ одну часть крови и возрождается изъ другихъ ея элементовъ въ первобытной наружной формѣ и съ тѣми же свойствами.

Прививаніе осны, нѣтъ сомнѣнія, уничтожаетъ восприимчивость въ самой болѣзни, потому что здѣсь расположеніе, возбужденное искусственно, вытѣсняетъ вещество, отъ котораго эта восприимчивость зависитъ. Иногда это вещество у того же самаго лица можетъ снова возродиться; въ такомъ случаѣ, второе и третье оснопрививаніе его удаляютъ.

Въ легкихъ всего скорѣе распространяются дѣйствія химическія, и легочныя болѣзни самыя обыкновенныя и самыя опасныя.

Можно допустить, что въ крови силы химическая и жизненная взаимно уравновѣшиваютъ другъ друга; но въ легкихъ, гдѣ кровь и воздухъ въ непосредственномъ соприкосновеніи, сила химическая перевѣшиваетъ до нѣкоторой степени, потому что самый органъ не страдаетъ нисколько отъ ея вліянія, же противится превращенію венной крови.

Біенія сердца такъ быстры, воздухъ и венаая кровь, можно сказать, соприкасаются моментально, и кровь артеріальная, результатъ этого соприкосновенія, удаляется въ самую минуту об-

разованія. Эта быстрота, слѣдственно, защищаетъ ее совершенно отъ дальнѣйшаго измѣненія. Малѣйшее разстройство въ отравленіяхъ сердца, каждое вѣйшее химическое вліаніе, самое слабое, измѣняетъ процессъ дыхательный. Твердыя вещества, частицы неорганическія, животныя, растительныя, мучная порошока, на-примѣръ, дѣйствуютъ на кровь, какъ на всякую кристаллизующуюся насыщенную жидкость, т. е. отдѣляютъ изъ нея твердыя вещества и останавливаютъ вліаніе на нихъ воздуха.

Газообразныя вещества, разлагающіяся или вообще дѣйствующія химически, каковы: сѣрнисто-водородная кислота, угольная, и проч., въ легкихъ встрѣчаютъ сопротивленіе гораздо меньшее, нежели въ прочихъ органахъ. Медленное горѣніе, которое постоянно совершается въ легкихъ, усиливаютъ всѣ вещества разлагающіяся, аммоніакъ и щелочи; останавливаютъ его, напротивъ, вещества летучія, эмфиреуматическія, эфирныя масла, кислоты. Кислота сѣрнисто-водородная мгновенно разлагаетъ кровь, а сѣристая соединяется съ элементомъ, составляющимъ перепонки и ичейки. Если вещество, разлагающееея своимъ прикосновеніемъ, дастъ процессу дыхательному другой оборотъ, или свое состояніе передастъ всей массѣ крови, то непременно воспослѣдуетъ болѣзнь.

Вещество это называется заразою, когда оно само есть произведеніе болѣзни, и миазомъ, если оно продуктъ броженія и гніенія какого-нибудь животнаго вещества, и дѣйствуетъ, какъ химическій дѣятель, производя соединенія или разложенія.

Газообразныя заразы суть миазмы, которые зарождаются въ крови одного живаго организма и воспроизводятся въ крови другаго; но собственно такъ называемыя миазмы причиняютъ болѣзнь безъ своего возрожденія.

Всѣ наблюденія надъ газообразными заразами свидѣтельствуютъ, что это тѣла разлагающіяся. Воздухъ, отягченный заразами, отлагаетъ снаружи на

сосуды, наполненные льдомъ, особую воду, которая содержитъ ихъ въ растворѣ. Каждую минуту испаряется эта вода, или, вѣрнѣе, зараза, растворенная въ ней.

Всѣ газы, отдѣляющіеся изъ гниющихъ животныхъ и растительныхъ веществъ, равно-какъ и продукты болѣзненнаго состоянія, имѣютъ вообще отвратительный запахъ, который всегда обозначаетъ присутствіе тѣла разлагающагося, подверженнаго дѣйствію химическому. Запахъ этотъ есть реакція обонятельныхъ нервовъ, сопротивленіе силы жизненной дѣйствію химическому.

Большая часть металловъ, исключая только такъ-называемыхъ драгоценныхъ, при треніи издаютъ особый запахъ. Мышьякъ, фосфоръ, мускусъ, масла льняное, лимонное, терпентинное, мятное, и проч., пахнутъ только во время разложенія, т. е. когда они окисляются при обыкновенной температурѣ.

То же самое представляютъ всѣ газообразныя заразы: обыкновенно ихъ сопровождаетъ аммоньякъ, который во многихъ случаяхъ придаетъ имъ летучую форму и запахъ; сами же по-себѣ онъ и не летучи, и не имѣютъ запаха.

Аммоньякъ вы встрѣтите въ большой части болѣзненныхъ разстройствъ; болѣви же, при которыхъ развиваются заразы, онъ всегда сопровождаетъ. Это постоянный продуктъ всѣхъ разлагающихся животныхъ веществъ; присутствіе его можно открыть даже въ комнатахъ, гдѣ лежатъ больные заразительными болѣзнями.

Если сгустить, превратить въ жидкое состояніе съ помощью льда водяные пары, находящіяся въ воздухѣ и которые содержатъ въ себѣ летучее начало заразы,—полученная жидкость дастъ бѣлый осадокъ съ растворомъ сулемы; то же самое явленіе производитъ и аммоньякъ.

Соли аммоньяка въ соприсоединеніи съ известью, отдѣляютъ трупный или назловый запахъ. Здѣсь причина этого

запаха есть освобожденіемъ аммоньяка.

Зараженный воздухъ совѣзуютъ медлин окуривать кислотами, потому-что они насыщаютъ аммоньякъ, останавливаютъ разложеніе и совершенно уничтожаютъ вредное вліяніе этого химическаго процесса. Кислоты водо-растворная, уксусная и во многихъ случаяхъ азотная, употребляются для куренія предпочтительно предъ прочими.

Хлоръ, который уничтожаетъ такъ легко аммоньякъ и вещества органическія, на легкія оказываетъ разрушительное вліяніе, такъ-что его ставятъ въ число самыхъ ядовитыхъ веществъ.

Кислоты угольная и сѣрнито-водородная, отдѣляющіяся въ большой количествѣ изъ отхожихъ мѣсть и помойныхъ ямъ, также относятся къ самымъ опаснымъ миазмамъ. Щелочи уничтожаютъ дѣйствіе первой кислоты, а противъ второй можно употребить куренія кислотами азотной или сѣрнстой.

РАВДАЧА ПРЕМІЙ ВЪ ПАРИЖСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ — 10-го марта 1845 года, происходило въ Парижской Академіи Наукъ публичное засѣданіе. Арагъ, секретаря, объявилъ преміи, назначенныя Академіею. Флуранъ прочелъ похвальное слово ботанику Оберу Дюшгн-Туара.

Переданъ здѣсь читателямъ свѣдѣнія объ открытіяхъ и сочиненіяхъ, удостоенныхъ наградами. Разумѣется, мы остановились преимущественно на самыхъ интересныхъ, а о спеціальнахъ упомянемъ только вскользь.

Премія астрономическая, основанная Лаландомъ. Двѣ медали назначены Монве и Фэ за кометы, открытыя ими въ 1843 году.

Премія механическая, основанная Мелтиономъ. 1076 франковъ назначены г. Жерару, за новый изобрѣтенный имъ шпиль.

Почетнаго упоминовенія удостоены гг. Казѣ, Мейеръ, Шарбоше и Легостю: первые за улучшеніе въ наро-

зависит мышечная, послѣдніе за упрощеніе насосовъ для выкачиванія и поджатія воды.

Премія статистическая, основанная такъже Монтеоломъ. Первая назначена г. Деню, за сочиненіе «*Monographie des Services Publics*» (Монографія Общественныхъ Всемоществованій); двѣ вторымъ преміи опредѣлены Леруа, автору «*La France Statistique*» (Статистическое Обзоріе Франціи) и Ривуару, за «*Statistique du Departement du Gard*» (Статистика Гардскаго-Департамента).

Премія опытной физиологіи.—изъ восьми конкурентовъ назначена одному Пушю, профессору зоологіи въ Руанѣ, за печатное сочиненіе «*Théorie Positive de la Fécondation*» (Положительная Теорія Оплодотворенія) и за рукопись, гдѣ подробно изложены наблюденія и опыты, на которыхъ почтенный авторъ основалъ свою теорію.

Пушю выводитъ слѣдующія общія заключенія въ своемъ сочиненіи:

1) Яички отдѣляются у млекопитающихъ изъ яичника самопроизвольно въ опредѣленные періоды.

2) Оплодотвореніе же происходитъ въ то время, когда яичко перейдетъ въ матку, гдѣ встрѣчаетъ его уже оплодотворяющая жидкость, которая

3) никогда не проходитъ въ яичникъ, а останавливается при входѣ въ fallopiевы трубы.

Ученая коммиссія, наряженная нарочно Академіею для разбора сочиненія Пушю, не принимаетъ всѣхъ его заключеній и именно она отвергаетъ два послѣдніа которымъ въ-самомъ-дѣлѣ противорѣчатъ многія наблюденія, на-примѣръ, яичниковая или внѣматочная беременность.

Первое же заключеніе—произвольное отдѣленіе яичекъ, подготовленное, правда, изслѣдованіями прежнихъ медиковъ-физиологовъ, составляетъ теперь положительное, неотъемлемое достоинство опытной физиологіи.

Въ-самомъ-дѣлѣ, между обыкновенными рыбами самка мечетъ яйца, икру, безъ содѣйствія самца. Яйцунки-самцы

оплодотворяютъ яйца, когда они отделились уже къ-наружи. Птицы безъ исключенія несутъ яйца. Всѣ давныя уже заставляютъ подозревать что свободное, произвольное отдѣленіе яичекъ должно существовать и въ млекопитающихъ. Но этотъ взглядъ, подсказанный аналогіею, былъ прямо доказанъ точными фактами.

Въ 1842 году, Пушю издалъ съ орію оплодотворенія и, на основаніи точныхъ фактовъ, отдѣленіе яичекъ призналъ закономъ общимъ, совершенно подтвердилъ послѣду на наблюденія Рациборскаго, Биперію, Жандрена и Дювернуа.

Премія ремеселъ нездоровыхъ. Многими конкурентами ни одинъ не выполнилъ всѣхъ условій программы только удостоены денежнаго ошренія.

Коммиссія назначила 1,500 франковъ г. Сирю за порошокъ, уничтожающій зловоніе въ твердыхъ и жидкихъ испражненіяхъ.

Бутивьи получилъ 1,000 франковъ за изслѣдованіе причинъ взрыва паровыхъ котловъ; Мельсенъ—700 франковъ за употребленіе іодистаго потасіа, какъ противоядіа отъ хроническихъ отравленій ртутью и свинцомъ.

Премія медицинская и хирургическая, на которую представилось слѣшкомъ сорокъ конкурентовъ. Коммиссія ни одного изъ нихъ не признала достойнымъ, но многіе получили награды въ видѣ поощренія. Не будемъ останавливаться на перечисленіи однихъ названій десятка диссертаций, а поскорѣе перейдемъ къ самой интересной —

Оспенной преміи. Еще въ 1841 году Академія предложила 10,000 франковъ за удовлетворительное рѣшеніе слѣдующихъ вопросовъ:

1) Дѣйствительна ли предохранительная сила прививной оспы, или она только оказываетъ временное вліяніе? Въ послѣднемъ случаѣ, опредѣлить точными опытами время, въ-продолженіе котораго прививная оспа предохраняетъ отъ натуральной.

2) Корова въриѣ ли предохраняетъ человѣчьей?

3) Необходимо ли возобновлять оспопрививаніе, какимъ образомъ и по воле шестивн сколько ихъ лѣтъ?

На вопросы эти, очень-интересные само-себѣ, въ наше время приобрѣли особенную важность. Оспа, которая вѣроятно уже слишкомъ двадцать-пять болѣе исчезла изъ Европы, снова побѣдѣла, хотя не съ прежнею силою, но рѣшительно смертельною, какъ бывало открытія оспопрививанія; зарадѣлся множество лицъ, которые вы-естьали эту операцію, такъ-что естественнo возникло сомнѣніе насчетъ стѣйствительности этого важнаго предохранительнаго медицинскаго средства.

Оспа прививная не есть лекарство противъ болѣзни уже развившейся, какъ ртутные препараты, вапримѣръ, яа венеріи, или для перемежающихся вхородакъ препараты хинные. Оспа стѣй лекарство предохранительное, фиологическое, а не терапевтическое. Исколькo словъ достаточно для доказательства этого положенія.

Организмъ человѣческій заключаетъ въ себѣ воспримчивость къ оспенной язвѣ. Рано или поздно, чаще же всего въ эпоху юности, воспримчивость эта производитъ свое дѣйствіе, и болѣзнь развивается въ организмѣ. Прежде открытія оспопрививанія, оспа всегда обнаруживалась въ видѣ эпидеміи и тогда уничтожала цѣлыя народонаселенія.

Новая медицина нашла средство противъ этого ужаснаго бича. Она предупреждаетъ развитіе его оспопрививаніемъ. Это важное открытіе, которыми сѣбѣ могутъ гордиться новые вѣка передъ классическою древностью, было дѣло Дженнера.

Коровницы, которые доили коровъ, зараженныхъ оспою, постоянно избѣгали заразы. Явленіе это, можетъ-быть, часто обращало вниманіе наблюдателей; но никто не замѣчалъ, какіе заключались въ немъ важные результаты для человѣчества. Только ге-

ній имѣетъ способность осподомострѣннѣ факты, которые открываетъ простое наблюденіе, объяснять ихъ настоящее значеніе и выводить практически-полезныя заключенія. Дженнеръ былъ этотъ гений; въ коровьей оспѣ онъ видѣлъ предохранительное средство, антитодъ противъ оспы натуральной; досеніе коровы подсказало ему ея оспопрививаніе.

Корова оспа представляетъ важный фактъ сравнительной фиологіи и медицины. Болѣзнь адѣе переносится отъ животнаго организма одного рода къ другому, и у человѣка, къ которому привила ея, она сохраняла свою первоначальную безвредность и уничтожаетъ въ немъ воспримчивость къ оспѣ натуральной.

Тридцать-пять конкурентовъ иностранцевъ явились для консканія предложенной награды.

Не будемъ подробно разбирать всѣ тридцать-пять диссертацій и покажемъ одни результаты соединенныхъ ввслѣдованій.

1) Большую часть лицъ оспа прививная предохраняетъ совершенно на всю жизнь отъ заразы; на гораздо-меньшее число дѣйствуетъ она только временно.

2) Натуральная оспа заражаетъ рѣдко тѣхъ, кому была привита коровья прежде десяти и двѣнадцати лѣтъ; преимущественно подверженъ ей организмъ, начиная съ этого возраста и до тридцати и тридцати-пяти лѣтъ.

3) Прививная оспа если не совершенно предохраняетъ отъ натуральной, то, по-крайней-мѣрѣ, облегчаетъ ея дѣйствія, сокращаетъ болѣзнь и вообще уменьшаетъ опасность.

4) Чтoбъ прививная оспа сохраняла всѣ свои свойства, необходимо вторичное прививаніе.

5) Въ обыкновенное время повторять эту операцію приличнѣе на четырнадцатомъ году; но въ случаѣ эпидеміи благоразумнѣе упредить этотъ возрастъ.

Заключенія, выведены' изъ пяти диссертацій, но ни одна изъ нихъ не

разрѣшила всѣхъ требованій Академіи, и комиссія раздѣлила премию между тремя претендентами.

Буке получилъ 5,000 франковъ; Штейнбреннеръ получилъ 2,500 фр.; Фіардъ также 2,500 франковъ.

ОСТАТКИ ЖИЗНИ ОРГАНИЧЕСКОЙ ВЪ ВОЛКАНИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ.—Что такое минералъ? есть ли это созданіе живущее? есть ли кристаллизація въ-самомъ-дѣлѣ организація, или только механическое сдѣяніе атомическихъ частицъ въ опредѣленную форму. Вотъ вопросы, издавна уже интересующіе ученыхъ, и которые до-сихъ-поръ еще не имѣютъ точнаго, положительнаго рѣшенія.

Естественныя силы непрѣменно стремятся подвести все подъ одну норму, подъ одну параллель; стремленіе это очень-часто бываетъ причиною стоянія на одной точкѣ, даже отступленія науки. Животныя, растенія живутъ: какъ же уничтожить эту способность, это свойство въ тѣлахъ третьяго разряда, составляющихъ нашу планету? И одни натуралисты допускаютъ въ минералахъ какую-то живичность, не видя совершенно ея проявленія; другіе же, и такихъ ученыхъ большая часть, напротивъ, совершенно оставляютъ фیزیологію и анатомію минераловъ, не идя въ излишнія гипотезы и ограничиваются только составленіемъ чуть-чуть не алфавитныхъ списковъ, которые величаютъ громкимъ названіемъ науки—минералогіи. Да, въ такомъ видѣ, въ такомъ состояніи находится минералогія; но погодите: уже готовится ея превращеніе или, точнѣе, уничтоженіе.

Въ прошедшемъ вѣкѣ, который, зажиткомъ, большой охотникъ былъ сочинять науки, получила начало свое палеонтологія, ученіе объ исчезнувшихъ, первобытныхъ или, какъ тогда называли, допотопныхъ органическихъ созданіяхъ. Наука эта постепенно богатѣла новыми фактами, на перекоръ остроумнымъ выходкамъ Вольтера, и нако-

пецъ создавалась окончательно, приобрѣла самостоятельность подъ руками геніальнаго Кювьѣ.

Новый животный міръ открылся тогда удивленнымъ ученымъ, и великая фраза Линнея: *natura non facit saltum* (природа не дѣлаетъ скачка) нашла новое подтвержденіе; Кювьѣ пополнилъ всѣ промежутки, всѣ скачки, существовавшіе въ системѣ животныхъ.

Не менѣе-важное вліяніе палеонтологія имѣла и на минералогію. Открытія Кювьѣ простираются собственно на первые четыре класса царства животнаго: млекопитающихъ, птицъ, амфибій и рыбъ. Послѣдующіе натуралисты искали въ ископаемомъ состояніи промежутки въ другихъ, низшихъ отдѣлахъ. Эта новая, нетронутая еще область естествознанія открыла наблюдателямъ множество новыхъ, поразительныхъ фактовъ. Эренбергъ нашелъ посредствомъ микроскопа, что многіе минералы представляютъ соединенія твердыхъ скорлупокъ исчезнувшихъ животныхъ низшихъ отдѣловъ, наковы: слизи, инфузорій и проч. Не ведуть ли эти начала, положимъ, къ многостороннему, плодovitому результату, что царство минеральное есть могола всего органическаго? что станетъ тогда съ минералогіею, когда подтвердится этотъ результатъ? Она сольется съ палеонтологіею и войдетъ такимъ-образомъ въ область органологіи, а практическая ея часть сдѣлается достояніемъ горнаго дѣла.

Пересмотримъ здѣсь вкратцѣ открытія Эренберга въ царствѣ минеральномъ, о которыхъ мы уже не разъ говорили въ этомъ отдѣленіи, и перейдемъ потомъ къ послѣднимъ наблюденіямъ его, представленнымъ Берлинской Академіи Наукъ. Эти наблюденія явно свидѣтельствуютъ, что существа органическаго принимали участіе въ образованіи волканическихъ произведеній, на которыхъ основывались противники Эренберга.

Давно уже Эренбергъ доказалъ, что ископаемая мука, торфъ, морскіе и прѣ-

споводные глины, жидкие ильмиты, морской и болотистый несокъ произошли от соединенія мелких, микроскопических организмов. Подобное явленіе открылъ онъ въ трещлѣхъ, въ полировальномъ сланцѣ, мергелѣ, опалѣ, фарфоровой глинѣ, двудолѣхъ, ископаемыхъ третичной формациі. Верхніе ярусы формациі вторичной — непосредственно твореніе тѣхъ же организмовъ, какъ свидѣтельствуяютъ наблюденія Эренберга надъ ильмомъ, известняками, изъ которыхъ построены египетскіе катакомбы, известняками нушмулитывыми, ильмовыми кремнями, ильмовыми мергелями. Даже древнѣйшіе ярусы формациі вторичной и верхніе слои первозданные представляютъ слѣды подобнаго же строенія въ роговицѣхъ, въ солтановыхъ породахъ, въ горномъ известнякѣ, въ известнякахъ каменвоугольныхъ.

Остается теперь, для полноты, эту прерывную нить продолжить на нижніе первозданные ярусы, а именно породы переходныя и плутоическія. Различныя трудности, непреодолимыя до сихъ поръ, останавливали всякаго наблюдателя, и жизнь органическая не докавана еще для этой древнѣйшей эпохи переворотовъ нашей планеты.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, Эренбергъ доказалъ также, что вулканическія пещель, каолинъ составлены изъ микроскопическихъ организмовъ; онъ старался распространить эти вслѣдствія на другія вулканическія произведенія; теперь нашелъ онъ, что пемза обыкновенная, пемза немельченая, туфъ, конгломераты вулканическіе, траасы, перферы вывѣтрившіеся, каолинъ, маркантилы, остеклованныя, вулканическія массы, всѣ лавы и изверженія вулканическія, сѣринотая глина (Maуа) — произведеніе вулкана Квнто, произведенія органическаго.

Пропустимъ подробное описаніе самыхъ наблюденій, иъсторожденія и наружной формы веществъ наблюдаемыхъ и прямо перейдемъ къ заключеніямъ, до которыхъ дошелъ Эренбергъ.

1) Микроскопическія наблюденія показываютъ, что существуютъ вулканическія массы инфузорій, которыя образовались отъ дѣйствія огня.

2) Въ иъсторожденіяхъ остеклованныхъ инфузорій не находятъ никогда слѣдовъ цвѣтени (плодотворной пыли), хвойныхъ растений и другихъ, обугливающихся веществъ.

3) Минеральныя же вещества, извергаемыя изъ глубины вулкановъ, какъ наприм., сѣринотая тина Квнто заключаетъ въ себѣ остатки растеній обуглившіеся.

4) Обширныя иъсторожденія инфузорій, каковы фарфоровая глина, вулканическія пещель, полированный сланецъ, вывѣтрившіеся порфиръ, которыя находятся по сосѣдству съ вулканами дѣйствующими, какъ прежде полагали, и совершенно несправедливо, — непосредственныя произведенія вулкановъ. Эренбергъ утверждаетъ, что означенныя минеральныя массы къ нимъ не имѣютъ никакого отношенія, но суть также органическія минерализованныя вещества, которыя въ-самомъ-дѣлѣ происходятъ отъ дѣйствія вулкановъ и извергаются изъ глубины ихъ.

5) Породы фоолитовыя также видимо образовались изъ кремнеземистыхъ скорлупокъ микроскопическихъ животныхъ.

6) Замѣчательно, что микроскопическіе организмы, которые принимали участіе въ дѣйствіи вулкановъ въ Европѣ, Азій, Америкѣ и Африкѣ, всѣ населяли первоначально и теперь населяютъ прѣсныя воды.

7) Всѣ массы туфа, пемзы, трааса, сѣринотой глины и проч., совершенно подобныя нашему туфу, болотной глинѣ, такимъ-образомъ, первоначально поглотили пронасти вулканическія, остекловались здѣсь и въ этомъ видѣ извергнуты къ-наружѣ.

МАШИНА, ДѢЙСТВУЮЩАЯ СЪ ПИЩЕННЫМИ ГАЗАМИ. — Когда Пилоръ обратилъ углекислоту въ жидкое

состояніи механизмъ открылась новая двигающая сила, которую думали они замѣнить паръ. Много дѣлано было попытокъ устроить машину, которая бы дѣйствовала этою новою силою; но всѣ эти попытки были рѣшительно неудачны и ограничились только одними моделями.

Такъ машина Брюнеля, напримѣръ, гдѣ употреблена была углекислота, обращенная въ жидкость при обыкновенной температурѣ, дѣйствовала только при давленіи шестидесяти атмосферъ. Вотъ уже одно неудобство, по которому она совершенно-справедливо была оставлена. Кромѣ того, газъ въ ней попеременно нагревался и охлаждался въ тѣхъ же цилиндрахъ. Это попеременное дѣйствіе тепла и холода портило цилиндры и потому вредило правильному движенію поршня. Машина Брюнеля не сберегала даже топлива; чтобъ нагревать охлажденные цилиндры, необходимо было очень-большое количество горячей воды.

Въ февралѣ, г. Агнѣ представилъ Парижской Академіи Наукъ проектъ и модель новой машины, которая приводится въ движеніе сгущенными газами, и въ которой по-видимому, устранены всѣ вышеприведенныя неудобства.

Агнѣ, точно такъ же, какъ и Брюнелъ, переищивая температуру, дѣйствуя то холодомъ, то тепломъ, сгущаетъ и улетучиваетъ газы, съ тою только разницею, что въ машинѣ его нагреваются и охлаждаются различные части, а не одиѣ и тѣ же, какъ мы видѣли это сейчасъ въ приборѣ Брюнеля.

Топлива Агнѣ сберегаетъ значительное количество; слѣдовательно, въ этомъ отношеніи приборъ его соответствуетъ всѣмъ требованіямъ техники.

Въ-самомъ-дѣлѣ, газы даютъ пропорціонально градусамъ холода, при которыхъ обращаются они въ жидкое состояніе; по-этому, главное, пишетъ Агнѣ, въ своей машинѣ—не возвышать значительно температуру, а произвести холодъ, чтобъ сгустить газы безъ

содѣйствія сильнаго давленія; этого очень-легко достигнуть посредствомъ тѣхъ же самыхъ сгущенныхъ газовъ.

Мы не станемъ описывать устройство машины г. Агнѣ, потому-что его рѣшительно нѣтъ возможности понять безъ хорошаго рисунка. Перейдемъ скорѣе къ веществамъ, которыя хочеть изобрѣтатель употребить, какъ двигающія силы.

Де-сихъ-норъ, въ машинахъ этого рода употребляли преимущественно угольную кислоту, потому-что это единственный сгущенный газъ, который не портитъ желѣза. Агнѣ для не столь-сильныхъ машинъ, гдѣ давленіе нужно быть-слабое, предлагаетъ замѣнить угольную кислоту сѣрвистою кислотою и аммоньякомъ. Аммоньякъ обращается въ жидкое состояніе при семи съ половиною атмосферахъ и при десяти градусахъ тепла. На желѣзо онъ дѣйствуетъ при очень-высокой температурѣ; онъ очень-летучъ: это важное неудобство, которое, впрочемъ, представляетъ почти въ одинаковой степени и кислота угольная, и которое, впрочемъ, можно устранить, и вотъ какии образомъ. Поршень, двигающійся въ цилиндрѣ въ машинѣ Агнѣ, состоитъ изъ тонкой палки, нѣвющей по концамъ шляпки толщиной въ діаметръ цилиндра; если наполнить въ немъ пустоту, кругомъ срединной части поршня, масломъ, оно внутри расположится отъ движенія поршня толстымъ слоемъ, который остановитъ улетающій газъ, уменьшитъ дѣйствіе тревія и сохранитъ желѣзо отъ вреднаго вліянія аммоньяка. Мало-по-малу часть этого газа растворится въ маслѣ и образуетъ съ нимъ мыло, которое будетъ имѣть всѣ свойства жирныхъ тѣлъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

НОВЫЯ ОТКРЫТІЯ И ИЗОБРѢТЕНІЯ.

Одинъ Англичанинъ сдѣлалъ весьма-важное открытіе по части гравированія эстамповъ. Онъ умѣетъ съ каждой гравюры, ни мало не портя ея, переводить рисунокъ на стальную доску, съ которой уже можно печатать сколько-угодно оттисковъ. Этотъ новый способъ перевода гравюръ на металлическія доски очень-похожъ на анастатическую печатную машину, которая нынѣ употребляется въ Лондонѣ для оттиска съ писаныхъ бумагъ по нѣсколькимъ экземпляровъ въ самое короткое время. Такія машины находятся во многихъ купеческихъ конторахъ Лондона для печатанія циркуляровъ, товарныхъ листовъ, прейс-курантовъ и пр. Въ Лондонѣ также изобрѣтены недавно особаго рода литографія, въ которыхъ печатаются рисунки посредствомъ паровой машины. Отпечатанные такимъ образомъ экземпляры гораздо-лучше тѣхъ, которые выходятъ изъ-подъ обыкновеннаго ручнаго прессы.

— Неаполитанскій врачъ Сильвестри открылъ новое средство превращать умершихъ людей въ крѣпкую массу, подобную камню, что уже до него прежде изобрѣтено было Итальянцемъ Сегати; но Сегати никому не открылъ своей тайны, и съ нею умеръ; Сильвестри пріѣхалъ недавно въ Парижъ и привезъ съ собою цѣлый кабинетъ окаменѣлыхъ тѣлъ, какъ-то: рыбъ, звѣрей, птицъ, разныхъ насекомыхъ. У него также находятся три человѣчскія головы, превращенныя въ камень, и между ими голова прекрасной женщины съ блондурыми волосами и голубыми глазами. Лицо этой красавицы ни мало не измѣнилось, имѣетъ свой естественный цвѣтъ, глаза, какъ у живой, совершенно-свѣтлые, но неподдѣланные изъ

стекла. Кожа лица такъ прѣзла, какъ бронза, и издастъ отъ себя металлическій звукъ, когда ударить по ней молоткомъ. Какимъ образомъ Сильвестри превращаетъ трупы въ камень — это остается его тайною; но онъ говоритъ, что жидкость, которую онъ употребляетъ для окрѣпленія своихъ препаратовъ, составляется изъ самыхъ дешевыхъ снадобій. Нужнымъ считается замѣтить, что все это не пущь, не журнальная утка, но сущая правда, которая теперь занимается умы всѣхъ парижскихъ натуралистовъ.

— Въ Англіи сдѣлано недавно весьма-опасное изобрѣтеніе, которое можетъ разорить въ-конецъ всѣхъ гравировъ и продавцовъ дорогихъ эстамповъ. Съ какою угодно эстампа или гравюры можно теперь отпечатать до 20,000 оттисковъ, не имѣя нужды въ стальной доскѣ, съ которой печатался оригинальный эстампъ. Англійскій журналъ «Art Union» объявляетъ въ своихъ листахъ сообщить публикѣ копію съ самаго дорогаго эстампа, котораго экземпляръ продается по двѣ гинеи во всѣхъ лондонскихъ картинныхъ магазинахъ. Тогда публика можетъ сама видѣть, что печатка ли въ чемъ не уступаетъ дорогому эстампу. На гравированіе стальной доской обыкновенно употребляется отъ 4 мѣсяцевъ до цѣлаго года и болѣе; но по новой методѣ можно сдѣлать копію съ любой гравюры въ двѣ недѣли и даже въ 7 дней. Этотъ способъ доставитъ большую пользу и въ тѣхъ случаяхъ, когда оригинальныя доски дорогихъ эстамповъ потеряны. Въ Лондонѣ этимъ изобрѣтеніемъ занимается только одинъ граверъ, который это важное искусство держитъ въ глубокой тайнѣ, и не хочетъ брать привилегію, боясь, что у него украдутъ секретъ.

— Въ журналѣ «Polytechnic Review» описаны изобрѣтенныя г. Бреномъ электрическія часы, которыя ходятъ посредствомъ электрическаго тока, проведеннаго сквозь землю. Изобрѣтатель поставилъ маленькіе часы въ одной комнатѣ, а маятникъ ихъ въ

другой, но оба эти инструмента соединилъ посредствомъ вольтова столба слѣдующимъ образомъ: на сѣверо-восточной сторонѣ дома онъ положилъ въ яму двѣ свинцовыя доски, ширюю въ квадратный футъ, отъ которыхъ провелъ проволоку къ маятнику и потомъ къ часамъ. На юго-восточной же сторонѣ дома, на разстояніи 40 ярдовъ, выкопалъ яму въ четыре фута глубиною и зарылъ въ нее два мѣшка съ каненымъ углемъ. Изъ этой ямы онъ провелъ также проволоку въ домъ и соединилъ ее съ первою у часовъ. Маятникъ, вѣсомъ въ 9 фунтовъ, приведенъ былъ этими проволоками въ движеніе, и съ того времени ни на секунду не останавливался. Электрическіе часы устроены весьма-просто и состоятъ только изъ трехъ малыхъ колесъ безъ гири и пружинъ, никогда не заводятся, но показываютъ время вѣрнѣе всѣхъ хронометровъ. Тотъ же механикъ въ другомъ домѣ оставилъ трое часовъ, которые приводятся въ движеніе также электрическимъ токомъ, дѣйствующимъ на одинъ большой маятникъ. Изобрѣтатель завелъ уже въ Единбургѣ фабрику электрическихъ часовъ, которые, какъ по дешевизнѣ, такъ и по вѣрности, конечно, превзойдутъ всѣ прочіе роды обыкновенныхъ часовъ.

— Турецкое правительство учредило въ Константинополѣ первый народный банкъ, изъ котораго выдаются въ долгъ деньги поселанамъ для поддержанія хлѣбнншества и сельскаго хозяйства. Банкъ выпустилъ уже въ народъ нѣсколько милліоновъ ассигнацій, напечатанныхъ посѣпшнымъ механическимъ прессомъ. При этой машинѣ находится особый паровой сварякъ, въ которомъ могутъ запечатываться отъ употребленія ассигнацій, слова ихъ перепечатываютъ и опять выпускаютъ въ публичку.

— Кто любитъ пить кофе, и нѣтъ виѣстѣ съ тѣмъ дешовое газъ освѣщеніе, тому советуемъ воспользоваться слѣдующимъ изобрѣтеніемъ г. Рейндорфа. Надобно сперва гущу или осадокъ, оставшійся отъ кофе, высушить

на солнцѣ или на теплой печи и потомъ, положивъ гущу въ чугунную реторту, раскалить ее на огнѣ, на обыкновенномъ таганѣ. Образовавшійся въ ретортѣ газъ должно провести черезъ жестаную трубку въ бочонкъ съ водою, гдѣ разведено небольшое количество сѣрниокислаго олова. Этотъ послѣдній матеріалъ можно получать на ситцевыхъ фабрикахъ и у красильщиковъ сафьяна. Изъ бочонка газъ проводится далѣе, также сквозь трубку, въ сосудъ, наполненный известковою водою, а оттуда въ газометръ, потомъ въ трубки, для освѣщенія комнатъ. Изъ одного фунта кофейной гущи можно добыть 3,240 кубическихъ футовъ газа; кромѣ того, изъ той же гущи, можно еще воспользоваться десятью лотами кофейнаго угля, масла и нашатыря. Если всѣ эти матеріалы продать, то газъ обойдется даромъ.

— Нѣкто Драйтонъ, въ Англіи, дѣлаетъ зеркала безъ ртутной амальгамы, и наводку подъ зеркальнымъ стекломъ составляетъ изъ серебра. Сперва, стекло, предназначенное для зеркала, оклеивается на драгій оконною замазкою, потомъ смѣсь, составленная изъ окиси селитроокислаго серебра (адскій камень), распущеннаго въ чистой водѣ съ примѣсью нашатырнаго спирта, виннаго спирта и коричневаго масла, выливается на стекло. Въ нѣсколько минутъ, такое стекло покрывается серебрянымъ тонкимъ слоемъ амальгамы, и зеркало готово. Американскій консулъ, г. Маркъ, въ Бамбергѣ, взялъ привилегію у баварскаго правительства на такое посеребреніе зеркальныхъ стеколъ.

— Въ Вѣнѣ, директоръ казенной литографіи г. Раухъ, занимаясь тушовкою на литографическихъ камняхъ по новозобрѣтенному способу Француза Лемерсье, нашелъ средство рисовать красками на камнѣ цвѣтными мѣста, травить минеральною кислотою, и послѣ уже печатать съ камня готовые иллюминированные рисунки. Этотъ новый способъ печатанія крашеныхъ рисунковъ дѣлаетъ гораздо-болѣе вреда

восредоточивать живонискамъ, чѣмъ адблалъ имъ дагерротипъ.

— Венгерецъ, кавалеръ Венецкій, жившій долгое время за границею, изобрѣлъ тамъ новый музыкальный инструментъ, который привезъ въ удивленіе Италію, Францію и Германію. Это чудо музыки называется *colipoli-osa*; играютъ на немъ смычкомъ по шести струнамъ. Это новый родъ гитары, соединенной съ виолончелью. Гамма его простирается отъ *e* до *c*. Всѣ газеты съ восхищеніемъ описываютъ какъ превосходную игру Венецкаго, такъ и его пріятный мелодическій инструментъ.

— Въ Англіи, какой-то механикъ изобрѣлъ новую двигательную машину, и взялъ уже на нее привилегію отъ правительства. Если эта машина окажется на практикѣ удовлетворительною, она уничтожитъ со-временемъ всевозможныя паровыя машины. Нѣсколько столѣтій до нашего времени, вода употреблялась какъ самая мощная сила и двигатель; слѣдовательно, имѣла большое превосходство надъ силою паровъ. Только въ послѣднее пятидесятилѣтіе паръ одержалъ верхъ надъ водою, но это будетъ не надолго: вода опять возьметъ свое дѣло въ области механики, и, конечно, уничтожитъ паръ. Машина означеннаго механика очень проста, немногосложна; составъ ея легко пойметъ даже ребенокъ. Она основана на гидравлическомъ прессѣ; но, до сего времени, прессъ, какъ движущая сила, мало употреблялась, потому-что сила его увеличивается въ той же степени, въ какой уменьшается скорость движенія, и наоборотъ. Но въ новой машинѣ, сила увеличивается безъ уменьшенія скорости движимаго предмета, то-есть, сила и скорость въ ней дѣйствуютъ за-одно.

— Нѣкто Краффъ-Левецъ очень усовершенствовалъ гитару, придѣлавъ къ ней особый механизмъ съ педалями, которыми должно дѣйствовать ногами. Звукъ такой гитары съ педалью очень похожъ на звукъ арфы, и это улучшеніе не только упростило игру на гита-

рѣ, довольно-трудную по бѣдности ея аккордовъ и по трудности игры на аппикатурѣ, но и возведло ее на степень первыхъ струнныхъ инструментовъ. Улучшеніе состоитъ въ томъ, что на грифѣ гитары накладывается роль подвижной гайки съ винтомъ, начиная отъ первой до пятой связки. Гайка находится къ соединенію съ педалью, что не только облегчаетъ аппикатурную игру гитары, но и придаетъ много мелодіи и пѣвучести этому инструменту.

— Очищенная морская вода, у которой, чрезъ посредство углекислаго газа, отнять дурной вкусъ, употребляется нынче съ большою пользою во Франціи для излеченія золотушныхъ болѣзней. Очищенную морскую воду можно пересылать по всему земному шару, чего нельзя дѣлать съ обыкновенными минеральными водами.

— Въ Германіи, отъ скотскаго падежа и заразы нашли очень-простое лекарство, которое можно также давать и здоровому скоту, какъ предохранительное средство. Надобно каждый день давать больнымъ и здоровымъ животнымъ порцію жаренаго овса. Рекомендуемъ всѣмъ сельскимъ хозяевамъ испытать это невинное лекарство надъ своими стадами.

— Въ Англіи уже нѣсколько лѣтъ дѣлаютъ желѣзныя мелкія вещи, напримѣръ, ключи, замки, ручки для дверей и даже ножи, ножницы и бритвы изъ чугуна, способнаго къ ковкѣ, какъ желѣзо. Такія вещи изъ чугуна весьма облегчаютъ работу слесарскую и кузнечную, и притомъ принимаютъ на себя отличную стальную полировку. Въ Парижѣ, вошли въ большую моду издѣлія изъ кованаго чугуна (*fonte malléable*), которыя обходятся гораздо-дешевле желѣзныхъ, хотя въ красотѣ и прочности имъ мало не уступаютъ желѣзные.

— Французскій инженеръ Курбессъ (*Courbesse*) нашелъ химическій составъ, который можетъ разрывать въ короткое время самыя огромныя камни и гранитныя скалы, что необходимо при проложеніи желѣзныхъ дорогъ въ

гарнитуры и статуи, где везути нужно будет подкидывать большое количество пороха для взрыва больших каменных масс.

— Китайцы очень хорошо умеют придавать бронзе разные цвета и блеск. Англичане, в Чжеусане, подарили у них это искусство и сообщили своим соотечественникам-бронзовщикам. Вещь, которую Китаец желает бронзировать, должно сперва хорошенько вычистить золою с уксу-сом и выставить на солнце для просушки. Потом составляется родъ тѣста, разведеннаго на водѣ изъ смеси 2 мацъ (мацъ — одна-десятая доля китайской унціи) иѣдной окиси, 2 мацъ янновари, 2 мацъ шашатыря, 2 мацъ толченыхъ утиныхъ носовъ и печенокъ, 5 мацъ толченыхъ красновъ. Обмазавъ вещь этицъ тѣстомъ, надобно поставить ее къ огню, потомъ дать остыть и тща-тельно вымыть водою. Такая бронзи-ровка вещей весьма-прочна и блестя-ща; но все описанное производство по-вторяется надъ каждою вещью до де-сяти разъ. Изъ одного храма въ Чжеу-санѣ было недавно доставлено въ Ан-глию нѣсколько такимъ-образомъ брон-зированныхъ металлическихъ идоловъ. Разноцвѣтность бронзы, и особенно ея поларовка доведены въ Китаѣ до со-вершенствова.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ НОВОСТИ.

Дѣло уже рѣшеное: Петербургъ въ будущемъ году, т. е. отъ октября до марта, будетъ имѣть итальянскую оперу: г-жа Виардо рѣшилась возвратиться къ намъ и уже подписала свой контрактъ. Какъ-скоро это сдѣлалось извѣстно публикѣ, подписка на объявленныи отъ театральной дирекціи абонементъ, говорятъ, чрезвычайно усилилась. Дѣйствительно, петербург-ская публика не можетъ себѣ вообра-зить итальянскую оперу безъ г-жи Ви-

ардо, — и ны совершенно согласны съ нею: это — лучшее украшеніе, лучшая поддержка нашей итальянской оперѣ. Рубини отказался отъ велиаго обяза-тельства пѣть въ будущемъ сезонѣ; но есть поводъ надѣяться, что онъ все-таки придетъ въ Петербургъ и будетъ жить здѣсь, какъ гость, какъ дилет-тантъ, и пѣть, когда ему вздумается, или когда будетъ чувствовать себя въ голодѣ. Нельзя не поздравить этой пред-осторожности и этого благодарнаго чувства за пріемъ, оказанныи ему пе-тербургскою публикою. Громадная сла-ва, приобретенная Рубини въ теченіе двадцати-пяти-лѣтняго поприща, такъ велика и драгоцѣнна, что ризковать ею не слѣдуетъ. И, однакъ, мы съѣдемъ надѣяться все еще не одинъ разъ услы-шать велиаго пѣвца. — Сверхъ-того, ан-гашированы г. Тамбурини, остающій-ся на все лѣто въ Петербургѣ, и г-жа Кастеллави, которая теперь уѣхала въ Лондонъ, гдѣ и пробудетъ до осени. О прочихъ артистахъ будущей нашей труппы еще ничего не извѣстно.

— Надѣясь мы слышали новое про-изведеніе графа В. А. Соллогуба — не-большую комедію, которая, вѣроятно, вскорѣ послѣ святой-недѣли, дана бу-детъ на театрѣ. Пьеска называется: *Букеты*. Содержаніе ея опирается на самой свѣжей и самой комической стра-сти нѣкоторой части нашей публики бросать на сцену букеты въ ужасаю-щемъ количествѣ, въ ужасающихъ раз-мѣрахъ и съ ужасающею неразборчи-востью. Завязка пьесы весьма-простая, характеры взяты прямо изъ дѣйстви-тельности и мастерски обрисованы; черты нравовъ нѣтко схвачены и из-образены рѣзкою кистью, и все это пересыщено блестящими островами самыхъ непринужденныхъ, невыскаанныхъ. Можно заранее предсказать значи-тельный успѣхъ этой пьескѣ, если она тщательно будетъ исполнена на сценѣ.

— Въ Лондонѣ, на Ковентгарден-скомъ-Театрѣ, давали недавно гречес-кій балетъ, въ которомъ ятылельтъ до-черей царя Данаа выходить замужъ за ятылельтъ сыновей царя египетскаго.

Дамы раздають дочерямъ своимъ иль-десять книжечекъ, чтобъ возводя оу-други умертвили, въ первую ночь, всѣхъ своихъ мужей. Во второмъ дѣйствіи, являются на сцену тѣмъ пятидесяти по-нейшихъ мужей и проегаютъ своихъ жекъ-преступницъ, которыя, между-тѣмъ, сошли уже съ ума, и пляшутъ на сценѣ въ самомъ отчаянномъ неглише, ища въ рукахъ огромные книж-ды. Нѣмецкій композиторъ Шиндль написалъ музыку къ этому чудовищно-му балету.

— Въ Парижѣ появился новый во-сточескій талантъ въ лицѣ Константина Гальби, подмастерья какого-то порт-наго. Онъ, говорятъ, написалъ уже нѣсколько весьма-удачныхъ стихотво-реній, которыя скоро появятся въ пе-чати. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, онъ сочинилъ комедію въ стихахъ, подъ названіемъ: *Urtis* (Медвѣдь). Молодой писатель тщетно старался вручить свою пьесу какому-нибудь директору театра. Наконецъ, онъ рѣшился на отчаянный подвигъ: завлакъ у своего хозяина перт-наго 200 франковъ и послалъ ихъ къ директору театра Одеону, съ тѣмъ, чтобъ тотъ поставилъ на сцену его «Медвѣдя». Директоръ принялъ «Мед-вѣдя», но не вывелъ его на сцену. По-этъ-подмастерье подалъ на директора въ судъ жалобу, но рѣшеніе суда еще неизвѣстно. Говорятъ, что театръ Одеонъ принялъ себя за правило не только не платить авторамъ за пьесы, но еще брать съ нихъ самихъ деньги. Богатый маркизъ Ларошеуко заплатаилъ за пред-ставленіе своей трагедіи «Агриппина» Одеону 3000 талеровъ, да сверхъ-того, на первый дебютъ этой пьесы купилъ всѣ мѣста въ театрѣ. Извѣстный мар-кизъ де-Кюстинъ также крѣпко при-плачиваетъ театру *Porte St.-Martin* за свою посредственную славу драматиче-скаго писателя.

— Въ Парижѣ пріѣхали недавно съ Антилскихъ-Острововъ двѣ черныя примадонны, которыхъ журналисты называютъ *mademoiselles Birgouth*, и, чтобъ заинтересовать публику, гово-рятъ, что черныя пѣвицы готовы по-

иѣраться въ пѣніи съ любую итальян-скую привалонною.

— Извѣстно, что съ нѣкотораго вре-мени въ Парижѣ находится дѣтскій ба-летъ подъ управленіемъ вѣской хоре-ографки г-жи Вейсъ. Этотъ *corps de ballet*, по настоянію австрійскаго по-сла при французскомъ дворѣ, теперь уничтоженъ, и г-жа Вейсъ, изъ сорока молоденькихъ танцорокъ, оставила при себѣ только восемь, съ которыми на-тѣрена ѣхать снѣрзъ въ Лондонъ, а по-томъ въ Америку. Прочія дѣти балет-ной труппы, по приказу австрійскаго правительства, возвратятся въ Вѣну къ своимъ родителямъ.

— Знаменитая нѣмецкая пѣвица Со-фія Лѣве снова вступитъ на сцену бер-линской оперы. Кто-то замѣтилъ ей о прежней ея соперницѣ, г-жѣ Фасс-манъ, которая своими голосомъ и кра-сотю ушла возстановитъ въ Берлинѣ цѣлую толпу дилеттантовъ противъ Лѣве. Последняя отвѣчала: «Ахъ, Бо-же мой! у меня уже прошла вражда къ этой женщинѣ съ-тѣхъ-поръ, какъ она постарѣла и ужасно подурнѣла.»

— Прусскій король приказалъ, въ-слѣдствіе предложенія знаменитаго Мейербера, давать на оперномъ бер-линскомъ театрѣ каждый годъ три новыя оперы живущихъ компози-торовъ. Начало будетъ сдѣлано съ опе-ры «Крестовосцы» сочиненія Шпора. Мейербера также приглашаютъ въ Сѣ-верную-Америку на большой музикальнѣй праждникъ, на которомъ, подъ его дирекцію, нѣсколько сотъ пѣвцовъ дадутъ лѣтомъ исполнискій вокальнѣй концертъ.

МЕЛОЧИ.

Презектъ Сенскаго - Департамента сдѣлалъ распоряженіе, чтобъ въ Парижѣ, при рѣчной полиціи на рѣкѣ Сена, находились всегда двѣнадцать большихъ ньюфундаидскихъ собакъ, ко-торыя будутъ употреблены для снѣ-

денія утопленниковъ, т. е. испрывать должность монастырскихъ собакъ на альпійской горѣ Сен-Бернардъ, спасающихъ заблудшихъ странниковъ изъ сибирныхъ лавинъ. Въ Парижѣ обучаютъ теперь такихъ собакъ, заставляя ихъ вытаскивать изъ рвы большихъ куколъ. Такія собаки будутъ жить въ особыхъ конурахъ на набережной Сены.

— Въ Лондонѣ составилось общество аристократовъ, которые, для вспоможенія бѣднымъ шведамъ, убивающимъ свое здоровье надъ трудномъ работомъ, устроили вѣсколько баловъ и концертовъ. Весь денежный сборъ отъ такихъ увеселеній будетъ рождать бѣднымъ труженицамъ.

— Въ берлинскомъ Обществѣ Любителей Науки, докторъ Жирардъ читалъ на дняхъ разсужденіе о землетрясеніяхъ и волканахъ, гдѣ онъ теоретически доказалъ, что сила огнедышащихъ водлазовъ основана единственно на силѣ пара. Постоянный притокъ морскихъ водъ во внутрь земли превращается обыкновенно въ паръ огнемъ, который вѣчно пылаетъ въ недрахъ нашей планеты. Эта огромная масса паровъ, ища себѣ выхода на поверхность земли, производитъ какъ землетрасенія, такъ и волканическія изверженія горъ. Итакъ, самая исполнская паровая машина находится внутри нашей земли; ея со-временемъ могутъ воспользоваться наши потомки, точно такъ же, какъ мы воспользовались тайными водоемами посредствомъ артезіанскихъ колодезъ. Извѣстные геологи давно уже проповѣдуютъ гипотезу, что внутренне ядро нашей планеты находится въ безпрестанномъ гореніи разныхъ воспламеняющихся массъ, что это одна огромная лабораторія, гдѣ плавятся различные металлы и прочія вещества, чему очевиднымъ доказательствомъ служатъ огнедышащія горы.

— Сэръ Робертъ Пилъ — страстный любитель живописи. Онъ имѣетъ первѣйшую (изъ частныхъ) картинную галерею въ Англіи, и намѣренъ нынѣ

че въ помѣсть свою Драйтонъ построить другую, во 100 футовъ длиною, единственно для портретовъ знаменитыхъ людей нашего времени. Вся галерея будетъ построена изъ рѣзанаго дубоваго дерева и мрамора. Известно, что отецъ сэръ Роберта Пила былъ простой бумагопрядильщикъ и оставилъ сыну своему богатое послѣ себя наследство.

— Сэръ Джемсъ Грэмъ (Graham), англійскій министръ внутреннихъ дѣлъ, представилъ въ парламентъ новый проектъ закона о нищенствѣ въ Англіи. Онъ сказалъ при этомъ случаѣ, что въ Англіи находится 1,500,000 нищихъ, которые живутъ на счетъ общественной благотворительности, что съ 1815 года Англичане внесли уже въ кассу бѣдныхъ болѣе 200,000,000 фунтовъ стерлинговъ или 5 миллиардовъ франковъ, т. е. сумму, равную четверти всего національнаго долга Великобританіи.

— Въ Римѣ, для наученія изящныхъ искусствъ, живутъ нынѣ 405 художниковъ разныхъ націй, а именно: 158 Германцевъ, 35 Англичанъ, 17 Русскихъ, 7 Поляковъ, 15 Шведовъ, 32 Датчанина, 19 Бельгійцевъ, 5 Голландцевъ, 11 Венгерцевъ, 16 Испанцевъ, 7 Португальцевъ и 14 Американцевъ. О Французахъ, не знаемъ почему, не упомянуто, хотя извѣстно, что въ Римѣ существуетъ особая академія живописи подъ управленіемъ директора изъ отличѣйшихъ французскихъ художниковъ. Число итальянскихъ художниковъ, пребывающихъ въ Римѣ, простирается до 542, между которыми 172 живописца, 130 ваятелей и архитекторовъ. Большая часть художниковъ (300 чел.) посвятила себя живописи, 58 скульптурѣ, 31 архитектурѣ, 7 гравѣрному искусству и рѣзбѣ драгоценныхъ камней.

— У генерала Розаса, президента Аргентинской-Республики, есть прелестная дочь, по имени Мануэлига, единственное существо въ свѣтѣ, которую вѣжо любить кровожадный отецъ. Милая дѣвушка раздѣляетъ труды Розаса по управленію республикою и ча-

оте сидеть за бунтарями по цѣлымъ ночамъ въ его кабинетѣ. Иной разъ она выпрашиваетъ у отца помилованіе или облегченіе наказанія политическимъ преступникамъ; но это ей рѣдко удается. Недавно, Мануалита выдумала весьма-замысловатое средство смягчать каменное сердце Розаса. У него на шалованѣ два шута, которые обязаны смѣшить и забавлять его. Одинъ изъ этихъ шутовъ, политическій заговорщикъ, былъ прежде приговоренъ къ казни Розасомъ, но помилованъ за то, что сдѣлался сумасшедшимъ и забавникомъ. На этомъ сумасбродѣ Мануалита часто вѣдять верхомъ въ снальнѣ своего отца. Розасъ, видя своего придворнаго шута пользующаго къ нему на четверенькахъ, начинаетъ обыкновенно хохотать во все горло. Мануалита, пользуясь веселымъ расположеніемъ отца, подаетъ ему въ это время какую-нибудь просьбу несчастнаго, приговореннаго къ смьлѣ или казни, и отецъ, въ такомъ случаѣ, рѣдко ей отказываетъ.

— Во времена первыхъ трехъ династій, царствовавшихъ въ Китайской-Минеріи, народныя училища находились въ деревняхъ, учебныя классы въ городкахъ, коллегіи въ главныхъ городахъ провинцій, а главная императорская коллегія (Нео) была въ Пекинѣ, гдѣ обучались сыновья придворныхъ мандариновъ и другихъ знатныхъ особъ. Въ провинціальныхъ коллегіяхъ обучали наукѣ Ла-Ке, т. е. всему, что касалось до религіи Китайцевъ, государственнаго церемоніала, и нравственности. Тамъ обучали также арнеметикѣ, музыкѣ, и искусству вѣдять т. е. управлять лошадыи (Driving), потомъ основныиъ добродѣтелямъ: мудрости, благотворительности, правосудію, честности, миру и согласію; даже, шести главныиъ добродѣтелямъ: дѣтской любви къ родителямъ, дружбѣ, скромности, униженію, любви къ своему отечеству и состраданію къ бѣднымъ и несчастнымъ. Ежегодно было открытіе учебныхъ классовъ. По вѣточіемъ года, каждый ученикъ яв-

лялся на экзаменъ и долженъ былъ читать бѣгло и вѣрно китайскія писемона въ-присутствіи мандариновъ; также неслышавшо было строгого поведения и нравственности. Послѣ трехъ лѣтъ, ученикъ долженъ былъ показывать свои усѣхи въ основныиъ добродѣтеляхъ, въ дружбѣ и почтеніи, которое онъ заслуживалъ отъ своихъ соотарищей. Черезъ семь лѣтъ, экзаменовали его въ наукахъ, въ гимнастическомъ искусствѣ и особенно въ нравственности и почтеніи къ своимъ наставникамъ; также наіе усѣхи сдѣлалъ онъ въ наукахъ, и особенно въ добродѣтеляхъ. Нравственность и таланты его строго обшувались, и, наконецъ, экзаменторы выводили общее замеченіе, чѣмъ въ-погодствіи должно ожидать отъ такого ученика. Если отличныиъ ученикъ оказалъ усѣхи во всѣхъ такихъ наукахъ, то его несмыли посылать въ Та-хоо, или главную школу, гдѣ обучали философіи, морали, законовѣдѣнію, государственной экономіи и исторіи. Прочныиъ учениковъ отсылали къ или родителямъ, гдѣ они обязаны были вступать въ знаніе и занятіе своихъ отцовъ. Въ главномъ училищѣ, Та-хоо, ученикъ обязанъ былъ учиться до тридцати-лѣтняго возраста.

— Жители пустынныхъ странъ Востока вмѣряють время не часами, но своею собственною тѣнью. Если, напримеръ, вы спросите у Аравитянина, который часъ, онъ станетъ вертикально и замѣтитъ, какъ длинно ляжетъ на землѣ собственная его тѣнь, и по глазошѣру тотчасъ скажетъ, который часъ. Каждый восточный работникъ желаетъ, чтобъ поскорѣе вытнулася его тѣнь, что означаетъ на нихъ языкѣ шабашъ. Уставшій отъ работы челявкъ обыкновенно говоритъ: «Ахъ, какъ случно! скоро ли прійдетъ мой тѣнь?» Если жена спроситъ возвратившагося домой мужа, зачѣмъ ты пришелъ не ранѣе, то онъ отвѣчаетъ: «я дождался моей тѣни».

— Съ древнихъ временъ въ Ирландіи вошли въ народныя обычаи музыкальныя турниры или состязанія. Пре-

наде каждый городъ и каждая крестьянская деревня имѣли своего народнаго ареста; въ разныхъ провинціяхъ нарочно учреждались музыкальныя празднества, гдѣ аресты осморивали друга у друга славу въ игрѣ на арестахъ. Этого инструмента, съ первыхъ временъ цивилизаціи, почитается въ Ирландіи не только народнаго, но даже священнаго. Арестъ есть вещь неприкосновенная: за него можетъ запереть должная въ тюрьму, но арестъ его нельзя взять въ уплату долга. Въ первый вѣкъ христіанства Ирландцевъ, епископы позволяли въ церквахъ при игрѣ не только играть на арестѣ, но въ поемѣхъ, воины Кромвеля, то-есть Пуритане уничтожили въ церквахъ всѣ священныя аресты, такъ-что съ того времени арестъ мало-по-малу начала исчезать въ народѣ и, наконецъ, осталась въ одномъ только городѣ Ирландіи. Нынѣ же волею вступила въ права Любимаго народнаго инструмента Ирландцевъ, и деревенскіе виртуозы часто составляютъ публично въ игрѣ на волынахъ. Въ деревняхъ, по окончаніи обѣды, народъ обыкновенно собирается толпами передъ церковью, чтобъ послушать игру волынщиковъ, которые, обыкновенно, осмориваютъ одинъ у другаго первенство въ искусной игрѣ.

— На Востокѣ хотя не было олимпійскихъ игръ, зато бывали свои олимпійскія состязанія въ поэзіи. Въ Аравіи, въ городѣ Омехи, были ежегодныя празднества, гдѣ состязались между собою публично арабскіе поэты. Стихотвореніе, заслужившее всеобщую похвалу и первый призъ, называлось *Modhabebat* или *Moallakat*. Оно вышивалось шелками и золотомъ на полотнѣ или атласѣ и вывѣшивалось на воротахъ Каабы, въ Меккѣ.

— Въ Швеціи (пишетъ германскій туристъ Мюгге) надобно весьма-осторожно обращаться съ титулами и названіями туземцевъ, особенно, когда дѣло идетъ о женщинѣ. Напримѣръ, *Flicka* (дѣвка) можно назвать только служанку и работницу, а другія дѣва,

принадлежащія къ служительскому сословію, уже требуютъ, чтобъ ихъ называли *Mamsell*. Дочерей гражданъ, слѣдуетъ называть *Jomfru*, а дѣвицъ дворянокъ *Froken*, какъ у Нѣмцевъ вѣдутъ *Fräulein*.

— Въ Парижѣ, одинъ мальчицъ, рисуя красками, помыслитно бралъ въ ротъ конецъ хорьковой кисти, чтобъ смачивать ее слюною. Отъ этой весьма-дурной привычки многихъ рисовальщиковъ, мальчицъ опасно заболѣло, со всѣми признаками отравленія; врачи, однакожь, успѣли спасти его жизнь. При этомъ случаѣ не худо замѣтить, что большая часть водяныхъ красокъ, продаваемыхъ въ маленькихъ лавчкахъ плоточниками, имѣютъ идеальное свойство и именю: желтая краска дѣлается изъ гуммигута или хромонитрой окиси свинца; красная—изъ красной свинцовой окиси, бѣлая—изъ бѣлой свинцовой окиси, синяя—изъ углеродной окиси нѣди, яркая зеленая—изъ нѣдко-мышиьяво-кислой окиси.

— До 1679 года, въ Берлинѣ вовсе не было освѣщенія улицъ фонарями, и великій курфюрстъ бранденбургскій, издавъ приказъ, чтобъ всѣ хозяева домовъ по-очереди вывѣшивали у своихъ воротъ фонарь со свѣчомъ. Съ того времени началось правильное освѣщеніе улицъ ирусской столицы. Кстати объ освѣщеніи: одинъ парижскій антикварій напечаталъ недавно въ газетахъ, что при царѣ Сеесетрисѣ было уже въ египетскихъ городахъ газовое освѣщеніе, что нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ, и великія новѣйшія изобрѣтенія Европейцевъ давно уже заведены у Китайцевъ, Индусовъ и другихъ древнихъ народовъ.

— Въ парижскую Комическую Оперу имѣютъ безденежный входъ на всю жизнь всѣ композиты и сочинители либретто для оперъ, которые, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, постоянно снабжали этотъ театръ произведеніями своей музы. Такіе сочинители могутъ также передавать свои даровыя мѣста и другія лица, когда сами не посѣщаютъ театра. Кроме того, ва-

ждый композитор или поэт, за сочинение большой оперы въ трехъ дѣйствіяхъ, можетъ требовать себѣ иногда шестнадцать мѣстъ въ театрѣ, а за оперу въ одномъ или въ двухъ актахъ восемь мѣстъ.

— Во многихъ большихъ городахъ Европы, какъ, на-прим., въ Парижѣ или Лондонѣ, находится нѣсколько журналистовъ, которыхъ безъ грѣха можно назвать разбойниками или бандитами. Эти господа особенно нападаютъ на актриссъ, актёровъ, пѣвцовъ и концертнистовъ, наставляя имъ въ грудь свои бумажные пистолеты въ видѣ критикъ, и требуя отъ нихъ жизни или денегъ. Въ Парижѣ давно уже образовалось нѣсколько такихъ разбойничьихъ шайкъ, которыя издають свои газеты и занимаются предпочтительно театральною и музыкальною критикою. Дѣлъ ихъ состоитъ единственно въ томъ, чтобъ по-возможности выжимать изъ артистовъ деньги. Если актёръ, актрисса или музыкантъ подпишется на получение одного экземпляра такой газеты, то подписчикъ можетъ быть увѣренъ, что газета будетъ только хулить его общественное занятіе, но не коснется пороковъ и слабостей его частной жизни. Если артистъ подпишется на два экземпляра, въ такомъ случаѣ газета вовсе не упоминаетъ объ немъ въ своихъ столбцахъ; если на три, то начинаетъ ободрять его талантъ на сценѣ; на четыре — тогда уже каждую недѣлю критика провозглашаетъ, что артистъ N. N. достоинъ вниманія публики, что онъ подаетъ большія надежды. Когда же актрисса, пѣвица или актёръ не пожалѣетъ своего кармана и броситъ алчному журналисту деньги за десять годовыхъ экземпляровъ, тогда газета хвалитъ ихъ напропалую безъ всякой мѣры. Кто же возьметъ для себя вдругъ двадцать экземпляровъ, тогда критика обязывается каждую недѣлю трубить хвалу артисту, и читать ему панегирики на разные манеры, и мѣстъ обязывается топить въ грязь его соперниковъ. — Недавно пришла дѣвица въ контору бан-

дитскаго журнала и принесла свою обычную подать журналисту. «Итакъ, вы желаете подписаться только на три экземпляра?» спросилъ редакторъ поспѣтительно. — Да развѣ этого мало, если я каждое утро буду читать три раза вашу газету? — Нѣтъ, сударыня, вы шутите; надобно серьёзно поговорить объ этомъ дѣлѣ... Хотите ли вы, чтобъ я былъ въ моихъ критикахъ злѣе бульдога? — Да помилуйте, сжалитесь надо мною, вѣдь я получаю только тысячу-двѣсти франковъ жалованья. — Знаю, знаю, что жалованья у васъ много, да мнѣ извѣстно еще и то, что вы мѣете еще секретный доходъ по три тысячи франковъ въ мѣсяцъ. — Достого вамъ нѣтъ дѣла; это статья особая, возразила пѣвица. — Ну, такъ нехайте на себя! — приколдовалъ журналистъ. На слѣдующее утро появилась въ его журналѣ статья о пѣвицѣ N. N. Въ статьѣ было сказано, что она дурна собою, какъ ночь, худо одѣвается, не убѣдетъ ни ходить, ни сидѣть на сценѣ; жесты ея самыя простонародныя. Брань въ такомъ родѣ съ разными варіаціями печаталась въ листахъ каждый день, покуда пѣвица снова не явилась къ своему журнальному тирану съ повинною головою и согласилась подписаться на 20 экземпляровъ. Тутъ журнальный флюгеръ повернулся въ другую сторону: про пѣвицу N. N. начали писать, что она прелестна, обворожительна, поетъ, какъ ангелъ, и проч. и проч. Въ Лондонѣ, подобные журналы поступаютъ съ артистами еще безсвѣдствѣе.

— Въ Мантуѣ, при церкви св. Андрея, виситъ чудный колоколь, въ который если позвонитъ безплодная женщина, то немедленно сбѣлается беременною. Это, вѣроятно, ловкая снегуляція какого-нибудь тамошняго помара.

— Въ Нью-Йоркѣ, въ одну недѣлю вышло шесть изданій брошюры, въ которой описаны всѣ кунцы того города, имѣющіе болѣе 100,000 доллоровъ капитала. Въ брошюрѣ подробно рассказано, какими образомъ нажиты

означенные капиталы, какія хитрости и продажи употребляли гг. нью-йоркскіе купцы, чтобъ накопить себѣ всѣ вѣстѣ до 180 милліоновъ доллоровъ. Говорятъ, что барышники, ростовщики и подобная имъ братья весьма-недовольна появленіемъ въ свѣтъ этой книжки, гдѣ раскрыты предъ публикою всѣ ихъ плутни и обманы.

— Въ одномъ изъ лондонскихъ судовъ разсматривается нынче очень-вазусное дѣло о томъ, можетъ ли имѣть законную силу духовное завѣщаніе, написанное не прозою, а стихами. Прямые наследники, которымъ поэтъ-завѣщатель не отказалъ ни гроша, хотѣтъ уничтожить этотъ документъ, основываясь на томъ, что покойникъ былъ сумасшедшій, ибо кто же въ полномъ умѣ будетъ писать свою духовную стихами?

— Когда построятся желѣзная дорога отъ Кёльна до Триеста, то изъ Лондона въ Восточную-Индію можно будетъ прѣхать черезъ двѣ недѣли, а нынче обыкновеннымъ путемъ требуется на эту воѣзду по-крайней-мѣрѣ полгода!

— Въ архивѣ Перваго-Французскаго Театра, въ Парижѣ, тщательно собирается контромарка знаменитаго трагика Гальмы, на которой написано слѣдующее: «Мой пріятель Бонапарте имѣетъ право свободного входа въ мою театральную ложу». Во время дню, Наполеонъ тоже пользовался даровыми театральными билетами.

— Въ королевской гобеленовой фабрикѣ оконченъ недавно драгоценный коверъ, котораго работа началась съ 1783 года и продолжалась до-сихъ-поръ. Эта великолѣпная вещь, назначенная для Залы-Посланниковъ въ Версали, украшена превосходными гирляндами и арабесками покраймѣ. Въ четырехъ углахъ ковра помѣщены богатые букеты розъ, вышитыхъ по рисункамъ принцессы Елисаветы, сестры Людовика XVI.

— Въ одной парижской типографіи недавно отпечатано нѣсколько экземпляровъ газеты съ прекуррѣзною ошибкою: вмѣсто «Moniteur des arts» поставлено въ заглавіи «Moniteur des rats». Выпущенные экземпляры публика расхватала съ жадностію.

М О Д Ы.

Странно! До-сихъ-поръ нѣтъ еще никакихъ новыхъ верхнихъ костюмовъ: всѣ эти пальто, бурнусы, казавейки ужасно надобли, а все-таки носятъ, потому-что замѣнить ихъ нечѣмъ; даже мантильи мало измѣнились противъ прошлаго года, только сдѣлались немного-короче свади, а фалбары и біѣ пришиваются также. Удивительное постоянство!.. Впрочемъ, вотъ новость. Одной модисткѣ пришло въ голову обшивать мантильи самымъ узенькимъ аграмантомъ шириною въ четверть мизинца. Этотъ аграмантъшивается арабесками кругомъ всей мантильи и сверхъ каждой фалбары, но такъ хорошо сдѣланъ и нашитъ аграмантъ, что, не разсмотрѣвъ пристально, подумаете, что эти мантильи

вышиты некрученымъ шелкомъ въ тамбуръ. Не смотря на то, что онѣ еще очень-дороги, во-первыхъ, потому-что это новость, а во-вторыхъ, потому-что тутъ много работы, —мы со-вѣтуемъ записаться такими прекрасными обновками къ празднику, тѣмъ болѣе, что ихъ еще очень-немного. Мы видѣли такихъ мантилій только двѣ въ англійскомъ магазинѣ: одна синяя, другая зеленая бархатная.

Шелковыя матеріи для платьевъ преимущественно выбираютъ съ атласными широкими полосами, которыя вытканы, какъ ленты, гладкія и съ мушками. Гораздо-красивѣе, когда полосы бываютъ разноцвѣтными, напримеръ: на горюховомъ фонѣ голу-быя, на зеленомъ янговыя и т. д.

Говорятъ, къ лѣту намъ привезутъ новыя шелковыя матеріи, которыя будутъ большею частію бѣлыя, но также съ разноцвѣтными полосками, на-прим.: съ лиловыми, розовыми, голубыми и т. д.

Фасонъ платьевъ все тотъ же. Легкія платья, барежевыя, тарлатановыя, кисейныя, дѣлаются въ двѣ юбки, а лифъ или сборчатый, или съ бертой, или съ драпри.

Шелковыя же платья или съ прорѣзями, или напередѣ убраны въ видѣ передника. Лифъ высокій, гладкій, рукава прорѣзанные до локтя и совершенно-гладкіе съ другими кисейными рукавами.

Надняхъ мы видѣли удивительно-красивое платье, только-что привезенное изъ Парижа. Это платье было сшито изъ итальянской тафты зелено-го цвѣта; съ боковъ у юбки были прорѣзи, въ которыя вшита лиловая тафта и перехвачена лиловыми лентами. Лифъ высокій, до самого горла. Рукава гладкіе, съ жокеями и отворотами внизу у кисти.

Шляпки получены уже нѣкоторыми модистками. Фасонъ ихъ очень-милъ и простъ.

Всѣ онѣ — капотъ и очень-маленькія; уборка самая простая, на-прим.: на лиловой сборчатой шляпкѣ небольшая вѣтка бѣлыхъ жасминовъ, сзади одинъ бантикъ изъ лиловыхъ лентъ. Подъ полями такіе же цвѣты. На голубой шляпкѣ небольшой розанъ съ густою зеленью. На другихъ шляпкахъ сзади совсѣмъ вѣтъ бантовъ, а только

одна кофточка, и то небольшая и неширокая.

Очень-красныя шляпки розовыя, вышитыя бѣлыми шелкомъ кругомъ полей, тульи и кофточки; на вышитыя шляпки прикалывается самый маленькій букетъ изъ зелени или цвѣтовъ, какъ, чтобъ вышивка вся была видна. Креповыя шляпки убраны почти всѣ перьями. Очень-красива и нарядна шляпка изъ бѣлаго крепа, съ бѣлыми перомъ, подъ полями розаны; также хороша шляпка изъ голубаго крепа съ бѣлыми розанами и темною зеленью.

Чепчики дѣлаются самые маленькіе, только чтобъ покрыть косу. Фасонъ ихъ очень-простъ. Косу покрываетъ кружевной кругъ, обшитый весь въ два ряда широкимъ кружевомъ; сверхъ кружевъ положена лента и съ боковъ приколоты маленькіе цвѣты или банты. Спереди, этотъ чепчикъ почти не видѣнъ; но сбоку и сзади, онъ удивительно-красивъ.

Кружевные шарфы и вуали по-прежнему въ большой модѣ; также и восточные бархатные шарфы.

Нынче выдумали для дѣтей-мальчиновъ чрезвычайно-удобное и вѣстѣ красивое верхнее платье, называемое «камзолъ». Это широкая курточка съ самыми короткими фалдами, которая въ-самомъ-дѣлѣ похожа на камзолы нашихъ дѣдушекъ. Дѣти, вѣроятно, будутъ очень благодарны тому, кто выдумалъ эти камзолы, потому-что они въ нихъ могутъ свободно бросать мячики и воланы, а дѣтомъ имъ не будетъ такъ жарко, какъ въ прежнихъ узенькихъ курточкахъ.

ОПЕЧАТКИ,

ЗАМѢЧЕННЫЯ ВЪ 3-Й КНИЖКѢ «ОТЕЧ. ЗАПИСОКЪ», 1845 Г., ВЪ ОТДѢЛЕНІИ «НАУКЪ».

Стран.	Строка	Напечатано	Читай
38	21	Бой при Ларгѣ	Бой при Кагулѣ
39	14	при Галсѣ	при Дамѣ.
40	Примѣч. 4	Австрія всегда въ соединеніи съ русскими войсками выбирала	Австрія всегда въ соединеніи съ русскими войсками выбирали
57	13	раненаго Турка	раненаго Турка
69	22	1783	1789
77	8	изъ вздорныхъ	бездарныхъ
77	Примѣч. 9	Въ 1711	Въ 1717

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТРИДЦАТЬ-ДЕВЯТАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

а) Стихотворенія:

	Стр.
Эльпеноръ и Антіона. Спеса, соч. Гёте. Перев. А. Н. Струговщикова	1
Факиръ. А. Пальма	159
Няня. Я. Пологскаго	234
Современная Ода. Н. Не—ва	327
Хавронья. (Басня). ***	328

б) Проза:

Вотчимъ. Романъ Шарля Бернара, въ трехъ частяхъ. Часть третья и послѣдняя.	11
Необыкновенный Поездикъ. Романтическая повѣсть. Говорилыша	109
Генриэтта. Повѣсть Альфреда Жеру	163
Дача на Петергофской-Дорогѣ. Повѣсть М. Жуковой	225

II. НАУКИ.

Англійская Индія въ 1843-мъ году. *Статьи вторая и третья (по-слѣдняя).* (Общество офицеровъ королевскихъ войскъ; учрежденіе «массы»; система повыше-ній; жалованье.—Компанейское войско; сипай; комфортъ воен-ной службы; употребленіе сло-новъ въ военномъ дѣлѣ. — Об-зоръ вѣществій на Индію въ разные эпохи и дѣйствій заво-евателей. — Общій взглядъ на Британскую-Имперію въ Индіи. — Настоящая конститудія Ан-глійской-Индіи.—Мѣстное управ-леніе.—Доходы: территориаль-ный налогъ, дань, монополія, таможи, расходы.—Политика Англичанъ въ Индіи. — Ягоръ. — Непалъ. — Деканъ. — Га-льпуръ.—Удъ.—Мизоръ.—Ве-ликій Моголь.—Набабы Бенга-

Стр.

ла, Карнатика и др. — Пешва и другіе узники; амтры Снда. — Общая статистика Индіи.—Про-странство и населеніе. — Воен-ная система. — Общественная организація Англійской-Индіи. —Духовенство и торговое сосло-віе.—Европейцы, туземцы, му-сульмане, Индусы. — Состояніе Индіи въ-отношеніи къ матери-альному благоденствію. — Сра-веніе прошедшаго съ насто-ящимъ. — Надежды въ буду-щемъ.—Заслуги Англичанъ въ-отношеніи нравственного и ум-ственного совершенствованія Индіи. — Настоящее религиозное состояніе этой страны.—Шатрія основы англійскаго владѣчества въ Индіи; возможность ея заво-еванія 1 и 119

Воспоминанія о генерал-фельд-маршалѣ графѣ Петрѣ Алексан-дровичѣ Румянцевѣ - Задунай-скомъ. Н. Кутузова 35

Цисьма объ изученіи Природы. *Письмо первое и второе.* И—ра 81

III. СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССІИ.

Обозрѣніе современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій по государствен-ному управленію *за январь и фе-враль 1845 года* 1 и 13

Событія въ отечествѣ за тѣ же мѣсяцы того же года 10 и 20

IV. ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

Почва. Происхожденіе почвы; улучшеніе физическое и хими-ческое; удобреніе и уважива-

ніе; уважованіе сѣмьшъ. <i>Статьа вторая</i>	Стр. 1
Иъсоводство Ф. Майера. Ф. Х. МАЙЕРА	15

V. КРИТИКА.

Сочиненія Александра Пушкина. Одинадцать частей. <i>Статьа десятая</i> - Евгеній Овѣгнъ	1
Учебная Книга Русской Словесности, или избранныя мѣста изъ русскихъ писателей въ прозѣ и стихахъ, съ присовокупленіемъ правилъ риторики и піитики и обзорніе исторіи русской литературы, изданная Николаемъ Гречемъ. Изданіе третіе, исправленное и пополненное. Четыре части. (<i>Статьа первая</i>)	21

VI. БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

1) <i>Русскія кнѣи, вышедшія въ февралѣ и мартѣ 1845 года.</i>	
Дѣла Судьбы, быль. А. Майкова	1
Страствователь по суши и морямъ, ш. 3	5
Опытъ науки Философіи, О. Надежина	—
Краткое Руководство къ Логикѣ, О. Новицкаго	—
Краткій Отчетъ по заведеніямъ, состоящимъ подъ покровительствомъ Государыни Императрицы	—
Домъ привѣрнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ, разсказъ Е. А.	6
Записки изъ математической географіи, П. Воробьева	—
Лекціи Популярной Астрономіи, С. Зеленаго	—
Народная Медицина, А. Чаруковскаго, ч. V	7
Enchiridion Medicum, Гуэлауда; изд. 3	8
Краткое Начертаніе Топографической Анатоміи, Зегера	—
Опытный Коноваль, П. С.	9
Труды Императорскаго Вольнаго Экономическаго общества за 1844 годъ; треть послѣдняя	12

Бесѣды о Сельскомъ Хозяйствѣ, Я. Динюснаго	Стр. 13
Собраніе Хозяйственныхъ Разсчетовъ	—
Адресная Книга биржеваго купечества	—
Всеобщая Географія для женскихъ учебныхъ заведеній, Г. Г.	—
Краткое Начертаніе Всеобщей Исторіи, С. Смагдадова	14
Свѣтлое Христова Воскресенье	—
Повѣсти и Разказы для Дѣтей, А. А.	—
Естественная Исторія для дѣтей	—
Новороссійскій Календарь на 1845 годъ	—
Полька въ Парижѣ и въ Петербургѣ, С. Громилава	15
Біографія А. М. Каратыгиной, В. В.	—
Ямщики, П. Григорьева 2-го	16
Дружеская лотерея. Его же	—
Тарантасъ, графа В. Соллогуба	19
Проконіи Ляпуновъ, г-жи Шшикиной	20
Сочиненія К. Масальскаго	23
Юмбургъ и Винета, Т. Грановскаго	29
Всеобщая Библіотека Россіи; прибав. второе	35
Слова и Рѣчи Филарета, митрополита московскаго	—
Указатель законовъ для сельскихъ хозяевъ	36
Московская Оружейная Палата	37
Олубочныхъ картинкахъ русскаго народа И. Снегирева	38
Извѣстіе о первонач. Моск. в Пегерб. Вѣдомостяхъ	40
Московскій Кремль изъ натурѣ; изданіе Д. Трегубова	—
Атласъ оперативной хирургіи, состав. Левиъ	41
Краткія Коммерческія свѣдѣнія, П. Кондратьева	42
Рѣшенія геометрич. вопросовъ, Н. Соколова; тетр. 2	—
Общая и Частная Технологія, соч. Поппе	—
Наблюденія и Заиѣчанія о болѣзняхъ дѣтскаго возраста, А. Кронсберга	—

	Стр.		Стр.
Библиотека для Воспитанія; отд. II, ч. 1	43	Deutsches Lesebuch	60
Собрание рецептов для пользова- нія лошадей, О. Пашкевича	46	Cent Dialogues, par Jules Ponge	—
Правила Сгнхосложенія; изд. 2-е	—	Introduction à la grammaire.	—
Руководство къ познанію средней исторіи, С. Смаградова	—	Leçons pratiques de langue fran- çaise.	—
Краткая выписка грамматич. пра- вилъ нѣмецкаго языка, состав. Ф. Миллеромъ	47	Méthode établie sur 75,000 appli- cations, par H. Gay.	61
Самоучитель нѣмецкаго языка	—	Chrestomathie française, par Th. Courtener	63
Самоучитель нѣмецкаго языка по методу Язвинскаго	—	3) <i>Библиографическія и Журналь- ныя Извѣстія.</i>	17 и 63
Французскій Учитель, бр. Курте- веръ	48	VII. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕ- РАТУРА.	
Похожденія Полишнела	—	<i>Англійская Литература:</i> «Конинг- сби, или Новое Поколѣніе», ро- манъ д'Израэли. — Святочные Разсказы Диккинса: 1) «Святоч- ная Пѣсня въ провъ», 2) «Коло- кольный Звонъ». — Жизнь, успѣ- хи и возмущеніе Джемса, гер- цога мемурскаго, плѣвъ его и казнь, соч. Джорджа Робертса.	1
Археетика, П. Куминскаго; 18-е изданіе	—	2) <i>Германская Литература:</i> «Но- вые альманахи: «Альманахъ для отечественной исторіи - Гормай- ра. — (Биографіи Франца Курца, Карла Русса и Каролины Ших- леръ). — Письма Лютера. — Стран- ныя процессіи католическаго духовенства — Переписка Карла IX и Христіана IV. — «Лили», альманахъ Ваксмана (Повѣсть «Wieben-Peter», изображеніе характера Гелголандцевъ). — «Вспомни обо мнѣ!» — Рейнскій Альманахъ». изд. Дрекслеромъ Манфредомъ. — Уравнѣя. — Viel- libchen», изд. Бернатовъ Гусен- комъ	17
Народный Русскій Пѣсенникъ, В. Т.; 3-е изд.	—	1) <i>Французская Литература:</i> Исто- рія Іоанна Собесскаго, г. Саль- вавди. — Исторія англійской ре- волюціи, г. Филарета Шалъ. — Исторія европейскихъ кабинета- товъ во время консульства и им- періи, г. Армана Лесевра. — Ре- форматоры до реформациа, г. Боньшова. — Исторія Оттоман- ской - Имперіи, г. Жюшро-де- Сен-Дени. — Исторія Консуль- ства и Имперіи, г. Тьера. —	
Очерки картинъ изъ русской ис- торіи, Е. Трегубова	—		
Старина, А. Иверсева	49		
Библиотека Романовъ, вып. 4-й (Похожденія Геркулеса Арди)	—		
Удалой Гасконецъ, соч. Е. Сю Привидѣніе на Кладбищѣ, соч. Н. Г....ля	50		
Борись Годуновъ, истор. повѣсть	51		
Гришка Отрепьевъ, А. Поспѣлова	52		
Другъ Дѣтей	—		
Стихи Платона Зубова	53		
Ода въ похвалу прекраснаго поля, И.... К....	—		
Провинціальныи Поэтъ, П. Пор- фирева	54		
Сто новыхъ дѣтскихъ повѣстей, Б. Θεолорова	—		
Сказка о двухъ крестьянахъ	56		
2) <i>Книги, изданныя въ Россіи на иностранныхъ языкахъ:</i>			
Kazan et ses habitans, par E. Tur- nerelli	17		
Un critique cazanienne	—		
L'Incendie de Kasan, par E. Turne- relli	—		
Choix des fables de la Fontaine	—		
Nordische Blüthen, von W. Торо- гоff	57		
Cours méthodique de composition, par Ch. de Saint-Julien	58		

Курсъ политической экономіи, г. Мишеля Шевалье. — Письма о Хини, г. Либиха. — Курсъ микроскопій, г. Доннѣ. — Паскаль и Жакелина Паскаль, г. Кузѣна. — Басин Бабрія. — Поэты-простолудины: Магу, Шарль Понси	31
---	----

VIII. СМѢСЬ.

БЮГРАФИИ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННОИКОВЪ:

Берцеліусъ	1
Ф. И. Кругъ	10
Мартиньесъ-де-ла-Роза	87

Кухарна. Разсказъ Икона Говлана	17
Замарія. Разсказъ Поля Мюсска	100

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ:

Возраженіе на «Антикритику», напечатанную въ 47, 48 и 49 номерахъ «Литературной Газеты» 1844 года, подъ заглавіемъ: «Замѣчанія на Критику Ориктогнози г. Эйхвальда, помѣщенную въ № 11. Отечественныхъ Записокъ» 1844 года	36
«Москвитининъ» и Вселенная. Ярополка Водянскаго	48
Объясненіе по поводу статей о книгѣ г-на Эйхвальда. Ю. Симашко.	114

НОВОСТИ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

Французскій Театръ въ Парижѣ:

Méluşine, трагедія. — Lady Seymour, драма. — Une bonne Réputation, ком. — Un Comique à la ville, ком. — Albert Hermann, драма. — Les Talismans, драма. — Notre-Dame-des-Abimes, драма — Les Deux Cesar, вод. — Le Gendre d'un Millionaire, ком. — Le Docteur Amoureux, ком — La Haine d'une jeune fille. — Une Soirée à Vaugirard, вод. — La Tour d'Ugolin, вод. — La Nuit	
--	--

terrible, вод. — Les Ruines de Vauldemont, др. — Sans-cravate, др. — Le Tuteur de vingt ans, вод. — Le Porteur d'eau, вод. — Parlez au portier, вод. — Wallstein, трагедія. — Chevalier de Pomponne, ком. — Le Garde forestier, вод. — Les Deux Pierrots, вод. — Le Vieux de la Vielle, вод.	36
--	----

Стр.
118

Ученныя Извѣстія.

Нѣчто о дыханіи и животной теплотѣ. С. Солошенко	60
Яды, язвы, саразы. Исслѣдованія Либиха	1 и 129
Разложеніе въ желудкѣ пищи изъ крахмалистыхъ и сахаристыхъ веществъ. Исслѣдованія Бушарда и Самдра	68
Единорогъ—дѣйствительно существующее животное	69
Приведеніе газовъ въ жидкое и твердое состояніе	71
Измѣреніе самыхъ кратчайшихъ моментовъ, какъ-то: времени воспламенѣнія пороха, продолженіе удара упругихъ тѣлъ, раскручиваніе пружинъ и пр., и пр., помощію электрическихъ токовъ	72
Измѣреніе кратчайшихъ промежутковъ времени	74
Улучшенія въ фабрикаціи пороха. Хлѣбопекарная печь, нагрѣваемая воздухомъ	—
Движеніе Мозга. С. Солошенко.	128
Раздача премій въ Парижской Академіи Наукъ	136
Остатки жизни органической въ вулканическихъ произведеніяхъ	139
Машина, дѣйствующая стущенными газами	14

Разныя Извѣстія.

Новѣйшія открытія и изобрѣтенія.	142
Театральныя новости	143
Мелочи	146
Моды (съ двумя парижскими картинками).	

ПОЖЕРТВОВАНІЯ НА СООРУЖЕНІЕ ПАМЯТНИКА

И. А. БРЫДОВУ,

поступившія до 15-го марта, 1845 года.

Отъ книгопродавца Лисенкова 25 р., отъ г. обер-шенка Двора Его Императорскаго Величества графа Г. А. Строганова 30 р., отъ гг. чиновниковъ И. Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи 200 р., отъ гг. чиновниковъ Артиллерійскаго Департамента Военнаго Министерства 44 р. 53½ к., отъ гг. офицеровъ гвардейской вивальдной бригады 14 р. 25 к., отъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ Н. И. Лобачевского 5 р. и Н. М. Симонова 5 р., отъ статскихъ совѣтниковъ: О. И. Эрмана 5 р., П. С. Сергѣева 1 р., А. Е. Лентовскаго 5 р., В. О. Берви 1 р., Э. А. Кнорра 1 р., Ф. О. Елагича 2 р., А. К. Каземъ-Бека 3 р., П. Я. Корнуха-Тропкаго 2 р., О. М. Ковалевскаго 5 р. и К. К. Фойхта 5 р.; отъ коллежскихъ совѣтниковъ: П. И. Вагнера 2 р., Н. А. Скандовскаго 2 р., П. И. Котельникова 5 р., Д. И. Протопопова 2 р., К. К. Клауса 2 р., Г. П. Войцеховскаго 2 р.; отъ надворнаго совѣтника Н. А. Иванова 1 р.; отъ статскихъ совѣтниковъ: Г. А. Фогеля 2 р. и А. В. Попова 2 р.; отъ коллежскихъ совѣтниковъ: Е. Ф. Аристова 1 р. и Н. Н. Зинина 2 р.; отъ надворныхъ совѣтниковъ: А. Я. Квтера 1 р. и М. И. Мельникова 1 р.; отъ С. И. Назаріанца 1 р., А. Г. Станиславскаго 2 р., П. Я. Петрова 1 р.; отъ надворнаго совѣтника А. О. Дечеверри 1 р.; отъ коллежскихъ ассессоровъ А. А. Деппаши 1 р. и Н. С. Ахматова 5 р., коллежскаго совѣтника Лукашевскаго 1 р., отъ канцедата П. А. Целла 2 р., Х. В. Михѣва 2 р., директора Пензенскаго Дворянскаго Института Н. Палютина 5 р., инспектора А. Мейера 2 р., священника І. Пачелмоускаго 1 р.; отъ старшихъ учителей: В. Трѣшкова 1 р., С. Романовскаго 1 р., П. Орлова 1 р., У. Гребенщинова 1 р., Э. Ангермана 1 р., И. Вишнеускаго 1 р., А. Островидова 1 р.; отъ младшихъ учителей: А. Вотопетова 1 р., А. Ливанова 1 р., А. Дюбюта 1 р., Р. Рейнарха 1 р., А. Зоммера 1 р.; отъ врача Г. Фриза 1 р., Ф. Сидонскаго 25 к., В. Ферри 50 к., А. Марковича 50 к., І. Лагерхиста 50 к., О. Брюста 1 р., И. Штерна 50 к., Ф. Лоренца 50 к., Пузыкинина 25 к., П. Деатройтова 1 р., К. Попова 60 к., содержательницы частнаго пансіона Ж. Кондратьевой 2 р., Елисаветы Фурье 50 к., М. Цѣтковой 50 к., отъ состоящихъ при г. военномъ министрѣ и чиновниковъ Канцеляріи Военнаго Министерства 176 р.; отъ генерала отъ кавалеріи Никитина 1-го 10 р.; свиты Его Величества генераль-майора князя Долгорукова 3-го 20 р.; отъ генераль-майора Давиенберга 2-го 7 р. 14½ к., отъ полковниковъ: Роговскаго 3-го 2 р. и Сидельникова 2-го 3 р., отъ разныхъ лицъ по

Военному Министерству 50 р., отъ гг. штаб- и обер-офицеровъ Санктпетербургскаго Арсенала 5 р., генерал-адъютанта графа Воронцова 100 р., флигелъ-адъютанта князя Паскевича 25 р., князя Б. Голицына 25 р., графа П. Шувалова 25 р., князя С. Кочубя 25 р., князя С. Долгорукова 25 р., князя П. Мещерскаго 10 р., К. Н. Мещерскаго 5 р., подковника Россетъ 5 р., князя А. Мещерскаго 6 р., А. Карашина 5 р., А. Карашина 25 р., камергера Н. Мальцова 25 р., Мальцова 25 р., К. В. Кочубя 3 р., графини С. М. Соллогубъ 10 р., К. К. Чернышнихъ 10 р., С. Волкова 25 р., гр В. А. Соллогуба 10 р., графини С. В. Соллогубъ (трехъ лѣтъ) 3 р., М. Пущина 5 р., графа Ростопчина 25 р., графини Е. Ростопчиной 5 р., дѣтей графа Ростопчина: Ольги, Лиди и Виктора 10 р., графа Шереметева: 100 р., генерал-лейтенанта барона Корча 5 р. 15 к., полковника Рерберга 3-го 5 р., коллежскаго совѣтника князя Шаховскаго 5 р., полковниковъ Эдвѣна 5 р. и Бѣлокопытова 5 р., подковника Павловскаго 5 р., поручика Матвѣева 5 р., полковника Пешова 3 р., коллежскаго совѣтника Давыденко 3 р., капитана Ежикова 2 р., коллежскаго ассессора Пшова 1 р. 50 к., титул. совѣт. Прусскаго 1 р. 50 к., поручика Ушакова 1 р. 50 к., коллеж. секр. Диниенко 1 р. 50 к., коллежскихъ совѣтниковъ: Журавлева 1 р. и Грузина 1 р., надворныхъ совѣтниковъ: Юрьева 1 р., Худикова 1 р., и Васильева 1 р., 7-го класса Зубкова 1 р., майоровъ: Маханева 1 р., Булевскаго 1 р. и Коровкина 1 р., коллежскихъ ассессоровъ: Савицкаго 1 р., Бородина 1 р. и Дудина 1 р., 9-го класса Суворова 1 р., титулярныхъ совѣтниковъ: Невзорова 1 р. и Салимовскаго 1 р., кол. секр. Ходынского 1 р., инженеръ-поручиковъ: Гаусмана 1 р. и Галактионова 1 р., губерн. секр. Татарчукова 1 р., подпоручика Гельма 1 р., инженер-подпоручика Шиларескаго 1 р., кол. рекр. Гаврушевскаго 70 к., прапорщика Галактионова 70 к., 9-го класса Дементьева 50 к., титулярныхъ совѣтниковъ: Никулицина 50 к., Далецкаго 50 к., Львова 50 к., коллежскихъ секретарей: Фитолькина 50 к., Лутковскаго 50 к. и Малыха 50 к., 12-го класса Шестанова 50 к., губерн. секр. Щенетова 50 к., прапорщиковъ: Витта 50 к., Поля 50 к. и Макушина 50 к., инженер-прапорщика Рудыковскаго 50 к., прапорщика Дементьева 50 к., коллежскихъ регистраторовъ: Бѣлавина 50 к. и Правиковскаго 50 к., 4-хъ нештатныхъ по 50 к., серж. отъ каждаго — 2 р., командующаго санктпетербургскимъ артиллерійскимъ гарнизономъ подполковника Захвѣева 3 р., надв. сов. Дмитриева 50 к., штабс-капитановъ Петрава 50 к. и Шлея 50 к., прапорщика Лобановскаго 50 к., капитана Карѣева 1 р., подпоручика Богачева 20 к., прапорщика Мивидова 50 к., г. директора Департамента Корабельныхъ Дѣлъ контр-адмирала барона Ф. Ц. Врангеля 10 р., гг. чиновниковъ Департамента Корабельныхъ Дѣлъ 26 р., генерал-лейтенанта Арнольди 28 р. 57 1/2 к., капитановъ: князя Чельцова 3 р. и Зелѣца 3 р., поручиковъ: Савостьянова 10 р. и князя Оболенскаго 7 р. 15 к. Итого 1,421 р. 54 1/2 к.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

ПОЛУЧАЮЩІЯСЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ КОММИССИОНЕРЪ ВИНЮСТЕНЪ
БРАТСКІЯГО КОФУСА

И. ИСАЕВЪ.

Въ Санктпетербургѣ, въ Гостинный Дворѣ, № 22.

(Цѣны на серебро, безъ пересылки.)

PRECIS HISTORIQUE DES OPERES DE CHEVALERIE, de dévotions militaires et civiles, reconus et conferés actuellement, par les souverains regnants en Europe et dans les états des autres parties du monde, par J. Bresson. Un gros vol. gr. in 8, orné de 186 planches, coloriées et retouchées à la gouache. Paris. 1844. cartonné. 34 HISTOIRE DES LETTRES AUX cinq premiers siècles du christianisme, par Duquesnel. 6 vol. in 8. Paris. 12 HISTOIRE PHYSIQUE ET POLITIQUE DE L'ILE DE CUBA, par Ramon de la Sagra. 2 vol. in 8 Paris. 1844. 4 25 CONFERENCES DE NOTRE-DAME DE PARIS, par H. D. Lacordaire. Tome 1-er, années 1835, 36, 43. 1 vol. in 8. Paris. 1845. 2 PHYSIOLOGIE DES SYSTEMES PENITENTIAIRES, par Gerbaud. 1 vol. in 8. Paris. 1844. COURS DE PROCEDURE CIVILE ET CRIMINELLE, précédé d'une introduction générale à l'étude du droit, par Bézou. Tome 1-er, in 8. Paris. 1845. 2 50	OEUVRES PHILOSOPHIQUES ET MORALES DE NICOLE, comprenant un choix des ses essais et publiées avec des notes et une introduction, par Jourdain. Un vol. in 12. Paris. 1844. 85 LA VIE CONTEMPLATIVE, ascétique et monastique chez les Indous et chez les peuples Bouddhistes, par Boehinger. 1 vol. in 8. Paris. 1 15 MANUEL DES CONSULS, par Milititz. 5 vol. in 8. Paris. 1844. 14 OISEAUX DES EXOTIQUES, par Pauquet. 1 vol. gr. in 8, orné de 80 planches gravées sur acier et coloriées. Paris. 1845. 8 50 ELEMENTS DE TERATOLOGIE VEGETALE, ou histoire abrégée des anomalies de l'organisation dans les végétaux, par Moquin-Tandon 1 vol. in 8. Paris. 1 85 PRINCIPES D'AGRICULTURE ET D'HYGIENE VÉTÉRINAIRE, par Magne. Nouv. édition réfondue. Un vol. in 8. Paris. 1844. 2 85 SYMPTOMATOLOGIE HOMÉOPATHIQUE, ou tableau synoptique de toute la matière médicale pure, à l'aide duquel se trouve

	P. K.		P. K.
immédiatement tout symptôme ou groupe de symptômes cherché, par Lafitte. Livrais. 1 à 7. in 8. Paris. 1844.		existants sur les places maritimes du globe, par Coulier. 1 vol. in 8. Paris. 1845.	70
MANUEL D'HYGIÈNE, ou histoire des moyens propres à conserver la santé et à perfectionner le physique et le moral de l'homme, par Foy. Un vol. in 8. Paris. 1844.	80	HISTOIRE DE L'ART MONUMENTAL dans l'antiquité et au moyen âge, suivi d'un traité de la peinture sur verre, par Batisier. Un vol. gr. in 8. orné des vignettes. Paris. 1845.	4 50
INTRODUCTION À L'ÉTUDE DE LA CHIMIE, par Rousseau. Un vol. in 12. Paris. 1844.	85	MÉMOIRES SUR LES MACHINES À VAPEUR, et leur application à la navigation, par Reech. Un vol. in 4. avec un atlas gr. folio. Paris. 1845.	8 50
CONNAISSANCE DES TEMS, ou des mouvemens célestes, à l'usage des astronomes et des navigateurs pour l'an 1847, Un vol. in 8. Paris. 1844.	1 40	REMARQUES SUR LA LIRIQUE FRANÇAISE, au XIX siècle, sur le style et la composition, par F. Wey. 2 vol. in 8. Paris. 1845.	4 25
DESCRIPTION GÉNÉRALE DES PHARES, fanaux et remarques			

Почтовый магазинъ, 22 марта 1845. Старица-издатель, Рязань.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ У М. БЕРНАРДА,

На Невскомъ-Проспектѣ, противъ Малой-Морской, въ домѣ Паска-
ля № 11.

Пьесы для скрипки.

	Серебромъ	P.	K.
BERIOT, C. de, 4-е Concerto avec acc. d'Orchestre, op. 46	4	58	
— le même Concerto avec acc. de Quatuor, op. 46.	2	29	
— le même Concerto avec acc. de piano, op. 46	2	—	
HAUSER, M. Chanson d'amour et Chanson de Berceau. Deux Chants sans paroles pour le violon avec acc. de piano, op. 11.			85
JANSA, L. der junge Opernfreund, op. 60, № 19. Donizetti. Marie ou la fille du Regiment			85
PRUME, Fr. Concertino p. violon avec. acc. d'Orchestre, op. 4.	5	15	
SIVORI, C. Fantaisie-Etude pour violon avec. acc. d'Orchestre, op. 10	4	—	
— la même avec acc. de piano, op. 10.	2	29	
VIKHTREPS, H. Souvenir d'Amérique Jankee Doodle. Variations bur- lesques pour violon, avec acc. de Quatuor, op. 17	1	72	
<i>Для одного фортепьяно.</i>			
BERNARD, M. Collection d'airs favoris de l'opéra italien à St. Peters- bourg, arrangés pour le piano. № 8. Donizetti. Cavatine de l'opéra Maria di Rohan, chantée par M-lle Alboni.			30
№ 9. Beriot, Air chanté dans l'Elisire d'amore par M-me Viardot-Garcia			60
№ 10. Balfe. Air chanté dans Don Pasquale par M-me Viar- dot-Garcia			75
DOENLER, Th. Nocturne favori, op. 24 (exécuté par l'auteur dans ses concerts à St. Pétersbourg)			60
— l'Hidalgo. Mélodie espagnole, op. 45.			85
— Souvenirs de Naples. Tarentelle, op. 46	1	—	
— Grande Valse brillante, op. 47	1	72	
— Fantaisie sur des motifs de l'opéra: Sapho, op. 48	2	29	
— 3 Masourkas, op. 53	1	72	
— La Carlotta, 1-ère Polka originale, op. 56			50
DREYSSCHOCK, Variations pour la main gauche seule, op. 22	1	15	
— Le Ruisseau. Romance sans paroles, op. 24			50
— La Coupe. Chanson à boire, op. 25			60
— Le Vallon. Idylle, op. 26			60
DU-VERNOY, J. Variations et final sur la Romance favorite «Я воль- ный гость мира» de Warlamoff			85
ELKANF, H. Romance «Не говори любовь пройдетъ» de M. Glinka, transcrite			60
HABERBIER, E. La Cascade. Etude caractéristique, op. 18.			85
HERZ, H. La Polka de Salon, op. 135			75
— La Part du Diable, fantaisie brillante, op. 136	1	72	
— Thème arabe de la Péri varié, op. 137.	1	—	
— Grande fantaisie sur un motif de la Linda di Chamounix, op. 138	1	72	
— 3. Divertissements sur des airs de Ballet de Don Sebastien, op. 139, № 1 à 3, no 1 p. 43 к.	4	29	
KALKBRENNER, F. La Solitude, Nocturne			43
KULLAK, Th. Morceau de Salon sur un air allemand			60
MAYER, Ch. Trois grandes Etudes, op. 61	1	50	
— Capriccio, op. 62			75
— 3-е Impromptu, op. 66			75

	P.	R.
MAYER Valse-Etude, op. 69	.	83
— Seconde Valse-Etude, op. 70	.	60
— Seconde Toccata, op. 75	.	85
— Chanson de Printemps, op. 79	.	60
— Etude nouvelle	.	50
— Pensée fugitive	.	60
— Romance sans paroles	.	50
MUELLER, R. Complainte, op. 21	.	50
— Ch. L'élégant. Grand Galop brillant	.	85
PAKOFKA, M. Pardon. Réverie	.	43
ROSELLEN, H. Les Italiens. Contredanses brillantes et variées, op. 62	1	72
— Fantaisie de Concert de Dom Sebastien, op. 64	1	72
— Fantaisie et Variations sur le Templario, op. 65	1	43
— Fantaisie et variations brillantes sur la Sirène, op. 66	1	43
SCHILLER, F. Reminiscences de la Sonnambula, Morceau de Salon.	1	—
— Romance en forme d'étude	.	30
THALBERG, S. Grande fantaisie sur Zampa de Herold, op. 53	2	—
— Le Depart. Romance variée en forme d'Etude, op. 55	1	13
— Grande Sonate, op. 56	4	—
VOSS, Ch. félicité perdue, fantaisie mélancolique, op. 35	1	—
MEYER, Leopold de, Machmudier, air guerrier des Turques, op. 22.	1	15
— Bajazeth, air national des Turques	1	15
<i>Новые танцы для фортепиано.</i>		
BECKEL, C. A. L'amazone. Galop favori	.	50
BERNARD, M. Contredanses d'après l'opéra l'Elisire d'amore (avec portrait de M-me Viardot).	.	60
— Souvenir de M-me Castellani: Grande Valse d'après la Lucia di Lammermoor (avec Portrait de M-me Castellani)	1	—
— Paulinen-Walzer d'après l'air favori de Balfe	.	60
BURGMUELLER, F. Polka Cotillon (avec vignette)	.	75
HAUSER, M. Sophien-Polka	.	30
KASZYNSKI, V. Loisa-Polka (avec vignette).	.	50
LABITZKY, F. Montrose-Walzer, op. 102.	.	85
— Erinnerung an Gieshübel. Quadrille, op. 103	.	58
— Almacks, Adelaiden et Norfolk-Polka, op. 106	.	85
— Carlsbad-Walzer, op. 107	.	85
LUBOMIRSKY, Prince C., Mazurka favorite	.	40
OSSIPOFF, Souvenir de l'opéra italien. Contredanses nouvelles	.	60
STRAUSS, I. Nur leben, Walzer, op. 159.	.	85
— Waldfräuleins Hochzeitstänze, op. 160	.	85
— Salen-Polka, op. 161	.	30
— Frohsinns-Salven, op. 163.	.	85
— Rosen ohne Dornen. Walzer, op. 166	.	85

Съ перваго числа апрѣля, музыкальный магазинъ *М. Бернарда*, переведенъ на Невскій-Проспектъ, противъ Малой-Морской, въ домъ Паскаля № 11-й, куда и прошу покорнѣйше гг. иногородныхъ адресовать все письма и требованія.

Въ этомъ же магазинѣ вышла перваго апрѣля четвертая тетрадь музыкальнаго журнала: «НУВЕЛИСТЪ», которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы: *Thalberg. Nocturne nouveau.*—*Kalkbrenner, Causeries de jeunes filles. Pensée fugitive.*—*Damcke, Romance sans paroles.*—*Döhler, Mazurka, op. 53.*—*Goepffert, Cavatine de Maria di Rohan, transcrite.*—*Bernard. Paulinen-Walzer d'après l'air favori de Balfe.*—*Варламовъ, новый романсъ, слова Губера.*—*Pugot, «Топ соевр.» Romance.*

«Литературное Прибавленіе» нумеръ четвертый. Годовая подписка 10 р. с.; съ пересылкою 11 р. 50 к. с.

Въ магазинѣ русскихъ книгъ **Андрея Иванова**, комиссіонера Военно-Учебныхъ Заведеній, комиссіонера Типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, корреспондента и комиссіонера Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества и проч., на **Невскомъ-Проспектѣ**, въ домѣ **Петропавловской-Церкви**,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ПРОКОПИЙ ЛЯПУНОВЪ, или междоусловіе въ Россіи. Историческій романъ, посвященный Государынѣ Императрицѣ. Продолженіе Князя Скопина Шуйскаго. Сочиненіе того же автора (О. П. Шишкиной). Четыре части. Спб. 1845. Цѣна на велевой бумагѣ 5 руб. сер., въсов. за 4 фун.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ Константина Масальскаго. Въ пяти частяхъ, на учшеі бумагѣ. Спб. 1845. Цѣна 5 руб. сер., въсов. за 5 фун.

О ПЬЯНСТВѢ въ Россіи и средствахъ истребленія его. Сочиненіе екатеринославскаго помѣщика А. Г. Одесса. 1845. Цѣна 1 руб., съ перес. 1 руб. 50 коп. сер.

Вышла и раздается гг. подписавшимся книжка вторая **НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ**, римѣнной къ русскому быту и разноклиматности Россіи, изданной докторомъ медицины и хирургіи А. Чаруковскимъ. Наружныя болѣзни. Отдѣлъ третій. Спб. 1845. въ 8-ю д. л. Подписная цѣна за 4 части на лучшей бумагѣ 4 руб. сер., въсов. за 4 фун.; вышедшія двѣ части выдаются.

Вышелъ и раздается гг. подписавшимся: томъ второй **ВОСПОМИНАНІЯ СЛѢПАГО**. Путешествіе вокругъ свѣта Жака Араго. Переводъ П. А. Корсакова и друг. Изданіе, крашенное 50 картинами, рисованными и литографированными въ Парижѣ. Два большіе тома компактной печати, въ два столбца, въ 8-ю д. л., на лучшей велевой бумагѣ. Спб. 1844—1845. Цѣна за оба тома 6 руб. сер., въсов. за 5 фунт.

ТРЕТЬЯ ТЕТРАДЬ ВИДОВЪ ПАЛЕСТИНЫ, рисованныхъ съ натуры академиками П. и Н. Черневыми, въ 1842—1843 г. Съ объяснительнымъ текстомъ. Спб. 1845. въ большой полулистъ, на лучшей бумагѣ. Цѣна 2 руб. сер., въсов. за 2 фунт. Въ этой тетради заключаются слѣдующіе рисунки: 1) Назаретъ. 2) Мѣсто Благовѣщенія Пресвятой Богородицы въ Назаретѣ. 3) Гротта подъ храмомъ Благовѣщенія, гдѣ жила св. Дѣва въ Назаретѣ. 4) Камень, служившій трапезою Иисусу Христу съ столбами въ Назаретѣ. 5) Пруды Соломона близъ Внеліема. 6) Зданія на Сионѣ, азываемыя Домъ Давида въ Иерусалимѣ. Тоже тетради первая и вторая. Спб. 1845. Цѣна каждой тетради 2 руб. сер., въсов. за 2 фунт.

СОЧИНЕНІЯ ИННОКЕНТІЯ, Епископа Пензенскаго и Саратовскаго. Въ трехъ томахъ, съ его портретомъ. Красивое изданіе, на велевой бумагѣ. Спб. 1845. Цѣна на всѣ три тома 5 руб. сер., съ пересылкою 6 руб. 50 коп. сер. Вышедшіе два тома выдаются, а третій печатается.

Сочиненія профессора **Смарагдава**:

РУКОВОДСТВО къ познанію **ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ** для среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе третье. Спб. 1844. Цѣна 1 руб. 50 коп. сер., съ пересылкою 2 руб. 50 коп. сер.

РУКОВОДСТВО къ познанію **СРЕДНЕЙ ИСТОРИИ** для среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе третье. Спб. 1845. Цѣна 1 руб. 50 коп. сер., съ пересылкою 2 руб. 50 коп. сер.

РУКОВОДСТВО къ познанію **НОВОЙ ИСТОРИИ** для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1844. Цѣна 2 руб. сер., съ пересылкою 2 руб. 50 коп. сер.

КРАТКОЕ НАЧЕРТАНІЕ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ для первоначальныхъ училищъ. Спб. 1845. Цѣна 75 коп. сер., въсов. за 2 фун.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ Н. Г. Устрялова. Изданіе третье, въ двухъ томахъ, заключающихъ въ себѣ всѣ пять томовъ втораго изданія. Съ дополненіемъ 36 плановъ замѣчательныхъ сраженій, отъ битвы подъ Нарвою до покоренія Парижа, и съ указаніемъ источниковъ. Спб. 1845. Въ 8-ю д. л. Цѣна на лучшей бумагѣ 5 руб. сер., въсов. за 5 фунт.

НОВАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ДОРОЖНАЯ КАРТА Россійской Имперіи, Европейской Азіатской, съ показаніемъ учебныхъ округовъ, городовъ, примѣчательныхъ мѣстъ, дѣльныхъ сообщеній, почтовыхъ дорогъ, съ разстояніемъ верстъ и проч. Спб. 1843. на шести раскрашенныхъ листахъ. Цѣна 4 руб. 30 коп. сер., наклеена на календрѣ, въ футлярѣ, 7 руб. 15 коп. сер., въсов. за 5 фунт.

НАСТАВЛЕНІЕ о случкѣ, воспитаніи и содержаніи лошадей. Рассмотрѣнное въ комитетѣ Государственнаго Канцелярства. Спб. 1844. Цѣна 25 коп. сер., съ пересылкою 50 коп. сер.

Господа иногородные благоволятъ адресоваться какъ за этими, такъ и за всякими другими книгами, ландкартами, глобусами и пр. по вышеозначенному адресу, въ С. Петербургъ, на имя **Андрея Иванова**. Требованія исполняются съ первоюходящею почтою.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ВЪ 1845-МЪ ГОДУ

выходятъ въ ПЕРВОЕ число каждаго мѣсяца,

книжками, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ отъ 20 до 25 листовъ большого формата, равняющихся 40 — 50 листамъ обыкновенной печати, съ двѣнадцатью парижскими картинками модъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

Въ С. П. бургѣ, безъ доставки:

15 рублей серебромъ.

Съ пересылкою, или доставкою
16 рублей 50 копеекъ серебромъ.

ПОДПИСКА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, находящейся на Невскомъ Проспектѣ, противъ Казанскаго Собора, въ домѣ Петровпавловской Лютеранской Церкви.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторахъ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, на Странномъ-Бульварѣ, въ домѣ Университетской Типографіи, и на Никольской, подлѣ Казанскаго Собора, подъ № № 4 и 5, при книжныхъ магазинахъ И. В. Базунова и О. А. Свѣшниковъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

Въ Конторѣ Ред. О. З., при книжномъ магазинѣ М. И. Григорьева, на Де-Рибасовой Улицѣ, въ домѣ Крамаревой.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ, или Въ Газетную Экспедицію Санктпетербургскаго Почтамта.

Печатать позволено. СПб. 31 марта 1845 г. Цензоры: А. Мещеряковъ и Н. Неизвески

Въ типографіи Ильи Глазунова и Коми.

Къ этой книжкѣ приложены объявленія: 1) О новыхъ французскихъ книгахъ, поступившихъ въ продажу у г. Исакова; 2) О музыкальныхъ новостяхъ, продающихся у г. Бернара.

JAN 23 1923

